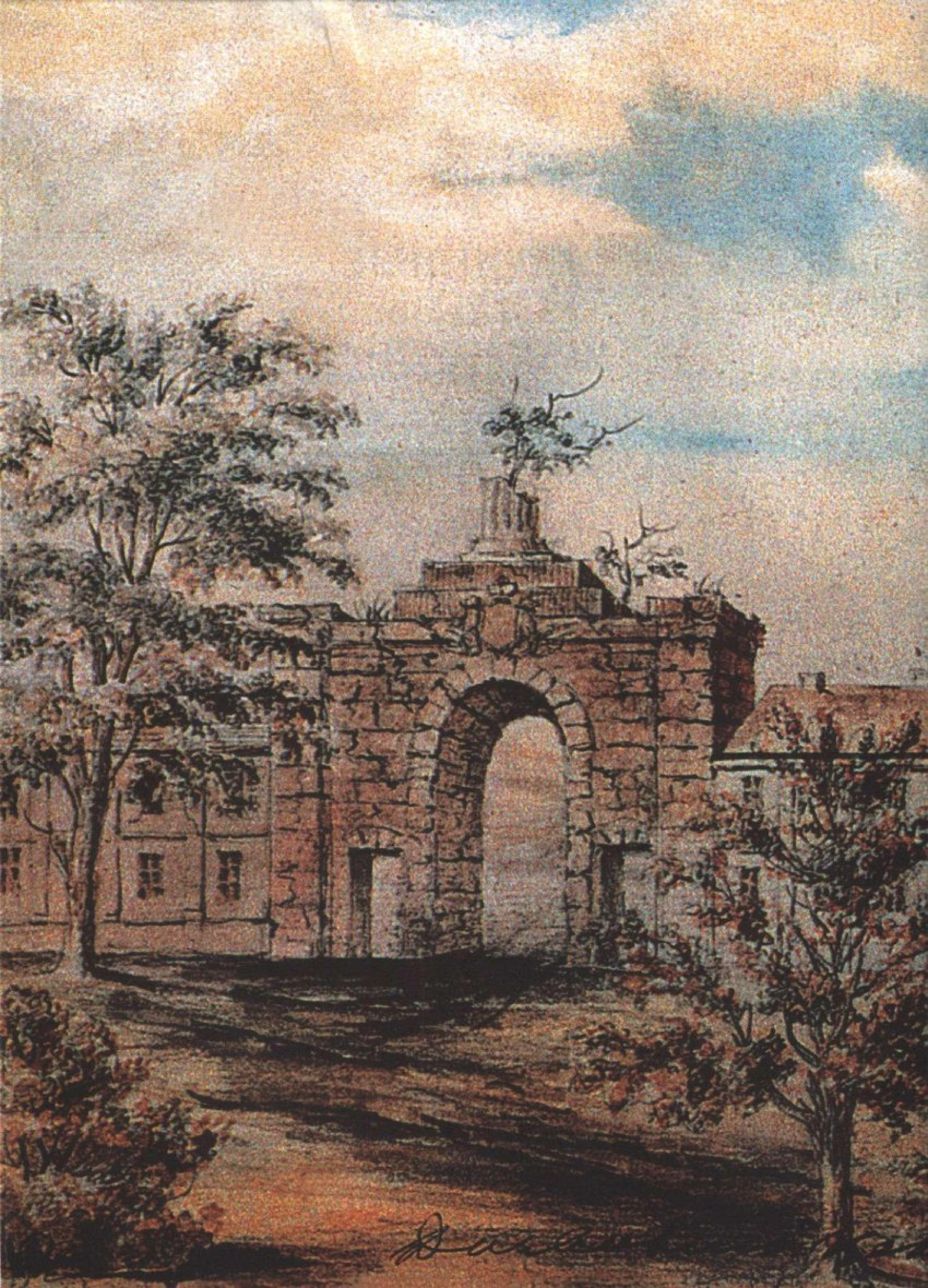
А. Т. Федорук

Старинные усадьбы Берестейщины



Книга издана благодаря финансовой поддержке
Белорусского республиканского фонда
фундаментальных исследований,
Министерства природных ресурсов
и охраны окружающей среды Республики Беларусь,
Брестского областного Комитета природных ресурсов
и охраны окружающей среды,
Белорусского государственного
технического университета

УДК [72 8.83 + 712] (476.7) (091)
ББК 85.11 (4 Беи)
Ф 33

Редактор *Т.Г.Мартыненко*

Рецензенты:
А.Л.Киштымов, кандидат исторических наук,
С.А.Сергачев, кандидат архитектуры

Художники: *В.М.Жук*, *Д.В.Мурашко* (схемы усадеб)

Издается по заказу и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь

ISBN 985-11-0383-7

А.Т. Федорук

Старинные усадьбы Берестейщины

2-е издание

Минск
«БЕЛАРУСКАЯ ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ»
2006

Предисловие

Усадьбы в прошлом являлись наиболее выразительными культурными и экономическими образованиями Беларуси. Сложные комплексы соподчиненных архитектурных и природных элементов включали дворцы и усадебные дома, хозяйственные и производственные строения, каплицы, сады, парки, водные системы, а также малые архитектурные формы, объединенные единой логикой планировочного построения и созданные в соответствии со стилевыми принципами определенной эпохи. Формирование усадеб протекало в русле развития общеевропейской культуры с учетом местных традиций, исторических и социально-экономических условий, а также уклада жизни, эстетических вкусов владельцев. Ни одна из европейских стилевых волн не обошла Беларусь. Усадьбы эволюционировали от древних укрепленных до добротно отстроенных ренессансных дворов и далее к художественным ансамблям времени барокко, классицизма и романтизма. Большим разнообразием архитектурных форм выделяется эпоха эклектики, ставшая последней в развитии усадебного зодчества.

Усадьбы — это не только блеск светской культуры, среда сочетания культурных, духовных и интеллектуальных ценностей. Они являлись развитыми хозяйственными комплексами, нередко образцовыми хозяйствами, как, например, имение Марии Потоцкой в Высоком: сложные севообороты, селекция зерновых культур и элитное семеноводство; племенное животноводство; сортовое садоводство и овощеводство, включая выращивание ананасов на экспорт. Усадьбы были исключительным культурно-историческим явлением края. Родовые гнезда создавались многочисленными поколениями. Многие имения, наследуясь по «мечу», принадлежали одному роду в течение нескольких столетий. Вислоухи бессменно владели Зеновилом более 400 лет, Орды — Бижеревичами

414, Олеши — Бережным — 401 год, Друцкие-Любецкие — Луниным более 380 лет. Историческая цепь предков обязывала беречь родовое наследие. Глубокое уважение к ним выражалось в наличии почитаемой галереи фамильных портретов, являющейся обязательной среди фамильных ценностей. В чреде поколений рождалась преемственность, особая сила и главный инструмент, обеспечивающий родовую индивидуальность, независимость и зажиточность. В традициях рода складывался особый материальный и духовный усадебный мир.

Большую роль, особенно в планировочном решении усадеб, играли формы рельефа, естественная растительность, гидрологические и эдафо-климатические условия. В результате длительного исторического синтеза складывалась не просто усадьба, а формировался своеобразный ландшафт. Согласно принятой международной классификации, усадьбы относятся к первой категории культурных ландшафтов [521]. Культурному ландшафту в Европе, возникшему в результате сплетения исторических событий, постоянной работы по обработке земли и по организации пространства, в соответствии с Конвенцией о всемирном наследии, уделяется особое внимание. Ландшафты все более идентифицируются с культурным наследием, которому угрожает урбанизация, оцениваются как наши жизненные условия сегодня и в будущем, как капитал, культурное, экологическое и экономическое наследие [332, 357]. С 1993 г. культурные ландшафты вносятся в Список всемирного наследия, что позволяет надежнее защитить «совместное творение человека и природы». Каждая страна учитывает и защищает то наследие человечества, которое находится под угрозой и следит за культурными ландшафтами, чтобы они были достойно признаны на национальном и международном уровнях [521].

Усадьбы региона изучаются автором с 1967 г. В последние годы (1999—2002) проведена полная инвентаризация 373 бывших усадеб разных по степени сохранности, выполнена комплексная оценка сохранившихся объектов по общепринятым методикам. Исследование включало изучение истории формирования усадеб, стилевых и планировочно-композиционных особенностей архитектурных сооружений, включая дворцы и усадебные дома, служебные и хозяйственные постройки, малые архитектурные формы, каплицы и захоронения. Выяснялись принципы построения и функционирования водных систем, устанавливался таксономический состав и качество насаждений. Одновременно собирались сведения о создателях усадеб, их жизни и деятельности. Для усадеб с выраженной планировочной структурой выполнялась буссольная съемка, вычерчивались схемы-планы в масштабе 1:1000, 1:2000. Проводилась научная фотофиксация сохранившихся объектов.

В процессе работы мы убеждались, что каждая усадьба — это особый культурно-исторический и экономический пласт, тесно связанный с историей и жизнью других усадеб и страны в целом. Несмотря на потери и разрушения, мы старались смотреть на бывшие усадьбы с высоты, именуемой историей культуры человечества [436]. За каждым творением, если даже оно оказалось в руинах, стоят философия, поэзия, живопись, архитектура, быт и нравы той или иной эпохи. Усадьбы Берестейщины — это жизнь, деятельность и творческое вдохновение Льва Сапеги и Станислава Августа Понятовского, Наполеона Орды, Юлиана Немцевича и Тадеуша Костюшко, Романа и Хелены Скирмунтов, Элизы Ожешко, Марии Родзевич и многих других замечательных личностей.

Предлагаемая книга не может претендовать на полное раскрытие всех аспектов столь широкой темы. Больше внимания мы уделяли истории усадеб и парков с конца XIV в., связанной с формами земельной собственности, начиная от дворищ, жеребьев, включая господарские (княжеские) дворы, двóрцы, дворы, поместья и имения, выявлению основных тенденций развития усадебного двора. Стремились дать по возможности наиболее полную стилевую, архитектурную и хозяйственную характеристику усадеб. Особое место в книге уделено паркам, которые имели в усадьбах эстетическо-

философское значение, являлись, по выражению Д.С. Лихачева [436], попыткой создания некоего счастливого окружения, идеального мира взаимоотношений человека и природы. Невольно мы тянулись к освещению жизни владельцев усадеб, аспектов их деятельности, иногда вплоть до рассмотрения черт характера, вели поиск фотографий, портретов, понимая, что эти сведения составляют, конечно, тему отдельной книги.

При характеристике объектов, кроме полевого материала и литературных сведений, использовались архивные документы, инвентари, иконографический материал Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Национального исторического архива Беларуси (НИАБ; Минск), Национального исторического архива Беларуси в Гродно, Государственного архива Брестской области (г. Брест), Государственного исторического архива Литвы (ГИАЛ; Вильнюс), отдела рукописей научной библиотеки Вильнюсского университета, отдела редкой книги Центральной библиотеки АН Литвы (г. Вильнюс), отдела редкой книги Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа и отдела рукописей, редкой и старопечатной книги Национальной библиотеки Беларуси (г. Минск).

Об исторических судьбах и экономическом положении усадеб региона информируют поточные акты, оформленные в виде судебных книг, содержащие донесения водных «о врученіи позвовъ къ суду», вводные акты в имения, духовные завещания, продажные записи, реестры имуществ, жалобы частных и официальных лиц и многие другие материалы. Большой информативностью обладают Акты, которые издавались Виленской археографической комиссией, Акты Главного Литовского Трибунала, Археографические сборники документов, Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском (ВКЛ), Писцовые книги Пинского, Клецкого княжеств и особенно Метрики ВКЛ – книги копий документов (привилеи боярам, городам, костелам, дипломатическая переписка, решения по судебным делам, завещания, переписи войска, доходы и расходы таможенных комор и другие документы государственных учреждений), выданных в канцелярии ВКЛ в XV–XVIII вв. Они являются наиболее полной документальной летописью ВКЛ за 409 лет [280]. Бесценными являются для нас акварели Наполеона Орды, фотографии Юлиуша Клоса, Яна Булгака и других членов «Общества любителей наук в Вильне», а также фотографии личных архивов (К. Рамлау-Клековской, С. Толлочко-Сверч, Э. Злобина, В. Ильенкова, Л. Нестерчука, А. Гладыщука) и из разных зарубежных и отечественных книг (388, 537, 598–600, 625, 686, 689, 698, 711, 716, 717, 722, 743, 759 и др.). Особое значение для работы имели многотомное издание Романа Афтанази, журналы «Tygodnik illustrowany» (1860–1934), «Ziemia» (1910–1938), «Magazyn Polski» и ряд других изданий [261, 305, 306–308, 533, 610, 620–622, 676, 687, 705, 760, 764].

Изучением охвачены 373 усадьбы, из них для 172, наиболее значимых и сохранившихся, приводится по возможности полная характеристика. Усадьбы анализируются по стилевым периодам, а в пределах глав мы стремились к соблюдению хронологической последовательности. Берестейщина рассматривается в книге в современных административных границах Брестской области.

Автор глубоко признателен рецензентам А.Л.Киштымову и С.А.Сергачеву за советы и замечания по содержанию рукописи книги; А.А.Ярошевичу, Д.В.Мурашко за помощь в проведении экспедиционных обследований. Автор считает своим приятным долгом высказать благодарность Э.Л.Злобину, Л.М.Нестерчуку, Л.В.Трепет, Ю.М.Гулю, а также старожилам, любящим свой край, помнящим его историческое прошлое и оказавшим большую помощь в сборе материала. Большое спасибо
Н.А. Мятеж, Н.А. Федорук за труд по подготовке рукописи к изданию.

RODOWÓD
URODZONYCH
WOYNIŁŁOWICZÓW
HERBU WŁASNEGO
PRZECHODZIEŃ GDY W DOM TEN WCHODZI
JACY TUTAJ NIEGDYŚ LUDZIE ŻYLI

Родословные

Достоевские

Олеши

Рейтаны

Бохвицы

Бутримовичи

Скирмунты

Твардовские

Друцкие-Любецкие

Орды

Сапеги

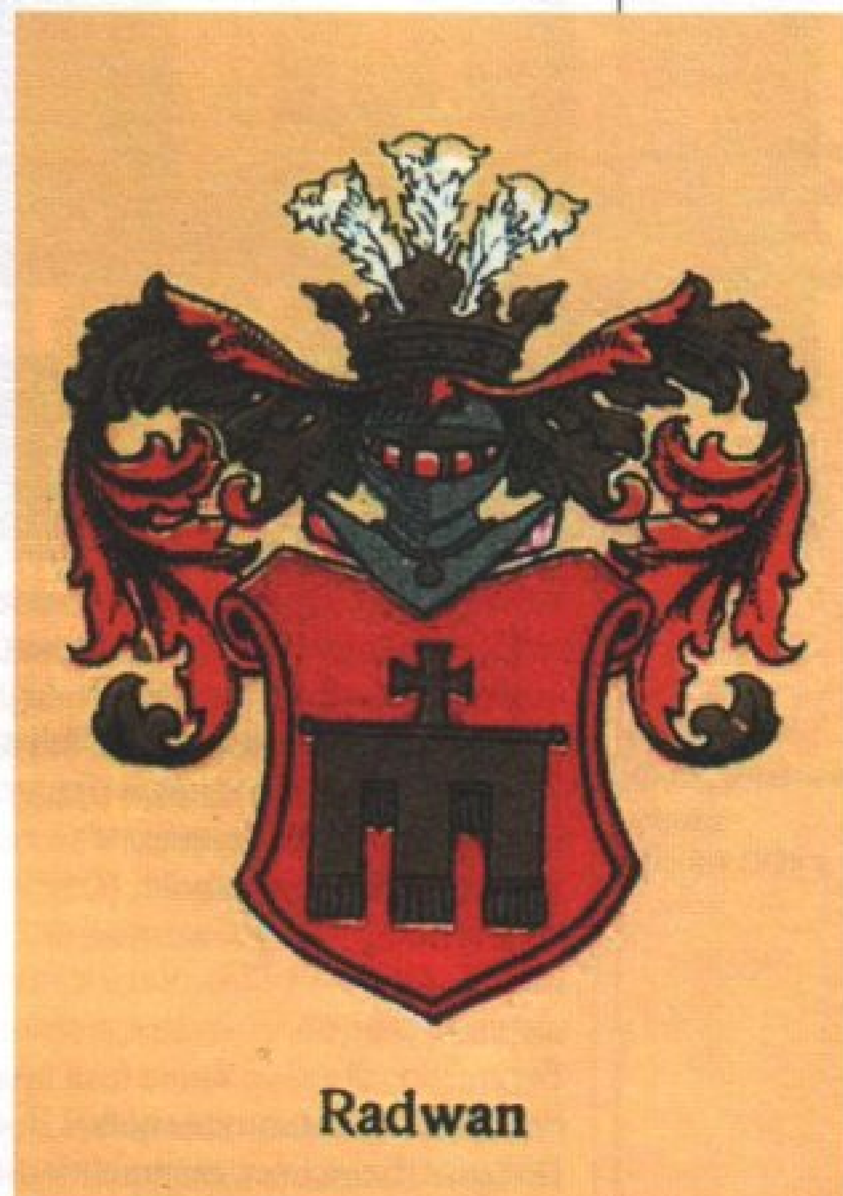
Родословные*

Число родов, владевших усадьбами Брестчины, очень велико. Общеизвестными стали несколько десятков, в том числе Радзивиллы, Сапеги, Тышкевичи, Огинские, Солтаны, Скирмунты, Чапские, Пусловские, Понятовские, Ожешко, Рдултовские, Чарноцкие и др. Далеко не все землевладельцы XV—XVI вв. развили длинную родословную. Многие быстро терялись в вихре событий [639, 640]. На Митке, например, уже в 1550-е г. оборвался род Городецких, владевших Городком. Его наиболее известный представитель Давид, женатый на Марье Ольгердовне, присягнул князю Ягайло в 1388 г. [325]. В конце XV в. угасла мужская линия рода Насут герба Равич, владевшего многочисленными имениями в Брестском, Каменецком, Гродненском и других поветах [760]. Весьма рано угасли такие известные роды, как Кезгайло, Ильиничи, Немиры, Сангушко, Кобринские. Ян Кароль, умерший в 1695 г., маршалок великий литовский, был последним в полесской ветви княжеского рода Дольских, берущих начало от турово-пинских Рюриковичей. Наиболее разветвленные генетические корни стали достоянием немногих родов. Ими были Скирмунты, Сапеги, Олеши, Орды и некоторые другие.

Каждый век в соответствии с разными историческими событиями приносил новых владельцев из разных стран. Многие из них находили для себя благоприятную почву, быстро ветвились, сливаясь с местными родами, становились создателями крупных резиденций в крае, исполняли значительную социальную и культурно-историческую миссию. Почти каждый из них оставил заметный след на земле, след, который чаще всего оказывался затертым. Этим людям в книге уделяется особое внимание. Льва и Казимира Сапег, Александра и Романа Скирмунтов, Матеуша Бутримовича, Тадеуша Рейтана, Наполеона и Виктора Ордов, Хелену и Констанцию Скирмунт следует не просто уважать, они достойны подражания. В родах видится не просто множество колен, а чреда поколений с ее величайшим достоянием — преемственностью.

** Глава подготовлена совместно с Н.А.Федорук*

Достоевские



Родовой герб Достоевских Радван

Один из старейших родов герба Радван, первые шесть поколений которого были связаны с Полесьем [629]. За более чем 400-летний период (1506—1933) известно 370 его представителей, которые были землевладельцами, аристократами, духовными лицами, мещанами, купцами различных гильдий, чиновниками, ремесленниками, литераторами, политическими ссыльными и др. Род не был идеально ровным, имеются сведения о ряде своевольных и даже иногда преступных деяний Достоевских [290].

Предков рода по мужской линии следует искать среди татарских мурз Золотой Орды до 1389 г. В это время происходит переселение Аслана-Челеби-мурзы, родоначальника ветви, идущей к Достоевским, на территорию Московского государства. Ему был пожалован на кормление Кременеск около Боровска. В последующих поколениях одна из ветвей потомства Аслана-Челеби-мурзы получила фамилию Иртищ, Ртищ или Артищ, и некоторые из них в составе свиты князей Ярославичей переселились в Пинское Полесье [290].

В 1506 г. пинский боярин Данило (Даніла) Иванович Иртищ по грамоте пинского князя Федора Ивановича Ярославовича и княгини Олены получил в Достоеве два дворища [520]. Это селение упоминается в Метрике ВКЛ за 1473 г., где записано: «... у Достоеве Васила Еремей, одинъ дымъ, а Олексей — то два дымове» [429].

Данило, получивший достоевские наделы, считается родоначальником Достоевских. Его сыновья уже именовались по селу Достоево. Новая фамилия закрепилась за ними не сразу. В некоторых документах они еще именовались по имени отца Данилевичами. Старший сын Семен Данилевич, земянин пинский, в 1552 г. получил от королевы Боны привилей на село Морочь, в 1561 г. имел свой дом с огородом в Пинске. Второй сын, Иван, также земянин пинский, владел в 1552—1555 гг. землей в селе Ляховичи, имел также в Пинске собственный дом. В Дружиловском обрубе со стороны своего двора он самовольно распахал себе в двух местах 29 моргов и 25 прутов «негодной» земли, а при дружиловской дороге — одну волоку и 20 моргов такой же «негодной» земли и «много посушил дерева» [429].

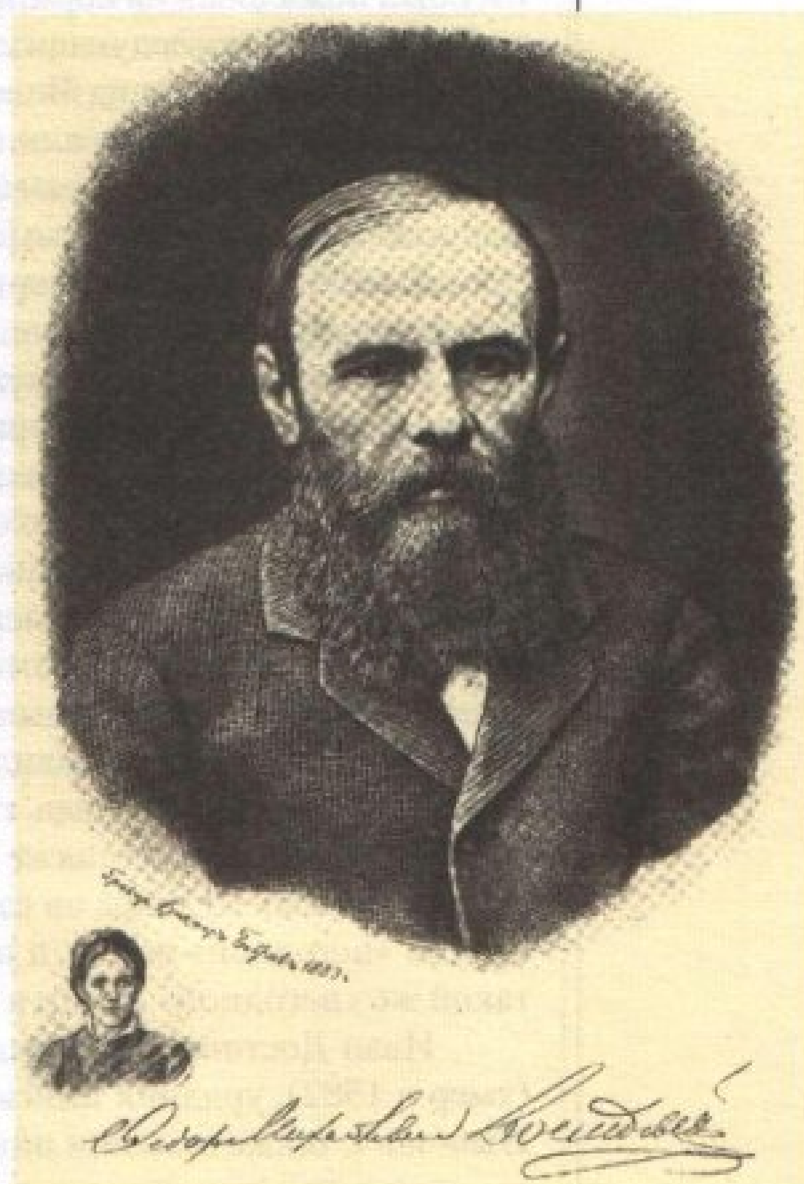
Иван Достоевский, женатый на Фурсовне, имел 4 сыновей. Сасин Иванович (умер в 1582), урядник пинский, владел Достоевом и купил имение Дубой. Федор Иванович, также земянин пинский, служил в 1572 г. при князе А.М. Курбском. Он

Усадебный дом Достоевских в Достоеве. Фото до 1939 г.

считается первым историческим лицом среди Достоевских. Третий сын, Стефан Иванович, земянин минский, в 1577 г. получил от короля Стефана Батория привилей на Минский Вознесенский православный монастырь, однако вскоре состоялась передача его в другие руки по ходатайству митрополита киевского Ильи и каштеляна минского Яна Глебовича по той причине, что «Достоевский, будучи человеком светским и к тому же закону не греческого вовсе, не заботится об управлении монастырем». Стефан владел несколькими имениями (Сенница, Декснянское), в 1590 г. упоминается как «писар гродский Менский». Урядником земского подскарбия Лаврина Войны в Мотоле и Дружиловичах был Рафаил, четвертый сын Ивана.

Немногочисленные представители четвертого и пятого поколений продолжали занимать разные должности, нередко высокие, и преимущественно в Пинском повете. Петр Сасинович — маршалок Пинского повета (1598—1628), член главного Трибунала ВКЛ, пинский гродский судья, несколько раз избирался на Варшавский сейм; Ярош был подстаростой овручским, стал родоначальником ветви Достоевских, осевших на Волыни. Бенедикт, подчаший пинский, судя по многочисленным долгам, проживал родительские Ляховичи и Достоево. Из трех его сыновей известность имел только Роман, поветовый экзактор пинский, посол на сейм в 1664 г., владелец имения Остров в Пинском повете и древнего «Евангелия» на славянском языке [290]. Начиная с его сыновей, род постепенно приходит в упадок. Не приняв католичества, Достоевские вытеснялись из рядов полонизированной шляхты, некоторые из них начали переходить в духовное сословие. Они боролись за свою религию, выступали против католичества. Известность имел Акиндий, иеромонах Киево-Печерского монастыря, подпись которого сохранилась под актом избрания нового архимандрита в 1647 г. на дворянском съезде в Киеве.

Ко второй половине XVII—XVIII вв. относятся сведения только об отдельных представителях рода. В



Ф.М. Достоевский с портретом жены Анны Григорьевны (внизу слева). Гравюра В.А. Боброва. 1883 г.

фондах ГИАЛ хранятся реестры документов за XVII в. по делу Достоевских с Дольскими, княжеским родом, имевшим основные имения в Пинском повете [66]. Один из Достоевских (конец XVIII в.) был религиозным поэтом. Он автор «Покаянной песни», опубликованной в сборнике «Богогласник».

Церковь в Достоеве. Справа памятник Ф.М.Достоевскому. Фото 1996 г.

В XVIII в. Достоевские утратили родовое Достоево. Видимо, в связи с этим и был составлен Инвентарь (1754), который хранится в государственном архиве Украины во Львове [583]. Инвентарь характеризует усадьбу, отражая материальное состояние рода. Согласно Инвентарю, она несет характерные черты добротных ренессансных усадеб. Включала двор, главная часть которого имела оборонительные сооружения (деревянный забор, каменную ограду и ров по периметру), и фольварк. Усадьба с монументальной двухъярусной брамой и башней в завершении, на оси которой в глубине двора стоял большой дом на две половины, включавший сени, столовую, пять жилых комнат, хозяйственные помещения, часовню. В доме имелись кафельные печи, резной шкаф, кованые сундуки, фамильное серебро и др. Двор не имел еще выраженной функциональной дифференциации, включая обычные для этого времени здания (кухня, лямус, каретная, конюшня). В фольварке с большим набором хозяйственных построек имелись винокурня, мельница, двухэтажный дом эконома. Усадьба имела два обширных сада и рыбные пруды [583].

От Достоевских имение перешло Стравинским, затем Чаплицам. В 1835 г. выморочное имение владельцев Гедройцев перешло в казну [92]. Позднее его выкупили Орды. Орды из соседних Новощиц владели имением до последнего времени. В 1888 г. оно составляло 738 десятин [548].

После «генеалогического перерыва», заполненного отдельными личностями, в XVIII в. получила развитие подольская ветвь рода. Сведения о ней начинаются с Андрея Достоевского, протоиерея Брацлава в Подольской губернии. Его сын Михаил являлся штабс-лекарем, коллежским советником, кавалером ордена св. Анны 2-й и 3-й степеней, св. Владимира. Михаил с согласия и благословения своей матери, но вопреки воле отца отказался стать священником, удалился из отеческого дома в Москву и поступил в Московскую медико-хирургическую академию, затем добился хорошего положения в Москве, поставил на ноги семь душ своей семьи, обеспечив приданым дочерей, дав хорошее воспитание и образование четырем сыновьям. Одним из них был Федор Михайлович (1821—1881) — русский писатель, который гордился своим «литовским происхождением». Его вдова Анна Григорьевна обращалась в 1897 г. с письмом к священнику А. Кульчицкому с просьбой прислать сведения о роде мужа. В местной Семионовской церкви, построенной еще в XVI в., видимо, Семеном Достоевским, имелась летопись Достоева [446]. На месте сгоревшего древнего храма в конце XVIII в. Гедройцами была построена Ильинская церковь (разрушена в 1970). В 1996 г. здесь, благодаря стараниям председателя колхоза Павла Мельника, построена новая церковь. Установлен бюст Ф.М. Достоевского. Усадьба, построенная Гедройцами на месте двора Достоевских, сгорела в 1943 г. Сохранился только водоем.

Родовой герб Олешей Брохвич II

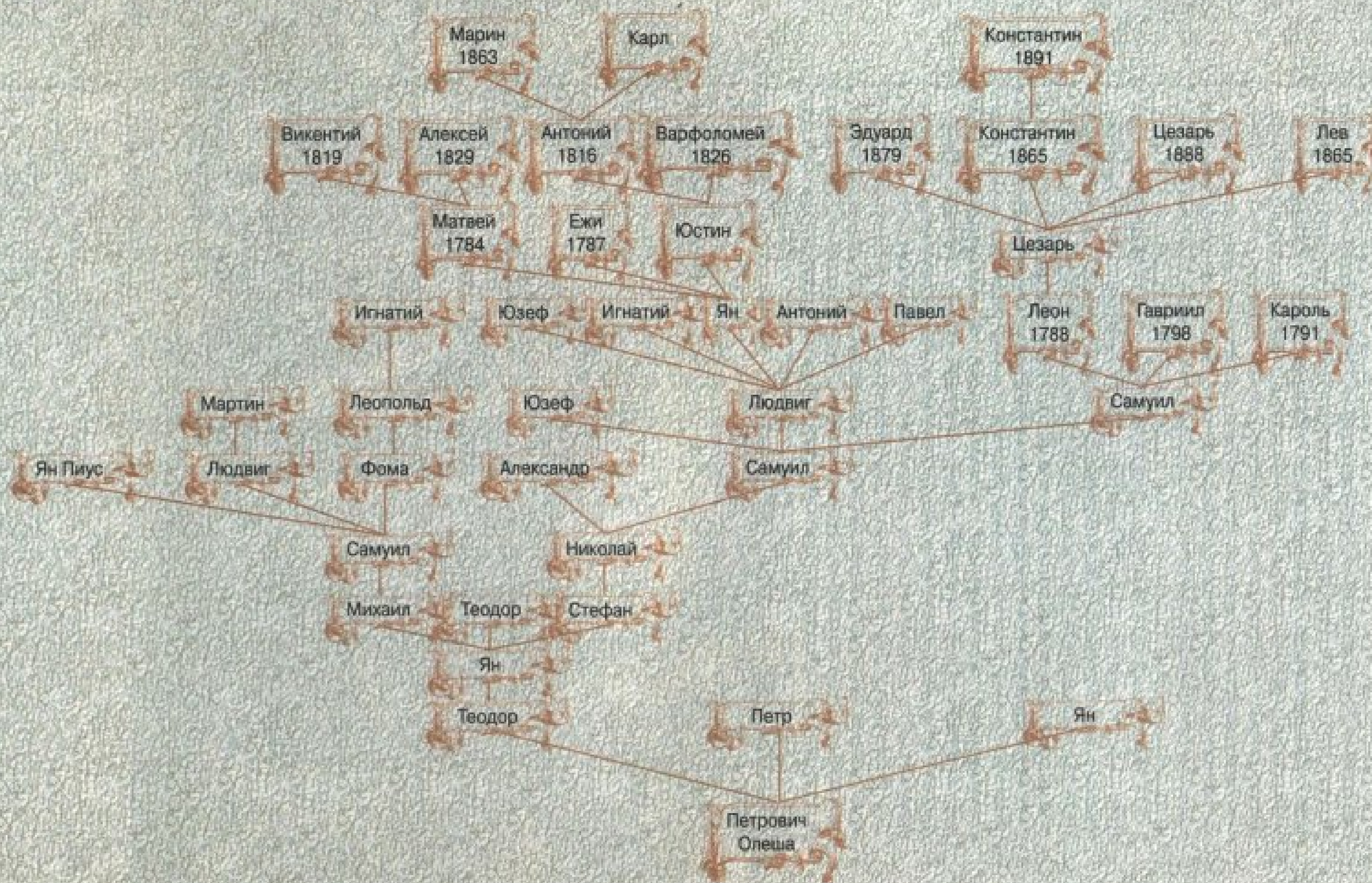
Олеши

Полесским (волынско-полесским) является род Олешей герба Брохвич II. На белом поле родового герба изображен красный олень с золотой короной на шее в положении прыжка. По мнению Я.Цехановича [621], название рода происходит от имени двора Олешей, известного на земле галицкой в XIV в. В XVI в. Олеши расселились в поветах Мстиславском и Пинском. Родовым гнездом стало Бережное, принадлежащее роду в течение четырех столетий. Поэтому род именовался Олеши Бережненские.

Олеши не часто пользовались королевскими привилеями и грамотами, не занимали высоких государственных постов. Получив от князей свои первые наделы, постепенно приумножали их, в трудных условиях Полесья закладывали усадьбы, развивали хозяйство, строили храмы. Были очень привязаны к земле. В результате род стал весьма зажиточным, породнился с Ордами, Скирмунтами и другими известными родами Полесья. Родовым девизом были слова «Non omnis moriar» («Все не умрем»). По семейному преданию, это были последние слова Петровича Олеши, плененного во время битвы с крымским ханом [596].

Олеши были православными, затем униатами, католиками. Четверо из них являлись монахами базилианами. Во второй половине XVII в. первым в духовное звание доминиканского ордена вступил Ян Пиус, став игуменом витебского и других монастырей, автор религиозных трудов. Ксендзом францисканского ордена был четырехименный Иосиф Константин Филипп Антон [176]. Согласно родословной Олешей, хранящейся в НИАБ, село «Березное» на вечное владение боярину Олешу Петровичу, подстолию мозырскому, дано по привилею от 2 мая 1508 г. князя Федора Ивановича Ярославовича и его жены, Елены Ярославовны [176]. В привилее сказано: «... пожаловали есмо дали боярину нашому Олешы Петровичу село наше Березное, з людьми и зо всими поплаты, што на насъ хожывало, и з ихъ пашными землями, и з бортными, и з сыножатьми, и з езы, и з озеры, и з гаты, и з лъсы, и з луги, и зо всими иншыми уходы, што к тому селу Березному здавна прыслухало ...» [249]. В 1523 г. по ходатайству Самуэля и Михаила Олешей привилей подтверждается грамотой короля Сигизмунда I. Князь пожаловал также Петровичу человека Ноздрияна и землю в Малых Орлах. Пожалование в 1524 г. подтвердила королева Бона [520].

По документам, представленным в 1820 г. в Минское Дворянское Депутатское собрание в связи с утверждением во дворянстве, Петрович Олеша, владелец Бережного, значится протопластой рода. По данным Р. Афтанази [596], ссылающегося на Чеслава Олешу, последнего представителя рода, протопластой рода был боярин волынс-



Родословное древо рода Олешей герба Брохвич II

(составлено по материалам архива: ф. 319, 2, № 2319, л. 6,77,87, 134, 155)

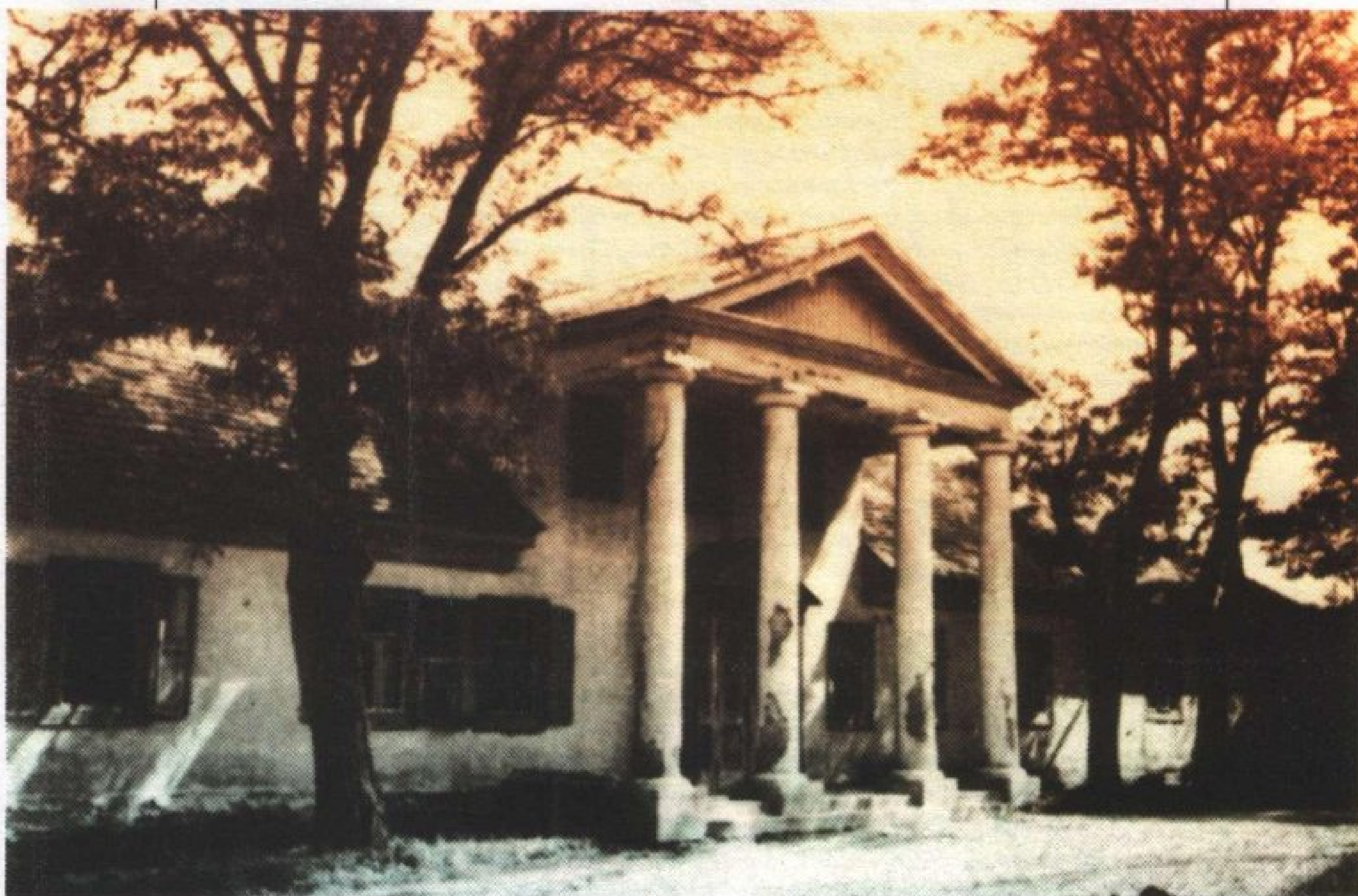
кий Александр, называемый Олешем (Олешком), женатый на Елене Макосей. Их сын Федор в 1482—1486 гг. являлся секретарем короля Казимира, был женат на княжне Анне Острожецкой. Внук Петр Федорович Олеша, женатый на Ольге Чолганской, был подстолием мозырским. Его сын Петр, женатый на Евдокии Фурсовне, также владел привилеем князя Федора Ивановича и жены Елены Ярославовны.

По архивным же материалам, Петрович Олеша был женат на Марианне Фурсовне и имел троих сыновей. Сыновья Теодор (Федор), Петр и Иван имели привилей князя Федора Ивановича, написанный на пергаменте, на имение в Городке. Право на владение подтвердили Сигизмунд I, а затем королева Бона [176, 520].

Старший сын Петровича Олеши Теодор, ротмистр, женатый на Ефросинье с Дубицких, по дарственной записи ее матери получил в 1565 г. имение Жорновица в Винницком воеводстве. Владения Теодора перешли сыну Яну, женатому на княжне Шуйской, сборщику податей в Мстиславском воеводстве. Его сыновья Николай и Степан, владельцы Бережного, положили начало двум линиям рода [176].

Далее Бережное (его части) по духовным завещаниям наследовались в пятом колене Самуэлем вместе с имениями в Луцком повете (1642) и Николаем (1653), женатым на Марианне Скирмунт. В шестом и седьмом поколениях имение продолжало дробиться. Во второй половине XVIII в. среди владельцев выделялся Самуэль, сын Николая, который по привилею короля Станислава Августа Понятовского занимал должность пинского мостовничего (1765), в 1767 г. стал трибунальным судьей.

На Игнатии, который в 1784 г. от отца Леопольда по вводному листу получил во владение часть имения Бережное, оборвалась линия Николая Яновича. Продолжала развиваться линия Степана. Людвиг имел пятеро сыновей, из них по вводному листу родительскую часть Бережного в 1800 г. получил Антон. Брат Людвига Самуэль в этом



Усадебный дом в Старом Бережном. Парадный фасад. Фото 1936 г.

же году завещал Бережное вотчинникам сыновьям Леону (1788 г.р.), Гавриилу (1790 г.р.) и Каролю (1791 г.р.), пинскому подкоморию (1828) [176].

В начале XIX в. имение продолжало наследоваться по мужской линии, и Бережным одновременно владело несколько собственников. Поскольку Антоний, Гавриил и Кароль не имели наследников, то в 1804 г. владельцем имения стал их брат Ян с сыновьями Матвеем (1784 г.р.), Юрием (1787 г.р.) и Юстином. К этому времени Олеши владели рядом других имений. К ним перешло «по кудели» известное имение Немировичей-Щиттов Дубенец, однако примерно в середине XIX в. было утрачено и перешло к Кеневичам.

В XIX в. самым богатым владельцем среди Олешей был Цезарь Антоний (1820—1892), сын Леона, женатый на Александре Орда. Он владел Новым и Старым Бережным (3143 десятины), Городищем. В 1856 г. купил Теребежов (имение с земельным наделом в 7207 десятин), в Виленском уезде — Зенонов и Стаховец, земельные участки в Вильно, Риге и Пинске [596]. Необычайно деятельный Цезарь служил ротмистром в российской армии, перед 1863 г. вышел в отставку и занялся хозяйством. Занимался скотоводством, сахароварением и эксплуатацией лесов в имениях. Цезарь имел шестерых сыновей и пятерых дочерей. Сыновья Эдвард, Эдмунд и Цезарь получили образование в Петербурге; Константин учился в Германии. Еще при жизни отец поделил свои владения. Имения получили не только сыновья, но и дочери, что не было принято в то время. Старший сын Константин, женатый на Камилле Орда, стал владельцем Нового Бережного, где кроме хозяйства занимался научными исследованиями, организовав во дворе обсерваторию. Эдмунд унаследовал соседнее имение Городище. Эдвард, офицер гвардейского полка, несколько лет провел в Тегеране и Константинополе, затем вернулся. Продав Теребежов, купил имение Шренск, где осел, женившись на Ванде Скажинской. Четвертый сын Эдвард (в семье было два Эдварда) стал владельцем Зенонова и Стаховца, а в виде приданого Людвиги Гоувальт добавились ее имения Гута и Волькишки в Лидском, Негримово в Новогрудском уездах. Большое имение Теребежов перешло Цезарю, юристу по образованию, женатому на Марии Жук-Скаршевской, который заложил в нем величественный дворец в неоготических формах.

Родовое имение Старое Бережное, ставшее к тому времени небольшим (1308 десятин), осталось за самым младшим сыном Владиславом (1888 г.р.), женатом на Терезе Мержеевской [549]. Он был последним владельцем исторического имения, принадлежащего роду 400 лет. Его единственный сын Михаил, инженер лесного хозяйства, погиб в Освенциме. В 1909 г. имение купил князь Станислав Радзивилл с соседнего Давид-Городка. Последней владелицей была его дочь Анна Радзивилл. Усадьба не сохранилась. Утеряны большой архив, собрание портретов представителей рода, картин. Разрушены фамильные захоронения, расположенные на другом берегу р. Горынь. От пейзажного парка сохранились одиночные деревья и фрагменты въездной липовой аллеи. Утрачены все другие усадьбы, кроме Нового Бережного Константина Олеши. Полуразрушенные захоронения остались от имения Юнище, родом из которого известный русский писатель Юрий Карлович Олеша (1899—1960), автор книг «Зависть», «Ни дня без строчки», «Три толстяка», рассказов, дневников. На кладбище покоится Кароль Олеша, капитан войска польского, умерший в 1870 г. Отец Юрия Карл умер в Гродно, куда переехала семья в конце XIX в. Юрий жил и учился в Одессе, долгие годы работал в московской газете «Гудок», но не мог полностью принять уклад новой жизни и как писатель размышлял о «душе, брошенной в мир ужаса, которая хочет оптимизма» [341].

Угасла ветвь рода, к которой принадлежал Алексей, сын Василия (1724—1788), литератор, зять Александра Суворова [354]. Со смертью в 1965 г. Чеслава Олеши, сына Льва, внука Цезаря, угасла бережновская ветвь рода [596]. Бережное, места фамильных захоронений в 1995 г. посетили, возможно последние, полесские Олеши почтенного возраста.

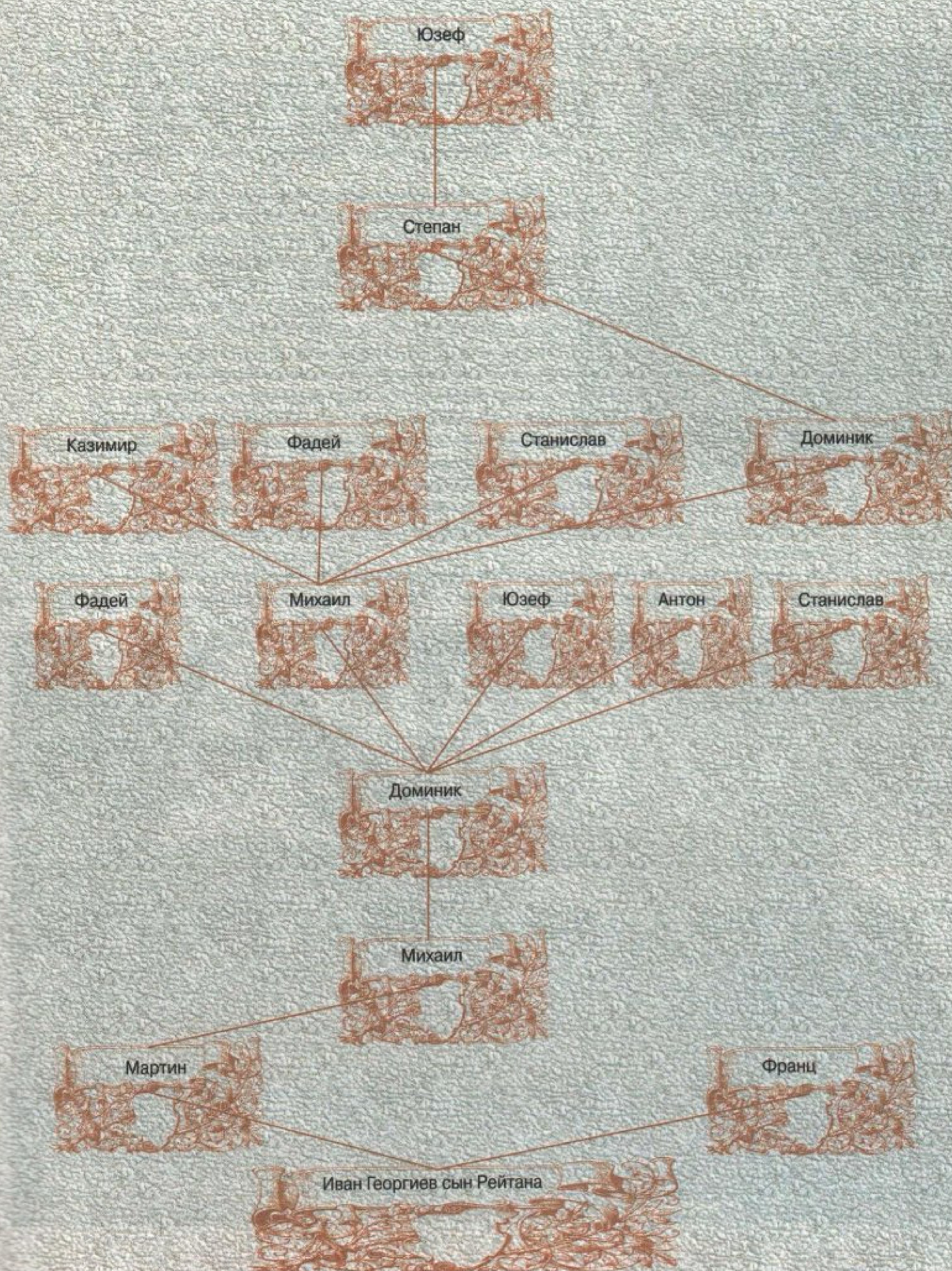
Рейтаны

Род Рейтанов герба Рейтан (первоначально род Рейтен герба Рейтен) имеет немецкое происхождение. Около 1600 г. Рейтаны поселились в Польше, а затем одна ветвь осела в Беларуси [596]. Судя по материалам дела Минского Дворянского Депутатского собрания о дворянском происхождении рода Рейтанов, у истоков рода (белорусской ветви) стоял Иван Георгиев, сын Рейтана, происходящий из Сачковны, вотчинник имений Закржье и Козлово, который «первым поселился в Литве и долго служа в войске приобрел славу...». Был женат на Боржимовской и оставил двоих сыновей — Мартина и Франца. Мартин был войским лидским, затем ротмистром литовских войск [186]. Сведений о Франце не имеется.

В книге гродского суда Полоцкого воеводства значится привилей от 22 апреля 1659 г., данный польским королем Иоанном Казимиром (Ян II Казимир Ваза), согласно которому «... из уважения за заслуги Мартина Рейтена в пользу отечества дозволено Матвею Казимиру Боржимовскому уступить и отречься на его Рейтена ленных имений Полоцкого воеводства в Невельском округе лежащих и за выдачею тем же Боржимовским на отречение формального документа отрекательного права, даю власть самому Рейтену, потомкам и наследникам его мужского пола владеть вышеупомянутыми имениями по ленному праву» [186]. Согласно данному привилею, Мартин получил в личное владение Ловцы, Топоры, Березово, Болоздимье и Подлуже в Полоцком воеводстве с правом наследования потомками мужского пола [186]. В 1666 г. вторым королевским привилеем товарищу гусарского полка Мартину Рейтену были пожалованы ленные имения Шуклино и Задинца в Смоленском воеводстве [186].

Родовой герб Рейтанов

Мартин Рейтан имел сына Михаила Казимира, который унаследовал часть его имений. В книге Главного Трибунала ВКЛ удостоверяется «закладное право мозырским скарбником Михаилом Казимиром Рейтаном и супругою его Анною Людвикой, урожденной Россадовской, в 15 тысяч злотых на имения Березово, Болоздимье и Кокорово в Полоцком воеводстве лежащие от Мартина перешедшие» [186]. В этом документе впервые упоминается Грушевка как владение Михаила Казимира. Предположительно можно считать, что ею владел Мартин и досталась она ему от Ивана, хотя в деле нет соответствующих документов на это владение. Не упоминается в деле и



Родословное древо рода Рейтанов герба Рейтан
(составлено по материалам архива: ф. 319, оп. 2, № 2716, л. 1 – 52).

Юзеф Рейтан

Тадеуш Рейтан, который по данным М.Турияиского [558], являлся основателем грушевской линии рода. Р.Афтанази [596] считает, что Рейтаны владели Грушевкой уже в 1-й половине XVII в., а это есть время жизни Ивана Рейтана. Видимо, его Грушевка и была первым местом жительства в Литве.

В 1705 г. по духовному завещанию Михаила имения Грушевка, Березово и Николаевщина отошли его малолетнему сыну Доминику. Доминик стал известным государственным и хозяйственным деятелем ВКЛ. По привилею короля Августа III от 1736 г. ему было дозволено в вотчинном имении Березово заложить местечко, вести торги и развивать промышленность. Дворянством Новогрудского воеводства вотчинник в 1738 г. избирается послом на Варшавский сейм; в 1752 г. приглашается королем Августом на генеральный сейм в Гродно. В 1766 г. по привилею короля Станислава Августа Понятовского стольник новогрудский становится подкоморием Новогрудского воеводства.

С именем Доминика, женатого на Терезе из Володковичей, связан особый этап в развитии Грушевки. Домиником была заложена новая большая усадьба в формах классицизма, известная по рисунку Наполеона Орды. Его три дочери и сыновья Фадей, Михаил, Иосиф, Антон и Станислав составили пятое колено рода [186].

При жизни Доминика, согласно книге Земского суда Новогрудского воеводства от 1778 г., произошел раздел имений. Михаилу Рейтану отошла часть Березова, кото-

Усадебный дом Рейтанов в Грушевке. Фото 1980 г.

рое он в 1779 г. продал генерал-майору Михальсону. Антон и Станислав стали владельцами Грушевки. Кроме того, Станислав дополнительно получил два имения в Новогрудском уезде (одним из них были Мазурки). Иосифу его доля выплачена деньгами (80 тысяч злотых) [186].

Тадеуш Рейтан. Из собрания Ходько

Из сыновей Доминика наследников имел только Михаил, писарь земского суда Новогрудского воеводства, а с 1795 г. предводитель дворянства Несвижского уезда. В браке с Богданович Михаил имел четверых сыновей, даты рождений которых подтверждаются выписками из книги метрик Копыльской приходской церкви: Казимир (1778 г.р.), женатый на Фекле, предводитель дворянства Слуцкого уезда (1802); Фадей (1780—1860) — хорунжий того же уезда; Станислав Карл (1781 г.р.), вотчинник имения Усово в Слуцком уезде, служил в российском войске, в 1832 г. вышел в отставку и стал маршалком Слуцкого уезда. Наиболее известным был самый младший сын Доминик (1783—1851), подполковник, награжденный главнокомандующим его императорского высочества государя Цесаревича великим князем Константином Паскевичем двумя крестами [186].

В седьмом поколении сын Доминика Степан Михаил Иван (1824 г.р.), женатый на Марии с Неселовских, в 1860 г. стал владельцем Грушевки. Он имел троих дочерей (Ядвигу Марью Елисавету, 1854 г.р., Марью Магдалину Пертупелю, 1861 г.р., и Антонину Филомену, 1863 г.р.) и сына Юзефа Петра Павла. Юзеф родился в 1857 г., был крещен, как и сестры, в Ляховичском костеле. Восприемниками при крещении были Станислав Рейтан и Виктория Чарноцкая; присутствовали Казимир Еленский с Саломеей Рейтан, Михаил Чарноцкий с Валерией Россадовской и Сигизмунд Еленский с Эмилией Чарноцкой. Через браки Рейтаны породнились с Неселовскими, Еленскими, Чарноцкими, Грабовскими, Чапскими и другими известными родами. Юзеф женился на Алине Гартинг. По линии отца она происходила из голландских дворян, принявших русское подданство. Была дочерью Густава Николая Гартинга (1819—1879), штабс-ротмистра, владельца Снова, и Людовики Неселовской из Сервичей [160]. Грушевка при Юзефе и Алине становится крупным и доходным имением. Усадьба расширяется, строится новый усадебный дом — красивое деревянное здание с мансардным этажом, которое сохранилось до нашего времени. Со смертью Юзефа, внезапно наступившей в 1910 г., угасла грушевская ветвь рода. Ее яркой личностью был Тадеуш Рейтан (1742—1780), который в 1773 г. на сейме в Варшаве вместе с другими патриотами оказал жертвенное сопротивление первому разделу Речи Посполитой. В 1791 г. четырехлетний сейм объявил жертвенность Тадеуша примером для последователей, принял решение установить в посольском зале мемориальную доску, а имя увековечить в Пантеоне Народных борцов, как символ несломленного патриотизма. Художник Ян Матейко посвятил Тадеушу картину «Рейтан», которая хранится в Национальном музее в Варшаве.

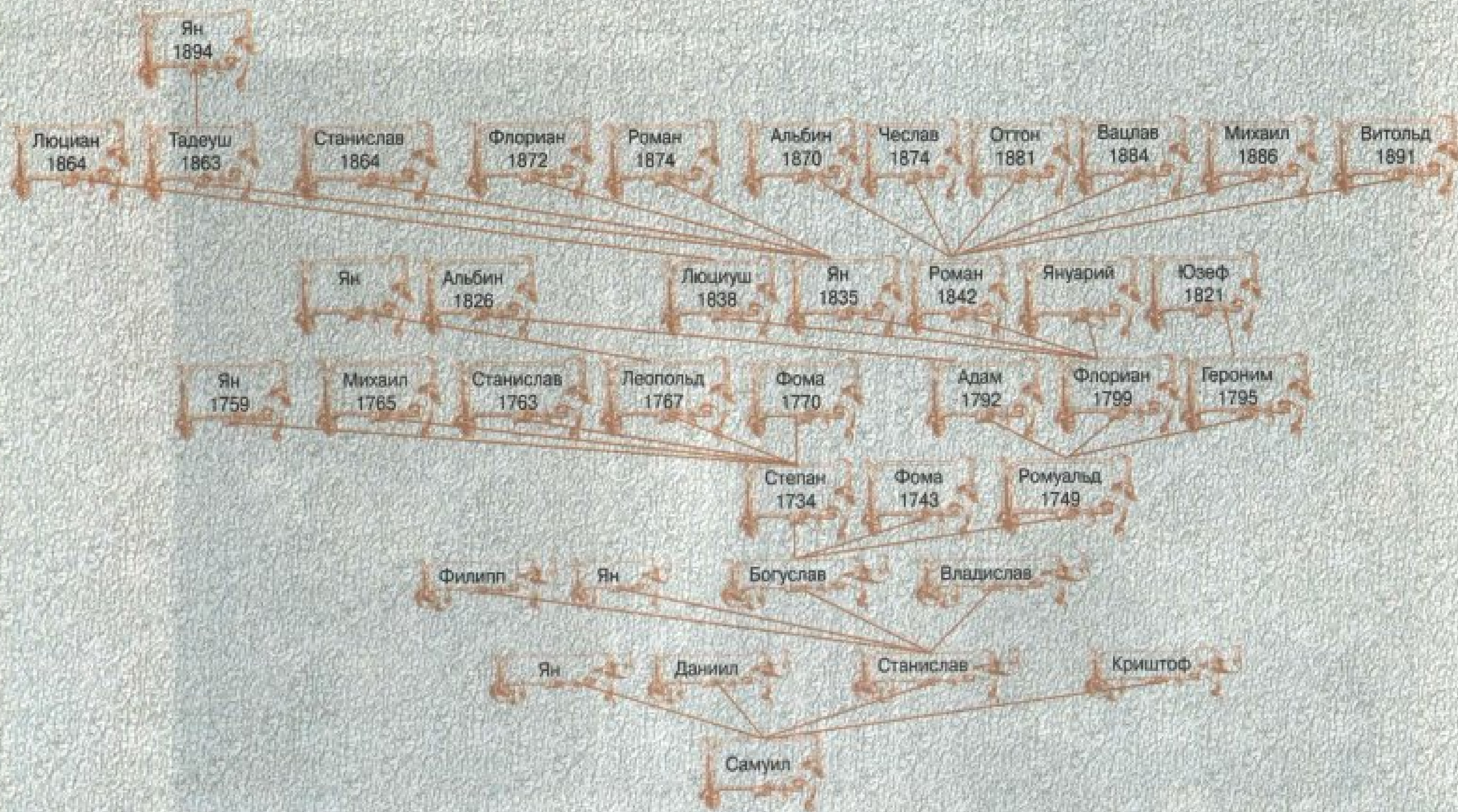
Алина Рейтан (из Гартингов)

Усадебный дом Бохвицев в Павлинове. Фото 2000 г.

Бохвицы

Корни этого старинного рода не местные. Герб Радван пожалован роду еще королем Богуславом Смелым. Бохвицы в Краковском воеводстве несколько столетий исполняли должности каштелянов, воевод, владели многими вотчинами. Затем одни из них переселились в Силезию, другие — в Литву. Согласно архивным документам, первым (около 1600) из Кракова в Литву переехал Филипп, пастор кальвинский, но владение его в виде приданого дочери перешло в чужие руки [150]. В родословном древе Филипп не значится. Оно начинается с Самуэля Бохвица, его сына, надворного казначея Радзивиллов, женатого на Добржанской, владеющего дедичным имением Уссов. Второе его имение известно по «Оповещению князя Богуслава Радзивилла о выкупе имения Рымъ в закладном владении Самуила Бохвица состоящего». В 1696 г. состоялась дележная запись на дедичное имение Уссов и закладное Рым между братьями Станиславом, женатом на Констанции Коневичовне, и Криштофом, сыновьями Самуэля. Рым отошел Станиславу, Уссов — самому младшему Криштофу. Сыновья Иван и Даниил погибли на войне с турками [149].

Семья Бохвицев на крыльце дома в Павлинове (слева направо): 1-й ряд — Ян, Бронислава, Станислав, Брунон, Марика, Слизень (сидит), Янина Шоберова; 2-й ряд — Ядвига Дмоховская, Констанция Бохвиц, Валерия Гринкевич-Мочульская, Тадеуш, Ян Оттон, Янина, Чеслав; 3-й ряд — Флориан, Антоний Мочульские. Фото 1908 г.



Родословное древо рода Бохвицев герба Радван

(составлено по материалам архива: ф. 319, оп. 2, № 173, л. 56-70, 166, 193)

Тадеуш Оттон Бохвиц. Фото 1898 г.

В 1720 г. по духовному завещанию Станислава и Констанции Бохвицев закладное имение Рым с участком Копыля Копыльского княжества отошло сыновьям Филиппу, Ивану, Богуславу, Владиславу и двоим дочерям [149]. В третьем поколении наследников имел только Богуслав Радван (1697 г.р.), который в 1742 г. владел Рымом, а в 1744 г. на закладном праве — Новоселками и Смольковом. Он активно занимался государственными делами, проявлял верность королю Августу III, участвовал в избрании посланниками на сейм князя Николая Фаустина Радзивилла и новогрудского хорунжего Иосифа Корсака.

Владения Богуслава Радвана наследовались сыновьями Степаном (1734 г.р.), Фомой (1743 г.р.) и Ромуальдом (1749 г.р.). В 1788 г. по крепостной продажной записи Фома и Бальбина Бохвицы приобрели у хорунжего Аполлинария Пузыны фольварк Минкевичи, а Ромуальд и Ангелия в 1802 г. по продажной записи начали владеть половиной фольварка Студенец [149]. В этом году состоялось первое определение рода во дворянстве.

Ромуальд (1749 г.р.) положил начало весьма разветвленной и известной в XIX в. ветви рода. Одним из его троих сыновей был Флориан (1799—1856), поселившийся в имении Вошковцы, приобретенном в 1838 г. Флориан, женатый на Павлине Маевской, племяннице матери А. Мицкевича, известен как философ-моралист, писатель, автор ряда книг, изданных на польском языке («Сущность моей мысли...», 1838—1841; «Основы моих мыслей и чувств», 1842; «Мысли в воспитании человека», 1847) [613, 614]. Он разработал ряд вопросов общественно-политического и этического характера, подчеркивая значение труда в жизни общества, поощряя бережное отношение к частной собственности и уважение государственной законности. На принципах просвещения и религиозной морали строил педагогическую программу по воспитанию и обучению учащихся [475]. Один из его тезисов гласит: «... трэба вучыцца таму, што сапраўды развівае нашы веды, што робіць нас карыснымі грамадству на розных пасадах

Семья Тадеуша Бохвица. Фото около 1920 г.

Захоронение Павлины Бохвиц на кладбище в Дареве. Фото 2001 г.

і ў розных жыццёвых абставінах; нам трэба вучыцца таму, што цікавіць чалавецтва, што растлумачвае сэнс яго існавання».

Сыновья Флориана (шестое поколение) известны по восстанию 1863—1864 гг. и как образцовые хозяева, создатели новых усадеб. Владения Люциуша Януария Ромуальда (1838—1864) были конфискованы. Ян Оттон (1835—1915), участник Крымской войны, восстания 1863—1864 гг., узник Динабурга, поэт, общественный деятель, агроном-садовод. В формах неоготики построил две усадьбы, названные именами отца (Флорианово) и матери (Павлиново). Усадьбы Бохвицев хорошо сохранились. Дом во Флорианове известен по товарищескому салону, в котором бывала Э. Ожешко и многие другие видные деятели культуры того времени. Третий сын Роман Иннокентий (1845—1900) породнился с Чечотами, состоял в первом браке с Казимирой Чечот. Второе бракосочетание Романа с ее сестрой Елизаветой 22 лет состоялось в 1877 г. в Остробрамском римско-католическом костеле (Вильно) в присутствии Павлины и Флориана Бохвицев, Альбина и Эмилии (из Вендорфов) Чечотов, законных супругов [152]. В виде приданого Роману отошел Подороск, которым затем владели его старшие сыновья (Роман имел 6 сыновей) и внуки. Самому младшему сыну Витольду (1891 г.р.) отошло имение деда в Вошковцах.

Из представителей седьмого поколения известность имел Люциуш (1864—1938), сын Люциуша Януария Ромуальда, женатый на Казимире из Свежинских. После окончания гимназии в Слуцке изучал право в Варшаве и Петербурге, имел степень кандидата наук (1887), работал судьей в Туле, много помогал полякам через тульское отделение Польского товарищества помощи жертвам войны 1914 г. После Тулы работал в Новогрудке и Вильно и был награжден орденом Polonia Restituta. Автор мемуаров «Воспоминания университетские» (1882—1885), «Из далеких воспоминаний судебных» (1938). Увлекался сбором белорусских народных песен, передавал их Яну Карловичу [717].

В старом дедовском доме в Вошковцах родилось трое сыновей Яна Оттона (Тадеуш Оттон, Станислав, Флориан) и дочь Валерия (1868—1941), ставшая женой полковника российских войск Антония Гринкевич-Мочульского [151]. Четвертый сын Роман родился в 1874 г. в новом отцовском флориановском доме. Флорианово отошло старшему сыну Тадеушу Оттону (1863—1930), женатому на Брониславе Цивинской, известному собирателю периодических мировых изданий, другу Э. Ожешко, переписка которых составила целый том. Их сын Ян (1894—1937), выпускник Слуцкой гимназии и сельскохозяйственной школы в Горках, был женат на Марии Холстен. Имел слабое здоровье, дважды выезжал на лечение в Египет и рано умер. Дочь Ядвига (1900 г.р.) стала женой Казимира Рдултовского (1848—1939) [717]. Некоторые представители рода покоятся на кладбище в Дареве.

Захоронение Люциуша Бохвица на кладбище в Дареве. Фото 2001 г.

Родовой герб Бутримовичей Топор

Бутримовичи

Род Бутримовичей герба Старжа, Стариконь и Лебедь получил известность в войне с крестоносцами. Затем Бутримовичи расселились в поветах Лидском, Трокском, Виленском и Ошмянском [620]. Первое известное упоминание представителей рода относится к 1495 г. В этом году Мацка Бутримович и Радзивилл Немирович были освобождены от несения службы и повинностей и были признаны боярами-шляхтой, служащей «господарю боярскую службу» [429]. В Метрике ВКЛ (1520—1522) указываются «Бутрым Егилович, его сын Бутримович Богдан; Станчык Бутрымович, боярин ковеньский; Марына и Ганна Бутрымовыя бояринии ошменские» [424]. С. Уруский [755] считает этот род ветвью более древнего рода Бутрим герба Топор из Жмуди. Бутрим, близкий родственник Бируты, жены Кейстута, в 1413 г. на сейме получил герб и заслужил честь и славу в борьбе с крестоносцами.

Полесская ветвь рода молодая и мало разветвленная. У ее истоков стоял Игнатий, женатый на Иоанне Вишневской, имеющий сыновей Якова (Якуба) и Вацлава [154]. По данным Никодима Бутримовича (письменное сообщение), Станислав был протопластой рода и имел сына Якуба. Иоанна и Игнатий известны по документу за 1731 г., когда «закладное право на имение Седельники в Волковысском уезде, состоящее благородных Иоанны с Вишневских женою Игнатия Бутрымовича и сыном ее Яковом Бутрымовичем Войцеху Дзиковскому выдано» [153].

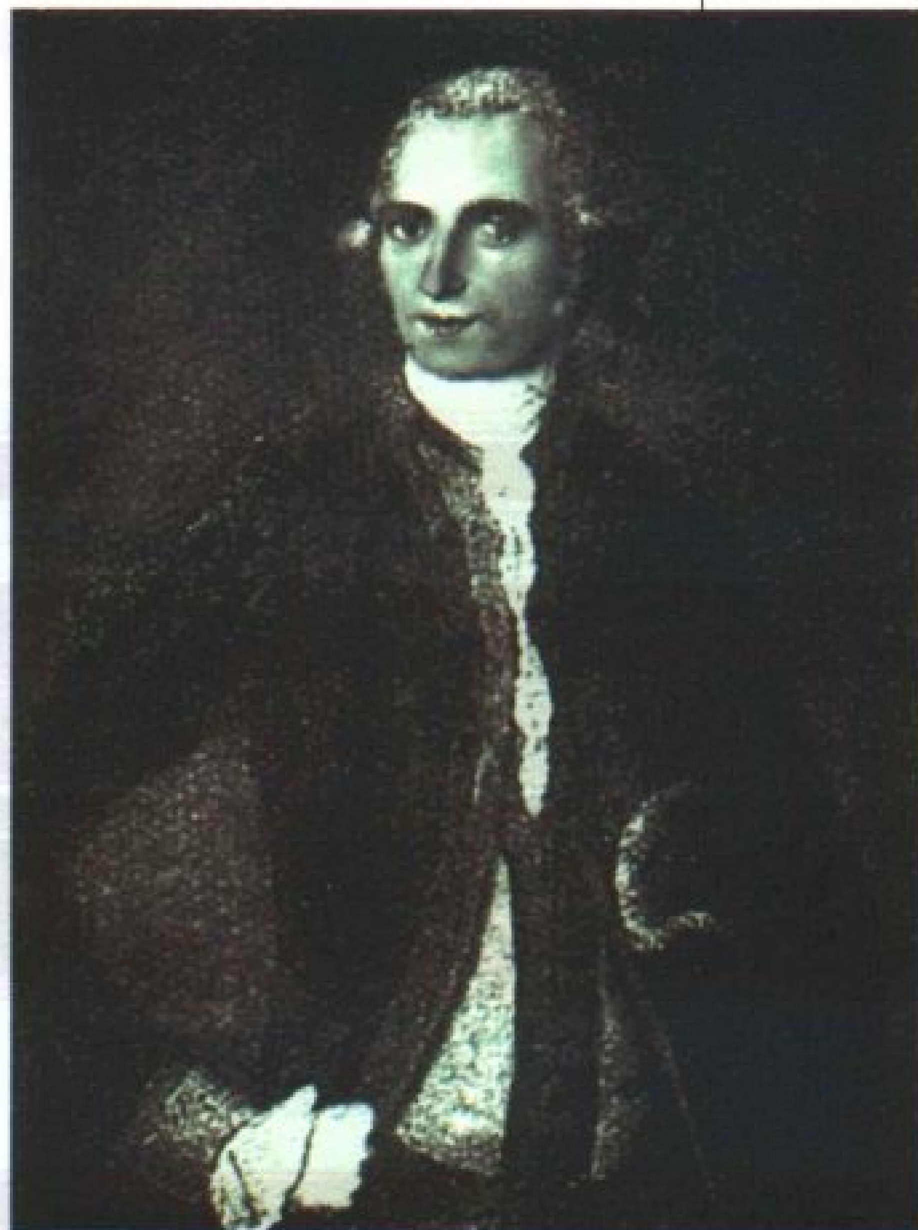
Якуб Бутримович, женатый на Анастасии Горчак, имел 5 сыновей и 3 дочерей. Старший их них Антоний являлся епископом униатским, второй сын Томаш — доминиканцем, Юзеф — шамбеляном, коморником Оршанского повета (письменное сообщение Никодима Бутримовича). Сыновья Матеуш (1745—1814) и Ян (1752—1812) пользовались привилеями короля Станислава Августа Понятовского. Привилей на кассирство войск ВКЛ поручик Матеуш получил в 1776 г., на должность ловчего Пинского уезда — в 1790 г., мечника — в 1780 г., городского судьи — в 1783 г., подстаросты пинского — в 1785 г. [636]. Шамбеляном (камергером двора польского) поручик кавалерии пинской бригады Ян Бутримович становится в 1789 г. [154]. Матеуш был женат на Кристине, дочери Якуба Лях-Ширмы и Анны из Литвинских. «Благородному Матвею и Кристине с Ширмов Бутримовичам, зятю и дочери» по дарственной записи, «последовавшей 10 февраля 1774 г. и тогда же в Пинском городском суде признанной, отошли от Анны Ширмы имение Лопатын с деревней Лопатыном и Хлябы с крестьянами в них оседлыми» [153]. Право на владение этими землями Мартину Яковичу

Кристина Бутримович

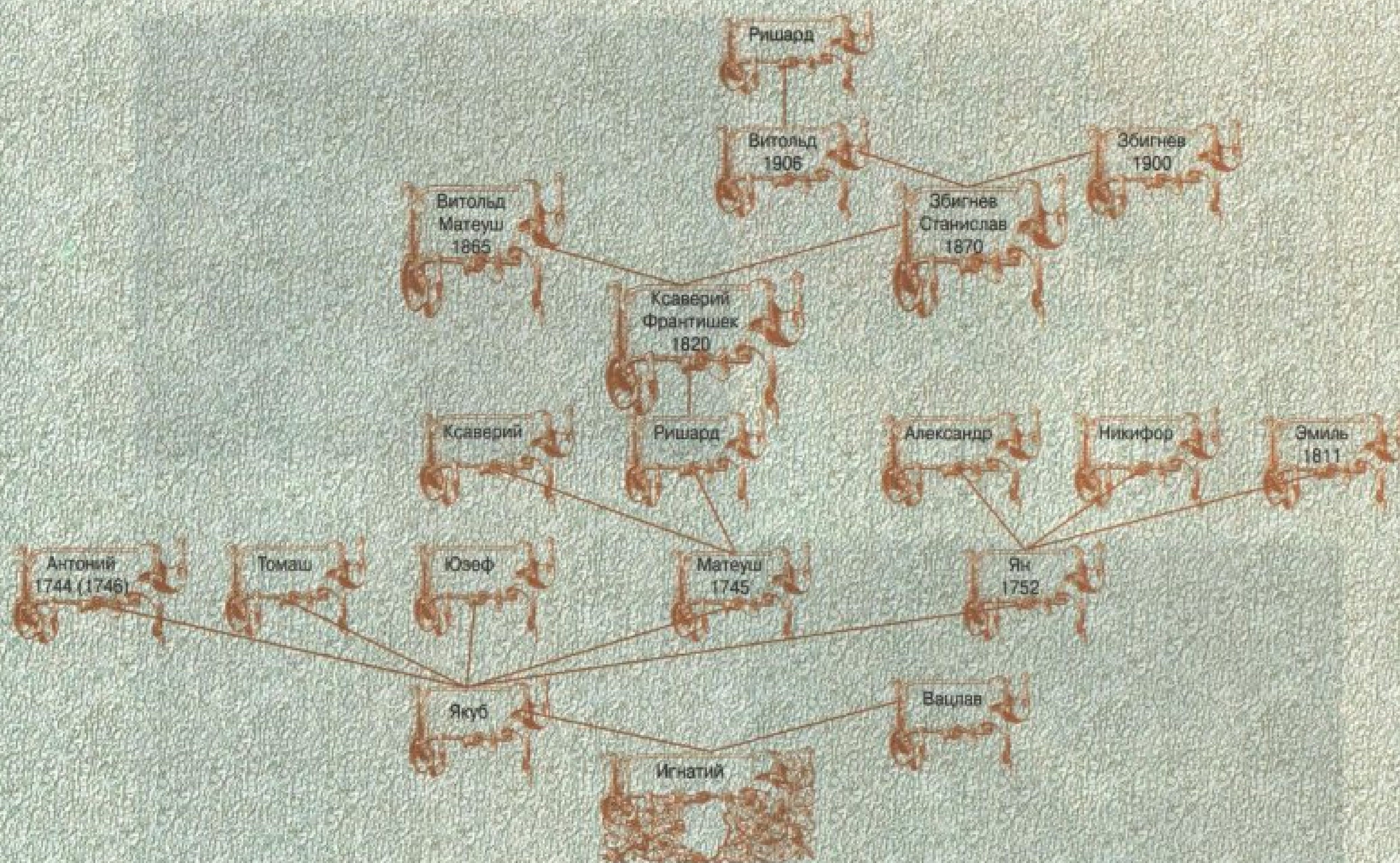
Ширмичу королева Бона подтвердила в 1524 г. Село Лопатино в Пинском княжестве называется под 1552 г. [508]. В 1775 г. Матеуш перевел четыре дворища земли в Лопатино с ленного во «влочистое» владение. Родовым гнездом Ширмов было Спорово, где на высоком берегу озера имелась красивейшая на Полесье усадьба (разрушена в годы последней войны).

Младший брат Матеуша Ян во втором браке был женат на сестре Кристины Ангеле Лях-Ширме. В 1808 г. по купчей крепости Яну отошла Доброславка с крестьянами от Карла Друцкого-Любецкого. По духовному завещанию 1812 г. владения перешли сыновьям Александру и Емельяну (Эмилиану). Емельян закончил Виленский университет и в 1829 г. получил патент на степень кандидата права [153]. Наследников не имел. Александр «сошел в расцвете молодости» написано на памятнике на его могиле в Пинске (1839). Ветвь рода продолжили Юзефа и Ришард, дети Матеуша. Средний сын Ксаверий (1777 г.р.) умер в Вильно в 1810 г. Через брак Юзефы с Михаилом род Бутримовичей слился с Ордами из Вороцевичей. Их сын Наполеон стал известным художником, пианистом и композитором. В замужестве дочь Юзефа стала Плотницкой, Анеля — Скирмунт, Эмилия — Куженецкой. Гортензия состояла в браке с Александром Скирмунтом, владельцем Колодного на Пинщине. Ее дочь Хелена, жена Казимира Скирмунта, получила известность как художник, на землях Беларуси была признанной женщиной-скульптором. Были известны и дети Хелены. Сын Станислав, путешественник, директор управления лесами в Судане, имел усадьбу в Хартуме, где и похоронен. Дочь Констанция (1851—1933) известна как историк, публицист и общественный деятель, автор ряда исторических работ, изданных в Кракове, Варшаве и Вильно («История Литвы», 1886; «Над Неманом и Балтикой» в 3-х томах, 1897, 1903, 1909 гг. и др.). Дочь Казимира в браке стала графиней Ромеровой, ее внук Генрих Солтан живет в Канаде.

Владения Матеуша перешли младшему сыну Ришарду (1780—1862), судье Пин-



Матеуш Бутримович



Родословное древо полесской ветви рода Бутримовичей герба Старжа

(составлено по материалам Н. Бутримович и архива: ф. 319, 2. № 293, л.25)

Захоронение Александра Бутримовича на католическом кладбище в Пинске

ского уезда, женатому на Фелиции Родзевич (похоронена в 1862 на католическом кладбище в Пинске). Ее брат Антоний — дед Марии Родзевич, известной писательницы. Сын Ришарда Ксаверий Франтишек Мельхир (1820—1911) был женат на Александре Быховец (?—1915) [153]. Александра была правнучкой Екатерины Жулковской из Сехновичей, сестры Тадеуша Костюшко и внучкой Людвига Ельского из Лядов, министра финансов в 1831 г. Ксаверий и Александра имели сыновей Витольда Матеуша (1865—1917), Збигнева Станислава (1868—1923) и дочь Ядвигу Бируту (1863 г.р.; в замужестве Видацкая). По ходатайству матери они признаны во дворянстве в 1870 г. Седьмое поколение (дети Збигнева: Ирэна, Витольд, Мария, Збигнев) было последним в Кристинове.

Среди Бутримовичей особого внимания заслуживает Матеуш, представитель третьего поколения, активный государственный и хозяйственный деятель на Полесье времен Станислава Августа Понятовского, реформатор, городской судья, депутат Трибунала Литовского (1786), посол на четырехлетний сейм (1788). Он сыграл особую роль в экономическом развитии региона, в мелиорации болот, строительстве и освоении каналов (Огинского — 1767—1783; Королевского — 1775—1783), двух крупных водных путей, проложенных во второй половине XVIII в. и сделавших Пинск портом международного значения. Город получил связь с Черным и Балтийским морями. Матеуш был приятелем и доверенным лицом гетмана Михаила Казимира Огинского, арендатором многих его полесских имений. Вносил конкретные предложения при строительстве канала Огинского, советовал, например, прокладывать его мимо озера Выгоновское, поскольку озеро и канал весной вскрываются в разное время, что сказывается на времени навигации. Пользовался расположением короля, которого со свитой, с величайшими почестями (стрельбой из пушек, иллюминациями и оркестром) встречал 8 сентября 1784 г. в Кристинове.

Матеуш первым среди землевладельцев Полесья приступил к освоению заболоченных, переувлажненных и пойменных угодий, затапливаемых весенними паводками. Являлся непосредственным организатором и исполнителем этих работ, не жалел средств и сил. Не без иронии говорил, что «практически все, что остается свыше жизненных потребностей, закапываю в землю или вкладываю в строительство». Проложив дренирующие каналы и используя в пойме р. Стырь польдерную систему (выгораживание участка от затопления путем обвалования), он освоил лопатинские и хлябовские болота, принадлежащие тестю Якубу Лях-Ширме. В 1773 г. среди окультуренных земель на возвышении заложил новую усадьбу с 2 официнами, назвал ее Кристиново. Парк с оранжереей был спланирован на месте осушенного массива.

В Лопатино Матеуш организовал ремесленную школу. Ремесленники изготавливали замки, рессоры, кресла, другие изделия. На Стыри работала мельница. В 1798 г. строится суконная фабрика. Имение стало доходным, лопатинские крестьянские дворы выделялись добротной застройкой и ухоженностью. Вдоль свеженасыпанной в основном за свой счет первой дороги-гребли от предместья Каролин до Кристинова, ставшей выгодной связью Беларуси с Волынью, он организовал в 1784 г., в день приезда короля, ярмарку, представляя товары хозяйственной деятельности полешуков. На реке стояли боты, загруженные товарами, предназначенными для Гданьска. Зрелищность праздника достигалась сочетанием ярмарки с музыкой, песнями, неповторимыми костюмами пинчуков.

Король Станислав Август Понятовский увиденное назвал чудом и подарил реформатору золотую табакерку с драгоценными камнями и своим изображением [339]. Матеуш награждается затем орденами Белого Орла и св. Станислава [636]. Умер в 1814 г. Кристина пережила мужа на 3 года.

В Пинске сохранился дворец, построенный М. Бутримовичем в 1784—1790 гг., ставший памятником историческому роду.

Скирмунты

Родовой герб Скирмунтов Дуб

Одним из старейших является полесский род Скирмунтов* герба Дуб. На родовом гербе изображены три ветви дуба и княжеская митра (первоначально дерево дуба с 3 ветвями, и герб именовался Годземба). В 1569 г. гербом пользовался Ян Скирмунт. Я.Цеханович [622] упоминает род Скирмунтов гербов Годземба, Приятель и Три Лилии. Предком рода называет Матея Скирмунта, герб которого имел изображение дуба с тремя ветвями. Он владел Буткишками на Жмуди.

Род, по данным Ю.Вольфа [764], берет начало «от великих князей литовских, от Скирмунта, старшего сына Мингайло, внука Эрдивилла, первейшего князя литовского». Новогрудский князь Скирмунт упоминается в связи с битвой с владимирским и туровским князем Мстиславом, состоявшейся в 1220 г. недалеко от поселения Стошаны на Пинщине. Ему отошел Пинск, он становится князем на «Пинску и Новогрудку» [697]. К Скирмунту хан заволжский Булак Солтан присылал послов, добиваясь тем самым получения дани, но в ответ получил отрезанные у послов носы и уши. После чего состоялась битва у Койданова с войском Балаклая Солтана, в которой Скирмунт также одержал победу и вскоре овладел Мозырем, Стародубом, Черниговом и Карачевом. При жизни свои обширнейшие владения разделил между сыновьями Люгартом, Писсимунтом и Тройнатом. Его старшие сыновья погибли во время татарских набегов. Владения Тройната перешли его сыну Альгимунту (Дерналович, 1978, письменное сообщение). Согласно хронологии великих литовских князей, составленной Констанцией Скирмунт (1886), Скирмунт и Тройнат жили в XII, а Альгимунт – XIII в.

Согласно документам НИАБ, родословное дерево, составленное в 1802 г., включает девять поколений (83 личности), признанных во дворянстве Минским Дворянским Депутатским собранием в 1802, 1811, 1820 и 1829 гг. и внесенных в шестую часть Родословной Минской губернской книги. Отсчет родословной начинается с Богдана (Богуша) Скирмунта, которому 22 июня 1552 г. грамотой ее величества королевы Боны за верную государственную службу пожаловано имение Плотница [188]. Пинский земянин Богуш Скирмунт, говорится в грамоте, положил перед нами письмо покойного Аврама Капустича, который с братом Иваном, с женою и детьми дворище

** Скирмунты писали название рода через одно или два «т». Констанция Скирмунтт именует великого князя литовского «Скирмунт»; Константин с осени 1903 г. начал писать одно «т». J.Ciechanowicz [622] также использует одно «т».*

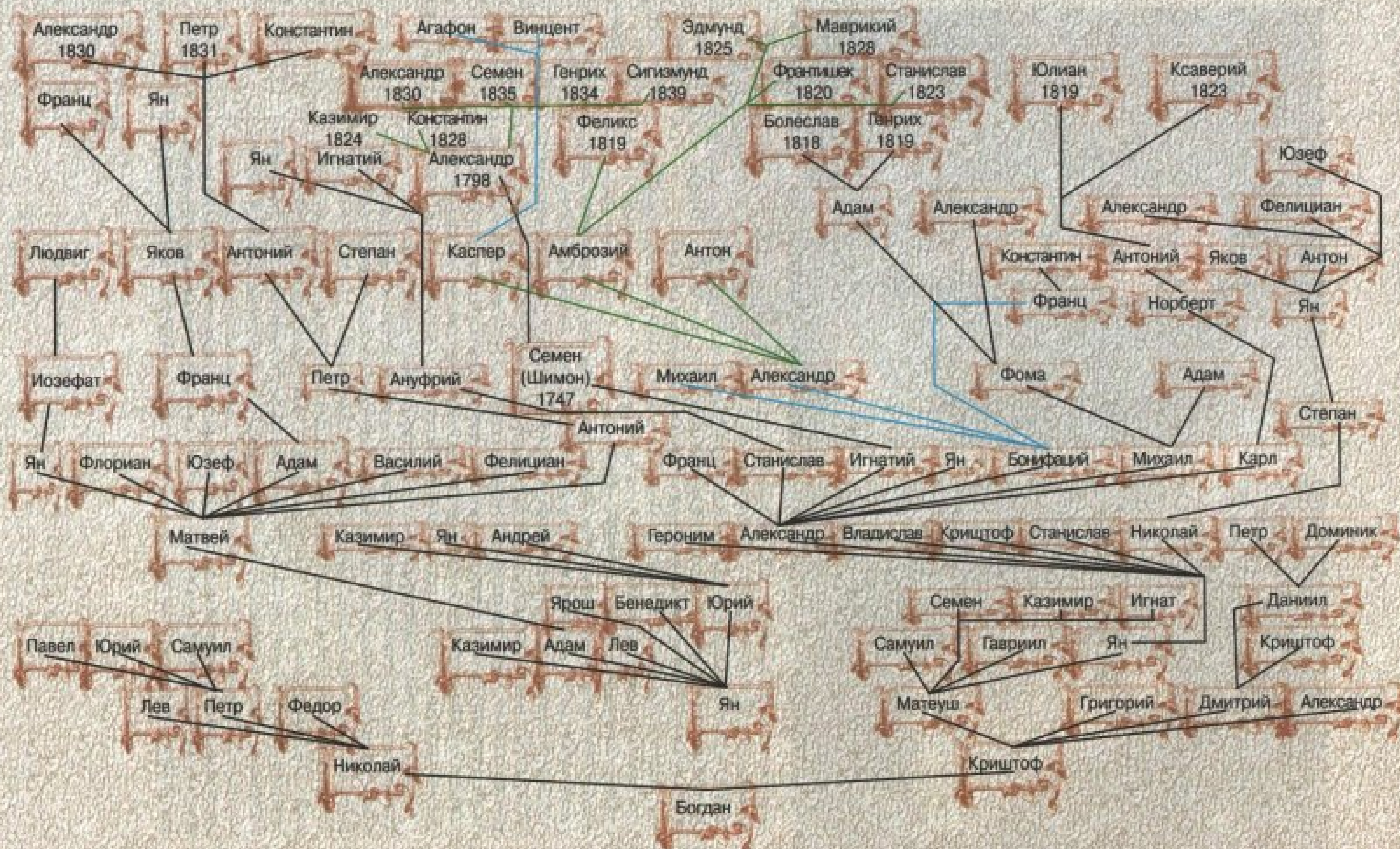
Констанция Скирмунт (из Сулистровских). Копия портрета, выполненная Анной Ромер с работы В.Ваньковича

Александр Скирмунт. Копия портрета, выполненная Анной Ромер с работы В.Ваньковича

Тарасовское «отчизное властное продали на въчность» Богушу Скирмунту за «15 копъ грошей» в селе Плотница [520]. Первое упоминание старинного поселения Плотница относится к 1498 г., когда пинская княгиня Мария Семенова пожаловала два дворища Сенько Дмитровичу [325]. Королева Бона письмом от 1524 г. подтвердила его право на владение [441]. В 1503 г. Плотница являлась владением Карповичей [638].

Богуш Скирмунт, с 1543 г. подстароста пинский, владел Плотницей до последних дней своих. Его не стало в 1563 г. Имение было родовым гнездом, включая XIX в. Сыновья Богуша Николай и Криштоф положили начало двум ветвям рода. Ветвь Николая угасла в четвертом поколении. Необычайно разветвленной оказалась вторая ветвь, у истоков которой стоял младший сын Криштоф, владелец Плотницы, пинский судья, староста плотницкий, женатый на Прасевечевне, который в 1567 г. «ставил одного коня» [434]. В 1612 г. по его духовному завещанию владельцами стали сыновья Ян и Матеуш, которые в 1622 г. поделили имение с младшими братьями Григорием и Александром. Ян известен как посол Смоленский, который в 1569 г. подписал Люблинскую унию за смоленские земли, приложив печать с гербом Годземба. С Александра, поселившегося в Ошмянском повете, началось расселение рода.

Далее Плотница наследовалась только «по мечу». По духовному завещанию Яна Криштофа, женатого на Головнянке, часть имения переходила его сыновьям Адаму и Юрию. Долю Матеуша получил его самый младший сын Ян, житомирский войский. В пятом поколении Плотницей владели сыновья Адама, Юрия и Матеуша — Матеуш, Казимир, Александр и Николай. Среди них выделился Александр Скирмунт, сын Матеуша, городничий пинский, обозный пинский (1704), староста вечиковский (1710—1740), женатый на Корнелии Орда. Он первый среди представителей рода владел многочисленными имениями в Пинском, Вилкомирском, Ошмянском, Минском, Киевском поветах. По разделу 1746 г. его 5 сыновей из 7, получив имения, положили начало новым линиям в разных регионах. Дочь Виктория была замужем (с 1728) за князем Юзефом Друцким-Любецким. После смерти мужа в 1762 г. именовалась княжной-вдовой Друцкой-Любецкой на Любавичах, Погосте, Лунине и Парохонске. Ее сын Франц



Родословное древо рода Скирмунтов герба Дуб

(составлено по материалам архива : ф. 319, оп. 2, № 2969, л. 279,293,323)

Александр Скирмунт. Фото Брандла. 1871 г.

(около 1735—1806), последний каштелян пинский (1793), являлся предком многочисленных представителей рода [764].

Затем родовое имение Плотница перешло в собственность внукам Александра, сыновьям его сына Михаила — Фоме, пинскому хорунжему, и Адаму, пинскому подкоморию, кавалеру ордена св. Станислава, который, являясь судьей земским пинским, подстаростой пинским (1775), канцлером Тарговицкой конфедерации (1792), избирался членом суда этой конфедерации. Его речь на сейме 1775 г. была издана в польской библиотеке в Париже. Частью имения владел Франц, старший сын Александра, не имевший наследников.

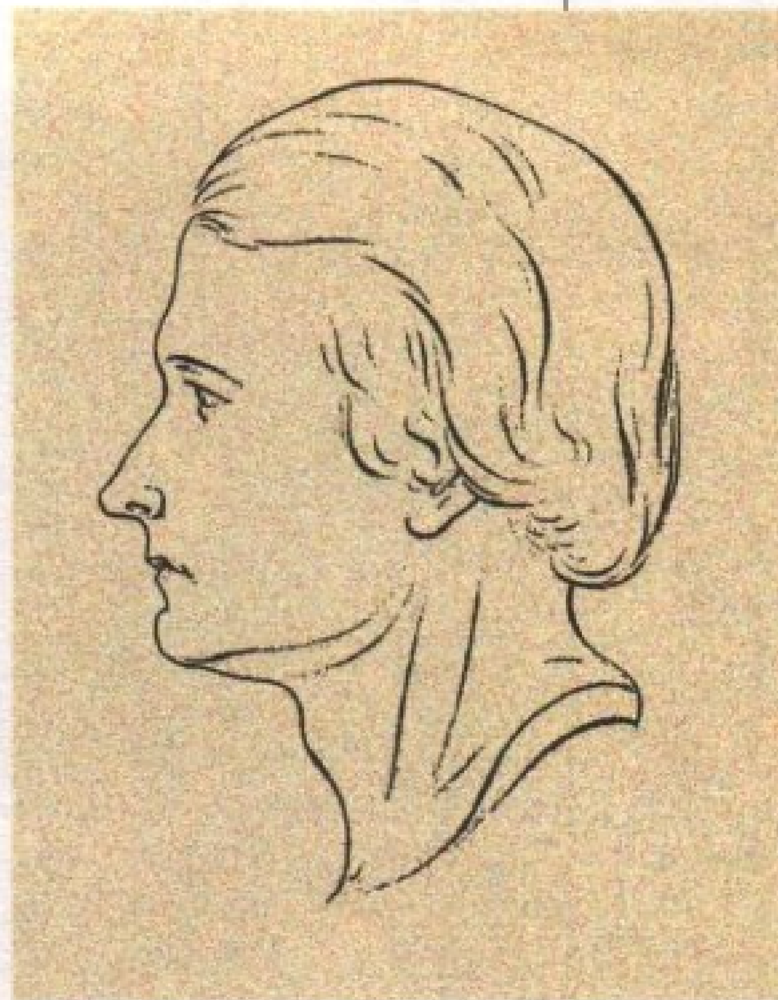
Сыновья Фомы — Адам (предводитель дворянства Пинского уезда) и Александр (также предводитель, награжденный в 1828 г. орденом св. Владимира 4-й степени) в 1820 г. разделили между собой имение. Адам Фомич закончил Виленский университет и, продолжая курс наук в университете, получил степень кандидата философии, что удостоверяется патентом 1811 г. В 1856 г. состоялся раздел владений Адама между сыновьями Болеславом и Генрихом [129]. Совладельцами были Иван и Франц, сыновья Якова Францевича.

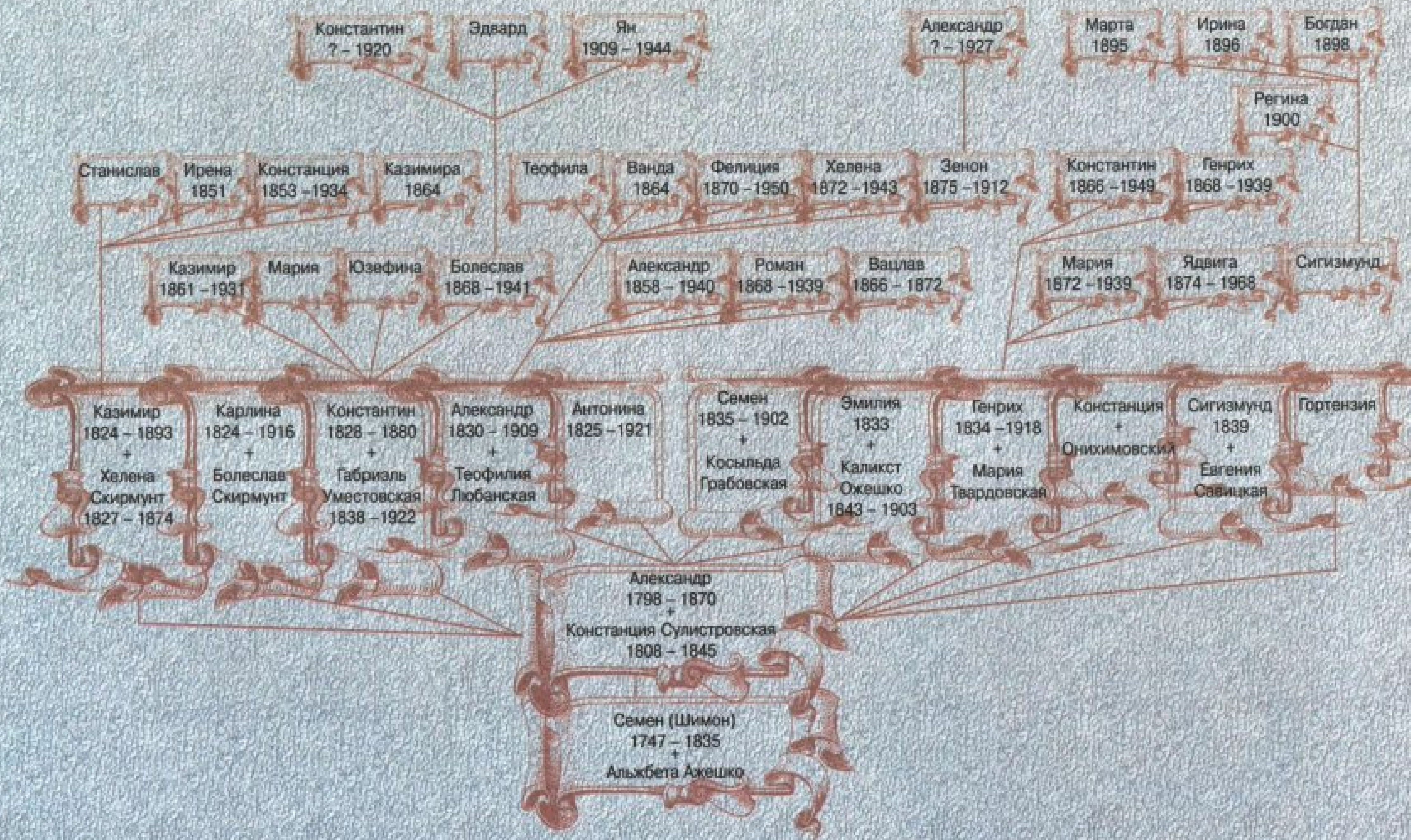
Во 2-й половине XVIII в. среди Скирмунтов особо выделился представитель седьмого поколения Шимон (1747—1817), сын Игнатия, наделенный привилеями короля, мостовничий пинский (1776), мечник (1790), подчаший Пинского повета (1793), депутат Главного Литовского Трибунала, посол на сейм 1792 г., маршалок Пинского уезда (1812). В 1792 г. купил за 468 тысяч злотых у Огинских Молодово и Поречье, обложенное долгами, основал в Молодове резиденцию и положил начало самой знаменитой молодово-пореченской ветви рода [188]. Пинщина, по выражению Наполеона Орды, была «колыбелью рода, здесь он и разродился и закрепился» [714].

Умелое ведение хозяйства позволило Шимону стать вскоре богатейшим шляхтичем брестско-литовского воеводства [711]. Через жену Эльжбету Шимон породнился с известным и влиятельным родом Ожешко. Владения наследует сын Александр Изидор (1798—1870), пинский предводитель дворянства, женатый на Констанции (1806—1845), дочери Каролины из Абрамовичей (умерла в 1849 и покоится на фамильном кладбище Скирмунтов в Молодове) и Казимира Сулистровского, виленского маршалка, минского губернатора. К полесским владениям добавляется Шеметовщина на Мядельщине, большое имение жены.

Александр Скирмунт получил хорошее образование и положил начало развитию промышленного производства в Полесье. После окончания в 1818 г. физико-математического факультета Виленского университета со степенью магистра продолжал учебу в Германии и Франции, обращая особое внимание на изучение химии и ее применение в производстве. В 1830 г. стро-

Казимир Скирмунт. Рисунок Хелены Скирмунт. 1850 г.





Родословное древо молодовской ветви рода Скирмунтов герба Дуб

(составлено по материалам архива: ф. 319, оп. 2, № 2969, л. 43-78 и Софьи Дерналович, 1978).

Сестры Теофилия и Зенона Любанские. Рисунок с натуры Хелены Скирмунт. 1850 г.

ит в Молодово сахаро-рафинадный завод (один из первых в Беларуси), в 1836 г. — в Поречье суконную фабрику, закладывает для целей фабрики плантацию ворсильных шишек. В Альбрехтове организовывает новое для того времени производство стеариновых и восковых свечей, туалетного мыла. Проводит работы по улучшению угодий, мелиорирует пойму р. Ясельда. Выступает за коренное планировочное преобразование земельной собственности, считая, что государство должно быть заинтересовано в устройстве земель крестьян, многочисленных земельных собственников [331]. На склоне лет успешно занялся виноградарством. Заложил плантации в Крыму, в долине Балаклавы на площади 400 моргов, где выращивались лучшие венгерские и рейнские сорта, на берегу Адриатического моря в Перрино (120 моргов) и Бриндизи (Италия) [377, 714].

Александр и Констанция имели шестерых сыновей и пятерых дочерей. Отцовские владения в 50 тысяч моргов по раздельному акту от 1873 г., записанному в книге Виленской соединенной палаты Уголовного и Гражданского судов, поделили сыновья. Все наследство было оценено в 510 тысяч рублей и было разделено на шесть равных частей. Приданым были наделены дочери. Самый старший сын Казимир Маврикий Семен, крещенный в Пинском францисканском приходском костеле в 1824 г., стал представителем пинской линии рода [188]. Он унаследовал дворец в Пинске и отцовские каменные дома с шестнадцатью земельными участками под виноградники площадью 162 десятины в Ялтинском уезде. Был женат на Хелене Скирмунт (1827—1874), дочери Гортензии, родной сестры Наполеона Орды, и Александра Скирмунта, владельцев имения Колодное. Казимир Маврикий Семен был инициатором создания акционер-

Семья молодовских Скирмунтов (слева направо): Генрих (1-й), Мария, Константин

ного общества Литовской железной дороги от Белостока через Пружаны в Пинск и далее на Волынь. Работал посредником управления по делам усмирения крестьян, но, являясь сторонником восстания, в 1863 г. подал в отставку. За причастие к восстанию отбывал ссылку в Костроме. Хелена, известный художник и скульптор, была сослана в Тамбов.

Второй сын Александра Константин (1828—1880), женатый на Габриэле Уместовской, дочери Казимира, маршалка Ошмянского повета, и Юзефины Дунин-Раецкой, становится владельцем Шеметовщины, материнским имением в 8784 морга земли. Константин известен как превосходный хозяин и гражданин, инициатор реформации сельского хозяйства (основал гарбарню, сахарный завод и маслобойню). Финансировал издательскую деятельность, выделял стипендии для бедных студентов, увлекался предметами искусства и старины. Наказание за участие в восстании 1863—1864 гг. отбывал в Кирсанове, имение утратил. Его старший сын — Казимир (1861—1931) владел одним из фольварков имения. Учился в Дерптском университете (факультет правоведения). Затем в Риме закончил коллегиум, Папский Грегорианский университет и академию. В 1893 г. посвящается в ксендзы, в 1895 г. получает звание доктора теологии, публикуется в разных изданиях. В 1918 г. становится каноническим советником польского посольства в Риме, награждается орденом Polonia Restituta. С 1919 г. постоянно живет в Риме. Покоится в генеральской часовне на кладбище Campo Verano. На саркофаге изображены родовые гербы Скирмунтов Дуб и Уместовских Рох. В 1933 г. в римском костеле св. Станислава помещена памятная бронзовая доска с его изображением работы скульптора Антония Мадейского. Сестра Казимира Мария (1858—1907) стала женой Петра Твардовского из Велесницы. Она окончила женские курсы им. А. Баранецкого в Кракове, прослушала курс ботаники Е. Янчевского. Считалась ботаником «от рождения». Изучала флору травянистых растений в окрестностях Шеметовщины, где в отцовском имении прошли ее детские и юношеские годы, Свитязи, Велесницы (здесь она жила после замужества). Автор 13 работ. Гербарные сборы Марии, к которым обращаются и белорусские флористы, хранятся в ботанических фондах [753].

Константин Скирмунт (сидит) в польском посольстве в Лондоне

Шеметовщина по наследству перешла младшему сыну Константина Болеславу Скирмунту (1868—1914), который являлся ее последним владельцем. Болеслав вел хозяйство, продолжая традиции отца, и занимался писательской деятельностью. Автор монографии о брате Казимире, повести «Из жизни польского двора» (Вильно, 1939). Перевел на польский язык книгу Ф. Нансена «Среди ночи и льда» (1898). Участвовал в качестве связного в секретной миссии брата.

Хозяйственные традиции отца в Поречье продолжал третий сын Александра Скирмунта Александр (1830—1908), человек, по выражению Наполеона Орды, «больших возможностей и завидного характера», женатый на Теофилии Любанской. Он создал крупный для того времени пореченский производственный комплекс. Хозяйственную деятельность совмещал с государственной службой, с 1847 г. являлся почетным смотрителем училищ в Кобринском уезде, с 1858 г. — гласным губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. Позднее становится почетным мировым судьей Пинского уезда [377]. Всегда был против силового решения любых проблем, но принимал участие в восстании 1863—1864 гг. Подвергался репрессиям. Известны его разработки по урегулированию крестьянского землевладения, устранению чересполосицы, отмене пастбищных сервитутов, направленных на поднятие сельскохозяйственного производства [331]. Являлся президентом и основателем Полесского общества взаимного кредита.

В большой семье Александра и Теофилии было 5 дочерей и 4 сыновей [188]. Старшая дочь Теофила Гортензия Мария (1857—1935) училась и воспитывалась в пансионе в Варшаве, Бронислава Валерия Матильда (1860—1916), Ванда Фортуната (1864—1954), Фелиция (1870—1950) и Хелена (1872—1942?) — в пансионе сестер Непокалянок в Ядловце (Польша). Сын Вацлав (1852—1872), студент политехнического института в Риге, трагически погиб. Александр Семен (1858—1940) жил в имении Коженево. Самый младший — Зенон (1874—1912), женатый на графине Марии Лясоцкой, владел материнским Теклинополем. Среди детей Александра особой известностью пользовался Роман Марьян (1868—1939), крещенный 30 апреля 1868 г. преподобным отцом Викентием Свидерским в Пинском костеле [188]. Ему отец завещал имение Поречье. Роман стал образцовым его владельцем, продолжал традиции отца и деда по развитию хозяйства, старался вести его на научной основе, мелиорировал луга, проводил облесение угодий с бедными почвами, занимался интродукцией растений, заложил парк в пейзажном натуралистическом духе, некоторые уникальные древесные виды которого продолжают расти и в наше время (тюльпанное дерево, болотный кипарис обыкновенный, дуб бархатистый). Вместе с тем Роман являлся видным политиком своего времени. Был депутатом первой Государственной Думы России. В 1910 г. Минским избирательным собранием избран членом Государственного Совета, но от этой должности отказался [194]. В 1917 г. возглавил Белорусский Национальный Коми-

Константин Скирмунт (во втором ряду в центре с членами польского посольства в Лондоне)

тет, вел переговоры с Временным правительством России об автономии для Беларуси, понимал необходимость объединения всех белорусских сил, пробовал привлечь к белорусскому движению представителей наиболее влиятельных магнатских родов, например, Радзивиллов. Был дружен с Эдвардом Войнилловичем, являлся его правой рукой в политической деятельности. В 1918 г. возглавлял правительство БНР и выставлял свою кандидатуру на пост ее президента. В 1930 г. избирался сенатором, принимал участие в разработке Конституции II Речи Посполитой. Однако его потенциал не был по-настоящему востребован, он порывает с политикой и полностью отдается хозяйственной деятельности.

Молодовское имение перешло четвертому сыну Александра — Генриху Семену (1836—1916), поручику царской армии, женатому во втором браке на Марии Твардовской из соседнего имения Велесница, дочери Юзефа, ректора Виленского университета. После смерти брата Шимона ему перешли отцовские виноградники в Италии, которые он продал примерно в 1911 г. Генрих Семен, как и его братья, успешно занимался хозяйством. Практиковал четырехпольный и восьмипольный севообороты, разводил породистый скот, наладил экспорт сливочного масла летом через Либаву в Данию и Англию, а зимой — в Варшаву и Одессу [388]. В 1905—1908 гг. построил дворцовую часовню, а официну отдал под школу домашнего хозяйства.

Дети Генриха Семена и Марии были литераторами, музыкантами, политическими деятелями. Константин (1866—1949), известный политик, дипломат, был членом Государственной Думы (1909), Польского народного комитета в Париже (1917), участником польской делегации на Версальской конференции 1919 г., послом Польши в Риме, министром иностранных дел Польши (1921), послом Польши в Лондоне (1924—1934) [746]. Был награжден орденом Polonia Restituta, являлся кавалером орденов многих стран Европы (Франции, Италии, Бельгии, Румынии, Югославии, Чехословакии, Норвегии, Финляндии). Он автор мемуаров «Мои воспоминания». Рукопись книги, утерянная в 1944 г., была восстановлена по памяти в последние годы его жизни и издана в 1997 г. благодаря стараниям Евы Орловой и Андрея Пастернака. Ядвига Скирмунт (1874—1968) посвятила свою книгу «Пани на Грушевой» Марии Родзевич с имения Грушево, которую поддерживала в тяжелые годы ее непризнания в Польше.

Захоронение Александра Скирмунта в Молодове. Фото 2001 г.

Второй сын — Генрих (1868—1939), последний владелец молодовского имения, успешно вел хозяйство, увлекался поэзией, литературой, музыкой. Его творческое наследие составило несколько сборников стихов и песен — «Со стихов и песен Генриха Скирмунта» (1898), «Поэзия» (1903), «Поэзия (1912), драматическое произведение «Жизнь художника» (1925), публицистические книги «Живые фотографии» (1927) и «Будет Польша во имя Пана» (1930), варшавский цикл «Англия» и др. Генрих — автор либретто оперы «Пан Воладиевский», премьера которой успешно состоялась в 1902 г. в музыкальном театре Львова, и оперы «Возвращение байки» (1913), постановке которой в большом театре в Варшаве помешала война 1914 г. Генрих дружил с Элизой Ожешко. Она навещала Молодово, переписывалась с Генрихом до последних своих дней, заглавия и некоторые сюжеты его стихов она заимствовала для своих произведений. Дочь Мария (1872?—1939) закончила школу Ядвиги Замойской в Кузницах и организовала подобное заведение в Молодове, в котором вела занятия.

Генрих Скирмунт

Семен (Шимон) Людвиг (1837—1902), пятый сын Александра и Констанции, женатый на графине Касыльде Грабовской, стал владельцем имения Клетная на Пинщине в 10946 моргов земли. Ему отошли владения отца с тремя виноградниками в Перрино и Бриндизи. Жил некоторое время в Париже, занимался рисованием и писательской деятельностью (полотна хранятся в Национальной галерее в Нью-Йорке, имелись также в Поречье). Его прах из Парижа перевезен на фамильное кладбище в Молодово. Самый младший сын Зигмунт (1839 — 1863), доктор философии Гейдельбергского университета, жил в Гейдельберге, затем — в Женеве. Был женат на Евгении Савицкой. Рано ушел из жизни. Похоронен в Париже на кладбище Пер-Лашез в склепе, купленном сестрой Антониной Скирмунт. Жена Евгения вышла замуж вторично за его родственника по матери — Леона Сулистровского, с которым за участие в восстании 1863—1864 гг., была сослана в Сибирь. Малолетнему сыну Зигмунта, также Зигмунту (1863—1926), перешло Альбрехтово, надел под Пинском со стеариновым заводом с денежной доплатой [27]. Зигмунт женился на Марии Жолтовской. Ее брат Ян (Иван) — известный архитектор, заслуженный деятель науки и искусства России, заслуженный деятель искусств Беларуси, академик Академии архитектуры СССР, один из авторов проекта реконструкции Москвы.

Жизнь многих представителей большого цветущего рода оборвалась в 1939—1940 гг. Трагически погибли в Поречье и Молодово Роман, Болеслав, Хелена, Генрих и Мария. При разных обстоятельствах в Польше не стало почти всех мужчин рода: Антония, Ксаверия, Генриха, Болеслава, Каспера, Владислава [540].

В 1996 г. в Бокиничах, на земле одного из имений Скирмунтов, стараниями Терезы Скирмунт и сельчан возведена капличка со скульптурой Божьей Матери с младенцем, привезенная из Вероны. Скромное сооружение с надписью на камне «Matko Boska modli się za nami, wypraszaj łaski u Syna Swego» символизирует вечность памяти рода Скирмунтов, оставившего заметный след на земле края. По выражению князя Валериана Мейштовича, советника посольства Речи Посполитой при Ватикане, «...Скирмунты... были одним из наиболее культурных родов среди шляхты Великого Княжества» [711].

Родовой герб Твардовских Огоньчик

Твардовские

Полесская ветвь старинного польского кальвинского рода Твардовских герба Огоньчик, владевших в Польше Кобельниками и Щучином, сравнительно молодая. Начало ей во 2-й половине XVIII в. положил Петр Твардовский, генерал, возглавлявший дивизию, которая располагалась в Пинске. Около 1780 г. купил старинное, известное с 1495 г. имение пинских князей Велесницу и имение Холожин, женился на Телиме, дочери Самуэля Орды, пинского судьи, и осел на этих землях. Ветвь рода признана во дворянство Минским Дворянским Депутатским Собранием в 1803 г. [193]. Резиденцией Твардовских стала Велесница, расположенная рядом с Поречьем Скирмунтов, где в формах классицизма Петром закладывается усадьба, с которой была связана жизнь пяти поколений рода.

Представителем второго поколения был сын Петра и Телимы Юзеф (1786—1840), женатый на Теофилии Микульской (?—1876), доктор философии, профессор Виленского университета, один из сотрудников А. Чарторыйского. Ему Томаш Зан признался о существовании Товарищества филаретов и, послушав совета, его временно распустил. Осенью 1822 г. Юзеф становится ректором университета вместо С. Малевского. При ректорах Семене Ма-

Усадебный дом Твардовских в Велеснице. Парадный фасад. Фото до 1917 г.

Казимир Твардовский. Фото 1910 г.

левском и Юзефе Твардовском «... было время чувства, которое осиливало холодный разум; время поэзии, которая охватила всю Литву, проникла в Польшу...», как писал А.К. Киркор [346]. В следующем году Юзеф был уволен, видимо, как один из «неблагонадежных» профессоров, содействующий студенческим объединениям. После университета он занимался хозяйством имения, улучшением породистости скота и овец. Опекал и материально поддерживал студентов из небогатых семей. Организовал в Пинске общество и торгово-комиссионный дом для совершенствования торговых связей местных производителей с заграницей. Имел сыновей Казимира, Эдварда и дочь Марию. Велесница перешла старшему сыну Казимиру (1813—1885), женатому на Михалине Воллович (?—1888). Сын Эдвард, женатый на Гелене Стравинской, владел имением жены в Волковысском уезде. Казимир принял участие в восстании 1863—1864 гг., умер в 1866 г. в Тобольской губернии. Имение Мартыновка в Пинском уезде в 1871 г. конфискуется [98].

Мария стала женой Генриха Скирмунта, владельца Молодово. Дети Марии не оставили потомства. Представителями четвертого поколения были сыновья Казимира Юзеф и Петр, женатый на Марии Скирмунт (1858—1907), владельцы Велесницы [548]. Петр умер около 1914 г. Велесница перешла его сыновьям Степану и Казимиру [596]. Казимир, известный доктор философии, профессор, в 1910 г. возглавил издание ежемесячника «Ruch Filozoficzny». Последней Твардовской в Велеснице была Гермина [18].

Охово. Костел. 1863 г.

Усадебный дом Твардовских в Велеснице. Парадный фасад. Фото до 1917 г.

Пять поколений рода создали в Велеснице одну из наиболее крупных классицистических усадеб на Пинщине, включающей большой усадебный дом, официну, пейзажный парк, собрали архив, библиотеку, фамильные реликвии, старинную мебель, коллекцию картин, портретов преимущественно художников виленской школы живописи. В 1914 г. усадьба сгорела. После войны Твардовские построили новый дом уже за р. Ясельда на берегу канала Огинского. Дом сгорел в 1939 г. На месте бывшей усадьбы расположен старый мелиоративный знак, растут одиночные деревья [633]. Михалина Воллович, Теофилия Микульская, Мария Скирмунт и Казимир Твардовский покоятся на пинском католическом кладбище. Петр, Юзеф и Мария Твардовские похоронены в Охове на православном кладбище около храма, содержание которого фундовали, являясь владельцами Холожина.

Каменная плита на могиле рода Твардовских на православном кладбище д. Охово

Друцкие-Любецкие

Родовой герб Друцких-Любецких Друцк

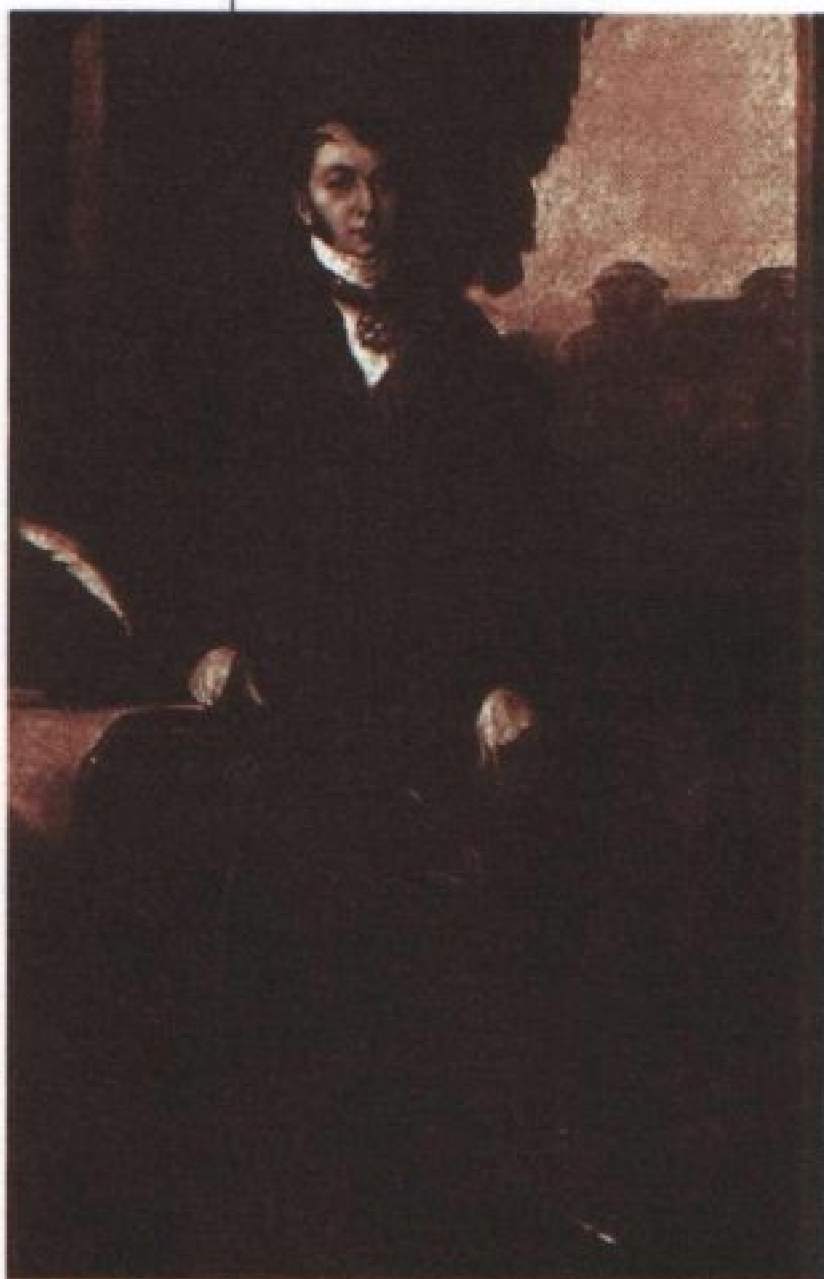
Являются одним из ответвлений старинного княжеского рода Друцких, представители которого занимали высокие государственные должности в ВКЛ и имели крупные землевладения. Назывались по имени Друцка, удельного города Друцкого княжества, и пользовались гербом Друцк, на красном поле которого изображался серебряный меч, вокруг него полярно совмещались горизонтально четыре золотые полумесяца рожками навстречу. У истоков рода стоял, видимо, полоцкий князь Борис Всеславович (?—1128). Друцком владел его сын Рогволод. Князьями Друцкими были его потомки — сын Глеб, внук Глеба Иван [171].

В родословной рода Друцких-Любецких, хранящейся в НИАБ, упоминается Семион Друцкий, который в 1401 г., присягая королю, оставил подписку, данную в том, что по кончине Витовта знать никого не будет за государя, кроме короля польского Ягайло, и от него никогда не отлучится [170]. Семион Дмитриевич был советником Витовта. Воспитывал Софью, дочь сестры Александры, замужней за Андреем Гольшанским, которая после смерти родителей жила в Друцке, где в 1422 г. произошло обручение Ягайло при непосредственном участии Семиона [492]. Семион имел 6 сыновей, 5 из них положили начало ветвям рода Друцких.

Так появились Друцкие-Соколинские (имение Соколин около Друцка), Друцкие-Горские (имение Горки в Оршанском повете), Друцкие-Озерецкие (имение Озерцы около Друцка).

Согласно родословной, у истоков рода Друцких-Любецких, включающего 13 поколений, стоял Василий Михайлович Друцкий, которому в 1484 г. был пожалован королем Казимиром привилей на потомственное владение городом Любечь. С этого времени его владельцы стали называться Любецкими, а владельцы других имений — по их названию.

Любецкие герба Друцк имели владения в Друцком, Оршанском и Пинском поветах. Ализару Ивановичу Любецкому в 1508 г. князем пинским Федором Ярославовичем было пожаловано дворище в Сошно [520]. Любечь как главная резиденция Друцких-Любецких наследовалась по мужской линии потомками Василия, сыновьями Богданом (около 1450—1500), а затем Романом (около 1450—1525), женатом на Богдане Сапежанке. В 1526 г. 5 сыновей Романа поделили владения. Любечь унаследовали Василий (около 1490—1535) и Богдан (1500—1546), а владения Друцкие и Витебские



Франц Ксаверий Друцкий-Любецкий

(Видиничи, Загородье, Заровли) перешли Дмитрию (около 1500—1558), Янушу (около 1520—1548) и Ивану (около 1510—1567). Сын Богдана Януш (около 1530—1558) унаследовал часть владений угасшего рода Довойнов, которому принадлежала его мать Софья [485].

Владельцем полесских имений в четвертом поколении стал сын Януша Павел [170]. Временно, до его совершеннолетия, ими управляли полоцкий воевода Станислав и его жена Довойна из князей Соломерецких. В 1586 г. по документу «отрицательно-миролюбивому» князь Павел, не имея наследников, отказался от Лунина Великого, Лысиц в пользу Довойны, а себе оставил только Лунинец Малый. В шестом поколении Лунином и Погостом владел Николай (около 1630—1678), которому в виде приданого Кристины Стеткевич отошло большое имение Любавичи за Оршей. Его сын Семен Доминик, стольник овручский (Киевское воеводство), посол на сейм Речи Посполитой владел имением Погост Пинского повета. Петр Великий специальным указом от 1706 г. запрещал в этом имении проводить сборы, брать лошадей и причинять малейшие обиды [170]. Погост становится главной резиденцией рода. Дворец с парком, каналами занял высокую озерную террасу. В 1-й половине XIX в. резиденция переносится в Лунин. В 1724 г. Лунин, Парохонск и Бокиничи принадлежали князю Юзефу, стольнику оршанскому, женатому на Виктории, дочери пинского городничего Александра Скирмунта. Сын Юзефа и Виктории Франц (около 1735—1806), уездный пинский судья, сделал дарственную запись жене Геновефе из Олезаров на Любавичское графство в Оршанском уезде и имения в Пинском уезде: Погост, Ботов, Чухов, Доброславка, Липник, Плоскини, Теребень, Данилово, Богдановка, Бокиничи, Дахновичи, Лунин, Парохонск, Хмельник, Дубовку и Вульку [170].

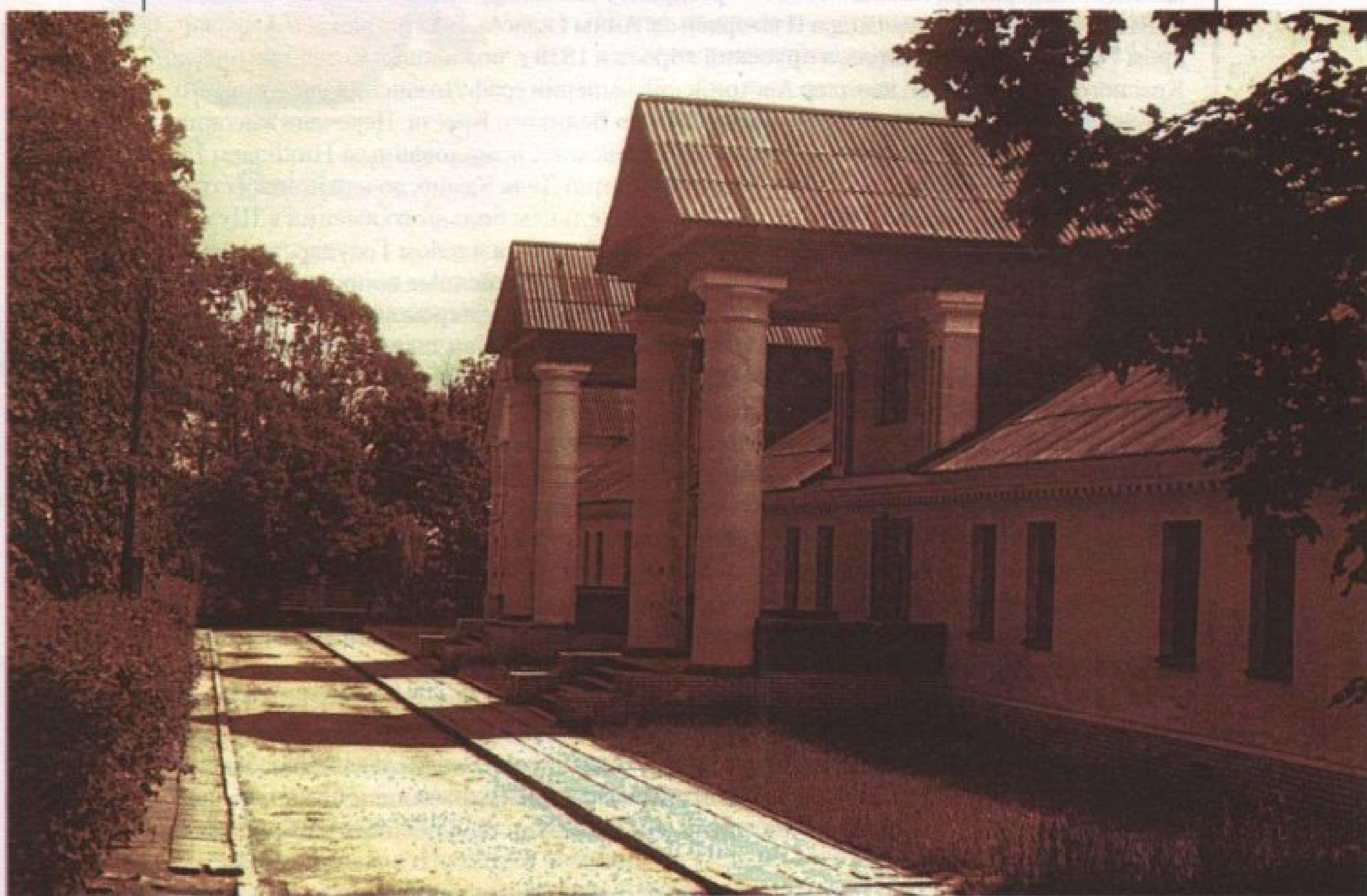
Франц, пользуясь привилеями Станислава Августа Понятовского, получил в 1773 г. чин хорунжего Пинского повета, в 1793 г. — пинского каштеляна, в 1785 г. награжден орденом св. Станислава. Король в 1776 и 1786 гг. выдал князю рескрипт о выборе на сейм благонадежных посланников и обращался с просьбой о подборе достойных посланников [170]. При разделе Речи Посполитой Франц перешел в российское подданство, сохранил свои имения и купил в 1799 г. Черлены у Сапег. В восстании 1794 г. участия не принимал, что засвидетельствовано заявлением, хранящимся в актовой книге Минского Городского суда за 1795 г. [532]. В ГИАЛ хранится свидетельство генерал-майора Цицианова о принятии от Франца Друцкого-Любецкого присяги на верность Екатерине II (1795). В 1796 г. императрица пожаловала ему чин действительного статского советника. В 1799 г. лидский земский суд выдал Францу пропуск на свободный проезд в Минск [48]. В 1806 г. Франца не стало. Владения были разделены между 4 сыновьями [170]. Старший сын Онуфрий (около 1770—1802) предводитель дворянства, статский советник в Пинском уезде (1800), получил имение Погост с местечком, фольварком и деревней, фольварки с деревнями Данилово, Бокиничи и наличными 28170 червонных золотых. Пинскому уездному предводителю дворянства Каролю перешли фольварки и деревни Доброславка, Плоскини, Теребень (Пинский уезд), имения Бобр, Копыткевичи и 18170 червонных золотых.

Владения Франца Ксаверия (1778—1846), пинского каштеляна, члена Польского королевского общества, женатого на Марии Сципио Дель Кампо, составили имение Черлена с фольварком и деревней в Гродненском уезде, фольварки Поремин и Исаевичи с деревнями в Слонимском уезде. Наличными Франц Ксаверий получил 28170 червонных золотых. Самому младшему, Герониму (около 1780—1823), кавалеру ордена св. Анны III класса (1799), перешло имение Лунин с деревней и фольварком, фольварки Вулька, Перехресть, Лобча, Хмельник, деревни Дубовка, Дубновичи, имение Пarохонск с деревней Селище, фольварком Богдановка, а также 18170 червонных золотых.

После раздела отцовского владения братья 13 января 1806 г. в присутствии свидетелей Амброзия Скирмунта, подсудка земского суда, Антония Родзевича и Павла Качановского, писаря земского Пинского уезда, подписали в Погосте соглашение следующего содержания: «... каждый из нас братьев князей Друцких-Любецких предназначенную ему долю сегодня в целости в руки наши и во владение приняли, поэтому в получении таковых долей мы братья Друцкие-Любецкие один другого и все сообща взаимно квитуем, никакого вмешательства в том, передела и претензии себе и наследникам нашим не оставляем. ...А в случае, Боже сохрани, утраты всей доли или значительной ее части кем-нибудь из нас, если это произойдет не по небрежности, а отсюда, не по своей вине, то тогда мы все три брата четвертому, теряющему все, из нашей доли... согласно вышесказанной оценке 48170 червонных золотых вместе с понесенными расходами, в равной части, без всякого суда и упреков сложить наличностью обязаны так, чтобы три сложенные нами части вместе с четвертой частью теряющего, равную утрате составили стоимость».

Среди братьев активной государственной и политической деятельностью выде-

Усадебный дом Друцких-Любецких в Новом Поле. Фото 1998 г.

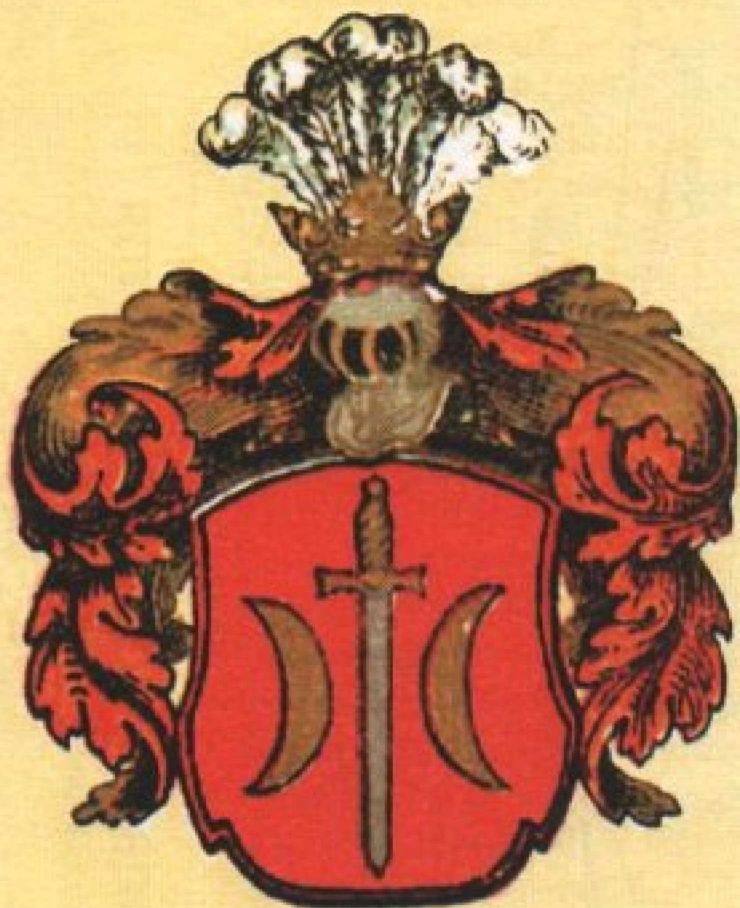


Героним Друцкий-Любецкий

лялся Франц Ксаверий (1778—1846), который в документах чаще всего назывался вторым именем. Он закончил кадетский сухопутный корпус, в котором любимым предметом была математика, преподаваемая известным Эйлером, и в 1797 г. был отправлен в Низовский мушкетерский пехотный полк. Принял участие под предводительством А.В. Суворова в итальянской кампании, получил за храбрость, проявленную в сражении при Маренго, орден св. Анны и чин подпоручика [497]. Вскоре (в 1802) вышел в отставку по состоянию здоровья (был контужен во время похода в Италию и Швейцарию). Быстро продвигался по служебной лестнице: хорунжий, гродненский уездный предводитель дворянства (1809), действительный статский советник (1811) [170]. В 1816 г. назначается гродненским, а спустя полгода — виленским губернатором. После положительного решения спорных финансовых вопросов с Пруссией и Австрией в пользу России в 1821 г. занял пост министра финансов Польши. Работая министром, он неустанно боролся за увеличение доходов опустошенной казны, чем нажил много врагов [497]. Ему принадлежала инициатива проведения Августовского канала, строительство которого началось в 1824 г. [359]. За неустанный труд Франц Ксаверий в 1799 г. получил рескрипт на орден св. Анны III класса от императора Павла; в 1810 г. — рескрипт Александра I на орден св. Владимира; в 1812 г. — патент от Александра II на орден св. Анны I класса. Был награжден Александром I орденом Белого Орла, а прусский король в 1819 г. пожаловал Ксаверию орден Красного Орла. В 1821г. канцлер Австрийской империи граф Лозанский уведомил его о пожаловании австрийского ордена Леопольда Великого Креста. Перечень высоких наград завершается орденом св. Александра Невского, пожалованным Николаем I в 1826 г. [170]. В 1817 г. после брака с Марией Сципио Дель Кампо, дочерью его сестры Терезы и Юзефа Сципио Дель Кампо, стал владельцем большого имения в Щучине [493]. В 1832 г. император назначил Франца Ксаверия членом Государственного Совета; это дало ему возможность решать общегосударственные вопросы первостепенной важности [497]. Князья-братья положили начало четырем линиям рода [171]. Наследники продолжали владеть отцовскими имениями. Так, сын Геронима Эдвард (Эдвин), затем внук Героним (1861—1919) — драматург-любитель, член правления Минского общества сельских хозяев, депутат Российской Думы, член правления Минского коммерческого банка, женатый на графине Марии Гетцендорф-Грабовской, владел известными имениями Парохонск и Новое Поле под Раковом [127]. Имел дочерей восьмиименную Марию (1890 г.р.), Кристину Марию (1900 г.р.) и сына Иосифа Марьяна Ивана (1897 г.р.). Мария с трагически погибшей дочерью Кристиной похоронена в часовне на Раковском кладбище. Хорошо сохранился дом в усадьбе Новое Поле, построенный в стиле провинциального классицизма. Вторая их усадьба в Парохонске, заложенная также в стиле классицизма, на последнем этапе принадлежала князю Феликсу (Франтишку) Эдвиновичу, внуку Геронима [549].

Наследником Франца Ксаверия был сын Александр Медард Ксаверий Франц (1827—1908), женатый на Марии Шемиот (1832—1887), а затем внук Владислав Франц (1864—1914). В 1909 г. по духовному завещанию Владислава вдове Марии Замойской перешли имения, усадьбы которых частично сохранились: Станиславово и Понемунь (Гродно), Щучин, Черлена. Усадьбы Друцких-Любецких на Брестчине утеряны.

Орды



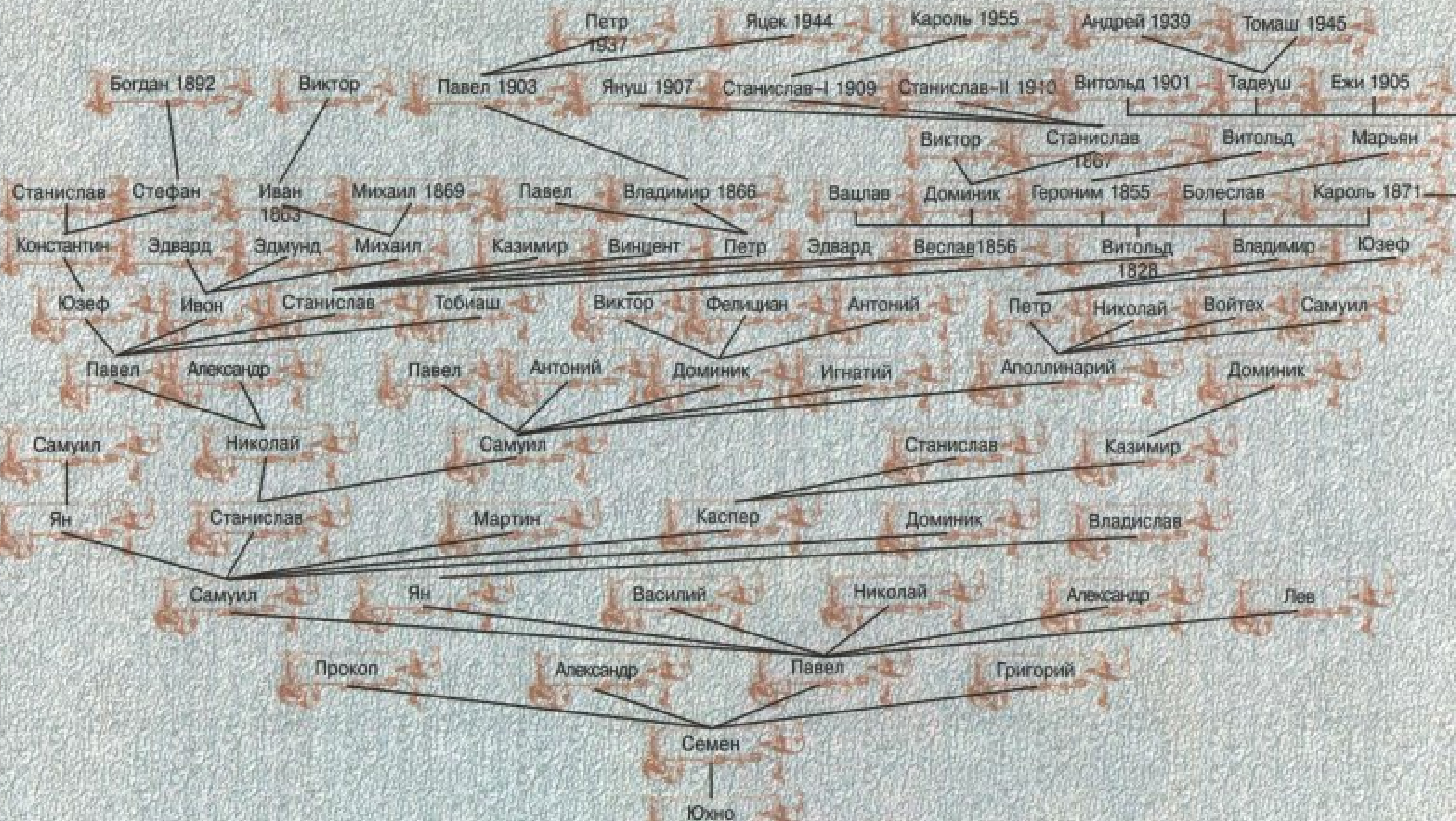
Родовой герб Ордов Остоя

К числу «чисто» полесских относится также род Ордов герба Остоя с изображением на красном фоне двух полумесяцев, двух звезд и меча между ними, увенчанных шляхетской короной и тремя страусовыми перьями. Род выводится из Пинского повета [621]. По семейной легенде род берет начало от Чингисхана. Упоминается в русских хрониках XV в. [596]. С XVI в. указываются полесские владения Ордичей в материалах Ревизии пущ. Первыми известными представителями, положившими начало двум ветвям рода, были пинский боярин Васко, которому король Казимир Ягеллончик пожаловал две земли пустовских — Матыевщину и Потаровщину, и его брат Юхно. Право на владение данными землями было закреплено грамотой королевы Боны от 3 марта 1524 г. [520].

Во втором поколении сын Васко Тиша получил дворище Грицковское от пинского князя Федора Ивановича. В 1528 г. сын Юхны Семен Юхнович, земянин пинский, слуга краковского каштеляна, затем хорунжий пинский, именуется как Орда, заявивший королеве Боне о своих правах на дворища Лемешевичи, Погост и Сушицк, ему принадлежавшие с 1525 г. И хотя права не подтвердились, королева пожаловала дворища Семену. Семен имел сыновей Александра и Павла [325]. Первые три поколения Ордов были православными. Перешли в католицизм после Брестской унии 1596 г. (Письменное сообщение Януша Орды, 1974).

От Юхны Ордича пошла ветвь «черных» Ордов, осевших в Бижеревичах на месте Лемешевского дворища (д. Лемешевичи). Имение наследовалось по мужской линии в течение нескольких столетий. В семейном архиве до 1-й мировой войны хранился документ на право владения, полученного Семеном Ордой.

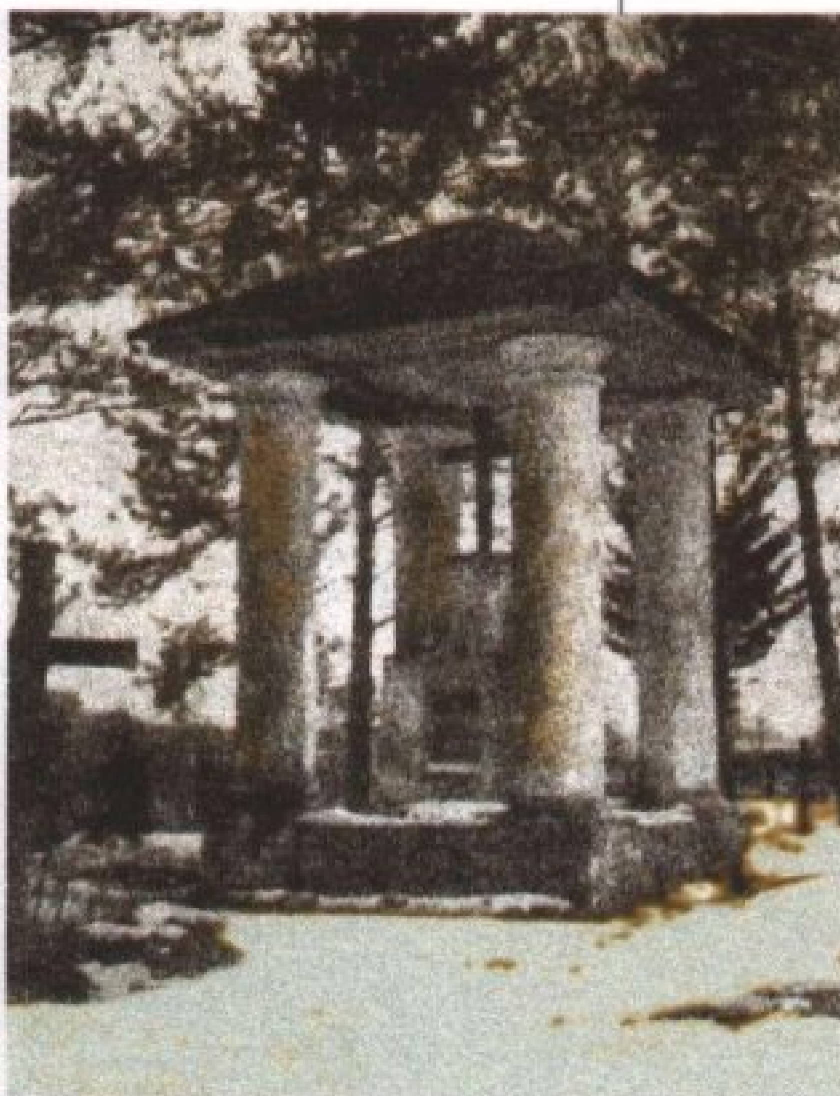
Уже в XVII в. род относился к числу наиболее зажиточных и разветвленных в Брестско-Литовском воеводстве, активно участвующим в жизни полесского края. Орды породнились со многими известными родами того времени: Четвертинскими, Терлецкими, Борзобогатыми, Верещако, Протасовичами, Достоевскими, Гедройцами, Пузынами и др. Отличались наличием многочисленных наследников «по мечу». Павел, сын Семена, имел 6 сыновей; его сын Самуэль — 5; внук Самуэля, также Самуэль — 5, правнук Аполлинарий — 4 сыновей. В девятом поколении у Витольда, женатого в первом браке на Валерии Войшвилло, а во втором — на Ванде Кеневич, имелось 9 сыновей и 3 дочери. Наиболее известными Ордами того периода являются Самуэль, сын Павла, мечник пинский, его брат Василий (умер около 1667), хорунжий пинский,



Родословное древо рода Ордов герба Остоя

(составлено по материалам Януша Орды,1974)

отличившийся в битве с казаками в 1645—1651 гг. Предписания, согласно его универсалу за 1660 г., обязывали всех шляхтичей Пинского повета собираться в полном военном снаряжении в определенные дни для участия в походах против московских войск. Наказанием за невыполнение предписания являлась смертная казнь. Сын Самуэля Ян (умер около 1707) был мечником пинским; Станислав Винцент (умер в 1689), известный политический и государственный деятель, каштелян жмудский (1670), трокский (1683), инстигатор ВКЛ, посол на брестский сейм 1653 г., где был избран комиссаром Скарбового Трибунала, на сеймы 1658, 1661 и 1666 гг.; Каспер, подскарбий речицкий, и Владислав Иоахим (умер около 1686), сын Яна, подчаший оршанский, подписавший элекцию 1669 г. с Брестским воеводством [728].



Памятник Ордам в д. Осово. 1930 г.

Орды в шестом и седьмом поколениях, жившие в XVIII в., продолжали традиции рода. Самуэль (умер около 1778), сын Яна, являлся судьей пинским, избирался на сейм 1738 г., в третьем браке породнился с Лях-Ширмами, имел 5 сыновей и 10 дочерей. Женой была Софья (умерла в 1786), память о которой хранит каменная плита на левой боковой стене кафедрального костела в Пинске. Через сыновей Самуэля, Павла и Аполлинария род слился со Скирмунтами и Ожешко. Сыновья занимали должности ротмистра (Станислав), подскарбия (Казимир, Доминик), старосты (Павел). Доминик, сын Самуэля, воспитанник корпуса кадетов в Варшаве, женатый на княгине Геновефе Гедройц, был коморником пинским; его брат Антоний стал ксендзом ордена пиаров.

В XIX в. представители восьмого поколения дали новые ответвления. От Юзефа пошла ветвь красиевская, от Тобиаша — павлиновская, от Станислава — перекальская. Перекале, имение на Стыри, перешло Станиславу (1805 — около 1880) «по куделе» от Терлецких. Затем его унаследовал сын Петр (1836—1918), женатый на Констанции Ягмин из Вистычей. Второй сын Викентий купил имение Медвежье на Волыни у Рдултовских; Эдвард переехал в Вилянов к Браницким; четвертый сын Казимир имел небольшое имение Озеры около Перекаля [193]. Последним владельцем Перекаля и Озер являлся сын Петра Владимир (1868—1953), женатый на Янине Горватт из Головчиц.

В середине XIX в. седьмым владельцем родового имения в Бижеревичах становится Виктор, старший сын Доминика, маршалок шляхты уезда Пинского (1844—1851), женатый на Марциане Лях-Ширме [193]. В 1852 г. имение перешло сыну Витольду (1828—1895). Кроме этого, он владел Тырвовичами, Ляховичами, Хойно, Достоевом [548]. От отца Витольду перешли наличными деньги в сумме, равной примерно стоимости всех его имений (около полумиллиона рублей), за которые он

Юзефина Орда. Скульптор Хелена Скирмунт

Наполеон Орда

приобретает имение Хойно, а остальные деньги отдает на нужды восстания 1863—1864 гг. На конспиративном собрании представителей шляхты у Владислава Корсака в Лясковичах, на котором присутствовал Ромуальд Траугутт, Витольд поддержал идею о необходимости восстания, вошел в состав народной управы и принял в ней активное участие. После поражения восстания Витольду грозила смертная казнь, его жизнь спас священник, который посодействовал бегству из гродненской тюрьмы. За это от Витольда получил фольварк Мощунка.

От Витольда имения перешли 9 сыновьям. Бижеревичи вместе с Тырвовичами и Ляховичами унаследовал Станислав (1867—1916), старший сын от второго брака с Вандой Кеневич, женатый на баронессе Катажине фон Стахль. Героним (1855—1884), женатый на Леонтине Корсак (1859—1947), дочери Владислава и Констанции из Ордов, стал владельцем Хойно. Леонтина с родителями, участниками восстания 1863—1864 гг., была в ссылке в Сибири. Новощицы вместе с Достоевом и Вулькой отошли самому младшему сыну Каролю (1871—1914), женатому на Марии Смолко.

Дочь Витольда Ядвига (умерла в 1889) была замужем за профессором Пиусом Веленским, известным скульптором, создателем «Гладиатора» и других скульптур.

Усадебный дом Ордов в Бижеревичах. Парадный фасад. Фото 1938 г.

Дочь Ванда (1865—1952) стала женой во втором браке Станислава Смолко, ректора Ягеллонского университета.

Орды одиннадцатого поколения были последними владельцами полесских имений. Бижеревичами владел Януш Станиславович, а Новощицами Витольд Карлович (1901—1945). Многие (Павел, сын Владимира из Перекаля; Станислав, сын Станислава, владелец Ляховичей, капитан, пилот; Витольд, сын Кароля из Новощиц; Тадеуш, сын Кароля, владелец Достоева, поручик) принимали участие в кампании 1939 г. Их детям и внукам пришлось жить в разных регионах мира: в Вильно и Лондоне, Польше и Аргентине. В Буэнос-Айресе живет Кароль (1955 г.р.), сын Станислава из имения Ляховичи. В Вильно прошла жизнь Ежи (1905—1972), младшего сына Кароля и Марии (из Смолко), дочери историка Станислава Смолко, владельца Вульки Достоевской. Ежи учился на историческом факультете в университете в Варшаве, а затем (1926) в Виленском университете. В 1933 г. получил степень доктора философии, защитив диссертацию «Деятельность Пинска до середины XVII в.». Первая глава работы была опубликована в «Памятной книге общества историков-слушателей университета им. Стефана Батория в Вильно» (1933). Известен как профессиональный архивист. Работал в государственном историческом архиве Литвы, много сделал по сбережению и упорядочению архивных материалов, подготовил историю собрания документов архива, являлся автором ряда исторических работ [724].

Гортензия Орда. Копия портрета, выполненная Анной Ромер

В родовом имении Бижеревичи, расположенном в виде оазиса среди болот, куда проще всего было добраться зимой и то не без риска заблудиться, Орды создали резиденцию, отличавшуюся архитектурной изысканностью, наличием больших фамильных и художественных ценностей. Большие собрания, разные редкости имелись в Перекале, Новощицах и других усадьбах [597].

Белые Орды, видимо, пошли от Васко Ордича. Владели старинным имением Вороцевичи. Известен Михаил, маршалок шляхты Кобринского повета, женатый на Юзефине Бутримович, дочери Матеуша, общественного и хозяйственного деятеля эпохи Станислава Августа Понятовского. Их сын Наполеон (1807—1883) — художник, пианист и композитор [631]. Дочь Гортензия была женой Александра Скирмунта, а их дочь Хелена стала художником и скульптором. Последней владелицей Вороцевичей была ее дочь Констанция, писательница. Семьи не имела.

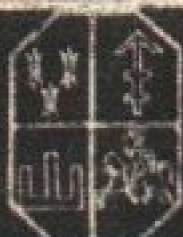
Орды известны по активному участию в восстаниях 1830—1831 и 1863—1864 гг. Они породнились со многими влиятельными шляхетскими родами: Твардовскими, Олешами, Корсаками, Гедройцами, Горваттами, Ягминами, Богдановичами, Смолко, Кеневичами и др. Несмотря на потери имений в годы восстаний, к концу XIX в. располагали многими владениями. В 1888 г. только в Пинском уезде им принадлежало 15 имений, Скирмунтам — 18 [548]. Разветвленность родов привела к появлению поговорки: «Co krzaczek — to Korsaczek, co gruncik — to Skirmuncik, co morda — to Orda».

Сапеги

Родовой герб Сапег Лис

Этот старинный белорусский род герба Лис заслуживает особого внимания. Сапеги — род особой генетической силы, государственной и политической значимости. Деятельность Сапег была плодотворной в области политики, дипломатии, культуры, науки. Среди них имелось 22 воеводы, 15 маршалков Главного Литовского Трибунала, несколько епископов, вице-канцлеров, канцлеров, писарей и гетманов литовских [628, 740]. С XVI в. Сапеги относились к числу самых крупных магнатских родов, стояли рядом с Радзивиллами. Владели обширными имениями в Беларуси, Литве и на Украине. Сапеги стремились к независимости и пытались в XVII в. образовать независимое государство в соответствии с белорусским этносом.

Род сыграл важную роль в истории белорусских земель еще до XV в. Сапеги находились в дальней кровной связи с Гедиминовичами. На вершине генеалогической таблицы в статье «У трохсотныя ўгодкі сьмерці Вялікага Канцлера Льва Сапегі» (опубликована в «Гадавіку Беларускага Навуковага Таварыства», 1933), расположены Витень и Гедимин [530]. Я.Цеханович [622] также указывает, что род берет начало от Наримонта, князя пинского и мозырского, сына Гедимина, который оставил сыновей Пунигайла, Ежи и Александра. Однако Ю.Вольф [764] считает, что Сапеги не происходят ни от Пунигайлы, ни от Сунигайлы, с которыми имели только общий герб. Колыбелью рода была Смоленщина. Протопластой являлся Семен со Смоленщины, писарь канцелярии ВКЛ, а потом — короля Казимира [740]. Его подпись встречается на многих привилеях, написанных в 1440—1450 гг. Придомок его имени «Sopiha» становится фамилией рода. Семен, женатый на Настасье (Анастасии), имел сыновей Богдана, Ивана, Василия, Юрия, которые писались Сапегами. Дочь Духна (Анна) была замужем за князем Тимофеем Массальским, а вторая дочь — за князем Олехной Глазиной. Оставшись вдовой, Настасья стала игуменьей монастыря базилианок в Полоцке. Богдан Сапега (родился до 1450), писарь господарский, в 1475 г. женился на княгине Теодоре, дочери князя Федора Федоровича Друцкого-Соколинского-Бабича-Конопли и Марии Сенькевич. Мария же была дочерью Сеньки (Семена) Ивановича и Авдотьи, сестры жены князя Андрея Владимировича, внука Ольгерда. Отец Марии Семен Иванович был братом Мисаила, епископа смоленского (ему принадлежала Черея, фундация монастыря св. Троицы). Семен Иванович в 1475 г. свои владения и опеку над монастырем записал дочери Марии Соколинской, зятю Богдану Сапеге и его жене, своей внучке, а также их детям и потомкам на вечные времена [740].



Богдан Семенович Сапега. Гравюра И.Шубелера 1872 г. с портрета XVI в.

Иван Семенович Сапега. Гравюра И.Шубелера 1872 г. с портрета XVI в.

С 1494 г. Богдан выступает как наместник мценский и любецкий, приобретает новые владения около Витебска, право на которые подтверждается привилеем короля Александра. В Метрике ВКЛ имеется запись об «отложении великим князем рока явки Богдана Сопеги и его тещи по делу об имении Черея, в связи с уходом его на госпадарскую службу в Мценск» [433]. В 1497 г. Богдан становится владельцем Череи и Тухачева. В 1503 г. и 1506 г. Богдан, окольничий смоленский и наместник высокодворский, в качестве посла посещает московского царя. От Богдана берет начало черейская линия Сапег, которая позже стала именоваться также ружанской.

Богдана не стало около 1512 г. В 1519 г. его жена княжна Теодора записала отцовские и материнские владения в Черее, Сельце, Тухачеве сыновьям Яну, Янушу и Федору и наделила приданым дочерей Богдану и Анну [628].

Второй сын Семена Иван (Ивашко), писарь господарский, в 1506 г. становится секретарем королевским, затем маршалком, наместником и воеводой витебским. Являлся активным политическим деятелем при короле Казимире, в составе польской делегации несколько раз выезжал в Москву, решая разные государственные дела с царем Иваном Васильевичем, пользовался привилеями королей Казимира и Александра. В 1511 г. получает привилей на заложение местечка Кодень во владении, приобретенном у Рущицов и Хачек, строит каменный замок, укрепленный валами, охваченный с двух сторон водами Буга и озера, а с третьей стороны — пойменными лугами. Кодень становится главной резиденцией второй, коденьской линии рода. Иван Сапега в первом браке имел сыновей Петра, Павла, Михаила и Федора Фридриха и двоих дочерей. Во втором браке был женат на Эльжбете Глебович. Последнее упоминание о его жизни датируется 1516 г. [628].

Лев Сапега. Гравюра на медной тарелке. Художник М.Подолинский, 1819 г.

Далее мы обращаемся только к черейской линии, в основном к владельцам имений Ружаны и Высокое. Януш, старший сын Богдана и Теодоры, имел сыновей Ивана, Михаила и Павла. Иван Сапега, писарь господарский, маршалок господарский, воевода витебский, подляшский, староста дорогицкий, был женат на княгине Анне Сангушко, маршалковой волынской. Их старший сын, также Иван (?—1580), воевода подляшский, староста дорогицкий, женился в 1546 г. на вдовой княжне Богдане Конопле-Друцкой-Соколинской (?—1584), единственной богатой наследнице угасшей ветви этого рода, племяннице Василия Толочинского [628]. В их семье 4 апреля 1557 г. (имение Островно) родился сын Лев, представитель пятого поколения рода. Лев имел братьев Григория (?—1600), подкомория оршанского, Андрея (?—1611), оршанского старосту, витебского каштеляна, мстиславского воеводу, и трех сестер. Начальное образование получил в Несвижской протестантской школе при дворе князя Николая Радзивилла Черного, в которой многие магнаты считали за честь учить своих детей. Был дружен с младшими братьями Николая Криштофа Радзивилла [458]. С тринадцати лет учился в Лейпцигском университете, познавая юридические науки, классику и философию. После университета, находясь при дворе, обратил на себя внимание короля Стефана Батория своей образованностью, глубоким владением не только родным белорусским, но и польским, немецким, латинским и греческим языками. В 1579 г. отличился в боях во время похода против Ивана IV Грозного во главе сформированного за свой счет гусарского полка.

Лев Сапега несомненно наиболее яркая личность рода, заложившая основы его известности и величия. Государственный и политический деятель эпохи Ренессанса в ВКЛ, дипломат, полководец. Называл себя «ліцьвіном», а народ свой, говорящий на белорусском языке — «літоўскім» [580]. Его служебная карьера началась 4 февраля 1581 г. с должности писаря. Затем следуют должности: подканцлер литовский (1585), канцлер великий литовский (1589—1623), воевода виленский (1621), гетман (1625), староста слонимский, берестейский и могилевский. Незадолго до смерти становится маршалком ВКЛ [580].

Социально-политические взгляды Льва Ивановича складывались под влиянием идей античных философов и политических деятелей. На их основе он пытался решать актуальные проблемы теории и практики социальных отношений [541]. Во всех делах руководствовался безмерной любовью к своей Отчизне. Благодарные современники называли его «айцом айчызны» [580]. Важнейшим достоянием его государственной деятельности была постоянная борьба за независимость ВКЛ, его равноправное положение в составе Речи Посполитой, за укрепление правопорядка и веротерпимости в стране. Он высоко ставил социальную значимость права, понимал необходимость ра-

венства перед законом ремесленника и короля, верил в силу закона, обеспечивающего свободу и защищенность человека в обществе, его права на собственность и свободный выбор религии. «Дзякуючы законам, — писал князь, — чалавек абаронены, аніякага прымусу і зняволі не церпіць. Бо мэта і сэнс усіх законаў на свеце, каб кожны добрую славу сваю, здароўе і маёмасць захаваў у цэласці і ва ўсім гэтым аніякіх стратаў не меў».

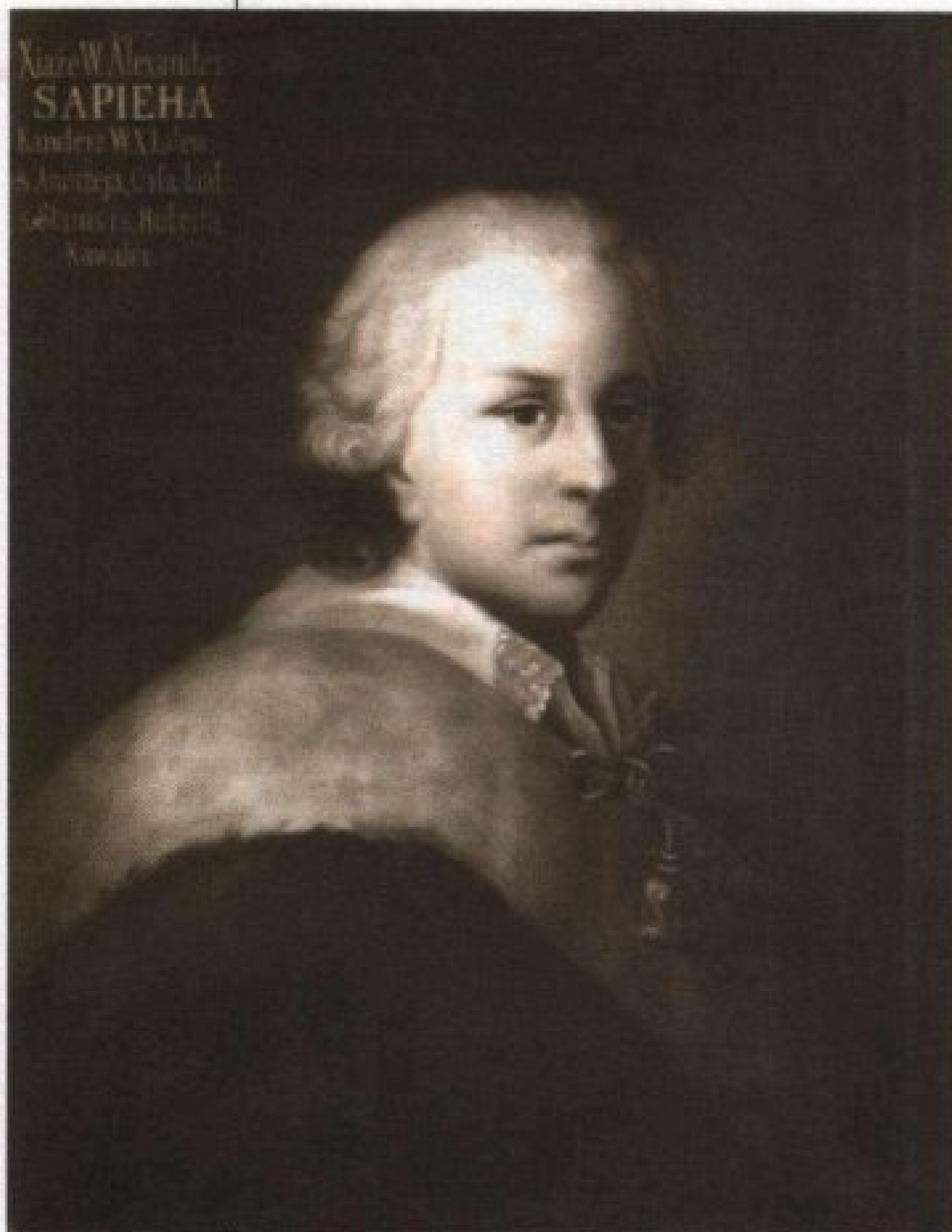
В 1581 г. Сапега совместно с канцлером Остафием Волловичем и подканцлером Николаем Радзивиллом составляет текст устава для Главного Трибунала ВКЛ — апелляционного хозяйственного суда, чем подчеркивает равенство последнего с судом Польши, где такое учреждение функционировало уже одиннадцать лет. Крупнейшим сводом демократического права независимого государства стал Статут ВКЛ, подготовленный комиссией с участием Сапеги и изданный в 1588 г. в типографии Мамоничей в Вильно на собственные средства и под личным досмотром Мамоничей, братьев Кузьмы, виленского бургомистра, Луки, скарбника ВКЛ, и Льва, сына Кузьмы, королевского топографа, родом из Могилева [346]. Именно в Статуте проявились знание права, а также красноречие и писательский талант Сапеги.

Казимир Леон Сапега. Гравюра П. Ландри. 1663 г.

По своей сущности Статут явился новой концепцией независимого Белорусско-Литовского государства [320]. Спустя двести лет он продолжал оставаться самым ценным в Европе, влияя на развитие права в соседних государствах (действовал до 1840). Лев Сапега очень дорожил Статутом. В письме, написанном «...у Берестью лета от нарожденья Сына Божьего 1588 года, месяца декабря 1 дня», он обращается к «...найяснейшаму пану, пану Жыгімонту Трэцяму, Божай Міласцю каралю польскаму, вялікаму князю літоўскаму, рускаму, жамойцкаму, мазавецкаму, інфлянцкаму ды інш.", со словами благодарности "...наш міласцівы пан, імя сваё паміж нас праславіў тым, што Статут новы дазволіў увесці." Трепетное отношение Л. Сапеги к силе и правде закона и к межгосударственным соглашениям высоко ценилось немецким поэтом, драматургом и мыслителем Фридрихом Шиллером. Поэт симпатизирует князю, и он становится героем незаконченной драмы "Димитрий" [273].

Лев Сапега горячо приветствовал идею унии между православной и католической церквями в ВКЛ, считая единство национальной церкви основой благополучия государства. По своим религиозным взглядам являлся примером справедливости и толерантности. Он одинаково относился к представителям разных конфессий и сам из православия перешел в протестантизм, а затем в 1586 г. — в католицизм, попав под влияние иезуитского проповедника Петра Скарги, первого ректора Виленской иезуитской академии. Он фундатор многочисленных храмов (построил 24 костела) и монастырей (Орша, Слоним, Ружаны, Вильно, Берестье, Черея и др.).

От отца Лев унаследовал большие владения в Друцком княжестве и прилегающих к нему землях. В 1585 г. за удачную дипломатическую миссию (перемирие с Москвой и освобождение 900 человек пленных) получает должность подканцлера ВКЛ

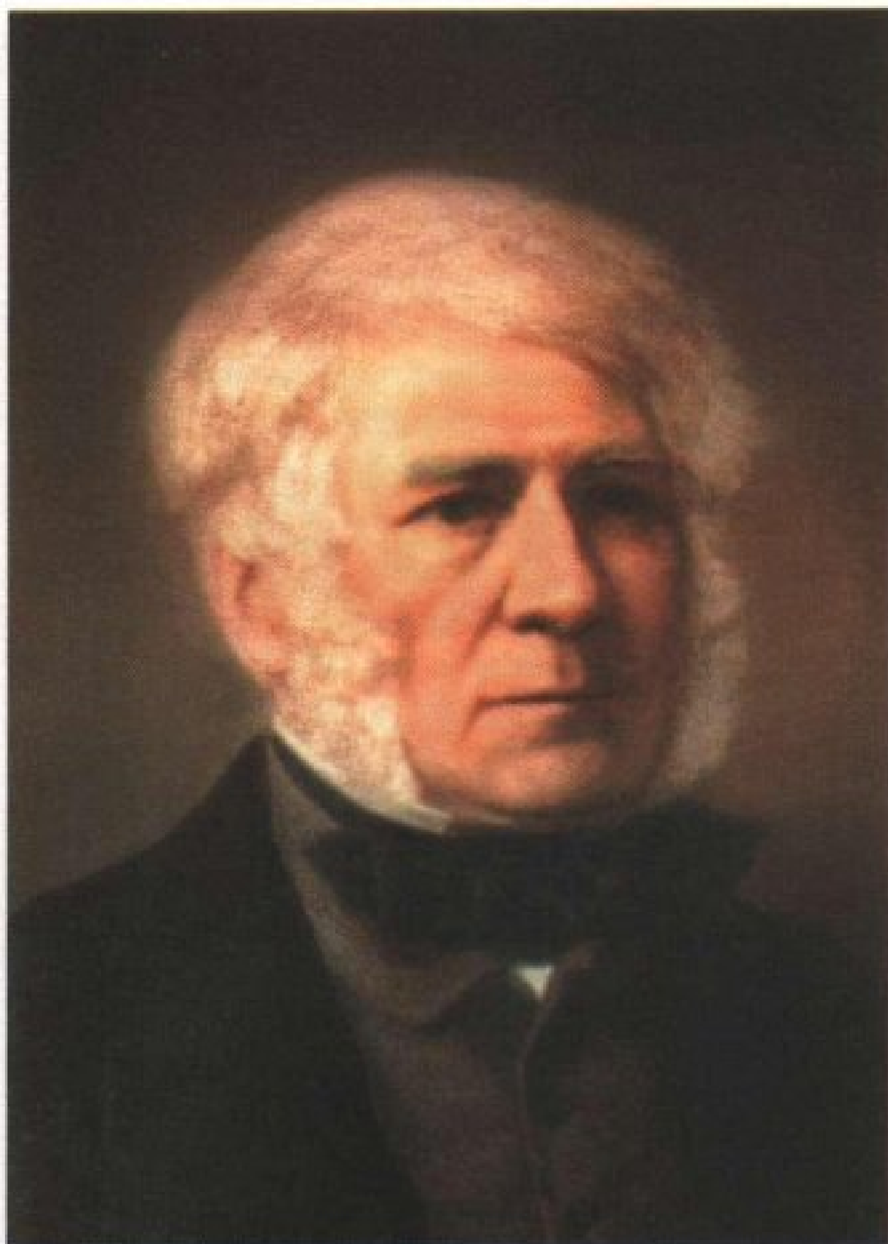


Александр Михаил Сапега. Портрет второй половины XVIII в.

и привилей короля Стефана Батория на Слонимское староство. Слоним становится главной резиденцией, а число владений в этом регионе продолжает увеличиваться. Получив в 1589 г. титул канцлера, Лев Сапега становится проводником внутренней и внешней политики ВКЛ. Деятельность нового канцлера протекала в годы тяжелых военных конфликтов на северо-западных, восточных и южных рубежах Речи Посполитой. В 1609 г., например, он вместе с королем Сигизмундом отправился на войну с Россией, возглавив полк, который выставил за свой счет. В возрасте 68 лет он стал гетманом великим литовским. В 1627 г. 70-летний гетман принимает участие в военных действиях со шведами, выделив для этих целей большие средства. Он всегда очень заботливо оберегал территориальную целостность Великого княжества, старался вернуть ему ранее утраченные земли [580].

В 1591 г. Лев потерял жену Дороту и остался с двухлетним сыном Яном. Барбара, дочь Дороты от первого брака с князем Стефаном Зборожским, стала женой Габриеля Тенчинского, воеводы люблинского. Дорота завещала свои владения дочери и сыну, Льву записала 30 тысяч злотых [526]. В 1598 г. у Бартоша Бруханского он покупает в Слонимском повете Лососин и Ружану с фольварками Белавичи и Сидоровщизна. Ружана после строительства там дворца становится его главной резиденцией. В 1599 г. Лев вступил во второй брак с шестнадцатилетней княгиней Гальшкой (Елизаветой) Радзивилл (1583—1611), которая внесла в дом мужа семятичские владения. Лев рано (в 1611) овдовел вторично, имея во втором браке дочь Анну (1603—1627), сыновей Криштофа Николая (1607—1631), Казимира Леона (1609—1656) и Николая, рано умершего.

Лев Сапега собрал около 3 тысяч книг, отдавая предпочтение произведениям наиболее известных мыслителей, философов, ораторов: Аристотелю, Вергилию, Ливию, Ведецию, Эразму Роттердамскому, Овидию и др. По выражению М.Скоблы [537], государственный муж через всю жизнь не мог избавиться от «милого плена книг». Его считают «первым ясновельможным библиофилом». Традиции Льва продолжали другие Сапеги. Книгособор библиотек в Ружанах, Деречине, Слониме и Кодени считался вторым по величине после радзивилловского [463]. Он положил также начало ружанскому архиву, а на склоне лет работал над упорядочением Метрики ВКЛ — архива дел его Государственной Канцелярии. Являлся богатейшим магнатом ВКЛ. Опекал искусство. Был самым крупным после Ягайло фундатором [740]. Владел многочисленными имениями, городами с крепостями и местечками. Некоторые из них имели право на самоуправление по магдебургскому праву. При Льве род по богатству и своей значимости начал соперничать с Радзивиллами [320]. В 1623 г. он пожертвовал берестейским иезуитам на основание коллегиума, школ и обучение юношества фольварк Деревиол. Коллегиум стал вскоре одним из лучших учебных заведений в Беларуси, в нем учился, а затем преподавал Казимир Лыщинский. Собственноручной записью в соборном Жировичском евангелии от 22 августа 1616 г. пожертвовал Жировичскому монастырю большую часть Шиловичского имения, корчму, богатую церковную ризу, серебряную чашу, архиерейскую митру и посох. Наделял землей, нередко с крестьяна-



Евстафий Каетан Сапега

Франтишек Сапега

ми, мелкую шляхту, вольных военных людей и даже магнатов при условии несения ими военной службы. Эпоха Сапеги считается золотой порой в истории и культуре белорусского народа [580].

Похоронить себя Сапега завещал в костеле св. Михаила в Вильно в родовом склепе. Еще в 1594 г. он подарил монахиням бернардинкам двор с дворцом и разными постройками, полученный от Волковича, и при нем построил костел св. Михаила и женский монастырь. В 1596 г. сам фундатор принимал монахов в новом раскошном здании. К монастырю были приписаны многочисленные имения (Старый и Новый Лепель, Белая, Залесье, Боровни и др.). Новый костел украшали разные драгоценные предметы. Среди них имелись два больших позолоченных подсвечника, которые привез из Москвы. Костел служил местом фамильной усыпальницы. Здесь покоятся он, его две жены, дети и близкие родственники. В 1887 г. в этом же костеле состоялось перезахоронение его останков. По тестаменту, утвержденному королем, через пять дней после смерти, владения отошли сыновьям Яну и Казимиру.

Ян Станислав (1589—1635) стал владельцем Иказни, Ружан, Зельвы, Язерницы, Близной, Ивашковичей, Березы, Сельца и других имений. Родился Ян Станислав в 1589 г. в Молодечно. Учился в Виленской академии под руководством ученого иезуита Николая Ланцици, путешествовал по Европе, слушал курс наук в Вюртсбургском, Падуанском, Болонском университетах; став совершеннолетним, принял участие в войне России со Швецией. В 1611 г. становится подстолием ВКЛ, затем маршалком дворным, а с 1621 г. — маршалком великим. В 1620 г. женился на Анне Схоластике (1604—1625), единственной богатой и хорошо образованной дочери гетмана Яна Кароля Ходкевича и Софьи Мелецкой, в виде приданого жены получил Быхов. Второй его брак с Гризельдой Водинской состоялся в 1632 г., но был очень коротким. Гризельда умерла в 1633 г., Яна не стало два года спустя. Похоронен с женами и малолетним сыном Каролем в родовом склепе в Вильно [740].

Надгробие Сапег в костеле Святого Михаила в Вильнюсе.

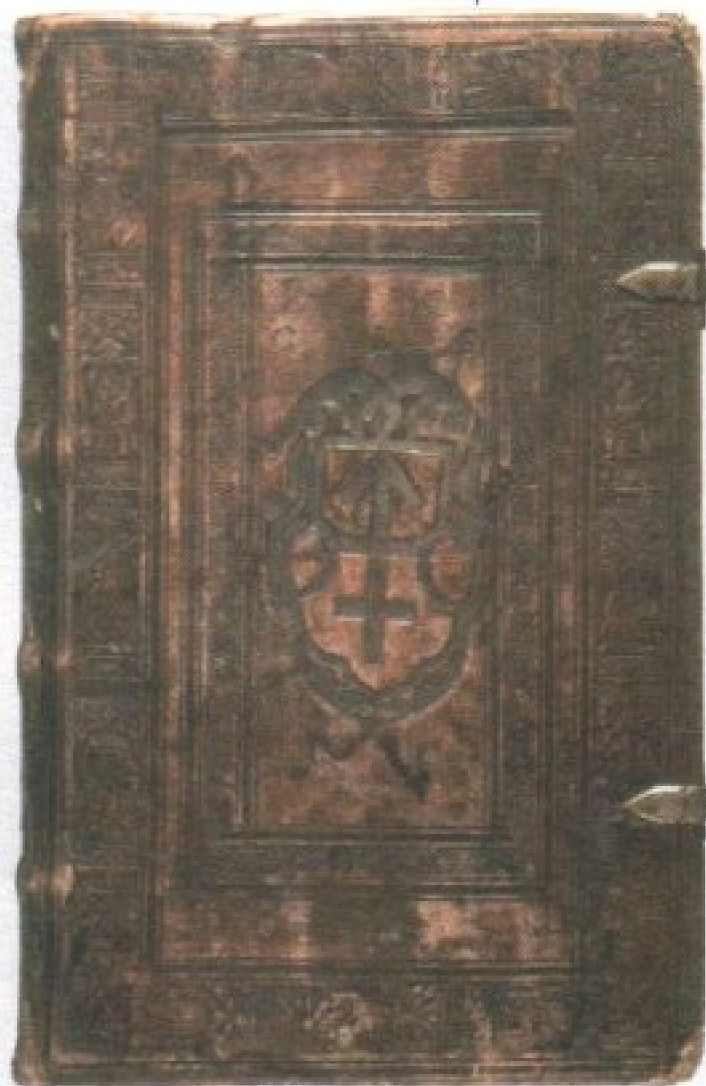
Почетная тарча (щит) Льва Сапеги с гербом Лис.

Второму сыну — Казимиру Леону (1609—1656), занимавшему высокие государственные посты, он записал Дятлово, Шидловцы, Деревну, Белыничи с Кохановичами, Круглое, Толочин, Черею, Лукомль, Бешенковичи с Сенно и др. Часть владений Лев Сапега завещал своим родственникам и построенным костелам. Так ружанским костелам св. Троицы и св. апостолов Петра и Павла записал фольварк Пшевлоки с двором Остров; костелу в Коссово отдал навечно двор Сторожевичи. Просил сыновей закончить строительство костелов в Семятичах и Слониме.

Казимир Сапега вместе с братом Криштофом получил прекрасное европейское образование, владел семью языками. Изучал политику, историю, философию, риторику, экономику в разных университетах (Ингальштадтском, Нидерландском, Болонском, Падуанском). Много путешествовал по Европе, познавая архитектуру, произведения искусства, учился верховой езде, фехтованию, инженерному делу. С 1630 г. активно включился в общественную и политическую жизнь ВКЛ: депутат Главного Трибунала ВКЛ, посол сейма Речи Посполитой, королевский секретарь, писарь великий ВКЛ, а с 1637 г. — маршалок дворный, с 1645 г. — подканцлер. После смерти

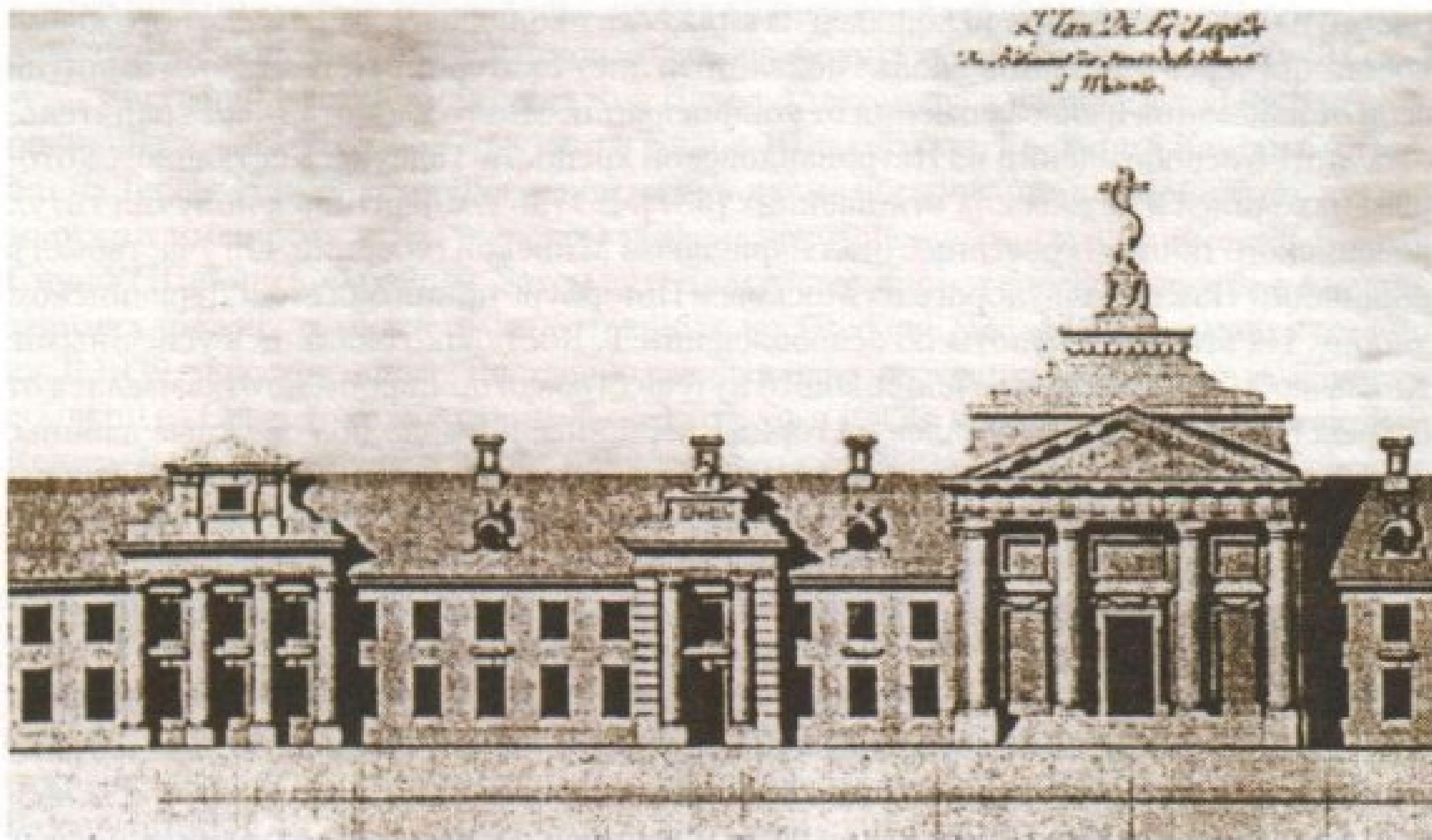
братьев Казимиру перешли их многочисленные владения, и он становится одним из крупнейших и очень влиятельных магнатов ВКЛ. В своих городах и местечках занимался развитием торговли и ремесел. Белыничи, Толочин, Бешенковичи получили привилей на магдебургское право и торги. Считался хорошим хозяином, прекрасным оратором. При дворе в Ружанах организовал капеллу, значительно увеличил отцовскую библиотеку, книгами которой пользовался Король Владислав Ваза. Как и отец, не жалел денег на содержание войска, принимал участие в военных походах на Украину, против Московии [319, 740].

За поддержку католицизма, строительство многочисленных монастырей и храмов получил от папы Александра VII наследуемый титул «Князь Священной Римской империи» [539]. Основал монастырь с костелом в Березе, который стал родовой усыпальницей, в 1648 г. отдал картузианцам березовское имение и Бусяж, которые давали ежегодный доход до четырехсот тысяч злотых. Построенный монастырь, окруженный рвом, укрепленный каменными стенами с угловыми бойницами, представлял собой крепость и являлся единственным владением ордена картузов на территории ВКЛ. Картузианцы являлись последователями учения Декарта (1622—1650), философа, математика и физика. Ансамбль включал дворец, в котором останавливались Сапеги, жилые, служебные здания, хозяйственные постройки, аптеку, госпиталь, сад, огород, водоем [373]. Храмы, дворцы, построенные Сапегами — это не просто размах и величие. Они отличались стилевой выразительностью и утонченностью.

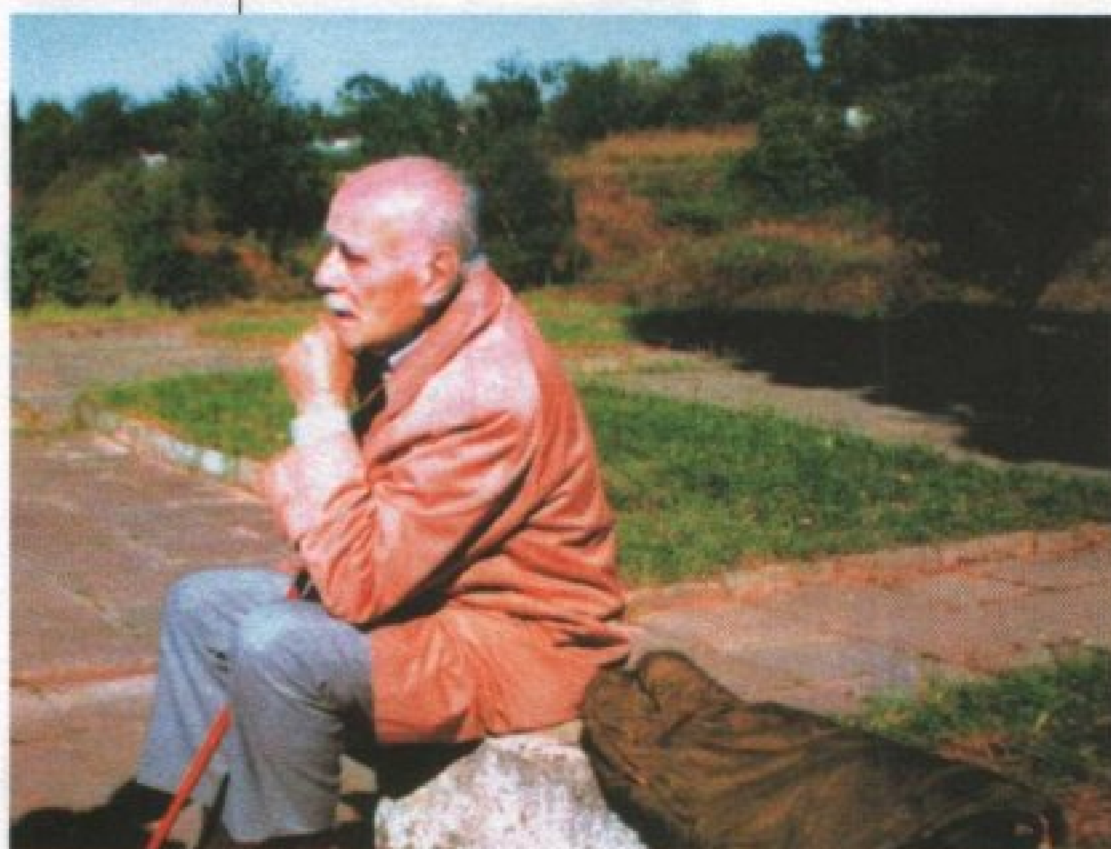


Книга из Библиотеки Льва Сапеги и его сыновей

Так случилось, что сыновья Льва не имели наследников. Согласно тестаменту Казимира, его владения были завещаны дальнему родственнику и крестнику Казимиру Яну Сапеге (1642—1720), полоцкому воеводе, полководцу Павлу Яну (1609—1665) и одному из военных командиров — Александру Гилярию Полубинскому. Ружаны и другие имения отошли Казимиру, видному государственному и политическому деятелю. К его владениям в виде приданого первой жены Кристины добавились большие



Госпиталь с костелом банифратов в Высоком. Проект. Около 1785 г.



Князь Евстафий Северин Сапега в Деречине. Фото 1997 г.

владения Кароля Глебовича. Вторая жена, Тереза из Госевских, завещала Волчин. Наследниками больших владений Казимира стали Ежи, Александр и Катажина, дети от первого брака. Имения начали сдаваться в заклад и даже продаваться. В 1711 г. Ежи продал Новоселки и Збляны. Прямых наследников не оказалось, и Ружаны перешли Александру Михаилу Сапеге (1730—1793), представителю двенадцатого поколения рода. В связи со смертью его младшего брата Михаила Ксаверия (1735—1766), крайчего литовского, он становится собственником, кроме Ружан, других больших владений (Деречин, Высокое, Друя, Дубровна, Заславль, Быхов, Черлёна, Мышь, Зельва и др.). Александр родился в 1730 г. в Вильно, рано потерял отца Казимира Леона. Мать, Каролина Радзивилл, во втором браке стала Яблоневской. Опекуном мальчика стал дядя — Юзеф Сапега (бискуп), гувернером был иезуит Людвиг Бемфельт. Александр очень быстро продвигался по службе. В восемнадцать лет был обозным, в двадцать — генерал-майором войска литовского. В 1753 г. Александр стал воеводой полоцким, затем гетманом польным литовским и в 1775 г. — канцлером [741].

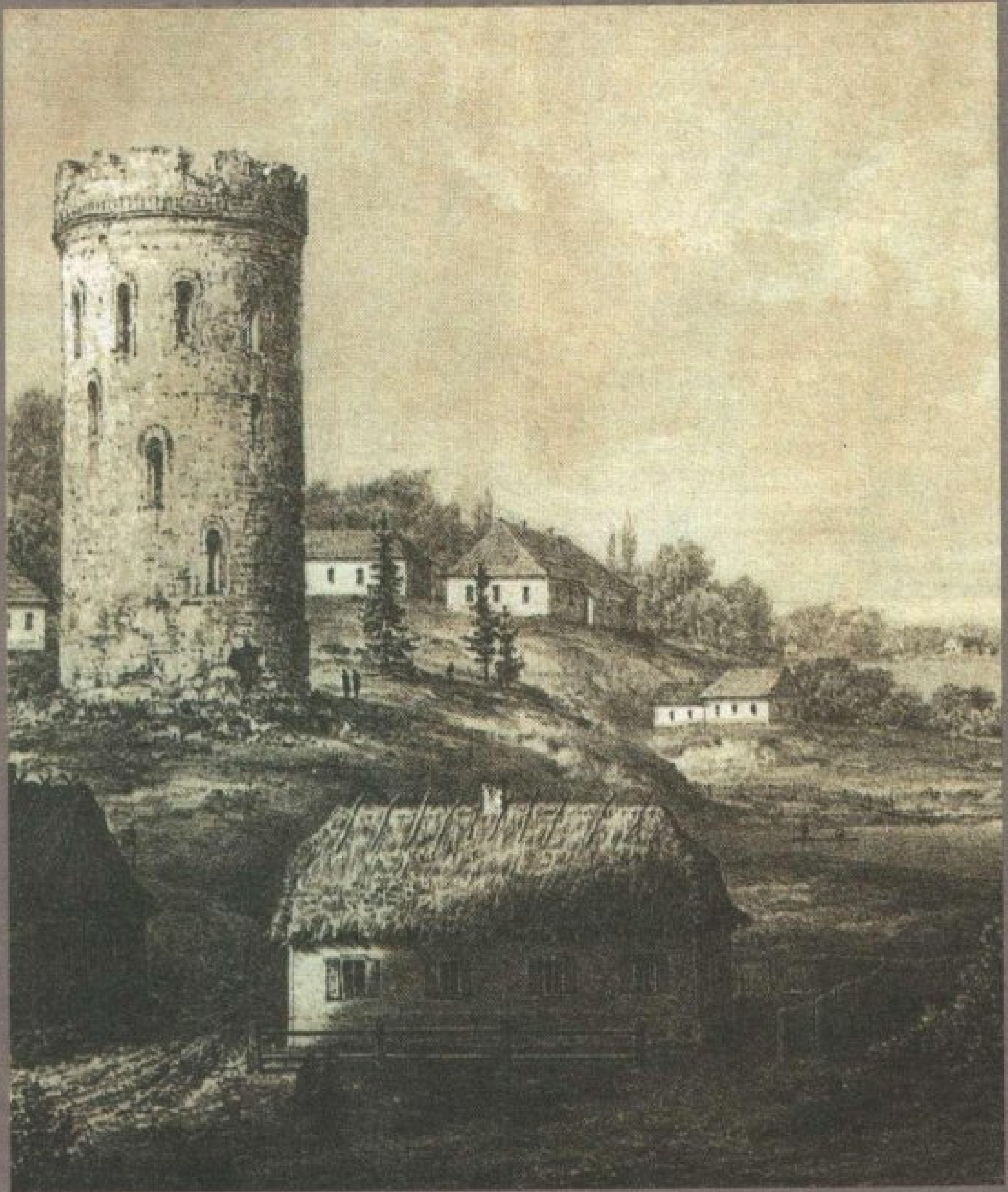
Свою первую резиденцию (с 1753 г.) имел в Высоком, куда позже (около 1773 г.) запросил банифратов, заложил монастырь с госпиталем, а в 1785 г. костел св. Яна Непамуцена. В 1793 г. наследником многочисленных отцовских владений становится Франтишек (1772—1829). В этом же году (11 февраля) князь вступает в брак с Пелагеей Потоцкой, живет в новом дворце в Деречине, занятый хозяйственными заботами. В возрасте двадцати одного года стал генералом артиллерии, получил орден св. Станислава. Принимал участие в подготовке восстания 1794 г., возглавлял, хотя и без особого успеха, четырехтысячный корпус повстанцев. На нужды восстания отдал дворец в Вильно, передал шесть тысяч дукатов, доход в шестнадцать тысяч рублей от одного из своих имений и 40 лошадей из княжеских конюшен [567]. После поражения восстания через М. Репнина подал покаянный лист Екатерине II, тем самым защитив себя от наказания и спасая имения от конфискации. Много хлопотал через влиятельных лиц об освобождении из Петропавловской крепости Тадеуша Костюшко, с которым находился в дружеских отношениях [537]. В 1796 г. Франтишек получил титул российского тайного советника, стал маршалком Минской губернии. Он участвовал в коронации Павла I и по дороге из Москвы в Петербург принимал его в Деречинском дворце. На этот раз хлопоты об освобождении Т. Костюшко оказались успешными. Князь любил балы и развлечения, много путешествовал по Европе, не отказывался от острых ощущений (поднимался на горные вершины, попадал под снежные лавины, опускался в кратер Везувия), увлекался сбором художественных ценностей, щедро тратил деньги. Не случайно стал прототипом интеллигентного и отважного французского князя Рудольфа де Геральштайна в романе Эжена Сю «Тайны Парижа» [537].

Владельцем Ружан в четырнадцатом поколении стал сын Франтишка и Пелагеи князь Евстафий Каетан (1797—1860), женатый на Марии Патен Больд. С 1821 г. жил в имении графства Ланкашир (Англия). Когда вспыхнуло восстание, в 1830 г., вернулся и принял участие в боевых действиях при генерале Яне Скринецком, был награжден Золотым Крестом Виртути Милитари. По сведениям М. Скоблы [537], ссылающегося на архивный документ (до 1939 г. хранился в одном из польских архивов),

Статут 1588 г. Виленская типография Мамоничей

Евстафий продал имение Ружаны, видимо, арендаторам Пиносам, на нужды восстания. После поражения восстания успел выехать в Англию, а затем обосновался в Беланкурте под Парижем. В характере князя проявились истинные сапеговские черты. Он не принял предложения царя Николая I о верноподданничестве, хотя знал, что теряет владения. Во Франции занимался финансово-экономической деятельностью сначала совместно с таким же эмигрантом Людвигом Ельским, а затем с Ксаверием Браницким и Людвигом Валовским. Его банк оказывал финансовую поддержку повстанцам в эмиграции. Умер князь в 1860 г. и похоронен на Монмартре. В память о нем в деречинском костеле установлена доска с надписью «Евстафию Каетану Сапеге, владельцу Деречина, участнику национально-освободительного восстания 1830–31 гг.».

Евстафий Каетан имел сына Яна Павла Александра и внука Евстафия Каетана, родившегося в 1881 г. под Львовом в Билце-Шляхетской. Евстафий Каетан был женат на Терезе Изабелле из Любомирских, получил образование в Швейцарии, владел многими имениями в Гродненском уезде и некоторое время жил в имении Старая Спуша (Щучинский район). Затем находился на дипломатической службе в Англии, занимал должность министра иностранных дел Польши. После 1921 г. вышел в отставку. В 1939 г. арестованному Евстафию высшая мера наказания на Лубянке заменяется ссылкой на Север (около Архангельска), откуда в 1942 г. князь попал в Иран, а затем в Кению. В Старой Спуше в 1916 г. родился и жил до 1939 г. его сын Евстафий Северин, который после освобождения из немецкого плена в 1947 г. тоже переехал в Африку, где работал профессиональным охотником. Он собрал связанную с родом Сапег библиотеку, разные материалы по его истории, около шестисот фоторепродукций с портретов родственников, несколько тысяч копий статей, микрофильмов и пр. и подготовил «Указатель Сапег», отражающий историю рода Сапег и книгу «Dom Sapieżyński» (1995), красиво изданный фолиант объемом в 800 страниц, раскрывающий историю Великого княжества Литовского, жизнь и деятельность славного рода. В 1998 г. князь посетил Беларусь [537].



Становление и развитие

усадебного зодчества

Исторические истоки

Эпоха Ренессанса

Эпоха барокко

Классицизм и романтизм

Времена эклектики

Становление и развитие усадебного зодчества

Исторические корни усадеб уходят в глубокую древность. Первоосновой их возникновения и развития являются формы землевладения, которые удается проследить благодаря сравнительно многочисленным письменным источникам, посвященным именно Полесскому региону. Ими являются Метрики ВКЛ, Акты, издаваемые Археографическою комиссией в Вильне, материалы Ревизии пущ, Кобринской экономии, Писцовая книга бывшего Пинского староства (1874), Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств (1884), работы В.И. Пичеты (1927), М.К. Любавского (1892, 1911 1915) и особенно А. Грушевского (1903), написанные на основании актов Пинского городского суда за 1471—1566 и 1561—1563 гг., поточные книги Брестского гродского суда, Акты Брестского гродского суда за 1575—1715 гг. и др.

Вопрос о формах землевладения довольно сложный, что отмечают все исследователи. Разрешение его требует первоисточников. Использование литературных источников не всегда результативно, ибо не все авторы корректно считались с его разными формами, любое владение чаще всего называя имением. Мы обращаемся к формам землевладения в аспекте познания истории развития усадебного зодчества. Постепенно эволюционируя, оно прошло несколько этапов в русле развития европейских художественных стилей.

Исторические истоки

Активное освоение земель, их перераспределение и переход в частную собственность начались в первой четверти XIV в. с присоединения Полесского региона к ВКЛ. С 1348 г. правящей становится династия Наримонтовичей, берущая начало от Наримонта (Наримунта) Глеба, сына Гедимина. Гедиминовичи не затронули общего уклада жизни местных князей Ярославовичей: Кривецких, Любецких, Зенковичей, Гореглядов, Курейш, Федюшковичей и др. В одном из господарских листов за 1490 г. отмечается: «мы новин не уводим, а старин не рухаем» [509]. Однако значимость многих из них постепенно затушевывается. Ведущую роль в регионе получают удельные князья, потомки Константина Ольгердовича — Чарторыйские, Федора Ольгердовича — Сангушко, Наримонта Гедиминовича — князья Корецкие и Бурецкие [509]. Потомки Наримонта сохраняют за собой город Пинск («Пинеск») в течение столетия. Городок и Туров, владения князей Городецких, переходят в 1350-е г. великому князю ВКЛ Свидригайло (1370?—1452). Среди княжеств наряду с Пинским заметно выдвигается Городокское княжество [325].

Известно, что формы собственности соответствовали способам производства и изменялись под влиянием развития производительных сил общества и социального строя. До аграрной реформы Сигизмунда II Августа и проведения волочной померы в 1557 г. объектом землепользования и единицей обложения крестьян феодальными повинностями в ВКЛ являлась служба [509]. В юго-западной части Беларуси и особенно в Пинском повете в XIV—XVI вв. примерно аналогичной, но более крупной единицей являлось дворище. В поветах Каменецком, Кобринском, Берестейском, Дрогичинском земельный надел назывался обычно жеребьем и по своей сути был аналогичен дворищу [509]. В 1518 г., например, Михаил Сапега продал Федору Святоше восемь жеребьев имения Опольского [239]. В 1506 г. село Копылы с жеребьем Шушковским перешло Богдану Алексеевичу [409]. Михно Дробышевичу-Лыщинскому, владельцу имений Кустынь и Лыщицы, принадлежало «семъ жеребьев на имя Ивашковскии а Проневскии, а Остапьковъскии, а Олизаровъскии, а Влезловъскии, а Минцовъскии, а Васильева польжеребья, а Маркова польжеребья, з людми и з дворомъ ...» [424].

Освоение земель, их перераспределение велось весьма активно. Великие князья литовские раздавали земли «подъхоругвью своею», т.е. князьям и боярам. Те в свою очередь наделяли «в ленъ» рыцарству. Военная служба являлась главной обязанностью ленных владельцев [460]. Распределение земель частным лицам мотивировалось как награда за верную службу, услуги в прошлом и как средство обеспечения добровольной службы в будущем. Земли давались с правом передачи потомству («его жонѣ и ихъ дѣтемъ и ихъ счадкомъ») при условии несения службы с конем («конемъ служыти»). Следует отметить, что, беря с землевладельца обещания верной службы, гарантировалась защита его прав: «вѣчно и непорушно, мы и потомки наши кривды ему дѣлать не будемъ» [325].

Местные удельные князья, потомки Рюриковичей, а также литовских Гедиминовичей, сохраняли полное право собственности на свои земли, но были лишены верховных политических прав. Их акты в виде дарения, завещания, продажи не нуждались в господарских подтверждениях, они свободно распоряжались землей, живя в своих дворах, а в случае необходимости выходили на войну под собственными хоругвями или оказывали великому князю большую военную помощь [509].

Кроме великого князя, земли раздавались удельными князьями, наместниками, старостами, но право на собственность нуждалось в подтверждении великим князем. Наиболее простой формой была раздача земель «на хлебокормленье» (временное пользование без обозначения его сроков). Владения раздавались также на условиях «до воли господарской», «до нашей воли и до лепшего доведования». На этих условиях, например, пан Федко Хребтович получил Сенно в Новогрудском повете «со всеми людьми и со всеми землями». Напряженные отношения с Москвою вынуждали великого князя раздавать земли до тех пор, «пока очистим тую отчину от неприятеля» [509]. Обзор грамот за 10 лет начиная с 1488 г. показывает, что особенно часто «земельные наданья» «вѣчно и непорушно» жаловала княгиня Марья (Мария) Семенова, дочь Ивана Гаштольда, жена киевского князя Семена Олельковича. В 1471 г. король Казимир дал княгине и ее потомству в «хлебокормленье» Пинск. Его после смерти Марии унаследовал Федор Иванович Пинский, сын Ивана Васильевича Ярославовича, муж дочери княгини Олены. Федор (?—1522), «отчич Пинский», в 1508 г. получил после отца Клецк, Городок и Рогачев [325].

Дворище как основной вид пожалований и соответственно государственная единица и объект обложения крестьян феодальными повинностями упоминается в разных источниках со 2-й половины XIV в. В новгородских русских памятниках указываются с XII в. Дворищная форма землевладения имелась во многих странах, но именовалась по-разному: «северо-великорусское печище, украинские сябры, южнославянская задруга» и др. [310]. Они имели хорошо очерченные границы. Наряду с заселенными имелись дворища пустые, которые требовалось «людьми осадити» и освоить. Жаловались также «земли», неосвоенные местности, например, болотистый остров, лесной массив, нива. «Земли» были земянские, например, у Фурсов в Чернеевичах, полученные за выслугу у княгини Марьи и князя Федора, и церковные, пожалованные Никольской церкви в Пинске. В Жабчицах имелись земянские земли Анцужкевичей, Войны, Щепы. От короля Казимира две земли пустовские — Матыевщину и Потаровщину — получил Васко Ордич (Орда). Одновременно с пожалованием доводился перечень прав и обязанностей на владения: «освоить землю необработанную, людьми осадить, двор поселить» и др.

Дворище как совокупность относящихся к нему сельскохозяйственных угодий включало огороды овощные, земли пашенные, луга, мельницы; земли неразработанные и естественные богатства; заросли кустарников, леса, рощи, дубравы, реки, озера, ставы, гати, болота, бобровые гоны, ловы звериные и пташьи, пташьи гнезда, земли бортные и др. С ними были связаны повинности крестьян и съемщиков — службы, дани грошовые, медовые, бобровые, куничные, платы, поплати, подати, вымелки и пр. В силу мелкоконтурности (болота, леса, разная неудобица) дворища нередко складывались из разъединенных, изолированных участков. Размеры их были разные, составляя 0,5—15 волок (одна волока равнялась 30 моргам, 20 десятинам, 21,36 га). Освоить дворище, сравнительно большой земельный надел, было не под силу одному человеку. Оно являлось семейно-родовым совладением, своеобразной кооперацией [509]. Съемщиками обычно были отец с детьми или братья. Группа лиц, связанных между собой тесным родством, могла размыкаться, давая место новым членам. Ими чаще всего становились зятья, а при недостатке рабочих рук — приглашались потужники. Потужники, работающие во дворище, противопоставлялись съемщикам, родственникам и первое время сохраняли свою обособленность. Со временем могли сливаться более тесно с основными съемщиками, назывались по имени, без употребления прежнего

названия («потужник»). Компактная группа съемщиков делилась на меньшие единицы — дымы. Небольшие дворища состояли из одного-двух дымов — семей (крестьянских хозяйств). Разросшиеся дворища вместе с потужниками включали 10—20 дымов. Несколько дворищ территориально объединялись и назывались селом. В селе Лунинец в 1588 г. дымов числилось 74 [241]. Иногда они принадлежали одной группе съемщиков [509]. Село являлось административной единицей. Их совокупность составляла волость или войтовство. В 1-й половине XVI в. из числа ныне существующих были известны села Дружиловичи, Лемешевичи, Плотница, Сошно, Ляховичи, Бродница, Поречье, Новошичи (Новощицы), Велесница, Ворочевичи (Вороцевичи) и др. [507, 508].

Центром дворища служила усадьба, где крестьяне «сидели дворами своими»». Усадьбы включали жилые строения, хозяйственные постройки (гумно, хлевы), огороды овощные, плодовые деревья, пасеки. Они различались размерами. В лесных районах обычно были значительно больше, чем в заболоченных.

Дворища именовались по имени первых съемщиков. Названия закреплялись и обычно не менялись со сменой владельцев. Неосвоенное дворище Иововичи (с. Плотница) размером в две волоки носило имя первых съемщиков середины XVI в. В нем жили Василий Иовович, Мацина Игнатович и Макар Гаврилович. Они платили с одной волоки одну копейку двадцать три гроша и бочку овса. Кроме того должны были «гнать бобров» для Пинского замка [507]. Названия некоторых из дворищ сохранились в названиях отдельных деревень, известных имений. При князе Витовте (1350—1430), например, Анцукевичи получили за добрую службу дворище Замошье (позже имение в Барановичском районе). В 1496 г. мещанин Розбаевич продал дворище в Заполье (деревня и имение в Пинском районе) за 10 копеек Ф. Тишковичу. По данным актов Ревизии пущ, на основании записей княжны Марьи и ее сына Василия, дворищами владели боярин княгини Фурс Иванович в Холожине, Чернеевичах (четыре дворища); боярин Матвей Гричин — в Поречье; конюший Сенько Дмитрович — в селах Чорном (четыре дворища), Дубое, Плотнице (два дворища); Протасевич — в Могильном [520].

Многие дворища на Пинщине известны по актам дарения князя Федора Ярославовича в конце XV— начале XVI в. Матвей Гричин в 1495 г. получил два дворища в Молодове, в 1497 г. — одно дворище в Ворочевичах (Вороцевичах); Иван Полоз — одно дворище в Дыхновичах (Юхновичах), два дворища в соседнем селе Рыловичи и полдворища в Сухом (1505); Ализар Иванович Любецкий — дворище в Сошно (1508). Светохна Гричина, служебница князя, имела четыре дворища в Ворочевичах, Глинном и Кошевичах; сын Фурса Ивановича, служебник князя — четыре дворища в Чернеевичах, Посиничах, Кошевичах (1515) [507, 508]. В конце XV в. пять дворищ в Вылазах находилось в собственности Никона Горегляда. В 1524 г. королева Бона подтвердила Богдану Велятичскому право на 15 дворищ. Позже Велятичское имение становится королевской собственностью [508].

Упоминание дворищ в письменных источниках после 1515—1520 гг. заметно реже. Велесницкое дворище, пожалованное после 1503 г. пинским князем Федором Ярославовичем члену Рады Федору Щепе, а после него — владение жены Светохны, а затем сына Николая, согласно привилею королевы Боны за 1524 г., именуется уже двором. В.И. Пичета [509] дворищную форму землевладения считал преобладающей до середины XVI в. В середине XVI в., по данным Писцовой книги Пинского староства, в составе 342 поселений имелось 228 дворищ, 105 сел, 4 фольварка, 4 местечка и один город – Пинск [507].

Великие князья литовские, вышедшие из среды родовых старейшин, быстро осваивая территорию, сумели сосредоточить в своих руках значительные земельные владения, вели хозяйство, устраивали на своих землях дворы. Это был процесс так называемой «господарской колонизации», параллельно которой шла «вольная оккупация» свободных земель [509]. По выражению М.К. Любавского [440], с образовани-

ем княжеских династий князь «уже осел на землю и стал сельским хозяином». Значительными наделами владели многие бояре, которые успешно осваивали новые земли [509].

Сигизмунд II Август

Земельный фонд верховного собственника великого княжества постоянно пополнялся за счет удельных местных князей (Рюриковичей), их бояр, которые не подчинялись великокняжеской власти, также за счет конфискованных, подаренных, выморочных и других имений [509, 542]. В 1542 г., например, когда угас род Гаштольдов, все его многочисленные имения перешли великому князю литовскому и королю Польши Сигизмунду I Старому (1467—1548), а в следующем году они были подарены сыну Августу. Сигизмунд II Август, ставший преемником отца, располагал кроме того большим личным фондом владений, перешедших от матери — королевы Боны, владений завещанных и выморочных. К числу господарских в Беларуси (Устава на волоки 1557) относились 53 владения: Браслав, Лида, Острино, Минск, Новогрудок, Воложин, Мядель, Ошмяны, Слоним и др.; на Брестчине — Брест, Каменец, Лысково, Ляховичи. Доходы с этих владений шли на содержание великого князя, дружины, челяди, на покрытие государственных расходов [542]. На сейме 1588 г. (Краков) из состава государственных владений выделились владения «столовые» в целях обеспечения потребностей короля, которые позднее стали именоваться экономиями. На Брестчине столовым королевским владением стало Берестейское староство с Кобринской и Каменецкой державами, с многочисленными фольварками. Во главе их стоял державца, получивший на это право за службу или за деньги [243].

В княжеском землевладении, а княжеское право на землю с конца XIV в. стало признаваться и за церковными учреждениями и за крупными землевладельцами (панами), основной единицей хозяйствования в XIV—XVI вв. являлись господарские дворы и дво́рцы. Княжеский двор в Киеве известен с XI в. [522]. Во главе господарского (княжеского) двора стоял господар (великий князь).

Господарский двор — это непосредственно и сам двор, его усадьба, при котором имелись дворные земли и угодья (пашни, огороды, сенокосы, леса). В зависимости от места расположения двора (в замке, городе), различались земли замковые, городовые. Дворы, расположенные в селах или изолированно от селения, в виде хутора, назывались обычно дво́рцами.

В каждой округе, которой управлял наместник-державца или тиун, имелось по несколько великокняжеских (господарских) дворов. Двор (его усадьба) включал усадебные жилые строения (хоромы) и клети для великокняжеских урядников и челяди, разные служебные и хозяйственные постройки, особенно для хранения хозяйственных припасов (подклети, погреба, амбары), а также конюшни, клуни, гумна.

Дворы являлись сравнительно сложной единицей хозяйствования, были хорошо «хозяйственно обзаведенны». Имели мельницы, иногда фольварки, сельскохозяйственные фермы, в которых разводили домашних животных [409]. Выполняли также функции судебные, административные. В них находилась местная администрация (наместники, тиуны).

В разных письменных источниках XV в. на Полесье отмечаются дворы господарские Селецкий, Ставецкий, Здитов с двóрцем Хрисицою, двóрцы Стытычевский, Дружиловичский, Кнубовский и др. К Няньковичскому двóрцу относились четыре дворища в селе Няньковичи и дворище в селе Сенчичи. Николай Остик держал под Коссовом (1559) двóрец Савицкого «со всеми будоваными дворными, землями пашными, огородами овощными, гаями, лесами, людьми тяглыми» [248]. Двóрец при селе Лунинец (1588) был охвачен «заметом одылеванным» с воротами. Включал две светлицы, две гридни, кухню, три конюшни [241].

В XVI в. дворы, двóрцы вместе с фольварками становились крупными хозяйствами по производству товарного зерна [635]. Фольварки упоминаются сравнительно часто с середины XVI в. и были в значительной степени ориентированы на рынок. Они не пришли только на смену панскому двору, как полагает В.М. Дубейко [335], а развивались рядом и обычно совместно. В Польше начало фольварочных хозяйств приходится на XIV в., на землях Руси — на 2-ю половину XV в. [760].

К дворам, двóрцам относились также земли «парабков» и земли, сдаваемые по чиншу сторонним лицам. Пашня обрабатывалась невольничьим трудом «парабков» или челяди и обязательным трудом тяглых крестьян, отрабатывающих барщину. «Парабки» могли иметь и свои отдельные «прироббои», получая их путем расчистки пустопорожней земли. С дворами, двóрцами были связаны и крестьяне, несшие специальные повинности на господаря: конюхи, бобровники, бортники [325].

Дворы являлись своего рода центрами, на которые приходили крестьяне окрестных сел на работы по исполнению феодальных повинностей [325]. В условиях натурального хозяйства примерно до конца XV в. основным видом повинности была «данина». Дань крестьян-данщиков во владении Станислава Кезгайло в Берестейском повете в 1554 г. состояла из меда, масла, сыра, кур, круп, соли, овса и денег [542]. Ежегодные повинности подданных села Лунинец (74 дыма, 1588) составляли со всего села дань медовую (мед пресный 26 ведер) и деньги (коп. две, грошей двадцать); с каждого дыма серебщины по грошей тридцати, овса по бочке одной, по сыру, по «кумплю», масло по «патущь», семени конопляного по ковшику, хмелю по решету, по курице; со всего села яловицу, «уюновъ троску», конопель чесанных по десятку [241]. Появлялись и с развитием сельского хозяйства все большее распространение получали элементы барщины. Барщина как вид феодальной повинности называлась «делом», «работой», «пригоном», «панщиной», довольно часто «службой тяглой», а крестьяне соответственно «людьми тяглыми». Постепенно она становилась главной повинностью тяглых крестьян [542]. С двором были связаны бояре, княжеские отроки, гридни, а позднее многочисленные служебные лица, которые являлись на княжеский двор для несения службы. От княжеского двора на Руси пошло наименование нового служивого сословия дворян [460].

Наряду с княжеским имелось еще крупное землевладение феодалов-собственников—магнатов, а с принятием христианства и организацией церковного управления появилось церковное землевладение [569]. Привилеем Ягайло (1387) земельные владения духовенства не облагались податями и повинностями [509]. Магнаты являлись потомками удельных князей, представителями знатных феодальных родов, владевших большими наделами с городами, местечками и тысячами крестьянских дымов. В 1528 г. в Беларуси насчитывалось 23 магната, которым принадлежало более тысячи дымов, а наделы составляли одну шестую владений всех феодалов [321]. К крупным магнатским родам принадлежали Гаштольды, Радзивиллы, Кезгайло, Остиковичи, Заберезинские, Кишки, Ходкевичи, Волловичи, Огинские, Олельковичи, Ильиничи, Глебовичи, Глинские, Друцкие, Пацы, Сапеги, Тышкевичи, Хрептовичи, Чарторыйские и др. Они имели особый экономический и политический вес, пользовались многими привилегиями, добивались владения господарскими дворами, участия в управлении государством и тем самым значительно ограничивали власть короля [509].

Ведение хозяйства в великокняжеских и частновладельческих землях требовало рабочих рук и вело к складыванию специальных служб. Первоначально, включая примерно 1-ю половину XV в., основной рабочей силой являлась челядь невольная. Мужчины обычно назывались парабками, холопами, женщины — рабами [441]. С развитием сельского хозяйства немногочисленная невольная челядь не смогла справляться со всеми видами работ при дворе, становилась второстепенной силой и фактически обслуживала сам двор. Вторую многочисленную группу к концу XV в. в господарских дворах составляли «тяглые люди» («пригонные люди»), которые жаловались вместе с землей. В этом веке в состав крестьянского населения вошла часть бояр, которая сливалась с тяглым населением, но составляла в нем высший разряд [509].

Господствующей формой хозяйствования становятся имения. Установить время их появления и характер развития еще труднее, потому что в литературных источниках они не всегда четко определялись. Нередко имением называлось любое владение. Нам кажется, что примерно так понимал имение даже М.К.Любавский [441]. По его определению, под «господарским имениемъ разумѣлись всѣ земли государства, населенныя и пустыя, которыя не имѣли никакихъ другихъ верховныхъ собственниковъ, кромѣ господаря великого князя». В действительности имения появились значительно позже владений верховных собственников и явились, на наш взгляд, результатом постепенного эволюционирования его владения.

В Жабчицах, например, имелся двор, а в 1520 г. указывается имение, владение Дмитра Федковича. Примером сравнительно быстрого эволюционирования единиц хозяйствования является также Молодово. По привилею пинского князя Федора Ярославовича, боярин Матвей Гричин в 1497 г. получил здесь дворище. Его вдова Марина в 1539 г. записала сыну Борису Матвеевичу в Молодове дворец [325]. При потомках Бориса, Молодово становится имением, что отмечено в Метрике ВКЛ за 1567 г. [432]. Именьице Кривчицкое включало дворища в Лисятичах, Снитове, полдворища в Вавуличах [325].

Появление феодальных имений в Беларуси, по данным А.Грицкевича [321], датируется концом XIV в. В Полесском регионе первое известное упоминание Дружиловичского имения, включающего Ополь, Достоево, Мотоль и Довечаровичи, связано с именем Юрия Семеновича Наримонтовича, последнего князя пинского из этого рода (первая половина XV в.). «Изъ своего имънья Дружиловичи князь Юрий надаетъ церкви Никольской Дружиловецкой десятину, земли, дани...» [325]. В материалах Ревизии королевских пущ имения указываются с конца XV в., времени княжения Марьи Семеновой [520]. В одном из них записано, что княгиня владельцу имения Выжловичи Олехне Курейше пожаловала три человека. В 1498 г. княгиня восстановила право на владение имением Кривичи Дмитриевичей-Кривецких. Согласно другому акту в Ревизии пущ, княгиня пожаловала Фурсу Ивановичу имения Краснев и Ополь. Известно также, что по Митке Городецкому в 1450-е г. его имения Туров и Городок перешли Свидригайлу [325]. В 1495 г. указываются имения Подгатье Завишей; Сининь и Масевичи Федора Кривицкого, Велесница Гричинов [520]. В первой половине XVI в. известность имели имения Бытень, Коссово, Сошно князей Жиземских и др. [507, 508].

Кроме имений, имелись поместья, получившие распространение при Казимире [441]. Поместьями именовались владения, которые жаловались господарем во временное пользование с обязательством несения с них военной службы. Поместьями (от слова место) назывались также наделы крестьян, бояр. С течением времени этот термин исчез из официального языка.

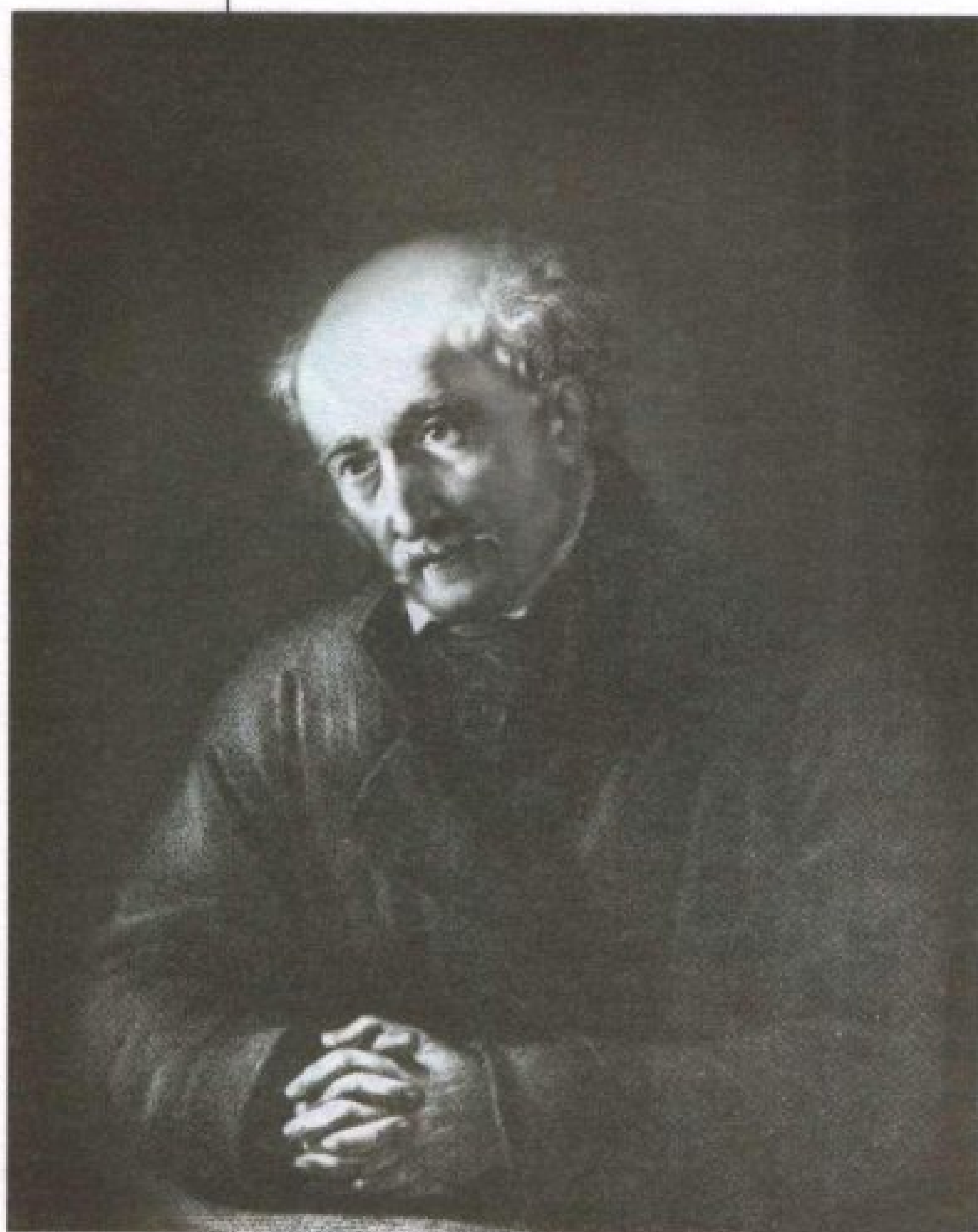
В жизни имений немаловажную роль играло право наследования владения. После смерти первого собственника имение как отчина переходило сыновьям (спадывало по отце). В некоторых случаях, понимая последствия дробления владения, братья не делили имение, а владели им совместно. Таким путем возникала родовая цельная отчина. Наследовали имения и дочери вместе с братьями или сами за их отсутствием.

Имения переходили и к боковым владельцам, например, племянникам. В случае отсутствия наследников имение, как выморочное, «спадывало на господаря», к которому и обращались иски о наследстве. С течением времени возник особый тип землевладения на ленном праве, т.е. с правом перехода к наследникам только мужского пола. По мере возможности землевладение женщин, не выгодное для интересов земской военной службы, ограничивалось. Определяющим правом на владение являлось условие несения службы [442].

Получив грамоту на имение, можно было по разным поводам и случайностям ее потерять, поэтому постоянно велась проверка владельческих прав на землю и доходы. Подтверждение права владения особенно требовалось при установлении новой власти. Многочисленные грамоты Сигизмунда I и королевы Боны на подтверждение права на владение имеются в Метрике ВКЛ и часто использовались нами как ценный источник.

Бона Сфорца. Мастерская Лукаса Кранаха Младшего

Следует особо подчеркнуть роль королевы Боны (1494—1557) в развитии имений. Еще при жизни князя Федора Ярославовича в 1519 г. состоялась запись некоторых его владений Боне. Князь не имел наследников. После его смерти Пинск фактически перешел королеве, а начало официального владения положено грамотой Сигизмунда I Старого от 1519 г. Бона титуловала себя как «Pinensis domina» («Пинская пани дедичка»), подчеркивая этим, что ее власть равносильна власти предыдущих владельцев Наримонтовичей или Ярославовичей [325]. Король пожаловал ей Пинск, Клецк, Городок, Рогачев, Вядо «в знакъ особенной любви и изъ желанія упрочить положение Боны» [325]. В 1524 г., мотивируя пользой мудрого управления королевскими землями, он наделил королеву пущей от Нарвы по Жмудь — 200 км в длину и 50 км в ширину [523]. Согласно специальным актам 1536 и 1546 гг., она имела право на выкуп земель у частных владельцев с условием уплаты записанных на них сумм. Это право предоставило королеве большую свободу в земельных операциях к неудовольствию местных владельцев. Она не полагалась на своих управителей имениями, а сама вникала даже в мелкие детали и подробности. Переселяла крестьян в отдаленные малочисленные имения, за свой счет поддерживала замки в пограничных имениях, стремилась поднять их доходность, уменьшить одновременно бремя государственных повинностей. Внимательно относилась к духовенству. Назначала епископов, священников, определяла сумму аренды, таможенной пошлины, денежных расходов и натуральных запасов, контролировала старост. Была активным проводником аграрной реформы — «померы волочной». В 1552 г., например, приказала пинскому старосте Станиславу Хвальчевскому провести с королевским ревизором Алексеем Чосновским размежевание на уволоки (волоки), принадлежавших ей земель в Пинском и Клецком княжествах. Реформа особенно активно велась после 1557 г. в связи с принятым в этом году «Уставы на волоки». Она повлекла за собой проверку прав на землю частных собственников, упорядочение повинностей, улучшение контроля за их выполнением и усилением эксплуатации. Деятельность королевы была первой попыткой построить хозяйство на новых началах путем введения новой земельной единицы — волоки как основной единицы обложения крестьян повинностями. Повинности были



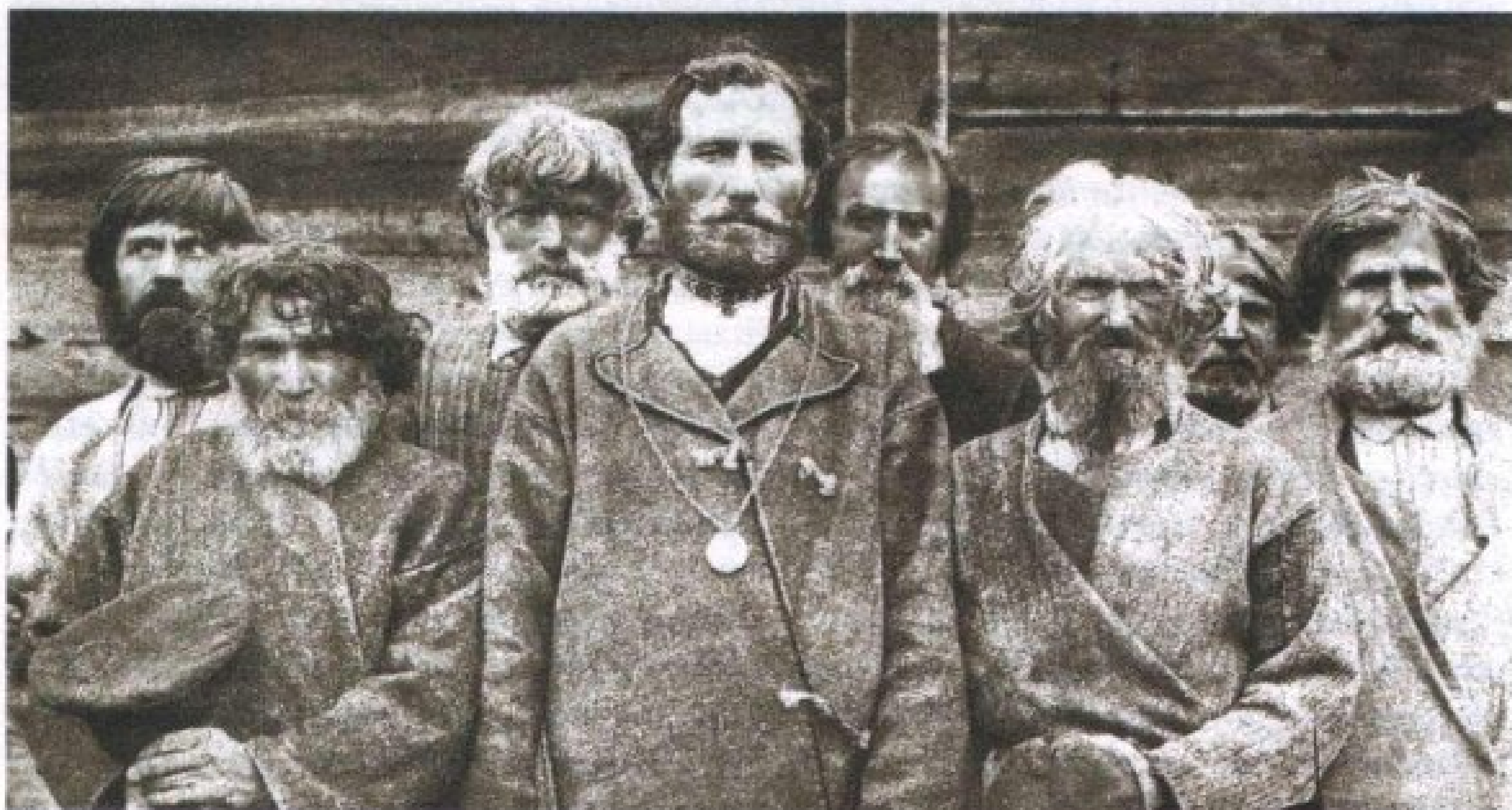
Старый литовский шляхтич. Художник Валентий Ванькович

меньше, чем на землях других землевладельцев [508].

Волока, разделенная на три равные поля, включала 30 моргов земли. В связи с невысоким уровнем плодородия почв в Пинском старостве по велению Боны она была увеличена до 33 моргов (20,98 десятин, 23,5 га). При проведении подворного крестьянского надела, основанного на волочной системе, учитывалась степень удобства крестьянских поселений. В результате некоторые из них переносились на новые места и закладывались по предложенному плану. В Бродницe, например, по одной стороне улицы располагались дома, по другой — гумна. Под каждую усадьбу было нарезано по моргу земли [507].

Деятельность Боны строилась на развитии фольварочного хозяйства и эксплуатации природных богатств. Фольварки при дворах, имениях развивались как специализированные хозяйства по производству товарного зерна согласно «Уставы на волоки». Труд челяди невольной отступал на задний план. Труд обязанного повинностями тяглового населения становился главным. Имения втягивались в круг общегосударственных интересов [509]. Доходы Боны от обширнейших владений назывались «неаполитанскими суммами» и поражали современников [325]. Инвентарная опись имущества, приложенная к завещанию, составляла 345 страниц [499].

Деятельность королевы в Полесье продолжалась более 30 лет (до 22 января 1556). Миланская принцесса Сфорца, дочь миланского герцога, советника короля Людовика



Полешуки

XI, характеризуется А. Грушевским [325] как предприимчивая властолюбивая владелица, охваченная жаждой деятельности. В хозяйственных хлопотах она находила не просто материальные выгоды, но и большое удовлетворение. Королева строила замки, госпитали, костелы, школы, осваивала пустыри, давала жизнь новым поселениям, закладывала сады. Она первая положила начало мелиоративным работам на Полесье. Пыталась осушить болота южнее Кобрина. Канал Боны по восточной окраине города, впадающий в Днепро-Бугский канал, сохранился до наших дней. Видимо, по ее инициативе был проложен канал от Пинского замка до д. Стытычево (до ее дворца).

Полешучка

Становление и развитие имений региона было связанно с особым новым шляхетским сословием. При Ягайло бояре как высшее благородное сословие, составляющие вместе с княжескими отроками и гридней «княжескую дружину», окружали князя на поле брани и помогали в государственном управлении, но постепенно теряли свое значение. Возрастает численность и значение служебных лиц, исполняющих разные правительственные и судебные дела (вирники, городники, мытники, мостники, тиуны, печатники, дворецкие, казначеи, конюшие, ловчие, наместники и др.) [460].Со временем Витовта началось увеличение числа людей, способных воевать. Основой военной службы становится земля. Первое пожалование земли в личное владение при условии несения службы было сделано Миндовгом в 1254 г. [509]. Затем ее жаловали великие князья Витовт, Свидригайло, Сигизмунд Кейстутович, Казимир при условии исполнения военной службы в целях образования военно-служилого класса [330]. Нести службу, «ставится под поветовое знамя, под начальство местного хоружаго» считалось почетной, привилегированной обязанностью. Сословие наделялось рядом прав в сферах общественной жизни и освобождалось от обычных «мужицких» повинностей (тягла, чинша, серебщины и др.). Формы жалования владения великими князьями были разные: временные — «дочасное» («до воли и ласки господарской», «до очищения отчины», «до живота»), на ленном праве и в полную собственность — «вечистое» владение («навечность», «в отчизну» и др.). Отказ от службы сопровождался конфискацией имения, поэтому феодалы стремились превратить владения в наследственную собственность с полным правом распоряжения. Такое право было определено уставом 1566 г. Постепенно, по мере утечки земельного фонда, шел процесс усиления класса землевладельцев и ослабления веса и авторитета князя. В XV—XVI вв. господарский земельный фонд, особенно в западных областях ВКЛ, значительно уменьшился. Этот процесс вел к возникновению новых дворов. После Люблинской унии 1569 г. специальным постановлением запрещалось без согласия сейма жаловать «правом вечным» господарские имения [542].

Формирующееся новое шляхетское сословие составляли должностные лица при дворе князя и лица, несущие военную службу. На Руси такое сословие именовалось дворянами. Название, как уже отмечалось, происходит от слова «двор». На княжеский двор эти люди являлись для несения службы. По своему положению они были

Мещанка из Давид-Городка

ниже бояр [460]. На землях ВКЛ высшее служилое сословие называлось земянами, что соответствовало латинскому термину «nobilis» (благородный) [325]. Низшая группа светских феодалов именовалась шляхтой. Слово «шляхта» немецкого происхождения и означает «род, порода». Из Германии оно перешло на земли Польши, а затем на рубеже XIII и XIV вв. вошло в употребление на Беларуси. Основной обязанностью шляхтичей была защита Родины. Основой политической и экономической мощи являлась земельная собственность. Первоначально она была небольшой и не могла конкурировать с княжеским и магнатским землевладением. По данным М.Ф.Спиридонова [542], из числа всех учтенных феодалов в белорусских поветах в 1528 г. мельчайшие составляли 2077 (81 %). Отдельные наделы могли иметь всего несколько крестьянских дымов. Бедные шляхтичи, которые несли военную службу в составе отрядов владельцев, но не имели земли и крестьян, назывались «голотой». Около 79 % из числа учтенных феодалов являлись белорусами. Со временем численность, политическое и экономическое значение шляхты менялось. В течение XV в. шляхетское военно-служилое сословие, состоящее из потомков бояр, князей, дружинников и других лиц, выросло численно и в 1528 г. было включено в реестр войска [509]. Его численность продолжала расти и в следующем столетии, составляя 8—10% от всего населения Речи Посполитой [407].

Шляхтичей различали дедичных (владельцы имений по вотчинному, наследственному праву), закладных и арендных (временное управление и владение по закладным и арендному содержанию), околичных, чиншевых и в дворах служащих. Околичная шляхта жила целыми околицами (деревнями), владела ненаселенными землями и сама их обрабатывала. Особенно широко была распространена в Пинском, а также в Слуцком, Борисовском и Минском поветах.

Чиншевая шляхта не имела собственных наделов; поселясь на землях казенных или владельческих, получала за работу чинш (оброк). Люди также безземельные, но исполнявшие разного рода службы обычно при дворах крупных землевладельцев, образовывали категорию служащей шляхты [460]. Последняя категория, именуемая дворовой шляхтой, состояла преимущественно из шляхтичей, утерявших свои имения и вынужденных наниматься на службу к магнатам. Она составляла администрацию двора, служила в частном войске, участвовала в работе судов, сеймиков, отстаивая права своего хозяина, выполняя важные функции посредника между элитарной частью общества и его другими сословиями [407]. Со временем стали различать шляхту высшую (богатую), включающую воевод, маршалков, канцлеров, подскарбиев, гетманов, нередко объединяемых под общим названием сенаторы, шляхту среднюю (малоземельную) и низшую (мелкую небогатую). В начале XX в. особенно многочисленной (25 тысяч человек 114 фамилий) была небогатая, застенковая шляхта в Пинском, Лунинецком и Столинском поветах. Средний надел земли составлял 10,3 га [639]. В Пинском повете застенковая шляхта составляла около 18 % от всего населения. Имела примерно 70 дворов-застенков [641].

Права и привилеи шляхетского сословия («шляхетские вольности») касались политического, экономического и личного положения. Последние включали права неприкосновенности личности и имущества, права защиты чести и достоинства, свободы вероисповедания и перемещения [407]. Права и привилеи в разные времена несколько менялись, корректировались, но основные положения оставались неизменными по своей сути. Так, согласно привилеям Ягайло (1387—1413), а затем Казимира, шляхта католического происхождения получила ряд дополнительных прав. Она, например, могла распоряжаться имением, доставшимся по наследству; пользовалась правом, запрещающим переход крестьян из одних имений в другие, была освобождена от натуральных повинностей, уплаты серебщины и др. Желание Ягайло распространять католическую веру в Литве принесло немалые результаты. Многие православные бояре и шляхтичи во имя желаемых прав начали оставлять свою родную веру. И только Сигизмунд II Август постепенно начал уравнивать права шляхтичей православного и католического вероисповедания. Право собственности феодала на вотчины без всяких ограничений было закреплено Статутом ВКЛ 1588 г. Шляхте была предоставлена полная свобода распоряжаться землею как личной собственностью. В ленные владения (без права наследования) по-прежнему продолжали отдаваться имения казенные (экономические, королевские) [460]. Оказавшись в составе Речи Посполитой после 1659 г., шляхта ВКЛ подчинилась уставам, которыми определилось положение шляхетского сословия в Польше. На основании этих уставов шляхетство приобреталось происхождением (родом) и пожалованием.

Бортник. Рисунок Я.Герсона

Пасека. Рисунок Ф.Бжозовского

Водяная мельница. Рисунок Ф.Бжозовского

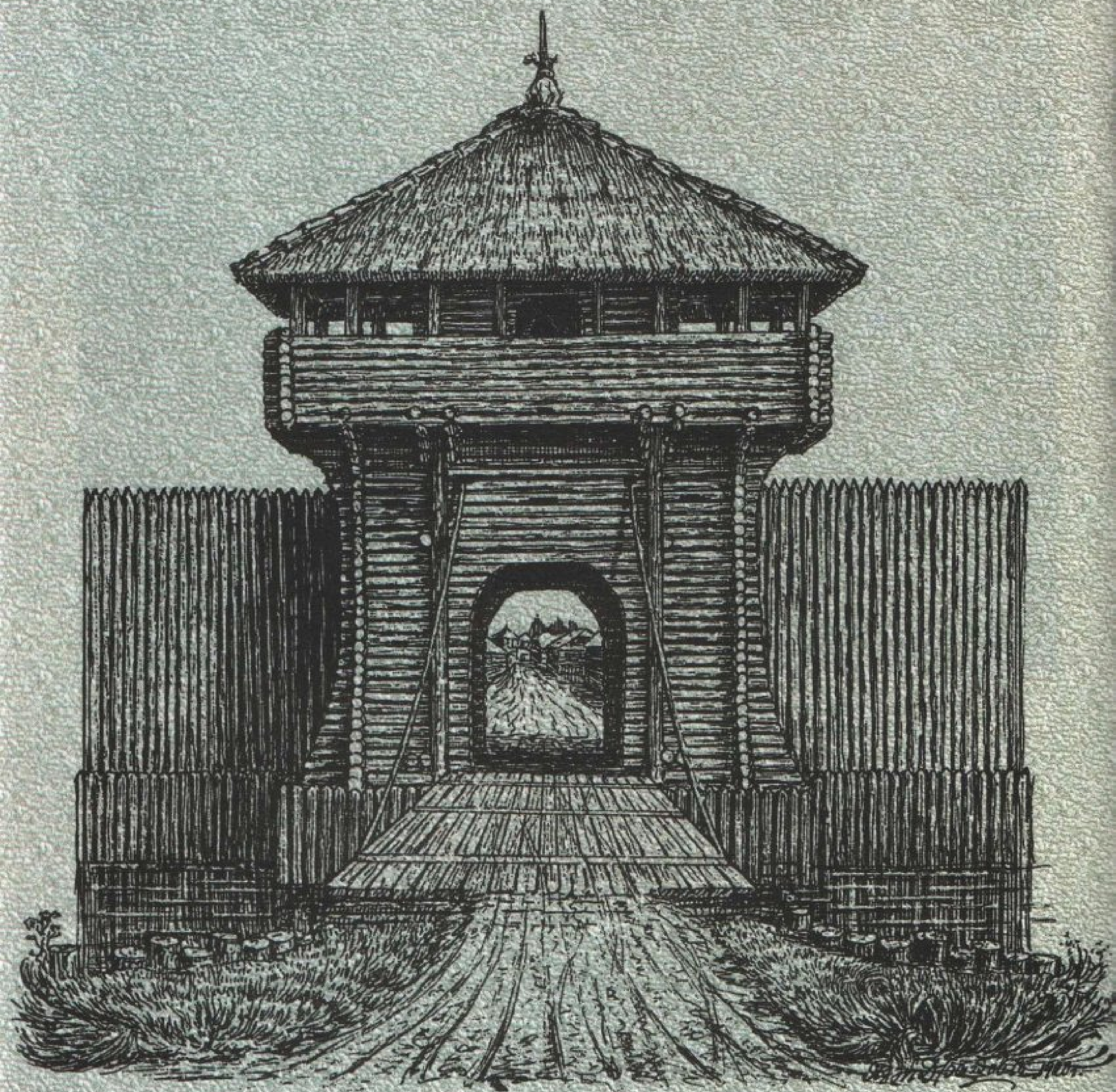
Шляхта, особенно богатая и средняя, отличалась высоким уровнем образования, владела правом «liberum veto», составляющим основы шляхетской демократии, определяющим свободу и равенство каждого шляхтича в решении государственных вопросов. Она занимала ведущее положение в жизни государства и общества. Ее высоким государственным статусом, экономическим уровнем, образованностью определялась роль в развитии всех культурных процессов общества [407].

Жизнь имений нельзя себе представить без крестьян — того многочисленного сословия, руками которого создавались и держались усадебные дворы. Для лучшего представления о жизни имений, о которых речь пойдет в следующих главах, отметим очень кратко, опираясь на литературные источники, основные категории крестьян. С середины XV в. ими были люди «похожие» или вольные (при господарских имениях); люди «непохожие», или «отчизные» (отчичи), прочно приросшие к земле; «челядь невольная» (рабы) и закупы [509, 514, 542]. Постепенно с развитием землевладений категории крестьян менялись. Появились ремесленники: мельники, конюхи, бортники, полазники (следили за господарскими бортями), бобровники, стрельцы (охраняли леса, охотились), езовники (сидели на езах и занимались ловлей рыбы). В Статичевском двóрце, по данным померы, в 1-й половине XVI в. числилось два ткача. Им платилось кормом, денежным жалованьем или скидкой в обычной норме повинностей. За раскладкой и уплатой повинностей, правильным исполнением тягла, толок строго следили войты, старцы, десятники [325]. Забегая на несколько столетий вперед,

Возвращение с ярмарки. Рисунок А. Ковальского.

отметим, что в Минской губернии, по данным седьмой ревизии (1815—1816), различались крестьяне дворовые, составляющие около 2,4% всего крепостного населения (батраки, слуги — дворецкие, лакеи, кучера, повара, горничные и др.; слуги, выполняющие работы ремесленные, связанные с промыслами, содержанием скота: бондари, гончары, кузнецы, кравцы, бобровщики, бортники, сокольники, рыболовы, медовары, садоводы, конюхи и др., получавшие от владельца продовольствие, одежду и денежное жалованье); тяглые (86,4%), владеющие землей, за которую отбывали панщину; оброчные (2,2%), также наделенные землей, но вместо панщины платящие оброк; огородники (4,1%), имеющие землю только для огородов, или немного сенокоса; и бобыли (4,9%), владеющие только одними усадьбами [460, 509].

С имениями господарскими, магнатов, шляхты и духовенства была связана многовековая история усадебного зодчества Брестчины и всей Беларуси, включая эпохи Ренессанса, барокко, а также классицизм, романтизм и время эклектики.



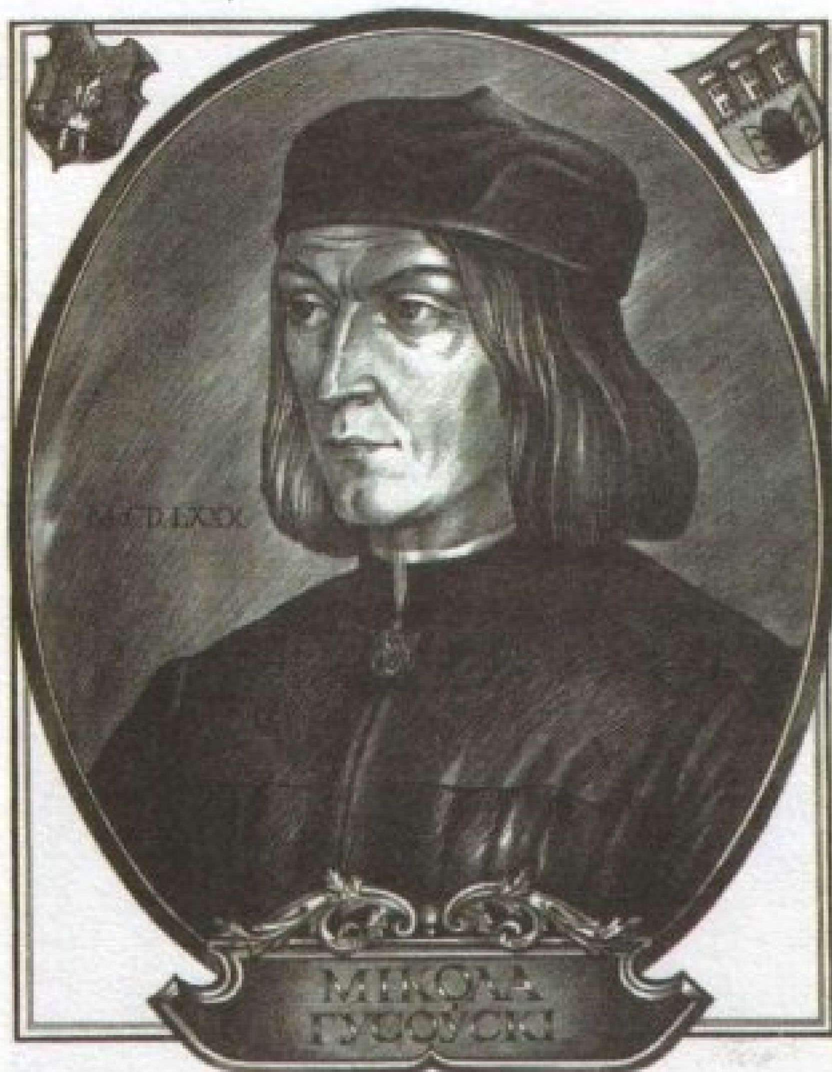
Эпоха Ренессанса

Эпоха Возрождения (Ренессанса), охватывающая в Европе более трех столетий (XIV — первая половина XVII в.), характеризуется становлением гуманистического мировоззрения, расцветом науки и искусства, развитием национальных культур, языка и литературы, формированием национальных государств. Идеи Ренессанса охватили Беларусь несколько позднее, с XVI в. Их развитию содействовали географическое положение ВКЛ, общественно-политический строй княжества, культурно-экономические связи. Франциск Скорина, Микола Гусовский широко открыли двери из Великого княжества в Западную Европу, и особенно в Италию — колыбель Ренессанса и гуманизма, страну высокой культуры, науки и книгопечатания. Гуманистическое возрождение края началось прежде всего с провозглашения родного языка как фундаментальной духовной ценности, которая питает культуру, стимулирует ее духовное развитие [385]. Во второй половине XVI в. старобелорусский язык становится литературным языком. Его статус государственного языка был закреплен Статутами ВКЛ 1566 и 1588 гг., написанными на белорусском языке, хотя юриспруденция этого времени в Европе велась на языке латинском.

Николай Радзивилл Черный. Гравюра Г.Лейбовича (XIX в.) с портрета XVI в.

Просветительские идеи Ренессанса несли Ф. Скорина, идеал которого определялся как соединение добра и красоты, Микола Гусовский, С. Будный, В. Тяпинский, М. Смотрицкий, М. Литвин, Якуб из Калиновки и другие мыслители того времени. Ф. Скорина, белорусский и восточнославянский первопечатник, издатель и комментатор Библии, первым показал красоту, силу и богатство родного белорусского языка, переводя на него наиболее сложный памятник культуры человечества.

В 1553 г. канцлер ВКЛ, воевода виленский и староста берестейский Николай Радзивилл Черный основал в Бресте первую в ВКЛ протестантскую общину и открыл при кальвинском сборе первую на территории Беларуси типографию для печатания реформатских книг [301]. Возникновению типографии содействовал значительный подъем в культурном развитии Беларуси, расширение международных культурных связей и влияние Реформации. В ней было издано на латинском и польском языках около 40 изданий, в том числе в 1563 г. знаменитая Радзивилловская (Берестейская) Библия и одно из самых первых на Беларуси произведений светского характера «Разговор поляка с литвином». Огромный фолиант Библии в кожаной обложке, с рисунками и графическим оформлением считается одним из лучших изданий в Великом кня-

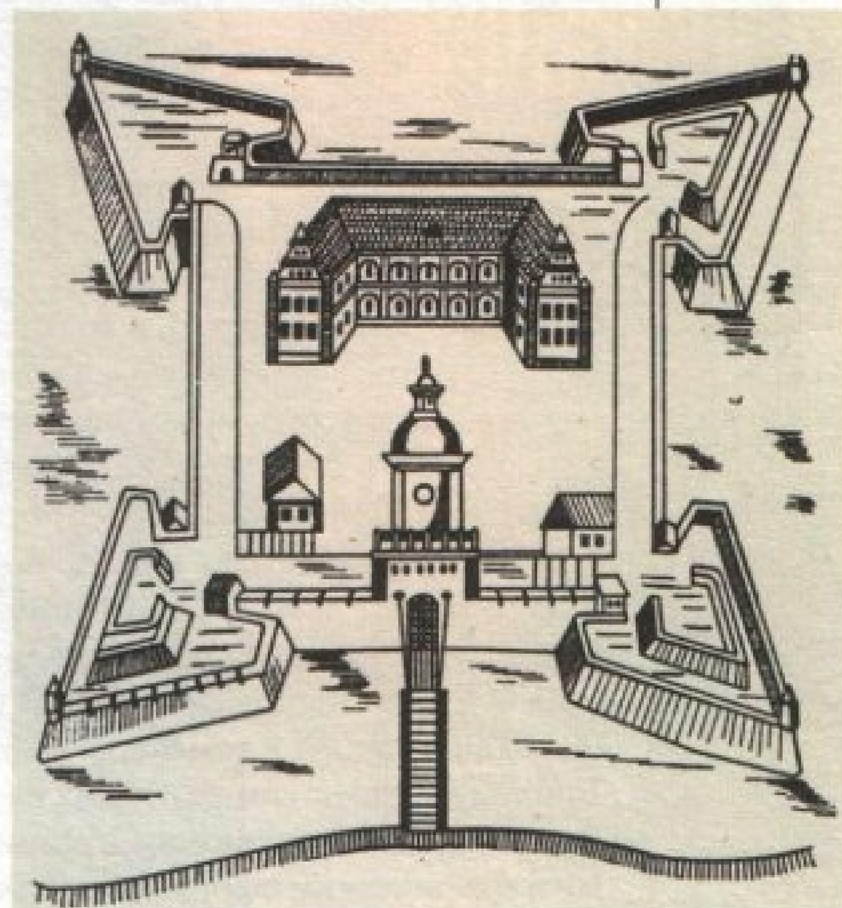


Микола Гусовский

жестве Литовском и Польше [496]. Библия — библиографическая редкость. После смерти князя младший сын Юрий, кардинал и виленский епископ, скупил все ее экземпляры и сжег перед костелом св. Иоанна в Вильно. Типография подарена виленской иезуитской академии, которая вскоре получает известность как иезуитская типография [346]. В отделе рукописей, редкой и старопечатной книги Национальной библиотеки Беларуси хранится изданная в Бресте «Книга святого Лукаша» с посвящением князю Николаю Радзивиллу Черному. Расширяя позиции Реформации в ВКЛ, князь стремился сделать кальвинизм национальной религией, оградив княжество от католической Польши и православной Москвы [580].

Николай Радзивилл Черный был материальной опорой Сымона Будного, который вместе с белорусскими гуманистами Матвеем Ковечинским и Лаврентием Крышковским положил начало печатанию книг на современном им белорусском языке скорининским шрифтом (шрифт был привезен из Вильно) в Несвижской типографии («Катэхізіс», 1562). Многие издания типографии адресовались «простым» читателям [301].

Эпоха Ренессанса — это огромный пласт культуры, наработанный в Беларуси за сравнительно короткое время, включающий не только белорусское книгопечатание и становление своей школы книжной графики, но и поэзию, литературу, театр, живопись, ораторское искусство. Одним из свидетельств высокого уровня культуры государства являлось многоязычье. Свободно мог разговаривать на нескольких языках Николай Радзивилл Сиротка. Ему, студенту университета в Страсбурге, в одном из посланий отец писал: «С помощью Божьей хорошим оратором и хорошим писарем латинским домой готовься приехать...» [458]. Образованностью и отличным знанием латинского языка поражал воображение короля и великого князя литовского Стефана Батория Лев Сапега, что позволило молодому политику остаться при дворе и защищать интересы государства. Частое обращение к латыни свидетельствует об активном включении ВКЛ в научную и культурную жизнь Европы, в которой языком межгосударственных отношений и науки была латынь. Со своей знаменитой «Песней о зубре», написанной на латинском языке, вышел в свет Европы Микола Гусовский, создавший величественный гимн родному краю, его природе, мужественной и красивой душе своего народа.



Замок в Ляховичах. Реконструкция по гравюре XVII в.

Особый пласт ренессансной культуры составляет архитектура. Под влиянием ренессансной градостроительной культуры проводится коренная реконструкция ряда городов. Развивается стройная система регулярной квартальной планировки с торговой площадью, ратушей и торговыми рядами в центре. Замковое зодчество постепенно трансформируется в дворцово-замко-

вое, теряя фортификационную и крепостную замкнутость. Вместе с дворцом в замки приходят парадные дворы, составляя передний план композиции, и парк на оси за дворцом. Замковое строительство приобретает качественно новые черты, которые нашли воплощение на земле Брестчины в «Ляховичской фортеции» — бастионном замке Ходкевичей, самом мощном среди подобных укрепленных сооружений не только в ВКЛ, но и во всей Речи Посполитой [557]. Замок располагался на левом берегу р. Ведьма, имел, согласно гравюре XVII в., форму четырехугольника (200x175 м) с бастионами и брустверами, окруженного рвами и валами. В глубине замкового двора возвышался П-образный в плане двухэтажный каменный дворец. Время не сохранило этот и другие памятники XVI в. О нем напоминают следы валов и заплывшие рвы в прошлом шириной до 15 м. Рвами 15-метровой глубины и 30-метровой ширины при крутизне склонов до 45^0 был укреплен замок Яна Ходкевича, построенный на правом берегу р. Мышанка после 1568 г. в Старой Мыши. Замок в Давид-Городке, возведенный на месте бывшего городища, у слияния рек Горынь и Неправда, по данным Инвентаря за 1631 г., был укреплен рвом, через который был перекинут подъемный мост на цепях, деревянными оборонными стенами, имел три боевые башни. В 1649 г. перед замком строится костел Божьего Тела. Во 2-й половине XVII в. замок принял вид парадной резиденции, в 1690-е г. имел барочный дворец [585].

Михаил Серваций Вишневецкий

Одним из более поздних в регионе является замок в Высоком, построенный после 1647 г. Павлом Сапегой, воеводой витебским, на берегу р. Пульва, укрепленный системой валов, водоемов, бастионов и куртин, с двухэтажной приземистой брамой. В глубине замкового двора на одной оси с брамой возвышался дворец Сапег. В конце XVII в. в пригороде Пинска на землях, полученных в 1690 г., в традициях новоитальянской фортификационной системы строится бастионный замок Каролин маршалка ВКЛ Яна Кароля Дольского (1637—1695), укрепленный рвом и мощным оборонительным валом со сводчатым подземным переходом (высота до 2 м), связывающим бастионы [501]. В духе времени замок развивается в виде княжеской резиденции при новом владельце Михаиле Сервации Вишневецком (1680—1744), каштеляне, воеводе виленском, канцлере великом литовском, старосте пинском, которому Каролин

Земляные валы бывшего замка в Старой Мыши

Башня в Каменце. С акварели Наполеона Орды. 1876 г.

перешел по «кудели» от Екатерины, дочери Яна Дольского. В 1701 г. при замке имелся регулярный парк [374]. В это же время (до 1706) в имении Хомск, перешедшем также от Дольских, Михаил Серваций на Ясельде возводит замок Жабер.

Фундации Михаила Сервация, который пережил арест, эмиграцию, был не только видным государственным, политическим деятелем, но и поэтом, писателем, принадлежит третий замок, построенный им на склоне лет в Ополи в виде летней резиденции. Включала дворец, укрепленный валами, рвами, и регулярный барочный парк, аллеи которого образовывали в плане инициалы «MW».

Наиболее выразительным примером трансформации является замок XV в. в Каменце, что отражает Инвентарь 1635 г. Он утерял систему укреплений XIII в., кроме вала и рвов, и принял вид светского магнатского двора, расположенного на берегу р. Лесная. Вход на территорию замка шел через двухъярусную браму, в нижнем ярусе которой располагались амбар и пивница, а в верхнем — зал. Украшением брамы снаружи служила галерея с балюстрадой — характерный архитектурный элемент времен ренессанса. Доминирующим сооружением замка являлся дворец — сравнительно большое двухэтажное здание, расположенное на планировочной оси. Парадную часть нижнего этажа составляли столовая с восьмью окнами, кладовая, боковая изба. В жилой половине имелось две избы и три кладовые, служившие жилыми помещениями. Второй этаж, подобно браме, также имел галерею. Симметрично браме с двух сторон стояли два флигеля (один красного цвета), образуя парадный двор в виде курдонера — характерного структурного элемента, оформившегося в усадебном зодчестве значительно позднее, в период барокко. Возле флигелей располагались конюшня и флигель-кухня с двумя избами, кладовой, пекарней и кухонным очагом

Коллегиум иезуитов в Пинске. Фото 1999 г.

Вид на монастырский ансамбль иезуитов в Пинске. 1863 г.

в сенях. При замке, около каменной башни, был разбит сад, имелся также огород. За пределами замка, на берегу реки, стояли двухэтажный спихлер, пивная, винокурня [585].

Монументальная гражданская и культовая архитектура этого периода также постепенно утрачивает оборонительный характер, связанные с ним суровость и аскетизм, и приобретает светские черты. Готические формы сливаются с элементами ренессанса, что нашло выражение в уникальном памятнике — Троицком костеле в Чернавчицах, построенном в 1585—1595 гг. Радзивиллом Сироткой. Величием и художественной выразительностью выделяется памятник позднего ренессанса и барокко — коллегиум иезуитов в Пинске; угловой камень его заложил фундатор — канцлер ВКЛ, староста пинский, известный историк и мемуарист Альбрехт Станислав Радзивилл, владелец имения Альбрехтово. Коллегиум являлся частью ансамбля иезуитского монастыря, включающего также здание костела, построенного стараниями Андрея Волловича в 1647 г. [634].

Получает развитие изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Дворцы украшаются фресками, резьбой по дереву, важной частью интерьеров становятся скульптурные изображения. Растет спрос на культовую и бытовую мебель, соответствующую вкусам эпохи [588]. Происходит настоящее возрождение утраченных традиций производства стекла, которые своими корнями восходят к временам Полоцкого княжества [550]. Формируются самобытные художественные школы, которые осваивают и переосмысливают достижения европейского ренессанса, искусства Древней Руси и культуры древних городов Беларуси [291, 568].

Особую страницу ренессансной культуры составляют усадьбы. Их развитию, формированию хозяйственных устоев и традиций способствовала фольварочно-крепостническая система хозяйства, а культурно-историческое содержание эпохи обусловило художественные формы.

Дворы, усадьбы, фольварки этого времени практически утеряны, но богатые сведения о ренессансном зодчестве содержат инвентари, «подымные» реестры городов и местечек, часть из которых профессионально обработана Ю.А. Якимовичем [585]. Материалы инвентарей по многочисленным усадьбам Беларуси, которые строились,

расширялись, перестраивались на протяжении столетия (1550—1650), позволяют не только выявить характерные черты и особенности архитектуры усадеб этого периода, но и проследить сам процесс развития застройки от простого двора до ренессансного ансамбля, даже представить зарождение черт нового барочного стиля. Эстетические идеалы постепенно вытесняли суровость и аскетизм [408].

Первоначальной формой шляхетской усадьбы был двор, который включал жилой дом и хозяйственные постройки. В их составе имелись конюшни, скотные дворы или сараи (для содержания коров), сенные сараи (сенницы, пуни), которые служили для хранения необмолоченных зерновых, сена, соломы, сельскохозяйственного инвентаря, гумна (пуни при гумне, токи, сараи для лошадей) для сушки, хранения снопов, обмолота, очистки и сортировки зерна.

Позже в усадьбах из числа хозяйственных построек формировались самостоятельные структуры — гумнище, гуменье или попросту гумно, включавшие многочисленные постройки, предназначенные для хранения снопов, сена; скотные дворы, которые объединяли сараи, воловни и другие постройки, где содержались домашние животные.

К числу простых усадеб в виде одного двора, по данным Инвентаря за 1597 г., относилась, например, усадьба в Коссове, поселение, которое в 1510 г. получило права местечка [585]. Оно известно по акту раздела имения в 1597 г. между Григорием Сангушко и Николаем Кишкой. Усадьба располагалась у основания городища с оборонной башней (дошло до наших дней, датируется X—XI вв.) и улицей Дворной соединялось с рыночной площадью местечка. Сооружения двора (погреб-ледник, амбары, конюшни, кухня с варивней, пекарня, бровар, ледник, баня) располагались вокруг трех жилых домов. Лучший из них имел две белые избы и три комнаты.

Примерно с середины XVI в. в крае сложилась выразительная дифференциация усадьбы по группировке и размещению строений. Двор «Ведма» Гзовских (Инвентарь за 1551) включал старый дом и отдельно расположенный фольварк с разными строениями (клети, конюшни, гумно, водяная мельница и др.). Согласно Инвентарю за 1570 г., две усадьбы при местечке Бытень, имения Тризнов имели по двору и гумнищу. Двор включал наиболее характерные строения того периода: несколько жилых домов, кухню, амбары, конюшню, погреб-пивницу. Один из дворов имел малую винокурню. Усадебные дома были уже «высокими», видимо, на подклетьях, остальные — «низкие». Небольшие жилые здания дворов включали сени, одну или две светлицы, комору. Одни из них имели черную избу, другие — большую белую избу-столовую.

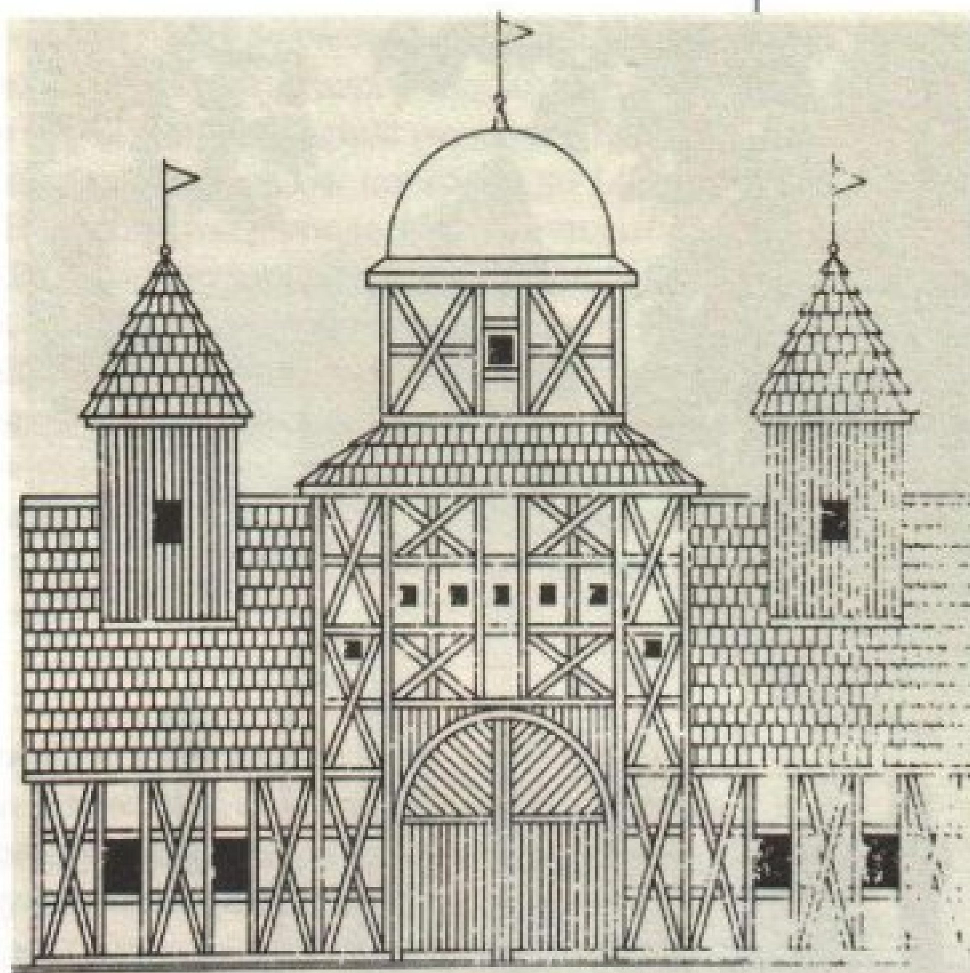
Простая планировка жилого дома являлась исходной и служила основой ее постепенного усложнения и увеличения. Оно определялось местными мастерами, которые руководствовались накопленным в крае опытом, развивая его дальше своим личным мастерством и умением.

Планировочно выделенные и обособленные гумнища, хозяйственные комплексы, предназначались для сушки и обмолота снопов, хранения зерна, соломы, сена. Они включали большой набор сооружений: гумна, стодолы, клуни, токи, евни, осети, амбары, спихлеры, озероды и др. В бытенских усадьбах имелись три става, небольших запрудных водоема на р. Орел с тремя одноколесными водяными мукомольными мельницами и один став на р. Дороженя с одноколесной мельницей-рудней [585].

Основная тенденция развития планировочной структуры усадьбы этого времени заключалась в выделении и обособлении ее парадной части — двора с усадебным домом и рядом служебно-хозяйственных построек (амбар или клеть, флигель, конюшня для выездных лошадей, каретная, кухня, баня) и хозяйственного двора, размеры и состав строений которого определялись значимостью имения и зависели от времени его постройки. Со временем хозяйственный двор получил функционально-планировочную самостоятельность и стал называться «дворком». В России вплоть до 1660-х г. утилитарная функция усадьбы казалась единственно важной, особая «парадная» часть еще не выделялась. Красивое видели в предметах повседневного быта,

«красоту» не отделяли от «пользы» [287].

В 1570-е г. некоторые усадьбы региона, даже небольшие, имели четкую функционально-планировочную структуру. Усадьба Вольно в 1571 г. состояла из двора, дворка, гумнища и скотного двора. Двор включал жилые дома («великий новый», «великий старый», «малый»), два погреба (пивницы), пять амбаров, конюшню (на двадцать лошадей) и обозную. В доме владельца, именуемом «великим новым», кроме сеней имелись светлицы и коморы, светлица-столовая, два туалета и крыльцо. Окна светлицы имели «скураные малеваные оболоны» (расписной пергамент). В усадьбе наметилось обособление парадной части двора, за которой отдельно возле ворот (к дворку) размещались служебно-хозяйственные сооружения: пекарня с сенями, кухня с кладовой и крыльцом, пивная и винокурня с квасной избой, баня с сенями, кладовой и крыльцом, сеновал. В небольшом дворке жили люди, обслуживающие имение, стояли простые производственные сооружения. Дворок включал черную избу пастуха с сенями, истопку для хранения молока и сырницу.



Замковая брама в Острошицком Городке. Реконструкция по Инвентарю 1650 г.

Инвентарь имения дает представление о гумнище, которое было обнесено плетнем и включало стодолу, в которой хранили необмолоченные снопы ржи, ячменя и овса, озероды, сооружения для воздушной сушки снопов, две евни. Наличие оборы, состоящей из шести рубленых хлевов, свидетельствует о выделении из гумнища отдельного комплекса для содержания скота. При дворе имелось три сада и рыбный пруд.

Подчеркнем, что отмеченный тип усадебного двора уже не имеет типичных хозяйственных построек, кроме конюшни. Разнообразие утилитарных построек возрастает, что свидетельствует об усилении хозяйственно-экономического положения усадеб и соответственно имений. В дворах появляются постройки для съестных припасов и имущества (клети, амбары, спихлеры). В XVI в. сложился такой тип строения, как лямус, который совмещал функции летнего жилья и хозяйственного здания. Примерно такой перечень построек преобладал в течение всего периода существования имений.

С экономическим ростом имения, усадьбы дополнялись производственными постройками, связанными с хранением и переработкой сельскохозяйственной продукции: кладовыми для овощей (небольшими курными домиками с сенями и кладовыми), пивницами, погребами, склепами, сыроварнями, коптильнями.

Важное место среди построек занимала винокурня, размещаемая обычно рядом с водоемом или колодцем. Одновременно строились баня, солодильня, жилье для работников. Некоторые усадьбы имели водяные мельницы, мастерские по отбеливанию и вальцеванию полотна (белильни), лесопилки и даже рудни.

Постройки двора обычно располагались вдоль ограды, чем достигалась его замкнутость. Центральная часть оставалась свободной. Здесь был колодец, росли деревья. Обязательные элементы двора — ворота и сложная ограда. Обычно это были заметы, могли быть остроги с боевыми башнями по углам. При возведении ограды часто использовались доски обычные толстые и простые плетни. Со временем ограда усложнялась и приобретала светские черты, становясь, например, двухъярусной. На нижней

Троицкий костел в Ишкольди. Главный фасад. Фото 2000 г.

глухой стене строилась ажурная балюстрада.

Соответственно оградам возводились и брамы, которые считались традиционными постройками белорусского зодчества и были архитектурными компонентами усадеб этого времени. Сначала это были простые ворота, затем достаточно сложные и даже монументальные брамы в два—три яруса, с башнями, помещениями различного назначения: караульные, кладовые, залы, тюрьма, светлица с сенями и кладовой и др. Монументальная, завершенная шатром брама в Мыши, известная по Инвентарю за 1728 г., имела кордегардию, а во 2-м ярусе с галереей — жилые комнаты [584]. Брама, приобретая отчетливо очерченные функции жилищно-хозяйственной постройки, становилась выразительным элементом усадьбы, важной частью ее силуэта и вместе с домом создавала ансамбль с выраженной композиционной осью. Брамы являлись важным архитектурным элементом монастырских ансамблей. По данным Инвентаря за 1588 г., над брамой Лещинского монастыря в Пинске была устроена звонница с пятью колоколами: великим, тремя небольшими и колоколом «Лебедь» [329]. Вход в Купятичский монастырь, основанный в начале XVII в., фиксировался величественной брамой-звонницей, крытой драницей, с крестом в завершении и четырьмя колоколами во втором ярусе [585].

Черты выраженной функциональной дифференциации несла усадьба в Вежице. В 1597 г. она состояла из двора, гумнища, коровника и комплекса хозяйственных и производственных сооружений. Двор, огороженный дылями, имел хорошо выраженную планировочную ось, ориентированную юг — север, на которой располагались две брамы. Центральная часть двора была свободной от застройки, но усадебный дом, одноэтажное, крестообразное в плане здание с крыльцом, размещался в стороне от главной оси. Напротив него стоял флигель. Это было здание усложненной композиции: Т-образное в плане, совмещающее служебные, жилые и хозяйственные функции, включая кухонный очаг в деревянном срубе, несколько комор и сеней, избу и большую белую избу с круглыми окнами и кафельной печью, пекарню с черной печью, большим сосновым лотком для замачивания солода, дежами и квашнями для теста. В центральной части двора имелось подворье — прототип будущего партера с подъездным кругом.

Особенностью усадьбы являлось наличие непосредственно на территории двора, в его западной части, но обособленного — хозяйственного комплекса, по сочетанию хозяйственных и производственных построек похожего на фольварк. Он включал бровар, три конюшни и свинарник, сырницу, пивницу и амбар. Над пивницей имелся ледник. С западной стороны к нему примыкал для того времени весьма обширный сад (на площади 1,4 га), в котором выращивались не только яблони, но и груши, сливы и вишни. С противоположной, восточной стороны двора располагалось гумнище со стодолами, двухъярусной осетью и амбаром, а рядом с ним через калитку — обора с хлевами и колодцем [585].

В плане познания истории ренессансного усадебного зодчества особый интерес представляет Ишкольдь, владение Немиров, влиятельных государственных деятелей ВКЛ [489]. До нашего времени дошел шедевр белорусской поздней готики — Троицкий костел, сохранивший свою первоначальную структуру. Он построен до 1472 г. Николаем Яновичем, младшим сыном Яна Немиры (умер после 1420), фундатора Крестовоздвиженского костела во Вселюбе [297]. В.Насевич называет 1449 г. [489]. После Немиров имением владели Ильиничи, Радзивиллы. Усадьба известна по Инвентарям за 1579, 1598, 1603 и другие годы [88–90]. Включала, как и другие усадьбы этого времени, двор, дворок и гумнище с многочисленными сооружениями. По словам местных жителей, двор соединялся подземным ходом с костелом. Главный дом («дом великий») представлял собой традиционное трехкамерное жилье с бумажными окнами, крытое драницей. В 1594 г. строится новый шестикамерный дом, в котором стояли изразцовые печи, глинобитные камины. Побеленные двери были с металлическими завесами, внутренними замками. В столовой было два дубовых стола и буфет.

Непосредственно сам двор был застроен по периметру. Его центральная часть была свободной, в ограде имелось двое ворот. В начале XVII в. со стороны местечка строится новая двухъярусная брама, в нижнем ярусе которой размещались две коморы, тюрьма и кладовая, в верхнем — зал с наружной галереей.

Последующее развитие двора (с 1632), видимо, уже при Радзивиллах, выявилось в сооружении тына с пятью воротами, появлении парадной части за брамой, перед главным домом, в исчезновении ряда старых построек (конюшни, винокурни, амбара). Главным сооружением двора становится дом новый. Это было сравнительно

Троицкий костел в Ишкольди. Вид со стороны апсиды. Фото 2000 г.

большое одноэтажное сооружение, крытое гонтом, с боковым алькежем, завершенным гонтовым шатром, белым жестяным куполком и флюгером. Два металлических флюгера венчали также крышу дома. Здание состояло из жилой половины (две избы, три коморы, два туалета) и парадной, включающей большую столовую и боковую избу.

Большие изменения в эти годы претерпел дворок. Первоначально (1579) он включал только один жилой дом с гридней, в которой жила дворная челядь, и клетью. В 1598 г. жилой дом перестраивается. Клеть трансформировалась во вторую избу, гридня стала светлицей. В 1603 г. дворок имел характерную фольварочную структуру: жилой двор, обору из одиннадцати крытых соломой хлевов, гумнище с сеновалами, большими стодолами, обозней, осетью для огневой сушки снопов с крытым током, озеродом и другими сооружениями.

В усадьбе имелись два става и рыбный пруд. На берегу одного става располагалась винокурня, на берегу второго — двухколесная водяная мельница с домом мельника. Кроме утилитарного назначения, искусственные водоемы вместе с рощами имели эстетическое значение. Усадьба включала рощи березовую, еловую возле става с мельницей и 3-ю — «разного дерева» по дороге к фольварку.

Фольварки как одна из форм хозяйствования и получения товарной продукции сравнительно часто упоминаются в разных исторических источниках XVI в. Они развивались при замках, дворах, двóрцах, имениях. Так, фольварк Ярошей с семью пустошами и пятью службами принадлежал двору Молчадскому. По привилею Сигизмунда II Августа от 1545 г. его получил Василий Чечот за военные заслуги [591]. В полумиле от Пинского замка располагался Селецкий фольварк [507]. Фольварки имели Кобринский и Давид-Городокский замки [585]. Фольварк в Близной был достаточно развитым хозяйственно-производственным комплексом, включал двор с жилыми и хозяйственными постройками (дом управителя, большая гридня для челяди, гридня пастуха, погреб-пивница, два амбара, конюшня, коровник) и гумнище, огражденное дылями, со стодолой и сеновалом. При фольварке имелось 5 прудов с мукомольными мельницами [91]. Известный фольварк Меречевщина, связанный позже с родом Костюшко, в 1597 г. был представлен двором и гумнищем с характерным для этого времени набором построек (жилые дома, клеть, сырница, конюшни, гумна, одно из них «в пятнадцать стен», сеновалы, евня, амбары, крытые в основном драницей, конюшни — соломой).

Постепенно некоторые фольварки принимали вид усадеб с заметно выраженной дифференциацией на двор с жилыми домами, гумнище, скотный двор и часто производственные сооружения (винокурни) вблизи водоемов. Имели также сады и огороды. Таким примерно в конце XVI в. являлся в Чахце фольварк-лесничество Кобринского старосства, который принципиально не отличался от усадеб этого времени, включал двор, обнесенный оградой из дылей с брамой, гумнище, тоже огражденное дылями, в котором выделялся двухэтажный спихлер, и обору [585].

Расширение фольварков содействовало обособлению в усадьбах парадного двора, из которого постепенно исчезали хозяйственные постройки, даже огороды и фруктовые сады. Многие усадьбы первой половины XVI в. уже имели выразительные парадные дворы, отдельно расположенные большие хозяйственные дворы и фольварки. Двор в Люшнево, являющийся усадьбой волости, в 1599 г. включал парадную часть с жилыми домами и хозяйственную с немногочисленными сооружениями с двух сторон планировочной оси, на которой располагались въездная брама и церковь со звонницей [585].

Тенденция обособления парадного двора отчетливо проявилась в новых усадьбах начала XVII в. и в королевских дворах региона. Королевский двор в Городце, известный по Инвентарю Кобринской экономии, служил центром волости. Он размещался по Кобринской улице среди рядовой застройки, включал главный усадебный дом, огороженный с трех сторон дылями, монументальную въездную браму и

гумнище. Двор в Пружанах строился для семьи Сигизмунда II Августа, как загородная королевская резиденция и не имел хозяйственных построек, кроме конюшни, амбаров, двух пекарней, истопки. Резиденция включала сад, огород, став с двухколесной водяной мукомольной мельницей, рыбный пруд. Основными объектами двора являлись три жилых дома, построенных в разное время, и сарай для телег. Старый жилой дом, видимо, середины XVI в., стоял на планировочной оси напротив брамы. Являлся несложным по тому времени сооружением, включал сени, кухонный очаг с лавой, светлицы, коморы и туалет. Новый дом («крестовый») заметно выделялся каменным фундаментом, высокой гонтовой крышей, закрытым крыльцом, кирпичными дымоходами в виде небольших квадратов, застекленными окнами. Столовая имела четыре больших трехстворчатых окна, кирпичный пол, большую кафельную «узорчатую» печь. Из мебели в инвентаре отмечаются лавы, дубовые столы. В доме были комнаты с двумя каминами, комната, светлица и «покоевая» светлица, сени, коморы [585]. Двор размещался на углу рынка и ул. Замковой (Задворной), позднее она стала ул. Юриздики [635].

Усадьба в Круговичах, по данным Инвентаря за 1653 г., имела обособленный двор и фольварк. Двор включал большой дом с крыльцом, избами, светлицами, алькежем и коморами, дома урядника, жилой, ремесленников, баню, два амбара, скарбец, конюшни, возовню. Был окружен садом, обнесен острогом. В фольварке, расположенном отдельно от двора, обнесенном тыном, имелись пекарня, сырница с пивницей, винница, баня, колодцы, обора, сеновалы малые и большие, курятник, гумна, спихлер, осеть, конюшня. Обособленное положение занимала винокурня, перед которой, вдоль дороги, имелось четыре пруда [197]. Небольшие фрагменты этой усадьбы, перепланированной в эклектических формах Обуховичами, частично сохранились.

С обособлением парадного двора усадьбы приобретали симметрично-осевую композицию. На главной оси размещались въездная дорога, брама, усадебный дом, сад. Соответственно и симметрично усадебному дому возводились боковые постройки. Ось композиций иногда замыкалась хозяйственным комплексом. Так в процессе продолжительной трансформации усадьбы региона, как и всей Беларуси, приобретали вид ренессансного ансамбля. Его основным композиционным центром являлся усадебный дом, который эволюционировал от простого однокамерного дома, типа крестьянского, до более сложного шестикамерного строения, именовавшегося «домом господским», «домом великозамчистым». Усадебные дома были одноэтажными, деревянными, обычно прямоугольными в плане, но встречались и крестообразные. Здания характеризовались симметрией, четким метрическим порядком в размещении оконных проемов и архитектурных деталей, анфиладной планировкой, наличием мезонинов, боковых алькежей, башен, которые завершались шатрами, маленькими куполами, коваными флюгерами. Мезонин часто строился в виде верхнего парадного этажа, который мог быть основным акцентом строения. Этот прием позже перейдет в барочную архитектуру.

Одновременно шел сложный процесс освоения культуры растениеводства и плодоводства, осознания эстетики усадебной среды, выражавшейся в формировании водоемов, закладке плодовых садов, посадке древесных растений, включении в усадебную среду прилегающих рощ, гаев, которые являлись предвестниками усадебных парков. Подобная тенденция характерна и для развития монастырей. Перед Лещинским монастырем в Пинске в 1588 г. имелись «одылеванные» по периметру роща, сад и огороды [329].

Эпоха барокко

Николай Криштоф Радзивилл Сиротка. Художники Л.Килиан, Д.Цустос. После 1604 г.

С конца XVI до середины XVII в. в искусстве Европы основным стилистическим направлением становится барокко, с которым связан триумф светской культуры. В эпоху барокко усадьба потеряла утилитарный характер, стала сложным художественным произведением, насыщенным аллегориями и поэтическими символами. Архитектура, живопись, скульптура, музыка, садовое и прикладное искусство были отмечены печатью особой торжественности и величия. К концу XVII в. формируется европейский тип регулярного дворцово-паркового ансамбля. В России, которая включилась в широкий круг «славянского барокко» значительно позже, в его оправе родилась дворянская русская усадьба [286].

В Беларуси мотивы нового стиля в монументальной архитектуре проявились очень рано — с конца XVI в. [295]. Четырнадцатого сентября 1587 г. виленский бискуп, кардинал Юрий Радзивилл освятил краеугольный камень будущего костела Божьего Тела в Несвиже. Первого ноября 1593 г. состоялась первая литургия, а его освящение — 7 октября 1601 г. Костел явился первой крестово-купольной базиликой с безбашенным барочным фасадом не только на землях Беларуси, но и на территории Польши, где католическое строительство имело уже некоторые традиции. Возведение костела стало точкой отсчета барокко в художественной культуре всей Речи Посполитой [297]. Первый общеевропейский стиль охватил не только сакральное католическое, но и усадебное зодчество Беларуси [451]. Новое художественное течение, воплотившее в костеле Божьего Тела выразительные черты раннего барокко, привнес в ренессансную среду Несвижа итальянский зодчий Джованни Мария Бернардони при фундации князя Н.К.Радзивилла Сиротки.

На Брестчине мотивы нового стиля проявились при возведении примерно в эти же годы (1585—1595) Троицкого костела в д.Чернавчицы. Хорошо сохранившийся величественный храм строился также несвижским князем, сочетал формы местной готики и ренессанса. За время строительства он испытал художественное влияние костела Божьего Тела, что нашло выражение в поперечном нефе (трансепте) и боковых пристройках, придавших плану здания вид латинского креста, а не греческого, ранее планируемого, в плоском безбашенном главном фасаде, завершенном уже не щитом, характерным элементом готических храмов, и еще не барочным фронтоном с волютами, а скромным треугольным фронтоном со сдержанным декором в виде плоских ниш [297]. Т.В.Габрусь полагает, что архитектура Троицкого костела является пер-

Троицкий костел в Чернавчицах. Главный фасад. Фото 2002 г.

вым шагом в становлении национальной разновидности барокко.

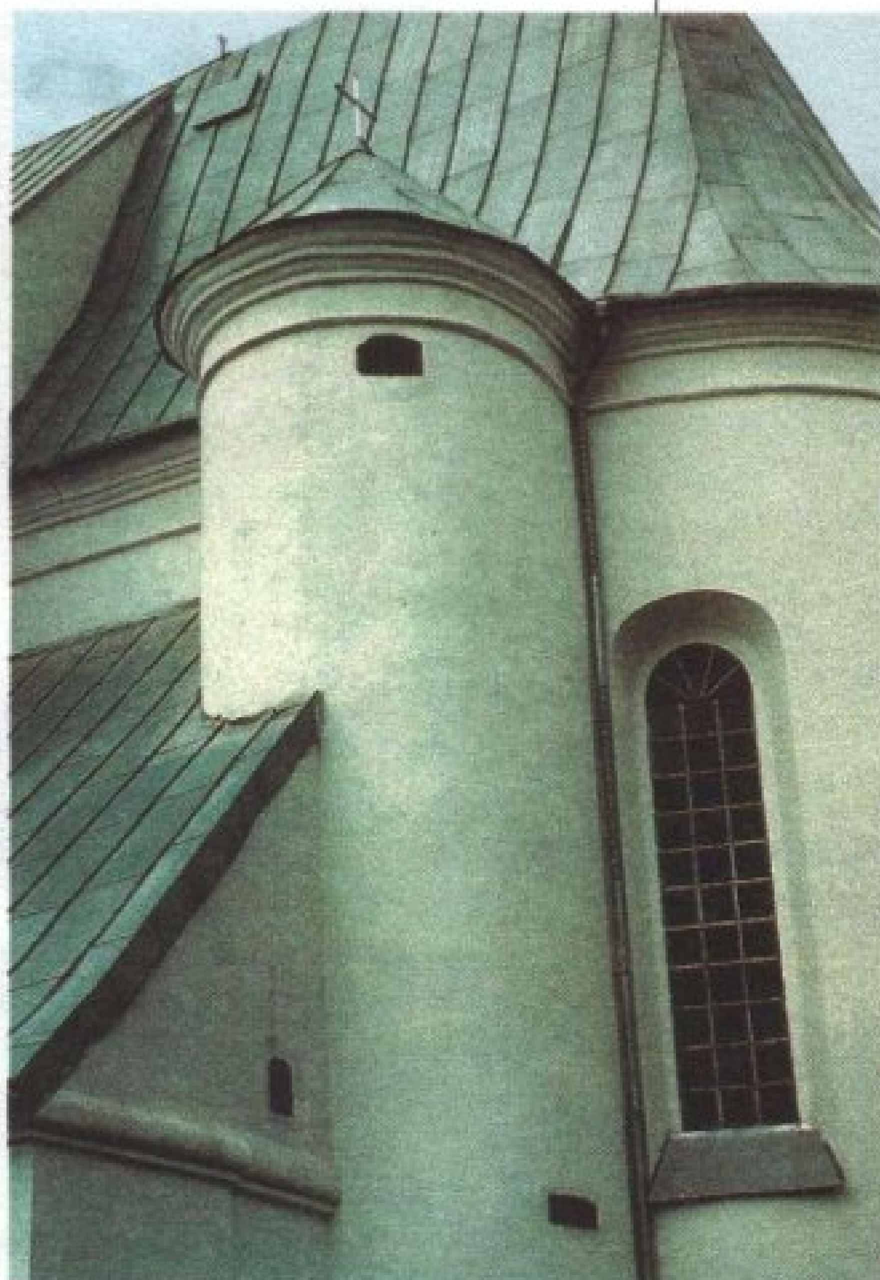
Мотивы нового стиля в начале XVII в. нашли в регионе дальнейшее воплощение в костеле Святой Троицы в Ружанах, построенном в 1615—1617 гг. Львом Сапегой на месте деревянного храма 1595 г. В костеле Иоанна Крестителя, монастыря бернардинцев в Бресте (построен после 1623) формы раннего барокко уже преобладали над элементами местной готики [297].

Уникальным архитектурным произведением барокко на Брестчине явился монастырский ансамбль ордена св. Бруно с костелом святых Юзефа и Казимира в Березе, основателем которого был Лев Сапега [328]. Идея создания монастыря у него возникла от впечатлений восхождения на гору св. Бернарда в Альпах. Вскоре Лев Сапега получил разрешение на присылку к нему монахов из монастыря ордена св. Бруно и в 1602 г. положил начало строительству. Вел строительство очень набожный его сын Казимир [539]. В 1648 г. он торжественно заложил угловой камень костела. Фундуш Казимира в 1648 г. составил 10 тысяч злотых (самый значительный на то время в ВКЛ). Он также пожаловал монастырю несколько крупных имений. Строительство велось до 1689 г. [554].

Ансамбль, построенный, видимо, по проекту итальянского архитектора Жана Батиста Джислени (1600—1672), выделялся оригинальностью и самобытностью объемно-пространственной композиции, отражал специфику одного из самых древних и строгих по статусу монашеских орденов, сочетал черты барокко и местных строительных традиций [297]. Располагался ансамбль на северо-западной окраине Березы, на месте источника, благодаря воде которого слепой спутник, согласно местной легенде, увидел свет. В храме монастыря около иконы «Распятие Спасителя» имелась доска с такой аллегорической надписью: «Нищий, лишенный зрения, водим был мальчиком ... На пути был им брошен, долго блуждал по лесу, пока не наткнулся на крест и прозрел. Весть эта, конечно, распространилась по всему околотку и дошла до владельца этой местности, Льва Сапеги, человека благочестивого, коего издержками и построен монастырь с костелом» [539]. О величии ансамбля, окруженного шестиугольным валом, включающего костел с криптой, жилые корпуса, библиотеку, трапезную, госпиталь, аптеку, двухэтажный дворец, хозяйственные постройки, бровар, сад с водоемом, оранжерею, мастерские, свидетельствуют руины восьмигранной многоярусной колокольни, завершавшейся фигурным барочным куполом, и определявшей силуэт ансамбля, а также фрагменты высокой каменной ограды, имевшей в прошлом угловые башни, каплицы св. Бруно, массивной брамы с бойницами. Обширные владения монастыря занимали земли в радиусе нескольких миль от Березы [459].

Костел святой Троицы в Волчине. Фрагмент интерьера. Фото 2002 г.

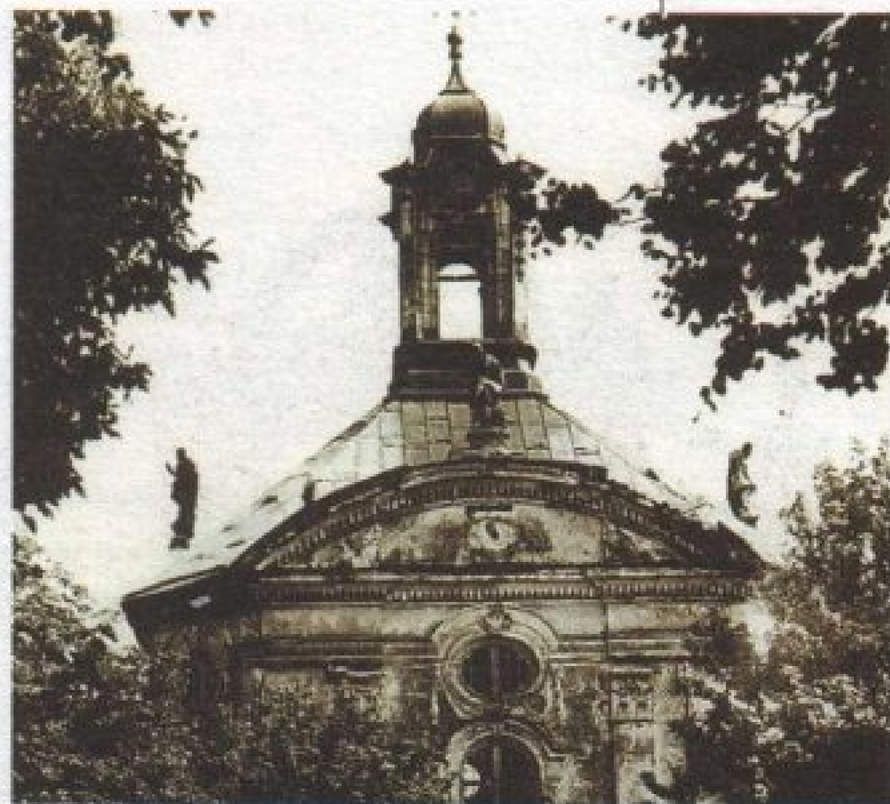
В усадебном зодчестве региона, судя по доступным нам инвентарям, ренессансные традиции устойчиво сохранялись до середины XVII в. В недрах ренессанса зарождался новый, барочный тип шляхетского двора, который развивался на основе общей европейской направленности культуры XVII в. Сведений о первых барочных усадьбах очень мало. Время не благоприятствовало быстрому освоению стиля. Усадебное строительство этого периода, в связи с историко-экономическим положением, переживало упадок. Сельское хозяйство на протяжении века (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.) дважды подвергалось опустошительному разорению. В годы войны Речи Посполитой с Российским государством (1654—1667) Беларусь служила театром военных действий. Большинство городов и местечек было разорено, некоторые полностью сожжены. Казаками, московскими и польскими войсками осаждались замки, грабились монастыри, уничтожались имения. Потери сооружений, рабочего скота и сельскохозяйственных орудий, резкое уменьшение числа рабочих рук вызвали сокращение посевов, снижение урожайности. Периодические недороды вели к катастрофическому голоду и эпидемиям (1633—1658, 1664). Разорение, принесенное Северной войной (1700—1721), усугубили последствия засухи 1708—1711 гг. и очередными эпидемиями [383].



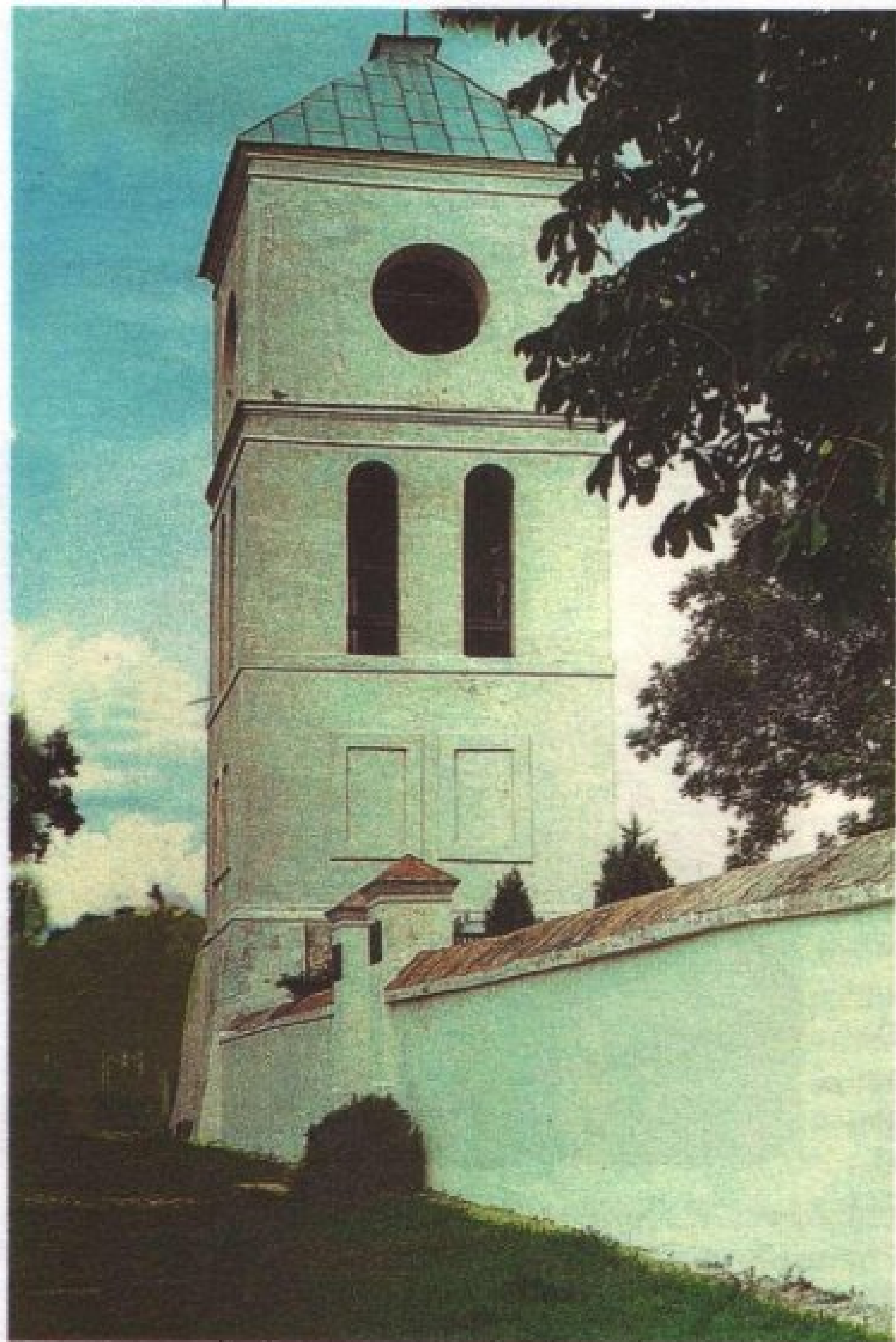
Троицкий костел в Чернавчицах. Вид со стороны апсиды. Фото 2002 г.

Освоение величественных и весьма дорогостоящих мотивов барокко было под силу наиболее влиятельным магнатским родам, к которым относились Сапеги. В середине XVII в. Казимир перестраивает первый ружанский дворец, построенный, по предположению В.Калнина, скульптором и архитектором из Флоренции Санти Гуччи (1538—1600) по фундации Льва Сапеги [365]. Перестройка велась, видимо, итальянцем Ж.Б. Джислени (1600—1672) — автором (1652—1653 гг.) надгробья Теодоры Кристины Сапеги в костеле св. Михаила в Вильно, где покоился и Лев Сапега. Судя по записям за 1648—1649 гг., дворец был весьма репрезентативным сооружением, что соответствовало духу барокко. Имел библиотеку, собрание портретов и картин. В декорировании здания широко использовались мрамор, роспись с изображениями королей и городов, стукковая лепнина [667]. Стукк, т.е. искусственный мрамор, получаемый из обожженного и измельченного гипса, смешанного с клеем, с добавлением мраморной пудры, в XVII в. уже использовался в Беларуси для украшений стен и архитектурных деталей.

Второй резиденцией раннего барокко следует считать Волчин, где Александром Госевским, воеводой смоленским, в 1639 г. возводится деревянный костел. В 1671 г. Радзивиллами строится небольшой двор в Турне. Усадебные дома XVII в.



Костел святой Троицы в Волчине. Фото 1970 г.



Звонница Троицкого костела в Чернавчицах. Фото 2002 г.

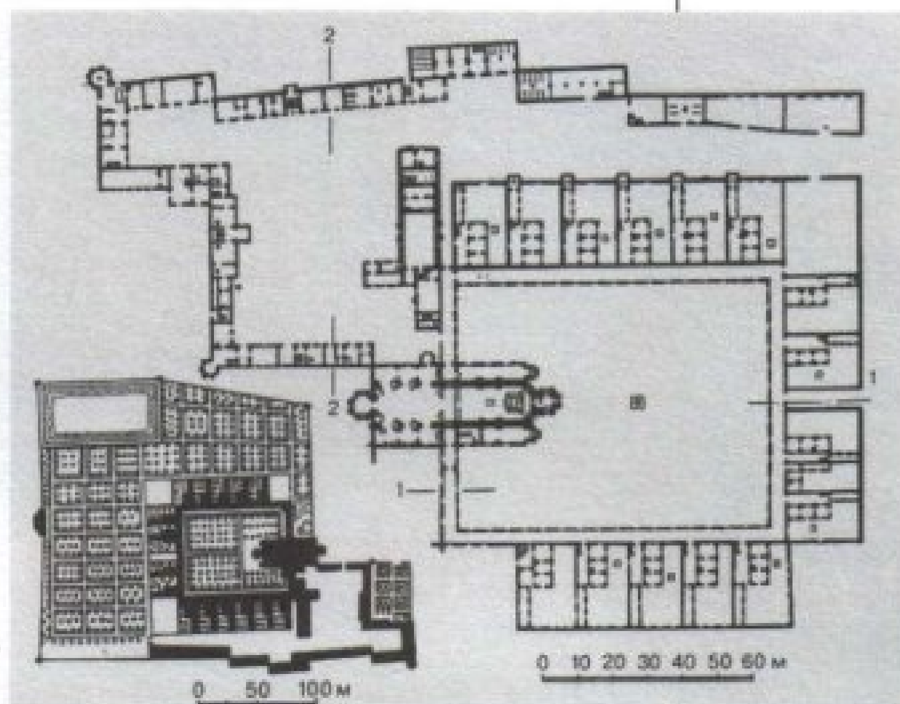
из лиственницы, построенные с использованием мотивов барокко, имелись в Вошковцах, Вольно [596].

В первой половине XVIII в. барочное усадебное строительство заметно активизировалось. Примерно началом XVIII в. датируется двор в Дубое, построенный иезуитами. В первой четверти XVIII в. в формах барокко строится дом Александра Костюшко в Сехновичах. Наиболее величественной и оригинальной была резиденция Михаила Сервация Вишневецкого в Ополе, построенная до 1744 г. Она сочетала позднеренессансные черты в виде валов с бастионами, дворца на манер укрепленного замка, с барочной системой каналов и водоемов и выразительной парковой композицией из липовых аллей. В первой половине XVIII в. барочную усадьбу имели Юндзиллы в Рудне, Радзивиллы в Лахве, Щитт-Немировичи в Кожан-Городке [596]. До 2-й мировой войны в Кожан-Городке стояла въездная брама с фамильным гербом, построенная из дерева в барочных формах с использованием элементов каменного зодчества (пилястры, фриз, карниз). В середине XVIII в. заложен барочный ансамбль в Каменце, включающий двухэтажный деревянный дворец, дом эконома, кухню и хозяйственные строения. При его строительстве сохраняются элементы оборонительной системы времен ренессанса (вал, ров, деревянная стена, двухъярусная брама) [585]. Большая резиденция Пацов в Городище (с регулярным парком, водоемами, каналами) в 1797 г. перешла от Юзефа (1736—1797) Людвигу Михаилу, участнику восстания 1830—1831 гг., была секвестрована и вскоре утратила свое величие.

После 1760 г. на месте бывшего замка в Ляховичах Михаил Массальский строит небольшой барочный двор, известный по рисунку К. Горского. В 1792 г. Шимон Скирмунт стал владельцем старого двора в Молодове, построенного, видимо, Юзефом Огинским, который в 1732 г. женился на княжне Анне Вишневецкой (дочери Михаила Сервация), ставшей матерью Михаила Казимира Огинского, гетмана великого литовского. В середине XVIII в. большая усадьба построена Быховцами в Могилевцах. Барочные усадьбы имели Гедройцы в Новощицах (описана З.Глогером), Орды — в Бижевичах. Имелась усадьба в Волчине, ее дворец был разобран в середине XVIII в. очередным владельцем Михаилом Фредериком Чарторыйским в связи с закладкой нового

Въездная брама в Кожан-Городке. Фото 1920 г.

ансамбля. Эта резиденция — наиболее величественный памятник середины XVIII в. Он строился по плану, выполненному Пьером Рико де Тиргай [761]. Ансамбль включал деревянный одноэтажный дворец, центральный объем которого боковыми галереями был соединен с боковыми каменными флигелями, сокровищницу, театр, эрмитаж, парк со сложной водной системой, фонтанами, гротами, беседками, оранжерею, вольеры, сад, китайский кабинет, многочисленные служебные и хозяйственные сооружения, построенные в виде каре. В годы уходящего барокко М.К.Огинский возводит своеобразную, малоизвестную и совсем утерянную резиденцию в Телеханах, старинном владении князей Дольских.



План монастыря картузианцев в Березе

Строительство барочных усадеб в отдельных имениях региона продолжалось на протяжении второй половины XVIII в. (Заполье, Нача Свенцицкая, Кутовщина, Минковичи). В 1768 г. по распоряжению подскарбия А. Тизенгауза в связи с реорганизацией Кобринской экономии в формах барокко заложена усадьба Кобринский ключ. Около 1770 г. усадьбу в Скоках в формах позднего барокко строит Марцелий Немцевич, отец Юльяна Урсына, она лучше других усадеб этой эпохи дошла до нашего времени. Став собственностью Куженецких, в 1773 г. приняла барочный блеск иезуитская резиденция в Дубое. В начале последней четверти XVIII в. Бельскими строится большая усадьба в Аттечизне.

Основной чертой барочного ансамбля являлась целостность композиции, выражавшаяся в строгом порядке, симметрии, уравновешенности и последовательности. Дворец или усадебный дом был композиционным центром ансамбля, являлся его оптическим фокусом. Вся композиция держалась на главной, обычно удлиненной оси, вдоль которой располагалась въездная аллея с брамой, парадный двор-курдонер, кото-

Монастырь картузианцев в Березе. Рисунок Б.Подбельского. 1861 г.

Парковая аллея в Могилевцах. Фрагмент. Фото 1999 г.

рый зонировали дворец (или усадебный дом) с симметрично расположенными флигелями, и регулярный парк, представленный одним (Минковичи, Малые Щитники) или несколькими боскетами (Кутовщина, Аттечизна, Соха, Плянта), сформированными линейными посадками липы. Заканчивалась ось усадьбы обычно беседкой, реже — водоемом.

В менее репрезентативных усадьбах парадный двор включал амбар (деревянный или из бута и валунов), флигель (официну), а также имел хозяйственные постройки: конюшню выездных лошадей, ледник. Принадлежностью многих усадеб были каплицы и оранжереи. Каплица в Скоках располагалась на одной оси перед усадебным домом, в Регинове каплицей замыкалась очень длинная ось усадьбы. Хозяйственный двор имел изолированное расположение. И только в небогатых усадьбах хозяйственные постройки окружали обычно со всех сторон парадный двор.

Парк барочной усадьбы становился не просто «продолжением дворца» под от-

Монастырь картузианцев в Березе. Главный въезд. Фото 1999 г.

Малые Щитники. Фрагмент боскета. Фото 2003 г.

крытым небом, но и аналогией дворцовых залов, кабинетов, коридоров. Основные структурные элементы парков приобретали названия дворцовых помещений. Боскеты назывались кабинетами (кватерами), наиболее крупные из них — залами, прогулочные аллеи со сводами — коридорами, плоские поверхности газонов — коврами, фигурные узоры цветников на партерах — вышивками. Оранжерейные растения в горшках и кадках подчеркивали интерьерный характер садовых пространств.

Ассортимент растений усадебных парков определялся природно-климатическими условиями Беларуси и требованиями стиля. Тадеуш Костюшко, например, формировал лабиринт в Малых Сехновичах среди зарослей лещины. Для формирования зеленых «кабинетов», лабиринтов, крытых аллей, беседок хорошо подходили местные виды, особенно граб и липа. В обсадке боскетов использовались также можжевельник, шиповник, барбарис, карагана и даже жимолость татарская. Многочисленные прямоугольные в плане кватеры, видимо, первого светского на Брестчине парка, заложенного при замке в Чернавчицах (известен по

Усадебный дом в Скоках. С акварели Наполеона Орды. 1861 г.

Усадебный дом в Плянте. Парковый фасад. Фото после 1920г.

Инвентарю за 1749 г.), обсаживали преимущественно самшитом вечнозеленым, а также лавандой, бирючиной и сиренью [87].

Стиль барокко характеризуется активным отношением к природе, преобразованием естественного ландшафта (выравнивание территории, террасирование ее, прокладка каналов, формирование водоемов, строительство каскадов, фонтанов, водопадов). Большое внимание уделялось топиарной обработке (формовке) деревьев и кустарников, шпалерам, зеленым ровным стенам боскетов, в результате ландшафт приобретал геометрические формы.

Усадьба в Дубое. Литография с акварели Наполеона Орды. 1870-е гг.

Регулярность барочного сада понималась как отражение натуральной (природной) регулярности, подчиненности ее законам ньютоновской механики и принципам декартовской разумности, как естественная торжественность природы. Ведущими мотивами стиля стали такие черты природы, как порядок, ясность, стройность, симметрия. Барокко — первый из стилей, который вызвал фанатичное увлечение садами, затраты на строительство сравнимы с затратами на строительство самого дворца [436].

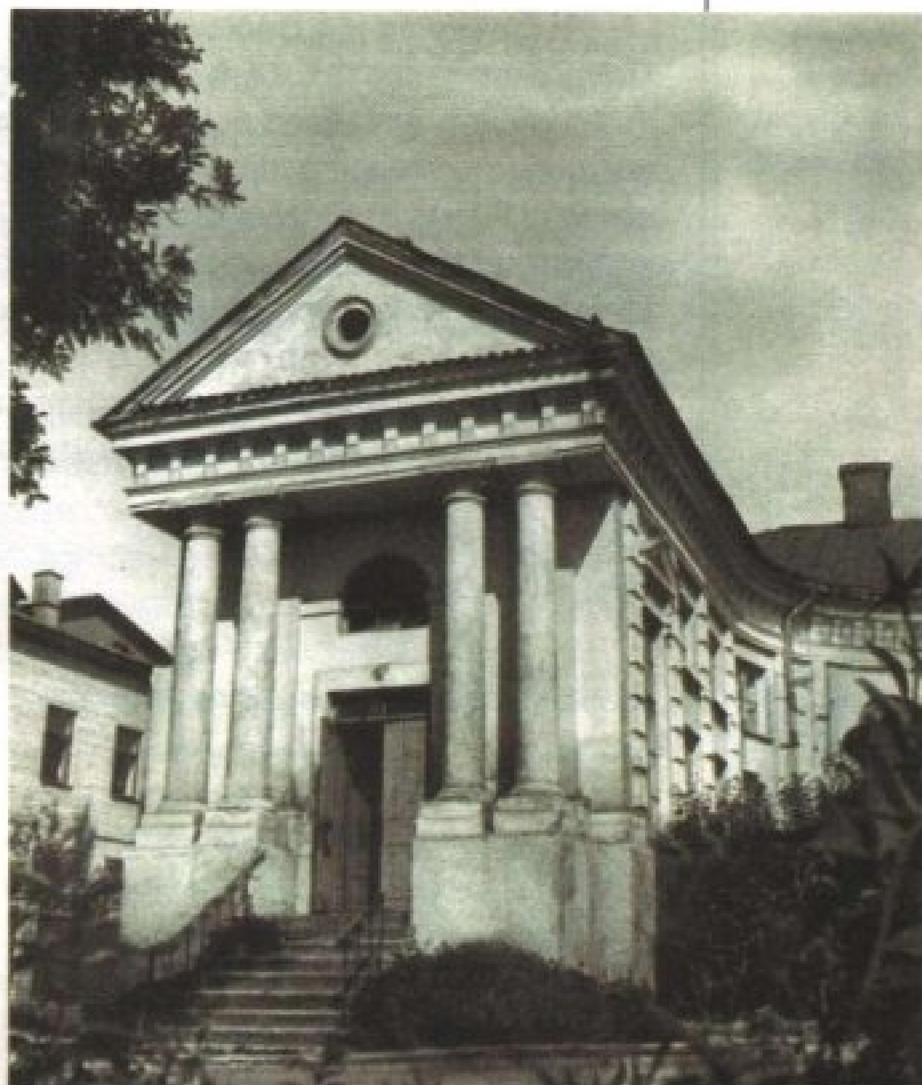
Скоки. Фрагмент парковой аллеи. Фото 2002 г.

В сравнении с ренессансными усадьбами, изменилось идеологическое содержание парков барочных усадеб. На задний план отошел ренессансный «принцип меры», появился иронический элемент, шутливость. Деревья, кустарники подстригались в виде различных «курьезов» — зверей, геометрических форм. «Курьезами» считались и фонтаны (фонтаны-«шутихи»). В парки богатых усадеб пришли театры (Волчин, Телеханы), а с ними и увеселения, элемент зрелищности, и другие парковые элементы. В сады вводятся питомники, огороды, большие цветники, редкие растения, птичники, водоемы с разными видами рыб. Водоемы имеют правильную геометрическую форму, отличаются прямолинейностью и четкостью береговых линий. Много внимания уделяется ассортименту плодовых деревьев.

Усадебное зодчество стимулировало развитие садоводства. Плодовые сады, фруктовые деревья в исторических источниках XVII в. упоминаются крайне редко. Большой сад и маленькие садики при кельях имелись в монастыре картузианцев в Березе. Четкую регулярную планировку имел также сад монастыря цистерцианцев в Вистычах, заложенного после 1678 г. по фундации Е.Тышкевича. В штатах наемных работников, особенно крупных имений второй половины XVIII в., числятся уже садовники, нередко иностранные, но в большинстве своем из местных крестьян. Кроме традиционных яблонь, груш, вишен, широкое распространение получают черешня, слива, крыжовник, смородина. Осваивается культура выращивания винограда. Заботу о расширении культуры плодоводства в крае проявляли Радзивиллы и Сапеги, они поощряли работы по высаживанию с последующей прививкой дичков вокруг усадеб, вдоль улиц и дорог. Самым большим в 1794 г. считался сад Сапег в Высоком — 736 деревьев. Сапеги выращивали виноград [384]. Особую популярность получила груша «Сапежанка», завезенная еще в 1695 г. из Венгрии в имение Березино Казимиром Сапегой [460].

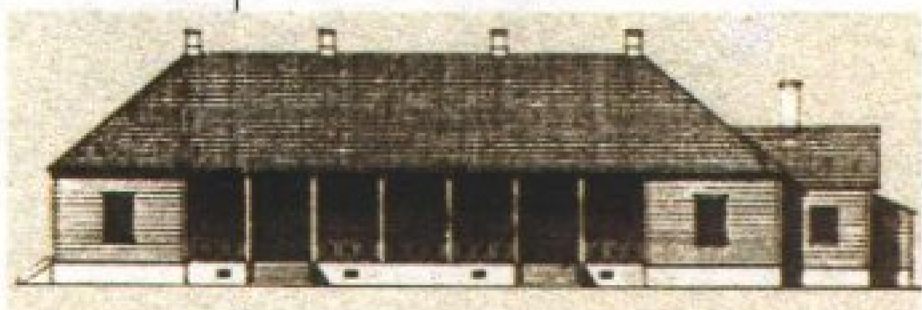
Классицизм и романтизм

Во второй половине XVIII в. произошли значительные изменения в экономическом развитии Беларуси. Увеличение численности населения сказалось на характере товарно-денежных отношений, развитии внутреннего рынка, мануфактур и промышленных предприятий. В имениях росло число фольварков, в которых успешно развивалось животноводство, овощеводство и переработка сельскохозяйственной продукции. В конце XVIII в. у Радзивиллов, например, было 4 фольварка, 32 предприятия в Лахве (1794) и 9 фольварков в Чернавчицах (1791); у Сапег в Ружанах — 7 фольварков; у Яблоновской в Высоком — 11; у Сенявских в Мыши — 9 (1794) [383]. Однако, несмотря на некоторый общий экономический подъем, развитие прогрессивной мысли, попытки реформировать государственное управление, Речь Посполитая заметно отставала в своем развитии от соседних стран и находилась на пути к катастрофе. В 1772 г. она потеряла треть своей территории, а в 1793—1795 гг. прекратила свое существование в результате раздела между Австрией, Пруссией и Россией. В это время перестало существовать и Великое княжество Литовское, Беларусь оказалась под властью Российской империи.



Дворец Бутримовича в Пинске. Боковой портик. Фото 1999 г.

С присоединением к России начался новый этап в экономической и культурной жизни Беларуси в условиях разложения и постепенной смены феодальных отношений капиталистическими. Землевладение расширялось путем раздачи земель русским помещикам, военным и гражданским сановникам, статс-дамам. Граф Румянцев-Задунайский, например, кроме Гомельского староства получил в 1794 г. Пружанский ключ с многочисленными фольварками и деревнями. Кобринский ключ пожалован А.В. Суворову. Окрестности Пинска были подарены Екатериной II генералу Репнину, литовскому генерал-губернатору. Имение Домачево с фольварком Черск, фрагменты парка которого еще прослеживаются, было подарено российскому аристократу князю Петру Витгенштейну. Генерал-майор Николай Ланской в 1796 г. получил Олтушский ключ. Одним из его потомков был Петр Ланской, муж Натальи Гончаровой (вдовы А.С.Пушкина). Наделы в крае получили также тайный советник Пастухов, генерал Ферзен, статс-дамы Браницкая и Скавронская, генерал-лейтенант Дунин и др. [277].



Усадебный дом в Вежках. Парковый фасад. Реконструкция М.Витвитского

Это было время перехода от Средневековья к Новому времени, времени больших перемен в экономической и культурной жизни, развития науки и просвещения, зарождения капиталистической системы. Главным центром культуры и искусства эпохи Просвещения являлся Париж. Идеи французских философов о роли образования, науки и просвещения становятся ведущими в жизни общества. Просветительство, как комплекс идей, выступило против пережитков феодализма в Европе и авторитета государей, за ограничение власти монархии, смягчение крепостного права, определяло общий духовный климат времени. Одной из его задач являлось воспитание дворян в духе нового времени, в традициях высокой нравственности, оправдывающей ее социальное положение.

Идеями эпохи Просвещения была охвачена интеллектуальная жизнь Беларуси. Проводниками этих идей являлись: философ-моралист Флориан Бохвиц, несвижский адвокат, владелец небольшого имения Вошковцы, считавший основной целью воспитания усовершенствование разума и чувств; писатель, историк и общественный деятель Юзеф Крашевский с имения Долгое около Пружан, проповедник христианской нравственности; талантливый публицист, критик, прозаик и философ Александр Незабытовский из-под Несвижа, разоблачитель тирании в ее земном и «небесном» варианте; и многие другие.

Сам дух Просвещения в жизнь несло искусство. Его идеи нашли выражение в формах нового стилистического направления — классицизма, воплотившего требова-

Дворец Радзивиллов в Полонечке. Рисунок Наполеона Орды. 1876 г.

Усадебный дом в Спорове. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

ние естественности, разумности и нравственности. Зодчие, хорошо владея просветительской философией и художественной программой стиля, утверждали патриотические, гражданские идеи, ценности человеческой личности, интерес к истории и природе родного края. Ценнейшими памятниками искусства этого времени, связанными с Брестчиной, являются единичные работы разного жанра, которые дошли до нашего времени. Например, портрет Льва Сапеги (художник М.Подолинский), литография М.Кулеши «Мирочовщизна», бюсты Ю.Немцевича, Т.Костюшко (скульптор Ян Островский), барельеф Т. Зана работы Рафаила Слизня. Рафаил Слизень, обосновавшийся после 1830 г. в родовом имении Вольно, оставил десятки скульптур, медальонов, барельефов родных, близких и наиболее известных людей края. Посредством барельефа он наделил своего героя Томаша Зана чувством собственного достоинства, сочетающегося с ясностью и силой разума и душевного спокойствия. Наполеон Орда из Вороцевичей десятки акварелей и рисунков, отличающихся строгой документальностью и романтической возвышенностью, посвятил усадьбам Брестчины.

Усадьба, являющаяся синтезом искусств, культуры, истории и природы, служила выразительным носителем идей Просвещения. В усадебном зодчестве классицизм был окрашен гуманистическим пафосом, помогал организовывать особую усадебную среду, которая отвлекала шляхтича от последствий патриархально-феодального строя, давала ему новое место среди природы, служила образом естественности в этом не очень «естественном» мире, внушала уважение к величию европейской культуры. Усадьба понималась как особый мир, мир идеальный, лишенный противоречий [286]. В связи с этим в эпоху классицизма большие перемены происходят в архитектуре сооружений, в ландшафтной архитектуре и планировочном построении усадеб. Они возводятся на ассоциациях с античностью, на восприятии наследия Греции и Рима, приобретая четкость, симметрию, простое членение форм. На смену пышной декорации барочных фасадов пришла тонкость исполнения деталей, их грациозность, изысканность и легкость. Ордерная система дворцов, усадебных домов была не просто украшением, а выражением «естественности» и рациональности. Всякая непропорциональность была чужда классицизму. Мир архитектуры стремился к рациональности, царящей в мире природы [438].

Во второй половине XVIII в. классицизм распространился почти по всей Европе. Его истоки и теоретические предпосылки были общими, но формы выражения в разных странах несколько отличались [438].

В Речи Посполитой мотивы классицизма отмечены в середине XVIII в. Покровители искусств — богатейшие магнаты Чарторый-

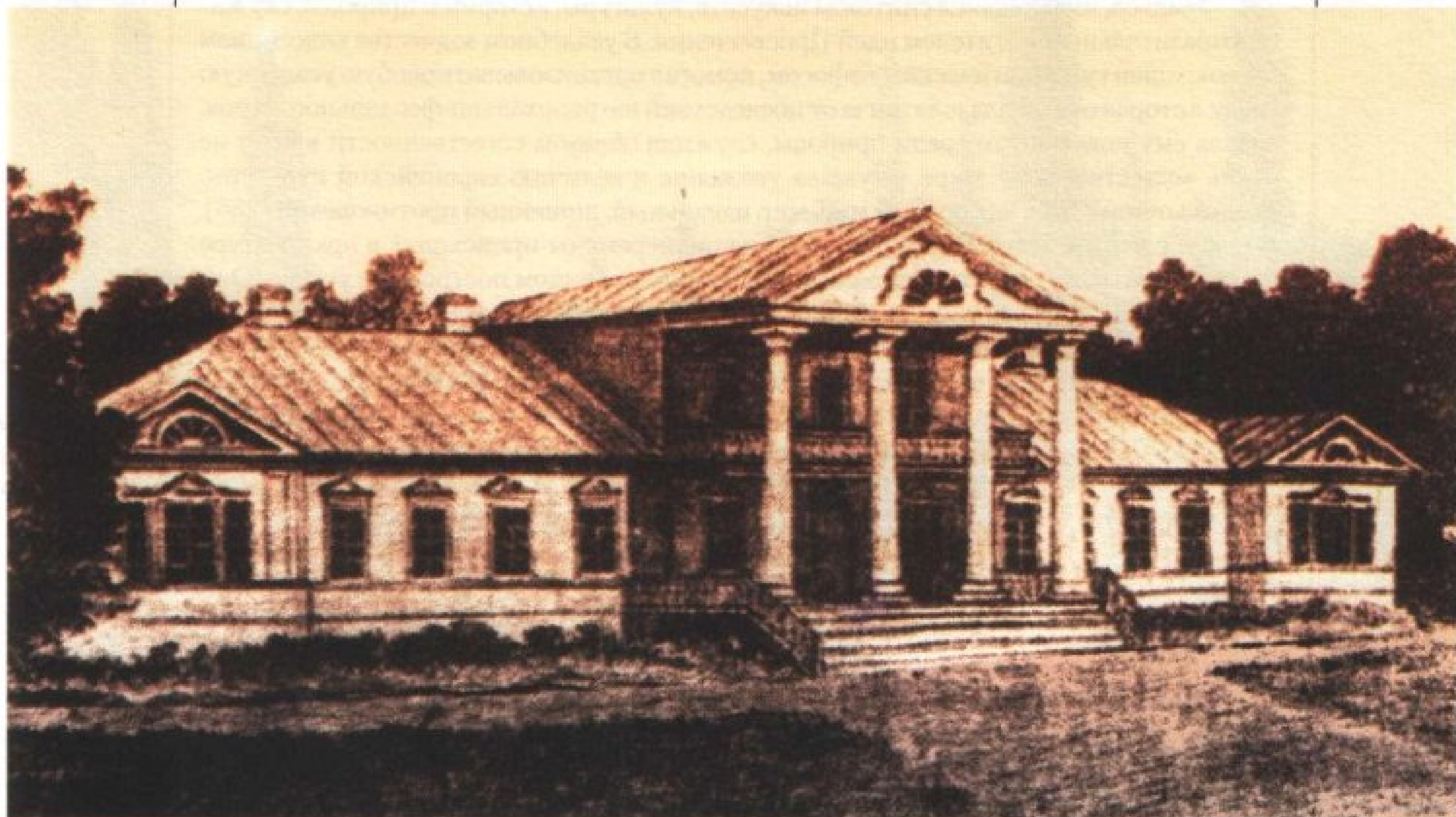
Усадебный дом в Вежках. Парадный фасад. Реконструкция М.Витвитского

ские, Браницкие и другие — привозили из Парижа архитектурные проекты, мебель, ткани, изделия художественных промыслов. Со всей ясностью интерес к древнему искусству и старинной культуре, ставший важнейшим фактором формирования классицистического течения в европейском искусстве, проявился в Польше примерно к 1760 г. Десяток польских архитекторов в эти годы на месте знакомились с сооружениями античного Рима и их декором. Станислав Костка Потоцкий, первый польский археолог, положил начало польской науке об искусстве древних. Огромную роль в деле развития классицистического искусства в Речи Посполитой сыграл король Станислав Август Понятовский, который был типичным представителем эпохи Просвещения, приверженцем французской культуры, покровителем наук, создателем вокруг своего трона целого художественного двора [438]. Его талантливые зодчие формируют направление в архитектуре, получившее название варшавского классицизма. На Брестчине в 1784 г. в его присутствии заложена памятная плита в фундамент дворца Матеуша Бутримовича в Пинске. В этом же году король останавливается у Сапег, приветствуя, несомненно, начавшиеся в Ружанах работы в духе нового времени.

Проект особняка в Иордановице, около Варшавы, разработанный в новом стиле французским архитектором Шарлем Пьером Кусту, приглашенным Изабеллой Любомирской, урожденной Чарторыйской, датируется 1761 г. В 1770-е г. в Польше повсеместно распространяется классицистический тип дворца и усадьбы, так называемые польский дворец, польский двор, польская усадьба. Распространению идей стиля способствовало издание «Recueil d'architecture» Жана Франсуа Нейфforжа с 900 гравюрами зданий разного типа [438].

В России (Подмосковье) постоянные мотивы архитектурных и композиционных форм определились более или менее к 1770 г. [286]. Это была эпоха Екатерины II. Ее век справедливо считается временем наивысшего подъема дворянского Российского государства. Усадьба становится ее опорой на местах. Императрица сама причисляла себя к классу дворян и всячески поощряла усадебное зодчество. Вкус дворянства в новом духе воспитывал А.Т. Болотов, управляющий имением Екатерины II, боль-

Усадебный дом в Лунине. Парадный фасад. Фото до 1914 г.



шой мастер и создатель пейзажных парков, автор 15 статей, опубликованных в его «Экономическом магазине» (1784—1789), трактата «Садовник всеобщий, или Словарь подробный для сельских охотников и любителей ботанического увеселительного садоводства» (1792). Большое значение имела также поэма французского поэта Делиля («Сады, или Искусство украшать сельские виды»), известная в России в оригинале и переводах А. Талицына (1803, 1814) и А.Воейкова (1816) [286]. Развитию усадебного зодчества способствовал заметный общий экономический подъем в России, хотя в целом и она продолжала оставаться страной контрастов, и особо благоприятствовал ему указ «О вольности дворянства», принятый еще в 1762 г. при Петре III. По выражению А.Т. Болотова, средний помещик «вспрыгнул от радости» [286]. Он наконец казался свободным от несения обязательной длительной воинской службы, мог спокойно уйти в отставку и заняться собой, своим имением, «заметить красоту природы». Оно становится идеальным местом тишины и покоя, местом собственного созидания. Своим непритязательным уютом усадьба противопоставлялась соблазнам света, пышной городской жизни [286].

Принято считать, что в Беларуси становление классицизма приходится на 1770—1790 гг. и что новый стиль развивался под влиянием русского классицизма с присоединением Беларуси к России [261]. В 1777 г. в Гомеле началось строительство дворца Румянцевых, ставшего лучшим памятником палладианского классицизма в Беларуси и России [473].

На Брестчине новые стилистические мотивы появились несколько раньше и связаны они с именем Я.С. Беккера, ярким представителем эпохи французского классицизма. Проектирование Ружанского ансамбля Сапег велось им в конце 1760-х гг. В 1772 г. во дворце уже выполнялись внутренние работы [364]. В 1779 г. Я.С. Беккер в формах раннего классицизма реконструировал Троицкий костел, построенный в 1617 г. по фундации Льва Сапеги [367]. Величественный ансамбль Сапег с библиотекой, театром, картинной галереей явился олицетворением мотивов нового стиля и идей Просвещения. Особым символом эпохи считались театральные залы. Над их создани-

Усадебный дом в Лозовцах. Фото до 1939 г.

Усадебный дом в Закозеле. Парадный фасад. С акварели Наполеона Орды. 1863 г.

ем в Речи Посполитой работали наиболее видные архитекторы: Д.Марлини, Я.Камзетцер, А.Мошинский, С.Потоцкий, Ш.Б.Цуг [438].

Нельзя не отметить силу барочных традиций в Беларуси. В эти годы некоторые усадьбы еще продолжали строиться в духе позднего барокко, например, общеизвестный ансамбль Хрептовичей в Щорсах (1770—1776). В переходных формах от барокко к классицизму строятся дворы Верещако в Озятах, Друцкими-Любецкими в Пясечно, Ширмами в Спорове. В 1784 г. началось строительство дворцов Бутримовичей в Пинске и Кристинове по проекту виленского архитектора Кароля Шильдхауза. При барочной объемно-пространственной планировке, одноэтажные, П-образные в плане дворцы имели ряд черт нового стиля. Фактически это был уже классицизм с «отзвуками барокко».

Одной из первых усадеб нового стиля в регионе следует считать Велесницу, построенную генералом Петром Твардовским в 1780-е гг. Она включала усадебный дом, официну и пейзажный парк, который спускался к р. Ясельда с поселением бобров. Дом очень напоминал дворец в Радзивиллимонтах, построенный в эти годы (1780—1783), только портик имел шесть колонн. По предположению Р. Афтанази [596], резиденция Твардовских строилась по проекту итальянского зодчего Карло Спампани, выпускника академии св.Луки в Риме, издателя трактата «Правила пяти ордеров архитектуры» архитектора Дж.Виньолы, успешно работающего в Беларуси (Несвиж, Семково, Радзивиллимонты, Заславль, Кухтичи). В 1795 г. Скирмунты начали строительство дворца в Молодове по проекту архитектора Ван-Гросса. К сожалению, имена других архитекторов, с деятельностью которых началась эпоха классицизма в усадебном зодчестве, пока неизвестны. Не просто составить весь перечень первых классицистических зданий в регионе. Нередко старые барочные дома наделялись чертами нового стиля. В Могилевцах, например, к парадному фасаду барочного здания пристраивается портик ионического, к парковому — тосканского ордеров. Ризалит с четырьмя пристенными колоннами изменил барочный фасад усадебного дома Юндзиллов в

Усадебный дом в Трацевичах. Парадный фасад. Фото до 1914 г.

Регинове. Видимо, также поступили Верещако в Озятах. В конце XVIII — начале XIX в. классицистические ансамбли появились во многих имениях региона: Старое Бережное, Линово, Столин, Домашевичи, Трацевичи, Антополь, Ивацевичи, Закозель и др. В начале XIX в. Якуб Незабытовский заложил в Своротве красивую резиденцию, дворец которой, по выражению Р. Афтанази (1992), являлся «одним с далеких отголосков варшавских Лазенок». Зенон Вислоух в 1805 г. начал строительство усадьбы в Перковичах.

Война 1812 г. заметно приостановила развитие усадебного зодчества. Бедствия, нанесенные войной, по выражению М.О.Без-Корниловича [276], были неисчислимы. Помещики потеряли хлеб, лошадей, скот. Сохранившихся средств с трудом хватало на свое содержание и содержание крестьян, что остались без хлеба и нередко без крова. Ушло не менее десяти лет, пока владельцы несколько оправились от урона, нанесенного войной, но неурожаи 1820—1822 гг. вызвали падеж скота и очередной голод [276]. Пожалуй, только Михаилу Чарноцкому в Наче удалось завершить строительство усадебного дома в 1815 г. В 1819 г. Ю. Немцевич восторгался усадьбой Пусловских в Старых Песках. Активный хозяйственник Кароль Шпаковский в небольшом имении Вежки строит сахарный завод, организовывает курсы по подготовке рабочих для нового предприятия и после 1818 г. возводит оригинальный деревянный дом в формах классицизма. Здание известно по реконструкции М. Витвитского [596]. Парадный фасад его имел два симметрично расположенные крылечки на колоннах, а парковый украшала колоннада вдоль веранды между ризалитами. Оригинальность планировки парка определялась каналом, который делает в усадьбе два поворота под прямым углом, выполняя планировочно-декоративную и дренирующую роль (он хорошо выражен и полноводен).

В эти годы в разных усадьбах региона строится ряд крупных ансамблей: Обуховичами в Своятичах, Радзивиллами в Полонечке, Родзевичами в Грушеве, Красицкими в Жабчицах. В 1820 г. княгиня Пелагея Потоцкая, жена Павла Сапеги, закончила строительство образцового ансамбля в Высоком, рядом, с руинами бывшего замка Сапег. Фальковскими строится небольшой двор в Острице с деревянной каплицей (около паркового водоема), в которой на круглом постаменте была установлена старинная деревянная фигура св. Яна Непомука. В первой четверти XIX в. было закончено строительство дворца с большим парком Друцких-Любецких в Лунине.

Здания строились каменные и деревянные, одно- и двухэтажные с портиками, крытые обычно гонтом, иногда тростником, хорошо утепляющим в зимнее время. Наиболее распространенным в усадьбах был четырехколонный портик дорического ордера. Его величие возрастало с увеличением числа колонн до шести (Нача, Велесница, Ивацевичи, Пясечно). В Лозовцах портик был двухколонным, в Трацевичах—с двумя парами калонн, в Малых Щитниках колонны портика заменяли четырехгранные филяры (столбы).

Как и по всей Беларуси, в регионе получает распространение классический прием строительства одноэтажных домов с мансардным этажом и выделением парадного фасада портиком на всю высоту здания (Высокое, Закозель, Старое Бережное, Кожан-Городок, Лунин, Малые Щитники, Вистычи, Лозовцы). Мансардный этаж в усадебных домах явился продолжением развития мезонина в зданиях Беларуси времен ренессанса. Иногда над портиком на высоте второго этажа устраивался балкон, очерченный узорной балюстрадой (Лунин, Озяты, Малые Щитники, Вистычи, Закозель). В ряде усадеб (Своятичи, Линово) портик поднимался на уровень второго этажа, устраивался на аркадах, напоминая римскую триумфальную трехпролетную арку. Деревянный дворец Друцких-Любецких в Лунине имел идентичные фасады с массивными четырехугольными портиками. Только портик тыльного фасада размещался на аркадах первого каменного этажа, имеющего служебно-хозяйственное назначение [596]. В Закозеле усадебный дом Ожешко, кроме традиционного портика, имел пристенную колоннаду из колонн также тосканского ордера на боковых крыльях. В небольших усадьбах классическая ордерная система имела упрощенную трактовку, часто сводилась до простых колонн или колонн, которые поддерживали крыльцо (Мазурки, Дубенец, Соха, Остромечево, Заосье, Острица, Ляховичи).

Дворцы и усадебные дома вместе с парадным двором образовывали композиционное ядро ансамбля. Следует отметить, что ансамбли региона отличаются разнооб-

Усадьба в Высоком. Вид со стороны реки Лесная. С акварели Наполеона Орды. 1876 г.

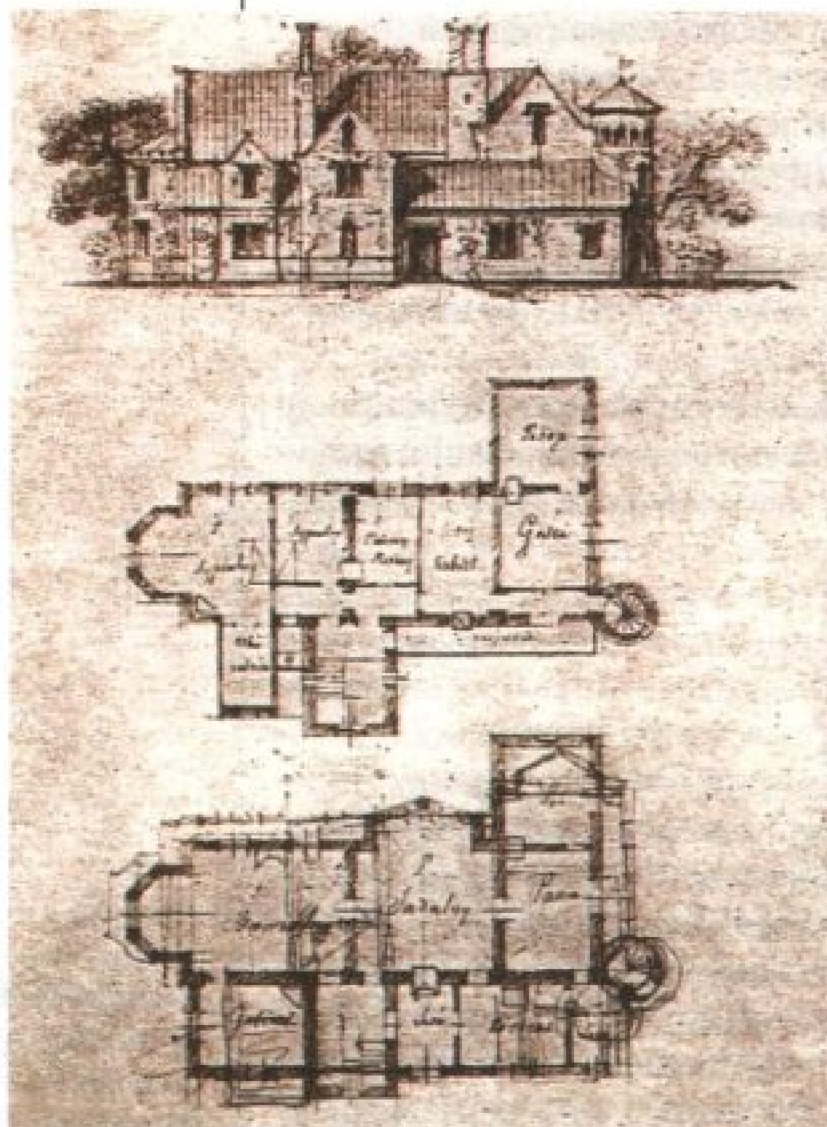
разием композиционного построения парадной части. Наиболее характерный тип ансамбля, включающий дом и две боковые официны, не получил здесь распространения. Лучший образец этого типа — ансамбль в Высоком, где зеркальные Т-образные официны вместе с дворцом и железной оградой на высоком фундаменте создают полузамкнутый уютный дворик, перед которым располагался газон с подъездным кругом. Очень большой парадный двор образовывали дворец и две симметрично расположенные, но отдаленные от него официны в Своятичах. Двор Рейтанов в Грушевке имел асимметрично расположенные и разновеликие официны.

Чаще встречался тип парадного двора с одной отдельно поставленной официной (Молодово, Велесница, Лозовцы). Двор Родзевичей в Грушево вместо официн включал спихлер и лямус, большие здания хозяйственного назначения с колоннами на фасадах.

В наиболее крупных усадьбах распространенным типом пространственной организации усадьбы являлась фронтальная композиция, при которой главный корпус и боковые флигели располагались на единой поперечной оси. До наших дней сохранились такие ансамбли в Полонечке, Линове, Ивацевичах, частично в Закозеле.

Постепенная трансформация парадного двора привела к формированию типа композиции в виде обособленного дворца или усадебного дома с партерами в глубине пейзажного парка (Гремяче, Кожан-Городок, Старый Куплин, Вистычи и др.). Обособленное положение здания в окружении парка иногда вело к «зеркальной» трактовке его фасадов, т. е. появлению портиков на парадном и парковом фасадах. Идентичностью четырех каменных портиков тосканского ордера с парадного и паркового фасадов, завершенных ступенчатыми фронтонами, выделялся усадебный дом в Вистычах, построенный в 1840-е гг. Павлом Ягмином по проекту Франтишка Ящолда. В усадьбе Твардовских в Велеснице аналогичные по форме шестиколонные портики отличались глубиной расположения по отношению к стене здания. Портик паркового фасада выс-

Усадебный дом в Грушевке. С акварели Наполеона Орды. 1864 г.



Вилла в Леошках. Проект. Архитектор Г.Маркони. Около 1850 г.

тупал больше в парк. В Молодове «зеркального» типа портики тосканского ордера с двумя парами колонн (по три с каждой стороны) на парадном и парковом фасадах дворца. Только колонны портиков боковых осей были больше приближены к стенам здания и чуть выше центральных. «Зеркальными» являлись также портики боковых фасадов. В итоге изящный дворец, построенный по проекту архитектора Ван-Гросса в 1798 г., отличался особой композиционной уравновешенностью и не имел практически тыльной стороны. Архитектор Тадеуш Ростворовский, спустя сто десять лет (1905—1908), повторил этот композиционный мотив при строительстве с другой стороны партера дворцовой каплицы. Ротонда с купольным завершением украшена четырьмя портиками идентичными портикам дворца, чем было достигнуто единство молодовского ансамбля.

В развитии усадебного зодчества этого периода особое значение имели идеи романтизма. Его мотивы отмечены в усадьбах первой половины XIX в. В архитектуре усадебных сооружений поиск новых форм проявился в основном в средневековой готике. Начало строительству неоготических резиденций в Речи Посполитой было положено возведением в 1789 г. дворца для Станислава Понятовского, племянника короля [648]. Зодчих привлекала величественность, мощь и живописность готических форм: стрельчатые арки, высокие башни с зубчатым завершением, остроконечные шпили, фиалы, обеспечивающие общую вертикальную направленность сооружения, его устремленность ввысь; глубокие порталы, сводчатые потолки с системой нервюров, хорошо освещенные окна с цветными витражами, наделявшие интерьеры сооружений особым величием и эмоциональностью. Они противопоставлялись однотипной строгости черт господствующего стиля классицизма, символизировали минувшую историческую эпоху особой культуры. По мере усиления кризиса классицизма интерес к готике возрастал. Художниками, литераторами и поэтами создавался ареал идеального архитектурного стиля. Готические сооружения становились романтической мечтой эпохи [390].

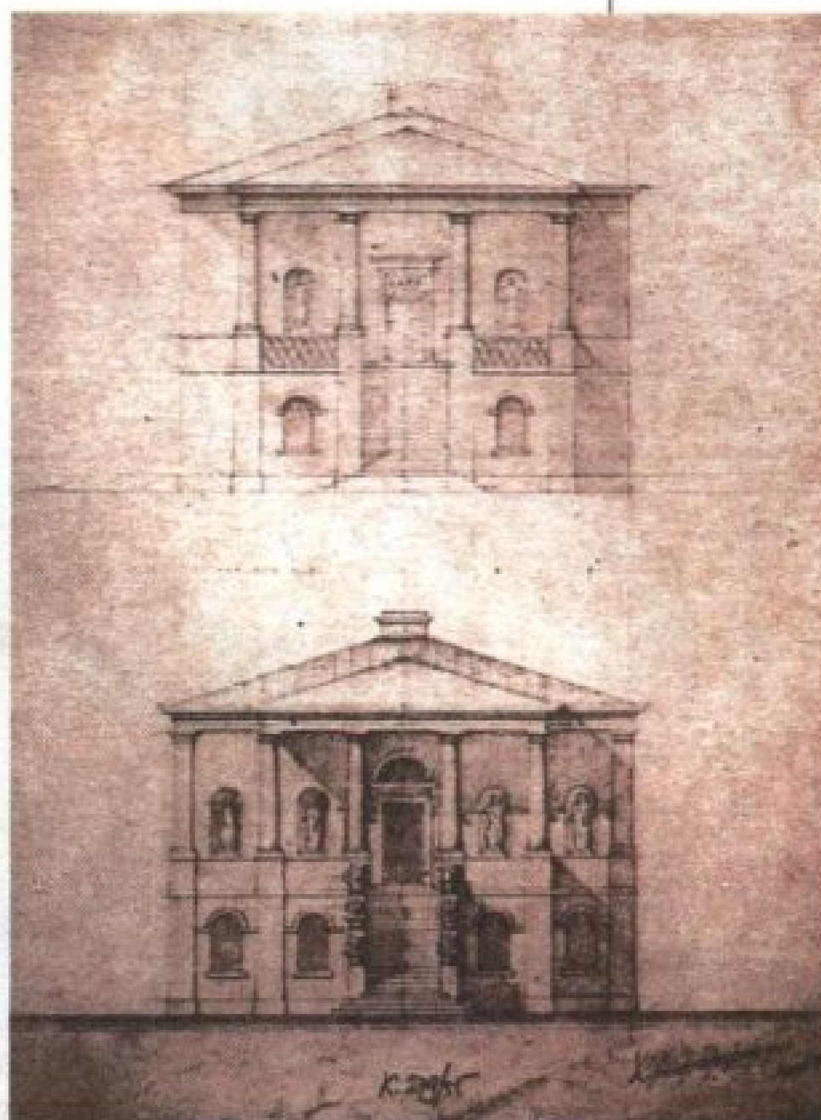
Наиболее величественным сооружением этого периода в крае явился дворец, построенный в 1838 г. Вандалином Пусловским в Коссове по проекту варшавского архитектора Франтишка Ящолда с участием архитектора В. Маркони. Дворец строится на моренном террасированном холме в виде замка с использованием характерных форм средневековой замковой крепостной архитектуры: зубчатых завершений на угловых башнях, аркатурных фризов, контрфорсов, настенных фиалов. Башни, узкие щели-бойницы, латинские кресты-ниши придают зданию суровый внешний вид и живописный силуэт.

«Пламенем» готики называет А.Н. Кулагин [390] родовую каплицу усыпальницу Ожешко в Закозеле. В необычайно красочном сооружении, построенном в 1839 г. на окраине парка, сочетаются наиболее выразительные формы и мотивы готики. Их составляют насыщенность фасадов креповками, пилоны-контрфорсы, башенки, вытянутые по вертикали ниши, стрельчатый входной портал, легкий и ажурный, словно кружевная вуаль, нервюрный свод зала, стрельчатые окна и витражи и стремящаяся ввысь сигнатурка с остроконечным шпилем, заканчивающаяся готическим крестом.

В формах готики возводятся въездные брамы в виде стрельчатых арок в Старых Песках, Коссове, оранжереи в Полонечке, Тугановичах, Своротве. В середине XIX в.

Петром Ожешко строится оригинальный «замочек» в Белине, известный по рисунку Н.Орды 1864 г.

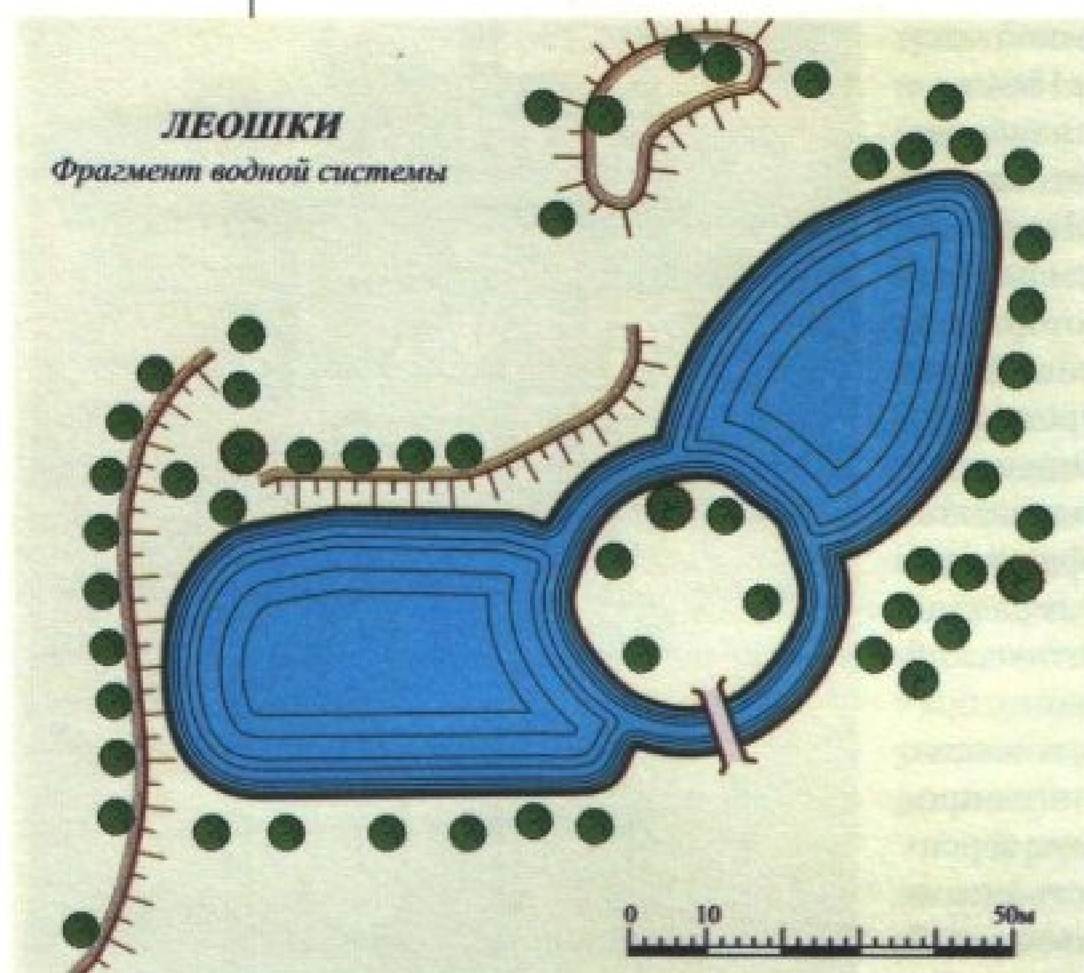
Видимо, последним и, возможно, наиболее оригинальным произведением этой эпохи стал ансамбль в Леошках, спроектированный Генрихом Маркони в 1848—1850 гг. для графа Виктора Пусловского, сына Каролины Пусловской, которая перевезла из Волчина дворец Чарторыйских. После Г.Маркони работы по проектированию продолжал Л.Маркони. Ансамбль, согласно сохранившимся рисункам, включал дворец в виде палладианской виллы с четырехколонным портиком на фасаде парадном и полукруглой десятиколонной верандой на фасаде тыльном, виллу с башней, неоготический павильон с лоджией, дом на партере, официну, браму с боковыми павильонами, конюшню, возовню, парк, водоемы [669]. Хорошо сохранившиеся проектные чертежи в карандаше, туши (в двух версиях) передают архитектурную изысканность ансамбля. Теперь его место на приподнятой живописной территории около деревни Леошки занимают древесный массив, заросли сирени. К большому партеру, ставшему выгоном, примыкает водная система, включающая 2 водоема с островом. С южной стороны на одной оси с дворцом располагался искусственный холм почковидной формы (не сохранился; схема).



Павильон в Леошках. Проект. Архитектор Г.Маркони. После 1825 г.

С развитием классицистической архитектуры началась эпоха пейзажных парков. Однако мотивы паркового искусства не следовали формам классицизма в архитектуре, а, наоборот, противоречили им, поскольку предполагали нерегулярные, асимметричные системы, полностью отрицали упорядоченность и линейность. В парках воплотилась одна из важнейших идей эпохи Просвещения — идея естественности. Сама природа становится эстетическим образцом, объектом поклонения и подражания. Развивается культ природы, природы прекрасной всегда, вне зависимости от деятельности человека, а естественность и простота становятся главным мотивом времени [286].

Этот прекрасный мотив сыграл неоценимую роль в воспитании глубоко уважительного отношения к природе вообще и в развитии нового направления в паркостроении, в котором не должно быть «слишком много искусства». В соответствии с этим получает развитие поэтическая символика парков. Руины, навевающие грусть, понимались как свидетельство всесильной власти времени, его быстротечность; павильоны олицетворяли далекие страны, богатые оранжереи, ставшие принадлежностью почти каждой усадьбы, частицу вселенной. Ручей символизировал хрупкую нить жизни, а пруд, питаемый ручьем, считался генератором жизни, «оком» парка. Местом уединения и тишины служили беседки, а настроение отдыхающих в значительной степени определялось деревьями парка. Ивы белые с повислыми кронами навевали грусть, березы вселяли оптимизм, а величественные дубы, росту которых особо благоприятствовали эдафо-климатические условия Брестчины, уверенность в вечности природы. Особым содержанием отличался романтический парк, предполагающий одинокое, несколько сентиментальное созерцание природы. Чувствительность романтизма не предполагала смеха и даже улыбки. Все элементы парка были настроены на интимный контакт с человеком. На все оттенки его чувств парк реагировал тонко и «негромко». Уединение в садах стало не средством философского углубления в суть природы, а прекрасным само по себе. Смена настроений достигалась разными приемами: чере-



дованием веселых солнечных полян с темными рощами и массивами; введением в композиции руин, памятников, этнографических сооружений на мотивы сельской жизни; подбором деревьев с темными листьями. Усадьба являлась областью приложения творческих сил, своеобразным синтезом природы, географии, истории и культуры [286].

В парках усадеб реализовывалась свободная, динамичная живописная композиция, раскрывалась безграничность природного ландшафта. Пейзажи «настроения», ландшафты «воображения» создавались на основе местной природы, на живописных территориях с лесными массивами, ледниковыми формами рельефа, часто на высоких террасах рек с видами на широкие просторы пойм, или на моренных грядах, холмах, вблизи озер и рек. Парк мыслился как некая эмоциональная программа, непрерывность картин-пространств. Паркостроители открывали и подчеркивали естественную красоту природы, а искусственно создаваемым пейзажам придавали естественный вид. Не план сада, а вид сада — «пейзаж» стал играть доминирующую роль во всех работах по садоустройству [436]. Далекие перспективы, чередование открытых пространств, смена пейзажей, построенных на контрасте, игре света и тени, умеренность в использовании скульптуры, малых архитектурных форм явились основными приемами построения пейзажных композиций. Много внимания уделялось водной глади, разнообразию ассортимента древесных и цветочных растений.

Существенно меняется в этот период отношение к дереву. Если в регулярных парках дерево — исходный строительный материал для шпалер и боскетов, то в пейзажных становится образом, индивидуальностью парка. В связи с этим познаются эколого-ботанические особенности и скорость роста, декоративность и особенно проявление декоративных качеств в течение сезона. Древесные растения вместе с кустарниками, травами образовывали в ансамблях пейзажные картины с общим эмоциональным настроением и неожиданными эффектами. Романтизм обратил внимание на красоту отдельно стоящего дерева и «научил» любоваться формой и фактурой кроны. Особым вниманием были наделены старые деревья.

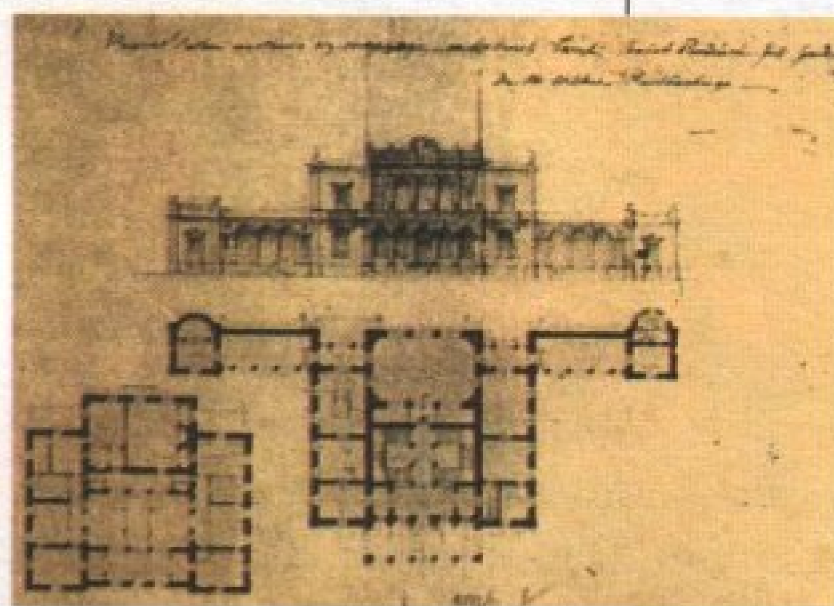
Пейзажный парк классицистических усадеб зарождался как эстетический аналог естественных ландшафтов. Он сливался с окружающей природой и нередко не знал территориальных границ (Старый Куплин, Гремяче, Тугановичи, Старые Пески, Белин, Сочивки, Торчицы, Колдычево, Бурдыковщина). В Острице Фальковских, например, совсем маленький парк с водоемом и каплицей, созданный на основе лесного древостоя, сливался с массивом леса [596]. От дворца или усадебного дома и видовых точек парка открывались дальние перспективы на окружающие пейзажи. Казалось, что прилегающие леса, поймы рек, озера — все это бесконечный единый ансамбль. Роль дальней перспективы была особенно велика в парках, расположенных на высоких террасах рек, на моренных холмах и грядах (Бурдыковщина, Тугановичи). Благодаря эффекту зрительного увеличения сравнительно небольшие парки производили впечатление крупных. Парки усадеб, расположенных на плоских, невыраженных террасах, спускались до самой реки (Велесница, Столин, Альбрехтово). Реки, особенно

Водоем в Рясне. Фото 2002 г.

ручьи, становились частью парковой композиции. Водотоки с уклоном имели не только композиционное значение. Несмолкающий говор воды придавал парковым пейзажам особую привлекательность в разное время года. Следует отметить мастерство местных грабарей, известное далеко за пределами Беларуси, в создании искусственных водоемов (прудов) и формировании сложных водных систем (Полонечка, Ополь, Тешевля, Свояпичи, Закозель, Совейки, Вистычи).

В отличие от водоемов регулярных парков правильной геометрической формы, с исключительной прямолинейностью и четкостью береговых линий водоемы в пейзажных парках имели естественное, свободное очертание. Особенно впечатляют пруды в Рясне, Коссове, Вольно. Они, как правило, имели острова с беседками и арочными мостами. Небольшие преимущественно округлой формы острова предопределяли художественное достоинство водоемов, создавая видимость отдаления берегов, придавая большую глубину перспективе.

Достижение зрительного, а вместе с ним познавательного и эмоционального эффектов определялось особенностями дорожно-тропиночной сети. В пейзажных парках она была извилиста, сложна, индивидуальна. Основные прогулочные дорожки охватывали весь парк, вспомогательные проходили по отдельным зонам. При разработке маршрута учитывались: соотношение света и тени, эффект внезапного появления предмета или природного элемента, глубина и панорамность парковых пространств, чередование перспектив. Дорожно-тропиночная сеть обеспечивала четкость функциональной организации территории, объединяла отдельные части паркового ландшафта в единый ансамбль.



Дворец в Леошках. Проект. Архитектор Г. Маркони

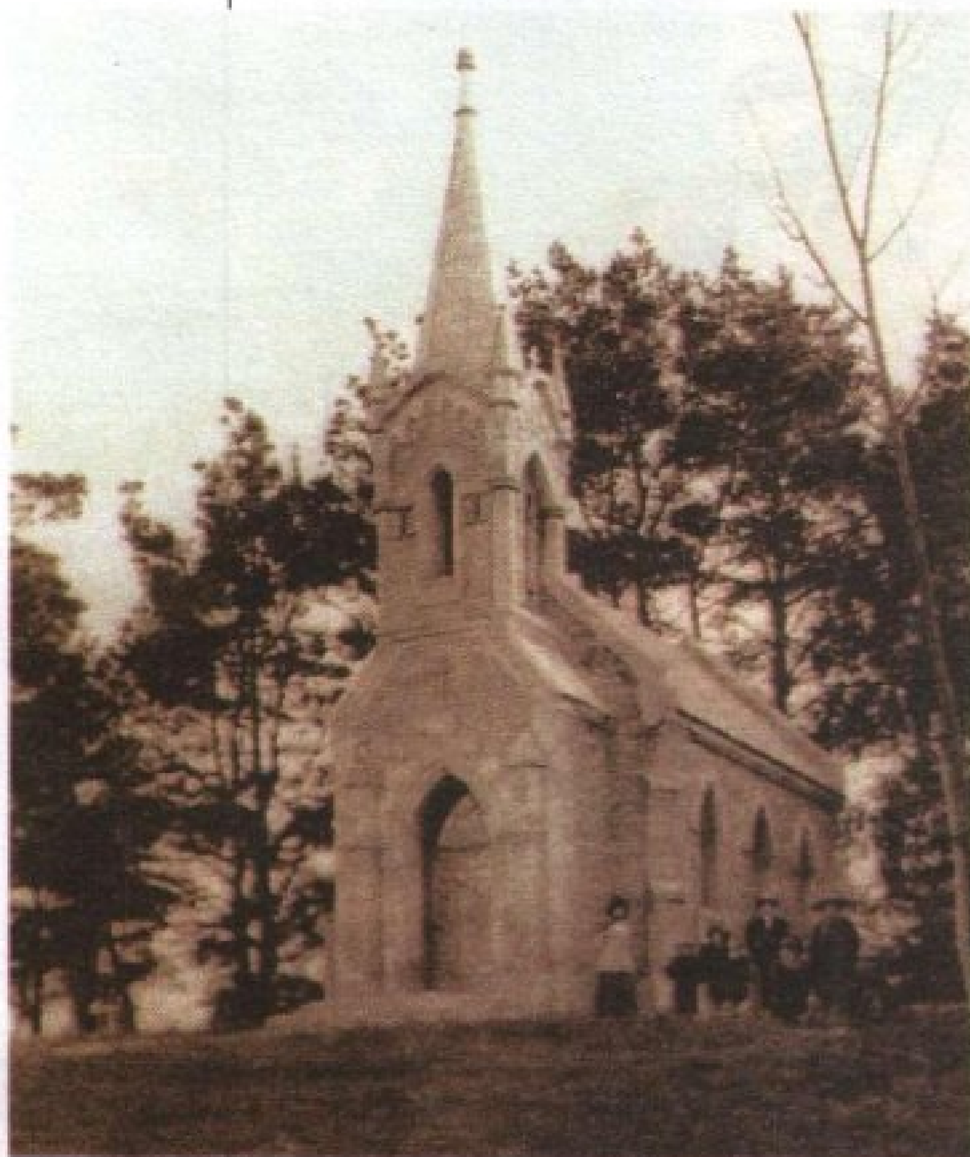
Времена эклектики

Примерно с середины XIX в. в новых социально-экономических условиях наблюдается ослабление позиций классицизма, формируется новое идейно-эстетическое мировоззрение, ставшее основой эклектического направления в архитектуре и изобразительном искусстве Беларуси. Ведется активный поиск новых архитектурных форм и решений, идет осмысливание и оценка исторических стилей. Развивается повышенный интерес к архитектуре прошлых эпох, что выразилось в обращении к готике и ренессансу, барокко и классицизму. Инженер А.Гарбузов при проектировании летнего театра-цирка для городского сада в Бресте (1906) использовал элементы древнерусского стиля, наделив здание красочностью силуэта, размахом и сказочностью [397]. Усадьбы этого периода начали менять свое содержание. Они становятся уникальными, непохожими в отличие от усадеб сложившейся предыдущей модели. Эклектика, в отличие от классицизма, характеризовалась невыработанностью основополагающих теоретических положений, развивалась путем механического сочетания форм разных стилей, разнородных художественных элементов. Общественные, производственные здания приобретали, например, вид античных храмов, зданий эпохи Возрождения. Заметно возрос в определении облика сооружений субъективный вкус владельца-заказчика, что вело к необычайному разнообразию форм. Двор в Могильно, например, был построен Софьей Каденацовой в 1932—1933 гг. по проекту, разработанному с использованием разных журнальных иллюстраций, и фактически не имел ничего общего с традиционным усадебным зодчеством края [596]. Развивался культ архитектурной детали, доминирования частного над общим. Свободный выбор форм из разных стилей прошлых эпох стал нормой.

Театр-цирк в Бресте. Проект инженера А.Гарбузова. 1906 г.

Усадебный дом в Стайках. Фрагмент. Фото 1999 г.

Эклектика получила широкое распространение при строительстве зданий общественного назначения (доходные дома, учебные заведения, больницы, банки, вокзалы, театры и др.) и в усадебном зодчестве Брест-



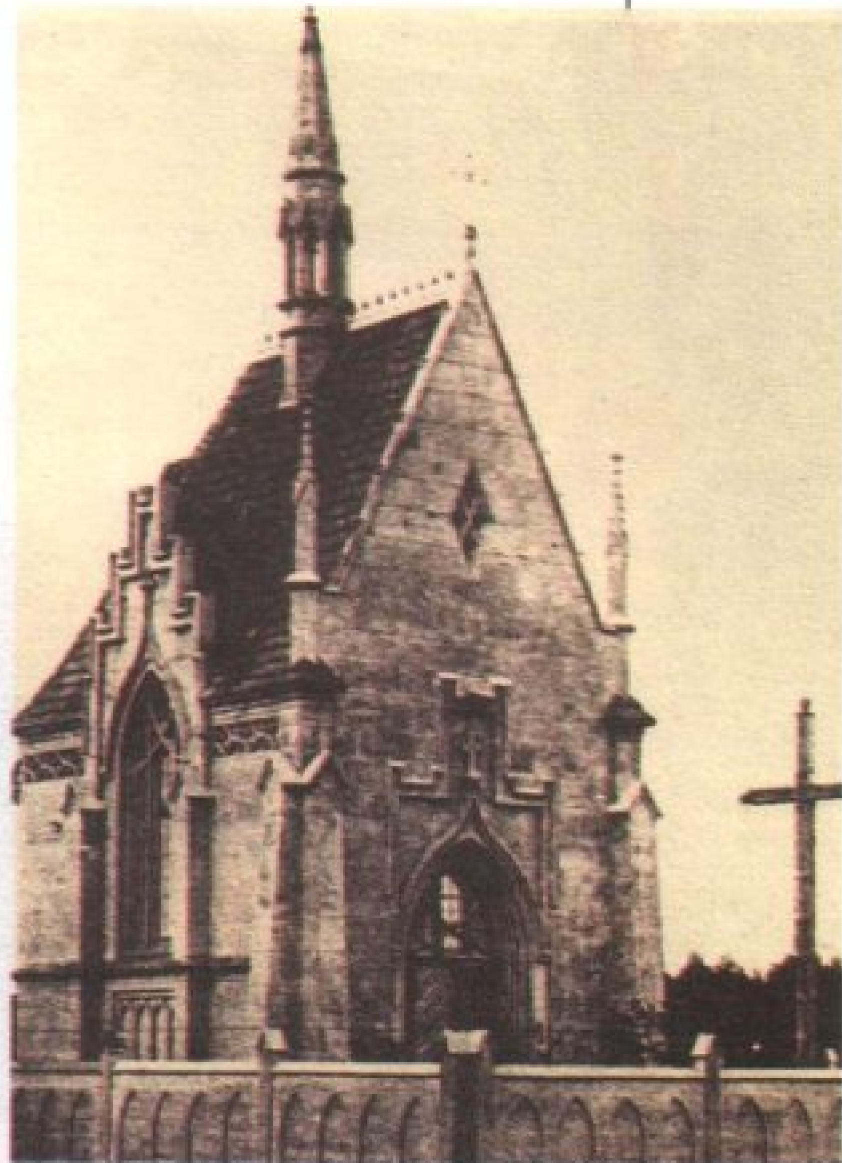
Каплица в Раковице. Фото 1910 г.

чины, дав большое разнообразие архитектурных форм. Многие зодчие увлеклись готикой, идеализированным героическим прошлым. Наиболее выдающееся неоготическое произведение эпохи — малоизвестный дворец Цезаря Олеши в Теребежове, построенный в 1908 г. по проекту Юлиана Лисицкого, Казимира Сливинского и Владислава Капаона. В Стайках и Новом Бережном строятся усадебные дома с неоготическими башнями. Новый дом в неоготических формах в 1890—1900 гг. построил в Долгом Богуслав Крашевский. Ян Оттон Бохвиц во Флорианове наделил готическими чертами усадебный дом пристройкой нового объема, торцовый фасад которого завершается широким аттиковым фронтоном, увенчанным шестигранными башенками. В 1906 г. он строит с использованием форм готики дом усложненной планировки в Павлинове. В некоторых имениях (Вистычи, Раковица, Грушевка) возводятся неоготические каплицы. Живописный готический облик каплицы в Грушевке определяют двухгранный щит, декорированный угловыми фиалами, боковые контрфорсы, стрельчатый портал, стрельчатые оконные проемы, которые были украшены витражами. Интерьер сооружения декорировала система нервюр сводчатых перекрытий.

Одновременно с использованием мотивов готики проявился интерес к архитектуре ренессанса. Неоренессансное направление в усадебном зодчестве Беларуси нашло выражение в архитектуре усадебного дома в Лынтупах в виде обобщенного образа венецианского палаццо, окруженного каналами [307]. На Брестчине стилизованный пример ренессансного дворца был создан в 1897 г. в усадьбе Котлубаев Ястрембель. Здание выделяется асимметричным объемно-пространственным построением, живописностью и динамичностью усложненной композиции, разнообразием и чрезмерным использованием архитектурных форм и декоративных элементов: шатровая башня, ризалит, балкон, пандус с балюстрадой, терраса, рустика, карнизы с сухариками, пилястры, наличники с розетками, филенки, колонны и др. [397].

Усадебный дом в Пружанах. С акварели Наполеона Орды. 1861—1877 гг.

В готическо-ренессансных формах в 1875 г. создается усадьба в Малых Зводах. Двухэтажный дом строился по типу итальянской виллы. Своеобразие композиции здания достигается расположением по флангам парадного фасада (в виде ризалитов) асимметричных объемов разных размеров, один из которых был завершен готическим зубчатым щипцом, второй — полной четырехскатной крышей. Стены также двухэтажного массивного амбара были расчленены крупными лопатками, узкими арочными оконными проемами и укреплены угловыми контрфорсами. Формы итальянской виллы привлекли внимание Скирмунтов в усадьбе Белый Двор (двухэтажное каменное сооружение) и Святополк-Завадских при строительстве усадебного дома в Крошине. Здание было утрачено еще в годы первой мировой войны. Хорошо сохранился (в последнее время реставрирован) усадебный дом, построенный по проекту архитектора Ф.М. Ланци для маршалка Пружанского уезда Валентия Швыковского. Асимметричное усложненной и очень живописной композиции здание с высокой башней в общих чертах напоминает итальянскую виллу, включая группы объемов разной величины, соединенных одноэтажным корпусом.

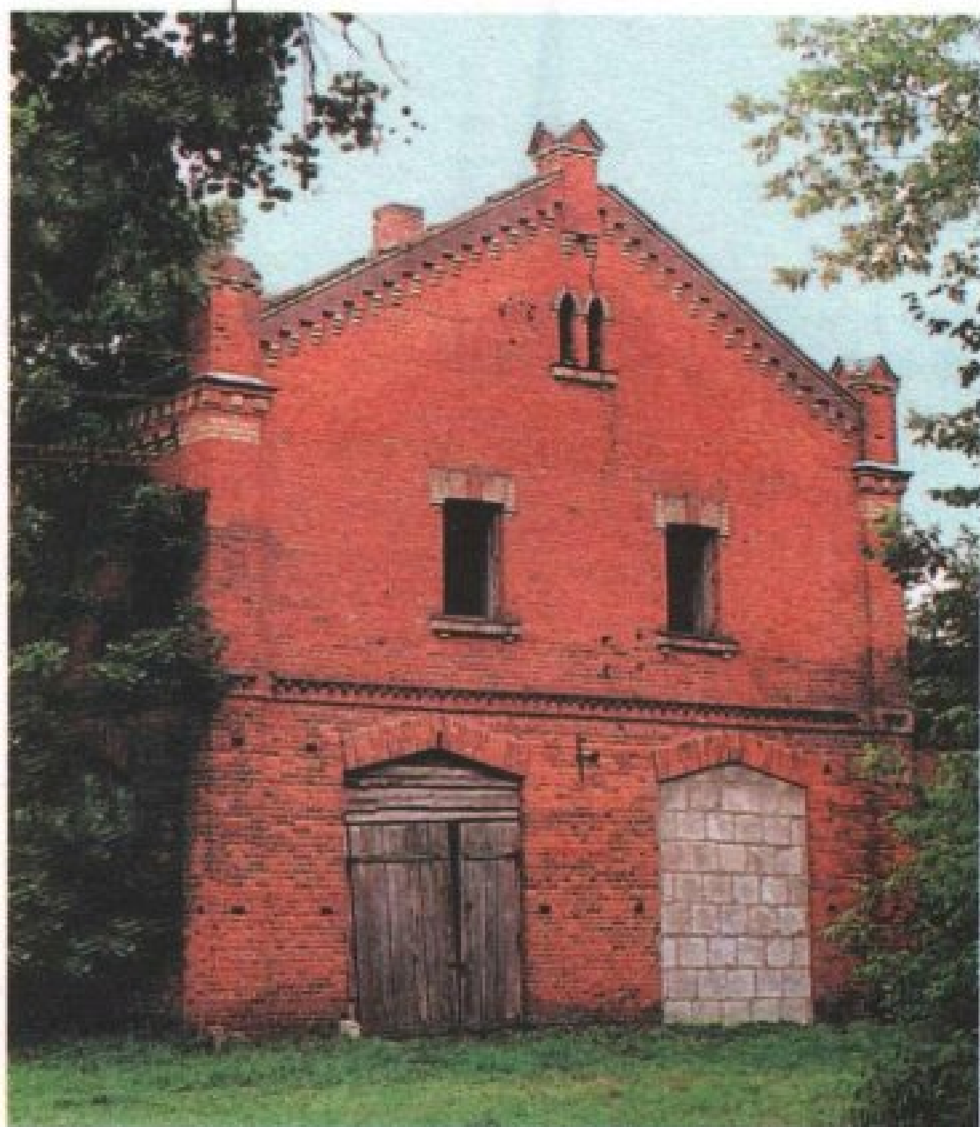

Каплица в Грушевке. Фото 1928 г.

Усадьбы в необарочных формах на Брестчине мало известны. Они использовались берлинским архитектором Венцелем при строительстве резиденции Радзивиллов в Маньковичах. Интерьеры же дворца были решены в другом — «английском» стиле. Одна из характерных черт эклектики — стилевые различия в оформлении экстерьеров и интерьеров сооружений одного ансамбля [397].

В небольших усадьбах строились простые дома с использованием приемов местного народного зодчества, обычно с мезонином и крыльцом. До нашего времени сохранились такие здания в Дружиловичах, Малышах, Жуховцах, Лумно, Горках, Ганцевичах, Головчицах, Попелеве и др.

Особенно на последнем этапе усадебного строительства наблюдается возврат к рациональному, что было вызвано в значительной степени поиском новых стилевых форм, строгих, надежных, отходом от пестроты и шалости эклектики [397]. Зодчие вновь обращаются к искусству античности и классицизма, классицистических схем, ордерных систем, в значительной степени стремятся повторить характерный образ

Усадебный дом в Завишье. Парадный фасад. Фото 1938 г.



Конюшня в Грушевке. Фото 2002 г.

усадебного дома эпохи классицизма. Думалось, что возврат к его традициям, «стилю имений» вернет архитектуре усадеб прошлую художественно-стилевую образность, утраченную пластичность и тектоничность [307]. На месте сгоревшей в середине XIX в. барочной резиденции в Кожан-Городке Криштоф Щитт строит новый двор в формах, характерных для ушедшей эпохи классицизма. Видимо, прототипом здания служил дом Друцких-Любецких в Лунине, с которыми он был связан родственными отношениями [596]. Криштоф, владелец очень большого Кожан-Городокского ключа, сформировал богатую резиденцию. Пейзажный парк поглотил регулярную планировку барочной усадьбы со старым древостоем, водной системой. Интерьеры 20 комнат дворца имели стильную мебель, фамильные портреты, обилие художественных ценностей, спасенных при пожаре старого дома [596].

В 1920 г. Друцкие-Любецкие в Заполье строят усадебный дом как копию старой усадьбы в Пясечно. Усадебный дом в Бижеревичах возводится Ордами по образцу классицистического дворца первой половины XIX в. Кеневичей в Дорошевичах. Архитектор Т. Ростваровский в 1905—1908 гг. в Молодовской усадьбе Скирмунтов построил каплицу в формах аналогичных дворцу конца XVIII в. Владельцы Спорова крыльцо на колоннах усадебного дома заменили четырехколонным портиком, завер-

Баня в Кристинове. Фото 1905 г.

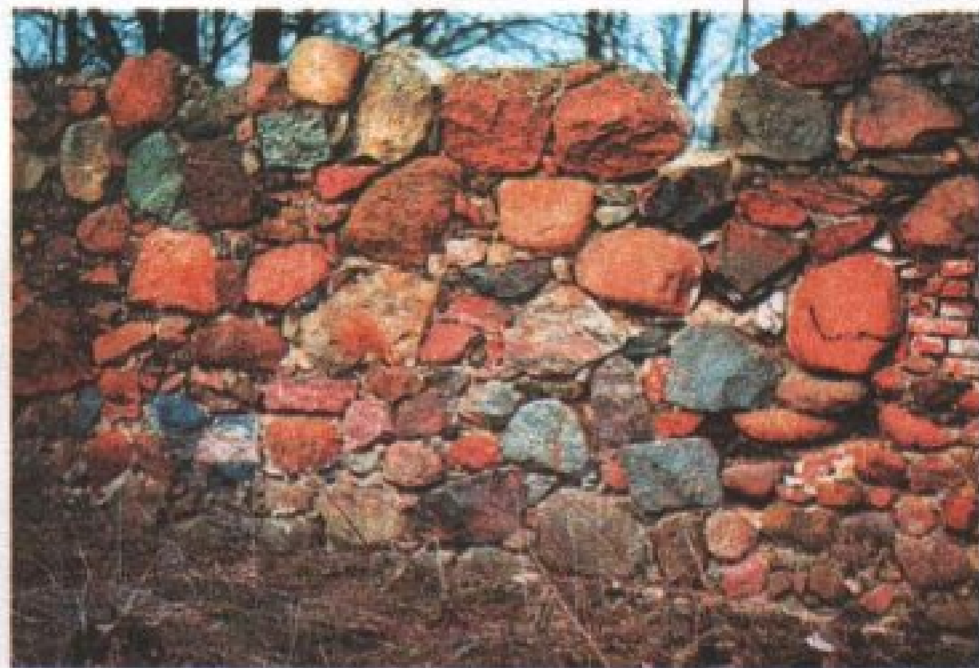
шенным фронтоном с полуциркульным люнетом.

Амбар в Волчине. Фото 2002 г.

Мотивы старинной классицистической усадьбы наиболее воплотились в ансамбле на живописном берегу озера Завишье, построенном в начале XX в. Войтехом Пусловским (владелец Телехан, правнук известного Войтеха Пусловского, маршалка Слонимского повета, создателя романтической резиденции в Старых Песках). Небольшой двухэтажный дворец служил загородной резиденцией. В формах здания соблюдалась классическая простота и строгость. Парадный фасад (обращен в сторону озера) с центральным ризалитом украсил портик ионического ордера с двумя парами колонн. Тыльный фасад имел только пилястры, западный фасад — террасу с балюстрадой на двух столбах и двух ионических колоннах. Ансамблевость усадьбы достигалась включением в композицию оранжереи, дома администратора, гаража, построенных также в формах неоклассицизма [596]. Следуя положению, что природа выше искусства и она должна сохраняться в первозданном виде, лес, окружающий ансамбль, оставался мало тронутым. По нему разбегались только прогулочные тропинки. Экзотические тропические и субтропические растения содержались в зимнем саду дворца, а летом украшали парадный партер.

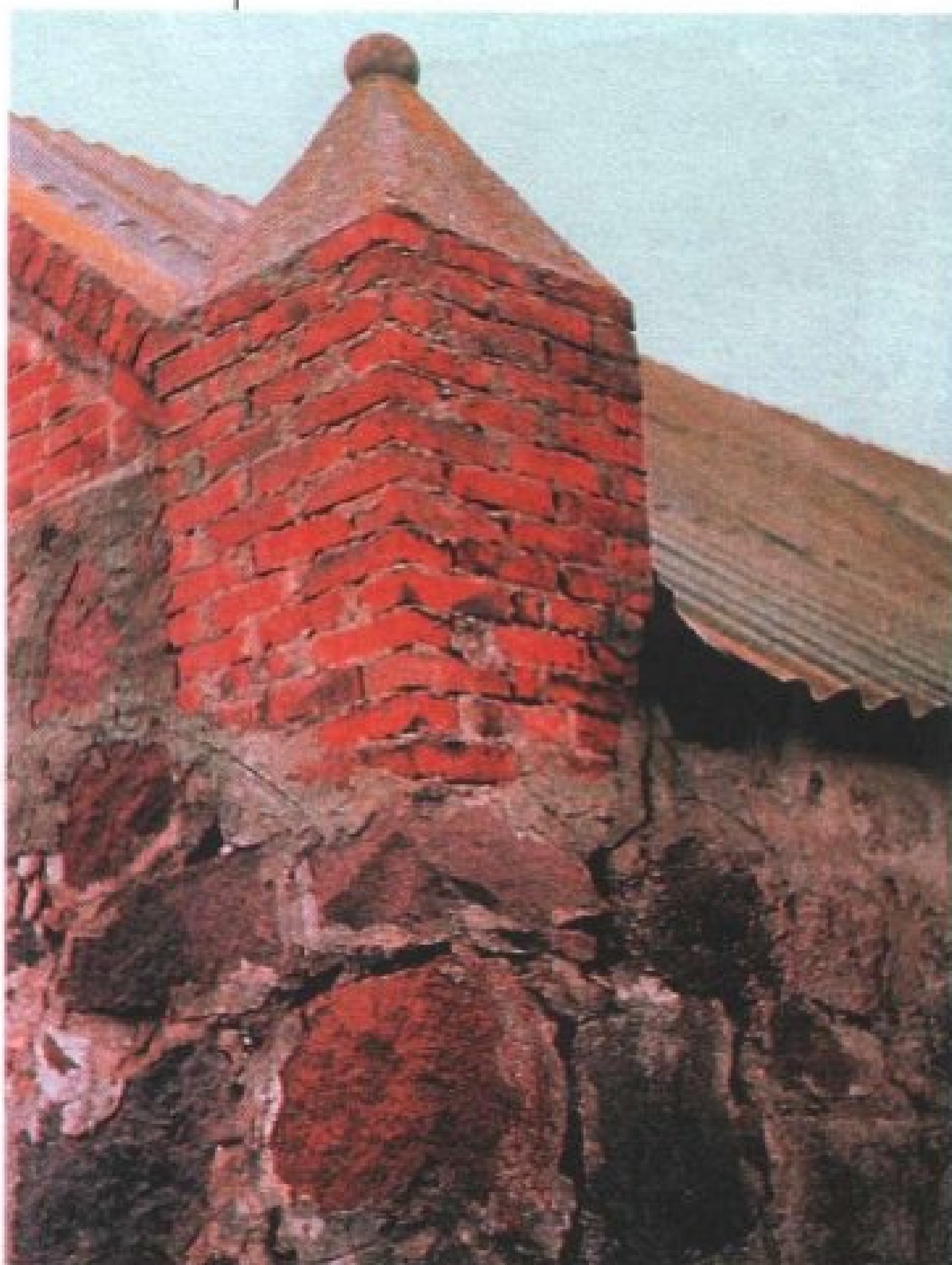
На рубеже столетий большой каменный двор с парком в формах классицизма заложил в Речице Владимир де Вирион. Парадный фасад двухэтажного каменного дома акцентировал портик с двух пар сближенных колонн, несущих балкон с балюстрадой. Одним из самых поздних усадебных сооружений, построенных в годы перед войной, является классическая вилла с четырехколонным портиком тосканского ордера Виктора Контковского (1897—1968) в Могильно [596]. Формы стиля использовались и при строительстве небольших усадеб. В полуразрушенном состоянии в последние годы оказалась усадьба Лабузы с пейзажным парком и компактным каменным домом с портиками на двух фасадах.

Украшением шляхетских дворов этого периода стали хозяйственные и служебные здания, строящиеся в формах так называемого «кирпичного стиля» из красного кирпича без оштукатуривания. Ряд таких зданий сохранился до наших дней: амбары в Копылах, Огаревичах, Старом Куплине, Почепове; флигель в Кабаках; здания разного назначения в Каролине, Лежайке, Сошне, Новицковичах, Александрии; конюшни в Грушевке. Формы архитектуры эпохи хорошо отражает сохранившееся сооружение бани в усадьбе Кристиново, заложенной в 1905 г. сенатором Польши князем Франтишком Марьяном Друцким-Любецким. Среди утерянных особенно выделялся ансамбль в Баранках, все строения которого (усадебный дом с мансардным этажом и портиком, лямус, конюшни, сараи) были добротно выстроены в формах этого стиля.



Фрагмент стены коровника в Минковичах. Фото 2003 г.

Во многих имениях продолжались традиции бутовой кладки, которая использовалась с глубокой древности в строительстве сооружений не только утилитарного, но и культового назначения. Владельцев имений привлекала не просто прочность материала, но и его натуральность, цветовая гамма, вы-



сокая архитектурная выразительность. Кроме того, такие здания хорошо сочетались с сельской средой, деревьями, с разными видами хозяйственной деятельности, символизировали долговечность и надежность (Ставы, Волчин, Минковичи и др.).

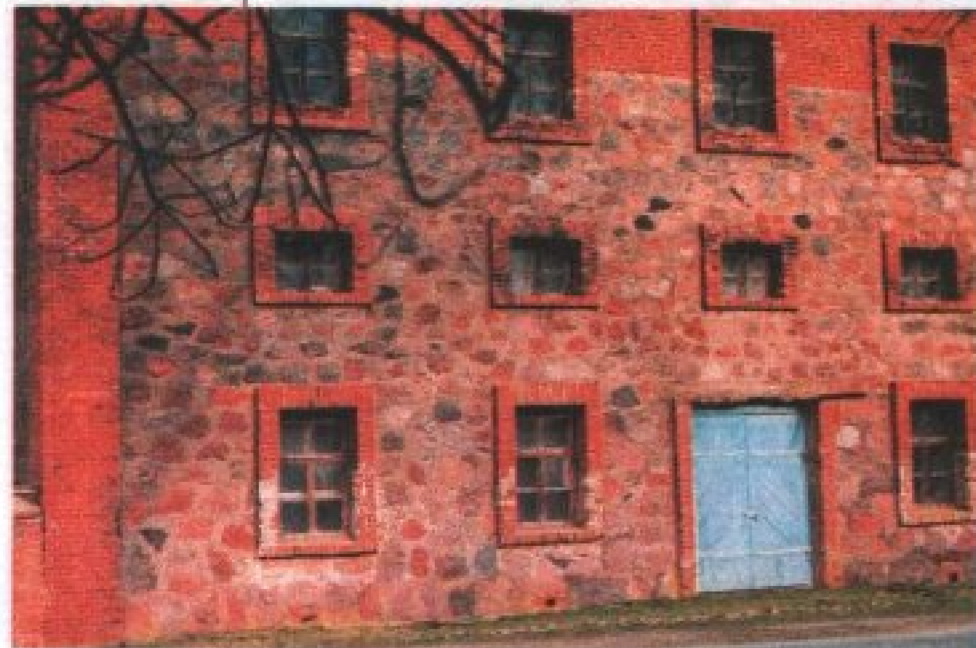
Профессионально выполненная бутовая кладка сочеталась с оштукатуренными и побеленными угловыми пилястрами, лопатками, карнизами, лиштвами окон и порталов. К примеру, в таких формах построена Пусловскими мельница в Сушках. Особенно приятным было сочетание колотого камня с красным кирпичом, выполняющим одновременно укрепляющую роль (Лумно, Каролин, Минковичи, Верховичи). В амбаре в Ратайчицах красным кирпичом узорно выложены углы здания, наличники оконных и дверных проемов. Завершенность декору придает карниз, опоясывающий здание.

Парки этого периода характеризуются разнообразием местных вариантов. Во многих усадьбах продолжались пейзажные традиции, что особенно хорошо проявилось в Бердунах, Павлинове, Верхнем Чернихове, Ястрембеле, Бучумле, Шеметовке, Речице и др. Пейзажные парки были заложены даже в ряде небольших усадеб (Сычи, Орловичи, Глубокое). В пейзажном стиле архитектором Ф. Шаниором ведется перепланировка в 1910 г. регулярного парка в Аттечизне, В. Кроненбергом — парков в Малых Зводах, Минковичах (1890), Высоком (1895). Обычно пейзажные парки сочетались с плодовыми садами, образуя единый зеленый массив (Верхнее Чернихово, Бердуны), включали небольшие водные системы (Чернеевичи, Павлиново, Новосады). Ряд заложений отличается оригинальностью планировочного решения, например, парк в Пелище, охваченный по периметру каналами и водоемами. Наиболее ценным художественным образцом этого времени является парк в Маньковичах, заложенный Марией Доротой де Кастеллян, княгиней Радзивилл, в духе пейзажных натуралистических парков с мотивами романтизма.

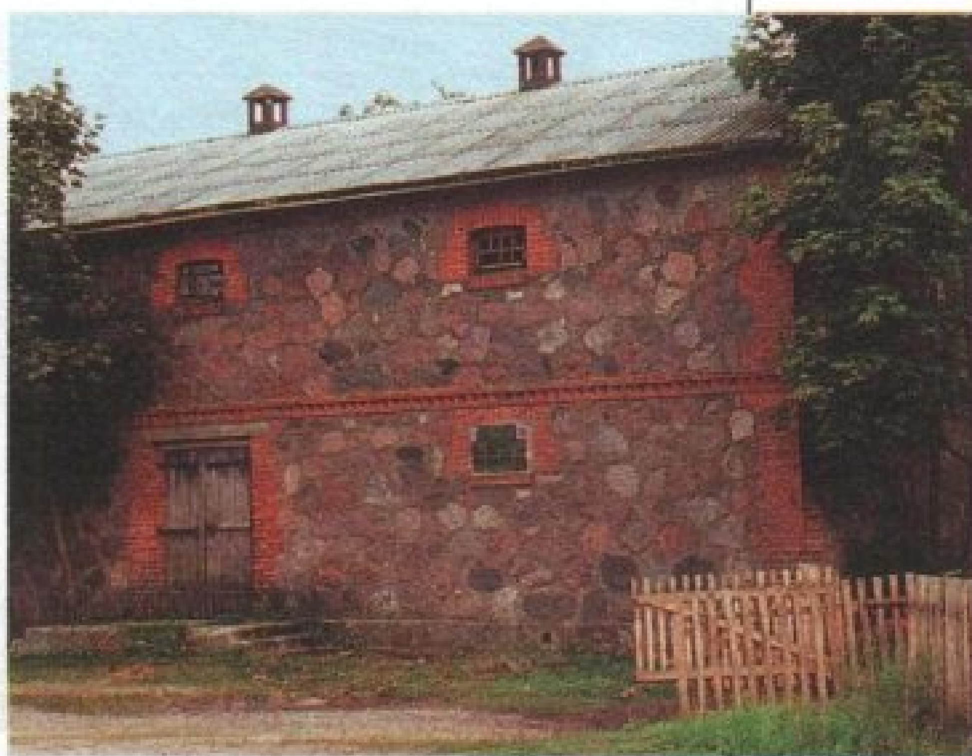
Мельница в Сушках. Фрагмент. Фото 2002 г.

В небольших усадьбах (Литвинки, Клещи, Антонин, Грищицы, Огородники) развивалась регулярная планировка по типу декоративных садов, представляющих обычно один, реже два (Юрковщина) или три (Плянта) прямоугольника, охваченных аллеями или однорядными посадками, и парадный небольшой партер перед домом с подъездным кругом в центре, к которому вела подъездная аллея. Парковый боскет в Оранове, принадлежавшего Софье Зинович, а затем Стасевичам, достигает 2,5 га, являясь частью сада. И после разрушения усадьбы он привлекает красочностью цветущей сирени, охватывающей его с двух сторон плотными рядами. В ряде усадеб (Туличи, Юхновичи) парк-сад представлен сеткой прямоугольников, образуемых пересекаю-

Склад в Верховичах. Фрагмент бокового фасада. Фото 2002 г.



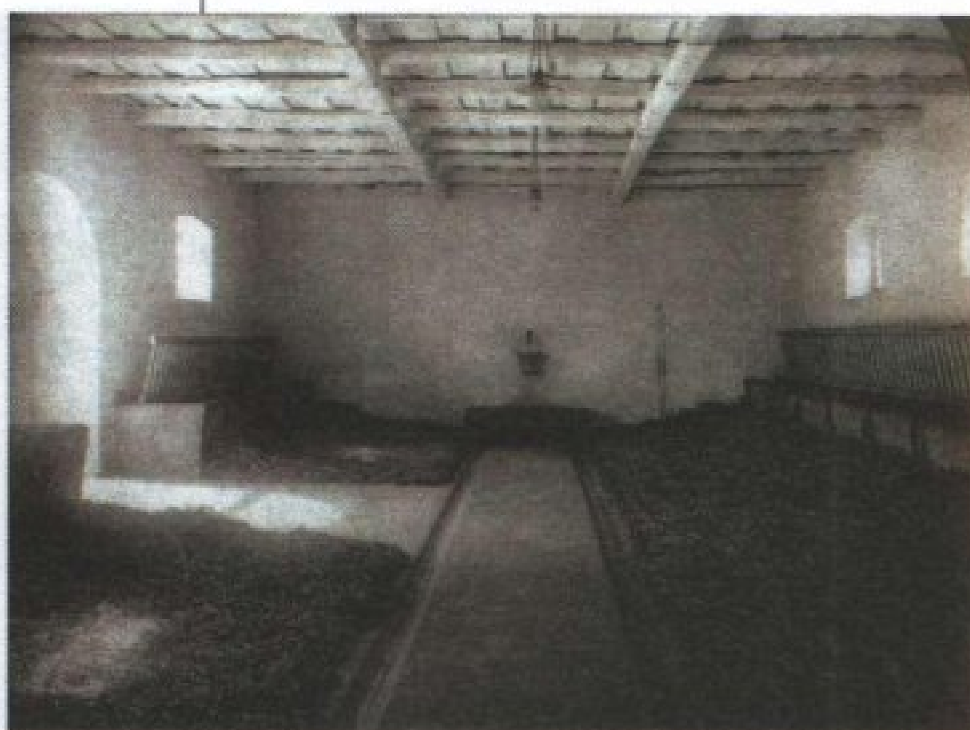
щимися аллеями, в основном липовыми, с защитными линейными посадками по периметру. Усадебный дом с партером в таких парках обычно окружали древесные растения, свободно растущие на газоне. Выразительностью планировки выделяется усадьба в Серковщине, спланированная в виде двух больших боскетов, которые связывает въездная тополиная аллея, протяженностью до 300 метров. В усадьбе Грудковичи сочетается сеть боскетов и каналов. На Пинщине известностью пользовался парк в Могильно, заложенный Виктором Контковским на площади около 20 га. В парке сочетались элементы разных эпох. Имелись шпалеры липовые, видимо, еще барочные, аллеи каштановая, грабовая и березовая. Особое место в композиции занимал остров, охваченный по периметру широким и глубоким каналом, на котором в прошлом размещался укрепленный двор с небольшим замком XVII в. Протасовичей. Остров именовался цветочным садом. В экспозициях имелось только роз около ста сортов, полученных из фирм Hoser и Hozakowski последней владелицей Софьей Каденацовой [596].



Амбар в Ратайчицах. Боковой фасад. Фото 2000 г.

В годы эклектики усадьбы становятся крупными хозяйственными комплексами. Обычно рядом с парадной частью располагались хозяйственные дворы, во многих имениях имелись предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, небольшие заводы, большие сады, питомники. Двор в Ястрембеле (1939) включал четыре гумна, четыре коровника, свинарник, три конюшни, винокуренный, лесопильный и кирпичный заводы. Сад занимал 5,5 га. Имелось восемь домов (32 квартиры) для рабочих [78]. Очень большим хозяйственным двором выделялась сравнительно не-

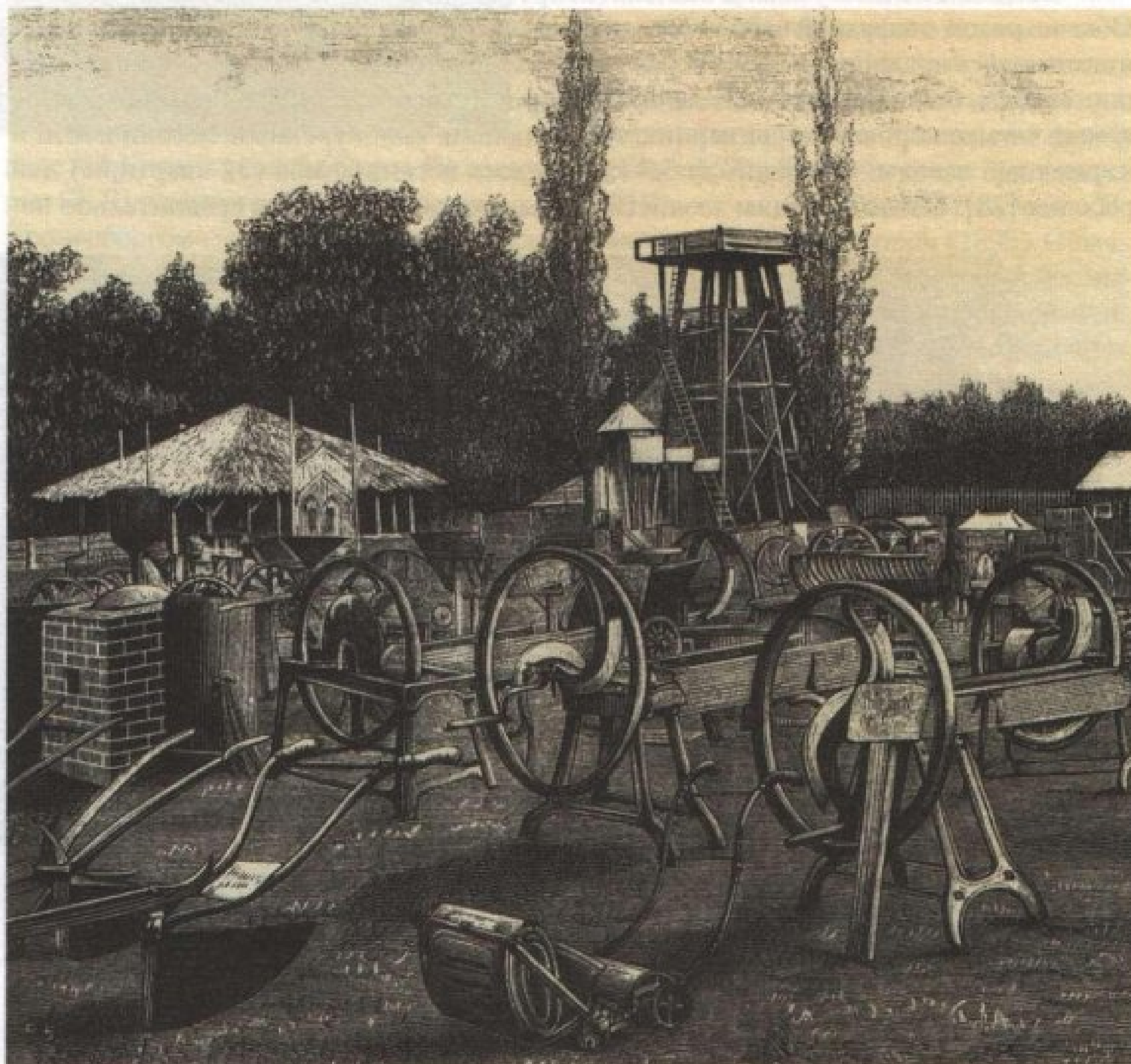
Польская красная порода скота. 1930 г.



Коровник. Стойла. 1930 г.

большая усадьба в Огаревичах. Здесь имелось семь коровников, две конюшни, свинарник, амбар, гумно, сарай, ледник (40 м^3), склеп-сыроварня. В имении работали смолокуренный и кирпичный (с печью на 35 тысяч штук кирпича) заводы, две молотилки, имелся нефтедвигатель [74]. В 2726 имениях Барановичской, Брестской и Пинской областей в 1940 г. имелось 7611 усадебных домов, официн, жилых флигелей, 2621 конюшня, 29141 коровник, 329 механических молотилок, 245 паровых мельниц, 85 винокуренных заводов [86].

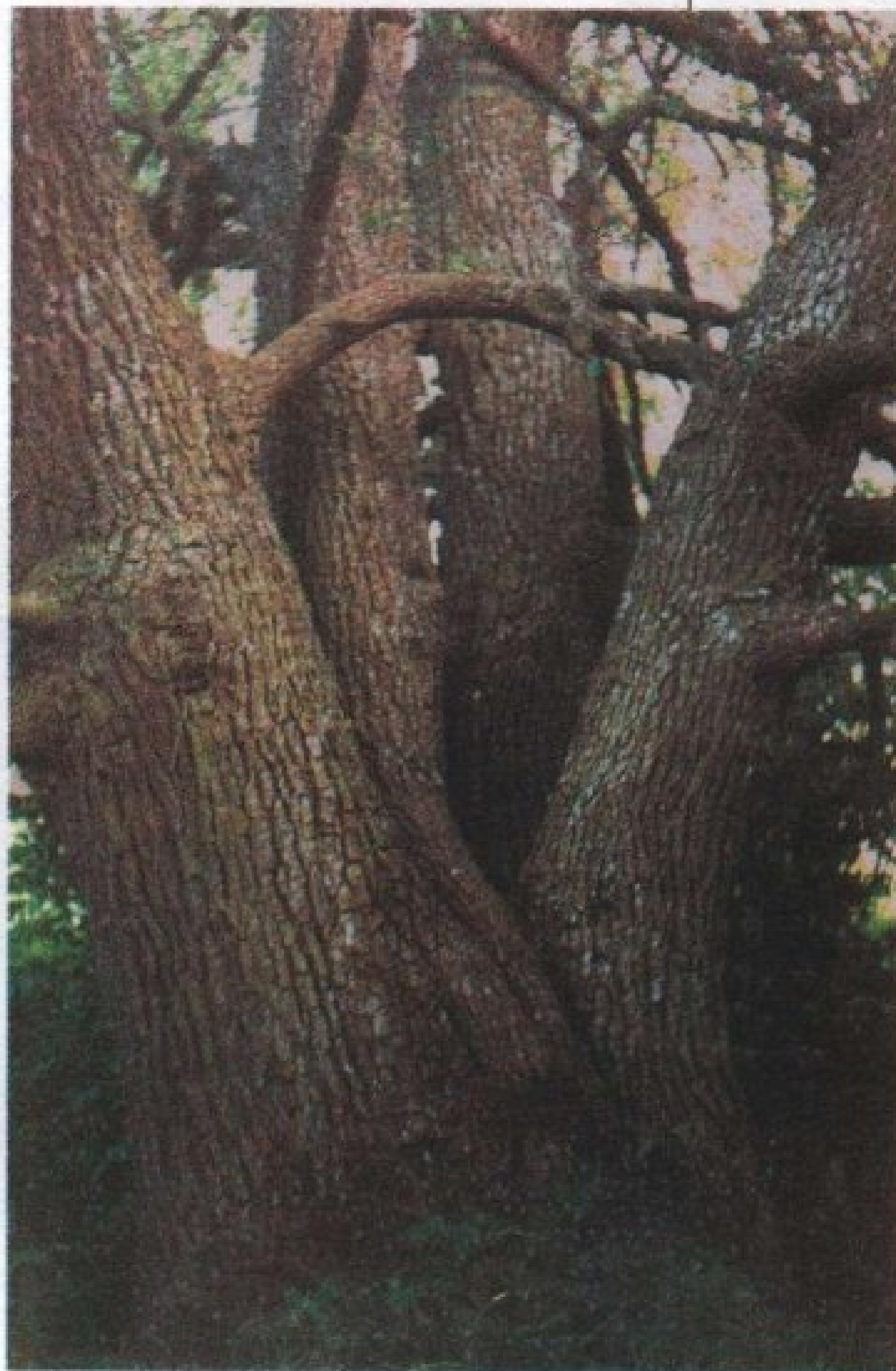
Владельцы имений разводили породистый скот, занимались племенным коневодством. В 1878 г. Иван Константинович Рот создал в Верховичах ферму по разведению коров швицкой породы, завезенной им из Швейцарии. В 1903 г. поголовье скота составляло 125. Достижения владельца в племенном животноводстве были удостоены на международных выставках четырех золотых, восьми серебряных и шести бронзовых медалей [375]. В небольшом количестве в других дворах наряду с местным крупным рогатым скотом имелись коровы и производители голландские, краснонемецкие, польские красные (Нача, Высо-



Сельскохозяйственный инвентарь и машины

кое, Белоусовщина), свиньи белые английские, польско-немецкие (Дубой, Белоусовщина), каракулевые овцы (Дубой, Маньковичи), лошади арабские, англо-арабские (Маньковичи), чистокровные английские першероны (Высокое). В конюшнях грушевского двора содержалось 60 племенных жеребцов [78]. Общая численность поголовья скота, лошадей в 1939 г. в Огаревичах, например, составляла 215 голов [74]. Во дворе имения Белоусовщина имелось в этом году 420 голов сельскохозяйственных животных [83]. Средний годовой удой на лучших фермах доходил до 5 тысяч литров при жирности молока 4 % [77].

Дворы были оснащены разнообразным инвентарем, орудиями и машинами по обработке земли, выращиванию и уходу за растениями, содержанию скота. Перед войной во дворе имения в Тешевле, например, имелись молотилка моторная, мотор, работающий на нефти, «циркулярка» на две пилы, соломорезка моторная, веялка ручная, «млынок» для сортировки зерна, плуги двухлемешные и однолемешные, бороны железные зигзаг, культиватор конный, борона луговая, дисковая, сеялка рядовая (21-рядная), жнейка, косилка, трактор, грабли конные и др. [84].



Груша в усадьбе Богуславцы. Фото 2004 г.

В отдельных имениях наметилась хозяйственная специализация. Например, здания хозяйственного двора в Тешевле имели обветшалый вид, а годовой улов рыбы в прудах хозяйства в 1939 г. составил 62 тонны [80]. Сад имения занимал 35, питомник — 20 га. Пожалуй, самым большим в регионе перед войной был сад в Наче — 54 га, плодовый питомник занимал 12 га. В питомнике в 1939 г. имелось 230 тысяч саженцев, из них 30 тысяч было подготовлено к реализации. Выращивалось 80 тысяч дичков [75].

Судя по архивным материалам за 1939—1940 гг., национализированным дворам, усадьбам уделялось много внимания. Проводился строгий учет движимого и недвижимого имущества, организовывались хозяйства животноводческого, племенного, садоводческого направления, госконюшни. Вторая мировая война прервала все работы и нанесла непоправимый ущерб усадьбам.

В тяжелый послевоенный период вернуть белорусскую усадьбу к уровню прежнего расцвета уже не удалось. Эклектикой, сложным и противоречивым периодом развития культуры и архитектуры закончилась история старинного усадебного зодчества в регионе.

Усадьбы
эпохи барокко

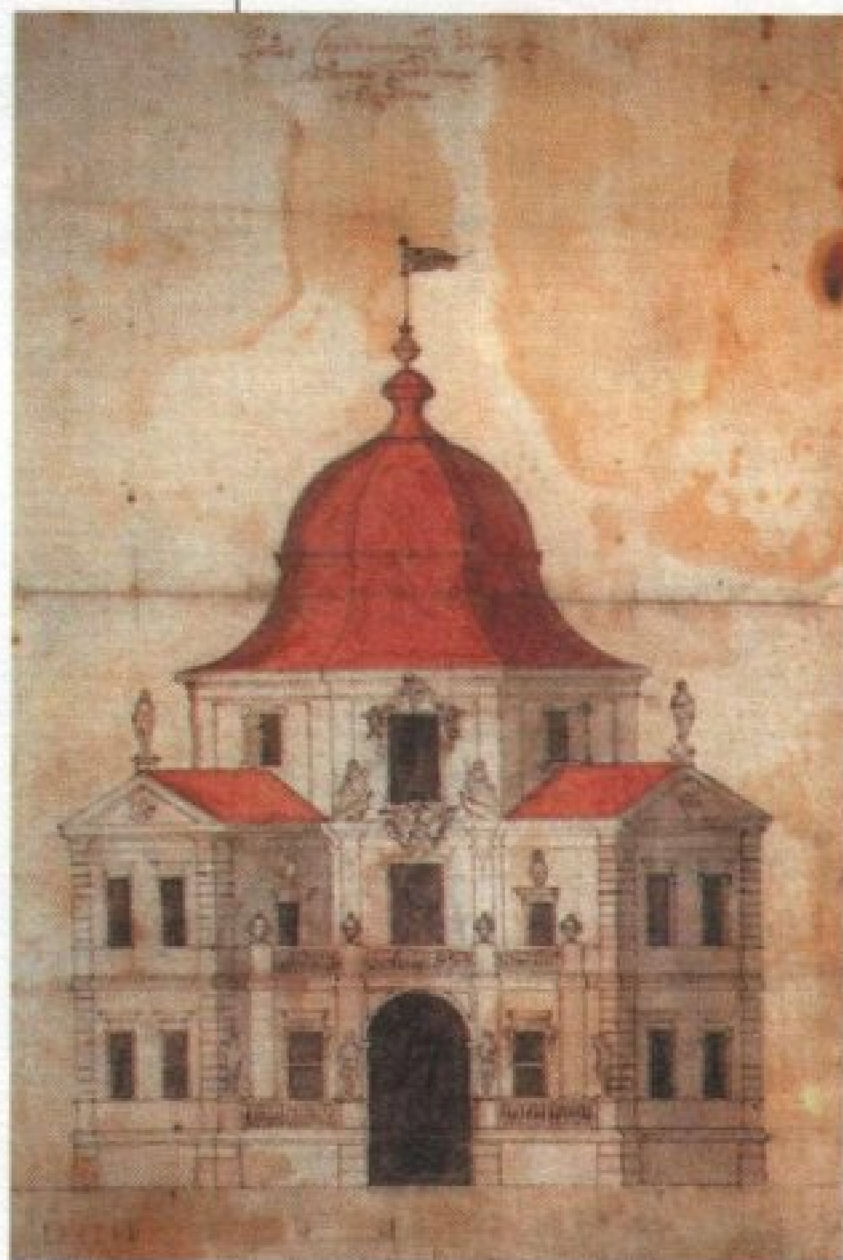
Чернавчицы
Турна
Дубой
Малые Сехновичи
Большие Сехновичи
Ополь
Люшнево
Могилевцы
Новощицы
Регинов
Рудня
Малые Щитники
Кобринский ключ
Заполье
Скоки
Яцковичи
Нача Свенцицкая
Сигневичи
Аттечизна
Плянта
Кутовщина
Минковичи
Копылы
Вороцевичи
Волчин
Близная
Телеханы

Эпоха барокко была самой продолжительной и, пожалуй, наиболее сложной в развитии усадебного зодчества Беларуси. Мотивы стиля в регионе проявились очень рано — в конце XVI в. в культовой архитектуре, в усадьбах воплощались почти до конца XVIII в. Длительный, почти 200-летний период господства стиля дал множество дворцовых и усадебных образцов, определил подлинную ансамблевость усадьбы, лишил ее утилитарности и сделал сложным произведением искусства.

Барокко — первый стиль, доведший увлечение садами до фантастического уровня. Сады и парки должны были удивлять, поражать. В них устраивались пышные празднества, торжественные приемы. Сад мыслился не только «продолжением дворца», но и «аналогией дворца», а дворец непременно являлся центром сада. При этом переход из одного «зеленого апартамента» в другой строился на основе контраста, а каждое новое «помещение» являлось неожиданностью для посетителя. Сады находились в эстетическом подчинении архитектуре: опорные стенки террас, лестницы, гроты, бельведеры, павильоны.

Особой парадностью отличались парки французского классицизма, заложенные по мотивам Андре Ленотра, который развивался рядом с барокко.

Однако время больше всего не пощадило памятники этой эпохи, а наслоения последующих стилей нередко до неузнаваемости изменяли их барочные черты. Нами анализируется 28 усадеб, формирование которых в эпоху барокко подтверждается историческими источниками, а их планировочное решение, отдельные фрагменты прослеживаются зримо или реально ощущаются под пеленой более поздних планировочных наслоений, которые также рассматриваются нами. Характеристика эпохи в главе начинается с самой ранней усадьбы в Чернавчицах и заканчивается одной из наиболее поздних в Телеханах.



Чернавчицы. Дворец Радзивиллов. Проект. 1761 г.

Чернавчицы

Владение рода Волчкевичей, которое в 1487 г. вместе с Турной перешло Ивашке Ильиничу (?—1490) в порядке обмена на вотчинные земли в Волковысском повете. Род Ильиничей герба Корчак — один из старейших в Беларуси. Еще при Витовте бояре Ильиничи имели «освобождение от местных и волостных податей и тяглей» [409]. Юрий Иванович Ильинич (? — 1527), маршалок дворный, наместник лидский, ковенский, берестейский, в начале XVI в. заметно расширил свои владения, скупив ряд соседних имений [775]. В Метрике ВКЛ за 1510 г. упоминается как владелец службами Коростичи, имением Вистычи и частью имения Шерешево [419]. Главной резиденцией большого двора Ильиничей становятся Чернавчицы.

В 1527 г. состоялся раздел владений Юрия между сыновьями Яном (около 1495—1536), Станиславом (около 1500—1531) и Щасным (около 1505—1542). Третью долю владений Яна, старосты берестейского, составили двор Чернавчицы с Деміяничами, Блювиничами, двор Лозовица, дворец Голубля и все двóрцы, прилегающие к имениям. Владения были закреплены грамотою короля Сигизмунда I, которому «бил челом» Ян Юрьевич. В ней было записано «... з ласки нашое на его челом — битье то вчынили, на то дали ему сей наш лист и тую третью часть, которая ся ему достала въ делу от братьв его — двор Чорнавъчичи з ..., с боярами и мещанами слугами путными и со всими людьми тяглыми и з землями: пашными и бортными; и з лесы, и з боры, и з реками, и з озерами, и з ставами, и млыни, и платы: грошовыми цыншовыми и медовыми; и гоны бобровыми; и со всякими платы и доходы, и пожытки, какъ ся тая часть его — двор Чорнавъчичи з ...». Кроме того, с Мира «... в кождый годъ мает ему панъ Станиславъ давати до Чорнавъчыч по двадцати пудовъ меду пресного...» [415]. Мед заготавливался в Беловежской пуще, где располагались фольварки Деміяничи (Деменичъ) и Пелище (Пъелищъ) [239].

Щасный, женатый на Софье Радзивилл, пережил братьев и владел всеми отцовскими и материнскими имениями. Последним представителем рода был их сын Юрий (около 1535—1568), маршалок ВКЛ, который с 1555 г. пользовался титулом графа на Мире. Юрий не имел наследников. Чернавчицы вместе с Миром, Белой, Зельвой и другими имениями завещал двоюродному брату Николаю Криштофу Радзивиллу Сиротке. Радзивиллы организовали Чернавчицкое графство, включающее около 40 деревень.

Резиденцией Ильиничей в Чернавчицах был замок (первое известное упомина-

ние о нем, владении Юрия Ильинича, относится к 1520). В этом году 24 мая Юрий, маршалок дворный, староста берестейский, «купил у конюшего Богдана Гриньковича» два жеребия и присоединил их к замку. В Метрике ВКЛ за 1518 г. указывается замок «Юря Ивановича» в Берестье, на держание которого он получил «пенязей петисот коп грошей литовских» [422, 425].

После Юрия с 1568 г. владельцем замка стал князь на Несвиже и Олыке Н.К.Радзивилл Сиротка, воевода виленский, получив титул графа на Мире, Чернавчицах и Белой [611]. Возвратясь из путешествия, переполненный желанием созидательской и меценатской деятельности, становится фундатором величественного костела св.Троицы, которому передал двор Омелин. Строительство храма связывалось с радостным событием рождения в 1585 г. в Чернавчицах первой дочери Эльжбеты, названной именем любимой жены из дома Вишневецких, «несвижской царицы Савской». В 1600 г. князь строит здесь каменное здание госпиталя [611]. В 1639 г. имение принадлежало Станиславу Альбрехту Радзивиллу, канцлеру ВКЛ. В 1646 г. Чернавчицами владел Александр Людвиг Радзивилл [500]. В начале XIX в. Чернавчицы от Радзивиллов в виде приданого Юзефины, дочери Михаила Казимира Рыбоньки, перешли Грабовским.

Костел в Чернавчицах хорошо сохранился. Представление о замке дает инвентарное описание, выполненное Адамом Зубовичем 10 апреля 1749 г. [87]. Он размещался недалеко от костела, около дороги на Турну. Видимо, к середине XVIII в. старинный замок, отражающий прошлую эпоху, являлся местом хранения художественных ценностей, становился своеобразным музеем. Судя по описанию, замок представлял собой характерное укрепленное сооружение, на детинце которого располагались дворец и ряд зданий служебного и хозяйственного назначения. К детинцу примыкал парк.

Замок занимал окраину местечка Чернавчицы, имел каменную ограду с въездной и парковыми брамами. Въездная брама завершалась башенкой, служащей сторожевой коморкой. Симметрично браме располагались два здания. Правое состояло из сеней, избы и кабинета, имело печи из зеленого кафеля, но для жилья уже было непригодно (пол сгнил), окна были забиты досками. Примерно в аналогичном состоянии находилось второе (левое) здание, крытое гонтом.

Композиционная ось, на которой располагались въездная мощеная (брукованная) дорога и брама, замыкалась дворцом. Вдоль оси слева при ограде итальянского сада имелось сооружение, крытое драницей с двумя дверями, в котором размещались клетки с орлами (тринадцать), пугачами (две), три — пустые и три клетки маленькие пустые. Каждая из них была крыта белой жестью.

Судя по краткому описанию, дворец замка стоял на каменном погребе, был сравнительно небольшим, деревянным, с маленькой мансардой, куда вела лесенка, имел крыльцо с балюстрадой, алькеж и террасу — галерею на тыльном фасаде. Здание, именуемое дворцом, несло характерные черты ренессансных усадебных домов. Отличалось богатством интерьеров. Одна из комнат (покой), расположенная с левой стороны, имела белую кафельную печь, зеркала в позолоченных рамах, двадцать семь больших и малых портретов, шкаф, круглый и продолговатый столы. Во второй комнате висели икона св. Мартина на полотне, портрет его милости князя, видимо, одного из Радзивиллов, два больших портрета, стояли стулья, часы, шкаф резной работы, стол также резной работы на двенадцать персон и стол продолговатый.

Наиболее репрезентативным являлся зал дворца, расположенный со стороны парка. Его интерьеры были посвящены роду Радзивиллов. На щитах, прибитых к стене, размещалось 76 больших и малых портретов и висело выполненное на полотне генеалогическое древо рода. Зал был обставлен стульями гданьскими, обитыми кожей (новых одиннадцать и двенадцать старых с обивкой, слегка порванной орлом), имел столы разной формы (круглый сосновый, маленький резной, два маленьких, продолговатый) и два кресла со спинками. К залу примыкали две небольшие комнаты, обитые обоями, со светло-голубыми кафельными печами. Стены их украшали портреты

на полотне в китайских рамах. В левой комнате стояли столики круглые китайские с цветами, четырехгранный и четыре стола. В правой комнате имелись стол дубовый и семь простых столов. Алькеж имел гданьский шкаф и тайник.

Большим являлось помещение, именуемое избой, в нем был кирпичный пол. С избы и примыкающей к ней комнаты имелся выход на галерею, с которой две лестницы, симметрично расположенные по краям, вели в парк. В комнате, обитой шпалерами, находились железная печка на ножках, разная мебель.

С тыльной стороны здание дворца имело боковой объем, включающий комнату, служившую спальней (две кровати, шкаф простой работы, два столика, печь кафельная зеленая), гардероб, боковую комнату, обитую полотном наподобие обоев, кабинет, туалет. С другой стороны больших сеней размещались две комнаты, кабинет и изба-столовая. По набору мебели в ней можно судить о размерах избы. Она вмещала четыре шкафа гданьских, шкафчик, канапу, бильярд, обитый зеленым сукном, два дивана, стол большой продолговатый, две лавки, одно кресло, железную вешалку и др. На стене висело два больших зеркала. К избе примыкала каплица, опечатанная на день описания дворца.

На детинце, кроме дворца, располагались кухня (деревянное здание с печью, камином, избой, пекарней и тремя избенками), прачечная (изба и комора), дом охотников (сени, изба, комора). Хозяйственные здания были представлены конюшенкой, большой конюшней, возовней и маштарней, образующими единый комплекс. Маштарня (с алькежем) служила жильем конюхов, включая несколько изб, сени и кабинет. Большим помещением являлась возовня, в которой хранились старинная богатая карета, обитая бархатом кармазиновым, четыре кареты, коляски, возки, сани, санки.

Посредине детинца располагался скарбец — двухэтажное здание на каменном погребе с галереями. Первый этаж его был построен из бута и валунов, второй — из бруса. К зданию примыкал скарбчик боковой малый, в котором были собраны стеклянная посуда, чаши (старосветская, большая с гербом, итальянская, с гербом князя, маленькая), ложки, ножи, сковороды, топоры и другие предметы хозяйственного назначения. В погребе скарбца в бочках, гарнцах хранились продукты (сливочное масло двухлетней давности, мед, пиво и др.).

Особый интерес представляет описание итальянского парка, весьма большого и композиционно сложного, которое является важным источником для познания садово-паркового искусства не только Брестского региона, но и Беларуси. Описание весьма подробное, но выполненное в форме последовательной характеристики кватер (боскетов) и, к сожалению, не позволяющее представить в целом планировочное построение объекта.

Еще раз подчеркнем, что парк был большим, включал множество кватер. Кватеры, являясь его основными структурными элементами, имели форму прямоугольников. По периметру они были окружены шпалерами, в которых использовались разные растения. Система кватер образовывалась пересечением главной и боковых продольных и поперечных аллей.

Парк располагался за дворцом. Его главная часть, замыкая ось ансамбля, имела симметрично-осевое построение. Был окружен каменной оградой. Вход фиксировался брамой из двух филяров (пилонов). Вдоль оси располагался «проспект», главная парковая магистраль, которая вела к Большому мосту через канал, который пересекал парк. За мостом вход в парк также был оформлен брамой, идентичной первой. С правой стороны ее располагалось здание аптеки с алькежем (сени, изба с печью и камином). Вдоль проспекта парка с левой стороны располагались грот и две беседки.

Первая кватера состояла из восьми секторов, составляющих последовательный ряд, в которых росли старые и молодые яблони, груши (207 деревьев), одиннадцать молодых орехов грецких и семьдесят девять саженцев плодовых растений. Симметрично с другой стороны проспекта имелась кватера вторая, обсаженная самшитом вечнозеленым. Она имела пять секторов, в которых росли восемнадцать груш и яблонь и

один сектор (боковой) со смородиной. Следующей была большая третья кватера, обсаженная самшитом в банты, с фонтаном в центре, вокруг которого на шести валунах стояли статуи. Кватера четвертая располагалась с двух сторон улицы поперечной, была обсажена бирючиной обыкновенной формованной. В ее шести секторах росли привитые молодые яблони и груши. Кватера пятая, «шпалерованная» красной смородиной, а со стороны ограды — итальянским растением из рода 'Biem', именовалось кухонной, в ней выращивались овощные и пряные растения (шпинат, сельдерей и др.). Вдоль канала располагалась кватера шестая, обсаженная бирючиной, в ней росли старые яблони и груши.

Сложнее представить вторую часть парка, устроенную вдоль улицы Подлужной, которая шла от угла дворца со стороны каплицы до канала и, по-видимому, замыкалась брамой. По левой стороне улицы было спланировано две кватеры, обсаженные бирючиной и лавандой. По этой же стороне за улицей Поперечной имелись еще четыре пустующих кватеры. Далее пространство перед каналом занимали шесть кватер, из них две со шпалерами из бирючины, а остальные не имели периферийного оформления и оставались не заполненными растениями.

По другую сторону улицы от угла дворца располагались три угловые кватеры с яблонями и грушами, со шпалерами из клена, а далее за улицей между каналами (видимо, от вышеуказанного поперечного отходил еще один канал) имелись еще четыре кватеры с бирючиновыми шпалерами, служащие садом. В этой правой стороне парка стояло обветшалое здание каменного маленького дворца, возможно, эрмитажа. Рядом имелись две кватеры, обсаженные самшитом по краям и с самшитом в их кабинетах. Видимо, из него был выполнен определенный рисунок. Использование самшита в сложных партерных узорах было обычным явлением в европейских барочных парках. По углам кватер росли ели, видимо, формованные. Кроме того, между каналами на Горке (так именуется эта часть парка) имелись четыре кватеры, обсаженные сиренью обыкновенной, которые служили виноградником (двадцать четыре экземпляра), росло здесь также пять деревьев ореха грецкого.

В парке имелась оранжерея (померенчарня) с двумя печами и двадцатью тремя окнами. Ее растения в летнее время выставляли на партере, охваченном шпалерами из ели.

К парку примыкали строения, вход в которые был со стороны улицы деревни. В их составе были дом садовника, две конюшни, возовня и дом с избой, двумя коморами, сенями, пекарней и оранжереей. Садовником в это время работал Сымон. Его дом включал двое сеней, две избы, кабинет и небольшое помещение типа алькежа, именуемое «горкой», к которому вели ступеньки с поручнями. Возле дома был устроен колодец с журавлем.

В парке по проекту, подготовленному около 1760 г., был заложен фундамент охотничьего дворца (проект хранится в собраниях Национального музея в Варшаве). Радзивиллами планировалось строительство оригинального барочного трехэтажного восьмигранного в плане здания, к граням которого с двух сторон было приставлено по два небольших, но высоких «двухэтажных» крыла, квадратных в плане, соединенных вставками с балюстрадными террасами на уровне первого этажа. Дворец завершался живописным шлемоподобным куполом. Крыши крыльев были двухскатными. Он не был построен, видимо, по причине тяжелой болезни Мартина Радзивилла, которому в это время принадлежали Чернавчицы.

Замок в Чернавчицах, от которого не сохранилось даже следов, можно назвать просто двором магнатов. В первой половине XVIII в., судя по инвентарному описанию, он имел светские черты, которые особенно проявились в величественном для того времени парке с каналами. Особые трудности вызывает датировка закладки парка. Без всякого сомнения можно считать, что он заложен до 1671 г. — года строительства новой резиденции в Турне. Не исключена возможность, что парк, точнее его центральная часть с главной аллеей, хорошо композиционно увязанная с замком, была заложе-

на значительно раньше, в конце XVI — начале XVII в. Н.К.Радзивиллом Сироткой. Он по окончании своего путешествия по Средиземноморью начал новую эпоху в развитии садового искусства в Несвиже, Мире и Чернавчицах. Затем парк продолжал расширяться, о чем говорят пустые, еще не освоенные кватеры. Вне сомнения, что парк в Чернавчицах наиболее ранний и значительный образец эпохи барокко в Беларуси.

Турна

Расположена рядом с Чернавчицами, принадлежала также Радзивиллам. В XVIII в. в Турне жил Мартин Николай Радзивилл (1705—1782), крайчий литовский, известный музыкант, женатый на Марте Требицкой. Их сын — Михаил Героним (1744—1831) — богатейший магнат Речи Посполитой, виленский каштелян (1775) и воевода (1790), в 1771 г. женится на Хелене Пшездецкой, племяннице гетмана М.К.Огинского, и с 1774 г. становится владельцем Неборова. Их сын, внук Мартина и Марты, Антоний Генрих (1775—1833) положил начало «берлинской» линии рода, с 1814 г. являлся ординатом несвижским [722]. Антоний был математиком, композитором и музыкантом. Величие «Фауста» Гете, с которым князь был дружен, воодушевило его на создание либретто одноименной оперы. Своеобразие Фауста олицетворяла личность деда Мартина — «домашнего Фауста», который знал много языков, в том числе древних, владел разными музыкальными инструментами, занимался теологией, экспериментировал в лабораториях, искал «философский камень». Оперу писал 21 год, ее слушала вся Европа.

Михаил Героним Радзивилл. Художник А. Графф. 1785 г.

При жизни тяжело больного Мартина собственником имения стал Михаил Казимир Рыбонька (1702—1762). В виде приданого его дочери Юзефины владение перешло Михаилу Грабовскому герба Топор (? — 1822), последнему конюшему ВКЛ, основавшему в Чернавчицах первую школу. В 1890 г. имение вместе с Видомлей, Ивахновичами, Терпиловичами, Блювиничами принадлежало графу Михаилу Максимилиану Грабовскому (1845 г.р.), женатому на Марии из Святополк-Завадских [546, 596].

Усадьба заложена в 1671 г. В ряде источников именуется как «замок Радзивиллов Тур», возведенный в 1761 г. [734]. Она заняла приподнятую, живописно рассеченную местность на одной оси с костелом св.Троицы и развивалась как новая резиденция, дополняя исторический двор в Чернавчицах. Краткие сведения о ней оставил Ю.Немцевич, посетивший Турну 28 июня 1819 г. Усадебный дом

Хелена Радзивилл. Художник Э.Гебауэр. 1817 г.

Турна. Фрагмент водоема. Фото 2001 г.

в Турне был деревянным, одноэтажным с большим крыльцом на столбах со стороны въезда. Включал несколько комнат и очень большие сени, в которых свободно могла разместиться шестиконная карета. Интерьеры комнат были обставлены сравнительно скромно. На стенах висело всего несколько радзивилловских портретов. За домом располагался парк, заложенный «в давнем вкусе, обширно и превосходно». В соответствии с духом времени он имел регулярную планировку и за свое величие сравнивался с Версалем. За парком тянулся зверинец, в котором паслись лани. С двух сторон большого детинца стояли конюшня, возовня и каменный скарбец. В возовне Ю.Немцевич удивился большой коллекции старых карет [710].

Двор в Турне давно утрачен. Еще прослеживается въездная дорога, высокое место детинца, покрытое зарослями сирени, караганы, белой акации, а внизу, за длинным пологим склоном бывшего парка, лежит водоем, фрагмент водной системы. Вокруг — сады, поля и огороды.

Адам Нарушевич. Художник Матеуш Токарский. 1791 г.

Дубой

Первое упоминание относится к 1498 г., когда конюший Сенько Дмитрович получил от пинской княгини Марьи Семеновой четыре дворища в Дубое [325]. По привилею князя Федора Ивановича Ярославовича, Дубой в 1503 г. становится владением Карповичей. В 1558 г. «Дубоя» указывается в связи с определением границ королевских пущ [520]. В 1566 г. двор Дубой по привилею короля Сигизмунда Августа перешел Семену и Дмитрию Веренич-Стаховским герба Огоньчик [640]. Видимо, у них имение купил Сасинь Иванович [428]. В 1598 г. имением владел Ян Попов, затем — Огинские, Радзивиллы [706]. В 1635 или в 1638 г. Альбрехт Радзивилл, канцлер великий литовский, староста пинский, владелец Альбрехтова, подарил имение с монастырем пинским иезуитам. Князь был преданным католиком, не признавал иноверцев, основал костел в Алыке, иезуитский коллегиум с костелом в формах позднего ренессанса и барокко в Пинске. Во время обучения в коллегиуме в орден иезуитов вступает в 1748 г. Адам Нарушевич (1733—1796) и некоторое время живет в их дубойской резиденции. Адам — известный историк (автор многотомной «Истории польского народа»), поэт, просветитель, утверждающий, что человеческий разум — главный двигатель исторических процессов.

После ликвидации иезуитского ордена (1773) Дубой купили Куженецкие герба Куженец. Первым владельцем был, видимо, Юзеф, маршалок Пинского повета. Представители этого рода владели имением около столетия. Среди них наиболее известен

Дубой. Дворец. Парадный фасад. Фото 1938 г.

Игнатий, каштелян витебский, посол на сейм в 1775 г., кавалер ордена св. Станислава, депутат от местной шляхты на коронацию Павла I в 1797 г. Был женат на богатой вдове Барбаре с Яблоновских, владевшей после смерти мужа Антония Островского, полковника, Дрогичинским графством, включающим имение Дрогичин, фольварки Соха, Ровины, Островичи [251]. Их дочь Клотильда в 1811 г. на месте бывшего монастыря фундовала строительство церкви Рождества Богородицы в формах классицизма. Здание, состоящее из центрического восьмигранного основного объема, прямоугольных в плане апсиды и притвора, с более поздней росписью, выполненной в технике гризайль, дошло до наших дней.

Затем владельцы имения также часто менялись. В 1870 г. «С высочайшего соизволения в виде награждения за службу по купчей крепости» оно перешло Платону Спасскому, действительному статскому советнику [547]. Земельные угодья имения этого периода составляли 6817 десятин. Имелись винокуренный и кирпичные заводы, воловая мельница. По купчей крепости 1885 г. имение от статского советника Андрея Андреевича Спиридонова переходит к купцу, промышленнику из Варшавы Ивану Карлу Шленкеру. Кроме того, Иван Карл владел имениями и заводами на Украине. В 1904 г. по духовному завещанию Дубой становится собственностью его дочери Марии Анны Выдджины [35]. После первой мировой войны Мария подарила усадьбу и 100 га земли сельскохозяйственной школе с рыбным хозяйством. Школа носила имя рано ушедшей из жизни ее дочери Янины и просуществовала до 1939 г. [596]. Мария была последней владелицей имения и в 1928 г. провела его землеустройство [10]. Предвоенным директором школы был Р. Прусский. В 1980 г. он посетил усадьбу [633].

Усадьба заложена на несколько пониженной местности еще при иезуитах. Представление о ней дает «Инвентарь имѣнія Дубоя, съ фольварками Бродница и Огово, Пинскаго повѣта, пинскихъ іезуитов» за 1773 г., составленный экономом имения Казимиром Блоцким. Люстраторами являлись Михаил Героним Радзивилл, Юзеф Куженецкий, маршалок Пинского повета, и Теодор Родзевич, регент земский и ротмистр пинский [251]. По общему планировочному решению двор в Дубое имел больше ренессансный облик. Центральное положение занимал детинец, охваченный оградой с брамой, на котором располагались многочисленные хозяйственные и служебные сооружения. Вход фиксировался симметрично расположенными зданиями с тесаного бруса, крытых дранкой. Одно из них имело избу с коморой и печь кафельную. На детинце, похоже, без особой системы располагались кузница с горном, четыре навеса на шести столбах, ледник, два погреба, одрина с круглого бревна, конюшня с навесом, две возовни, кухня на каменном фундаменте, избы с коморами и др.

Особого внимания заслуживал спихлер — сооружение оригинальной конструкции: трехэтажное, с круговой галереей, построенное на каменном погребе с двумя окнами с решетками, накрытое шатровой крышей. На первом и втором этажах имелось по восемь жилых комнат, коридору и по два помещения для хранения зерна. Третий этаж без потолка занимал большой зал с двумя дверями, на который вела лестница. Описанный детинец представлял собой хорошо обособленный хозяйственный двор ренессансной усадьбы.

Парадную часть усадьбы, расположенную на одной оси с детинцем, составлял «мур» (каменный дом) и «огрод влоский», которые имели ограду с брамой с воротами на бегунках. Весьма краткое описание усадебного дома позволяет считать, что это был тот дом, который известен по рисунку Н. Орды после проведенной реконструкции при Куженецких, когда вся усадьба перестраивалась.

В инвентаре указываются «ганки» с избами. Они стали двухуровневыми башня-

ми, показанными Н. Ордой, симметрично располагались по углам здания. Первая из них включала избу с тремя окошками и кафельной печью, комору и избу-скарбец. Во второй башне имелись также две избы. Изба горная (верхняя) именовалась «Salek». Дом имел мансардный этаж с четырнадцатью окнами в оловянной оправе и стоял на больших каменных подвалах.

Дубой. Дворец. Парковый фасад. Фото 1938 г.

Рядом с домом стояла каплица на каменном склепе; имела алтари св. Андрея и св. Игнатия. От нее дорожка через мост вела к винокурне. Возле нее имелись солодовня, баня, ледник. Дальше за винокурней размещались хозяйственные сооружения: воловня с круглого дерева, два хлева, два навеса, сеновал (одрина). Над каналом стояли три сооружения, крытые тростником.

Согласно инвентарному описанию, усадьба имела парк. Он примыкал к детинцу, начинаясь от бокового фасада дома. Был огорожен со стороны дома штакетником, а со стороны болота — плетнем. Парк представлял собой «кватеры между каналами копанными». В одних из них росли плодовые деревья, другие были засеяны яровыми культурами, третьи еще пустовали. В парке отмечается один квадратный водоем, в который впадал канал. Второй канал отводил воду из водоема в Пину. В усадьбе имелось восемь овощных огородов. Один из них назывался пасечным. Всего на усадьбе и в лесу числилось восемьдесят четыре улья.

ДУБОЙ

1. *Усадебный дом*
2. *Каплица*
3. *Военное кладбище*
4. *Въездная брама*

Каплица в Дубое. Фото 1999 г.

Кроме отмеченных многочисленных сооружений хозяйственного назначения, во дворе имелся фольварк, крупный хозяйственный комплекс с хорошо выраженным зонированием на усадьбу с домом администратора и гумнище. Дом администратора, крытый дранкой, включал сени, избу с двумя коморами, пекарню с коморой, кафельные печи и две пекарни с простыми кирпичными печами. К дому были ориентированы варивня, «млечник» с сырницей — двухэтажное сооружение, и так называемые хлевки для птиц. За оградой с брамкой, на гумнище, располагались навес с возовней, гумно с четырьмя коморами, гумно, навес, одрина для снопов и сена, двухэтажный спихлер из бруса с крыльцом.

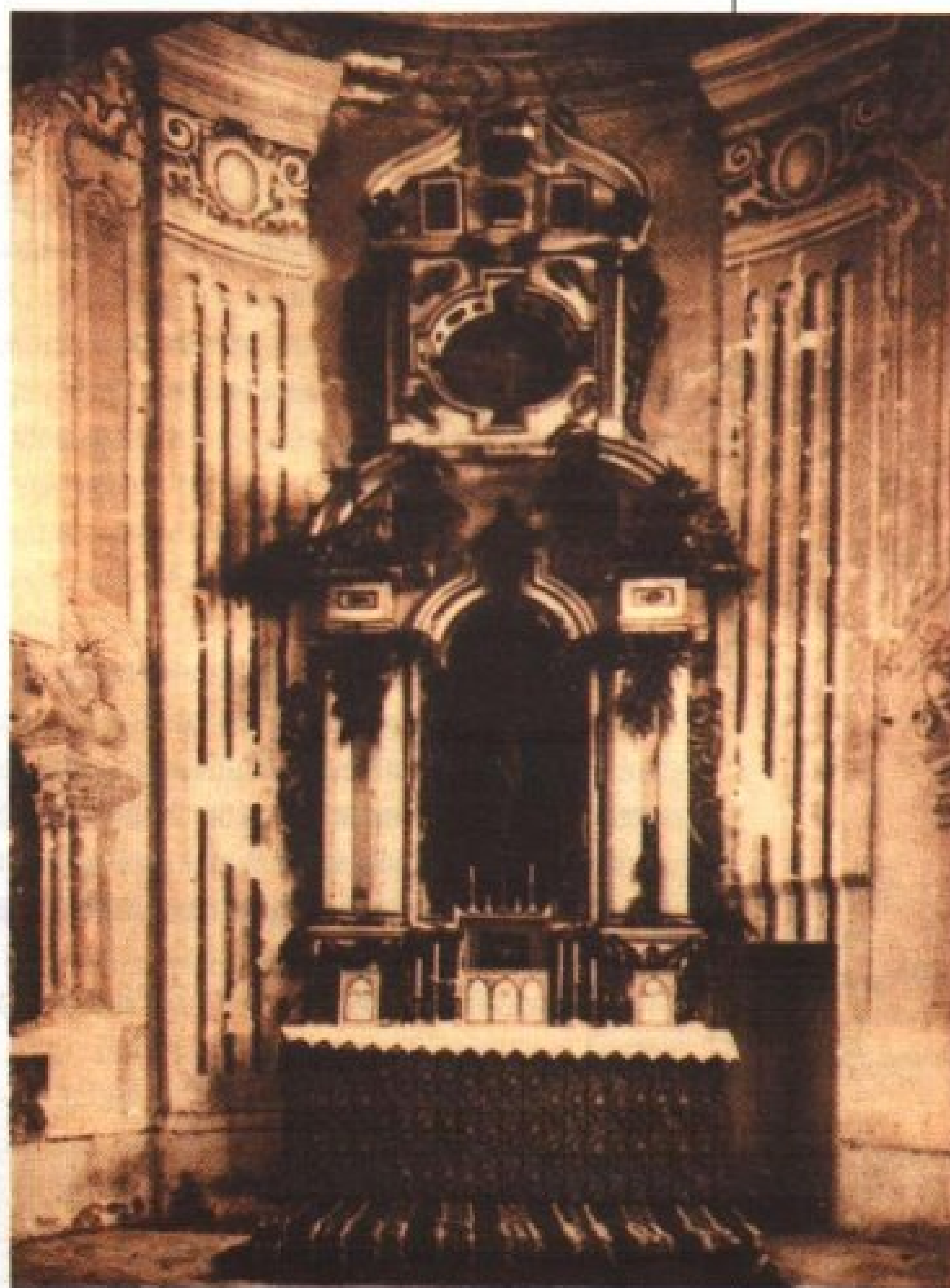
Наиболее оригинальным сооружением гумнища была обора, имеющая в плане квадрат, по периметру которого располагались одрина, девять хлевов, два хлевка и две конюшни. Центральное положение занимал внутренний двор с колодцем.

Такой сложный комплекс, сочетающий парадный двор с каменным усадебным домом, дворовой каплицей, регулярным парком и с выраженной утилитарной направленностью после 1773 г. становится собственностью Куженецких, два поколения которых превращают его в блистательную резиденцию, которая отражена на акварели Н.Орды второй половины XIX в. В 1784 г. в усадьбе останавливался Август Понятовский, проезжавший здесь по причине открытия Королевского (ныне Днепровско-Бугского) канала. На приеме короля дочь Игнатия исполнила арию «За здоровье его величества короля» [574].

Усадьба Куженецких включала дворец, каплицу, парк (схема). Славилась теплицами и оранжереей [734]. Дворцом становится несколько перестроенный прежний «мур» (проект Александра Коттека)[694]. Здание с мансардным этажом на высоких сводчатых подвалах было каменным одноэтажным. Главный фасад украшал четырехколонный портик с террасой. Парковый фасад имел граненый ризалит и портик с двумя парами колонн. С двух сторон здание фланкировали две четырехгранные двухъярусные башни-алькежи с шатровыми крышами. Центральная часть паркового фасада здания имела граненый ризалит с крыльцом на двух парах колонн. В доме имелось 16 помещений, среди которых выделялся большой зал, стены которого покрывали фрески, имелся дубовый паркет и круглые белые кафельные печи, увенчанные широким поясом с растительным орнаментом и профилированным карнизом.

Дворец являлся композиционным центром необычного парка. Польский историк В.Броневский [285], посетивший Дубой в 1810 г., писал: «Помещичий сад есть что-то небывалое в Польше и, особенно в моих глазах, привыкших к мертвой единообразной здешней природе. Он построен по образцам славного Ленотра с прудами, фонтанами, цветниками и стрижеными аллеями...». Парк имеет симметрично-осевое решение, но композиционная ось, в отличие от других парков этого периода, короткая и в плане он не прямоугольный, как обычно, а имеет форму квадрата. Ось ориентирована в направлении запад—восток, объединяя въездную аллею, партер, дворец и круглый пруд. Парковая композиция строится относительно дворца, расположенного в центре

усадьбы. Плотная аллея из вечнозеленых видов (ель обыкновенная и пихта белая) ведет к въезду, фиксированному двумя высокими (4,5 м), рустованными пилонами с шарами в завершении. От аллеи сохранилось только две пихты и четыре ели. С двух сторон, на удалении, симметрично браме растут дубы с шатровидными кронами. С левой стороны стояло небольшое здание кордегардии, его фасад украшал заглубленный портик на 2 колоннах. Колоннами был декорирован также фасад конюшни выездных лошадей, которая стояла по правой стороне. Напротив, фасадом на юг, была ориентирована оранжерея.



Интерьер каплицы в Дубое. Фото после 1920 г.

С въездной аллеи открывался большой партер с овальным кругом в центре. Ось перспективы перед зданием была подчеркнута двумя лиственницами европейскими. Парковый партер несколько занижен. За ним, в глубине парка, по оси композиции росла старейшая в Беларуси сосна веймутова, видимо, современница дворца. Завершается ось водоемом округлой формы диаметром до 30 м с фонтаном в центре. Кулисами перспективы служили грабовые группы (по три дерева каждая); перед фасадом здания симметрично было высажено по лиственнице. В настоящее время между дворцом и круглым водоемом развился сплошной ольс грабовый сомкнутостью до 95% без напочвенного покрова.

С южной стороны дворца, в углу парка, под кронами старых кленов и конских каштанов уединенно стоит каплица, построенная в барочных формах, где покоились владельцы. Сооружение небольшое, восьмигранное, со шлемовидным завершением и граненым фонарем, квадратными в плане притвором и апсидой. Декорировано угловыми пилястрами, фризом и многослойным карнизом. Интерьер был оформлен с использованием лепнины, витражей и фресковой росписи. Отреставрирована в 1920 г. В последнее время служила костелом Святого Креста. Сейчас в запустении. Небольшой храм стал акцентом картины Юзефа Панкевича «Парк в Дубое» (1897, хранится в Национальном Музее в Варшаве).

В более позднее время территория вокруг партеров оформляется в пейзажном стиле. В небольших группах использовались клен, липа и редкие растения: сосна веймутова, ясень обыкновенный 'Pendula', конский каштан обыкновенный, белая акация. Сохранились две тсуги. Растут около парадного входа (высота 13—14 м). Всего в парке произрастает 20 видов древесных растений.

Основу композиции парка составляет оригинальная водная система. Имеет строго симметричное решение и состоит из прямолинейных каналов, четырех водоемов в виде прямоугольников и центрального круглого водоема. Парк окружает периферийный канал. Два больших и четыре коротких поперечных канала разделяют парк на шесть боскетов, расположенных симметрично по отношению к основной оси. Через каналы были переброшены выгнутые дугой деревянные мостики, на островах (в боскетах) росли фруктовые деревья. Прошло более 200 лет со времени строительства парка, но берега водоемов сохранили прямолинейность, четкость конфигурации. В последнее время водоемы значительно обмелели, берега сплошь поросли деревьями, кус-

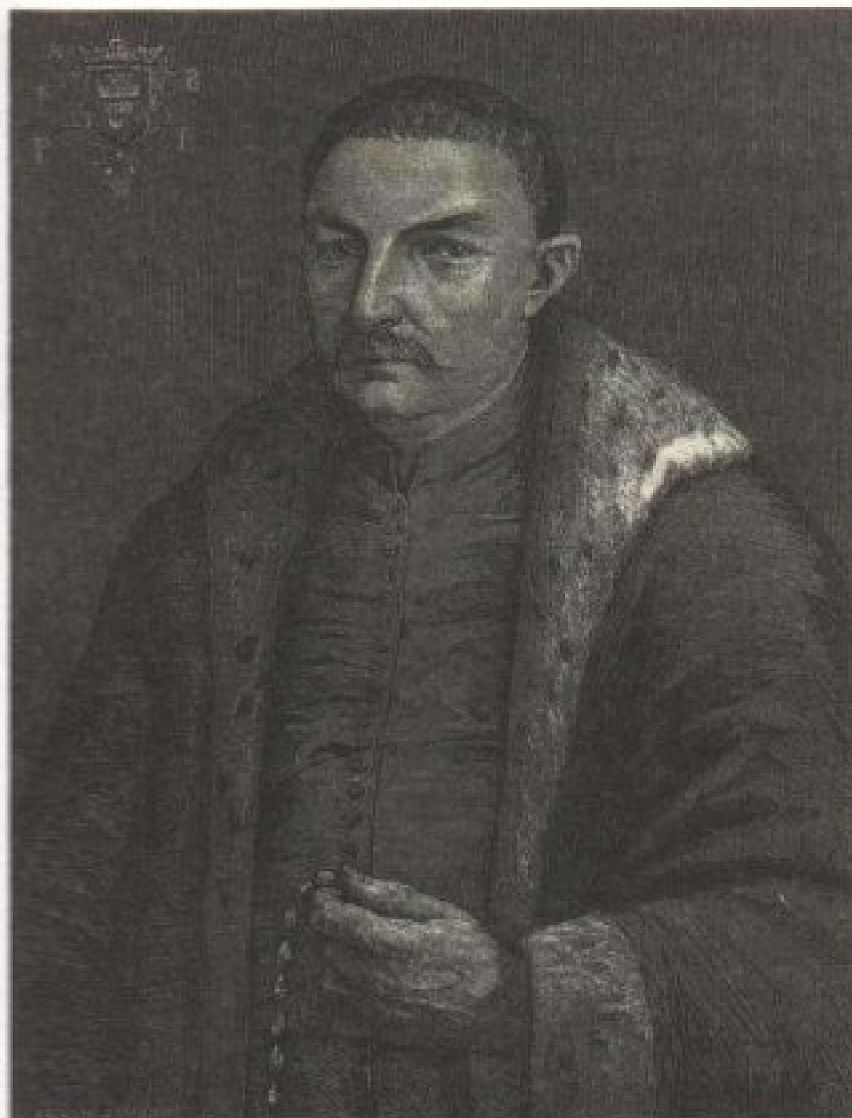
тарниками, но в целом вся система еще достаточно выражена и может быть восстановлена. Система питается водой родника, находящегося за пределами парка. Избыток воды через дополнительные каналы спускался в пруды за усадьбой. На юго-восточном углу парка расположен большой переполненный водой первый пруд. Он является частью большой системы прудов, которые сформированы в пойме и тянутся (около 600 м) вдоль тополиной аллеи, которая ведет, как и в далекие времена, к парому на р. Пина.

Кроме центральной въездной аллеи, парк имел еще две боковые, оформленные елью, ясенем и расположенные перпендикулярно основной оси с северной и южной сторон. Северная аллея проходила через небольшой еловый массив, который не сохранился, а участок, в связи с нарушением водной системы, оказался избыточно увлажненным. На месте ельника сформировался ольс ясенево-разнотравный в возрасте более 60 лет. По периметру ольса сохранились одиночные, лучшие в республике деревья пихты белой и ее незначительный самосев.

Композиция парка хорошо выражена, имеет качественный древостой. Кроме каплицы сохранились флигель (жилой дом профессоров сельскохозяйственной школы), домики бывшей молочной, сторожа, мастерской по выделке овчин. При школе имелся хоздвор, где разводили каракулевых овец, белых английских свиней, держали пчел [78]. В одном из боскетов в виде маленького (20x20 м) прямоугольника, охваченного каналами, расположены захоронения немецких и российских солдат времен войны 1914 г. Плотными рядами установлены скромные надгробия из бетона, местами обвиваемые барвинком.

Усадьба разрушается под воздействием частной застройки. Принадлежит рыбхозу.

Дубой. Фрагмент водоема. Фото 1999 г.



Малые Сехновичи

Сельцо Сехновичи известно с середины XV в. как владение Тышко Кираневского. В 1458 г. Казимир Ягеллончик наделил Сехновичами Теодора (Федора) Костюшко [607]. К этому владению великий князь добавил еще деревни Леневичи и Ступичево. С этого времени потомки Федора начали использовать придомки Сехновичские в отличие от других ветвей рода на Волыни и в Киевском воеводстве [615]. Федор (Костюшко Федорович) является первым известным представителем белорусской ветви старинного шляхетского рода герба Рох III. Умер до 1509 г. От него Сехновичи перешли сыну Константину [344]. Род берет начало с первой четверти XV в. от великого князя Витовта [432]

Амброзий Костюшко. Из собрания Марии Вислоцкой

Разветвленная родословная Костюшко была составлена в 1894 г. Тадеушем Корзоном, который по возвращении из ссылки переехал в 1869 г. из Минска в Варшаву [604]. В белорусской литературе родословная впервые представлена А. Глебовичем [315]. Согласно ему, первым владельцем Сехновичей (1509) был не Федор, а Константин, сын Федора Костюшко, дьяк (1509), боярин каменецкий (1528), судья и городничий каменецкий (умер до 1561). Его именем начал именоваться род. Право на имение было подтверждено привилеем Сигизмунда I Старого, написанным в Вильно на пергаменте в 1509 г. за подписью Горностая. Константин был женат на княжне Анне Ольшанской. У них было двенадцать дочерей и двое сыновей. Сыновья Иван (1530—1571) и Федор (1540—1622) положили начало двум ветвям Костюшко-Сехновичских: Ивановичей и Федоровичей. Отметим, однако, что Костюшко-Федоровичи в одном из документов Метрики ВКЛ упоминаются значительно раньше — в 1511 г. Степанский Костюшко Федорович являлся боярином имения Городец [433].

В 1561 г. братья после смерти отца Константина поделили Сехновичи. Согласно этому разделу обособились два имения с соответствующими названиями: Ивановщизна и Федоровщизна [676]. В 1620 г. произошло второе перераспределение земель, что привело к обособлению Малых и Больших Сехновичей [279]. Малыми Сехновичами владели Костюшко-Федоровичи (млад-

Барбара Костюшко. Из собрания Марии Вислоцкой

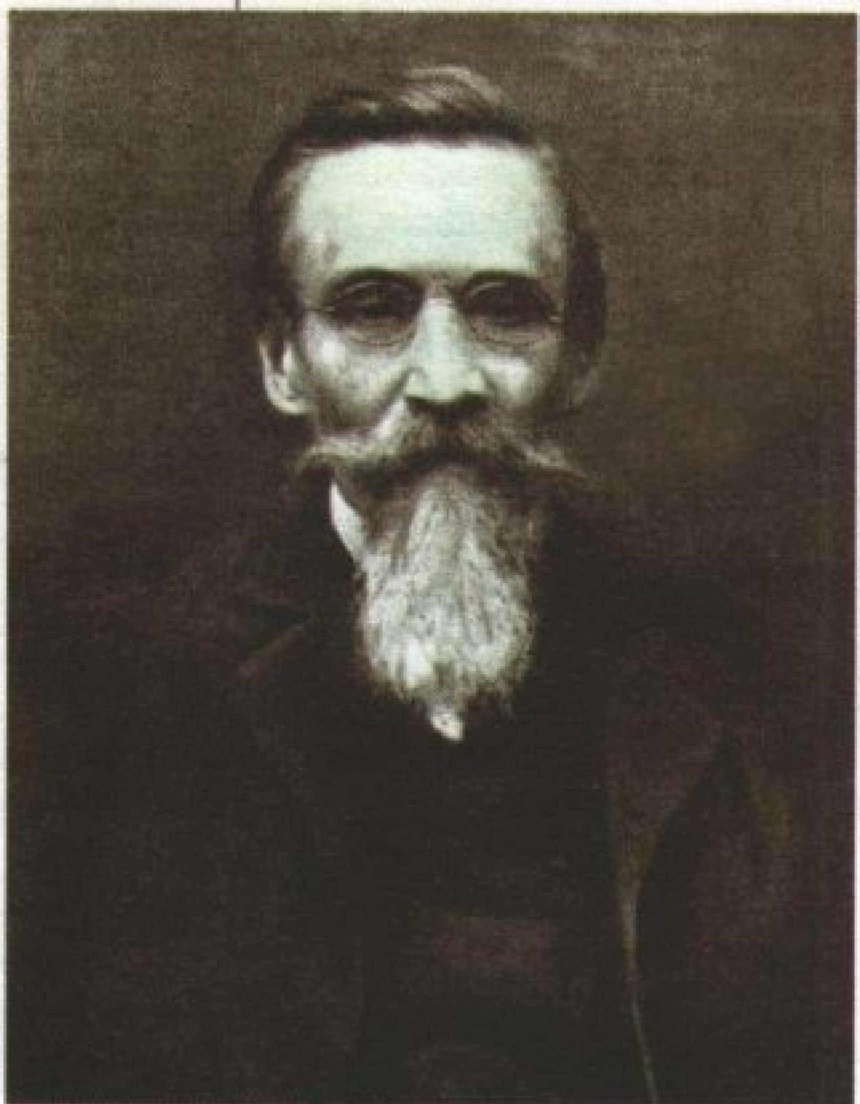
Текля Костюшко (из Ратомских)

шая ветвь). Наиболее известными представителями этой ветви были: Ян (1600—1647), в шестом поколении его сын, Александр Ян (1629—1711), подсудок брестский, судья (1697), посол сейма, участник выборов короля Яна III. Александр имел шестерых сыновей и троих дочерей. Из них Августин (1664—около 1722), женатый на Софье Вольской, был судьей гродским трокским; Амброзий (1667—1721), женатый на Барбаре (из Глевских), был писарем земским, брестским, подчашием, войтом кобринским, городецким; Фаустин (1672—1755), женатый на Виктории (из Грабовских), был подстолием, стражником брестским, хорунжим киевским; Франтишек (1675—до 1722), женатый на Терезе Грабовской, был скарбником волковысским [676]. Имя Амброзия, деда Тадеуша Костюшко, связано с событиями Северной войны. Он являлся в 1706 г. комиссаром по сбору денег с Берестейского воеводства для содержания наемного войска, привлеченного с Саксонии королем Августом II. В борьбе с политической оппозицией брался за саблю. На одном из сеймиков поранил голову Людвига Патея, будущего великого гетмана ВКЛ [279]. В восьмом поколении имел известность сын Амброзия Людвиг Тадеуш (1700—1757), полковник войска ВКЛ, женатый на Текле Ратомской (?—1768).

Из Костюшко-Ивановичей — Павел Костюшко, гродский писарь, ловчий, женатый на Цецилии из Вретов, известен по фундушевой записи 1727 г. на церковь, которую выполнил с «желанием улучшить и обновить, построенный в Сехновичах его предками храм во имя св. Николая Чудотворца, чтобы в нем совершались святые таинства и по древнему обычаю приносились Богу жертвы». Фундуш составлял дом, постройки со всеми землями, лесами и сенокосами, воск и вино на богослужение [237].

Обращаясь к разным поколениям рода Костюшко, следует заметить, что они не занимали высоких государственных должностей, охотно занимались хозяйствованием, но не выделялись зажиточностью. Достоинством рода было благородство. По утверждению Т.С.Корзона [237], одного из биографов Тадеуша Костюшко, никто из его предков «не предал, не принял сторону врага, не показал ему спину во время битвы».

Материальные трудности испытывал владелец имения Малые Сехновичи Людвиг Костюшко. Обеднелое от постоянных войн и разделов имение пришлось 18 марта 1729 г. продать за 23 тысячи злотых и взять под залог фольварк Сапег Меречевщину под Коссовом с надеждой со временем вернуть Сехновичи. В 1733 г. Людвиг становится мечником брестским, в 1740 г. он как депутат Трибунала Ли-



Тадеуш Корзон

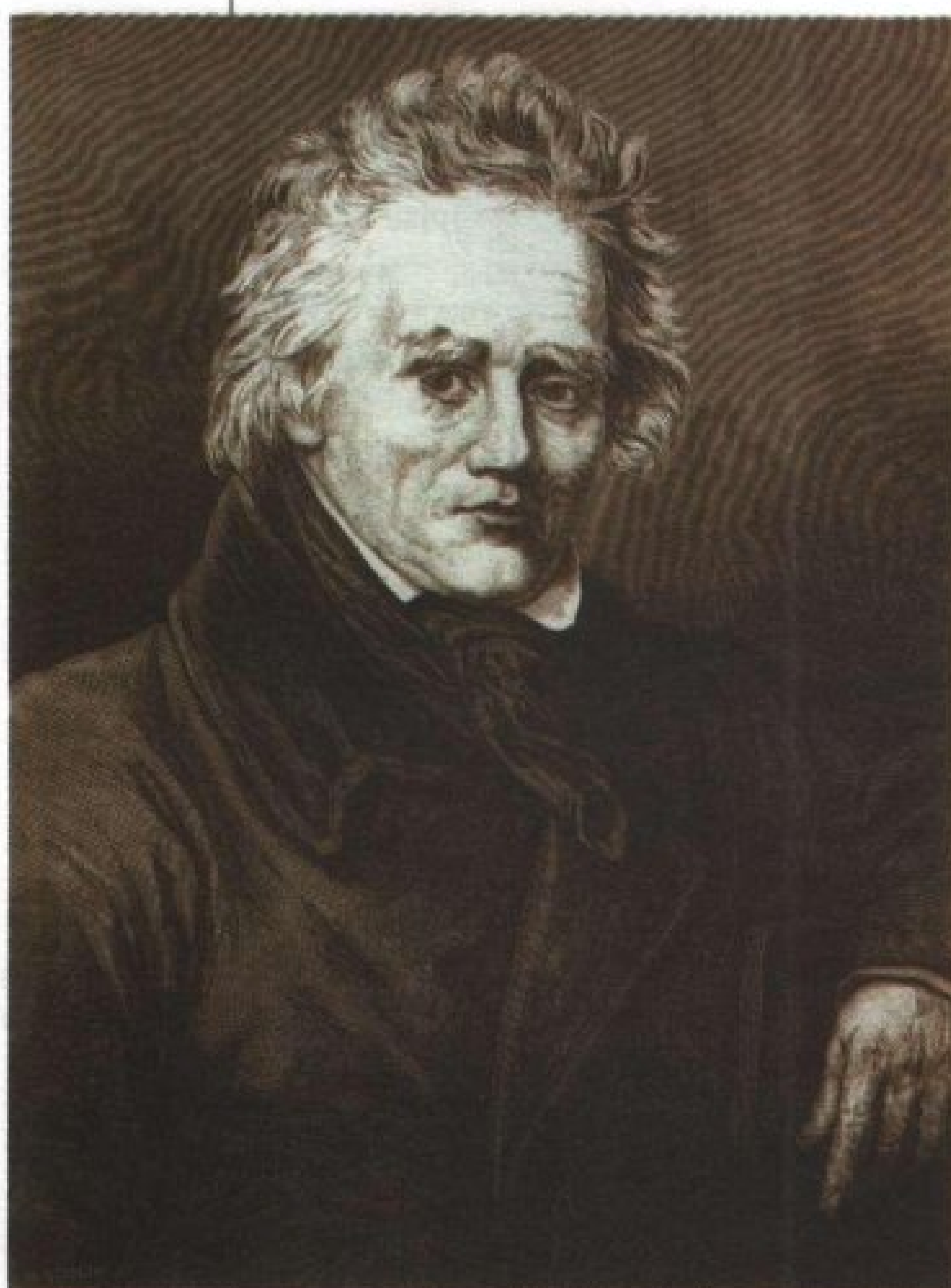
товского получает право заседать судьей в наивысшей магистратуре края [676].

После переезда Людвига в Меречевщину владеть Сехновичами стали родной дядя — Фаустин Бенедикт, а затем — Давид Костюшко, подчаший пинский. В 1755 г. Людвиг откупает имение у Давида и сдает его под залог. После его смерти жена Текля в 1758 г. вернула имение и смогла вернуться с семьей в Сехновичи, которые стали собственностью прямых наследников — сыновей Юзефа и Тадеуша [676].

Костюшко жили в доме, построенном Александром Яном в первой четверти XVIII в. Дом внешне был похож на здание в Меречевщине. Известен по Инвентарю 1768 г., опубликованному Зигмунтом Глогером [632], также по рисунку 1880 г. в журнале «Tygodnik illustrowany» [678]. Здание деревянное, одноэтажное, прямоугольное в плане, с высокой ломаной соломенной крышей. Небольшие прямоугольной формы окна в свинцовой оправе были обрамлены простыми наличниками и имели одинарные ставни. На главном фасаде имелось крыльцо с двухскатной крышей на четырех столбах. Дом состоял из сеней, большого зала и пяти комнат. В инвентаре приводится описание его интерьеров. Потолки и полы помещений были изготовлены из теса. Обогревались они белыми и зелеными кафельными печами с железной окантовкой. В доме хранился архив, тщательно собираемый семьей Костюшко разных поколений, вывезенный затем Марией Эстко Вислоцкой в имение мужа в Лыщицы.

С правой стороны дома стояла официна, крытая гонтовой крышей. Она имела большие просторные сени с кухней, основу стен которой составляли 4 столба с плетнем, обмазанных с двух сторон глиной. Возле кухни располагалась изба с четырьмя окнами, с зеленой кафельной печью и двумя каминами, а дальше находились еще две

Малые Сехновичи. Усадебный дом. Рисунок Ф.Бжозовского. Около 1880 г.



Тадеуш Костюшко. Портрет с натуры. Художник А. Регульский 1817 г. Собрание К.Островской

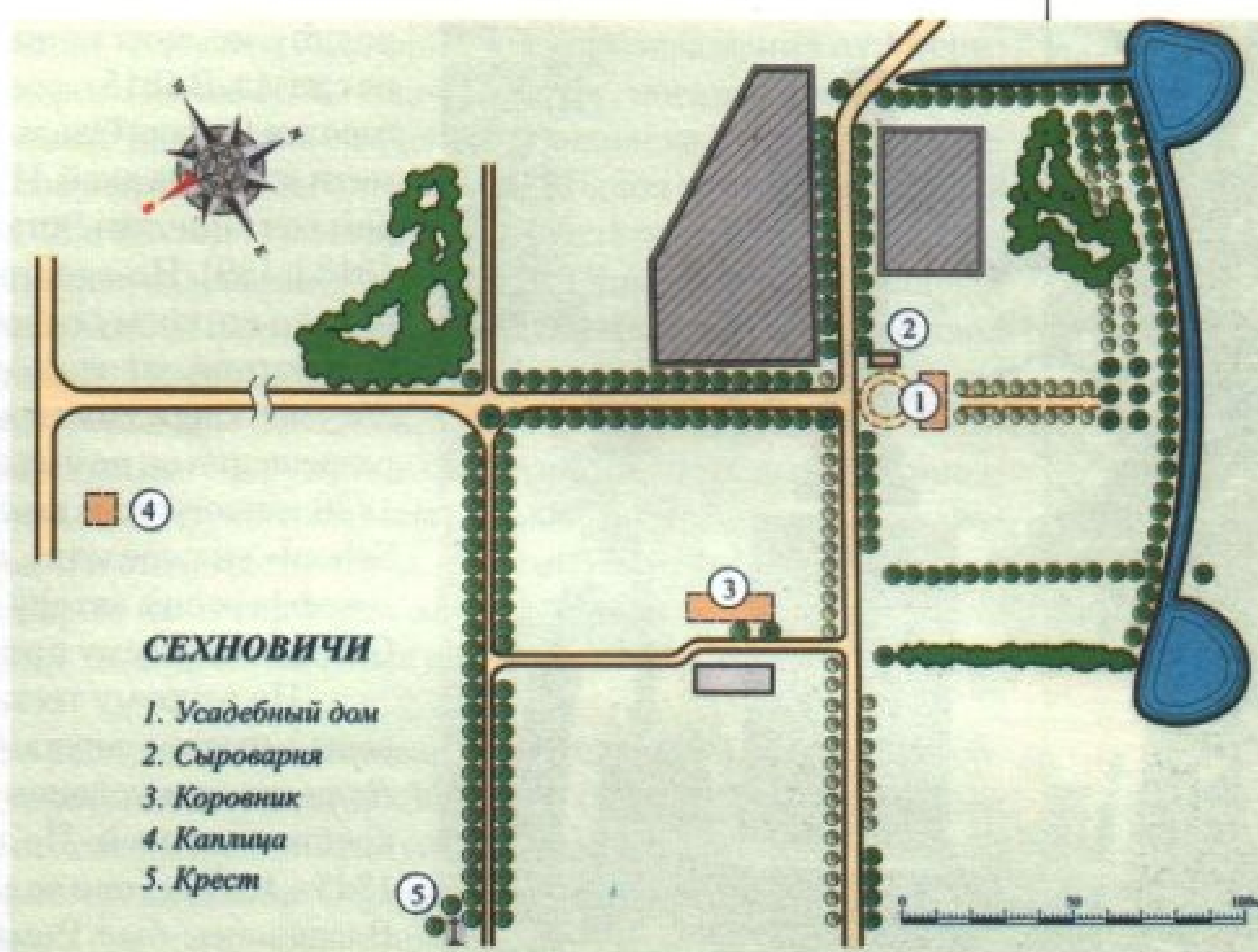
коморы и пекарня. К дому вела длинная аллея, в начале которой стояла каплица, построенная Александром Яном до 1722 г. Кроме дома, официны и каплицы двор включал фольварк с многочисленными хозяйственными постройками: спихлер, амбар, хлевы, сырничек, бровар, солодовня, возовня, 2 конюшни (плетенная из хвороста и деревянная), сарай с током, колодец и др. Усадьба имела ограду из штакетника, а с тыльной стороны — из жердей. Въезд фиксировался брамой на трех столбах, крытой гонтом, с воротами из теса на полозьях. Имелся также «ogrod», скорее овощной огород, поскольку был обнесен жердями и плетнем. Парком служил, видимо, лесок за огородом, в котором имелось два пруда.

В 1768 г. Костюшко приобретают Давидовщизну, фольварк и деревню из 13 домов. В этом же году не стало Текли Костюшко. Тадеуш продолжал учебу в Рыцарской школе (кадетском корпусе) в Варшаве, весьма престижном заведении того времени, которое закончил в 1769 г. и был оставлен при нем офицером. Молодой способный офицер был замечен королем Станиславом Августом Понятовским и представлен как стипендиат к дальнейшему обучению за границей. Тадеуш владел немецким и французским языками, хорошо знал античную историю. За хитрость и упорство, подобно Карлу XII, дисциплинированность и почти спартанский образ жизни ровесники называли его «шведом»[582].

Последующие этапы истории имения, которым продолжали владеть Тадеуш и его старший брат Юзеф (1743—1789), обозный брестский, не были простыми. Имение включало фольварки: Малые Сехновичи, Сехновичи-Давидовщизна и Сехновичи-Жулковщизна. По данным [596], владельцем Малых Сехновичей был Тадеуш. По другим данным, ему принадлежал фольварк Давидовщизна, который в первой четверти XIX в. слился с Сехновичами. С Юзефом Тадеуш не ладил и жил больше у родственников в Славинке, под Люблином. Находясь в затруднительном материальном положении, он становится домашним учителем рисования у Юзефа Сосновского, смоленского воеводы, а затем с 1775 г. гетмана польного ВКЛ, который составил Тадеушу протекцию при поступлении в 1765 г. в Варшавский кадетский корпус. Между старшей дочерью Людвигой и учителем, который был старше ее на двадцать семь лет, возникли глубокие взаимные чувства, однако брак не состоялся, тайное венчание сорвалось. Людвигу, которая навсегда сохранила идеальную любовь к Тадеушу и позже переписывалась с ним, забрали из монастыря и насильно выдали замуж за сына киевского воеводы князя Любомирского.

Тадеуш, охваченный бурей чувств и мыслей, огорченный разделом Речи Посполитой, не имея места для службы, осенью 1775 г. эмигрирует во Францию, а летом 1776 г. — в Северную Америку, передав владения старшей сестре Анне Барбаре (1741—1814), с которой он был в особо дружеских отношениях; в 1762 г. она стала женой Петра Эстко (1729—1787), стольника смоленского, воеводы брестского. Трое их сыновей стали военными: майор Станислав (1763—1820), капитан-легионер Тадеуш (1770—1812) и наиболее известный Сыкстус (1776—1813), генерал бригады.

В 1784 г. Тадеуш Костюшко, добровольный участник войны за независимость североамериканских штатов (1776—1783), которому американский Конгресс присвоил звание генерала бригады, награжденный самым высоким боевым орденом Цинцинната, земельным наделом и пожизненной пенсией, вернулся на родину. В Сехновичах его радостно встретили родные и соседи. Однако армейской службы сорокалетнему генералу не нашлось, и ему пришлось заниматься делами имения. Брат Юзеф из-за долгов в 1779 г. потерял Сехновичи-Жулковщизну. Оно стало собственностью мужа сестры Катерины (1744—1789). Давидовщизна благодаря Петру Эстко, мужу сестры Анны, находилась в неплохом состоянии. Петр не только сумел вытянуть имение с долгов, но даже погасил часть долгов Тадеуша, сделанных перед поездкой в Америку. Вернувшийся владелец сократил барщину для мужчин до двух дней в неделю, а женщин совсем от нее освободил, хотя доход от хозяйства составлял всего 992 злотых, а деньги выплаченные Штатами по 1 января 1789 г. затерялись, долги не были ликвидированы. Это было время в его жизни, называемое «идиллией» или «селянкой» (1785—1789). Американский генерал посещает соседние имения, поддерживает широкий круг знакомств: князь Чарторыйский (Большие Сехновичи), Неселовские (Ворончa), Верещако (Тугановичи), Сапеги и др. В 1789 г. Тадеуш получил наконец место генерал-майора коронного войска не без помощи Людвиги Сосновской, которая через влиятельных знакомых обращалась с просьбой к королю, и, приняв 1 февраля 1790 г. бригаду, навсегда оставил родные Сехновичи. Имение передал Анне [343].



В 1794 г. он возглавил вспыхнувшее в Кракове восстание и был объявлен наивысшим и единственным начальником вооруженных сил. Постоянно обращался к народу, стараясь пробудить в нем сознательную активность, укрепить веру в победу. Восприняв учение французских философов и писателей, а также прогрессивных американских деятелей, разработал самостоятельную государственно-правовую концепцию политического и общественного развития Речи Посполитой, ратуя за раскрепощение крестьян. Формой государственного правления считал республику, землевладение по-прежнему помещичьим, но при условии вольного найма рабочей силы.

Тадеуш Костюшко, по словам Михаила Клеофаса Огинского, «пользовался большим уважением всей Европы, был грозой для врагов и божеством для народа; возвышенный до положения Начальника, не знал другой чести, как служить Отчизне и бороться за нее, всегда скромен в поведении ..., ходил в сюртуке с простого серого сукна и питался так, как обычный офицер» [582]. Однако осуществить планы на деле не удалось. Раненный и плененный под Матиевицами Тадеуш становится узником Петропавловской крепости. Благодаря милости Павла I 19 декабря 1796 г. вместе с Юлианом Немцевичем он оставляет Петербург с намерением выехать в Америку.

После 1812 г. при императоре Александре, с которым встречался лично, обменивался письмами, просил его об амнистии участникам восстания, он мог вернуться на

Кобрин. Католическое кладбище. Захоронения Костюшко. Фото 1999 г.

родину, но, зная ее подневольное состояние, этого не сделал. В 1815 г. осел в небольшом швейцарском городке Салюр. Однако Сехновичи оставались в памяти до конца дней. Имение этого времени, в котором хозяйничали Эстко, известно по Инвентарю за 1813 г. [39]. Незадолго до смерти написал завещание, по которому освобождал крестьян имения от крепостной зависимости. Племянники оспорили документ перед императором Александром I и с его разрешения он не имел силы. В США (в Неварке) в 1826 г. построили школу для негров («Kosciusko-School») на средства, которые он завещал Томасу Джефферсону, автору Декларации независимости США и будущему президенту [462].

По второму тестаменту от 1817 г. Тадеуш завещал имение внукам сестры Анны — Роману и Людвиге при условии освобождения и наделения крестьян землей. По инвентарному описанию за 1845—1847 гг., оно включало 551 морг земли [215]. Владельцем был Роман Фадей Эстко (1803 г.р.), внук Анны, один из сыновей Тадеуша (1770—1812), губернский секретарь. Во второй половине XIX в. Сехновичи перешли роду Булгаков как приданое Казимиры из Эстко, дочери Романа. В 1890 г. владел имением, видимо, ее сын Александр Булгак [546]. Вторая дочь Романа — Мария Вислоцкая жила в Лыщицах, в имении мужа. Последним владельцем Сехновичей был В.Домбровский. Его небольшой дом стоял на месте пересечения въездных аллей. На католическом кладбище в Кобрине покоятся Станислав Костюшко (1848—1889), брат Антонины Траугутт, представитель старшей линии рода и его сын Мирослав, ушедший из жизни в 1914 г. в возрасте 26 лет [689].

Несмотря на время, войны, пожары, старинная усадьба сохранила общие черты регулярной планировки (схема). Она расположена на ровной террасе небольшого ручья с местным названием Канальчик. Выражена главная композиционная ось — весьма вытянутая, напоминающая о времени барокко. Ориентирована примерно в направлении юг—север. На оси расположена старая въездная дорога. Въезд шел со стороны Больших Сехновичей, которые принадлежали Костюшко другой линии, затем Чарторыйским и другим владельцам. Около этой дороги, после поворота в усадьбу, стояла каплица, упоминаемая уже нами и известная по Инвентарю 1772 г., составленному Фаустином Бенедиктом с титулом: «Описание каплицы сехновичской, фундации пана Александра Яна Костюшко Сехновичского ...». Инвентарь ее хранился у Кароля Вислоцкого в Лыщицах, а затем в 1888 г. был опубликован Зигмунтом Глогером в журнале «Kłosy» [546]. Каплица была деревянной, стояла на каменном склепе, в котором покоились Костюшко многих поколений. Захоронения имелись также и около каплицы. Она имела два алтаря, в которых было по одной иконе, искусно вырезанных из дерева, хоры с портретами ее создателя Александра Яна и Августина Костюшко, трокского судьи, а также несколько картин на полотне и икон. На месте бывшей святыни теперь поле. Месторасположение ее показывают местные жители.

Перед усадьбой дорога в имение пересекается с другой боковой аллеей. В месте пересечения — округлая площадка с конским каштаном. Видимо, именно здесь располагалась въездная брама, указанная в Инвентаре 1768 г. От брамы идет главная аллея усадьбы шириной 8 м, деревья в ряду через 4 м. Оформлена она липой времени Булгаков. Кроме липы в ней растут единичные деревья явора, дуба, ясеня и клена. Заканчивается правый ряд аллеи липой американской 'Macrophylla'. За ним начинался партер.

О липе говорят, что она посажена Тадеушем Костюшко после возвращения из Америки. В действительности это дерево конца XIX — начала XX в., посаженное одновременно с другими деревьями аллеи. Возможно, старая костюшковская липа была перепривита в конце XIX в. Хорошо выражено несоответствие подвоя и привоя (диаметр ствола соответственно равен 45 и 88 см). Известно, что Т.Костюшко в годы пребывания в усадьбе с любовью занимался садовыми делами [676]. Одна из лип, посаженная Тадеушем, бережно сохранялась владельцами усадьбы. Перед войной треснувший ствол был стянут железными обручами. Теперь на месте дерева стоит жилой дом.

За небольшим травником стоял дом Булгаков. Место его прослеживается по погребу. Рядом расположено обветшалое сооружение сыроварни с лучковыми оконными проемами, с глубоким подвалом (служит жильем). На месте партера построен частный дом. Предположительно в этом месте стоял и костюшковский дом, который сгорел в конце XVIII в. Пожаром была охвачена вся усадьба. В это время сгорела каплица. Останки захоронений, по словам местных жителей, были перевезены перед 1939 г. в Польшу.

За домом на главной оси располагалась липовая аллея. Она завершалась композицией из лип, высаженных в форме конверта (30х30 м) с подбивкой декоративными кустарниками. Между липами лежали плоские валуны. Левую часть «конверта» занимала площадка овальной формы среди газона. Обычно в регулярных парках формировались круглые беседки из липы (на оси композиции или уединенно в стороне). Одна из них, например, хорошо представлена в парке д. Поддубы Щучинского района. Возраст лип в композиции свидетельствует о времени Тадеуша (XVIII в.). Деревья не просто старые — две липы уже без вершин; одна — с большим дуплом; от четвертой остался только пень в диаметре 2 м. Величественно выглядит липа, ветвящаяся на

Малые Сехновичи. Центральная усадебная аллея. Фото 1999 г.

Малые Сехновичи. Фрагмент липовой беседки. Фото 2003 г.

высоте 9 м. Газон с овальной площадкой под деревьями не сохранился. Снежноягодник, бузина черная, спирея образовали заросли, под пологом которых ранней весной развивается красочный покров из цветущего гусиного лука. В прошлом это было место отдыха, уединения, приема гостей.

Фрагментом усадьбы XVIII в. является аллея, ведущая от партера в пойму ручья. В ней доживает липа с диаметром ствола 124 см, с наполовину сломанным стволом. Рядом единичные крупные пни. Это липы времени закладки усадьбы. С другой стороны партера их ровесниц давно не стало (теперь частная застройка). Уцелевшие липы и общая логика планировочного решения показывают, что главным элементом костюшковской барочной усадьбы был большой боскет, поверхность которого плавно спускалась к лугу. Он в последнее время служил садом, огородом, как это было чаще всего в небольших усадьбах. Со стороны луга окружен защитной обсадкой, в основном из ясеня, и кюветом, отводящим воду в ручей. Место вокруг дома имело обычное пейзажное оформление. От него здесь остались белые акации, успешно возобновляются отпрысками. В северном углу сада сохранился фрагмент естественного древостоя из дуба и граба, включающий одиночные лиственницы и липу крупнолистную. От центральной липовой беседки сюда вела липовая аллея (полностью утрачена). Возможно, это и есть место того «леска», который упоминается в инвентаре. Это угловая приподнятая северная часть парка, которую, как стражи, держат пять мощных дубов (диаметр ствола 54–91 см). Самый старый, более чем трехсотлетний, рухнул в 1997 г. Эта часть парка, наиболее удаленная от дома, была наделена вниманием. Здесь располагался цветник с лиственницей в центре. Еще перед войной имелась оригинальная композиция вокруг старого дуба в виде узкой лабиринтной дорожки, отсыпанной песком. Отсюда раскрывался вид на пойму ручья. Он был углублен перед 2-й мировой войной и принял вид канала с берегами, закрепленными плетнем. Эта пониженная пойменная часть была заболочена, имела водоем, который кюветом вдоль усадьбы соединялся с другим водоемом, расположенным на противоположном углу усадьбы. С осушением поймы водоемов не стало.

Возможно, к этому «леску» и примыкал еще древесный массив, в котором Тадеуш Костюшко по возвращении из США в 1784 г. формировал лабиринт среди зарослей лещины. Представление о его парке, называемом садом, дает описание, сделанное слугой Сорокой. Садик за домом состоял из нескольких плодовых деревьев, включал

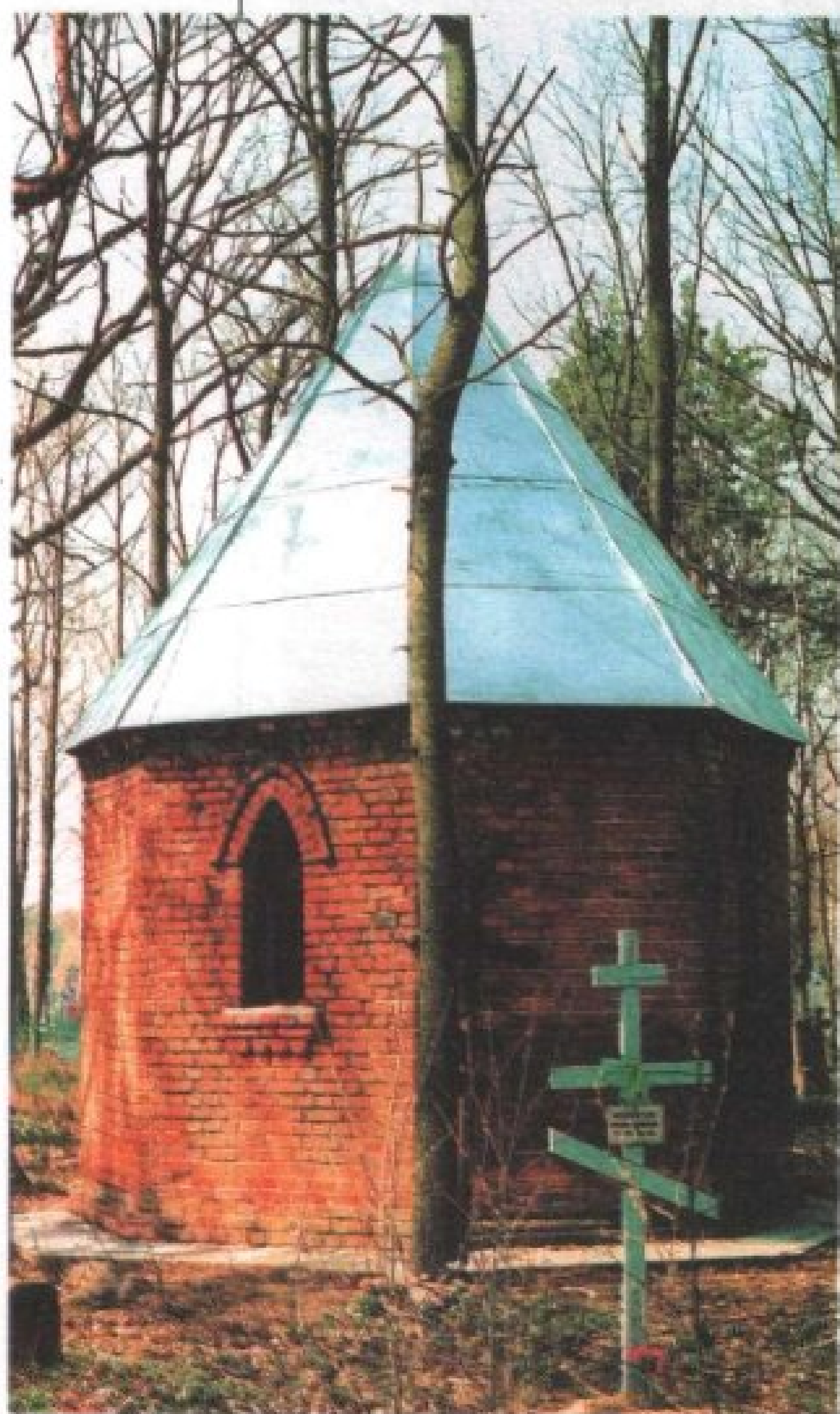
Малые Сехновичи. Фрагмент древостоя парка. Фото 2003 г.

горку, поросшую лещиной, небольшой пруд, заросший аиром, где водились дикие утки, и широкую аллею. Лабиринт в зарослях лещины представлял собой сеть извивающихся дорожек, по которым можно было следовать минут десять, ничего не видя вокруг из-за густой стены зелени. Уезжая последний раз (в 1789) из имения в чине генерал-майора, Костюшко с дороги послал поручение: «Посадите малые березки на бульваре, сразу за зданием, около впадины. Посадите также, пожалуйста, саженцы, подаренные Ласковским, в те места, где ранее не прижились» [676]. Тадеуш дружил с владельцами соседних имений и заимствовал опыт оформления усадьбы. Известны его дружеские отношения с Залесскими, арендаторами Больших Сехновичей [279].

Два боскета вдоль въездной аллеи служили садом (левый), в правом, кроме того, на окраине стояли хозяйственные постройки. До 2003 г. сохранялось здание начала XX в. из красного кирпича с лучковыми оконными проемами. Удобно спланирован подъезд в хозяйственный двор. Он идет по восточной аллее (с большака). Аллея хорошо выражена. Она широкая (10 м), сложного состава (клен, ясень, береза, одиночно посаженные в последнее время деревья тополя канадского 'Robusta'). В аллее доживает дуплистый граб, свидетель ее старого возраста. Начало аллеи идет от трех конских каштанов, посаженных треугольником, среди которых стоял крест.

Усадьба имеет мемориальное значение. Принадлежала одному из наиболее прославленных белорусов. Уважение к Тадеушу среди местного населения было настолько велико, что сложилась традиция снимать шапку, проезжая около Сехновичей, и одевать ее, минуя усадьбу. Об этом в 1889 г. писал в журнал «Tygodnik illustrowany» Феликс Немоевский с недалекой Рокитницы [744]. В настоящее время она является усадьбой школы. Частично застроена. Запущена. Разрушается. Перед зданием школы в 1988 г. установлен бюст Тадеуша Костюшко работы архитектора А.Видацкой (1930). Памятником «великому богатырю» в Кракове стал холм, насыпанный руками людей на возвышении св. Брониславы в соответствии с заключением городского Сената от 1820 г., в котором отмечалось; «Тадеуш ... боролся за нашу землю, которая пусть станет ему памятником». В 1821 г. холм принял мраморную урну с землей из белорусских Матиевиц [733].

Большие Сехновичи



Жулковщизна. Каплица. 2003 г.

Имение Большие Сехновичи принадлежало второй, старшей ветви рода Костюшко-Сехновичских-Ивановичей, обособившихся, как уже отмечалось, в 1620 г. Имением в XVII в. владели Павел, Петр, Хризостом, сыновья Ивана Костюшко. В третьем поколении его внуки, сыновья Павла, писаря гродненского, утеряли имение, оно стало владением князей Чарторыйских из Волчина. Обедневшие Костюшко стали его арендаторами [745]. В 1818 г. имение купил Франтишек Иллакович, а в 1850 г. от его сыновей оно перешло Вандалину Пшибору [775]. Последним владельцем был Кароль Пшибор, погибший в 1939 г.

Усадьба располагалась с западной стороны Свято-Николаевской униатской церкви фундации Павла Костюшко и его жены Цецилии из Вретов. В семье первого священника церкви Теодора Железовского родился Игнат (1802—1872), будущий брестский православный епископ, известный религиозный деятель [278]. От усадьбы второй половины XIX в. сохранились фрагменты спелого древостоя парка и руины крахмального завода, построенного на рубеже столетий. Предприятие в 1920-е г. выделялось высокой производительностью, давало в год до 16 тыс. рублей дохода. Разобрано почти до основания в 2002—2003 гг. На кладбище (около церкви) покоятся Вандалин Пшибор (умер в 1876) и его сын Клеменс (умер в 1885 в возрасте 18 лет). Рядом захоронение Кароля Чарнецкого, «писаря и радца благ Сехновичских», который умер в 1884 г. Усадьба застроена. На месте бывшего дома Пшиборов расположена частная усадьба.

Утрачена Давидовщизна, первоначально принадлежавшая Давиду Каролю Костюшко (около 1700—1775), который в 1742 г. приехал из Пинщины, купил кусок земли Сехновичского имения и назвал новый фольварк своим именем. После смерти Текли, являлся опекуном Юзефа и Тадеуша и продал им фольварк. Небольшое владение стало собственностью Тадеуша. После возвращения из США, в 1785—1789 гг. генерал жил в фольварке. В 1812 г. фольварк горел. Тадеуш выделял деньги на его восстановление, а в 1817 г. хлопотал об освобождении крестьян от крепостного права [676]. Осуществление тестамента не допустила владелица К.Ляховская.

Второй фольварк Сехновичского имения, который в 1763 г. перешел в виде приданого Екатерины Костюшко Каролю Жулковскому, начал называться по имени нового владельца Жулковщизной. К.Жулковский кредитовал Тадеуша Костюшко перед его отъездом в Америку, а затем вел с Тадеушем долгие финансовые разбирательства [676]. В семье было трое сыновей (Юзеф, Ян, Игнатий) и четверо дочерей (Каро-

Большие Сехновичи. Свято-Николаевская церковь. Фото 1999 г.

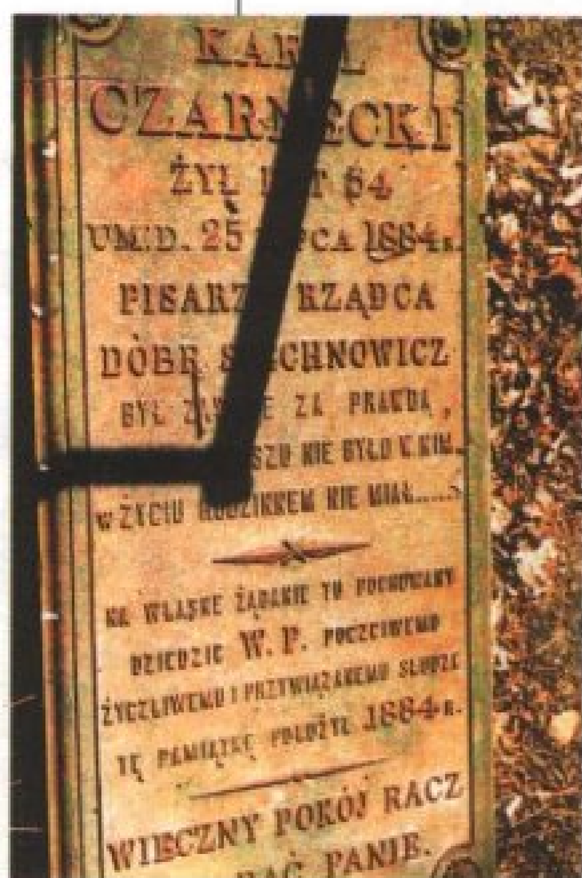
лина, Бригита, Анна и Хелена). Через сына Яна Костюшко породнились с Быховцами, Бутримовичами; через Игната — с Ваньковичами. Сыном одной из дочерей был Игнатий Лях-Ширма, владелец имения Спорово. На местном кладбище была похоронена Катажина Костюшко.

Фольварк известен по Инвентарю 1855 г. Заложен в урочище Бабий Грудок. От каплицы до ворот его детинца вела аллея с расположенной рядом пешеходной дорожкой. Детинец охватывала ограда из новой штакетины; сад и парк были огорожены жердями. В центре его стоял усадебный дом. Он имел окна в деревянной и оловянной оправах, камины и зеленые кафельные печи. На детинце находилось много сооружений разного хозяйственного назначения: пекарня, склад, амбарик с сырницей, амбар с крыльцом, конюшня, возовня. Отдаленно располагались гумно, сарай, сенник. Около водоема стояли бровар, колодец, баня, обора и хлева, крытые соломой [676].

Здания фольварка, который слился с имением Малые Сехновичи, сгорели в 1915 г. Сохранились два небольших зарастающих водоема, составляющих основу компози-

Зеленковщина. Усадебный дом. Фото 2003 г.

Зеленковщина. Фрагмент усадьбы. Фото 2003 г.



Большие Сехновичи. Захоронение писаря-советника имения Кароля Чарнецкого. Фото 2003 г.

ции бывшего парка, одиночные деревья, заросли кустарников. Вокруг, на бывших землях фольварка, обильное развитие получили березняки. Через дорогу на местном кладбище расположена каплица (усыпальница) священника Свято-Николаевской церкви, небольшое восьмигранное сооружение с шатровым завершением (построена из кирпича в формах неоготики, восстановлена в 2002).

Третий фольварк Костюшко **Зеленковщина** выделился, видимо, в последнее время. В исторических источниках не отмечен. Перед 1939 г. владельцами были Тадеуш, Антонина и Ядвига Костюшко. Усадьба включала небольшой деревянный оштукатуренный дом с крыльцом на двух колоннах (пустует, разрушается), хозяйственный двор, где сохранились амбар и коровник (достроен в послевоенное время), сад с водоемом, охваченный однорядной защитной посадкой с трех сторон. Целостность усадьбы нарушена новой дорогой, которая пересекает бывший парадный двор и ведет в д. Курпичи. Отмеченные усадебные постройки являются в Беларуси последними и единственными сохранившимися сооружениями, возведенными Костюшко.

Большие Сехновичи. Захоронение Пшиборов. Фото 2003 г.

Ополь

Михаил Казимир Огинский. Неизвестный художник. После 1754 г.

Упоминается в 1495 г. в связи с определением границ пущ и установлением входов: «Ополъ маеть границу свою входь подлъ ръки Ясолды, сыножатьми, озеры, деревомъ бортнымъ, будованьемъ и вшелякими вольностями, атъ до млына Осовницкого его милости господарского» [620]. Имение Ополь по привилею (1495) пинской княгини Марьи принадлежало Фурсу Ивановичу. Затем владельцами были Венедикт Фурс и его наследники [325]. Четыре жеребья в Ополе в 1510 г. «надал» король Сигизмунд I Твочианову Дремликову [760].

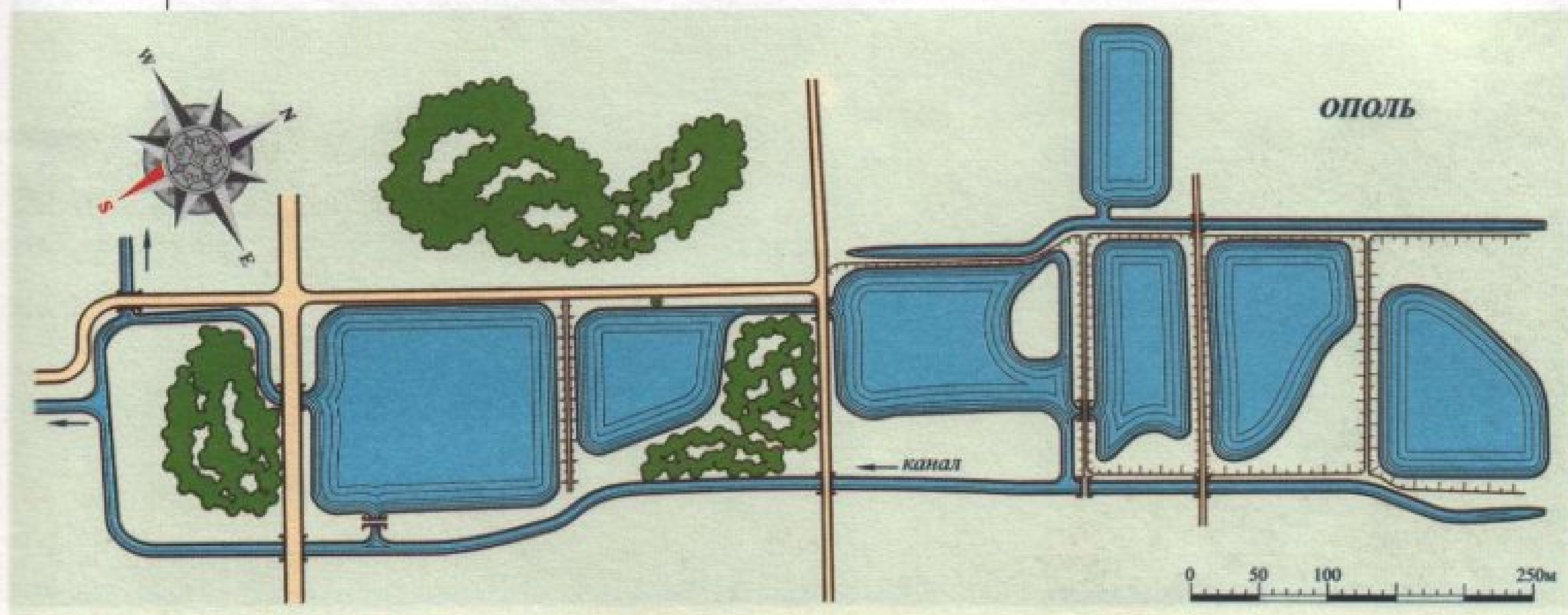
В 1521 г. большое опольское владение (ключ) включало 12 дворов (Ополь, Русилы, Грабовну, Мосты, Калинки, Затайки, Липовну и др.) и ряд жеребьев [760]. Они принадлежали разным владельцам (Дремликовы, Святоши, Сапеги, Копоти), которые часто менялись. В 1522 г., например, Ивашко Сапега продал Федору Святоше четыре жеребья Опольского имения, что в 1523 г. подтвердил король Сигизмунд I [239]. Часть ключа принадлежала Франциску Сапеге, конюшему ВКЛ, который, уходя на войну в 1683 г., в духовном завещании

просил жену Анну Любомирскую похоронить в костеле ксендзов картузов (в Березе), если тело «разыщется на войне, при большом стечении слуг божих (ксендзов) и нищих, но без светских церемоний». Завещал деньги костелу и госпиталю в Ляховичах, имуществом владеть — жене, детей воспитывать согласно общественному положению и, прощаясь со всеми родственниками, друзьями и слугами, просил прощения за грехи.

В 1530-е г. основной частью ключа Ополь владел Михаил Копоть (Копец) Василевич. Его дочь Раина становится женой Ивана Полубинского и имение переходит этому роду, однако вскоре вернулось Копотям. В 1555 г. владельцами Ополя были Федор, Иван и Василь Копоти [760]. В 1567 г. Федор за три тысячи коп грошей продал свою часть старосте браславскому Юрию Остику [425]. В документах за 1690 г. указываются «пан Франтишка на Ополю Копца, каштелян Берестейщины, и жена Катерина Стеткевичова, подкоморанка оршанская Копциовая» [241]. Известен фундуш Франтишка Копотя за 1689 г. В 1736 г. имением владела Франтишка Залусская из Копотей, затем — Игнатий и Магдалина Сераковские [237]. Затем имение стало собственностью князя Михаила Сервация Вишневецкого (1680—1744), канцлера великого литовского, литовского гетмана, последнего потомка старшей линии рода [713]. И в последующие периоды имение принадлежало известным родам, которые часто менялись. Через приданое Анны оно перешло Юзефу Тадеушу Огинскому (1700—1736), воеводе трокскому, стороннику саксонских королей.

В семье Анны и Юзефа родилось пятеро дочерей (Августа, Женавефа, Екатерина, Казимира, Эльжбета) и сын Михаил Казимир (1728—1800), будущий политический и государственный деятель, композитор, музыкант-виртуоз, поэт, меценат, с именем которого была связана целая музыкальная эпоха. Музыкальные способности Михаила Казимира восхвалял сам Д. Дидро, который в 1760 г. около трех часов слушал его игру на арфе. Вскоре дети осиротели. Опекуном Михаила Казимира становится дедушка Михаил Серваций, после его смерти мальчик растет под надзором Марциана Михаила Огинского (1672—1750), воеводы витебского, известного фундатора храмов, Витебского иезуитского коллегиума, поклонника искусства. Затем заниматься «запущенным воспитанием юноши», с согласия короля, начал князь Михаил Фредерик Чарторыйский, канцлер литовский, владелец Волчина. Сведения о его воспитанности, способностях, юношеском характере весьма противоречивы [574].

Михаил Казимир в молодом возрасте активно вступил на арену общественной жизни. В 1748 г. польный литовский писарь получил звание генерал-майора. В этом же году он становится депутатом сейма и получает первые коронные имения, к кото-



рым присоединяются большие владения отца, бывшие владения Дольских и Вишневецких, в т.ч. Пинская экономия и г. Пинск [574].

Его продвижению по службе, положению в обществе благоприятствовали родственные отношения. Михаил Казимир породнился с первыми семьями Речи Посполитой. В 1761 г. он женится (чему благоприятствовали приятная внешность и музыкальные способности) на овдовевшей дочери своего опекуна — Александре, жене покойного Михаила Антония Сапеги, литовского подканцлера. В виде приданого ему перешли большие владения Сапеги, среди которых была вся Слонимская экономия со Слонимом, где имелась резиденция.

Сестры Михаила Казимира в браке стали Пшездецкой, Плятер, Бжостовской, Вельгорской [574]. Из них особый интерес и значимость имеет судьба Екатерины (Катажины), ставшей женой Антония Пшездецкого, владельца Заславля. Их дочь Хелена (1753—1821), жена Михаила Геронима Радзивилла (1744—1831), становится в 1774 г. владелицей Неборова, резиденции дяди, создает знаменитую Аркадию. Хелена была одной из наиболее ярких представительниц станиславской эпохи [722]. Игрой на фортепьяно и органе, исполнением песен она покорила не только варшавский, но и берлинский и петербургский свет [574]. Сын Хелены Антоний Генрих (1775—1833), женатый на Луизе с Гогенцоллернов, племяннице Фридриха Вильгельма II, положил начало «берлинской» линии рода Радзивиллов. Он автор либретто оперы Гете «Фауст», певец, гитарист, виолончелист и математик. С 1814 г. возглавлял несвижскую ординацию. Сестра Хелены Констанция стала женой Иоахима Хрептовича, канцлера ВКЛ, владельца имения Щорсы.

Михаил Казимир Огинский утратил Ополь, как и ряд других имений. В 1780—1790-е г. имением владели Божецкие. По наследству оно перешло Каролю Михайловичу. Примерно в середине XIX в. дочь Кароля Тереза в виде приданого принесла Ополь Казимиру Игнатию Еленскому. У истоков этого рода герба Корчак стоял Фе-

Ополь. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

дор Еленский [161]. Его отец Казимир (представитель седьмого поколения) владел многочисленными имениями в Виленском, Трокском, Слуцком (Туча, Еленполь), Мозырском (Комаровичи, Бобрик), Речицком (Козловичи) и Бобруйском уездах. Эти владения унаследовал Казимир (1826—1876), женатый на Терезе (с Борженцких), который в 1849 г. закончил Императорский Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата, служил в Виленском уездном суде, а в 1851 г. становится коллежским секретарем [161]. В 1890 г. владения, включая фольварки Козель, Погонь, Лядовичи, составляли 5069 десятин [546].

По наследству Ополь перешел сыну Казимира — Иосифу Сигизмунду (1868—1922), владельцу имения Туча, женатому на Марии (из Мельжинских 1876—1941). Мария обучалась в Сорбонне, владела языками английским, немецким, итальянским, немного шведским, литовским и латинским. Умерла в 1941 г. в Казахстане [649]. Дочери Мария (1850—1942) и Тереза (1856—1942) Корибут-Дашкевичи получили свою долю деньгами. Последними совладельцами имения были Габриель, дочь Иосифа и ее муж Богуслав Залесский герба Любич. Владения составляли 1352 га. В 1931 г. часть имения купил Каленик Коренкович [1].

Князь Михаил Серваций Вишневецкий, писатель и поэт, владелец замков Каролин в предместье Пинска и Жабер на Ясельде в имении Хомск, на склоне лет (после 1736), построил в Ополе летнюю резиденцию, которая именовалась замком, поскольку была окружена валами, а со стороны въезда — водоемами, составляющими передний план ансамбля. Она включала дворец и примыкающий к нему регулярный парк, липовые аллеи которого образовывали в плане с одной стороны букву «M», с другой — букву «W», инициалы владельца [596].

Сведений о необычной резиденции Михаила Сервация очень мало. Она имела еще ренессансные черты в виде валов, бастионов, водоемов, которые в первой половине XVIII в. уже не имели оборонительного значения. Они сочетались с мотивами но-

Ополь. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

вого барочного стиля, которые выразительно проявились в композиции регулярного парка. После строительства (несколько позднее) двух официн, симметрично расположенных по отношению к дворцу, но разных размеров, деревянных с высокими четырехскатными крышами, возник курдонер, характерный элемент барочных ансамблей. Его замкнутость достигалась необычной формой официн. С двух сторон на боковых осях они имели выступающие объемы (крылья).

Неизвестно, при каких обстоятельствах и когда был утрачен дворец. В Инвентаре за 1807 г. он уже не приводится [223]. Указываются жилой деревянный до́м (приспособленная для жилья бо́льшая по размерам бывшая дворцовая официна) и деревянная официна, в конце которой имелась возовня с маштарней (складом упряжи). Здания стояли на подвалах со сводами [223].

В начале XIX в., по данным этого же инвентаря, опольский двор был большим хозяйственным комплексом, включающим следующие фольварочные строения: дом эконома, мельницу воловую, бровар с солодовней, сельский магазин, ледник, лямус, спихлер, пекарню, истопку, гумна, оборы и др.

Барочная усадьба очень рано, при Божецких, в соответствии с новым временем приняла классицистические черты. Нивелировались бывшие «замковые» укрепления, в духе времени строится удивительный спихлер (80x30 м), двухэтажный каменный на глубоких сводчатых подвалах. Его фасад украшал четырехколонный портик, завершенный треугольным высоким фронтоном с полукруглым окном на тимпане. Аналогичные по форме окна в количестве десяти образовывали четкие ряды на фасаде каждого этажа. Здание известно по рисунку Ф. Станда [596].

В усадьбе сохранились старые регулярные огороды (сады). Один из них с грабовыми шпалерами назывался «пасекой». В нем росли яблони, груши, очень старые дикие груши, сливы обычные белые и мелкие черные, вишни, лещина. Второй сад с яблонями и грушами назывался «фольварковым». Имелось два овощных огорода: один около бровара, другой вблизи церкви.

В Инвентаре парк не указывается, говорится только, что «деревья высокие, поса-

Ополь. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

жены в разные фигуры, за амбаром и гумном в полукруг, в сторону гумна беседка и для прогулки лип — около 380, а граба 150». Это были фрагменты сложного регулярного парка, заложенного князем М.Вишневецким.

Представить по инвентарному описанию водную систему усадьбы трудно. К этому времени, после разрушения «замка» (укрепленного дворца), она, видимо, утратила свое значение и была в запущенном состоянии. Система была сложной. В описании указывается 8 каналов: канал при дороге от двора в корчму; между двором и фольварком; три канала против двора с двумя прудами; два канала ниже прудов; канал кольцевой с островом. Все они были копанными и неглубокими. Один только этот перечень свидетельствует о величии барочной композиции князей Вишневецких, пожалуй, самой сложной среди усадеб региона этого времени, не считая Волчина.

Дальнейшее развитие усадьбы связано с Еленскими. На месте «замка» устанавливается скульптура Божьей Матери в рост человека [674]. Пейзажное оформление принимает территория вокруг бывших официн, одна из которых давно стала усадебным домом и местом хранения огромных фамильных собраний. Исчезают бывшие каналы. Только фрагменты валов с бастионами были заметны после 1-й мировой войны [596].

Война 1914 г. нанесла усадьбе большой урон. Ценности были разграблены. После войны ведутся большие восстановительные работы. Реконструируется и расширяется водная система, поглотившая шесть старых прудов, известных в 1842 г. [206].

Новые пруды были вырыты, по словам местных жителей, в 1925—1934 гг. Богуславом Залесским. Они копались вручную, а земля отвозилась по специально проложенной узкоколейке. Теперь система включает 8 больших водоемов, соединенных короткими протоками, обводными каналами, разделенными насыпными дамбами, частично обвалованными (схема). Система вытянута вдоль одной оси, ориентированной в направлении юг—север. Водоемы имеют разную форму, их размеры несколько смещены по отношению друг к другу, чем улучшаются эстетические качества системы.

Питание прудов родниковое. Родник расположен за пределами усадьбы у быв-

Люшнево. Фрагмент водной системы. Фото 2003 г.

шего церковища. Здесь сооружен новый большой водоем. Родниковая вода поступала в систему по двум каналам, прокопанным с двух сторон системы. Однако все водоемы непосредственно не связаны с каналами. Их питание обеспечивается по определенному принципу, теперь уже нарушенному. Например, восточный канал дает ответвление в водоемы четвертый и шестой. Из четвертого водоема вода поступает в третий через дамбу. Наиболее глубоким является западный канал, который питает боковой водоем и впадает в водоем с островом. Избыток воды из системы уходит в Ясельду.

Водоем с островом и пятый водоем, расположенный через дорогу, являлись компонентами парадной части усадьбы. В инвентаре говорится: «на ставах против двора штук 200 ольх». По дамбе между прудами проходила центральная усадебная аллея (от нее остались две липы). Въезд фиксировался возле ставов брамой из двух высоких оштукатуренных пилонов с четырехскатными крышами. Ворота были деревянными. Рядом имелась сторожка. Аналогичные брамы имелись с южной и восточной сторон усадьбы. На возвышении, на месте нынешнего здания конторы колхоза, располагался усадебный дом (или бывшая официна); на месте бывшего партера с клумбой в центре — памятник погибшим воинам. Примерно в этом месте и располагался «замок» Вишневецких. Время стерло все, не стало валов и каналов. От бывшего парка остались одиночные деревья (липа, конский каштан, клен остролистный, вяз гладкий, белая акация), небольшой древесный массив с сиренью, рябинником, снежноягодником, чубушником, розой мягкой. Не стало известных в парке елей колючих, бука лесного 'Atropunicea', сосен веймутовых, липовой беседки, скульптуры Божьей Матери.

Усадебный дом сгорел в 1943 г. Его помнят старожилы. Подробное описание [596] сделано по словам Габриели Залесской, последней совладелицы имения. Интерьеры здания имели богатое оформление. Полы комнат были сделаны из дубовых досок, уложенных в «елочку», а в салонах — в «квадраты» с более темным орнаментом в центре. В большинстве комнат находились белые кафельные печи, печи в салонах име-

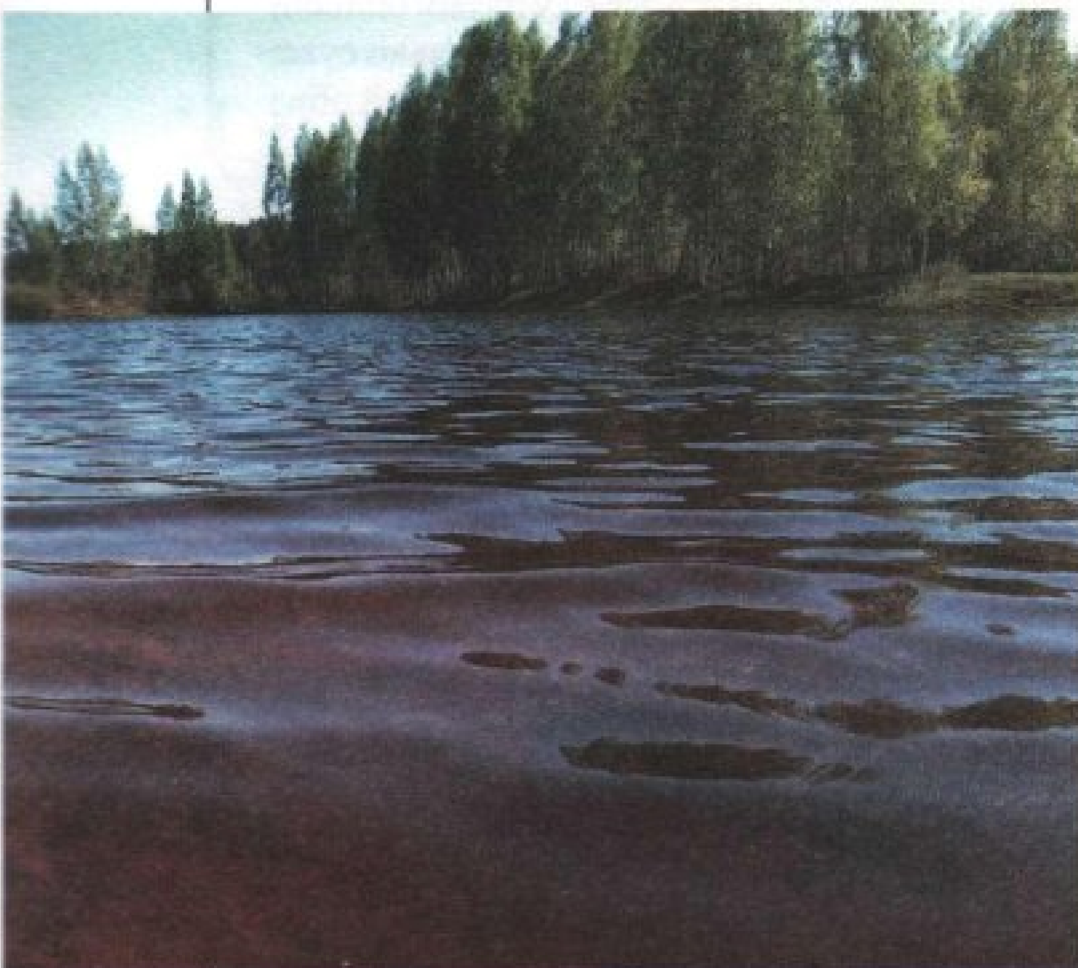
Люшнево. Фрагмент въездной аллеи. Фото 2003 г.

ли особый позолоченный выпуклый орнамент в виде раковин. Большой салон в основном был обставлен мебелью из палисандрового дерева в стиле бидермейер, обтянутой бархатом с золотым узором и стилизованными (более темных тонов) соцветиями подсолнухов. Обстановку дополняли два инкрустированных секретера из красного дерева с потайными ящиками и старый из красного дерева шкафчик с выпуклой передней частью и дверками из хрусталя. В спальне находились кровати также из красного дерева со спинками в виде медальонов; старинный гобелен (160x80 см), купленный в Риме в начале XX в., с изображением в анфас Божьей Матери, сидящей на троне в лазурном тюрбане с маленьким Иисусом на коленях. Гобелен обрамляла белая тесьма шириной в 3 см, на которой имелся растительный орнамент, тканный золотой нитью. В столовой стоял большой овальный раздвижной стол из темного дерева на выточенных ножках и такие же стулья. На стенах висели портреты гетманов Яна Кароля Ходкевича, Стефана Чарнецкого, Яна Собеского и Станислава Жулкевского.

Библиотека, уничтоженная в годы первой мировой войны, включала около 1,5 тысячи томов на разных языках (классическая литература, философия, история, география, астрономия, теология). Материалы семейного архива в кожаных переплетах занимали несколько сундуков. Большой семейной ценностью считался корецкий фарфор, столовый серебряный набор на 24 персоны, белье из голландского полотна с гербами.

На месте бывшего ансамбля разместилась усадьба колхоза. Сохранился костел второй половины XVIII в., восстановленный и переданный православным. Функционирует сложная водная система из восьми водоемов, расположенная в центре большой деревни. Существует без ухода, но в перспективе может стать ценным гидрологическим объектом, имеющим хозяйственное и рекреационное значение.

Люшнево



Люшнево. Фрагмент водной системы. Фото 2003 г.

В Метрике ВКЛ за 1510 г. упоминается Люшнево поле [433]. Имение «Лушнево» во второй половине XVI в. принадлежало роду Сангушко-Коширских [248]. Первым известным владельцем был князь Александр Михайлович (1480?–1560), женатый в первом браке на Анне Хрептович, во втором — на Богдане, дочери князя Михаила Мстиславского. От Александра имение перешло Богдане, а в 1566 г. его владельцем становится ее второй муж Андрей Цехановецкий [248]. Вторично «по кудели» имение переходит Николаю Сапеге, старосте молчадскому, женатому на Анне Сангушко (1548?–1580), дочери Богданы. Затем имением владели потомки Николая и Анны (сыновья Казимир и Ян), внук Ян Фредерик (1618–1664).

Видимо, от Сангушко Люшнево перешло Волловичам, белорусскому шляхетскому роду герба Богория. В течение нескольких столетий являлось родовым гнездом одной ветви рода, представители которого в XV–XVIII вв. занимали в ВКЛ высокие

Люшнево. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1936 г.

государственные должности и владели многочисленными имениями. У истоков рода стоял Ходка, живший в первой половине XV в. в Гродненском повете. В исторических источниках XVI в. упоминается Григорий Воллович, маршалок господарский, староста слонимский [248]. Этому роду имение принадлежало до последнего времени. В 1845 г. имением владел Евстафий. В 1890 г. владение Казимира Волловича, женатого на Эльжбете из Довгялло, с фольварками Брембанов и Устронь составляли 2160 десятин земли [546]. В виде приданого их дочери Марии Люшнево в 1936 г. перешло Янушу Доманскому [596].

Сведений о закладке усадьбы не имеется. Она считалась самой красивой в регионе. Волловичи относили ее к XVII в. [596]. Усадебный дом, судя по фотографии 1936 г., был построен, на наш взгляд, во второй половине XVIII в.

Усадьба расположена с южной стороны деревни на высокой террасе небольшого водотока, который начинался около усадьбы в болотном массиве. Ее центральная часть имела симметрично-осевое построение. В усадьбу со стороны деревни ведет неширокая теперь слабо выраженная кленовая аллея, пересекая дамбу между двумя большими водоемами. Восточный водоем шириной более 200 м при дамбе, несколько сужаясь, уходит за пределы усадьбы. Второй водоем, а за ним на одной оси и третий образованы в послевоенное время на месте заболоченного понижения. Полноводные водоемы, местами с зарослями тростника вдоль берегов, образуют большую водную систему, за которой еще прослеживаются фрагменты усадьбы.

Люшнево. Церковь. Фото 2003 г.

Она представлена в плане прямоугольником, вытянутым с востока на запад (350х200 м). В центре его, замыкая ось композиции, располагался усадебный дом. Он был большим, деревянным, одноэтажным с мезонином. Имел высокую ломаную крышу с люкарнами. Парадный фасад раскрепован неглубоким центральным и двумя боковыми ризалитами. Центральный ризалит украшали колонки, которые завершались балконом, пристроенным в начале XX в. Ризалит завершался треугольным фронтоном с полуциркульным окном. К левому фасаду была пристроена большая, также с высокой гонтовой крышей, оранжерея (зимний сад) со сплошным остеклением и двумя колоннами внутри [596].

Планировка дома выделялась наличием больших помещений. В доме имелись белый салон, столовая, несколько парадных

помещений, больших квадратных комнат, каплица. Наиболее репрезентативным был бальный зал, высотой в два этажа, расположенный со стороны парка. Он имел паркет с красивым рисунком, круглые печи. В доме имелись старинная мебель, собрание портретов рода, среди которых выделялся портрет бискупа, видимо, Евстафия Волловича (?—1630), который добился образования Белорусской арцидекании во главе с заместителем виленского бискупа. За время его правления было построено 26 костелов [323]. Аналогичные дому формы имела официна. Парадный двор окружал парк, крупные деревья лип в его аллеях еще помнят старожилы. Он включал овощной огород с теплицей.

Парк раскорчевали в послевоенные годы и спланировали под огород. Дом сгорел перед второй мировой войной. Сохранилось оформление парка с южной и западной сторон в форме высокого вала с кюветами, по которому растут липа, одиночно — тополь канадский 'Serotina'.

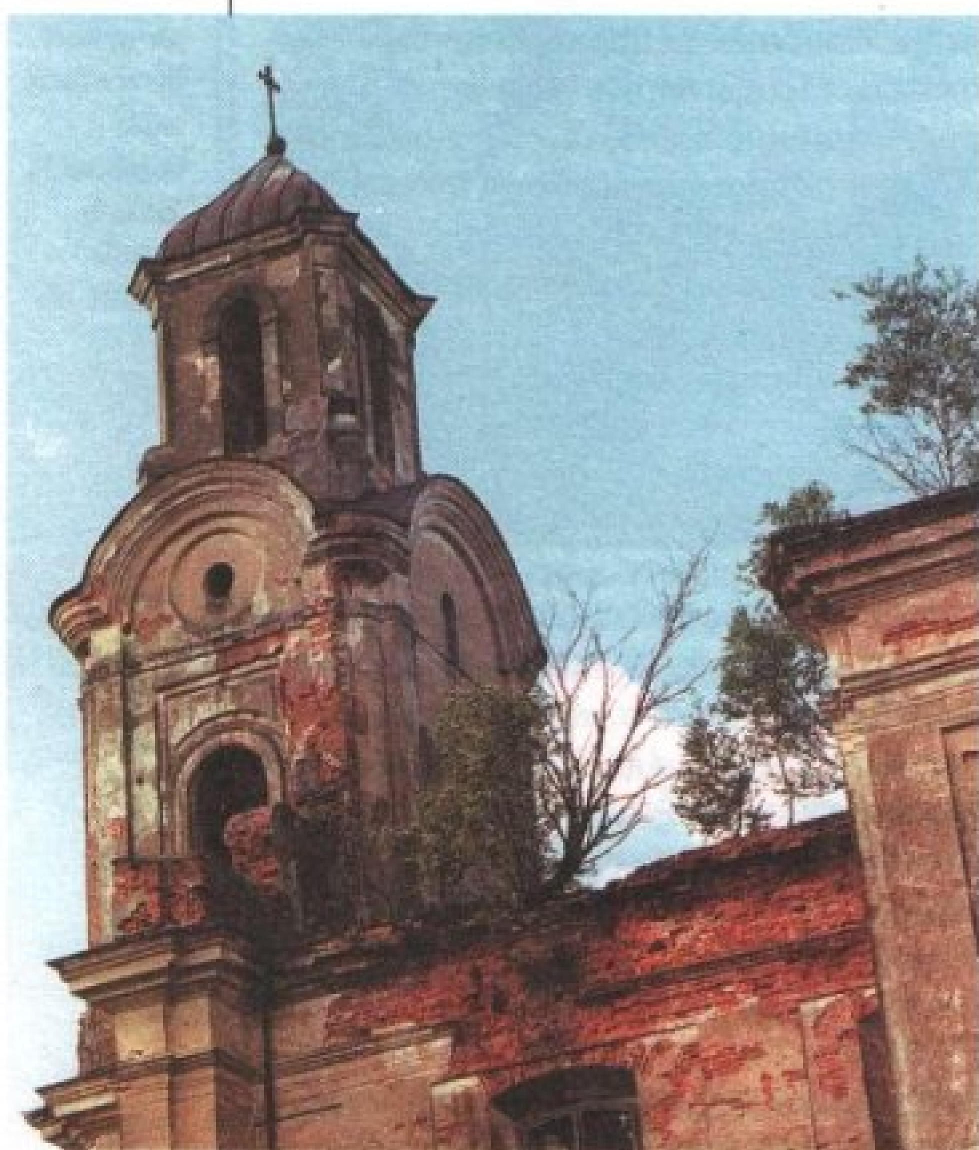
Восточную часть усадьбы занимали хозяйственные постройки, флигели для рабочих. На самой окраине стоял одноэтажный дом управляющего, который стал усадебным домом после сгоревших перед 1936 г. зданий парадного двора. С усадьбы открывалась живописная перспектива на расположенный внизу водоем и прилегающие ландшафты. Акцентом перспективы за водоемом (со стороны въезда) служила церковь, построенная на возвышении в 1870-е г. На отдалении, с восточной стороны усадьбы, располагается невысокий холм с плавно выровненными склонами, называемый Поповой горкой. На его вершине стояла старинная церковь, здесь хоронили владельцев имения.

Усадьба утрачена в связи с частной застройкой, что недопустимо на исторической территории. Представление о ней дает внешняя зеленая защитная полоса. Весьма впечатляет развитая в последнее время водная система.

Лысково. Захоронение Ф.Карпинского. Фото 1999 г.

Могилевцы

Имение рода Быховцов, герба Могила, известного в XVI в., представители которого занимали высокие государственные должности в ВКЛ, Речи Посполитой и России [317]. У истоков рода стоял Митько Быховец, имевший сыновей Василия, Васько и Андрея. За добросовестную службу Сигизмунд I Старый наделил «бояр смоленских» Василия и Васько владениями. Быховцам принадлежали имения в Минской, Гродненской и Виленской губерниях. К числу наиболее крупных на Брестчине относилось Лысково. Одним из его владельцев был Самуэль (около 1660—?), староста люцинский, который в 1689 г. указом короля Яна III Собеского был осужден на вечное изгнание. Ян Быховец, волковысский маршалок, в 1751 г. передал миссионерам старый лысковский костел, построенный в 1527 г. при фундации Матея Клочко, витебского воеводы [397]. Жена Яна Фелиция Кристина Войнянка была основательницей во второй половине XVIII в. Лысковского монастыря миссионеров, при котором имелись школа, госпиталь и библиотека. Быховцы выплачивали монастырю завещанные деньги на одежду монахов, соблюдали также их права на пользование лесом и мельницей в имении [240]. От монастырского ансамбля, построенного в фор-



Лысково. Костел Пресвятой Троицы. Фото 2003 г.

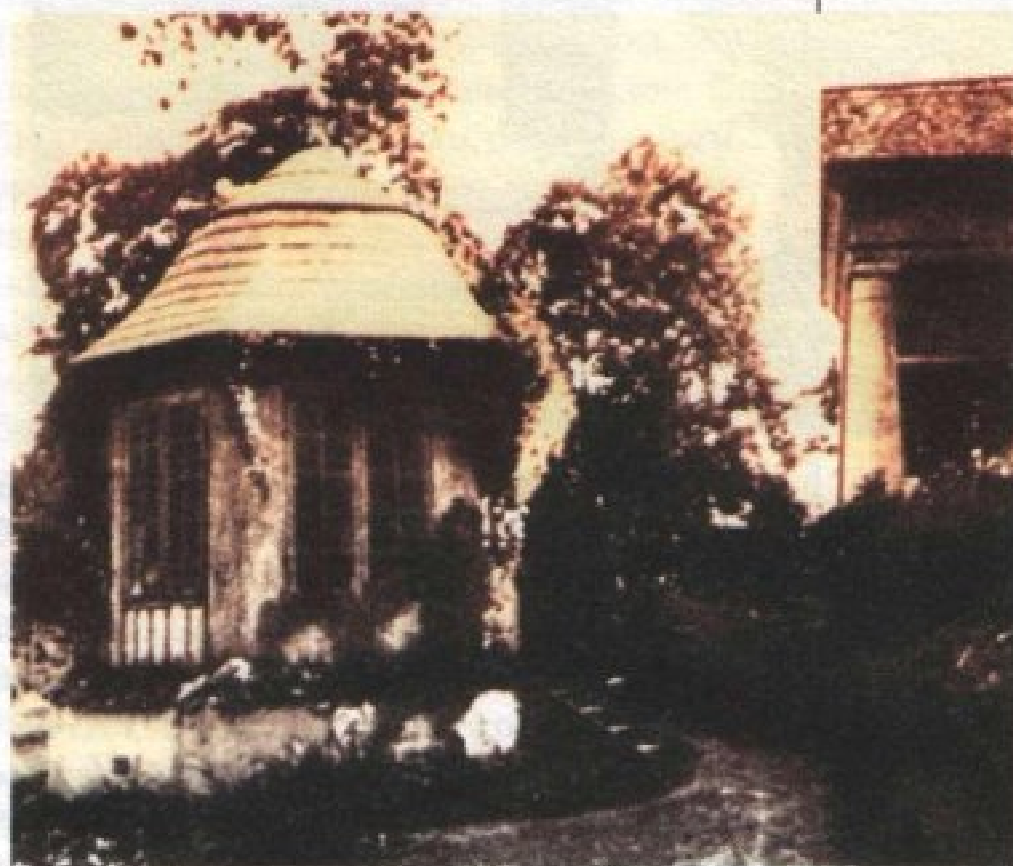
мах барокко, сохранились костел Пресвятой Троицы (1763—1785), во дворе которого покоится поэт Франтишек Карпинский, и жилой корпус. Массивное двухэтажное, П-образное в плане здание со сводами — цилиндрическим в коридоре и крестовыми в бывших кельях.

Одним из известных владельцев Лыскова и Могилевцев был Иосиф (около 1750—?), сын Яна (около 1732—?), слонимского судьи, камергер короля Станислава Августа, крайчий ВКЛ (1793), кавалер ордена св. Станислава. Владел также имениями Михов, Чельдчин, Хоровщизна, Монзяны в Волковысском уезде. От него имение перешло старшему сыну Адаму Яну (1796—?), члену Волковысского апелляционного суда, участнику восстания 1863—1864 гг., сосланному в Пензенскую губернию [317]. Во второй половине XIX в. Могилевцы отошли от Александра Быховца, младшего сына Иосифа, председателя Волковысского межевого апелляционного суда, Казимиру Дзеконскому, сыну сестры. Земельные угодья имения с фольварками Янин, Либерполье, Гута и Розалин составляли 5081 десятину [546]. Казимир, женатый на Стефании, также не имея наследника, усыновил в 1910 г. родственника Альбина Дзеконского из Петрович, забрал к себе и передал ему имение. Альбин (1892—1939) получил хорошее образование, стал поэтом, автором многих сборников. После ареста в 1939 г. погиб в одной из тюрем.

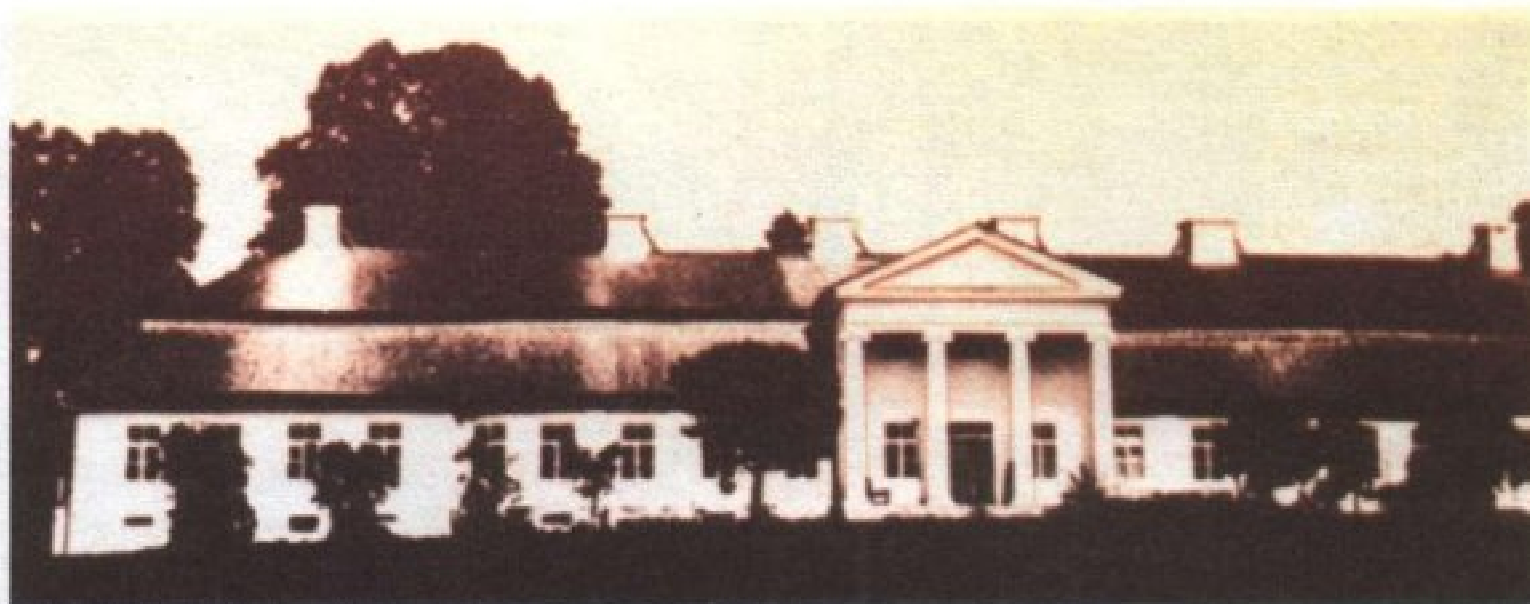
Усадьба была заложена примерно в середине XVIII в. на высокой террасе р. Мушка. Хотя формировалась она в формах барокко, но не имела выраженной композиционной оси. Большой каменный усадебный дом на высоком цоколе построен в глубине усадьбы. Он прямоугольный в плане, одноэтажный, с ризалитами на фасаде и с высокой ломаной четырехскатной крышей. Заметно видоизмененное здание дошло до нашего времени.

Дзеконские придали дому черты нового стиля, украсив парадный фасад высоким четырехколонным портиком ионического ордера, завершенным треугольным фронтоном, а на фасаде парковом рядом с ризалитом пристраивается также четырехколонный тосканский портик. Одновременно были удлинены и обработаны рустом боковые фасады здания [596].

Дом имел много помещений (холл, зал, столовая, библиотека, спальни, кабинет, буфет, бильярдная, скарбец) с кафельными печами, каминами, паркетными полами из дуба и ясеня, обставленных махагониевой мебелью, декорированной бронзой. Быховцы собрали немало художественных и семейных ценнос-



Могилевцы. Каплица. Фото до 1939 г.



Могилевцы. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

тей: картины, портреты, люстра, бронзовые канделябры, коллекция польских монет, сервиз из саского фарфора почти на сто персон, старинное оружие, хранящихся в специально приспособленном скарбце, фортепьяно Бехштейна и др. [596].

Наиболее репрезентативным было помещение, называемое «филяровым» (колонным), в архитектурном оформлении которого использовались две колонны и две пристенные полуколонны, обставленное красивой мебелью в стиле ампир. Большой благоустроенный и приспособленный для работы зал занимала библиотека. В центре его стоял большой круглый стол, изготовленный, как и другая мебель зала, из карельской березы, имелся диван, рассчитанный на двадцать человек, вдоль стен стояли застекленные шкафы с книгами. В трех нишах висели жирандоли из цветного венецианского стекла. В библиотеке имелось около трех тысяч томов и хранилась уникальная рукопись Белорусской летописи, условно называемая «Хроника Быховца». Представляла собой полную систематизированную историю ВКЛ, начиная от легендарного времени до начала XVI в., изложенную в форме литературно обработанного повествования патриотически настроенным белорусом православного вероисповедания. По мнению В.Тереховой [573], эта хроника писалась не при дворе князей Слуцких, а в Лысковском замке и его автором мог быть Тышко Быховец. В 1834 г. Александром Быховцом рукопись передается историку Теодору Нарбуту, проживающему в Шаврах, кото-

Могилевцы. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото 1999 г.

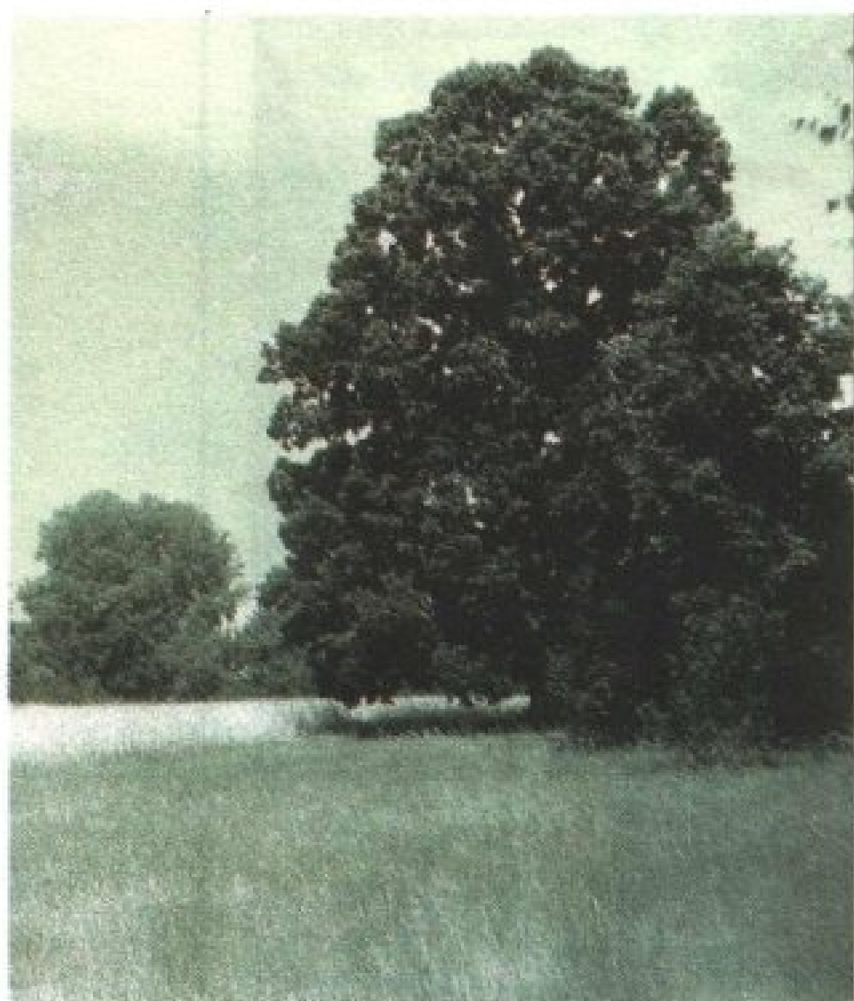
Могилевцы. Липовая аллея. Фото 1999 г.

рый в это время работал над своим капитальным десятитомным трудом «Древняя история литовского народа». Историк использовал материалы хроники в своей работе, а в 1846 г. издал ее в полном объеме, назвав «Хроникой Быховца». Рукопись числилась в каталоге его библиотеки за 1851 г. В каталоге 1864 г., составленном М.Соколовым после смерти Теодора, уже не указывалась.

Парадным фасадом усадебный дом ориентирован на юг. Перед ним простирался большой газон с кругом в центре. С двух сторон круга симметрично зданию были сформированы беседки. В левой из них сохранилось три лиственницы и две липы, от другой — осталось три лиственницы. Бывший видоизмененный газон застроен новыми зданиями больницы. За домом, на главной оси, размещалась маленькая капличка XVIII в., восьмигранная в плане, на высоком фундаменте с большими, почти по всей высоте окнами, завершенная оригинальной шатровидной высокой крышей. Рядом располагался цветник, окруженный низкой каменной оградой, называемый «cieletnik», с гелиотропами, пеларгониями и другими однолетниками. Слабо окультуренный склон к водоему назывался «зверинцем». В парке, особенно вокруг дома, имелось много рабаток и клумб [596]. Был установлен оригинальный круглый стол на короткой ножке, выточенный из гранитных плит. Подобный стол имеется в парке усадьбы Нача.

Одновременно с реконструкцией усадебного дома Дзеконские провели перепланировку барочного парка. От старых регулярных композиций сохранился живописный фрагмент липовой аллеи из тридцати семи деревьев, ведущей к партеру. Новый пейзажный парк в связи с уплотненной застройкой зданиями больницы потерял свою выразительность, от него остались одиночные деревья, небольшие поляны, древесные группы, сложенные лиственницей, липой, березой, сосной, елью, кленом, тополем белым, псевдотсугой Мензиса, кленом татарским и др. Беседку в форме овала в угловой части парка образуют десять лип. Улицей деревни стал фрагмент бывшей въездной аллеи. Хорошо выражен водоем, который в последнее время увеличен в размерах. Его восприятию благоприятствует приподнятость террасы с усадьбой по отношению к зеркалу воды. Бывшая усадебная территория служит усадьбой больницы.

Новощицы



Новощицы. Фрагмент усадьбы. Фото 1999 г.

В 1507 г. принадлежали боярину пинскому Даниле Иртищевичу [338]. Второе упоминание относится к 1515 г., когда пан Макар, войский кобринский, со своими родственниками Иваном Данилевичем, Андреем Кмитой предъявили «два листа на паргамине... на имъньня свои Кошевичи, Черниевичи, Новошичи, Ляховичи, Паршевичи, Посиничи и Гончары...» [429]. В 1517 г. пять дворищ в «Новощичах» получил Венедикт Фурс [520]. Село «Новошичи», граничащее с Дружиловичским двором, упоминается в Писцовой книге Пинского староства, составленной в 1561—1566 гг. Лаврином Войною [507].

Владельцы имения менялись часто. В 1567 г. Новощицами владел Иван Цыпля, который «поставил слугу своего Андрея Вольского на кони» [428]. В 1631 г. двор в «Новошуцахъ» принадлежал Александре Яновой Вишневской [500]. В начале XVIII в., а может еще раньше, имение перешло князьям Гедройцам. В виде приданого княжны Геновефы Гедройц в конце XVIII в. перешли Доминику Орде, шестому владельцу Бижеревичей, который являлся воспитанником корпуса кадетов в Варшаве и был каморником пинским. Земельные владения имения с фольварком в 1890 г. составляли 1275 десятин [546]. Владение наследовалось по мужской линии старшим сыном Виктором, маршалком шляхты Пинского уезда, его сыном Витольдом (1828—1895), известным участником восстания 1863 г., внуком Каролем (1871—1914), правнуком Витольдом (1901—1945) [596]. Витольд погиб в 1945 г. во время сражения советских войск с немцами под Щецином.

Гедройцы в 4 км от Достоева среди поля заложили усадьбу в формах барокко. Усадебный деревянный дом, известный по рисунку Н.Орды, был весьма своеобразным. Он состоял из центрального объема, к которому вплотную примыкали боковые крылья с высокими ломаными крышами, образуя небольшой курдонер в виде подковы. Помещения дома назывались по-старинному избами, в некоторых из них потолок был покрыт льняным полотном домашней работы и побелен [596].

В середине XIX в. Витольдом, женатым на Валерии Войшвилло, а второй раз — на Ванде Кеневич из Дорошевичей, началось строительство нового двора в формах провинциального классицизма. Сумел он построить только официну, в которой прожили три поколения Ордов. Это было длинное одноэтажное здание, деревянное, оштукатуренное, крытое высокой четырехскатной гонтовой крышей. С фронтальной стороны фасад украшали два похожих живописных крыльца с двумя парами массивных кирпичных колонн. Правое крыльцо служило входом в парадные, левое — в жилые и служебные комнаты. Со стороны парка на оси здания имелась обширная веранда с четырьмя колоннами, широко расставленными и выдвинутыми вперед и двумя пристенными колоннами. На них опирались балки и плоская крыша. Вторая терраса имелась у правого края здания.

Небольшой дом был удобным, подобно родительскому дому в Бижеревичах, хорошо обставлен, в основном мебелью в стиле ампир. Включал, кроме жилых комнат, столовую, гостиную, библиотеку, и салон, в которых имелись белые мраморные камины. Особую нарядность салону придавали каннелюрованные (с вертикальными желобками) пилястры. Полы в помещениях были выложены квадратными дубовыми

Новощицы. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1938 г.

плитами и обработаны под красное дерево. Одна из маленьких угловых комнат с одним окном называлась комнатой Траугутта, в ней в тяжелое время 1863 г. укрывался Ромуальд [596].

В доме имелись немалые художественные ценности. Собрание семейных портретов включало работы Валентия Ваньковича (портреты Виктора Орды, его жены Марцианны Ширмянки и сына Витольда), С.Сестренцевича (портрет Витольда), И.Лампи (портрет Марии Кремеровой), Т.Айдукевича (портрет Марии Смольковой, жены Кароля), неизвестного берлинского художника (портрет Ядвиги Кеневич), Михаила Чепиты (портрет Кароля и его жены Марии) и других художников [596].

Наиболее ценными произведениями искусства считались: бронзовый барельеф работы Велонского, представляющий короля Яна Собеского под Веной, подаренный мастером девятилетней Марии Смольковой; серебряная фигура Меркурия высотой до 90 см, копия из Флоренции, приобретенная в Риме Каролем Ордой; несколько слуцких поясов, часы в мраморной оправе, предметы из позолоченной бронзы, канделябры. В доме имелись корецкий фарфор, старинный хрусталь, серебряные столовые сервизы на 18 персон, из которых один был в стиле Людовика XV, два больших серебряных блюда. Около тысячи томов насчитывалось в библиотеке. Большинство ценностей погибло еще во время первой мировой войны. Рядом с усадьбой проходила линия фронта с системой оборонительных укреплений.

Парк в Новощицах, как отмечает Р.Афтанази [596], не имел композиционной выразительности, тем более что старые парковые композиции располагались около дома Гедройцев, а новый парк был разбит вокруг дома Ордов. Время изменило его настолько, что представить планировку весьма трудно. Похоже, что старый парк имел симметрично-осевое построение. На оси лежала дубовая аллея, которая вела вдоль сосняка, званного «Тетера». Дубы утрачены. При въезде в усадьбу симметрично браме стояли два старых амбара с колоннами. Завершалась ось усадебным домом. Въездная аллея теперь прослеживается среди разросшихся кустов ирги колосистой. От нее к партеру нового дома через усадьбу была проложена новая аллея из ели (не сохранилась). Не сохранилась и вторая аллея из конского каштана, пересекающая усадьбу

поперек и связывающая двор с садом и хозяйственным двором. За ней прокопан и обсажен ивами ломкими канал, который наполнял небольшой водоем в глубоких берегах, расположенный на окраине усадьбы. Канал выражен, но порос кустарниками, сохранились одиночные старые ивы.

Перед домом росло много разных деревьев. Теперь здесь сформировался сплошной одичавший древостой из граба, клена, ясеня, вяза, белой акации. Массово распространился рябинник. Растут одиночные деревья конского каштана, липы крупнолистной, много сирени. За домом на поляне доминировала белая ива с ниспадающей до земли кроной. Вокруг ее ствола был сооружен каменный стол, а шатровидная крона дерева служила своего рода летней беседкой. В усадьбе имелось много цветов, штамбовых роз. Двор отличался ухоженностью, хозяева — гостеприимством и приветливостью. В 1915 г. на усадьбе был похоронен немецкий поручик, мать которого в 1926 г. приехала в Новощицы с целью забрать прах сына в Ганновер. Однако Мария уговорила женщину не трогать захоронение, обещая по-прежнему ухаживать за могилой [338].

Усадьба сгорела в 1943 г. В послевоенное время была восстановлена, служила усадьбой спиртзавода. В 1956 г. вновь сгорела. Последнее кирпичное двухэтажное здание бровара было разобрано в 1995 г. Парковый древостой одичал.

Усадебным уютом, большими фамильными ценностями была наделена усадьба Ордов Перекале на р. Стырь за Припятью. В доме имелись кафельные и майоликовые печи, мебель из красного дерева в стиле ампир и в духе рококо, столики из мрамора, семейные портреты Ордов кисти Вацлава Давидовского, картины, среди которых полотно кисти И.К.Айвазовского, собрания старинного оружия и охотничьих трофеев, фортепьяно Беккера, книги польских классиков XIX в., бронзовые часы и канделябры, изделия из фарфора, фамильное серебро, хрусталь цвета темного рубина и граната, хрустальная люстра в бронзовой оправе, старомосковские фарфоровые и китайские столовые сервизы и др. [596].

Навощицы. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1938 г.

Регинов. Въездная аллея. Фото 2002 г.

Регинов

По данным Р.Афтанази [596], записанных со слов последнего владельца соседнего имения Рудня Яна Балинского-Юндзилла, Регинов с XVI в. являлся родовым гнездом Юндзиллов (Юндзилло) герба Лебедь и со второй половины XVIII в. — главной резиденцией генеральской (второй) линии рода. По архивным документам, у истоков рода был полковник Адам Дунин-Юндзилл, владевший имениями Бурбишки, Бенкуны, Крояны в Трокском воеводстве и Кузьминками в Браславском уезде. Его сыновья положили начало двум, сравнительно разветвленным линиям рода. Старший сын Матвей владел имением Истниче в Виленском воеводстве, что удостоверялось квитанцией за 1690 г. Сыновья унаследовали родительские имения, которые затем становились собственностью последующих поколений, включая седьмое колено [192]. На этом «родословная» Юндзиллов, представленная в одном из фондов НИАБ, обрывается. Эти архивные материалы не совсем согласуются с родословной, разработанной А.Нарбуттом [484] на основании данных А.Бонецкого и Т.Жихменского. По их сведениям, род был весьма древним. Первым известным предком его был Рачко, родившийся около 1390 г., владелец д. Кременицы в Волковысском повете. В исторических источниках владения рода указываются в XV в. В документах Метрики ВКЛ за вторую половину XV в. отмечается: «Станьку Мордасу на потверженье на Юндилову державу по великого князя Витовте грамоте ...» [430]. Сын Рачко Юндзилл, женившись на Анне Дуниной герба Лебедь, принял герб рода жены и в виде приставки ее фамилию. Дунины-Юндзиллы имели четверых сыновей: Николая (родился около 1470), Яна (умер в 1522), Павла, Семена (родился около 1480). Наиболее разветвленной стала ветвь, которая пошла от Яна. Николай не имел потомства. Начиная со второй половины XVI в., род стал весьма заметным. В данных документах довольно часто упоминаются «Юндилы»,

Регинов. Каплица. Парадный фасад. Фото 1894 г.

«Юндилова держава», «пан Миколай Шимкович Юндилович, 1532», «Христофор Юндила с сыновьями Яном, Криштофом, Николаем, Абрамом, Войтехом и Ярошом, владелец Бусяжи, Пелесы и Ваверки (1570)», «Ян Юндилъ на Зельве, маршалок повету Волковысского» (1619), стольник витебский Михаил Юндзилл (1669) и др. [240, 243].

Ветвь Яна в восьмом поколении разветвилась на три линии, начало которым положили братья Августин (родился около 1670), Антоний и Ежи. Первая линия называлась графской. Внук Августина Франциск (около 1740—1818), подкоморий гродненский, получил в 1798 г. титул графа прусского. Его сын, граф Виктор (1790—1862), известен по событиям 1812 г. Воевал в составе 8-го полка уланов князя Доминика Радзивилла, был награжден орденом Виртути Милитари. После этих событий жил в отцовском имении Берестовица, которое за причастие к восстанию 1830—1831 гг. было конфисковано. Покоится на кладбище в Лозанне [484].

Генеральская (вторая) линия берет начало от Антония. Его внук Тадеуш (родился около 1740) являлся генералом артиллерии литовских войск. Неизвестно, при каких обстоятельствах его потомкам отошли имения Рудня и Регинов. Их владельцем затем был сын Станислав (1796—1861), его внук Тадеуш (1824—1874), женатый на дочери Юзефа Твардовского, ректора Виленского университета.

В 1863 г. конфискованный у Юндзиллов Регинов купил российский граф Воронцов-Дашков. После амнистии в 1890 г. Регинов и Рудня вновь перешли Юндзиллам, старшему сыну Тадеуша Станиславу (1853 г.р.), женатому на Ядвиге Юндзилл, и Казимиру (1858 г.р.), второму сыну [546]. Братья не имели наследников. В 1920-е г. имениями владел Юзеф Балинский, сын Игнатия, внук Юзефа и Юзефы Юндзиллов. Основной резиденцией рода становится Рудня. В усадьбе Регинов местным ксендзом организуется сельская средняя школа имени Юзефа и Антонины Балинских с интернатом для мальчиков [596].

Усадьба была заложена в позднебарочных формах. Расширялась и достраивалась до конца XVIII в. в формах классицизма. Имела, подобно другим барочным усадьбам, хорошо выраженную длинную ось. Въездная аллея, ведущая со стороны р. Щара, тянулась до двух километров, но была несколько смещена с оси усадебного дома. На другой стороне усадьбы ось завершалась каплицей. Усадебный дом, построенный примерно в середине или во второй половине XVIII в., видимо, генералом Тадеушем, был деревянным, прямоугольным в плане с высокой четырехскатной крышей. Позднее он при-

Регинов. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1894 г.

Регинов. Фрагмент парка. Фото 2002 г.

обрел некоторые черты позднего классицизма путем пристройки к парадному фасаду каменного белого ризалита с четырьмя пристенными колоннами, завершенного карнизом и гладким аттиком. Симметрия здания нарушается пристройкой боковых объемов разной величины. Перед домом, судя по фотографии 1894 г., располагался большой, по длине всего здания, газон, рассекаемый на секторы функциональными дорожками, ведущими к центральной клумбе с большой агавой в центре. Симметрично перед главным входом в здание росло два тополя черных 'Italica'. Справа на газоне располагалась официна, за ней стояли два лямуса и спихлер.

В начале XX в. большой усадебный дом, который сочетал черты барокко и классицизма и являлся родовым гнездом, сгорел. В 1903 г. Казимир строит новый деревянный дом с боковыми крыльями. Крыльцо главного фасада имело четыре колонны, на парковом фасаде была устроена веранда с крышей, опирающаяся на восемь тонких колонн. Маленькие крылечки, подобные на крыльцо главного фасада, украшали фасады боковых крыльев, которые имели двухъярусную композицию со стилизованными волютами и завершались маленькими треугольными фронтонами [596].

Интерьеры дома, включающего около 20 помещений (зал, столовая, салоны, спальни), были обставлены старинной мебелью, содержали много фамильных ценностей, накопленных поколениями рода; после пожара перенесены в новый дом. Особую ценность представлял родовой архив, включающий материалы и документы с XVI в. [619]. Библиотека включала несколько тысяч томов, в основном издания XVIII в. Значительная часть ее была утеряна в 1914—1920 гг. Уцелевшая часть архива в шестнадцати сундуках в 1928 г. перевозится Я. Балинским в имение Синежицы. Имелось собрание портретов представителей рода кисти Иоганна Лампи, Кароля Миллера, Мауриция Готлиба и др. [596].

В усадьбе имелась двухэтажная с трехскатной крышей каплица, построенная на рубеже столетий и внешне больше напоминающая дом. И только крест над фронтоном указывал на ее назначение. Ее парадный фасад украшали по четыре пристенных колонны на первом и втором этажах. Нижний этаж каплицы служил для молебна, в верхнем размещались библиотека и архив.

В послевоенное время в усадьбе разместилась военная часть, что привело к ее перепланировке и застройке. Последнее из сооружений (фрагмент усадебного дома),

Регинов. Место расположения усадебного дома. Фото 2002 г.

было разобрано в 2001 г. Вокруг бывшего здания растут клены, липы, сосны, белая акация, тополя белые. Хорошо выражена широкая (12 м) въездная аллея, прямая, словно стрела, расположенная на оси юг — север, но уже без старых лип. На их месте единичные порослевые экземпляры и деревья разного состава, посаженные в последнее время (клен, дуб, ольха черная). Вдоль аллеи с двух сторон прослеживаются кюветы, собирающие и отводящие воду в Щару. К усадебной аллее по речной террасе через сосняк ведет проселочная дорога с видами на пойму реки.

От соседней Рудни, самого старого имения рода, сохранились только небольшие фрагменты паркового древостоя. Усадебный дом, построенный в первой половине XVIII в. из лиственницы в формах барокко, был относительно скромным в сравнении с домом в Регинове. Двор имел официну с левой стороны, а справа, несколько удаленно от парадного партера, располагалась каплица, построенная позднее. Фасад здания украшал четырехколонный портик. При каплице располагались фамильные захоронения. Парадный двор окружал регулярный парк, который в 1920—30-е гг., с переселением в усадьбу владельцев из Регинова, перепланировался в пейзажный [596].

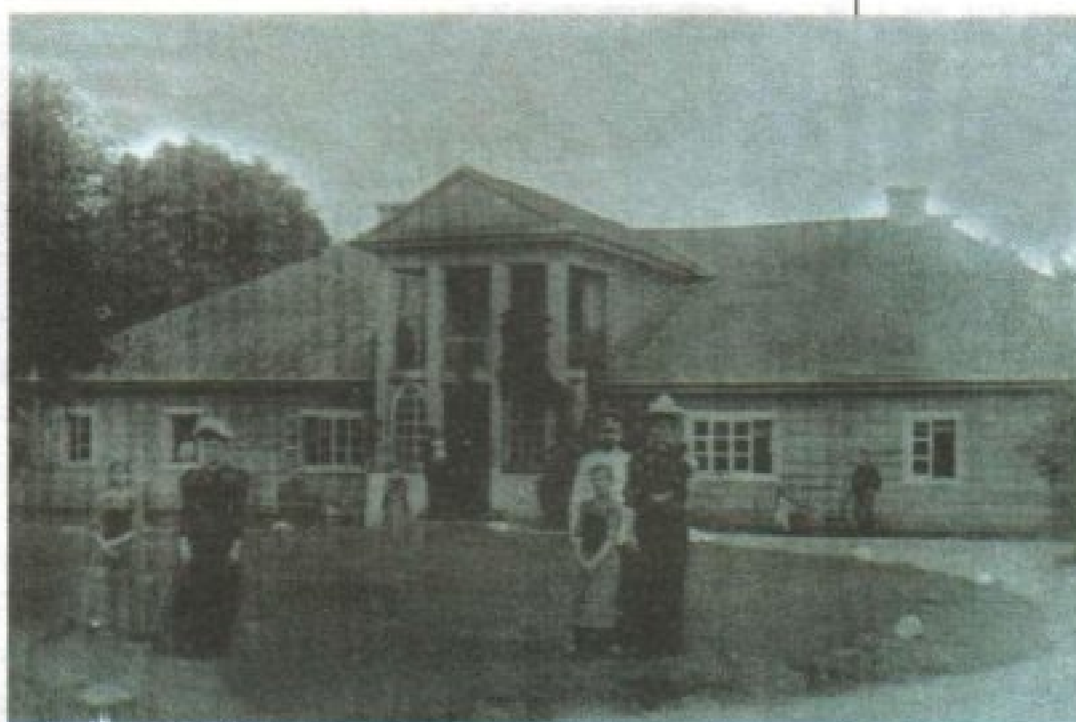
Обособленно от населенных пунктов располагался Грудополь (Хурдопол), усадьба Юндзиллов, принадлежащая Августину, племяннику Яна, который владел Ивацевичами, из третьей младшей линии рода. Сведений о ней мало, хотя усадьба пережила последнюю войну, и в послевоенное время в ней размещалась больница. Была разрушена в 1970-е гг. Судя по древостою, закладывалась примерно во второй половине XIX в., а скорее к концу века. Включала усадебный деревянный одноэтажный дом, официну, хозяйственный двор, бровар, каплицу, парк. Сохранились незначительные фрагменты живописного древостоя бывшего большого пейзажного парка. Его планировочное решение не прослеживается. Частично выражены въездные аллеи, руины каплицы, фундаменты усадебных сооружений. Часть усадьбы занимают лесные посадки, и ее территория утрачивает последние черты культуры.

Малые Щитники. Покровская церковь. Фото 2003 г.

Малые Щитники

В XV в. владение Горностаев. Ивашко Горностай к отцовским владениям добавил ряд имений на землях брестских и каменецких. В виде приданого ему перешли недалекие Копылы [760]. В 1567 г. Гаврил Иванович, воевода минский, державца каменецкий «ставил... зъ Щитников... кони три..., а всего — 29» [428]. В 1602 г. фольварк Щитники принадлежал Александру Госевскому, владельцу Волчина [500]. Последней владелицей из рода была Тереза Госевская, от которой по тестаменту в 1708 г. фольварк вместе с Волчином, Лютой, Гремячим стал собственностью ее второго мужа Казимира Сапеги, гетмана ВКЛ [742]. В дальнейшем, являясь фольварком Волчина, Щитники имели общих с имением владельцев, которые часто менялись. В 1710 г. Щитниками владел Якуб Флеминг, фельдмаршал саский, женатый на Франтишке Изабелле (из Сапег), затем Чарторыйские, Понятовские и опять Чарторыйские. Фольварк обособился, видимо, при Шуйских. Затем владельцами были Пониквицкие [775]. Феликс Пониквицкий (сын Тадеуша) известен как участник восстания 1830—1831 гг., один из руководителей тайной патриотической организации в Брестском уезде, участник Брестского заговора 1846 г. От Пониквицких имение пере-

Малые Щитники. Усадебный дом. Церковная процессия. Фото до 1939 г.

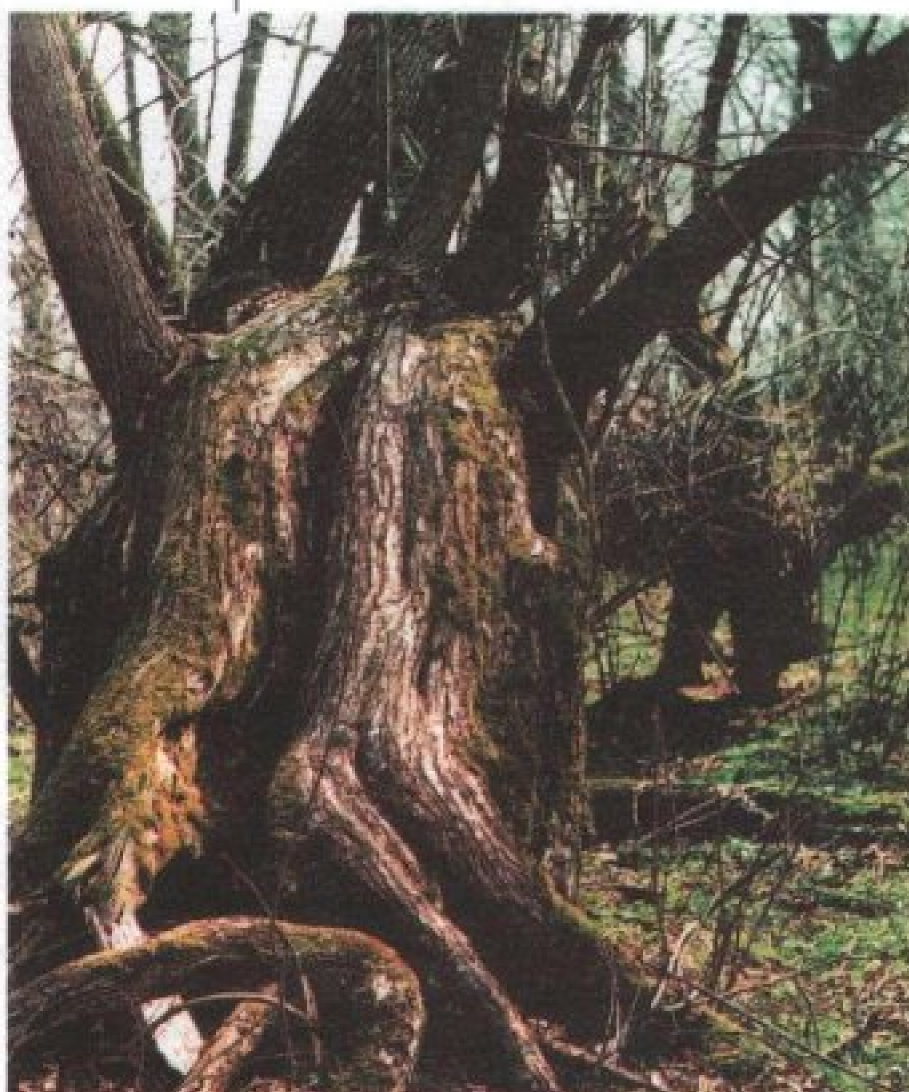


Малые Щитники. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1893 г.

шло Тукалло. Одним из владельцев в XIX в. была Софья Тукалло-Щайберова. В 1890 г. земельные угодья имений Щитники и Лесняны, которые принадлежали Ванде Дмуховской, составляли 884 десятины [546]. Последней владелицей была Софья (из Толлочко) Шрайбер.

Усадьба была заложена, видимо, Фредериком Чарторыйским в формах барокко, который в 1738 г. купил у Станислава Понятовского Волчин вместе со Щитниками. Основной доминантой усадьбы становится храм, построенный Чарторыйскими в 1742 г. (по некоторым источникам построен С. Понятовским, отцом короля). Ему записывается две волоки земли. Священник, кроме того, пользовался правом свободного пивоварения и винокурения и должен был совершать литургию за души своих фундаторов [237]. В 1864 г. разрушенное здание восстанавливается стараниями Франтишки (из Толлочко) Пониквицкой (жены Феликса) в память о рано ушедшей из жизни дочери и называется Покровской церковью. Она вторично восстановлена в 1980-е гг. Прямоугольный, вытянутый по продольной оси храм с высокой вальмовой крышей является памятником архитектуры, сохранившим некоторые черты барокко. Рядом с церковью покоится Ядвига Пониквицкая, ушедшая из жизни 25 февраля 1864 г. в возрасте 18 лет. В 1820 г. Пониквицкие построили новый одноэтажный деревянный дом с высокой четырехскатной крышей и

Малые Щитники. Парадная часть усадьбы. Фото до 1939 г.

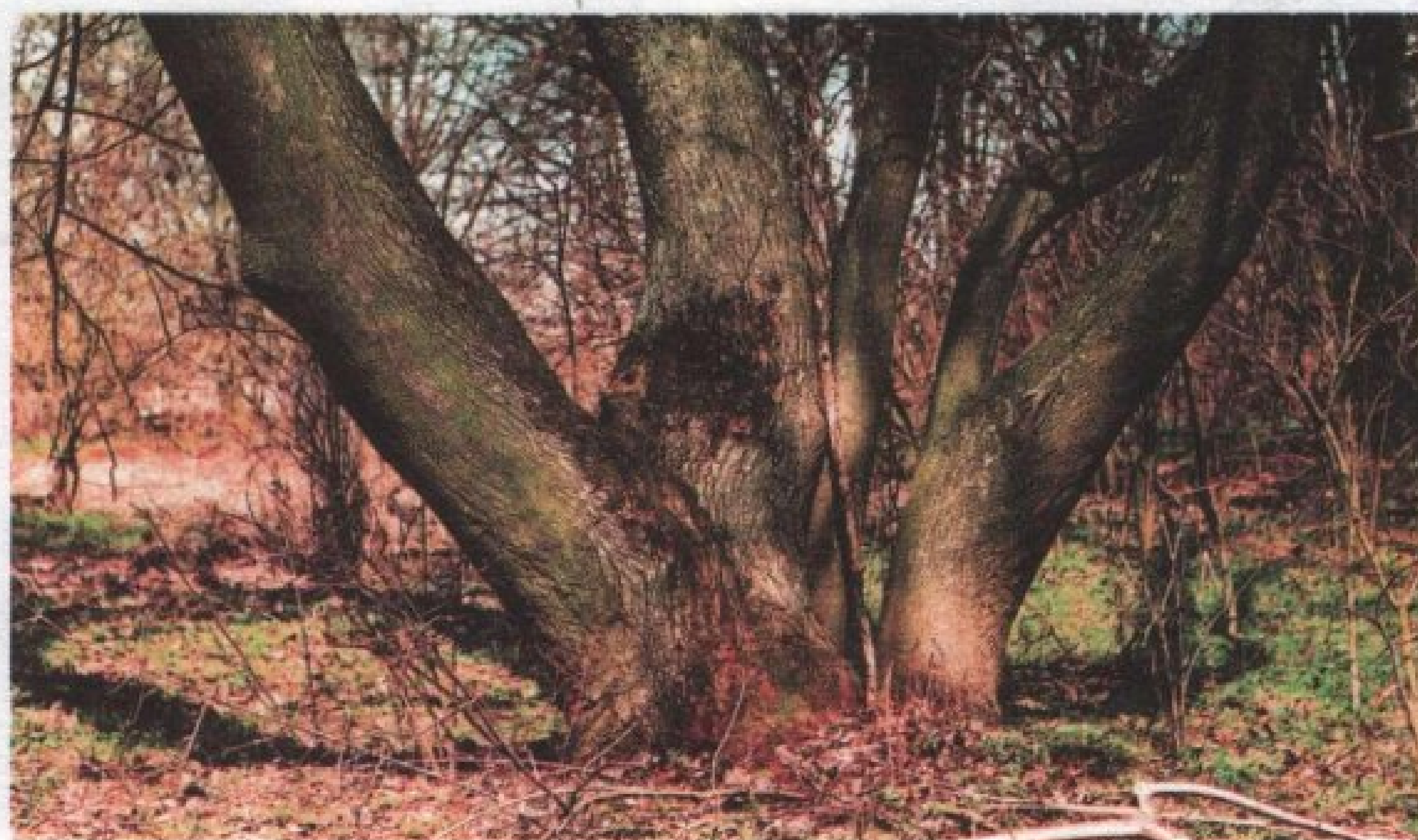


Малые Щитники. Парк. Ива ломкая. Фото 2003 г.

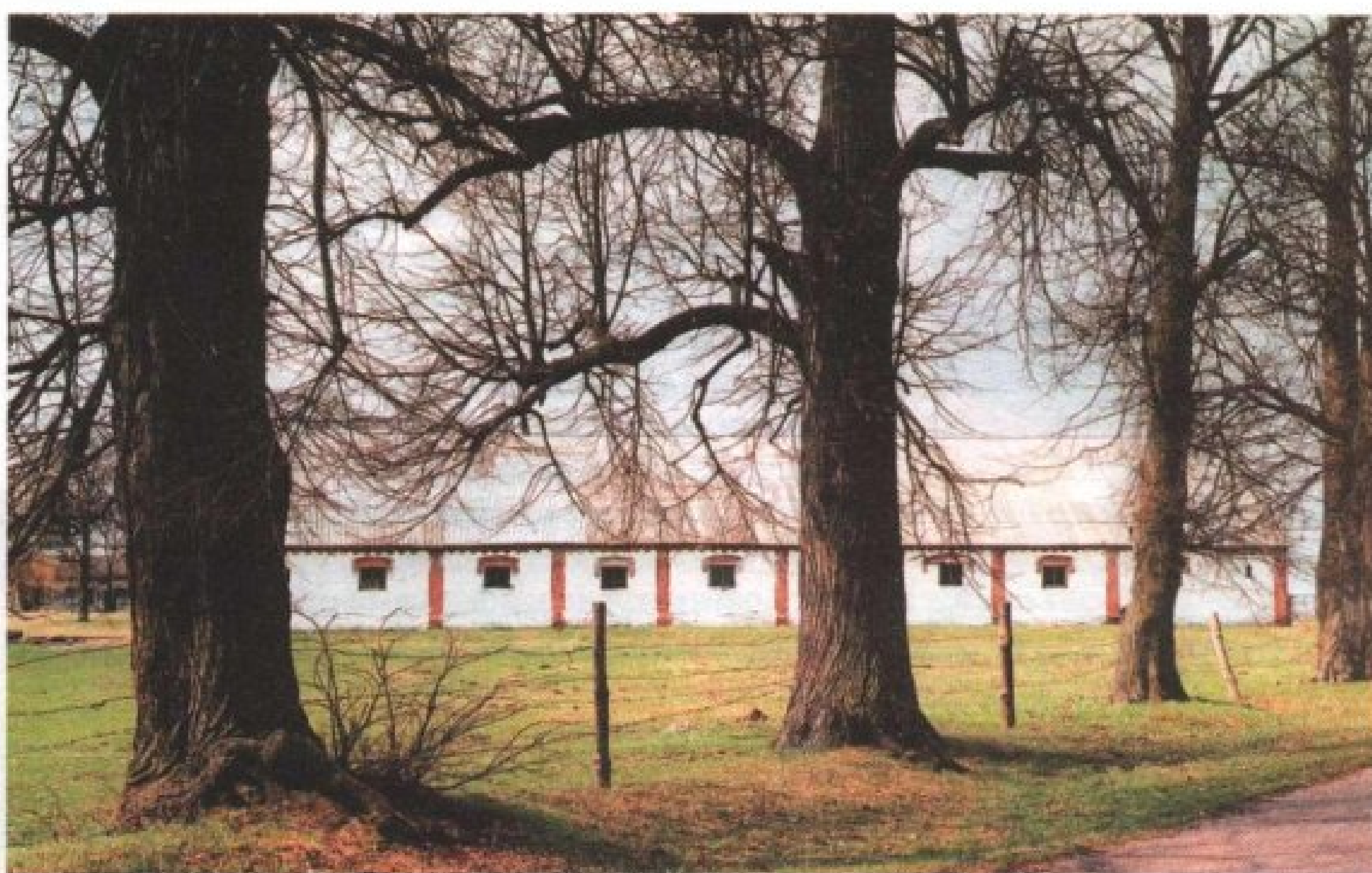
портиком. Дом имел небольшую мансарду с выходом на балкон, прижатым к филярам портика [596]. Со строительством дома ведется перепланировка усадьбы в пейзажных формах. После пожара 1895 г. на месте прежнего дома в начале XX в. строится новый в духе эклектики. Известен по фотографиям, хранящимся в семейном архиве Кристины Рамлау-Клековской (Варшава). Большое каменное прямоугольное в плане здание имело боковой двухэтажный объем. Парадный фасад был раскрепован ризалитом, парковый имел большую террасу с железной балюстрадой. Вдоль здания с этой стороны росли посаженные в ряд белые акации. На парадном партере имелся четко выраженный подъездной круг, сохранившийся с начала XIX в. Въезд выделялся тремя кирпичными пилонами с четырехскатным невысоким завершением из жести. В эти годы во дворе имелись малый усадебный дом, в котором жила семья Рамлау, спихлер и хозяйственный двор.

Здание усадебного дома изменено в послевоенное время, используется под жилье. Несмотря на наслоения разных эпох и разрушения, усадьба выражена в прежних границах, сохранила общие черты композиции, а древостой парка достиг зрелости и высокой декоративности. Усадебный дом, большой партер расположены в глубине парка, в наиболее приподнятой его части. Бывший круг на партере слегка прослеживается, как приподнятое ровное место перед домом. Слева во дворе находится небольшое кирпичное, Е-образное в плане сооружение на высоком фундаменте из колотых валунов (используется под сарай). В углу справа растут ель и конский каштан, под раскидистой кроной которого по-прежнему лежит большой плоский валун (2,3х3 м), любимое место детских игр.

За домом, от террасы с балюстрадой (она не сохранилась) по легкому склону простирается большая поляна. В барочное время это пространство площадью более



Малые Щитники. Парк. Фрагмент древостоя. Фото 2003 г.



Малые Щитники. Каретная. Вид с въездной аллеи. Фото 2003 г.

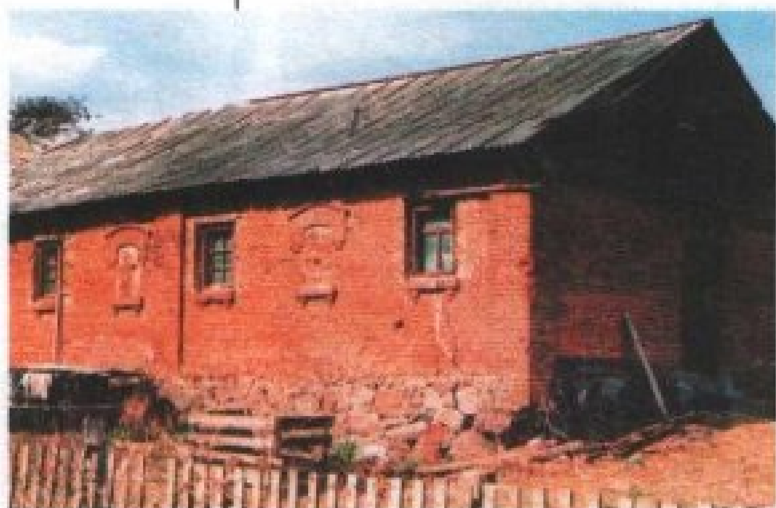
гектара являлось боскетом, от периферийных посадок лип которого остались небольшие фрагменты. Липы с XVIII в. достигают величественных размеров. Высота доминирующего в насаждении дерева 32 м, диаметр ствола 252 см. На главной оси, в разрыве между липами, насыпан невысокий видовой холм.

Позднее усадьба была перепланирована в пейзажных формах. В боскете, подчеркивая ось перспективы, появилась плотная посадка из ели, солитерные деревья. Далее за боскетом, на пониженной территории, видимо, позднее была сформирована водная система. Частично прослеживается широкий кольцевой канал (ширина 4 м), небольшой водоем, который соединялся с р. Сорока. В эту систему по клинообразному, хорошо выраженному углублению поступала вода из боскета. От кольцевого канала ответвлен боковой канал. Вдоль него насыпан вал, который выполнял функцию обвалования и служил прогулочной тропой. Канал, плавно изгибаясь, пересекает восточную часть парка и завершается небольшим водоемом в окружении старых экзотических ив ломких. Водоем захламлен, обмелел, не содержит воды. Вдоль каналов, водоема развились сплошные заросли бузины черной и лещины, под пологом которых развивается красочное разнотравье из весенних эфемероидов (ветреница, гусиный лук).

Усадьбу с юго-восточной и южной сторон охватывает дорога, вдоль которой прослеживаются кювет, дренирующий пониженную территорию, и защитная обсадка из ив белых.

Живописную слегка пересеченную восточную часть усадьбы (между боскетом и каналом) занимает пейзажный парк. Его древостой одичал, небольшие поляны зарастают. Выпали орехи грецкие . Красочность парку, несмотря на запущенность, придают старые одиночные липы, грабы, конские каштаны. Высота двух конских каштанов, растущих кустом, 24—25 м, диаметр ствола 116 см. Под пологом деревьев развивается обильный подрост вида высотой до трех метров. Одна из ив давно потеряла вершину, экзотически изогнутый ствол, опираясь на суки, принял положение параллель-

Малые Щитники. Захоронение Ядвиги Пониквицкой. Фото 2003 г.



Малые Щитники. Флигель. Фото 2003 г.

ное поверхности земли и продолжает жить, пускает вверх молодые ветви. Между церковью и усадьбой проходила широкая аллея из конского каштана и липы. Сохранились одиночные деревья. Здесь растет один из наиболее декоративных в Беларуси конский каштан. Его мощный ствол на высоте трех метров дает пять ветвей, размах которых образует шатер в диаметре до 17 м. С другой стороны храма частично прослеживается широкая (ширина 12 м) липовая въездная аллея, сложенная деревьями, посаженными через 10 м в ряду во второй половине XVIII в. С западной стороны аллеи на приподнятой местности располагался хозяйственный двор. Среди одиночных конских каштанов, белых акаций, лип сохранилось два старых здания. Архитектурными формами выделяется одно из них — бывшая каретная. Она больших размеров (40х12 м), с высокой крышей, оштукатурена, побелена, используется как конюшня. Углы, пилястры, карниз, фронтоны искусно выложены красным кирпичом. Во фронтонах по одной двери, по три окна, украшенных сложными сандриками, и по одному округлому окну в верхней части. Боковые стены ритмично расчленены пилястрами, имеют по восемь окон квадратной и по два — щелевидной формы.

Малые Щитники. Памятный валун Казимиру Лыщинскому. Фото 2003 г.

По составу усадебных компонентов, красочности паркового древостоя усадьба является одной из лучших на Брестчине, но очень запущена. В 1988 г. около церкви установлен валун в память о белорусском мыслителе, материалисте, атеисте Казимире Лыщинском (1634—1689), который родился в соседней деревне Лыщицы.

Старая Мышь. Фрагмент въездной аллеи. Фото 1999 г.

Старая Мышь

Поселение Мышь известно с первой половины XV в., входило в состав королевских владений [652]. Первым известным владельцем являлся Иван Ходкевич, маршалок господарский, наместник лидский, витебский и в 1482 г. киевский. В 1482 г. был схвачен татарами и умер в неволе, а жена с детьми была выкуплена. Имение в 1540 г. перешло Александру Ивановичу (1457?—1544), наместнику пинскому, маршалку господарскому, воеводе новогрудскому, основателю монастыря в Супрасле. Его сын Героним (1500?—1561), державца ошмянский, подчаший литовский, каштелян трокский, виленский (1559), являлся основателем быховской ветви рода. В 1555 г. получил для себя и своих потомков графский титул «Священной Римской империи». При разделе отцовских владений в 1550 г. взял Мышь, Быхов и Лебедево [335].

Известной личностью рода был также Ян Героним (около 1537—1579), единственный сын Геронима. Он также занимал высокие должности, с 1574 г. и до конца

жизни являлся каштеляном виленским, пользовался привилеем Сигизмунда Августа на сборы пошлин в ВКЛ, что приносило большие доходы. На высокой террасе р. Мышанка заложил резиденцию в виде традиционного замка с деревянными башнями по углам, соединенными оборонительными стенами, укрепленного валом и глубоким рвом, который заполнялся водами реки. В 1568 г. получил титул графа на Мыши и Шклове [777].

Ян Героним был женат на Кристине Зборовской, дочери краковского воеводы, имел сыновей Геронима, Александра, Яна Кароля и четырех дочерей (Анну, Кристину, Гальшку и Александру). Сыновья Ян Кароль и Александр, проявив интерес к науке, закончили Виленскую академию. После академии Ян Кароль (1561—1621), самая незаурядная личность рода, учился в европейских заведениях, осваивал рыцарское мастерство, посетил Италию, Нидерланды, Испанию, Францию, Германию и Англию. Заслужил «похвалу» Карла V, о чем король писал его отцу. По возвращении находился при дворе Сигизмунда III, который также заметил воинские способности молодого Ходкевича. Был женат на Софье Мелецкой, дочери подольского воеводы, который вместе со Стефаном Баторием воевал с Московией под Полоцком [708]. Занимал высокие государственные должности. С 1605 г. — гетман великий ВКЛ, с 1616 г. воевода виленский. Под предводительством Яна Кароля войска Польши и ВКЛ в 1621 г. спасли Европу от турецкого нашествия. Мужественный гетман, уважаемый воинами, вел конные хоругви в бой и побеждал там, где это казалось невозможным. Умер на поле боя. Гетманская булава графа хранится в Виляновском собрании в Варшаве. Сердце покоилось в саркофаге в костеле кармелитов в родовом имении Большая Берестовица.

Ян Кароль Ходкевич.

Собственником укрепленной магнатской резиденции в Мыши становится брат Александр (1560—1626), воевода трокский, женатый на Катажине Корниактовне, дочери львовского купца греческого происхождения [777]. После Виленской академии он закончил философский факультет Ингольштадтской академии, вместе с братом много путешествовал. Собирался стать монахом, но потом выкупил у папы римского свое обещание. Принимал участие в битвах под Кирхгольмом и Хотином [335].

В замке Ходкевичей имелась большая библиотека. Собрание книг уступало по количеству экземпляров радзивилловскому в Несвиже, Кейданах и Бирже, Сапег в Ружанах, Зеновичей в Сморгони и Огинских в Ивье. Александр подарил его в 1619 г. шкловским доминиканцам. В библиотеке работал Матей Стрыйковский, автор известной «Хроники польской, литовской, жемойтской и всей Руси». При дворе находился монастырь иезуитов.

Единственный сын Александра рано умер. Наследницей стала дочь Анна, вышедшая замуж за Прокопа Сенявского (1602—1626). Известна по рисунку Я.Матейко, сделанному с портрета неизвестного художника. Умерла очень рано, в 1632 г. в возрасте 28 лет [599].

Сенявские герба Лелива занимали высокие должности в Речи Посполитой, а в XVIII в. стали крупными землевладельцами в Беларуси. Владельцем Мыши становится сын Анны и Прокопа Адам Героним (1623?—1650), граф на Шклове и Мыши. От

Анна Эуфрозина Сенявская (из Ходкевичей). Рисунок Яна Матейко с портрета неизвестного художника

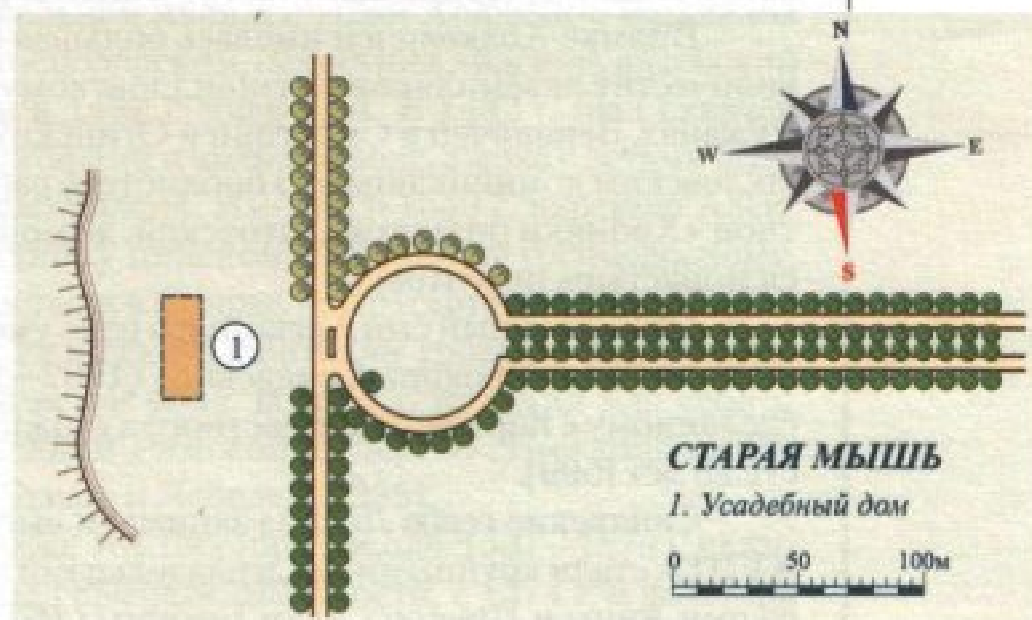
него Мышь перешла его сыну, также графу Николаю Герониму (1645—1683), гетману польному [335].

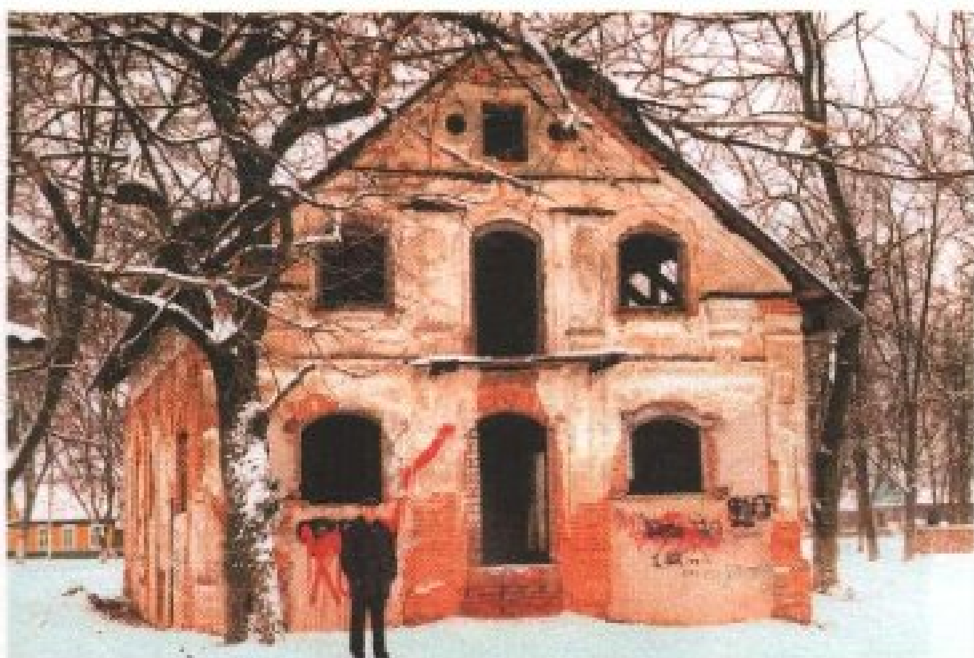
В 1654 г., во время войны России с Речью Посполитой, замок Ходкевичей сгорел и больше не восстанавливался. Русские воеводы докладывали царю: «В городке Мыши литовских людей всех побили ... И город Мышь выжгли и совсем разорили без остатку ...» [556]. Остатки замкового укрепления сохранились к югу от деревни на правом берегу реки. Хорошо выражена четырехугольная площадка, окруженная валом высотой около двух метров и широким (до 20 м) рвом.

В 1725 г. Мышь, девять имений в Новогрудском и три в Оршанском поветах принадлежали Адаму Николаевичу Сенявскому (около 1666—1726), гетману польному, гетману великому (1706), каштеляну краковскому (1710). На нем в 1726 г. угасла ветвь рода. Огромные владения Адама, потомка Ходкевичей, перешли единственной дочери Марии Софье (1699—1771). Она становится женой Станислава Денгоффа (1699—1771). Во втором браке была женой Августа Александра Чарторыйского из Волчина, который примерно в 1745 г. продал Мышь Михаилу Юзефу Массальскому (1695?—1768).

В 1728 г., по данным Инвентаря, Мышь являлась фольварком Мышского графства с корчмой и хозяйственными строениями [41]. Новый расцвет имения наступил во второй половине XVIII в. при Неселовских герба Кошбак, осевших в XVII в. на Украине, а затем в Беларуси. Оно перешло Юзефу в виде приданого Екатерины Массальской (1740?—1795). В 1845 г. имение становится собственностью Людвика Домбровского [110]. От него перешло сыну Владиславу, который в 1853 г. получил свидетельство о законном владении, отсутствии частных и казенных долгов, исков и запретов [126]. В 1876 г. наследственное владение Владислава составляло 2126 десятин земли [547]. Затем владельцы часто менялись. В 1888 г. оно принадлежало Андрею Федоровичу Искрицкому, в 1911 г. владелицей была графиня Елизавета Павловна Мусина-Пушкина [549]. Последними владельцами были Борзиньковы.

Старая Мышь при Неселовских становится главной усадьбой Мышского графства. Юзефом Неселовским на живописном слегка рассеченном рельефе закладывается новая резиденция в формах барокко. Юзеф (1728—1814) был племянником Казимира Игнатия Неселовского, известного политического и государственного деятеля первой половины XVIII в., поэта-мемуариста. Активно участвовал в жизни края: посол на сеймы, депутат Трибунала ВКЛ, староста цыринский, пренский и пропойский, подкоморий новогрудский, чашник ВКЛ, каштелян новогрудский, смоленский, воевода. В 1764 г. участвовал в избрании на престол Станислава Августа Понятовского, поддерживал с ним дружественные отношения. В 1784 г. по дороге в Несвиж король посетил резиденцию в Мыши. В 1794 г. становится одним из





Новая Мышь. Флигель гостиного двора. Фото 2003 г.

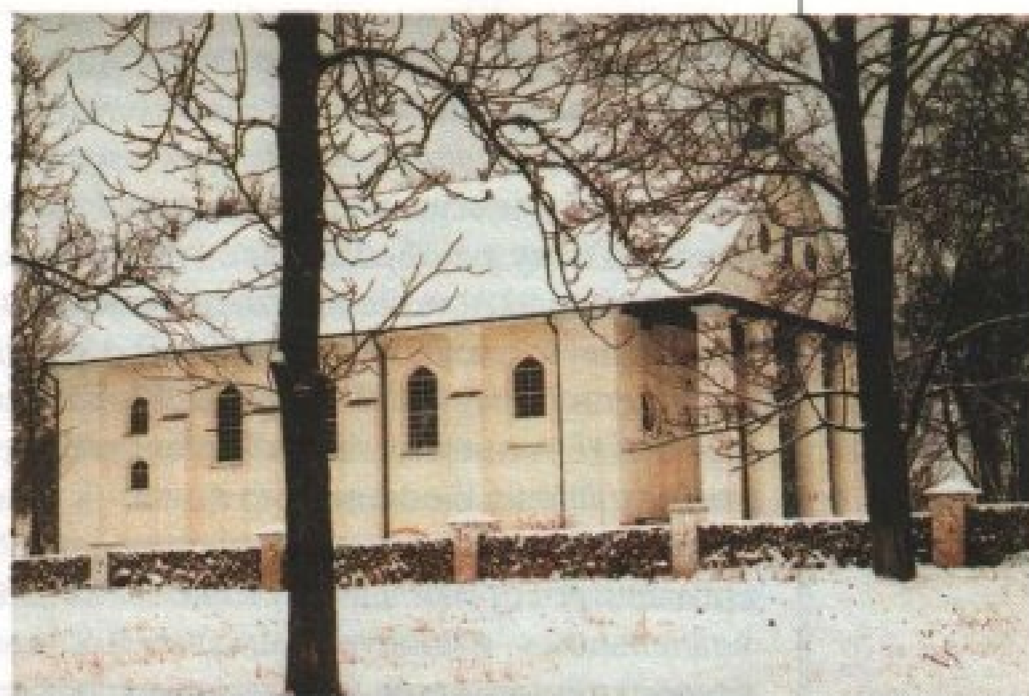
участников подготовки восстания, возглавлял Наивысший литовский совет, затем скарбовый отдел Центральной депутации ВКЛ. После поражения восстания Мышь, Воронча и другие его имения были конфискованы, но вскоре Екатерина II амнистировала Юзефа, схваченного казаками, и вернула имения. Сын Франтишек Ксаверий (1771—1845), кавалер креста Виртути Милитари, активный участник восстания, отказался присягнуть Екатерине II и выехал в Германию. Принимал участие в Наполеоновской кампании, в восстании 1830—1831 гг., отбывал ссылку в Вологде [495].

От усадьбы Неселовских сохранилась въездная липовая аллея, характерный элемент барочных усадеб, располагающаяся на главной композиционной оси, которая замыкалась дворцом, стоящим на возвышении. Аллея — редкий вариант заложений этого времени. Ориентирована в направлении восток—запад, протяженность 200 м, ширина 13 м. Она четырехрядная (ширина прогулочных дорожек 4 м), плотная (посадка в ряду через 0,5 м). Высота деревьев 27—30 м. Степень сохранности — до 80%. Перед партером аллея расширяется и, охватывая его с двух сторон, подходит ко второй поперечной аллее усадьбы (схема).

Строения времени Домбровских, известные по описанию 1842 г., тоже утрачены. В этом году двор включал усадебный дом (12,5x6,5 сажней), крытый соломой, хлебный амбар, сараи хлебные и для скота, винокурню с солодовней, мельницу водяную, дворовый и сельский запасной магазины, две корчмы [206].

На удалении от парадного двора, видимо, Искрицкими в начале XX в. построен добротный спиртзавод из желтого кирпича. Производственное здание представлено двумя корпусами. Главный корпус (42x11 м) состоит из трех объемов разной высоты с двускатными крышами. Фасад восточного объема (20x11 м) завершен фронтоном с тремя башенками и карнизом с гирьками. Западный объем (12x11 м) пониженный; центральный — более высокий, его южный фасад декорирован парой полуциркульных проемов, обрамленных арками, фронтоном с башенкой, который имеет круглое окно и широкий карнизный пояс с сухариками и гирьками. Объем соединен со вспомогательным пониженным корпусом (16x14 м). На расстоянии 20 м находится приемник спирта (15x7 м), состоящий из одноэтажных камер. Стены здания декорированы глухими нишами, лопатками, поясами, на фронтонах — башенки. Здания находятся в хорошем состоянии, но не используются.

Вторая усадьба — Новая Мышь, известна с XVI в. По данным Инвентаря за 1728 г., в местечке с несколькими улицами имелся деревянный усадебный дом, крестообразное в плане здание с высокой ломаной мансардной крышей, включающее парадный зал, пятнадцать комнат, переднюю, пять гардеробов, столовую, с богато оформленными интерьерами [585]. Ренессансный облик усадьбы выражала монументальная двухъярусная брама с галереей и четвериковым шатром в завершении. Во времена Сапег имелись меде-



Новая Мышь. Преображенский костел. Фото 2003 г.

плавильный и лесопильный заводы [103]. После поражения восстания имение в 1835 г. было конфисковано [102].

Усадьба утрачена. О прошлом напоминают Преображенский костел, построенный Сапегами в 1824 г. на месте старого храма XVII в., сочетающий мощный классицистический восьмиколонный портик, готические стрельчатые окна и ступенчатые контрфорсы, здание гостиного двора и мельницы, построенной в 1855—1859 гг. [94]. Ее руины в последние годы хорошо приспособлены для современных нужд.

В 1806—1810 гг. управляющим Мышского графства был Винцент Стыпулковский, женатый на Барбаре Мицкевич, сестре отца Адама Мицкевича [524]. Их посещал Адам Мицкевич с Яном Чечотом. В "Пане Тадеуше" поэт вспоминает Мышь, Юзефа Неселовского и визит короля.

Кобрин. Фрагмент парка

Кобринский ключ (г. Кобрин)

Кобрин относится к числу старейших поселений в крае. В Ипатьевской летописи (1287) упоминается, что город Кобрин, расположенный на севере Волынской земли, за Припятью, был владением владимиро-волынского князя Владимира Васильевича, который в 1286 г. завещал двумя тестаментами Кобрин и Городец во вдовий удел супруге своей Ольге Романовне [459]. С первой половины XVI в. город в составе ВКЛ. В одном из документов за 1366 г. владельцем Кобрина указывается князь Ольгерд. От него перешел сыну князя Федора Ратненского. В 1404 г. Грамоту Витовта на владение Кобрином, Грушевом, Несухаижами, Милановичами получил Роман, один из трех сыновей Федора [764]. Роман явился родоначальником рода князей Кобринских, а брат Сангушко — рода Сангушко [503]. Примерно до конца XV в. князья Кобринские герба Погоня владели Кобринским княжеством: Семен Романович, женатый на Ульяне, дочери князя Семена Гольшанского, а затем Иван Семенович, женатый на Федоре Рогатинской, известный по строительству православных храмов.

Иван Семенович третью часть наследственного и вотчинного имения в Кобрине завещал жене Федоре. Дарственная была подтверждена грамотой короля Александра от 4 июня 1507 г. [409]. Известен фундуш княгини Федоры, написанный в Кракове, на монастырь св. Спаса, который она осуществила, выполняя желание покойного. Княгиня записала «... десятину изъ Святому Спасу к Кобриню и зъ млина, што на ръцъ на Кобринеи, десятую мърку отъ жита, десятую копу въ Кобрини и отъ ярины всякое десятую копу у Кобринижъ; ... двъ корчмы вольныхъ въ Кобрини, село Корчичи и зо всими доходы, изъ даню, изъ полюдемъ, и зъ грошми, и зо всеми тыми доходы», приложив на то свою печать [409]. В 1512 г. король Сигизмунд I Старый подтвердил дарственную запись Федоры [237]. Княжеское время Кобрина закончилось со смертью в 1518 г. княгини Анны Семеновны Кобринской, жены во втором браке королевского маршалка Вацлава Костевича.

Богатое княжество давно привлекало внимание короля Сигизмунда I Старого и, согласно его привилею от 7 июня 1519 г., оно становится староством во главе с новым владельцем — магнатом Вацлавом Костевичем. Фактически владение становится королевской вотчиной. Оно подчинялось королю, и правил староством со всеми кня-

жескими имениями от его имени В. Костевич [510].

Александр Мицкевич

После смерти короля, согласно его другому привилею, староство в 1549 г. стало собственностью его жены, королевы и великой княгини Боны Сфорцы, дочери миланского герцога. Первоначально оно вошло в состав Подляшского, а затем в 1566 г. — Берестейского воеводства [510].

Королева заботилась о развитии своего имения, неоднократно приезжала в Кобрин, поощряла развитие земледелия, торговли, ремесел, строительство города. С ее хозяйственной деятельностью связано строительство канала на заболоченных землях (теперь юго-западная окраина города), который и по сей день называется каналом королевы Боны, а обширные королевские владения — экономией. Согласно Люстрации экономии, проведенной в 1563 г. Дмитрием Сапегой, имению принадлежало 130 волок земли, из них 78 подлежало оплате чиншом, 22 волоки были вольными от всяких оплат и повинностей. Кобрин имел шесть улиц (Чернавчицкая, Ратненская, Пинская, Итальянская над р. Кобринка, Остромичская и Брестская (обе за р. Мухавец), четыре церкви, костел, деревянный замок, заметно разрушенный.

Имение продолжало успешно развиваться и при последующей владелице, королеве Анне Ягеллонке, дочери Боны и Сигизмунда I Старого, жене Стефана Батория. В 1589 г. Анна торжественно вручила жителям привилей на магдебургское право (самоуправление), подписанный новым королем Сигизмундом III Вазой (1587—1632). Кобрину даровались герб и печать. На территории Нижнего замка строится ратуша. Столовое имение короля становится самым крупным, включая около 800 га пашни и примерно 100 га сенокосов. После Анны (умерла в 1596) экономией владеет (1605—1635) Констанция Австрийская, жена Сигизмунда III Вазы [238].

Центральной усадьбой Кобринского староства, а затем экономии являлись замки: Верхний (Высокий) и Нижний (Пригородок). Время их строительства датируется примерно XIV в. [555]. Построение укреплений известно по Инвентарям за 1549—1597 гг., составленным при ревизии Брестского староства, введенной в практику королевой Боной в 1549 г. [71, 244, 459]. Верхний замок занимал возвышение с насыпным холмом — замковую гору (ныне сквер); замок Нижний располагался в пойме. На его месте расположены площадь Комсомольцев и собор Александра Невского. Собор построен в 1866 г. на могиле русских солдат, похороненных после боя 1812 г. На фасаде собора висела доска со словами: «Под сенью сего св. храма покоятся кости русских воинов-героев, павших в Кобринском бою 15 июля 1812 г.» [457].

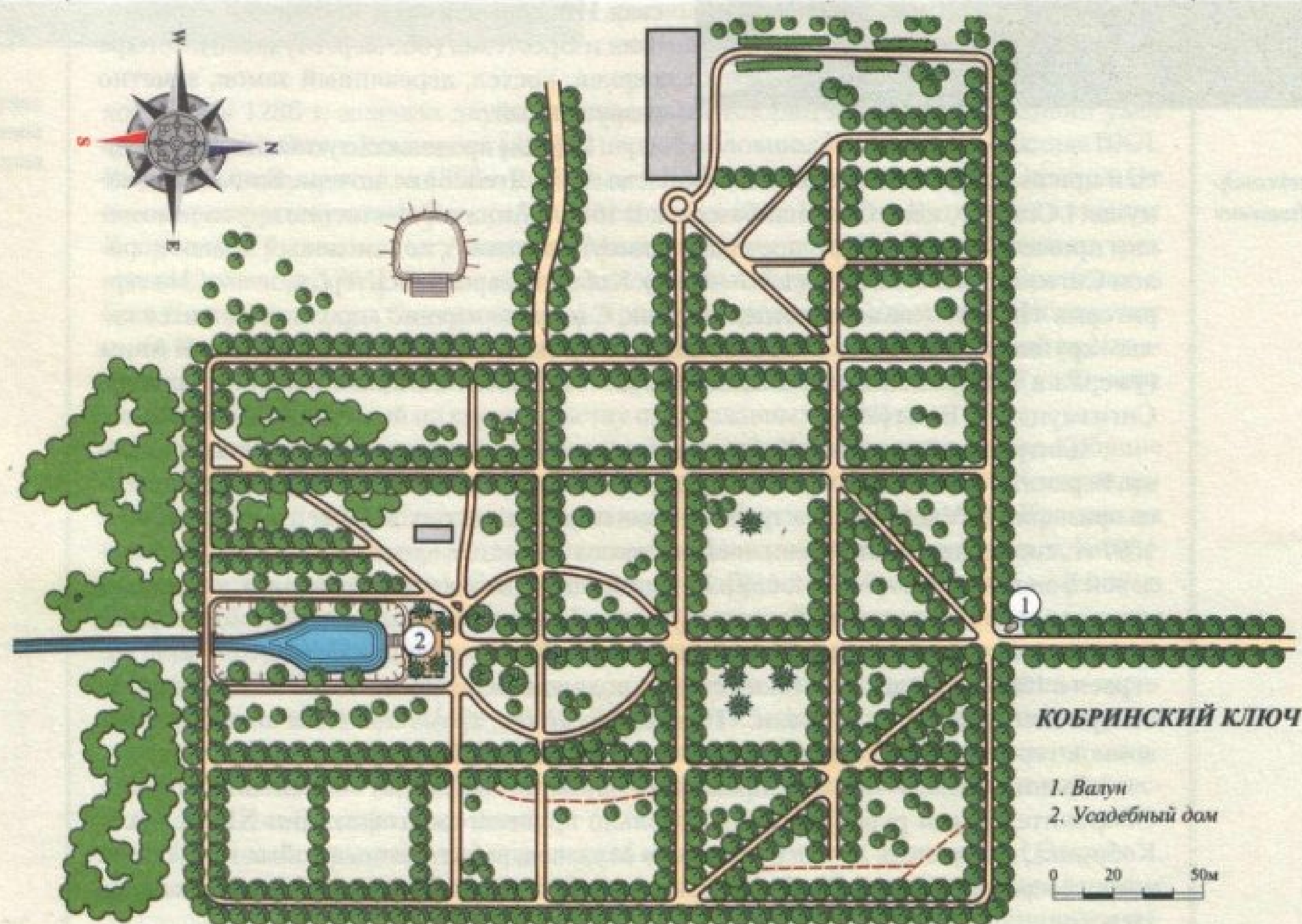
Граница между замками проходила примерно по линии современного моста. Оборонительными рубежами этой довольно крупной фортификации XIV в. были Кобринка, впадающая двумя рукавами в Мухавец, заболоченные пойма и глубокий ров с северной стороны. Глубокий ров сохранился вдоль ограды собора Александра Невского.

Вход, возле которого возвышалась отдельно стоящая сторожевая башня (брама),

вел в замковое укрепление по подъемному мосту через Кобринку. Последний проем моста был подъемным. Замок имел восемь башен. Вход на замковый двор шел через главную двухъярусную башню, в которой располагались стража и некоторые службы. Замок окружал паркан — тридцать две высокие стены — городни (специальные прямоугольные узкие срубы из бревен) между башнями, сложенными из дерева, земляной вал и ров. Во дворе имелся дом в виде терема со светлицами на втором этаже, коморами, коморками и разными другими помещениями на нижнем этаже. Окна светлиц имели оловянные оправы, железные решетки. Мебель состояла из дубовых, липовых, сосновых столов, скамеек, сундуков. Печи были обложены декоративными изразцами. С тыльной стороны дома располагался сад, несомненно, один из наиболее старейших в Беларуси. В саду росли сливы, груши и яблони, стояли пивницы, беседка (называемая крыльцом), спижарня с черной печью и небольшой дом [229]. Второй плодовый сад располагался возле пивницы [585]. В восточной башне замка (у правого рукава Кобринки) работала мельница. Дальше во дворе располагалось подворье, включающее конюшню и колодец.

Нижний замок, судя по Инвентарю за 1597 г., выполнял функцию административного двора староства, включал жилой дом старосты, три дома-флигеля, а также ряд хозяйственных построек. Рядом имелся замковый фольварк с набором основных сооружений того времени.

Ход в Верхний замок вел через одну из башен Нижнего замка по подъемному мосту с баней посредине, через опоясывающий ров (упомянутый выше) и ворота главной башни. В ней имелся подъемный механизм, который поднимал последний пролет моста. Стены замка были укреплены с внешней стороны земляной насыпью-брустве-



Кобрин. Фрагмент парка. Фото 1987 г.

ром. Нижние части стен не заполнялись землей и камнями, они служили коморами, а в их верхней части были устроены галереи с боевыми площадками, крытые дранкой. Сами башни завершались шатровыми крышами. Строения во дворе замка служили княжескими хоромами [459]. В замке жил пушкарь, который содержал замковое оружие (два орудия, четыре пушки, пищали, ружья, железные и каменные ядра) и два ремесленника, которые ковали железные изделия [244].

Замковые укрепления начали постепенно разрушать в 1796 г. по указанию А.В.-Суворова. Часть их некоторое время продолжала оставаться. В руинах замковых укреплений 15 июля 1812 г. капитулировал саксонский отряд генерала Кленгеля [457]. Окончательно валы и замковая гора исчезли при прокладке Московско-Варшавского шоссе в 1840-е гг. Земля была использована для отсыпки дорожной насыпи.

С западной стороны к Верхнему замку примыкал Спасский монастырь, основанный в 1497 г. последним кобринским князем Иваном Семеновичем и его женой Федорой при деревянной церкви Спаса на левом берегу Мухавца. Монастырь имел сад и пруды. Согласно инвентарному описанию первой Ревизии 1549 г., в скарбце церкви, кроме разных культовых предметов, имелись иконы, писанные по золотому фону с подвесками из серебряных витых гривен и драгоценных камней. На церковных хорах располагалась библиотека. Она имела Евангелие древнего письма, окованные в серебро рукописные книги величиной в десть (самый большой формат того времени) и первые книги, печатанные кириллицей — «старадруки» [510]. Жилой корпус монастыря, построенный во второй половине XVIII в. в барочных формах, сохранился до наших дней (ул. 17 Сентября, д. 11). Фасад здания, судя по одной старой открытке, видоизменен. Не стало перед ним брамы, оформленной двумя высокими башнями с шатровыми завершениями и двумя низкими, фиксирующими боковые пешие проходы. По пересохшему и засыпанному руслу левого рукава Кобринки проложена улица 17 Сентября (бывшая Монастырская).

В XVIII в. Кобринская экономия перестала приносить доходы. В 1757 г. державца Ежи Флеминг слил воедино ее с Брестской экономией, упразднил войтовства и волости и ввел новую территориальную единицу — ключ [358]. На месте прежней экономии возникло более двадцати ключей. Ключи Черевачицкий, Вежицкий, Лит-

винковский, Закросницкий, Тевельский, Иловский, Городецкий, Кобринский и ряд фольварков объединяются в более крупную административную единицу — губернию. Кобринская губерния на севере граничила с губернией Пружанской, с запада — с землями имения Киватичи, на юге граница проходила по р.Тростянка, а на востоке доходила до земель Антополя и Дивина [67]. В состав Кобринского ключа вошли Кобрин, девять сел и два фольварка. Город Кобрин, ослабленный войнами, эпидемиями и пожарами, в 1766 г. по указанию Станислава Августа Понятовского лишился городского самоуправления и был преобразован в обыкновенное земледельческое сельское поселение. После этих событий реорганизацией ключа занялся подскарбий ВКЛ А.Тизенгауз, ведавший королевскими имениями. Административным центром ключа становится новая усадьба (фольварк), заложенная в 1768 г. по распоряжению А.Тизенгауза в одном километре от Кобрина [459]. Из ратуши и замка в нее переместилась местная администрация. Длинная аллея соединила город с усадьбой и стала называться Губернской (ныне это ул. Суворова). Однако, несмотря на все старания подскарбия поднять доходность экономии, положительных результатов не было получено по причине сокращения численности населения, занятости людей на строительстве (с1775) Днепровско-Бугского канала, называемого Королевским, и общим ухудшением ситуации в стране [358]. В 1766 г. город лишился магдебургского права.

С 1795 г. Кобрин находится в составе Российской империи. Земли экономии с крестьянами были подарены или проданы частным лицам. Кобринский ключ с прочими ключами и селениями был пожалован Екатериной II «в вечное и потомственное владение» русскому полководцу графу А.В.Суворову (1729—1800) за ратные заслуги. В Кобрине А.В.Суворову достались территория с обветшалыми замками и усадьба, которые принял его поверенный полковник Корецкий, ставший управляющим имения. А.В.Суворов посетил его в конце 1795 г., возвращаясь из Варшавы. Замки были непригодны для жилья, и он остановился в усадьбе. Вторично А.В.Суворов приехал в Кобрин с верным денщиком Прохором в марте 1797 г. в штатском платье «мирного пахаря» без права ношения мундира, так как был отстранен от службы Павлом I.

Графа удручала отставка. Раны, полученные при дворе, говорил он, гораздо мучительнее полученных на войне. Владелец объезжал дарованные деревни, знакомился с имением. Его смущали значительные размеры владения, намного превосходящие родовое имение Кончанское в Новгородской губернии. Он приглашает к себе восемнадцать офицеров, подавших в отставку, определяет их на службу в имении, обещает наделить землею. Однако временный покой вскоре сменился очередными неприятностями. По распоряжению Павла I, прибывший 22 апреля 1797 г. курьер-чиновник тайной канцелярии Николев увозит фельдмаршала в Кончанское под надзор городничего Вындомского. Вскоре были арестованы и отправлены на допрос в Киев офицеры, осевшие в Кобрине, подозреваемые в подготовке заговора вместе с А.В.Суворовым.

Прошли 2 томительных года в Кончанском. По настоянию союзников России, воевавших с наполеоновской Францией, в 1799 г. А.В.Суворов назначается главнокомандующим русско-австрийских войск в Италии. После успешных швейцарских и итальянских походов по состоянию здоровья он не мог прибыть в Петербург, где ему готовили торжественный прием, а приехал в начале 1800 г. в Кобрин в сопровождении генерала П.И.Багратиона. Не теряя надежды на выздоровление, фельдмаршал говорил: «Мне надобна деревенская изба, молитва, баня, кашица да квас» [459]. Особенно любил пшенную кашу. Временами он вспоминал о боевых подвигах, диктовал историографу Е.Б.Фуксу заметки о своей последней кампании. В Кобрине испытал и большую радость — весть о рождении первого внука Александра [254]. Владелец богатого имения, в котором числилось более 8 тыс. душ одного мужского пола, вел скромный образ жизни, ел постную пищу и, несмотря на возраст и положение, продолжал оставаться солдатом. Даже в стужу купался в пруду парка. На советы доктора одеваться теплее отвечал: «Я солдат». Регулярно посещал Петропавловскую церковь, построен-

ную в XVI в., перестроенную в 1862 г. по проекту архитектора Венденбаума в традиционных формах деревянного зодчества, а в 1911 г. перенесенную на кладбище (ул. Первомайская) [397]. За ней сохранилось название Суворовская. Пел в хоре на клиросе, обладал приятным басом, любил звонить в колокола и поучать певчих хора. Подарил церкви несколько икон. Однако состояние здоровья не улучшалось. Фельдмаршала лечили войсковой фельдшер Наум и кобринский врач Кернисон. Обеспокоенный император писал ему «молю Богу, да возвратить мне героя Суворова» и прислал к нему 6 марта 1800 г. своего лейб-медика статского советника Е.Н.Вейкарта с особым рескриптом вместе с сыном Аркадием и племянником князем А.И.Горчаковым [459]. Царские милости ободрили Суворова. Он поднялся с постели. На следующий день через город проходил сводный батальон Екатерининского и Московского гренадерских полков. Повеселевший генералиссимус, любивший преклонение перед своей личностью, приветствовал героев минувших военных баталий, которые прошли по Губернской улице. В конце марта А.В.Суворов навсегда оставляет имение [510].

Еще при жизни А.В.Суворов раздал часть имения своим приближенным, 450 десятин земли стали собственностью управляющего. Центральная часть с парком и усадебным домом в 1808 г. была продана сыном Аркадием Г.Гельвичу. От него перешла Шатильским, которые в 1852 г., судя по одному из писем Адама Мицкевича брату Франтишку, продали их брату Александру (1801—1871). Семья Мицкевичей после ранней смерти отца (в 1810) оказалась в затруднительном материальном положении. Благодаря поддержке дяди ксендза Юзефа Мицкевича, Александр и Адам смогли учиться в Виленском университете, получали стипендию с условием обязательной службы после окончания учебы. Александр стал профессором права, работал в известной школе в Кременце, Киевском и Харьковском университетах. Был женат (1847) на Терезе (1813—1871), дочери Франтишка Тераевича из Новогрудка. После выхода на пенсию вернулся на родину с надеждой выкупить родительский дом в Новогрудке, конфискованный за участие Франтишка в восстании 1830—1831 гг. Однако пришлось обосноваться в Кобрине. Купив имение, Александр писал Франтишку: «... через сорок лет скитания по чужим краям, вновь в своем доме, правда не в родительском, так Бог распорядился, наградив нас другими заслугами. Наши родители тоже не в наследственном, а в приобретенном доме закончили свою жизнь, так и нам суждено. Мечтой моей жизни являлось желание к старости собраться вместе, но Бог пожелал забрать двоих с этого мира ...» [469]. Он радуется возможности жить вместе с любимым братом. Однако так не случилось. Франтишек вскоре умер.

Кобрин. Кладбище при Петропавловской церкви. Захоронения Мицкевичей. Фото 1999 г.

Мицкевичи жили в усадебном доме около пруда до 1873 г. Здесь Александром были написаны книги «Энциклопедия права» и «Курс римского права» (работы не были изданы). В период восстания он помогал материально повстанческому отряду Р.Траугутта. Сын Франтишек был его агентом. В прошлом Александр вместе с Францем Малевским, Николаем Малиновским, Игнатием Домейко, Домиником Ходько и другими студентами Виленского университета активно участвовал в деятельности товарищества филаретов, а с 1822 г. — филоматов, был арестован и отбывал срок в монастыре францисканцев [566].

В 1871 г. Александра не стало. В этом же году в возрасте 58 лет умерла жена. Имение перешло единственному сыну Франтишку (1841—1873), женатому на вдове Антонине Траугутт из Костюшко, дочери Александра, внучке Станислава Костюшко, чесника парнавского, державцы Сехновичей [705]. Овдовев второй раз, Антонина продает часть имения Л.А.Зелинскому, женатому на М.А.Сковронской (из Верещако), родственнице Александра Мицкевича. Александр с женой и сыном покоится на старинном кладбище при Петропавловской церкви. На могильной плите из песчаника установлен деревянный крест, оплетенный плющом и поддерживаемый рукой Ангела Смерти в длинном одеянии с опущенной головой. Изваяние изготовлено по проекту Андрея Прушинского из Варшавы [674].

В 1890 г. часть имения (245 десятин) принадлежала Марии Сковронской, меньшей половиной (196 десятин) владел Генрих Мицкевич [546]. Последней владелицей Кобринского ключа была Казимира Мария Зелинская [31].

До нашего времени дошел парк фольварка Губерния, заложенный в 1768 г. Хотя владельцы имения часто менялись, его планировочная структура, судя по кратким описаниям разного времени, продолжала существовать без коренных изменений. В.А. Алексеев [254], хорошо знающий жизнь и деятельность А.В.Суворова, ознакомившись с усадьбой в 1905 г., отмечал: «...небольшой, обнесенный жиденьким частоколом английский сад — десятины 1,5...», который окружали вал, ров и плодовые сады. Парк занимает ровную территорию, имеет симметрично-осевое построение, характерное для регулярных парков Беларуси XVIII в., вытянут вдоль оси в виде прямоугольника (схема). Основная композиционная ось ориентирована в направлении север — юг. С северной стороны (из города) в парк ведет широкая (10 м) липовая аллея, заложенная после 1905 г. на месте прежней из тополя черного 'Italica'. Ее продолжением является центральная парковая аллея. Она была оформлена в виде шпалеры из граба, которая подчеркивалась линейной, сравнительно редкой посадкой ели (через 6 м в ряду).

Усадебный одноэтажный деревянный дом располагался на основной оси за парадным партером в глубине парка. Дом был небольшим и стоял, согласно описанию В.А. Алексеева [254], одиноко. Замыкается композиционная ось вытянутым небольшим прямоугольной формы прудом в глубоких берегах, по газону которых растут одиночные клены, липы. От дома открывался вид на водоем с невысоким холмом на западном берегу (он сохранился). В перспективе просматривался канал, который соединялся с каналом Боны, отводившим воды в Мухавец.

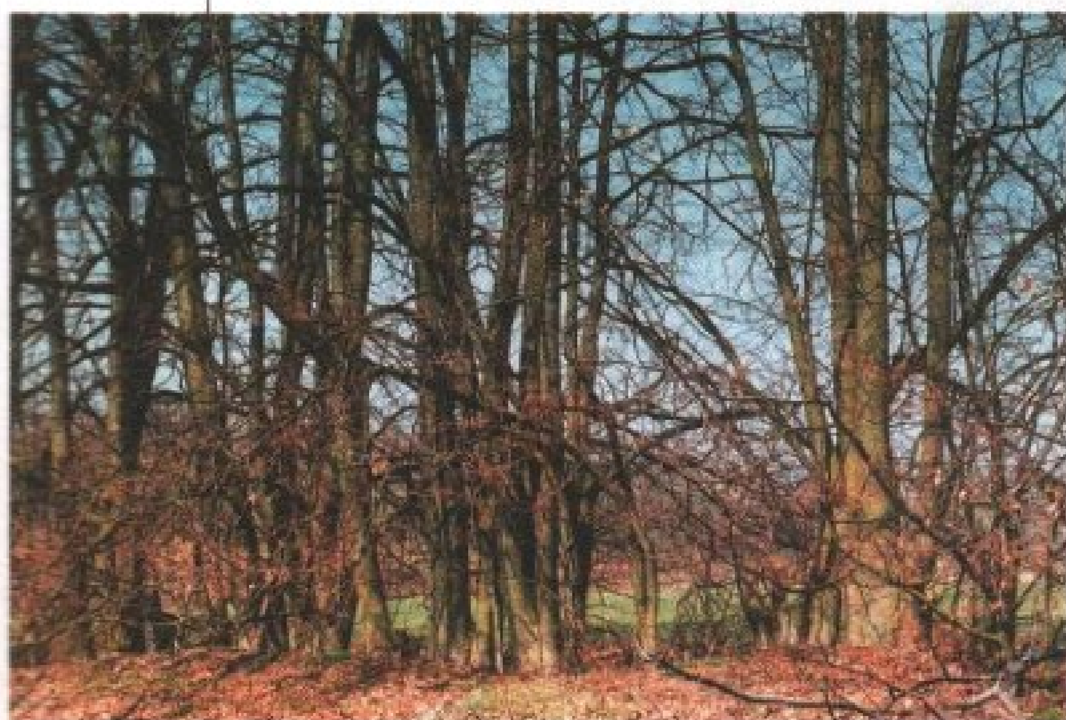
По распоряжению А.В.Суворова служебные постройки выносятся за пределы парка, а недалеко от дома сооружается небольшая часовня. Были срублены усыхающие тополя въездной аллеи и проведена частичная перепланировка парка. В 1894 г. дом из-за ветхости сносится и строится новый (последний сгорел в 1939). На этом месте в 1950 г., в 150-ю годовщину со дня смерти А.В.Суворова, устанавливается бронзовый бюст работы скульптора И.М.Рукавишникова (отливка по оригиналу 1904). Его окружают ели колючие, два кипарисовика горохоплодных и туи западные.

Две аллеи, расположенные симметрично центральной, и поперечные аллеи образуют систему прямоугольных боскетов, которые являются основными объемно-пространственными элементами парка. Их прослеживается 16, но обсадка боскетов разновозрастная. Прежних липовых аллей вдоль боскетов не стало в годы 2-й мировой войны [456]. Некоторые боскеты по диагонали перерезаны молодыми линейными по-

садками липы, клена остролистного. На газонах высажены одиночно или в виде небольших групп береза, клен ясенелистный, тополь канадский, клен остролистный, граб. Наиболее видоизменена последняя пара боскетов перед парадным партером с традиционным кругом. Симметрично дому в боскетах росли две липы. Они и еще три липы времени закладки парка сохранились. Одна липа в диаметре более метра (106 см) уже без вершины. Самый крупный экземпляр растет в боскете, его ствол дважды ветвится, развивая мощную крону.

Вокруг исторической части старого парка на площади около 60 га сформирован новый парк культуры и отдыха с элементами регулярной и пейзажной планировки. В основу его композиции положен большой водоем с двумя островами и мысом, который служит видовой площадкой. Водоем соединяется со старым каналом, с двух сторон которого заложены методом лесных культур насаждения дуба красного, березы, липы. Проложены новые дорожки. Построены павильоны.

Небольшой, около 1,5 га, старейший в Беларуси парк сохранил в общих чертах первоначальную барочную композицию, но, став частью городского парка, приобретал черты обычных заложений (асфальтирование дорожек, бордюры из бетона, произвольный ассортимент растений). Исторический парк имеет особую, мемориальную ценность.



Заполье. Фрагмент боскета. Фото 1999 г.

Заполье

Усадьба, судя по возрасту древостоя, существовала со второй половины XVIII в., но малоизвестная. Принадлежала Бересневичам. Заложена на ровной, слегка пониженной местности. Площадь 5 га. Спланирована просто, по типу регулярных экономических садов. В основе композиции старая хорошо сохранившаяся липовая аллея. На оси, ориентированной в направлении юг—север, в глубине усадьбы стоял небольшой деревянный дом. Сбоку, среди древостоя был построен в начале века второй дом (в виде официны), в котором жила семья сестры владельца. Примерно на рубеже веков старая барочная композиция была расширена путем разбивки новых боскетов, прямоугольных в плане, обсаженных по периметру рядами липы, которые хорошо сохранились (схема). Боскеты имели утилитарное назначение. В них росли плодовые деревья, размещалась пасека, на основе которой после войны образовался пчелопитомник. При расширении усадьбы, кроме парадного подъезда по старой аллее был организован второй подъезд в виде новой липовой аллеи, вдоль восточной окраины парка. Старый квадратный боскет получил этим приемом защитную обсадку.

Содержится в удовлетворительном состоянии. Выкопаны новые водоемы, но они планировочно не вписываются в общую композицию. Боскеты образованы качественным липовым древостоем в возрасте более двухсот и ста лет. Служит усадьбой Барановичского пчелопитомника.

Яцковичи. Фрагмент паркового древостоя. Фото 2004 г.

Яцковичи

С конца XVIII в. владение Жилков, затем Зданских. В 1844 г. им владела Антонина Сузина. В 1890 г. вместе с хутором Михалин принадлежало Мартину Толлочко и составляло 389 десятин земли [546]. Последним владельцем был Кароль Толлочко.

Судя по возрасту древостоя, усадьба была заложена во второй половине XVIII в. В плане имеет форму прямоугольника, рассекаемого посередине центральной аллеей из конского каштана (частично сохранилась). Восточную ее часть занимал парк с усадебным домом, противоположную — хозяйственный двор (схема).

Основу парка составляет большой боскет (площадь 5 га) с защитной обсадкой по периметру, который служил садом, разбитым на кварталы. Сад имел важное экономическое значение. По словам местных жителей, с яблони в урожайные годы собирали в среднем по 500 кг яблок. В глубине усадьбы стоял усадебный дом — одноэтажное деревянное здание (разобран в 1997). Перед домом расположен газон с кругом. Вокруг дома росли одиночно, в виде небольших групп деревья, красиво цветущие кустарники (сирень, чубушник, шиповник), наделяя маленькую усадьбу парковой средой. За домом в ряду стоят величественные липы, которым давно за 200 лет. Высота деревьев около 30 м, а диаметр ствола 130—143 см. Кроны деревьев ниспадающие к земле, имеют в диаметре 18 м. Из девяти лип осталось шесть. На партере доминирующую роль выполняет группа лиственниц. Растут одиночно клены, конские каштаны, липы, белые акации. В северо-восточном углу сада расположен небольшой водоем.

Толлочко принадлежала усадьба в Сычах, которая перешла после 1890 г. Федору Толлочко от Софьи Малаховской. Владения имения составляли в это время 356 десятин [546]. Дом (оригинальное деревянное здание усложненной композиции с мансардной крышей) сгорел в 1992 г. От хозяйственных сооружений остались только фундаменты. Пейзажный парк принял вид одичавшего сомкнутого древесного массива без выраженных элементов композиции.

Нача Свенцицкая. Амбар. Фрагмент обшивки. Фото 2001 г.

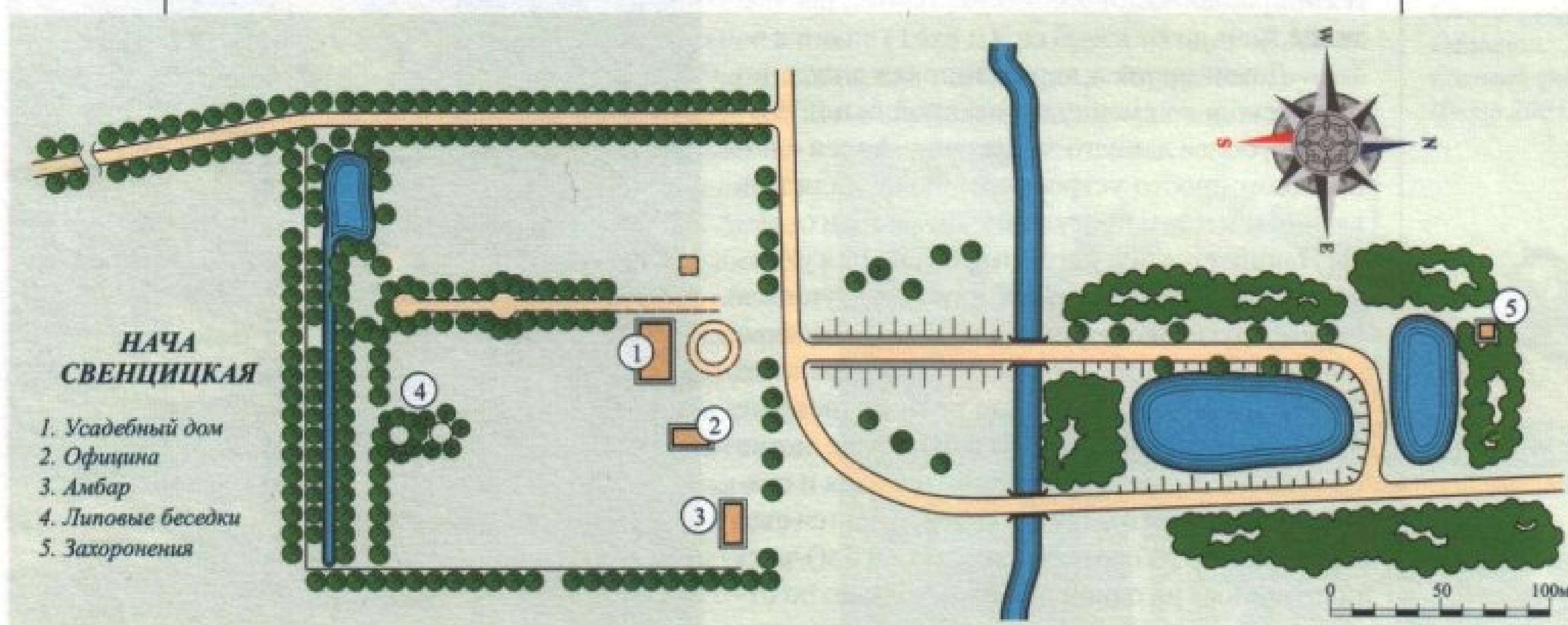
Нача Свенцицкая

Старинное владение Свенцицких, а затем Чарноцких. В виде приданого перешло Рейтанам из Грушевки. После смерти в 1910 г. Юзефа Рейтана имение вместе с Грушевкой и Грицевичами отошло Генриху Грабовскому, сыну Александра и Марии Магдалины Рейтан [186]. В 1925 г. имением владели Стефан и Августин.

Нача Свенцицкая. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 2001 г.

Усадьба имеет характерные черты стиля в сочетании с приемами местной планировки (схема). Расположена на приподнятой живописной террасе небольшого ручья, притока р. Нача. Имеет четко выраженную, длинную композиционную ось, ориентированную в направлении север — юг, вдоль которой проходит въездная тополиная аллея. Широкая (10 м), высоко насыпанная аллея вела к однопролетному мосту через ручей, пересекала неширокую его пойму и подводила к большому партеру. Ручей начинается у родника в Згирщине. Водой ручья, при дамбе которого стояла мельница, наполнялась система из двух водоемов. Расположение их вносило элемент асимметрии в регулярную планировку. Главный водоем вытянут с левой стороны аллеи. Он в глубоких берегах и имеет четкую прямоугольную форму (400x100 м). Расположение второго небольшого водоема (50x30 м) несколько необычно. Он имеет поперечное расположение по отношению к первому водоему, определяя изгиб въезда в усадьбу со стороны тракта. В глубоких берегах он живописно охвачен по периметру старыми деревьями клена и ясеня. На берегу, со стороны въезда, в наиболее высокой части усадьбы, называемой костельком, располагалась маленькая капличка на трех деревянных столбах с шатровым завершением, около которой проводились маевые. Рядом имелось четыре склепа с захоронениями владельцев. Руины под пологом разросшихся деревьев прикрывают заросли барвинка.

Функционирование водной системы нарушено. Ручей выпрямлен, построен но-



Нача Свенцицкая. Усадебный дом. Фрагмент крыльца. Фото 2001 г.

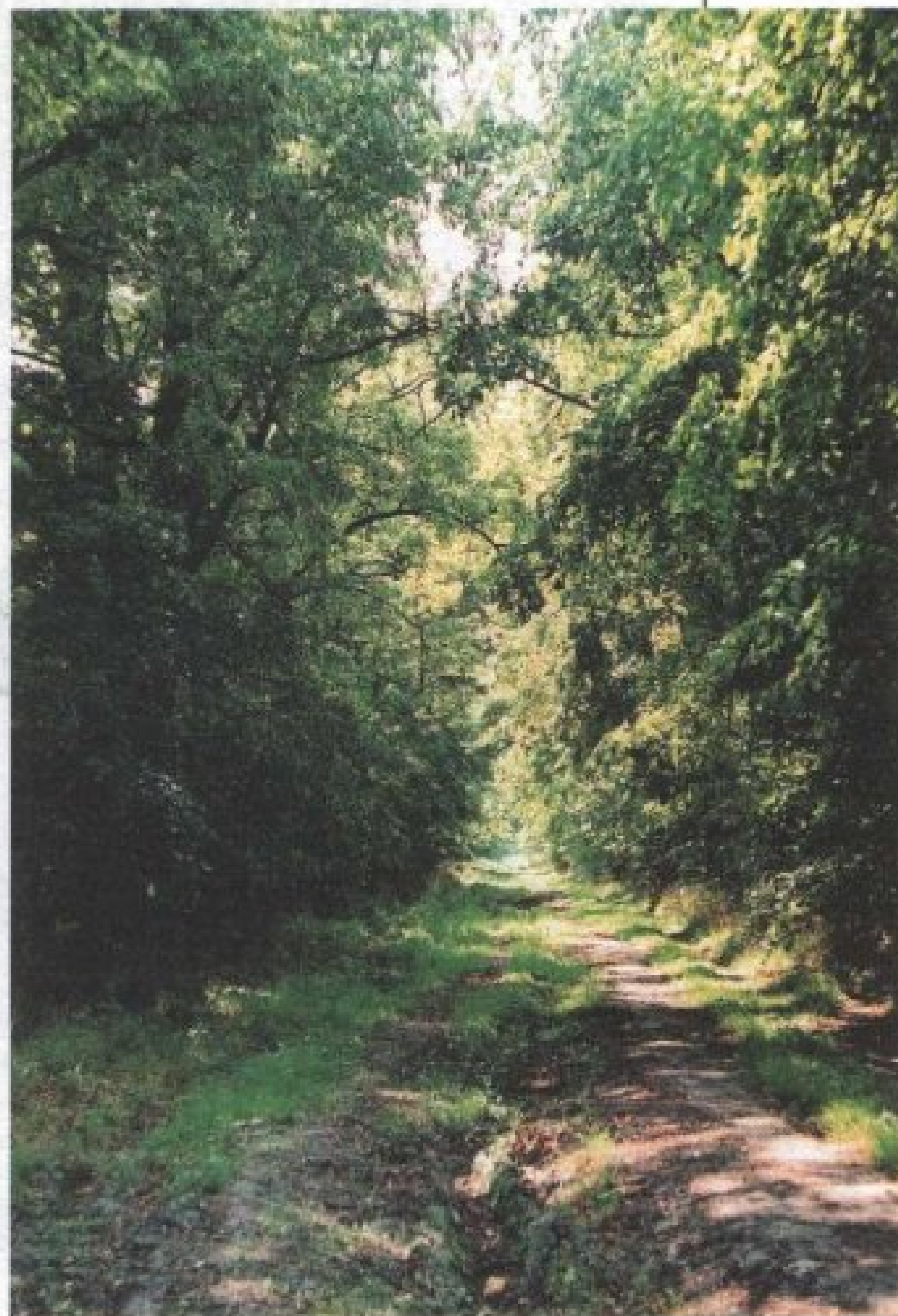
вый мост, через который проходит другая дорога, огибающая старый водоем. Он потерял подпитку и порос кустарником. Пересох и второй водоем, который заполнялся водой из первого. Перестала служить, заросла аллея, на которой лежат поваленные старые тополя белые.

Аллея, как уже отмечалось, выводила к партеру, который располагался за другой поперечной аллеей усадьбы. Партер большой, занимает слегка пологий склон речной террасы, чем обеспечивается хорошая видимость усадьбы из дома со стороны въезда и прилегающих ландшафтов. Имел в центре традиционный подъездной круг, за которым на оси расположен усадебный дом, одноэтажное деревянное здание (28х14 м) с крыльцом на четырех колоннах. Дом старый брусовый, с дощатой обшивкой и четырехскатной крышей несколько раз ремонтировался, но в целом сохранил прежний вид. Местные жители, живущие в доме, подчеркивая его возраст, указывают на использование при строительстве самодельных гвоздей. Со стороны партера — официна, небольшое деревянное здание с четырехскатной крышей, с другой стороны — коптильня с ледником (не сохранился), которые располагались симметрично, но на значительном удалении от дома, наделяя партер простором.

Непосредственно парк, планировочное решение которого выполнено аллеями и линейными рядовыми посадками из липы, расположен за усадебным домом. В плане парк представляет собой квадрат (200х200 м), открытый в сторону усадебного дома. Его образуют липовая аллея (с западной стороны), линейные однорядные плотные посадки липы, подбитые боярышником, и придающие парку нынешнюю выразительность (с северной и восточной сторон). Планировка внутри необычна. Задний план парка образует узкий поперечный боскет, по которому проходит канал, окруженный липами. Канал впадает в небольшой, но глубокий, теперь почти пересохший водоем, обсаженный также липами. Канал, собирая воду с прилегающего поля, наполнял водоем, дополняя его родниковое питание.

Доминирует в парке липовая аллея, но она несколько смещена с главной оси и, возможно, более давнего заложения. Аллея в небольшом просто устроенном парке являлась главным местом прогулок, уединения и отдыха. Начинается она у дома и завершается у боскета беседкой из деревьев липы, растущих в форме круга диаметром в 5 м. Вторая беседка диаметром 12 м расположена в центре этой аллеи. Ее образуют старые величественные липы, смыкающиеся кронами. В беседке лежит большой камень (2,3х1 м), имелся стол и скамейки. Кроме этих двух беседок, имеется еще две (диаметр их соответственно 12 и 5 м), расположенные на одной оси параллельно по отношению к указанной аллее. Возможно, они

Нача Свенцицкая. Въездная аллея. Фото 2001 г.



Нача Свенцицкая. Амбар. Фото 2001 г.

относятся к другой утраченной аллее. Аллеи могли быть частью боскета, спланированного на первом этапе формирования усадьбы, примерно во второй половине XVIII в.

С противоположной (южной) стороны в усадьбу ведет вторая въездная аллея. Ее протяженность 240 м, ширина 8 м. Расположена под небольшим углом к боковой аллее парка, рельефно выделяясь среди поля и визуально увеличивая контуры небольшой усадьбы. Сложена крупными липами, ветви которых спускаются к самой земле, а вершины смыкаются, образуя зеленый свод. По ней, а затем через соседнюю дубраву шла дорога в имение Жомойдь, расположенное за лощиной на живописном возвышении. Насаждения жомойдского парка продолжают оставаться главной доминантой круговой панорамы.

Липа, как и в других регулярных парках, являлась фоновым деревом. Липовый древостой сравнительно хорошо сохранился, образуя выразительный остов, отражая его первичное планировочное решение. Во время цветения деревья наполняют парк приятным ароматом, привлекая множество пчел и других насекомых.

Парк имел черты утилитарности. Между линейными посадками липы росли плодовые деревья. Поляны в его центральной части украшали шелковицы, клены, липы, туи, сирени, чубушники. Сохранились одиночные деревья дуба, березы, лиственницы. Парк, по словам жителей, отличался ухоженностью и чистотой. Партер имел цветочные клумбы, цветы высаживались в парке, вдоль углового водоема, вокруг липовых беседок. Дорожки, аллеи регулярно посыпались песком и «грацовались». В парке собирали боровики. Теперь под липовым пологом сплошные заросли сорного крупнотравья.

К парку примыкал хозяйственный двор. На его месте построена животноводческая ферма. Из хозяйственных сооружений частично сохранился только амбар, построенный в 1831 г. Здание прямоугольное в плане (14х8 м), из бруса толщиной 16 см, ошалеванное вертикальной доской. Фасадная (восточная) стена декорирована рустованными пилястрами. Вход обрамлен порталом с карнизом, над ним расположено полуциркульное окно. Тыльная стена имеет небольшие вентиляционные окна. Деление на уровни обрисовано тонким валиком. Амбар выделяется добротной плотницкой работой и является единственным в регионе объектом, в котором частично сохранились закрома, устроенные из бруса на трех уровнях.

По дороге из Начи Брындзовской в Начу Свенцицкую расположена вторая усадьба Рейтанов — Горки, заложенная в начале XX в. Имеется небольшой дом, к которому через поле ведет неширокая (6 м) въездная кленовая аллея.

Нача Свенцицкая. Официна. Боковой фасад. Фото 2001 г.

Юлиан Урсын-Немцевич. Рисунок Ю.Чачковского с портрета А.Бродовского. 1820 г.

Скоки

Первое упоминание относится к 1550 г. Имением в 31 волоку владел Семен Богданович Клувода. По его утверждению, оно перешло «от деда и от прадедов отцов наших, ставивших двое коней на службу земскую». Затем имением владел зять Семена Иван Семенович. В 1567 г. Скоки принадлежали Федору Скоковскому, вероятно, сыну Семена [760]. Десять волок грунтов держала Скоковская Марина Семеновна, согласно письму старосты берестейского и ковенского Николая Радзивилла, который в 1566 г. дал то письмо Ивану Скоковскому «до ласки нашое господаръское держати» [426].

Позже Скоки известны по одному судейскому документу за 1583 г. как владение земянина пана Г.Б.Чижевского, от которого убежал его «отчич» Я.Гапонович с женой и тремя сыновьями [542]. В 1589 г. владельцем был Александр Заранок-Горбовской, женатый на Марине из имения Горбово по р.Крсна, дочери Федора Скоковского [239]. В XVII в. перешли другим владельцам. Известна протестация Льва Сапеги от 1632 г. на Балтазара Бобровницкого, который без его ведома и согласия выхлопотал привилей у короля на пожизненное владение скоковским фольварком. Инвентарь имения датируется 1635 г. [43]. Во второй половине XVII в. Скоки принадлежали княжескому роду Шуйских. Ян Ежи Шуйский, подстолий браславский (1698), женатый на Катажине из Савицких, умер в 1704 г., оставив девятеро детей. По тестаменту Скоки и Раковица отошли Франтишку (умер в 1715), подстолию браславскому, женатому на Терезе Немцевич. Он отказался от наследства в пользу брата Матея Станислава [764]. Вскоре, неизвестно при каких обстоятельствах, Скоки перешли Александру Немцевичу, владельцу соседних Клейников.

Род Немцевичей герба Равич известен с XVI в. Первоначально именовался Урсын в соответствии с наличием изображения медведя на родовом гербе (лат. ursus — медведь). Предками Урсынов были Довойны. На поле герба Равич изображена девушка в короне, сидящая на черном медведе, что соответствовало бытовавшей легенде о дочери английского короля, которая оказалась не растерзанной злым зверем, а вернулась на нем в королевский дворец. С XVII в. Урсыны добавили к наименованию рода слово Немцевичи, подчеркнув происхождение рода из Германии [513]. По другой версии, Урсын является придомком, которым Немцевичи пользовались, начиная с XVII в. [498]. Этим придомком подчеркивалась знатность и древность рода. Юлиан Урсын — римский рыцарь, человек дружины Палемона, мифологическая протопласта литвинов [730].

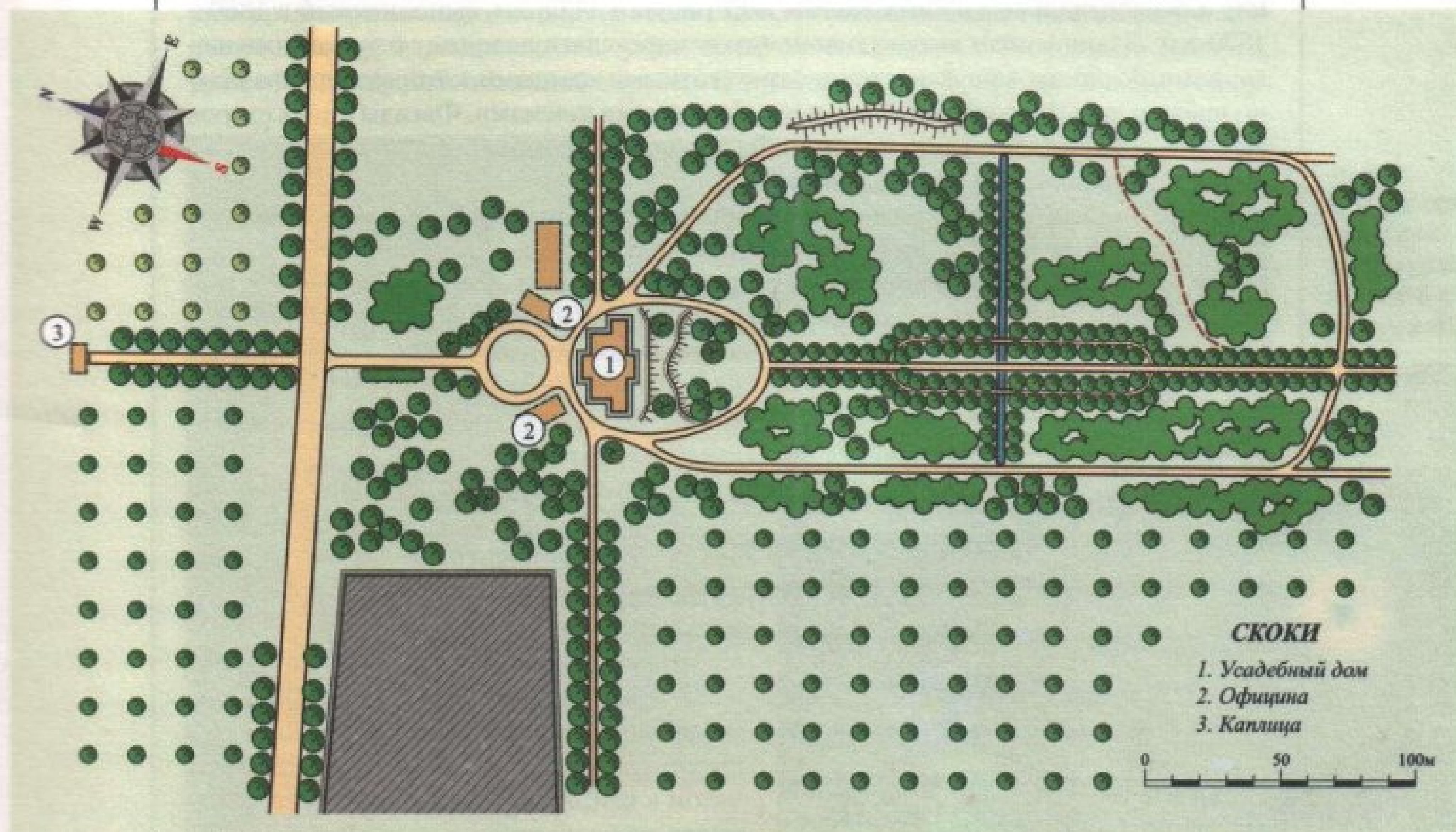
Одним из известных первых представителей рода был Ежи, стольник. Внуком Ежи был Самуэль Казимир, также стольник, женатый на Кристине Деловицкой. Их сын Андрей Ян, стольник витебский, посол на сейм в Варшаве от Слонимского повета, женатый во втором браке на Софье Годлевской из Полоцка, владел Неплями и Клейниками. Его сын Александр, мечник Берестейского воеводства, добавил к отцовским

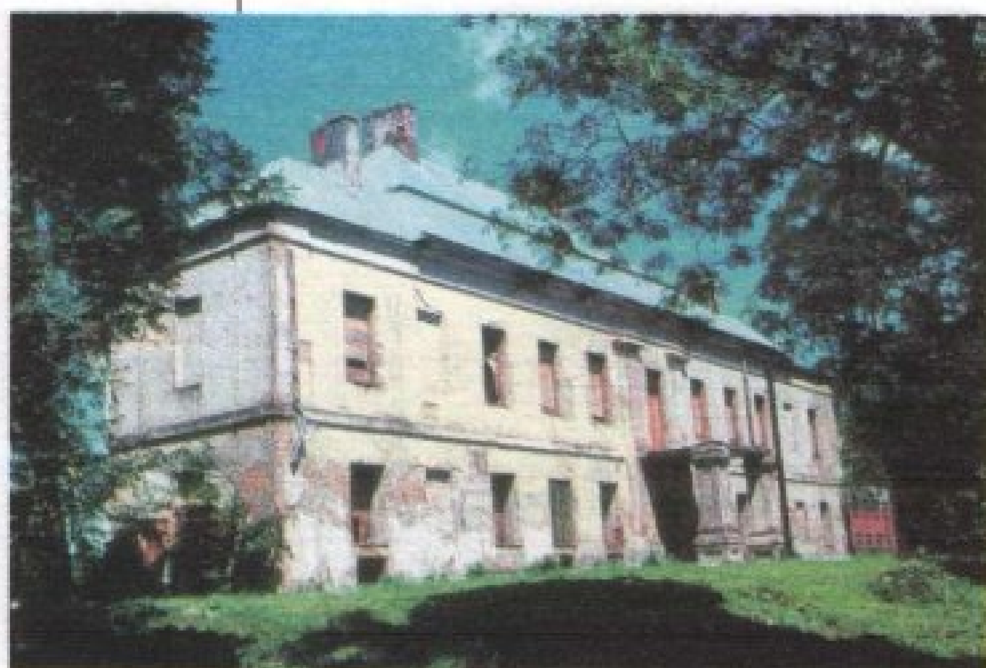
владениям Скоки. По наследству в 1763 г. Непли и Кузавка перешли Францишку (1718—1795), чашнику брестскому, судье, послу на сеймы; Скоки и Клейники — Марцелию, подчашему мельницкому [498, 730].

В семье Марцелия, женатого на Ядвиге (из Суходольских), имелось шестнадцать детей. В 1802 г. после смерти отца по тестаменту от 1796 г. имение отошло старшему сыну Юлиану (1758—1841), известному общественному и политическому деятелю Речи Посполитой, писателю. В 1832 г. Скоки, Клейники, Адамково и Черевачицы Карла и Фадея Немцевичей были конфискованы. В 1890 г. имение включало 319 десятин земли, владел им Иван Урсын-Немцевич (1828—1900), маршалок шляхты Гродненской губернии, потомок одного из братьев Юлиана [546]. Похоронен вместе с женой Вероникой из Лахницких (1839—1901) на католическом кладбище в Бресте. В 1905 г. Скоками и Голендерной владел его сын Иван. В 1927 г. Скоки именуются фольварком имения Мотыкалы, которым владела Софья из Урсын-Немцевичей, жена Яна Альфреда Пилецкого [8]. Умерла в 1960 г. в Польше. В 1931 г. Скоки принадлежали Янине Урсын-Немцевич, котороя продала часть земли крестьянам [7]. Состав угодий имения и его недвижимое имущество в 1934 г. отражает ипотечная книга [22]. Последним владельцем был Станислав, автор книги «Моим внукам».

Скоки. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1989 г.

Семья Марцелия Немцевича жила в небольшом одноэтажном доме с крыльцом, построенном в XVII в. Дом имел зал, спальню, детскую, салон, комнату с алькежем для гостей. Около него стояла официна. Детинец был обнесен оградой из штакетника с брамой. Дальше располагался фольварк со спихлером, сараями, оборами, гумном. К





Скоки. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото 1989 г.

дому примыкал парк, в боскетах которого росли плодовые деревья и разные цветочные растения [596]. Судя по этим кратким сведениям, усадьба в Скоках имела отдельные черты ренессанса. По воспоминаниям Юлиана Немцевича, скромный родительский дом отличался гостеприимностью. Чуть ли не каждый день в доме принимали гостей. Мать в памяти Юлиана «... одна с наилучших, найдобрейших и найладнейших в воеводстве женщин ...» [709].

В 1765 г. Марцелий с семьей переехал в Клейники, в родительский дом. Усадьба располагалась на высокой террасе р.Лесная в окружении леса. Дедовский дом, по воспоминаниям Юлиана, был намного просторнее (усадьба не сохранилась). Здесь проходят его детские годы, отсюда в 1770 г. уезжает на учебу в Варшавский кадетский корпус. В это время Марцелий разобрал старый дом, ставший тесным для большой семьи, распахал детинец и начал строительство нового двора. В память о старом доме, любимом родовом гнезде, один из сыновей Марцелия посадил два дерева ореха грецкого [596].

Новая усадьба, частично дошедшая до наших дней, сформирована в формах уходящего барокко (схема). Она имеет симметрично-осевое построение и в плане вытянутый прямоугольник площадью около 5 га. На основной планировочной оси располагались все элементы композиции. Завершалась ось перспективой на водоем, а с противоположной (парадной) стороны был построен костел с органом, который стал местом фамильных захоронений. Центр композиции — двухэтажный каменный усадебный дом, построенный по проекту неизвестного архитектора. Наиболее верное представление о первоначальном облике здания дает рисунок Н.Орды, выполненный в 1860—1870-е гг. Здание имеет высокую ломаную четырехскатную крышу с лучковыми люкарнами, фланкировано алькежами с трехскатными крышами, которые первоначально завершались фигурными куполами — барочными шлемами. Фасады с двух сторон выделены балконами на двух пилонах. Декор здания скромный: пилястры, сандрики и наличники окон, тяги, угловые лопатки.

Сведений об интерьерах дома очень мало. По воспоминаниям Юлиана Немцевича, не без иронии, первый этаж имел много комнат, расположенных вдоль двух коридоров, планируемых под жилье троим сыновьям, которые, как предполагалось, должны были жить вместе и вести хозяйство. Этаж поэтому имел «монастырский вид». На втором этаже имелось два репрезентативных помещения и бальный зал с галереей для оркестра. В алькéжах хранились семейные ценности и архив [709].

Брест. Католическое кладбище. Захоронение Яна и Вероники Немцевичей

Усадебный дом с официной (справа) и конюшней (слева) образовали парадный двор с традиционным кругом в центре. Судя по фотографии примерно 1914 г., он имел идеальную геометрическую форму. Боковые одноэтажные флигели были с высокими крышами. На рисунке Н.Орды они изображены маленькими домиками, чем подчеркивалась высота главного здания, и расположены под углом к оси. Художником увеличено до четырех число пилонов на главном фасаде.

От въездной брамы в виде двух высоких и двух более низких пилонов с карнизом и четырехскатной крышей к дому вела короткая аллея, оформленная формованным боярышником и двумя симметрично расположенными группами ели колючей, по пять экземпляров в каждой. По внешней стороне партер был обсажен липой через 4 м (сохранилось четыре крупных дерева). С восточной стороны за конюшней находился небольшой хозяйственный двор с колодцем в центре. За домом были две невысокие террасы, оформленные рабатками. На первой симметрично зданию росли туи западные, посаженные, по словам местных жителей, Тадеушем Костюшко и Юлианом Немцевичем. На второй была клумба (теперь место занято посадкой тополя канадского 'Robusta' с кленом). Террасы фланкировали кулисы — группы тополя белого, клена и липы.

Скоки. Усадебный дом. Парадный партер. Фото до 1914 г.

По основной оси идет главная аллея в виде грабовой шпалеры. В центральной части парка она трехрядная, с высотой коридора 2,5 м; во второй половине парка коридоры становятся шире и примерно в два раза выше. В шпалере имелась зеленая беседка, выполненная также из граба. Деревья переросли и приняли экзотический вид, западный ряд почти утрачен. Продолжением зеленых коридоров является широкая (до 8 м) липовая аллея с расположением деревьев в ряду через 5 м (сохранилось 20 деревьев). От нее открывался вид на искусственный рукав р. Лесная, который был южной границей парка. Примерно в центральной части парк пересекается небольшим каналом, обсаженным деревьями, образуя четыре сравнительно больших боскета. В последнее время при планировке дороги канал оказался засыпанным. В боскетах росли плодовые деревья, выращивались самшит, полынь метельчатая, божье дерево, шалфей, рута, ирисы и др. В более позднее время эти пространства получили пейзажное офор-

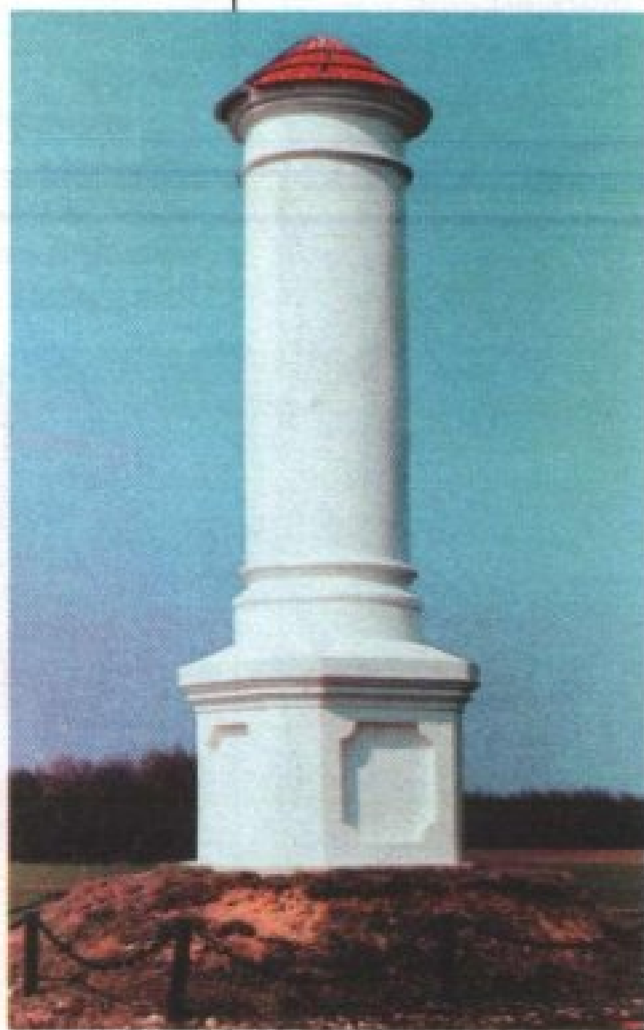
Скоки. Аллея в старой усадьбе Немцевичей. Фото 2003 г.

мление в виде полян и небольших древесных групп. Композиционную основу восточной части парка составили три поляны. Первая (самая крупная) была окружена небольшими древесными группами из клена и граба. За каналом расположена аналогично оформленная вторая поляна. Третьей поляной парк замыкался. Она обсажена древесными группами, подбитыми боярышником, сиренью и спиреями. Кустарники разрослись, группы местами сомкнулись и бывшие боскеты приняли вид одичавших насаждений с разреженным древостоем старых деревьев, подлеском и подростом.

Прогулочный маршрут кольцевого типа, с западной стороны проходил по периферии вдоль вала и небольшого канала, за которым рос сад. Дальше маршрут вел в юго-западную, наиболее уединенную часть парка с беседкой на небольшом видовом холме. Отсюда открывалась перспектива на живописные окрестности. Передний план перспективы составлял водоем (спущен). С восточной стороны по периметру парка проходит аллея, ранее она продолжалась грабовой формованной аллеей под углом к усадебному дому (не сохранилась). Здесь же к парку примыкал ипподром, организованный позднее, обсаженный можжевельником и группами из березы. Иван Немцевич имел небольшой конный завод [546].

Двор, по воспоминаниям Ю.Немцевича [709], окружала живописная дубрава, которую его отец «очистил», проложил «улицы», построил каплицу св.Марии Египтянки, а вдоль дорожек расставил деревянные скульптуры святых, отшельников (изображения имели положения стоя, сидя, лежа). Необычные фигуры нередко пугали лошадей, проезжавших по тракту, вели к разным неприятностям, поломкам телег, карет, и Марцелию приходилось возмещать убытки. В этой дубраве стояла колонна (дошла до наших дней) со скульптурой св. Рафаила, высокое центрическое сооружение на квадратном, со срезанными углами, высоком кирпичном постаменте. По форме она перекликается с колонной в Вистычах, построенной, примерно, в последней четверти XVIII в. и имеет определенный смысл. Известно, что Рафаил, один из семи ангелов-архангелов, являлся избавителем. Его послал Бог с надеждой вернуть зрение Товиту и защитить от злых духов. Марцелий, переживший много горя в связи со смертью детей, верил Рафаилу и вознес его как надежного хранителя нового семейного очага [311]. Башня служит ориентиром в определении расположения старого двора Немцевичей. Он располагался где-то рядом, около дубравы, о которой писал Юлиан. Место дубравы стало полем, в наиболее приподнятой части которого возвышается обновленная и побеленная в 1999 г. башня, своеобразный символ рода. На нее выходит дорога, видимо, бывший тракт, со старыми усыхающими ивами ломкими. Вдоль дороги расположены остатки композиции в виде боскета (выражены боковые линейные посадки из липы и граба), которая, вероятно, возникла позднее на месте усадьбы отца Юлиана.

Скоки. Колонна на месте дубравы Немцевичей. Фото 2003 г.



Усадьба в Скоках имеет мемориальное значение. Здесь в разные годы жил классик польской литературы эпохи Просвещения, творец национальной идеи Польши, общественный деятель — Юлиан Урсын-Немцевич, один из авторов демократической Конституции от 3 мая 1791 г., участник освободительного движения, сподвижник Тадеуша Костюшко в восстании 1794 г., участник восстания 1830—1831 гг.

В семье богатого шляхтича вместе с братьями он воспитывался отцом в духе глубокого уважения к старшим и к людям духовного сана, получил первоначальное образование. Затем учился в Брестском иезуитском коллегиуме. В двенадцать лет поступил в Варшавский кадетский корпус, дома приходилось бывать все реже, но связь с родительским домом никогда не прерывалась. По окончании кадетского корпуса становится личным адъютантом князя Адама Чарторыйского. В 1794 г.

Юлиан — личный адъютант и секретарь Тадеуша Костюшко. В битве под Матиевицами был ранен, пленен и вместе с Т.Костюшко по приказу Екатерины II полтора года находился в заключении в Петропавловской крепости. Пострадала также усадьба. Русские солдаты ограбили родительский дом, забрали скот, лошадей [709]. Юлиан дал расписку, что впредь не будет заниматься политической деятельностью против русского самодержавия, поэтому был освобожден Павлом I. Первым его желанием было скорее попасть домой в Скоки. Однако, уступив уговорам Тадеуша Костюшко, он вместе с ним в 1796 г. уезжает в США, женится в Элизабеттауне на Сюзанне из Ливингстонов-Кин, вдове друга Т. Костюшко, и живет жизнью простого горожанина, обрабатывая сад, огород [318].

В 1802 г. умирает отец, и он смог возвратиться в Скоки по делам наследства. Указом Александра I от 20 ноября 1801 г. ему, а также Михаилу Огинскому, Станиславу Мирскому, Каролю Прозору, Антонию Тизенгаузу и другим изгнанникам, «... коим въезд в пределы российской империи был воспрещен, разрешая оный, повелеваем дозволить им возвратиться в свои деревни и иметь свободное пребывание...» [277].

После долгих лет изгнания Юлиан с радостью встречается с братьями и сестрами, которые жили в имениях на Брестчине, много путешествует. Не нравились ему только дороги, благоустроенные и обсаженные березами в связи с приездом Екатерины II, ибо лишний раз напоминали о порабощении родины [446].

Юлиан Немцевич был наделен чувством глубокой любви к родному краю: «... боры, которые может не такие уже приятные, интересные, — писал он, — но живо меня трогают, ибо составляют часть моей долгое время славной и долгое время несчастливой отчизны». «Любить Родину вы учили нас словом и собственным примером», — писал в одном из писем Юлиану А. Мицкевич из Парижа [472].

Двухлетний период жизни Юлиана после возвращения из США оказался творческим и плодотворным. Путешествуя, он интересуется историческими памятниками Беларуси и пишет о них, ратует за развитие просвещения, проведение буржуазно-демократических реформ, пишет сатиры на феодальные порядки, призывает к освобождению крестьян от крепостного гнета. Произведениями этих лет являются сборник «Литовские письма» (1812), роман «Два пана Сетехи» (1815), цикл «Исторические песни» (1816), книга «История правления Сигизмунда III», ряд драматических и

Скоки. Фрагмент парковой аллеи. Фото 2002 г.

Тереза Вериха (из Немцевичей) и Витольд Немцевич. Фото А.Гладыщука. 2002 г.

поэтических произведений, повестей. Юлиан становится одним из наиболее важных писателей эпохи Просвещения в Речи Посполитой [453]. Адам Ежи Чарторыйский, известный государственный и политический деятель, просветитель, посвящает ему книгу «Жизнь Юлиана Урсына Немцевича» [624]. Адам Мицкевич называл Юлиана в своих письмах «...почтенным Нестером нашей литературы», «... одним из замечательных украшений своей эпохи, который уже при жизни канонизирован и в сенате и на Парнасе» [470, 471]. Юлиан Немцевич просил поэта написать эпическую поэму о восстании в духе Данте («Ваш гений осуществит это со Славою для себя, а она озарит и нашу несчастную родину», — писал он из Лондона в 1833) [472].

Известие о создании Наполеоном марионеточного правительства Великого герцогства Варшавского, ставшего ширмой для его великодержавных замыслов, просьбы друга С.Малаховского о возвращении навели его на мысль оставить Америку [318]. С 1807 г. Юлиан вновь на Родине. После поражения восстания 1830—1831 гг. (Юлиан входил в состав Временного правительства, был сенатором-каштеляном) эмигрировал в Париж, где умер 21 мая 1841 г. (по другим источникам, умер в своем имении Урсынов, недалеко от Варшавы). Прямых наследников не имел. Исполнителем завещания еще в 1833 г. назначил племянника Кароля Урсына Немцевича (1797—1867), сына Яна, маршалка шляхты Брестского повета и Теклi Выгоновской, активного участника восстания 1830—1831 гг., автора мемуаров «Воспоминания с 1831 г.» и «Воспоминания о восстании в Бресте Литовском» (1869) [498].

В родительском доме в Скоках имелись семейные портреты (Марцелия, Ядвиги, Юлиана и др.), картины Ван Дейка, Тернерса, Бартоламео, хранилась богатая корреспонденция Юлиана, начиная с 1798 г. и до последних дней его жизни, свидетельствующая о его дружественных отношениях с видными людьми Европы и Америки. Среди них были Беранже, Чацкий, Чарторыйский, Стюарт, Гамильтон, Ламартин, Ливингстон, Джонсон, Талейран, Сапега, Рылеев, Замойский, Мицкевич и многие другие. Среди рисунков в альбомах имелись автопортрет художника Я.Рустэма, рисунок И.Лампи, эскизы Ван Дейка, Леонардо да Винчи, акварели А.Орловского и др. Было много личных вещей Юлиана: адъютантские эполеты, ордена, часы, дорожные письменные принадлежности, ценная коллекция табакерок, подаренных Павлом I, Наполеоном, Вашингтоном, Джефферсоном, Орловским, бокалы из серебра, украшенные памятными медальонами, подаренные Фридрихом Августом, саксонским королем и Обществом друзей науки, а также его бюст работы скульптора Давида Ангерса. Такой бюст установлен на могиле Юлиана в Монтморенси в Париже [596].

В наше время усадьба включает усадебный дом и видоизмененный парк. Официна и конюшня были разрушены в войну 1914 г. В это время пострадала вся усадьба. Дом служил резиденцией принца Леопольда, командующего Восточным фронтом. После второй мировой войны не стало фамильной каплицы, построенной в ста метрах с противоположной стороны въездной брамы. Место узнается приподнятостью и по одиночным кирпичам крупного размера. В узкой, шириной шесть метров, аллее, ведущей к каплице, растет шесть лип и конский каштан. В последние годы в связи с постройкой школы недопустимо изменена парадная часть усадьбы, залита асфальтом, засажена березами. Разрушается парк. К усадьбе подступают коттеджи без соблюдения

охранных зон. В 2002 г. усадьбу посетили Немцевичи из Польши, Франции, Канады. Среди них были Витольд Урсын-Немцевич, доктор медицины, и Тереза Вериха из Франции, которая родилась в Скоках в 1925 г. [311].

Сигневичи. Усадебный дом. Боковой фасад. Фото 1999 г.

Сигневичи

«Земля въ Сегневичахъ» упоминается в Метрике ВКЛ за 1520 г. [435]. В 1526 г. состоялось подтверждение права на имение «Сегеневичи» «старостине ломъзеньской пани Павловой Берестьской Томиле» в прежних границах и было «выписано, симъ пашимъ листомъ ей самои и её детемъ, ... и напотомъ будучимъ щадкомъ ихъ вечно ... все держати ...» [424]. В 1532 г. по привилею короля Сигизмунда I от Щастны Крупской отошли Флориану Радогосткому [425]. Во второй половине XVI в. им владели Вишенские. В 1565 г. Анна Вишенская «ставила четверо коней» и «драба в хоругвии дворной» [769]. В 1577 г. были собственностью Станислава Малаховского [500]. Затем имением владели Вешторты-Гамшеи, князья Шуйские, происходившие от удельных князей суздальских. Князь Адам Шуйский, сын Игнатия, владел Теребунью, Ивановом, Хойниками. Был женат на Марианне (Марии) Халецкой, дочери Казимира, маршалка речицкого [764]. Она унаследовала владения мужа и во втором браке стала женой Юзефа Прозора (1723—1788) из Дудичей, известного по привилеям королей Августа III и Станислава Августа Понятовского, каштеляна и витебского воеводы, кавалера орденов св. Станислава и Белого

Сигневичи. Усадебный дом. Фрагмент портика. Фото 1999 г.

Орла, представителя шляхетского рода с литовских бояр [173]. Юзеф после смерти жены Александры Заранок-Горбовской, замужества дочерей оставил дудичскую усадьбу, созданную им в 1767–1769 гг. Первоначально жил с Марианной в Хойниках, но вскоре имение отошло Каролю (1759–1840), сыну Юзефа Прозора, женившемуся на Людвике Констанции (1767 г.р.), дочери Марианны. Кароль, литовский обозный, маршалок Литовского Трибунала, генерал-майор, был одним из руководителей восстания 1794 г. и собрал для него около миллиона злотых, продав часть своих владений [381]. Екатерина II отнесла его к числу «злоснейших бунтовщиков» [668].

Семья Прозоров. В центре Кароль читает четверостишие Франтишка Карпинского; рядом Игнатий, Франтишек Букатый, Станислав Ельский, Людвика, дети Кароля Юзеф и Марианна. Художник Ф.Смуглевич. 1789 г.

Юзефа Прозора не стало в 1788 г., похоронен в костеле, который вместе с княгиней построил в 1785 г. на месте старого деревянного с XVII в. [745]. В этом и в последующие годы (1786–1788) Мария, воеводична витебская, записала фундуш костелу, наделила грунтами [49]. В 1789 г. по заказу Кароля Франтишек Смуглевич написал картину «Семья Прозоров», под которой поместил посвящение покойному Юзефу Прозору, сочиненное Франтишком Карпинским. Картина хранится в Национальном музее в Варшаве. Вокруг медальона с портретом Юзефа расположены Кароль, его жена Людвика, брат Игнатий, шурины Франтишек Букатый и Станислав Ельский, дети Кароля — Юзеф и Марианна. В 1817 г. Кароль выполнил фундуш костелу согласно тестаменту отца [49].

После 1788 г. Сигневичи перешли в виде приданого дочери Юзефа генералу Блышинскому. По купчей крепости от 2 апреля 1843 г. имение у генеральши Блышинской, урожденной Прозор, купил пружанский уездный предводитель дворянства Ромуальд Нейгоф-Лей (Неугоф фон Лей). В связи с продажей имения был составлен инвентарь, который дает представление об усадьбе в первой половине XIX в. В 1890 г. владения Ромуальда, включая фольварки Мошковичи, Моривиль (Мариавилл), Малинник, Подъяблонь и Попелево, составляли 3582 десятины [546]. Затем имение перешло сыну Рейхольду, женатому на Виктории Ельской (1884–1939) из Косина (Волковыский р-н), писательнице под псевдонимом «Ельская Ори». Последним владельцем был, видимо, сын Александр (1915–1944), выпускник Варшавской политехники, инженер аэродромного строительства, погибший в Варшавском восстании в 1944 г. Второй сын Кароль (1914 г. р.) погиб во вторую мировую войну.

Сведений о времени создания усадьбы не имеется. Предположительно она была заложена до строительства костела, при котором Прозоры открыли школу и госпиталь [294]. Подтверждением этого предложения является одна из липовых аллей парка в возрасте более двухсот лет. Строилась она Юзефом Прозором, как и в Дудичах, в формах уходящего барокко. Заложена на террасе р. Винец, правого притока Ясельды (схема).

СИГНЕВИЧИ

1. Усадебный дом
2. Беседка
3. Видовой холм

0 50 100м

Имение, согласно Инвентарю за 1843 г., включало местечко и деревню Сигневичи, д. Подосье, фольварк Моривиль, Винин и хутор Попелево. Усадьба владельца имела господский старый дом из дерева на каменном фундаменте, три амбара, сарай для экипажа, конюшню, ледник, кладовую, домик для копчения, скотный двор, сарай для сена, кузницу, мельницу-ветряк. В 1914 г. дом сгорел, но вскоре был восстановлен. Служил до последнего времени для больничных целей. В настоящее время пустует. Дом деревянный, оштукатурен по лучинной решетке. В плане прямоугольный (17x11 м), по краям фасада имеет ризалиты шириной 5 м. Крыльцо имеет четыре спаренные колонны из кирпича. Крыша двухскатная, нависающая над крыльцом. Выход в парк с тыльной стороны заделан при перестройке. В продольных стенах — по 4 окна. К торцам добавлены большие кирпичные пристройки.

Сигневичи. Парк. Видовой холм. Фото 1999 г.

Дом окружает небольшой парк площадью 6,5 га. В плане имеет форму прямоугольника. Судя по двум сохранившимся аллеям, представлял собой большой боскет, образуемый липовыми аллеями. Позднее, в эпоху пейзажного паркостроения, приобрел

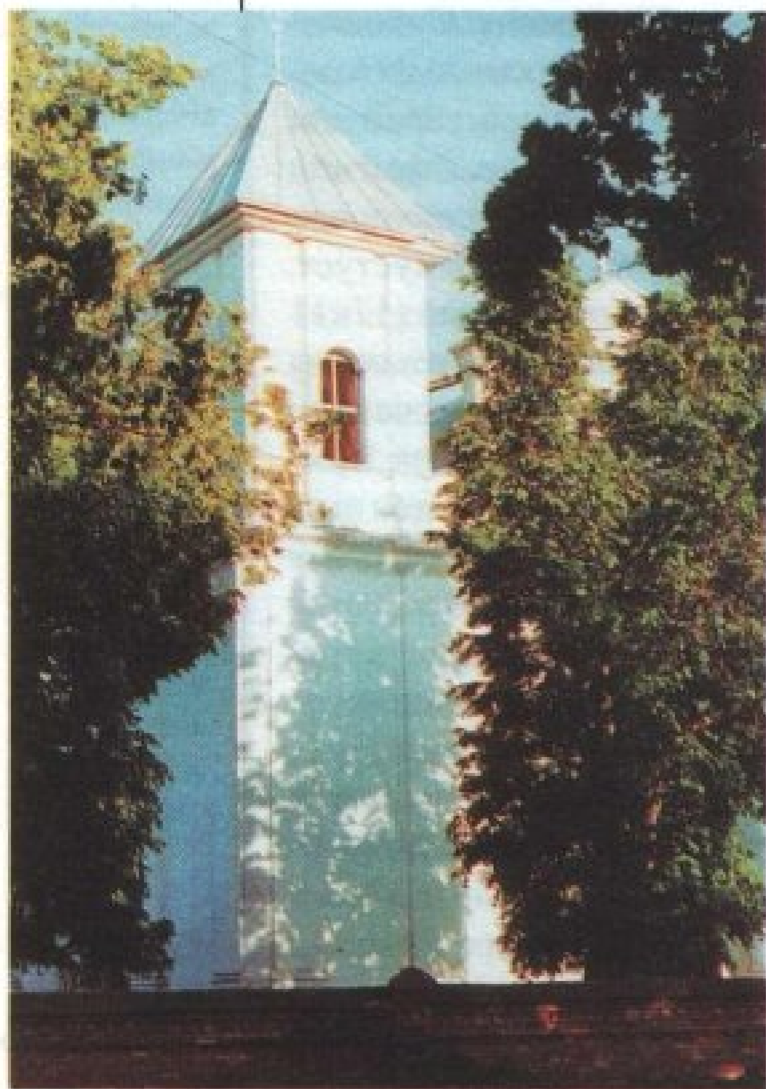
ряд характерных пейзажных черт: небольшие древесные массивы, поляны, видовой холм, усложнение и извилистость прогулочного маршрута. Возможно, в это время парк дополнялся водоемом. Однако две липовые аллеи остаются главенствующими в композиции. Это положение они продолжают занимать и в настоящее время.

Сигневичи. Парк. Липовая аллея. Фото 1999 г.

Эти аллеи, фрагменты прошлого боскета (или боскетов) расположены параллельно, с двух сторон парка, но существенно различаются. Одна из них представлена крупными деревьями (сохранилось 28 экземпляров), посаженными в ряду через 3 м. Возраст лип более 200 лет. Деревья крупные, отдельные имеют диаметр ствола более метра. Вторая липовая аллея имеет букетный вид. Возможно, она одного возраста с первой аллеей, хотя деревья были срезаны и затем возобновились порослевым путем. Не исключена возможность, что это более старая аллея, которая восстановлена таким путем и потому дошла до наших дней. В аллее 50 лип, растущих в виде живописных, по-разному развернутых кустов, состоящих из 2—7 стволов, иногда сросшихся у основания. Ширина аллеи 4 м, протяженность 120 м.

По окраине парка между аллеями расположен молодой (второе поколение) грабовый массив с одиночными старыми деревьями граба, дуба и богатым дубравным разнотравьем: ветреница дубравная, хохлатка полая, печеночница благородная, майник двулистный, сочевичник весенний и др. В уединенной части парка — место с высоким двухвершинным насыпным видовым холмом (высота 3—4 м). Центральную часть между аллеями занимала большая поляна, которая визуально увеличивает парковое пространство.

Сигневичи. Костел. Фото 1999 г.



Часть парка перед усадебным домом заложена примерно в середине XIX в. Перепланировка велась Нейгоф-Леями. В его центре поляна, окруженная по периметру аллеей. Она прослеживается фрагментарно и не является выразительным парковым элементом. Вдоль аллеи (ширина 7 м) были высажены белая акация, вяз, клен, которые разрослись, сомкнулись и затенили деревья конского каштана (сохранилось 5 экземпляров) в аллее. Аллея соединяла старинную липовую беседку (сохранилось четыре липы и 2 клена) в диаметре до 9 м при входе в парк с другой беседкой (на оси с водоемом), сформированной из кленов позднее.

Небольшой водоем (30х20 м) не увязан с парковой композицией. Его положение, видимо, определялось наличием родника. Он в глубоких берегах. По периметру был окаймлен ивами белыми 'Vitellina' (пять старых деревьев), одиночными кленами, дубами и боярышниками. Подрост деревьев, поселившиеся кустарники образовали вокруг водоема сплошное зеленое кольцо сложного состава. Со стороны водоема на окраине парка сохранился фрагмент регулярной планировки в виде маленького боскета (40х13 м), окруженного в прошлом шпалерами из липы. Теперь стены зелени образуют дере-

вья порослевого происхождения. Кабинет боскета мог служить летней столовой, местом отдыха, игр.

Уютный старый парк расположен обособленно за деревней. Со стороны ее в усадьбу ведет длинная аллея из липы и клена (сохранился фрагмент). Въезд фиксировался брамой. Парк не изменился в границах, сохранил общие черты композиции. Переполнен растениями. Имеются редкие виды: орех грецкий, черемуха поздняя, спирея Бияра, шиповник, черешня, алыча, ваточник сирийский, хохлатка полая. На полянах богатое разнотравье. Вокруг дома много сирени, белой акации, сплошные заросли на поляне образует рябинник рябинолистный.

Прозоровский костел в 1848 г. реставрировался Ромуальдом Нейгоф-Леем. В годы второй мировой войны был разрушен. В последние годы восстановлен и охраняется как памятник архитектуры позднего барокко. Усадьба не используется, разрушается.

С другой стороны Сигневичей дорога, обсаженная ивами ломкими, ведет к бывшему фольварку Моривиль, который в 1843 г. стал также собственностью Ромуальда Нейгоф-Лея. Он построил здесь небольшой деревянный дом с мансардным этажом, заложил парк. Усадьба утрачена в связи с новой застройкой. Усадебный дом перестроен и служит конторой Сигневичского строительного управления по мелиорации земель.

Аттечизна. Спиртзавод. Въездная брама и сторожка. Фото 2002 г.

Аттечизна

Во второй половине XVII в. владение Федюшко. В XVIII в. принадлежало Секлуцким, затем перешло Бельским, которые считали свой род княжеским и именовались Бельскими-Гедиминовичами [596]. Князья Бельские-Гедиминовичи берут начало от Олельки, внука великого князя ВКЛ Гедимина [360]. Согласно родословной, хранящейся в НИАБ, предком рода Бельских герба Елита был Доминик Иван, ротмистр, староста, который уплачивал (квитанция за 1691) из «дожизненного» имения Девятичи подати [155]. В 1865 г. имением владела Евгения Бельская, подозреваемая в причастности к восстанию 1863—1864 гг. В 1890 г. Аттечизна с фольварками Зворовичи и Юзефполь принадлежала Ксаверию, сыну Юзефа. Владения составляли 1088 десятин земли [546]. Последним владельцем был Эдвард Бельский.

Усадьба занимает плоскую, местами слегка пониженную территорию вдоль шоссе. Заложена Бельскими примерно в начале последней четверти XVIII в. Усадебный дом (длинное деревянное одноэтажное здание на высоком фундаменте) стоял в глубине усадьбы. Он имел высокую четырехскатную гонтовую крышу с люкарнами, небольшое крыльцо с четырьмя деревянными столбами, несущими треугольный щит. За домом располагался парк регулярной планировки со шпалерами и формованными деревьями. Во второй половине XIX в. Ксаверий Бельский расширил усадьбу. Значительные изменения коснулись усадебного дома. Здание увеличивается путем пристройки бокового крыла. Парадный фасад украсил четырехколонный портик из сосновых ко-

лонн. На парковом фасаде пристраивается большая терраса с деревянной балюстрадой. Ошалеванному дому особую привлекательность придали ярко белые ставни [596]. В 1905 г. Ксаверий получил разрешение на строительство винокуренного завода [210].

Аттечизна. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

Основу планировки старого регулярного парка составляли пересекающиеся аллеи (видимо, в основном из липы), образующие сетку боскетов. От прежней композиции сохранился ряд бывшей аллеи, сложенной старыми живописными липами, вдоль которого проходит основная нынешняя парковая тропа, единичные старые дуплистые грабы, а также липы, клены и дубы.

Перепланировка регулярных композиций в пейзажные проведена в 1910 г. архитектором Франтишком Шаниором. Были нарушены старые аллеи, проложены извилистые дорожки, на месте боскетов сформированы древесные группы, чередующиеся с полянами. На опушке грабового массива насыпается видовой холм, дошедший до нашего времени, высаживается много иноземных деревьев и кустарников. Остались суховершинные сосны веймутовы (3 экземпляра), ель колючая, ясень обыкновенный 'Pendula', белая акация, конский каштан, спиреи, чубушники, снежноягодник белый. Выпали в последнее время пихта белая, дуб черешчатый 'Fastigiata', явор, лиственницы, орех грецкий. Утрачены очень старая, более чем 200-летняя, беседка из конского каштана и более молодая (конца XIX в.) — из липы. Эта часть парка приняла вид почти сплошного древесного массива со спелым древостоем. Фоновым деревом является граб, который занял бывшие поляны, образуя плотные мертвопокровные массивы.

Видимо, меньше всего были видоизменены партеры. Они оставались большими и открытыми. На парковом партере доминировал очень старый кряжистый дуб, возраст которого хозяевами определялся в 700—800 лет [596]. Дерево высотой до 25 м при диаметре ствола 2,6 м является одним из наиболее старых в парках Беларуси, объявлено памятником природы. Его крона — огромный шатер в размере 30x26 м. Дерево дуплисто, скелетные ветви суховершинят. Основу парадного партера составлял большой круг с цветочной клумбой в центре. Судя по фотографиям, он не имел деревьев, кустарников. Выделялся не только размерами, но и прочностью сложения, сохранившись до наших дней, хотя давно утратил свое функциональное назначение.

Аттечизна. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото до 1939 г.

Перед домом (симметрично по отношению к парадному входу) росли две высокие туи западные, а вдоль фасада — ряд садовой формы туи с овальной кроной.

К кругу вела широкая, хорошо отсыпанная дорога. Основная композиционная ось, которая обычно замыкалась домом, не выражена. Дорога начиналась от въездной брамы, около которой был высажен ясень обыкновенный 'Pendula', шла по дамбе между двумя водоемами, затем плавно изгибалась среди насаждений парка и выходила к парадному партеру. Вдоль дороги с за-

Аттечизна. Дуб на парковом партере. Фото 2002 г.

падной стороны расположен спиртзавод, построенный в начале XX в., а к нему примыкали хозяйственные постройки. Через разреженный парковый древостой с другой стороны дороги просматривался усадебный дом, открываясь полностью с последнего поворота. Здание доминировало в парковой композиции, располагало уединенно среди живописного паркового окружения. С северной стороны парадного двора стояли сыроварня и официна (частично сохранилась).

В южной, слегка пониженной, части усадьбы был разбит прогулочный парк на площади около 12 га, в основе планировки которого была положена оригинальная водная система, которая теперь в запущенном состоянии. Она включает два симметрично расположенных по отношению к главному въезду водоема, разделенных дамбой, извилистый канал шириной 6 м (выполнял и дренирующую функцию) и несколько нешироких разной величины водоемов, расположенных на русле канала. Хорошо выражен крайний (восточный) водоем (45x25 м), которым замыкается водная система. Он имеет остров почковидной формы, по восточному краю которого растет ель, по западному — липа. Деревья достигли величественных размеров, закрепляя разветвленными корневыми системами острова. Вдоль водной системы на луговом газоне росли одиночные деревья, не закрывающие ее конфигурацию и зеркало воды. Около среднего водоема на возвышении доминирует величественный дуб черешчатый в возрасте нескольких столетий. Вдоль системы обильное развитие получили влаголюбивые виды (ива ломкая, ольха черная, черемуха, ясень) и сорное крупнотравье.

К парку, который занимал около 15 га, с восточной стороны примыкали сад и огород, спланированные также Ф.Шаниором. Центром его композиции являлась клумба из липы, которая и сейчас выделяется среди распаханного поля.

Усадьба пострадала в годы первой и второй мировых войн. Утрачен усадебный дом с оригинальными интерьерами и фамильными ценностями, описание которых приводит Р.Афтанази, цитируя Эдварда Бельского [596]. Он состоял из помещений разного назначения. Стены большого салона были обтянуты золотистой материей, обрамленной позолоченными деревянными рамами; их украшали картины «Горное озеро», «Лето», «Зима» неизвестных авторов и портрет женщины кисти Жмурко. Пол выстлан мозаикой. Мебель в духе Людовика XV: стол на одной ножке со столешницей, богато инкрустированный розовым и красным деревом и бронзой, письменный стол в стиле ампир с надписью на одном из ящиков: «Rue du Miel». Украшение салона — бронзовая люстра с тринадцатью свечами.

Салон с правой (южной) стороны примыкал к зимнему саду с большими, на всю высоту здания, полукруглыми окнами. Со стороны парка находились малый салон и библиотека. В малом салоне пол также был выстлан узорчатой мозаикой, имелся менее богатый мраморный камин. Был обставлен мебелью из красного дерева с инк-

Аттечизна. Парк. Фрагмент липовой аллеи. Фото 2001 г.

Аттечизна. Фрагмент водной системы. Фото 2002 г.

Аттечизна. Дуб черешчатый на берегу канала. Фото 2002 г.

рустациями. Стены украшали слуцкие пояса, коврики, картины «Святое семейство» (ее считали подлинником П.П.Рубенса), два небольших полотна Жана Батиста Гравза, изображающие жанровые сценки, а также «Два рыбака с сетью» кисти Д.Тенерса. Картины купил Юзеф Бельский у князей Демидовых в Петербурге, которые располагали большой художественной галереей. Полотна были помечены гербом этого рода. Их вывезли немцы. В 1905 г. Эдвард Бельский возил полотно «Святое семейство» в Берлин для снятия повреждений. Специалисты разошлись во мнениях в отношении подлинности картины. Художественные собрания Бельских утеряны в годы первой мировой войны. Наиболее ценные картины в 1915 г. были вывезены в Германию.

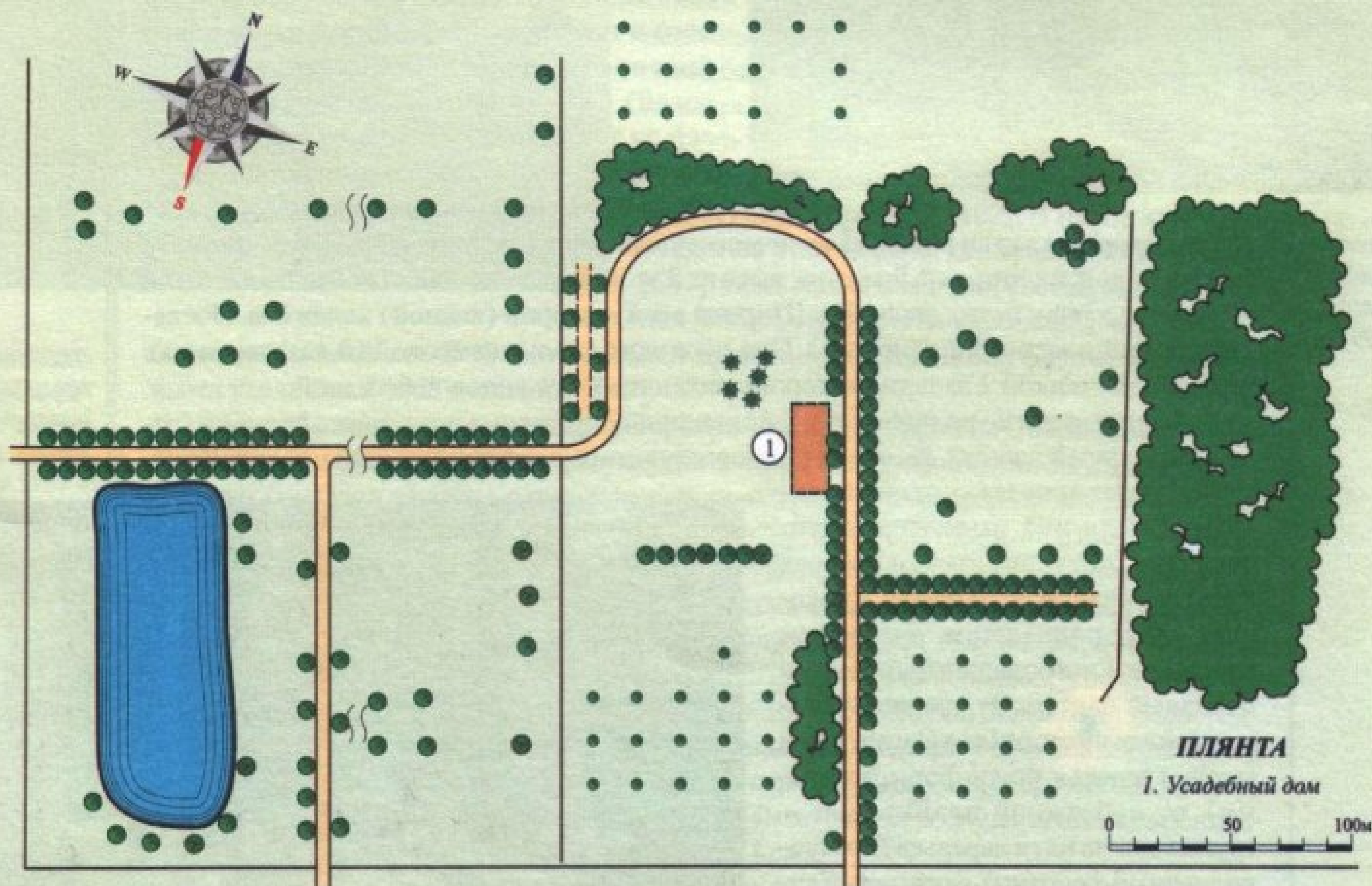
Из малого салона дверь напрямую вела в столовую, к которой примыкала терраса с выходом в парк. В столовой размещалось пятнадцать фамильных портретов. Художественную ценность из них представляли портреты Станислава Бельского, брестского подчашего и его жены кисти неизвестного художника. В столовой имелся саский фарфор, восемь сервизов из серебра. В левой части дома находилось множество относительно меньших комнат, расположенных по обе стороны коридора. Обстановка в них была скромной, лишь в главной спальне имелась мебель в стиле ампир, подобная той, что стояла в малом салоне и библиотеке. Собрание книг составляло около одной тысячи томов.

Усадьба расстроена частной застройкой. Насаждения парка одичали, часть его переувлажнена, разбита дорогами, водная система не функционирует.

Плянта
(д. Бытень)

В исторических документах имение Плянта не встречается. Видимо, выделилось во второй половине XVIII в. из большого известного Бытенского имения, двор которого указывается в исторических источниках XVI в. (владение Довойнов, Корицких), принадлежащего во второй половине XVIII в. Ходкевичам, затем Тризнам. После смерти подскарбия Николая Тризны, не оставившего наследников, Бытенем завладели базилиане. В 1779 г. оказалось, что имение отдано базилианам под залог и по решению трибунала оно отошло родственнице Тризнов из Шеметов, состоящей в браке с Казимиром Тизенгаузом, братом Антония. Эту истину Казимир узнал случайно в Новогрудском костеле из хвалебной песни Тризне (кантычки), который отдал Бытень «в заставу», но не подарил [346]. После Тизенгаузов имением владели Кралецкие, а в последнее время — Стамповские.

Плянта. Фрагмент въездной аллеи. Фото 1999 г.



Плянта. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

Усадьба формировалась примерно в последней четверти XVIII в. и, видимо, не без влияния Антония Тизенгауза. В 1768 г. по его распоряжению была заложена усадьба Кобринский ключ, в которой велись работы по созданию регулярного парка. В Плянте регулярный парк позже принял пейзажные формы. Усадьба заложена среди поля на слабо выраженной слегка приподнятой террасе р. Щара (схема). Имеет вытянутую композиционную ось, ориентированную в направлении юг—север (вдоль террасы). На оси расположена (идет со стороны деревни Козино) главная въездная аллея. В ее начале, с западной стороны, располагалась каменная капличка в окружении кустов сирени. Аллея широкая – 10 м. Сложена кленом, ясенем, в понижении – ивой ломкой, ольхой. Вдоль нее с двух сторон располагались сады с защитной однорядной посадкой по периметру (ясень, ольха, ива). При въезде в усадьбу (справа) расположен водоем (частично заросший), который питался водотоком родника, расположенного с северной стороны.

Ось замыкалась одноэтажным каменным зданием усадебного дома, расположенного в наиболее приподнятой части парка (дом не сохранился, на его месте здание столовой). Судя по фрагментам двух старых аллей, за домом имелся большой боскет, окруженный по периметру липовыми аллеями. От них сохранились два фрагмента. С восточной стороны аллеи росли 11 величественных деревьев липы и один дуб. Диаметр ствола одной из лип – 1,5 м и на высоте 3 м ветвится на два ствола. Липы были высажены в ряду густо, через 2 м. Ширина этой и второй (южной) аллеи 5 м. Последняя сохранилась лучше (26 лип). Она проходит вдоль невысокой (0,4 м) террасы с подпорной стенкой, с западной стороны заканчивалась липовой беседкой.

Боскет заметно видоизменен – появились сооружения последнего времени (оздоровительный лагерь). На территории растут старые одиночные липы, ясени. Высокой декоративностью отличаются дубы. Среди них выделяется дуб-тройник, растущий кустом из трех стволов. Боскет замыкался парковым, ныне одичавшим, древесным массивом. Еще больше видоизменен парадный партер. От прежней регулярной композиции сохранился ряд граба, (деревья были формованными), от пейзажной планировки – группа ели из пяти деревьев (красношишечный фенотип), служившая кулисой по отношению к усадебному дому.

Плянта. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

Парк был открыт и визуально связан с поймой Щары, и с этой стороны он практически не имел границ. Расположен изолированно от деревни. Имеет качественный древостой и вместе с садом образует живописный массив, который используется в качестве усадьбы детского оздоровительного лагеря «Дубравушка».

Кутовщина. Фрагмент въездной аллеи. Фото 1987 г.

Кутовщина

В 1706 г. у Михаила Булгака имение Кутовщина купил брестский казначей Филипп Верещако. Более двух веков оно принадлежало этому роду герба Костеша. В 1736 г. по наследству перешло сыну Францу, женатому на Софье из Радоминских-Францкевичей, казначею брестскому, позже подчашему новогрудскому. В 1758 г. он становится владельцем соседних Тугановичей [156]. Франц (?—1762) известен своей меценатской деятельностью. Согласно тестаменту, утвержденному в Новогрудском городском суде, он завещал деньги Ворончанской иезуитской миссии на содержание для молодежи учителя по католичеству, а также выделил многочисленные фундуши: новогрудским доминиканцам и францисканцам, несвижским и гродненским бернардинцам, доминиканцам полонечским, базилианам жировичским и волмянским, госпиталям в Городище, Цырине, Столовичах, Деревной и др. [525].

В 1850 г. имением управлял на правах опеки Августин Верещако [122]. В 1857 г. часть Кутовщины унаследовал его племянник Стефан [547]. Земельные владения составляли 30,5 волок [685]. Стефан оставался владельцем имения более пятидесяти лет. В 1911 г. он владел Кутовщиной, Ясенцом и Котлами с земельными угодьями в 1262 десятины [549].

Усадьба заложена на невысокой правой террасе р. Сервечь. Сохранились фрагменты (на площади около 4 га) регулярного парка, сформированного в виде прямоугольных боскетов из липы, вдоль которых проходила слегка извилистая также липовая аллея протяженностью около 400 м, ориентированная в направлении юг — север. Она служила центральной дорогой усадьбы, отделяя парк от сада на более приподнятой местности (теперь частная застройка). С парка открывалась живописная панорама на пойму реки, за которой вдали виднелась цепь моренных холмов. Парк не утратил этой красочной перспективы. Она обогащена огромным зеркалом искусственного водохранилища, построенного в послевоенное время. Однако вода подступает непосредственно к насаждениям, подтапливая и разрушая их. Отрицательно воздействует на древостой частный сектор. Ряд лип включен в ограду вдоль улицы. Кроме одиночных кленов, древостой парка в основном из липы. Имеется дерево лиственницы европейской 'Viminalis' (высота 20 м, диаметр ствола 71 см).

Парадная часть усадьбы утрачена. Каменный двухэтажный усадебный дом сгорел в 1917 г. и не восстанавливался. Имение было сдано в аренду, а Верещако перееха-

Кутовщина. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

ли на жительство в усадьбу Большое Можейково (Гродненская область).

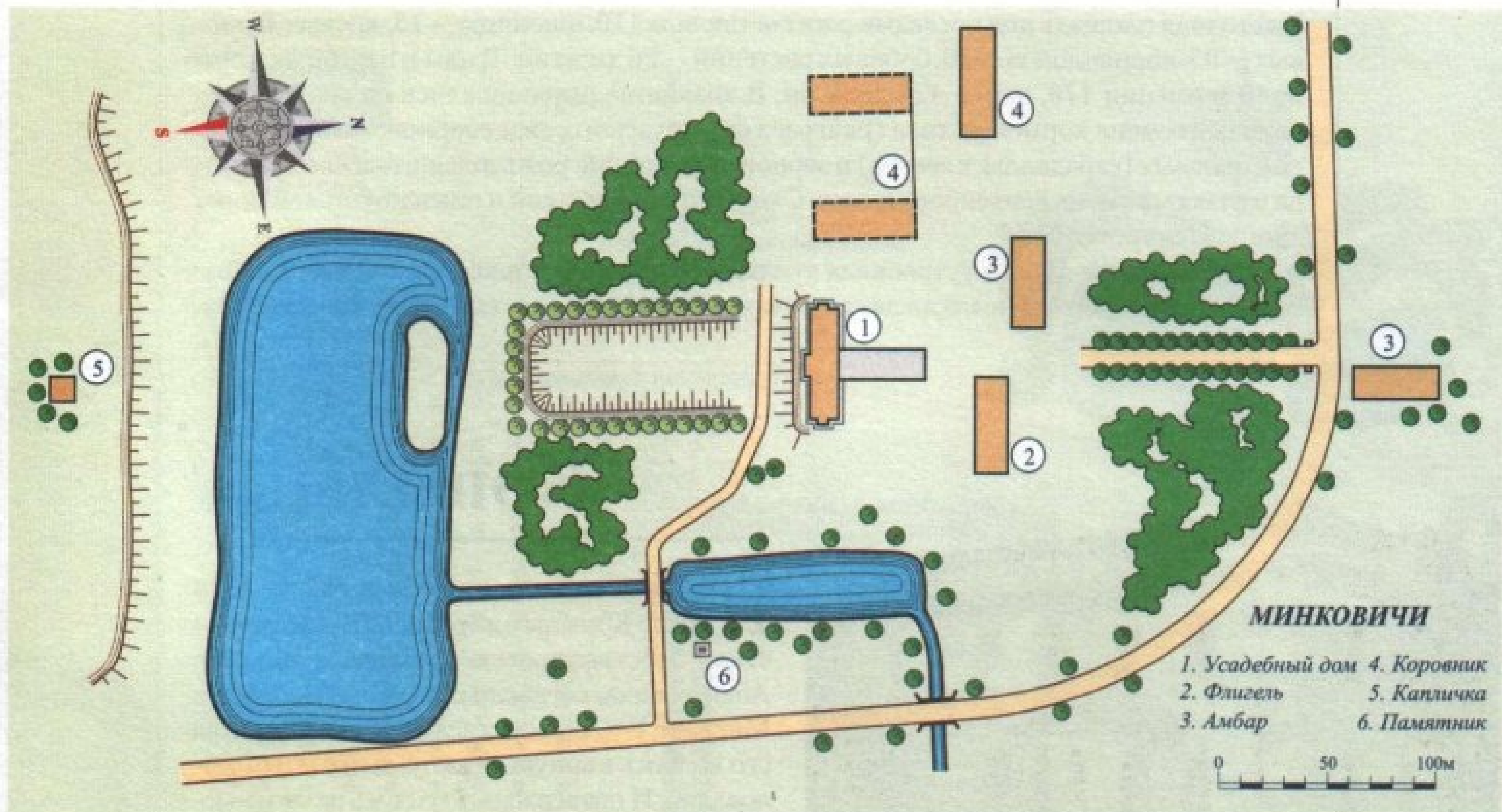
Фрагменты парка с качественным липовым древостоем имеют значение в качестве рекреационной зоны, они располагаются на берегу большого водохранилища.

Минковичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1981 г.

Минковичи

В 1522 г. Минковичами владели Гомшевичи [434]. Во второй половине XVIII в. они отошли Сапегам. В 1722 г. Михаил Сапега отдал Минковичи под залог в 50 тысяч злотых Юзефу Матушевичу, и они стали собственностью этого рода [742]. В 1862 г. принадлежали Яну Швыковскому, участнику Брестского заговора 1846. В 1890 г. его земельные угодья составляли 874 десятины [546]. От Швыковских имение перешло Здиславу Замойскому [703]. Последней владелицей была Мария Замойская, известная культурой содержания имения. Из 650 десятин земли пашней было занято 576, сенокосами — 45, лесными культурами 30 десятин [389].

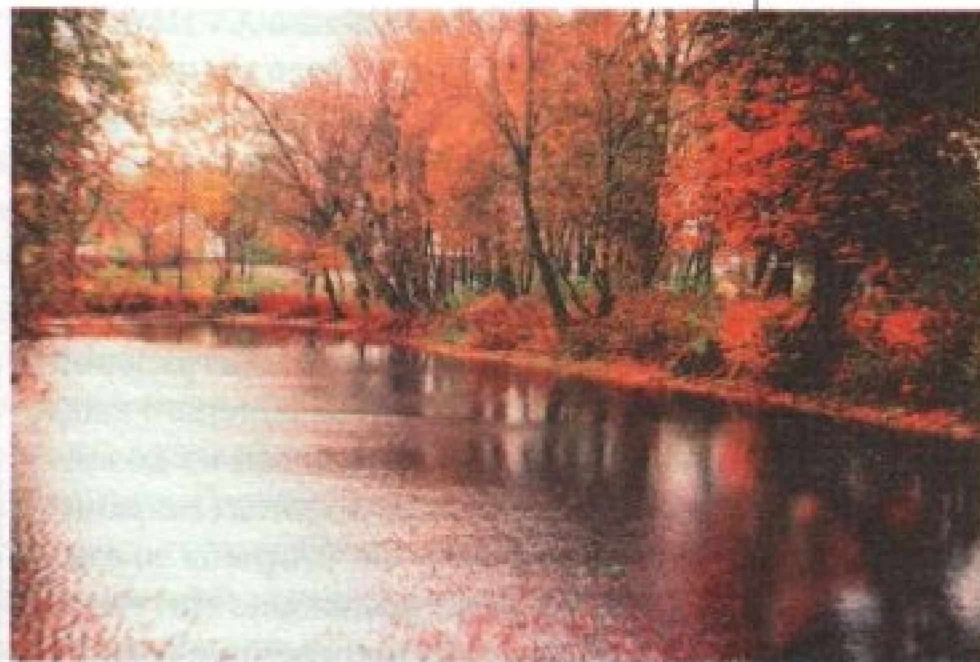
Усадьба заложена Матушевичами. Имела вытянутую композиционную ось, вдоль которой располагалась въездная аллея. В глубине стоял дом, за ним — вытянутый боскет, обсаженный с трех сторон липами. Завершалась ось композиции небольшим водоемом (схема). Общее планировочное решение усадьбы прослеживается. Только от более чем двухсотлетних лип боскета осталось всего 16 деревьев (остальные выпилены в последние годы). Во въездной аллее растет 5 мощных тополей канадских 'Serotina' (диаметр стволов 136—143 см). Усадебный дом, прямоугольное в плане деревянное



одноэтажное здание с пристройками, обложен кирпичом. Его фасад украшало простое крыльцо на двух колоннах. Здание потеряло прежний вид. Без изменений остались только марши каменной лестницы на парковом фасаде.

В 1890 г. Швыковскими усадьба была перепланирована по проекту В.Кроненберга без изменения ее старой барочной основы. Пространство с двух сторон боскета пейзажно оформлено. С восточной стороны небольшой древесный массив из ясеня, липы, белой акации; с западной — подобный массив принял вид сплошных зарослей с подлеском из бузины черной. В усадьбе была устроена новая водная система из двух водоемов, которые имели частично родниковое питание. Один из родников продолжает функционировать в парке. Водоемы заметно раздвинули его границы с юго-восточной стороны. После войны на берегу восточного водоема установлен памятник погибшим воинам. В усадьбе появились также 3 новых хозяйственных здания, хорошо приспособленных для современных нужд. Построены здания из крупного колотого камня и кирпича. Выделяются большими размерами складское помещение (35x10 м) с лучковыми окнами и коровник (17x35 м). От коровника, П-образного сооружения (60x12 м) с внутренним двориком, сложенного из валунов и бута, остались только стены. В 1899 г. на возвышении за водоемом Марией Замойской сооружена капличка в форме колонны с крестом в завершении, которая замкнула барочную ось усадьбы и стала местом молебнов и маевых. Место кладки через водоем, увеличенный в размерах в последнее время, залито его водами.

Имение по уровню ведения хозяйства считалось образцовым. Вел хозяйство управляющий. Практиковались три севооборота: девяти-, десяти- и восьмипольный.



Минковичи. Фрагмент водной системы. Фото 2002 г.

Ежегодная площадь под посевами ржи составляла 110, пшеницы — 15, яровых зерновых — 95, корнеплодов — 30, бобовых растений — 26 десятин. Травы и пастбища занимали в имении 176, пар — 126 десятин. В хозяйстве выращивались на реализацию элитные семена кормовых трав (райграса французского, ежи сборной, манны овечьей), бобовых (сераделлы, клевера) и зерновых растений: рожь шланштедская, пшеница пулавка, ячмень лерхенборг и овес. Скот был голландской и ольденбургской породы, овцы негретти [389].

Небольшая просто устроенная усадьба принадлежит школе и колхозу. Произвольно перестраивается, насаждения дичают. В 1990-е гг. восстановлена капличка Замойских.

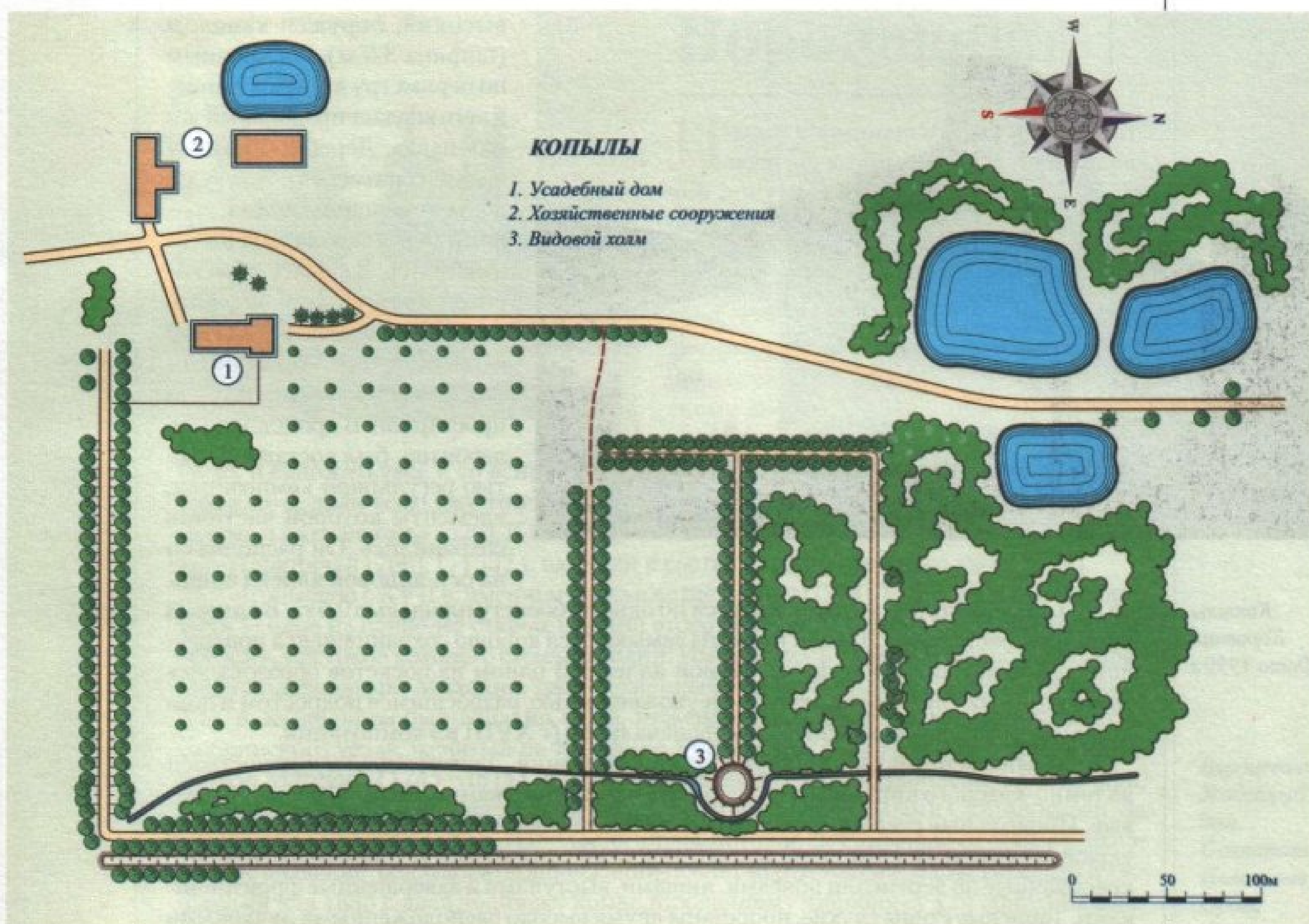
Копылы. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1980 г.

Копылы

По привилею короля Александра от 1506 г. село Копылы с жеребьем Шушковским стало собственностью дворянина Богдана Алексеевича, согласно следующей записи в Метрике ВКЛ: «... зъ ласки нашое, и тежь за его къ намъ вѣрную службу, тымъ его пожаловали... И потвержаемъ то симъ нашимъ местомъ вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ, и его ближнимъ... И волен онъ, и его жона, и ихъ дѣти, и напотомъ будучіе ихъ щадки, и его ближніе тот дворъ со всим съ тымъ, што къ нему здавна прислухало, отдати, продати, замѣнити, расширити и ко своему вжиточному и лепшому обернути, как самъ налепѣй розумѣючи» [409]. Около 1512 г. Ивашко Горностаевич, женившись на вдове Богдана Каравы, получил Копылы и достаточно богатую усадьбу [760]. В 1657 г. имение Гаврилы Горностая, воеводы минского, державцы каменецкого, который «ставилъ почту з имѣней своих — съ Копыловъ в повѣте Берестейскомъ и коней семь» [428]. В XVII в. владение Копотей. Затем перешло Пусловским: в 1863 г. владела Каролина из Остик-Нарбуттов; в 1890 г. — Феликс. Земельные угодья составляли 1164 десятины [546]. Последним владельцем был Евгений Рот (1892—1940), инженер, поручик артиллерийского резерва. Вместе с братьями Константином (имение в Верховичах) и Виктором (имение Каролин) был арестован в 1939 г. и расстрелян в 1940 г. в Харькове [649].

Усадьба заложена в XVIII в., затем, видимо, Роты перепланировали и расширили ее, что затрудняет рассмотрение планировочного решения. Сочетает элементы регулярной планировки с более поздним пейзажным оформлением и чертами утилитарного назначения (схема). Центральной трехрядной аллеей (из конского каштана и граба) разделяется на хозяйственную и парковую зоны (сохранилась частично). Со стороны въезда вдоль аллеи расположены три водоема, образующих красочное водное

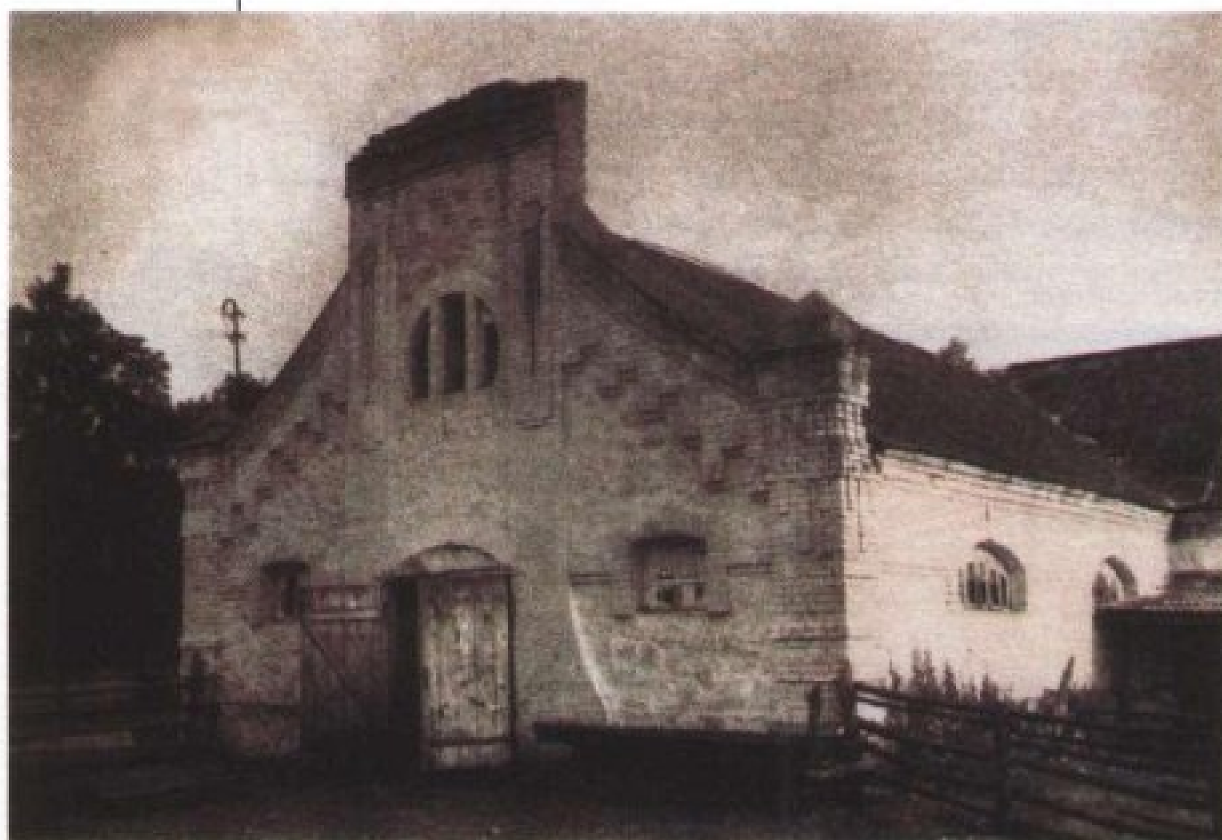
Копылы. Амбар. Фото 1999 г.



зеркало, теряющееся сейчас в связи с их зарастанием. С западной стороны за водоемом расположен большой древесный массив сложного состава с плотной группой ели на опушке, за которым начинается парк. Въезд в усадьбу фиксируется мощными тополями канадскими 'Serotina'.

Новый усадебный дом построен в глубине парка примерно в начале XX в. Здание кирпичное, одноэтажное (30х12 м). К торцу примыкает немного расширенный двухэтажный объем длиной 10 м (возможно, это был первоначальный дом). Силуэт простого здания заметно оживляла четырехскатная мансардная крыша с круглыми окнами и люкарнами (утрачены при последнем ремонте). Рядом со зданием располагалась каплица.

Перед домом имелся обширный газон с заниженной центральной частью. Въезд на газон был оформлен семью кирпичными пилонами с железными воротами, чем достигалась в отличие от других усадеб его изолированность. За домом начинался сад. Вдоль него по валу в небольшую (южную) часть парка ведет весьма оригинальный прогулочный маршрут. Аллея (ширина 5 м) сформирована из конского каштана с сочетанием тополя Петровского. Деревья, посаженные в ряду через 2 м, образуют полуосвещенный зеленый коридор, но из-за недостатка света угнетены, кроны их имеют сухие ветви. Сочетание тополя и конского каштана оказалось неблагоприятным. Далее аллея состоит из деревьев граба и конского каштана. В наиболее пониженной части конский каштан сменяется ясенем. В условиях хорошего увлажнения деревья, особенно ясень, достигают величественных размеров. Вдоль этой аллеи, за неглубоким рвом, идет древесная защитная полоса. Прогулочная аллея подводит к видовому холму. Холм



Копылы. Коровник. Фото 1999 г.

высокий, окружен каналом (ширина 3,5 м), обсаженным по периметру ясенем и липой; в него впадает продольный канал парка. Деревья достигли больших размеров и, хотя удалены от вершины холма, кронами образуют на нем ажурный шатер. В связи с этим видовой холм принял вид естественной беседки, называемой «Панской Горкой», уединенной и вместе с тем достаточно просторной. В прошлом холм, вероятно, был составной частью регулярной композиции, элементы которой частично сохранились. Он расположен на оси липовой аллеи (ширина 5 м), с обеих сторон которой имеется по одному боскету площадью 0,5 га. В аллее 23 липы в возрасте более 200 лет. Боскеты замыкаются хорошо сохранившейся поперечной грабовой в прошлом формованной аллеей. В одном из боскетов образовались сплошные заросли бузины черной. Неухоженностью, разросшимся подростом и подлеском стирается впечатление от первоначальной (с XVIII в.) композиции.

Хозяйственный двор образуют несколько зданий. Двухэтажный амбар построен из темно-красного кирпича на фундаменте из колотого камня. Окна щелевые, лучковые. Продольные стены расчленены лопатками. Карниз широкий, многослойный, украшен сухариками. Высокой декоративностью отличаются угловые пилястры, раскрепованные по вертикали поясами, нишами, выступами и завершенные фронтончиками. Торцевые стены глухие, прорезаны двумя высоко расположенными лучковыми окнами. Фронтоны декорированы выступающими поясами со ступенчатыми машикулями, сухариками. Центральный вход выделен слабо выступающим ризалитом, увенчанным фронтоном; лучковый портал завершен треугольным фронтончиком с датой строительства — «1911». Здание подмывается водой пруда, который подходит вплотную к его тыльной стене и угрожает обвалом здания.

В подобных архитектурных формах построен коровник (46x10 м) с входным тамбуром (11x11 м); стены здания сложены из колотых камней. Кирпичом выложены только углы, арки проемов, обрамления лучковых окон, декоративные лопатки и чуть вогнутые машикульные края фронтонов. Завершение фасадного фронтона оформлено в виде декоративного прямоугольного щита с большим почти круглым окном.

Отдельно, видимо, в эти же годы построены два свинарника (40x17 м). Низкие стены сложены из колотых камней, окна сдвоенные, полуциркульные, небольшие. Возможно, уже в наше время стены надстроены и побелены мелом. До 1886 г. в имении работал бровар.

Сравнительно большая (около 13 га) усадьба с добротными хозпостройками, водной системой, качественным древостоем запущена. Здания приспособлены для современных нужд.

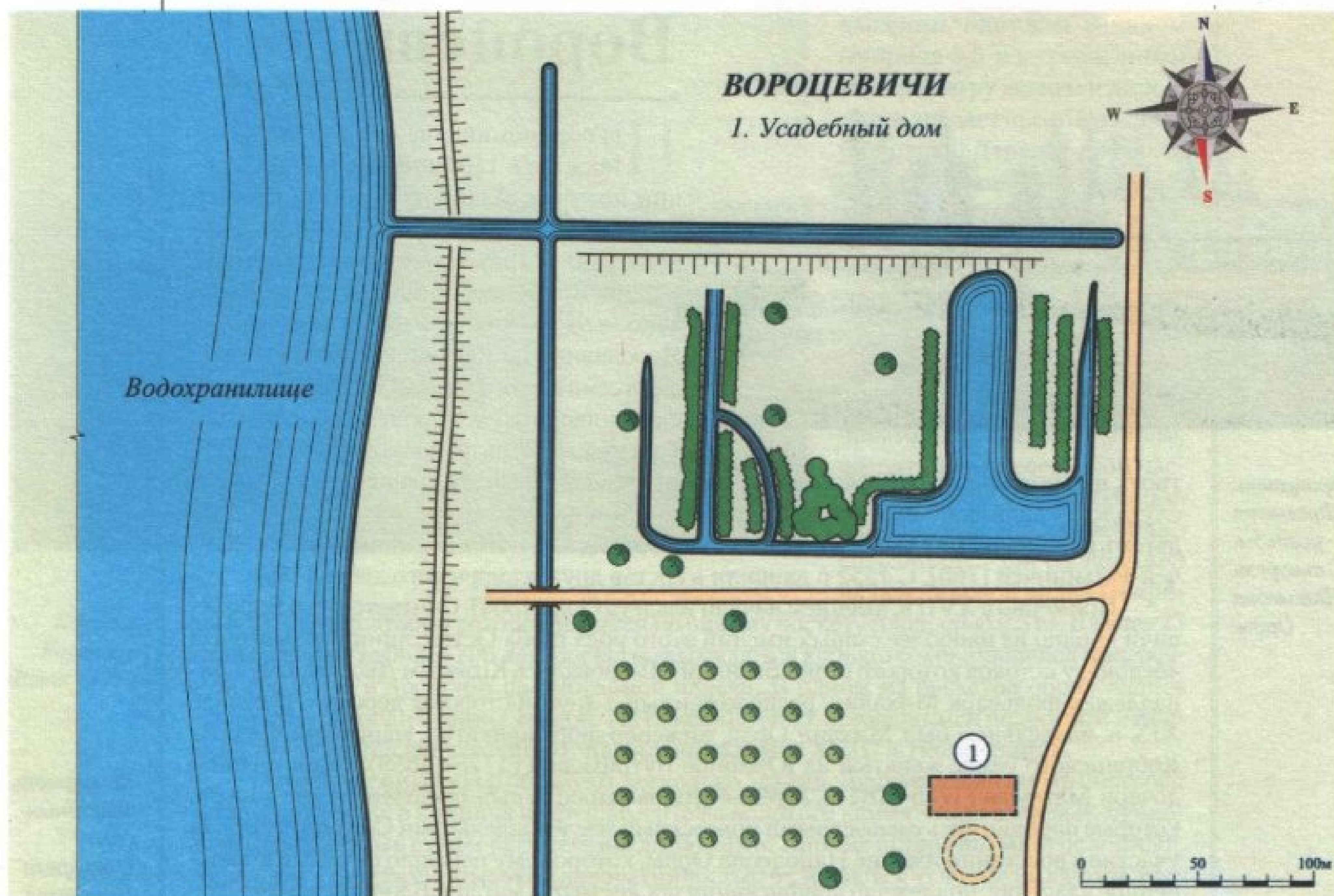
Вороцевичи

Вороцевичи. Фрагмент усадьбы. С акварели Наполеона Орды.

Первое упоминание «Ворочевичъ» относится к 1497 г., когда Матвей Гричин получил от пинского князя Федора одно дворище, которое унаследовал сын Борис (1440—1527). Известно также по дарственной от 22 июля 1506 г., в которой сказано, что «... князь Федоръ Ивановичъ Ярославичъ со кнегинею своею Оленою дали есмо слузъ нашому Олизару Любельскому дворищо у Ворочевичахъ, на имя, Головчинское, съ пашною землею и зъ бортною, и съножатьями, и со всими иншими входы, што изъ тому дворищу здавно прислухало. А дали есмо ему тое дворищо въчно и непорушно, ему и его жонъ, и ихъ дътемъ и их счадкомъ» [520]. В 1528 г. являлись владением Яна и Станислава Юрьевичей-Ильиничей [766]. С 1552 г. входили в состав дружиловичского двора [769].

Примерно с XVII в. имением начали владеть Орды [304]. Считается, что Вороцевичи — одно из наиболее старых имений этого рода герба Остоя, линии называемой «белой», у истоков которого стоял Василий. Именовалось Красным Двором. Ему принадлежал фольварк Михалин, расположенный с другой стороны деревни. В начале XIX в. владельцем был Михаил Орда, инженер-фортификатор, маршалок шляхты Кобринского уезда, женатый на Юзефине Бутримович (1775—1859), единственной дочери Матеуша (1745—1814). В семье Ордов выросли сын Наполеон и две дочери, которые породнились с известными полесскими землевладельцами Скирмунтами. За участие в восстании имение Наполеона Орды, которое ему перешло от отца в пожизненное владение, подлежало конфискации после смерти матери. Вдовствующая Юзефина 29 мая 1835 г. дала подписку командированному чиновнику для описания имения, что движимое имущество, скот, рухлядь, платья не утаит от показа [222]. После

Вороцевичи. Усадебный дом. С акварели Наполеона Орды. 1860 г.



описи имения, земельные угодья которого составляли 35 волок, 2 морга, велось дело о претензиях на имущество мятежника Наполеона со стороны Богуслава Крашевского. В целях освобождения сына от казенной недоимки Юзефина заняла 7 тысяч злотых, выдав в 1827 г. закладную на часть имения [207].

В 1859 г. Юзефины, главной хранительницы вороцевичского дома, не стало. Была похоронена в Вороцевичах на местном кладбище, затем по желанию сына перезахоронена в Иванове в родовом склепе. С болью откликнулась на смерть дорогой «бабуни» Хелена Скирмунт [771].

Имение конфискуется. Наполеону дано право на аренду трех ферм, на которые было разбито имение. После событий 1863 г. он лишен этого права, кроме того ему запрещено жить в имении. Несколько лет оно находилось на арендных условиях. Затем на льготных условиях его купил Алексей Бушен. В 1876 г. по купчей крепости, совершенной в Гродненской абъединенной палате Уголовного и Гражданского суда, имение в 710 десятин земли за 12400 рублей перешло от генерал-майора Алексея Бушена Адольфине Ромуальдовне Новицкой, жене тайного советника. Коллежский асессор Иван Богданский по доверенности, оформленной на его имя в 1885 г., продал Вороцевичи отставному майору, почетному мировому судье Ивану Палеологу. В 1890 г. площадь угодий его имения составляла 710 десятин [546]. После отца имением владел сын Николай, генерал-майор. В 1921 г. Сергей Николаевич (1877 г.р.) выдал доверенность на владение имением брату Борису Николаевичу (1875 г.р.) [23]. Борис, считавший себя далеким потомком византийских императоров, в прошлом был камергером царского двора, томским губернатором. На склоне лет жил в имении Островок около Иванова (усадьба не сохранилась). В годы первой мировой войны усадьба сгорела, а земли после 1930 г. были распарцеллированы.

Представление об усадьбе дают рисунки Наполеона Орды. Подробное описание усадебного дома и хозяйственных построек приводится в инвентаре, который был подписан 1 июня 1835 г. Юзефиной в связи с конфискацией [222]. Усадьба в 22 морга занимала возвышение, к которому прилегал с северной стороны большой болотный массив. Дом стоял в наиболее приподнятой его части в окружении сада, огорода и парка (схема). В усадьбу с южной стороны вела длинная (до 500 м) въездная аллея, образованная липой, дубом и одиночными грабами. Теперь это просто проселочная дорога, вдоль которой растут порослевые экземпляры граба. Просматривается место дома, руины подвала, который был под сенями. Вокруг растут низкие кусты сирени, шиповника, бересклета европейского, небольшие заросли образует дереза берберов. С западной стороны видно место бывшего сада.

Усадебный дом был огромным (64х21 аршин), деревянным, оштукатуренным, одноэтажным, с высокой ломаной гонтовой крышей. Здание имело характерные черты архитектуры небольших усадеб второй половины XVIII в. В доме были зал, шестнадцать комнат, два коридора и две комнаты на мансарде. Судя по рисунку, его парадный фасад был оформлен четырехколонным двухэтажным портиком с небольшим балконом, видимо, пристроенном позднее. В описании портик не указывается. Отмечаются боковые входы с крылечками. В доме было двадцать девять окон, печей восемь кирпичных, одна изразцовая, один камин.

Главным фасадом здание дома было ориентировано на юг. Перед ним располагался большой газон с кругом и клумбой в центре. На одном из рисунков на оси дома показана въездная брама с красивой оградой, окружающей со всех сторон парадную часть усадьбы. Видимо, Наполеон пожелал украсить двор родного гнезда оградой, каменные столбы которой были увенчаны вазами. На рисунке 1866 г. ограда более упрощенная. На одном из его рисунков была надпись «Собственность рода Ордов через 300 лет аж до 1831 года — местность памятна и дорога автору» [596].

Довольно большой двор Ордов включал многочисленные постройки разного назначения. Однако инвентарное описание не позволяет привязать их к местности и показать схематически планировку усадьбы. В ней имелся дом фольварочный деревянный на каменном фундаменте (29х11 аршин), на одной линии с ним располагались конюшня и сарай (46х11 аршин). Напротив главного фасада господского дома стоял дом из плетня (45х11), рядом с ним имелся подобный новый дом также из плетня

Вороцевичи. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

(45х15). Возле усадебного дома (слева) стоял амбар с крыльцом на четырех каменных столбах. На одной из схем симметрично дому показаны еще два здания [205]. В усадьбе имелись винокурня (25х14 аршин), солодовня, сырница, конная мельница, ледник, сельский магазин, три каменных погреба, кухня, строение для сушки вишен (5х5 аршин). Крупными сооружениями были гумно с двумя амбарчиками в середине (80х22 аршина), сараи для скота, воловник, складские помещения с соломенными крышами, молочный каменный погреб и др.

Во дворе имелись четыре колодца. По их назначению можно предположить, что в усадьбе выделялись фольварочный двор, два скотных двора и отдельно поставленная винокурня. В описании двора за 1842 г. отмечается, что усадебный дом с четырьмя колоннами, некоторые хозяйственные сооружения имели обветшалый вид [206].

К усадьбе примыкал довольно большой (в три морга) овощной огород, называемый «варивным». Фруктовый сад занимал восемь моргов. В нем росли деревья яблонь (180), груш (100). Хотя указываемая в инвентаре сушилка предназначалась для сушки вишен, в саду в большом количестве росли сливы: сортовые — венгерки (15), ронклоды (10) и простые (70 экземпляров).

Парк в инвентаре называется огородом («дикие деревья, посаженные, представляющие вид улиц и прогулок»). В середине этого огорода находилась канава (размером более морга) с оградой из лозы.

Водоем, называемый канавой, оказался наиболее выразительным планировочным элементом усадьбы и хорошо сохранился. Расположен с тыльной стороны дома. Т-образный в плане, в глубоких, хорошо задернованных берегах. С двух сторон от него отходят широкие каналы. Восточный обмелевший, зарастающий канал огибает окраину парка. Второй (западный) канал изгибается также в северном направлении, давая при этом два ответвления. В результате разветвлений система приняла необычную форму. Поперек усадебных каналов при мелиорации болотного массива проложен

Вороцевичи. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

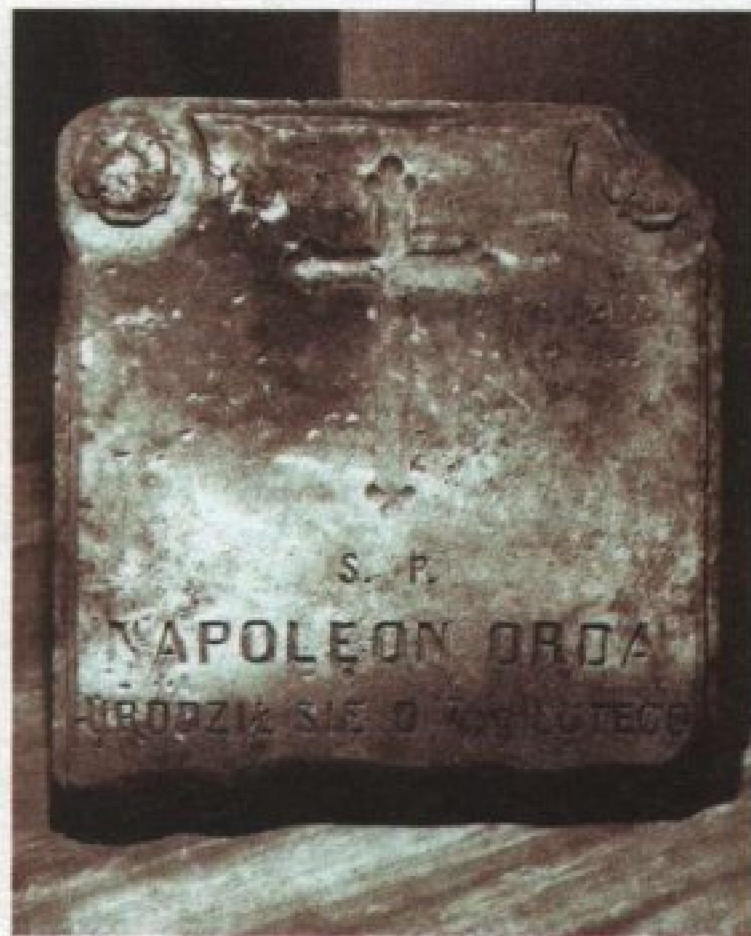
мощный высокообвалованный канал, впадающий в новое большое водохранилище. Он перекрыл связь отмеченных каналов с болотом, отрезав тем самым их питание. Имелся водоем и с восточной стороны усадьбы. Давно спущен. Русло поросло травами.

О бывшем древостое парка напоминают группа сирени, подрост вяза и березы, одиночные старые грабы на полевичнике злаковом со зверобоем, подмаренником настоящим, цмином.

В Вороцевичах родился и вырос Наполеон Орда (1807—1883), известный пианист, композитор, художник и педагог. Начальное образование получил дома. После окончания Свислочской гимназии в 1823 г. Наполеон становится студентом Виленского университета, изучает математику, участвует в работе студенческого товарищества «Заряне», отбывает годичное наказание в тюрьме, а после освобождения живет в имении. В 1830 г. является солдатом конного полка Литовского корпуса. Активно откликнулся на события 1830—1831 гг. В Варшаве написал стихотворение прокламационного содержания «Литвин к Полякам». Становится капитаном армии повстанцев. За храбрость, проявленную под Коцком, награждается Золотым Крестом Виртути Милитари.

После поражения восстания годы вынужденной эмиграции проходят в Париже, который стал центром белорусско-польской эмиграции. Упорно работает, посещает мастерскую пейзажиста, мастера архитектурного пейзажа Пьера Жирара, берет уроки музыки у Фридерика Шопена, знакомство с которым перерастает в дружбу. Сближается с Ф.Листом, А.Мицкевичем, Ж.Санд и другими видными деятелями европейской культуры. Посещает Шопена, Плятеров, Чарторыйских, у которых собирались многие эмигранты. Вливается в «золотой круг» людей Парижа [380]. Вскоре приобретает известность как мастер игры на фортепьяно и способный акварелист. Много рисует, печатается, отдавая гонорары больным эмигрантам. В 1843 г. становится в Париже директором Итальянской оперы, наиболее известным музыкальным театром Европы.

С объявлением амнистии участникам восстания он оставляет полюбившийся Париж и в 1856 г. с радостью возвращается в родные Вороцевичи, по которым безмерно истосковался за 25 лет эмиграции. Жена Ирена Богле и сын Витольд временно остались в Париже. Он занимался хозяйством имения, старался перестроить ее на западноевропейский манер. Заложил фабрику сельскохозяйственных машин, проводит мелиорацию, закупает породистый скот, строит новые здания. Как художник много путешествовал. Обошел тысячи памятных мест Беларуси. Рисовал замки, храмы, дворцы и усадьбы, умело сочетал документальность, точность в передаче деталей с романтической возвышенностью. Собирателем красоты Беларуси назовет его Н.Богодзяж [266]. Зимой заканчивал акварели и зарисовки во дворце Матеуша Бутримовича в Пинске, в котором сестра Гортензия окружала его заботой и любовью. Желая сделать свои произведения доступными для широкой общественности, Наполеон приступил к их литографическому изданию. В литографической мастерской Максимилиана Фаянса художник А.Мисурович перенес на камень 260 его рисунков [263]. В течение 10 лет за свой счет Наполеон издал 8 серий литографий «Альбома исторических видов Польши». Основное хранилище и центр по распространению альбома находился в Пинске. Не забывал музыку, унаследовав музыкальный дар матери, очень способной пианистки. Ее музыкальные способности (игра на клавикордах)



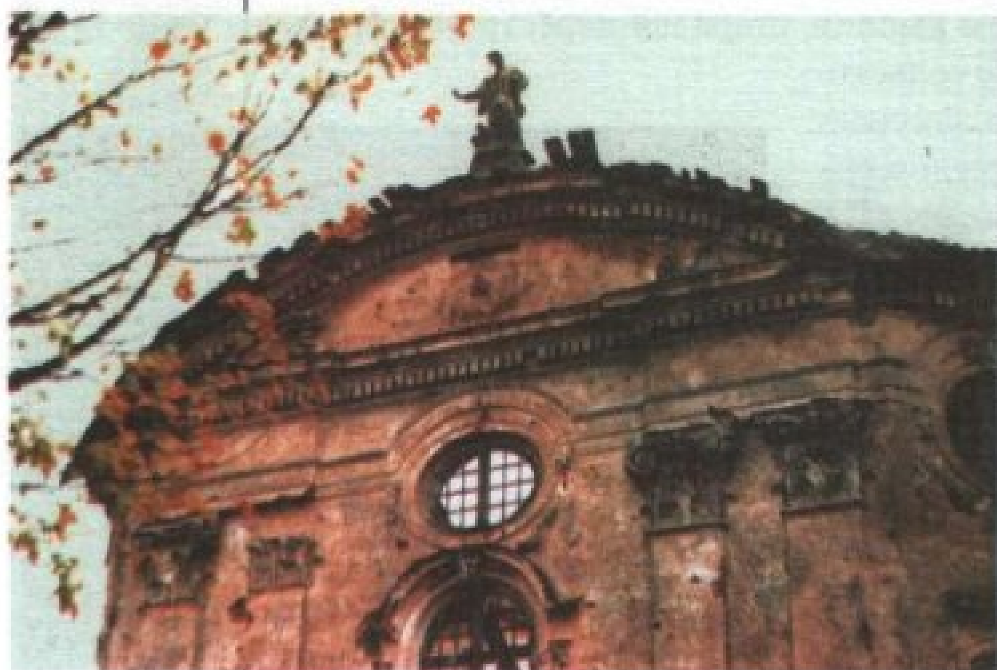
Надгробная плита на могиле Наполеона Орды. Фото 1998 г.

оценил король во время посещения в 1784 г. Кристинова, советуя послать девочку на учебу в Варшаву [574]. Давал публичные концерты, всегда в пользу больных и убогих. В 1873 г. в Варшаве издал «Грамматику музыки» (посвятил ее Станиславу Монюшко), сыгравшую немаловажное значение в развитии музыкального искусства. Долгие годы пособие для преподавателей музыки и учеников считалось одним из лучших в Европе [304]. Наполеон — автор многочисленных музыкальных произведений (полонезы, вальсы, серенады, мазурки), выделяющихся виртуозностью и мелодичностью, разнообразием и богатством фактуры, получивших одобрение Ф.Шопена и Ф.Листа, а также романсов и песен на слова С.Витвицкого и А.Плуга [264].

До нашего времени дошло более тысячи рисунков и акварелей Орды, из них 971 сохранила и передала в народный музей Кракова его внучатая племянница Констанция Скирмунт [455]. Написано, видимо, их было около двух тысяч [380]. Работы имеют большую историческую ценность. Для утраченных объектов они являются нередко единственным источником информации.

Умер Наполеон в 1883 г. в Варшаве. Завещал для бедных способных учеников реальной школы в Пинске материальную поддержку в форме стипендии. Просил похоронить рядом с сестрой и матерью на старинном кладбище в Иванове (ныне усадьба школы № 3). Склеп, покрытый асфальтом, сохранился в земле. На его место указывают две лиственницы. Надмогильную плиту, скромную, без эпитафий, сберег краевед Б.Л.Войцехович. Она хранится в Пинском музее Полесья. В местной Крестовоздвиженской церкви, памятнике архитектуры псевдорусского стиля, имеется икона с надписью на обратной стороне: «владельцы имения Вороцевичи, именуемые Ордами». Вероятно, икону в 1872 г. Наполеон подарил церкви. В 1998 г. по инициативе совета фонда Н.Орды в Иванове установлен памятник.

Усадьба Ордов утрачена. Территория ее имеет мемориальное значение и оценивается как культурный ландшафт, включающий новое живописное водохранилище. Сохранилось место с водной системой, что позволяет проследить ее планировочное построение, в некоторой степени представить усадебную среду, с которой была связана жизнь Наполеона Орды.

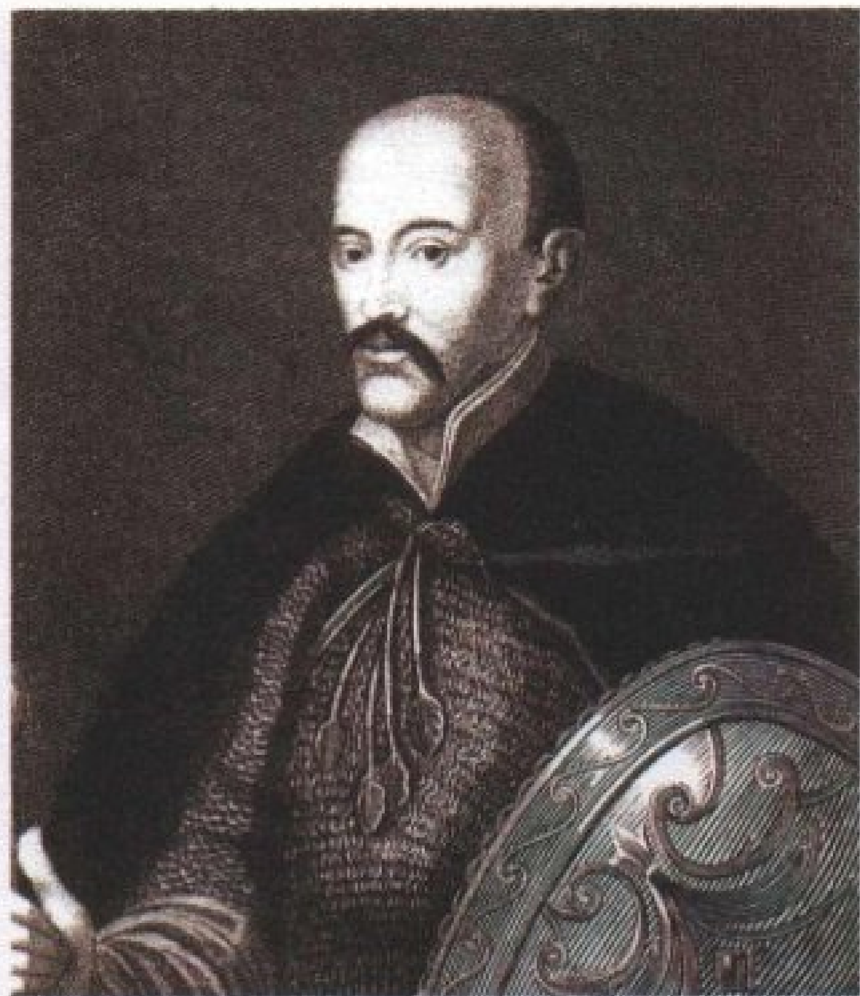


Волчин. Костел святой Троицы. Фрагмент бокового фасада. Фото 2002 г.

Волчин

Первым известным владельцем являлся Иван Александрович Солтан (умер в 1494), известный религиозный и государственный деятель, подскарбий королевский, маршалок ВКЛ, наместник слонимский, новогрудский, бельский. В 1468 г. по воле короля и великого князя Казимира он посетил Италию (Рим), в 1469 г. — Англию, совершил паломничество в Иерусалим. В 1493 г. по дарственной грамоте князя Александра получил Жировичи. В 1516 г., судя по судебному листу о земле двора, Волчин принадлежал его сыну маршалку Александру Ивановичу, владельцу очень больших «скарбов» [434].

В 1554 г. Волчин по наследству перешел его сыну Ивану. В 1567 г. Иван Александрович, державца остринский, маршалок дворный со своих имений (Волчин, Жировичи, Несвиж и др.) «ставил коней 36» [428]. От него имение перешло сыну Ярославу, старосте остринскому, который в 1586 г. с женой Марией основал в Волчине церковь



Александр Госевский

св.Николая и Георгия [606]. Волчин становится местечком. С 1577 г. здесь проводятся ярмарки [760].

В 1612 г. Волчин принадлежал Госевским, старинному польскому роду, представители которого в конце XVI в. из Мазовии переселились в ВКЛ [491]. Имением владел Александр (около 1575—1639), сын Яна, женатый на Еве Пац, регент государственной канцелярии при канцлере ВКЛ Льве Сапеге, его преданный сподвижник, референдарий, а затем великий писарь ВКЛ, воевода смоленский, дипломат, видный политический деятель, главнокомандующий войсками в годы войны со Швецией. Имение в это время сдавалось в аренду [239]. На склоне лет Александр в благодарность Пану Богу за счастливую судьбу фундует в Волчине деревянный костел [776]. В 1639 г. состоялся раздел отцовских владений. Старый Волчин вместе с фольварком Гремяче перешел старшему сыну Криштофу (?—1643), преемнику отца на многих должностях. Новый Волчин с фольварком Сехновщизна унаследовал младший брат Винцент Александр (около 1620—1662), женатый на Магдалине (из Конопацких), генерал артиллерии, известный дипломат, участник многих военных действий XVII в., подскарбий великий литовский и гетман польный (покоится в костеле св. Казимра в Вильнюсе). Криштоф не имел наследников, в 1643 г. его владения отошли Винценту Александру. Вскоре Волчин стал собственностью его старшей дочери Терезы, состоявшей в первом браке с Юзефом Служкой, гетманом польным, а во втором — с Казимиром Яном Сапегой, владельцем Ружан. По раздельному акту 1677 г. Юзеф и Тереза были также владельцами Молодечно [64]. По тестаменту Терезы, оформленному в 1708 г., Волчин вместе со Щитниками, Гремяче, Лютой, Молодечно переходит Казимиру [65]. Ему также достались золотая булава ее отца и дворец в Варшаве. Костелу св.Казимира в Вильно, где покоился отец, Тереза завещала 50 тысяч, а на строительство госпиталя 80 тысяч злотых. Делая завещания родным, опекунам, Тереза просит Бога в тестаменте «вырвать все несчастья» [740]. Она умерла 7 июня 1708 г.

Винцент Александр Госевский

В 1710 г. Казимир Сапега, гетман ВКЛ, воевода виленский, за 352 тысячи злотых продал Волчин кузену Якубу Генриху Флемингу, маршалку и министру короля Августа II, конюшему великому литовскому, фельдмаршалу саскому, женатому на Франтишке Изабелле (из Сапег). Последующие владельцы менялись также весьма часто. В 1720 г. Волчин перешел каштеляну виленскому, подканцлеру ВКЛ, князю Казимиру Чарторыйскому (1674—1741). Начало очень влиятельного рода положил Константин, сын легендарного Ольгерда. Женой князя была Изабелла, дочь подскарбия коронного и поэта Яна Морштина. При Казимире Волчин становится центром общественной и политической жизни. В 1720 г. состоялся брак их дочери Констанции со Станиславом Понятовским, 44-летним ге-

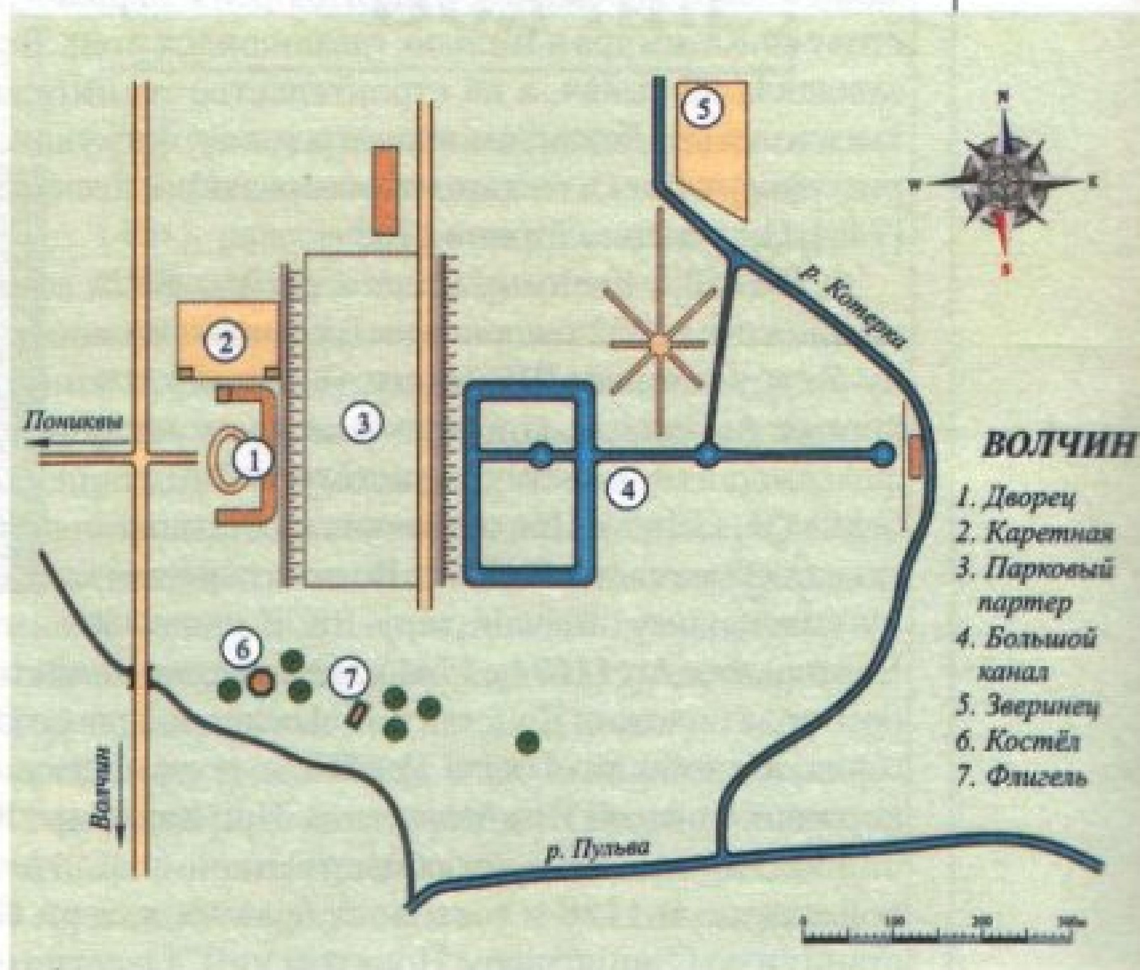
Казимир Чарторыйский

нералом [647]. В первом браке женой Станислава была Тереза Война-Ясенецкая из Ясенца.

Новые владельцы Станислав и Констанция закрепили волчинские традиции. Крупный магнат Станислав Понятовский (1676—1762) образование получил в Вене. В конфликте между Сапегами и шляхтой выступал на стороне Сапег и вместе с ними во время Северной войны 1700—1721 гг. перешел на сторону шведского короля Карла XII, став генералом шведской армии, участником многих сражений, в том числе и Полтавского боя. В боях отличался храбростью, дважды спасал жизнь короля Швеции. Пользовался известностью как военачальник и политик. О нем писал Вольтер [479]. В 1718 г. Станислав возвратился в Польшу, получил ранее утраченные имения и стал генерал-лейтенантом войска польского. В 1723 г. получил должность подстолия, а затем занимал высшие государственные посты: подскарбий (1722—1731), воевода мазовецкий (1731), каштелян краковский (1752).

Станислав Понятовский пользовался графским титулом и принадлежал старинному роду герба Телок (герб имел изображение теленка), истоки которого в XV в. Протопластой рода был, видимо, Мартин Циолек Мациевский, живший во второй половине XV в., женатый на Катажине, дочери Шимка из Понятова под Люблином, где осел на жительство. Название поселения стало именем рода [668]. Свое происхождение Понятовские выражали весьма лаконично: «Мы лічым сябе радавітымі ліцьвінамі, бо нарадзіліся і прынялі сьвятое хрышчэньне ў Воўчыне, каля Брэста, а ў рыцарскім стане займалі пасаду стольніка літоўскага...». Род приобретает известность от Франтишка (умер в 1697), деда короля, эконома имения Геронима Августа Любомирского, затем ловчего подляшского, чесника. Благодаря его способностям, связям с Любомирскими, удачной женитьбе на Хелене Неверовской, род заметно поднял свой хозяйственно-экономический статус, а сыновья (Юзеф, Станислав, Михаил) получили заграничное образование [668].

Особую роль в возвышении рода сыграл Станислав. Осев в Волчине, он заметно расширил границы владения, приобретал деревни у обедневших князей Шуйских. Число фольварков увеличилось до восемнадцати. Построил на Пульве и Лесной семь мельниц, вел оживленную торговлю зерном, разводил породистый скот. Уменьшил дни барщины, отменил гвалты (вид повинности). Фундовал строительство костела св. Троицы [776]. Гостями Понятовских были Радзивиллы, Сапеги, Бутримовичи, Эйсмонты, Скирмунты и другие известные роды того времени. Станислав притягивал людей своей образованностью как политик и реформатор. Обеспокоенный судьбой страны, часто выно-



Констанция Понятовская (из Чарторыйских)

сил на обсуждение свои реформаторские идеи, считая необходимым увеличение численности армии, проведение налоговой реформы, развитие промышленности и торговли, предоставление свободы вероисповедания.

В 1738 г. имение у Станислава Понятовского выкупил брат жены, князь Михаил Фредерик Чарторыйский, канцлер ВКЛ, воевода волынский и мазовецкий, женатый (1726) на графине Элеоноре Валдстейн (1712—1795) [772]. С именем Фредерика наступает новая эпоха в развитии Волчина. Он сносит дворец Понятовских [761]. Заканчивает строительство костела св. Троицы и строит новую величественную барочную резиденцию, которая становится местом встреч богатейших родов, одним из центров культурной и политической жизни Речи Посполитой. Организовывает капеллу. В Волчине встречались политики, гетманы, министры, музыканты, поэты, художники и разные другие знаменитости. Волчин становится крупным местечком, имеет ратушу, каменные торговые ряды. Сюда устремляются ремесленники и торговцы. Ежегодно проводится по три ярмарки [480].

Фредерик Михаил обладал феноменальной памятью, по утверждению А.Згожельской [776], являлся «мозгом» рода, основным автором реформаторской программы целой партии, советником короля. Владел в Беларуси большими земельными наделами. С 1730 г. ему принадлежал Гомель [473]. Патриотически настроенный князь не присягнул Екатерине II и потерял Гомель. В 1775 г. последний гомельский староста умер в Варшаве.

Князь не имел наследника по мужской линии. Его единственный сын умер в 1751 г. малолетним. Дочери состояли в браке. Мужем Антонины был Ян Ежи Флеминг, подскарбий великий литовский, а позже — воевода поморский. Александра (1730—1798) в первом браке состояла с Михаилом Сапегой, подканцлером литовским, во втором — с Михаилом Казимиром Огинским. После смерти Антонины Ян Ежи стал мужем третьей дочери Констанции [625].

Станислав Понятовский

В 1775 г. Волчин отошел племяннику Михаила Адаму Казимиру (1734—1823), сыну его младшего брата Августа (1697—1782) и Марии Софьи Сенявской (1699—1771) из Мыши, состоявшей в первом браке с полоцким воеводою Станиславом Денгоффом. Второй брак Марии, красивой, молодой и очень богатой вдовы (ее состояние оценивалось в 100 млн. злотых) состоялся в 1731 г. в Варшаве [772]. Адам Казимир получил хорошее зарубежное образование, владел несколькими языками, много путешествовал с отцом. Август стремился вырастить и воспитать достойного продолжателя родовых традиций [772]. Его надежды оправдались. Адам Казимир становится одним из наиболее видных деятелей эпохи: посол на четырехлетний сейм, основатель Общества науки, меценат ученых, артистов и литераторов, литературный критик, политический публицист, член Общества приятелей Конституции, Эдукационной комиссии. Являлся кавалером ордена Белого Орла. В 1763—1764 гг. претендовал на пост короля. Был женат (брак состоялся в 1761 г. в Волчине) на Изабелле Дороте Балдине (1745—1835), дочери Яна Ежи Флеминга и своей двоюродной сестры Антонины. Именем дочери Ян Ежи назвал построенное около Волковыска мес-

Михаил Чарторыйский

течко Изабелин, ставшее затем собственностью Казимира Грабовского [710]. С 1786 г. после смерти тестя постоянной резиденцией Изабеллы становятся Пулавы, творческая мастерская эпохи, которые начал предпочитать и Адам Казимир.

Волчин по наследству перешел старшему сыну Адаму Ежи (1770—1861), который с отроческих лет готовил себя к свершению трех великих дел, определяя их символически как «написание богатырской поэмы», «победу в великом сражении», а третьим делом стало «спасение Польши», которую он безмерно любил. «Любовь к отечеству, к его величию и славе, к его свободным учреждениям, — писал Адам Ежи в одном из писем в 1795 г., — была внедрена в нас учебными занятиями и всем, что мы видели и слышали, и что нас окружало» [386].

Адам Ежи становится очень влиятельным государственным и политическим деятелем, просветителем, библиофилом, мемуаристом (книги «Бард польский», «Мемуары князя Адама Чарторыйского», «Жизнь Юлиана Урсына-Немцевича» и др.). Сторонник Тадеуша Костюшко, потерявший владения после поражения восстания 1794 г., прибыл с братом Константином к Екатерине II и стал «добровольным пленником самых ненавистных наших врагов», поэтому смог вернуть имения. Был дружен с Александром I, предлагал план переустройства Европы. Работал в «тайном комитете» при Александре I, с 1804 г. — министром иностранных дел России, затем член Государственного Совета, сенатор. Особую роль сыграл в развитии образования, начиная с 1803 г. был куратором Виленского учебного округа. На образование смотрел как на основное средство исправления недостатков в общественном строе [512]. К биографии Адама Ежи следует добавить участие в восстаниях, вынужденные эмиграции. Выйдя в отставку, он осел в Пулавах, посвятил себя науке, литературе, комплектованию фамильной библиотеки, фонд которой составлял две тысячи рукописей и около сорока тысяч книг [482].

Адам Казимир Чарторыйский

В 1812 г. имение перешло второму сыну князю Константину (1773—1860), участнику наполеоновской кампании. Однако вскоре он переехал в Вену. Жил в окружении артистов и музыкантов, по четвергам слушал Ференца Листа. В 1828 г. продал Волчин на оплату долгов Каролине Пусловской из Остик-Нарбуттов. Разобранный лиственничный дворец перевозится в ее имение Леошки около Березы [603]. Леошки в прошлом — одно из имений Льва Сапеги, часть которого он в 1631 г. передал костелу в Березе [500].

Усадьба постепенно утрачивала свое величие. В 1846—1848 гг., согласно инвентарному описанию, имение принадлежало Каролине Пусловской. В эти годы оно называлось фольварком, которому принадлежали деревни Волчин и Котерка и само местечко, где на дворовой земле жили в основном евреи и четыре семьи огородников, размещались торговые лавки, деревянный дом военного госпиталя. Земельные

угодья владения составляли 1284 десятины, усадьба занимала 49 десятин и включала усадебный каменный дом, деревянный дом эконома, дом садовника, двухэтажный каменный амбар, каменный дом приказчика, разные хозяйственные постройки (сараи, конюшни, воловни), винокурню паровую с солодовней (за шесть зимних месяцев работы производила 6666 ведер спирта), две мельницы водяные и прочие [103]. От Пусловских в виде приданого усадьба перешла Брониславу и Катажине Нарбутт (из Морачевских). Они покоятся на местном католическом кладбище. Бронислав умер в 1883 г., Катажина (в некоторых источниках именуется Констанцией) — в 1881 г.

Изабелла Дорота Чарторыйская (из Флемингов)

В 1890 г. небольшим имением с фольварком Пауки (634 десятины) владел Люциан Морачевский [546]. Дочь Люциана, последняя владелица имения, за бесценок продала Волчин еврею Брамсу, который вскоре окончательно завершил разрушение усадьбы, разбирая и продавая ее сооружения. Были вырублены на дрова деревья парка, разрушена водная система. Уцелели только одно здание и костел [476]. В начале XX в. земли имения были распарцеллированы.

Сведений о самой усадьбе немного. В ее жизни следует различать два периода расцвета и время запустения на последнем этапе. Сведений о дворе Понятовских совсем мало. Как уже отмечалось, он был разрушен Михаилом Фредериком Чарторыйским в 1750-е гг. Князь сохранил каменное двухэтажное здание, построенное Казимиром Чарторыйским. Оно стало именоваться архивным павильоном и стояло, по воспоминаниям Юлиана Немцевича, который начинал во дворе свою служебную и поли-

Волчин. Фрагменты левого крыла дворца. Фото 2002 г.

Адам Ежи Чарторыйский

тическую карьеру, недалеко от костела. Служило библиотекой в несколько тысяч томов и архивом, включающим архив волынский с древними актами Волынского воеводства. В этом здании в 1732 г. родился Станислав Август Понятовский, будущий король. Комната именовалась королевской, в ней сохранялась прежняя обстановка: камин, комод французской работы, кресла, на стенах картины. Висела мраморная доска с соответствующей надписью; вторая аналогичная имелась на стене дома со стороны парка. В усадьбе прошли детские годы будущего короля, образование он получил за границей, карьеру — в Петербурге.

До последнего времени не было достоверных данных о композиционном решении величественного ансамбля. В 1994 г. в Парижской национальной библиотеке П. Вантробой было найдено девять рисунков архитектора Пьера Рико де Тиргая, среди которых оказался план волчинской резиденции, выполненный пером, кистью, тушью и акварелью на листе размером 618x449 мм (схема). Пьер Рико родился около 1725 г. во Франции, работал в Испании и Речи Посполитой. В 1757 г. проектировал и строил в Кристинополе резиденцию с парком для воеводы киевского Франтишка Потоцкого (1700—1772), умело увязав, подобно Волчину, реку с водной системой парка. Затем работал в резиденции Браницких в Белостоке, где успешно занимался созданием сети гидротехнических сооружений парка [761].

Использование плана Пьера Рико в сочетании с доступными литературными источниками и материалами натурного обследования позволило выяснить планировочные особенности ансамбля (схема). Он был заложен в междуречье рек Котерки, Пульвы и ее второго притока, ныне пересохшего ручья, в формах позднего барокко. Имел вытянутую композиционную ось протяженностью более километра, ориентированную в направлении запад — восток. Она начиналась от дороги к монастырю базилиан и заканчивалась у грота Нептуна в конце Великого канала, являющегося главным планировочным элементом парка. В целом композиция была асимметричной, зеркальная симметрия наблюдалась только вдоль канала до первого водоема.

Въездная аллея, ныне дорога в Пониквы, где имелось имение подляшского каштеляна Станислава Немиры, вела к парадному партеру с большим П-образным в плане дворцом. Большой парадный двор (курдонер) с хорошо выраженным большим овалом в центре фиксировался главным корпусом дворца, его боковыми крыльями (официнами), а со стороны въезда — оградой. Дворец занимал наиболее приподнятую часть усадьбы, спла-

Волчин. Костел святой Троицы. Фото 1969 г.

нированную в виде невысокой террасы. Место его застроено, кроме отдельных участков, на которых видны руины сводчатых подвалов, груды камня, растут одиночные клены, березы, груши. Сохранился самый угловой фрагмент северного крыла, служащий жилым домом. Идеально выровненный в прошлом парадный партер, что прослеживается несмотря на распашку, служит огородом.

С двух сторон к дворцу примыкали, располагаясь асимметрично, хозяйственные службы, устроенные по типу каре. С северной стороны размещалась кухня, а с противоположной — конюшня, возовня, павильон для гостей. Прослеживается планировка северного каре в форме прямоугольника (100x90 м), от которого сохранились два угловых фрагмента. Один приспособлен для жилья. Парадный партер и два каре Ю. Немцевич [1957] в своих воспоминаниях называет «тремя детинцами для двора и гостей». Большими размерами (ширина около 180 м) выделялся парковый партер со сложным рисунком, оформленным самшитом. Он занимал ровную вторую усадебную террасу (сейчас это территория мехдвора), к которой с северной стороны примыкало тепличное хозяйство с оранжереей и домиком садовника. Размерами партера достигалось хорошее обозрение дворца со стороны канала и парка.

Первое известное описание дворца Чарторыйских приводится Г.Шпиловским [752]. Представление о нем дает картина из Волчина, что хранится в собраниях музея Чарторыйских в Кракове, с подписью: «Княгиня Михайлова Чарторыйская с ангелами — вдали виден фасад дворца волчинского, при ней построенного». И хотя картина в некоторой степени аллегорична, но в общих чертах, несомненно, передает архитектурную достоверность главного корпуса дворца (его крылья не показаны) и отражает величие предполагаемой новой резиденции, план которой символизирует развернутый свиток у руки княгини Элеоноры из Валдстейнов. Неизвестный художник представил княгиню как фундатора дворца.

Согласно плану Пьера Рико, дворец был очень большим, подковообразным одноэтажным зданием. Длина главного корпуса, по нашим примерным расчетам, доходила до 120 м, а длина боковых крыльев — 46 м. Парадный фасад главного корпуса, выделенный тремя ризалитами, с помощью галерей соединялся с двумя каменными официнами. Адам Ежи в одном из писем характеризовал свою резиденцию очень скромно и лаконично: «... обширный деревянный дом и каменные официны, к которым примыкает большой парк, пересекаемый длинным и широким каналом, в конце которого располагался Нептун в окружении мифологической свиты, напоминая Версаль» [772].

Волчин. Костел святой Троицы. Фрагмент интерьера. Фото 2002 г.

Станислав Август Понятовский. Художник Пер Крафт Старший. 1767—1768 гг.

Главный корпус дворца, построенный из лиственницы, имел небольшой мезонин, завершенный аттиком, декорированным вазами. Подобный аттик венчал все здание дворца, прикрывая четырехскатную крышу с шестью округлыми люкарнами. Он включал 36 комнат в главном корпусе и 56 — в официнах. Интерьеры помещений имели богатое оформление. Стены залов покрывали гобелены и адамаск кармазиновый с позолоченными листьями. Паркет был сложен из разных древесных пород, но чаще с использованием розового и эбенового дерева. Преобладала французская мебель, декорированная бронзой. На стенах висели полотна известных художников, преимущественно итальянских, портреты польских королей, семейные портреты, среди которых выделялся портрет Станислава и Констанции с мальчиком, будущим королем [761].

Имена архитекторов, возводящих дворец, остаются неизвестными. Его проектировал и, вероятно, руководил работами по строительству королевский архитектор Даниель Яух. В 1755 г. ряд работ выполнял Крейц, один из наиболее способных учеников Маттеуса Даниеля Пёппельмана. Ян Редлер, работающий в Белостоке у Браницких, выполнял скульптурные работы. В 1776 г. в Волчине работал камнетес Михаил Доллингер, автор балюстрад и лестниц [761].

Непосредственно сам парк ансамбля располагался за парковым партером на третьей террасе усадьбы, заметно пониженной. Склон террасы хорошо выражен, порос деревьями, вдоль его гребня проходит дорога, в прошлом одна из поперечных осей. Парк являлся весьма сложным произведением садового искусства. Заложен по проекту известного архитектора Яна Давида Кнакфуса [481]. Занимал площадь около 40 га и являлся самым большим среди парков Беларуси того времени. В основу его композиции положен Большой канал со сложной системой гидротехнических сооружений. Вода поступала в него из Котерки по одному каналу, поросшему ивой пурпурной, и отводилась в Пульву. Большой канал сравнительно хорошо выражен в центральной части. Его протяженность 500 м, ширина 10 м. Он включал три круглых водоема и четыре фонтана. Чаша центрального водоема в диаметре 34 м; поросла злаковым травостоем, частично еще затапливается водой. С восточной стороны канал завершался скульптурной группой Нептуна и гротом. На высоком берегу нового русла Котерки (на оси канала) располагался павильон, от которого сохранились руины фундамента (34х10 м).

Казимир Понятовский

С противоположной стороны (со стороны дворца) канал пересекали поперечные широкие каналы, спланированные в форме прямоугольника (200x155 м). Они частично выражены, заполнены водой. Пространство внутри прямоугольника было оформлено в виде шести боскетов, рассекаемых радиальными дорожками. Часть их в связи с нарушением его дренирующей роли Большого канала покрылась сплошным древостоем. Южную часть занимают огороды.

Большой канал был частью сложной водной системы (его создавал Пьер Рико де Тиргай), включающей Пульву, Котерку, ручей, искусственные водоемы, каналы, протоки, дамбы и мостики. Водная система определяла чуть ли не островное положение усадьбы. Дно каналов и водоемов было выложено дубовыми дылями. В дни праздников водная система, особенно Большой канал, служил местом водных состязаний, во время которых гости переодевались в костюмы морских обитателей.

Михаил Ежи Понятовский. Художник М.Бацциарелли. Фото около 1775 г.

К Большому каналу с северной стороны примыкала регулярная часть парка, спланированная в виде боскетов. Заслуживает внимания композиция, образованная зеленым салоном на террасе Котерки, от которого расходились восемь аллей в виде лучей. И хотя территория стала давно выгоном, еще прослеживается слегка приподнятое место в виде круга (диаметр 30 м), оформленное в прошлом в форме зеленого салона. Заметны радиально расходящиеся восемь дорожек, видимо, были липовыми аллеями, выражающими один из версальских мотивов. Парк за Котеркой переходил в зверинец (содержались олени), который замыкался лесом. Большой зверинец располагался с южной стороны Большого канала [761]. Часть парка занимал овощной огород. Экзотичность придавали композициям расставленные орудия. В южной части парка располагался зеленый театр, труппа которого комплектовалась зарубежными артистами и выпускниками актерско-балетной школы Иеронима Радзивилла в Белой. На парковых газонах свободно паслось стадо оленей.

Общее знакомство с планировочным решением парка показывает, что в нем барочные черты сочетались с некоторыми мотивами дворцово-паркового ансамбля в Версале под Парижем. Ансамбль также имел Большой канал, скульптуру Нептуна, террасы, несколько осей, отличался раскрытием видов на дворец с разных точек парка, использованием приема многолучия, парадностью.

В состав ансамбля входил костел св. Троицы, расположенный с правой стороны на небольшом удалении от дворца, пришедший на смену старому деревянному костелу, построенному еще в 1639 г. Александром Госевским. Угловой камень нового костела был заложен архиепископом брестским Владиславом Сутковским 18 июля 1729 г. Строилась святыня Понятовским, видимо, по проекту варшавского архитектора Винцента Рахети по аналогии с Римским костелом Санта-Мария Маджоре [603]. С.Лоза [694] называет имя другого архитектора Яна Краузе. Достраивался и украшался храм при Михаиле Чарторыйском молодым архитектором Якубом Фонтаной. С ним работали штукатур Юзеф Пелен, художник Михаил Доллингер. При перестройке крыша была приподнята и перекрыта жестью, деревянные вазы на аттиках храма заменены скульптурами евангелистов Матвея, Марка, Иоанна (сохранился) и Луки; проведено завершение крыши башенкой с железным позолоченным крестом, в которую поместили часы с четырьмя щитами в соответствии со сторонами горизонта. Часы каждую четверть и каждые полчаса отбивали тоном низким, а каждый час — более высоким.

Волчин. Фрагмент каре. Фото 2002 г.

Освящение храма состоялось в 1743 г. Святыня, которая в виде руин сохранилась до наших дней, представляла собой оригинальное восьмигранное в плане сооружение высотой 14,4 м, покрытое невысокой восьмискатной железной крышей и с мраморным полом. Фасады расчленены двойными пилястрами и завершены лучковыми фронтонами, увенчанными скульптурами евангелистов. Лучковые, полуциркульные окна, круглые и овальные люкарны обрамлены лиштвами, украшены лепными гирляндами. Храм имеет форму греческого креста и состоит из зала с многоярусными хорами. В декорировании интерьера храма использованы пилястры, картуши, гирлянды, букеты цветов, акантовый орнамент, карниз с растительным орнаментом и др. [391]. Особым украшением являлись алтари: главный во имя св. Троицы; боковые во имя Благовещения Пресвятой Богородицы и св. Станислава, бискупа и мученика. В костеле имелись скарбец с культовыми предметами, орган девятиголосый с двумя мехами, амвон, семейная ложа, обрамленная балюстрадой, родовая крипта. Храм окружала ограда с брамой (частично сохранилась), по периметру которой росли конские каштаны обыкновенные (сохранились единичные стареющие деревья).

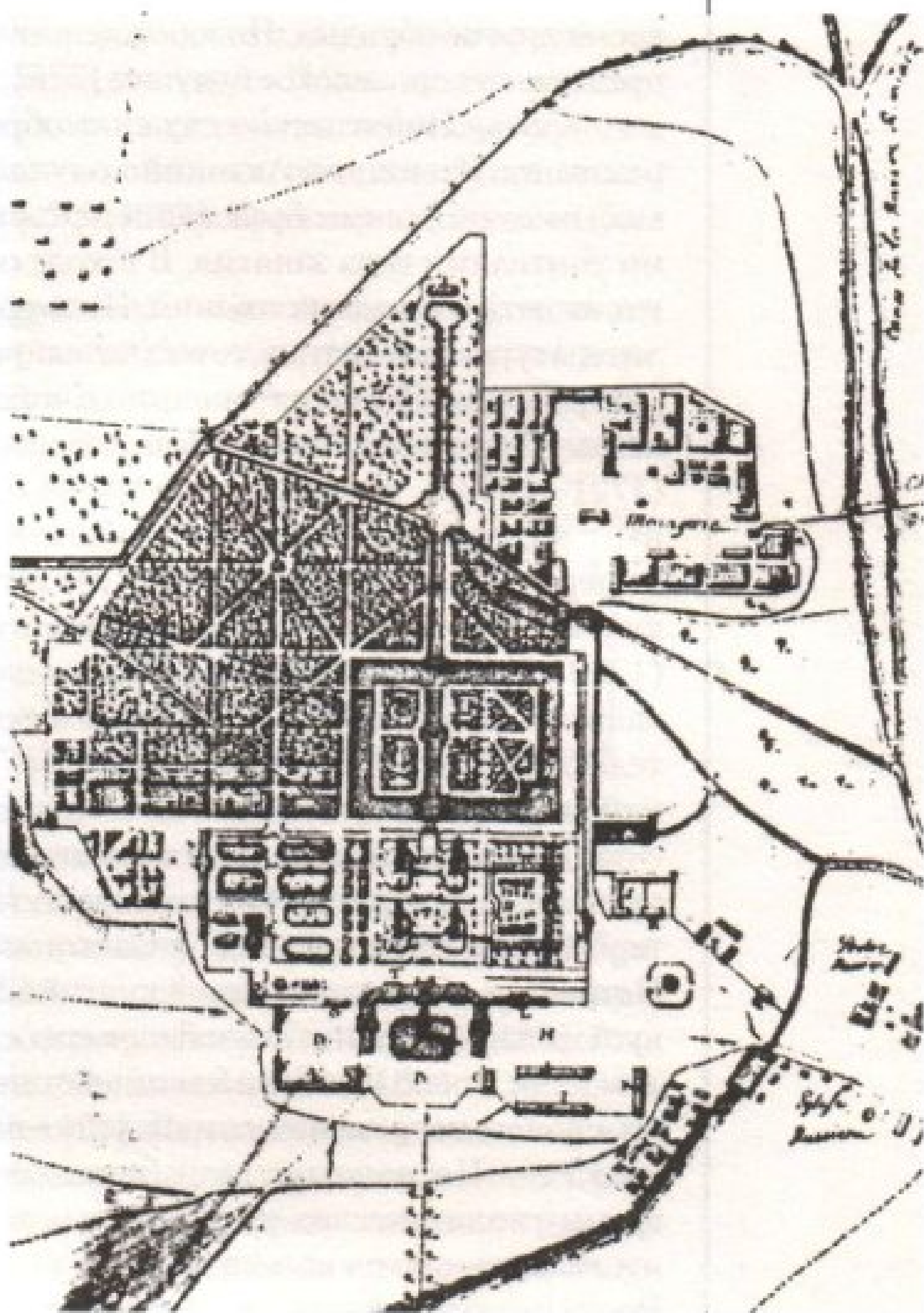
В костеле проводились церемонии крещений, обручений, венчаний. По традиции они назначались на 19 ноября, день ангела Изабеллы Чарторыйской, жены Казимира. В 1748 г. Изабелла Понятовская, дочь Станислава и Констанции, венчалась с Яном Браницким, гетманом великим Короны; Александра Чарторыйская (дочь Михаила Фредерика) — с Михаилом Антонием Сапегой. В 1761 г., спустя тринадцать лет, будучи вдовой, Александра обвенчалась в костеле с Михаилом Казимиром Огинским, сыном Анны Огинской (из Вишневецких) и Юзефа Огинского, воеводы трокского, владевших Ополем. В этот же день венчались Изабелла Флеминг и Адам Казимир Чарторыйский [776]. Церемонию венчания провел бискуп познанский Теодор Чарторыйский. Две свадьбы в один день собрали в резиденции множество гостей, знатных Флемингов, Огинских, Чарторыйских, Браницких. Важное событие было отмечено стрельбой из пушек и красочным фейерверком [625].

Святыня находится в полуразрушенном и оскверненном состоянии, ее руины являются неоспоримым свидетельством красоты всего ансамбля, частью которого она являлась.

Ансамбль включал ряд других оригинальных сооружений, которые являлись композиционными элементами парка или имели определенное служебное и утилитарное назначение. К ним относятся флигель для приезжих, архив, каретные, прачечная, сокровищница, кузница, мастерские, китайский кабинет, вольеры, сторожки и др. Из зданий XIX в. сохранился дом ксендза, построенный на сводчатых подвалах, восстановленный в 1924 г. по проекту Яна Краузе. Особым произведением топиарного искусства являлись зеленый театр и беседки, стенами которых служили шпалеры [761]. В парке имелся сельский домик (скит), который именовался Эрмитажем. Примерно с XVII в. эрмитажи служили символом сада. Основное их назначение — служить прибежищем отшельника (эрмита). Этим и определялось место сооружения — обычно на самой границе или за границей «сада огражденного», там, где сад (парк) сменялся дикой лесистой местностью. Отшельников обычно нанимали и специально создавали для них нелегкие условия жизни. Эрмитаж в Альбе (г. Несвиж), например, служил местом, куда верующие уходили от мирской жизни с целью духовного самосовершенствования. Он был местом уединения и самого князя, подготовки его к «вечной» жизни [565].

Волчинская резиденция строилась с большими затратами. Только планировка территории обошлась в 18 тысяч злотых; расходы на строительство четырех беседок с художественным оформлением и фресками составили 58 тысяч злотых. Около 120 тысяч штук кирпича было израсходовано на оранжерею [603]. Ежегодное содержание парка обходилось до 3500 злотых [596]. Администрацию волчинского двора составляли маршал, секретарь, подчаший, конюший, резиденты и разные службы.

Над созданием ансамбля работали сотни безымянных мастеров и крестьян из Волчина и соседних имений. Волчин являлся притягательным центром творческих сил. Здесь работали архитекторы, скульпторы, художники, портретисты, садовники и люди других профессий. В 1777 г. с садовником Рихтером работали местные крестьяне Алексей, Онуфрий, Селиван и Мирон [596]. Иконы, картины на религиозные темы для костела св.Троицы писали известные художники — Франтишек Смуглевич и Сымон Чехович. Портреты Станислава Понятовского, Августа II, Карла II, Августа III, Констанции Понятовской с сыном Стасем принадлежали, видимо, кисти гданьского портретиста Якуба Веселя. Каменные скульптуры евангелистов, установленные на крыше храма, а также Нептуна со свитой в парке и других скульптур были исполнены Яном Христианом Редлером [480].



План дворца и парка в Волчине. После 1762 г.

В Волчине работали также художники Зигмунт Фогель, Ян Петр Норблин, приехавший из Франции; Ян Петр давал уроки живописи ученикам школы Констанции. Балетмейстером волчинского театра был Даувиньи из Парижской оперы, он же учитель танцев в школе; концертмейстером и дирижером оркестра работал Патонарт, известный мастер игры на арфе. В семье одного из артистов родился Зигмунт Фогель (1764—1826), впоследствии знаменитый график, художник, архитектор, автор многочисленных рисунков Варшавы, резиденций, костелов [730].

Волчин хорошо знали поэты Франтишек Князьнин из Витебска, Игнатий Быковский, писатели Карпинский и Крапинский, а также Юлиан Немцевич, личный секретарь князя Михаила Чарторыйского. При Казимире библиотекой ведал математик Симон Льюильер, автор первых польских учебников по арифметике, алгебре и геометрии [481].

С Волчином связано имя Станислава Августа Понятовского, человека особой судьбы. Он был крещен в старом деревянном костеле св.Троицы. В архиве епархии в Дрогичине на Буге сохранилась «Книга метрик костела волчинского от 1653 г.», в которой за номером 191 сделана запись на латыни: «Лета Божьего 1732 в январе, дня семнадцатого Светлейший, Достойнейший Пан Станислав в Волчине и Радваничах граф Понятовский, воевода мазоветский, главный региментарий войск королевских получил от законной своей жены Констанции сына Станислава Антония, у десять часов перед обедом рожденного, которого в тот же день я, Войцех Станислав Костка Класович, святой теологии доктор и обоих прав, куратор волчинский, уполномоченный апостольский Публичный Нотариус, от святой криницы окрестил, отложивши на

время другие обряды». Новорожденному астролог, оказавшийся в этот день в имении, предсказал королевское будущее [776].

Семья Понятовских служила образцом для всей Польши. Первоначальное образование Станислав Антоний получил дома. Его мать Констанция (из Чарторыйских) имела хорошее образование, организовала в Волчине школу, сама вместе с другими учителями вела занятия. В школе обучались ее две дочери и шестеро сыновей, а также дети с соседних имений. Школу посещал Антоний Тизенгауз. Преподавались литература, математика, естествознание, музыка, иностранные языки, танцы и пение [478]. Сведений о школе мало, но многие ее ученики приобрели европейскую известность: Станислав Август Понятовский (1732—1798) — король Польши; Казимир (1721—1800) — подкоморий великий, генерал; Андрей (1734—1773) — генерал-лейтенант австрийских войск, австрийский фельдмаршал, князь «Священной Римской империи». Самый младший сын Михаил Ежи (1736—1794) стал бискупом, арцибискупом гнезненским, а Антоний Тизенгауз — реформатором. Изабелла Понятовская (1730—1808) была женой Яна Браницкого, великого гетмана коронного, краковского каштеляна, создателя блистательной резиденции в Белостоке, последнего представителя рода (умер в 1771) [325]. На сейме 1764 г. братья Понятовские получили княжеский титул [322].

Затем Станислав Август Понятовский учился в университетах Англии и Франции, много путешествовал по Европе. В возрасте 22 лет стал стольником ВКЛ. В Петербурге он секретарь, посол Саксонии и Речи Посполитой. Пребывание при дворе Петра III в обществе великой княгини Екатерины II, а затем императрицы привело к кульминации блистательной карьеры — 7 сентября 1764 г. на сейме его выбрали королем Речи Посполитой, не без содействия Екатерины II. Время его правления называют «Золотым временем возрождения наук». 3 мая 1791 г. он провозгласил Конституцию Речи Посполитой, разработанную патриотической партией, содержащую программу политических и социальных реформ. Однако правление в течение 31 года в итоге закончилось весьма трагически для страны и короля. В 1793 г. в Гродно сейм Речи Посполитой утвердил раздел государства. Также в Гродно 25 ноября 1795 г., куда король переехал по требованию России, он выполнил волю императрицы — со слезами на глазах отрекся от престола, получив на содержание 330 тысяч червонцев [368].

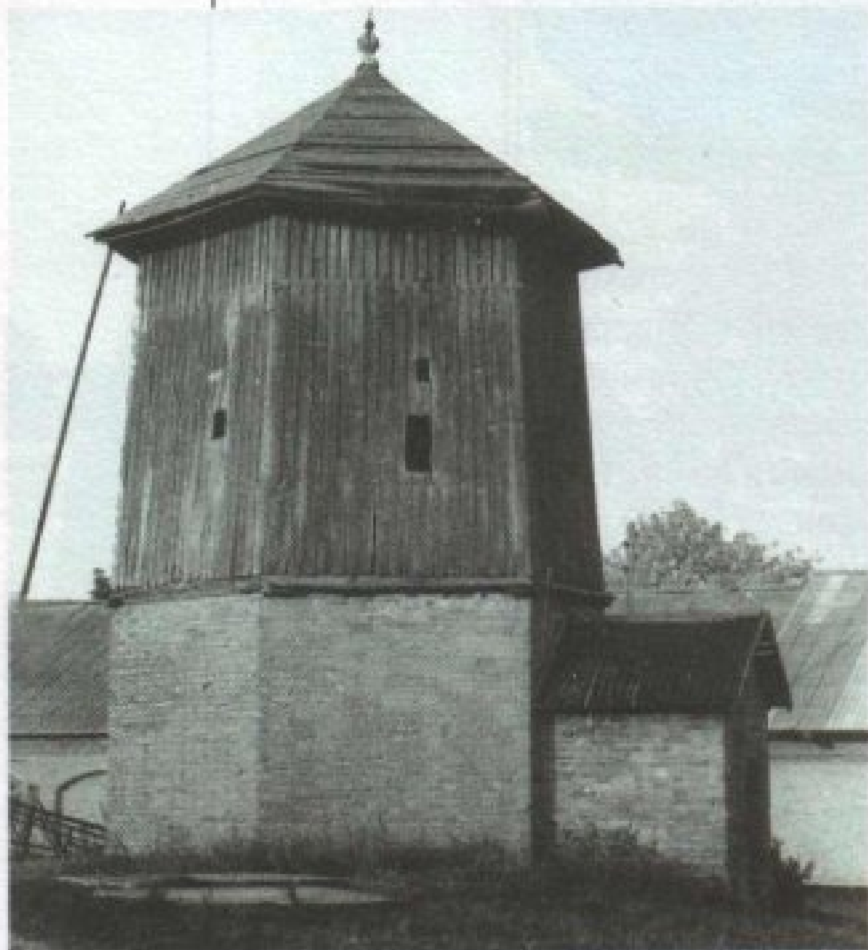
Переживания и потери, осуждение общества сказались очень быстро. Все колокола Санкт-Петербурга 12 февраля 1798 г. известили о его смерти. Церемония похорон с королевскими почестями началась 5 марта в Петербургском костеле св. Екатерины. Сам Павел I в большом зале Мраморного дворца одел на голову покойного корону и окропил его освященной водой. Одеждой умершего стал мундир народной гвардии и плащ из горностая с вышитым польским орлом. Отдельно в небольших урнах (15х10 и 40х30 см) покоилось сердце и внутренние органы. Караван с гробом короля от дворца до костела везли восемь лошадей, покрытых черной тканью с королевскими гербами. Жалобную процессию сопровождало около 18 тысяч солдат, выстроенных с двух сторон улицы. В костеле, богато декорированном по проекту архитектора В.Ф.Бренны, на установленном в центре необычайной красоты катафалке состоялось отпевание короля. Восьмого марта тело ушло на вечный покой в подземелье храма. На каменной плите, закрывающей вход в крипту, планировалось воздвигнуть памятник.

Памятник не поставили, и покой оказался не вечным. При обследовании заброшенной крипты в 1922 г. с участием князя Бронислава Уссаса, автора цитируемой статьи, оказалось, что гробница повреждена, в ней сохранились корона, частично одежда, а на месте тела было «biale prochno» [756].

Спустя 140 лет, в 1938 г. в ночь с 14 на 15 июля прах короля в оловянном гробу доставили в Волчин. Церемония перезахоронения проходила без почестей и надлежащего ритуала, в присутствии нескольких полицейских и тайных агентов. По предварительному уведомлению королевскую крипту в костеле св. Троицы на месте бывшего скарбца подготовил волчинский ксендз Антоний Чишевич. По словам местных жите-

лей, кроме гроба имелись корона, сабля и урна в форме вазы, в которой хранилось забальзамированное сердце. И в этой крипте Станислав Август Понятовский не нашел вечного покоя. Костел превратился в руины, крипта с захоронением была разрушена. Останки захоронения, части гроба, куски ткани из его обивки, шпора и другие детали в 1988 г. были перевезены в Варшаву в костел св. Яна [262]. Прах короля, видимо, был перезахоронен кем-то из местных жителей.

Усадьба в Волчине утрачена. Остались фрагменты водной системы (зарастающие водоемы, каналы), небольшие, частично приспособленные, руины дворца и каре. Они вместе с Пульвой и ее притоком Котеркой помогают составить общее представление о ее величии и планировочном решении. В срочной консервации нуждается костел св. Троицы.

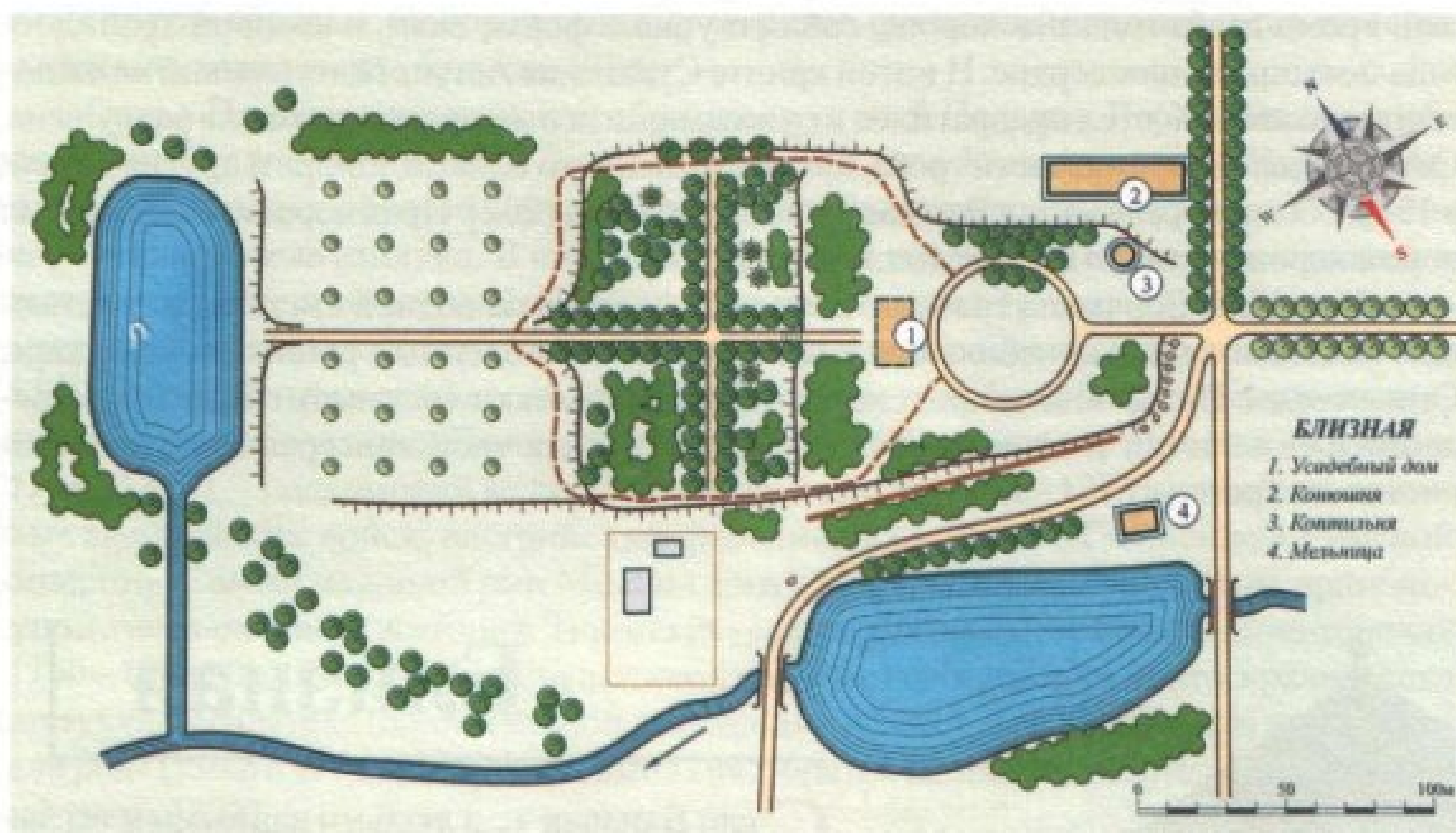


Близная. Коптильня. Фото 1987 г.

Близная

Село Близная «... з людьми данными и тяглыми и зъ землями тыхъ людей пашными и бортными и зъ сеножатьми ...» было пожаловано Богушу Боговитиновичу. Сигизмунд I Старый привилеем 1516 г. подтвердил своему маршалку и писарю собственность «на вечность» [433]. Владение, согласно инвентарю за 1604 г., являлось фольварком [91]. Включало двор с домом управителя и гумнище. Дом управителя имел характерные черты зданий для ренессансного времени. В нем была большая светлица с пятью окнами, кафельная печь и камин, малая светлица и жилая комора. При дворе имелось пять прудов с несколькими мельницами. В 1687 г. Близная — один из фольварков имения Ружаны, владения Сапег [199]. В 1890 г. имение Близна с фольварком Белое Поле являлось собственностью Леона Милачевского и включало 3602 десятины земли [546].

Усадьба заложена примерно в конце XVIII — начале XIX в. с чертами регулярной планировки, уже не характерными для этого времени. Позже слегка перепланирована в пейзажном стиле (схема). В плане имеет форму прямоугольника, ориентированного вдоль вытянутой композиционной оси, являющейся продолжением центральной улицы деревни. Занимает обработанную в виде трех террас высокую террасу водотока. Въездная аллея ведет к сравнительно большому (около 0,8 га) приподнятому партеру на первой террасе. Для его формирования использована земля, извлеченная при рытье водоема с южной стороны усадьбы. По периметру партер имел линейные посадки из формованной ели (обсадка не сохранилась), вдоль которых располагались рабатки с розами. С северной стороны он фланкировался трехрядной линейной посадкой конского каштана, закрывающей хозяйственные постройки. С партера открывается живописная панорама особенно красочная весной при цветении сирени по склону на большой водоем, поглотивший старые пять прудов, вытянутый у подножья холма. Въезд в усадьбу фиксировался брамой. У партера с северной стороны до последнего времени стояла небольшая башня-коптильня — шестигранное сооружение, кирпичное в нижней и деревянное в верхней части, с шатровым завершением и шпилем. Усадебный дом размещался на основной композиционной оси (не сохранился). Пространство вдоль гребня террасы за домом занимал небольшой цветочный партер.



На второй террасе расположен парк. Он представлен четырьмя маленькими боскетами, образованными аллеями — липовой центральной и поперечной из конского каштана. Гребень террасы закреплен линейными посадками формованного граба и кустами сирени обыкновенной. С видовых точек открывалась перспектива на сад, расположенный на нижней террасе. Перепад высот между ними около 1,5 м.

Кабинеты боскетов имели пейзажное оформление. От старых посадок в южных кабинетах сохранились одиночные деревья сосны, конского каштана, граба. Получил развитие подрост вяза гладкого, граба; в подлеске часто встречается бересклет. В напочвенном покрове доминирует чистотел. Растения угнетены, поэтому их декоративные достоинства невысокие. В северных боскетах древостой более высокого качества, также развит подрост и подлесок. По периметру, с северной стороны, по гребню холма растут старые, видимо, более чем двухсотлетние липы с широкими раскидистыми кронами — деревья первой барочной композиции. Позднее вдоль лип высаживался ряд конского каштана, однако аллея не получилась, деревья были стеснены, большинство их погибло.

Два боскета следующей террасы, склон которой покрыт сиренью, вытянуты также вдоль оси. Аллея межу боскетами образована линейными посадками жостера слабительного и бирючины обыкновенной. Завершалась ось небольшим, прямоугольной формы водоемом на последней террасе (водоем спущен, зарос растениями). Узким каналом он соединялся с ручьем, который огибал усадьбу с южной стороны и питал большой пруд, который в обрамлении деревьев был наиболее выразительным элемен-

Близная. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

том паркового ландшафта. Располагаясь в пойме водотока, он составлял нижний уровень по отношению к парку на высокой террасе, чем обеспечивалась красочность перспектив. Одним из ее акцентов была мельница из валунов и бута на берегу около дамбы.

Прогулочный маршрут парка проходил по аллеям боскетов и заканчивался у видовых точек по краю склона. Разросшаяся сирень украшала и одновременно защищала его от эрозии. Форму подножия склона повторяла невысокая ограда из кирпича и бута.

Маленький парк сохранил планировочное решение, перспективы визуально расширяют его границы. Насаждения дичают.

Телеханы. Подъемный мост через канал

Телеханы

Известны с XVI в. Принадлежали старинному княжескому роду Дольских, который, видимо, брал начало от турово-пинских Рюриковичей, владельцев многочисленных имений в Пинском повете. В первой половине XVII в. Телеханами владел Николай (?—1647; подсудок земский пинский, хорунжий пинский), от которого имение перешло сыну Яну Каролю (1637—1695), известному политическому и государственному деятелю ВКЛ второй половины XVII в. (маршалок надворный литовский, маршалок великий литовский), участнику войн со Швецией, Россией, Турцией, фундатору монастыря и коллегиума пиаров в Дубровице (1684) и в Любешове (1686). В последний год своей жизни Ян заложил предместье Каролин с замком в Пинске [501]. Наследника Ян не имел. Его десятеро детей умерли в детстве. Телеханы и другие владения перешли в виде приданого дочери Екатерины Михаилу Сервацию Вишневецкому, который был тоже последним мужчиной старинного княжеского рода. Михаил занимал самые высокие государственные должности: гетман великий литовский, каштелян виленский, воевода виленский, канцлер великий литовский, староста пинский. С именем Михаила Сервация, который был еще поэтом и писателем, связана особая страница в замковом зодчестве региона (Каролин, Жабер, Ополь), которое он наделил светскими чертами, сделал блистательными магнатскими резиденциями.

В 1744 г. Михаила Сервация не стало. Его обширнейшие владения унаследовали Огинские — зять Тадеуш Юзеф (1700—1736), муж Анны. Телеханы от рано умершего Тадеуша переходят единственному сыну Михаилу Казимиру Огинскому (1728—1800), с именем которого связана целая эпоха в Речи Посполитой. Вместе с тем это было, по выражению А. Цехановецкого [574], время последней универсальной культуры, для которой единым языком был французский, богами — философы-энциклопедисты, национальным гимном — манерные звуки мангаймских симфоний.

В 1761 г. Михаил Казимир в волчинской каплице венчается с вдовой Александрой Сапегой, дочерью Михаила Фредерика Чарторыйского, владельца Волчина, Гомеля и других имений, образованного и патриотически настроенного князя. Александра предпочла Юзефу Сангушко молодого Огинского, человека музыкального и при-

ятной внешности, но брак нельзя было назвать счастливым. У них не было детей. Александра вела светский образ жизни. Ее дом в Варшаве являлся одним из важнейших политических салонов столицы, а салон в Гродно принадлежал к числу наиболее престижных. В духе предромантизма построила резиденцию в Седльцах с парком, театром, который в некоторой степени являлся филиалом слонимской сцены. Во дворе проводились балы, приемы, празднования, среди которых особое внимание уделялось именинам мужа. Тратила много сил на поддержание авторитета своего рода. Была, как и отец, весьма патриотически настроенной и пожертвовала на восстание 1794 г. большую сумму — в шесть тысяч злотых [574].

Энергичный Михаил Казимир, воевода виленский, гетман великий литовский, не обремененный семейными узами, вел свой образ жизни и, не оставляя музыки, был поглощен событиями и делами того времени на земле Беларуси. Являлся одним из кандидатов Екатерины II на трон Речи Посполитой; в 1771 г. перешел на сторону Барской конфедерации, но потерпел поражение от войск А.В. Суворова под Столовичами; утратил имения в восточной части Беларуси, пережил эмиграцию.

После амнистии в 1775 г. князь вернулся в Слоним, где заложил величественную резиденцию с театром. Делом его жизни в это время становится строительство канала, начатое еще в 1765 г., который получил его имя. Михаил Казимир осуществил давнюю мечту о канале Богуслава Радзивилла. На сейме 1786 г. объявляет свое решение о передаче канала «батьковщине». В качестве благодарности сейм предложил увековечить заслуги фундатора памятником на территории замка в Вильно (он не был установлен) и передать во владение Логишинское имение [574]. Канал, пересекая его владения, соединил Щару и Ясельду, а тем самым Припять с Неманом, море Черное с Балтийским. Канал становится важнейшей водной магистралью Полесья. Его народно-хозяйственное значение отмечалось и спустя 150 лет. В 1940 г. пропускная способность составляла 2,5 млн. тонн груза [76]. После войны канал утратил хозяйственное значение.

Строительство канала обошлось Михаилу Казимиру расходами в астрономическую цифру — до 12 миллионов злотых. Кроме этого, расходы, связанные с событиями Барской конфедерации, привели к большим долгам и утрате многих имений. Ему пришлось даже продать резиденцию в Неборове племяннице Хелене Радзивилл (из Пшездецких), которую хотел сделать «местом красоты и радости» и переехать в Слоним [574]. В конце XVIII в. продается Телеханский ключ в 40 тысяч десятин земли державцу его слонимских владений Войтеху Пусловскому, владельцу соседних Старых Песков, который подобно Антонию Тизенгаузу, Ксаверию Друцкому-Любецкому стремился реформировать хозяйство, поднять экономический уровень и одновременно культуру края, преобразить его [594]. В 1888 г. владельцем Телехан, Плянты, Куржеличина, Конотопа и Завишья был Франц Владиславович. Общий земельный фонд владения составлял 79157 десятин [548]. В 1895 г. Франц Владиславович на улице Костельной построил завод по производству стекла и разных стеклянных изделий, который в начале XX в. считался крупнейшим в Беларуси [268].

Со строительством канала изменилась жизнь Телехан, расположенных фактически на большом острове среди болот. В Телеханах возникает порт, строятся промышленные предприятия. Особую известность получают фабрики, суконная и фаянсовая (1778), на которой производились вазы, посуда, украшенные рельефным декором (женские маски, животные, растения, цветы, гирлянды) и покрытые прозрачной полихромной глазурью, а также скульптура малых форм, кафель, карнизы, фризы. Последние изделия пользовались большим спросом для строительства печей, каминов в усадебных домах и дворцах. Глина особого состава поставлялась на фабрику из Городно (Столинщина). Канал стал фактором экономического подъема всего Полесья.

Сведений о самой телеханской усадьбе Огинского очень мало. Это была летняя резиденция, создание которой предусматривало возведение замка. Видимо, вместо него в 1784 г. под Телеханами строится небольшой дворец для его самой младшей

Канал Огинского. Фото 2000 г.

сестры Гонораты Огинской. Усадьба в честь сестры получила название Гоноратин. Гонората с 1737 г. была доминиканской монахиней во Львове, после закрытия монастыря переехала в Телеханы. После ее смерти (1785) дворец принадлежал Михаилу Казимиру.

Величие резиденции придавал парк. Он формировался при канале вокруг дворца, имел четыре части в соответствии со сторонами горизонта, что являлось выражением одного из мотивов романтизма. Необычная красота парка отмечалась в «Диариуше» короля Станислава Августа Понятовского и в книге Зановича Кастриота [574]. Видимо, оставалась не реализованной идея создания парковых аркад, через которые могли свободно проходить суда.

Известность Телеханам придавал музыкальный двор М.К.Огинского. В 1792 г. сюда из Слонима переезжает театр, балетная школа, которой руководил немецкий балетмейстер Ноок, и часть танцовщиков балета [574].

К концу XIX в. усадьба пришла в запустение и новые владельцы Пусловские не пользовались ею. Их главной резиденцией становится Альбертин, который вместе сполесскими владениями принадлежал Владиславу Пусловскому (1871—1964), сыну Франтишка Ксаверия. Руины дворца в Телеханах существовали до второй мировой войны. Место его расположения теперь местные жители называют «замком». Брат Владислава Войтех (1877—1961) заложил усадьбу в Завишье, южнее Иванова. Двухэтажный дворец, построенный в формах неоклассицизма среди лесного массива на берегу озера Завишье, служил летней резиденцией. Усадьба также утрачена. В Телеханах на месте храма, который построил М.К. Огинский, и наделил его четырьмя волоками земли, в 1934 г. возведена Троицкая церковь в формах народного деревянного зодчества.

Усадьбы классицизма и романтизма

Ружаны
Кристиново
Пинск
Совейки
Ивацевичи
Молодово
Старые Пески
Пясечно
Линово
Домашевичи
Кабаки
Габриелин
Тугановичи
Заосье
Ясенец
Перковичи
Замошье
Тешевля
Нача

Брындзовская
Задвея
Полонечка
Сочивки
Закозель
Людвиново
Бурдыковщина
Своротва
Белин
Высокое
Грушево
Своятичи
Парохонск
Старый Куплин
Вольно
Бартники
Петровичи
Вистычи
Юголин

Шостаково
Островье
Божий Дар
Колодное
Попина
Коссово
Старая Воля
Гремяче
Холожин
Рясна
Железница
Альбрехтово
Молочевщина
Адамков
Стошаны
Чахец
Грушевка
Кустынь
Сюлки

УСАДЬБЫ КЛАССИЦИЗМА И РОМАНТИЗМА

Новые идеи в усадебном зодчестве края проявились с конца третьей четверти XVIII в., а в конце столетия классицизм стал основным художественным стилем. Для Беларуси, как и для других стран Восточной Европы, это была эпоха перехода от средневековья к новому времени, эпоха, овеянная высокими идеями Просвещения, определявшими его духовный климат. В усадебном зодчестве пышное, репрезентативное барокко, олицетворяющее триумф светской культуры, уступило место новым формам, ассоциирующимся с античным наследием Греции и Рима, итальянского Возрождения. Классицизм стремился воскресить дух античности, мотивы древней (идеальной) эпохи, организация общества которой строилась на основе равенства и справедливости. Пышные декорации барочных сооружений сменились тонкостью исполнения деталей, грациозностью и легкостью. Парк новых усадеб развивался как эстетический аналог естественного ландшафта вопреки ранее властвовавшей геометрии (линейка, циркуль, ножницы). Естественность, простота, строгость, благородность вкуса становятся главным девизом времени, а усадьба понимается как мир, лишенный противоречий.

Классицистическое усадебное зодчество региона воплотило черты французского классицизма в творчестве Я.С. Беккера, находилось под влиянием классицизма Польши и екатерининского «пилястрового» стиля. Одновременно получают развитие идеи романтизма, который, отрицая неизменность канонической системы классицизма, провозглашал творческую свободу художника, стремился к общественной гармонии, новым идеалам, идеализировал историческое прошлое.

Яркая, необычайно активная и плодотворная эпоха, давшая памятники мирового значения, не была продолжительной, она не составила даже столетия. Уже с середины XIX в. классицизм начинает угасать, уступая место в усадебном зодчестве идеям и формам нового эклектического направления.

В главе рассматривается 61 усадьба. Среди них ансамбли, которые, сочетая черты барокко и классицизма, являлись предвестниками нового стиля (Ружаны Сапег, усадьбы Бутримовичей в Пинске и Кристинове, Совейки), усадьбы, возникшие в результате перепланировки и поглощения старых барочных заложений (Задвея, Полонечка, Вольно, Ясенец). Наиболее многочисленны типичные усадьбы стиля, иногда с некоторыми романтическими мотивами.

Ружаны. Проект брамы и флигелей. Архитектор Я.С. Беккер.

Ружаны

Согласно господарскому листу от 28 марта 1490 г., Лососин с местечком Рожана (позднее Ружаны), двóрцем Белавичи и двором Байковичи входил в состав Слонимского повета и по наследству «po panu Juszku Gojcy i po panu Wiesztortie» перешел Казимиру Ягеллончику. В 1552 г. владения купил Василий Тышкевич, воевода подляшский, смоленский, староста минский и пинский, владелец Логойска, уплатив три тысячи коп грошей. В 1567 г. к этой сумме он добавил еще шесть тысяч коп и получил привилей короля Сигизмунда Августа на владение. При этом король отметил наличие ран на теле и лице воеводы и успешное удержание им во время войны своих полков конных и пеших [231]. По его дарственной записи, состоявшейся в 1570 г. в пинском замке, «...именье Лососиную, з дворомъ Белавицкимъ и местечко Рожаную з селомъ Байкевичами, где передъ тымъ дворецъ бываль... дочце своей ее милости пани Александровой Ходкевичовой на вечныи часы дали, даровали...». Одновременно Василием собственноручно подписывается («Василей Тишковичъ») духовное завещание: «... А кгды и на мене, Настасью Панъ Богъ зволи своей смерть допустить рачить, тогды тотъ же зять нашъ панъ Александро з дочкаю нашою Александроюо тамъ же у манастыри у Супърасле тело мое поховати маетъ» [248]. Затем владельцами стали Бруханские. В 1598 г. Бартош Бруханский продал канцлеру ВКЛ Льву Сапеге свои имения Лососин и Ружаны с фольварками Белавичи и Сидоровщизна. С этого времени более трех веков Ружаны принадлежали этому роду.

В 1599 г. Лев в Вильно вступил во второй брак с княжной Галшкой Радзивилл, передавшей в дом мужа Семятические владения [740]. Их старший сын Криштоф Николай, родившийся в 1606 г. в Ружанах, обучался рыцарству и наукам в европейских странах, проявил способности к военному делу, но очень рано (в возрасте 25 лет) умер. В 1635 г. не стало сына Яна (от первого брака с Доротой), подстолия ВКЛ, маршалка надворного. Владельцем больших отцовских владений после Яна становится младший сын Казимир Леон (1609—1656), который учился в Вильно, а потом за границей, много путешествовал, владел восьмью языками, занимал высокие государственные должности. Известен как поклонник науки, строитель храмов и монастырей. По его инициативе в 1637 г. Ружана получила от короля Владислава привилей на магдебургское право и право на ярмарки. Были построены ратуша, образован магистрат и магистратский суд. В 1644 г. фундовал открытие в Виленской иезуитской академии, в которой учился, двух кафедр и записал доходы с имения Почаевичи в Оршанском повете на содержание четырех профессоров права, передал ей ружанскую библиотеку. В 1646 г. фун-

Ружаны. Дворец. Проект главного фасада. Архитектор Я.С. Беккер.

довал строительство костела и монастыря бернардинцев в Друе. Построил монастырь в Березе, в котором в 1666 г., спустя десять лет после смерти в Бресте, был перезахоронен. Благодарные монахи украсили гроб своего фундатора серебряными плитами со словами глубокого почитания. Картина, изображающая его с семьей, висела на самом почетном месте — в большом алтаре костела.

Казимир, женатый на графине Теодоре Тарновской (умерла в 1652 в возрасте 27 лет), не оставил наследников. В тестаменте, составленном в 1655 г., он завещал большую сумму костелам его фундации, госпиталю в Ружанах, Виленской академии, ближним родственникам. Ружаны, Коссово, Быхов и другие владения отошли Павлу Сапеге, воеводе витебскому, а затем его потомкам [740].

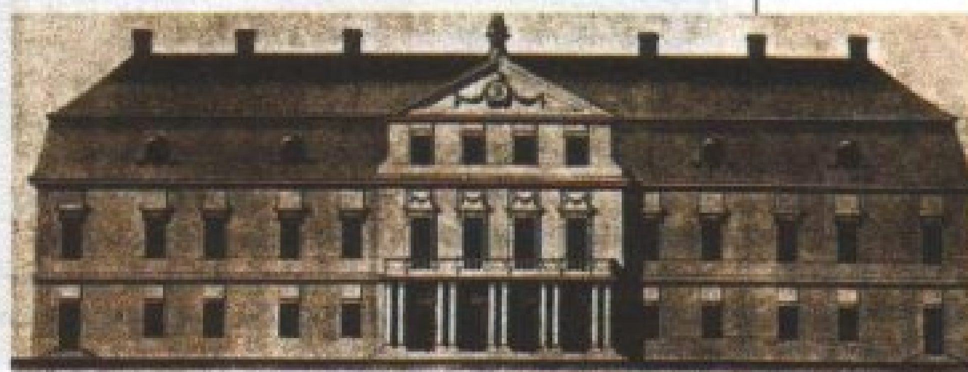
Новый владелец учился в Брунсберге. Вернувшись домой, занимался имениями, быстро продвигался по службе: ротмистр, воевода, гетман ВКЛ. Часть доходов от больших владений отдал на оборону Речи Посполитой в то неспокойное военное время. Умер в 1665 г. в Ружанах. В следующем году, шестого июня, в день освещения костела-монастыря картузианцев в Березе, состоялось его перезахоронение одновременно с Казимиром. С этого времени костел становится усыпальницей Сапег черейской линии [740].

Перед смертью Павел просил сыновей не нарушать тестамент. Ружаны в 1666 г. со многими другими владениями отошли старшему сыну Казимиру (1637—1720), получившему прекрасное военное образование в военной академии. Кроме отцовских имений ему перешла часть наследства от дяди Казимира Леона. В 1667 г. владения заметно увеличились за счет приданого Кристины Барбары, богатейшей в Литве невесты, дочери Кароля Глебовича, воеводы виленского, и Катажины (из Радзивиллов). Через два года им отошли владения Кароля Глебовича. По тестаменту второй жены Терезы (из Госевских) в 1708 г. он стал собственником большого имения Волчин с фольварками, а затем владельцем имений Антонины Гельгид, с которой вступил в третий брак.

Казимир Сапега, чесник, подстолий, подскарбий надворный, а затем воевода полоцкий, виленский, занимался не только служебными, но и хозяйственными делами. Под его командованием находилось тридцатитысячное войско литовское, на содержание которого он выделял средства из собственных доходов. Участвовал в войне с Турцией, в которой проявил воинскую доблесть. За успешные дипломатические миссии получил гетманскую булаву. Подобно другим Сапегам строил храмы, щедро одаривал коллегиум иезуитов в Вильно [740].

Наследниками стали Ежи, Александр и Катажина, дети от первого брака. После брака в 1685 г. восемнадцатилетнего Ежи с княжной Изабеллой Полубинской Сапегам перешли Деречин, Зельва и многие другие имения в Оршанском и Речицком поветах. По тестаменту Ежи, воеводы мстиславского, в 1732 г. Ружанами, Близной, Лососином и многими другими имениями начала владеть Кристина Роза (умерла в 1772), дочь Ежи и его второй жены Теодоры Пересвит-Солтан, ставшая в 1745 г. княжной Массальской. Мать пережила Кристину на два года и в 1774 г. записала имение Ружаны (находилось в залоге у Браницких) племяннику Станиславу Солтану, подстолию инфлянтскому. Сапеги временно лишились родового имения [740].

Новым владельцем Ружан после 1774 г. стал Александр Михаил Сапега (1730—1793), старший сын Казимира Леона Волмянского (1697—1738), генерала артиллерии, старосты волмянского, и Каролины, дочери Кароля Радзивилла и Анны Сангушко. В 1756 г. генерал-майор Александр, подскарбий надворный, воевода полоцкий, женится на княжне Магдалине Агнежко (из Любомирских; 1739—1780), овдовевшей в 1755 г. после шестинедельного замужества за Юзефом Любомирским, подстолием ВКЛ. Александр, канцлер ВКЛ с 1775 г., ста-

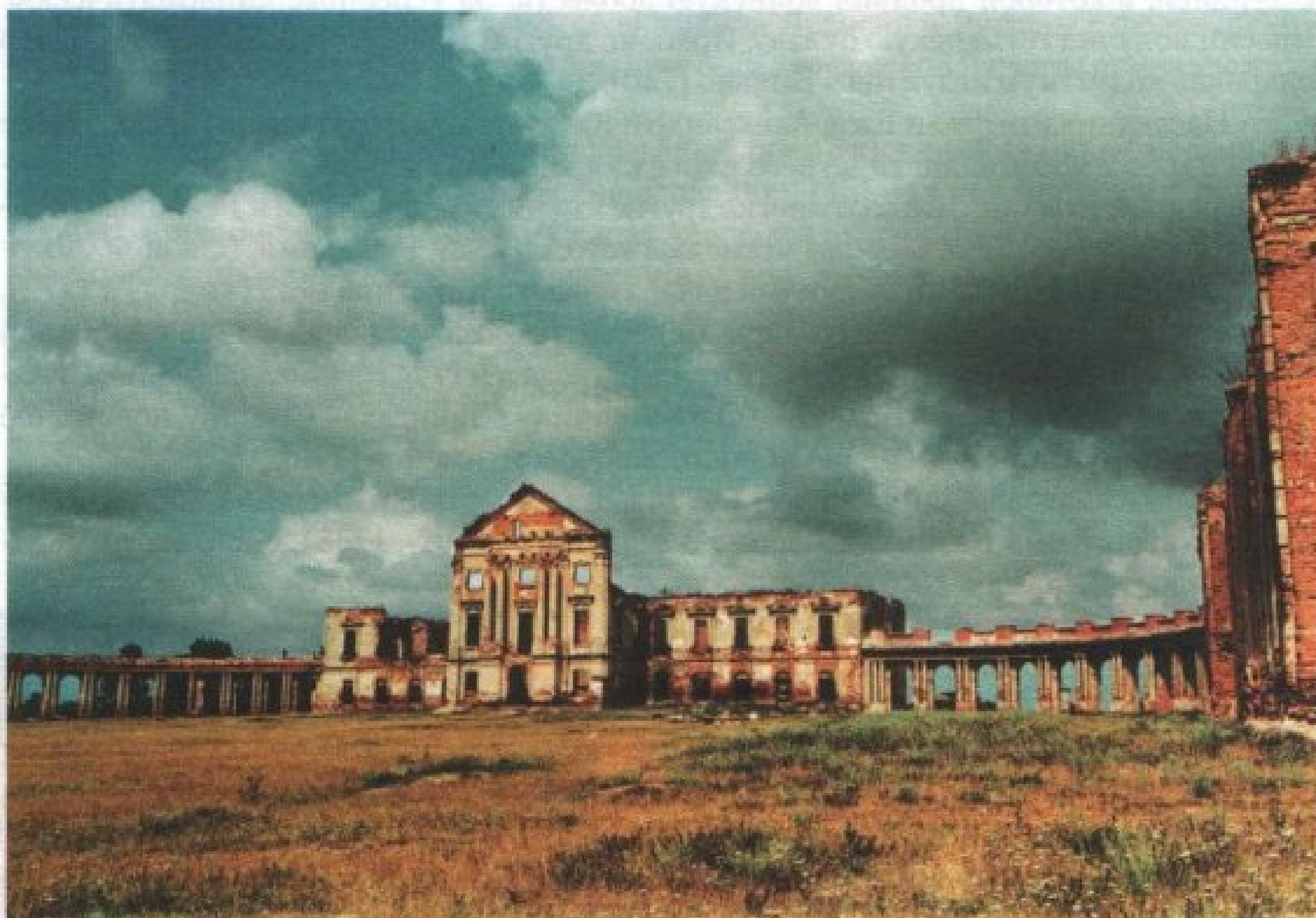


Ружаны. Дворец. Проект тыльного фасада. Архитектор Я.С.Беккер.

новится фундатором величественной Ружанской резиденции. Был похоронен вместе с Сапегами в Березе. Ружаны завещал сыну Францишку. В тестаменте не забыл о труппе театра, балета, оркестра, сделал артистов вольными. Обязывал Францишка со временем театр в Зельве перестроить под костел, а в Деречине — под каплицу. От Францишка Ружаны перешли его сыну Евстафию. Последним владельцем был Ян, сын внука Евстафия Сапеги [628].

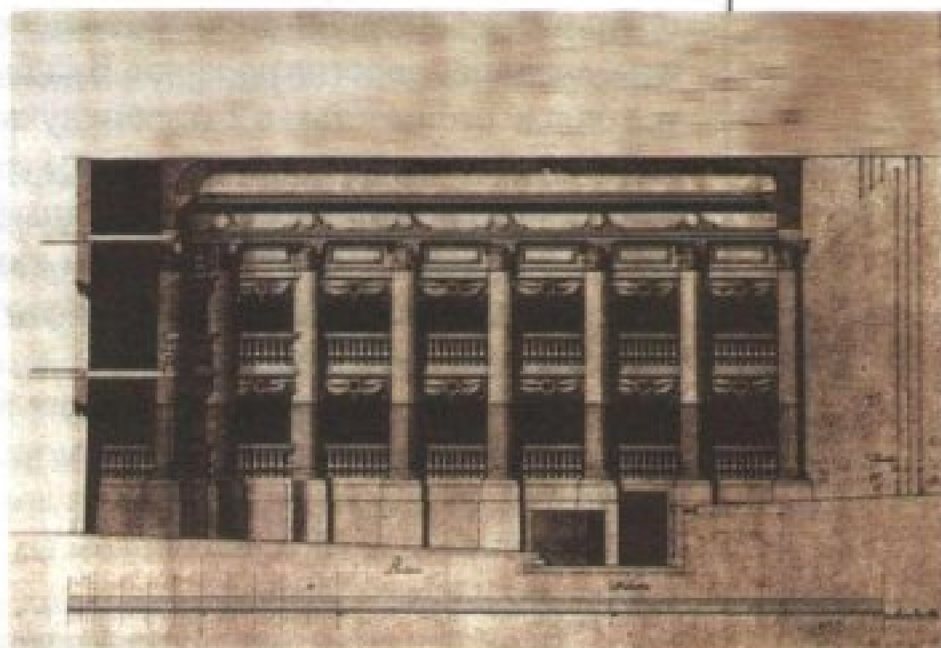
Крупнейшая в Беларуси резиденция создавалась несколькими поколениями Сапег. Была заложена Львом Сапегой на высоком моренном холме и, видимо, еще в ренессансных формах. Центром композиции стал двухэтажный крестоподобный в плане каменный дворец, построенный в 1598—1605 гг., в котором в 1606 г. родился его первый сын Криштоф Николай. К сожалению, сведений об этом, несомненно, одном из лучших в регионе ансамблей первой четверти XVII в. очень мало. Ансамбль включал гостиный, малый, средний и большой дома [365]. По предположению В. Калнина, строился по проекту скульптора и архитектора из Флоренции Санти Гуччи (1538—1600), принимавшего участие в реконструкции королевского дворца в Гродно. В середине XVII в. при Казимире Сапеге дворец перестраивался, видимо, итальянцем Джованни Батистом Джислени (1600—1672), который являлся автором надмогильного памятника для первой жены Сапеги Теодоры Кристины, умершей в 1591 г. и перезахороненной в возведенном Львом виленском костеле св. Михаила. По заказу Казимира этот зодчий, видимо, проектировал монастырь картузианцев в Березе.

Дворец соответствовал духу времени, являлся монументальным сооружением, сочетающим парадность с оборонительными чертами [299]. В композиции здания главенствовали разные по форме башни (две четырехгранные и одна пятигранная), расположенные с трех сторон основного объема. Одна из них занимала центральное положение на главном (южном) фасаде; вторая фиксировала западный боковой фасад дворца. Третья пятигранная в плане башня занимала северо-восточный угол дворца. Перекрытия первого этажа сводчатые, второго — балочные. Каменные сводчатые подвалы необычайно глубокие (до 10 м), двухэтажные (они сохранились). Подвалы служили арсеналом, архивом, местом складирования и хранения запасов продоволь-



Ружаны. Общий вид ансамбля. Фото 1999 г.

ствия. Центральную часть дворца занимал большой зал с четырехмаршевой лестницей на второй этаж, своды которого опирались на центральную колонну. К нему с двух сторон примыкали залы меньших размеров, кабинет, библиотека, жилые комнаты. Высокие помещения второго этажа отличались большими размерами и носили репрезентативный характер. Центральную часть занимали прихожая и два квадратных зала, а с тыльной стороны располагался очень большой зал, служивший местом проведения торжеств. К нему справа примыкал также большой зал — столовая, а слева располагались два квадратных зала [365]. В 1644 г. в ружанской библиотеке имелось три тысячи томов [596]. Собранию книг положил начало Лев Сапега. Его заметно увеличил его сын Казимир. Согласно записям за 1648—1649 гг., кроме библиотеки во дворце имелось уже собрание портретов и картин. В декорировании интерьеров использовался мрамор, стукковая лепнина, роспись с изображениями королей, фрагментов городов [365].



Ружаны. Проект интерьера театра. Архитектор Я.С.Беккер

Дворец становится местом встреч, королевских приемов, во время которых решались важные государственные дела. В литературе есть сведения бытового характера о застольях, преподношениях. В 1607 г. королевич Владислав пробыл в Ружанах двое суток. В 1633 г. короля Владислава принимал 76-летний Лев Сапега. В 1644 г. Владислав IV почтил Сапег со своей супругой и целым двором. Описание приема в своих записках оставил Альбрехт Станислав Радзивилл из Альбрехтова. В течение 9 дней для гостей были открыты погреба с вином и пивом. Пили за здоровье короля из прапрадедовской чаши, в которую накачивали гарнец вина. Королю и королеве Цецилии Габсбург (1611—1644), дочери австрийского императора, женщине высокой интелли-

Ружаны. Въездная брама. Фото 1999 г.

гентности и врожденного такта, а также их придворным, в составе которых были иезуиты, делались дорогие подарки. Владиславу IV Казимир Лев Сапега преподнес золотое блюдо стоимостью в 2 тысячи дукатов и дорогие обои, купленные в Голландии за тысячу дукатов. Королеве подарены кольцо стоимостью в 16 тысяч дукатов и богатая соболья шуба; канцлеру — серебряный кубок; каменецкому епископу — «два сорока соболей»; каждой фрейлине — по камню рубину; подкоморию — сабля с золотой оправой. Каждому из ксендзов-иезуитов дано по 100 дукатов. Дукаты дарились также остальным придворным [346].

В память о посещении имения Ружаны королем Владиславом IV в одном из залов устанавливается черная мраморная доска с записью о визите на латинском языке. Позже в этом же зале появилась другая доска со словами: «Divo Casimiro Sacrum». Ее появление связано с переносом во дворец в 1655 г. из Виленского кафедрального собора мощей св. Казимира.

При Казимире Сапеге Ружаны стали красивым городком. Имели девять прямых улиц (Жидовская над ставом, Островская, Девятковская, Слонимская, Лососинская, Брестская и др.), хорошие подъездные дороги, новый рынок, окруженный каменными домами.

Сведений о парковом окружении дворца не имеется. Они важны для познания истории садового искусства Беларуси. Несомненно, что дворец предполагал регулярные парковые композиции. В это время уже имелись парки во владениях Радзивиллов (Мир, Альба, Радзивиллимонты) [564]. В.Р.Супрун [551], не ссылаясь на исторические источники, отмечает наличие в парке аллей. Согласно письменным источникам, найденным В.Калниным, в 1602 г. велись земляные работы по устройству парка (копали пруд, каналы), сооружались постройки [365]. «Каналы в саду» упоминаются в документах за 1605 г. Эти отрывочные сведения позволяют предполагать, что к дворцу примыкал регулярный парк и был он, видимо, под стать дворцу. О величии ансамбля свидетельствуют королевские приемы. С Сапегами, богатейшими вельможами ВКЛ, считались короли. Королевскими визитами Сапеги дорожили. Каждый из них приносил новые дарственные грамоты и позволял расширять владения. В память о визитах в большом зале дворца устанавливались мраморные доски [692].

Во второй половине XVII в. резиденция испытала грабежи и разорения от кон-

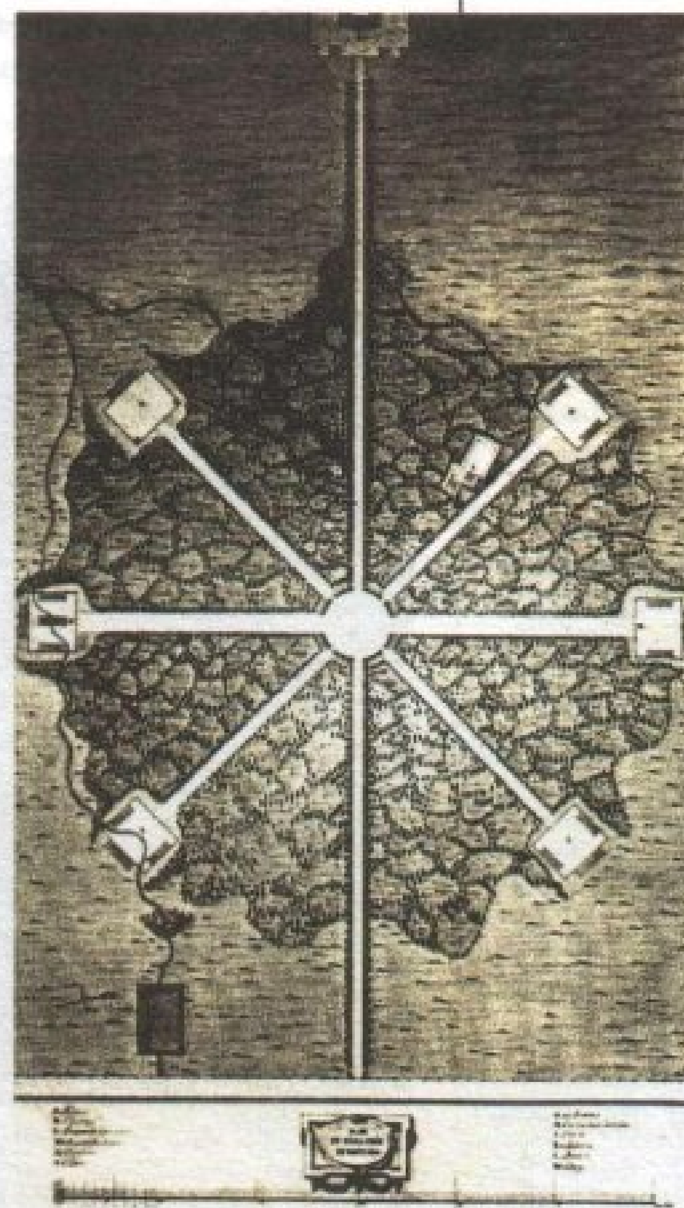
Ружаны. Боковая брама. Фото 1999 г.

федератов и шведов. Почти вековой расцвет усадьбы сменился опустошением. В руинах оказались хорошо отстроенные к этому времени и Ружаны [607]. Затем наступили тяжелые годы Северной войны.

В 1748—1750 гг. дворец, принадлежащий Кристине (из Сапег) Массальской, по мнению В.Калнина [365], перестраивается по проекту Иоанна Зигмунта Дейбля, одного из лучших королевских архитекторов. Позднебарочный его проект, не лишенный, видимо, элементов рококо, за подписью этого архитектора хранится в архиве вместе с проектами Я.С. Беккера. И.З.Дейбль на последнем этапе своей жизни (в 1731—1751) выполнял проектные работы для канцлера литовского Яна Фредерика Сапеги (1680—1751), строил его величественный дворец в Варшаве, который позже перешел Сапегам из Ружан [695]. В 1752 г. И.З.Дейбля не стало и архитектором Сапег становится его ученик Я.С.Беккер.

Новый расцвет резиденции наступил при Александре Сапеге, который являлся государственным деятелем, но больше всего любил искусство, музыку, литературу. Любовь к книге привил дядя, бискуп виленский Юзеф Сапега, у которого воспитывался рано осиротевший Александр. Весьма деятельной была жена Магдалина, большая поклонница театра. О театральных увлечениях княжеской пары свидетельствует реестр библиотеки за 1761 г., где имелись произведения драматургов разных стран [365].

В Ружанах сложилась благоприятная среда для творческой деятельности Яна Самуэля Беккера, известного зодчего второй половины XVIII в., который работал долгое время при ружанском дворе и продолжал жить в Ружанах до конца своих дней, получая пожизненную пенсию 2160, а потом 2520 злотых. Его первыми работами стали проект ружанской церкви базилиан (1762), возле которой, видимо, в 1779 г. построено здание монастыря (дошедшее до наших дней) и проект малого театра (1765), выполненный для Деречина или Зельвы. С особым размахом и блеском, символизируя знатность и величие рода, начинает перестраиваться и расширяться Ружанская резиденция в переходных формах от позднего барокко к классицизму. В 1784 г. Сапеги принимали уже во дворце короля Станислава Августа Понятовского, ехавшего на сейм в Гродно. Торжество было под стать королевским приемам XVII в.



Ружаны. План парка. Архитектор Я.С.Беккер

Анализ творчества Я.С.Беккера позволил В.Калнину [365] установить последовательность проведения и датировку выполненных работ. Проектирование велось в 1760—1770 гг. Внутренние работы во дворце проводились в 1772—1775 гг. Строительство дворцовой официны, предназначенной для театра (две трети объема) и манежа (одна треть), приходится на 1776—1777 гг. В 1772—1777 гг. строилась въездная брама с боковыми корпусами. В 1776—1777 гг. возводятся полуциркульные аркады. В 1777 г. строительные работы приостанавливаются, кроме парка, создание которого велось с 1773 г.

Проекты дворца и других зданий ансамбля хранились в ружанском архиве, затем вместе с другими ценностями перевезены в Деречин. Теперь хранятся в Кабинете гравюр короля Станислава Августа Понятовского библиотеки Варшавского университета и стали доступны благодаря публикациям Р.Афтанази [596], В.Калнина [667]. Они, а также значительные фрагменты руин, позволяют представить резиденцию в деталях. Две башни старого дворца были разобраны, а третья (западная) включена в объем здания, и оно стало симметричным. Фасады приняли классицистический вид, но

крыша здания осталась мансардной, двухскатной ломаной с люкарнами. Оформление фасадов отличалось изысканностью. Парадный фасад с ризалитом украсил пристенный портик с двумя парами колонн коринфского ордера и пилястрами по сторонам, установленный на цоколях на уровне второго этажа. Его завершает треугольный фронтон со скульптурным барельефом. Проектный вариант портика имел четыре пары колонн. Оформление оконных проемов выделялось изящным декором с использованием наличников, треугольных сандриков, подоконных карнизов на консолях, гирлянд. Наиболее богатым было оформление окон второго этажа, особенно его центральной части. Парковый фасад здания имел также ризалит, но с террасой, установленной на пяти парах колонн. На поле фронтона имелась монограмма владельца — «AS». Терраса имела принципиальное назначение, ибо внизу за дворцом, у основания холма, располагался парк. Величие и своеобразие его планировки наиболее полно воспринималось с высоты.

Интерьеры дворца позволяет представить Инвентарь, составленный 1 июля 1793 г. [70]. На первом этаже за входной дверью располагался вестибюль с двумя лестницами, ведущими на второй этаж и с несколькими дверьми: железными и деревянными — к погребу; двойными — в склеп; деревянными — в комнату для лакеев с тремя большими звонками. С двух сторон имелось еще по одной большой двойной двери (левая была окованная), которые вели в комнаты первого этажа. Вход в них начинался с вестибюлей с гардеробными. В правом крыле (от «оперхауза») располагались две комнаты, две гардеробные, арсенал из двух комнат с зарешеченным окном, буфет, скарбец с деревянными и железными дверьми, имелся выход в парк. В левой половине первого этажа располагались две гардеробные, три комнаты, кухонька (для приготовления кофе), скарбец и небольшая библиотека с книжным шкафом и одним окном. В комнатах стояли белые печи, в отдельных помещениях был паркет. Из вестибюля лестница вела на второй этаж.

Две лестницы, симметрично расположенные в вестибюле первого этажа, вели, как уже отмечалось, в вестибюль второго этажа. Он имел мраморный пол, галерею, шесть окон, две длинные лавы, обитые красным сукном и две гипсовые скульптуры.

Ружаны. Костел святого Казимира. Фрагмент ограды. Фото 1999 г.

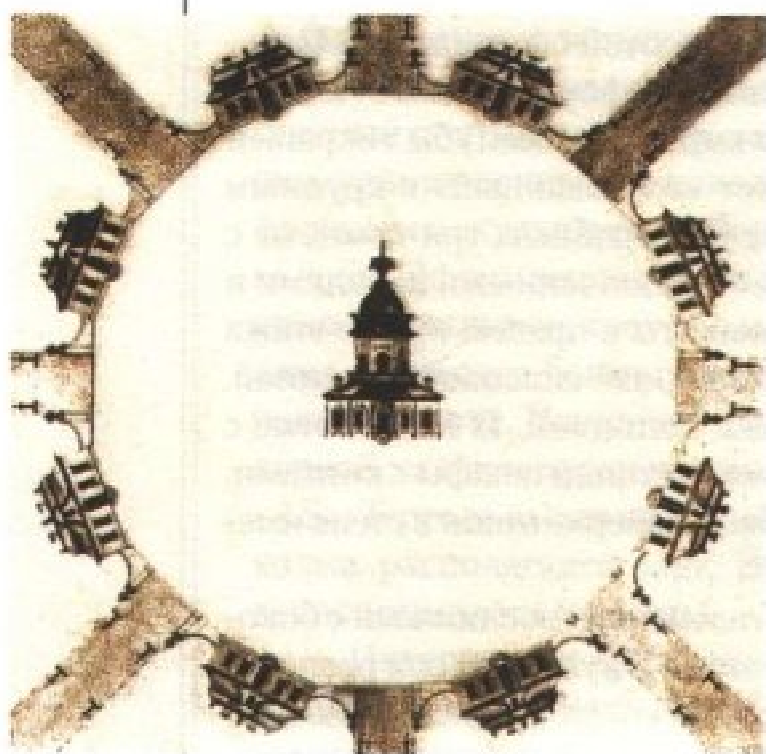
Помещения этажа отличались размерами, строгостью и красотой оформления. Центральное положение занимал большой зал с четырьмя окнами (оформление его не было законченным). Второй большой длинный зал (также с четырьмя окнами) был окрашен в зеленый цвет, украшен резьбой, имел две печи, паркет «вoскованный» с крупным узорчатым рисунком. Левую часть этажа занимали две гардеробные, три комнаты с «мелким» паркетом, обитые адамаском кармазиновым, с позолоченными панелями и резьбой. Здесь размещалась каплица с алтарем. Три комнаты в правом крыле этажа (голубая и две зеленые) имели белые печи, камин, украшенный гипсовой лепниной. Дверные проемы имели мраморное обрамление также с лепниной. В библиотеке с одним окном, к которой примыкала гардеробная, вдоль стен стояли шкафы с книгами. Буфет, угловое помещение, украшала живопись и резьба. На дверке ниши в стене имелась надпись золотыми буквами «Иван Иванов».

По проекту дворец полуциркульными аркадами (галереями) соединялся с боковыми, симметрично расположенными вдоль оси официнами. На главной оси располагалась въездная брама с двумя боковыми флигелями. Арки аркад опираются на спаренные тосканские колонны, обрамленные фризом. На них лежал дубовый брус, повторяющий полукруглую форму аркады. С аркады открывалась живописная панорама на лежащий внизу парк, расположенное вдали местечко и зверинец.

Из двух запроектированных официн строится только правая, ставшая театрально-манежным корпусом, «оперхаузом», парадный фасад которого украшал восьмиколонный портик. Корпус состоял из двух симметрично расположенных частей, разделенных большим вестибюлем с лестницей, ведущей на верхний ярус и балконы. Под лестницей размещался гардероб. Левую часть корпуса занимал манежный зал (имел 11 окон) с галереей для зрителей. Со стороны двора был отдельный вход для лошадей [70]. Правую часть этого необычного сооружения занимал театр с подковообразным двухъярусным залом, вмещающим партер, 28 изолированных лож и особую в центре яруса — королевскую ложу. Глубокая сцена с несколькими планами кулис позволяла трижды менять декорации во время спектакля. С двух ее сторон размещались гардеробные, имеющие по двое дверей и по четыре окна. Изящность и величие театральному залу придавали ажурные балюстрады, колонны самого нарядного коринфского ордера, окружавшие зал, необыкновенная умеренность и строгость архитектурных деталей, изысканная живопись и резьба. Юлиан Немцевич, являясь адъютантом князя Чарторыйского, навестил вместе с князем Ружаны, оставив следующие воспоминания о театре: «... зал был новый, чистый, декорации свежие. Актеры, подготовленные из числа крестьян князя, играли по-французски оперу Ж.Ж. Руссо «Сельский волшебник». Театр (1765—1791) насчитывал 60 артистов и танцовщиков (балетная труппа), 40 музыкантов «при бубнах и трубах», оркестр [275]. При дворце работала местная музыкально-оперная школа крепостных актеров. В 1784 г. король Станислав Август Понятовский смотрел балет «Милосердие Тита», поставленный танцовщиком и балетмейстером М. Пренчинским. В составе труппы — немало известных профессиональных музыкантов. Например, музыку для Сапеги и других магнатов писал итальянский композитор, виолончелист, капельмейстер, автор многочисленных концертов Киприяно Кормер. Он учил князя игре на виолончели, а потом переехал в Слоним к Огинскому [574].

Ружаны. Костел святого Казимира. Фото 1999 г.

Особым величием была наделена въездная брама, построенная в виде трехпролетной арки с железными воротами и калитками в боковых проемах. В 1893 г. ворот уже не



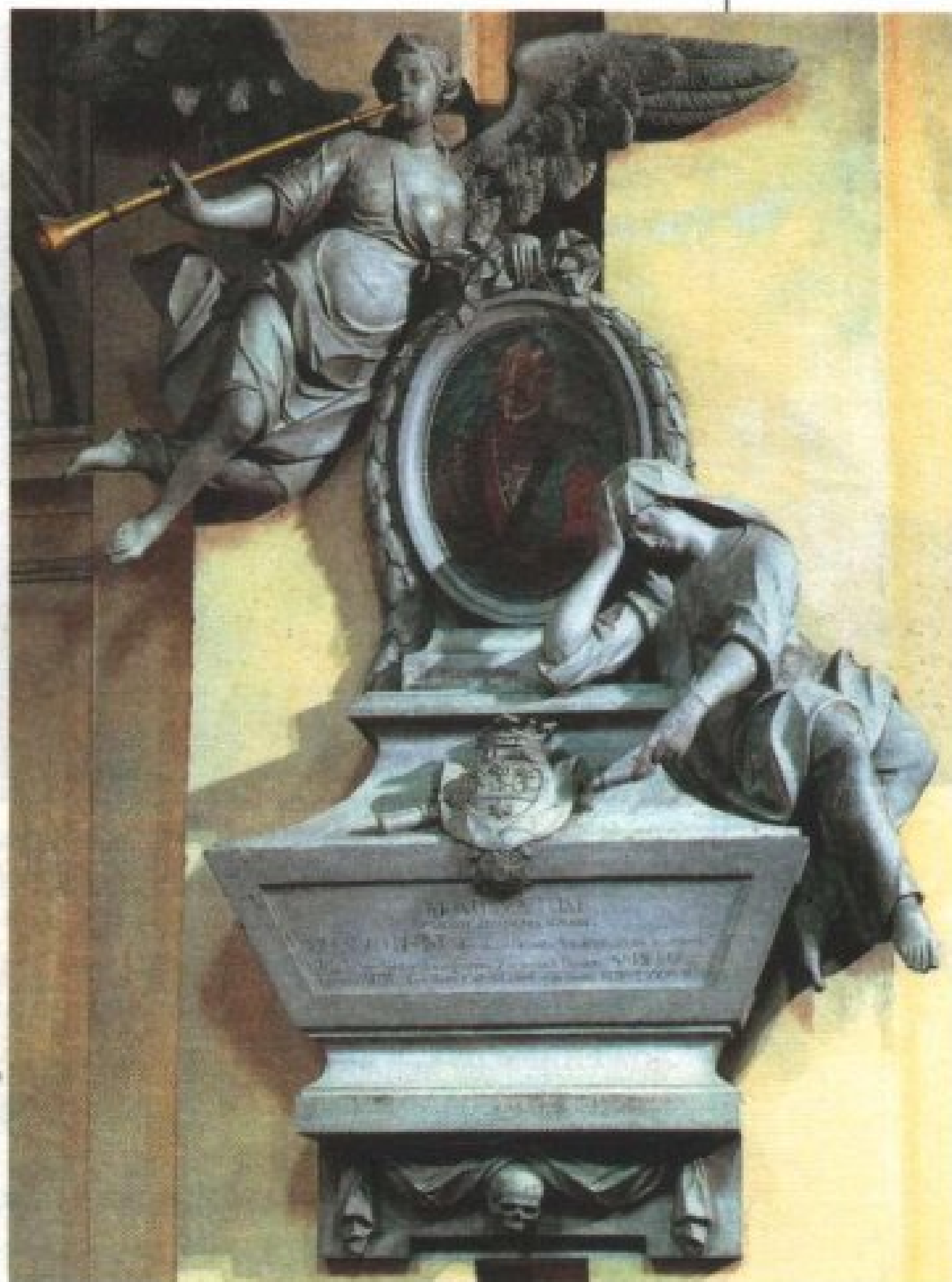
Ружаны. Проект зверинца. Архитектор Я.С.Беккер. Фото Т. Жултовской-Хущи

было, в Инвентаре указываются только «вмурованные крюки для дверей» [70]. Нижняя часть арки декорирована рустом, верхняя была украшена резными геральдическими картушами и гирляндами из мореного дуба, барельефами, изображающими античных героев. Брама имела, судя по проекту Я.С.Беккера, живописное архитектурное завершение со скульптурами, расположенное на мощном карнизе. Центральное положение в композиции занимала статуя, стоящая на высоком постаменте. Завершение и большая часть декора утрачены. К браме симметрично с двух сторон примыкают прямоугольные в плане флигели, предназначенные для кордегардий и канцелярий, которые служили в основном жильем. Они включали комнаты большие, комнаты, комнатки, комнатки с альковом, альковы с гардеробной, гардеробные, сени. Некоторые из комнат были зеленого или перламутрового цвета. Двери комнат были двойные, наполовину застекленные, печи изразцовые, белые и зеленые [70]. От флигелей шла каменная ограда, окружающая ансамбль ансамбль. Перед брамой на постаменте стояла скульптура женщины, рука которой указывала в сторону Березы Картузской, где покоились Сапеги. При ансамбле имелись разные сооружения, вход к которым осуществлялся через боковую брамку (сохранилась) из двух пилонов с живописными коническими завершениями. В Инвентаре за 1793 г. приводится описание «домов скарбовых». По правую руку, идя со стороны дворца, располагалась большая каменная официна, а напротив нее, слева, — другая подобная официна, имеющая три коридора и восемь комнат. Здания предназначались, видимо, для жилья артистов. По числу зданий это был жилой ансамбль, включающий, кроме отмеченных, официну скарбовую большую, аустерию, четыре дома над большим каналом и одиннадцать сооружений разного назначения. В этом ансамбле у канала размещался небольшой дом Я.С.Беккера с сенями, кухней, зелеными кафельными печами и двумя комнатами с алькежами [200, 203].

На территории ансамбля «стоял дом фабрики суконной». Кроме суконной фабрики, на которой вырабатывалось простое сукно, при дворе работала фабрика полотняная (ткались скатерти, салфетки, полотенца, полотно). В 1791 г. в местечке с целью обучения крестьян имения сукноделию и для получения дохода в деревянном доме была устроена новая суконная фабрика с хорошим оборудованием. При ней имелось станков прядильных 20, ворсильных 3, ножниц стригальных 20, проволочных для чесания шерсти 8, для чесания сукна 1, а также пресс и красильня с шестью котлами [277].

Особого внимания заслуживает парк Ружанского ансамбля. В хозяйственных книгах за 1771, 1775 и 1778 гг. указывается на работы в саду (парке), в 1779 г. упоминается канал. По выражению «... во дворце заканчивали штукатурку и покраску всей стороны фасада от большого канала», можно предположить, что он располагался перпендикулярно главной оси ансамбля. На берегу канала, как уже отмечалось, стоял домик Я.С. Беккера. Планировочное построение парка передает схема с подписями на французском языке («План парка вблизи Ружан»), хранящаяся в Кабинете Гравюр Библиотеки университета в Варшаве [670]. Он располагался с северной стороны дворцового ансамбля. От дворца по склону были устроены каскадные лестничные спуски (следы от них прослеживаются). Парк, видимо, наложился на старую регулярную планировку при дворце времени Льва Сапеги. В основу композиции нового парка Я.С.Беккером положен принцип радиально-лучевого расположения аллей. Вдоль центральной оси ансамбля вытянулась главная аллея парка, замыкающаяся небольшим дворцом, в плане С-образным, в окружении павильонов: домики для серн, охотничий и стражница. Четвертым павильоном являлся эрмитаж, известный с XVII в. Он был

символом сада, являлся своего рода эмблемой, «девизом» сада, рядом с которым обычно находился [436]. От круга в центре отходило шесть радиальных аллей, пять из которых замыкались ансамблем из трех павильонов, завершением шестой аллеи являлось одиночное сооружение. В парке, исходя из плана, имелись водоем, купальня, грот, дикая «променада», домик садовника, «двор Венеры». Ряд сооружений предназначался для содержания животных (птичник, домик косуль, ферма), что являлось выражением мотивов зоологического сада, которые в XVIII в. становились частью усадебного парка. Неслучайно Т.Бернатович [610] ружанский парк называет зверинцем.



Ружаны. Троицкий костел. Эпитафийная композиция Болеслава Биспинга. Фото 2000 г.

В расходящихся, словно лучи солнца, аллеях нашел выражение характерный мотив искусства французского архитектора А.Ленотра, который, прославляя «короля солнца» Людовика IV, в Версале имел символическое значение. Возможно, Я.С.Беккер вкладывал подобный смысл и по отношению к Сапегам. Кроме того, аллеи, расходящиеся не под прямыми углами, открывали для глаза большие пространства. Принятая планировка в Ружанах соответствовала общей объемно-пространственной композиции дворцового ансамбля с полукруглыми открытыми аркадами, которые выделяли парадный двор, связывая его с парком и окружающим пространством.

В.Калнин [366] назовет ансамбль «белорусским Версалем». Кроме принципа многолучия, версальским мотивом следует считать в ансамбле парадный двор, устроенный на манер большущего салона. Его площадь около полутора га. Следует добавить, что главная ось Версаля уходит в бесконечность. Этот мотив в Ружанах не соблюдается. Дальним акцентом на вытянутой оси ансамбля является костел св. Казимира, построенный в 1790 г. также по проекту Я.С.Беккера в формах классицизма. Возведение небольшого каменного оштукатуренного сооружения с четырехколонным тосканским портиком на главном фасаде и невысокой двухскатной крышей, символически связывалось с именем св. Казимира, мощи которого хранились во дворце.

Принцип многолучия положен также в основу проекта зверинца, планируемого среди леса. К большому кругу с небольшим дворцом (или беседкой) в центре вели восемь аллей-просек, что хорошо показано на одном из рисунков. По периметру круга между просеками изображены павильоны с ломаными мансардными крышами. Нет уверенности, что проект парка и тем более зверинца был полностью реализован. В связи с переносом резиденции в Деречин оставались незавершенными даже парковый фасад дворца и аркады. Не была построена, кроме фундамента, левая официна, предназначавшаяся для галереи и кухни. По Инвентарю за 1793 г. известно, что зверинец, обнесенный парканом, имел браму, несколько домиков, обставленных столиками и креслами (в одном из них висел портрет гетмана М.К.Огинского), а также медвежатник малый, домик для серн и большую клетку для птиц [203]. В 1790 г. в нем содержались лоси, олени, серны, лани, медведи, верблюды, фазаны, африканские куры [384].

Зверинец примыкал к парку. На российских картах-трехверстках XIX в. он помечен в северо-восточной части усадьбы. Его место показывают старожилы. Теперь это

Ружаны. Официна. Фото 1933 г.

окраина поселка, представленная лугом, зарослями ив. Сохранился один из родников, питавших водную систему ансамбля; прослеживается один из каналов.

Одновременно со строительством ансамбля Я.С.Беккером велось строительство летней загородной резиденции в Кристианополе (в 2 км от Ружан) с оригинальной официной в переходных формах от барокко к классицизму (усадьба не сохранилась), монастыря *базилиан, перестраивалась* Петропавловская церковь, изменялись интерьеры Троицкого костела, построенного Львом Сапегой в 1617 г. Главный алтарь костела становится одноярусным четырехколонным с лучковым фронтоном, со скульптурами ангелов, лепным орнаментом и фамильным гербом фундаторов. Деревянные полихромные скульптуры апостолов вокруг колонн алтаря исполнены в величественных позах. Положением рук, в которых они держат меч, ключи, Евангелие, достигается динамичность композиции. Я.С.Беккер внес в конструкцию старого барочного алтаря новые классицистические мотивы.

В костеле сохранился редкий памятник — эпитафийная композиция (из искусственного мрамора стукко) Болеслава Биспинга, маршалка стародубского, друга Александра Сапеги (выполнил в 1789 г. скульптор Иосиф Прукнер также в формах классицизма в сочетании с позднебарочными чертами). Центром композиции является портрет Болеслава в овальной оправе, окаймленной лавровым венком. Над ним скульптурное изображение трубящего ангела. На саркофаге выполнена мемориальная надпись и расположен родовой герб; уравновешивает композицию фигура скорбящей женщины. Величие ее облика, сдержанность в передаче человеческого горя олицетворяют античные идеалы мужества и красоты [308].

Творческий взлет Я.С.Беккера в Деречине и Ружанах закончился при Александре Сапеге. С 1794 г. придворным архитектором становится двадцатишестилетний Михаил Кадо (1765—1824). Я.С.Беккер родился и учился архитектуре в Саксонии. В Беларусь приехал в возрасте 25—30 лет, в конце 1750-х — начале 1760-х гг. Его приезд — не случайность. Во главе Речи Посполитой в 1697—1763 гг. стояли саксонские курфюрсты Август II, а затем Август III. Королевская резиденция в Гродно в первой половине XVIII в. создавалась дрезденскими придворными архитекторами отцом и сыном М.Д. и К.М.Пёппельманами, Д.Яухом, И.З.Дейблем. Дрезденские архитекторы, особенно когда весь дрезденский двор переехал в Варшаву, активно работали в Польше и в Беларуси над созданием усадебно-парковых ансамблей. Я.С. Беккер находился в тесных контактах с варшавскими, виленскими архитекторами, которые работали под сильным влиянием французского классицизма, черты которого он мастерски воплотил в Ружанском ансамбле. В 1788 г. Я.С.Беккер, по предположению В.Калнина, дарит проект резиденции, как особый вид искусства, своему фундатору — Александру Сапеге, оставив на полях эту дату. Она долгое время считалась временем завершения строительства ансамбля [364].

После смерти жены Магдалины Александр живет в основном в Варшаве во дворце Яна Фредерика Сапеги по ул. Закрожимской, которым владел уже около двадцати лет. Дворец становится одним из центров общественной жизни Варшавы [695]. Че-

тыре дочери Александра имели свои семьи. Из них Амелия (1762—1835) была замужем за Францем Ельским (1738—1821), политическим деятелем, экономистом, владельцем Массолян (Берестовицкий р-н). Они, имея двоих дочерей (Каролину и Изабеллу) и четырех сыновей (Владислава, Людвика, Михаила и Леона) положили начало известной лядской линии рода Ельских. Интерес к Ружанам заметно ослабевает. Долги доходят до пятидесяти миллионов злотых [596]. В 1786 г. князь сдает недостроенный ансамбль в аренду Лейбе Пиносу, содержателю его текстильных фабрик, а резиденцию переносит в Деречин. В 1793 г. Александра не стало. Его наследник, сын Францишек, с женой Пелагеей Потоцкой поселился в Деречине.

В этом году в связи со сменой владельцев составлен «Инвентарь Ружанского дворца и других каменных зданий, принадлежащих казне с описанием мебели, драгоценностей и т.п.», позволяющий представить собрания Сапег. Инвентарь на 44 страницах включает опись дворца, арсенала и скарбца во дворце, брамы, театра, зверинца и домов скарбовых [204]. В 1795 г. производится описание всех ружанских фабрик [73].

Мебель помещений дворца включала столы, столики (раскладные, парижские, малые парижские, черные, мраморные), обитые зеленым сукном, лакированные, столы письменные, бюрки, шкафы, парижские шкафчики, кресла (откидные, обитые кармазином, материей в полоску), диваны, топчаны, кровати деревянные, канапы, комоды. Интерьеры украшали жирандоли, люстра, зеркала (настенные, хрустальные, настенные квадратные в раме, большие в рамах, большие), бронзовые подсвечники, часы (с фигурой льва, с орлом, настенные большие, в том числе на китайских лакированных столиках) и другие скульптурные изображения (каменные резные, из слоновой кости, гипсовые в рамах, гипсовые, мраморные, фарфоровые, алебастровые, бронзовые).

Особым разнообразием выделялись художественные произведения, но они приводятся без названий. Среди них большое количество картин, портретов, портретиков малых на мраморе, икон (больших, больших в черных рамах, малых без рам, в серебряной оправе), медальонов, мозаик в рамах.

Из посуды были сервизы и просто тарелки, тарелки китайские бронзовые, кружки, кружки со слоновой кости, келихи, кубки, кофейники фарфоровые, графины, хрустальные рюмки, вазы. В реестрах с посудой указываются весы, оптика, муляжи, отражающие анатомическое строение уха, глаза и многие другие предметы.

В интерьерах дворца имелось много старинного оружия: пистолеты, карабины в кожаной бурке, карабиники, мушкеты (в том числе с замком, в стальной оправе, длинные мушкеты), штуцеры, дитты в стальной оправе, хоругви, щиты, амуниция средневековых воинов и др. Арсенал включал более двухсот единиц тридцати четырех наименований. Здесь были щиты (с багнетом, парижские, китайские, английские, турецкие, испанские, в стальной оправе, малые и с тремя замками), янчарки (с замком, английские) и др. [201].

В скарбце хранились ценные предметы разного назначения: ковры, в том числе персидские, бурка черная, шубы белые, тулупы, фраки, шкуры лосиные, пояса, покрывала из атласа, шитые золотом, кармазиновые гардины, шкатулки, сундуки, кровати, сервизы, вазы, ложки, тарелки, ножи, люстра, люстра для театра, кубки серебряные, иконы, большой портрет Льва Сапеги в белой раме, портреты без рам, митры, кутасы с буланами, книги, платки, некоторые виды оружия и др. [202].

Из других источников известно, что «Сапежанскі збор» включал ряд уникальных вещей особой ценности [537, 587]. К ним относят золотой келих с гербами князей Шуйских (XVI в.), два кубка из горного хрусталя под названием «Иван» и «Иваниха», сделанных в 1519 г. в память об Иване Сапеге, витебском воеводе, и его жене, серию французских гобеленов, вытканных по картонам Лебруна, и более двадцати гобеленов других художников, сорок восемь редких мозаичных картин, множество мраморных и бронзовых скульптур, барельефов, художественной бронзы и др. В 1793 г. после

брака Франтишка с Пелагеей, состоявшегося в Гродно, собрания пополнились многочисленными произведениями искусства. Они включали его портрет кисти известного австрийского портретиста И. Лампи и портрет Пелагеи работы Эльжбеты Виги-Лебрун. Сын Франтишка и Пелагии Евстафий во время путешествия по Европе приобрел галерею западноевропейской живописи знаменитых мастеров. Воспитание в Пулавах у Изабеллы Чарторыйской не прошло бесследно. Князь любил и хорошо знал искусство [695].

Особую культурно-историческую ценность представлял архив Сапег, который тщательно комплектовался всеми поколениями, начиная со Льва Сапеги. Материалы архива не только отражали жизнь и деятельность рода, но и содержали огромный материал по истории, политической жизни Речи Посполитой и ВКЛ. В архиве работали видные историки, используя источники для монографических работ. Адам Нарушевич, копируя документы, писал историю Польши; Казимир Когновицкий написал «Жизнь Сапег». Первый том, изданный в Вильно в 1790 г., был посвящен Александру Сапеге.

В 1829 г. Ружаны с Деречином перешли Евстафию (1797—1860), который принял участие в восстании 1830—1831 гг. После поражения восстания князь эмигрировал в Англию, а затем — во Францию. Ружанское и Деречинское имения в 1832 г. конфискуются. Предложение Николая I о верноподданной присяге Евстафием было отвергнуто. Родовые имения оказались утраченными, а вместе с ними и все ценности, накопленные веками. Начался процесс их инвентаризации, распределения и вывоза. Сам Деречинский дворец, в котором были сконцентрированы основные сапеговские собрания, приспосабливается под казармы.

Перечень только списков конфискованного имущества составлял три листа, исписанных убористым почерком с двух сторон. Список конфискованных картин составлял 22 листа, серебряных изделий — 18 [365]. Описи разных вещей составляли 124 страницы [537]. Одна из них именовалась «Опись конфискованным вещам князя Евстафия Сапеги, отправленным в Императорский Дворец декабря 26 дня 1832 г.», вторая — «Опись картинам знаменитых художников, статуям и прочим древностям в доме Его Сиятельства князя Евстафия Сапеги в имении Деречин находящимся». Опись включала 287 картин [587]. Из множества шедевров укажем только один — картину Паоло Веронезе «Поклонение трех царей» (ныне хранится в Эрмитаже). В особый перечень были включены серебряные предметы в количестве 55 наименований весом одиннадцать пудов тридцать четыре фунта. Среди них были «крест с распятием Иисуса Христа в пол-аршина высотой, икона с изображением на одной стороне Матери Божьей, а на другой — Михаила Архангела в позолоченном окладе; самовар в 9 литров внутри позолоченный».

Движение части конфискованных ценностей анализируется В.Ульяновским [560]. Они были перевезены в Гродненскую Палату Государственных Имуществ, а оттуда распределялись в Белосток (для оформления царской резиденции) и в Петербург. После осмотра выставленных вещей в Эрмитаже самим императором ценности растекались по разным музеям и учреждениям: Эрмитаж (185 картин, 148 мозаичных композиций), Академия художеств (55 картин), Дирекция императорских театров, фарфоровый завод. Портреты родовой династии Сапег были удостоены кладовых Эрмитажа. Портрет Льва Сапеги, по велению императора, и 72 картины поступили в Гатчинский дворец [560, 587]. Библиотека, в которой наиболее полно было представлено собрание книг на десяти языках по юриспруденции, истории, поэзии, языкознанию, географии и геологии, перевозится в 1834 г. в Императорскую публичную библиотеку. Время распределило собрание книг по разным библиотекам. Оно хранится в Публичной библиотеке им. М.Я.Салтыкова-Щедрина, в библиотеках Вильнюсского университета, Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, Варшавского университета и в других книгохранилищах [496]. Архитектурные чертежи и рисунки оказались в Петербургской академии искусств. В 1923 г. советская Россия вернула

коллекцию художественных ценностей владельцам. Графические материалы по архитектуре, строительству, паркам были переданы Кабинету Гравюр Библиотеки Варшавского университета. Часть деречинского собрания погибла в годы последней войны. В 1944 г. в Варшаве вместе с библиотекой Красинских сгорели книги, каталоги и другие ценности [365].

Последними из Деречина вывозятся наиболее крупные и громоздкие предметы. В 1840 г. из дворца и парка перевозится в Белосток скульптура (219 пудов). В Эрмитаж поступили 22 мраморные скульптуры, в том числе десять мифологических фигур больших размеров (например, работы выдающегося европейского скульптора А.Кановы), бронзовые и мраморные бюсты исторических деятелей древности [587]. Из Гродненской казенной палаты только в 1857 г. поступил в Виленский музей древностей (г. Вильно) богатейший архив Сапег, весивший более 200 пудов, описи которого составляли тридцать рукописных томов. Разбором архива занимался Евстафий Тышкевич, создатель Виленского музея древностей. Логойский граф знал настоящую цену «Сапежанскіх збораў», видимо, поэтому они оказались в глубокой нише, заставленной шкафами. Забытый архив остался в Вильно и открыт был вновь чисто случайно спустя девять лет. В 1866 г. архив, переданный Виленскому Центральному архиву, составлял 500 тек, ящик и 55 мешков.

Величественная Ружанская резиденция, утратив своих владельцев, продолжала разрушаться. Новые хозяева, Пиносы, получив дворец, развернули в нем большое для того времени производство, изготовляли шелковые ткани, дорогие пояса, обои, сукно, байки, атлас, большие столовые скатерти с изысканными рисунками и с гербами, а также свечи, кареты и экипажи. Однако дорогая продукция не находила должного сбыта. Через 30 лет, как пишет П.Бобровский [459], пресловутая Ружанская фабрика превратилась в скромную прядильню шерсти. Если в 1815 г. она вырабатывала на 12 станках при помощи 200 рабочих 12200 аршин сукна, то теперь — едва пятую долю. Пряжи изготавливалось всего на несколько сот рублей. В 1878 г. Лейба и Мордух Пиносы заключили контракт с Московским окружным интендантским управлением на выпуск безворсового темно-зеленого сукна [209]. В 1819 г. Ю.Немцевич, посетив Ружаны, еще смог увидеть часть библиотеки, занимавшую одну комнату, археологический кабинет с томами рукописей архива. В скарбце лежал знаменитый хрустальный кубок «Иван», подобный вазе, вмещавший гарнец вина [459].

Вскоре были утрачены парк и зверинец. По словам Леона Потоцкого, в 1834 г. «...Палацавы дзядзінец увесь быў зарослы травою, па якой пасвіліся козы. У парку прысады высечаны, фруктовыя дрэвы здзічэлі. Замест кветак — пустазелле. Ставы раскапаныя, каналы без вады, а пасярод гэтага ўсеагульнага знішчэння гмах, які знешне яшчэ нагадвае тое, што тут было многа гадоў назад, а ўнутры ... перароблены пад фабрыку! У што ж ператварыліся гэтыя пакоі, напоўненыя ўсёй пыхаю ўсходу і захаду?! Дзе той багаты збор рэдкіх кніжак, шыкоўная зброеўня?! Дзе пакоі, у якія зачашчалі прымасы, біскупы, канцлеры, гетманы, ваяводы, найпершыя магнаты ў краі?! Сёння, у абдзёртых ад каштоўных абівак, аголеных ад залочаных панэлей, у іх стаяць варштаты!» [504]. Состояние ансамбля передает один из рисунков Наполеона Орды. Положение еще более ухудшилось в связи с пожаром в 1914 г.

В 1933 г. стараниями министра зарубежных дел Польши Евстафия, внука Евстафия Сапеги, владение возвращается роду [628]. Владельцем становится его старший сын Ян, начавший работы по восстановлению дворца. Непоправимый ущерб ансамблю нанесла последняя война. Вторично сгорел дворец и театральная официна.

Руины дворцово-паркового ансамбля Сапег передают черты его величия. Сооружения нуждаются в профессиональной консервации.

Кристиново
(д. Лопатин)

Фрагмент осушенных полесских болот. 1878 г.

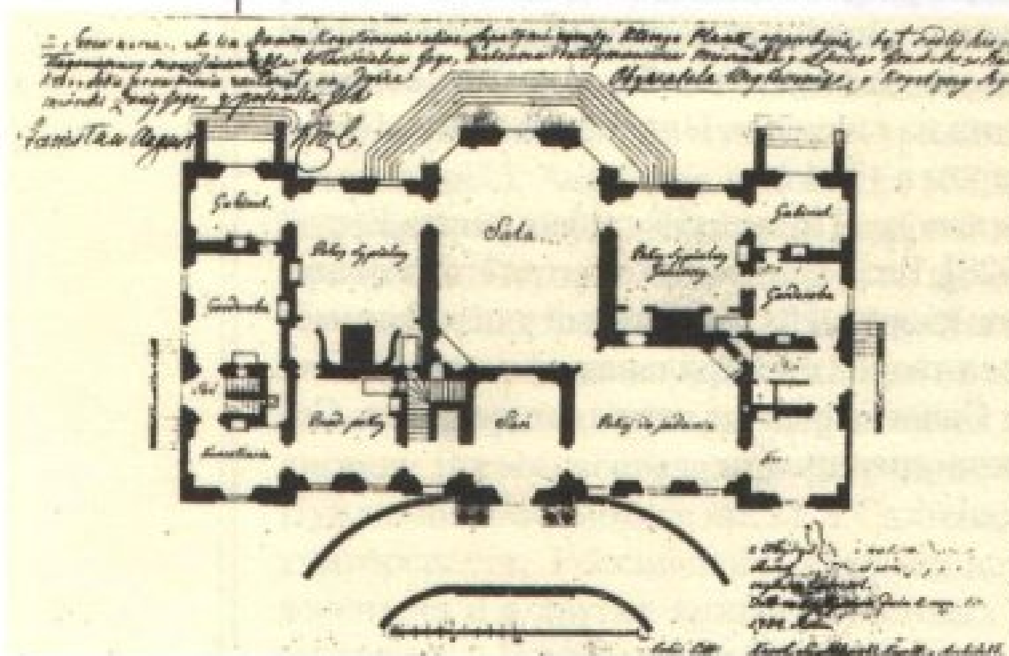
Лопатино издавна принадлежало роду Ширмичей, осевшему на Полесье со времен Витовта. В 1524 г. владения Мартина Яновича Ширмы, войского пинского, подтвердила королева Бона, а в 1558 г. — король Сигизмунд. Дворищами в Лопатине владел отец и дед Мартина [325]. В 1774 г. имение по дарственной записи Анны (из Литвинских) Лях-Ширмы перешло Матеушу и Кристине (с Лях-Ширмов) Бутримовичам. Затем им владели Чайковские, от которых имение по «кудели» перешло Екатерине Подгорной и Ольге Смолянской.

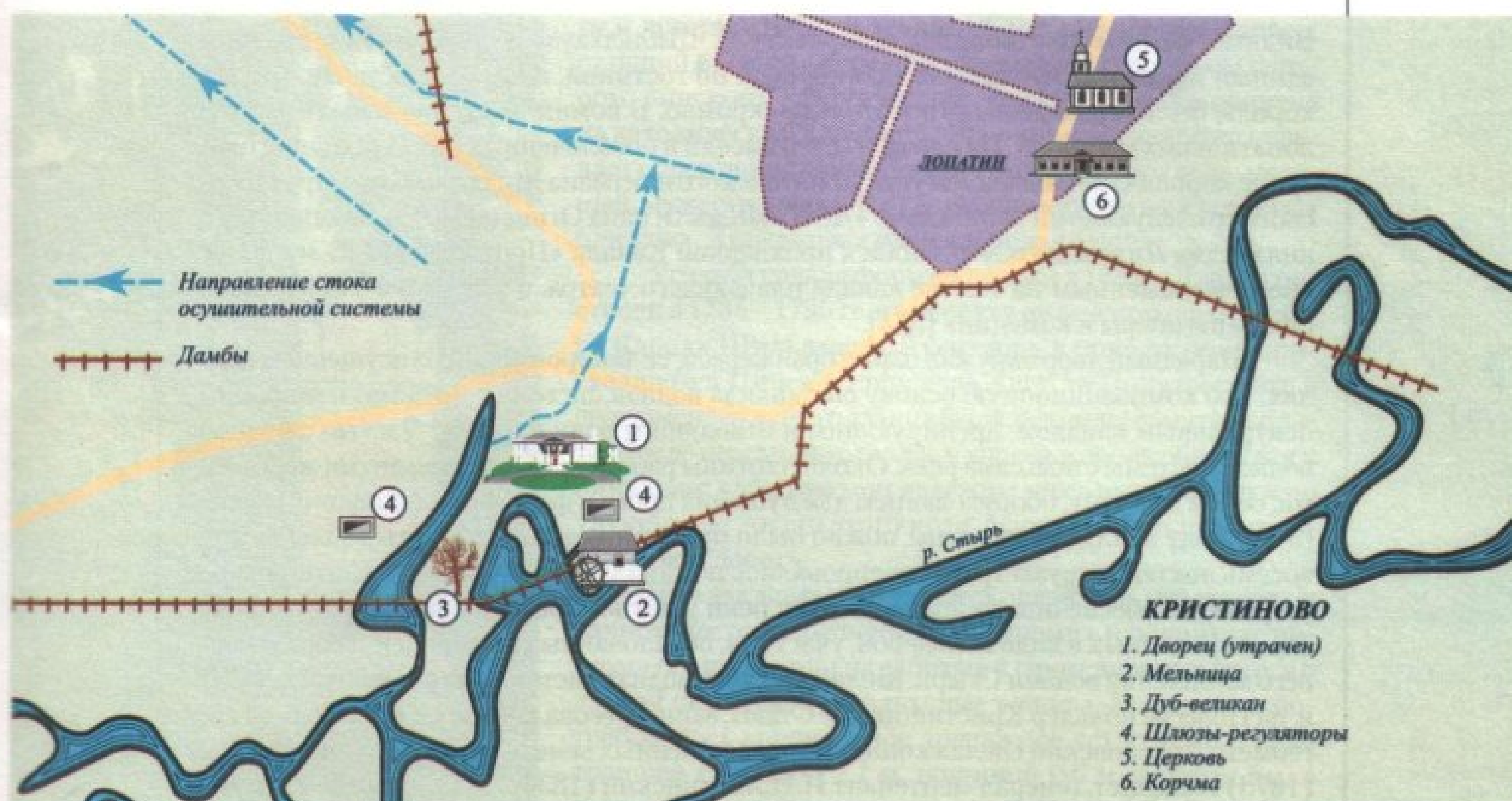
Усадьба начала строиться в 1773 г. Матеушем Бутримовичем (1745—1814), пинским городским судьей, послом на четырехлетний сейм, кавалером ордена св. Станислава, на мелиорированных лопатинских угодьях в бассейне р. Стырь. На возвышении, рядом со старым дубом, были построены сначала две официны. Первый камень в фундамент будущего дворца заложили в 1784 г. в присутствии Станислава Августа Понятовского. Король прибыл по приглашению Матеуша, снарядившего в 1784 г. во главе со С.Стаховским флотилию из батов (небольшие судна) до Варшавы по Стыри, Припяти, Пине, Королевскому каналу, Мухавцу, Бугу и Висле. На десяти ботах посланцы в национальных костюмах прибыли к королевскому замку с типично полесскими дарами: медом, воском, грибами, копченой рыбой, сушеными вьюнами [730]. Тронутый вниманием, желая также познакомиться ближе с поэзией А.Нарушевича, король в этом же году посетил Пинск и Кристиново.

К Пинску Станислав Август Понятовский со свитой подплыл на специально подготовленной ладье. Около костела францисканцев его приветствовал бискуп А.Нарушевич. Гостиничными апартаментами короля стали помещения иезуитского коллегиума. В Кристинове король приветствовал деятельность Матеуша словами: «От сердца желаю, чтобы дворец, заложенный в Кристинове, стал гнездом вечной и счастливой доли для его хозяев: Матеуша Бутримовича, мечника пинского и гродненского, Кристины Ширмянки, жены его и их потомков».

На дубе-великане перед въездной брамой в память о заложении усадьбы устанавливается доска со словами: «Кристинов, названный по имени Кристины Бутримович из дома Ширмы, основан на Лопатинских и Хлябовских болотах, осушенных ее мужем Матеушем Бутримовичем герба Топор. И на этом островке, где издревле растет этот дуб, заложены дом, парк, каналы, роща, обеспеченные порядком и украшением. Начало основания: 1773 г.». Памятная доска хранится в Пинском музее Белорусского Полесья. Дуб рос на возвышении, которое стало частью дамбы, протянувшейся в пойме Стыри на несколько километров. С двух сторон возвышение окружали вытянувшиеся вдоль искусственные водоемы, питаемые водами Стыри. На берегу восточного во-

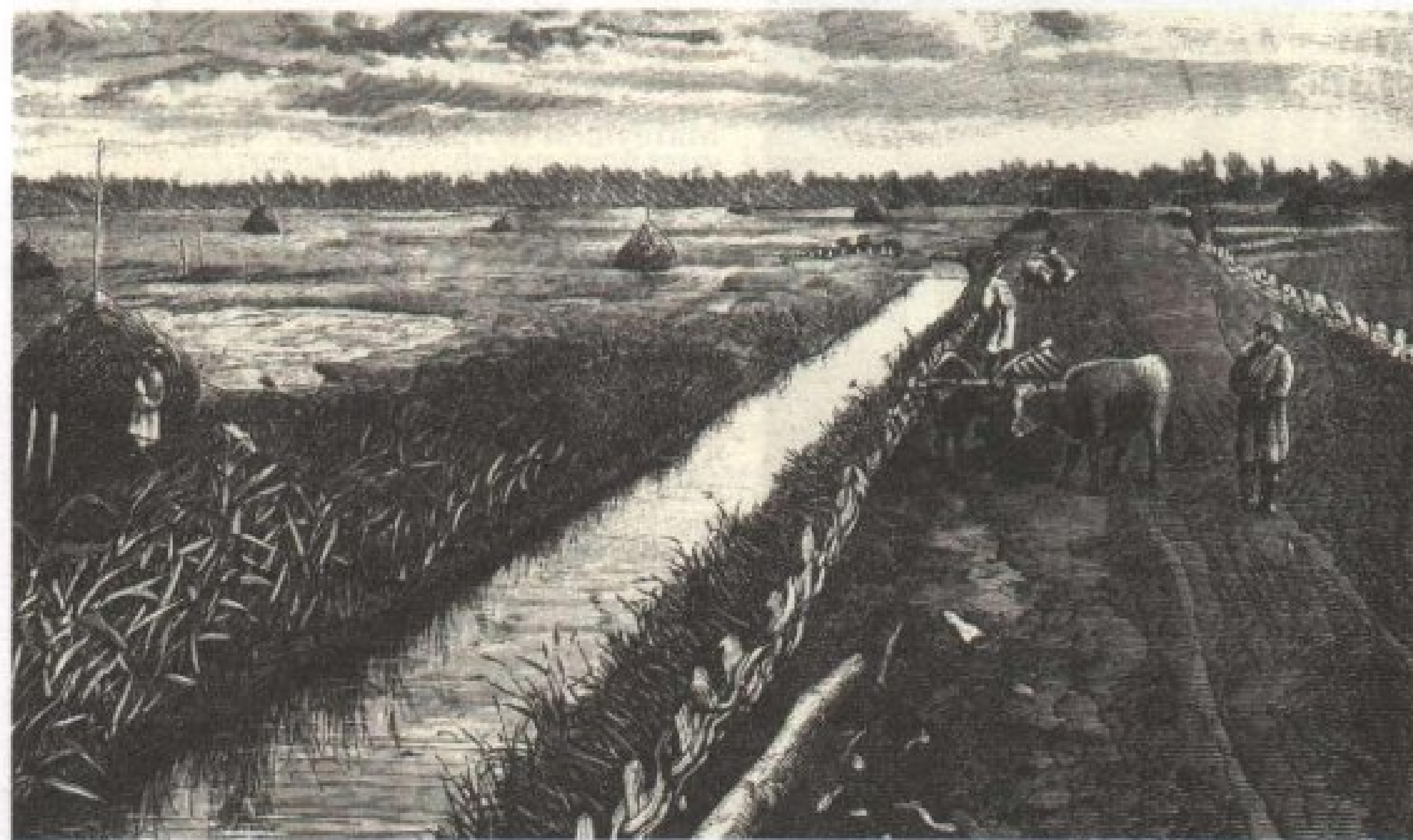
Кристиново. Дворец Бутримовича. План 1784 г.





доема стоял дворец. Акцентом дальней перспективы на гладь водоема служила мельница с плотиной на Стыри.

План дворца передает одна из схем с памятными словами короля Станислава Августа Понятовского, которая хранится в личном архиве Янины Бутримович (г. Сопот, Польша). Здание с боковыми крыльями проектировалось известным губернским архитектором, преподавателем Виленского университета Каролем Шильдхаузом в формах переходных от барокко к классицизму. Оно имело четырехколонный портик на парадном фасаде и эркер на фасаде парковом. Здание небольшое, включало большой зал с выходом в парк, кабинеты, гостиную, столовую, спальни, гардероб, канцелярию и другие помещения. Сведений об архитектурных формах официн не имеется.



Фрагмент осушенных полесских болот. 1878 г.

Видимо, они также строились по проекту К. Шильдхауза и составляли с дворцом единый ансамбль. Интерьеры зданий, судя по гостиной, в которой останавливался король, были оформлены относительно скромно. В комнатах стояла мебель работы лопатинских мастеров. На одной из стен висели в позолоченных рамах большие портреты короля Станислава Августа Понятовского и гетмана Михаила Казимира Огинского со следующими надписями: «До его милости пана Огинского, гетмана Великого княжества Литовского, что занялся прокладкой Канала «Порт Огинский» и в то же время возведенным на том же канале плавающего театра, в котором в 1771 г. были показаны оперы и комедии» [574].

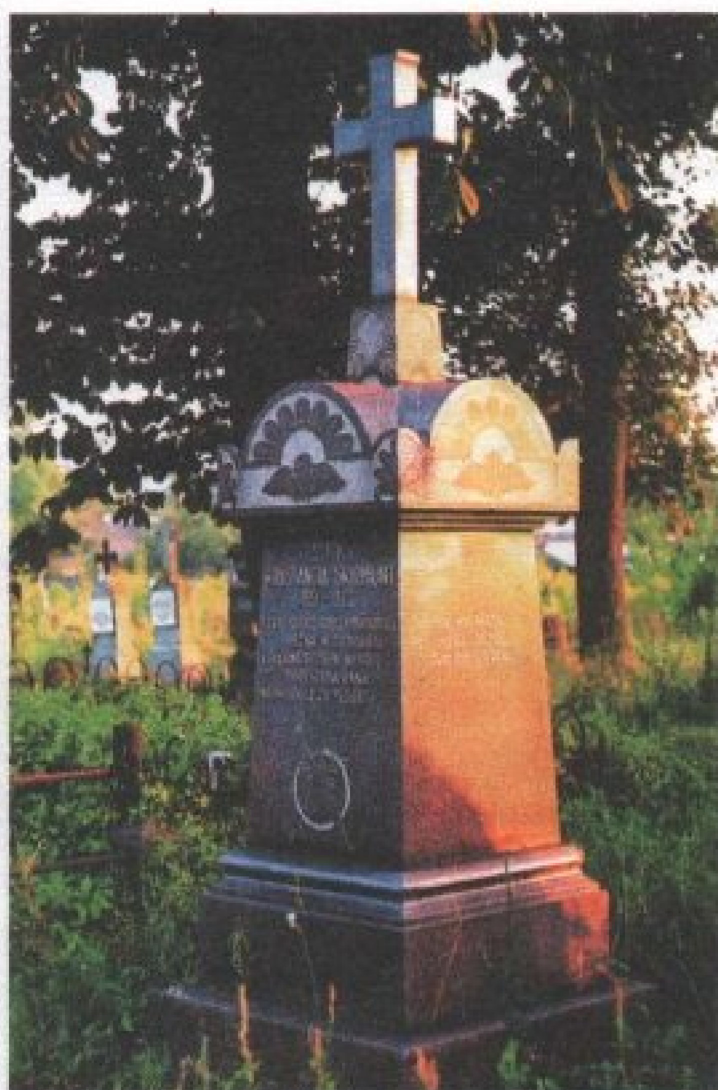
Парадный двор окружал парк с оранжереей, спланированный на осушенных землях. Его композиционную основу составляла водная система с прудами и широким центральным каналом, дренирующим и отводящим воду в Стырь. Частью сложной водной системы стала сама река. Около плотины работала мельница с двумя жерновами, ситом на крупу, оборудованием для лущения проса и фалования (сбивания) сукна [340]. Воду в шлюзах плотины можно было приподнимать на два-четыре-шесть или восемь локтей, и грузы транспортировались по каналу прямо ко двору. Специальное устройство обеспечивало подачу воды с реки в летнее время на увлажнение полей, спланированных в виде польдеров, участков, обвалованных и защищенных от весеннего затопления водами Стыри. Мелиоративная водная система, единственный в XVIII в. на Полесье польдер Кристиновские Ставы, заинтересовала короля, и по его просьбе геометр Красковский сделал копию карты осушенных земель [340]. Спустя столетие (1873) геодезист, генерал-лейтенант И.И.Жилинский (1834—1916) разработал генеральный план осушения Полесья. Его результаты в виде иллюстраций неизвестного автора представлялись на страницах журнала «Tygodnik illustrowany» [754].

Усадьба в Кристинове пострадала в войну 1914 г. Реконструкцию водной системы в 1996 г. выполнил А.Дубровский (схема). От нее остались фрагменты осунувшихся каналов, водоемов, валов. Частично выражена бывшая дамба. Одиночно на возвышении растет дуб. Памятный дуб Бутримовичей не сохранился.

Пинск. Дворец Бутримовича. Фото 1999 г.

Пинск
(ул. Ленина, 44)

Усадьба заложена на левой террасе р. Пина в последней четверти XVIII в. Матеушем Бутримовичем. Через его жену Кристину род слился с Ляхкс-Ширмами, также древним родом, осевшим на Полесье еще со времен Витовта [353]. После смерти Матеуша усадьбу унаследовала дочь Юзефа, бывшая замужем за Михаилом Ордой и владевшая Вороцевичами. В 1859 г. Юзефы не стало. Усадьба стала собственностью ее дочери Гортензии (1808—1894), жены Александра Скирмунта. В 1894 г. Гортензия завещала владение внучке Констанции Скирмунт (1851—1933), писательнице. Она жила в нем с младшей сестрой Казимирой, которая родилась в 1865 г. в ссылке и впоследствии стала графиней Ромер. Венчание с графом Казимиром Ромером, владельцем Ямполя, состоялось в 1888 г. в парафиальном костеле Пинска. Старшая дочь Хелены Скирмунт Ирена в 1869 г. вышла замуж за Т.Ольшевского. Констанция оказалась последней хранительницей усадебных ценностей. Она занималась историей ВКЛ, писала книги, критически относилась к деятельности Ягайло, раскрывала роль Витов-



Пинск. Католическое кладбище. Захоронение Констанции Скирмунт. Фото 1999 г.

та в истории ВКЛ. В конце 1920-х г. завещала дворец, ставший в Пинске просветительным и культурным центром, пинскому католическому бискупству. Похоронена на католическом кладбище. Лаконичная эпитафия передает образ покойной: «Сердце горячее, разум возвышенный, мужественная в терпении, внимательная к горестям ближних, Христа пана найвернейшая слуга».

Усадьба начала формироваться в 1784 г. Дворец построен в 1784—1790 гг. по проекту виленского архитектора Кароля Шильдхауза. 9 сентября в присутствии, приехавшего в Пинск Станислава Августа Понятовского, в фундамент будущего здания была заложена памятная плита. После церемонии, садясь в карету, король обратился к пинчанам: «Многие мои надежды здесь выполняются по улучшению жизни этого края: осушением болот, строительством дорог».

При закладке фундамента оказалось, что грунты в данном месте осложнены «плывунами» и родником, поэтому его положили на забитые в грунт дубовые сваи, а с другой стороны — на ольховые колоды. Кроме того, потребовалось специальное дренажное устройство в виде траншеи глубиной 2,1 м, шириной 0,6 м, которая была заложена вокруг здания на расстоянии в 1,5—3 м, обложена сосновыми досками (шпунтом) и засыпана мелким камнем. Сверху траншею в один ряд покрыли кирпичом, засыпали слой гравия, а затем песка [340].

Дворец, в плане П-образное одноэтажное здание на высоком полуэтажном цоколе, построен в формах переходных от барокко к классицизму. Имеет симметричную композицию. Фасад, ориентированный на улицу, выделен в центре большим полуовальным эркером с колоннадой и террасой с чугунной балюстрадой по периметру. Парковый фасад имеет ризалит с пятью неоготическими стрельчатыми проемами (появились после ремонта здания в 1901). Центральный проем служил главным входом. На треугольном щите ризалита располагались гербы владельцев, а впоследствии — регалии епископов. Торцы боковых крыльев украшены портиками с двумя парами колонн, установленных на высоких мощных цоколях. Портики фиксируют входы в жилые комнаты. К ним ведут каменные лестницы с чугунными перилами. Кроме того, имеются по углам (в месте соединения главного корпуса с боковыми крыльями, над которыми светятся маленькие окна округлой формы) входные двери. Здание имеет богатый декор. Стены расчленены пилястрами, завершены антаблементом с триглифами и метопами. Использованы также руст (в обработке стен цоколя и тамбура), слепые окна с треугольными сандриками, лопатки. Богатой лепниной наделены были интерьеры. Имелся красивый узорчатый паркет, который после пожара 1901 г. не восстанавливался.

Жительницы окрестностей Давид-Городка. Рисунок Хелены Скирмунт. 1855 г.

Красивое каменное здание выделялось своим архитектурным обликом среди деревянных домов Пинска и именовалось «муром». Юзеф Крашевский, посетивший Пинск в 1840-е г., назвал дворец «слишком красивым», «франтом на деревне, который стыдится своей претенциозной архитектуры среди других домишек, стоящих без церемонии, как ящички на полках» [680].

Композиционно дворец развернут в сторону парка, который

Шахматы. Партия польская. Фрагмент. Скульптор Хелена Скирмунт.

опускался по террасе до Пины. Бульвар, возникший вдоль берега, отрезал усадьбу от реки. Современная высотная застройка полностью изолировала здание. На месте бывшего курдонера растут белые акации и старый, не раз обмерзавший, орех грецкий. Перед войной на главной оси дворца размещалась клумба. В летнее время в ее центре устанавливалась большая кадка с агавой.

Дворец являлся главной зимней резиденцией Скирмунтов, местом собрания фамильных ценностей, архива Скирмунтов и Ордов. Здесь имелись галерея картин голландских мастеров, портреты Скирмунтов и породнившихся с ними родов, портрет во весь рост А.Мицкевича кисти В.Ваньковича, собрания слуцких поясов, саского фарфора, персидские ковры, старое венецианское зеркало, мебель в стиле ампир. Особое место занимали скульптурные работы Хелены Скирмунт: мраморный бюст матери Гортензии Скирмунт, скульптуры вождей во главе с Яном III, Миндовга и Гедимина, выполненные в Крыму после возвращения из ссылки; портреты Констанции (из Сулистровских), жены Александра, который она нарисовала в 1844 г. в Париже, мужа Казимира (1850), матери (1854), Юзефа Крашевского, сестры Марии Чапской (1851), сестер Теофилии и Зеноны Любанских; картины «Видочек с натуры (Пинщина)» (1850), «Жительницы окрестностей Давид-Городка» (1855), «Лирник полесский»

Шахматы. Партия турецкая. Фрагмент. Скульптор Хелена Скирмунт.

(1859), «Костелок св. Кароля в Пинске» (1868) и др. Хелена изготовила «Шахматы исторические», которые изображали поход Яна III против турков [679]. По инициативе мужа и Константина Скирмунта из Молодова фигуры шахмат в Вене отливаются в металле, покрываются серебром и золотом под присмотром учителя, знаменитого Цезаря (хранятся в Национальном музее в Кракове).

В 1931 г. Констанция изготовила альбом фоторепродукций работ матери. Один экземпляр альбома хранится в музее Белорусского Полесья в Пинске, второй — в отделе редкой книги Центральной библиотеки АН Литвы [227]. Фотографии выполнила Юзефа Булгакова из Варшавы. Альбом на 40 страницах передает содержание работ Хелены: медальон с автопортретом, этнографические зарисовки, «Полешук» — одна из фигур «польской партии» исторических шахмат, скульптурное изваяние князя Гедимина, галерея портретов Скирмунтов и их родственников, например, портрет Юзефы Бутримович.

Богатейшие ценности дворца были разграблены в годы первой мировой войны. В настоящее время дворец пустует. Угрозу его состоянию составляет переувлажнение фундамента в связи с нарушением прежней дренажной системы, которая надежно отводила избыток воды.

Совейки. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1987 г.

Совейки

Принадлежали Беннигсенам, Чапским, затем вновь Беннигсенам. У Л. Беннигсена (1745—1826), генерал-губернатора Литвы, имение купил Криштоф Незабытовский. В 1840 г. стало собственностью Константина Фадея Рдултовского (1804—1869) со Снова, сына Казимира и Терезы, женатого на Валерии Незабытовской (брак состоялся в 1835). По одним сведениям, он купил имение у родителей жены, по другим — оно перешло в виде приданого [596]. Константин, маршалок слуцкий, закончил Сорбонну, увлекался поэзией и литературой, был дружен с Адамом Мицкевичем. Вместе с ним встречался с А.С.Пушкиным в салоне Каролины Собанской весной 1828 г. В этом году перевел на английский язык «Сонеты» Адама Мицкевича и приложил к переводу свое стихотворение. В благодарность за перевод Адам Мицкевич назвал Константина «лихим» поэтом, отметив в стихах прекрасные мысли и стилистическую вольность [466]. Константин много тратил, устраивая литературные вечера в одной из гостиниц Санкт-Петербурга, и вскоре утратил имение, несмотря на споры, которые вела Валерия с Новицкими о праве владения Совейками [133]. Умер в бедности в Одаховщизне в 1869 г.

Совейки. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото 2002 г.

Хозяйственное описание имения приводится в Инвентаре за 1845—1847 гг. В 1860 г. имение, владения которого составляли 7662 десятины земли, с винокуренным, скипидарным, смоляным и пивоваренным заводами, двумя водяными мельницами перешло администратору Гектору Бовентуровичу Новицкому [547, 664]. В 1861 г. Гектор Новицкий получил свидетельство об отсутствии у совей-

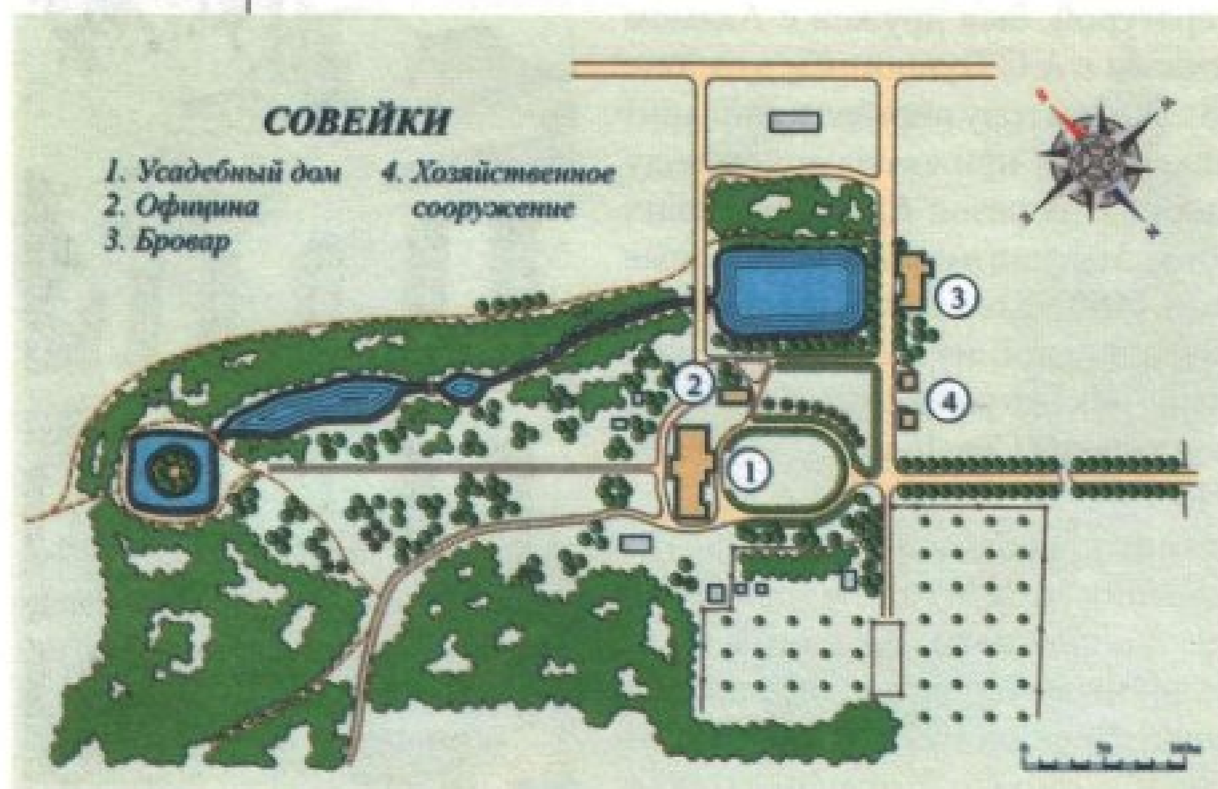
Совейки. Въездная аллея. Фото 2001 г.

ковского имения казенных и частных долгов, исков и запретов и стал его полноправным владельцем [136]. Новицким принадлежали соседние имения Бересневичи и Заполье. Последними владельцами Совеек были Теофил и Андрей. Заполье отошло Райским.

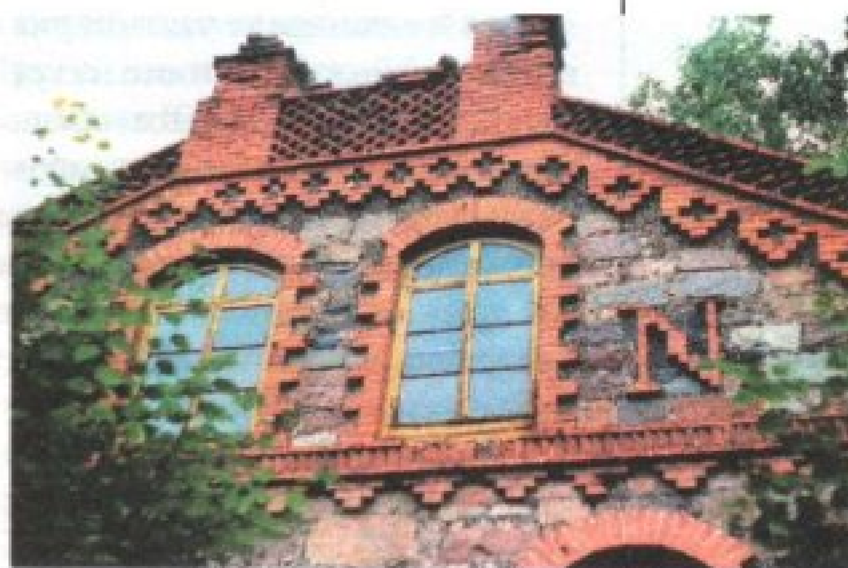
Предком малоизвестного рода Новицких являлся Андрей, староста в Сандомирском воеводстве, который по привилею короля Сигизмунда III Вазы от 10 сентября 1610 г. вел заготовку дичи в лесах его владений. Владел вотчинным имением Масюковщизна в Минском воеводстве [175].

Дата строительства совейковского ансамбля остается невыясненной. Ориентировочно представить это время помогают воспоминания Эдварда Чапского (1819—1888), который родился в фольварке Заполье, а его родители жили в «новом двухэтажном доме, называемом палацом; против крыльца с колоннами, на обширном детинце стояла брама, а дальше вела дорога, обсаженная тополями прямо до аустерии» [596]. Некоторые авторы называют ансамбль барочно-классицистическим, что говорит о его постройке в переходный период, возможно, даже в конце XVIII или в начале XIX в., когда имение принадлежало Беннигсенам. А.М. Кулагин [402] указывает 1850 г. и связывает создание ансамбля с Новицкими, что менее правдоподобно. Отдельные архитектурные элементы дома, особенности парковой композиции свидетельствуют о создании усадьбы, видимо, в конце XVIII в.

Здание усадебного дома одноэтажное, прямоугольное в плане, построено на высоком цоколе. Центральная часть двухэтажная, выделенная с двух сторон ризалитами, увенчанными барочными щитами с волнистым краем, закрывающими низкую двухскатную крышу. Ризалит парадного фасада декорирован глубоким портиком с четырьмя парами колонн, поддерживающих террасу с балюстрадой, под которой свободно проезжала карета. Подобная балюстрада у основания колонн портика окружает террасу при входе в здание. Террасу с балюстрадой, к которой ведут лестницы имеет также парковый фасад. В более позднее время к главному корпусу пристроено одноэтажное левое крыло. Ризалиты со щитами, барочным декором, оригинальными портиком и террасами наделяют небольшое здание архитектурной изысканностью. Сведения об интерьерах отсутствуют. Имелись красивого рисунка паркетные полы работы голландских мастеров. Разрушенный в войну дом был восстановлен в 1950-е гг.



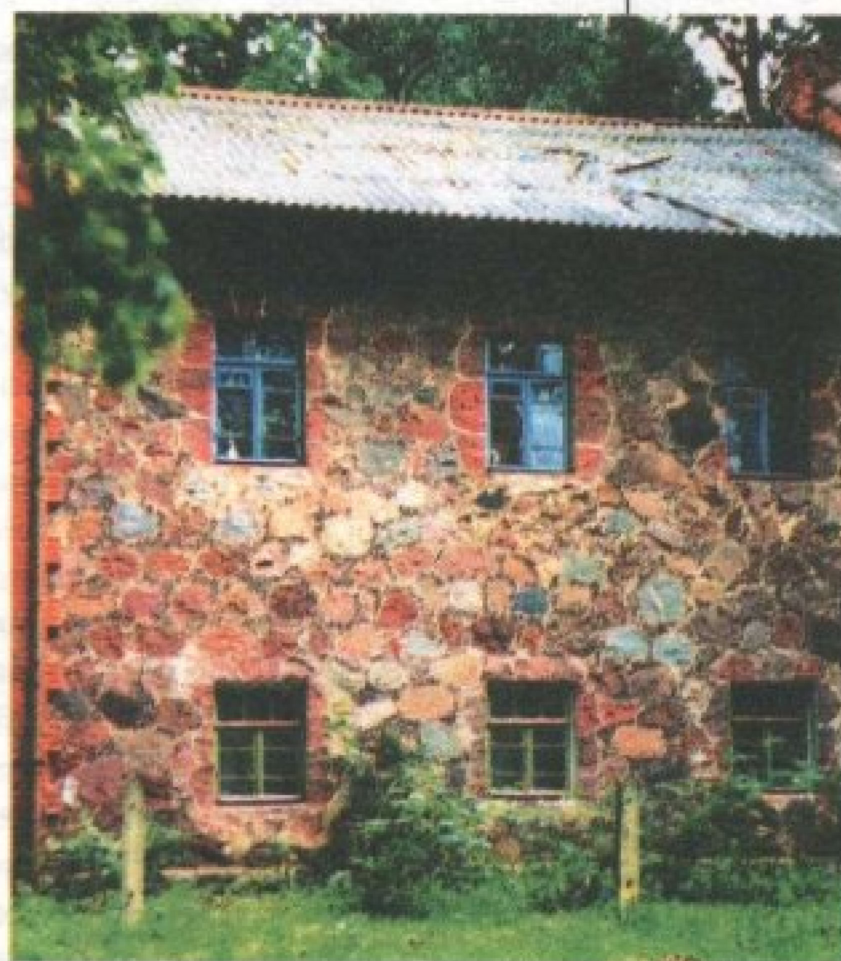
Ансамбль имеет вытянутую композиционную ось, на манер барочных, на которой располагались въездная аллея, брама (не сохранилась). Партер, усадебный дом, а затем парк несколько смещены с основной оси. Замыкается ось в конце парка водоемом (схема). Въездная кленовая аллея длиной около 450 м и шириной 12 м создает впечатление о принадлежности к очень большой усадьбе. Ее начало обозначено новой брамой и оградой. Своеобразие аллеи составляет наличие вдоль дороги обсадки из ели, которая, возможно, была формованной. От этих посадок сохранились единичные деревья. Аллея проходит между садом, расположенным по склону с красочным контуром остроконечных елей в защитной обсадке, и закустаренным ольсом со злаковыми луговинами. Пересекаясь с поперечной аллеей парка, она выводит на большой парадный партер. Центральную часть его занимает традиционный эллипс, окруженный дорогой, хорошо отсыпанной в последнее время, а со стороны въезда подчеркнутый разреженной посадкой лиственницы европейской (сохранилось 8 деревьев). По периметру центр партера был обсажен розами; сейчас здесь формованный бордюр из спиреи и растут неуместно подсаженные тополя канадские 'Marilandica' высотой до 20 м. Посредине круга установлен бюст В.И.Ленина, обсаженный конскими каштанами. Все это не только нарушает прежнюю композицию, но и перегружает партер, ухудшает его качества. С западной стороны, за небольшими древесными группами, расположен прямоугольной формы пруд с растущими вдоль берега одиночными деревьями ивы и ясеня. Отражение и светотеневая игра создают на поверхности водной глади живописные картины, как бы увеличивая парковое пространство. На берегу водоема уединенно расположено двухэтажное оштукатуренное здание официны. С юго-восточной стороны к водоему примыкает молодой древесный массив высокой сомкнутости.



Совейки. Спиртзавод. Фрагмент фасада. Фото 2001 г.

За домом находится пейзажная часть. С террасы здания на ландшафты открывается живописная перспектива, завершающаяся водоемом с островами. Вдоль композиционной оси чередуются небольшие поляны и древесные группы, основу которых составляют клен и липа. Единично использованы лиственница, конский каштан, ясень. Ось перспективы подчеркивают пять величественных деревьев лиственницы польской, редкого вида в парках, но достигающего наибольших таксационных показателей (их высота примерно 35 м, диаметр ствола 120 см). Лиственница доминирует по высоте во всех группах. Другие виды имеют второстепенное значение, находясь в нижнем ярусе. В глубине парка, вокруг центральной поляны, вырисовывается ряд самостоятельных древесных групп (в поперечнике 8–10 м). В их составе лиственница, клен, граб, были конские каштаны. Всего в группах до 20 деревьев. В восточной части парка на месте бывшего старого сада (судя по одиночным плодовым деревьям) образовался сплошной грабовый массив. Он является хорошей основой для формирования парковых композиций. Примерно аналогичный массив из граба сложился на юго-востоке. Из-за высокой сомкнутости насаждения лишены напочвенного покрова.

Совейки. Флигель. Фрагмент бокового фасада. Фото 2001 г.



Юго-западная часть парка имела самостоятельное решение, построенное на использовании композиции из трех прудов различной формы с короткими протоками и дамбами. Пруды каналом соединялись с водоемом на партере. Был также окружной канал, он начинался за партером (со стороны хозяйственного двора и птичника), огибал парк с юго-западной и южной сторон, выполняя мелиоративное назначение. Канал не имел связи с прудами, и избыток воды отводился в соседний болотный массив. Композиция с прудами — наиболее лирическая часть парка, место уединения. Она построена в романтических традициях. Главным ее элементом был искусственный остров с каменной беседкой на круглом водоеме, которым, как отмечалось, замыкалась ось композиции. Сюда вел перекидной арочный мостик, выполненный кладкой из замшелых бутовых блоков. Вдоль берега проходила кольцевая прогулочная дорожка, являющаяся частью общего паркового маршрута. Открытые берега прудов позволяли воспринимать пейзажи парка с острова и прогулочного пути. В группах ближнего плана использованы тополь белый, ясень и дуб; ясень, лиственница и липа с орехом серым. В последнее время водоему, к сожалению, придана прямоугольная форма, гравием отсыпана кольцевая дорожка.

С восточной стороны усадьбы шла липово-елово-тополиная обсадка, с западной — границей служил неглубокий канал. Незаметно парковые насаждения сливались с прилегающим лесным массивом с юго-восточной стороны. Корабельные одиночные сосны с деревьями граба во втором ярусе сохранились по настоящее время. Хорошо просматривается также небольшой вал — граница бывшего зверинца.

Насаждения парка складываются из местных видов (клен, граб, липа, ясень, ольха, береза, одиночно тополь белый). Деревья имеют возраст примерно 150 и более лет и нередко достигают величественных размеров — 28—33 м в высоту. Из экзотов, кроме отмеченных, растут лиственница польская, липа голландская, сирень венгерская, ирга колосистая, калина канадская. Наиболее уникальным деревом является ясень обыкновенный 'Hessei' (с цельными листьями).

Из сооружений усадьбы вызывает интерес винокуренный завод. Разрешение на его строительство получил в 1901 г. в Минском губернском правлении Теофил Новицкий [147]. Здание хорошо сохранилось, выделяется профессиональной техникой исполнения; используется в качестве амбара, аптеки, котельной и жилья. Состоит из четырех производственных блоков разной высоты, перекрытых двускатными крышами. Его длина по фасаду 44 м, ширина 18 м. Крайние корпуса двухэтажные, соединяющий их средний — одноэтажный. Здание построено из крупного колотого камня красного и серого цветов разных оттенков, подтесанного под форму прямоугольных блоков. Камни уложены регулярными рядами, создавая красивую кладку. Углы, а также пояс, отделяющий верхний этаж от нижнего, выложены красным кирпичом. Образованные линии фасадов декорированы сеткой из поребрика с гирьками, на фронтонах дата строительства «R 1901» и инициалы владельца «T.N.» (Теофил Новицкий). Стены фасадов прорезаны двумя большими оконными проемами с полуциркульными завершениями, на боковых и тыльных стенах невысокие лучковые окна. Рядом находится двухэтажное здание (10,5x9 м), построенное в той же технике. Своеобразно обложенные красными тесаными камнями и очерченные белым цветом оконные проемы создают очертания подобно раскрытым бутонам цветов. Используется под жилье. Непродолжительное время в усадьбе работал небольшой

Малыши. Парк. Клен остролистный со скульптурой Иисуса Христа. Фото 1999 г.

завод стеариновых свечей и мыла [460]. Один из лучших ансамблей региона. В последние годы хорошо благоустроен местными силами. Принадлежит сельской больнице.

Новицким принадлежала маленькая усадьба Малыши в Кобринском районе, где сохранились дом, построенный в формах народного деревянного зодчества (используется под жилье) в окружении старых деревьев и фрагменты аллей экономического парка, одичавшие заросли в прошлом сортовой сирени и скульптурные изображения святых.

Ивацевичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

Ивацевичи

В XV в. владение Михаила Паца, перешедшее в виде приданого дочери Анны Николаю Ильиничу (умер в 1500). Известен акт 1519 г. о передаче имения за долги купцам [268].

Упоминается в Метрике ВКЛ за 1528 г. как одно из многочисленных владений Николая Николаевича Ильинича (? — около 1540), владевшего Лынтупами, Репиховом, Шиловичами, Говеничами, Речицей и др., которые вскоре утратил. По жалобе Эльжбеты Ильиничевой, жены владельца, королем Сигизмундом I была запрещена владельцу, «человеку збытному», продажа имений [415]. В 1559 г. имение принадлежало Яну Викторину, судье слонимскому, старосте скидельскому и мостовскому, от которого в 1594 г. перешло Сапегам и принадлежало этому роду примерно до середины XVIII в. После Сапег владельцами стали Голуховские, которые в 1750 г. фундовали строительство местного костела. В имении имелись винокурня и смолокурня. В XIX в. оно стало собственностью Юндзиллов герба Лебедь. Со строительством в 1871 г. железной дороги Москва—Брест рядом с имением возникло поселение, ставшее впоследствии городом. В 1890 г. имением с фольварками Каскеново, Яново, Руда, Кушнеры и Сенкевичи площадью 3711 десятин владели Иван (умер в 1902), Степан (родился в 1818) и Витольд (родился в 1837) Юндзиллы, сыновья Яна (1802—1878) [546]. Последним владельцем, представителем третьей, младшей, линии рода, был сын Витольда Антоний (1885—1940), президент главного правления Окраинного Союза дворян, на котором оборвалась эта линия рода [596]. Ему принадлежали также Грудополь и Руда.

Усадьба заложена на приподнятой террасе р. Гривда ориентировочно в конце XVIII или в начале XIX в. Терраса со стороны реки хорошо выражена, засажена конским каштаном и черемухой поздней. Композиционная ось расположена перпендикулярно руслу, и усадьба была открыта и визуально связана с поймой реки.

Центром композиции является усадебный дом, построенный в стиле классицизма в глубине усадьбы. Здание одноэтажное, прямоугольное в плане, кирпичное, оштукатуренное (36x11 м). Стоит на высоком цокольном этаже. Фланги парадного фасада выдвинуты вперед наподобие ризалитов. Вход в виде небольшого выступа-ризалита с четырьмя спаренными дорическими колоннами увенчан необарочным фронтончиком с круглым окном. В фасадной стене имеется десять окон. Центральная часть паркового фасада выделена широким (16 м) ризалитом с семью дорическими колоннами на высоких пьедесталах, утопленными в плоскость глухой стены, завершенным низким фронтоном. В боковых крыльях — по три прямых оконных проема. Плоскости

стен расчленены многослойными широкими пилястрами (в боковых крыльях средние из них обработаны рустом) и завершены многослойным карнизом. Правое крыло соединялось с отдельно стоящей кухней. Сейчас к обоим торцам сделаны пристройки (длиной 21 и 28 м). В связи с пристройкой разобрано в левом боковом фасаде крыльцо на двух массивных колоннах, через которые шел вход в цокольный этаж.

Ивацевичи. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото 1999 г.

Дом имел большой бальный зал, занимающий его центральную часть со стороны паркового фасада, библиотеку, включающую редкие польские рукописи [618]. И хотя здание было построено в стиле классицизма, декор стен, потолка, помещений имел рокайльные формы. Стилю рококо соответствовала мебель и оформление интерьеров [596].

К дому, по оси здания, вела липовая аллея (не сохранилась). Дом окружал небольшой пейзажный парк, от которого, в связи с новой застройкой, сохранился только заметно видоизмененный партер. Ныне он представлен большим прямоугольником, на котором располагался подъездной круг. Симметрично, с двух сторон круга, растут по две лиственницы европейской (мелкошишечный фенотип). Деревья невысокие (20–22 м), но толстоствольные с широкими кронами. Судя по одной из старых фотографий лиственницы росли и за домом, на парковом партере. На парадном партере кроме лиственниц сохранились наиболее старые и крупные в парках Беларуси два экземпляра вишни магалепки (высота 8,5–9,0 м, диаметр ствола 32–42 см), одиночные клены, карагана, чубушник, сирень. Фрагмент усадьбы Юндзиллов стал частью комплекса районной больницы.

Молодово

Молодово. Официна. Фото 1938 г.

С конца XV в. было владением Войнов, старинного влиятельного белорусского рода герба Трубы (Тромбы). У его истоков стоял боярин Гричина (родился около 1480), поэтому род именовался Войны-Гричиновичи. Его расцвет приходится на XVI – начало XVII вв., когда Войны занимали должности королевского писаря, подкомория, старосты, подскарбия надворного, земского, маршалка, каштеляна, подканцлера ВКЛ и др. Участвовали в сеймах, были бискупами. Известны многие представители рода, включая шесть поколений, берущих начало от Войны [270]. Однако родословные сведения не совсем согласуются с данными исторических источников, что затрудняет определение владельцев имения.

В 1497 г. Матвей (один из Войнов) получил от пинского князя Федора Ярославовича дворища в Молодове, Проходах и Вороцевичах. В 1518 г. при Ревизии пущ

Семья Скирмунтов: Мария, Роман (сидят), Генрих, Ядвига.

Молодово упоминается как имение Войнов в следующих границах: ««къ тому теть, на иншомъ мѣстцу, особливомъ, имѣнье Молодово одного самого пана Войны Гричиновича, зусобное, ничого господарского тамъ не вмѣщалося. Грань есть по одной сторонѣ и съ поддаными господарскими, зъ Осовничаны, по рѣчку Мощонку, а зъ другой стороны гранѣ имѣней земянскихъ, то есть, отъ Чемерина и отъ Полкотичъ» [520].

В 1539 г. Молодово перешло сыну Матвея (его имя не указывается). Король Сигизмунд I актом, подписанным в 1540 г. в Вильно, подтвердил передачу одному из сыновей матерью его вдовой Мариной «... дворец Молодово ... с людьми и землями и с млыном ... видя к себе послугу и верность сына своего меньшего Войну Матьфеевича, тое вено свое дарю и записую ему и его жене и детям его ...» [325]. В 1567 г. пан Война Гричина, подкоморий пинский, державца перстуньский с имений своих Молодово, Поречье, Любель «ставил 8 коней збройно» [432]. Указанный пан Война, по родословной, является Матвеем, сыном Войны, т.е. представителем первого поколения, который имел шестеро сыновей (Лаврина, Бенедикта, Семена, Григория, Габриеля и Сокола) и дочь Дороту [270].

Познать ближе владельцев имения в XVI в. помогает колокол, отлитый в их честь Мартином Гофманом в имении Войнов Дубены под Ковно. В 1533 г. установлен в молодовской церкви фундации этих же владельцев. На ее месте в конце XVIII в. был построен новый храм Вознесения со звонницей, в которую перевесили старый потемневший от времени медный колокол. Его описание приводится Р.Афтанази [596] по данным публикации в журнале «Wieś Ilustrowana» (1911 г., № 12), которая основывается на документе молодовского архива. В 1970 г. при обследовании молодовского храма колокол выявили и описали Э.И.Ветер и Ю.В.Ходыко [289].

Колокол — живой свидетель истории и показатель очень высокого профессионального мастерства ремесленников первой трети XVI в. Его украшают орнамент ренессансного характера, рельефные круги и родовой герб с изображением трех рогов, трех раков и пятиугольной звезды, на фоне которых высечены латинские буквы белорусского текста. Текст посвящается («Навечна память благоверного и хрыстолюбивого вельможного пана ...») первому владельцу молодовского имения Борису Матвеевичу Войне Гричина, умершему 15 мая 1527 г. в Поречье, каштеляну мстиславскому, старосте ожскопереловскому, бортскому, подкоморию пинскому, женатому на Богдане Любельской, с которой жил «... в добрей едностайней мілості і згоде ...». Колокол был отлит в «... славном месте Ковно і надан до церквы божей в ыменіі іх отчыстом в Молодове на векі непорушно» сыном их «... благоверным і хрыстолюбівым паном ...» Симеоном (Семеном) Войною, старостой поморским, полонговским, горждовским, тивуном земли Жмудской и Двинской (?), ревизором короля их милости, которому после смерти отца отошли Молодово и Поречье. Кольцевой

Константин Скирмунт.

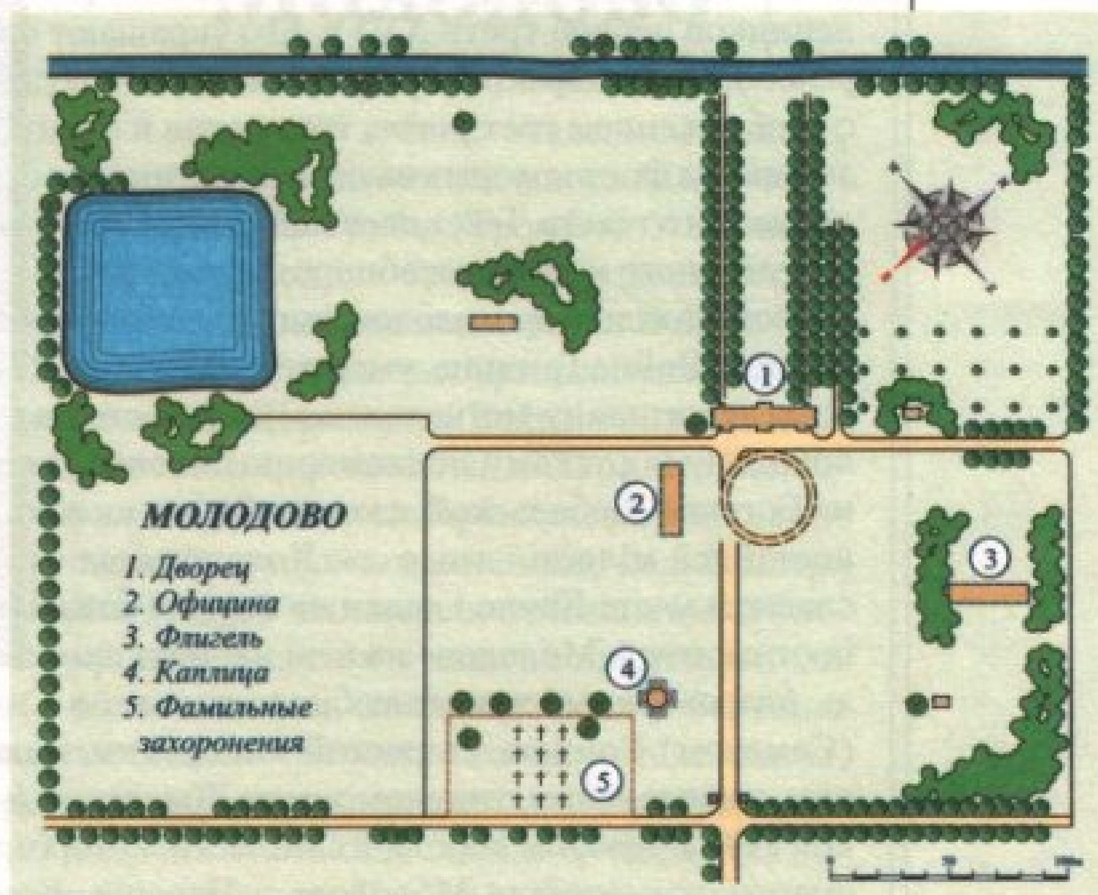
Захоронение Константина Скирмунта в Липнице.

текст колокола вещает: «Звон доброгласным голосем звоне ... отдавай всегда створытелю хвалу в зацным Войновом дому, знісмірну славу, побуждай всіх до церкві господней, до молітвы богу ... всякая благодаті свої, мілосці подем (подай), благоволі нам сіе даты, дай дом сей до богатно благословітся на многіе лета і да не оскудеет слава его до скончанія света ...». В 1594 или 1598 г. Семен становится каштеляном мстиславским. Известен как активный защитник православия, что подчеркивается неизвестным автором стихотворения «На герб его мости пана Симеона Войны», помещенном в «Толковом Евангелии», которое издали в 1595 г. братья Мамоничи в Вильно [289]. По данным родословной, Семен (умер в 1599) был одним из шести сыновей Матвея. Борис Матвеевич среди представителей рода не отмечается. По сведениям Р.Афтанази [596] он родился около 1440 г. и, вероятно, был внуком Войны.

В годы последней войны местные жители, спасая ценную реликвию от вывоза в Германию, упрятали колокол, закопав в землю. Теперь хранится в Музее древнебелорусской культуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной АН Беларуси. В местной церкви Вознесения хранилась метрическая книга, в которой имелись записи о рождении молодовских Войнов — владельцев имения до конца XVII в. Имение наследовалось представителями пятого поколения, сыновьями Матвея Станиславом, кухмистером ВКЛ и старостой горждовским, после него в 1679 г. — Владиславом, старостой ужвенским и горждовским.

В 1692 г. Элеонора (умерла в 1738), дочь Матвея Войны, пинского маршалка, вступив в брак с Казимиром Домиником Огинским, виленским воеводой, передала ему родительские владения. В течение столетия Молодово вместе с Поречьем принадлежало Огинским, которые мало интересовались хозяйственными делами имений, доверяясь управляющим. Имения беднели и обрастали долгами, в связи с чем новый наследник князь Михаил Казимир Огинский (1730—1800), великий гетман литовский, сын Юзефа и Анны Вишневецкой, в 1791 г. передал владения Михаилу Клеофасу Огинскому с условием выплаты восьмимиллионных долгов и процентов. Не имея уверенности в погашении этой огромной суммы, князь в 1792 г. продает Молодово и Поречье за сумму 468 тысяч злотых Шимону (Семену) Скирмунту, арендатору его имения Ивейщина [574].

Со Скирмунтами связан третий этап развития имения, его расцвет. Шимон Скирмунт (1747—1835), женатый на Эльжбете Ожешко герба Короб, мостовничий пинский, берестейский маршалок, многократный посланник на сейм, сумел наладить хозяйство, быстро приумножить свои владения и стать богатейшим в регионе. Он покупает имение Альбрехтово у Понятовских и ряд других, делает Молодово фамильной резиден-



цией и передает его единственному сыну Александру (1798–1870), также маршалку шляхты Пинского уезда, еще более активному реформатору, образованному владельцу, незаурядной личности рода. При нем Молодово превращается в один из наиболее оживленных центров общественной жизни на Полесье. Кроме молодовского имения (10924 морга), ему отошли Поречье (10338 моргов), Альбрехтово (10500 моргов) и Клетное площадью в 10946 моргов [626]. После женитьбы на Констанции (из Сулистровских; 1808–1845) его владением становится большое ее имение (8784 морга) Шеметовщина на Мядельщине. Венчание «прелестной Костуси» с Александром состоялось осенью 1823 г. в Воронянском костеле, а свадьба—в Черленах на Гродненщине.

Молодово. Дворец. Парадный фасад. Фото 1938 г.

После смерти в 1870 г. Александра (г. Кастель Великого Гессинского герцогства) имение по раздельному акту № 72 от 7 декабря 1873 г. унаследовал его сын Генрих (1834–1918), поручик царской гвардии [27]. Был женат во втором браке на Марии Твардовской герба Огоньчик, дочери Казимира, внучке Юзефа Твардовского, ректора Виленского университета. С его детьми Константином (1866–1939), Генрихом (1868–1939), Марией (1872–1939) и Ядвигой (1874–1968) связан последний этап жизни имения.

В 1890 г. площадь его угодий с хуторами Куйнахи, Боровки, Залуги, Сновидово составляла 5462 десятины [546]. Площадь пашни была небольшой — 600 десятин. Хозяйство велось сыном владельца Генрихом. В имении практиковалось два севооборота. Севооборот четырехпольный включал пар, удобренный органикой и частично зеленым удобрением (люпином), поля ржи, картофеля и овса. Восьмипольный севооборот состоял из следующих полей: пар удобренный, пшеница, картофель, травы или картофель по навозу, рожь или ячмень, картофель, ячмень и овес, клевер. Рожь сеялась сортовая шланштедская, пшеница 'New-Jersey', картофель — 'Атене' и 'Рейхсканцлер'.

Молодово. Каплица. Фото 2001 г.

Молодово. Каплица. Фрагмент главного фасада. Фото 2001 г.

В имении старались держать коров симментальской породы. Чистокровные производители завозились. Выращивались свиньи йоркширы, овцы-негретти [546].

По наследству имение перешло уже упомянутому младшему сыну Генриху, известному поэту, литератору и композитору, имевшему прекрасное музыкальное образование: консерватория по классу фортепьяно и композиции в Санкт-Петербурге, музыкальные факультеты в Париже (ученик И.Массенета) и в Мюнхене (ученик Е.Хумпердинера). Композиции учился у Зигмунта Носковского в Варшаве [689]. Он осел в имении и занимался хозяйственными делами. Старший сын Константин вел активную политическую деятельность и постоянно в Молодове не проживал.

В 1915—1918 гг. Молодово находилось в прифронтовой полосе. За эти годы были разграблены дворцовые ценности, библиотека, в 1919 г. сам владелец был арестован, но смерти удалось избежать. После 1920 г. начались напряженные работы по восстановлению расстроенного войной хозяйства. Генрих был человеком верующим и, руководствуясь религиозной моралью, ежедневно проводил в дворцовой каплице молебны с домашними и прислугой имения. В водке видел большое социальное зло, поэтому не восстанавливал разрушенный войной винокуренный завод, который мог дать хороший доход. Вместе с Генрихом в имении жила его сестра Мария (1872—1939), которая с 1908 г. по 1939 г. вела школу домашнего хозяйства, занималась лечением больных.

Усадьба в межвоенный период стала известным культурным очагом. Здесь собиралась интеллигенция, устраивались личные встречи, частыми посетителями были зарубежные гости, особенно благодаря дипломатическим контактам Константина [689].

Последние владельцы имения не имели своих семей. У Генриха, помолвленного с Иреной Пузыной, брак не состоялся. Не имея наследников, он завещал имение сестрам ордена св. Урсулы, которые приехали в усадьбу в 1937 г. Урсулянки преподавали в школе, занимались лечением людей, вели хозяйство. Жили в приспособленном для жилья хозяйственном здании, которое стояло с правой стороны партера, приняв вид большой официны. Следы ландшафтного оформления этого места еще сохранились. Среди деревьев выделяется старое, уже без вершины, дерево тополя канадского 'Serotina'. Местные жители называли дом «кляштаром». За собой Генрих оставил только дворец и часть доходов с имения.

Молодово. Интерьер каплицы. Фото 1938 г.

В сентябре 1939 г. 72-летнего Генриха и 67-летнюю Марию, последних владельцев имения, в соседнем лесу расстреляли местные активисты. На месте их захоронения в 1995 г. установлен памятный крест.

Константин (1866—1949), старший брат Генриха, профессор, политик, член Российского государственного совета Думы, посол Польши в Англии, министр иностранных дел Польши (1921—

Молодово. Дворец. Библиотека. Фото 1938 г.

1922), успел выехать в сентябре 1939 г. из имения вместе с княжной О.Любецкой и остался жив. Доживал свой век с сестрой в Липнице (около Познани) в пансионе ордена св. Урсулы, которому в 1937 г. он записал свою часть имения в Молодове. В пансионе работал над рукописью мемуаров «Мои воспоминания, 1866—1945 гг.» (издана в 1998). Здесь похоронен. На памятнике, возле которого выросла береза, лаконичная надпись: «Посол Речи Посполитой. Родился 1866 в Молодове на Полесье. Умер 1949». В возрасте 96 лет в 1968 г. не стало самой младшей сестры Ядвиги, верного друга Марии Родзевич, автора книги «Пани на Грушовой», которая вслед за братом вместе с Марией Родзевич переехала в Варшаву.

Сведений об усадьбе, которая имелась в имении до Скирмунтов очень мало. Сохранились фрагменты сводов, видимо, старого усадебного дома Огинских, который сгорел в 1840 г. В 1795 г. Шимоном Скирмунтом была заложена новая усадьба в формах классицизма, несколько смещенная в северном направлении от старой, предположительно на месте старого войновского усадебного дома (схема). Однако новое каменное здание усадебного дома показалось весьма скромным, и он рядом начал сразу же строительство дворца, закончив его в 1798 г. [711].

Дворец строился по проекту архитектора Ван-Гросса. Известен по предвоенным фотографиям. Здание было каменным, одноэтажным, прямоугольным в плане (67x28 аршин), крытое гонтом, на высоких сводчатых подвалах, служивших полуэтажом, с почти идентичными фасадами. Имело 24 комнаты, в подвальных помещениях располагались кухня, кладовые [218]. Изысканность зданию придавали восемь дорических портиков с двумя парами колонн и треугольными фронтонами каждый, размещенных по три на парадном и парковом и по одному на боковых фасадах. Фронтон портика на парадном фасаде имел два щита с изображением гербов владельцев: Дуб Скирмунтов и Короб Ожешко. Над входной дверью в круглом медальоне, окаймленном гирляндами из растений, были изображены инициалы Шимона и Эльжбеты Скирмунтов, создателей ансамбля. К портику подводил пологий пандус для карет, а по оси портика были ступеньки. Ступеньки, ведущие из бального зала в парк, имелись и на парковом фасаде. Фасад имел центральный ризалит, завершенный низкой конической крышей. Фронтон портика украшала лепная композиция на растительные мотивы. Над входной дверью – медальон, аналогичный медальону главного входа. Во фронтонах боковых портиков главного фасада была дата начала строительства дворца «ANNO D 1793», а во фронтонах парковых боковых портиков располагались овальные медальоны с лепниной на растительные мотивы.

Молодово. Дворец. Салон. Фото 1938 г.

Декор здания составляли фриз с триглифами и розетками в метопах, горизонтальный руст. Окна украшали фронтончики и гирлянды. Восемь похожих не-

Молодово. Фамильное захоронение. Склеп Констанции Скирмунт. На втором плане захоронение Каролины Сулистровской. Фото 2001 г.

больших портиков, незначительно различающихся по глубине и высоте, ритмично расположенных, не перегружали дворец, а наделяли его гармоничной уравновешенностью, спокойствием. Белизна стен и белый цвет покрашенной цинковой жести невысокой четырехскатной крыши с маленькими люкарнами придавали дворцу изысканную нарядность на фоне окружающей зелени парка.

Первый дом Скирмунтов, который потом стал служить официной, располагался с левой стороны дворца. По словам местных жителей, это было большое здание (13 жилых комнат), прямоугольное в плане (35x21 аршин), сложенное также из кирпича. Отличалось более высокой четырехскатной крышей. Оригинальное решение имел его парадный фасад, оформленный двухколонным портиком, который помещался в аркоподобной нише с балконом и завершался приподнятым над крышей здания треугольным фронтоном с круглым окном.

В 1846 г. усадьба занимала три волоки три морга и пятнадцать прутов. Включала, кроме отмеченных дворца и официны, жилой деревянный флигель (28x16 аршин), деревянную людскую (34x12), дом для рабочих (47x21), глинобитный сахарный завод (100x18), производивший в год 500 пудов сырца, новую деревянную пивоварню (21x10), домик для приезжих мастеров (18x11 аршин). Строилась винокурня (25x20 аршин) с жилыми комнатами на третьем этаже. Хозяйственный двор включал сарай для скота, три сарая для овец (94x21 аршин), расположенные в четыре ряда, погреб для хранения картофеля (75x13 аршин), три амбара, деревянную конюшню (88x12 аршин), каменный ледник, сырник, кухню и птичник [218]. В 1905—1908 гг. по проекту виленского архитектора Тадеуша Ростворовского была построена каплица в форме ротонды в диаметре восемь метров, завершенной куполом с крестом. Она расположилась со стороны входа, примерно на одной оси с официной, чуть смещаясь в сторону фамильных захоронений. Храм-ротонда декорирован тремя портиками дорического ордера, по форме аналогичных с портиком дворца. Двухколонные боковые портики обрамляют большие полуциркульные окна, главный входной портик — четырехколонный. С южной стороны расположена прямоугольная в плане апсида, декорированная пилястрами. Стены здания по всей высоте горизонтально рустованные. Здание венчает широкий фриз с поясом лепной цветочной гирлянды и карниз с сухариками. Лепная гирлянда украшает портал входа.

Интерьер каплицы имел весьма скромное, но приятное оформление. Оштукатуренные белые стены, желтые с золотистым оттенком витражи окон создавали независимо от погоды впечатление солнечного освещения. На полу, уложенном мраморной белой и красной шестиугольной плиткой, стояли белые скамеечки с пюпитром для моления на коленях, а возле стен — простые скамейки. В алтаре располагалось большое распятие Христа из белого мрамора, выполненное скульптором Бродским [596].

Со строительством каплицы архитектурный ансамбль оказался композиционно завершенным и своей утонченной красотой поражал самых притязательных очевидцев. Француженка Роза Байлли

Молодово. Фамильное захоронение. Могила Александра Скирмунта. Фото 2001 г.

сравнивала усадьбу с Трианоном Марии Антуанетты в Версале.

Особый интерес представляют интерьеры дворца. И хотя считалось, что их оформление было незавершенным, часть имущества оставалась нераскомплектованной со времени первой мировой войны, а многие художественные ценности и реликвии были переданы в Поречье, где они поражали впечатление своим разнообразием и богатством [596]. Согласно описи ценностей, сделанной в 1939 г., в светлом холле (напоминал больше охотничье помещение), выдвинутом вперед до продольной оси ризалита, было большое собрание рогов лосей, оленей. В столовой находились большой дубовый стол, украшенный резьбой, гданьские буфеты из дуба и стулья в стиле Людовика XVI. На стенах висели семейные портреты, среди которых портреты Шимона Скирмунта, создателя ансамбля, Александра Сулистровского, Александра Скирмунта и Констанции Сулистровской кисти В.Ваньковича, а также портреты князя Юзефа Понятовского и Тадеуша Костюшко. В бальном зале кремовые стены имели скромный профилированный карниз, геометрический рисунок паркета был сложен из нескольких видов древесины разного цвета, находился большой камин с бронзовыми часами и канделябрами, освещала зал бронзовая люстра. Мебель зала (из махагониевого дерева) состояла из диванов, кресел и стульев в стиле ампир, обтянутых желтым, почти золотым дамастом, консоли с зеркалом. Среди картин: портрет Марии Стюарт кисти неизвестного художника, масляные портреты Шимона Скирмунта младшего и Стефании Межеевской, копии полотен итальянских мастеров. Из картин, находящихся в библиотеке, обставленной новой мебелью из черного дуба, особенно ценилась копия картины Паоло Веронезе («Похищение Европы»?). Стены украшали тканый килим с фантастическими мотивами и персидский ковер в голубых тонах. Имелись также портреты исторических личностей, в том числе гетмана Михаила Казимира Огинского, Сигизмунда III, гравюры и картины на полесскую тематику.

Эмилия Ожешко (из Скирмунтов). Портрет художника Дубиффса

Собрание книг не превышало в 1920 г. тысячи томов на польском и французском языках. Несравненную ценность представлял семейный архив Скирмунтов, где хранились не только документы прошлых столетий, но и более современные, как, например, альбом для Элизы Ожешко, которая неоднократно навещала Молодово и назвала альбом «Подручная книжечка с жемчужинами». Она была в зеленом кожаном с позолотой переплете и имела позолоченные края. В альбом Элиза вписывала полюбившиеся стихи, цитаты и собственные афоризмы. На первой странице альбома имелась надпись: «Эту книгу с собственноручно записанными мыслями своими и цитатами из чужих произведений Элиза Ожешко передает Константину Скирмунту. 1909». Здесь же хранились альбомы со стихами Александра Ходько, Юлиана Корсака и др. В письме из Гродно от 11 ноября 1903 г. Элиза писала Генриху «За томик прелестной поэзии Пана, за чудесные слова на первой странице ... благодарю очень искренне, сердечно и крепко». «Достойна и любезна Пани!», — обращался в ответных письмах к Элизе благодарный Генрих [716]. Элиза не только переписывалась, но и по духу была близка с Константином. В мае 1905 г. она посетила Молодово [711].

Характером интерьеров выделялся салон «белый», обставленный мебелью в основном в стиле Людовика XV и Людовика XVI, имеющий камин с надписью «Per ignem ad lucem», паркет из древесины двух расцветок, жирандоль бронзовую с хрустальной чашей, «конторек» из карельской березы с бронзовой оковкой, подобное «бюрко» с колонками и балюстрадой конца XVIII в., зеркало в позолоченной рокайльной оправе. На камине стояли два подсвечника и часы с позолоченной бронзы. Особую

ценность представляли висевшие на стене три гобелена. Один из них (XVI в.) служил для покрытия ложа короля Сигизмунда II Августа. В салоне имелось собрание портретов кисти Ю.Хелмонского, М.Чепиты, Ф.Ляшло, С.Сестренцевича и портреты Михалины Твардовской, Целины Сулистровской, Каролины, Генриха, Марии, Ядвиги и Константина Скирмунтов неизвестных авторов.

Благодаря стараниям пинского журналиста В.Ильенкова [355], можно увидеть цветные ксерокопии копий некоторых портретов, выполненных Анной Ромер (из Солтанов; 1895 ? — 1974), известной портретисткой, родом из Витебской губернии. Анна была женой Антония Ромера, сына Казимира Ромера (1848—1921) и Казимиры Скирмунт. Казимира родилась в семье Хелены и Казимира Скирмунтов во время их пребывания в ссылке. В 1920—1930-е гг. Анна, посетив Молодово, выполнила копии некоторых портретов. Жила в Польше, выставляла свои работы в салонах Парижа, Антверпена, Лондона. После переехала в Канаду. Хранителем ее духовного и материального наследия является сын Генрих Солтан [355].

Дворец располагался в окружении парка. Вид на здание, расположенное в глубине усадьбы, раскрывался со стороны въезда через открытый большой партер. Въезд, к которому подводила с западной стороны липовая аллея, обозначался белой брамой из двух высоких рустованных колонн, увенчанных шарами, и двух низких — с калитками. Дорога от брамы шла не вдоль центральной оси на дворец, а по краю партера, мимо главного фасада официны и выводила на большой круг, спланированный перед домом. С южной стороны партера стояли каплица, затем официна; справа располагались служебные и хозяйственные здания.

Вся усадебная территория перед дворцом, по словам местных жителей, имела богатое цветочное оформление. Цветочные рабатки располагались вдоль дороги, на партере, за официной, вокруг дома урсулянок и имелись даже перед брамой.

До первой мировой войны за дворцом сохранялась старая регулярная планировка. После 1914 г. проводилась перепланировка парка в пейзажных формах. Сохранились две старые липовые аллеи, которые располагались на осях боковых портиков дворца. Они выводили к каналу, который и теперь проходит по западной окраине усадьбы, отводя избыток воды в Ясельду. С северной стороны к парку примыкал сад с домиком садовника, за которым располагался большой хозяйственный двор имения (теперь на его месте животноводческая ферма). К нему со стороны партера мимо домика садовника вела дорога, обсаженная боярышником. Юго-западную часть парка занимал водоем, который протокой соединялся с каналом. Он обмелел, зарос. Насаждения парка не сохранены в связи с частной застройкой.

Усадьба со стороны мотольского тракта и парадного въезда, включая хозяйственный двор, была окружена высокой кирпичной оштукатуренной оградой. В юго-восточной части усадьбы, за каплицей, к ограде примыкали фамильные захоронения, обнесенные с трех сторон низкой оградой из красного кирпича. Видимо, одним из первых на родовом кладбище был похоронен в 1817 г. основатель усадьбы Шимон Скирмунт. Рядом покоилась его жена Эльжбета Ожешко. В 1845 г. в возрасте 39 лет похоронили Констанцию (из Сулистровских), жену Александра, дети которой составили молодово-пореченскую ветвь рода. Она умерла в Дрездене во время путешествия по Европе (Берлин, Париж, Дрезден) с Хеленой Скирмунт и своей ближайшей подругой Гортензией Ордой. Около кирпичного склепа, в котором покоилась Констанция, охваченного по углам круглыми гранитными столбиками, в 1849 г. была похоронена ее мать, Каролина (из Абрамовичей) Сулистровская (1784—1849). Памятник, установленный внуками, один из немногих сохранился на кладбище.

На кладбище похоронены также дети Констанции и Александра: Шимон (умер в 1902), прах которого был перевезен из Парижа в Молодово, Антонина (1921), Александр (1909) с женой Теофилией Любанской (1928) и Генрих (1918). Частично сохранилось захоронение Александра. Памятник в виде высокой прямоугольной стелы из черного гранита расколот и лежит на земле. Среди отпечатков листьев дуба, элемента

родового герба, годы жизни и скромная эпитафия: «Человек больших заслуг, проводник крестьянских реформ». Свое глубокое уважение к владельцу имения местные крестьяне выразили в украшении зеленью и цветами его последнего пути через деревни от Поречья до Молодова. Все семь километров они на руках несли гроб с телом Александра [540].

Сохранился памятник Эмилии Скирмунт, жены Каликста Ожешко из Закозеля, умершей в 1905 г. в Швейцарии, с надписью «Любимой матери благодарные дети». Здесь похоронены сын Александра и Теофилии Шимон (1912) и другие представители рода. По словам местных жителей, на кладбище было не менее сорока захоронений, над которыми возвышались живописные памятники, изготовленные из лабрадорита, гранита и мрамора, образующие своеобразную художественную галерею творчества многих зодчих.

Дворец и постройки двора сгорели в 1943 г. и были до основания разобраны в послевоенное время. Захоронения осквернены заключенными, которые жили в усадьбе после войны. Уцелело только три, отмеченных выше, памятника с надписями. Около могилы Эмилии Ожешко сохранился скрытый в земле памятник в виде утонченной скульптуры ангела из белого мрамора (без надписи). Ряд уцелевших склепов, утерявших надгробия, засыпаны сверху тонким слоем земли. На месте захоронений обильное развитие получил подрост вяза, поросли белой акации и спиреи Бияра. В 2000 г. автор книги совместно с А.Смолянчуком и группой студентов Гродненского университета провел частичное благоустройство захоронений Скирмунтов. В срочной консервации и восстановлении нуждается каплица, единственное уцелевшее сооружение бывшего ансамбля.

Старые Пески. Фрагмент подъездного круга. Фото 2002 г.

Старые Пески

Известны с 1503 г., когда имение по привилею короля Александра получил Дмитрий Киянин. Через приданое праправнучки Барбары Сируцевой на рубеже XVI и XVII вв. оно отошло Якубу Пусловскому, подстолию Речицкому, старосте окшатынскому, носившему редкий титул «королевского овесного» (ответственного за фураж для королевских конюшен). В XVII в. Пески стали главной резиденцией этого рода герба Шелига, которому принадлежали более 3 столетий [596]. Представители рода являлись крупными предпринимателями, меценатами, филантропами, фундаторами дворцов и храмов.

После Якуба (1572—1638; известный участник военных событий с Москвой в составе войск Яна Ходкевича) Пески приобрели известность при его внуке Казимире Михаиле (полковник гусарский, депутат Трибунала Литовского Брестского воеводства), который в конце жизни исполнял функции уполномоченного на сеймах и сеймиках при гетмане Казимире Сапеге. Казимир Михаил породнился с Вишневецкими и Собескими, значительно увеличил владения. Его внуком был Франтишек Пусловский, который рано остался без отца, учился у Радзивиллов в Несвиже, стал камергером короля Станислава Августа Понятовского, был близким другом Людвика, отца Тадеуша Костюшко. Видимо, он начал работы по созданию новой песковской усадьбы. В конце XVIII — начале XIX вв. очень живописная резиденция строится его сыном

Войтех Пусловский

Войтехом Пусловским (1762—1833), женатом на Юзефине Друцкой-Любецкой, маршалком Слонимского повета. Размаху работ Войтеха благоприятствовали родственные связи. Юзефина была сестрой Ксаверия Друцкого-Любецкого, министра финансов, который поддерживал Войтеха в его реформаторской деятельности. Свою дочь Геновефу Войтех отдал замуж за графа Рудольфа, представителя влиятельного рода Тизенгауз, владельца Желудка [594]. Войтех сумел образовать латифундию с многочисленными имениями (Пески, Альбертин, Сынковичи, Коссово, Хомск, Телеханы, Свислочь и др.). Арендовал Слонимскую экономию М.К.Огинского. Являлся активным предпринимателем. Строил дороги, мельницы, винокурни, предприятия по производству бумаги, железа, смолы. Впервые в Беларуси использовал паровой двигатель [518]. Успешно занимался овцеводством, разводил овец мериносов (Пески, Шидловцы и Ольшево).

В конце XVIII в. Войтех Пусловский приобретает у Огинских Хомск, который вскоре стал местечком и принадлежал роду более столетия. В 1798 г. строит здесь суконную фабрику (по некоторым источникам ее строил Вандалин, что не соответствует его годам жизни). Фабрика занимала тринадцать каменных и деревянных зданий с количеством работающих 550 человек. Она выпускала около 50 тысяч аршин тонкого сукна, которое успешно экспортировалось в Ригу, Вильно, Петербург. В 1829 г. продукция фабрики на Всероссийской промышленной выставке была удостоена малой золотой медали [552]. В 1809 г. строит костел с фамильной усыпальницей в соседнем Ольшеве, затем костел в Хомске, каплицу в Телеханах, кирпичную башню с дубовым крестом в завершении около Ольшева, где располагался хозяйственный двор графства (восстановлена в последние годы).

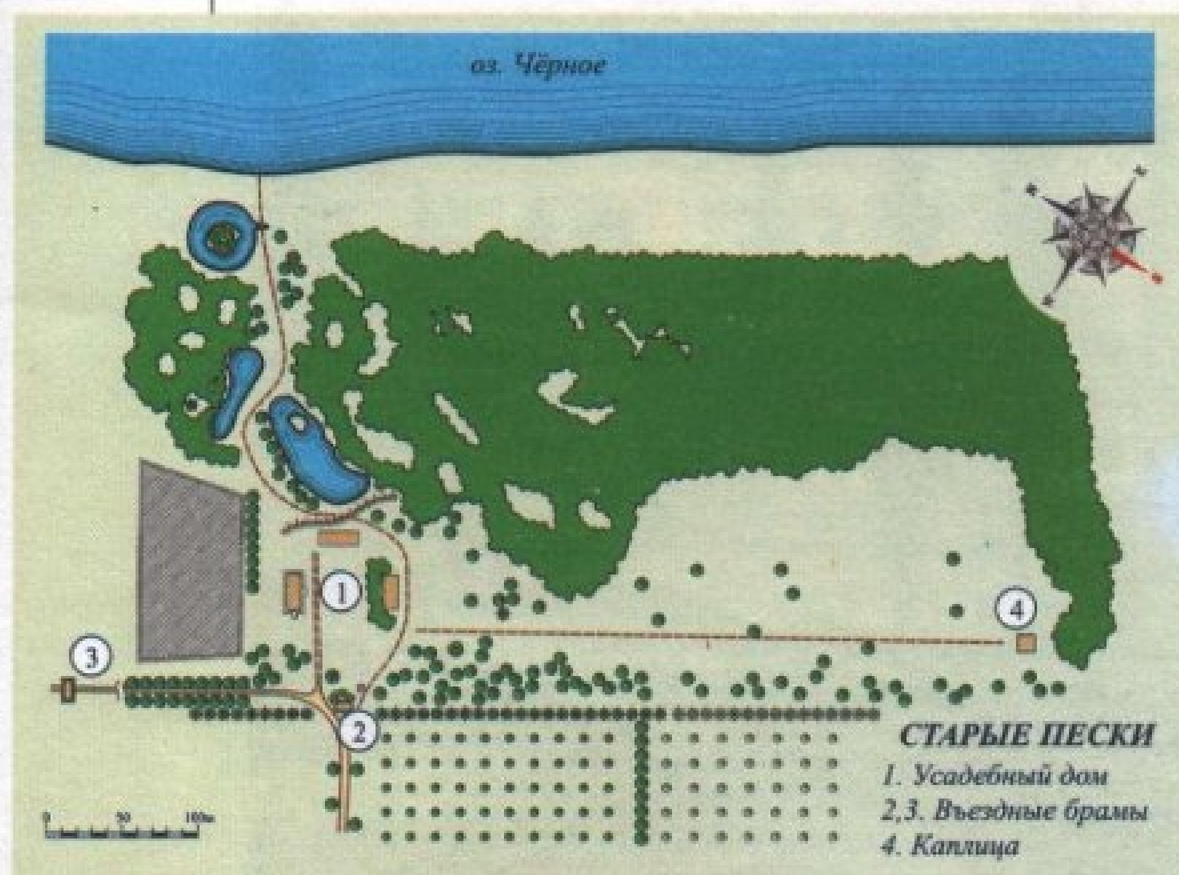
Войтех имел пятерых сыновей (Франтишек, Владислав, Адам Титус, Ксаверий, Вандалин) и двоих дочерей (Геновефа и Марта). Адам Титус (1803—1854) владел имением Плянта на Пинщине, участвовал в восстании 1830—1831 гг. и после его поражения эмигрировал в Пруссию. Пески и другие владения отошли Франтишку. Владельцем Коссова стал младший сын Войтеха Вандалин (1814—1884), известный предприниматель, коллекционер, любитель искусства [518]. Ксаверий (1806—1874), женатый на Юлии, дочери Ксаверия Друцкого-Любецкого, при разделе наследства отказался от недвижимости. Он окончил Коллегиум Нобилиум в Варшаве. Много путешествовал по Европе. Создал образцовую химическую лабораторию, закупив оборудование в Париже, и посвятил себя научной работе. Увлекался искусством. В Круликарне под Варшавой собрал коллекцию картин, бронзовой и мраморной скульптуры, гравюр, гобеленов, библиотеку [757]. Возглавлял в Варшаве товарищество добродетельности и в 1869 г. от папы римского получил графский титул [518].

Однако вскоре Пусловских постигли неудачи. В 1838 г. сгорела фабрика, ее остатки перевозятся в Альбертин. В 1843 г. по вине прислуги, готовящей литовский крупник (горячий напиток из водки с медом и пряностями) для участников очередной охоты, сгорел дворец. Владелец имения граф Франтишек, российский посол в Париже, маршалок виленский, приспособил для своего нечастого пребывания в имении уцелевший павильон, а усадебным домом стала конюшня. Усадьба потеряла свой прежний блеск. Правда, Франтишек планировал строительство нового дворца; была заготовлена известь. Его инициативу не поддержали наследники — сын Владислав (1801—1859), женатый на княжне Геновефе Друцкой-Любецкой, и внук Франтишек Ксаверий (1847—1908). Резиденцией рода становится Альбертин. В 1860 г. большие владения Владислава отошли сыновьям Зигмунту (1849—1913), который собрал боль-

шие художественные ценности во дворцах в Чаркове (Келецкой губернии) и Кракове и Франтишку Ксаверию, женатому на Леонтине Владковой. Последним владельцем имения был Владислав (1871–1964), сын Франтишка Ксаверия, женатый на княгине Кристине Марии Пигнатели, но жил он в Альбертине. В Песках до 1939 г. жила семья его младшего сына Франтишка [596]. Земельные владения имения в 1890 г. составляли 11774 десятины [546].

Ксаверий Пусловский. 1874 г.

Усадьба расположена на ровной террасе озера Черное (схема). Представление о ней дает одна из литографий с акварели Наполеона Орды (1865) и записи Ю.Немцевича, который посетил усадьбу в 1819 г. Усадьба была заложена в наиболее приподнятой северо-западной части владений. Центральное положение в ней занимал дворец, расположенный среди парка. От него, по воспоминаниям Ю.Немцевича, которого принимал Войтех, открывалась живописная панорама на озеро, противоположный берег которого казался «...бледной голубой полосой, которая местами прерывалась зеленым гаем. Стаи птиц, белые паруса рыбацких лодок еще более подчеркивали живописность ландшафта». [710]. Дворец имел богатое собрание картин кисти отечественных и зарубежных художников, архив, библиотеку в основном французских и польских изданий, собрание древних рукописей, коллекцию оружия [618]. Ю.Немцевич упоминает еще красивый костел, построенный Войтехом Пусловским в «четвертой части мили от дворца», в котором имелось редкое собрание икон. Святыня возвышалась в соседнем Ольшеве. Известна по фотографии 1927 г. [612]. Утеряна в годы последней войны. Сохранилось только место с грудой сцементированного кирпича (фрагмент стены) в окружении старинных, почти 200-летних, лип. В склепе костела покоился князь Франтишек Ксаверий Друцкий-Любецкий (1778–1846), министр финансов Польши, брат жены Войтеха [612]. Прах из Петербурга был перевезен дочерью Геновефой, женой Владислава, сына Войтеха Пусловского [730].



СТАРЫЕ ПЕСКИ
1. Усадебный дом
2,3. Въездные брамы
4. Каплица

На месте дворца теперь заросли боярышника, а на бывшем партере растут клен серебристый, дуб красный, ясень пенсильванский более позднего времени. Не сохранились деревья дуба черешчатого 'Fastigiata', сосны веймутовой и другие интродуценты, посаженные Франтишком Пусловским, внуком Казимира, который увлекался растениями и был известным любителем-ботаником. Пусловские с уважением относились к растениям. Еще в начале XX в. в парке (на острове) росли дубы, посаженные Якубом Пусловским, которые оберегались и носили его

имя. Глубокое почитание природы в какой-то степени являлось характерной чертой рода. По словам местных жителей, последние владельцы разных имений очень бережно относились к эксплуатации лесов. Они содержались на почти заповедном режиме.

На акварели Н.Орды изображены уцелевшие от пожара сооружения парадного двора в окружении тополей черных 'Italica': конюшня, «павильон роз» и оранжерея, а также стоящая в стороне мельница, один из романтических мотивов усадьбы. Среди них наиболее оригинален «павильон роз», построенный на манер виллы Ротонда итальянского архитектора Андре Палладио около г.Виченцы [396]. Небольшое каменное двухэтажное, в плане прямоугольное здание, с окнами большими прямоугольными и порте-фенетрами на первом и почти квадратными на втором этаже. Парадный фасад был выделен четырехколонным портиком. Низкую двухскатную крышу павильона венчал полусферический купол с фонарем. По гладкой стене проходил декоративный фриз. Круглый зал павильона украшали барельефы времен Людовика XVI и широкий фриз у основания купола с хороводом греческих танцовщиц [596]. Мельница, как и «павильон роз», известна по акварели Н.Орды 1865 г., являлась центричным в плане сооружением с купольным завершением, увенчанным шаром с флюгером, установленным на террасе-колоннаде.

После 1863 г. в павильон были перенесены иконы с закрытого костела в соседнем Ольшеве, в связи с чем фриз павильона, как «аморальный» был заштукатурен. Декоративный аналогичный мотив еще долго сохранялся на фронтонах одного из зданий, приспособленного позднее под винокурню.

Во второй половине XIX в. усадебным домом, как отмечалось, стала бывшая конюшня выездных лошадей — прямоугольное одноэтажное здание (45х25 м) из бревен лиственницы с четырехскатной крышей. Его фасады украсили портики из четырех тосканских колонн, которые завершались фронтонами с розетками в центре. Дом опоясывал декоративный карниз. Над входными дверьми имелись барельефы головы собаки, чем подчеркивалось пристрастие хозяев к охоте. В усадьбе содержалась большая псарня. Одновременно меняется хозяйственная структура усадьбы. За домом, на ее окраине, размещается спиртзавод. Для его целей была приспособлена бывшая официна, большое двухэтажное здание, известное по одной из фотографий 1920 г. Перед усадебным домом формируется новый парадный партер с кругом, обсаженным клена-

Старые Пески. Фрагмент парадного двора. С акварели Наполеона Орды. 1865 г.

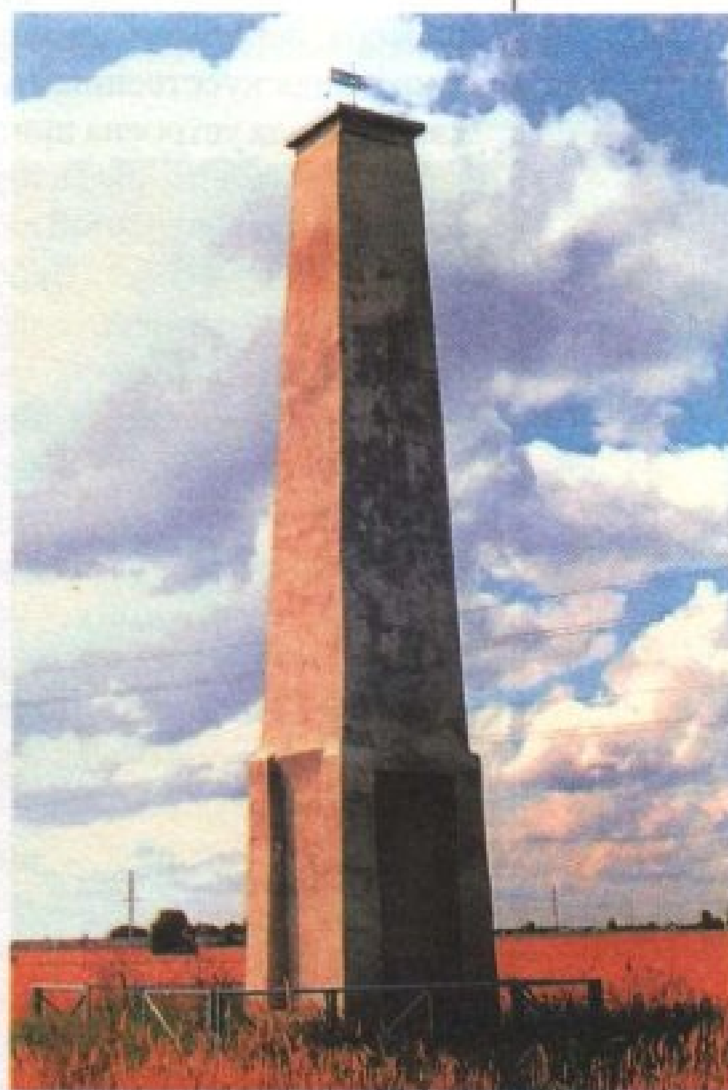
ми (они частично сохранились), и низким бордюром из туи западной, в доме устроена каплица. Со стороны въезда детинец с указанными зданиями замыкался простым длинным сооружением с высокой брамой. Браму образовывали два квадратных пилона с рустом, аналогичным русту на стенах дома, завершенных невысокой четырехскатной гонтовой крышей. Она располагалась на оси усадебного дома и была настолько высокой, что обеспечивала хорошую видимость парадного фасада дома с портиком со стороны въезда.

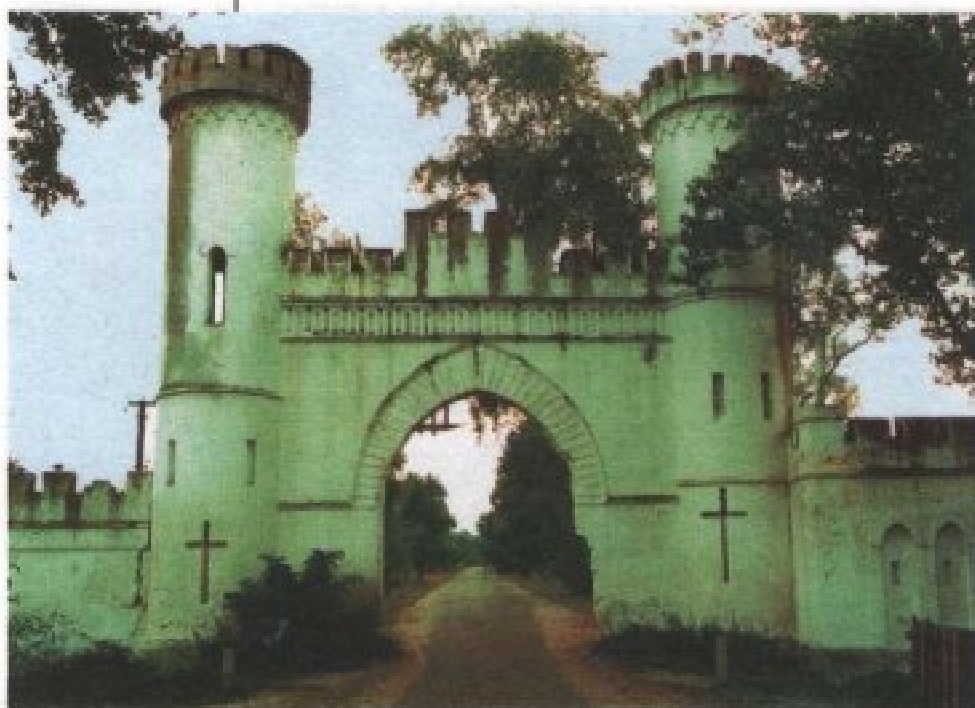
Старые Пески. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 2003 г.

В первую мировую войну строения бывшего классицистического двора сгорели или были разорены, а после разобраны. Сохранились усадебный дом, в котором теперь размещается турбаза, спиртзавод и брамы.

Парадный двор усадьбы окружал большой пейзажный парк в духе романтизма. В плане он имеет форму прямоугольника, вытянутого вдоль озера. С северной и западной сторон к нему вели длинные въездные аллеи. В обсадке западной аллеи использовался бук. Въезды в усадьбу были фиксированы брамами. Северная монументальная брама построена примерно в середине XIX в. в замково-готических формах, перекликается по архитектурному облику с дворцом в Коссове. Брама образована двумя высокими цилиндрическими башнями с зубчатым завершением, между которыми оформлен арочный проезд высотой 8 м с зубчатым аттиком. С левой стороны к башне примыкает небольшая сторожка-кардегардия с зубчатым парапетом (5,5х4 м); к другой башне пристроена стенка с аналогичным завершением. Брама имеет богатый неоготический декор: щели-бойницы, ниши, аркатурные пояса, рельефные кресты. В сторожке размещалась стража, подчеркивающая (больше символически) неприступность и важность графской усадьбы, а сама брама уже у входа в усадьбу создавала у посетителя чувство романтической настроенности. Она хорошо сохранилась, но оказалась теперь в центре деревни, потеряв связь с прежней композицией. Как и в прошлые времена на зубчатом завершении башни гнездятся аисты — постоянные спутники усадьбы. Сохранилось одно из двух деревьев тополя канадского 'Serotina', которые росли перед брамой со стороны въезда. Западный въезд в усадьбу также имел браму, построенную в других формах. Она меньших размеров, не имела башен. Позднее была переделана под магазин, в связи с чем арочный проезд замуровали. Глубина проезда 6 м, ширина фасада 17,5 м. Построена из светло-красного кирпича, ее размеры 27х12,5х6 см, штукатурка серая. Оконные проемы прямоугольные, стены декорированы узкими остроконечными нишами. Толщина лицевой стены равна длине двух кирпичей. В середине над аркой возвышается зубчатый фронтончик. Внутри здание разделено на три камеры; средняя из них, служившая в прошлом проезжей частью, имела острый неоготический арочный свод. Сейчас сооружение имеет вид руины. По руинам еще можно видеть его богатый декор: стрельчатые ниши, четырехгранные пинакли, П-образные сандрики. В последние годы утрачен зубчатый парапет, окружающий сооружение по пе-

Ольшево. Башня Пусловских





Старые Пески. Въездная брама. Фото 1999 г.

риметру и закрывающий крышу. От брамы до усадебного дома вдоль дороги тянулись рабатки с цветочными растениями.

Парк занимал центральную и южную часть усадьбы. Он представлял собой естественный ландшафт, несколько видоизмененный человеком. Здесь ходили павлины, цесарки, в вольере содержался орел. С западной стороны парк отделялся от сада линейной посадкой лиственницы, граба, вяза гладкого и ольхи черной. Вдоль этой защитной полосы от парадной части к южной, мемориальной, через разреженный древостой парка проходила так называемая «смертельная дорога». В конце ее на возвышении была построена каплица с небольшим органом, окруженная линейной однорядной посадкой сосны обыкновенной, место фамильных захоронений. Вдоль этой тропы на разнотравно-злаковом лугу растут расположенные вразброс старые одиночные дубы с низко посаженными раскидистыми кронами. Размах кроны одного из них составляет 21 м, диаметр ствола 136 см. Из древесных интродуцентов сохранился экземпляр бука лесного. Выпали все хвойные виды.

Восточную (наиболее пониженную) область парка занимал большой древесный массив. Сейчас на месте старых вырубленных деревьев ольхи черной сформировалось новое насаждение порослевого происхождения.

Наиболее отработанной и оригинальной в композиционном отношении является северо-восточная (приподнятая) часть парка, примыкающая к озеру. В основе ее композиции лежит водная система из двух водоемов, соединенных протоками между собой и каналами с озером, имеющая остров и мостики из бутовых блоков. Водоемы узкие, вытянутые, с живописно изрезанными берегами, хорошо закрепленными злаковой растительностью и деревьями. Основной канал проходит у бывшего парадного партера, пересекая древесный массив. Он большой (ширина до 10 м), полноводный. Вместе с искусственными водоемами использовался для прогулок. Около партера на канале была устроена пристань для парадных и весельных лодок, путешествующие по каналу попадали на высоко поднимающийся над водой остров с беседкой. На острове росли плотной группой ели, стояли каменные скульптуры русалок. Теперь на острове растут ясень, грабы. Берега прочно укреплены корневыми системами ольхи черной. Несложная, но оригинальная водная система имела не только декоративное, но и утилитарное назначение — выполняла дренирующую функцию. По подземной трубе из водоемов на спиртзавод поступала вода. Позже для этих целей был сооружен артезианский колодец. По каналам системы отводились сточные воды завода. Один из каналов пересекал усадьбу поперек, начинаясь у северной брамы. В южной стороне парка, перед каплицей, дренирующую функцию выполнял ручей.

В настоящее время в связи с углублением озера и насыпкой при-

Старые Пески. Въездная брама. Фото 1999 г.

Старые Пески. Фрагмент парка с водоемом. Фото 1987 г.

брежного песчаного вала связь с водоемом утрачена. Одновременно нарушено оформление прибрежной зоны парка, затеряны видовые точки. Сохранилась большая (диаметром до 16 м) древесная клумба, сформированная из граба и дуба на искусственном возвышении, служившая местом застолий после удачных охот. Заросший круглый водоем соединен теперь с каналом около озера. Хотя озеро несколько отступило от парка, оно по-прежнему остается основным его ландшафтным элементом. В солнечные дни за голубой гладью воды виднеется в дымке противоположный берег. Важным элементом пейзажа стала большая колония лебедей, поселившихся здесь в 1980 г.

Усадьба, заложенная с использованием романтических мотивов, композиционно расстроена, запущена, но представляет культурно-историческую ценность. Отрицательно на состоянии парка сказались гидромелиоративные работы вдоль берега озера. Разрастающийся ольс закрывает поляны. В срочной консервации нуждаются брамы.

Старые Пески. Фрагмент парка с водоемом. Фото 1987 г.

Пясечно

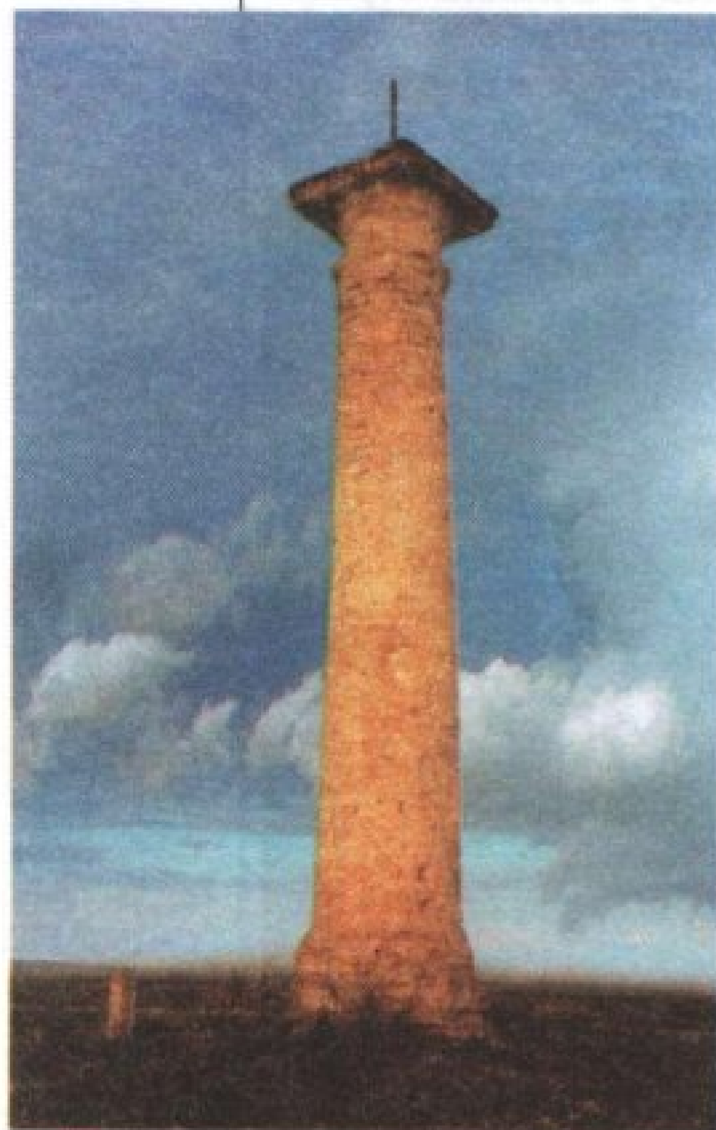
Пясечно. Усадебный дом. С акварели Наполеона Орды. 1864 г.

В XVIII в. имение Друцких-Любецких, входящее в Пахонский ключ. В виде приданого Юзефины стало собственностью вышеупомянутого Войтеха Пусловского из имения Старые Пески. Затем имение вместе с Коссовом, Свислочью, Запольем наследовалось их сыном Вандалином.

В 1872 г. Пясечно с Запольем перешло графу Адаму Броель-Плятеру в виде приданого дочери Геновефы (1852—1928; похоронена на католическом кладбище в Пинске). Старинный род Плятеров берет начало в Вестфалии, откуда в XV в. Броель переселился в Инфлянты и владел здесь замком. Название древнего замка послужило придомком к наименованию рода [293].

После Адама владельцем имения с фольварком Заполье и Добрая Воля стал его сын Стефан Мариан Вандалин (1873—1951), женатый на Ирене Голынской. В 1887 г. имение с Подгатьем и Обровом принадлежало его сыну Льву. Владения составляли 13396 десятин. Младшему его сыну Леонтию отошли Паршевичи [548].

Усадьба была заложена среди поля, западнее деревни Оснежицы. Ее усадебный дом, сравнительно небольшой, с шестиколонным портиком на главном фасаде, известен по рисунку Н.Орды, выполненному в 1864 г. Предполагают, что он строился вслед за дворцом в Старых Песках Пусловскими и в тех же архитектурных формах. Красоту ансамбля художник выражает большим кругом, обилием стремящихся ввысь тополей черных пирамидальных, которыми наделяет также парадный двор в Песках.



Дом окружал пейзажный парк. В доме имелись большие художественные собрания Пусловских и Плятеров. Стефан Мариан Вандалин был известным геральдистом, библиофилом; он комплектовал библиотеку, унаследованную от отца, в состав которой входил богатый архив Шеметов и Тизенгаузов, владельцев двора в Вепже [596]. Перед 1914 г. собрание книг вывозится в Вильно и теряется в годы последней войны.

Усадьба сгорела в годы первой мировой войны. В 1934 г. состоялось землеустройство имения и его парцелляция [11]. Резиденцией Броель-Плятеров становится Заполье, где среди старинного регулярного парка Стефан Мариан Вандалин строит в 1920-е гг. новый дом в формах, напоминающих переходный период от барокко к классицизму. В Пясечно, среди поля, на месте бывшего имения сохранилась каменная колонна-каплица св. Яна Крестителя, которая завершалась скульптурой. Она свидетельствует о прошлом, подобно башне Пусловских около Ольшева.

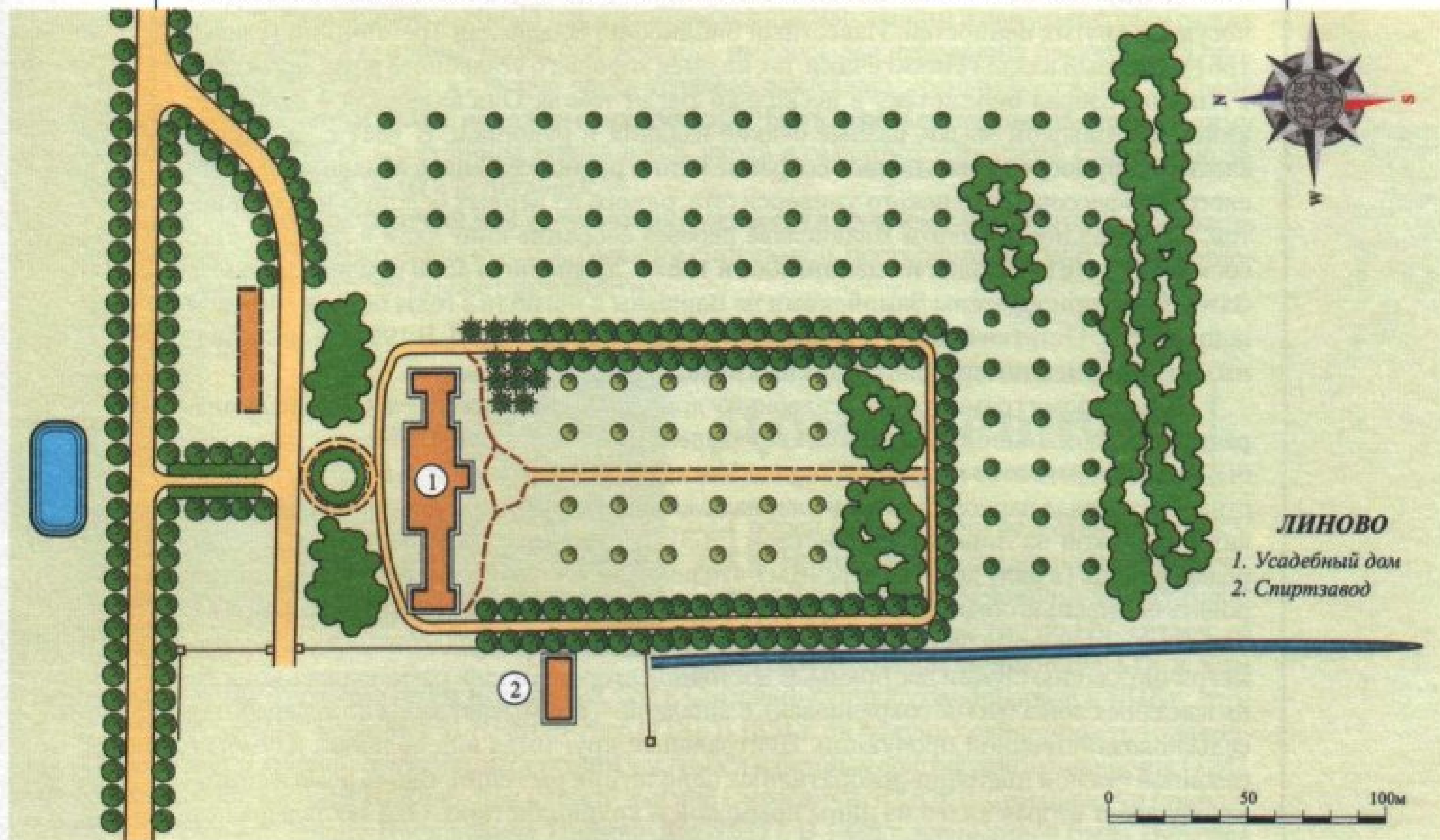
Пясечно. Мемориальная колонна

Линово. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото до 1939 г.

Линово

В начале XVI в. имением владели «... Панъ Станиславъ а панъ Матій Збицкіе земяне Добучинскіе, повъту Кобрынского ...», которые при Ревизии пущ «... на имънье свое, лежачее в Линовъ, привильевъ и некоторыхъ листовъ не покладали, только давность. А входовъ тежъ съ того имънья у пусчу его милости господарскую ни где не маютъ» [520]. Затем в составе Пружанского ключа стало королевским владением, которое после раздела Речи Посполитой Екатерина II подарила генерал-фельдмаршалу, графу П.А. Румянцеву-Задунайскому, который вскоре распродал имения [690]. Линово приобрел Винцент Трембицкий (1762—1842), президент судов Пружанского повета, ловчий кобринский и шамбелян короля Станислава Августа Понятовского, женатый на Изабелле Пашковской. Прожив восемьдесят лет, Винцент передал имение сыну Богуславу (1804—1896), поручику войска польского. Ему перешло также имение Никитичи [546]. Трембицкие не имели семейной каплицы. Отец и сын похоронены на католическом кладбище в Пружанах. На надгробной плите из песчаника скромная эпитафия: «Честь их памяти». Затем Линовом владел сын Богуслава Владислав (1845—1907), женатый во втором браке на Людвике, дочери Эмилии Скирмунт и Каликста Ожешко из Закозеля. Последним владельцем был их сын Казимир [596]. Земельные владения имения в 1890 г. составляли 1970 десятин [546].

Небольшая усадьба заложена Винцентом Трембицким на рубеже XVIII и XIX вв. Хотя время регулярной планировки ушло, она приняла симметрично-осевое построе-



ние. На сравнительно короткой оси разместились въездная аллея, партер, дом. За домом, вдоль оси, сформирован боскет прямоугольной формы. Ось с северной стороны замыкалась небольшим водоемом, а с противоположной — примыкал большой сад.

Центром композиции стал большой усадебный дом. В начале XX в. здание перестраивается и расширяется Владиславом в духе усадебной архитектуры XIX в. под руководством архитектора Луба. Длина здания с пристроенными боковыми крыльями составила 110 м. Центральная часть его представлена поперечным корпусом (16×10 м). Парковый фасад его имеет плоский ризалит, главный фасад оформлен массивной пятиарочной аркадой, на которой размещаются терраса с балюстрадой и четырехколонный портик с плоским фронтоном. Фасад второго этажа имеет на оси большое окно порте-фенетр, симметрично которому расположено по паре окон разной формы и величины. Боковые крылья дома одноэтажные (19×11 м) с высокой двухскатной крышей. Оконные проемы прямые (размер кирпича 30×15×7,5 см). Далее следуют более новые пристройки, нарушившие осевую симметрию. Левый двухэтажный объем (длиной 19 м) с деревянной пристройкой выступает за линию паркового фасада на 1,5 м. Суженный одноэтажный переход ведет к правому квадратному в плане объему (первоначально деревянному). Фасад «перехода» живописно расчленен полуколонками.

Интерьеры разнообразных помещений дома (холлы, салоны, кабинеты) выделялись оригинальностью и богатством оформления. Потолок центрального холла, в котором находились мраморные бюсты Нерона и Агриппины, был покрыт вырезанными из дерева кессонами. Столовая, служившая одновременно бальным залом (площадью около 50 м^2), имела галерею для оркестра, оформленную колоннами. На стенах висели портреты семьи Трембицких и Ожешко. Индивидуальное оформление имели «темный» и «ясный» салоны. Стены первого из них покрывали обои темного цвета, а мебель была обтянута серо-зеленым сукном. Мебель «ясного» салона имела обивку из красного атласа и собрание картин Каликста Ожешко, владельца Закозеля, который приходился родным братом Людвики, хозяйки имения.

В доме имелось много добротной мебели, люстр, картин, семейных портретов, посуды и других ценностей. Известный библиофил Владислав Трембицкий (умер в 1861), который владел Никитичами, но, не имея хорошего усадебного дома, проживал в Линове, собрал библиотеку в несколько тысяч томов. Она включала в основном книги на польском языке, разные редкие издания и рукописи. В 1847 г. за тысячу злотых он приобрел очень ценное собрание книг и рукописей князя Михаила Бобровского, профессора Виленского университета, одного из первых белорусских славистов. Богуслав после смерти Владислава перевез собрание книг дяди в Линово. Оно составило 14181 фолиант и оценивалось в 1867 г. примерно в 4500 рублей серебром. Затем были приобретены Замойскими из Варшавы и погибли в годы первой мировой войны [560]. Остатки библиотеки вывезли немцы в 1914 г. [596]. В 1997 г. единственным украшением интерьеров оставалась печь.

К большому громоздкому усадебному дому ведет липовая аллея. Судя по произрастающей здесь липе крымской, она оформлена на втором этапе строительства усадьбы. Известно, что этот гибрид (Tilia x euchlora C.Koch), полученный в 1867 г., распространился в ряде парков Беларуси начиная с конца XIX в. Размножили его в питомниках прививкой на липе крупнолистной [563]. Аллея широкая (20 м), но короткая, редкостойная (в ряду деревья через 8 м), что позволило с внутренней стороны декорировать ее сиренью обыкновенной. Начинаясь от главной аллеи из конского каштана, она ведет к большому партеру с традиционным кругом перед усадебным домом. Симметрично зданию стояли две брамы. С восточной стороны аллеи размещалась конюшня выездных лошадей (не сохранилась), с западной — примыкает завод по переработке сельскохозяйственной продукции. Центральный круг имел вид большой клумбы с сезонной сменой цветочно-декоративных однолетних растений. Вдоль дома к спиртзаводу ведет вторая аллея из липы крымской и крупнолистной. Она закладывалась позднее, со строительством завода, и потому нарушила прежнюю осевую планировку.

В наше время партер изменен бессистемной посадкой деревьев, которые образовали сомкнутый древостой, закрывающий фасад здания. В прошлом на партере между брамами и домом росли одиночные конские каштаны, ива золотистопобеговая и ясень.

Линово. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1987 г.

Парковый партер, узкий и вытянутый вдоль здания, был оформлен цветочными рабатками. Ось перспективы подчеркнута беседкой — посадкой липы в виде круга с разрывом по центральной оси, а в конце парка — десятью липами, посаженными симметрично с двух сторон. Через парк проходила прогулочная дорожка (хорошо выражена), обсаженная кустами сортовой смородины. Смородина и другие плодово-ягодные кустарники росли в двух больших, вытянутых вдоль основной композиционной оси, прямоугольных боскетах — основного планировочного элемента парка. Ось перспективы подчеркивалась деревьями. Из них сохранился мощный ясень, растущий на возвышении. На партере, вдоль дорожки, летом выставлялись оранжерейные растения в кадках, придавая боскетам интерьерный характер. Интерьерность подчеркивалась аллеями с формованными кронами, под зелеными сводами которых проходил кольцевой прогулочный маршрут. Позже, видимо, в начале XX в., боскеты получили пейзажное оформление. Были реконструированы старые аллеи, что видно по растущим ныне деревьям. Только отдельные из них (самые старые) несут следы бывшей формовки; остальные имеют возраст около ста лет и хорошо развитые кроны. В боскетах деревья (клен, липа, граб, дуб, ясень) с развесистыми кронами растут одиночно или в небольших группах, разбросанных по разнотравно-злаковому газону. Особенно величественны девять лиственниц польских высотой более 30 м.

Небольшой усадебный парк дополнялся примыкающим к нему плодовым садом. С его южной стороны, вдоль оси усадьбы, имелось два небольших боскета. Сад продолжался и дальше в южную часть усадьбы, замыкаясь лесным массивом. Посреди сада, в аллее, в 1937 г. высажен орех грецкий. Часть деревьев перенесла суровую зиму 1939—1940 гг. Со стороны завода вдоль парка и сада проходит узкий канал, отводящий избыток воды в р. Мухавец.

Величественный дом Трембицких нуждается в срочном капремонте. Только часть его перекрыта и используется. Бывший спиртзавод, построенный в 1921 г., функционирует как крахмальное предприятие.

Домашевичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1915 г.

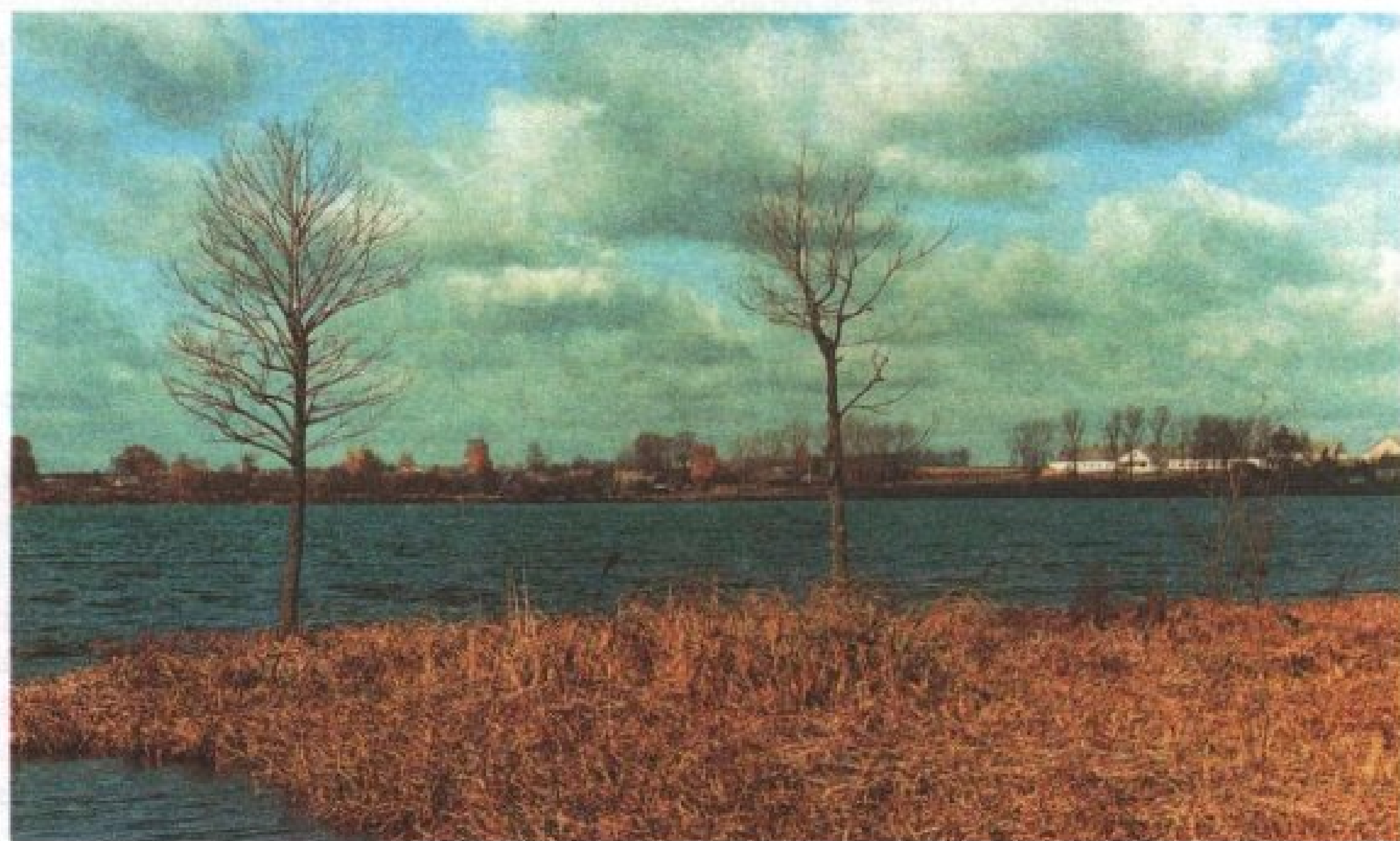
Домашевичи

Двóрец Домашевичи известен с конца XV в. Принадлежал Федору Песляковичу, Стецко Рагозичу, затем боярину Ивану Бранцу [415]. Имение известно по Инвентарю за 1597 г. [542]. В первой половине XIX в. владение Корбутов герба Корчак [93, 651]. Согласно купчей, совершенной в 1846 г., отошло от М.Корбута к И.Нейгоф-Лею [119]. В 1851 г. он получил свидетельство о законном владении имением, отсутствии частных и казенных долгов, исков и запретов [124]. В эти же годы Нейгоф-Леи купили имение Сигневичи. В 1876 г. Домашевичи принадлежали Ивану Иосифовичу Нейгоф-Лею [547]. В 1888 г. владелицей была Надежда

Степановна Павлова [548]; в 1911 г. — собственность Александра Фон-Миллера. Земельные владения составляли 831 десятину [549].

Усадьба заложена Корбутами в начале XIX в. Расположена обособленно, на озерной террасе Домашевского озера, плавно спускающейся от высокого (до 10 м) обрывистого восточного края до уреза воды в водоеме. Она формировалась в эпоху классицизма, но характерных черт усадеб того времени не имеет (схема). Парк совмещал черты пейзажные с регулярными. Усадебный дом, известный по фотографии 1915 г., стоял в начале парка и не был увязан с парковой средой. К нему вела длинная липовая въездная аллея. Ее фрагменты сохранились в деревне. Усадебный дом был небольшим, прямоугольным в плане, одноэтажным, с высокой четырехскатной крышей. Парадный фасад имел портик с двумя парами колонн и треугольным фронтоном. На месте дома растут деревья в возрасте более 50 лет. На бывшем газоне частично прослеживается круг в диаметре 25 м. Его окружает плотная посадка из клена. В прошлом это был формованный бордюр. За домом расположена поляна. Возможно, здесь был сад. От нее по легкому склону к озеру спускается большой массив, пересекаемый почти посередине дорожкой. Фоновым деревом массива является липа второго поколения. Сомкнутость древостоя 60—70 %. Тонкие деревья достигают высоты 23—26 м. Одиночно растут береза, ель, тополь белый, клен. В подлеске заросли рябинника, изредка встречается бузина черная. Предположительно, что этот молодой массив возник на открытой поляне перед водоемом. Маточниками послужили старые одиночные деревья на луговине парка, которые образовывали рамки перспектив.

С южной стороны к массиву вдоль озера примыкает боскет, окруженный с трех сторон неглубоким кюветом. По валу кювета тянется узкой полосой насаждение липы. Деревья, как и в Сочивках, имеют не линейное расположение, а растут вразброс, что придает защитному насаждению особую привлекательность.



Домашевичи. Водоем. Фото 1999 г.

В парке хорошо выражена дорожно-тропиночная сеть. Главная аллея усадьбы проходит вдоль ее восточной окраины, у гребня обрывистого склона. Затем поворачивает и идет в западном направлении к озеру. Вдоль нее с двух сторон тянутся кюветы. Липы растут в основном по валам в виде кустов по 3—5 экземпляров, образуя молодое качественное насаждение. Это порослевое поколение, развившееся после вырубки деревьев в первую мировую войну.

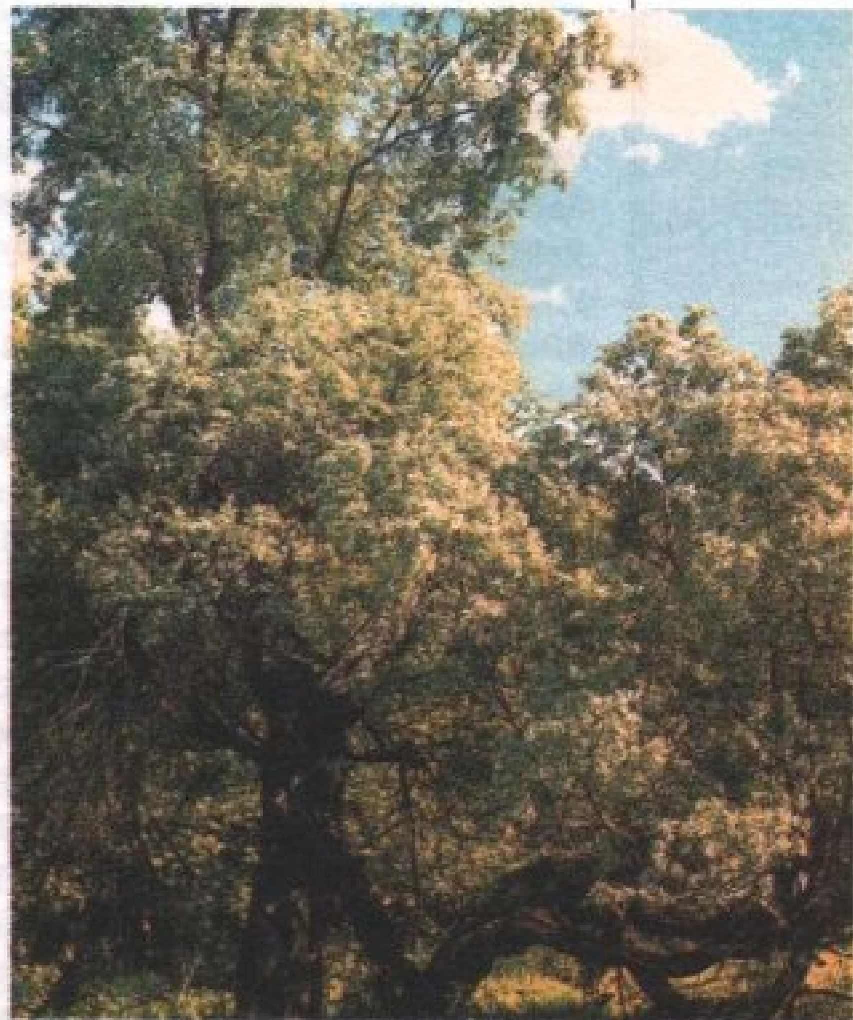
Наиболее живописная тропа вдоль озера. Она мягко извивается под кронами лип, которые растут также в виде кустов и укрепляют корневыми системами береговую линию, живописно обрамляют рамки перспектив на водную гладь. Древостой парка почти липовый; встречаются также белая акация, боярышник, бересклет, чубушник, лещина, спирея, шиповник.

Парк на живописной озерной террасе с качественным молодым древостоем вместе с водоемом ценен как рекреационный объект.

Кабаки. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1911 г.

Кабаки

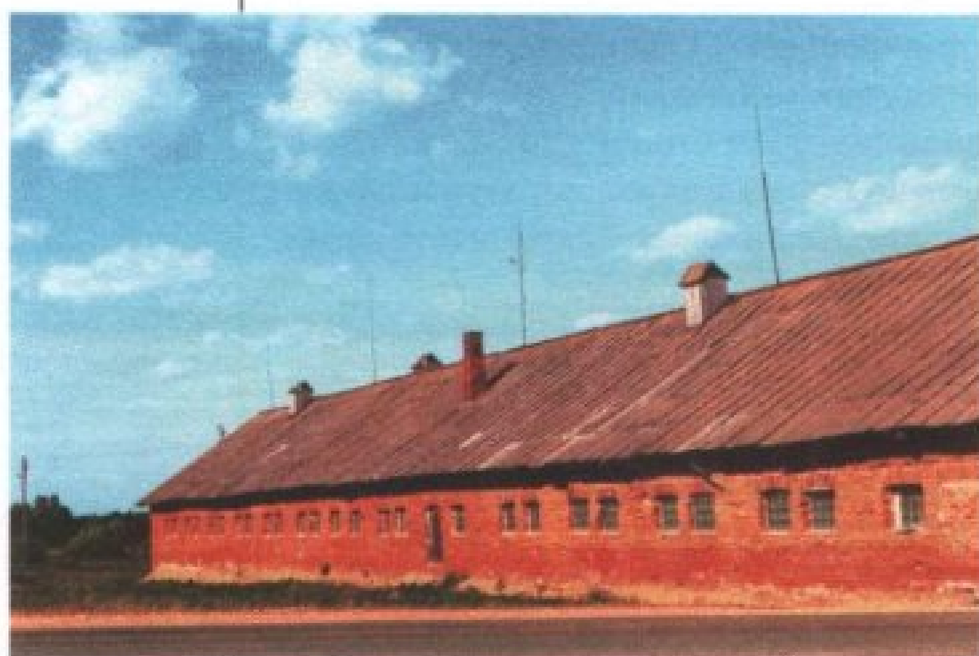
В 1563 г. владение Кабаки составляло 24 волоки земли. Входило в состав Пружанской экономии [775]. В 1795 г. после раздела Речи Посполитой было подарено Екатериной II наследникам покойного генерал-фельдмаршала графа П.А.Румянцева-Задунайского вместе с деревнями Ревенки, Залужье, Подгородье, Олехновичи, Павловичи, Мещанка, а также местечком Дивин с несколькими деревнями, в которых проживало 2650 душ мужского и женского пола [277]. Они вскоре продали Кабаки Павлу Ягмину, владельцу Вистычей [644]. В XIX в. владельцами стали Влодко. В 1890 г. имение Камиллы Влодко с фольварком Каменица включало 1399 десятин земли [546]. Как приданое ее дочери Софьи (1885—1938) отошло в начале XX в. Витольду Свенцицкому (1873—1951) [775]. Его сын Владислав (1904—1940), выпускник сельскохозяйственного института в Бельгии, администратор имения, был убит весной 1940 г. в Катыни [649].



Кабаки. Парк. Ива белая 'Sericea'. Фото 1999 г.

Влодко заложили большую усадьбу на ровной слегка приподнятой территории. Центром ее композиции стал Т-образный в плане каменный одноэтажный с центральной двухэтажной частью усадебный дом. Вход на главном фасаде был выделен трехарочной аркадой, на которой крепилась терраса с каменной балюстрадой. Фасад верхнего этажа с тремя порте-фенетрами завершался треугольным фронтоном и расчленялся пилястрами. Здание имело боковые одноосевые ризалиты также с большими окнами, к которым примыкали небольшие балконы.

Усадьба сохранилась в виде отдельных разрозненных фрагментов, которые еще передают общие черты планировки и ее былое величие. К парадному партеру, где еще сохранился фундамент дома



Кабаки. Конюшня. Фото 1999 г.

(30×20 м), через сад ведет широкая (13 м), хорошо сохранившаяся аллея. Сложена крупными конскими каштанами с уже дуплистыми толстыми (до одного метра в диаметре) стволами и одиночными кленами. Партер был большим, что достигалось расположением традиционного круга на значительном удалении от усадебного дома. К нему через газон от дома вела дорожка, оформленная рабатками.

На главной оси за домом расположена вторая, более короткая, аллея из конского каштана. Ось завершается водоемом прямоугольной формы (70×33 м), от которого отходит канал. Вдоль аллеи расположен разреженный парковый древостой из ясеня, граба, клена, среди которых редкий по размерам и декоративности экземпляр липы крупнолистной (диаметр кроны до 20 м). В парке было много редких растений. В последнее время выпали ясень обыкновенный 'Pendula', лиственница, сосна веймутова. Пейзажный парк перед парадным партером утрачен. Среди сохранившихся одиночных деревьев привлекают внимание серебристой листвой очень старые и дуплистые с изогнутыми стволами два дерева ивы белой «Sericea» (таксон высокой декоративности, редкий вид в парках Беларуси).

К парку с усадебным домом примыкали многочисленные служебные и хозяйственные сооружения. Здания построены Влодками и Свенцицкими из светло-красного или темно-красного кирпича в простых формах утилитарной архитектуры. Сохранились бровар с приемником спирта (18×9 м), в кладке стен которого нерегулярно чередуются ряды «ложка» и «тычка», так называемая молочная, конюшня (20×14 м) и др. Хорошо сохранился жилой дом, двухэтажный (20×14 м), построенный в 1912 г. Углы оформлены лопатками и завершены квадратными башенками. Вход выделен ризалитом.

Кабаки. Флигель. Фото 1999 г.

Большая в прошлом усадьба запущена, интенсивно разрушается совхозом «Березовский». Необоснованно разобраны усадебный дом и другие сооружения; в 2000 г. разрушено большое хозяйственное здание. Исчезают последние редкие виды деревьев.

Габриелин

Примерно в начале XIX в. одновременно с Кабаками Влодко купили небольшой, рядом расположенный фольварк, и заложили здесь новую усадьбу, назвав ее именем жены владельца. В апреле 1863 г. Шчасный Влодко (псевдоним Самуха, или Здеховский) сформировал в Пружанском уезде повстанческий отряд численностью до 300 человек, но он не имел должного вооружения. Только передняя шеренга отряда имела ружья, часть которого производилась в мастерской имения. Вооружение второй шеренги составляли косы, вилы, а третьей — в основном дубины. После пораже-

ния восстания имение конфискуется и переходит российскому генералу Соллогубу. В 1890 г. имением владел Алексей Бажанов. Земельные угодья с фольварками Павловичи, Анелин, Шеплюги составляли 1815 десятин [546]. В начале XX в. владельцем стал Александр Гутовский, а после него сын Станислав.

Усадьба была заложена на возвышении среди поля, включала усадебный дом на высоком цоколе и с портиком на парадном фасаде, парк с маленьким водоемом, небольшой хозяйственный двор. К двору через поле вела длинная липовая аллея. Дом был разобран в 1950-е г. для строительства Малечской школы. Не уцелели и хозяйственные постройки. От усадьбы сохранился только древостой парка среди поля на площади примерно около 4 га. Планировочное построение парка утеряно. Древостой принял вид сплошного массива, среди которого имеются небольшие поляны, зарастающие дорожки. От первоначального древостоя остались одиночные, примерно, двухсотлетние липы и ясени. Фоновым деревом стал граб, образуя сплошной полог высокой сомкнутости невысокого качества, со слабым напочвенным покровом. Может служить основой для создания парка путем ландшафтных рубок и перепланировки.

Тугановичи. С акварели Винцента Дмоховского. 1861 г.

Тугановичи

Согласно легенде, принадлежали князьям Туганам, владельцам Свитязи. К ним в своей поэзии обращался Адам Мицкевич. Собственниками в первой половине XV в. являлись Гойцевичи, затем Немировичи. У истоков этого старинного рода герба Ястребец стоял Ян Немира (?— после 1420), конюший великого князя Витовта. В 1471 г. сын Яна Николай в тестаменте записал село Туганово жене Альжбете, а после ее смерти — костелу в Ишкольди (костел св. Троицы построен в 1472 г. при его фундации). После смерти Николая Немировича Тугановичи являлись собственностью великого князя Казимира. Затем привилей на имение со всеми людьми и землями на вечность от Сигизмунда 1 получил в 1510 г. Семен Иванович, представитель княжеского рода Массальских [433]. После Семена имением Тугановичи и Чомбров владела «Ганна Корьсаковна Селиновая Тугановъская» [428]. Ивановичи, выделяясь из рода Массальских, начали называть себя Тугановскими. В 1566 г. тугановичское имение было поделено между Михаилом и Иваном Тугановскими. Возникло два двора. В 1595 г. произошел новый его раздел наследниками Андреем, Станиславом, Иваном и Николаем, сыновьями Ивана. В 1630 г. имение перешло Самуилу, сыну Ивана, по уступочному документу его матери Регины Тугановской. Затем имением владели сыновья Самуила (Казимир, Иван, Павел и Гавриил) по духовному завещанию отца от 1682 г. В 1716 г. Тугановичи отошли сыну Павла Самуилу, а от него — жене с условием, что при вступлении в брак она теряет на него право, передавая сыновьям Адаму и Иосифу. Условие было выполнено и в 1730 г. сыновья продали имение Станиславу Тугановскому, сыну Казимира [191]. В 1755 г. часть имения стала собственностью ксендза Игнатия Вишневского; второй частью владели Тризны и Азаричи [111, 576]. Соответственно различались Тугановичи Подгайные и Тугановичи Карчово. Обе располагались в трех верстах друг от друга на левом берегу р. Сервечь и имели соответственно по 37 и 39 дворов [658].

Туганович. Франтишка Верещако (из Анцут). Рисунок Рафаила Слизня

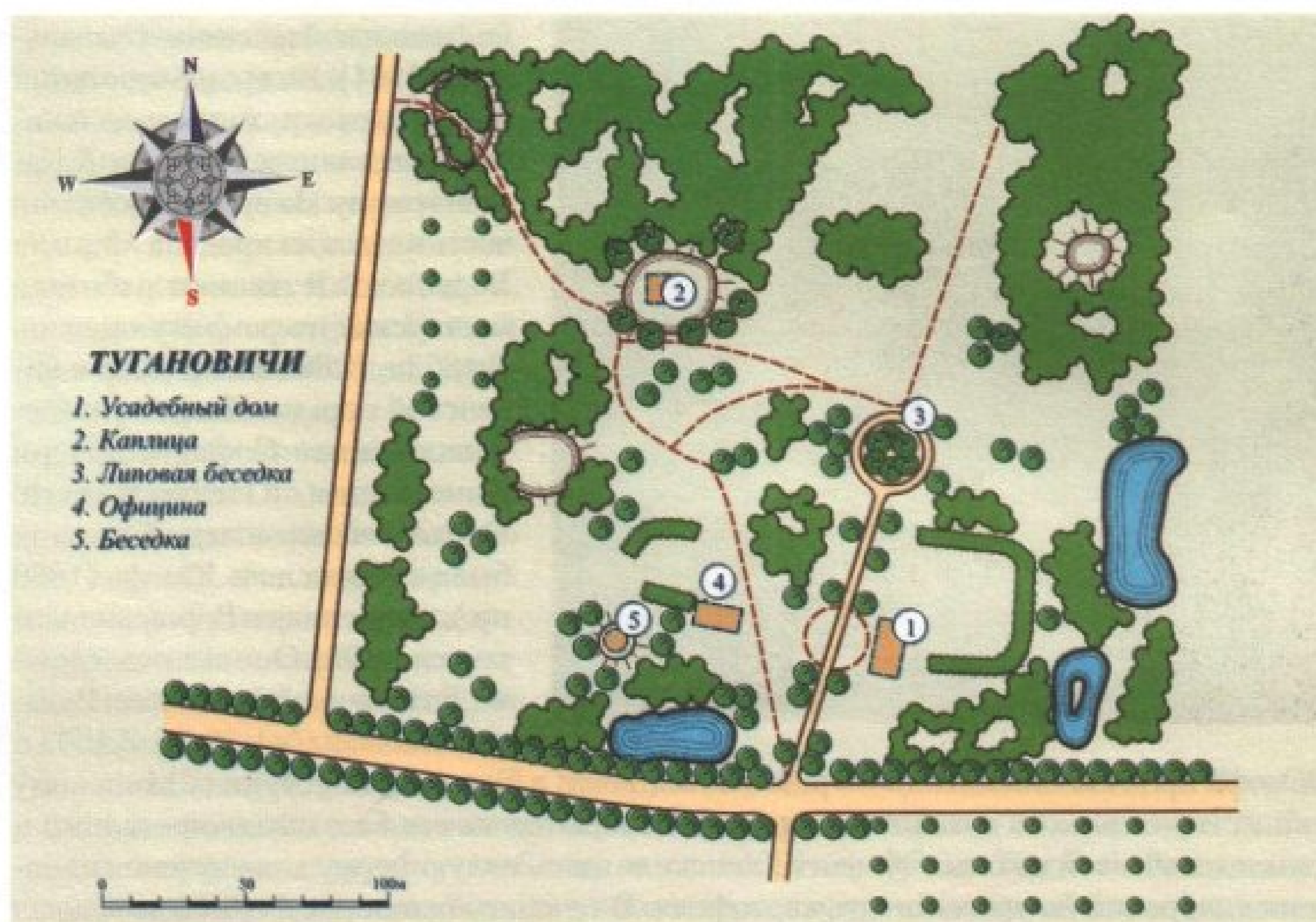
В 1758 г. Тугановичи Подгайные за 39 тысяч злотых приобрел подчаший новогрудский Франц Михаил Верещако, представитель шестого колена древнего боярского рода герба Костеша, исторические корни которого начинаются во второй половине XV—начале XVI в. [156, 237]. Боярин кобринский Иосиф Верещако указывается в фундушевой записи княгини Юлианы Кобринской за 1465 г. В 1510 г. Богуш и Мишко Верещако жаловались королю на пана В.Костевича, отнимающего у них имение Камень, которое «предкам нашим данина великого князя Жигимонта», на что король ответил, что «... Верещаки должны эти имения держати и нести ему земскую службу» [419]. В 1511 г. Богуш и Мишко упоминаются как дворяне королевские с имения Камень под Кобрином [434]. Кроме Тугановичей, они владели Плужинами, Дво́рцем, Райцей, Сегдой, Смольчицами, Лебежанами, Котловом. Франц с 1736 г. владел соседним имением Кутовщина, которое перешло ему по наследству от отца, брестского казначея Филиппа Верещако.

Филипп Якуб Верещако (представитель пятого колена) свою наследственную часть родового имения Камень (Камень Шляхотский) под Кобрином 15 мая 1694 г. продал брату Иосифу, стольнику дорогитскому, и переселился в Новогрудское воеводство. Здесь он приобрел у Яна, сына Мартина и Марианны (из Верещако), Гутовщину и другие имения. Его сын Франтишек Михаил, подчаший новогрудский, владелец ряда имений (Гутовщина, Ализаровщина, Матиши, Грачихи и др.) в 1758 г. купил за 39 тысяч злотых у Млоцкого Тугановичи Тризненские [156]. Сыновья Франтишка Антоний (до 1754—1806), маршалок новогрудский, и Стефан (после 1754—?), ловчий Новогрудского воеводства, в 1774 г. поделили между собой отцовские владения. Антонию отошли Тугановичи Тризненские с деревнями Тугановичи, Рудаши, Трацевичи и Стрельники [525]. Стефан Верещако, отец шестерых сыновей, посол на сейм, становится подкоморием новогрудским, владельцем Гутовщины и Болтупа (Ошмянщина). В «Пане Тадеуше» Адама Мицкевича он послужил прообразом подкомория [683].

В 1778 г. Антоний выкупает вторую часть имения Тугановичи, объединяя его в единое целое. По Ревизии 1811 г. оно включало семь сел (Тугановичи, Карчово, Тугановичи Подгайные, Рудаши, Трацевичи, Горбатовичи, Плужины и Стрельники) [576]. В 1806 г. Антония не стало. Покоится на кладбище в Ворончe. Имение в 1050 десятин земли перешло малолетним сыновьям Михаилу и Юзефу. Управляла хозяйством до конца дней своих вдова Франтишка из Анцут, дочь Адама, судьи земского брестского, владельца Сочивок (умерла после 1830). По воспоминаниям Отто Слизня из Вольно, «очень милая и добродушная старушка». Род Анцут собственного герба древний и малоизвестный. Берет начало от Леона, который в 1394 г. за военные отличия получил от Витовта владение Анцута [620]. В 1589 г. берестейским возным был Павел Анцута. В 1625 г. земянин Николай Анцута владел имением Именин [239]. Братьям Франтишки принадлежало Колдычево [600]. От усадьбы, расположенной на живописном моренном рельефе у Колдычевского озера, прослеживается только место дома, поросшее березами, остатки старого сада и одиночные деревья.

Туганович. Михаил Верещако. Рисунок Рафаила Слизня

Дети Антония и Франтишки вопреки обычаю не стали жить в Тугановичах. Их судьбы сложились так, что вскоре один за другим все трое оставили родительский дом. Первой в 1821 г.



после замужества уехала Марыля, увезя с собой большое приданое — 81 тысячу злотых. По другим данным, оно было небольшим — 15 тысяч рублей [736]. Михаил Верещако (1795—1863), романтически настроенный, скромный, атлетического сложения, председатель Новогрудского уездного межевого суда, переехал в Плужины, отошедшие ему по тестаменту отца, с 160 душами мужского пола. Наследников не имел [108]. Активный, интересующийся политической жизнью страны Юзеф (1796), женатый на Людвике из Раецких, маршалок Новогрудского уезда, кавалер ордена св. Владимира (1825), в 1831 г., после смерти матери, обменял Тугановичи на имение Смольчицы. Последнее принадлежало с 1807 г. председателю новогрудского уездного суда, кавалеру ордена св. Владимира четвертой степени Яну Тугановскому, потомку прежних тугановичских владельцев. Имение перешло ему по крепости от Адама Римши по доверенности Юзефа и Михаила Верещако. Ян был сыном Марка, земского и литовского землемера, с 1793 г. новогрудского войского, и Иоанны из Гарабурдов, внуком Иосифа, правнуком Самуила Тугановского [156].

Имение этого периода включало двор, именуемый в инвентаре мызой, фольварк Новый Свет, деревни Карчово, Трацевичи, Подгайная [107]. В 1844 г. оно стало собственностью племянника Яна Константина Тугановского (1811 г.р.), владельца имения Ловце, второго сына Марка Викентия, гродненского губернского секретаря, женатого на Софье Верещако, средней дочери Юзефа. После окончания Виленского университета он был определен в 1835 г. в штат канцелярии Гродненского межевого суда [195]. В 1848 г. Константин обращался в строительное отделение Минского губернского правления с просьбой о строительстве в усадь-

Тугановичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото Яна Булгака до 1911 г.

Тугановичи. Усадебный дом. Боковой фасад. Фото Яна Булгака до 1911 г.

бе фамильной каплицы-усыпальницы [144]. Во время восстания был избран окружным начальником повстанцев. Помогал К.Калиновскому. На нужды восстания часть владения продала Марыля Верещако. В имении работала мастерская по ремонту оружия. В 1863 г. Константин умер в виленской тюрьме. Имение унаследовали вдова Софья и дочери Констанция, Юзефа, Ядвига. Последней владелицей имения была средняя дочь Юзефа (1860 г.р.), крещенная в Ворончанском костеле [190]. Оно включало кроме Тугановичей фольварки Рудаши и Новый Свет [546]. В 1903 г. Юзефа продала Смольчицы Юрию Котвицкому, а Тугановичи уступила Минскому обществу сельского хозяйства с просьбой открытия на его базе опытной станции и земледельческой школы. Общество заложило здесь малую ферму для изучения влияния удобрений на урожайность картофеля. В течение восьми лет фермой заведовал Карл Карпович из Чомброва [59].

В 1911 г. на землях имения было открыто «Опытное поле в Тугановичах». Общим собранием Минского общества сельского хозяйства от 12 декабря 1910 г. был избран комитет, который возглавил С.Г.Ревенский. Почетным членом комитета являлась Юзефа Тугановская. Члены Минского общества сельского хозяйства обязались субсидировать опытное поле в течение шести лет. Среди них были известные владельцы крупных имений Минской и Гродненской губерний: Эдуард Войниллович (из Савичей), председатель Минского общества сельского хозяйства, граф Генрих Грабовский (Осташин), князь Иероним Друцкий-Любецкий (Новое Поле), Евстафий Любанский (Лошица), княгиня Мария Радзивилл (Несвиж), князь Михаил Святополк-Мирский (Замирье), Роман Скирмунт (Поречье), граф Константин Хрептович-Бутенев (Щорсы), граф Георгий Чапский (Прилуки) и др. Ежегодные взносы составляли от трех до двухсот рублей (княгиня Мария Радзивилл) [58].

Главной задачей поля являлось сортоиспытание зерновых, овощных и кормовых культур, а в перспективе планировалось сортовыведение. Состав изучаемых сортов отличался большим разнообразием. На опытном поле в процесс сортоиспытания были включены: сорта ржи — 21, пшеницы — 40, ячменя — 30, овса — 31, картофеля — 34, вики — 5, по семь сортов гороха, клевера, моркови и свеклы [58]. «Мертвый инвентарь» составлял сорок наименований. Его состав дает представление о технических возможностях и качестве обработки земли. Имелись, например, плуги Сухени № 2 с почвоуглубительным ножом и дерноснимом, двухлемешный Цегельского с дисковым ножом, почвоуглубитель Бипорта, плуги Сака и с оборотным лемешем и почвоуглубителем Бипорта; бороны — Вржесинского, Лааке, пружинная, дисковая, зигзаг, шестипольная [61]. Война 1914 г. прервала образцовые агрономические работы в Тугановичах.

Тугановичи. «Мурованка». Фото 1910 г.

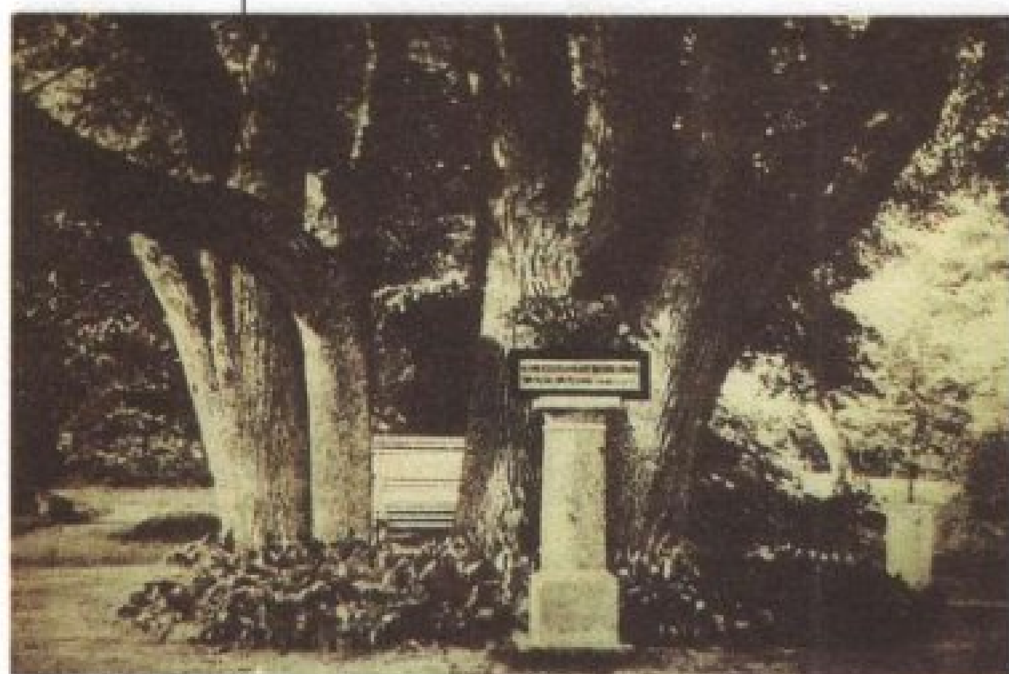
После войны имение с разрушенной усадьбой перешло в собственность государственной казны и значилось под номером 8 [221]. Юзефа, несмотря на старания, не смогла ее восстановить и доживала свой век рядом, в лесном фольварке Новый Свет. Умерла в 1930 г., похоронена в Ворonче.

Тугановичи. «Мурованка». Комната Адама Мицкевича. Фото С.Савицкого. 1910 г.

Усадьба заложена Антонием Верещако на живописном моренном рельефе обособленно от деревни, около р. Сервечь (схема). Ее пересекает центральная аллея, отделяя плодовый сад от парка с парадным двором. В ее обсадке использованы наиболее величественные в Беларуси деревья тополя белого и тополя Петровского. Сохранившиеся одиночные великаны достигают высоты 30 м. И хотя о Тугановичах, в отличие от других усадеб, писали уже в XIX в. (журнал «Tygodnik illustrowany») и в начале XX в. (журнал «Ziemia»), но желаемого представления об ее построении не сложилось [616,673,736]. Дворовые сооружения не сохранились. Здесь проходила линия немецко-российского фронта. Не уцелели даже руины, полностью стерт бывший хозяйственный двор. Густой сетью окопов был изрезан весь парк. По границе парка со стороны р. Сервечь тянулась сплошная линия укреплений, в которой наряду с обычными окопами имелось четыре бетонированных. Здания запечатлены на фотографиях Шименовича, Савицкого и Булгака, выполненных до 1911 г., акварелях Н.Орды.

Общее представление об усадьбе дают краткие описания современников. Игнатий Домейко, племянник Франтишки из рода Анцут, характеризовал ее так: «... двор

Тугановичи. Фрагмент въездной аллеи. Фото 1987 г.



Тугановичи. «Альтана». Фото до 1930 г.

Тугановичский, просторно застроен, с каменной, возвышающейся над ним официной и костелом. Большой липовый парк и сад из плодовых деревьев, множество хозяйственных строений для челяди, прислуги, управляющих надают этому двору характер резиденции нашей зажиточной шляхты» [576].

Усадьба, безусловно, что отмечают многие авторы, имела характерные черты шляхетских дворов своего времени. Она, на наш взгляд, не выделялась повышенной репрезентативностью, не была даже строго спланирована в соответствии с бытующими планировочными канонами, не имела четкой композиционной оси, но рельеф, природное окружение в сочетании со вкусом владельцев наделяли усадебную среду особой привлекательностью и уютом. По выражению Мечислава Яструна [590], «вся ее прелесть была в пейзаже, в высоких старых деревьях ...». Дом отличался гостеприимством, всегда был полон гостей. Его знали не только в Новогрудке, но и в Вильно [759]. Это было настоящее Соплицово, прообразом которого оно стало в «Пане Тадеуше».

Наиболее достоверное представление о композиции усадьбы дает схема 1924 г., выполненная в масштабе 1:100, хранящаяся в документах профессора Ю. Клоса (дело «Планы и рисунки к зданиям в Тугановичах Новогрудского повета») [57]. Месторасположение усадебного дома помогают установить сохранившиеся ступеньки бокового входа. Судя по фотографии Яна Булгака, он был небольшим, одноэтажным, с высокой четырехскатной гонтовой крышей. Парадный фасад украшало скромное крыльцо с четырьмя колоннами. Обычный треугольный фронтон с полуциркульным окном завершал его оформление. Крыльцо имелось и на парковом фасаде. Белизна стен здания контрастировала с парковой зеленью. Одиночные деревья подходили вплотную к сте-

Тугановичи. Вид усадьбы с каплицей. С акварели Наполеона Орды. 1876 г.

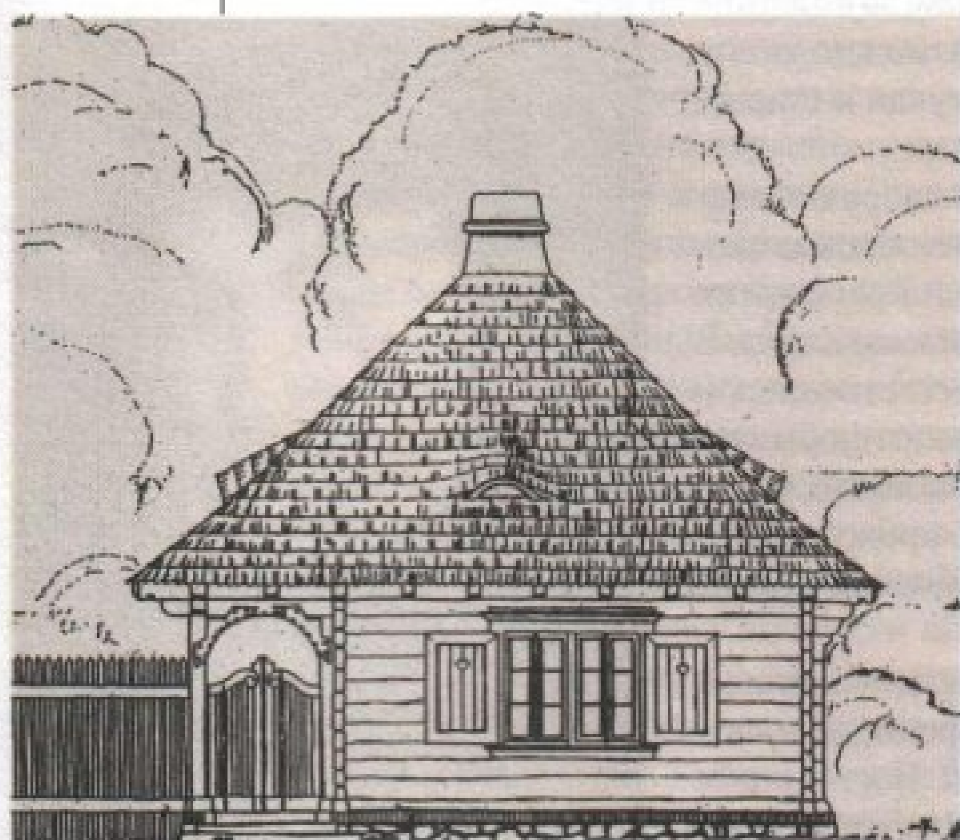
нам. У окон комнаты Марыли (левая угловая комната) возвышался, опустив ветви на крышу, конский каштан. Вокруг обилие цветочных растений: пионы, мальвы, георгины [759]. Все это не могло быть незамеченным Адамом Мицкевичем: «...панскі дом і з зяляніны свяціўся, як сувой кужэльнае тканіны, тынкоўкай белай сцен над дыванамі поля. Ад непагод затулены сцяной таполяў, ён невялікі быў, але не занядбаны...» [467]. Сведений об интерьерах дома, фамильных собраниях очень мало. В 1869 г. Эдвард Хлопицкий отмечал в интерьерах на стенах дома акварели Винцента Дмоховского, его большую картину «Охота». Восхищение очевидца вызвала также большая картина Жана Батиста Греуза из сапеговских собраний в Деречине.

Туганович. «Альтана». Фото 1999 г.

План 1924 г. показывает, что второе здание — «мурованка» — располагалось на значительном удалении от усадебного дома, но почти на одной оси с ним. Расстояние от круга на партере до него составляло около ста шагов. Называлось здание «мурованкой» из-за высокого каменного фундамента, и само здание было каменным, в отличие от основного дома. Стояло оно обособленно, среди деревьев и цветочных растений. Предполагается, что это здание было старше усадебного дома. Примыкало к старым хозяйственным зданиям, которые занимали юго-западный угол усадьбы, но имело усложненную композицию: мансарда, оригинальное крыльцо, на четырех колоннах которого была устроена терраса с балюстрадой, деревянное крыло, в котором размещались кухня, комнаты для слуг и малая оранжерея. «Мурованка» была короче усадебного дома, но имела высокие цоколь и крышу и, по словам очевидцев, выглядела более эффектно. В этом доме останавливался Адам Мицкевич, занимая большую правую комнату, два окна которой выходили на газон, а из третьего (бокового) были видны окна комнаты Марыли. Здесь жили молодые Верещако — Михаил и Юзеф [736].

Общий вид усадьбы передает одна из акварелей Винцента Дмоховского, выполненная в 1861 г. Сопоставляя расположение сооружений на гравюре и плане усадьбы нетрудно заметить, что на гравюре дается ее примерное планировочное построение и, видимо, более точно передаются отдельные компоненты и некоторые детали: здания, оранжерея, водоемы, конский каштан у окна комнаты Марыли, тополя черные итальянские, опушка паркового массива, которая и теперь хорошо выражена. Водоем, составляющий передний план этой акварели, намного увеличен. Оранжерея расположена на значительном удалении от «мурованки», в противоположной части парка, на восточной поляне около водоема. Судя по гравюре, это было красивое сооружение симметричной композиции, с несколько повышенным ризалитом, декорированное лепными гирляндами, завершенное аттиком, и с большими, почти по высоте всего фасада, арочными окнами. Кроме отмеченных сооружений в парке, за усадебным домом, стояли две официны. На плане они расположены без особых планировочных принципов, произвольно.

Туганович. Въездная брама со сторожкой. Реконструкция. 1931 г.



Марыля Верещако. Гравюра XIX в. по тогдашней миниатюре

На плане, опубликованном польским исследователем А.Кемпфи [404], около въездной брамы показано гостиничное здание. Однако план не имеет масштаба измерения и не согласуется с планом 1924 г., на котором «мурованка» и усадебный дом расположены рядом. Один из двух водоемов расположен перед домом на месте газона. Нет на плане официн, оранжереи.

Названные усадебные сооружения (возможно, их было больше), стоящие среди парка, создавали впечатление большой зажиточной усадьбы, что и подчеркивалось современниками.

Усадебные здания окружал парк. Перед усадебным домом (он хорошо выражен на фотографии Я.Булгака) находился газон с кругом, к которому от въездной брамы вела короткая дорога. На ней запечатлены три агавы в кадках, выставляемые летом, и оранжерея, расположенная сразу за кругом [616]. Создается впечатление, что здесь не было традиционной въездной аллеи. Не обнаружено также следов пней, не замечена аллея на рисунках и фотографиях, не приводится в воспоминаниях. Перед домом на газоне располагались цветочные клумбы, просто обложенные побеленными кирпичами. Вертикальными доминантами парадного двора являлись тополя черные 'Italica'.

С усадебными зданиями визуально были связаны три водоема, воспетые А.Мицкевичем в «Пане Тадеуше». На плане 1924 г. нанесен только один из них, южный. Видимо, восточные водоемы к этому времени были пересохшими. Они не образовывали системы, не были связаны протоками, а располагались обособленно среди деревьев по краям усадьбы, питаясь родниками. Один из них был расположен примерно на оси с «мурованкой» в окружении старой развесистой липы и ивы белой плакучей (начаты работы по его очистке). Пруд за усадебным домом был круглым с высоким островом в виде видового холма, который хорошо выражен и сейчас, а русло водоема теряется, поросло снытью. Третий водоем расположен на оси со вторым, за поляной. Вытянут, имел также удлиненный остров, а, возможно, полуостров. На берегу сохранились ива белая плакучая и старый явор. Водоемы мелководные, без воды, зарастают.

Адам Мицкевич. Художник Валентий Ванькович. 1821 г.

Почти незаметно насаждения парадного двора переходили в парк. В плане он имеет форму квадрата площадью около 8 га. В основу композиции положен принцип раскрытия перспективы на окружающие ландшафты и пейзажи парка. В связи с этим он имел пять видовых точек на естественных и частично подсыпанных холмах. Соответственно им формировались древесные группы, определялись размеры полян, положение прогулочного маршрута. Парк зрительно продолжается за своими пределами, его границы, как и во многих других романтических парках, условны.

Наиболее возвышенной и уединенной является его северо-западная часть с выраженным ярким моренным рельефом. Угловая часть называлась Дубовой горкой. Восточнее ее на холме в окружении кряжистых дубов стояла небольшая

каплица с захоронениями Верещако. Около нее покоились Тугановские, Цивинские, Лисовские, Бородичи. Андрей Кемпфи [404], ссылаясь на семейный архив Верещако, отмечает, что капличка являлась «филией» (филиалом) циринской церкви, и в ней раз в месяц униатский священник проводил службу [593]. Капличка не сохранилась. Ее и захоронения уничтожила война 1914 г. Известна по акварели Н.Орды, выполненной 23 июля 1876 г. Это было небольшое деревянное сооружение, прямоугольное в плане с граненой апсидой, двухскатной крышей, на коньке которой возвышался крест. Главный фасад имел четыре колонны, на которые опиралась слегка выдвинутая крыша. В деревне Верещако, являясь верными униатами, построили униатскую церковь (не сохранилась).

Тугановичи. Береза Адама Мицкевча

Холм, на котором стояла капличка, разрыт траншеями, покрыт мхами, сухими листьями. Одиночно лежат замшелые камни. По склонам соседних холмов поднялось второе поколение граба. Даже в солнечный день здесь мало света, сумеречно, тихо. В парке, судя по гравюрам, имелась еще одна капличка, скорее беседка, шестигранная, каменная, с шатровым завершением. Являлась одним из романтических мотивов парка. Рядом росла береза.

Основной видовой точкой парка был холм около дубов-близнецов с перспективами на его поляны и примыкающий по западной окраине сад. Перспективы на пойму Сервечи открывались с северо-восточного холма и холма-острова круглого водоема.

Важным, ставшим историческим композиционным элементом парка, следует считать клумбу липы (посадка по кругу), называемую «альтанкой», расположенную на основной парковой тропе. Клумба включала 12 лип. Сохранилось четыре двухсотлетних дерева, наклоненных в стороны под тяжестью крон. На смену старым деревьям поднялось 9 новых порослевых экземпляров. От «альтанки» с простой лавочкой по пышному злаково-разнотравному травостою расходились к видовым точкам извилистые тропинки. Они живописно петляли среди древесных групп, огибали возвышения, пересекали поляны и уводили в самые укромные парковые уголки. В парке, видимо, не было аллей, кроме грабовой по окраине со стороны поймы, которую отмечает Р.Афтанази [596]. Она выполняла защитную роль. С южной стороны, вдоль дороги, парк окружала обсадка из тополя белого (одиночные деревья сохранились); по западной окраине идет ряд липы, за которым изолированно от парка располагался хоздвор. Южную часть усадьбы, за въездной аллеей, занимал большой плодовый сад и овощной огород, окруженные линейной рядовой обсадкой из липы.

Последние владельцы имения Константин и Юзефа содержали парк в образцовом состоянии, глубоко почитали его мемориальность. В доме бережно хранились библиотека, собрание художественных полотен, нумизматическая коллекция, некоторые личные вещи Марыли, два томика поэзии А. Мицкевича с автографами. В 1860 г. перед «альтанкой» Константином был установлен бюст поэта при фундации новогрудской шляхты. Через несколько дней мраморная скульптура была разбита молни-

ей. Позже, после 1914 г. на этом месте (видимо, на старом уцелевшем постаменте) была установлена доска со словами из четвертой части «Дзядоў»: «Altano! Mego szczęścia kolebko i grobie tum poznał, tum pożegnał! ... Ach! Com uczui w tobie!». Перед окном комнаты Марыли Юзефой устанавливается высокий четырехгранный столб с надписью: «Tu mieszkała Maryla, pierwsza *miłość* Adama Mickiewicza»; около официны, в которой останавливался Адам, на доске были другие слова: «W tej «Murowance» gościł Adam Mickiewicz w latach 1818—1820» [616].

Тугановичский дом во все времена отличался гостеприимством. По выражению Игнатия Домейко, он был «...открыт для всего повета». Когда дети стали взрослыми, в доме сложился иной стиль жизни. Гостями стали их друзья по Виленскому университету, единомышленники, прогрессивно настроенная молодежь.

При последних владельцах в усадьбе гостили, останавливаясь в «мурованке», Бенедикт Дыбовский, Тадеуш Костюшко, Тадеуш Корзан, Наполеон Орда, Элиза Ожешко, Мария Канопницкая и др. Именитые гости оставляли на стенах бывшей комнаты Адама в форме автографов рисунки, строки из стихотворений, таким образом выражая к нему свое глубокое уважение. Усадьбу посетил президент Польши с членами правительства. За заслуги по содержанию усадьбы Юзефа была награждена орденом Polonia Restituta [727]. В 1931 г. благоустроенный парк с новой оградой и брамой объявляется культурно-историческим памятником. Проект ограды и брамы хранится в историческом архиве в Вильно [54].

Очарование тугановичской усадьбы (о ней и ее владельцах много слышал от своих друзей) испытывал Адам Мицкевич во время летних каникул, когда был студентом Виленского университета. Он приехал первый раз вместе с Томашем Заном, видимо, в августе 1819 г., а не в 1818 г., как обычно было принято считать. По приглашению Верещако он провел здесь летние каникулы и в следующем 1820 г. Перед Адамом предстала юная Марыля (Марианна Ева), хорошо воспитанная, образованная и необычайно духовно богатая. Она имела двух гувернанток (француженку и немку). Музыке, игре на фортепьяно и скрипке учили французы-эмигранты Монаре и Фроке, пению — итальянец Бронетти. Классическое образование получила у ксендза иезуита Вишневского и ксендза Диурдевича. Марыля владела французским, немецким и итальянским языками, много читала, любила поэзию, пела и музицировала, пробуя сочинять мелодии. В доме имелось мелодичное фортепьяно. Друзья поэта говорили: «Женщина как женщина», но «восторгались ее духовной красотой, поражались начитанностью, умением поддерживать беседу — даже не умением, а искусством...» [590].

Имея хороший вкус, Марыля быстро заметила и высоко оценила поэтическое дарование молодого Мицкевича. В парке, в долгих прогулках на лошадях (любимой лошадью Марыли была Хучиса), которые могли доходить до озера Свитязь, беседах о поэзии, литературе вообще, в развлечениях и забавах проходило следующее лето. Его, полное радости, увлечений, переживаний и волнений, называют летом романтической любви Марыли и Адама.

Однако судьба распорядилась по-своему и, видимо, вопреки желаниям. Были еще каноны времени, традиции шляхетских дворов, которыми особенно руководствовались родители. Любовь не была отвергнута. В Адаме юная девушка увидела героя своей романтической мечты, но в присутствии родных и родственников в тугановичском доме она была уже помолвлена, обменялась кольцами с Вавжинцем Станиславом Путткамером, двадцатишестилетним графом приятной внешности, который владел недалеким Униховом и часто посещал Верещако. Он дружил с братьями Марыли и свое намерение о женитьбе, судя по записи в штамбухе Марыли, выразил 14 июля 1819 г. в форме четверостишья.

Путткамеры были евангелистами, принадлежали к старой инфлянтской шляхте и браки стремились заключать со своими одноверцами. Через второй брак с Доротой Шреттер герба Любич (из Гайтюнишек; род имел также инфлянтское происхожде-

ние) стольнику инфлянтскому Вавжинцу Путткамеру в начале XVIII в. отошли Больтеники, ставшие родовым имением линии рода на Беларуси. Его сын, также Вавжинец, генерал-адъютант, был женат на Дороте Цадровской из Осташина; внук Александр, генерал, камергер короля Станислава Августа Понятовского, женился на кальвинке Каролине Стриенской, рано умершей. В их семье в Больтениках в 1794 г. родился Вавжинец Станислав, ставший 2 февраля 1821 г. мужем Марыли. По выражению Марцели Косман [387], граф относился к числу неординарных, хотя не популяризированных личностей. В 1812 г. закончил физико-математический факультет Виленского университета со степенью кандидата философии; посещал лекции Лелевеля и других профессоров; в войне 1812 г. был сторонником Наполеона, участвовал во многих сражениях, перенес контузию, пережил прусский плен; по возвращении в 1814 г. в Больтеники поддерживал контакты с филоматами и филаретами, был членом Виленского общества шубравцев, помогал участникам восстания 1830—1831 гг., за что вместе с Марылей оказался в Виленской тюрьме. Как маршалок лидский беспокоился о жизни крестьян и своих подданных, за что его называли «крестьянским маршалком», являлся куратором Синода Евангелистского. Подготовил ряд социальных проектов: отмены крепостного права, открытия в Вильно типографии под эгидой объединения поляков в целях развития культуры в Литве, покровительства над национальным языком. Был убежден, что «... чем больше класс крестьян образован, тем в большей степени он знает про необходимость улучшения своего быта». Понимал необходимость экономических перемен в хозяйстве, хотя попытки строительства кожевенного предприятия, суконной фабрики, сахарного завода не увенчались особым успехом. Только высокие нравственные качества и благородность графа обеспечили тактичность в отношениях с Адамом, творчеством которого, особенно «Дзядамі», он был увлечен. По-своему вежливо и учтиво любил жену. Сам делал пробы пером, написал элегию, посвященную памяти Тадеуша Костюшко. Антон Одинец, пожалуй, лучше всего сказал о нем: «... это самый добросовестный, самый приятный человек ..., ... был действительно очень идеальным» [387]. Неслучайно Вавжинец Станислав стал прообразом графа в «Пане Тадеуше».

В возрасте 22 лет (1816) Вавжинец Станислав получил от отца небольшое, недалекое от Тугановичей, имение Унихово и самостоятельно вел в нем хозяйство. Сюда после венчания и свадьбы, на которую съехалась половина уезда, переехал с Марылей, а затем — в графский, обновленный и заново меблированный, дом в Больтениках. После отца молодой граф унаследовал это имение и Бражельцы.

Адам Мицкевич испытал на себе непростую судьбу романтического героя. Любовь, по выражению Т.Зана, прошла по его душе, как пожар по лесу. В драматических переживаниях и страданиях родился бунт личности, а вместе с ним пробуждался и набирал силу талант поэта. Олицетворением трагической любви явится Густав в поэме «Дзяды», романтический герой, бунтарь. На рубеже 1820 и 1821 гг. из-под пера поэта вышли «Ода к молодости» и ода «Романтика», ставшие манифестом молодого поколения романтиков, смелым вызовом старому миру с его эгоизмом и трусливым согласием со злом, косностью и несправедливостью.

Пройдет время, Мицкевич расправит свои могучие поэтические крылья, но никогда не забудет этот уголок родной земли. «... И вечно снятся мне Новогрудок и Тугановичи», — писал поэт в Лозанне; «Колыбелью любви» тепло называл он беседку из лип («альтанку»), которая стала теперь достоянием истории.

Нелегкими были и переживания Марыли. Спустя примерно двадцать лет (в 1839 или в 1840), во время свадьбы Софьи и Константина Тугановского, Марыля с братом и молодыми вечером подошла к «альтанке» и от нахлынувших воспоминаний залилась слезами [683]. Об Адаме напоминала и березка, посаженная им в обычной старой крестьянской корзине в день последнего посещения Верещако в «память о том, что было время, когда девушки выходили замуж без любви». В конце века березку лечили, сделали каменную подпору, но спасти не удалось. Погибла в годы первой мировой

войны. Известна по одной из фотографий собрания польского краеведческого товарищества. Местные жители помнили эту березу изогнутую, с длинными ветвями, скорбную, как и пережитая история. Береза стала легендой парка. В купальские ночи девушки искали ее, подобно, как ищут и никогда не находят цветок папоротника.

Хорошо знал Тугановичскую усадьбу Наполеон Орда, друг Адама Мицкевича. Береза стала объектом одной из его акварелей. Судя по рисунку, дерево имело сильно изогнутый ствол и небольшую развесистую крону [600]. Росла на возвышении невдалеке от парадной части парка, около граненой парковой беседки. Возле дерева лежал плоский валун — место отдыха Адама. Под камень, кроме того, было удобно положить записку, а затем взять ответ [735].

Парк сохранился в первоначальных границах, но заметно видоизменен. Его древостой, преимущественно липовый, сильно пострадал в годы первой мировой войны. Везде заметны бывшие окопы, траншеи, поросшие деревьями и кустарниками. Кроме лип, в беседке со времени Мицкевича сохранились, пожалуй, только дубы-близнецы. Позднее появились более молодые единичные деревья (дуб, липа, клен, граб). Они возвышаются над пологом граба, которого стало много в парке. Выпали все хвойные растения и интродуценты, которые отмечались нами ранее [564]. Вдоль дороги к усадебному дому в аллее посажен чужеродный для парка тополь 'Lettland'. Заасфальтирована одна из площадок. Заросли водоемы. Однако войны и время не лишили парк красочности пейзажей, простора живописных дальних перспектив, приятных воспоминаний. Пройдет еще столько же лет, и белое платье Марыли, длинное — до щиколоток, будет «белеть среди темных деревьев».

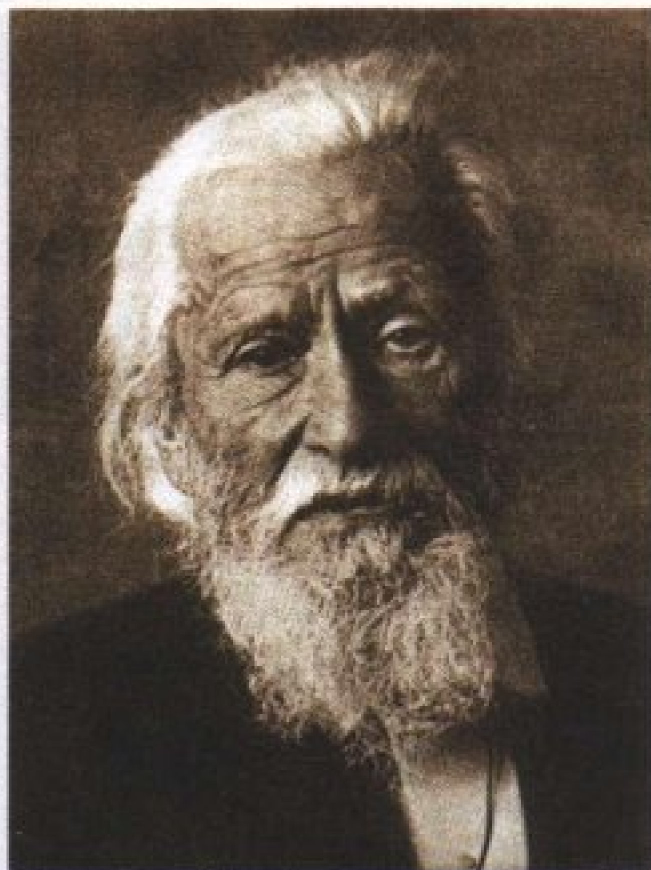
Недалеко от Тугановичей располагались Трацевичи, небольшая усадьба, возведенная Римшами, с небольшим уютным домом, построенным в формах стиля. Принадлежала Верещакам, Тугановским, Пшиходько. Трацевичи, бывая в Тугановичах, посещал Адам Мицкевич. Между дворами имелся холм, именуемый «горка Мицкевича», где Адам любил останавливаться по дороге к Римшам [596]. Усадьба утрачена.

Заосье. Литография с акварели Наполеона Орды. 1876 г.

Заосье

В 1798 г. Заосье у Щуков купил Антон Чечот, потомок Василия Чечота, родоначальника ветви рода Чечотов герба Остоя, к которой принадлежал Ян Чечот, поэт, фольклорист. Затем фольварк унаследовали сыновья Игнат и Антон, писарь и регент судов земских новогрудских, судья и президент судов граничных новогрудских [592]. От Чечотов Заосье перешло к Яновичам, но половина фольварка находилась в закладном владении Мицкевичей, небогатого шляхетского рода герба Порай. Примерно в середине XVIII в. Заосьем владели Михаил и Юзеф Яновичи. Владение составляло три волоки земли и один крестьянский дом. Братья задолжали Мицкевичам, а судебные разбирательства тянулись около сорока лет. С трудом, правом и силой, в 1785 г. Мицкевичи забрали фольварк. В 1787 г. он стал собственностью Юзефа Мицкевича, после его смерти перешел в 1799 г. его брату Базылю [369].

У истоков рода стоял Валентий Римвид Мицкевич, владеющий двором Мицковцы в Лидском повете. Его сын Криштоф, женатый на Кристине Закжевской, пере-



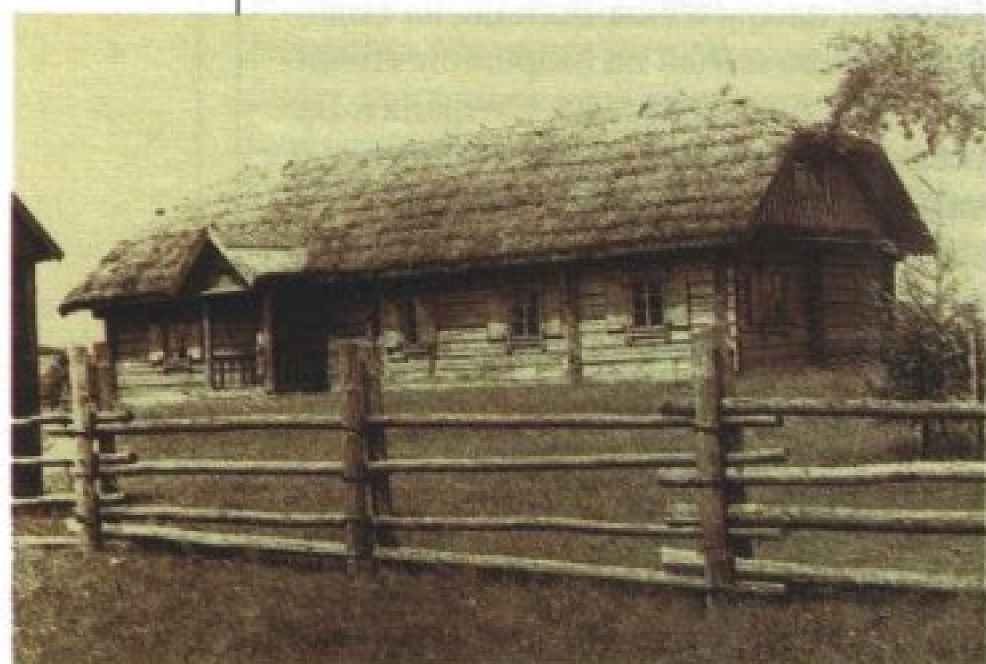
Заосье. Владислав Мицкевич. Фото Я.Волынского

селился в конце XVII в. в фольварк жены Вольцы на Новогрудчине. Сын Криштофа Ян, женатый на Марианне Лещитовской, имел сыновей Якуба, Адама, Юзефа, Стефана и Базыля. Семья арендовала фольварк Горбатовичи в четырех километрах от Ворончи. Сын Базыль владел Заосьем. Второй из сыновей Якуб был неграмотным, но женился на богатой Теодоре Пекальской, приданое которой составляло 4 тысячи злотых, перстень с семью алмазами, браслет с рубинами и столовое серебро. В 1765 г. в их семье родился Николай, отец будущего поэта. Вскоре мальчик осиротел: умерла мать, а в 1773 г. — отец. Под опекой одного из дядей Николай окончил доминиканскую школу в Новогрудке [369]. Принимал участие в восстании 1794 г. После раздела Речи Посполитой работал коморником минским, затем адвокатом в Новогрудке, старательно вел судебные дела [683].

После смерти Базыля право на Заосье имели его братья, их дети, а также девятилетний сын Фелициан. Общее руководство владением, по согласованию с наследниками, взял Николай, женатый к этому времени на Барбаре из Ожешко (в первом браке была Маевской) и имевшей двоих сыновей. В 1789 г. Мицкевичи переехали в Заосье [403]. В 1801 г. фольварк сдали в аренду, а в 1806 г. права на Заосье от Николая передали мужу его сестры Барбары — Винценту Леону Стыпулковскому (1763—1813), коморнику новогрудскому, который у Михаила Петровича Яновича, ротмистра новогрудского, приобрел Заосье, уплатив только половину причитающейся суммы в 7 тысяч злотых, и стал юридически единственным владельцем всего фольварка.

Тщательно разработанная С.Рыбчонком [524] родословная малоизвестного рода Стыпулковских герба Дях, помогает проследить историю Заосья и его место в жизни семьи поэта. В Беларусь из Подляшья переселился Валентий (представитель третьего поколения рода), который в 1769 г. купил фольварк Белая, расположенный в одной версте от Заосья, за 3500 злотых у ротмистра Станислава Райкевича. В 1803 г. Белая отошла сыну Винценту. Винцент находился в дружеских отношениях с семьей брата жены. Помогал ему материально, хотя и сам имел большую семью: двоих сыновей (Люциана Ксаверия и Николая Франтишка) и шестерых дочерей. После отца Заосьем и Белой, в которых имелось в 1828 г. пять ревизских душ, владели сыновья. Судьба их была непростой. Люциан (1806—1848) окончил Виленский университет, участвовал в восстании 1830—1831 гг., эмигрировал и осел во Франции, дружил с Адамом Мицкевичем, который во всем помогал своему двоюродному брату. В 1848 г. примкнул к итальянскому легиону, который формировал Адам на помощь Дж. Гарибальди [524]. Умер в 1848 г. Еще раньше ушел из жизни и второй сын Николай (1808—1839), который последние годы жил на Волыни, работал медиком (окончил Виленскую медико-хирургическую академию) у Сангушко. После братьев Заосьем владели сестры Карнелия (1801—до 1883), Юзефа (1803—после 1839) и Серафима (1811—после 1898). В Инвентаре за 1845 г. владелицей указывается Серафима (Серафина) Скуратович, во втором браке Ласковская [105]. Видимо, по вине

Заосье. Памятник Адаму Мицкевичу. Фото Р.Куневича



Заосье. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

второго мужа она утеряла фольварк. После 1853 г. Заосье перешло в казну и сестры переселились в Белую. В апреле 1861 г. Заосье посетил сын поэта Владислав, живший в Париже. В своих воспоминаниях он сделал запись: «Из Новогрудка я совершил только экскурсию в Заосье, маленький уголок, где родился мой отец и которую российское правительство конфисковало» [234]. Земли конфискованного фольварка после 1863 г. были распарцеллеваны [662].

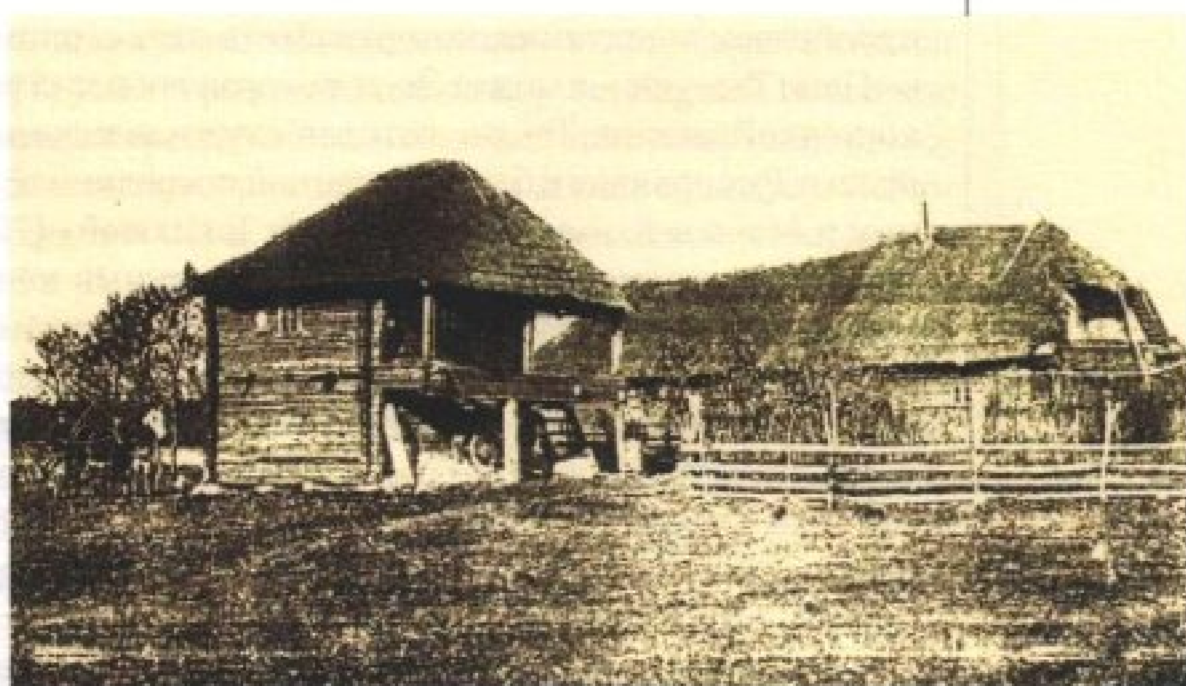
Согласно списку землевладельцев Минской губернии за 1876 г., фольварком владели Викентий и Елена Хмелевские. Площадь его земельных угодий составляла 130 десятин [547]. В 1888 г. Заосьем продолжала владеть Елена Хмелевская, а часть земли была собственностью разных владельцев: Онуфрия и Анны Тарасевич, Викентия Гринцевича, Франтишка Севрука [548]. В годы первой мировой войны (в 1915) все строения усадьбы были разобраны. Материал использован при строительстве блиндажей. Здесь в течение трех лет проходила линия фронта. В 1927 г. на месте дома военным подразделением из Барановичей был установлен обелиск с бронзовым бюстом. У его основания лежал валун, на котором была выбита дата рождения поэта. В 1955 г. обелиск отреставрирован, в 1998 г. снесен в связи с восстановлением усадьбы.

Усадьба расположена уединенно среди поля на живописном моренном рельефе между Колдычевским озером и моренными холмами с возвышающейся Жерновой горой, напоминающей по форме жернова мельницы, на которой стояла деревянная капличка. Сведений о ней мало. Известна по литографиям, рисункам Н.Орды, Т.Обминского, Э.Павловича. Имела характерные черты небольших усадеб небогатой шляхты, построенных в формах народного зодчества. Включала традиционный набор деревянных строений: усадебный дом, лямус, обору, стодолу, а также колодец с журавлем, небольшой сад, огород, пруд с баней на берегу. К огороду примыкала живописная роща. Во дворе росли старые сосны, дубы, конские каштаны, липы. Они также не сохранились, кроме ив ломких (видимо, второе поколение) и одной старой липы (нижняя часть ствола с обильной порослью). Двор окружала простая ограда из жердей. Небольшой усадебный дом был сложен из бруса и завершен высокой соломенной полувальмовой крышей. На главном фасаде имелось небольшое крыльцо с двумя колоннами и треугольным фронтоном, которое внешне напоминало портик. Дом перестраивался, видимо, ремонтировался в середине XIX в. Его описание оставил Эдвард Павлович, посетивший усадьбу в 1883 г. Небольшой коридор (сени) делил дом на две половины. В правой половине жили владельцы. Она включала комнату, которая служила столовой, гостиную, спальню, маленькую комнатку и аптеку. Левую часть дома занимала изба для челяди, комора, кухня и кладовая [683].

На одной оси с домом располагался небольшой двухэтажный лямус с четырехскатной соломенной крышей и галереей вдоль главного и одного из боковых фасадов. Маленькая комнатка на втором этаже служила жильем в летний период. Лямус был объектом ряда художников.

Заосье. Лямус. Главный фасад. Фото Н.Роубе. 1898 г.

Объективнее всего его вид передает одна из фотографий, известная по публикации Наполеона Роубе за 1898 г. [735].



Заосье. Лямус. Фото 1900 г.

24 декабря 1798 г. в сочельник в Заосье в семье Николая и Барбары родился сын, будущий поэт редкой поэтической силы и жертвенной любви к родине. В феврале следующего года мальчика окрестили. Запись в метрической книге новогрудского приходского костела за № 315 приводит В.Коротынский [369]: «... Года божага 1799 месяца лютага 12 дня. Правелябны ксёндз Антоні Постлет, канонік курляндскі, ахрысціў немаўля іменамі Адам-Бярнард, сына народжанага Мікалая Міцкевіча, каморніка мінскага, адваката наваградскага, і Барбары Маеўскай, высакародных мужа і жонкі...».

В Новогрудке Мицкевичи снимали квартиру в доме Добровольских и Домейко [683]. В 1804 г. купили место бывшей усадьбы бурмистра Федора Тычины, сгоревшей в 1751 г. В 1806 г. на старых фундаментах построили новый каменный дом, который с 1807 г. стал основным местом жизни семьи Мицкевичей.

От отца Адам унаследовал честность, любовь к поэзии, природе. Двор новой усадьбы был переполнен птицами, животными, в неволе содержались дикий кабан, лиса и волчонок [778]. Превыше всего новогрудский адвокат, недавний участник восстания Костюшко, ценил образование и стремился, несмотря на трудности, дать его сыновьям. Однако жизнь оборвалась очень рано — в 47 лет. В 1812 г. Барбара вторично овдовела, оставшись с четырьмя малолетними сыновьями: Францишком, Адамом, Александром и Ежи. В 1820 г. не стало Барбары.

С Заосьем, вплоть по 1810 г., были связаны детские годы Адама. Здесь у тети Барбары обычно он проводил летнее время. Приезжал с братьями и позже, когда учился в Ковно. Останавливались в амбарчике с тремя окошечками, который позже стали называть «летней резиденцией поэта во время каникул». На его стенах брат Францишек оставил рисунок, а Адам — разные словесные выражения. Одно из них («*Czas już abyś ulitowała sie nade mną...*») было обращено к Марыле. Их видел Томаш Зан, который в 1841 г. после ссылки останавливался в лямусе. Около 1860 г. в Заосье приезжал Александр, о чем писал брату Францишку: «... под щитом спихлера еще недавно были следы твоих рисунков, но он вскоре развалится, а Заосье продадут за долги... Не припомнишь ли, где ты оставил фамильные бумаги и другое подобное. Портреты наших родителей я чудом нашел» [778]. В конце XIX в. около окошка висела памятная доска [683].

Мицкевичи любили Заосье и между собой были связаны теплыми кровными узами. Адама манило гостеприимство родичей, живописные окрестности, по которым бродил без устали, посещая соседние села, фольварки, озеро Колдычево, слушая народные песни, легенды, видя крестьянский быт, труд. Он познавал свой край, переполняясь к нему любовью. Позже с грустью вспоминал: «... нигде на земле не имел такой веселой жизни, как в литовских деревнях и застенках. Столько там радости, любви, счастья...».

Любил Адам посещать соседний фольварк Белая, расположенный в двух километрах южнее Заосья, принадлежащий семье Стыпулковских. Был дружен со своими ровесницами, двоюродными сестрами. Серафиме подарил оправленный в слоновую кость альбом со своими стихами, написанными карандашом. Особые симпатии питал к Юзе (Жузе, Жузане), которой посвятил балладу «To lubie». Она, видимо, послужила

прообразом шляхтянки, которая умела жать серпом рожь, в «Пане Тадеуше», а может Зоси, которая носила сережки с косточкой вишни. Теклю, которая служила в доме Верещако в Тугановичах и была преданной посредницей между ним и Марылей, называл «любимой Тэклюней» [759]. До последнего времени он дорожил юношескими впечатлениями, всегда радовался общению с очень дорогими ему родственниками. В 1846 г. в одном из писем А.Ходько писал: «В доме их, малом застенке, сама жизнь и радость». В следующем году сообщал брату Франтишку, что заплакал, получив письмо из Заосья, где хозяйничает Корнелька с детьми [468]. Она бережно хранила пенал с гамбургской ручкой, подаренный ей Адамом [660].

Франтишек Мицкевич

Корнелии, ставшей женой Сосновского, фольварк отошел после смерти отца в 1815 г. В 1822 г. умерла Текля. Юзя вышла замуж за Фелиция Мицкевича и жила в Горбатовичах. Белая отошла Серафиме, а от нее старшему сыну Люциану. У него хранилось зеркальце («лямусик») с Заосья со времен детства Адама [524]. Именовалось также «зеркальцем Адама» [660]. В 1862 г. не стало Франтишка. Просил он Александра (сына Адама) похоронить в Литве, рядом с родными, завещал ему саблю, желал силы и счастья. Покоиться пришлось около костела св. Катажины в Рожнове (Польша).

Белая утрачена. Усадьба в Заосье восстановлена, чему предшествовали изыскания гродненского археолога Г.Семенчука, позволившие в 1990 г. установить месторасположение построек. На месте усадебного дома были найдены фундаменты двух печей, старинный кафель, подсвечники и другие предметы [379]. Здания восстановлены на основании рисунков Н.Орды и Э.Павловича, преподавателя Новогрудской гимназии, участника восстания 1863—1864 гг. Бывший фольварк стал музеем-усадьбой Адама Мицкевича.

Ясенец

Ясенец. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1914 г.

В середине XVI в. небольшим имением на р. Сервечь владел Война Богушевич Рамейка, который служил княгине Острожской и ее второму мужу Альбрехту Ляскому. В 1567 г. Война выставлял в войско «одного вершника». Он положил начало новому роду, потомки которого назывались Войнами-Ясенецкими и в XVII в. продолжали владеть имением [490]. В 1638 г. Григорий, мечник мозырский, вместе с женой Кристиной (с Улатовских,) фундовал в Ясенце строительство церкви св. Николая [260]. Кристина в 1663 г. владела большим имением Выжловичи на Пинщине, где от усадьбы более поздних владельцев Хржановских остался одичавший переувлажненный древостой парка и небольшие водоемы. Известность имел Александр Война-Ясенецкий (?—1698), войский витебский, каштелян новогрудский. Через его дочерей род породнился с Тизенгаузами, Огинскими, Понятовскими. Тереза состояла во втором браке со Станиславом Понятовским, подскарбием ВКЛ, которому в виде приданого перешло имение.

В связи с политическими и военными событиями, переходом Станислава во время Северной войны (1700—1721) на сторону шведского короля Карла XII, имение осталось во владении Войнов и затем перешло Неселовским, старинному шляхетскому роду герба Кошбак с тремя рыбками на сером поле. Неселовские пришли с Поморья и осели на белорусских землях в XVII в. Сведений о родословной очень мало. Документы были утеряны в 1812 г. Имелись только грамоты, подтверждающие, что предком рода являлся обозный Минского воеводства [174]. Одним из владельцев Ясенца был Казимир Игнатий Неселовский (около 1676—1752; ему принадлежала также Ворончa), известный государственный и политический деятель, староста цыринский, затем каштелян смоленский (1732—1752), посол на сеймы 1722, 1735, 1736, 1738 гг., депутат Трибунала ВКЛ в 1724 г. [452, 495]. В 1798 г. имением владел Кароль Густав Шиллинг [260]. Видимо, от него отошло Верещако. В первой половине XIX в. владельцем был Августин Верещако (1790?—1846?), сын Стефана Верещако и Анны из Яблонских, заседатель Новогрудского уездного суда [525]. По купчей крепости от 1857 г. имение отошло Стефану Верещако, сыну брата Августина Петра Гиацинта, владельцу Кутовщины [132]. Земельные угодья имения в 1890 г. составляли 360 десятин [546]. В 1911 г. Стефан Яцентьевич, член Минского общества сельского хозяйства, оставался владельцем Ясенца, а также Кутовщины и Котлова [549].

Усадьба была заложена на живописной, слегка пересеченной террасе р. Сервечь. На возвышении стоял усадебный дом, построенный Неселовскими в 1740-е г. Позднее дом расширялся и перестраивался в формах классицизма, получив усложненную планировку. Известен по одной из фотографий, сделанной перед первой мировой войной [596]. Центральная доминирующая часть здания была прямоугольной в плане с высокой четырехскатной крышей. Ее парадный фасад выделялся пристроенным массивным четырехколонным портиком с небольшим треугольным фронтоном. К боковым фасадам главного объема были в это же время пристроены четыре небольших крыла со своеобразным развернутым расположением по отношению к главному объему здания. Фасады пристроек украшали боковые колонны, завершались они плоскими треугольными фронтонами и имели невысокие двухскатные крыши, что придавало сложному

Ясенец. Фрагмент усадьбы. Фото 1999 г.

сооружению архитектурную целостность и завершенность. Вдоль партера, с правой стороны, стояла небольшая одноэтажная официна с высокой крышей. К партеру вдоль склона террасы вела въездная аллея. За домом располагался небольшой парк, выход в который через террасу шел прямо с дома.

Иоахим Литавор Хрептович. Художник Ю.Косинский. 1798 г.

Сведений об усадьбе очень мало. Дом упоминается Каролиной Путткамер («Мои воспоминания о семье Юзефа Калиновского»), дочерью Вавжинца и Марыли, в связи со свадьбой в снежную зиму 1857 г. Софьи Верещако. Марыля на санях приехала из Бражельцев, а после свадьбы навестила родственников Домейко и Абламовичей, а затем — Константина Радзивилла в Полонечке, где по просьбе князя благословила троих его сыновей [759].

Усадебный парк тянулся вдоль плавно изгибающейся террасы и подходил к большому косогору со старыми дубами и красочным разнотравьем. Косогор и теперь доминирует над местностью. Частично сохранились кряжистые с обветренными кронами дубы, обильно разрослись лещина, бересклет. Отсюда открывалась живописная панорама на усадьбу, петляющую внизу по неширокой пойме Сервечи, и заречные дали. Косогор служил местом захоронений владельцев. Внизу, у его основания, на ровной местности стояла церковь св. Николая. Небольшим деревянным храмом, расположенным в уютном углу, замыкалась усадебная композиция, а сам храм служил архитектурным акцентом ландшафта. Он, как и усадьба, не сохранился. Она была разрушена в годы первой мировой войны. На прежнем церковище растет величественная липа, видимо, ровесница усадьбы, с более чем метровым диаметром ствола и размахом кроны 16 м. От хозяйственных построек, располагавшихся вдоль въездной аллеи, сохранились два небольших, простых здания времен Верещако.

В Ясенце, в доме бабушки Теофилии Войны (из де Раесов), во втором браке Неселовской, 4 января 1729 г. родился Иоахим Литавор Хрептович, сын Марциана Хрептовича (около 1670—около 1766) и Регины Войнянки (умерла в 1763). Здесь прошли его первые годы жизни. Затем родители забрали сына в свое имение в Щорсах. Иоахим был представителем одиннадцатого поколения древнего шляхетского рода герба Одрованж, предком которого был Ян Литавор, староста новогрудский, принявший родовой герб на городельском сейме 1413 г. [371, 605].

Канцлер ВКЛ Иоахим Хрептович (1729—1812) известен как одна из наиболее ярких личностей эпохи Просвещения, оценку заслуг которого хорошо выразил Тадеуш Чацкий: «Он произвел в умах ту революцию, особенно в образовании, которая ставила новое поколение на расстояние в два века от предыдущего. Он, занимаясь государственными вопросами... любил и уважал науки, и добавлял мощью своего гения красоты тому языку, который нам остался. Он показал, как можно улучшать хозяйство, не увеличивая крепость (барщину) крестьянина, как личная свобода крестьян дает увеличения богатства господину» [371]. Граф был библиофилом и увлекался поэзией. Первое стихотворение «Всем многие века в новом доме», написанное в возрасте 12—16 лет, посвятил деду Казимиру и бабушке Теофилии [444]. Дед Казимир был поэтом, писал стихотворения на польском и латинском языках. Его книги («Пуб-

личные развлечения», 1743; «Домашние развлечения», 1752), изданные в Пинске, включали стихотворения, послания, эпитафии, легенды, выступления, мемуарные материалы, исторические документы, являлись важными историческими источниками и пользовались спросом [452, 495]. В сатирической работе «О проведении свободного времени в частных домах» он предложил проект «Универсала об обложении налогами роскоши, расточительства и чрезмерных расходов» [574]. Стихи писал также сын Казимира Адам Неселовский.

Место с фрагментами усадьбы, связанной с жизнью нескольких исторических родов, с именами выдающихся личностей заслуживает особого уважения.

Перковичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1990 г.

Перковичи

По отречению (судебному приговору) 1499 г. «Пирковичи» вместе с дворищами в Поречье, Полкотичах, Могильном Пинского повета стали владением Корнила и Ивашко Андреевичей [409]. Затем от боярина Семена Тура перешли Войтковичам. Сигизмунд I грамотой от 25 апреля 1538 г. подтвердил Матвею Войтковичу его право на имение. Обращаясь к королю, Матвей называет Сигизмунда I «Божею милостью, королем Польскім, велікім князем Літовскім, Рускім, Прускім, Жомойтскім, Мазовецкім і иныхъ». В прошении говорится, что «Билъ нашъ чоломъ земянинъ Пинский королевое нашое ее милости и великое кнегини Боны Матей Войтковичъ и повѣдилъ передъ нами, итъ бояринъ повѣту Троцкого Семёнъ Корниловичъ Туръ зъ сынами своими Багухваломъ а Остафьемъ а Кирдѣемъ продали ему имѣнье свое властное отчизное у повѣтѣ Троцкомъ, у Здитовской волости, у селѣ, на имя, Пирковичахъ, зъ людьми, и зъ землями пашными и бортными, съ польми, сѣножатьми, зъ лѣсы, и зъ заросльми, и зъ всими платы, доходы и пожитки ... за полтораста копъ грошей Литовское монеты на вѣчность...» [520].

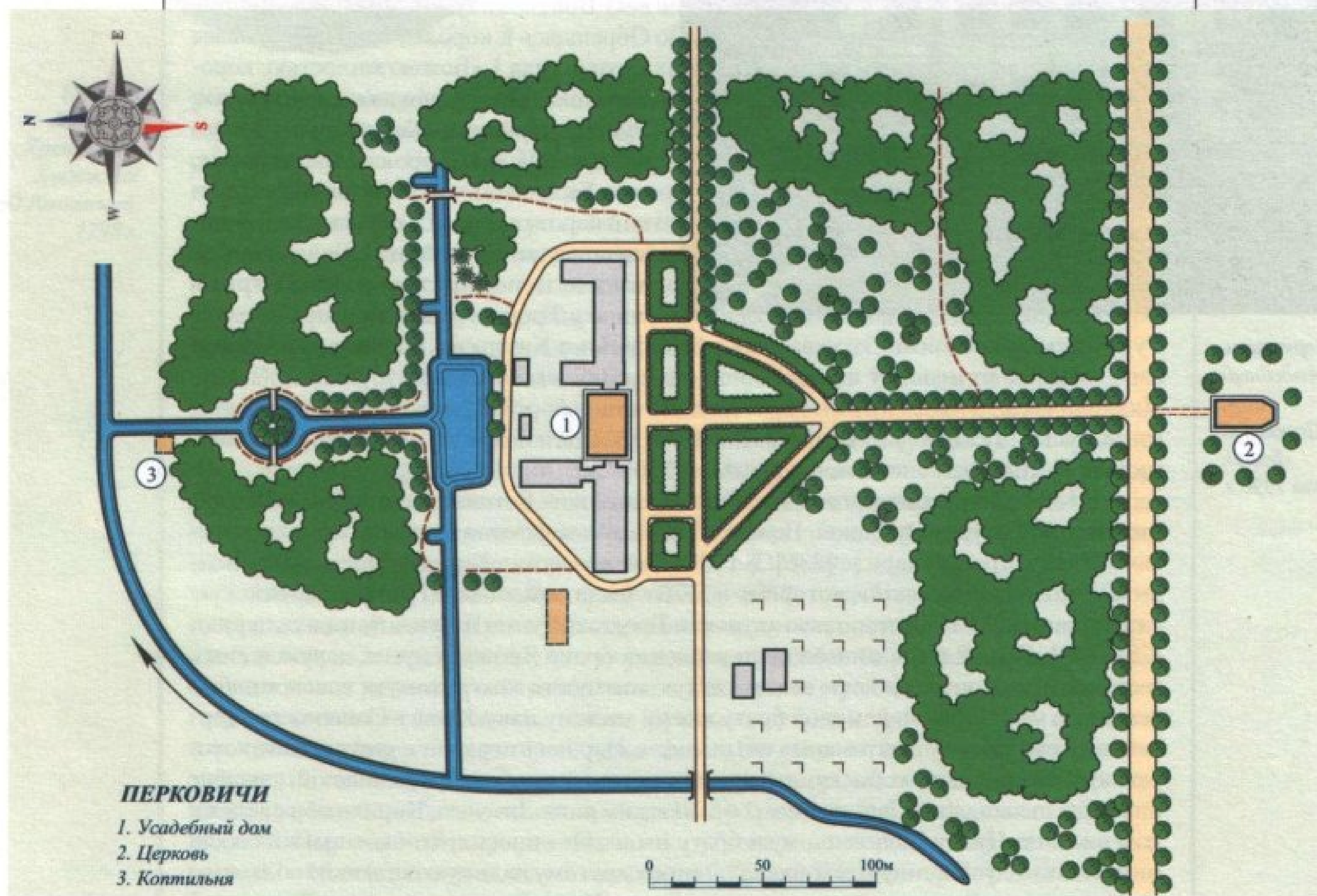
В 1580 г. Перковичами владел Михаил Иванович Боговитинович-Козерадский, женатый на Барбаре Русецкой. По его духовному завещанию владение отошло сыновьям Ивану, Ярошу Гавриле [236]. В 1596 г. имение купил Кирилл Терлецкий, «Владыка Луцкій і Острозскій», которому в 1576 г. была пожалована грамота на Пинскую епископию [253]. Известен также по делам Брестской унии и фундации здесь церкви [259, 769]. В 1598 г. он записал свои владения брату Ярошу. «... даю, дарую и симъ тестаментомъ моимъ записую всю а всю тую маетность мою рухомую, власное набытье мое, и увесь спрятъ домовой брату моему милому пану Ярошу Семеновичу Терлецкому, ему самому и патомкомъ его вѣчне...». Церкви в перковичском имении, которая позже приняла прах бискупа, Кирилл завещал все «убори (епископскій, священническій, дьяконскій)» и половину собранных им книг. Завещая, Кирилл обращался к дочери, зятю Ивану Велятицкому и брату и «слезне» просил, чтобы «... межи собою милость и згоду повинную заховали..., ... одинъ другому надъ тую остатнюю волю мою о маетности моей жадное трудности ни чинили» [259]. Родовым имением Терлецких

было Почепово на Пинщине. При строительстве санатория «Ясельда» наткнулись на склеп, в котором покоились владельцы.

В 1756 г. владельцами Перковичей стали Вислоухи герба Одинец. Вислоух (Висловухович) Иван, боярин господарский Волковысского повета, упоминается в Метрике ВКЛ за 1511 г. [433]. Шумко и Ян Вислоухи, бояре кобринские, отмечены в составе войска за 1528 г. [769]. По данным архивных материалов, у истоков рода стоял Павел. В 1709 г. по духовному завещанию его сыновья получили имение Уша в Минском воеводстве [157]. В пятом поколении обильно разветвленный род расселился по Беларуси, особенно в Мозырском уезде [158]. В первой половине XIX в. собственником имения в Перковичах был Феликс (в некоторых источниках именуется Виктором), во время восстания 1863—1864 гг. военный комиссар Виленской губернии. От него имение перешло сыну Антонию. В детстве Антония лечил Флориан Ожешко из Людвинова. С ним в перковичский дом приезжала Элиза Ожешко [721]. В 1890 г. земельные угодья имения, которым владел Антоний Вислоух, составляли 582 десятины [546]. Он являлся владельцем Перкович до последнего времени [29].

Антоний Вислоух, выпускник Варшавского университета, посол на сейм Речи Посполитой, известен как историк, коллекционер, библиофил. Преподавал историю и латынь в гимназии имени Ф.Траугутта и в железнодорожной технической школе в Бресте. Был женат на Северине Скажинской (1869—1918) и имел девятерых детей.

Судьба детей сложилась по-разному. Антоний (1892—1918), капитан войска польского, погиб в 1918 г. под Бобруйском; Франтишек (1896—1978), выпускник Высшей школы Генштаба, полковник, известный литератор и художник, автор книг о Полесье, после войны жил в Лондоне, участник кампании 1939 г. Воевал против фашис-



ПЕРКОВИЧИ

1. Усадебный дом
2. Церковь
3. Коптильня

тов в Италии, состоял в армии Андерса. Являлся кавалером Серебряного креста, ордена Виртути Милитари, Боевого креста, Креста независимости и других наград. Северин (1900—1968) стал профессором права и истории университета во Вроцлаве. Известны две его книги (хранятся в отделе редкой книги научной библиотеки Национальной АН Беларуси), посвященные Шерешовщине и Кобринскому повету в XVI в. [768, 769]. Инженером сельского хозяйства был Станислав (1901—1991), владелец Перковичей с 1930 г. Вместе с женой Анной в 1939 г. выехал в Польшу и работал в Институте сельскохозяйственной экономики в Варшаве. Бернард (1905—1976), выпускник гимназии и сельскохозяйственной школы, преподаватель, директор сельскохозяйственной школы в Опсе (Браславщина), был арестован в 1939 г. и сослан в Сибирь. Стал крупным специалистом в области железнодорожной техники, автором ряда изобретений [649].

Перковичи. Фрагмент древостоя парка. Фото 1999 г.

В войну 1914 г. перковичский двор сильно пострадал. Сгорели хозяйственные деревянные постройки, в том числе большой красивый лямус. К 1935 г. усадьба была восстановлена. В ней до марта 1940 г. оставался старый профессор Антоний, который не смог расстаться с родным домом и его огромными собраниями, которым посвятил всю свою жизнь. В марте этого года он был арестован, а собрание книг, рукописи и фамильные ценности были сожжены на глазах у владельца [689]. В тюрьме в Дрогичине долго не сидел. Отправку вглубь России ускорили многочисленные просьбы жителей окрестных деревень о невиновности профессора. Даже в камере, о чем пишет сын Франтишек в повести «Профессор», пользовался особым уважением, ему было доверено делить хлеб между арестованными. Единственным утешением и жизненным вознаграждением пожилого человека являлось отсутствие среди грабителей имения местных, своих людей.

Усадьбу в Перковичах в 1805 г. заложил Зенон Вислоух, подкоморий брестский. Ее формирование продолжил сын Виктор, маршалок пружанский. Виктор владел имением Соха, купленным у Ожешко, с усадебным домом времени барокко, к фасаду которого пристраивается крыльцо на массивных широко расставленных двух парах колонн. Перковичская усадьба строилась на ровной, слегка пониженной местности. И хотя усадьба создавалась в эпоху пейзажного паркостроения, парк заложен с использованием ряда элементов регулярной планировки. Он характеризуется четко выраженной удлиненной осью протяженностью около 500 м и симметричным расположением основных композиционных элементов. По оси выстроены усадебный дом, парадный и парковый партеры, пруд и канал. Ось замыкалась с одной стороны униатской церковью, с другой — беседкой на острове (схема).

Центром композиции был усадебный дом — каменный, прямоугольный в плане (толщина стен до 1,5 м), двухэтажный, построенный в формах классицизма. Парадный фасад здания имел массивный четырехколонный портик с большим балконом, на который выходили три порте-фенетра. В конце XIX в. в связи с несчастным случаем

портик заменен деревянной верандой. Тыльный фасад здания имел ризалит и также четырехколонный портик, но более высокий, чем на главном фасаде. В послевоенное время к тыльному фасаду дома достроены школьные корпуса.

В 1906 г. Антонием проведена реконструкция здания. Гонтовая четырехскатная крыша заменена оцинкованной жестью. Фасад принял неоренессансные черты. Имел плоский ризалит с пилястрами. Фронтон украсил фигурный трехступенчатый аттик с ромбическими окнами. На фронтоне была установлена табличка со словами: «Certa pro Institia A.D. 1906» («Закон через согласие А.Д. 1906»). В большом доме имелось всего 17 помещений. Они были обставлены со вкусом и включали богатое собрание художественных ценностей, семейных портретов, разных реликвий, большое собрание книг. Их описание со слов Станислава и Марии Вислоухов записал Р.Афтанази [596]. Паркетные полы помещений (из дуба и ясеня) имели рисунок в форме больших квадратов. Кафельных печей имелось тринадцать, каминов семь. Печи завершались фризами, сложенными из розеток, или декоративными профилированными карнизами. В доме особо выделялись «пепельный» и «белый» салоны на втором этаже. Салон «пепельный» располагался со стороны парадного фасада здания. Его обстановку составляли: гарнитур из махагониевого дерева, стул «тосканский» с изображением Савонаролы, инкрустированный слоновой костью, два кресла в стиле ампир, круглый столик в стиле Людовика XVI, фортепьяно. Стены украшали большой фламандский гобелен (4х3 м) со сценой сбора винограда (приобретен во времена Станислава Августа Понятовского), картины кисти неизвестных художников («Лисовщик на коне», «Игроки в шахматы», «Полешук в лодке», «Проповедь в костеле», «Монах» и др.) Освещала помещение необычная деревянная позолоченная люстра в форме большой чаши в стиле ампир, с черными пазами и меньшего по размеру верхнего круга, поддерживаемая обнаженным чистильщиком с золотой повязкой. Для бокового освещения служили бра времен Людовика XVI.

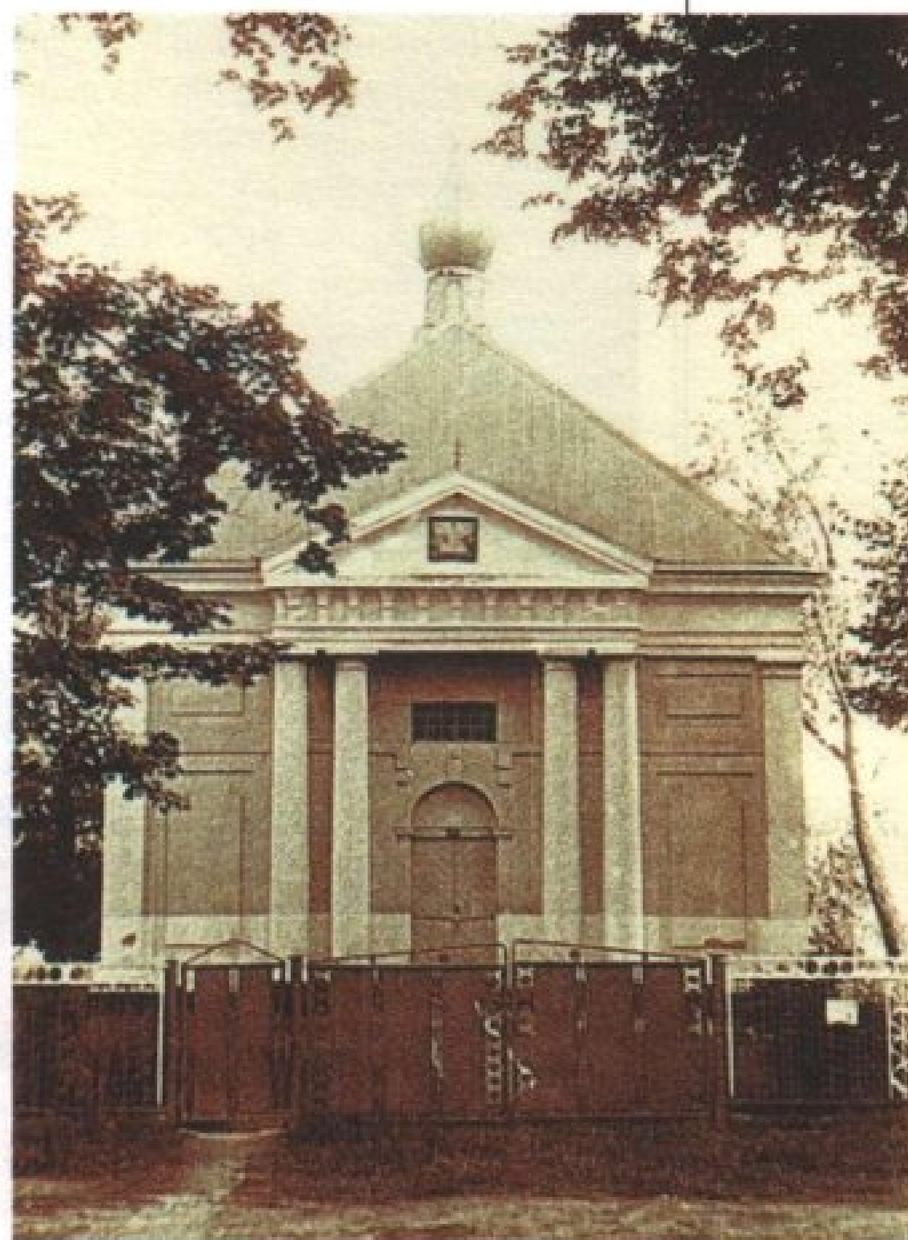
«Белый» салон, окна которого выходили в парк, был обставлен мебелью в стиле бидермейер и Людовика Филиппа. Имелись кресло и два стула в стиле ампир, круглый столик с мраморной столешницей в стиле Людовика XIV, два подзеркальника из красного дерева, на одном из которых стояли античные часы, другой украшали фарфоровый абажур со статуэтками Ромео и Джульетты. Вверху над ними висели старинные зеркала в оправе из красного дерева. Посредине салона стоял округлый диван из палисандрового дерева, составленный из соединенных между собой кресел с ажурной вазой в центре, предназначенной для цветов. На стенах висели семейные портреты, картины («Вид старой Варшавы с Королевским замком» и др.), гравюра Ю.И.Крашевского. Дубовые двери обоих салонов были огромных размеров и покрыты светлым лаком.

На втором этаже располагалась библиотека. Вдоль стен размещались остекленные шкафы с книгами. В центре стоял большой дубовый гданьский стол, кресло из красного дерева, принадлежащее когда-то Ю.И.Крашевскому и другая мебель. Здесь хранились редкие памятные предметы: старинный эбеновый вислоуховский крест, трость Ромуальда Траугутта, античные часы на колонках, коллекция курительных трубок. Особую ценность составляли рукописи в виде различных служебных актов и посланий, преимущественно написанных кириллицей. Они хранились в большом деревянном сундуке. Не менее ценным было собрание нескольких тысяч книг, в основном старинных изданий, в переплетах из дощечек, обтянутых пергаментом или тисненной кожей с позолотой. Эти ценнейшие издания были доступны в основном Антонию Вислоуху, который весьма неохотно допускал к ним даже самых близких членов семьи.

В доме имелось много мебели, изготовленной в разное время и предназначенной для разных целей. Особо выделялся огромный раздвижной дубовый стол с комплектом кресел в столовой; разных размеров и форм имелись столы, столики, стулья, секретери, кресла, диваны.

Из редкостей в доме находились дубовый крест с изображением Иисуса Христа, деревянные скульптуры св. Яцека и св. Доминика в рост человека, привезенные из костела в Иванове, пушка из крепости Жабер, поднятая со дна Ясельды в начале XX в. Этот последний экспонат во время первой мировой войны был спрятан в земле, теперь установлен на детинце в музее Войска Польского в Варшаве.

Дом окружал большой (до 16 га) парк. К нему ведет дорога. Раньше это была аллея из тополя черного 'Italica'. В парковом массиве вдоль аллеи в первом ярусе насаждений доминируют крупные деревья ясеня обыкновенного. Под его ажурным пологом хорошо развит подрост из клена, ясеня, липы. Неглубокие каналы дренировали слегка пониженную парковую территорию. Перед партером аллея раздваивалась и обе дороги выходили на поперечную аллею усадьбы. Вдоль нее симметрично усадебному дому с одной стороны рос старый конский каштан, с другой располагалась беседка из кленов. Около дома не было официн. С западной стороны стоял лямус с колоннадой и балконом на главном фасаде, построенный на сводчатых подвалах.



Перковичи. Церковь. Фото 1999 г.

Прежняя планировка большого парадного партера изменена и приняла геометрические формы. В бордюрах многочисленных прямоугольников использованы карагана, пузыреплодник калинолистный, в линейных посадках — конский каштан, туя западная, липа сердцевидная (частично с формованной шарообразной кроной). Одиночно растут тополь черный 'Italica', клен остролистный. Парковый партер сохранился частично (в связи со строительством корпуса школы). Он имел форму прямоугольника, фиксированного по углам одиночными деревьями липы разных сроков цветения.

За усадебным домом, перпендикулярно основной композиционной оси, вдоль паркового партера расположен небольшой вытянутый с двумя асимметрично изогнутыми рукавами водоем. От него вдоль основной оси проходит канал, завершающийся круглым водоемом (ширина 8 м) с островом диаметром 26 м. Акцентом перспективы была беседка со скамейками, к которой были перекинуты два мостика. На острове росли одиночные деревья, были разбиты клумбы. Сейчас здесь сплошные заросли. Прогулочный маршрут проходил вдоль водной системы по приподнятой насыпной дорожке шириной 6 м, подчеркнутой однорядной линейной посадкой липы. Здесь растет старейший в Беларуси экземпляр ивы белой 'Vitellina' с золотистыми побегами (высота дерева 20 м, диаметр ствола 123 см). В глубине парка около канала была построена коптильня в виде цилиндрической башни с высокой шатровой крышей. Стены сооружения, служившего романтическим парковым павильоном, были богато декорированы резьбой из дерева. С нарушением водной системы территория северной части парка оказалась переувлажненной. Обильное распространение получила ольха (формируется ольс разнотравный). С правой стороны к данной композиции примыкала регулярная часть парка, которую образовывали аллеи из липы, граба, ели. Здесь росли очень крупные старые липы, ели и дубы. Имелась беседка, которая называлась королевской. Столом в ней служили жернова мельницы на пне, на котором, по преданию, завтракал король Станислав Август Понятовский, заехавший к Зенону Вислоуху по дороге на сейм в Гродно [596].

С противоположной стороны усадьбы также Зеноном построена церковь в формах классицизма. Первоначально она была униатской, позже стала православной. В святыню перенесен прах бискупа Кирилла Терлецкого из старой деревянной каплички, расположенной в усадьбе, и установлена большая надгробная плита из гранита с текстом на латинском языке. В крипте церкви похоронены создатели усадьбы Зенон и Феликс с женами.

Планировка усадьбы изменена в связи с постройкой новых школьных корпусов; принадлежит санаторно-лесной школе. Оригинальная водная система теперь не функционирует, парковый массив дичает.

Из Вислоухов особую память в виде полесских повестей оставил Франтишек, выпускник академии искусств в Варшаве, много переживший на своем веку (ссылка в Вятку, события 1920 г., сентябрьская кампания в годы второй мировой войны), безмерно любящий родной край. Он писал о полесских пущах, необъятных болотах, реках и озерах, растениях, зверях и людях, а также о старинных полесских традициях, обычаях, обрядах, интересных событиях. Содержание многочисленных произведений отражено в их названиях: «Волки», «Император пущ», «Князь болот», «Перелески», «Забабоны», «Кладбища», «Максим со Старого Села», «Вечная жизнь» и др. На склоне лет жил в Лондоне, зарабатывал на хлеб физическим трудом, частично живописью, издал на польском языке три книги («Полесские повести», 1968; «На тропинках Полесья», 1976; «Эхо Полесья», 1979), ставшие, по выражению В. Веренича, гимном родному краю [295].

Замошье. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

Замошье

Владение Шпинальских, затем Вольских [773]. В 1862 г. имением Замошье и соседним Железница владел Александр Николаевич Вольский. В этом же году состоялась передача имений его сыновьям [138]. Вольские оставались владельцами имения, видимо, до 1939 г. В 1888 г. имение в 200 десятин принадлежало Александру Николаевичу, владельцу Железницы.

Небольшая усадьба располагалась обособленно от поселения среди поля, севернее д. Луговая (в прошлом д. Дурневичи). В деревне сохранились фрагменты бывшей липовой аллеи, ведущей в имение. Она сформирована примерно в начале XIX в. на моренном возвышении, пологий склон которого спускался к болотному массиву с западной стороны. Сохранился небольшой (более 1 га) усадебный фрагмент. Хорошо выражен сам детинец, ровная наиболее приподнятая часть возвышения, в плане прямоугольная (80х50 м). Его центральную часть занимал усадебный дом — одноэтажное деревянное здание с мезонином и четырехскатной крышей, ориентированное парадным фасадом на запад, в сторону сада, высаженного по хорошо нивелированному склону. Парадный фасад по всей высоте здания имел четырехколонный портик, звершенный треугольным фронтоном [596].

Детинец с трех сторон был окружен разреженной однорядной посадкой из липы и клена (12 деревьев). По причине редкостойности примерно двухсотлетние деревья приняли живописный вид. Они кряжистые, ширококронные, ветви у отдельных особей ниспадают до земли, стволы в диаметре 80—109 см. Обильно разрослись, образуя сплошные полосы, сирень обыкновенная и роза коричная. Одиночными кустами представлены карагана древовидная, лещина, бересклет европейский. Детинец покрывает

Замошье. Фрагмент парка. Фото 2002 г.

хорошего качества разнотравно-злаковый покров. Вдоль него проходит заниженная главная усадебная аллея из клена и липы. Сохранились одиночные старые клены. На месте бывших лип обильно разрослось новое поколение вида в виде поросли по 6—12 экземпляров в кусте. Бывший сад выкорчеван и распахан. О нем напоминают одиночные липы в защитной обсадке. Небольшим одичавшим массивом представлена северная часть усадьбы, где на окраине сохранился склеп и фундамент небольшого амбара (4х3 м) над ним. Рядом растут два величественных дерева клена со стволами до 120 см в диаметре. С противоположной стороны усадьбы стоял ледник (сохранилась его часть в земле из бута и колотого камня).

Небольшая усадьба была наделена живописной круговой панорамой, визуально сливаясь с окружающими ландшафтами. Несмотря на потери, сохранившийся фрагмент, его древостой не лишен привлекательности. Усадьба в прошлом выделялась уютом и относилась к числу тех, которые послужили прототипом Соплицова в «Пане Тадеуше» А.Мицкевича [597].

Тешевля

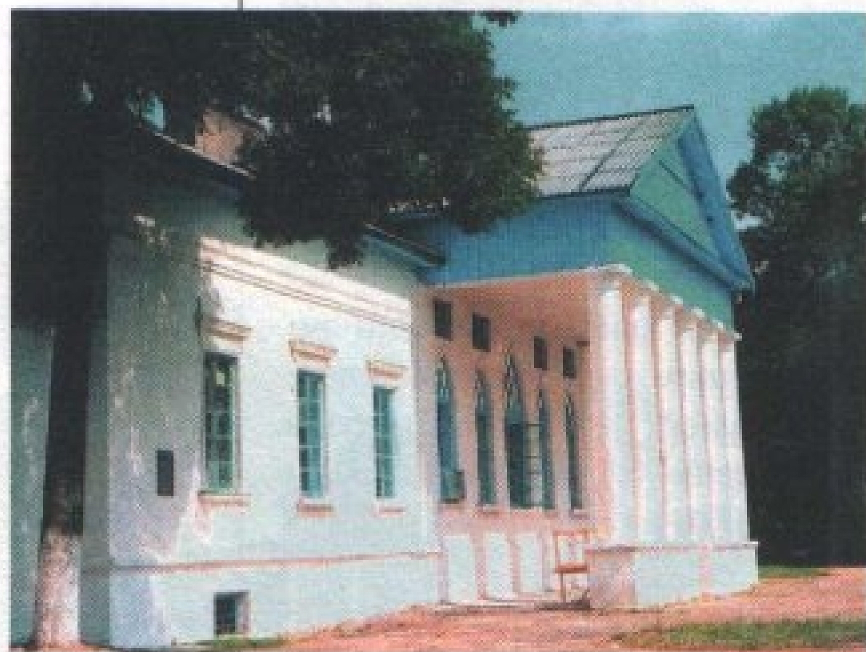
Имение Кобылинских. В 1888 г. владельцем был Адольф, которому Тешевля перешла по наследству от Леопольда. Земельный фонд имения составлял 1842 десятины [548]. В 1911 г. имение принадлежало Ивану Станкевичу [549].

Сведений об усадьбе очень мало. Была заложена, видимо, в начале XIX в. Кобылинскими. Перед последней войной усадебные постройки имели уже обветшалый вид. Занимала большую слегка приподнятую живописную территорию. На главной оси располагалась въездная липовая аллея, которая в понижении замыкалась водной системой (частично сохранилась). От нее отходили боковые, также липовые, аллеи. Одна вела на хозяйственный двор, вторая — к парадному двору с официной и усадебным домом, каменным одноэтажным зданием с высокой четырехскатной крышей (разрушен, как и другие усадебные сооружения, в послевоенное время). Сохранился фраг-

мент узкой аллеи шириной 4 м в виде зеленой стены (деревья в ряду посажены через 0,5 м) протяженностью 102 м. На месте боскета с линейными посадками по периметру расположен стадион. В бывшей пейзажной части парка в 1972 г. установлен обелиск в память о земляках совхоза «Тешевля», погибших в годы Отечественной войны. Пейзажный парк с некоторыми элементами регулярности занимал 10 га [81]. Хозяйственный двор был небольшим с обычным набором строений. Имел множество сельскохозяйственного инвентаря и машин [82, 84].

К усадьбе примыкал очень большой сад (занимал 35 га) с самым большим в регионе плодовым питомником на площади 20 га [79]. Вместе с садом известность усадьбе придавала водная система из восьми прудов общей площадью 150 га с хорошо налаженным рыбным хозяйством. Площадь самого большого пруда была 55 га, самого маленького — 4 га. В 1939 г. улов рыбы (в основном карп, в меньшем количестве щука, окунь, карась и лещ) составил 62 тонны [80].

Усадьба застроена. К ней примыкает птицефабрика, которая не поддержала хозяйственные традиции имения. Водная система, потеряв связь с водотоком и после работ по заготовке торфокрошки, деградирует, интенсивно зарастает. Самый большой пруд нуждался в реконструкции еще перед войной.

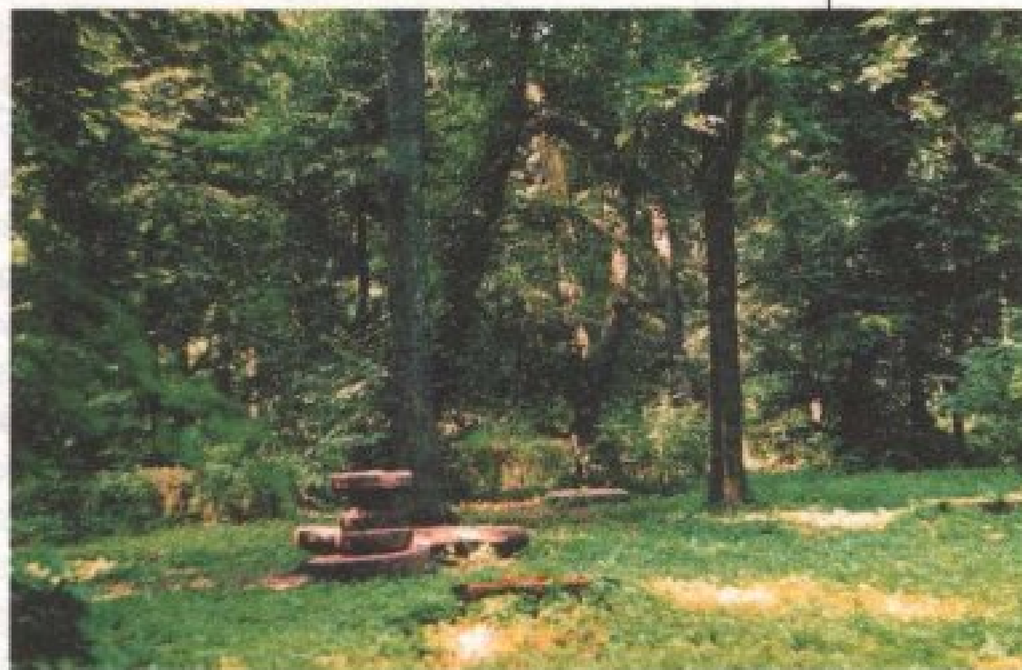


Нача Брындзовская. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 2001 г.

Нача Брындзовская

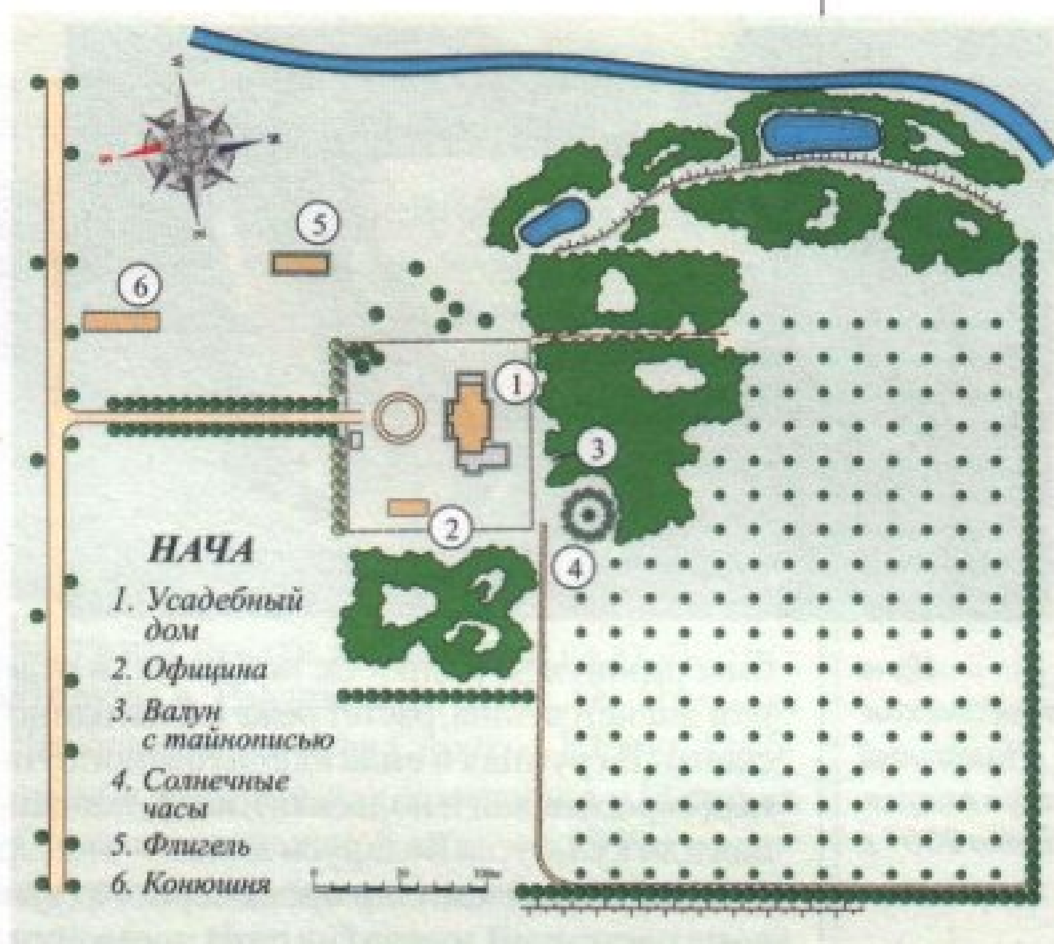
В XV в. владение Немировичей. В виде прида ного Анны, дочери Федьки Немировича, перешло Бартошу Табаровичу. В 1509 г. имением владел их сын Ян [434]. После Таборовичей стало королевским владением. Сигизмунд Август пожаловал Начь новогрудскому войскому А.Брындзе, и она стала называться Начей Брындзовской [426, 653]; позже подтвердили право на собственность его жена и дети [545]. Затем принадлежало Подаревским. Андрей Подаревский в 1567 г. со своих имений Нача, Радваничи, Ястрембель и других поставлял «коней 12 збройно» [428]. Некоторое время Нача являлась имением иезуитов. После подавления восстания 1794 г. была конфискована у иезуитов и перешла вскоре князьям Массальским. В 1798 г. Начу купил витебский ротмистр Франтишек Ксаверий Чарноцкий, владелец известного имения в Летешине, которое приобрел в 1788 г. От него имение перешло сыну Михаилу, внукам Казимиру, Алексею, Вячеславу и Виктору. Земельные угодья имения составляли 1308 десятин [547]. Затем имением стал владеть сын Казимира Михаил [596].

В имении прошли детские и юношеские годы второго сына Казимира Наполеона (1866—1937), белорусского переводчика, публициста, хорошо знавшего белорусский фольклор. За участие в студенческих волнениях 1890 г. Наполеон был исключен из Московского университета (медицинский факультет) и



Нача Брындзовская. Парковая поляна с каменным столом. Фото 2001 г.

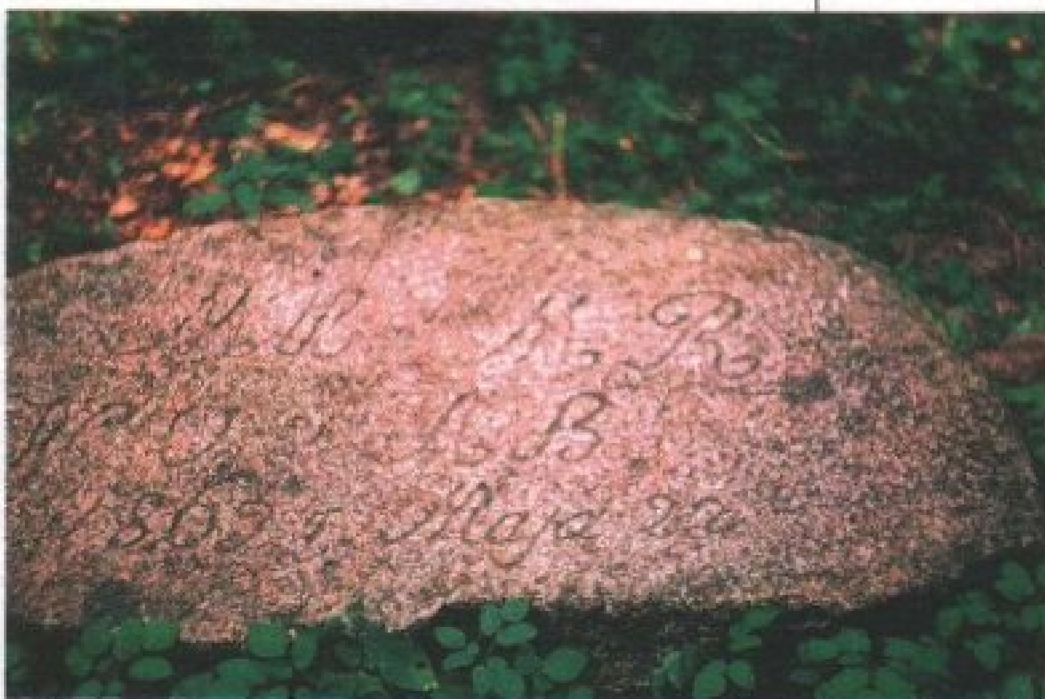
жил в имении отца под надзором полиции. Работал врачом. Участвовал в переводе на белорусский язык и в издании на гектографе первого варианта агитационной брошюры «Дядя Антон» (1885), переводил на польский язык В.Короленко, П.Чехова, М. Крапивницкого. Автор работ «Как будет с землею» (1907), «К вопросу о белорусской народной школе» (1908) и др. [536]. Писал на медицинские темы (статья «Еще о медицине сельской», «Czasopismo Lekarskie», № 111, 1907 г.) [45]. В 1908 г. эмигрировал в Канаду [255]. Последним владельцем имения был Сигизмунд (умер в 1953 в Варшаве).



Усадьба заложена Михаилом Чарноцким на ровной левой террасе р. Нача в 1810—1815 гг. на площади более 20 га. В 1905—1910 гг. была перепланирована архитектором А.Кжижановским. Включала усадебный дом, парк с водоемами, официну, флигель, сад и большой хозяйственный двор (два коровника, две конюшни, свинарник, два гумна, паровая мельница, амбар и другие здания). Парадная часть имела симметрично-осевое построение. На центральной вытянутой оси располагались въездная аллея, партер с кругом, усадебный дом, парк (схема). Длинная (ширина 11 м) въездная аллея, ведущая от главной дороги имения, была тополиной (тополь черный 'Italica'). Она вела через сад к партеру. Партер большой, открытый. С его восточной стороны имеется официна с четырехскатной крышей (не сохранилась); с противоположной стороны на удалении расположен жилой флигель, громоздкое двухэтажное кирпичное здание, первоначально служившее винокурней. В центре имеется круг с разросшимися спиреями Бияра, дубровколистной, белой и снежноягодником.

Ось композиции в глубине усадьбы замыкает усадебный дом, измененный в 1910 г. перестройкой по проекту А. Кжижановского. Боковые части здания поднимаются до высоты центральной части, что хорошо заметно; в результате крыша стала двухскатной. Здание прямоугольное в плане, одноэтажное, на цокольном этаже. Парадный вход выделен шестиколонным дорическим портиком с треугольным фронтоном и круглым окном в центре. Плоскость фронтона обшита досками. Парковый фасад здания имеет плоский ризалит с фронтоном и тремя сближенными остролучковыми окнами портефенетрами, доходящими почти до уровня террасы. Каменные террасы имеют и боковые фасады, под которыми устроены входы в цокольный этаж. Декор стен здания скромный. Прямоугольные проемы окон украшают прямые сандрики.

Нача Брындзовская. Памятный валун в парке. Фото 2001 г.



Интерьеры дома не отличались очень богатым оформлением. Только в столовой, салоне и кабинете имелся паркет с геометрическим узором из ясеня, светлого и черного дуба; камины были кирпичными и кафельными. Имелась мебель старинная в стиле Людовика XV и простая работы местных мастеров; портреты рода, библиотека [596].

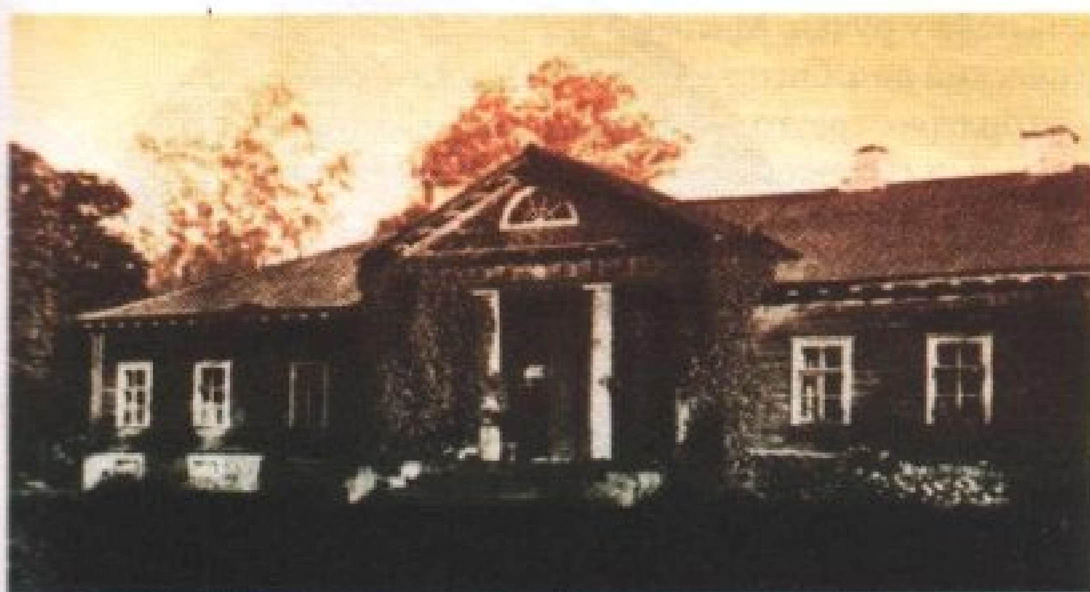
Нача Брындзовская. Памятный валун в парке. Фото 2001 г.

Пейзажный парк расположен за домом, несколько смещен с основной оси в западную сторону, ближе к реке. Три дорожки образуют в центре его прогулочный маршрут в виде буквы «П». Парк построен по принципу чередования небольших полян и древесных групп и массивов. Теперь принял вид почти сплошного массива со снытью в напочвенном покрове. Почвы парка свежие, плодородные (снытьевый тип) и деревья в возрасте примерно двухсот лет достигают величественных размеров, имеют экзотические, высоко поднятые кроны. Высокая декоративность насаждения дополняется слабым развитием подроста, подлеска (в отдельных местах рябинник). Фоновым деревом является липа, растет реже ясень, одиночно — дуб, клен. Почти выпала ель, совсем — сосны. В группах в виде акцентов одиночно росли иноземные деревья — лиственницы (европейская и польская), явор, конские каштаны. Фасад дома украшала уникальная для культуры Беларуси лиана — вистерия китайская. Рос в парке крупный (высотой до 25 м) экземпляр ореха черного (выпал в последнее время). С правой стороны дома растут три дерева (из пяти посаженных) конского каштана восьмитычинкового. Дерево этого вида с розоватыми цветками ('Virginica') не сохранилось. Выпала береза плакучая 'Youngii'. На оси угла усадебного дома доживает конский каштан обыкновенный с экзотической кроной, уже утерянной вершиной. Большой урон древостою нанес ураган. Без вершин остались огромные липы. Поваленные деревья наделяют парк первобытностью. Под высоким пологом древостоя мало света, сыровато. Увлажненность увеличивается в направлении р. Нача. Здесь, уже в пойме, за невысоким гребнем террасы расположены на одной оси два небольших водоема, окруженных зарослями рябинника.

Парк включал ряд оригинальных элементов, разнообразивших среду. В его западной части стоит необычный округлый стол, состоящий из гранитных круглых плит, установленных на короткой толстой ножке. В восточном углу (на парковой окраине) расположена композиция в виде древесной клумбы в диаметре 7 м, называемая солнечными часами. В центре круга росла старая лиственница польская (дерево усохшее); позднее по кругу высажено 12 лиственниц европейских (сохранились четыре). Имеется восемь валунов. Один врос в стволы лип, между которыми был установлен. Валуны являлись выражением романтических мотивов. Символический смысл их установить трудно (надписи неразборчивы). Возможно, выражали память о погибших участниках восстания 1863—1864 гг.

К парку с северо-восточной стороны вплотную подступает сад. Сигизмунд, последний из владельцев имения, по образованию был агрономом и уделял имению много внимания. Оно считалось образцовым, а резиденция красивой [653]. В 1939 г. сады занимали 54 га пахотной земли (общая площадь 187 га). Имелся питомник площадью 12 га, где, кроме саженцев плодовых растений, выращивались декоративные растения для парка [85]. На базе питомника работала частная школа садоводства. Ее ученики сдавали выпускной экзамен в Варшаве. Сад по периметру обвалован. По валу идет защитный ряд из клена, а вдоль его кювет, с другой (внутренней стороны) — дорога. Позже с восточной стороны заложен новый сад. Частично обновленные и подсаженные (слива, алыча, вишня) сады хорошо сохранились. Перед войной Сигизмунд заложил второй большой сад на площади 18 га в фольварке Бураковцы, расположенном севернее Начи на живописном водоразделе рек Шевелевка (приток Ведьмы) и Нача (приток Лани). Сад при небольшой усадьбе, которая не сохранилась, спланирован в виде прямоугольников, по периметру окружен плотной защитной стеной из липы, посаженной через 0,5 м в ряду.

Усадьба в Наче принадлежит заводу по производству яблочного уксуса, который размещается в усадебном доме. В последнее время проведены работы по ее благоустройству.

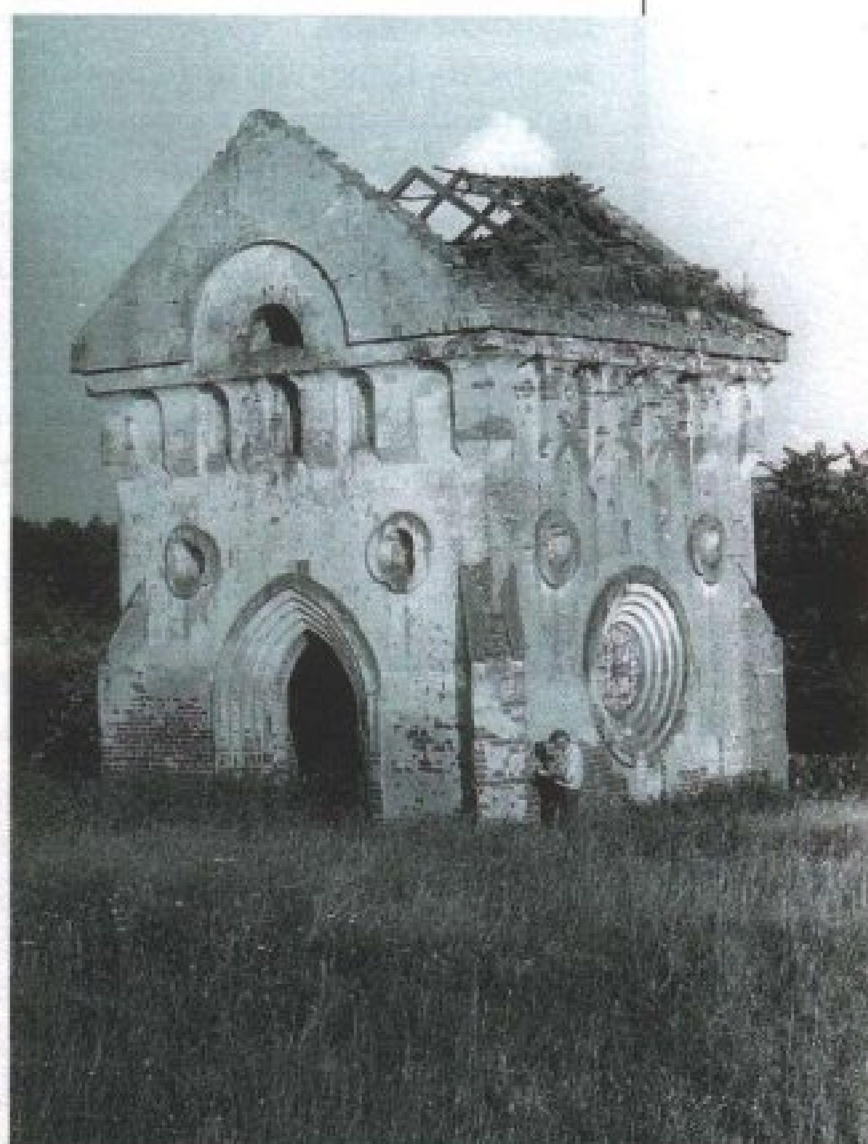


Задвея. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

Задвея

В Метрике ВКЛ за 1473 г. имеется запись, по которой «... пану Мартину Кгастовтовичу призволено купить в Чамъровичовъ именье, отчина ихъ на имя Задвее» [429]. Затем «дворъ держалъ Лущикъ». В 1515 г. людей, которые во дворе работали в течение 40 лет за малую плату, признали вольными: «... вольни они, кому ехотять, тому служать, а онъ не маетъ ихъ искати, ани пенязей на их смотрети» [433]. В XVI в. Задвеей владели Гаштольды и Радзивиллы [413]. От Николая Радзивилла перешла сыновьям Николая: Николаю Криштофу Сиротке, Юрию, Альбрехту и Станиславу. Была «заставою» у Есманов, которые, как отмечается в Метрике ВКЛ, «захотели до рук своих» взять [426]. Согласно раздельной записи в 1566 г. состоялся раздел владений Ивана Есмана между его сыновьями («... мы братья рожоная Иван, Ян, Бенедикт...»). Ивану отошли Сынковичи, Яну — Левки в Бельском повете, Бенедикту — Котра. Задвея «именье в тисечи копахъ грошей у насъ есть заставнымъ обычаемъ, на который делъ вечный рокъ есмо певный приняли, ничимъ не одменяючи». После раздела имений братья «рукою властною» подписали обещание следующего содержания: «Якотъ вжо водле сего поровнанья и розобранья имений нашихъ межи собою маемо тотъ делъ вечно, на веки непорушно держати и вже его николи узрывати не маемъ и будемъ мочи вечными часы. Пакли бы который з насъ после сего добровольного постановленья и розобранья ... держати не хотелъ а и его узрывалъ ... таковый каждый з насъ будетъ повиненъ вины господару королю его милости две тысечи копъ грошей ...» [248].

Задвея, по словам последних владельцев, с XVIII в. принадлежала Межеевским [596]. В 1844 г. владения отставного капитана бывшей польской гвардии Матвея включали двор Задвея, фольварк, две деревни, составляли 994 десятины земли [104]. Матвей являлся участником наполеоновской кампании, кавалером орденов «Виртути Милитари» и Почетного легиона. Ордена героя, мундир, портрет кисти неизвестного мастера бережно хранились потомками. В 1872 г. имение стало собственностью сына Леона [547]. В 1891 г. оно перешло племяннице Леона Марии Казимировне, последней представительнице рода. В 1911 г. владение Марии, состоящей в браке с Игнатием Чечотом, составляло 900 десятин [549]. Последним владельцем (также через приданое) был Леон Регульский.



Задвея. Ледник. Фото 1999 г.

Усадьба расположена недалеко от Полонечки. Занимает всхолмленную живописную террасу ручья Двейка, который, как и Змейка в Полонечке, является притоком р. Уша. Усадебный дом одноэтажный, деревянный, прямоугольный в плане, на высоком цоколе, с высокой четырехскатной гонтовой крышей был построен Межеевскими еще в первой половине XVIII в. в наиболее приподнятой

части усадьбы с живописными видами на пойму ручья. Матвей Межеевский придал зданию, в котором родился, классицистический вид. Он пристроил с парадной стороны четырехколонный портик дорического ордера с треугольным фронтоном, который обвивал виноград девичий пятилистиковый, а с парковой — каменный массивный ризалит с аттиком, декорированный четырьмя пилястрами. Интерьеры дома были оформлены довольно скромно. Только в трех комнатах были паркетные полы, имелись два мраморных камина, кафельные печи. Салон обставлен мебелью из махагониевого дерева в стиле ампир.

Дом с парадным газоном окружал небольшой, но уютный пейзажный парк со старыми высокой декоративности лиственными и хвойными породами деревьев. Визуально парковое пространство увеличивалось за счет трех подъездных аллей и живописного окружения пойменными лугами и моренными холмами с перелесками. Аллеи из конского каштана и березовая не сохранились. Частично прослеживается восточная аллея из липы, ведущая в сторону Ишкольди. Вдоль нее по склону располагался плодовый сад, окруженный по периметру однорядной защитной обсадкой из липы. Не сохранились брамы (их было две, с южной и северной сторон), а также ограда. Расположение северной брамы обозначено старой липой. По этой дороге в Ишкольдь или Полонечку везли отпевать покойников, поэтому за брамой закрепилось название «траурная». На месте парка растут одиночные деревья, кусты боярышника, караганы кустарниковой, барбариса; вдоль ручья — сплошные заросли рябинника, одиночные ивы ломкие 'Bullata'.

Почти рядом с парадным двором располагались хозяйственные постройки. На сорок метров в длину протянулось здание конюшни (40×8 м), осевшее от времени. На окраине парка, видимо, в первой половине XIX в. в формах неоготики построен оригинальный ледник, внешне напоминающий каплицу. Стены здания толщиной 65 см сложены из светло-красного кирпича размером 31×15,5×7,5 см с толстым слоем известкового раствора. В плане квадрат, углы укреплены эскарпами сечением 67×65 см. Три идентично декорированные стены имеют по одному круглому окну (диаметром 130 см) и по два небольших проема в виде трилистников. Внутри в боковых стенах глубокие ниши. В фасадной стене над входным проемом (ширина 1,5 м) полуциркульное окно. Перекрытие балочное, крыша разрушена. Подвал сложен из крупных полевых необработанных камней, что дает повод датировать время постройки более ранними сроками. Винокуренный завод, построенный около реки, не сохранился.

В усадьбе некоторое время жил Я.Чечот, бывал А.Мицкевич. Образ ксендза Павла Гринашкевича стал прототипом ксендза Петра в третьей части его поэмы «Дзяды» [600]. Усадьба расположена недалеко от деревни. Представлена незначительными фрагментами. Место выделяется живописностью ландшафта. В срочной консервации нуждается оригинальное здание ледника (нет крыши). От соседней усадьбы Вендорфов в Савичах сохранились дом парабков и простое хозяйственное здание.

Полонечка

В 1428 г. принадлежала Ульяне Гольшанской, жене великого князя ВКЛ Витовта. В XVI в. имением владели Дусецкие-Рудомины, представители старинного шляхетского рода. Примерно с конца XVII в. стала собственностью Радзивиллов шидловецкой линии, которые именовались «графами на Шидловце и Полонечке» [654]. Имением владел Михаил Антоний (1687–1721), сын Доминика Михаила (1653–1697), литовский крайчий, женатый на Марцианне (Марьяне) Довмонт-Сесицкой. После его ранней смерти опеку над детьми и женой взял несвижский князь Михаил Казимир Радзивилл Рыбонька с женой. Дочь Изабеллу выдали замуж за Тадеуша

Матвей Радзивилл. Неизвестный художник. 1788 г.

Франтишка Огинского [777]. Полонечка перешла сыну Леону Михаилу (1722—1751), женатому на Анне Людвиге Мицельской. После смерти Анны в 1771 г. в Баден-Бадене, ставшей во втором браке женой Михаила Казимира Радзивилла Рыбоньки, большое имение, состоящее в аренде, в 1773 г. выкупил и сделал своей резиденцией сын Леона и Анны Матвей (Мацей) Радзивилл (1749—1800), подкоморий ВКЛ, с 1790 г. — каштелян виленский, женатый (1787) на дочери жмудского старосты Эльжбете Ходкевич. Вскоре его владениями стали соседние Крошин и Гусаки.

Патриотически настроенный князь принимал участие в политической жизни края. В 1780 г. избирался послом сейма от шляхты Браславского уезда, активно поддерживал Конституцию 1791 г., являлся кавалером орденов св. Станислава и Белого Орла. Обеспокоенный судьбой родины с организацией в 1790-е гг. Тарговицкой конфедерации, передал часть недвижимого имущества, арсенала армии ВКЛ со словами: «Вначале родину, а потом радзивилловский дом хочу видеть счастливым». Принимал участие в восстании 1794 г., вовлекал в борьбу своих крестьян, которых затем освободил от крепостного права. После поражения восстания переехал в Галицию, живет в Польше, где ему отошли владения брата Николая. Последние годы жизни прошли в Полонечке, которую сделал центром культурной и общественной жизни [282, 528]. Переписка князя, его жены Эльжбеты и разные другие материалы, связанные с их жизнью, хранятся в ГИАЛ [63].

В 1800 г. Полонечку унаследовал малолетний сын Матвея Радзивилла Константин (1793—1869). Согласно вводному акту от 1873 г., Полонечка, имение в 1844 десятины земли, стала собственностью внука Матвея Юзефа (1842—1907), женатого на Марии Ядвиге Красинской, владевшей большим имением Зегжа под Варшавой. В 1911 г. Полонечкой и Ишкольдью владел правнук Альберт Станислав (1868—1927) [549]. Князь Альберт Станислав не имел детей. Уезжая в Америку, записал имение в 1919 г. племяннику Владиславу Радзивиллу (1909—1978), сыну брата Франтишка Пиуса, женатому на Иоланте, княжне Чарторыйской [777]. Последними владельцами были Ваньковичи, один из которых выиграл Полонечку в карты, а после них — Яронские.

Документированной даты закладки усадьбы не имеется. Она формировалась Радзивиллами начиная, видимо, со второй половины XVIII в. О барочной усадебной планировке свидетельствуют вытянутая композиционная ось, которая в настоящее время частично прослеживается, «французский» парк, который был около дворца еще в XIX в. Перепланировку усадьбы после 1773 г. начал Матвей и продолжал Константин. Князь Константин, видимо, перестроил и расширил старое здание усадьбы в формах классицизма. Соответственно новой планировке изменена старая композиция, и в первой четверти XIX в. формируется большая усадьба, включающая парадный двор с дворцом, «французский» и «английский» парки, овощной огород, каплицу, оранжерею, водную систему, хозяйственный двор, мельницу, длинную подъездную аллею. Хозяйственная характеристика имения этого периода приводится в инвентарном описи 1845—1847 гг. [109].

Полонечка. Дворец. Парадный фасад. Фото до 1914 г.

Усадьба расположена на живописном рельефе террас р. Змейка, плавно спускающихся к руслу. Ее композиционная ось протянулась перпендикулярно руслу реки от каплицы, в наиболее приподнятой (западной) части усадьбы, до хозяйственного двора на противоположной восточной стороне (за рекой). На оси располагались каплица, парадный двор с дворцом, сад, парки, водная система и хозяйственный двор (схема). Однако въездная аллея смещена с основной оси. Она шла по несвижскому тракту от Ишкольди, пересекала р. Змейку и, плавно изгибаясь, принимала южное направление — к парадному двору. Широкая тройная аллея, сложенная примерно двухсотлетними липами, частично сохранилась. Въездные брамы утрачены. Центральная брама из двух массивных, но невысоких пилонов, увенчанных вазами, располагалась напротив дворца. Вторая брама имела вид арки и размещалась на удалении от первой с противоположной стороны.

Главной доминантой усадьбы являлся дворец, построенный по проекту неизвестного итальянского зодчего на манер дворца в Тривулзино около города Беладжио (Италия). Он относится к типу дворцовых зданий, спланированных в виде фронтальной композиции, получивших распространение в некоторых усадьбах Беларуси (Гомель, Логойск, Снов, Закозель). Оно имеет симметрично-осевую трехчастную композицию, включает центральный двухэтажный объем, соединенный галереями с квадратными в плане одноэтажными боковыми павильонами-официнами. Построено на сводчатых подвалах. Крыша невысокая, четырехскатная, у галерей — двухскатная.

Центральная часть парадного фасада дворца выделена широким ризалитом, декорирован гермами и ранее завершался треугольным фронтоном, на тимпане которого имелись лепные изображения радзивилловского орла, княжеской митры, монограммы владельцев в обрамлении венка из листьев. Гермы в виде шести укороченных пилястр, увенчанных скульптурными изображениями древнегреческих философов, поддерживают массивный антаблемент. Одновременно они служили оправой окон порте-фенетров. Гермы определяли также ритм боковых галерей, поддерживая карниз их крыльев [398].

Интерьеры дворца не отличались особым богатством, но были оформлены со вкусом [596]. В доме имелось множество помещений разных по форме и размерам. Его центральную часть на первом этаже занимал большой холл с двумя мраморными каминами, к которому примыкали жилые помещения, гостиные, спальни. Планировочным решением выделялась спальня князя Константина, имевшая трехарочную аркаду, опирающуюся на колонны из карельской березы. Большой зал на втором этаже имел зеркальное покрытие стен. Особым уважением пользовался библиотечный зал. Собрание книг располагалось в высоких шкафах из махагониевого дерева, декорированных резьбой. В центре зала стоял огромный стол, накрытый зеленым сукном, на котором на-

Полонечка. Дворец. Парковый фасад. Фото 1987 г.

ходилось множество карт, глобусов, коллекция гравюр и медалей. Особую ценность в библиотеке имели два полотна. На одном из них было изображено генеалогическое древо рода Радзивиллов, начинающееся от мифичного предка рода и заканчивающееся князем Каролем Радзивиллом. В центре полотна располагалось изображение Божьей Матери в окружении наиболее славных патронов (покровителей) рода. На втором полотне был изображен св. Августин, покровитель Радзивиллов, и приводился перечень родов, с которыми они породнились [596].

Полонечка. Фрагмент парковой террасы. Фото 1987 г.

Наиболее репрезентативные помещения дворца имели паркет из разноцветного дерева, живописный рисунок которого напоминал паркет в залах Королевского замка в Варшаве. Единственным украшением плоских потолков залов, холлов дворца являлись розетки, с которых свисали люстры. Залы обставлены мебелью разных эпох, больше всего в стиле ампир. В столовой стояли старинные стулья с высокими спинками из черного дуба, обтянутые кожей, которая позже была заменена гобеленом с рисунками на разные философские темы. Немало во дворце было мебели несвижского производства, которое наладила княгиня Мария Дорота де Кастеллян с использованием французских моделей [596].

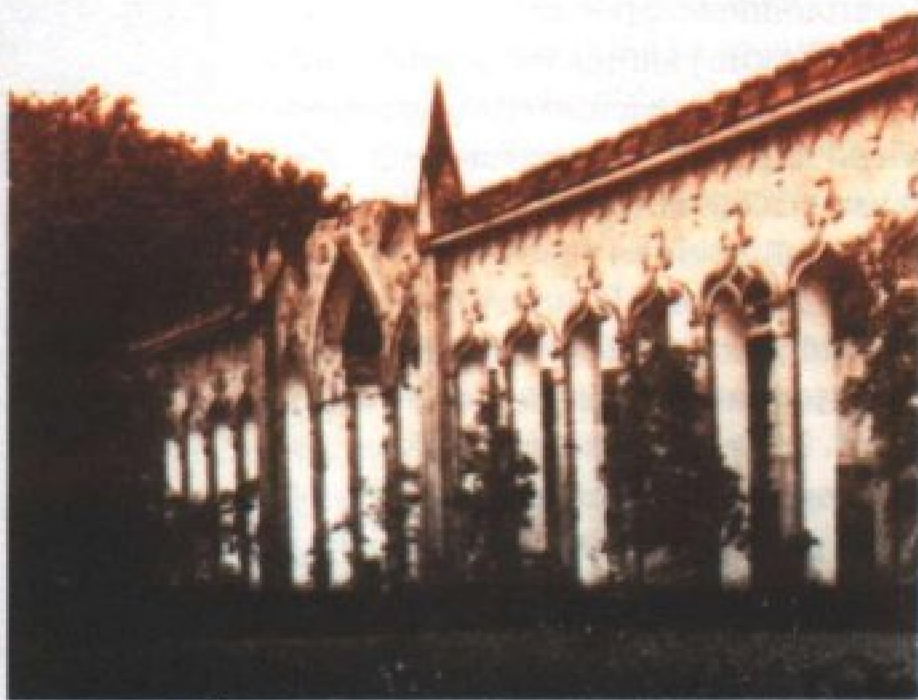
В начале XX в. дворец имел электрическое освещение, паровое отопление. Обвернутый провод проводки располагался в свинцовых трубках. Ее фрагменты сохранились в цоколе.

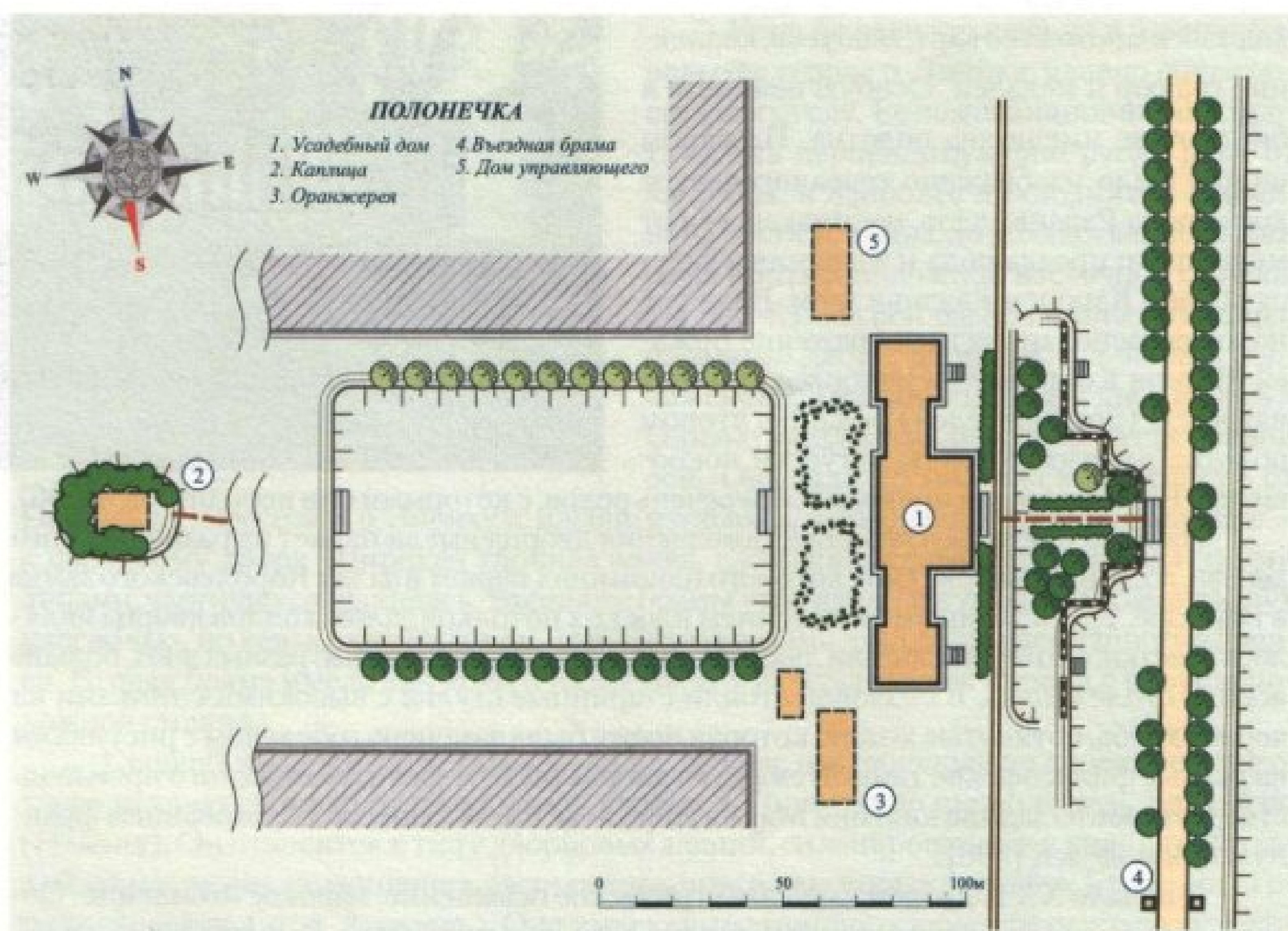
Дворец дважды горел, разрушался (в 1917 и 1943). Восстановлен после войны с некоторыми изменениями (утрачены фронтон, окна порте-фенетры, гермы крыльев), проведена перепланировка интерьеров. Парадная лестница главного корпуса заменена боковыми лестничными маршами. Представление о дворце до восстановления дают рисунок Н.Орды и отдельные фотографии [394, 596].

Расположен дворец на верхней террасе, укрепленной подпорной стенкой (высотой 1 м) из крупных, хорошо подобранных камней. Балюстрада стенки была кованой решетчатой (теперь штакетник). Невысокие балясины (0,9 м), установленные с шагом в три метра завершались шарами. На рисунке Н.Орды подпорная стенка не показана. Возможно, она была сооружена в более позднее время. Элементы оформления передает одна из фотографий начала XX в.

С въездной аллеи вдоль композиционной оси к зданию вела широкая двухмаршевая лестница. Боковые, симметрично расположенные входы были отмечены одномаршевыми лестницами. Перед дворцом располагался подъездной круг с клумбой в центре. На партере имелись солнечные часы, росли тополя черные 'Italica'. С левой стороны дворца, на одной оси с ним, располагалось красивое сооружение оранжереи, построенное в формах неоготики несколько позднее (на его месте теперь располагается котельная). Представление об оранжерее дает одна из фотографий до 1920 г. Ее фасады были оформлены в виде аркады из шестнадцати килевидных застекленных арок. По углам и над главным входом возвышались декоративные башенки-пинакли. Позже рядом с оранжереей было построено здание для электростанции, колесо-маховик которой имело в диаметре около двух метров, и водонапорная

Полонечка. Оранжерея. Фото 1920 г.





башня (примерно на этом месте размещены электрическая подстанция и сарай).

За оранжереей вдоль композиционной оси располагался упомянутый уже «французский» парк, называемый обычно малым парком. Центральной частью его был заниженный партер (его размеры 120×70 м), который хорошо выражен и используется как школьный стадион. С двух противоположных его сторон по склонам расположены неширокие двухмаршевые лестницы. Партер окружали боскеты со шпалерами.

За регулярным парком по живописному, слегка вогнутому, изрезанному склону был разбит большой сад. К нему с северной стороны примыкал винокуренный завод, построенный в 1893 г. [145]. За садом на вершине пологого холма, с которого открывалась живописная панорама всей усадьбы, включая хозяйственный двор (за рекой) и въездную аллею со стороны Ишкольди, была построена родовая каплица (не сохранилась). К ней по оси композиции от дворца вела неширокая аллея. В каплице покоилось сердце первой жены Константина — Целины (из Сулистровских), а позже, в 1869 г., был похоронен сам князь. Возвышение с каплицей, именуемое «гробовцом», по периметру обсажено караганой, а само сооружение окружал венок сирени. Кустарники, благодаря отпрыскам, обильно разрослись, образуя сплошные заросли.

Парк пейзажный, располагался перед дворцом, раскинувшись по склону вдоль неширокой террасы, по которой проходила въездная аллея. Сведений о парке не имеется. Известно только, что в парк от дворца вели три дорожки соответственно трем входам-маршам (центральному и боковым). В нем имелся овощной огород. Парковые насаждения, сложенные преимущественно кленом, липой, ясенем, черемухой, с включением разных иноземных видов, были вырублены в годы войны. Позднее (после войны) территория сплошь застраивается. Утрачены также дороги и мосты через Змейку, ведущие на хозяйственный двор. Мосты были деревянными, по форме слегка горбатыми. Один из них располагался на оси сыроварня — дворец и назывался Красным мостом; второй — Черный мост — был смещен примерно на пятьсот метров в южную часть усадьбы.

Парк завершался системой прудов в пойме Змейки. Сохранилось шесть водоемов разной формы и размеров (постепенно зарастают). Они питаются водой родника, расположенного на опушке лесного массива, посредством устроенного перед водо-

емом колодца. Уровень воды в водоемах регулировался путем ее отвода по каналу в Змейку. Около дороги к прудам стоял деревянный крест св. Антония. Один из каналов водной системы окружает круглый холм, называемый «костелищем», где по преданию возвышался костел, служивший выразительной доминантой усадьбы.

Полонечка. Флигель. Фото 1999 г.

Доминантой пойменного пейзажа была водяная мельница, построенная при дороге около моста из бута и кирпича, крытая цинковой жестью. Она имела шведское оборудование, давала крупный помол, пытель (пшеничная мука высокого качества) и крупу. Здание полуразрушено. Сохранились две стены толщиной в 2,5 кирпича, окна которых полуциркульные на первом этаже и лучковые на втором, и цокольный этаж. Он сложен из камня на известковом растворе с вкраплениями мелкого щебня. На одном из камней выбита дата «1819». Следует полагать, что именно в эти годы создавалась вся резиденция.

От большого хозяйственного двора, хорошо изолированного от парадной части, но визуально связанного со всей усадьбой, сохранился только коровник. Недалеко стоит кирпичное здание бывшей сыроварни, приспособленное под жилье, построенное в другое время, примерно в конце XIX — начале XX вв. В плане прямоугольник (10—8 м) с невысокой четырехгранной башней. Представление о других зданиях дают фотографии 1923—1925 гг. [51].

При Матвее, известном поэте, драматурге и композиторе, в творчестве которого сочетались черты сентиментализма и классицизма с предромантическими тенденциями, Полонечка стала местом общественной и культурной жизни края. Ее посещали музыканты, композиторы, поэты, писатели, художники. В августе 1777 г. по дороге из Москвы в Париж в усадьбе останавливался русский писатель-сатирик Денис Иванович Фонвизин. В письме к сестре свои впечатления от приема он выразил весьма лаконично: «... в Полонечке обед прошел на серебре ...».

Матвей после второго брака матери рос и воспитывался в семье Радзивиллов в Несвиже, где получил прекрасное домашнее образование (одним из его учителей был известный Луи Дюпре), увлекся театром, путешествовал с матерью по Европе. Был дружен с Каролем Станиславом Пане Коханку, находился под его благотворным покровительством. По тестаменту Кароля стал главным опекуном малолетнего Доминика (1786—1813), сына рано умерших Геронима и Софии, будущего владельца Несвижской ординации [668]. Для театра Радзивиллов в Несвиже князь написал ряд музыкальных и драматических произведений (полонезы, сонаты, серенады, мазурки), а также либретто к первой трехактовой белорусской опере «Агатка, или Приезд пана» (1784) и опере «Войт альбанского селения» (1786), которые сохранились в рукописях. Премьера оперы состоялась в Несвиже 17 сентября 1784 г. Музыку для либретто написал Я.Д.Голанд, руководитель несвижской капеллы. В наше время полный текст либретто «Агатки ...» был напечатан в журнале «Театральная Беларусь» (1993). Оригинал хранится в библиотеке Польской АН [300].

Усадьба имела широкую известность и при князе Константине, женатом на Адели Карницкой, с которой имел четверых дочерей и сыновей Доминика, Константина, Кароля, Матвея и Михаила; он был опекуном малолетней княжны Стефании, дочери покойного ордината князя Доминика Радзивилла. Князь быстро продвигался по службе. Согласно формулярному списку о службе за 1863 г., являлся членом Виленской

Эдукационной комиссии (1820), камергером двора его императорского величества (1832), предводителем дворянства Новогрудского уезда (1832—1835), членом Гродненского губернского попечительского комитета о тюрьмах (1837), почетным смотрителем училищ Новогрудского уезда (1845), почетным попечителем Гродненской гимназии (1859). Был награжден орденами св. Станислава 2-й и 3-й степеней. В 1845 г. Константин утверждается министром народного просвещения, а в 1863 г. попросил уволить от должности «по слабости здоровья» [47].

Князь ратовал за развитие образования, культуры местного края. Его стараниями были устроены Новогрудское дворянское училище и пансион, Гродненский Благородный пансион [47]. Он избирался членом-сотрудником Императорского Русского географического общества, куда посылал свои работы по белорусскому языку и этнографии. Известностью пользовались его «Статистический очерк Новогрудского уезда» и «Этнографические сведения о жителях Новогрудского уезда». Во дворце разместил редакцию нового журнала «Люди и время», который планировалось посвятить материалам по изучению фольклора белорусского региона по Вилии и Неману. Дружил с Владиславом Сырокомлей. Владислав охотно приезжал в Полонечку, ценил гостеприимство князя, любил «чудный сад», принимал участие в подготовке журнала к изданию, написал рецензию на его первый номер [572]. Константин являлся одним из руководителей литовского филиала тайного антицарского Патриотического общества, в связи с чем был арестован. Был связан также с декабристами. Для обсуждения совместных действий против царского самодержавия в 1823 г. неоднократно встречался в Вильно с Александром Бестужевым, и только чистая случайность спасла князя от наказания.

Полонечские Радзивиллы, подобно несвижским, занимались сбором ценностей, коллекционированием. Дворец имел библиотеку (около 4 тысяч томов), укомплектованную с большим вкусом, архив, коллекцию картин разных художников и многие редкие произведения искусства. Среди них, например, икона Матери Божьей, привезенная Яном III из Вены; небольшой гобелен (150×75 см), отражающий акт получения княжеского титула Радзивиллом Сироткой от Карла V; деревянный крест высотой около 40 см, который носил князь во время своего путешествия к Святой Земле, экспонируемый в стеклянной витрине в малом салоне дворца; коллекция медальонов с изображением польских королей в позолоченных рамах; двенадцать миниатюр с изображением представителей Радзивиллов из Полонечки, коллекция гравюр и медалей; портрет молодого Николая Коперника кисти итальянца Матея и др. [596]. В отдельном кабинете хранилось собрание бронзы, разные памятные фамильные предметы, слуцкие пояса, нумизматика, старинные кубки и чаши и др. [619].

В столовой дворца имелась галерея из тридцати восьми портретов представителей разных линий рода Радзивиллов, хорошо документированных. Портреты были в основном большого формата с изображением личностей в военных доспехах или одежде, передающей характерные черты профессиональной занятости. Галерея начиналась с портрета Войшмида, который, как считалось, стоял у истоков рода. Она включала портреты князя Константина и его третьей жены Оделии (из Карницких), а также портреты наиболее известных женщин, например, Барбары Радзивилл, Анны, матери Конрада и Януша, последних князей Мазовецких. Авторами портретов были Ю.Пешка, И.Лампи, А.Латоур и неизвестные мастера [596].

В главном салоне с большим зеркалом в позолоченной раме имелось собрание портретов Радзивиллов более позднего времени — кисти Бочарелли, И.Лампи, Ю.Пешки и Я.Рустема. Всю стену занимало полотно неизвестного художника с изображением философских сцен, приобретенное Альбертом Радзивиллом в Италии.

Судьба собраний из Полонечки сложилась по-разному. Часть ценностей вывезена Матвеем в Зегжу, имение жены. Отдельные предметы стали частью несвижских собраний. Архив (документы XV—XIX вв.) хранится в Главном архиве древних актов (Варшава), собрание книг — в Национальной библиотеке Польши. Многое безвозвратно утеряно в годы войн.

Хорошо сохранился Юрьевский костел, построенный в 1899 г. Альбертом Радзивиллом по проекту варшавского архитектора Константина Войцеховского в формах неоготики [694]. Его оригинальный одноярусный резной алтарь имеет иконы XVIII—XIX вв. Храм служил усыпальницей последних владельцев имения. Располагает редкой реликвией — орнатом (верхняя литургическая одежда ксендза), сшитом с использованием слуцкого пояса.

Величественная в прошлом усадьба Радзивиллов сохранилась в виде небольших фрагментов (восстановленный дворец, отдельные хозяйственные сооружения, партеры, пруды, деревья). Функционально разобщена. Частично застроена и распахана. Дворец принадлежал школе. Теперь пустует и разрушается. Вместе с живописным рельефом, прудами, родником, костелом оценивается как культурный ландшафт особого значения.

Сочивки. Усадебный двор. Амбар. Фото 1999 г.

Сочивки

Владение Радовицких. В 1771 г. его купил Адам Анцута, судья городской, а затем земский берестейский, женатый на Анне Володковичевой [305]. По наследству перешло самому младшему, шестому сыну Станиславу. По духовному завещанию от 25 ноября 1820 г. владелицей имения стала его родная сестра Каролина Домейко, по второму браку Бересневич (умерла в 1832), мать Игнатия Домейко, известного геолога, минералога, исследователя Чили. После поражения восстания 1830—1831 гг. было заведено дело о конфискации имения Сочивки за участие Игнатия в восстании. Однако оказалось, что оно не принадлежало «мятежнику». По распорядительной записи 21 марта 1821 г. из суммы в 150 тысяч злотых, на которую оно было оценено, причиталось дочерям Антонине Езерской и Марии Вержбицкой по 25 тысяч, для трех сыновей (Адама, Казимира и Игнатия) по 60 тысяч; для мужа Юзефа Бересневича — 30 тысяч злотых. Соответственно в казенную палату была взыскана сумма 23333 злотых [208]. К этому добавим, что в имении Медвядка за Игнатием числились 3 «души крестьян мужского пола». Они были оценены ликвидационной комиссией в 300 рублей ассигнациями и приписаны по 8-й ревизии к другому имению, ранее конфискованному у Солтанов. Из них найти и вернуть удалось только двоих крестьян [143]. После Каролины Домейко имением владели Вержбицкие, затем с 1860 г. — старшая дочь Антонина Езерская [547]. В 1884 г. владельцем только половины имения (287 десятин земли) был ее сын Эдвард Езерский. От Езерских имение перешло Солютанам [655].

В 1835 г. сочивковский двор включал небольшой усадебный дом, крытый гонтом, три флигеля (служили кухней, пекарней и прачечной), кузницу, хозяйственный двор, в котором имелось 158 голов скота [281]. В 1884 г. усадьбу посетил Игнатий Домейко. На родную землю, которая навсегда оставалась «страной счастья», Игнатий ступил, приехав из Чили, прославленным ученым. Бывшего изгнанника радостно приветствовала Европа. В Париже встречали ученые Сорбонны, в Кракове ему присудили ученую степень почетного доктора; на варшавском перроне Игнатий оказался в объятиях Антона Одинца, близкого друга студенческих лет, единственного, оставшегося в живых филомата; Гродно встретило земляка хлебом и солью, народными песнями. Также тепло и радостно приняли Игнатия в усадьбе.

Игнатий Домейко с сыновьями Казимиром и Гернаном.

В воспоминаниях изгнанника «Мои путешествия», «Возвращение из Чили в Европу в 1884 г.» он с грустью напишет о дворе в Сочивках [327]. Этот текст помогает представить анцутовский двор к концу XIX в., который был «улучшенным, но не измененным». Расположен он на холме, являющимся частью живописного моренного ландшафта с небольшими перелесками, вековыми дубами. Усадьба не просто вписалась, а слилась с местностью, стала неотъемлемой ее частью. И хотя время очень многое изменило, но черты старинного двора все еще ощущаются.

Въездная аллея ведет к нему с западной стороны. Она, плавно изгибаясь, проходит через сад. Вдоль дороги фрагменты бывшего оформления: клены и ряд вязов, в прошлом формованных в виде шпалеры, а теперь пытающихся восстановить свои кроны. Старый усадебный дом Анцут с официной стоял в глубине усадьбы. Он был деревянным одноэтажным на каменном фундаменте, крыт гонтом, имел семь комнат [538]. Среди них холл, спальня, гостиная, столовая. В коридоре в большой клетке сидел петух, который выпевал время. По воспоминаниям Игнатия, здесь проходили сборы сеймиковой шляхты, шумные собрания, свадьбы двух его сестер и брата Адама. В доме отмечались именины. В дни праздников, особенно в день св. Анны, во время столовичских ярмарок здесь собиралось много гостей. В памяти навсегда запечатлились детские радости, семейное тепло. Вспоминались именины, когда три Марийки (Верещако, Заленская и Домейко) пели перед растроганной бабушкой, держа в руках длинную гирлянду из чубушника и роз [327].

Место дома давно поросло деревьями. Не стало и официны, в которой жили еще в 1884 г. На бывшем газоне перед домом растет липа, посаженная в XVIII в., в стволе которой была устроена борть, искусственно сделанное дупло для пчел. Ее узкая щель (довжня, веко, лазейка) почти затянулась разросшейся корой дерева. Хорошо выражен сам двор. Он в окружении старых деревьев занимает центральную приподнятую часть усадьбы, в прошлом наполненную ежедневными заботами и делами. Именно на нем, например, во время дожинок устанавливали длинный стол, накрытый скатертью, раскладывали хлебы и сыр, расставляли бутылки с водкой и допоздна веселились, пели песни. В день пребывания в усадьбе Игнатия столы стояли в форме подковы, на них из цветов и сахарных сладостей были выложены инициалы Игнатия. Чествовать его приехали владельцы многих имений: Рдултовские, Верещако, Кобылинские, Слизни, Завадские, Радзивилл из Полонечки, седой Томаш Булгак с женой, которая трижды ездила с мужем в изгнание в глубину России и трижды его спасала.

Вечером, возвращаясь с поля, приветствовать гостя пришли жнеи. «Красивая дородная девушка в венке с ржаных колосьев на голове вместе с двумя степенными женщинами подошла и поклонилась Игнатию. Он снял, согласно обычаю, с ее головы венок, передал хозяйке дома и поцеловал жней. Потом войт деревни и почтенные люди гмины преподнесли ему хлеб и поздравили с возвращением. Тем временем хор жней поделился на две части, которые пели попеременно. Хозяин пригласил гостей на вторую сторону дома, где начинались сад и парк. Игнатий писал: «Там, на роскошном цветнике, я увидел цветочные клумбы и выросшие деревья, памятные мне еще с детства. За ними, как и раньше, вьется лугом родная река Шчара... До утра стояли у меня

в ушах песни жней. Мне казалось, что запел и бабушкин петух, который будил когда-то в долгие зимние ночи многочисленную ее службу» [327].

В центре усадебного двора сохранился старый колодец. Недалеко расположен амбар с коптильней, под которым два погреба. Из жилых сооружений сохранился флигель, потом служивший домом эконома. Рядом, как когда-то, стоят ульи, растет сад. Не стало небольших зданий, служивших кухней, пекарней, прачечной и кузницей. Двор полукольцом окружает парк. Он был заложен Станиславом Анцутой (до 1820). Раньше имелся за домом «парк, поделенный на части», т.е. регулярный. В 1884 г. от него, как и от дома, уже не было следа. Новый пейзажный парк занимает окраину холма и его плавный склон, спускающийся к пойме Щары. Его разреженный древостой сложен могучими ясенями, кленами, липами, дубами, тополем белым и другими видами. Липы растут букетом по 3 и даже по 7 в гнезде. Впечатление древности насаждений усиливается обильным валежником, руинами ледника. По воспоминаниям Игнатия, в парке были разбиты клумбы.

От парка вдоль сада тянется защитная полоса (ширина 12 м) с липами не в виде обычной аллеи, а как-то нечетко, вразброс. Деревья растут одиночно, кустом из 2—5 экземпляров в гнезде, образуя мощный и красочный древостой. Видимо, это есть новое поколение насаждения, которое, по выражению Игнатия, «осталось еще с того времени моего деда и прадеда». В 1884 г. он еще нашел престарую липу, до половины разодранную от старости и ветров, прикрывавшую своими ветвями молодые деревца. Это была встреча с детством. Игнатий обнял дерево [327].

Парк пересекает две тропинки, возможно, их направление сохранилось с прежних времен. В самом углу стояла старенькая капличка, возле которой еще при бабушке Анцуте служили по воскресеньям имшу, а вечером все домашние собирались на молитвы. Отсюда открывалась перспектива на мост через Щару, где шумела водяная мельница. За рекой на возвышении стояла беленькая капличка более позднего времени, где была в 1832 г. похоронена Каролина Домейко, мать Игнатия.

Могилу матери Игнатий посетил рано утром, поднявшись с первыми лучами солнца, и, пережив эту встречу, он позднее напишет: «... Каму ж гэта яшчэ дазволіць Бог пасля паўвекавога выгнання вярнуцца з-за мора, з другога паўшар'я свету і ўкленчыць над магілай маткі, благаславенне якой сцерагло мяне ў вандраваннях. Няхай набожныя

Сочивки. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

слёзы гэтыя будуць Богу на ахвяру за тваю шчодрасць, за ўсё тое, што ты дала мне, калі я быў яшчэ хваравітым дзіцем, потым непаслухмяным хлапчуком, потым ганарлівым смельчаком у школе, потым яшчэ больш самаўпэўненым, калі забываў твае парады і перасцярогі. Пры растанні тваё сэрца прадчувала ўжо, што мы болей не ўбачымся, што я ўжо ніколі не абдыму цябе... О Божа! ... раскажы ёй праз свайго анёла, што я малюся і да смерці маліцца буду за яе збавенне і за Тваю ласку» [271].

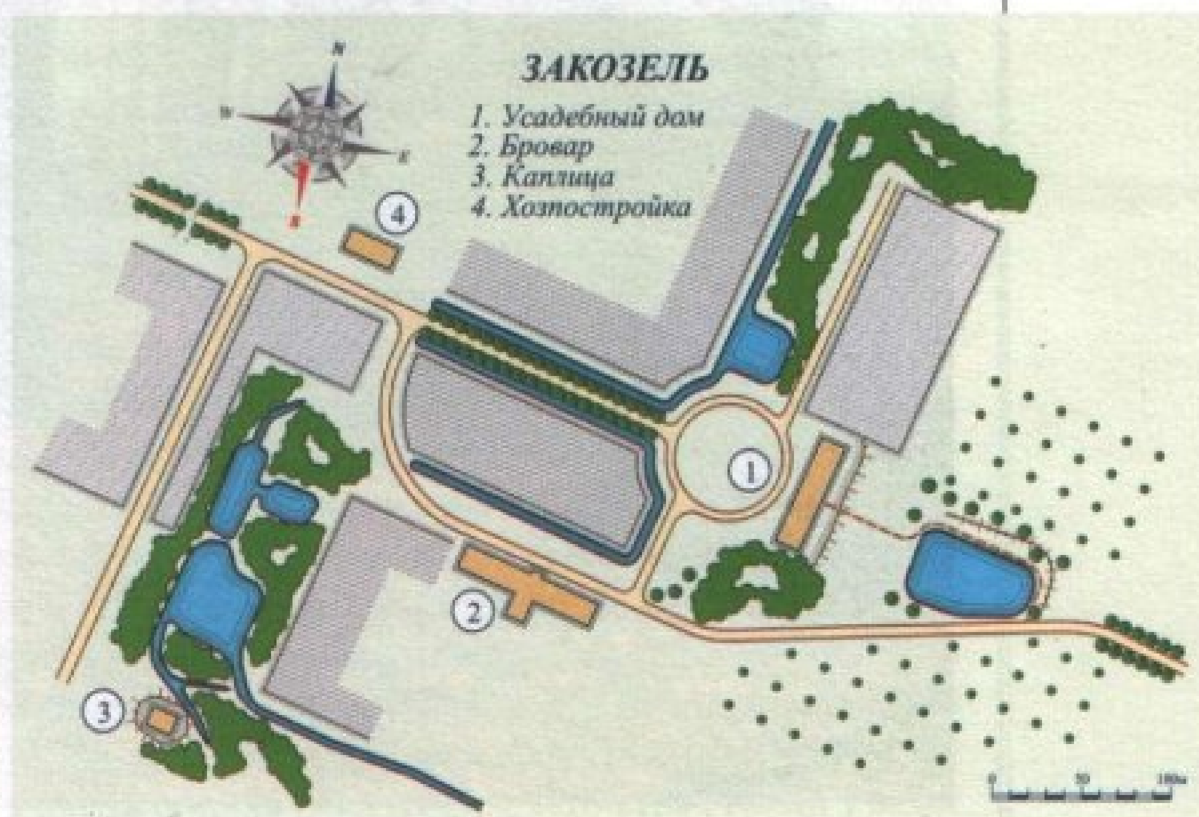
К сожалению, святое место в последнее время распахано. Собранные останки перезахоронены женщинами из деревни Загорье. Старинная усадьба Анцут и Домейко сохранилась в прежних границах, однако планировочно расстроена, запущена. Принадлежит Крошинскому питомнику.

Закозель. Дрожжевино-куренный завод. Фото 1999 г.

Закозель

Первое упоминание относится к концу XIII в. в Писцовой книге Пинского княжества [508]. В 1521 г. имение входило в состав королевских имений. В XVIII в. перешло Ожешко (Оржешко). Корни рода берут начало с Подляшья. Протопластой рода считается Мельхиор, судья Мельницкой земли. Его внук Казимир, новогрудский ротмистр, владел фольварком Рутка в Новогрудском повете [454]. В XVI в. одна из ветвей рода герба Побут переселилась на Полесье. Родословная пинской линии начинается с Антона Оржешко, которому Сигизмунд II Август пожаловал Войтовство Мотольское [177]. Род вскоре стал весьма зажиточным и влиятельным. Ожешко занимали служебные посты стольников, подкомориев, войских, подсудков, судей, маршалков шляхты [596]. Во второй половине XVIII в. известность имели подкоморий пинский Людвиг, каштелян пинский Бенедикт Ожешко и др. Леопольд Ожешко около 1750 г. заложил усадьбу в имении Соха. Родовой резиденцией становится Закозель.

Одним из известных владельцев Закозеля был Юзеф, затем имение унаследовал сын Никодим (умер в 1843), женатый на Фердинанде из Хржановских [233]. В 1845 г., согласно Инвентарю, большим имением с двумя паровыми винокурнями владел Каликст Ожешко [216, 770]. В 1890 г. оно включало 6 фольварков (Валовель, Белин, Дятловичи, Вавуличи, Карловичи и Дошник), а земельные угодья составляли 8018 десятин земли [546].



Каликст (1822–1891), маршалок шляхты Гродненско-

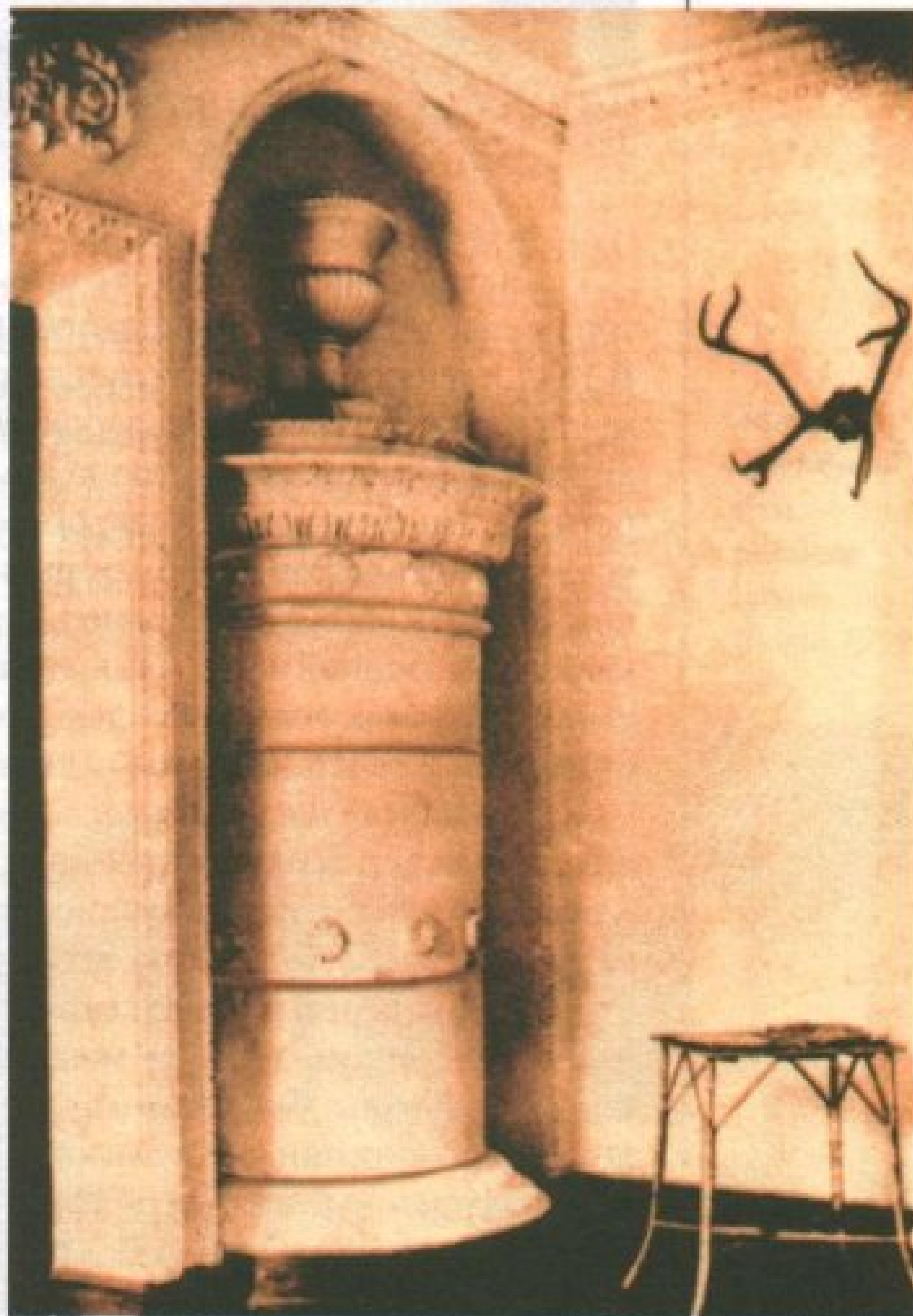
го уезда, корьюнкер Александра II, член главной комиссии по вопросам крестьян, был женат (1850) на Эмилии Скирмунт (1833—1905), дочери Александра и Констанции из Сулистровских (похоронена на фамильном кладбище в Молодове). Они имели детей Каликста, Никодима, Юлия, Эмилию, Марию и Людвига. Каликст, а также его брат Юлий, владелец Дольска на Волыни, жили в последние годы за границей. Никодим погиб в годы восстания 1863 г. Постепенно богатейшее имение приходило в упадок. Участниками восстания были также родственники Флориан и Петр Ожешко из соседнего Людвинова, которое было конфисковано.

Закозель. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото 1937 г.

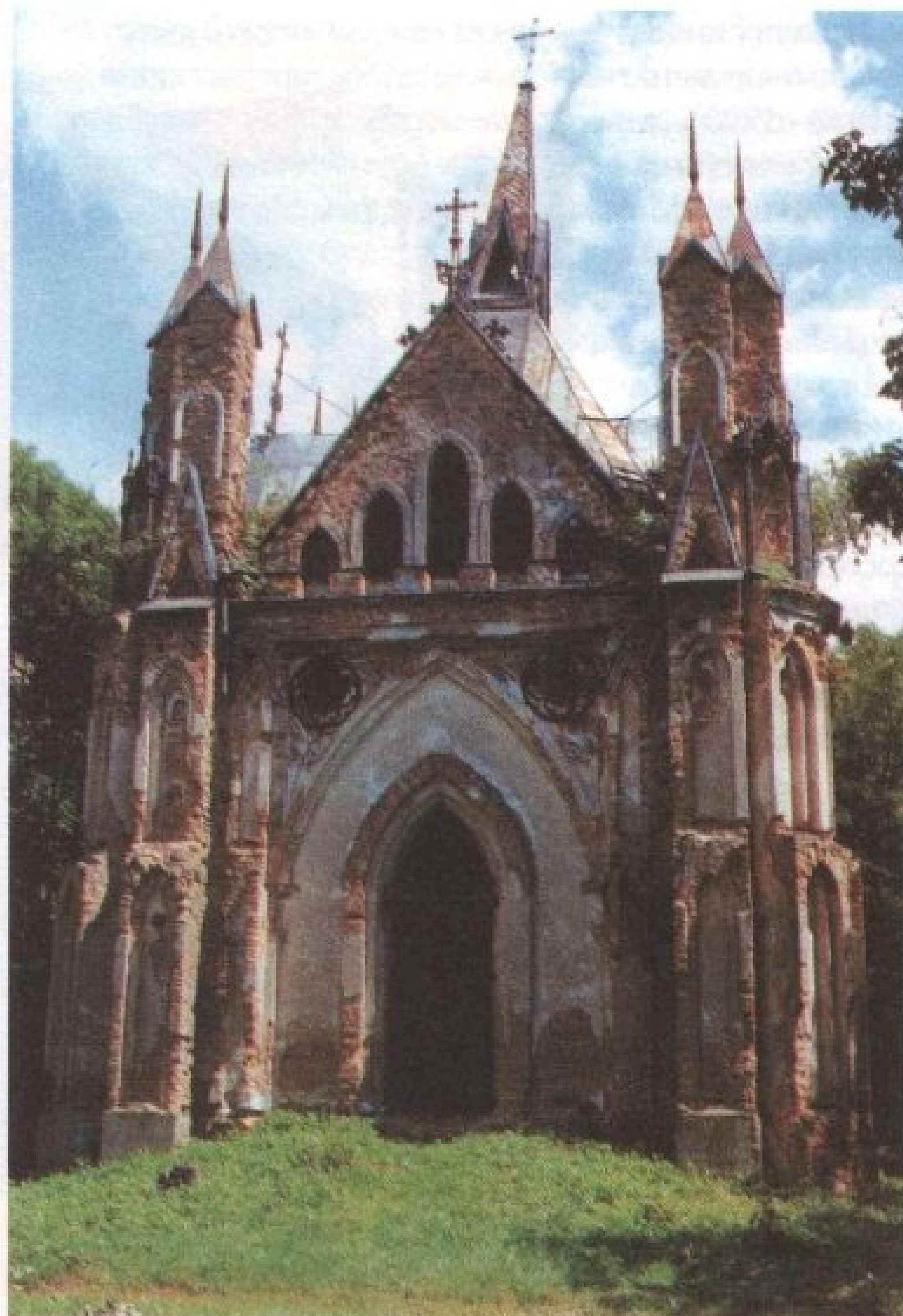
В 1892 г. по раздельной записи собственниками имения стали старший сын Каликст, вдова коллежского советника Эмилия Александровна и дочери Эмилия Оржешко, Ядвига Дзеконская и Людвига Трембицкая. В 1893 г., согласно актовой книге нотариуса г. Санкт-Петербурга на недвижимое имущество, состоялась купчая крепость на имение Каликста Оржешко, капитана войска польского. Имение было продано графине Надежде Александровне Бобринской из Половцевых. Александр Григорьевич Бобринский, дед мужа Надежды Александровны, был сыном Екатерины II и графа Г.Г. Орлова и получил графский титул.

Общая площадь угодий имения Закозель с фольварком Валовель, тремя мызами и имения Белин составляла 11325,47 десятин. Усадьба занимала 20 моргов. В имении имелись винокуренный и сыроваренный заводы, четыре корчмы. Все владения были заложены в Виленском земельном банке на сумму 197 тысяч рублей, а долг по состоянию на 1 июля 1894 г. составлял 196242 рубля. От погашения долга был освобожден парк в пять десятин земли, примыкавший к родовой каплице, открытой для молитвенной службы. Имение было продано за 540 тысяч злотых, в т.ч. 40 тысяч за движимое имущество [24]. Новая владелица, не меняя общего облика здания, реставрировала дом, благоустроила парк и подняла хозяйственный уровень имения. В 1902 г. строится паровая молочная ферма, в 1906 г. — дрожжевинокуренный завод в формах, близких усадебному дому, брама и редкое по красоте здание конюшни выездных лошадей. В имении этого периода имелись также сыродельня, пивоварня, винокуренный и ректификационный заводы, кузница, коптильня и другие сооружения. В конюшне содержалось лошадей для надобностей имения — 7, жеребцов — 7, молодых лошадей — 49. Согласно доверенности, заверенной Д.Н.Балласом, нотариусом Санкт-Петербурга, в 1901 г., имением непосредственно руководил поверенный графини дворянин Аксель Августович фон Ден. Поверенный был наделен большими полномочиями. Он не только имел право управлять имениями (Закозель и Белин), но и покупать новые имения на имя

Закозель. Фрагмент интерьера усадебного дома. Кафельная печь. Фото 1937 г.



Закозель. Каплица. Главный фасад. Фото 1987 г.



графини, брать в аренду всякие недвижимости, имения, дома, фабрики, заводы и пр. [211].

В 1919 г. графиня Н.А. Бобринская, проживая в Екатеринодаре, выдала доверенность на управление имением сыну графу Алексею Алексеевичу, а он в 1921 г. доверил управлять и распоряжаться новым владением управляющему. Акт на управление был удостоверен в Российском генеральном консульстве в Париже, за что было взыскано пошлин 3 рубля [24].

В 1922 г. Алексей продал часть владения (Закозель, Белин, Городец) Зигмунту Витольду Веселовскому, который владел им недолго. В 1923 г. оно продается за 8 миллиардов 985 миллионов марок Каролю Толлочко из Варшавы. Кароль любил имение, поддерживал прежний порядок, называл его «Zwaniec» [233]. В годы войны жил в имении, помогал партизанам, выехал в 1944 г.

Достоверных сведений о времени строительства усадьбы и ее основном фундаторе не имеется. Судя по Инвентарю за 1814 г., она была заложена Юзефом Оржешко. В 1814 г. двор Юзефа включал дворец каменный, официну деревянную, спихлер каменный, огород (парк) шпалеровый, беседку каменную, мельницу конную, конюшню, кирпичный завод, сыродельню каменную, стодолу, каменные обору и конюшню, каретную, два фруктовых сада, огород овощной, четыре корчмы [40]. Формирование усадьбы, которая на первом этапе имела черты регулярности, формованные деревья, шпалеровый парк в духе времени продолжил Никодим, сохранив осевую симметрию, каналы в парадной части. На вытянутой композиционной оси размещались в глубине усадьбы партер, усадебный дом, водоем, за которым по оси композиции с восточной стороны располагалась вторая въездная аллея, также липовая (схема).

Главная аллея приподнята, очень широкая (11 м), редкостойная липовая (деревья в ряду через 6 м), окруженная с двух сторон каналами шириной 4 м (каналы пересохли). В 1906 г. аллея была продолжена до 450 м. Теперь является улицей деревни. По фотографии 1937 г. заметно, что деревья аллеи в прошлом были формованными, но к этому времени они настолько отросли, что смыкались кронами. Невысокие с шарообразными кронами липы не мешали видеть вытянутые вдоль полноводные и весьма широкие каналы. Фоновыми для аллеи являлись дубы вдоль наружных берегов каналов. Возможно, они были высажены по всей длине каналов. В настоящее время здесь растут одиночные дубы по возрасту старше лип (диаметр стволов около 1,5 м). Въезд на партер фиксировался последней парой деревьев липовой аллеи. Они стоят по-прежнему, но уже без вершин. За ними открывался большой газон с кругом в окруже-

нии одиночных дубов и кленов, представление о котором дают фотографии 1937 г. Край круга был охвачен невысоким формованным бордюром. Партер со стороны въезда окружали, красиво изгибаясь, каналы въездной аллеи. Левый канал впадает в квадратный водоем, примыкающий к партеру. Он хорошо выражен. Видимо, планировочное решение было симметричным, так как имелся второй водоем. Он не сохранился (был засыпан в связи с прокладкой дороги). Вдоль каналов здесь также растут одиночные дубы и старые клены, утратившие вершины.

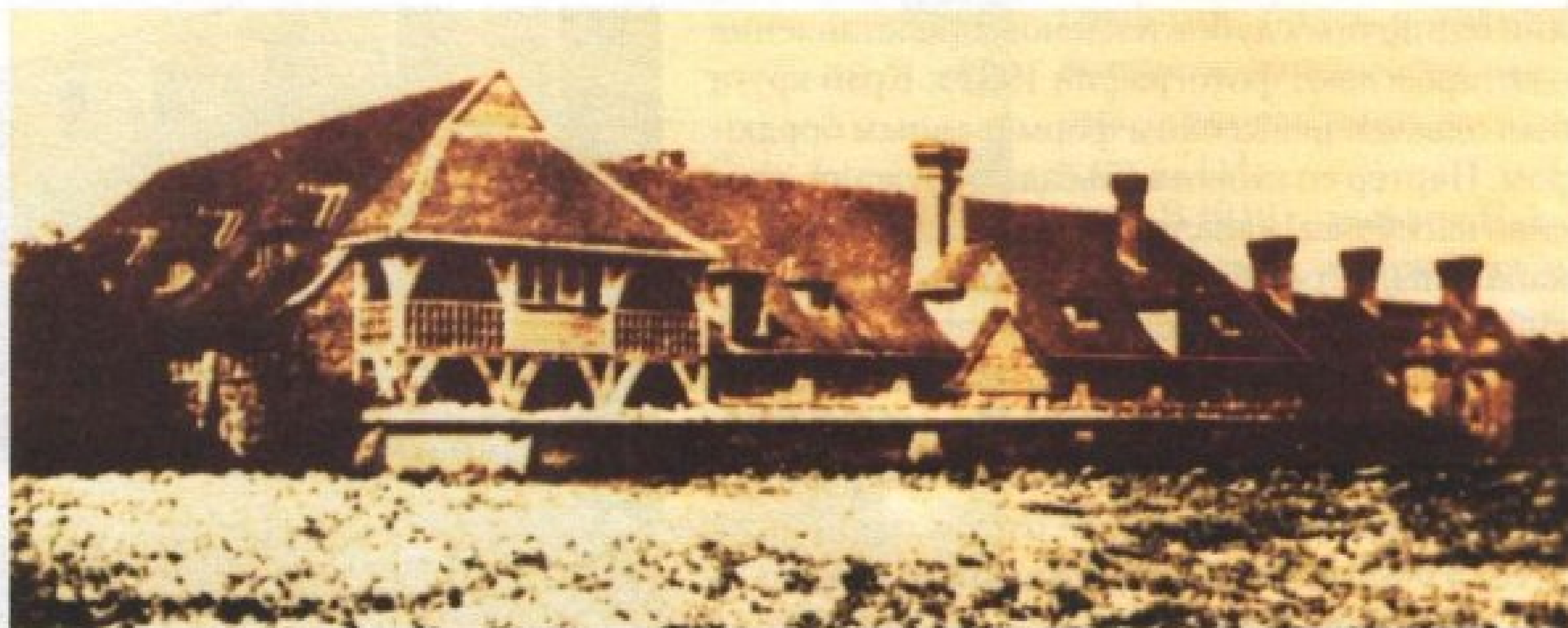
Закозель. Дрожже-винокуренный завод. Боковой фасад главного корпуса. Фото 1999 г.

Дворец каменный, одноэтажный, на низком фундаменте, имеет симметричную фронтальную композицию. Его центральный объем с высокой крышей и люкарнами был выделен четырехколонным портиком с аттиком; боковые объемы более низкие (один из них размером 14×5 м сохранился и используется под жилье). Они трехосевые. Окна необычно большие, почти от фундамента до потолка, фланкированы тосканскими колоннами. Облик дома был несколько изменен, как считает Р.Афтанази [596], Зигмунтом Веселовским. Однако Зигмунт владел имением очень недолго. Правдоподобнее, что это сделал Кароль Толлочко. Неслучайно его долг польскому коммерческому банку составлял 60 тысяч долларов [25]. Центральный объем достраивается мансардным этажом, соответственно поднимается на эту высоту портик с аттиком, устраивается балкон. Более заметными изменениями затронут дом с тыльной стороны. Была проведена достройка двух небольших объемов симметрично оси здания. Между ними оказалась остекленная дверь, которая выводила в парк из колонного зала-ротонды, наиболее богато оформленного в доме. На объем опиралась большая терраса с балюстрадой, с которой открывалась восточная перспектива, акцентом ее был водоем с островом и мостиком, замыкающий ось композиции.

При реконструкции дворца была сохранена его внутренняя планировка. Центральный корпус предназначался исключительно для репрезентативных целей. В центральной части находился просторный вестибюль, а с двух его сторон — идентичные по форме и размерам залы. Каждый из них имел по два больших окна и по две полукруглые печи, помещенные в ниши под арочным сводом, обрамленным лепными украшениями. Печи у основания и в верхней части были декорированы карнизами из листьев аканта, орнаментальными поясами в виде стилизованного распустившегося цветка-розетки, а также полувазами. Своеобразие печей составляло их расположение. Каждой из печей соответствовала вторая аналогичная половина, находящаяся в соседней комнате. В комнатах боковых крыльев стояли печи обыкновенные, прямоугольные. Самую большую часть дома занимал бальный зал, расположенный в его центральной части со стороны сада. Он был значительно шире вестибюля, с которым его соединяли застекленные четырехчастные двери. В бальном зале с широким выходом на террасу находился угловой камин с мраморной плитой. Справа к нему примыкал продольный холл с лестницей на второй этаж, слева размещались гардеробная и малый квадратный салон. Последний широким открытым проходом без дверей был соединен с бальным залом (залом-ротондой), фланкированным четырьмя колоннами с коринфскими капителями. Все репрезентативные залы имели

Закозель. Усадебный дом. Боковое крыло. Фото 1999 г.

Закозель. Конюшня. Фото до 1939 г.



потолки, снабженные фасетками, опирающимися на карнизы, были декорированы листьями аканта или орнаментальной лепниной. Высокие дубовые двухстворчатые двери покрывала темная политура. Они имели богатые барельефы, оковку и ручки из искусно моделированной бронзы. Полы в помещениях были паркетные, но без узоров.

Накануне 1939 г. во дворце не было ценной старинной мебели и произведений искусства. Прежняя обстановка и коллекции времен Ожешко еще раньше перешли в другие дома в виде приданых. Часть их оказалась в Линово у Людвиги Трембицкой. Прежде всего, это были картины, в том числе семейные портреты и скульптуры [596].

Основу композиции парка за усадебным домом составлял водоем. Своеобразие ему придает вал вдоль северного берега (ширина до 5 м, высота 1,5 м), покрытый ясенем и грабом, с дорожкой у основания. Вал создает перепады высот, что важно для ровной плоской местности и вместе с тем наделяет среду чертами интерьерности. Водоем декорировали ивы белые 'Vitellina'. Теперь вдоль берега заросли кустарниковых ив, ольхой покрылся остров, в воде сплошные заросли тростника. Между водоемом и усадебным домом располагался цветник.

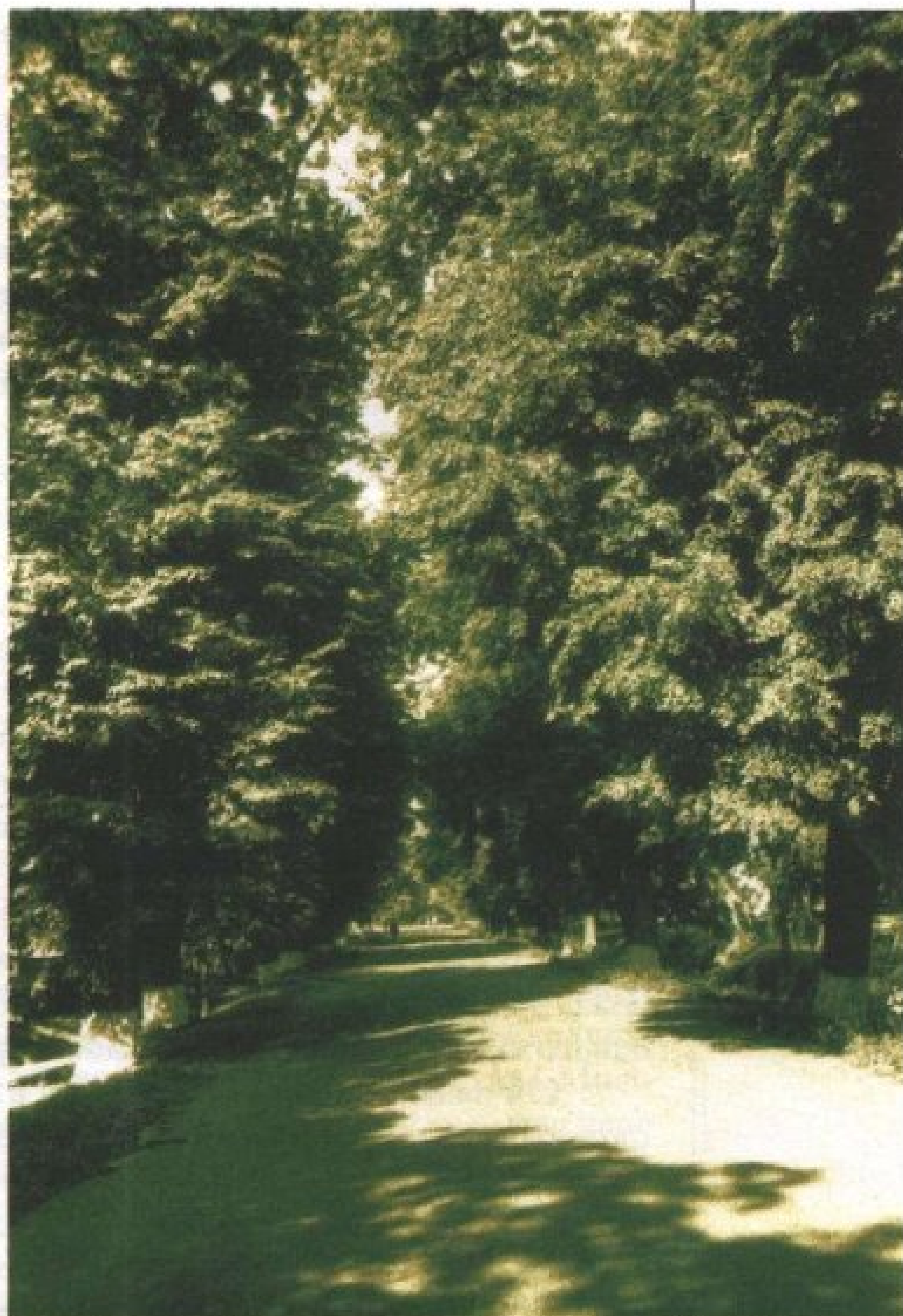
Усадьба имела сложную, весьма своеобразную водную систему. Пять хорошо выраженных небольших водоемов размещены по всей ее территории: партер, центральная и южная части парка. В них впадали каналы — собиратели воды за границами усадьбы. Водоемы соединялись протоками, наполняя водой центральные каналы, которые являлись главными элементами усадебной планировки. Сложный рисунок водной системы придавал парку особую привлекательность. За системой водоемов в юго-западном углу парка в 1839 г. с позволения виленского епископа Клончевича в формах неоготики была построена каплица по проекту известного архитектора Франтишка Ящолда. Ее первоначальный вид запечатлен примерно в 1850-е гг. на литографии неизвестного мастера, которая хранится в фонде Российского государственного исторического архива Санкт-Петербурга [232].

Закозель. Амбар. Фото 1999 г.

Каплица — редкое по композиции, гармонии и качеству исполнения, лепному декору, декоративному литью сооружение и не только в Беларуси. Построена из светло-красного кирпича размером 38—37×17×8 см. В плане центрическое квадратное сооружение с остроконечными двухскатными крышами, покрытыми медными листами, в перекрещивании которых поднимается ввысь четырехгранная сигнатурка с остроконечным шпилем и чугунным крестом в завершении. Композиция подкрепляется также устремленными ввысь башенками-фиалами на угловых спаренных контрфорсах, между ко-

торыми по углам карниза были установлены четыре статуи евангелистов в человеческий рост, оправленные металлическими готическими порталами. Фасады здания расчленены сложными стрельчатыми и трехлопастными арками-нишами. Скульптуры занимали ниши на главном фасаде и внутри каплицы. Вход выделен порталом, над которым расположены гербовые картуши рода Ожешко. Окна и люкарны с ажурным переплетом заполняли цветные витражи с декоративными литыми решетками. Редкой красотой выделяются интерьеры зала каплицы с нервюрным сводом. Кружевной рисунок тонких, словно нити, нервюр создает впечатление легкости и ажурности свода. Стены украшали иконы. Особым мастерством исполнения отличались хоры и главный алтарь [390].

Под цилиндрическими сводами располагалась крипта с захоронениями владельцев имения. По сведениям на 1866 г. в ней были похоронены Юзеф Ожешко, его сын Никодим, внучка Феофила и Иван Хржановский, отец жены Никодима [232]. Вход в крипту оформлен в виде квадратного проема в полу зала. Вход в каплицу освещался двумя фонарями, установленными на деревянных столбах. Рядом, на возвышении, стояла скромная звонница, крытая гонтом, с небольшим колоколом.



Закозель. Въездная аллея. Фото 1999 г.

Графиня Н.А.Бобринская, покупая имение, приняла условия бывших владельцев в отношении каплицы. Каплица не должна была использоваться для других целей. Новый владелец не имел права на ее разрушение, изменение декора, вырубка деревьев в примыкавшем парке, на препятствование Ожешко по изменению, ремонту храма и погребению членов их рода [26]. Эмилия Ожешко на просьбу о погребении в каплице сына Юлия, умершего в Париже, получила отказ от российских властей.

В 1915 г., в годы немецкой оккупации, с каплицы было снято медное покрытие. Вторично она была перекрыта К. Толлочко. Святыня разорена, но в общих чертах сохраняет свой архитектурный облик. Наклонился остроконечный шпиль, под которым, согласно преданию, в маленьком помещении в тяжелые дни восстания 1863—1864 гг. Элизой Ожешко был спрятан раненый генерал Ромуальд Траугутт. На окраине парка, возле въездной аллеи, в 1842 г. был установлен невысокий обелиск в память о повстанцах. На табличке была написана просьба о молитве «За души Никодима и всех погибших в лесах».

Вдоль боковой аллеи, которая огибает усадьбу с южной стороны, расположен дрожжевинокуренный завод, разрешение на его строительство было получено в 1905 г. А.А. фон Деном, поверенным графини, за подписью губернского инженера и губернского архитектора. Автор проекта Ф.Г.Маультч [211]. Согласно «Протоколу приема оконченной постройки», строительство завода было закончено в мае 1906 г. С графини Н.Бобринской при этом было взыскано 48 рублей 91 копейка суточных за поездку губернского инженера в имение для осмотра строения. В хорошем состоянии оно дошло до нашего времени. Здание двухэтажное. Его центр выделен ризалитом шириной 12 м

и повышен на один этаж до уровня конька крыши боковых крыльев (длина 17 м). На фасадной стене обоих крыльев нависающий карниз, опирающийся на шесть колонн тосканского ордера. Прямоугольные оконные проемы украшены декоративными карнизами и сандриками. На правом фланге расположен трехэтажный поперечный корпус (21×9 м). Очевидно, в наше время сделана аналогичная пристройка слева, только длиной, равной ширине основного здания (12×9 м), и высотой в 5 этажей. Общая длина сооружения по фасаду 64 м. Необычный дворцовый облик завода послужил основанием для предположения Р.Афтанази [596], что здание могло служить первоначально усадебным домом или официной. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что производственное сооружение было стилизовано в классических формах усадебного дома, чем обеспечивалось единство усадебного ансамбля.

В отдельных помещениях размещались динамо-машина берлинской фабрики «Унион», паровая машина, паровые котлы. В 1900 г. имелось электрическое освещение. Спирт перекачивался в резервуар, находящийся в подвале на расстоянии 22 саженей от завода. Здание было обеспечено водяными насосами и пожарными кранами на случай пожара, освещалось электричеством, вентиляция осуществлялась по железным трубам. На заводе имелись ремонтные мастерские, лаборатория, контора, что свидетельствует о высокой культуре предприятия. Завод обеспечивал квартирами мастера и помощника, машиниста и 10 рабочих. Через дорогу размещались три жилых дома, дом-контора.

На заводе получали прессованные дрожжи так называемым воздушным способом (путем продувания бражки при помощи компрессора) и спирт. Сырьем служили рожь, ячмень, кукуруза и крахмал. Производилось два затора в сутки, масса сырья одного затора составляла 180 пудов. Барда скармливалась скоту [211].

Согласно ситуационному плану, в имении имелись винокуренный и ректификационный заводы, два магазина, расположенные в южной части усадьбы вдоль въездной аллеи. Севернее за ними располагался большой хозяйственный двор. Здесь сохранились перестроенные сыроварня и столярня (30×12 м), а также здание неопределенного назначения (36×12 м), построенное из старинного кирпича (длина более 30 см, ширина 16 см, толщина 8 см) на большом подвальном помещении. По словам местных жителей, это был склад спирта. По форме здание больше соответствует амбару. Имеется здесь амбар, построенный в начале XX в. Двухэтажный, длина 33 м, ширина 14 м. Стены из красного кирпича, декорированы лопатками, карнизом с поребриком и горизонтальным поясом, разделяющим этажи; окна щелевые, прямые и полукруглые. Крыша двухскатная, с высокими фронтонами. В 1902 г. было получено разрешение на строительство молочной фермы.

Усадьба Ожешко сохранила общее планировочное решение, ряд выразительных фрагментов, но планировочно расстроена. В 1944 г. немцы готовились взорвать все здания двора, но этому помешали партизаны. От дворца остался фрагмент крыла. Хозяйственные здания сохранились лучше. Они хорошо приспособлены для современных нужд совхоза «Закозельский». В срочной консервации нуждается каплица.

Закозель. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1937 г.

Людвиново. Фрагмент парка. Фото 1987 г.

Людвиново

Наиболее старое владение одной из линий рода Ожешко. Принадлежало роду с XVII в. В 1845 г. имением владел Феликс Ожешко, женатый на Флорентине [217]. Затем оно перешло старшему сыну Петру (1825—1874). В усадьбу в январе 1858 г. после окончания пансиона в карете, обитой голубым бархатом, украшенной гербом Ожешко, запряженной семью лошадьми, переехала семнадцатилетняя Элиза Павловская, ставшая женой Петра. Мать Элизы (Франтишка из Каменских; 1814—1878) из числа многочисленных поклонников юной романтически настроенной и богатой невесты предпочла Петра Ожешко, красивого блондина, тридцатитрехлетнего кобринского шляхтича, человека пристойного, элегантного, хорошего танцора, заядлого охотника, к тому же родственника ее второго мужа Константина Видацкого. Франтишка, видимо, не знала, что имение Петра «тонуло в долгах». Элиза за счет приданого спасла его от финансовых забот [780]. Первый год замужества прошел в разъездах к многочисленной родне и соседям: Русецким в Грудковичах, Жуковым в Попине, Анджейковичам в Горках, Вислоухам в Перковичах и даже Крашевским в неблизком Долгом. Молодую Элизу занимали балы, приемы гостей, упорядочение дома, в который она перевезла из Мильковщины красивую мебель, собрание картин и часть библиотеки — самое дорогое духовное богатство родительского дома, собранное отцом Бенедиктом Павловским, образованным вольтерьянцем, ушедшим из жизни, когда Элизе было всего два года [303]. Людвиново вскоре становится центром интеллектуальной жизни околицы. Библиотека пополняется новыми книгами, выписываемыми из Варшавы.

Однако не много потребовалось времени молодой Элизе, чтобы почувствовать неудовлетворенность таким укладом жизни. Она все больше убеждается, что Петру не надо «домашнего тепла». Он предпочитает «сытый обед, лошадей (имел араба), собак ...». Вернувшись однажды из Перковичей от Вислоухов, в комнате, обитой тяжелой парчой, с грубыми коврами на полу, она осознала главное: «... моя жизнь запрещает два моих идеала: любовь и труд» [721]. После поражения восстания в 1864 г. Флориан и Бронислав Ожешко были арестованы и сосланы в Сибирь. Петр содержался до конца года в кобринской тюрьме, а затем после приговора 12 декабря 1864 г. был сослан в начале 1865 г. на проживание под надзором в Пермскую губернию. Элиза хотела в мае, подобно другим женам, последовать за мужем, но передумала. В 1867 г. запросила развод [717].

В конце 1864 г. Элиза переехала в Мильковщину. Имение, включающее 1218 десятин земли, было конфисковано частично. Часть его продавалась, но на таких условиях, что Петр, вернувшись из ссылки по амнистии 1867 г., не стал им заниматься. Уехал в Варшаву, зарабатывая на жизнь уроками музыки [717]. В 1867 г. Людвиново стало собственностью Павла Канторова. От него перешло кузену Николаю [546]. В 1930 г. принадлежалаАлександру Садовскому. В этом году он лишается права владения имением. Собственниками трех парцелл стали Семен Крагель, Георгий Бухта и Стефан Рашевич. [26]. Основная часть перешла братьям Разводовским. Перед 1939 г. ею владели Дмитрий и Мария Разводовские. Усадьбу и все постройки купил Реннер и разобрал большую часть зданий [596].

Время формирования усадьбы, заложенной среди леса и болот, неизвестно. Воз-

Людвиново. Элиза Ожешко с мужем Петром Ожешко

можно, она строилась в эпоху раннего барокко. По данным Р. Афтанази [717], усадебный дом, в котором жили Ожешко, имел очень старый вид и врос в землю. Это было большое одноэтажное оштукатуренное и побеленное деревянное здание, крытое соломой. Его восточный парадный фасад украшало крыльцо на белых колоннах. Просторные светлые комнаты имели старинную мебель. Парк на ровной слегка приподнятой территории первоначально включал сетку прямоугольных боскетов, оформленных липой. На основной композиционной оси располагалась аллея из конского каштана. Затем был частично перепланирован в пейзажном стиле. В парке появились древесные группы, массивы, беседки, водоемы.

Сохранились от усадьбы небольшие фрагменты. Выражена широкая въездная аллея, обсаженная ивой ломкой, которая ведет в усадьбу со стороны д. Попина. Небольшие парковые насаждения представлены старыми липами, кленами, конскими каштанами. С западной стороны к парку примыкал сад, с восточной — большой хозяйственный двор. Сохранились два коровника, видимо, времени Канторов. Большие просто устроенные здания (60×10 м) из красного кирпича. Примерно в таких же формах построено около боскета хозяйственное здание с окнами, украшенными сверху дуговыми наличниками. Представление о дворе в Людвинове дополняется воспоминаниями Э.Ожешко. «Он лежал, — писала она, — на полесской равнине, среди лесов и заболоченных лугов, над которыми в конце лета и всю осень стояли бледные ... туманы, которые закрывали весь небосклон местности ...».

Людвиново она называла «университетом» своей жизни. Здесь изучала мировую литературу и историю, занималась переводами Байрона. В первые годы своей беззаботной жизни Элиза познакомилась с тяжелой жизнью крестьян Полесья. Выйдя за ворота двора, она с горечью смотрела на их тяжелый труд в поле. Позже писала: «... мне делалось очень грустно и было так жалко этих людей, что я не могла удержаться от слез. Я чувствовала тогда большое желание пойти в этот туман, на это поле, подойти к этим темным людям, что тяжело ступали за сохою, и сделать ... Я сама не знала, что сделать, что сказать им ...» [444].

Дом Ожешко накануне крестьянской реформы стал местом сбора передовой шляхты, а также довольно известных либеральных и консервативных деятелей соседних имений, как Каликст Ожешко из Закозеля, Ян Жук из Попины, Феликс Вислоух из Перковичей. Каликст в Петербурге, Ян в Гродно являлись членами комитетов по вопросам раскрепощения крестьян. Особо активная позиция по вопросу освобождения крестьянства, свержению самодержавия, национального освобождения Польши принадлежала Флориану Ожешко, младшему брату Петра, одному из наиболее активных представителей революционно-демократических групп в Беларуси. Он учился в Петербургской медико-хирургической академии (1858—1861), где группировались наиболее революционные силы студенчества и, видимо, был связан с петербургской организацией «Земля и воля». После академии, вернувшись в Людвиново и часто живя в доме второго брата Бронислава в Овзичах (Ивановский район), Флориан, как врач с вольной практикой, много ездил по Полесью, лечил, знакомился с бытом крес-

тьян, вел пропаганду, налаживал связи с настроенными по-бунтарски крестьянами. Флориан в Людвинове возглавил группу демократических сторонников раскрепощения крестьян без всяких условий, что означало передачу земли в их собственность [303]. Флориан не мог не оказать влияния на взгляды молодой Ожешко. В 1862 г. они организовали в имении школу, в которой обучалось 20 мальчиков.

Живя в усадьбе, Элиза втянулась в волну событий, которыми была охвачена белорусская земля. В ночь с 22 на 23 января 1863 г. вспыхнуло восстание в Варшаве. В доме Ожешко местная шляхта, обсуждая нелегальную литературу, решала вопрос об участии в восстании. В апреле 1863 г. Флориан, хотя и дал подписку царским властям о невыезде, был уже в составе Кобринского отряда, который возглавил Ромуальд Траугутт. Бронислав, хотя был разбит параличом, помогал восставшим материально, его усадьба стала «складом оружия» и местом отливки патронов. Более осторожно вел себя Петр, но также не отказывался от поддержки восстания. Людвиново становится местом дислокации сил и средств помощи отряду Траугутта. Элиза стала его связной, возглавила «женский легиончик», в который вошли местные шляхтянки: Стефания Жук из Попины, Изабелла Анджейкович из Баландичей, Софья Анихимовская, Юзефа Жердецкая. Они поставляли восставшим продукты, одежду, лекарства, перевязочный материал, информацию о ходе восстания, дислокации царских войск. В усадьбе девять раз Элиза скрывала Ромуальда, спасая от наезда жандармов. Первый раз увидела его в своем доме на собрании конспиративной организации, когда Ромуальд согласился возглавить отряд. Позже в своей последней книге она по первому восприятию нарисует его образ: «Среднего роста, худощавый, скорее гибкий, чем крепкий, он двигался легко, собранно, в его осанке была войсковая выправка. Глаза имел мыслителя, улыбку — ребенка».

Рискуя жизнью, Элиза приняла тяжелораненого Ромуальда после разгрома Кобринского отряда силами генерала Эгера. Оставаться в усадьбе было опасно. Шли обыски и аресты. Элиза осмелилась июльской ночью по главной дороге перевезти Ромуальда с подложным паспортом и двух повстанцев в Брест на самой богатой карете с шестеркой лошадей, снаряженной мужем. Из Бреста они последовали в Варшаву, где восстание еще продолжалось. Элиза вернулась в опустевшее Людвиново. Муж и Флориан были арестованы. Двор обнищал от расположения военных отрядов, подавляющих восстание. Последняя зима в Людвинове была очень тяжелой. Она ездила в имение Божий Дар, где вместе со Стефанией Жук организовала госпиталь для раненых повстанцев. На могиле погибших поклялась никогда не знать блеска света, никчемной его веселости, никогда не изменять идеалам добра, справедливости и свободе, за которые вышли на борьбу и полегли те, кто в этой могиле [446].

Позже, обращаясь к тому времени, Э.Ожешко писала: «Все это сделал со мной и во мне 1863 год. Если бы не его молот и наковальня, моя судьба, скорее всего, сложилась бы иначе, и я, видимо, не стала бы писательницей».

Пройдут годы, но не забудется Людвиново: в 1910 г., на склоне лет, писательница напишет серию новелл «Gloria victis» («Слава побежденным»), своего рода гимн участникам восстания 1863—1864 гг. [715]. Они рассказывают о героических мятежниках, дислоцировавшихся в лесном урочище «Остров» (около имения Божий Дар), о молодой хозяйке имения, спасавшей местных крестьян в тяжелые времена от голода и болезней, организовавшей крестьянскую школу («Низины», «Эхо», «Рисунок с голодных лет» и др.). Элиза назовет одну из основных причин поражения — недостаточно широкое участие в восстании крестьян (новелла «Они»). В статье «О патриотизме» слабеющая писательница просит простых людей Польши «держать в сердце совесть, стремление и обязанность служить Родине» [303].

Жизнь Флориана Ожешко (1833—1905), сосланного в Томск, прошла в Сибири, где он приобрел известность как врач высокой квалификации, активный деятель местного товарищества врачей.

Бурдыковщина

Имение «Бурдуковщина» известно по Инвентарю 1624 г. [198]. Долгое время им владели иезуиты, затем стало собственностью Обуховичей герба Ключ раздвоенный. Родовым гнездом новогрудской ветви рода являлась Великая Липа. Родовой криптой служил иезуитский костел в Новогрудке. Им принадлежало большое соседнее имение в Своятичах.

В 1826 г. Бурдыковщина являлась собственностью Анны Володкович из Обуховичей [596]. В 1875 г. по наследству перешло Регине Адамовне из Обуховичей, вдове генерал-майора Эйсмонта. Владение составляло 1343 десятины [547]. Последними владельцами были Пейкеры. В 1911 г. владение Николая Федоровича составляло 1134 десятины [549]. В 1914 г. имение принадлежало О.М. Фон-Мекк.

Сведений об усадьбе очень мало. Была заложена, видимо, Обуховичами обособленно от деревень при дороге Своротва—Городище на живописном моренном рельефе. Усадьба выделялась размерами, добротностью содержания. В 1870 г. при дворе имелось слут 24 человека. Усадебный дом (его парковый фасад) известен по рисунку Наполеона Орды за 1876 г. Здание имело симметрично-осевую композицию. Центральный объем большого дома на парковом фасаде имел ризалит с террасой на первом этаже и балконом на втором. К нему примыкали одноэтажные боковые объемы.

Парадная часть усадьбы располагалась на возвышении, чем обеспечивалась бес-

Бурдыковщина. Фрагмент усадьбы. С акварели Наполеона Орды. 1876 г.

конечность дальних перспектив. Усадебный дом занимал его вершину, обработанную в форме прямоугольной площадки — террасы с хорошо выраженными с двух сторон откосами. К дому от тракта, ведущего в Большую Своротву, шла въездная дорога, подчеркивающая гребень склона линейной посадкой сирени. Сирень обильно разрослась, образуя сплошную живописную полосу. За домом вторую террасу с небольшим перепадом высот шириной 20 м занимал парковый партер с цветочным оформлением. Ее южный склон, покрытый газоном, плавно понижался. Перспектива с двух сторон подчеркивалась группами сирени. Разросшиеся кусты в виде широких полос хорошо сохранились. Частично выражено также оформление восточного склона холма. Вдоль него тянется двухрядная посадка из плотных высоких кустов лещины. Склон второй террасы укреплен пятью крупными кустами бересклета. Акцентом дальней перспективы являлся водоем на местном водотоке в понижении. Он спущен. Дно поросло гигрофитными растениями. По руслу водотока проложен канал.

Парадную часть усадьбы окружал пейзажный парк, спланированный по склонам холмов, который не знал практически границ и сливался с прилегающими естественными ландшафтами. Прослеживается его планировка с западной стороны в виде липовой аллеи, которая сменяется рядами сирени, окаймляющими с двух сторон дорогу, разрезавшую холм. Далее в понижении она выводит на дамбу. Дорога изгибается в сторону главной усадебной оси, чем достигается вид на изгиб, оформленный ивой ломкой 'Bullata'. Здесь росло двадцать семь деревьев, сохранилось восемь. Старые деревья растут в виде кустов, имеют мелковетвящиеся плотные экзотические кроны.

Пейзажный парк времен классицизма принял позднее натуралистический вид. Он имел много иноземных видов. В 1983 г. отмечено 73 дерева липы крупнолистной, ряд караганы протяженностью 200 м, 82 экземпляра алычи, липа американская и др. В парке также часто встречается боярышник в виде небольших деревьев, растут снежноягодник, спиреи, одиночный куст ореха грецкого.

Усадьба сгорела в годы войны. Практически утрачена. Привлекает живописность ее территории, красочность цветения боярышника и сирени.

Большая Своротва. Фрагмент усадьбы. С акварели Наполеона Орды. 1876 г.

Своротва

В XV в. «двор Своротва с волостью «Своротовской» принадлежал Хребтовичам». В 1498 г. великий князь Казимир передал его Олехне Довойновичу [441]. В Метрике ВКЛ упоминается за 1524 г., когда «... Васка Заройский забрал две службы людей в Новогрудском повете ... с братею и Милечевщину — землю пустовскую в Своротве». В 1567 г. Ян Матвеевич Кунцович со своих имений в Своротве, Костеневичах и Струбнице «ставил двое коней» [428]. С 1716 г. владение Юдицких, которые в XVI в. получили большие наделы от короля Сигизмунда II Августа в Минском воеводстве и играли значительную роль в жизни края. Им принадлежала также (1716–1770) соседняя Молчадь. Своротвой владели Антоний Юдицкий, маршалок Речицкого повета, его сын Михаил, маршалок речицкий, маршалок Трибунала литовского (1740), каштелян минский (1741–1754). В 1765 г. Ян Юдицкий, сын Михаила, женатый на Софье Унеховской, не

Своротва. Усадебный дом. Фото 1928–1930 гг.

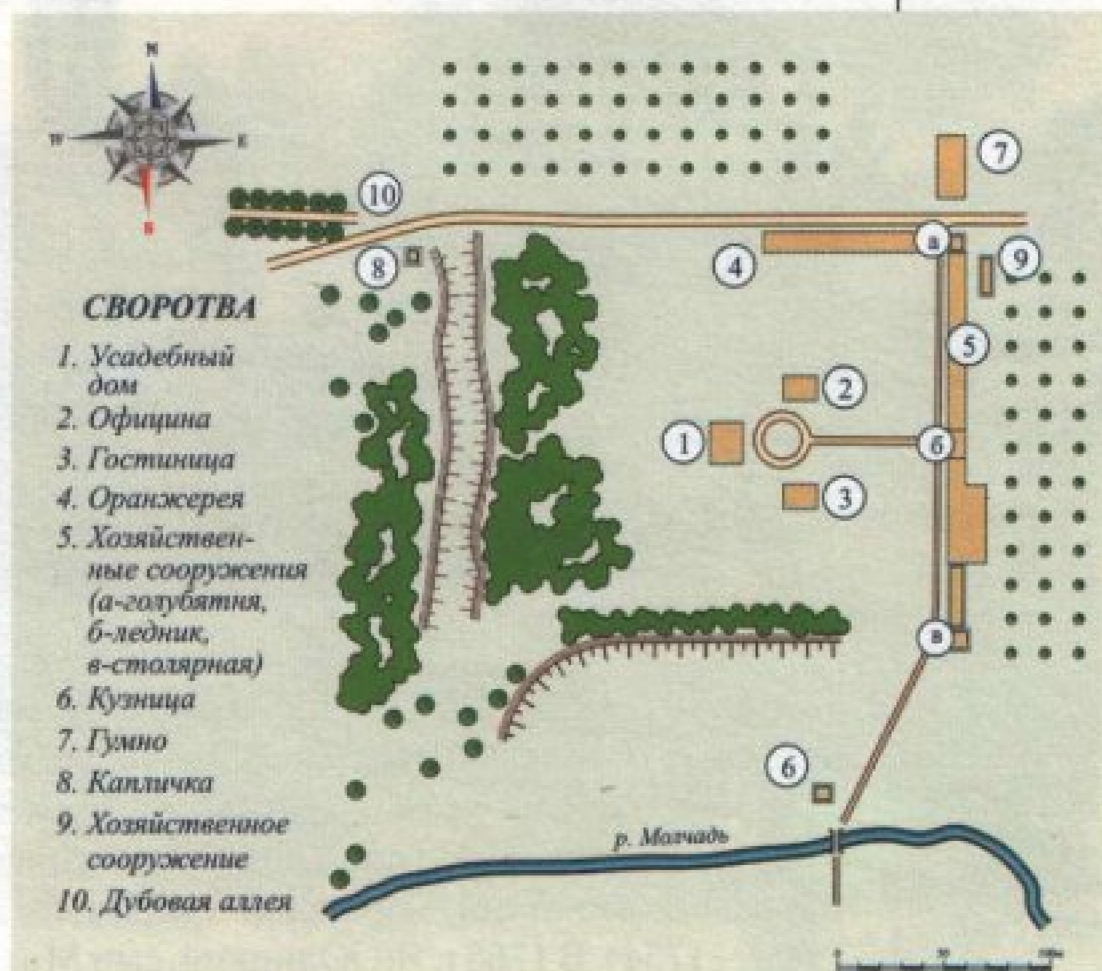
имея потомства, записал имение сестре Барбаре, замужней за Казимиром Тизенгаузом [705, 596]. В начале XIX в. стало собственностью Якуба Незабытовского, женатого на Франтишке Кунцевич [596]. В 1848 г. отцовские владения (Миратичи, Кайшовку, Свислочь в Бобруйском уезде и Своротву) унаследовал сын Стефан, маршалок Гродненской губернии, женатый на Целине Биспинг. В 1876 г. его владения включали 1935 десятин земли [547]. После смерти отца имение перешло младшей дочери Марии, замужней за графом Родригом Потоцким (умер в 1910). Затем владельцем был их внук Владислав (1903 г.р.) [596]. Местные жители последней владелицей называют пани Грудзинскую.

Усадьба сформирована в первой четверти XIX в. Якубом Незабытовским на высокой террасе с обрывистым склоном р.Молчадь. Ее выровненная центральная часть (детинец) с двух сторон имела оврагоподобные понижения, служившие местом стока вод в Молчадь. Естественные рубежи определяли в значительной степени ее построение, наделяли замкнутостью, обеспечивая одновременно наличие дальних перспектив в сторону реки (схема).

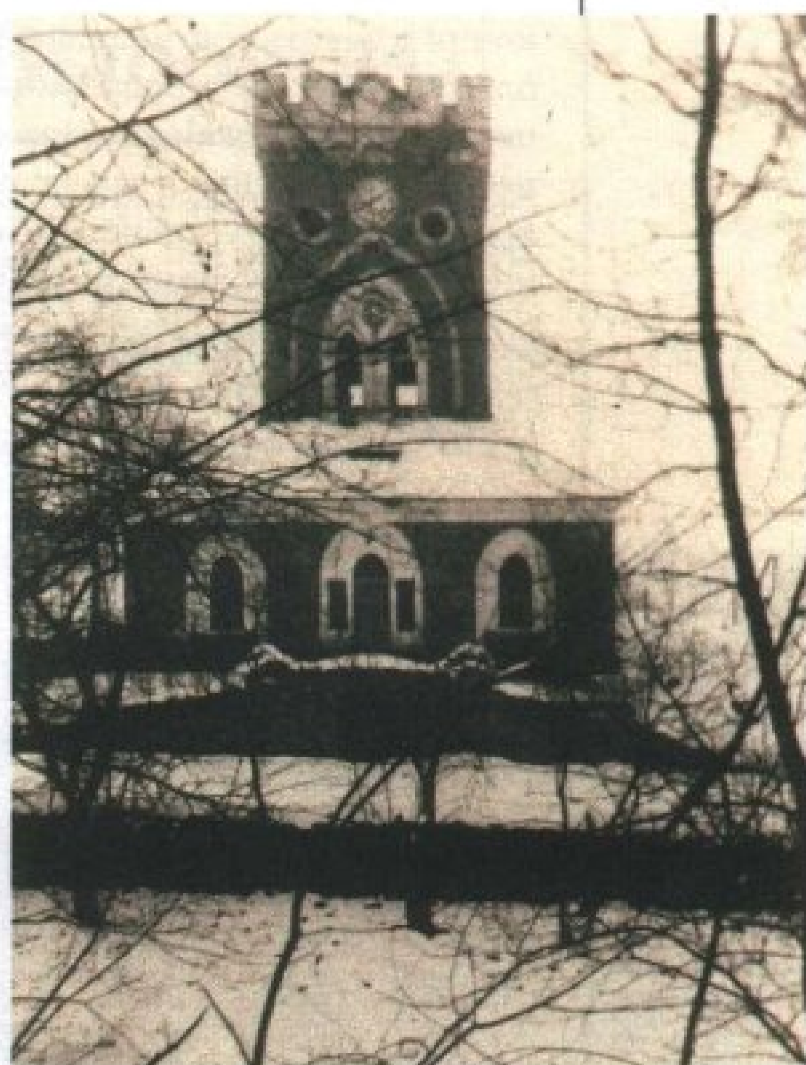
Выразительные черты стиля проявились в архитектуре резиденции. Центральное положение занимал усадебный дом — почти квадратное в плане двухэтажное каменное здание, известное по рисунку Н. Орды 1876 г. В объеме оно было кубоподобным массивным, что составляло одну из черт ампира. Главный вход, подчеркнутый двумя парами колонн, поддерживающими карниз, располагался на более коротком фасаде, центральная часть которого была выделена ризалитом. Над порталом располагалось большое полукруглое окно, а вход в дом был оформлен в виде террасы с балюстрадой. Плоская крыша здания завершалась бельведером с балюстрадой и такими же большими полукруглыми окнами, как и на главном фасаде, освещающими холл. По характеру завершения крыши здание напоминало дворец варшавских Лазенок. Его стены украшали сандрики над окнами и руст на первом этаже.

Симметрично, на некотором удалении от партера с кругом в центре, располагались боковые флигели. С противоположной стороны примыкал парк. Правый двухэтажный флигель в плане имел форму квадрата и служил официной. Левый флигель, который не значится на рисунке Н.Орды, являлся гостиницей. От него сохранились руины фундаментов из бута и колотого камня. Здания сгорели до 1917 г. Вместе с ним погибли библиотека, мебель, художественные собрания.

По восточному краю парадного двора, на всю его длину (до 200 м), расположено сложное сооружение, включающее со стороны въезда голубятню, потом конюшню, коровник. Заканчивается оно со стороны реки большим двухэтажным объемом, при-



мерно квадратным в плане, сложенным из бута и колотого камня, верхний этаж которого служил столярней и мастерскими. В центре этого длинного сооружения на оси с усадебным домом имелся ледник. Он завершался башней с часами, бой которых был слышен за пределами усадьбы. Сооружение, включающее основные дворовые постройки, частично сохранилось. Боковые здания находятся в виде руин без крыши. Не имеет крыши и бывшая голубятня, небольшое квадратное в плане (6×6 м) двухэтажное здание из бута и камня. Возле него проходил въезд в усадьбу. Здесь, у брамы, по сложившемуся обычаю, владелец получал приглашение на свадьбу от невесты и жениха, работников имения. По другую сторону въездной брамы располагалась оранжерея, построенная в формах ампира. Очень длинное сооружение выделяло парадную часть усадьбы со стороны въезда. Его южный фасад, подобно оранжереям в Полонечке, Тугановичах, составляли ряды арочных оконных проемов. Центральная часть была выделена ризалитом с тройным арочным проемом и треугольным аттиковым фронтоном. Аттиковое завершение имели также стены оранжереи [586]. Сохранилась северная стена оранжереи, сложенная из валунов и бута, ставшая частью современной хозяйственной постройки.



Своротва. Ледник с башней. Фото 1928—1930 гг.

С противоположной стороны по гребню склона террасы тянется сплошная полоса сирени, и по сей день привлекая своей красотой во время цветения в усадьбу местных жителей. От лиственниц в ряду с сиренью сохранилось одно дерево. Крутой край террасы закреплен стенкой из валунов. От нее тянется пологий склон к неширокой пойме реки. Склон, являющийся теплой южной экспозицией, служил цветником. От бывших роз остались разросшиеся подвои шиповников среди буйного сорного крупнотравья. Ближе к воде, около дороги, которая проходила от въезда до моста через р. Молчадь и далее следовала в поле, стоят руины кузницы, также сложенной из бута, валунов и колотого камня. Местный материал играл большую роль в строительстве усадьбы и в значительной степени определил основу прочности сооружений, дошедших до нашего времени. Мост через реку не сохранился. Он служил видовой площадкой, с которой открывался вид на красочный цветник на фоне каменной стены и парадный двор, расположенный высоко на террасе. В усадьбу со стороны Малой Своротвы ведет длинная широкая (9 м) аллея из дуба. В связи с редкой посадкой (через 12 м) дубы кряжисты, с развитыми кронами, диаметр стволов до 94 см.

Своротва. Свято-Троицкая церковь. Фото 1928—1930 гг.

Перед усадьбой со стороны въездной аллеи стоит небольшая капличка. Около нее в прошлом проводились праздники — маевые. В 1914 г. около каплички были похоронены немецкие солдаты. По другую сторону, где теперь еще зеленеют поздней осенью кусты бирючины обыкновенной, был сад с сыроварней, вдоль него стояли жилые дома работников имения. Сад примыкал к усадьбе и с восточной стороны.

Усадьба заброшена, но сохранилась почти в прежних границах. Парадный двор сплошь покрыт сорным крупнотравьем. Формы рельефа, Молчадь, руины зданий помога-

ют представить оригинальность и былую красоту усадьбы, обязывая к элементарному благоустройству территории. Своеобразно по форме здание храма Свято-Троицкой церкви фундации Незабытовских. Оно треугольное в плане, имело шатровую крышу с небольшой башней в завершении. Построено в 1823 г. на месте старого деревянного храма, также треугольного. Сгорело в годы последней войны. Сохранились стены здания толщиной до метра из валунов и бута. Углы оштукатурены и оригинально декорированы одиночными вставными колоннами. Храм окружен старинной каменной оградой из валунов и бута с входной брамой. Редкий памятник нуждается в срочной консервации.

Белин. Усадебный дом. С акварели Наполеона Орды. 1864 г.

Белин

Старинное владение Полозов. В письменных источниках упоминается в 1495 г. [232]. Князем Федором вместе с Могильно, Ляховичами и Вороцевичами было записано Лещинскому монастырю [325]. С XVII в. принадлежало Ожешко [633]. В середине XIX в. Петр Ожешко в небольшом фольварке на берегу Днепровско-Бугского канала заложил новую усадьбу с использованием мотивов романтизма. Ее центром стал дом оригинальной композиции в виде небольшого замка, построенного в формах неоготики, возможно, по проекту Ф.М.Ланци [648]. Здание известно по рисунку Н.Орды (1864). Было сравнительно небольшим, состояло из одноэтажного и двухэтажного объемов, расположенных на высоком цоколе. В композиции доминировала башня, поднимающаяся выше объема, со щелями-бойницами и зубчатым завершением. «Замок» окружал пейзажный парк, сформированный на основе лесного массива. В 1826—1850 гг. в фольварке имелась крупная суконная мануфактура по производству пяти видов ткани, занимающая восемь зданий с количеством рабочих 285 человек, обслуживающих 75 станков [552].

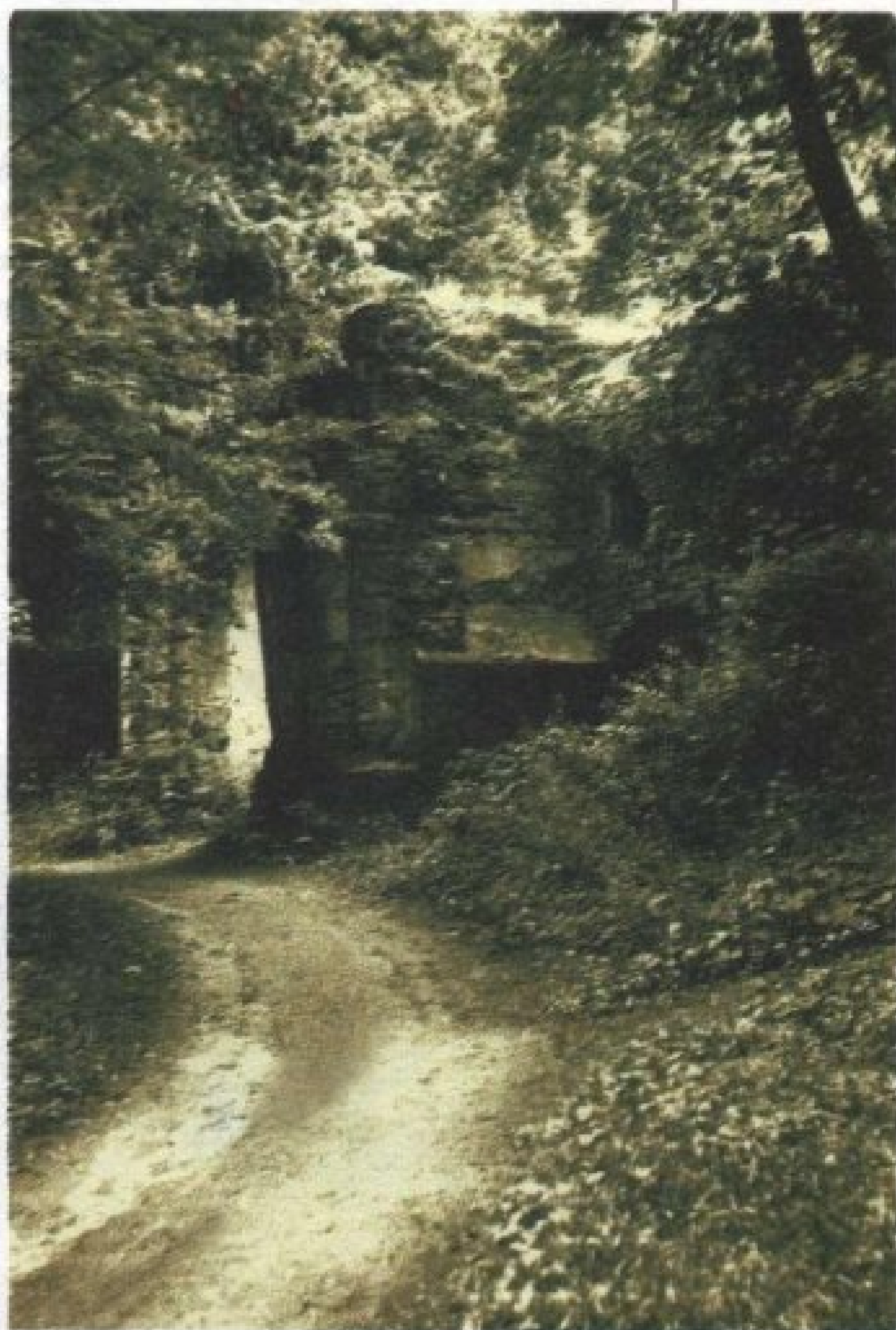
Владельцы (Петр и Элиза) не успели воспользоваться новой усадьбой в связи с событиями 1863 г. Белин вместе с Людвиновом был конфискован. Оборудование мануфактуры перешло в Поречье, где работала суконная фабрика. Затем его вернули Ожешко из Закозеля. В 1890-е гг. владельцем имения с земельными угодьями в 3935 десятин земли являлся Каликст Ожешко [546]. Дальнейшая его судьба аналогична Закозелю. Владельцами были графиня Н.А.Бобринская, З.Веселовский, с 1823 г. — К.Толлочко. Толлочко пытался обновить здание, к этому времени сильно поврежденное. Однако вскоре владение было распарцеллировано, здание разобрано на кирпич, парк вырублен [596]. Сохранившаяся старая винокурня приспособлена под жилье.

Высокое. Мариямполь. Монастырь «добрых братьев». Жилой корпус. Фото 2003 г.

Высокое

Впервые упоминается в документах XIV в. под названием Высокий Город. В 1494 г. при князе Александре он получил магдебургское право. В 1511 г. король Сигизмунд I подтвердил право на владение Высоко-Литовском маршалку ВКЛ Ивану Богдану Хрептовичу (Литавору), женатому на Ядвиге Гольшанской [775]. В 1529 г. принадлежало Вахановским, при которых в 1535 г. становится местечком. Последующие владельцы менялись также часто. В 1539 г. принадлежало Ежи Кухтистжовичу, затем Анне Иодко и Юзефу Петкевичу, в 1567 г. — Станиславу Хлевицкому, который продал имение Лаврину Войне [760]. Сын Лаврина Андрей (?—1630), крайчий ВКЛ, в 1603 г. на месте старой каменной каплички св. Барбары, построенной отцом, в 1571 г. заложил новый костел. В 1631 г. Высокое принадлежало сыну Лаврина Петру, старосте волковысскому [500]. В 1647 г. у Лукаша, сына Андрея, за 60 тысяч злотых Высокое вместе с другими имениями (Лумно, Свитичи, Рясна, Зубачи и Войновка) купил Павел Ян Сапега (1609—1665), воевода витебский, затем гетман ВКЛ, владелец Ружан. Сапегам имение принадлежало около двухсот лет. По тестаменту Павла Высокое унаследовал средний сын Бенедикт (?—1707), стольник, который в 1668 г. женился в Варшаве на Изабелле Тарловой, дочери сандомирского воеводы. В 1671 г. Бенедикт, литовский подскарбий, получил привилей на вечную ярмарку, которая открывалась в день св. Михаила и продолжалась четыре недели. Торговали преимущественно лошадьми и украинским скотом [238]. В 1700 г. владельцем стал сын Бенедикта Михаил (1670—1737), воевода подляшский [741]. От Михаила Высокое перешло племяннику Михаилу Антонию (1711—1760), воеводе подляшскому, старосте гульбянскому, мстиславскому, волковысскому, подканцлеру литовскому. Михаил в третьем браке был женат на Александре Чарторыйской из Волчина, дочери великого литовского канцлера. Увлекался поэзией. На французском языке написал поэму «Трагедия Заиры и Аразмана Вольтера» [574]. После пожара в 1748 г. родовая резиденция переносится в Слоним, а в 1761 г. переходит Михаилу Казимиру Огинскому, ставшему мужем овдовевшей Александры. Затем Высокое вместе с Семятичами за Бугом и другими владениями перешло Александру (1730—1793), во-

Высокое. Замок. Руины въездной брамы. Фото 1999 г.

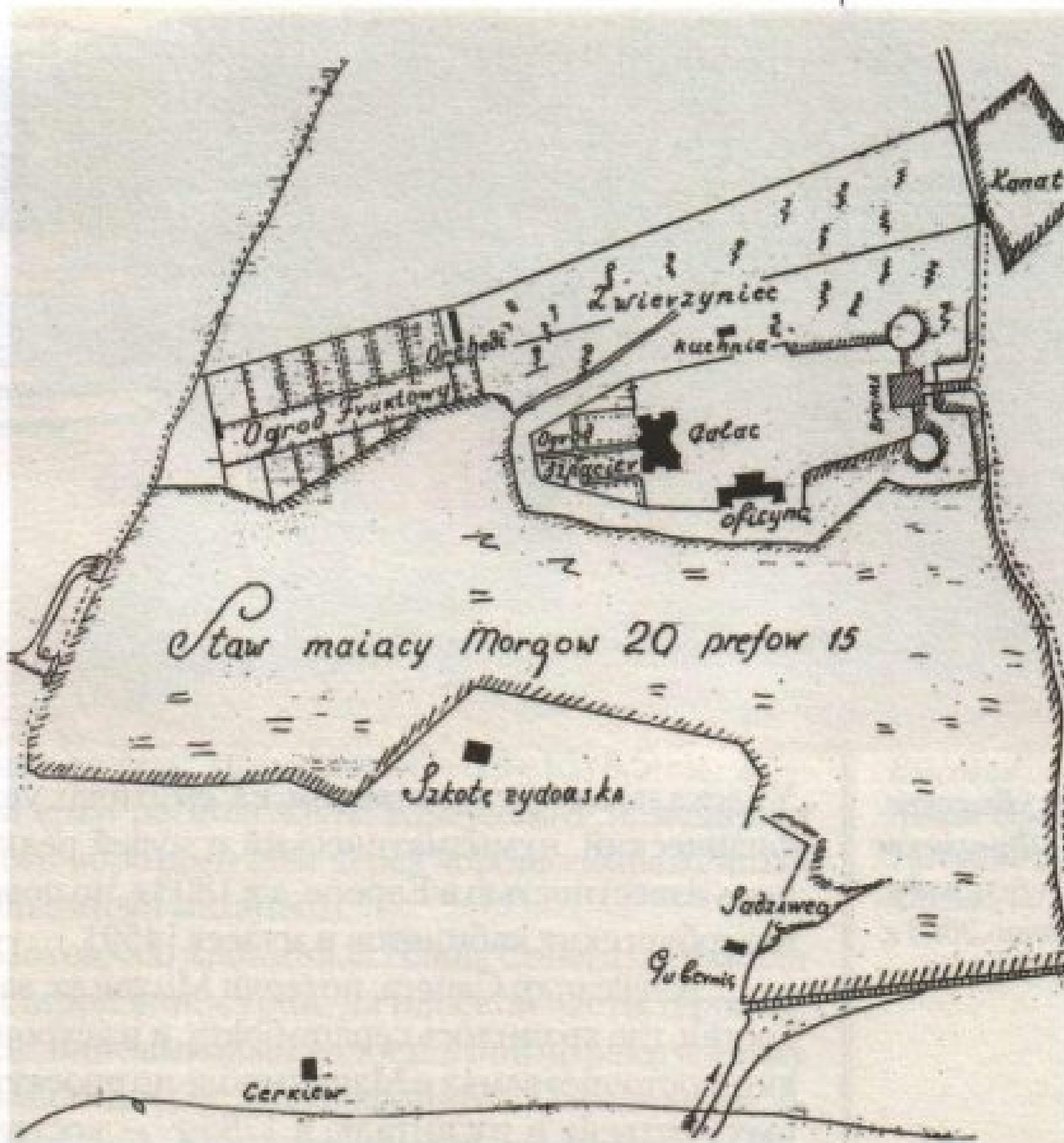


еводе полоцкому, старшему сыну Каролины Радзивилл и Казимира Леона Сапеги Волпянского, владельца староства в Волпе. Во втором браке в 1740 г. Каролина стала женой Юзефа Яблоновского. В 1759 г. состоялся акт раздела владений между Александром и его младшим братом Михаилом (1735–1766), родившимся в Высоком. Владельцем имения с дворцом, парком, местечком и прилегающими землями стал Александр [596]. В 1750 г. сестра Александра Анна (1728–1800), воспитанная под опекой высоко образованного отчима, выходит замуж за князя Яна Яблоновского, его двоюродного брата, получив в виде приданого Семятичи. Овдовев, во втором браке она стала женой Юзефа Яблоновского. После венчания в 1753 г. в высоковском костеле они переехали жить в Волпу [742]. В 1793 г. владельцем Высокого стал сын Александра Франтишек (1772–1829), женатый в первом браке на Пелагее Потоцкой (1775–1846), известной красавице, дочери Станислава Щасного-Потоцкого, петербургского вельможи. В 1794 г. был составлен Инвентарь имения [69]. После развода в 1805 г. Франтишек оставляет Высокое за Пелагеей и дает в придачу 7 тысяч дукатов. Она вскоре становится женой Павла Сапеги (1781–1846) с коденской линии, сына виленского воеводы. С середины XIX в. владельцем стал их сын Франтишек Ксаверий (1807–1882), женатый в первом браке на Констанции Собанской (1814–1838). После событий 1863 г. князь эмигрирует за границу. Имение в 1865 г. наследует их дочь Мария (1837 г.р.). Через брак Марии со Станиславом имение перешло роду Потоцких. В 1890 г. имение принадлежало Марии Потоцкой и Павлу

Высокое. Главный въезд в усадьбу. Фото 1999 г.

Сапеге [546]. Последним владельцем был их сын граф Якуб Потоцкий (1863—1934), который завещал владение учрежденному им фонду по лечению рака и туберкулеза [596].

Проследить историю формирования и развития высоковской резиденции Сапег, второй по значимости после Ружан, весьма сложно. Ее начало положено Павлом Сапегой, который в середине XVII в. на высоком правом берегу Пульвы заложил замок [556]. Он был укреплен земляными валами с бастионами и окружен водой. Строительству замка благоприятствовало выгодное геоморфологическое положение. Он занял высокую террасу в месте впадения ручья в Пульву. С противоположной стороны в Пульву впадал ручеек от местного родника. Ручьи легли в основу замковых рвов. Уровень воды в Пульве был поднят путем подпруды, образуя в пойме водоем площадью более 20 моргов. Вода, судя по одной из схем, доходила примерно до места расположения нынешнего дворца. На замковом детинце строятся деревянный дворец, официна, кухня, которые вместе с въездной брамой образовали большой парадный двор. Композиционная ось за дворцом завершалась небольшим регулярным парком («Ogrod szpocier»).



Высокое. План усадьбы. Конец XVIII в.

Замок несколько раз горел, разрушался и вновь отстраивался Сапегами. Большие разрушения принесла ему война России с Речью Посполитой (1654—1667), затем Северная война (1700—1721). Восстанавливается Михаилом Сапегой, внуком Павла, воеводой подляшским, которому в 1700 г. перешло имение отца, подскарбия Бенедикта. По данным М.Витановского [762], отреставрированный замок укрепляется валами, каналами, вокруг него закладывается парк. На дальнейшем состоянии резиденции сказались поражения и неудачи Михаила, которому пришлось отдать Высокое под залог Августину Костюшко из Сехновичей, женатому на Софье Вольской, казначею брестскому. В 1748 г. замок вновь сгорел, Сапеги переехали в Слоним. Высокое переживает время запустения. Стараниями княгини Анны Яблоновской из Сапег и ее брата Александра Сапеги, воеводы полоцкого, гетмана и канцлера литовского, владельца Ружан, резиденция вновь отстраивается [643].

За границей Анна переняла опыт ведения хозяйства

Высокое. Дворец. Парадный фасад. Фото 2003 г.

Высокое. Фрагмент ограды. Фото 2003 г.

и много сделала для укрепления администрации в своих имениях, развития хозяйства, улучшения быта крестьян. Для себя готовила из местных мещан землемеров, мастеров, писарей, огородников, пивоваров, столяров, типографских рабочих. Разрабатывала инструкции относительно обязанностей чиновников, рекомендации по приготовлению и хранению муки, масла, ветчины, выпечке хлеба, содержанию птицы и пр. Сочинила восемь томов административной конституции для крестьян, мещан и управляющих имениями [346]. Увлекалась естествознанием, в Семятичах устроила кабинеты естественной истории, физический, нумизматический и музей редкостей и древностей, которые пользовались известностью в Европе, а в 1803 г. по повелению Александра I были куплены для петербургских кабинетов и музеев [459].

Александр Сапега, потеряв Михаила, записал в 1766 г. фундуш на высоковский костел, где хранилось сердце брата, и на строительство госпиталя [742]. Около 1773 г. юго-восточнее замка в Мариямполе по проекту Я.С.Беккера строятся монастырь «Добрых братьев» и госпиталь, в 1785 г. — костел св. Яна. На фронтоне здания имелась надпись: «Для спасения ближних христианский долг выполнил Александр Сапега, канцлер ВКЛ, в 1785 г.». Здание монастыря сохранилось. Длинное (120×11 м) двухэтажное кирпичное оштукатуренное сооружение с повышенным центральным объемом, ступенчатыми фронтонами на боковых фасадах и рустом на углах. Расположено вдоль дороги на окраине города. На стенах центрального объема имелась роспись, которая, возможно, сохранилась под слоем масляной краски, положенной в послевоенное время (служит складским помещением и гаражами). Вдоль тыльного фасада — ряд старых конских каштанов, посаженных позднее, в XIX в. В кирпичной оранжерее, по данным за 1794 г., росли лавры (32 дерева), фиговые деревья (41), тисы (24), гранаты (22), самшиты (12), а также лимоны, апельсины, жасмин, разные цветочные растения. На коммерческой основе было организовано тепличное хозяйство под Варшавой. От выращивания в теплицах ананасов, фиг, дынь, абрикосов, персиков, а также щавеля, шпината, петрушки, салата, цветочных растений зимой получали в отдельные месяцы доход до тысячи злотых [384].

Высокое. Портрет Пелагеи Сапеги (из Потоцких). Художник Элизабет Виги-Лебрун. 1774 г.

В 1775 г. в замке принимали короля Станислава Августа Понятовского, ехавшего из Белостока домой, в Волчин [697]. В 1784 г. замок сгорел, к концу XVIII в. вновь пришел в запустение и больше не восстанавливался. Общее представление о резиденции Сапег этого периода дает одна из схем (конец XVIII — начало XIX вв.). Она включала замок с дворцом, официной, кухней и парком, водную систему, в которой доминировал очень большой водоем в пойме Пульвы, вода которого доходила до гребня террасы, где тянулся замковый вал. Сравнительно большой прямоугольной формы пруд имелся в западной части на ручье. С юго-западной стороны к замку примыкал зверинец, продолжением которого являлся огород фруктовый, представленный сетью прямоугольников с оранжереей.

От бывших замковых сооружений сохранились руины брамы, зарисованной Н.Ордой в 1876 г. и остатки бывших земляных укреплений. Брама — компактное двухэтажное кирпичное сооружение (20×13 м) с четырехскатной крышей и двумя башнями, завершавшимися коническими крышами, расположенными со стороны замкового двора. Сооружение врезано в замковый вал высотой до второго этажа. Центральная часть главного фасада выделена ризалитом с въездной аркой. Въезд шириной 4 м оформлен полуциркульным сводом без подпружных арок. Стены толщиной 1,5 м сложены из кирпича разных размеров: 27—29×15×6,5 см; 27—30×15×8—9 см. С двух сторон въездной арки расположены караульные помещения размером 4×4 м. Вход к браме с мощными воротами шел через хорошо выраженный широкий канал по мосту, имеющему подъемный механизм.

Высокое. Левая официна. Тыльный фасад. Фото 2003 г.

В 1816—1820 гг. княгиня Пелагея Потоцкая, жена князя Павла Сапеги, заложила новую резиденцию примерно на месте старой винокурни, на плоской части террасы, которая плавно переходила в пойму. Бывший замковый водоем в пойме реки к этому времени был спущен. Резиденция включала дворец и две официны. Парадная часть имела симметрично-осевое построение (схема). Композиционная ось короткая. Парадный въезд оформлен квадратными в плане оштукатуренными пилонами. Ворота кованые решетчатые, с декоративным орнаментом, включающим букву «S», начальную букву фамилии владельцев. Декоративные вазы на пилонах утрачены. Не стало также боковой калитки и сторожки. От пилонов в обе стороны отходит кирпичная глухая ограда.

Партер был большим (теперь часть его занимает здание интерната). В центре партера — эллипс, окруженный дорогой и неуместно рассеченный узкой аллеей из ясеня, заложенной в последнее время. За ним, перед дворцом, находится уютный дворик с симметрично расположенными Т-образными в плане официнами, чем достигается его полузамкнутость.

Небольшой одноэтажный дворец прямоугольный в плане, на очень низком фундаменте, крыша четырехскатная с люкарнами. Парадная часть здания с мансардой выделена четырехколонным портиком. Парковый фасад имеет ризалит, увенчанный аттиком, у основания которого расположена большая терраса. Интерьеры дворца отличались богатым оформлением. Салоны и залы имели узорчатые паркеты, красивые камины, хрустальные жирандоли, мебель в стиле Людовика XV и Людовика XVI. Стены украшали семейные портреты, среди них выделялся портрет самой Пелагеи, написанный в Деречине художницей Элизабет Виги-Лебрун, известной по исполнению многочисленных портретов монархов и разных знаменитых личностей (Лорда Байрона, Марии Антуанетты, леди Гамильтон). Пелагея на картине напоминает греческую музу Терпсихору, покровительницу хороводов и танцев, поэтому портрет именовался «Деречинская Терпсихора». Он сберегался потомками Пелагии как дорогая семейная реликвия. В 1865 г. вывозится сыном Ксаверием в Бериц (Франция), затем хранился семьей сына Людвига, женатого на Мартай-Элизабет Манше, и его дочери Целины, состоявшей в браке с испанцем. Со смертью Целины (в 1990) угасла линия Пелагеи, которая умерла в Париже в 1846 г. Картина перешла в замок Мантресо коллекционеру Станиславу Рею [537].

Собрания включали также художественные полотна, часы на каминах, керамику местную и восточную. В доме имелся богатый архив Сапег и Потоцких, а также биб-

Высокое. Правая официна. Фото 2003 г.

лиотека в 5 тысяч томов [619]. Основные ценности были утеряны еще в первую мировую войну [596].

Официны ансамбля — одноэтажные, довольно большие, состоят из двух частей разной длины, состыкованных под прямым углом и накрытых двухскатными крышами. Фасад поперечного корпуса имел массивный шестиколонный дорический портик (сейчас пролеты между колоннами заложены), во фронтоне — большое полуциркульное окно. Официны по оси паркового фасада соединены железной оградой на высоком каменном фундаменте. Углы зданий с этой стороны укреплены контрфорсами. Связь с парком осуществляется через симметрично расположенные калитки, а выход из центрального зала дворца ведет к широкой террасе, оформленной декоративной балюстрадой и двухмаршевой лестницей. Парковый партер большой. Занимает пологий склон низкой, но отчетливо выраженной пойменной террасы, которая, в свою очередь, обработана в виде двух узких террасообразных площадок.

В целом ансамбль отличается единством композиции, наличием уютного дворика, служебного двора связью с окружающей средой, насыщенностью декоративными растениями. Вокруг него растут редкие экзоты, красиво цветущие кустарники. Фоновым растением была сирень. По периметру ею был обсажен эллипс парадного партера. Вдоль дворца, симметрично портику, высажено по шесть кустов. Линейными посадками сирени декорированы также официны дворца. Отдельные кусты хорошо сохранились. Растения приняли вид небольших деревьев со стволиками 7—9 см в диаметре. По стенам дворца поднимается виноград девичий пятилисточковый, раньше рос кирказон твердый. Парковый партер имел богатое цветочное оформление в виде клумб и рабаток. По краю террасы росли катальпа бигнониевидная (два старейших дерева в Беларуси), одиночные деревья сосны черной австрийской, ясеня обыкновенного 'Pendula', лиственницы европейской (утрачены в последние годы, кроме сосны и лиственницы). Солитерные посадки украшают также парадную часть парка (сосна веймутова, туя западная, клен ложноплатановый, ясень обыкновенный, клен остролистный и др.). От дворца открывается живописная панорама на излучину Пульвы. Дальний план перспективы составлял лесной массив. Юго-западной кулисой служит пейзажная часть парка на высокой части террасы реки.

Парк заложен в соответствии с традициями пейзажного стиля. Формировался усилиями Пелагеи, затем старательно поддерживался внучкой Марией Потоцкой. В 1895 г. перепланировкой парка занимался известный специалист в области паркостроения архитектор Валериан Кроненберг [694]. Постепенно обогащаясь редкими древесными растениями, парк приобретал черты пейзажного натуралистического. Формированию усадьбы благоприятствовала живописная местность, включающая пойму небольшой р.Пульва с крутым изгибом русла, пересеченную террасу и ряд сооружений старого замка Сапег с бастионной системой укреплений. Элементы естественного и искусственного происхождения объединены единым композиционным замыслом, образуя один из лучших дворцово-парковых ансамблей Беларуси первой половины XIX в.

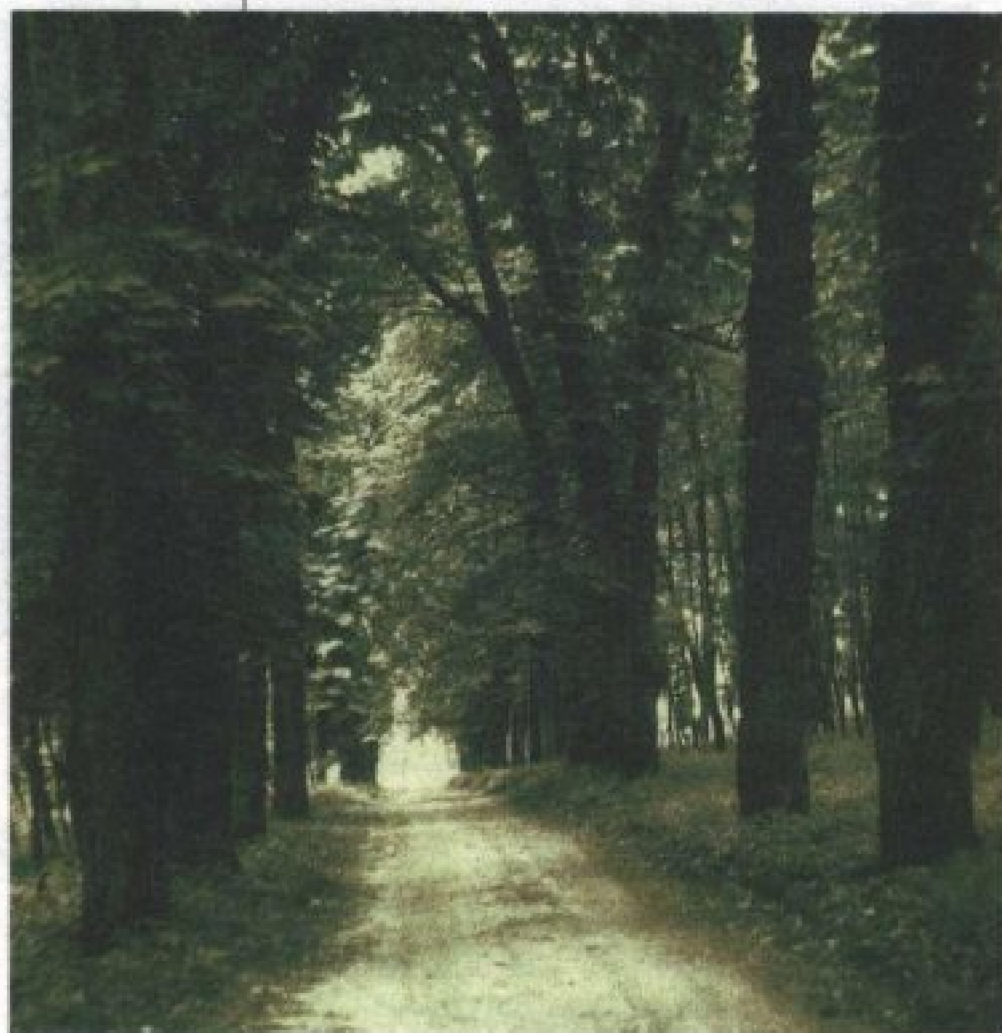
Парк композиционно сложен. Главные его планировочные элементы: большой водоем, канал, замковые валы, окружающие центральную поляну с насаждениями по периметру. В основу композиции положен принцип раскрытия дальних и ближних перспектив по пути прогулочного маршрута. В Беларуси он, пожалуй, один из наиболее живописных, эмоционально насыщенных и наиболее продолжительных. В разных частях парка имеются фрагменты этого пути, чаще всего кольцевого типа. Основной

Высокое. Служебный двор. Фото 2003 г.

прогулочный маршрут оформлен в виде аллеи из конского каштана шириной 5 м. Она начинается около парадного партера со стороны въезда и является организующей в осмотре почти всех парковых пейзажей. Аллея огибает чашеобразное понижение с разреженным качественным древостоем из клена и граба и ведет по западной окраине усадьбы с перспективами на парковые картины, где небольшие поляны перемешиваются с древесными группами, которые акцентируются экзотами, а сосна черная и лиственница европейская образуют небольшие самостоятельные группы. Особенно живописна группа лиственницы европейской, представленная фенотипом из гребенчато свисающими ветвями второго порядка ('Viminalis'). Затем аллея плавно поворачивает в глубину парка и проходит по слегка пересеченной территории. Деревья (на уже утраченных полянах) растут в виде клумб или букетом по 3—4 экземпляра. Заросли бузины, подрост деревьев закрыли перспективу, поляны частично распаханы. С наиболее приподнятой части парка открывается живописный вид на большой пруд в западном углу усадьбы, который являлся частью замковой водной системы. Он образован в результате подпруды небольшого ручья, вытекающего из болотного массива, расположенного за пределами парка. По руслу ручья вырыт широкий канал вдоль замкового вала. Аллея вела к мосту через канал. В этой части она не сохранилась (на месте старых насаждений построен стадион, проведена посадка молодых деревьев клена). Водоем доминирует в парковых пейзажах. Около канала стояло маленькое здание кузницы под красной черепицей — незначительный, но приятный и характерный элемент из числа малых архитектурных форм времен романтизма.

За мостом начинается старинная часть парка, в основу композиции которой положены руины замка Сапег. Здесь прогулочный маршрут раздваивается. Главная его ветвь – аллея из конского каштана шириной 5 м, деревья в ряду посажены через 7 м, протяженность — 400 м. Это одна из самых длинных среди парковых аллей Беларуси. Она служит продолжением основного пути, пересекает древесный массив на месте бывшего зверинца и выводит в сад с парниковым хозяйством и оранжереей (с юго-восточной стороны). Сохранность древостоя 32 %. Аллея из конского каштана – наиболее отдаленная, хорошо сохранившаяся и самая тихая часть парка с обилием певчих птиц. Здесь под деревьями стояли скамьи, в прошлом это было излюбленное место прогулок и уединения. Юго-западный периферийный массив, выполняющий защитную роль, тянется в виде неширокой полосы (15 м) по легкому склону в сторону аллеи. Древостой качественный, почти сомкнутый, почти без подроста и подлеска. Его образуют вяз, липа, клен, граб, одиночно растут ясень, береза. Второй большой массив сформировался (естественно) в понижении вдоль замкового вала, на строительство которого отсюда брался грунт. Он пересекается дренирующим каналом (уже утратившим свое назначение, в связи с чем территория переувлажнена). Насаждения сложены из ольхи черной с примесью ясеня, густым подлеском из бузины черной и частым подростом. В напочвенном покрове недотрога и крапива. Примерно в середине он пересекается липовой аллеей, выводящей к центральной поляне парка. Рядом в ольсе под старой ольхой черной с древних времен струится родник. От него водоток шел через ольс в Пульву. Во время строительства замка по его руслу был проложен замковый ров, который затянулся и давно потерял свое значение. Родник продолжает функционировать, питая Пульву.

Вторая часть маршрута ведет вдоль канала в восточную зону парка, мимо замкового вала, крутой склон которого уже порос вековыми деревьями. Канал в глубоких



Высокое. Аллея конского каштана. Фото 1999 г.

берегах укреплен мощной корневой системой растущих вдоль берега конского каштана, ясеня, ивы белой 'Chermesina'. Слегка изгибаясь, он далее принимал вид неширокого водоема прямоугольной формы. В нем возле стен замка успешно разводили рыбу [384]. Канал является частью водной системы, окружавшей по периметру старый замок. На его композиционной оси располагались подъемный мост и в толще мощного земляного вала двухэтажная брама с тремя воротами, с кардегардой, оружейной и подъемным механизмом моста, и дворец старого замка, замыкающий ось (прослеживаются остатки фундамента). Возможно, с тех далеких времен здесь, оплетая камни фундамента исторического дворца, растет плющ обыкновенный, обычно выращиваемый в Беларуси как комнатное растение.

Через Пульву перекинут небольшой мост, который служит и видовой площадкой. Отсюда открывается перспектива на пойму реки, парковый партер, двухбашенный костел (не сохранился) и новый дворец. Ось перспективы подчеркивается группами лиственницы. Сохранилась небольшая плотная левая группа, по стволам деревьев которой высоко поднимается виноград девичий. Канал, водоем в глубоких берегах, крутые замковые валы с остатками старинных сооружений, своеобразный мост в окружении старых, более чем вековых деревьев, составляют наиболее привлекательную часть парка. От моста, охватывая парк с северо-восточной стороны, прогулочная тропа проходит по краю террасы, сравнительно высоко приподнятой в этой части. Перспективы сориентированы в сторону поймы. С правой стороны вдоль маршрута тянется бывший замковый вал, в нем имелась старинная конюшня выездных лошадей, фасад которой украшали четыре пилястры на высоких цоколях. В более позднее время на валу были сделаны разрывы, позволяющие видеть территорию парка за ним. Вдоль дорожки по гребню террасы высажены сосны черная и кедровая сибирская, конский каштан. Спуск в пойму, по склону террасы — на мост через Пульву, оформлен в послевоенное время в виде лестницы. Около нее устроена видовая площадка, обсаженная липой. Далее, огибая небольшой древесный массив за бывшим старым дворцом и пересекая дренирующий канал, дорожка выходит в сад и на аллею из конского каштана.

Композиционным центром юго-восточной части парка является большая поляна (площадь около 1 га, ныне стадион) — внутренний двор бывшего замка. Она окружена с трех сторон валами. Они, покрытые древесными насаждениями, создавали благоприятные микроклиматические условия для выращивания цветочных растений. Рисунок цветочного оформления поляны с сетью дорожек, покрытых речным песком, утрачен. По опушкам поляна декорирована экзотами. Сохранились одиночные деревья бука, белой акации, конского каштана. Здесь росли (вымерзли в зиму 1986/87) два уникальных дерева кладрастиса желтого с крупными непарноперистыми листьями и белыми, душистыми кистями (длиной 20—40 см) соцветий. От основания одного дерева пошли порослевые ветви. Перед бывшим старым дворцом растет дуб черешчатый 'Fastigiata' с оригинальной кипарисовидной формой кроны. Много экзотов выращивалось и в других частях парка. Также уникальны единственные в республике старые одиночные деревья гледичии обыкновенной 'Inermis' (бесколючковой формы) высотой до 22 м и конского каштана 'Virginica', имеющего красноватые соцветия. Фо-

новым экзотом парка является конский каштан обыкновенный в виде аллей, групп, одиночных деревьев.

Достаточно автономной и композиционно простой была часть парка, примыкающая к парадному двору с северо-западной стороны. В плане она имела форму прямоугольника с аллеями из конского каштана по периметру. Они играли защитную роль и служили прогулочным маршрутом. Внутреннее композиционное решение этого пространства в связи с застройкой утрачено.

Высокое. Оранжерея. Тыльный фасад. Фото 1987 г.

Потоцкие не только содержали в образцовом порядке свою резиденцию, но и отличались высокой культурой ведения хозяйства. Владение с шестью фольварками (фермами) имело 3150 десятин земли, из которых пахоты имелось 1300, лугов — 95, леса 1254, выгона — 260. Около 45 десятин занимал огород, парк и строения [389]. Хозяйство имения Марии Ксаверьевны Потоцкой вели управляющий, бухгалтер с помощником, четыре эконома, два писаря (табельщика) и семь гуменных (ключников). Обработка почвы проводилась собственным рабочим скотом (52 лошади и 52 вола) с применением всякого рода земледельческих орудий. На сезонные работы нанимались, кроме батраков, крестьяне. Кроме рабочих лошадей было 17 выездных и табун молодняка [443]. Направление работы имения заключалось в получении элитных семян зерновых культур и трав. В хозяйстве выращивался также в большом количестве картофель для винокуренного завода, заготавливался корм для скота, на двух десятинах была освоена культура хмеля.

В виду неоднородности пахотных полей использовалось десять типов 4—12-польных севооборота. К примеру, двенадцатипольный севооборот включал следующие поля: озимь по удобрению, картофель, яровое, удобренный пар, занятый шпергелем, 2 поля озими, бобовые, картофель на половинном удобрении, яровое с подсевом клевера, клевер, 2 выгона.

В специально устроенных питомниках хлебных злаков площадью в несколько десятин испытывались зарубежные сорта и велась селекция. В основу селекции был положен метод отбора. Тщательно отбирались по размеру, форме и цвету лучшие однородные зерна. Каждое из них высаживалось на узких грядках в «дырочки» по одному на расстоянии в ряду в 10, между рядами в 8 дюймов. После полного колошения удалялись слабо раскустившиеся особи и стебельки с малыми колосками. В оставшихся сильных кустах вырезались все позднее образовавшиеся и слабые колоски. При уборке проводилась дальнейшая сортировка по качеству колосков и наполненности зерен. Лучшие зерна использовались для получения маточных растений. На пятом году получали элитные семена в больших количествах. В среднем ежегодно производилось 13—20 тысяч пудов элитных семян зерновых культур и трав, которые пользовались большим спросом. Кроме того велись особые питомники по выращиванию и сравнительной оценке привлеченных новых зерновых растений.

Переувлажненные поля имения осушались при помощи открытых рвов. Кроме навоза и компоста на поля вносили минеральные удобрения (чилийская селитра, фосфоритная мука). Средний урожай составлял: пшеницы 125 пудов, ржи 100, ячменя 100, овса 110, гороха 90, вики 90, люпина 70, картофеля 1 тысяча, свеклы кормовой и моркови 2 тысячи пудов с десятины [443]. В отличие от других имений в большом количестве высевалась пшеница. Культивировался свой сорт Wysoko Litewka [612].

Признанием успехов имения в области зернового хозяйства и элитного семено-

водства явились высокие награды на российских и международных выставках. В 1887 г. за «полнейшую коллекцию разнообразных сельскохозяйственных семян превосходного качества» на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Харькове М.К.Потоцкую наградили Золотой медалью. На Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. (г. Нижний Новгород) владелицу имения «За вполне рациональное, лучшее в России образцовое семенное хозяйство...» удостоили высшей награды — права изображения на своей продукции государственного герба. Выставочные экспонаты имения на Киевской сельскохозяйственной выставке 1897 г. не находили себе равных, судя по одной из записей: «Как по размерам семенного производства, так и по приемам культуры и качеству получаемых семенных продуктов, Высоколитовское имение графини М.К. Потоцкой занимает уже давно бесспорно первое место не только в западной, но и во всей России ...».

Имение располагало большим разнообразием сортов зерновых культур, которые служили исходным материалом для селекции. В 1912 г. на Второй всероссийской выставке семян и машин (Санкт-Петербург) представлялся 51 сорт. «За образцово поставленное семенное хозяйство, за выведение новых с высокими качествами сортов хлебов и улучшение многих старых сортов хлебов, зерновых, бобовых и других растений» была присуждена золотая медаль. На Парижской всемирной выставке в 1889 г. была получена также золотая медаль, в 1900 г. — Гран-при [376].

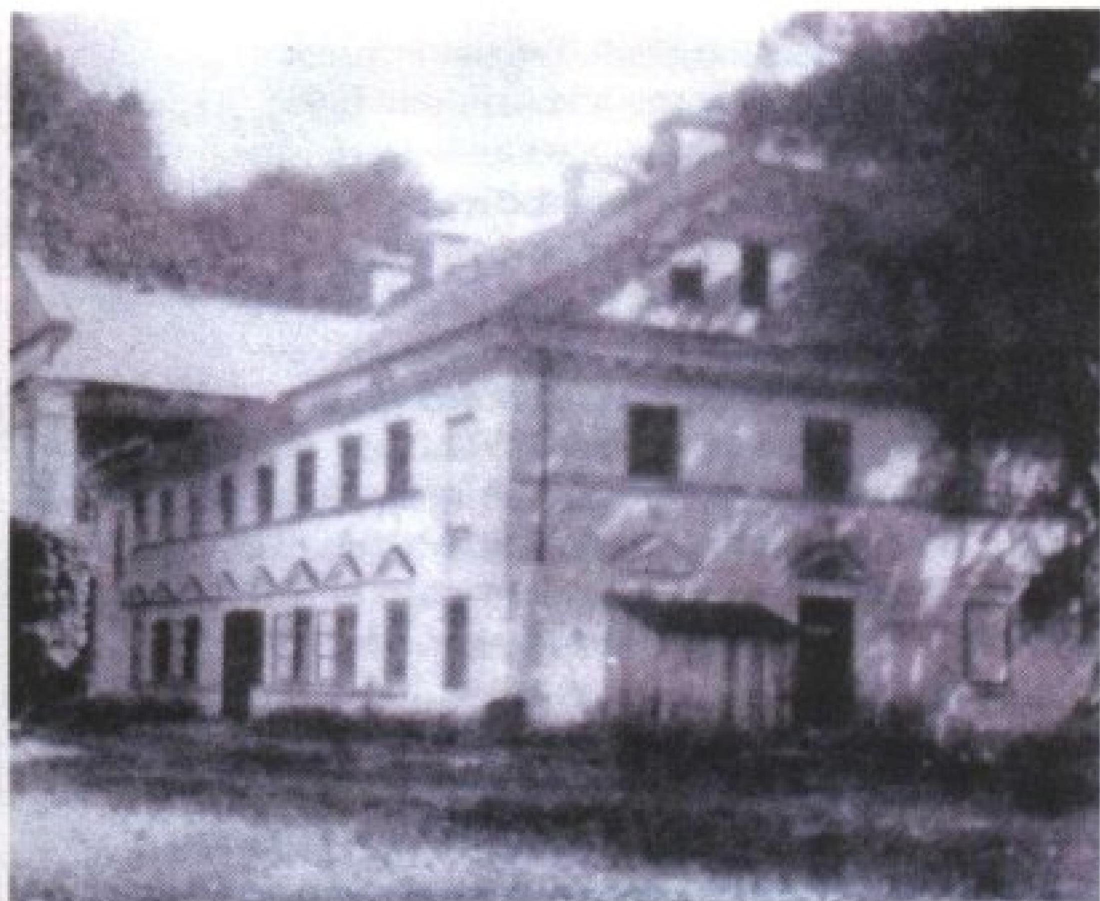
Успешно развивалось в имении животноводство, нацеленное на производство товарных молочных продуктов и разведение племенного скота. В имении содержалось 60 дойных коров, 40 голов молодняка чистокровной голландской породы и 2300 голов овец — негретти. Производители завозились из Польши, а в последнее время — непосредственно из Голландии. На небольшом конном заводе разводились лошади чистокровной английской породы и першероны. В племенном стаде имелось 130 тонкорунных овец. От каждой овцы настригали в среднем по 7 фунтов мытой шерсти (обычная овца давала полтора фунта).

Выращенный в имении племенной скот охотно покупался не только соседними, но и хозяевами других губерний. Доход имению приносили также заводы кирпичный и винокуренный с выкуркой более миллиона литров спирта из своего картофеля, пивоваренный завод и мельницы (водяные, ветряные), сдаваемые в аренду [443].

В 1919 г. на южной окраине парка примерно на месте оранжереи XVIII в. была построена новая оранжерея с печным отоплением. Сооружение двухэтажное с двухскатной крышей, глухими фронтонами и небольшим входным тамбуром в подвальное помещение. Продольные стены здания завершены многослойным карнизом, расчленены пилястрами и огромными, по всей высоте здания, оконными проемами с лучковыми завершениями, очерченными наличниками (теперь частично заложены). К оранжерее примыкал фруктовый сад. Сады имелись при некоторых фермах. Вдоль дорог имения высаживалась черешня [443].

Еще в 1609 г. Андрей Война перед въездом в усадьбу построил костел св. Троицы, возле которого позже хоронили Сапег. В 1871 г. святыня была отреставрирована архитектором Каролем Шреттером. Отличалась богатством интерьеров и считалась самой изысканной на Полесье [596]. Кроме портретов его основателя Андрея Войны и нескольких епископов брестских, стены храма украшали многочисленные картины религиозного содержания известных польских и зарубежных художников, перенесенные из дворцовой галереи. Антикварную и художественную ценность имели также некоторые предметы столярной и литейной работы. В костеле хранились древнейшие ризы и разные литургические принадлежности. Костел разрушен в годы второй мировой войны и окончательно разобран после 1970 г.

Дворцово-парковый ансамбль является одним из лучших в Беларуси. Усадьба сохранилась в прежних границах. Отдельные участки видоизменены в связи со строительством и функционированием школы-интерната. Ущерб насаждениям наносится частной застройкой, замковый двор перегружен спортивными снарядами, выпадают редкие виды деревьев. Начались работы по перекрытию крыши дворца.



Грушево. Усадебный дом. Фото 1939 г.

Грушево

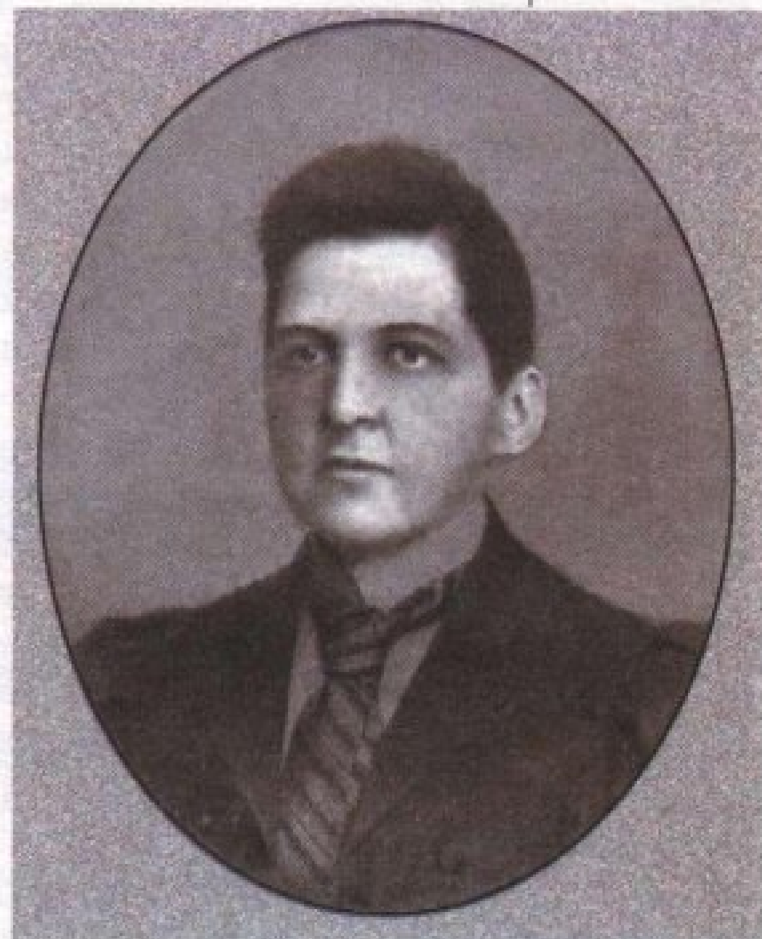
С конца XVI в. как «Грушова» известно — поселение на восточной границе Кобринского княжества [769]. Одно из владений князей Кобринских, род герба Погоня которых берет начало от великого князя ВКЛ Ольгерда. По грамоте 1404 г. великого князя Витовта становится владением князя Романа Федоровича [775]. В 1495 г. письмо князя Александра подтвердило право на владение княгине Анне Федоровой, которое ей мать Семеновая Романовича записала «... по своемъ животъ со всимъ, зъ людми и съданью, со всимъ съ тымъ, што здавна ... къ Грушовой прислухаеть» [441]. В 1509 г. княгиня Ульяна Семенова записала имение вместе с Черевачичами Юрию Пацевичу (Пацу) и его жене [433]. Согласно «выроку от 1522 г.», Грушовая и Черевачичи, незаконно отошедшие Венцлаву Костевичу, становятся собственностью Андрея Александровича, князей Василия и Андрея Сангушко «со всимъ с тымъ, какъ ся тые именя здавна в собе мають» [422]. Затем, согласно копии из книг публичных дел Литвы за 1528 г., Грушовая королевским письмом Сигизмунда была признана принадлежащей «к наследственному замку Кобрин королевы Боны», и «отобрана» у Сангушко [62].

В 1677 г. двор Грушево в Городецком ключе Кобринской экономии купил Самуил Луковской, женатый на Барбаре из Сиодлов [245]. После раздела Речи Посполитой Грушево пережило судьбу многих местных имений. Было подарено Екатериной II А.В. Суворову. В 1812 г. его купил Антоний Родзевич, хорунжий кобринский [596]. Род Родзевичей известен с XV в., происходил из Ошмянщины. На Пинщину в 1613 г. переселился Северин. Начало ветви в этом крае, по материалам родословной, положил Юрий, который пользовался привилеями короля Иоанна III и в 1708 г. купил у Михаила Свенцицкого имение Замость. Особенно разветвленной стала линия, пошедшая от Карла, сына Юрия [187].

От Антония, согласно Инвентарю за 1845 г., Грушево отошло старшему сыну Теодору (Федору) [214]. Собственностью второго сына Генриха стали Пенюги (Пенюдзи), Морочно, Кияковичи, Сенчицы, Дубчицы. Генрих породнился с влиятельными родами. Был женат на Амелии Куженецкой, дочери Юзефа и Эмилии из Ордов. Одна из сестер стала графиней Красицкой, Анна вышла замуж за Чарнецкого; Фалиция — за Ришарда (1779–1862), младшего сына М. Бутримовича.

Имения Генриха были конфискованы и, согласно делу о ревизии отчетности по управлению конфискованными и секвестрированными имениями 1863 г., сданы в аренду по контракту [97]. В 1867 г. Пенюги за 28784 рубля купил В. Давыдов. Давыдовы владели имением до 1914 г. Затем оно было распарцеллировано, но усадебный дом, фрагменты усадьбы сохранились.

Мария Родзевич



Грушево. Фрагмент усадебного дома. Фото 1999 г.

Владельцы имений, Генрих и Амелия Родзевичи, за участие в восстании 1863–1864 гг. были приговорены к сибирской каторге. По словам местного жителя, бывшего батрака, Амелия убила казака из отряда, преследовавшего Р. Траугутта. В связи с беременностью она получила месячную отсрочку на отправку в Сибирь. Приговор был исполнен в срок после рождения 30 января 1864 г. в Пенюгах дочери — будущей писательницы, которую назвали Марией. Месячного ребенка вместе со старшими детьми перевезли в дом деда по матери в имение Замошье под Ивановом (усадьба утрачена). Однако Куженецкие вскоре умирают, а детей забирает тетя Каролина Скирмунт (1824–1916), самая старшая дочь Александра Скирмунта и Констанции Сулистровской из Молодова. [445] Каролина была замужем за кузеном Болеславом Скирмунтом (1817–1857) из Велятичей, маршалком Пинского уезда, и владела имением Коженево на Пинщине. О бывшем большом имении (в 2278 десятин) теперь напоминают только одиночные деревья вдоль дороги и фрагменты сада.

В 1871 г. Родзевичи вернулись из ссылки в Тобольске, но жить в родных имениях не пришлось. Они переехали в Варшаву. Мария учится в пансионе Сестер Непокалянок в Ядловце. В 1875 г. умирает Теодор, у которого не было наследников, и Грушево переходит Генриху Родзевичу. Его земельные владения с лесными дачами Студенка и Белолесье составляли 1741 десятину [546]. С отцом в имение после долгих лет скитания по чужим дворам переезжает Мария, не помня себя от первой настоящей радости в жизни: «... Наше! Своя огороднина, своя садовина, своя стреха над головою, надежная и тихая, и молоко пахнет травами, теплое после удоя ... все свое! Ежедневно, навсегда» [446].

Мария Родзевич (1864–1944) являлась последней владелицей имения, которое перешло ей в 1881 г. Его земельные угодья составляли 1533 га. Она старательно вела хозяйство, писала книги, восстановила усадьбу после полного разграбления в войну 1914 г. В возрасте 75 лет в сентябре 1939 г. вместе с подругой Ядвигой Скирмунт пришлось оставить любимое Грушево и не без труда добраться до Варшавы, к Константину Скирмунту, испытать тяжелые годы войны. Ее последние слова: «... так хотелось дождаться». Умерла 6 ноября 1944 г. и похоронена на Аллее заслуженных людей Польши в Повонзках (Варшава), хотя желала покоиться в грушевской земле рядом с родителями и сестрой на местном кладбище. Захоронения Амелии (умерла в 1893), Генриха (умер в 1892) и сестры Целины облагорожены в последние годы Брониславой Артишевской из Варшавы.

Мария Родзевич. Из собраний Брониславы Артишевской

Усадьбу в 1825 г. заложил Антоний Родзевич на плоской слегка пониженной местности. Особым духовным содержанием ее наполнила Мария. Согласно инвентарному описанию 1845 г., усадьба занимала 25 десятин, двор включал добротные каменные постройки: дом господский двухэтажный, эконома — одноэтажный, два двухэтажных амбара, ледник, флигель и др. Глинобитной была овчарня [214].

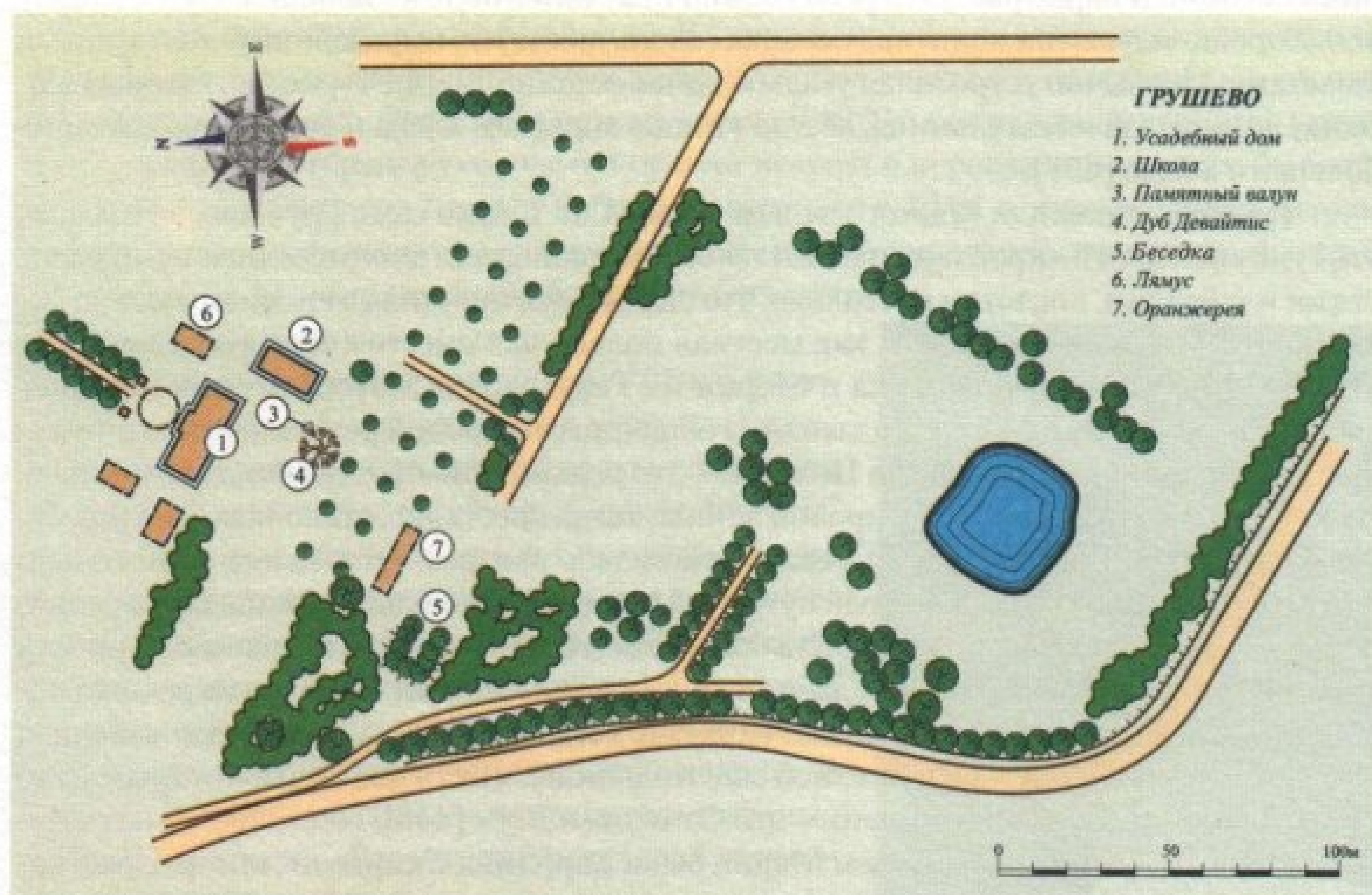
Парадная часть усадьбы имела симметрично-осевое построение (схема). Усадебный дом стоял на оси въездной аллеи. Перед ним располагался партер и брама. Его фотогра-

фия приводится М.Маршаком [697]. Фасад здания имел массивный четырехколонный тосканский портик с треугольным фронтоном. Симметрично ему у стен парадного фасада здания с двух сторон росли деревья в виде боковых кулис. Декор гладко оштукатуренных белых стен составляли профилированный карниз с сухариками, сандрики и круглые розетки над окнами нижнего этажа. Вмурованная в стену таблица гласила: «Боже, благослови жителей. Дом этот построен в юбилейном 1825 г. Антонием и Элеонорой из Гелгудов Родзевичами». Сохранился нижний этаж здания, приспособленного для современных нужд.

Грушево. Спихлер. Фото до1939 г.

Обстановка в доме была сравнительно простой. Имелись кафельные печи и камины, мебель в основном из дуба местного исполнения, семейные портреты, собрание польского и иностранного фарфора, библиотека, архив. Среди комнат выделялась гостиная, называемая «шведской», с мебелью, сделанной в Грушеве по чертежам, привезенным Марией со Скандинавии. Оригинальная кровать-шкаф не имела дверей, в нее вели ступеньки. Более дорогой старинной мебелью был обставлен салон, в котором висели семейные портреты.

Мария любила мудрые изречения, сама сочиняла заповеди. В холле на видном месте висел текст десяти заповедей, сочиненных Марией для гостей [596]. Они были наполнены простой жизненной мудростью, направленной на воспитание лучших человеческих качеств. Мария призывала почитать и соблюдать тишину и покой в доме; игнорировала беспорядки, суматоху, повышение голоса, кроме пения и смеха; напоминала о необходимости постоянной работы по мере сил, способностей и увлечений, была против сатанинского почитания денег; просила не осквернять мысли речью о плохом, пустом, злом, заботиться о божьих созданиях — животных и терпеливо переносить такие разные наказания господние, как голод, беда, болезнь.



Грушево. Беседка из лип. Фото 1999 г.

Во дворе находились с левой стороны лямус с десятью колоннами вдоль фасада, с правой — спихлер, большое двухэтажное здание с маленькими окнами, крышей с залобками и четырьмя четырехгранными столбами на боковом фасаде. И хотя здания имели хозяйственное назначение, наличие столбов, общность строения крыши, единая высота, характер их расположения благоприятствовали восприятию двора как единого ансамбля.

Парк за домом скорее считался садом, в котором росли старые деревья, располагались водоем, пасека, оранжерея в окружении розария и сада цветочных растений. Многие компоненты имели символическое значение. Улья пасеки носили имена польских королей и королев; в глубине располагалась перенесенная из леса «хатка лесных людей» [596]. Скульптура из дерева апостола Петра стояла на острове водоема. Гордостью, наиболее любимым деревом парка был 500-летний дуб 'Dewajtis', ставший героем одноименной, одной из первых повестей писательницы, написанной в 1889 г. и принесшей ей известность.

Дерево перенесло все невзгоды, достигнув высоты 25—26 м, диаметра 175 см. Сохранилась также бывшая беседка. Она имеет прямоугольную форму (5—4 м) и была сформирована около двух старых дубов, примерно, ровесников дуба «Девайтис» подсадкой клена и ясеня (растет 6 деревьев). Территория несет следы, фрагменты бывших неглубоких каналов, подсыпных дорожек с линейной обсадкой, которые создавались в связи с переувлажненностью местности. Вода поступала в водоем с островом округлой формы, на берегу которого растет старая ива золотистопобеговая. В парке растут деревья одиночные или в виде небольших групп, массивов. Хорошо выражена защитная посадка (вдоль шоссе) по выраженному валу с двумя кюветами. Необычно устроенная усадьба привлекала внимание туристов, которых любезно принимала писательница, всегда угощая караваем хлеба и свежим молоком из большого жбана [697].

Грушево стало для Марии земным раем. И не только само Грушево, а Полесье, этот удивительный «край пущ и болот», который наполнял душу ежедневными радостями и заботами, поглотил настолько, что одно время она жила в специально построенной в 1911 г. избе среди леса как местная полешучка вместе с Ядвигой Скирмунт (1874—1950?), дочерью Генриха и Марии из Твардовских, которая позже напишет свои воспоминания о Марии Родзевич. В общении с природой рождался талант будущей писательницы. Ее жизнь на Полесье — это редкий пример служения этому краю. Даже в тяжелые годы первой мировой войны, когда крестьяне, становясь беженцами, уезжали вглубь России, Мария уехать отказалась наотрез. Отказалась и не только потому, что в глазах стоял тяжелый путь отца и матери, закованных в кандалы, а скорее не могла расстаться с тем, что любила больше всего на свете. Она сохраняла верность земле, которая принесла счастье, дала глубокие земные корни, приняла на вечный покой ее предков. Не оставила и позже Полесье, когда приобрела небольшое имение в Польше. Девиз жизни уже известной писательницы: «Есть две силы, которым надо отдать все, не требуя за это ничего — это Отчизна и Бог» [446].

Первым духовным учителем Марии была Каролина Скирмунт, которая рассказывала детям не только сказки и легенды, но и историю края, историю ВКЛ, знакоми-

ла с его героями. В маленькой комнате небольшого деревянного с простым крыльцом дома Скирмунтов в Коженеве рядом с иконой Божьей Матери стоял портрет Ромуальда Траугутта, возле которого горела свеча. Впечатлительная Мария не просто заслушивалась, а с детских лет осознавала цену этой истории, борьбы за свободу, постоянно думая о самых дорогих ей людях, сосланных в далекую Сибирь. Позже, когда родители вернулись в имение, она слушала от отца, который входил в состав отряда Романа Рогинского, о героизме повстанцев, их муках и лишениях в ссылке в Сибири [446].

Впечатления, а вместе с ними глубокое уважение к творцам истории не были затерты временем. Накануне 70-й годовщины восстания 1863—1864 гг. Мария Родзевич станет активным инициатором установления памятника в соседнем Городце. Дубовый крест на бетонном постаменте был торжественно установлен в 1933 г. на центральной площади местечка (снесен в 1939).

Грушево. Дуб «Девайтис». Фото 1999 г.

В мир полесской природы, ее таинств и красот ввел Марию местный полешук-лесник Василий Федченко, который уводил ее в самую глухомань лесную к домикам бобров, поселениям выдр, черных аистов, знакомил с миром птиц, трав, грибов. Мария была способной ученицей. Она хорошо знала и любила край, в котором жила, была защитником и опекуном всего живого. Высоко ценила ручной труд крестьян, собирала разные предметы бытового назначения. Увлекалась праздничными женскими народными костюмами и сама иногда их одевала [446].

В своих повестях и романах («Страшный дедок», 1887; «Девайтис», 1888; «Гривда», 1891; «Из глуши», 1895; «На холмах», 1896; «Вереск», 1903; «Гнездо белозора», 1931; «Лето лесных людей», «Ценный камень», «Пожары и пепелища», «Черный хлеб» и др.) Мария обращалась к белорусской тематике, воспевала труд простых людей-полешуков, красоту полесской природы. В Грушеве протекала ее общественная и религиозная деятельность. Мария принимала активное участие в возвращении костела католикам в Городце, фундовала ремонт храма. В 1939 г. с ее участием строятся костел в Антополе, в который руководство ордена иезуитов переслало реликвии бывшего полесского миссионера Андрея Баболи, известного в XVII в. проповедника католицизма, зверски замученного казаками, позднее канонизированного и причисленного к лику святых. Его жертвенный образ с детских лет глубоко запал в ее душу.

Мария Родзевич. Фото Стефана Багинского

Усадьба в Грушеве сохранилась почти в прежних границах, но больше других утратила черты той особой усадебной полесской среды, созданной Марией Родзевич. К ней с глубоким уважением относились крестьяне, не забывают потомки. В день 50-летия крестьяне преподнесли альбом с посвящением «Справедливой пани Марии за 50 лет совместного труда». Они купили колокола и бесплатно подвезли кирпич к строящемуся в Антополе костелу (теперь здание храма используется пожарной частью). Мария имела высокие правительственные награды — ордена «Реститута Милитари» четвертой и третьей степени.

Товариществом любителей Волыни и Полесья из Варшавы в 1994 г. около дуба «Девайтис» установлен памятный валун со словами благодарности: «В память о замечательной полесской писательнице Марии Родзевич (1864—1944) благодарные за ее труд этот памятный знак, установленный под дубом «Девайтисом», дарят земляки». Усадьба принадлежит школе.

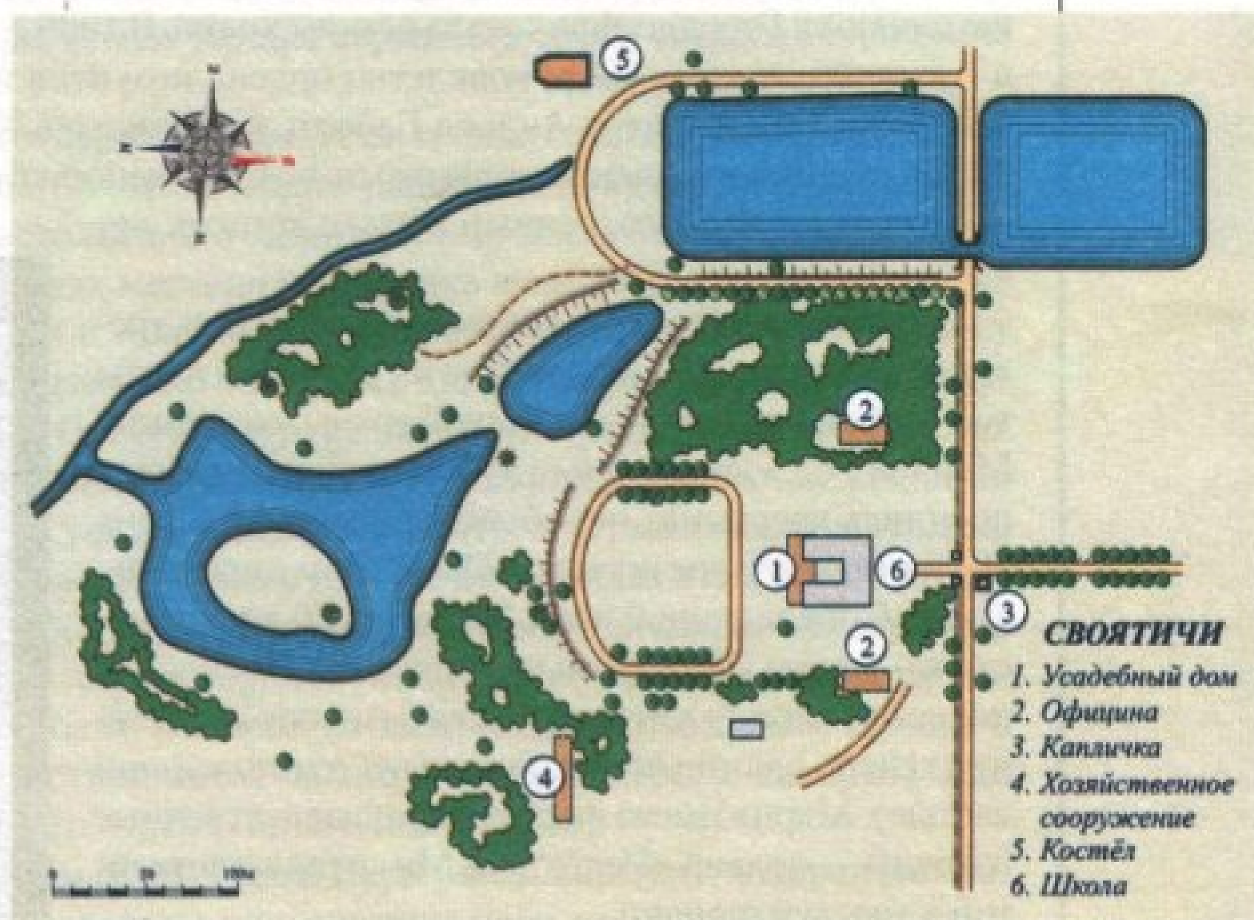
Своятичи. Дворец. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

Своятичи

Известны с 1506 г. Принадлежали Станиславу Петковичу, которому король даровал пять служб людей и разрешил проводить торги [441]. В 1507 г. «била чолом пани Станиславовая», чтобы дали лист о праве «небожчика» мужа иметь земли и «торгъ мети в ымени его на имя въ Своятичох» [419]. Король Сигизмунд II подтвердил это дозволение наследникам владельца.

В 1559 г. имение принадлежало Анне Матвеевне Петкович-Николаевой, жене покойного Николая Андрошевича, конюшего дворного. Поскольку она «была велми стиснена и кривжона в ыменяхъ отъ ... суседъ ... и не могла есми спокойного мешъканья мети ...», то решила взять «собе мальжонкомъ шляхетневрожоного доброго шляхтича пана Езофа Казновъского ... и венец з нимъ принесла». Езофу перешло имение, « ... еще все речи ... рухомые, то есть золото, серебро, перла, перстени, шаты и иные речи отъ велика и до мала ...» [461].

В 1567 г. имением «Своячич» владел Щасный Фурс [428]. Владельцы на протяжении двух последующих столетий также часто менялись [545]. Ими были Довойны, затем Корицкие. До 1570 г. «... ее милость пани Ганна Довойна, першая малжонка пана Яроша Корицкого, конюшого господарьского две части именей своихъ отчизных в Городищо, Своятичи, Бытень в суме пенезей у двухъ тисечахъ копахъ грошей записала ...» мужу [248]. В XVIII в. перешло Рдултовским. В 1769 г. Литовским Трибуналом было утверждено духовное завещание Антония Рдултовского, согласно которому Своятичи вместе с другими владениями унаследовали сыновья Иоахим и Хризостом [183]. Затем перешли Обуховичам, старинному шляхетскому роду, представители которого занимали в ВКЛ высокие государственные, административные и военные должности. В 1798 г. вла-



Своятичи. Фрагмент ограды. Фото 1999 г.

дельцем был Филипп (по другим источникам Михаил) Обухович, каштелян минского воеводства [260]. В виде приданого дочери Софьи, ставшей женой полковника войска польского Станислава Чапского (1779—1844), стали собственностью этого рода. После отца имением владел сын их Эдвард (1819—1888). Наследниками от 24 августа 1866 г. стали их дети Флориан, Эдуард, Мария и Вероника [547]. В 1888 г. Своятичи принадлежали графу Эдуарду Станиславовичу. Владение составляло 660 десятин [548]. После брака Вероники (1854—1920) с графом Яном (1850—1922) имение отошло Зиберг-Плятерам. Начало этой ветви рода Броель-Плятеров положил Михаил (1777—1862), сын Казимира (1749—1807), подканцлера ВКЛ, известного автора дневников путешествия короля Станислава Августа Понятовского и публицистических работ, который женился на последней представительнице рода баронов Изабелле Зиберг [293]. Последним владельцем имения был сын графа Яна и Вероники Генрих (1879—1948), женатый на Эльжбете Плятер-Зиберг. Он жил в Рио-де-Жанейро. Земельные угодья имения составляли 700 десятин [549]. Имелось право на производство и продажу спиртных напитков, успешно велось огородничество. В усадьбе работали два ветряка и водяная мельница, содержались породистые лошади [656]. В 1911 г. строился новый кирпичный завод [148].

Резиденция формировалась в первой четверти XIX в., хотя в литературе называются и более ранние даты начала создания усадьбы [401]. Однако в эти годы имение принадлежало еще Рдултовским [183]. Здание известно по акварели Н. Орды 1876 г., фотографиям А. Вислоцкого и другим до 1939 г. Заложена усадьба Михаилом Обуховичем (1760—1818), каштеляном минским. Ее творцами были неизвестные итальянские зодчие [596]. Она слабо сохранилась, но отдельные фрагменты позволяют еще проследить особенности планировочного построения, заметить отточенность композиционных деталей. Усадьба заложена на террасе р. Ведьма (схема). Терраса приподнята над поймой, чем обеспечивалась выразительность дальних перспектив. Композиционная ось хорошо выражена, она удлинена на манер барочной. Парадная часть имела симметрично-осевое построение. На главной оси, ориентированной в направлении юг — север, расположена длинная (около 300 м) и широкая (10 м) въездная аллея. В ней стоят еще крепкие крупные липы (202 экз.). Перед поперечной аллеей она расширяется и заканчивается двумя симметрично расположенными липами (от деревьев остались пни 1,5 м в диа-

Своятичи. Дворец. Парковый фасад. Фото до 1939 г.

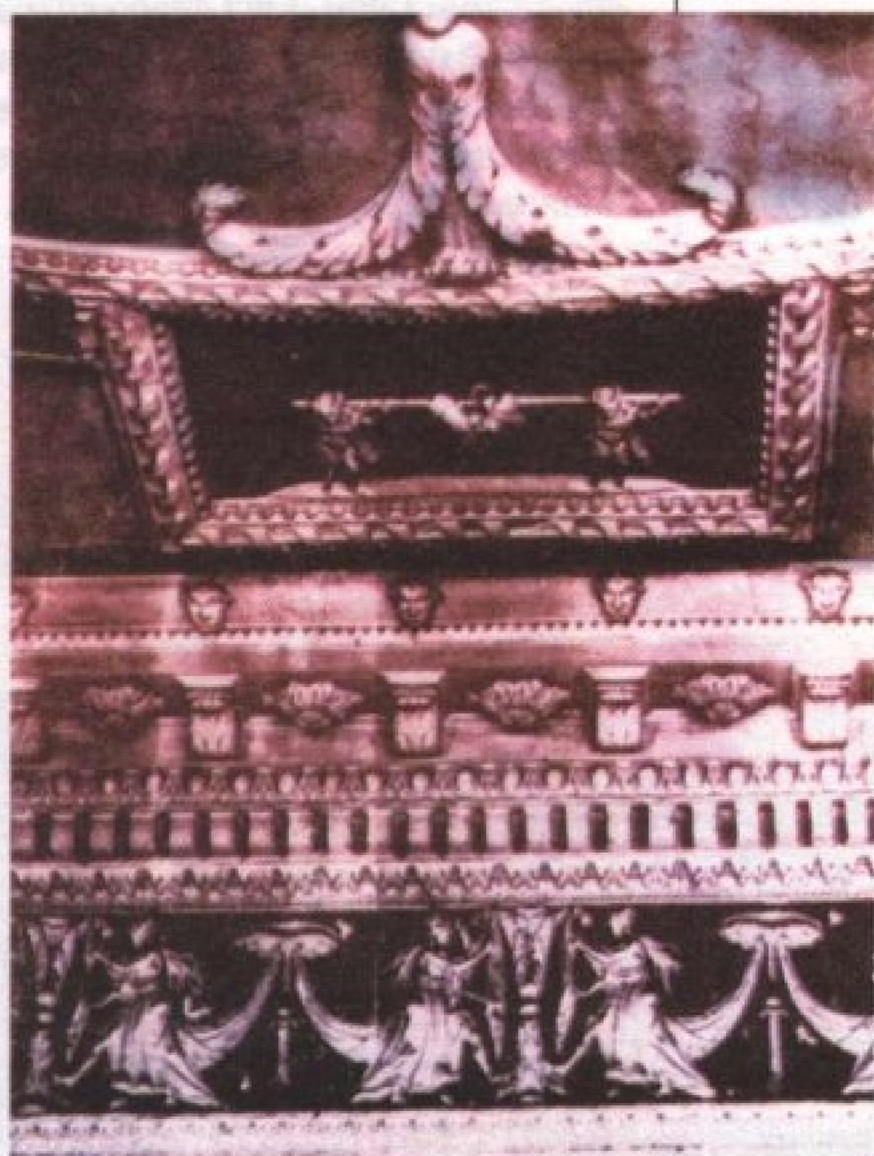
Своятичи. Дворец. Фрагмент интерьера бального зала. Фото до 1920 г.

метре). С левой стороны под липой стояла придорожная каменная, арочная с четырехскатной крышей, капличка св. Магдалины. Она изображена на акварели Н. Орды и фотографиях (от сооружения остался только фрагмент кладки).

Партер со стороны въезда имеет ограду. Ее составляют штакетник и старые каменные пилоны, оштукатуренные с заостренными завершениями. Сохранилось одиннадцать пилонов, но их четырехскатное, как и у каплицы, завершение утрачено. За оградой располагался большой партер с кругом в центре (теперь на этом месте здание школы). Место дворца прослеживается по сводчатым подвалам, которые остались засыпанными в земле (над ними спланирован стадион). По словам местных жителей, своды выложены «цветным» камнем.

Дворец — большое каменное двухэтажное здание, прямоугольное в плане, построенное в стиле классицизма. Материалом служил кирпич, производимый на заводе имения в д. Волосочи. Центральная часть парадного фасада выделялась монументальным четырехколонным портиком дорического ордера, поднятым на мощную трехарочную аркаду первого этажа. Массивные базы колонн являлись частью балюстрады обширной террасы. Портик завершался фризом с лепниной на военные мотивы и треугольным фронтоном. Парковый фасад имел ризалит, расчлененный четырьмя пилястрами, которые опирались на аркаду, подобно колоннам портика. Здание опоясывал фриз с карнизом, стены первого этажа были рустованны. Окна второго этажа украшали треугольные сандрики и гирлянды. В начале XX в. дворец имел канализацию из цинковых труб (в земле сохранился колодец-отстойник из нескольких бетонных колец) и электрическое освещение (электростанция размещалась в кирпичном флигеле, который сохранился). Проводка была выполнена медным пятимиллиметровым проводом, обвернутым изоляционной бумагой и залитым смолой.

Своятичи. Дворец. Фрагмент декора бального зала. Фото до 1920 г.



Интерьеры дворца отличались изысканностью оформления и собранием больших художественных ценностей, особенно картин, гобеленов, мебели, имели очень богатые лепные украшения. Уделяя декору дворца особое внимание, зодчие в центральной части его парадного фасада увековечили себя в рельефных изображениях. Центральное место занимала фигура архитектора, сидящего перед моделью дворцового портика, слева располагался маляр, справа — штукатур. Имена зодчих остались неизвестными [596].

На первом этаже центральную часть дворца с фронтальной стороны занимал вестибюль с ве-

ликолепной двухмаршевой дубовой лестницей, ведущей на второй этаж. Из него под лестничной площадкой дверь вела в большой квадратный зал — «грот», оформленный гранитом. В округленных углах «грота» стояли высеченные из камня скульптуры рыцарей в доспехах, которые держали в руках пятиконечные светильники из бронзы. «Грот» в летнее время использовался как столовая. Он, а также другие помещения на первом этаже, имели сводчатые потолки. Туда вели двери из коридоров и, кроме того, они были соединены дверными проемами непосредственно между собой. Четыре большие комнаты, выходящие на главный фасад, как и три со стороны парка, являлись жилыми помещениями. Комната, непосредственно прилегающая к «гроту», использовалась в качестве буфета.

Второй этаж имел примерно аналогичную планировку. Большую площадь занимал продолговатый зал с тремя выходящими на балкон порте-фенетрами, который зимой служил столовой. Над «гротом» находился большой салон с двумя окнами и остекленной дверью. К ним примыкали две жилые комнаты, будуар и спальня хозяйки дома, библиотека, малый угловой салон, кабинет, спальня владельца дома и ванная. Комнаты на втором этаже имели богатое убранство, особенно большой салон, библиотека, малый салон, кабинет и спальни. В большом салоне живопись и лепнина украшали потолок и верхнюю часть стен. Середину плафона с большой бронзовой люстрой с хрустальными подвесками занимала маска Бахуса в обрамлении виноградной лозы. Маску обрамляли розетка из листьев аканта, а последнюю охватывал круглый венок из ржаных колосьев и окаймление в виде декоративной живописи гризайль в темно-голубых тонах. Лепные украшения потолка замыкал квадрат, скомпонованный из широко расставленных небольших маскаронов (скульптурных деталей в виде головы). Верхнюю часть стены салона обрамлял широкий пояс лепных украшений, увенчанный широким фризом с повторяющимися мотивами женских фигурок также на темно-голубом фоне. Часть стен без лепнины была обтянута сначала тканью, которую позже во всех репрезентативных комнатах заменили обоями. Паркет холла из светлой древесины имел рисунок в виде пятиконечных звезд, обрамленных тонкими квадратны-

Своятичи. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

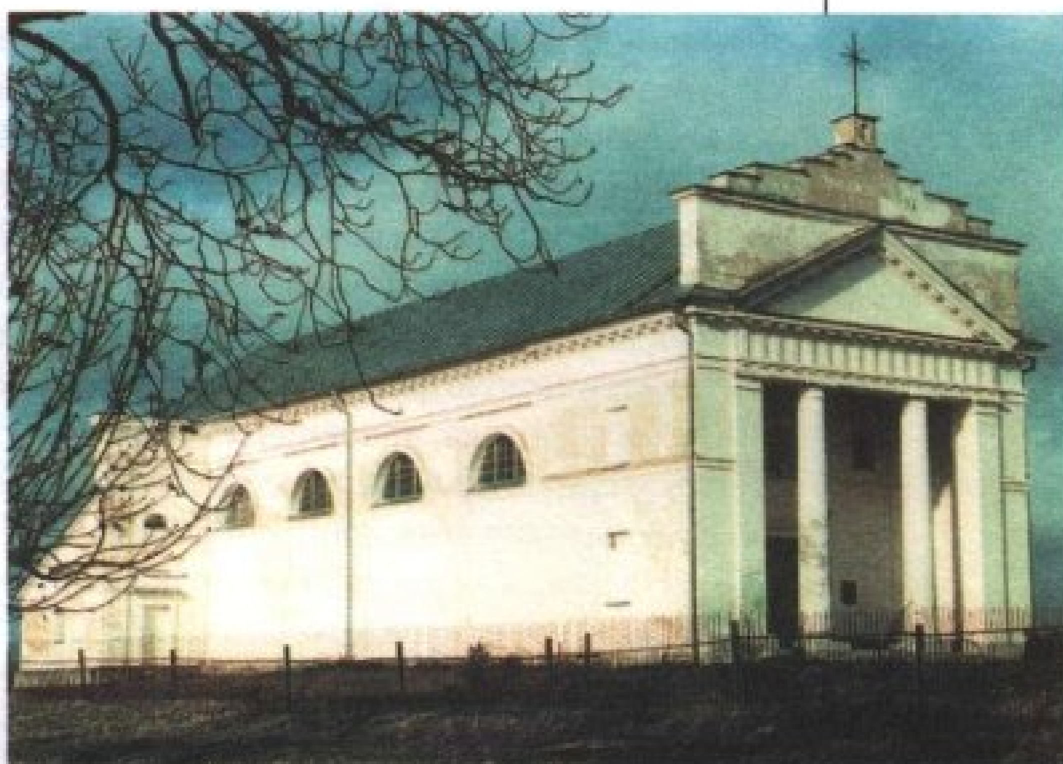
ми рамками из черного дуба. Кафельные печи были круглыми или овальными. Подобное оформление имела библиотека. В ней среднюю часть потолка занимала большая розетка с цветочными мотивами. Углы комнаты украшали маскароны, расположенные по четыре на белых квадратах. На длинных узких прямоугольниках между углами были представлены фрагменты троянских войн, Парис с богинями Герой, Афиной и Афродитой и другие сцены, почерпнутые также из мифологии. На карнизе, обрамляющем потолок, имелись изображения маскаронов, как и в большом салоне. Верхнюю часть комнаты обрамлял рельефный гротескный фриз с грифами и ужами среди цветов. Фриз замыкали рамы с мотивами волчьих глаз. Пол в библиотеке выглядел несколько скромнее, чем в большом салоне, но здесь имелся очень красивый камин из черно-серого мрамора.

В малом угловом салоне потолок в центре имел розетку, обрамленную букетами роз, скомпонованными в ромб, который входил в большой квадрат с розетками по углам. Фриз под потолком имел вид цветочно-растительных гирлянд, чередующихся с головами животных. Кабинет хозяина дома, примыкающий к большому салону с левой стороны, имел более скромное убранство. В центре потолка также находилась розетка в ромбической рамке, которая, в свою очередь, размещалась в более широкой, скомпонованной из листьев аканта. В кабинете находился мраморный камин в серо-зеленых тонах. Спальни в центре потолка имели только большие розетки. Будуар, кроме центральной розетки, был украшен фризом в виде цветочных гирлянд. Он имел белый мраморный камин. Потолки и стены двух других комнат, находящихся справа от лестничной клетки, не имели декоративного оформления. Возможно, их убранство оставалось незавершенным.

До 1914 г. дворец (особенно его репрезентативные комнаты) был обставлен красивой мебелью. В большом салоне находился гарнитур в стиле Людовика XVI. Стулья, диван и кресла покрывали гобелены фирмы «Aubusson». Стол имел мраморную столешницу с позолотой деревянных частей. В салоне стоял рояль фирмы «Бехштейн». Малый салон и будуар имели мебель в стиле рококо, обтянутую белой тканью с букетами красных роз. Кабинет был обставлен тяжеловесной мебелью, обитой ко-

Своятичи. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

жей, в «гданьском» духе. В библиотеке шкафы, стулья, кресла и стол были сделаны из черного дуба и имитировали «староиндейскую» обстановку. В некоторых комнатах имелась мебель в стиле ампир.



Своятичи. Костел. Фото 1999 г.

При Чапских во дворце появилось много ценных картин. Они украшали большой салон, гостиные. Вероятно, в связи с ситуацией, сложившейся после поражения восстания 1863—1864 гг., в 1870 г. они вместе с другим движимым имуществом были проданы с молотка всего за несколько сотен рублей. Выделялись такие крупные полотна, как «Уния», «Выступление Яна Замойского против Зигмунта III на сейме», «Освобождение Вены», а также «Узники на коленях перед королем» и др. Плятер-Зибергами была собрана коллекция картин в основном фламандской школы, которую дополняли семейные портреты. Во дворце имелись семейный архив и библиотека, насчитывающая около 5000 томов.

Ценности были разграблены во время первой мировой войны. Со стен срывалась даже обивка. Сохранились гарнитур, обтянутый гобеленом, и несколько картин, среди них большой портрет Яна Плятер-Зиберга, изображающий его на охоте. После первой мировой войны в отреставрированном дворце (в 1914—1920) собрались новые ценности. Коллекцию картин представляли работы виленских художников Михаила Чарновского, Фердинанда Рущица, Станислава Богуш-Сестранцевича. Все собранное и восстановленное было утрачено в сентябре 1939 г. Разграбленная резиденция стояла до последнего года второй мировой войны. Отступающие немцы взорвали дворец [596].

В аналогичных дворцу формах были построены две официны. Большие одноэтажные здания с четырехколонными портиками на фасадах размещались с двух сторон газона, несколько отдаленно от дворца. Возле левой официны (в наше время в ней жили рабочие) возвышалась плотная группа елей, росли тополя черные 'Italica' и группы сирени. Вторая официна служила административным зданием. Ее окружали одиночно разбросанные по газону деревья (липа, клен, ясень). В последнее время здесь, на хорошо выраженной части террасы, получил развитие подрост местных видов, формируется новый густой древесный массив. Он закрывает виды на водоем в пойме и усадебную доминанту — костел на противоположной террасе.

Парк (размещался за дворцом) имел барочные черты. В основе композиции – большой, с открытой северной экспозицией партер с расположенными вокруг аллеями с формованными липами. За аллеями в виде выразительных кулис располагались древесные группы. Украшением партера был старый одиночный дуб у гребня речной террасы. Имелись экзотические растения. По правой стороне росла липа американская 'Macrophylla' (ее помнят старожилы).

Партер был местом отдыха, гуляний, игры в теннис. Отсюда открывалась живописная панорама на пойму р. Ведьма с водоемами. Один из водоемов имел остров в форме бублика. За дамбой, через протоку, под развесистой липой размещалась танцплощадка. Ее место поросло молодыми кленами, а старый клен уже давно без вершины. На острове второго водоема стояла беседка, которой завершалась ось композиции. Длинная композиционная ось, симметрия — характерные черты усадебного зодчества времени раннего классицизма.

Отмеченный водоем являлся частью большой водной системы с прудами. Она была спланирована на р. Ведьма, которая начиналась около усадьбы путем слияния

текущих с разных сторон двух водотоков. Периодически водоемы чистились. При этом спускалась вода, прокладывалась узкоколейка, по которой вывозились донные отложения. В последние годы система была перепланирована и ее строительство не закончено. Водоемы принимают чрезмерно большие размеры, нарушая целостность и соизмеримость ее компонентов. Очень большой водоем формируется на русле реки, в связи с чем не стало липовой аллеи, проходящей у основания террасы. Усложнилась водная система на месте водоема, которым замыкалась ось композиции. Водоем принял экзотическую форму, остров сохранился. Не стало мельницы. По-прежнему стоит у водоема кузница, являющаяся парковым павильоном. Умело сложена из традиционного материала: крупного серого и розового полевого камня, прямые оконные проемы обложены красным кирпичом разных оттенков.

На левой террасе реки возвышается костел св. Юрия, именуемый «каплицей дворцовой», в склепе которой покоились Чапские. Имена усопших были выбиты на каменных плитах [720]. После разрушения приходского храма (в 1863 или в 1868) каплица стала костелом [781]. Величественное здание костела в окружении деревьев являлось яркой доминантой усадьбы, второй после дворца. Построено в 1844 г. по проекту П. Айгнера [474].

Костел — прямоугольное в плане сооружение (30×11 м) с боковыми сакристиями (7×3,5 м). Фасад имеет вид портика с двумя мощными дорическими колоннами, фланкированного пилястрами. Плоский щит увенчан ступенчатым аттиком с крестом. Суровые плоскости боковых стен расчленены широкими лопатками, соединенными арками над оконными проемами. Подобным же образом декорирована алтарная стена с полуциркульной глухой нишей, увенчанная как бы двойным фронтоном с антаблементом, триглифами и карнизом с сухариками. Фасады сакристий завершены аттиками. Рядом, с правой стороны, расположена двухъярусная звонница (4×4 м) с арочными проемами во втором ярусе. Здесь имелось собрание старинных икон [727].

Храм в 1992 г. отремонтирован и возвращен верующим, стоит на окраине усадьбы. Раньше его окружали старые липы, а по периметру — ограда из штакетника с пилонами аналогичными пилонам ограды около дворца. По оси здания имелись ворота и две калитки. Одиночные конские каштаны (5 деревьев) остались от посадки вдоль водоема по дороге к костелу.

Каплица. Рисунок Александра Блока. 1916 г.

Парохонск

Упоминается в 1558 г. вместе с другими поселениями Пинщины (Погост, Озаричи, Велесница, Поречье) в связи с определением Григорием Волловичем границ королевских пущ [520]. Примерно в середине XVII в. имение от Радзивиллов перешло Друцким-Любецким. В XVIII в. являлось главным в Парохонском ключе, в который входили известные Пясечно и Заполье.

Влиятельному роду Друцких-Любецких Парохонск принадлежал около 270 лет. Одним из его владельцев был князь Юзеф, стольник оршанский, женатый (1728) на Виктории Скирмунт, дочери пинского городничего, обозного Александра и Корнелии из Ордов. После смерти Юзефа (1762) Виктория именовалась княжной-вдовой Друцкой-Любецкой на Любавичах, Погосте, Лунине и Парохонске [764]. Владельцем имений после Виктории стал сын Франц, хорунжий Пинского уезда, пинский каштелян, пользовавшийся привилеями Станислава Августа

Понятовского, кавалер ордена св. Станислава [170]. В 1806 г. Парохонск с деревней Селище и фольварком Богдановка перешел сыну Герониму, маршалку пинскому, женатому на Екатерине Щитт-Немирович. После него имением владели сын Эдвин (Эдвард; 1828—1901), маршалок пинский, женатый на Ядвиге Радзивилл, внук Героним (1861—1919), женатый на Марии Грабовской, драматург-любитель, депутат Государственной думы [170]. В 1911 г. имение принадлежало Феликсу, сыну Эдвина. Видимо, последними владельцами были Эдвард и Тереза, которые в 1916 г. принимали А. Блока [363]. В 1920-е гг. имение было распарцеллировано.

Сведений об усадьбе очень мало. Она была заложена предположительно Геронимом. Имела характерные черты усадеб этого времени. Здание двора, принимаемое за усадебный дом, известно по одной из фотографий [719]. Фасады (главный и боковые)`этого небольшого одноэтажного здания украшали четырехколонные портики. А. Блок в письмах родным называет парохонский дом большим, каменным и двухэтажным. Парадный партер, по его описанию, огибали полукруглые аллеи, а на одной оси с домом стояла деревянная церковь, построенная без единого гвоздя. За домом располагался сад [363].

Письма А. Блока вызывают сомнение в достоверности фотографии Ф. Осендовского [719]. Видимо, за дом принята официна. В пользу наличия двухэтажного дома говорят такие слова из писем поэта, как «я живу в главном доме, сплю, ем, скучаю ...», «...по винтовой лестнице поднялся на второй этаж», «...невеселым взглядом с балкона проводила княжевна» [363].

Александр Блок

А.Блок прибыл в 13-ю инженерно-строительную дружину Союза земств и городов, которая строила линию укрепления, 7 июля 1916 г. Начальник дружины Л.И.Катонин, архитектор, выпускник Петербургской академии искусств, впоследствии профессор Киевского инженерно-строительного института, зачислил известного ему поэта на должность табельщика с окладом 100 рублей в месяц. На следующий день Л.И. Катонин в доме Друцких-Любецких представил табельщика пани Терезе и Эдварду как «самого большого поэта России», чем смутил Александра. Усадьба потерпела в годы первой мировой войны. Имение, по оценке Блока, было «большим, но запущенным». Окна в некоторых комнатах были выбиты, но в целом в здании сохранилась прежняя обстановка: мебель в стиле ампир, зеркала, портреты, картины. Окна его комнаты на втором этаже выходили в сад. Виды на сад, аромат сада запечатлелись надолго и получили выражение в поэтических строках («Окно в вечерней тишине» и др.). По делам работы поэт ездил на панском скакуне по имени Тайфун. Бывал в Погост-Загородске, Лопатине, Колбах. Затем (14 августа) переселился ближе к фронту — в Колбы, но жил в крестьянском трехкомнатном доме Лемешевских и по вечерам иногда читал сослуживцам стихи. У Олевенских, владельцев фольварка, уже были постояльцы. В деревне поэта впечатлила каплица, формы которой напомнили церковь в подмосковном Тараканове, а вместе с ней вспомнился счастливый августовский день (17 августа 1903 г.) венчания с Любовью Менделеевой. Александр рисует каплицу, делает подпись «Деревня Колбы, каплица ...» и письмом от 16 августа отсылает жене. Она жила в Петрограде и занималась литературно-издательскими делами мужа.

Усадьба Олевенских, расположенная на берегу Стыри, утрачена. С XV в. известны Колбы, владение рода Колб-Селецких. Капличка, небольшое сооружение, построенное в начале XX в. в формах неоклассицизма; восьмигранное в плане, с куполом,

который завершается луковичной главкой, с крестом на глухом восьмериковом барабане, продолжает стоять под старыми деревьями на улице деревни.

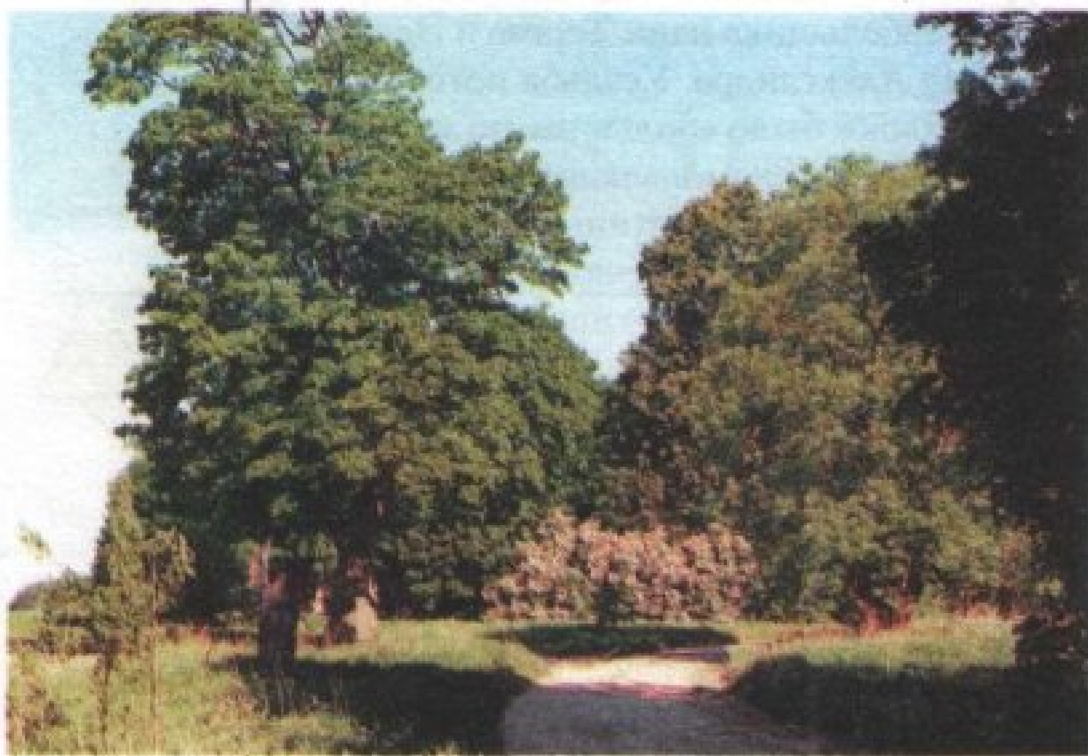
А. Блоком не осталась незамеченной и природа Полесья. Он сделал много зарисовок, а в письмах родным показал себя как мастер пейзажа [446]. Табельщика уважали. Позже В. Пршедпельский вспоминал: «... Со всех сторон к нему тянулись люди с улыбками, искренней симпатией, и это было удивительно, потому что он был очень сдержанным, мало говорил и улыбался только глазами. Он никогда не принимал позу, не рисовался, не вел долгих, умных и тем более «литературных» разговоров. Был почти суровым» [363].

В Парохонске А. Блок встретился с Алексеем Николаевичем Толстым, приехавшим 16 января 1917 г. в составе комиссии по проверке дружины. Они стояли, радуясь встрече, на заснеженном берегу скованной льдом р. Бобрик в Парохонске и вели тихий разговор о своих писательских делах.

До Блока во второй половине XIX в. Друцкие-Любецкие тепло приняли Ромуальда Зенькевича (1811—1868), фольклориста, этнографа, известного собирателя народных песен (всего 219, записанных над Пиной, Припятью и Цной), верований, гуляний, обрядов полешуков («Простонародные песенки пинского народа», 1851).

Колбы. Каплица. Фото 1999 г.

Парохонская усадьба утрачена. О Блоке помнят. Установлена мемориальная доска. В Лопатине имеется музей. Вернувшись домой, поэт кратко, но ярко напишет 4 сентября 1917 г. в дневнике о полесском крае: «По вечерам иногда ... на меня находят эти грубые, сильные, тяжелые и здоровые воспоминания о дружине — об этих русских землях, о лошадях, попойках, песнях, рабочих, пышной осени, жесткой зиме, балалайках, гитарах ... гатях, вышке, полянах за фольварком Лопатино, белом пароходе, который хрустальным утром ползет среди рощи, дубах, соснах, ольхах, Пинске, вдали — всё, всё. Хорошо!» [283].



Старый Куплин. Въездная аллея. Фото 1999 г.

Старый Куплин

В первой половине XVI в. принадлежал кобринскому боярину Голенищеву [775]. В 1629 г. владение Ивана Жардецкого [239]. В 1632 г. имением «Куплино» владели Ярош Верещако и Анна Жардецкая [500]. Затем имением владели Буховецкие герба Дрогослав, осевшие в Беларуси в начале XVII в., Морачевские, а примерно со второй половины XVIII в., оно отошло Крашевским [596, 749]. Имение, видимо, купил Ян Крашевский (1789—1864), хорунжий пружанский, владелец недалекого имения Долгое. По наследству Старый Куплин перешел Люциа-

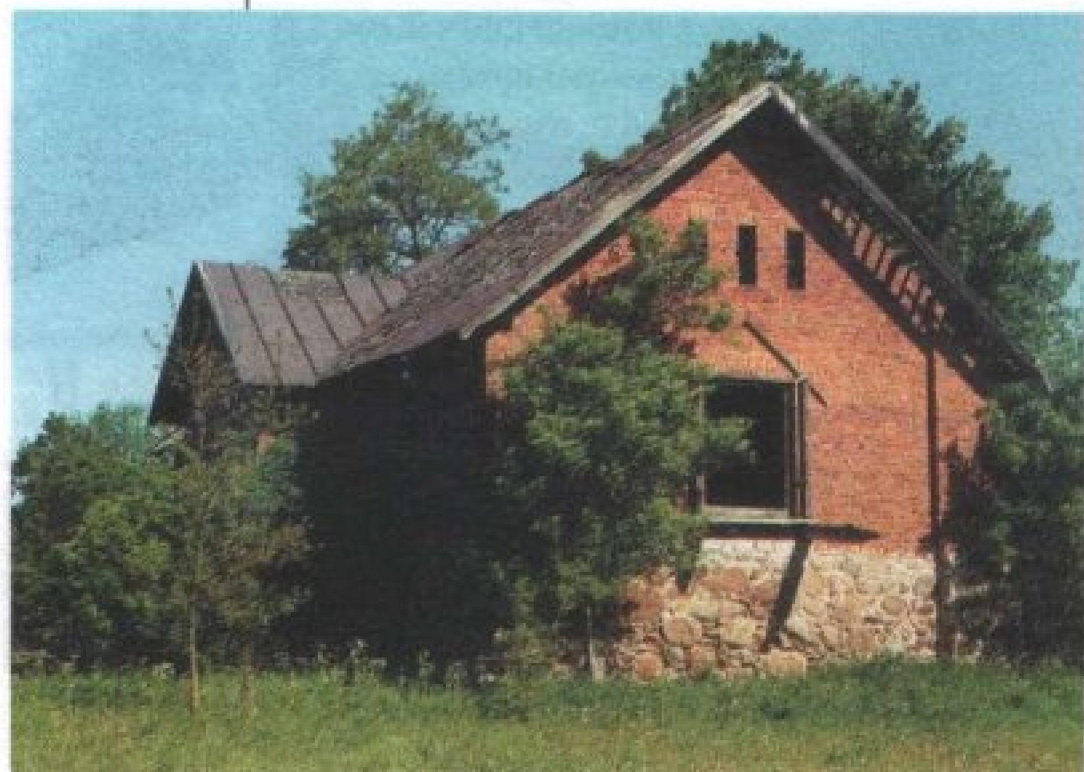
ну, а затем им стал владеть его младший брат Каетан. Каетан (1827—1896), владелец родового имения Долгое и имения Романово во Влодавском повете, известен как образцовый хозяин, сделавший бывшую резиденцию Сапег в Романове цветущей усадьбой. Он основал в ней одну из первых в крае обсерваторий, занимался астрономией. Располагая богатыми историческими и архивными материалами, много писал. Одной из работ является «Монография дома Крашевских» (1862). Увлекался музыкой, виртуозно владел фортепьяно, имел композиторские способности. Умер в Старом Куплине [666]. Был похоронен в родовой каплице в Долгом, построенной в 1834 г. отцом недалеко от усадьбы (сохранились руины склепа в окружении сирени). Старший сын Каетана трагически погиб (утонул в Двине). Имение перешло второму сыну Богуславу, который жил в Долгом, обрабатывал библиотечные и архивные собрания [666].

Старый Куплин. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1914 г.

Неизвестно, при каких обстоятельствах Крашевские утратили имение. В 1857 г. принадлежало Северину Морачевскому. Владение Фадея Морачевского в 1890 г. составляло 382 десятины [546]. Морачевские оставались владельцами до 1939 г.

Усадьба была заложена Крашевскими примерно в первой трети XIX в. Выяснить датировку ее строительства помогает дата фундации владельцев, выбитая на камне Пречистенской церкви (1834).

Усадьба занимает ровную территорию, располагается недалеко от деревни и имеет характерные черты небольших усадеб эпохи классицизма (схема). Центральная аллея усадьбы шириной 10 м пересекает ее в направлении запад—восток и замыкается Пречистенской церковью со звонницей. Здание построено в стиле позднего провинциального ампира из кирпича, оштукатурено. В плане прямоугольное, освещается шестью полуциркульными окнами, высоко расположенными в боковых стенах. Вход в сакристию прорезан в алтарной стене. Единственным элементом декора стен являются сухарики под карнизом. Фасад украшает портик на четырех дорических колоннах с круглым окном во фронтоне. Входной прямоугольный проем обрамлен скромным порталом. В нескольких метрах расположена двухъярусная звонница, служившая также входом на церковный погост, вокруг которого растут старые липы, конские каштаны — ровесники храма. Церковь и звонница представляют собою характерный архитектур-



Старый Куплин. Амбар. Фото 1999 г.

ный ансамбль времен ликвидации Брестской унии; находятся в полуразрушенном состоянии.

Аллея, ведущая к храму, сравнительно хорошо выражена. В ней растут липы, одиночные конские каштаны с раскидистыми кронами, ветви которых касаются земли. В начале XX в. около аллеи был построен склеп в окружении белой акации, который служил местом захоронения Морачевских. К нему от главной аллеи вела короткая еловая аллея.

Северную часть усадьбы занимает парк с усадебным домом и водоемом; южная часть служила хозяйственным двором, где сохранился амбар.

Усадебный дом стоял среди парка. Представление о здании дает одна из фотографий 1914 г. [596]. Оно было одноэтажным, деревянным, оштукатуренным, с крыльцом, сплошь обвитым виноградом девичьим. К газону с кругом в центре вела еловая аллея, вдоль которой были установлены скамьи. У бокового фасада дома растут два старых дуба, которые помогают определить его месторасположение. За домом располагалась большая поляна с живописными опушками, образуемыми кленами и белой акацией. Поляна хорошо выражена, но уже затягивается подростом, зарослями спиреи и ежевики.

Дом окружал небольшой пейзажный парк, в основу планировки которого положен обычный прием чередования полян и древесных групп. В группах растут ясень, липа, клен, вяз. На полянах сплошные заросли сныти, подмаренника. Важное место в парке, на его восточной окраине, занимал большой полноводный водоем, в который поступала вода по двум каналам. Рядом с ним расположена беседка диаметром 12 м, в которой сохранились огромная липа (диаметр до 1 м) и примерно таких же размеров

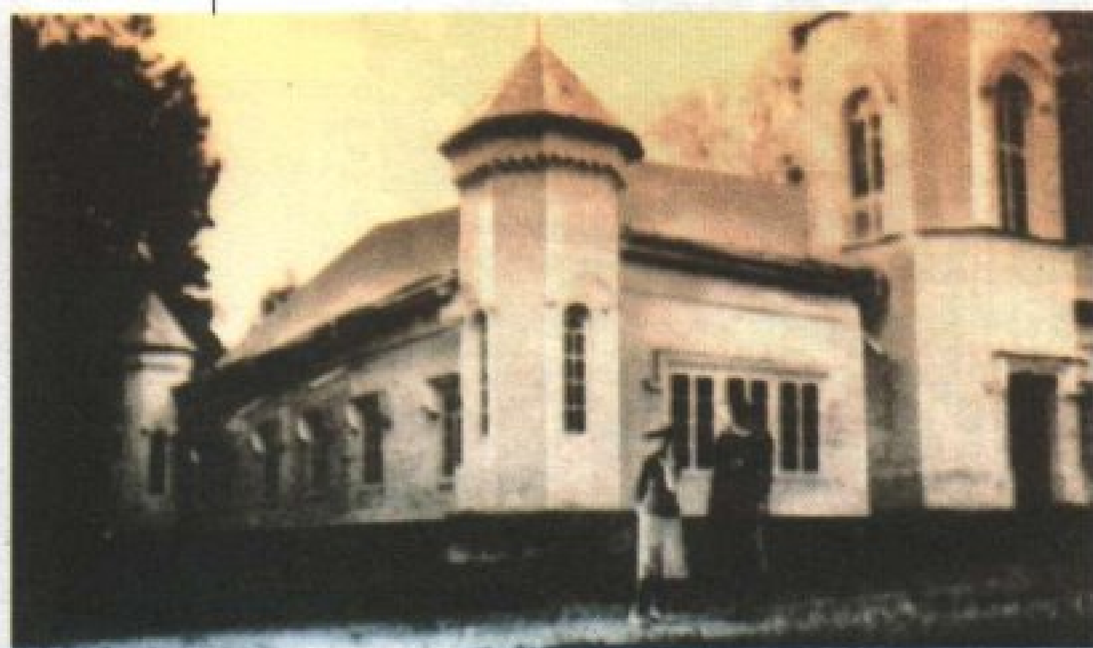
Долгое. Место каплицы Крашевских. Фото 12004 г.

ясень. В подбивке древесных групп использовались кустарники. Некоторые из них растут в виде одичавших зарослей (роза колючейшая, сирень, спирея Бияра, снежноягодник). Поляны зарастают также подростом белой акации и местных видов.

Хозяйственные постройки, жилые дома рабочих, как и усадебный дом, не сохранились, кроме амбара, построенного последними владельцами примерно на рубеже столетий. Размер здания 16×9 м. Верхний его этаж, вероятно, построен на более раннем цокольном этаже высотой 2,5 м, сложенном из природного камня разного размера со вставками мелких камней и «изюма» в известковом растворе. На фасаде южной стены выступает ризалит, через нижний этаж которого осуществляется вход в подвалы с регулярной планировкой и добротными крестовыми и полуциркульными сводами. Верхний этаж сложен из добротного красного кирпича с чередованием рядов «ложка» и «тычка», углы обрамлены лопатками. Крыша двухскатная, накрыта жестью поверх гонта, фронтоны кирпичные. В южном фронтоне расположен большой проем для загрузки мешков. В северной стене прорезаны три лучковых окна, в западной — два. Здание пустует.

Усадьба — характерный сельский ансамбль времен классицизма. Запущена. Не используется.

Небольшое имение Новый Куплин (383 десятины) с 1861 г. принадлежало Ивану Романовичу Корсаку. В 1899 г. исполнительный лист на право владения имением получила старшая дочь Юзефа Задарновская. Младшие дочери Анна Тукальская-Нелюбович и Янина Дзеконская получили свою долю (по 3833 рубля) деньгами. В 1939 г. имение принадлежало Хелене Юцевичевой (из Задарновских) [2]. На рубеже веков владельцы заложили усадьбу. После последней войны на ее территории расположилась военная часть, и усадьба оказалась вскоре перепланированной и застроенной. Без изменений выражена длинная въездная аллея. После вывода военных подразделений пустует.



Вольно. Усадебный дом. Фото до 1939 г.

Вольно

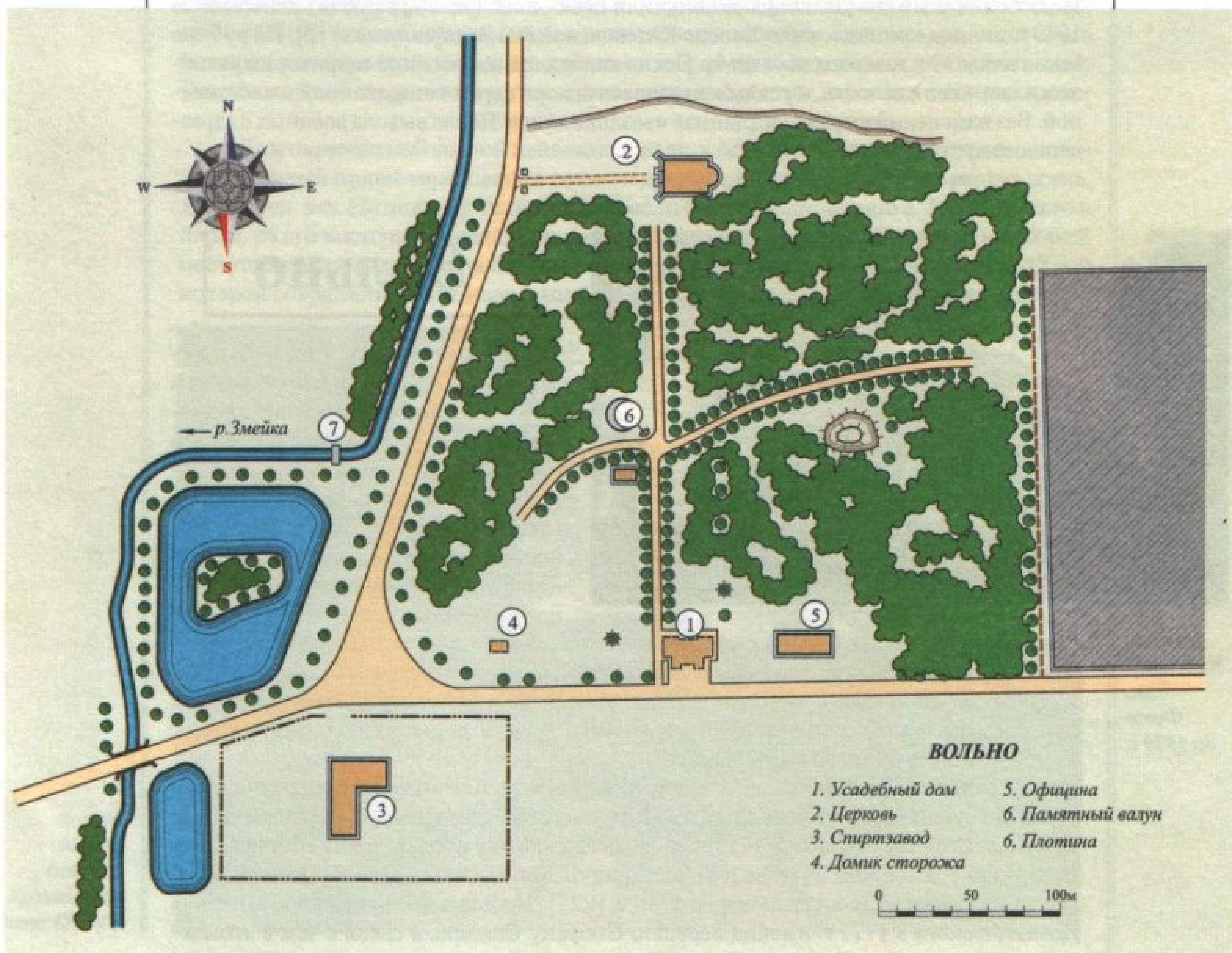
В исторических источниках поселение упоминается с середины XVI в. Имение известно по Инвентарю 1571 г. как владение Ходкевичей [585]. Усадьба отличалась четкой планировочной расчлененностью (двор, дворок, гумнище, обора), разнообразием хозяйственных сооружений (амбары, конюшни, каретная, сеновал, пекарня, кухня, пивной бровар с квасной избой, баня, озница, сыродельня, стодола, озерод, евня, обора из шести рубленых хлевов). В планировке усадьбы значительное место отводилось садам (их было три). Возле одного сада стояли дом «большой старый» и дом «маленький». Два других сада были заложены около рыбного пруда. В 1571 г. имение принадлежало Софье Слуцкой, а затем Астафию Волловичу.

В 1632 г. Вольно являлось владением Криштофа Каминского, подстолия новогрудского, женатого на Елене Друцкой-Горской [585]. Затем имением владел их сын Самуэль. Его сын Юзофат в 1711 г. за 20 тысяч злотых продает часть имения, двор Бартники, Рабковичи, Залесье и Пархимовичи Домасловским [430]. Известен Инвентарь имения этих владельцев за 1740 г. [225]. По дарственной записи Михаила Домасловского в 1771 г. имение перешло Стефану Слизню, в связи с чем в этом же

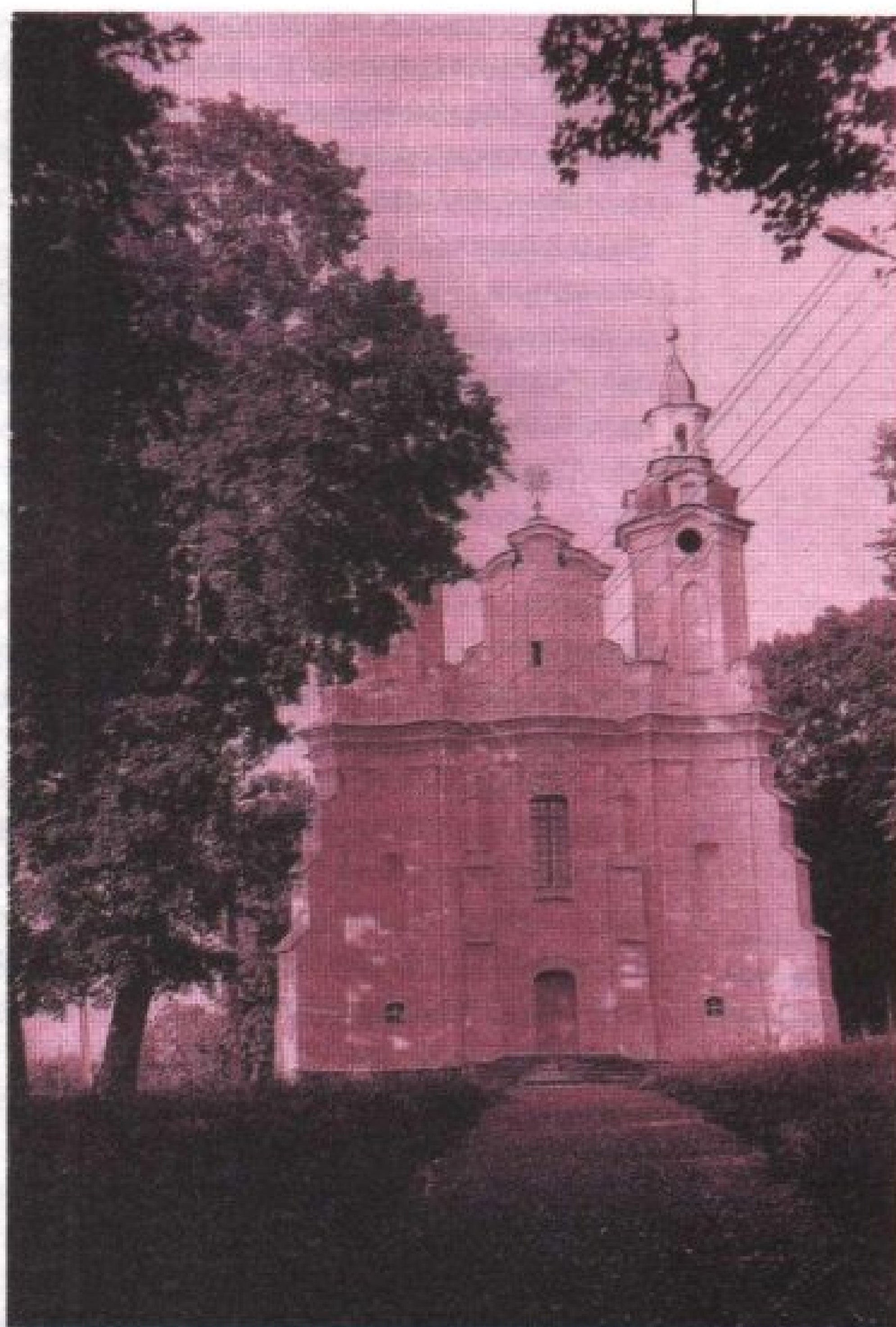
году состоялось его инвентарное описание [224, 226].

У истоков рода стоял Андрей Ратша Слизень, который пользовался привилеями Владислава Ягайло и владел пожалованными королем имениями в Смоленском воеводстве [189]. Его сын Иван, брест-литовский воевода, имел пятерых сыновей. Один из них, Евстафий, при присоединении Смоленского воеводства к России переселился в Литву, где владел пожалованными в 1534 г. королем Сигизмундом I Старым имениями в Ошмянском повете (Княгинь, Узден, Мотыки, Курчин). После смерти Евстафия эти имения унаследовала, согласно разделу в 1569 г., жена с сыновьями Иваном, Павлом и Григорием. Владения были закреплены привилеем Стефана Батория от 1585 г. В шестом поколении (первая половина XVII в.) владельцем всех имений стал сын Павла Александр, ошмянский подстолий, стольник, секретарь королевский, мыдзюльский староста, посол в Москве. Продолжателем рода стал его сын Александр Казимир, ошмянский стольник (1651), королевский секретарь, посол на сейм. Александр Казимир имел восьмерых сыновей, из которых Степан Иван (писарь ошмянского земского суда, маршал ВКЛ, кревский староста, посол на сейм), Михаил Брунон (писарь литовской казенной комиссии) и чашник Андрей положили начало трем линиям рода. Первой из них была девятковичская, главной резиденцией которой стали Новые Девятковичи.`Третья (от Андрея) очень разветвленная, выводит на Вольно.

В первой трети XIX в. Вольно владел Ян Слизень (умер в 1860), женатый на



Анелии из Мацкевичей, хорунжий Новогрудского уезда, собственник Бартников и Друцковщизны, с 1831 г. — один из его сыновей Рафаил (1803—1881), женатый на Камилле Тышкевич. В середине XIX в. имение находилось на положении казенного, в связи с чем в 1849 г., а затем в 1853 г. были составлены его Инвентари [100, 101]. В 1866 г. имением опять владел Рафаил [141]. Во второй половине XIX в. владельцем был младший сын Рафаила — Генрих, женатый на Нине Мавросовой, дочери адъютанта М.Н. Муравьева. После смерти Генриха (1910) имение отошло племяннику Вальдемару, его дочь Иза Слизень была последней владелицей [596]. Земельные владения имения сократились с 2025 десятин (1876) до 1360 в 1911 г. [547, 549]. В 1939 г. пахотной земли имелось 400, сенокосов 150, леса 300 га [85].



Вольно. Троицкая церковь. Фото 1999 г.

Усадьба площадью около 10 га размещается на весьма необычном рельефе. Она занимает пойму маленькой извивающейся р. Змейка в виде частично замкнутой котловины и склоны ее террасы разной крутизны. Своеобразием рельефа определяются особенности усадебной композиции (схема). Она не имеет выраженной оси. Усадебный дом и другие сооружения расположены на ровных местах у подножья склонов. На Змейке сформирована водная система, к водоемам которой примыкали мельница и винокурня. Склон террасы занимает парк. По дну пойменной котловины проходит усадебная дорога.

Усадебный дом из лиственницы, одноэтажный, прямоугольный в плане, был построен Каменскими в XVII в. Слизни, видимо, Ян Слизень, в первой половине XIX в. расширили и перестроили старинное здание, добавив к нему два крыла, в результате дом принял вид короткой подковы. Затем по углам были сооружены две шестигранные башенки и две башни примерно квадратные в плане с коническим завершением [596]. Дом принял вид усложненного псевдоренессансного сооружения с многочисленными салонами, кабинетами, жилыми комнатами, библиотекой. Отдельные салоны имели свои названия: «Зеленый», «Розовый», «Турецкий», в которых стояли мраморные камины разного цвета. Дом был наполнен старинной мебелью, хрустальными люстрами, канделябрами. Имелось собрание семейных портретов, фарфора. Собрание книг включало в основном польские и французские издания; вывезены перед второй мировой войной в Варшаву.

Оформлением интерьеров выделялись столовая и помещения левого крыла дома. Столовая занимала часть дома между башнями со стороны парка и была обставлена старинной гданьской мебелью, имела кресла, обтянутые кожей, портреты Генриха и Нины Слизней. Портреты рода висели и в других комнатах дома. В «Зеленом» салоне среди других портретов находился семейный портрет Рафаила с женой Камиллой и детьми (они имели четверых сыновей и двоих дочерей).

Стены двух залов левого крыла имели желтую обивку из бархата и высокой декоративности паркет, выложенный в форме звезд из черного дуба, а во втором зале

красота рисунка достигалась сочетанием светлых и черных тонов. Оригинальность оформления залов дополнялась изысканной мебелью в стиле ампир. Ножки одного из мраморных столиков, например, имели завершение в виде лебединых голов. Кресла и стулья покрывала обивка из бархата в тон стен. Стену одного зала украшал большой гобелен с видами Венеции. В этих залах были собраны лучшие картины. Их подбор, как и в целом, оформление интерьеров, являлся выражением художественного вкуса владельца — художника и коллекционера Рафаила и его наследников. Среди картин большое полотно Ю. Коссака, «Зима в лесу» Я. Фалата, «Факелы Нерона» Н. Семирадского, «Иван Грозный с сыном» И.Репина. К числу ценных произведений искусства принадлежала скульптура А. Кановы, представляющая девушку в соломенной шляпе с развевающимися волосами. Своеобразием оформления отличался «Турецкий» салон, в котором хранился турецкий шатер [596].

Перед домом располагался большой партер с традиционным подъездным кругом и старой лиственницей в центре. С южной стороны к нему примыкал разреженный древостой из липы, клена, граба, лиственницы и конского каштана. На въезде к парадному двору у винокурни посажены два мощных (до 180 см в диаметре) тополя канадские 'Serotina'.

Дом сгорел в годы последней войны. На его месте в наше время построено новое административное здание. Оно имеет необычный архитектурный облик и многими называется «домом Слизневой». На стене здания установлена доска в память о Рафаиле Слизне, известном графике, скульпторе и архитекторе. Родился Рафаил в 1804 г. в имении Бартники. Искусству рисования, архитектуре, естествознанию и даже философии учился в школе при местном монастыре базилиан. Затем учился в Полоцкой иезуитской академии, где под влиянием Яна Рустема увлекся изобразительным искусством [699]. Будучи затем студентом юридического факультета Виленского уни-

Вольно. Фрагмент водоема с островом. Фото 1999 г.

верситета, учился скульптурному мастерству у Казимира Ельского, одного из наиболее видных скульпторов эпохи классицизма, первого профессора скульптуры в Беларуси. Был знаком и поддерживал дружеские отношения с А. Мицкевичем, Т. Заном, Я. Чечотом, И. Домейко, Ф. Малевским. В дружеских отношениях с Адамом Мицкевичем был родной брат Рафаила Оттон, известный филарет, изучавший в Виленском университете физику, а затем осевший в Друцковщизне [699]. Поэт часто бывал в Вольно. В 1846 и 1847 гг. в усадьбе некоторое время жил Ян Чечот [570].

В 1830 г. Рафаил из Петербурга, где работал в Министерстве внутренних дел, вернулся в Вольно, женился и полностью отдался любимому делу. Кроме скульптуры прославился как мастер медальонов и барельефов родственников (Яна и Анелии, Владислава, Люциана, Бронислава Слизней), известных деятелей культуры Беларуси: Генриха Ржевуского, Евстафия и Константина Тышкевичей, Михаила Ромера, Эдварда Одинца, Томаша Зана и др. Рафаил дружил с семьей Верещако и бывал в Тугановичах. В штамбухе Марыли нарисовал ее мать Франтишку (из Анцут) и брата Михаила [759]. Собрал коллекцию картин, фарфора. В 1881 г. (20 мая) Рафаила не стало. Вся Литва скорбила о человеке «возвышенных идеалов». «Дай, Боже, больше таких людей краю, а ему покой вечный», — писал Александр Ельский [665]. Покоится в родовой каплице в Любаве около Вильнюса.

Частично уцелела официна, одноэтажное каменное здание (26×13 м) с несимметричными гранеными эркерами на фасадах, которое после ремонта и достройки (1997) используется под контору экспериментальной базы «Вольно-Черниховo» Академии аграрных наук. Сохранилось кирпичное оштукатуренное, квадратное в плане сооружение высотой около метра, составляющее, видимо, нижнюю часть бывшей каплички. Партер с подъездным кругом утрачен. Часть парка за ним перепланирована в связи с сооружением в 1983 г. обелиска, увековечивающего память 182 земляков, погибших в годы войны.

За усадебным домом, по большому слегка вытянутому пересеченному почти сплошным массивом склону, расположен парк. Он постепенно спускается к пойме реки, в прошлом открытой парковой территории с тремя водоемами. Парк пейзажный, заложен или скорее перепланирован одновременно с перестройкой старого усадебного дома. Древостой представлен деревьями разного возраста и состава. Преобладают двухсотлетние и более старые деревья. Фон образует липа мелколистная, встречаются изредка клен, ясень, дуб, береза, одиночно — лиственница, конский каштан и акация белая, а в подлеске — бузина черная. В составе древостоя имелось немало иноземных видов. Около пруда растут мощные тополя канадские 'Serotina'. В парке росли также сосны веймутовы, пихты сибирские. Вблизи одного из памятных валунов росла липа американская 'Macrophylla'.

Деревья достигли возраста спелости и высокой декоративности. Они в большинстве своем почти сомкнулись кронами (проективное покрытие до 70—90 %). Под пологом мало света, отсутствует газон, чем снижается качество насаждений.

В парке имелось несколько аллей, по которым свободно проезжала одноконка. Со временем они частично как-то потерялись в древостое. Одна из них (липовая) проходит по восточной окраине парка, вдоль гребня холма, отделяя парковую территорию от прилегающих огородов (ныне частная застройка). Несколько аллей прослеживается в виде небольших фрагментов, например, закругленная также липовая аллея около большого валуна с высеченными датой (1867) и двумя крестиками. От нее ведет узкая дорожка по прежней почти утерянной аллее на окраину парка к Троицкой церкви, бывшему храму базилиан. Базилиане пользовались поддержкой первых владельцев имения — Криштофа Каминского и его жены Елены из Друцких-Горских. Они фундовали в Вольно еще в 1632 г. храм, возле которого осели базилиане [596]. При монастыре базилиан до 1768 г. Домасловскими была построена униатская Троицкая церковь. В начале XIX в. базилиане организовали при монастыре школу для детей шляхты, в которой позднее, как уже отмечалось, учился Рафаил. Монастырь был зак-

Вольно. Хозяйственное здание. Фото 1999 г.

рыт в 1839 г., а церковь в 1895 г. стала православным храмом. Это один из лучших в Беларуси памятников архитектуры эпохи виленского барокко с некоторыми национальными стилистическими особенностями, выражающимися в наличии, форме и размещению контрфорсов [297]. Храм является величественной доминантой ансамбля со стороны въезда и с разных мест парка, только разросшиеся деревья закрывают на него виды (особенно летом).

Хорошо выражена неширокая (шириной 4 м) кленовая аллея, ведущая в парк вдоль бокового фасада бывшего усадебного дома. Вдоль нее с восточной стороны расположена основная парковая поляна (в прошлом росли плодовые деревья), слегка вогнутая, покрытая геранью луговой и охваченная полукольцом древесного массива (дуб, липа, ясень). С противоположной стороны вдоль аллеи располагалось теплично-парниковое хозяйство. Сохранился старенький дом садовника, рядом с ним — погреб. Несколько ниже стояла невысокая оранжерея с печным обогревом.

Водная система сформирована в пойме Змейки. Центральное положение занимает большой пруд с островом (насыпан в 1848), покрытый ивами ломкими 'Bullata'. По словам местных жителей, ива поселилась на острове естественным путем (заносимые водой с парка вегетативные зачатки укоренялись, давая начало новым особям). На оси с прудом (через дамбу) имелся второй водоем с домиком для лебедей, служивший маточником (на его месте построен склад спиртзавода). Также спущен третий пруд, расположенный на одной оси со вторым.

Питались водоемы водой Змейки, размещаясь в ее излучинах. Небольшая просто устроенная дамба задерживала воду, регулировала ее уровень в системе. При втором режиме (затвор плотины открывался) вода по каналу поступала на мельницу, обеспечивая ее работу. Теперь плотина полуразрушена. Рядом растет более чем вековой, величественный тополь канадский 'Serotina', видимо, свидетель ее строительства.

Водоемы, как и в других усадьбах, имели не только декоративное, но одновременно и утилитарное значение. В них выращивалась рыба. Осенью в дамбе в связи с отловом рыбы устанавливалась решетка, вода спускалась, и рыба собиралась вручную на дне водоема.

Как отмечалось, водная система сильно изменена. Существует только один большой водоем. Он зарыблен. Его поверхность площадью около гектара продолжает оставаться главным элементом паркового ландшафта. Однако впечатление, его значимость стираются загрязненностью прилегающей территории. Разросшиеся вокруг деревья, особенно вдоль берега, закрывают водную гладь, изолируя водоем от парковой среды. Растительный покров острова превратился в сплошные неухоженные заросли, в его составе декоративностью выделяются доминирующие ивы ломкие 'Bullata' с плотными куполообразными кронами.

В 1830 г. около водной системы была построена винокурня; в 1870 г. здание расширяется пристройкой боковых объемов. Территория предприятия (завод концентрированных соков) в последнее время значительно увеличилась в ущерб прежней композиции усадьбы. Имелась также лесопильная рама.

К заводу примыкают сохранившиеся постройки бывшего хозяйственного двора. Некоторые из них проектировал Рафаил. Двухэтажный двухкамерный амбар сложен из бруса (18×10 м). Имел, видимо, каменный фасад, подобно известному амбару в Великой Липе Несвижского района. Теперь фасад заменен кладкой из силикатного кирпича с сохранением декоративных прежних псевдоготических элементов. Конюш-

ня (или гумно) — Т-образное в плане здание (18Ч7,5 м) с высокой крышей с заломами сложено из кругляка с мощными (шириной 80 см) кирпичными оштукатуренными столбами. Остальные многочисленные хозяйственные постройки не сохранились. Часть их сгорела в годы последней войны. Не стало четырех жилых флигелей для рабочих на 25 квартир.

Слизни выделялись умелым хозяйствованием. Занимались разведением рыбы, производством спирта, выращиванием скота. Брага зимой в замороженном виде (ее собирали в специальные ямы для замораживания) поступала в кормоцех. В имении работали три водяные мельницы. Для обработки полевой земли содержали 18 пар рабочих лошадей и имели пару выездных. Основным видом транспорта владельцев перед войной стал автомобиль.

Усадьба имела простую, но несколько необычную ограду. По форме она напоминала заостренный штакетник, но была изготовлена из толстой (шестимиллиметровой) проволоки.

Усадьба Слизней выделяется компактностью, экзотичностью рельефа. Сохранилась примерно в прежних границах, хорошо приспособлена для современных нужд. Является усадьбой экспериментальной базы. Стеснена застройкой. Парк нуждается в квалифицированных ландшафтных рубках и общем благоустройстве.

Бартники

Имением владели три поколения Каминских: Криштоф, Самуэль, Юзофат. От Юзофата в 1711 г. перешло Домасловским, а от них Слизням [430]. В родословной Слизней именуются вотчинным имением Яна, сына Иосифа [189]. После его владельцем стал сын Владислав. В 1914 г. принадлежали Ивану и Вольдемару.

Усадьба располагалась на живописно рассеченном рельефе около деревни. Была заложена Яном Слизнем, хорунжим Новогрудского уезда для сына Владислава, служащего Гродненской гражданской палаты. Включала деревянный дом из 6 комнат, флигель, гонтом крытые, сарай, скотный двор, конюшню, винокурню и корчму. В усадьбе во время летних каникул жили приятели молодых Слизней. Среди них был Томаш Зан и, видимо, Адам Мицкевич. После суда над филаретами здесь собирались деньги для оказания им помощи. В 1841 г. по возвращении из ссылки (из Уфы) в усадьбе жил Ян Чечот, затем в 1844 г. он опять вернулся в Бартники [683]. Теплые воспоминания об усадьбе оставил Игнатий Домейко, который в августе 1884 г. во время своего визита из Чили в Беларусь посетил Слизней, с которыми состоял в родственных отношениях. Его брат Адам был женат на Юзефе, дочери Яна Слизня. Затем в воспоминаниях изгнанника («Возвращение с Чили в Европу в 1884 г.») он вспоминал этот августовский день: «... вокруг новый парк, газоны, цветочные клумбы, извилистые дорожки, как во французских садах. В новом доме сердечно принял меня хозяин, самый младший из сыновей пана хорунжего; его, хозяина, я помню еще ребенком. Теперь он — заслуженный офицер российского морского флота, уже состарившийся, больной. С ним на крыльцо вышел также Оттон Слизень, мой виленский товарищ, филарет, поседевший уже, грустный ...»; «все здесь изменилось... На обеде пили мы старый мед, доброе венгерское, обнимались, вспоминая прошлые времена. После обеда пошел я ... до близкого гая на возвышении, где ... когда-то здесь сердечно принимали Томаша Зана, приятеля дома, бывшего виленского гувернера молодых Слизней, как приятно веселились. Был здесь и маленький театр, пелись филаретские песни, Чечот и Зан декламировали свои и Мицкевича стихотворения» [327].

Усадьба утрачена. Сохранились небольшие фрагменты насаждений.

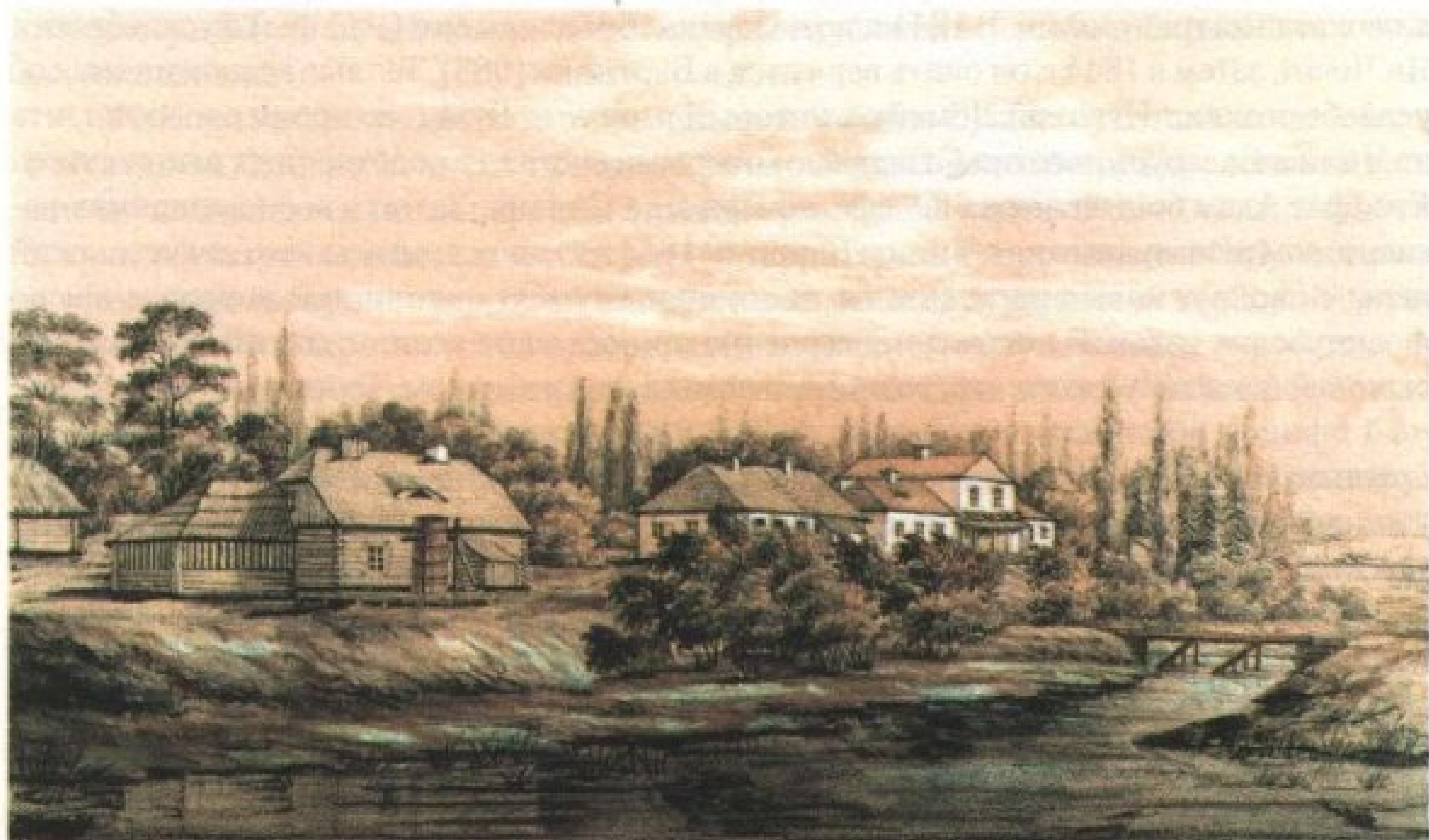
Петровичи

Петровичи. Усадьба. Вид с восточной стороны. С акварели Наполеона Орды. 1870 г.

Принадлежали Богушевичам, затем Пищалам. В 1567 г. жена А. Пищалы «ставила 2 коня и 1 пехотинца» [428]. Согласно продажному листу за 1580 г., от Томилы Мацковны Завиши Петровичи перешли Ивану Здитовскому [500]. По данным Инвентаря, в 1741 г. отошли Дзеконским. В 1855 г. владельцем был Ян. В 1868 г. усадьба принадлежала Альбину, маршалку Кобринского уезда, женатому на Ядвиге из Ожешко. Он, судя по одной докладной записке генерал-адъютанту А.Л. Потапову, видимо, как участник восстания, не имел права на свободный выезд из имения. Его с фольварком Полубочек затем унаследовал старший сын, также Альбин (1892–1939), женатый на Софье Малинской, дочери виленского адвоката Максимилиана. Ему принадлежало также большое имение в Могилевцах, перешедшее от Казимира Дзеконского. В 1939 г. Альбин был арестован и вывезен в Минск. Софья с дочерью Марией смогла выехать в Варшаву.

Усадьба заложена Дзеконскими в 1830-е г. на живописной террасе Мухавца. Парадный двор с усадебным домом и официной располагались на берегу Старицы, имеющей связь с рекой и умело включенной в усадебную композицию. Представление об усадьбе, усадебном доме дают рисунки Н. Орды, посетившего Петровичи в 1870 г., и одна из фотографий 1920 г. [596].

Деревянный одноэтажный дом имел центральный двухэтажный объем. Центральная часть его парадного фасада была выделена четырехколонным портиком, который завершался треугольным фронтоном. На тыльном фасаде на уровне второго этажа имелась терраса, которая покоилась на шести попарно сближенных колоннах. С террасы открывалась живописная панорама на пойму Мухавца. Позднее, судя по фотографии 1920 г., парадный фасад претерпел значительные изменения в связи с пристройкой веранды по высоте центрального объема, завершенной треугольным фронтонам.



Петровичи. Усадьба. Вид с западной стороны. С акварели Наполеона Орды. 1870 г.

Симметрично по углам располагались верандочки. Двухскатные крыши сооружений опирались на пары колонн, которые, гармонируя с колоннами портика главного фасада, придавали зданию весьма живописный вид. На их фронтонах имелись слова, служащие семейными правилами. На одном — «Festino lente» («Спешите медленно»), на втором — «Medium tutissime ibis» («Выбирай золотую середину»). На центральном фронтоне имелся вырезанный из дерева родовой герб «Korab odmienny» [596]. В связи со своеобразием рельефа официна располагалась со стороны, на одной оси с усадебным домом. Обветшалое и несколько измененное здание сохранилось, а далее, на этой же оси, стоял двухэтажный амбар с галереями. В доме имелось 20 комнат с кафельными белыми печами, обставленных мебелью второй половины XIX в., хранились семейные портреты, несколько картин неизвестных авторов, картина Ю. Суходольского и некоторые другие художественные ценности.

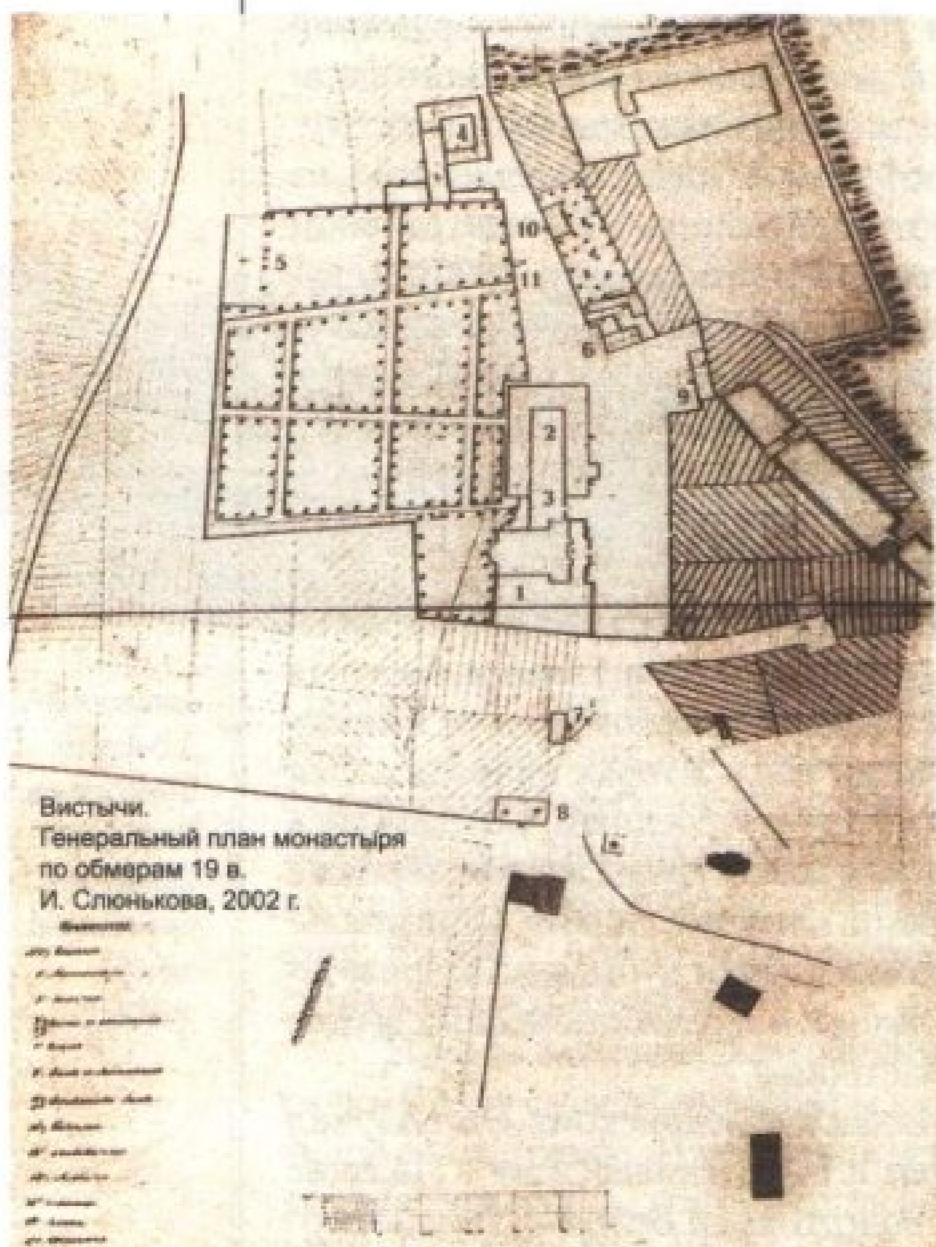
Перед парадным партером располагался пейзажный парк, сформированный на основе естественного массива, через который к дому вели две аллеи. Главная въездная аллея из граба частично сохранилась. Она идет со стороны брестского тракта. Разросшиеся деревья сомкнулись кронами, образуя зеленый свод. Вторая липовая аллея шириной 8 м связывала усадьбу с полями. Парк оказался застроенным. Сохранились разрозненные фрагменты древостоя, в составе которых доминируют величественные деревья дуба, небольшие поляны с одиночными дубами, кленами, липами. Оригинальную беседку (до 12 м в поперечнике) с зеленым сводом образуют дубы, высаженные по кругу (клумбой). Давно не стало тополей черных 'Italica' и других иноземных видов, которые окружали дом. Его место заняла частная застройка.

С усадьбой связана жизнь поэта Альбина Михаила Дзеконского. Он получил хорошее образование: гимназия в Варшаве, а затем в Риге; университет в Лозанне (факультет романистики), сельскохозяйственная подготовка в Бельгии. В годы первой мировой войны был штабным офицером. После 1921 г. вернулся в имение с женой Софьей Малинской. Дом стал местом встреч брестской и жабинковской интеллигенции. Последние годы жизни были наполнены творчеством, давшим серию сборников: «Басни, сатира, лирика» (1926), «Элегия» (1929), «Городские мотивы» (1931), «На запад», «Два голоса» и др. Один из сборников посвящается второму его имению и называется «Зеленые Могилевцы» (1939). Творчество поэта, жизнь которого оборвалась в неизвестной тюрьме после ареста в Петровичах, мало известно, хотя заслуживает внимания [444].

Вистычи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1928 г.

Вистычи

Известны с XV в. как владение Насут герба Равич. Ян Насута, сын Николая, староста берестейский, в 1471 г. фундовал здесь строительство костела. По «кудели» от Насут перешли Яну Юрьевичу Забжезинскому, а от него вновь в виде приданого вместе с Белой стали собственностью маршалка дворного Юрия Ивановича Ильинича, который в 1510 г. получил подтверждение права на владение двумя службами Коростичи, на имение Вистычи и часть имения Шерешево [419]. Дочь Юрия Ядвига стала женой Яна Абрамовича, которому отошла треть имения. Последующими владельцами были Езофовичи. Анна Котовна в 1546 г. во втором браке стала женой Ежи Тышкевича [760]. Ежи Васильевич, воевода берестейский в 1567 г. со своих владений «выставил коней 35, а на ласку



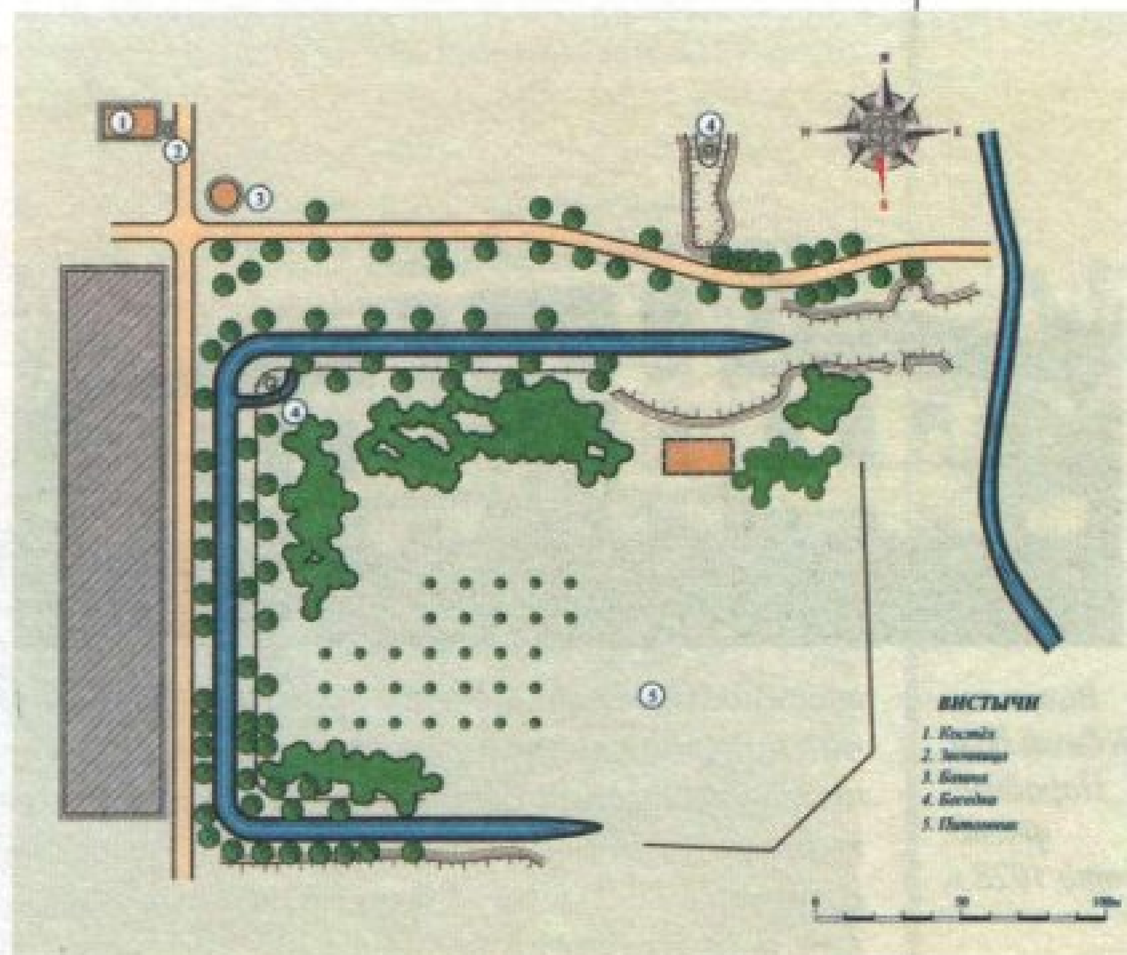
Вистычи. Генеральный план монастыря по обмерам XIX в. И. Слюньковой, 2002 г.

короля его милости — коней 17» [428]. В 1632 г. Вистычи принадлежали Катарине Семашковне Тышкевич [500]. Затем владельцами имения были Евстафий Тышкевич, женатый на Изабелле из Дуниловичей, Богдан Стеткевич, муж их дочери Анны. Видимо, от Тышкевичей Вистычи во второй половине XVIII в. перешли Ягминам.

Особый след в истории Вистычей оставил Евстафий Тышкевич, подкоморий брестский, выделивший в 1678 г. фундуш на строительство в Вистычах мужского монастыря, в который перешли из Бучемля монахи ордена цистерцианцев. В монастырском костеле св. Софьи, который просуществовал до 1832 г., имелась икона чудотворной Божьей Матери. К ней обращался Юлиан Немцевич во время посещения Вистычей (28 июня 1819) с братом Яном, назвав местность «прекрасной страной, через которую извивается река Лесная» [710]. В библиотеке в 1810 г. насчитывалось до тысячи томов книг [619].

Планировочное построение монастыря соответствовало традициям ордена, сочетающим богослужение с земледелием [539]. Монастырь располагался севернее костела. К нему с одной стороны примыкал сад, разбитый в виде боскетов, а перед его парадным фасадом располагались огороды, поля (теперь это частная застройка, усадьба школы). Обращает на себя внимание имеющаяся сложная водная система. Она включала каналы по восточной стороне полей монастыря и каскад регулярных прудов, ориентированных в сторону Лесной.

Новый владелец второй половины XVIII в. Павел Ягмин (1747—1808) являлся известным на Брестчине хозяйственным и государственным деятелем Речи Посполитой, быстро поднимаясь по служебной лестнице, стал комиссаром брестского воеводства, затем хорунжим, с 1794 г. — маршалком кобринским. Пользовался уважением короля Станислава Августа Понятовского, был награжден орденом св. Станислава, исполнял функции вице-администратора королевских владений Брестской экономии, принимал участие в работе сейма и в восстании 1794 г. После раздела Речи Посполитой значительно увеличил свои владения, скупив у графа А.А. Румянцева дарственные наделы Екатерины II [596].



Павел Ягмин не имел наследников, поэтому его обширные владения по тестаменту 1808 г. отошли сы-

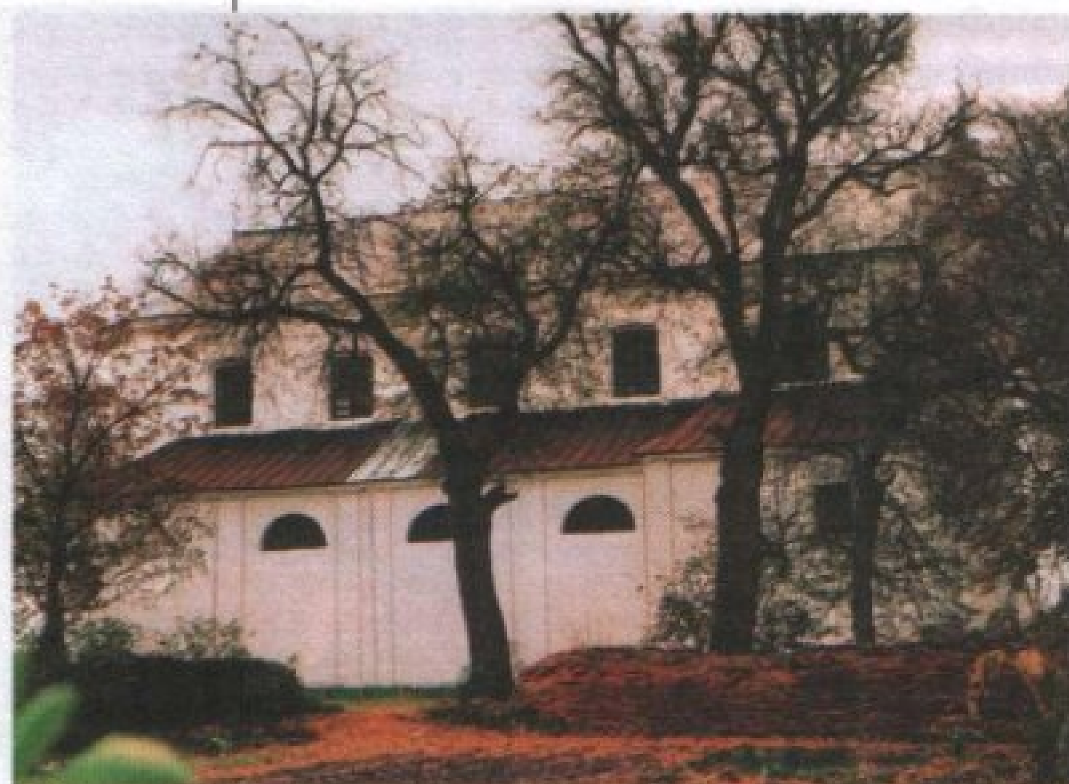
новьям брата Каетана: Павлу, Станиславу и Феликсу. Феликс, штаб-ротмистр лейб-уланского Курляндского полка, воевал в годы Крымской войны, в годы восстания был начальником конного разъезда Кобринского отряда Р. Траугутта [303]. Владельцем Вистычей стал Павел (1794—1865). Он был также известен своей активной деятельностью, являясь маршалком шляхты Брестского повета, почетным куратором школ вместе с Каликстом Ожешко из Закозеля. Царь Александр II наградил Павла орденом св. Анны. Согласно семейному преданию, царь гостил однажды в усадьбе и при этом подарил Павлу крест, украшенный восемнадцатью бриллиантами с пожеланием, чтобы они в будущем были использованы для изготовления обручальных колец его детей. В семье Павла было восемнадцать детей, из них взрослыми стали только два сына и четыре дочери. Наследником стал сын Станислав (1841—1914). Площадь его земельных угодий в 1890 г. составляла 582 десятины. Каликсту Ягмину отошли Черни [546]. Перед первой мировой войной Станислав продал Вистычи Фелиции из Кербедзов-Тышкевичей. Усадьба была разрушена войной 1914 г., имение распарцеллировано [596].

Вистычи. Фрагмент древостоя вдоль бывшей водной системы. Фото 2002 г.

Усадьбу заложил Павел Каетанович около 1840 г. на слегка приподнятой территории (схема). Центром композиции стал усадебный дом, компактное каменное здание с мансардным этажом на высоком цоколе, построенный по проекту архитектора Франтишка Ящолда. Фасады здания были выделены идентичными четырехколонными тосканскими портиками, которые завершались ступенчатыми аттиками. Портик парадной стороны имел террасу с выходом на мансардный этаж. Крыша здания была низкой трехскатной, в центральной двухэтажной части — двухскатной, декор фасадов весьма скромный.

Дом Ягминов имел очень большой зал, который занимал всю центральную часть здания, освещался с парадной и парковой сторон высокими окнами — порте-фенетрами. Зал вверху опоясывал узкий пояс лепнины, центральную часть потолка занимала розетка с большой люстрой. Украшением зала был также живописно скомпонованный

Вистычи. Фрагмент парка. Фото 2002 г.

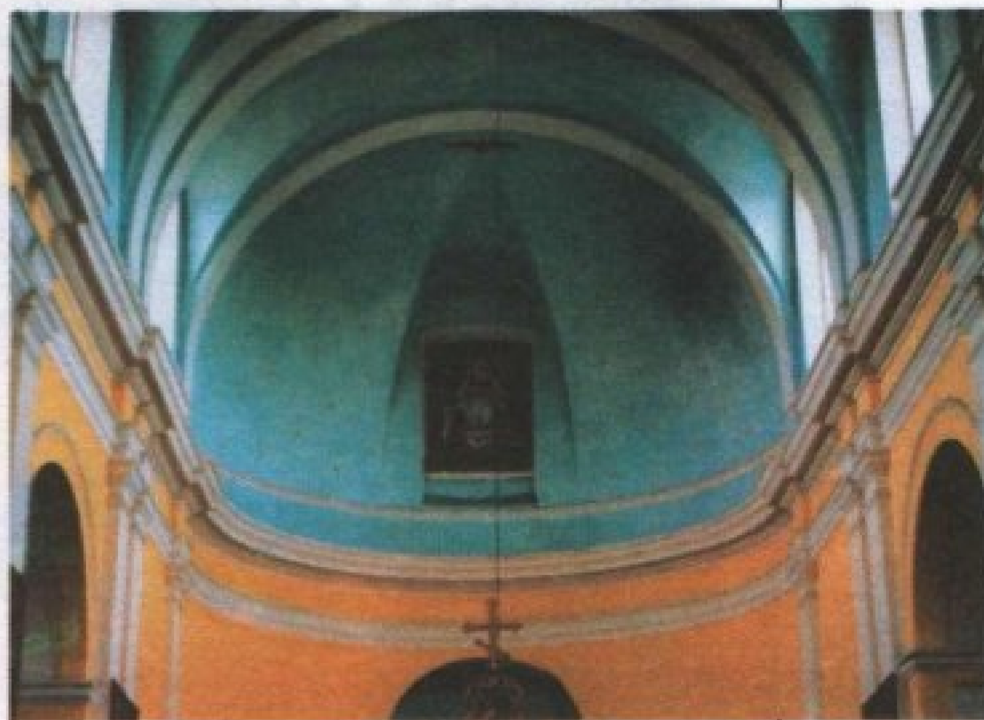


Вистычи. Костел. Боковой фасад. Фото 2002 г.

паркет. Особую роль в больших других залах дома играли кафельные печи. Они были цилиндрическими или плоскими прямоугольными и частично встроенными в стены помещений. Кроме того, кафель был покрыт геометрическим, цветочным или растительным орнаментом. Большими размерами, живописным орнаментом и карнизом со стилизованными цветочными мотивами выделялась в одном из помещений печь-камин. После разрушения дома печи, как художественные ценности, были перевезены в Национальный музей в Варшаве [596].

К усадебному дому с южной стороны примыкал небольшой пейзажный парк, заложенный по проекту Франтишка Ящолда, который работал также в соседних Ковердяках (усадебный дом, парк) [694]. Своеобразие планировки парка определялось оригинальной водной системой, устроенной в духе регулярных заложений времени барокко. Она представлена хорошо выраженным П-образным в плане каналом (170×70 м), который с трех сторон окружает парк, подходя северным крылом к парадному партеру. Канал без воды, но в глубоких (до 3 м), хорошо очерченных берегах, его ширина до 12 м, ширина русла 6 м. Склоны местами поросли бузиной черной, бересклетом. В годы последней войны в его стенах делали углубления для укрытия от неприятеля. С внешней стороны вдоль канала тянется ряд липы. Отдельные деревья растут кустом, по два—три ствола. Углы канала плавно закругляются. Северный угол имеет маленький полуостров с насыпным видовым холмом. По внутренней стороне вдоль канала тянется вал, обсаженный вдоль также липой. Деревья крупные, старые, многие суховершинят. По валу проходил прогулочный маршрут с видами на парк, заметно заниженный, с расстроенным древостоем и плодовыми деревьями более позднего времени. От старого древостоя сохранилась лиственница европейская, поросль белой акации, заросли бузины черной. В глубине парка стоял небольшой гостиный павильон с высокой четырехскатной крышей, который назывался «мурованкой».

С восточной стороны усадьбы водная система нарушена, что не позволяет достоверно проследить путь воды в канал из реки. Ближе к ней частично прослеживается сложная водная система, включающая каналы, протоки, водоемы. Видимо, это и есть фрагменты монастырской водной системы XVII в., которая послужила основой для формирования новой системы при создании усадьбы Ягминов. Хорошо выражены три водоема средней величины, образующие каскад, из которых вода по большому каналу поступала в реку. Вдоль берегов канала и водоемов получил развитие почти сомкнутый древостой из ивы ломкой, ясеня, черемухи, ольхи. Водная система нарушена строительством новой шоссейной дороги. С южной стороны к ней примыкает территория устроенного в последнее время водозабора.



Вистычи. Интерьер костела. Фото 2002 г.

Небольшой фрагмент бывшей водной системы с островом прослеживается с се-

верной стороны новой дороги, примерно на одной оси с усадебным домом (за автобусной остановкой). Представляет собой широкое оврагообразное понижение, поросшее ольхой, в конце которого на острове стояла беседка. Остров выражен частично. Покрыт молодыми деревьями клена и ясеня. Дальше на берегу водоема стояла мельница.

Въезд в усадьбу с этой (восточной) стороны шел по еловой аллее и был оформлен железной брамой, перед которой лежал большой валун (примерно на этом месте теперь въезд в современный плодовый питомник). Со стороны усадьбы браму декорировали конские каштаны, высаженные с двух сторон вдоль плавно изгибающихся линий, ведущих к пилонам. С одной стороны сохранилось четыре дерева с размахом кроны до 18 м.

Все усадебные сооружения утрачены. Не сохранилась на местном католическом кладбище фамильная каплица Ягминов, построенная позднее усадебного дома в формах необарокко. Сооружение центрическое в плане, восьмигранное, завершенное куполообразной крышей и декорированное пилястрами. По мнению старожилов, каплица подземным ходом, часть которого они проходили, соединялась с костелом, построенным, видимо, на месте старого храма Тышкевичей после пожара 1748 г.

Вистычи. Башня. Фото 2002 г.

С 1866 г. после капитального ремонта большой католический храм служит православной Крестовоздвиженской церковью. Трехнефовая базилика с полукруглой апсидой и боковыми помещениями (сакристиями), выступающими за пределы боковых нефов, построена в формах барокко. Вход оформлен в виде арочного портала, симметрично которому расположены мощные парные полуколонны тосканского ордера, переходящие в более стройные полуколонны верхнего яруса, завершенного аттиковым фронтоном с волютами. В декоративном оформлении стен использованы также профилированные тяги, плоские ниши разных форм, спаренные пилястры, обогащающие пластику боковых фасадов. Интерьер храма с цилиндрическими сводами на распалубках разделяется двумя рядами мощных пилонов, образующих монументальные аркады, завершенные опоясывающим антаблементом, которые воспринимают нагрузку стен. Памятник сочетает некоторые черты итальянского барокко с монументальностью и простотой, характерной особенностью белорусского зодчества [392].

Вблизи костела, на перекрестке дорог, в центре бывшей усадьбы на высоком цоколе с неглубокими нишами возвышается живописная колонна, завершением которой служила скульптура Божьей Матери. Колонна отреставрирована, скульптура утрачена. В восстановлении нуждается также величественный канал, редкий образец регулярных парковых планировок в Беларуси с линейными посадками липы. Объекты имеют культурно-историческое и композиционное значение в планировке современной деревни.

Вистычи. Бузина черная. Фото 2004 г.

Юголин

Юголин. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1939 г.

Известен с XVI в. Имение именовалось Наталин, Иогалин. В первой половине XIX в. принадлежало Владиславу Юндзиллу, женатому на Богулине Суходольской, правнуку Ежи Юндзилла, положившему начало младшей линии первой ветви рода [484]. По наследству перешло сыну Францу (родился в 1825 в Сохалине около Слонима), который в 1858 г. в чине ротмистра оставил службу в царской армии. Его дом в Гродно стал местом сбора будущих участников восстания. Франц стал военным начальником Слонимского уезда и командиром отряда, который формируется около Юголина в урочище Старинки. После поражения восстания имение было конфисковано. Франц сумел переехать в Краков, где стал комендантом города. В 1864 г. он назначен организатором Краковского военного округа, оказывает помощь повстанцам, получает чин полковника [268]. В этом же году выехал во Францию, в 1865 г. умер в парижском госпитале [484].

Имение, перешедшее в казну в конце XIX в., приобрел Иван Воронцов-Вельяминов, представитель древнейшего русского рода, предки которого были в окружении Ивана Калиты, принимали участие в Куликовской битве, положившей конец татарскому игу. В XVI в. Вельяминовы, по свидетельству С.Б. Веселовского [288], «занимали в боярской среде придворной знати первые места, возвышаясь над всеми боярскими родами». И хотя в последующие два столетия роль воронцовского рода в государственных делах постепенно ослабела, все-таки он за заслуги перед российской историей в XVIII в. был вписан в «Государев Родословец», а в XIX в. — в знаменитую «Бархатную книгу». В 1990 г. в Москве при музее «Бородинская панорама» состоялся семинар, посвященный тысячелетней истории рода [410].

Юголин. Фрагмент усадьбы. Фото 1999 г.

В 1881 г. женой Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова, который служил в полку Александра Александровича Пушкина, стала его дочь Наталья. Ее сестра Мария стала женой Н.В. Быкова, офицера этого же гусарского полка, племянника Н.В. Гоголя. Через некоторое время Павел Александрович, «человек чести, доброго сердца и высоконравственного благородства» подал в отставку и уехал с женой в большое имение своей матери Вавуличи (д. Дубровка, Бобруйский район). Имение перешло в собственность рода Феншау. В 1890 г. владение Константина Феншау составляло 4931 десятину [546].

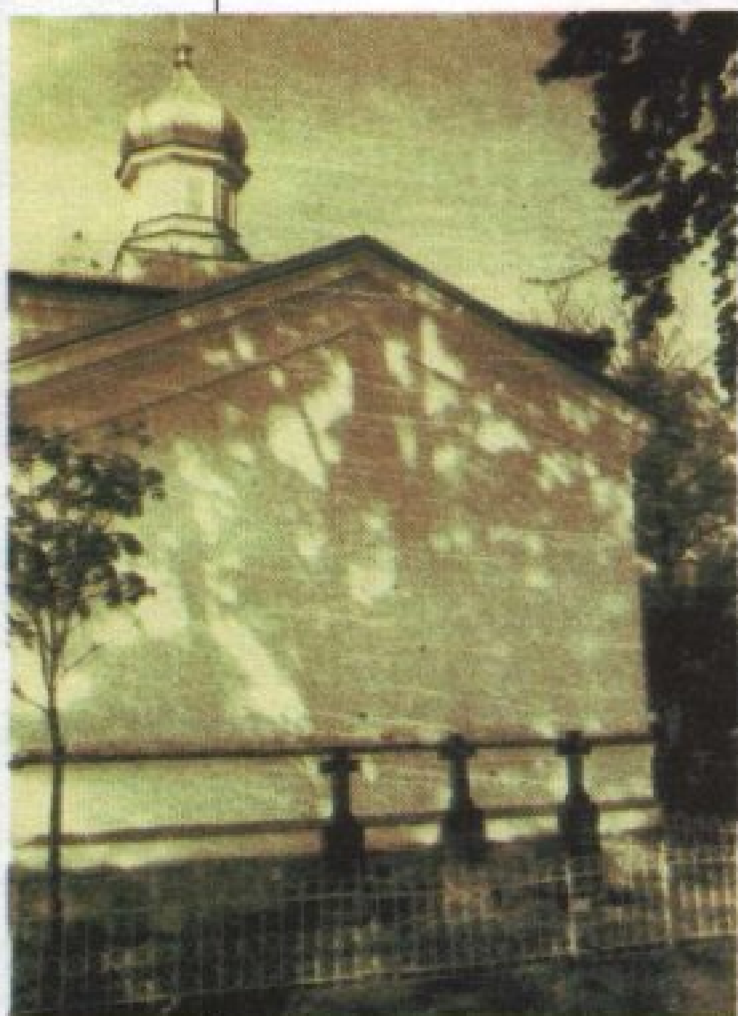
Юголин. Фрагмент аллеи. Фото 1999 г.

Воронцовы-Вельяминовы имели шестерых детей и положили начало белорусской ветви потомков А.С. Пушкина. Их внучка Наталья Евгеньевна Клименко вышла замуж за Владимира Ивановича Воронцова-Вельяминова, родственника своего дедушки Павла Аркадьевича и жила в имении до осени 1939 г. Весной 1940 г. Наталья Евгеньевна вместе с детьми (Георгием и Верой) была выслана в Казахстан. Муж Владимир Иванович, арестованный в имении в 1939 г., умер в тюрьме г. Минска в 1940 г. Георгий живет в Иркутске, Вера — в Тбилиси [410].

Усадьба Воронцовых-Вельяминовых сохранилась в виде незначительных фрагментов, которые позволяют только в общих чертах проследить ее построение. Занимала ровное место и широкой (12 м) въездной аллеей, которая выводила на д. Добромысль, разделялась на две части: хозяйственную и парадную. Аллея частично прослеживается, в ней растут двухсотлетние дубы, клены, ясени, свидетельствующие о возрасте самой усадьбы. Она, видимо, была заложена не позднее начала XIX в.

Небольшой деревянный одноэтажный усадебный дом с четырехскатной крышей и люкарнами был смещен с главной оси и стоял в окружении парка. Его местоположение в виде бугра заметно. В парке построено здание местной школы. От него сохранился только небольшой фрагмент с качественным древостоем (дуб, клен, липа, ель, ясень) одного возраста с деревьями во въездной аллее. Размерами выделяются липы. Выпадают из состава древостоя последние ели. Насаждение спланировано в виде школьного сквера.

Добромысль. Захоронение Воронцовых-Вельяминовых. Фото 1999 г.



Часть парка сохранилась в виде небольшого массива (0,5 га). Доминирует ясень, изредка клен, одиночно конский каштан. В центре массива прослеживается древесная клумба в форме овала с липами (3 экз.), кленами (4 экз.), дубом и грабом. Деревья старые, высокой декоративности, с высоко поднятыми асимметричными кронами.

К парку примыкал сад. Вдоль него липовая аллея вела к водной системе. Аллея узкая, протяженностью до 130 м. Водная система охватывала усадьбу с юго-западной стороны. Три небольших водоема питались родником, расположенным в соседнем лесу, из которого вытекал водоток. В связи с прокладкой канала водоемы утрачены. Канал завершался небольшим, но живописным водоемом у дороги, которая, как отмечалось, проходит по основной планировочной оси усадьбы.

Усадьба горела в первую мировую войну, но уса-

дебный дом был восстановлен. В нем после второй-й мировой войны размещался детский дом. Кроме сыроварни, здания усадьбы утрачены. Возле церкви в д. Добромысль, которая принадлежала имению, похоронены рано ушедшие из жизни Воронцовы-Вельяминовы: Алексей (1906–1910), Александр (1885–1896), Николай (1891–1898) и полковник Иван Воронцов-Вельяминов.

Фрагменты усадьбы имеют мемориальное значение. Принадлежат школе.

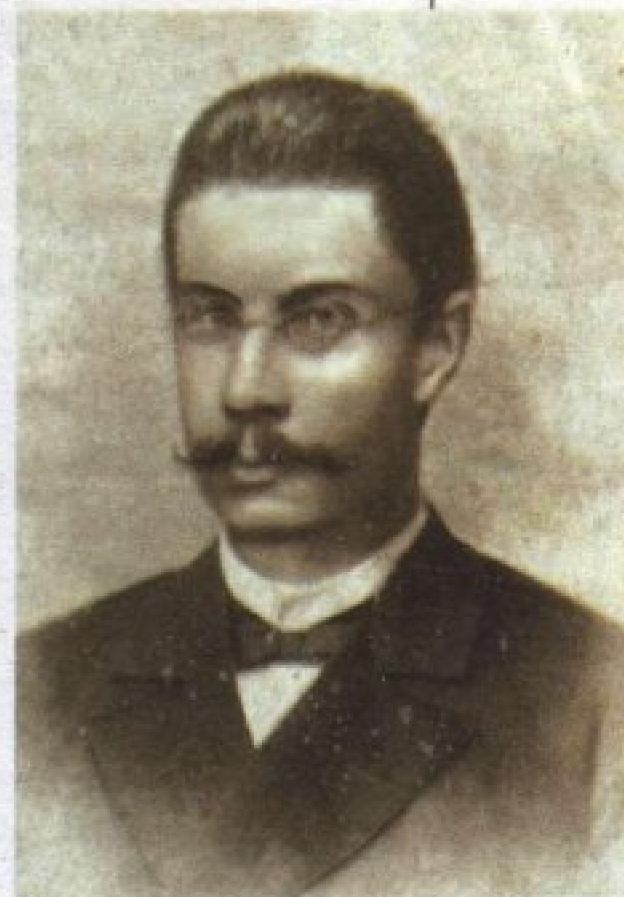
Шостаково. Фрагмент усадебной ограды. Фото 2003 г.

Шостаково

В начале XIX в. имение принадлежало Павлу Гофмейстору. Арендовал его Людвиг Траугутт (умер в 1848), женатый на Алоизе Блоцкой, обедневший шляхтич. В семье Людвига 4 января 1826 г. родился Ромуальд, будущий повстанец. По наследству Шостаково перешло Аполлинарию, сыну Павла.

Аполлинарий (1825–1890) будучи студентом Берлинского университета, стал членом польской патриотической организации в Брестском уезде, поддерживал связи с Тарасом Шевченко, являлся одним из руководителей Брестского заговора 1846 г. Шостаково было местом конспиративных встреч шляхты, которая готовила восстание. Вел нелегальную пропаганду в Литве, где в 1848 г. был арестован, подвергся гражданскому наказанию и ссылке в г. Орск. Привязанный к позорному столбу в Вильно, он закончил свое обращение к народу словами: «Пусть живет Польша! Пусть живет свобода!».

В конце 1850-х г. Аполлинарий вернулся из ссылки в имение, занимался сельским хозяйством, открыл школу для крестьянских детей. В 1863 г. стал повстанческим начальником Брестского воеводства, поддерживал связи с Р. Траугуттом, которого знал с детства. В 1864 г. был вторично арестован и сослан на каторгу. Умер в 1890 г. [361]. Перед последней войной имение принадлежало Стелецким [775].



Ромуальд Траугутт

Сведений об усадьбе очень мало. Усадебный дом известен по фотографии 1927 г. [732] Это было небольшое одноэтажное здание, построенное в формах народного деревянного зодчества, с крыльцом на двух колоннах и белыми ставнями. Дом стоял в окружении парка, который почти сохранился в прежних границах, занимая около 6 га. К небольшому парадному партеру с южной стороны вела неширокая аллея. Перед домом (от него остались руины фундамента) на парковом партере в 1920-е гг. был установлен гранитный валун в память о Ромуальде. Сваленный памятный камень, покрывшийся лишайниками, лежит на небольшом возвышении. На месте утраченной мраморной доски со словами о герое в 2003 г. установлена новая.

Парк занимает ровное, слегка пониженное место. Расположен уединенно, за деревней, между двумя дорогами, одна из которых служит дамбой современного водохранилища. Оно построено на прежнем заболоченном массиве, который пересекался небольшим водотоком. К нему примыкал сад. Парк имел

традиционное построение. Небольшие поляны чередовались с древесными массивами. Хорошо выражена поляна, окружавшая парковый партер, подбитая по периметру снежноягодником белым, рябинником, спиреей, сиренью. Вторая поляна (70×35 м), охваченная наступающими кустарниками, расположена в юго-западной части парка. На месте бывших древесных массивов в западной части парка развились сплошные заросли из подлеска (в основном лещины) и подроста деревьев. Напочвенный покров не выражен. В разных местах хорошо возобновилась порослевым путем липа, образуя многоствольные кусты. В первом ярусе из старых деревьев доминирует белая акация. В виде одиночных кустов на опушках растут роза колючейшая и мягкая.

Шостаково. Памятный валун. Фото 2003 г.

В северной части парка среди деревьев стояла каплица — большое деревянное сооружение. В последнее время она служила церковью, затем оказалась заброшенной. Вокруг каплицы, кроме старых белых акаций, растут конские каштаны, ясени, одиночная ель. В прошлом они образовывали определенный рисунок (видимо, были посажены в виде овальных клумб). В западной части парка сохранились руины фундамента ограды из валунов и бута. От бывшей подъездной аллеи, которая вела в усадьбу с восточной стороны, остались единичные вязы.

Парк заброшен. Заслуживает первоочередного благоустройства как мемориальный объект, связанный с именами Ромуальда и Аполлинария.

Островье
(д. Остров)

Кобрин. Усадебный дом. Фото 1978 г.

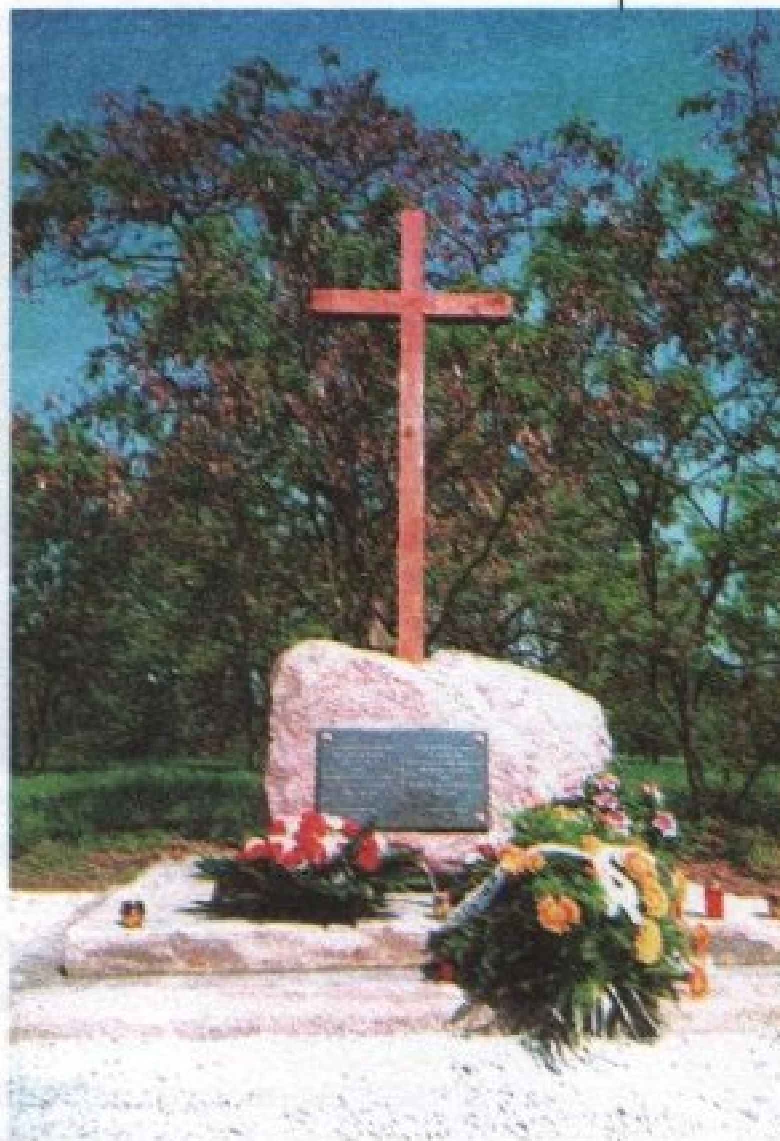
Принадлежало Шуйским. В первой половине XIX в. имением владел Виталий (Виталис) Шуйский, брат Юстины Блоцкой, матери Ромуальда Траугутта. Род Траугуттов берет начало из Саксонии. В первой половине XVIII в. прадед Ромуальда переселился в Беларусь. Дед Ромуальда Якуб, участник восстания 1794 г., пользовался уважением Тадеуша Костюшко, но утратил свои владения [269]. Людвиг, отец Ромуальда, женатый на Алоизе Блоцкой, не имея владений, арендовал Шостаково. В 1861 г. имение перешло по наследству племяннику, крестному В. Шуйского — Ромуальду Траугутту.

Ромуальд после окончания Свислочской гимназии становится офицером, принимает участие в Крымской войне, руководит саперными работами, затем работает в

Островье. Фрагмент парка. Фото 2001 г.

корпусе военных инженеров в Петербурге, посещает лекции в университете, увлекается физикой, занимается разработкой проблем взрыва мин на расстоянии и повышения напряжения электрического тока [531]. Возводит мосты, насыпает дороги [646]. В 1862 г. он в чине подполковника русской армии выходит в отставку и с двумя малолетними дочерьми переезжает в Островье. Переезжает осиротевший, потеряв за 2 года дочь, сына, бабушку Юстину, которая в связи со смертью матери с двухлетнего возраста воспитывала и растила его, и жену Анну Пикель (в 1859), с которой прожил семь лет.

Новый период жизни Ромуальда, женившегося вторично на Антонине Костюшко из Клопоцина, троюродной племяннице Тадеуша Костюшко, в небольшом тихом полесском имении длился недолго. Кратковременный покой сменился тревожным и тяжелым 1863 годом. Последовала просьба принять командование повстанческими отрядами Кобринского, Пружанского и Брестского уездов. Согласие дал не сразу. Ромуальд как бывший военный — участник боевых действий в Венгрии в 1849 г., в 1853 г. — в Дунайском княжестве, затем в Крымской войне (1853—1856), хорошо понимал ситуацию и как позднее отметил: «... я не советовал поднимать восстание ..., видел всю сложность борьбы без армии и вооружения с государством, известным своей военной мощью ...». Взвесив все препятствия, как общего, так и личного порядка, он рекомендовал отменить решение о начале восстания. Однако осуществить это было уже невозможно. Ромуальд принял просьбу и, распрощавшись с семьей, оставил Островье. Численность его отряда составляла всего 160 человек «из шляхты, чиновников, небольшого числа помещичьих служащих и крестьян» [269].



Островье. Памятный знак на месте усадьбы. Фото 2003 г.

В больших трудностях в борьбе с превосходящими силами царских войск проходил полесский поход повстанцев. Тринадцатого июля Ромуальд распустил повстанцев, обессилевших от боев, голода и малярии. Сам командир с трудом передвигался. Его вели под руки. Убежищем стало не Островье, а Людвиново, где, немного окрепнув, он с помощью мужественной Элизы Ожешко добирается до Бреста, а затем с группой в двадцать человек — до Варшавы. Второго августа национальное повстанческое правительство присвоило ему звание генерала. Затем последовал Париж, последние трудные шесть месяцев руководства уже обреченным восстанием, арест и тюрьма. Он никого не выдал, не отрекся от своих убеждений. Хотел проститься с детьми, женой, но в этой единственной просьбе было отказано. Жизнь героя завершилась мужественной смертью на эшафоте в Варшавской цитадели перед тысячами варшавян. Были сожжены его личные вещи. Вдове вернули фотографии, ее портрет, иконку, часы с це-

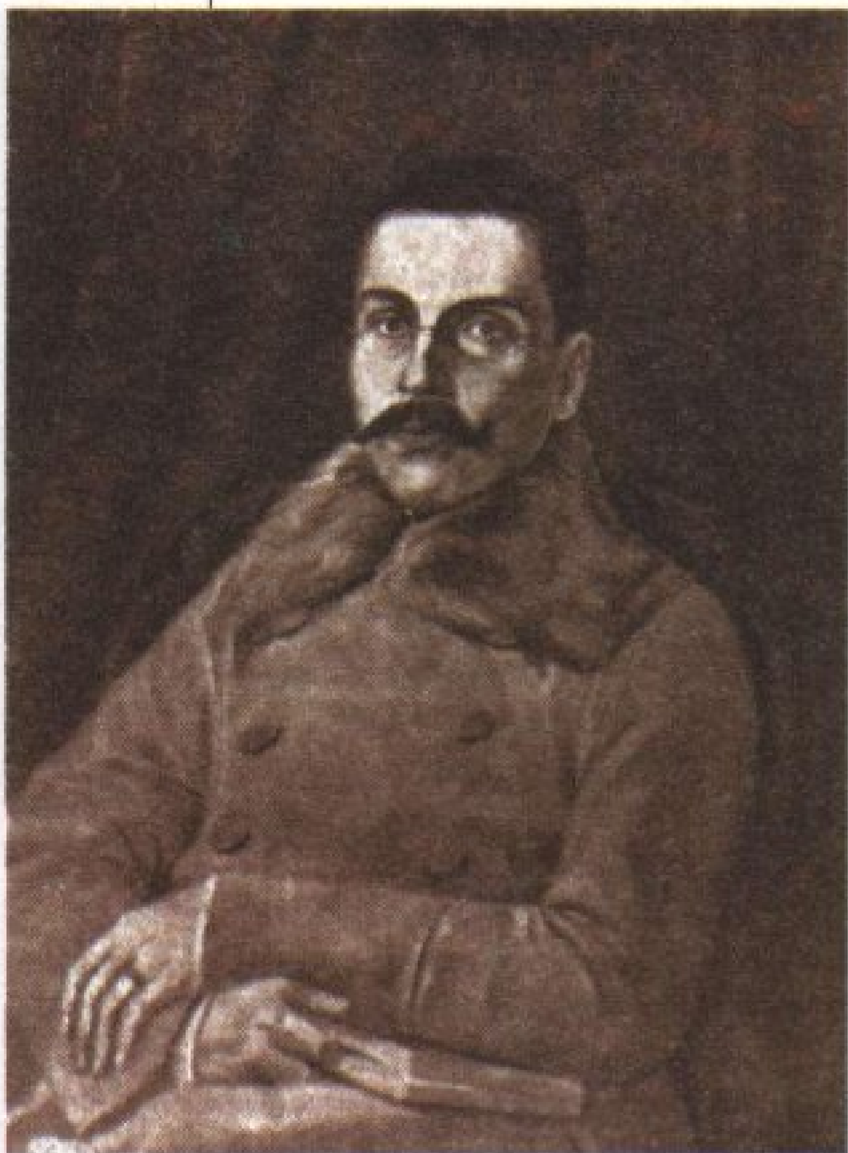
почкой и деньги [726]. В 1916 г. на откосах цитадели был установлен большой крест с терновым венком в память о герое и четырех казненных его товарищах.

После смерти Ромуальда по приказу М.Н. Муравьева строения усадьбы были сожжены. Она занимала высокую, слегка пересеченную террасу р. Осиповка и, несмотря на потери и время, местность по сей день не потеряла своей привлекательности. Деревянный одноэтажный усадебный дом Шуйских стоял на возвышении в глубине усадьбы. Партер был большим, открытым. Его место поросло разнотравьем. К нему со стороны тракта (ныне шоссе Кобрин—Малорита) ведет извилистая подъездная дорога среди кустов сирени и спирей. Вдоль дороги сохранилась группа редкого в Беларуси американского растения сумаха оленерогого (уксусного дерева), долговечность которого обеспечивается отпрысковой способностью.

Алоиза Траугутт

Дом окружал большой парк, заложенный по типу пейзажных парков первой половины XIX в. Широкой, до двухсот метров, полосой он простирается в западном направлении к примыкающему полю. Древостой одичал, поляны покрылись кустарниками и подростом деревьев. Из композиционных элементов сохранился фрагмент липовой беседки из трех очень старых, видимо, с XVIII в. лип. Заросли образует спирея иволистная. Растут одиночные конские каштаны, роза колючейшая. В парке много белой акации и сирени.

В южной части усадьбы еще сравнительно хорошо сохранились элементы водной системы, возможно, времен барокко. Ее составляют каналы большой (150×6 м) с остатками аллеи вдоль берега, который заполнялся водой из реки, и два поперечных. Более длинный из них около парадной части двора заканчивается небольшим округлым (20 м в диаметре) водоемом с родниковым питанием в окружении лип. Между каналами в прошлом, видимо, размещались боскеты. Их кабинеты распаханы и служат огородами. В заболоченной части усадьбы среди ольх, на островке, стояла маленькая капличка с деревянной скульптурой св. Яна под шатровидной гонтовой крышей, опирающейся на четыре столба. Здесь в последний раз помолился Ромуальд перед уходом в повстанческий отряд.



Ромуальд Траугутт. Портрет работы дочери Анны Юшкевич с фотографии

В период между войнами имением владели Бытлевские. Весной 1933 г. в усадьбе отмечалось 70-летие национально-освободительного движения революционеров-демократов в северо-западных губерниях России в присутствии прибывших из Кобрина солдат 83-го полка имени Траугутта с оркестром, гимназистов, школьников и местного населения. На месте усадебного дома устанавливаются большой дубовый крест с невысокой оградой и большой валун с надписью «Ромуальду Траугутту — великому сыну Полесья». Рядом были посажены сосна и береза [553]. К сожалению, все

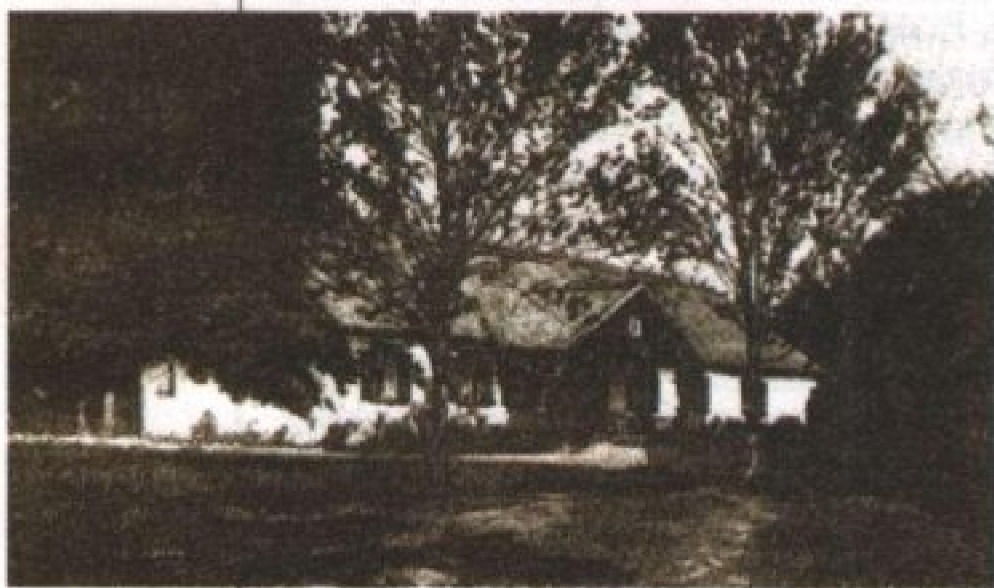
оказалось утерянным. Новый памятный знак в виде валуна с крестом установлен в 2003 г.

Спустя восемь лет после гибели Ромуальда, Антонина Костюшко во втором браке стала женой Франтишка, сына профессора Александра Мицкевича, родного брата поэта. В 1871 г. ему после смерти отца перешло имение Кобринский ключ. Они жили в доме, расположенном в конце Губернской улицы. Одноэтажное здание, построенное в 1794 г. в переходных формах от барокко к классицизму. Здание восстановлено в 1948 г. и до 1989 г. использовалось под военно-исторический музей им. А.В. Суворова. Ныне это дом № 16 по ул. Суворова. За ним сохранилось название «дом Траугутта», хотя Ромуальд в нем не жил. Его дочерей Алоизу и Анну тайно вывезли в Варшаву, где под измененными фамилиями они жили и воспитывались в одном из пансионов, затем учились в Париже в институте польских девиц. Анна вышла замуж за кузена Яна Ромуальда Корвин-Юшкевича и стала жить в фольварке Белая около Березы, принадлежавшем сестре отца. Алоиза Трау (такой стала ее фамилия) жила в Варшаве, работала переводчиком, имела незаурядные артистические и музыкальные способности. Стала прообразом героини одной из новелл Элизы Ожешко. Посещала Кобрин, где жили Антонина с Франтишком. В доме имелась памятная комната, в которой хранилось письмо Ромуальда из каземата — потрясающий монолог человека перед казнью, а также ответное письмо жены Антонины, которое после казни вернулось адресату. Затем реликвии хранились у дочери Анны и внука Болеслава. Анна среди бумаг нашла формулярный список о службе отца в российском войске, нарисовала с фотографии его портрет [646]. Умерла Анна в 1938 г. Ушли из жизни на полях сражений сыновья Адам и Болеслав. В Освенциме погиб внук Ежи.

Алоиза и Анна похоронены на кладбище Повонзки в Варшаве. Антонина умерла в 1906 г. Покоится на новом католическом кладбище в Кобрине рядом со Станиславом и Мирославом Костюшко. На старом кладбище (в каплице Пташкевичей) похоронен ее сын Ромуальдик, умерший в 1863 г. младенцем. Франтишек ушел из жизни в 1873 г. в возрасте 32 лет. Похоронен в Кобрине рядом с отцом и матерью.

Усадьба Островье сохранилась в прежних границах. Заброшена. Как мемориальный объект заслуживает особого внимания. Она принадлежала человеку, который в тюрьме на допросе продолжал убежденно считать «... что независимость является необходимым условием настоящего счастья каждого народа, я всегда мечтал о ней для своей родины» [464].

Божий Дар



Божий Дар. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

В 1845 г. фольварк принадлежал Викентию Вальтеру. Всей земли имелось всего 32 десятины, из них усадьба занимала одну десятину. Крестьян числилось 12 душ. Во дворе имелось 15 голов скота и две лошади [213]. Вскоре фольварк перешел Дионисию и Терезе Митрашевским. Земельные угодья увеличились до 344 десятин [219]. В 1863 г. владельцем был Ян, (1823—1897), который вернулся в имение. После поражения восстания имение было конфисковано и распарцеллировано. Долей в 77 десятин с усадьбой владел Ян, возможно, сын повстанца [546].

Усадьба заложена в первой половине XIX в. среди болот, обособленно от поселений. Ближайшей с восточной стороны была деревня Малыши. Небольшой побелен-

Божий Дар. Памятный валун. Фото 2003 г.

ный деревянный дом с крыльцом на главном фасаде стоял почти в центре усадьбы в окружении пейзажного парка и плодового сада. В основу его композиции положена небольшая, но сложная водная система из пяти водоемов, соединенных протоками, которая, окружая усадьбу, имела декоративное и утилитарное назначение, дренируя пониженную местность. Протоки отводили воду в соседний болотный массив. Система нарушена в связи с мелиорацией: утрачены протоки, два водоема зарастают рогозом, два засыпаны. Хорошо выражен пятый водоем в виде длинного канала (120×12 м) по северо-восточному краю усадьбы. Перпендикулярно ему проходит одна из липовых въездных аллей, сложенная липами крупнолистными (16 деревьев) и мелколистными (13). Парк, а вместе с ним усадьба, сливаясь с окружающими перелесками, лугами, болотами и, находясь на удалении от деревень, казались отрезанными от всего мира.

Усадьба связана с событиями 1863 г. Сюда к участникам восстания, собравшимся у Яна Митрашевского, приехал Ромуальд Траугутт и присягнул на верность руководителям повстанческого отряда, который сформировался в мае 1863 г. В госпиталь, организованный в имении, поступали раненые повстанцы. Переживая горечь поражения, сюда, к могилам на Горецком канале, приезжала Элиза Ожешко со Стефанией Жук. Она не просто возложила на могилу героев большой букет полевых цветов, но дала себе слово: «... никогда не изменять идеалам добра, справедливости и свободе...» [721]. Место захоронения в связи с мелиоративными работами утрачено. От усадьбы сохранились небольшие фрагменты, ставшие частным сектором. В 2003 г. здесь установлен памятный валун.

Заброшенная усадьба нуждается хотя бы в элементарном благоустройстве.

Колодное

В 1507 г. имение принадлежало Марии Ровенской [434]. В 1820 г. «паном на Колодном» именуется Александр Скирмунт. В 1825 г. он женится на Гортензии Орде, дочери Михаила и Юзефы Бутримович (имение Вороцевичи), и строит усадьбу. Александр в соседнем Радчицке в 1841 г. фундовал также строительство церкви, небольшого восьмигранного каменного сооружения, завершенного деревянным куполом и с портиком на фасаде. Умер в 1847 г. Покоится возле стен этого храма.

В семье Александра и Гортензии родилась Хелена (1827—1874), ставшая известным скульптором и художником. Мастерству живописи первоначально училась у Винцента Дмоховского и Радыги в Вильно, затем — у Краузе и Фогеля фон Фогельштойна в Берлине и Дрездене; скульптуре — в Вене под руководством профессора Ю. Цезаря (1853), а затем в Риме — у профессоров П. Галли и Л. Амици. Знаменитые зарубежные зодчие удивлялись способностям художницы, ее преданности искусству. Больше она тянулась к скульптуре. Много работала, изучала теорию, архитектуру, анатомию, зодчество древних классиков, познавала собрания в коллекциях, постоянно рисовала и собирала материал [679].

Хелена, по выражению В. Дмоховского, который также высоко ценил способно-

Хелена Скирмунт

сти своей ученицы и не находил ей равных, «пришла на свет с художественной искрой». Интерес и любовь к рисунку проявились с семи лет. Расцвету таланта благоприятствовала полесская природа. Полесье, подобно Марии Родзевич, Хелена любила больше всего. В лесах, болотах, узеньких греблях среди топей, в зарослях тростника, в водной глади, которая весной покрывала заболоченные низины, имелось столько «света и теней», «особой местной поэзии», волнующей и вдохновляющей. Хелена добиралась в самые неизведанные уголки края, привязывала любимую лошадь Гардютю, делала наброски или надолго задумывалась в тиши. Всем сердцем полюбила она простого полешука за духовность; он на челне преодолевал весенние разливы, знал все стежки и броды, все таинства местных пущ.

В 1844 г. вместе с матерью и Констанцией Скирмунт, подругой матери, выехала в Берлин, училась у Краузе, затем посетила дядю Наполеона Орду, который с 1831 г. не видел родственников. Тяжело больная Констанция, попросив написать портрет, на время прервала увлечение живописью. Образ уважаемой женщины, матери будущего мужа, был первой пробой сил Хелены в портретной живописи. На следующий год Констанции не стало. Хелена с матерью весной 1845 г. возвращается в Колодное. Много рисует, посещает Плятеров в соседнем Воробине, у которых имелось собрание семейных портретов. С особым старанием создает образ бабушки Юзефины Орды из Вороцевичей, принимает в гости В. Дмоховского, который не мог забыть свою ученицу [771].

На двадцать первом году жизни (в 1848) Хелена становится женой своего кузена Казимира Скирмунта (1824—1893), старшего сына Александра и Констанции, которая с «детства научила ее любить». В Колодное пришло время большого счастья и душевного спокойствия [771].

Примерно в 1860-е г. Хелена с Казимиром и детьми (Станиславом, Иреной и Констанцией) переезжает в соседнюю Рухчу. Новая усадьба располагалась на живописном берегу озера с прилегающими лугами и дубравами. Дом не отличался стильной мебелью, особой роскошью, но был «полон гармонии и утонченного эстетического вкуса», имел обширную мастерскую с большим окном, выходящим на север. Она много работала резцом и кистью. Делала медальоны (бабушки, Лелевеля, Ядвиги из Дорошевичей), фигуры святых, алтарь и фриз для костела в Охове. Лепила из глины и отливала в гипсе зверей, птиц, обитающих в окрестностях Рухчи.

Захоронение Хелены Скирмунт на католическом кладбище в Пинске. Фото 2001 г.

В Колодном продолжала жить Гортензия. В 1858 г. ее посетил минский архиепископ Михаил Голубович, что отмечено в его «Диариуше». Незадолго до восстания Гортензия продает имение Юзефу Глебовичу. В 1863 г. (12 и 13 июня) на его землях произошло сражение царского войска с отрядами повстанцев под руководством Ромуальда Траугутта и Яна Ваньковича, сына Валентия, художника. Повстанцы понесли большие

потери. За поддержку восстания Юзефа Глебовича ссылают в Сибирь, а конфискованное имение переходит в руки баронов Гартингов [730]. Затем, неизвестно при каких обстоятельствах, оно поступает в Минский поземельный банк. Банк сдавал земли имения в аренду, а в 1888 г. продал его крестьянам. В имение переселилось 245 человек, а весной 1889 г. приехало еще 366. В среднем на семью приходилось около гектара пашни. В усадебный дом заселились 92 семьи. Некоторые начали строиться, положив начало новому поселению Колодное [372].

Усадьба располагалась среди болот и весной после таяния снега в отдельные годы могла заливаться водой. Для защиты от талых вод двор, вымощенный кирпичом, был обвалован. Усадебный дом стоял на возвышении в окружении небольшого парка. К нему примыкал хозяйственный двор. На берегу водоема работали ветряная мельница, имелся кирпичный завод, работающий на местном сырье [348].

Усадьба была разграблена в 1863 г., разрушена в послевоенное время. От нее остались руины фундамента дома, единичные деревья и сохранилась дорога — прежняя въездная аллея. На месте сражения повстанцев в 1981 г. установлен памятный знак с датой «1863».

Такую же примерно судьбу имела Р у х ч а. Хелена, проживая в Рухче, вместе с Казимиром помогала повстанцам, тайно переписывалась с Р. Траугуттом. Вскоре была арестована и оказалась в арестантском доме в Пинске, затем была сослана в Тамбов. Казимир, привезший поздним январским вечером в Рухчу весть о вспыхнувшем в Варшаве восстании, отбывал ссылку в Костроме, затем смог переехать к жене в Тамбов. Ссыльным оказался брат Константин из Шеметовщины.

В 1867 г. Хелена смогла вернуться и два года жила в Альбрехтове, а после освобождения Казимира переезжает в Крым, в его имение. Много и успешно она работает над скульптурами. Трудные годы жизни сказались на здоровье. В 1874 г. переезжает на лечение в Симферополь, а затем — в Париж. Почувствовав, что жизнь уходит, Хелена пригласила каплана, простилась с мужем и дочерью, благословила отсутствующих детей, передала прощание матери и спокойно навечно уснула по полудни 1 февраля 1875 г. в возрасте 47 лет. В 1875 г. перезахоронена в Пинске на католическом кладбище. На могиле — красивый из белого мрамора памятник. Эпитафия передает образ мужественной женщины, матери четверых детей, ссыльной, создательницы многочисленных произведений искусства: «Слуге твоей в вере несломной, в любви сильной, в терпении мужественной, в труде выдержанной покой дай ей, Боже». Рядом надгробная плита Генриха Скирмунта, владельца Молодова. На этом кладбище покоятся Казимир, муж Хелены (умер в 1893) и мать Гортензия.

Из детей Хелены и Казимира только Констанция жила в Пинске, получив «Мур» в наследство от бабушки, являлась хранительницей художественных ценностей матери. Сын Станислав (1857—1921), путешественник, директор управления лесов, жил в Судане. Дочь Ирена (1851—1905) переехала в Варшаву. Самая младшая дочь Казимира (1865—1938), графиня Ромерова, жила в Инфлянтах, умерла у дочери в Барановичах [626].

Попина

Село «Папиная» упоминается в исторических источниках за 1580 г. [544]. Имение принадлежало роду Ожешко, затем перешло Жукам. В середине XIX в. владельцем имения являлся Ян Жук, женатый на Стефании из Толлочко, известный активный участник восстания 1863—1864 гг. Конфискованное имение после окончания ссылки Яна и Стефании было возвращено владельцу. В 1890 г. земельные угодья имения Яна Жука составляли 3296 десятин [546]. От Яна перешло Марии Жук-Скаршевской,

которая в 1911 г. продала Попину, имение мужа в Теребежове и выехала в Польшу. В имении имелось крупное предприятие по производству кирпича. В 1929 г. оно принадлежало Марии Левандовской [29]. Последней владелицей была Мария Олешина [28].

Сведений о планировке усадьбы не имеется. Известно, что в доме прогрессивно настроенных владельцев собиралась местная шляхта: Ожешко, Вислоухи, Гедройцы, Русецкие и др. В библиотеке работала Элиза Ожешко. Ян Жук был сторонником отмены крепостного права. Перед восстанием 1863—1864 гг. Попина стала местом сбора ее будущих участников и руководителей повстанческих отрядов. Здесь Ромуальд Траугутт дал согласие на руководство восстанием и определил программу действий.

После поражения восстания Ян был сослан в Сибирь. Вскоре добровольно за ним последовала и Стефания. Судьбу ряда повстанцев, сосланных в Сибирь, разделили их невесты. В Сибирь к ссыльным Александру Оскерко уехала Теодозия Грабовская, к Флориану Ожешко — Елена Малькевич, к Николаю Гедройцу — жена княжна Юзефа. Вслед за мужьями уехали также Сабина Еленская, Стефания Крупская и др. После венчания с Петром Чекатовским в Лукишской тюрьме г. Вильно в Сибирь за мужем последовала Казимира Булевская, а также жена ее брата Франтишка с дочерью [342].

Ян и Стефания, вернувшись из ссылки, доживали свой век в Попине. Похоронены на местном маленьком заброшенном католическом кладбище, которое оказалось теперь в центре деревни около церкви. На памятнике Стефании (умерла в 1890), гранитном блоке с крестом, всего несколько слов, но они выражают многое («Добрая пани», а на другой стороне плиты — «Опекунка бедных»). Захоронения обнесены тяжеловесной гранитной стеной (14×10 м).

Усадьба не сохранилась. На ее месте размещается колхозный двор. Костел перестроен под сельский дом культуры.

Также утрачено Бронне (Бронное), вторая усадьба Жуков. Ее территория вошла теперь в городскую черту Дрогичина. Известна по одному из рисунков Наполеона Орды, который посетил ее в 1868 г. одновременно с Белином. Парадный фасад небольшого деревянного одноэтажного дома с высокой четырехскатной гонтовой крышей украшал портик с двумя парами колонн. Дом окружал пейзажный парк [596]. За уча-

Попина. Захоронения Яна и Стефании Жуков. Фото 1999 г.

стие в восстании Болеслава Жука имение было конфисковано и вместе с Людвиновом стало собственностью Павла Канторова. Последними владельцами были Мария и Николай Разводовские. Им принадлежало также Хлевище в Дрогичинском повете. Николай был арестован в 1939 г., погиб в Москве в 1942 г. [649].

Коссово. Меречевщина. Дом Костюшко

Коссово

В прошлом один из многочисленных фольварков Коссовского имения, которым владели наиболее знатные и богатые шляхетские роды [702]. В 1494 г. великий князь Александр Ягеллончик отдал Коссово в потомственное владение маршалу ВКЛ Яну Литавору Хрептовичу [751]. Привилей был подтвержден королем Сигизмундом I в 1510 г. с добавлением права на торги и ярмарки [702]. В 1529 г. имение упоминается в Метрике ВКЛ в связи с жалобой одной из дочерей князя Яны Оборской, проживающей в Мазовии, на «... матку свою маршалковую пани Литаворовуъ Хребътовича — пани Едвигу и зятя Юря Григорьевича, что не хотять ей делу ровъного дати в ыменьяхъ отчызны ее». Согласно принятому «выроку», Яна должна была заплатить половину денег зятю Юрию Григорьевичу, который «держит имения тестя Сувен и Коссово», тогда «мають они межы собою наполы разделити» [425]. В 1529 г. Яна Оборская стала владелицей коссовского фольварка Меречевщина [606].

В 1559 г. имением владел Николай Сирпутьевич Остик, который продал Василию Мелешко из Девятковичей двóрец Савицкого под Коссовом со всеми строениями дворными и землями [248]. Его жена «Анна Романовна Любицкая княжна Друцкая Миколаевая Остиковая» во втором браке становится женой Льва Александровича Сангушко-Коширского «... и до рукъ его милости вжо пустила именье свое ...». В Слонимском земском суде в 1569 г. была оформлена дарственная запись княгини: «Я... Ганна Миколаева Остиковича вызнаваю сама на себе симъ моимъ листомъ... записую на вечность его милости князю Льву Санкгушку, малжонку моему милому, оное именье свое вышей писаное, лежачое в повете Слонимском, названое Косовъ, зъ местомъ, с фольварки, зъ селы и пъриселки, зъ бояры, слугами путъными, зъ людьми тяглыми, зъ ихъ землями, зъ платы грошовыми, зъ данью медовою, зъ дяклы, житъными и овсяными, зъ бояры, зъ дубровами, зъ гаи и запустами, с польми и

Софья Замойская (из Чарторыйских). Национальный музей (г. Краков)

сеножатьми, зъ болоты, зъ ставы, ставищами, зъ млины, зъ реками и зъ речками, зъ бобровыми гоны, зъ ловы звериинными и птъашими, и зо всимъ на все, яко се тое именье, дворъ Косовский и место со всими селы само в собе в границахъ...» [248].

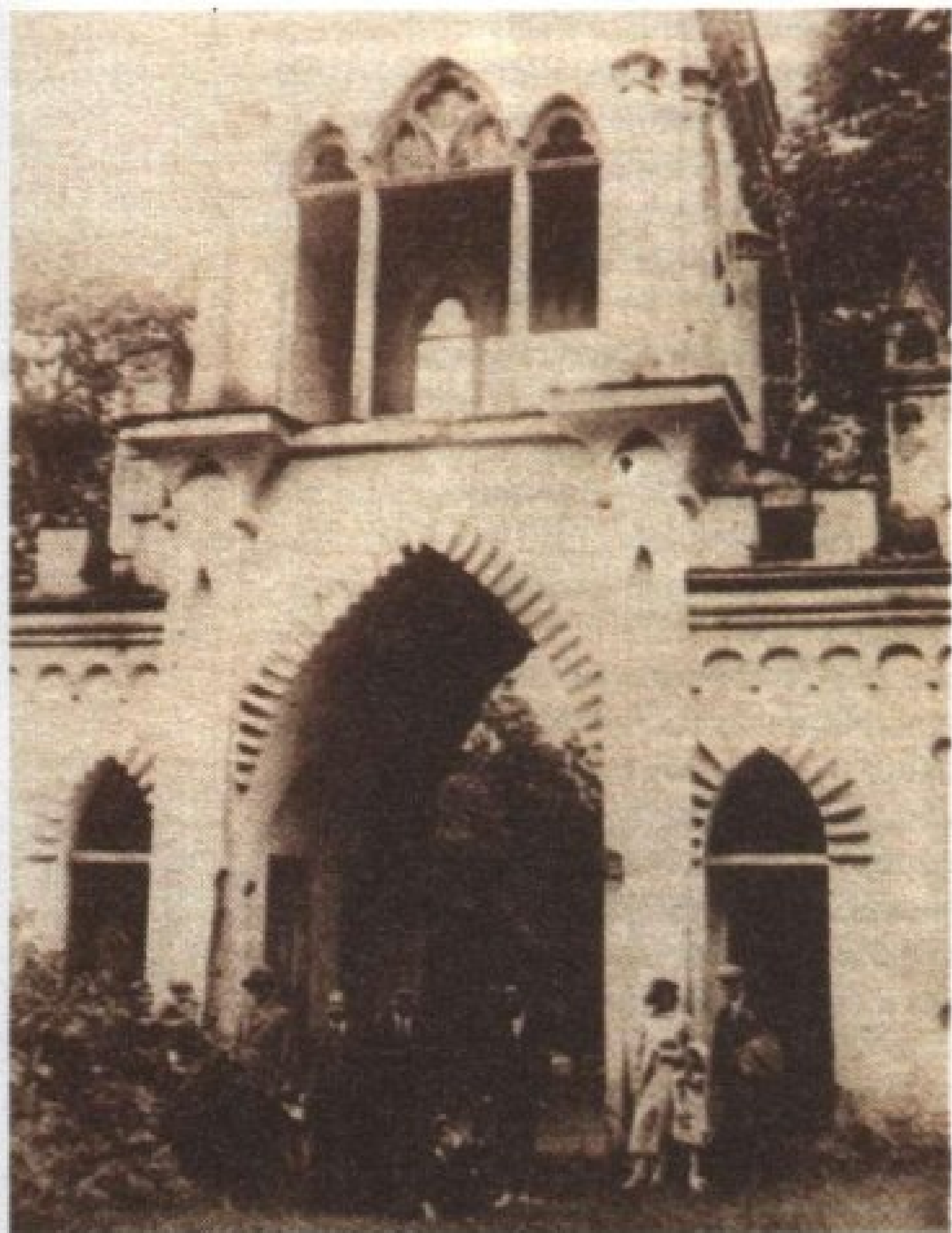
Так ненадолго Коссово становится собственностью княжеского рода Сангушко герба Погоня, который берет начало от Федора Ольгердовича (умер около 1431). Один из сыновей его назывался Сангушко, уменьшительный вариант имен Александр, Василий или Семен. Сангушко-Коширские, Сангушко-Ковельские в XV—XVIII вв. занимали в ВКЛ высшие государственные должности.

В 1597 г. произошел раздел имения между Григорием Сангушко и Николаем Кишкой. В это время в местечке Коссово числилось 79 плацев с огородами, имелись торговая площадь, «корчм медовыхъ—2, пивныхъ—12, горелчаныхъ—12», улицы Дворная и Ружанская, старая церковь св. Семена и новый костел. Около местечка, в конце улицы Дворной, располагалась усадьба «дворная». Она представляла собой большой двор, включающий «дом под городищем», «домик над прудом» и «домик у ворот», которые имели белые избы, светлицы, кладовые, сени, печи. Вокруг домов располагались погреб-ледник, амбар с крыльцом и погребом, конюшни, кухня, пекарня, винокурня, солодовня, ледник, баня, псарня [259]. Во дворе имелась тюрьма [240].

Коссовский фольварк на «Марочовщине» включал светличку с сенями и кладовой, дом, погреб старый, сыродельню новую с крыльцом, а под ней ледник из прутьев, грыдню большую с сенями и напротив старую избу, конюшню новую большую, соломой крытую, небольшую конюшню, два гумна, сеновалы, амбар большой [240].

В 1611 г. имение отошло Льву Сапеге. После Сапег владельцем стал Ежи Флеминг, подскарбий великий литовский, который подарил его дочери Изабелле Чарторыйской (жене Адама Чарторыйского, владельца Волчина) известной аристократке, большой поклоннице садового искусства, с именем которой связано в Польше становление пейзажного паркостроения (книга «Различные мысли о способе устройства парков», 1805). В 1786 г. постоянной резиденцией Изабеллы становятся Пулавы, где вместе с крупнейшими садоводами и архитекторами того времени (Д. Савадж, Э. Шре-

Коссово. Дворец. Фрагмент. Фото 1987 г.



Коссово. Въездная брама. Фото до 1939 г.

гер, Ш.Б. Цуг и др.) она работала над созданием парка, который после раздела Речи Посполитой становится символом патриотизма и привязанности к традициям родины [259].

Затем имение унаследовала дочь Софья, ставшая в браке Замойской, автор музыки к «Историческим песням» Ю. Немцевича. Она продала имение Войтеху Пусловскому [606]. По другим сведениям, исходящим из семьи Пусловских, Войтех купил Коссово в 1821 г. у российского генерала Тутолмина, которому после событий 1794 г. Екатериной II было подарено конфискованное имение [596].

Войтех Пусловский (1762—1833), маршалок слонимский, женатый на княжне Юзефине Друцкой-Любецкой, владел Старыми Песками, выделялся в крае умением реформировать и вести хозяйство, возводил храмы, строил предприятия. В Коссове построил фабрику ковров. По наследству Коссовский ключ перешел Вандалину (1814—1884), младшему из пяти его сыновей, известному крупному промышленнику, любителю искусств, женатому на Ядвиге Езерской. После смерти в 1874 г. брата Франтишка Ксаверия он становится владельцем дворца с большими художественными ценностями и библиотекой в Круликарне под Варшавой [518]. Его дочь Геновефа стала женой графа Адама Броель-Плятера, а вторая дочь Марта вышла замуж за графа Казимира Красинского.

Определить последующих владельцев не просто. Сведений о них в доступных исторических источниках не имеется. Данные в публикациях последнего времени весьма противоречивы. Более правдоподобно, что имение, конфискованное после событий 1863 г., приобрел за семьсот тысяч рублей купец Александров. В благодарность за очень выгодную сделку Александров подарил коссовской церкви колокол, а имение за двойную цену перепродал княжне Анне Трубецкой, жене Петра Трубецкого. Владельцами они были недолго. Достоверных сведений о новых владельцах не имеется. Предположительно имение отошло Петру Александровичу, женатому на княгине Анне, сестре царя. По другой версии оно принадлежало младшей ветви линии Ольденбургского дома, ведущей начало от имперских графов Ольденбургских. Романтические формы дворца привлекли внимание принца Петра Георгиевича (1812—1881), женатого на принцессе Терезе Вильгельмине Шарлотте, известного российского государственного и общественного деятеля XIX в.: генерала, сенатора, главного управляющего четвертого Отделения

Коссово. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

Собственной Его Величества Канцелярии, почетного члена разных обществ, председателя Российского общества международного права, мецената, увлеченного литературой, музыкой, историей, правом, естественными науками. Особое место в его деятельности занимало развитие и покровительство женского образования, начиная с организации Мариинского училища в Петербурге, первого женского учебного заведения в России, вслед за которым и по его образцу возникли после 1864 г. женские гимназии в Беларуси [314].

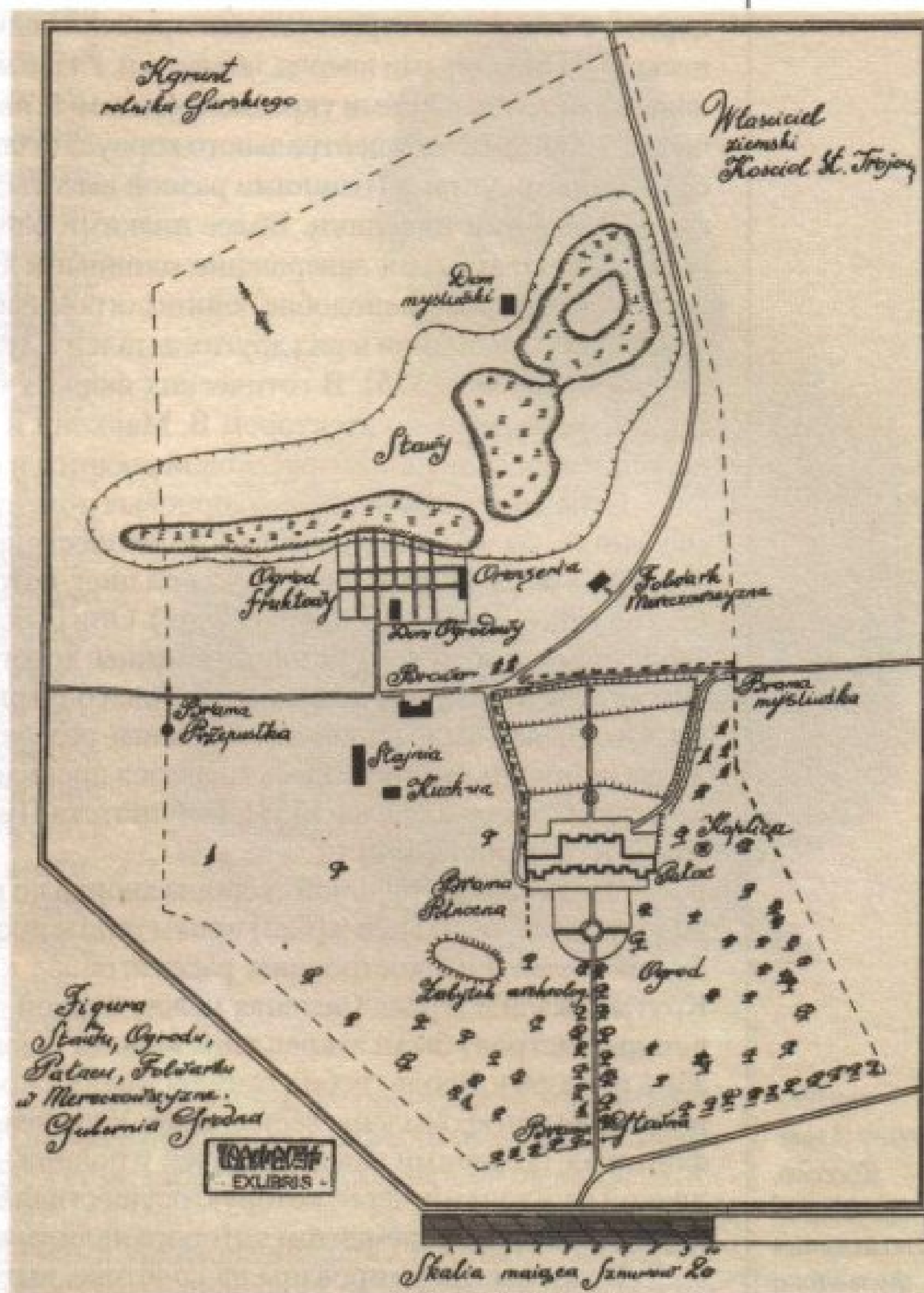
Непонятно, при каких обстоятельствах в 1890 г., согласно Списку землевладельцев за 1890 г., имением стал владеть Лев Пусловский. Владения очень большого имения с фольварками (Подзамче, Гощево, Середово, Кулеши, Белавичи, Ятвезь, Жабинец, Меречевщина, Ольшаница, Великий Лес, Боровики, Альба и Барань) составляли 25732 десятины [546]. Однако вскоре оно было утрачено Пусловскими и после войны 1914 г. распарцеллировано. Разграбленный и частично разрушенный дворец приспосабливается затем под староство Коссовского повета [596].

Коссовский ансамбль был заложен Вандалином Пусловским в 1838 г. по проекту известного варшавского архитектора Франтишка Ящолда (1808—1873), сына Войтеха, известного архитектора, художника-декоратора и скульптора, работающего у Чарторыйских и Замойских. В 1878 г. Вандалин фундовал строительство костела Пресвятой Троицы и Святого Креста в формах неороманского стиля. В архиве костела хранилась метрика рождения Тадеуша Костюшко. Ансамбль занял моренное возвышение и равнинную территорию у его основания около фольварка Меречевщина на площади около 40 га. Несмотря на рассеченность рельефа и время строительства, имел хорошо выраженную композиционную ось подобно усадьбам эпохи барокко. На оси располагались въездная брама, въездная аллея, парадный партер, дворец, террасы, фольварк.

Коссово. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

Завершалась ось композиции водоемом с островом (схема).

Въезд в усадьбу шел со стороны Ружанского тракта и обозначался брамой, которая именовалась главной. Через северную браму осуществлялась связь с хозяйственным двором. С другой, правой стороны (со стороны Коссова) располагалась третья брама — охотничья. Въездная аллея из лип рассекала пейзажный парк примерно на две равные половины. Сведений о его планировке не имеется. Он был заложен в духе пейзажных романтических парков, что соответствовало общей романтической настроенности усадьбы. В парке имелось, по словам местных жителей, около 150 наименований древесных и кустарниковых растений. Дух романтизма выражался включением в композицию неоготического дворца, каплицы и старинного городища, возвышающегося с западной стороны [511]. Место расположения каплицы в виде круга, поросшего барвинком малым, хорошо выражено.



План усадьбы Коссово

Въездная аллея выводила на большой парадный партер перед дворцом, дорожками, отходящими от круга, который рассекался на четыре сектора. По сторонам партер окружали группы сирени обыкновенной, сложенные растениями сортов разных расцветок, красочность цветения которых еще вспоминается местными жителями. На месте партера теперь сплошные заросли; бывший парк, вырубленный в годы войны, заняли лесные культуры. Сведения В.А. Чантурии о наличии регулярного парка первой трети XVIII в. нам кажутся неправдоподобными [575].

Доминирующее положение в ансамбле занимал дворец, построенный в духе английской неоготики и внешне больше напоминающий замок с романтической таинственностью. Романтические мотивы проявились в башнях дворца. Каждая из двенадцати башен символизировала месяц, четыре центральные башни соответствовали хлебным месяцам года (май — август). С дворцом связаны многие легенды, среди которых наиболее захватывающая о подземном ходе вплоть до дворца Сапег в Ружанах. По мнению С. Ярошевского [648], резиденция по композиции и красоте не имела себе равных в Польше. Некоторое сходство дворец имел со знаменитым замком Гогенцоллернов в Каменце-Зембловецком. Величественное здание заняло плоскую вершину высокого холма. Его положением определялась живописная панорама на парковые террасы, системы водоемов и старинный фольварк. Обращение к историческому прошлому, выраженность дальних перспектив являлись проявлением мотивов романтизма, которые воплощались в ансамбле.

Романтическое здание дворца имело классицистическую, симметрично уравновешенную композицию, фронтально вытянутую на 120 м. Центральный двухэтажный

корпус с высокими стрельчатыми арками соединен узкими галереями с боковыми, несколько поданными вперед, объемами. Главным архитектурным элементом дворца, наделяющим его чертами укрепленного замка, являются башни и башенки в духе готической старины. Углы центрального корпуса фланкированы гранеными (квадратными с усеченными углами) башнями разной высоты; углы боковых объемов — контрфорсами, похожими на башни. Более низкими башнями отмечены входы. Кроме того, башни имеют зубчатое завершение; оконные и дверные проемы стрельчатого очертания, щелеобразные, наподобие бойниц; огромные готические проемы в стенах галерей; крепостные машикули и ряд других деталей в духе архитектуры замкового готического средневековья [575]. В готических формах были выполнены въездные брамы, а также оформлены архитектором В. Маркони и художником Ф. Жмурко интерьеры дворца с использованием фресковой росписи и стуккового декора [551].

Сведений об интерьерах дворцовых помещений очень мало, а их было, по одним сведениям, более ста, по другим — более шестидесяти. Каждый из залов имел индивидуально оформленный интерьер, свой цвет, которым определялось их наименование (зал белый, черный, серебряный и др.). Они были наделены высокими акустическими свойствами, имели декоративные камины, дорогие гобелены, ковры, скульптуру. Редким украшением одного из залов являлся большой аквариум с экзотическими рыбками. Отопление было паровым. Огромные резервуары с подогреваемой водой стояли в подвальном помещении. Здесь хранился провиант, имелась тюрьма. Во дворце (в зимнем саду) содержался лев [554]. Библиотека Пусловских включала несколько тысяч томов и рукописи [450].

Часть парка с тыльной стороны дворца по крутому склону была спланирована в виде трех террас. Г. Цёлек [623] прием террасирования, выполненный в усадьбе в эпоху пейзажного паркостроения, рассматривал как возврат к итальянскому барокко. Крутые склоны террас (перепад между первой и второй террасами составляет около четырех метров) были закреплены ковром газона, который продолжает прочно держать их форму. Вдоль гребня тянулись ряды сирени. Спуски, расположенные на главной оси, были оформлены лестницами. Украшением террас являлась скульптура и два фонтана с большими чашами. Спуск у подножья последней террасы завершался калиткой с пилонами, через которую осуществлялась связь с нижним парком, главным композиционным элементом которого являлась водная система из трех водоемов.

Водоемы сформированы на водотоке, вытекающем из родника. Направлением его русла определяется их своеобразие. Они разной формы и расположены наискосок по отношению к главной оси усадьбы. Первый водоем по форме приближается к вытя-

Коссово. Место расположения фольварка Меречевщина. Фото 1999 г.

нутому по руслу прямоугольнику (240×30 м). Водоем центральный неопределенной формы с изрезанными берегами в виде мысов разного размера. Третий водоем округлый с большим (40×35 м) островом в центре. Им замыкалась, как уже отмечалось, главная ось усадьбы, которая за водоемом фиксировалась парой тополей канадских 'Serotina' (сохранились). Дамбы держали уровень воды в системе. Ее избыток водоток уносил в Коссовку, на которой сооружено водохранилище.

Тадеуш Костюшко

Водоемы частично сохранили высокие, хорошо задернованные берега, весной наполнены водой, но уже мелеют и зарастают. Наиболее мелководная часть среднего пруда стала ольсом. Вдоль берегов в водоемах сложились пояс тростника, а за ним — пояс телореза. Гладь воды закрывают разросшиеся по берегам черемуха, ива ломкая. Среди них одиночные кусты боярышника высотой 3—5 м, красочные весной, в период цветения обильными разной степени интенсивности розоватыми цветками. Растения берут начало от произрастающего в парке сортового боярышника, видимо, от боярышника сглаженного 'Rubra Plena' с махровыми карминно-розовыми цветками разных оттенков. Таксон дичает, входит в состав местной флоры, распространяясь самосевом по всей территории бывшей усадьбы (на лугу, по опушкам, берегам водоемов). Около среднего водоема одиноко стоит в окружении зарослей бузины черной бывший охотничий домик.

Пейзажной композицией с водоемами уравновешивалось и замыкалось парковое пространство ансамбля, единство которого нарушалось расположением на оси исторического фольварка.

С западной стороны к террасам примыкал служебно-производственный дворик, включающий кухню, бровар, конюшню выездных лошадей. Связь его с прилегающими полями осуществлялась через четвертую (западную) браму. Пространство между винокурней и водоемом занимал фруктовый сад, спланированный в виде сетки прямоугольников с оранжереей и домом садовника (теперь здесь расположена частная усадьба).

Частью новой большой усадьбы стал двор старинного фольварка, оказавшегося на центральной оси перед сформированной водной системой. Фольварк, согласно одному из Актов за 1529 г., принадлежал Яне Оборской, дочери Литавора Хрептовича, а позднее отошел Сапегам [425]. В 1733 г. он перешел под залог за 54 тысячи злотых от Яна Юзефа Сапеги Людвигу Тадеушу Костюшко, оставившему родовое имение Сехновичи. В 1756 г. Сапега подтверждает его право на собственность фольварка. В 1840 г. Людвиг женился на Текле, сироте из известного белорусского рода Ратомских. Православные Ратомские известны по фундации совместно с Огинскими строительства собора Петра и Павла в Минске (на бывшей Соборной площади).

Молодая семья Костюшко обосновалась в фольварке, продав имение Текли в Дразах за 12 тысяч злотых. Небольшая усадьба называлась двориком. Представление о нем дает рисунок Михаила Кулеши «Меречевщина» (1845), преподавателя искусства, известного любителя исторических памятников, и литография Н. Орды. Дворик

М믦ечевщина. Дом семьи Костюшко. Рисунок Костевского. 1880 г.

был построен, видимо, из лиственницы, имел высокую ломаную соломенную крышу. Парадный фасад имел крыльцо на четырех колоннах с треугольным фронтоном. В этом доме родились дети Людвига и Теклы: Анна Барбара Кристина (1741—1814), Юзеф (1743—1789), Катарина (1744—1819) и Тадеуш (1746—1817). Некоторые авторы считают местом рождения Тадеуша Сехновичи, датой — 30 ноября 1745 г., и что имя ему дано в честь апостола Андрея Первозванного. Документально (запись в костельной книге за № 478) подтверждено его крещение 12 февраля 1746 г. ксендзом Раймоном в Коссовском костеле. Здесь в фольварке прошли детские и юношеские годы Тадеуша. Первоначальное образование мальчик получил, видимо, в одной из иезуитских школ в Бресте, которой отец Тадеуша выделил в завещании сумму в 2500 злотых. В 18 лет Тадеуш имел «руку набитую в письме» [676].

В 1758 г. Людвига не стало (погиб по вине взбунтовавшихся крестьян). Был похоронен около каплицы в Сехновичах, рядом с дедом и отцом [676]. Все заботы о семье, будущем детей пали на плечи вдовы. Несмотря на материальные трудности, выполняя желание покойного, она в 1759 г. выкупила Сехновичи, а в 1764 г. Ежи Флеминг уплатил Текле 54500 злотых, причитавшуюся сумму за Мерcчевщину, состоящую в залоге Костюшко. Затем фольварк вместе с Коссовом, как уже отмечалось, перешел Пусловским.

Дом в Мерeчевщине во времена Пусловских имел уже дряхлый вид. Вандалин Пусловский, относясь с глубоким уважением к Тадеушу Костюшко, отреставрировал здание в прежних формах. Работы велись под руководством Михаила Остроменцкого. В 1859 г. дом посетил каноник Сенчиковский, сын Евстафия Сенчиковского, управляющего имениями Рдултовских, оставив следующие воспоминания: «... небольшой с крыльцом на двух столбах... Во второй от входа из сеней комнате стояла простая деревянная кровать, прикрытая ковром. Над ней висит дощечка с надписью: на этой кровати и на этом месте родился славный Фадей Костюшко» [347]. Внешний вид дома после реставрации отражает одна из фотографий, помещенная В. Бенкевичем в журнале «Ежегодник полесский» [612]. Он был крыт гонтом, крыльцо имело окна, аналогичные окнам дома по форме, но более узкие. Симметрично крыльцу росли два клена, рядом стоял столик с двумя лавками. С 1936 г. в доме размещался музей: на стене комнаты, в которой родился Тадеуш, висела информационная таблица.

Ансамбль Пусловских и двор Костюшко сгорели в 1944 г., парк вырублен. По словам старожилов, дворец горел около 10 дней. Вокруг бывшего дворца заложены лесокультуры. Поднявшиеся сосны почти закрыли его руины (стены). На живописном, приподнятом месте домика Костюшко в 1987 г. установлен большой валун с надписью: «В доме, стоящем на этом месте, родился Т. Костюшко, известный политический деятель». О бывшем парке напоминают кусты сирени, роз, боярышника, ирги, караганы, спиреи, рябинника, барвинка, барбариса, а также одиночные лиственницы у основания террасы, липы. По земле стелется виноград девичий пятилисточковый, который в прошлом поднимался по стенам дворца.

Ансамбль Пусловских и двор Костюшко утрачены. Культурно-историческую ценность представляет ландшафт, включающий фрагменты бывшего ансамбля с прилегающим городищем X—XI вв. Начались работы по восстановлению фольварка.

Старая Воля

В 1557 г. была подарена королевой Боной Свято-Троицкому костелу в Шерешеве [775]. В 1631 г. Фридрих Водопян держал в залоге «имънейце» Старой Воли у шерешевского войта Томаша Ждановского. В 1632 г. на основании королевского привилея перешло Альбрехту Савицкому [500]. В XIX в. принадлежало Вредтам. В 1890 г. владение Владимира Вредта составило 573 десятины [546]. Имение арендовал Юлиан Жуковский, выходец из старинного шляхетского рода, женатый на Марии из Вержбицких. После паражения восстания братья Владимира сосланы в Сибирь, а он, лишенный прав дворянства и всего имущества, стал арендатором. В имении прошли детские и юношеские годы будущего художника-пейзажиста Станислава Юлиановича Жуковского (1875—1944). Родился он в Ендриховцах Волковысского уезда. После домашней подготовки, которой был обязан матери, необычайно доброй, мягкой женщине, получившей образование во Франции, Станислав учится в Варшавской классической прогимназии Лаговского, затем в Белостокском реальном училище, в 1892 г. становится вольным посетителем Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Этим годом датируются две его работы «Опушка на берегу» и «Луг со стогами», ставшие подтверждением рождающегося пейзажиста. Способности молодого художника развивались коллективом талантливых художников-педагогов: С.А. Коровиным, К.А. Савицким, Л.О. Пастернаком, Н.А. Касаткиным, А.Е. Архиповым, И.И. Левитаном, В.Д. Поленовым.

Старая Воля. Фрагмент водоема. Фото 2004 г.

Объектом следующих работ пейзажиста («Май», «Помещичий дом»), датируемых 1895 г., становится староволенский усадебный дом, одноэтажный деревянный с двумя парами колонн на фасаде. Кустами цветущей сирени, расположением клумбы на газоне за деревянной оградой он передает характерные черты устройства и уют шляхетских дворов.

Дом стал основным акцентом в картине «Утро», хранящейся в собрании М.М. Успенского в Москве. Пейзаж интимен по настроению. В воздухе разлито ощущение покоя от прошед-

шей ночи, но природа уже готова ожить в свете пробуждающегося утра. Здание окутано утренней дымкой, погружено в грустную задумчивость, но освещенный солнцем портал вносит в пейзаж радостную ноту. С усадьбой, в которую Станислав вернулся спустя три года, были связаны грустные воспоминания и у еще совсем молодого художника рождались светлые надежды на счастливое будущее. Дом с портиком будет встречаться затем в ряде картин: «Непогода», «Разъезд на рассвете», «Бессонная ночь. Светает» [316]. Картины художника являются единственным источником по утерянной усадьбе. Сохранились водоем с островом и одиночные деревья.

В 1898 г. за работы в пейзажной живописи Станиславу присваивается звание классного мастера. Он награждается большой серебряной медалью, в 1907 г. становится академиком, а в 1910 г. за картину «Плотина»получает почетную премию имени А. Куинджи. Пейзаж «Весенний вечер» в 1912 г. на выставке в Мюнхене удостаивается золотой медали [579].

В 1944 г. в концлагере под Варшавой трагически оборвалась жизнь художника. Его художественное наследие составляют шестьсот семьдесят работ, хранящихся в разных собраниях мира [316]. Около тридцати картин имеется в собрании Национального художественного музея в Минске. Многие картины посвящены природе Полесья, Беловежской пуще, которая была ему особенно дорогой и знакомой, старинным усадьбам Беларуси.

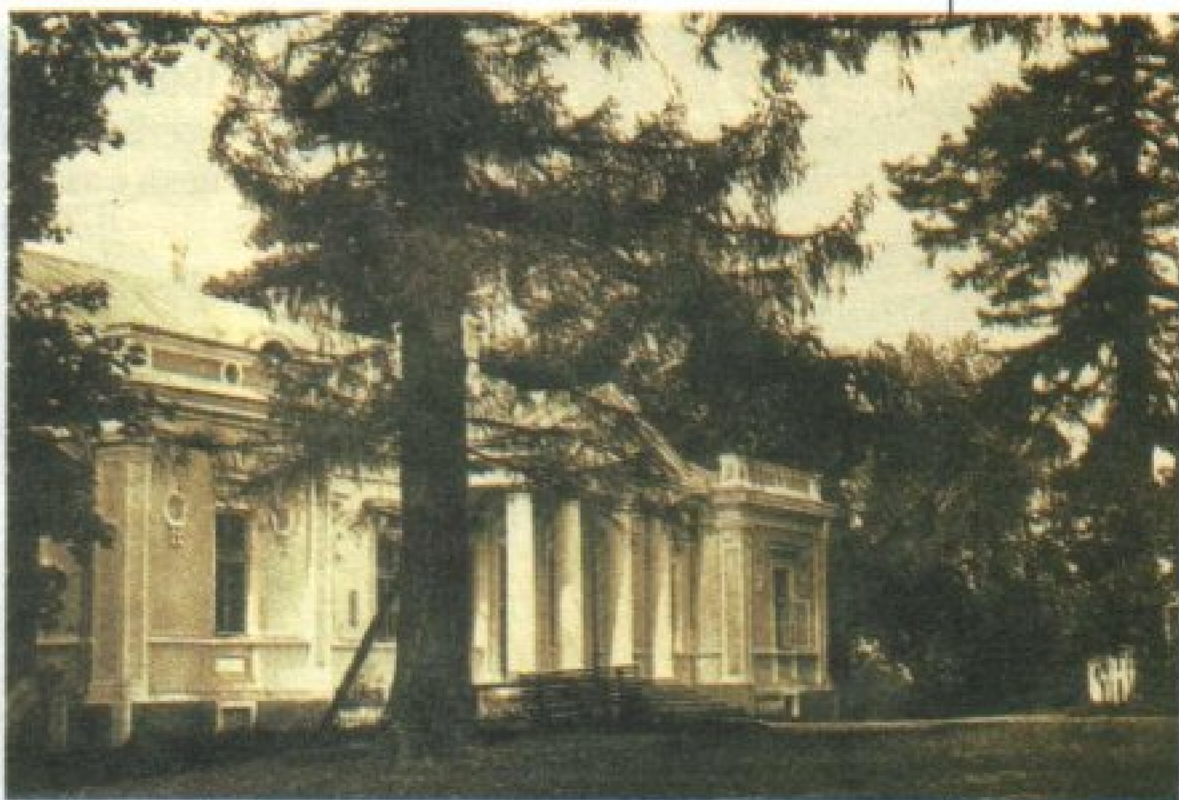
Гремяче. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото до 1939 г.

Гремяче

Первыми владельцами в XVв. были Ильиничи, получившие Гремяче по дарственной записи великого князя литовского: «Яцку Иллиничу у Стародубе его отчина дедина, да Гримячое з тыми людьми, што к тому слушаеть» [414]. В 1612 г. принадлежало Александру Госевскому, видному деятелю времен Льва Сапеги, владельцу большого имения в Волчине [239]. Долгое время являлось одним из фольварков волчинского имения и имело общих владельцев. После Терезы Госевской с 1708 г. владельцами были Сапеги, затем Флеминги, Чарторыйские, Понятовские и вторично Чарторыйские. В 1828 г. князь Константин Чарторыйский, владелец Волчина, продал имение на выплату долгов Каролине (из Остик-Нарбуттов) Пусловской. Первыми владельцами выделившегося в первой половине XIX в. имения называют Пузынов [731]. Однако, согласно Инвентарю за 1844—1847 гг., имение принадлежало Вислоцким. Собственностью Адольфа Мартина Пузыны (1848—1914), сына Юзефа, оно стало около 1870 г. [476].

Пузыны — княжеский род герба Огинец, ведущий свою родословную от Рюриковичей, от Василия Глушенка, одной ветвью которого стал род князей Огинских [764]. В Метрике ВКЛ указывается, что когда «неприятель взял Смоленск и их имения», тогда король Сигизмунд I дал в 1516 г. Ивану Пузыне и его сыну Василию двор Носсово в Мельницком повете [414]. В 1840 г. полковнику Юзефу Игнатию Пузыне (1800—1874) в виде приданого Розалии Сузиной отошло небольшое имение Остромечево, которым после отца владел старший сын Александр (1844—1914; усадьба не сохранилась). Его вторым сыном был вышеупомянутый Адольф Мартин, женатый на Марии Шишло. После Адольфа Гремяче принадлежало его сыну Юзефу Эдварду (1878—1949), женатому на Александре Храповицкой, историку, писателю, поэту. В

1890 г. владения Юзефа составляли 731 десятину [546]. Юзеф Эдвард в Фрибурском университете (Швейцария) получил степень доктора. Занимался изучением происхождения княжеских родов, их политической ролью в жизни ВКЛ («Великое княжество Литовское до Миндовга», 1937). Автор лирических и сатирических стихотворений, поэм, гимнов, поэтических драм, повестей, книги о Марии Родзевич [517].

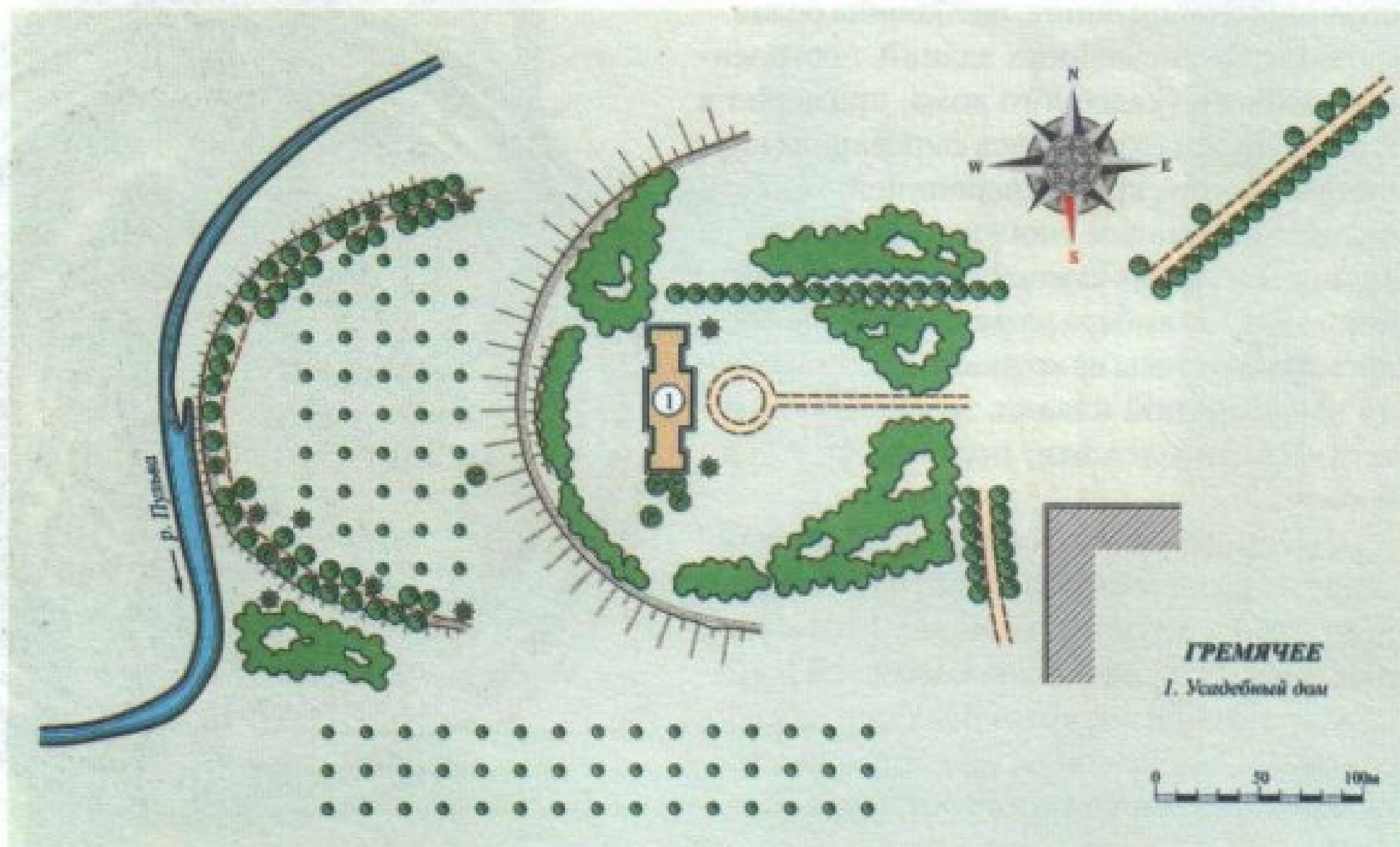


Гремяче. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1987 г.

Юзеф Эдвард продал земли имения осадникам и в 1933 г. переехал жить в Большую Берестовицу. Земельные угодья имения и его недвижимое имущество этого времени отражает ипотечная книга за 1921 год [21].

Достоверных сведений о закладке усадьбы не имеется, что отмечает Р. Афтанази [596]. Принято считать, что она заложена в середине XIX в. Пузынами [731]. Более правдоподобно, что построена Вислоцкими, которым принадлежали соседние Лыщицы. В1857 г. Николай Вислоцкий жил еще в небольшом деревянном доме.

Усадьба заложена на живописно всхолмленной террасе Пульвы (схема). Центром композиции стал небольшой, но красивый, построенный в формах позднего классицизма, усадебный дом. Он занял наиболее приподнятую холмообразную часть усадьбы. Здание кирпичное, оштукатуренное, прямоугольное в плане (35×20 м), одноэтажное. Крыша четырехскатная, с люкарнами. Парадный фасад украшает четырехколонный дорический портик с треугольным фронтоном. Симметрично расположенные ризалиты увенчаны аттиками с каменными вазами. Фасад наделен богатым декором: пилястры, ниши, филенки, наличники и сандрики, розетки и висячие гирлянды. Не менее живописен парковый фасад здания. Он также имеет симметричную композицию, но вместо портика на фасаде ризалит с треугольным фронтоном и прилегающей



Гремяче. Усадебный дом. Ризалит. Фото 1987 г.

к его основанию террасой, выводящей в парк. В 1990 г. в доме имелись оригинальная винтовая лестница с живописным декором и кафельные печи с аттиками и карнизами в завершении.

Дорога к дому шла по оси здания. Въезд с двух сторон отмечен небольшими древесными массивами (клен, липа, конский каштан, белая акация), подбитыми декоративными кустарниками. За ними взору открывался большой партер с кругом и клумбой в центре. Симметричная композиция здания подчеркнута двумя крупными лиственницами европейскими с живописными ажурными кронами. Вторую, также симметрично расположенную пару солитеров, образовывали сосны веймутовы (не сохранились). Массивы одичали. Отпрыски белой акации наступают на бывший газон, сжимая пространство партера. Почти утраченной (осталось 5 деревьев) оказалась линейная редкостойная посадка лиственницы по северной окраине партера. С южной стороны партер был открыт в сторону сада по спускающемуся пологому склону, чем достигалось визуальное увеличение паркового пространства.

Представление о парковом партере дает одна из фотографий (до 1914). Перед зданием симметрично ризалиту росли два дерева (видимо, конские каштаны). Центр партера занимала высокая клумба. От него склон спускался к руслу Пульвы, повторяя форму его изгиба. Вдоль гребня террасы проходила дорожка по аллее возможно, формованной из граба. От прежних композиций остались одиночные деревья, небольшие группы (дуб, граб, ель, береза), подбитые снежноягодником, спиреей Бияра, бирючиной, и несколько интродуцентов: ель колючая, ясень обыкновенный 'Hessei', единственный в парках Беларуси куст айвы, достигающий в наших условиях высоты 3,4 м, лиственница, боярышник, шелковица белая.

Из хозяйственных зданий, построенных позднее усадебного дома, примерно в начале XX в., сохранились сыроварня (кирпичное здание, крытое черепицей, 14×7 м); ледник, небольшое сооружение (7×7 м) из крупных колотых камней, позднее удлиненное на 7 м. От амбара размером 14×7 м остались только стены из крупного колотого камня качественной кладки, завершенные известковыми блоками; полностью утерян бровар.

Геоморфологические особенности местности в сочетании с композиционными приемами делают небольшую усадьбу уютной, в некоторой степени замкнутой и вместе с тем не лишают красочных дальних перспектив. Однако она не используется, разрушается, насаждения дичают.

Гремяче. Усадебный дом. Медальон. Фото 1987 г.

Холожин
(д. Охово)

Холожинское дворище было пожаловано княгиней Марией Семеновой и ее сыном князем Василием их боярину Фурсу Ивановичу 1 июня 1495 г. [520]. В Акте за 1496 г. Фурс Иванович значится наместником пинским. Имел титул воеводы и входил в раду княгини Марии. По наследству имение получил один из его четырех сыновей Венедикт, подчаший, а при королеве Боне — хорунжий пинский. Затем Холожином владели его наследники [520]. С XVII в. владение Терлецких, затем Дашковичей, пинских иезуитов. В 1780 г. Холожин вместе с Велесницей купил генерал Петр Твардовский. Ему принадлежали также соседние Твардовка и Мерчицы. От Твардовских Холожин отошел Скирмунтам, возможно, Адаму (умер в 1842), женатому на Анне из Ордов. Их сын Болеслав стал мужем Каролины Скирмунт из Молодова. В 1852 г. владельцы вновь менялись. Известно дело о совершенной купчей между В. и А. Скирмунтами [125]. В 1876 г. небольшое имение с земельным наделом в 303 десятины принадлежало Герарду Серафимовичу Корсаку, получившему его по наследству [547]. В 1923 г. Холожином владела Мария, в 1935 г. — Идалия Корсак [15, 16].

Холожин. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

Владельцев имения хоронили обычно около местного костела, построенного в 1758 г. пинскими францисканцами и отданного затем униатам. Костельный алтарь просто, но со вкусом выполнила Хелена Скирмунт из Колодного [608]. В 1867 г. костел становится Крестовоздвиженской церковью. Возле стен храма в 1998 г. при очеред-

Холожин. Крестовоздвиженская церковь. Фото 1999 г.

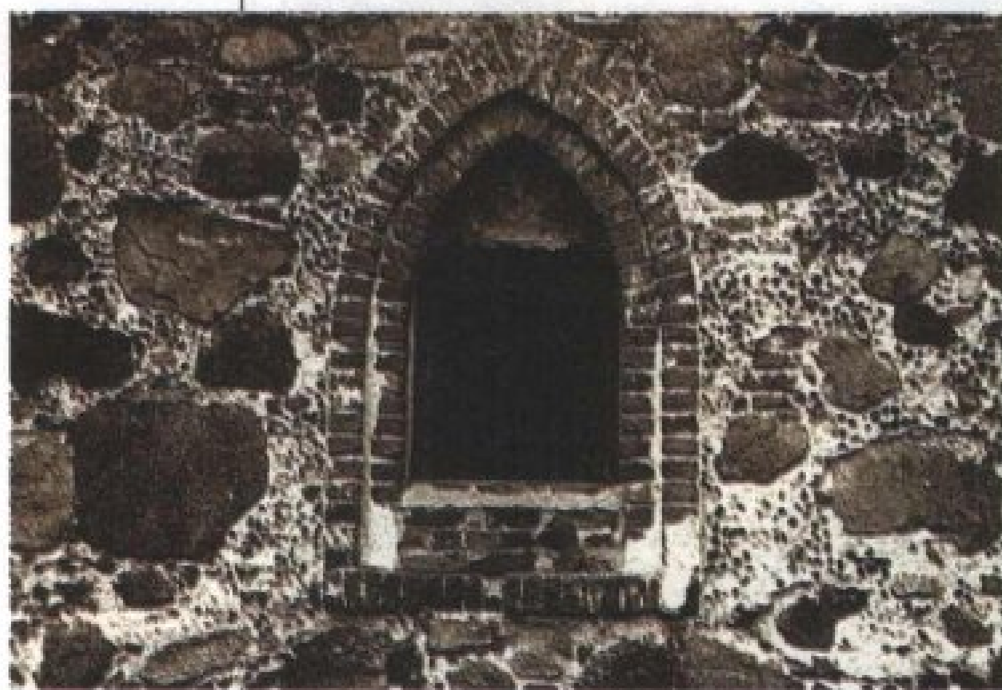
ном захоронении обнаружен медный гроб с прахом одного из владельцев имения — Адама Скирмунта. С южной стороны храма под каменными плитами покоятся Юзеф (1786—1840), ректор Виленского университета, и Петр (умер в 1861). Рядом — могила Марии Твардовской, дочери Юзефа, жены Генриха Скирмунта.

Холожин. Парк. Фрагмент древостоя. Фото 1999 г.

Усадьба расположена среди поля вдоль дороги Охово—Полуторановичи, на ровной плоской местности. Она небольшая, площадью около 5 га, просто устроенная. Одноэтажный деревянный дом (28×2 м), расположенный в глубине усадьбы, построен в духе усадебной архитектуры середины XIX в. Оштукатурен, накрыт двухскатной крышей с заломами, во фронтонах — полуциркульные оконные проемы. На фасаде имеется четырехколонный дорический портик, который позже был дастроен. Бревенчатые стенки образовали веранду. Дом еще выглядит достаточно крепким, долгое время использовался под больницу.

Перед домом расположен небольшой газон в окружении древесных групп, подъезд к нему имеет каплеобразную форму. За домом небольшой пересыхающий водоем. Древостой парка образуют очень старые липы, дубы, клены, ясени, которые растут в виде вытянутых узких массивов, небольших групп, одиночно. Деревья имеют стволы в диаметре до двух метров. В восточной, несколько пониженной части парка, расположена экзотическая группа из двенадцати огромных тополей белых со сломанными вершинами. Вокруг водоема, рядом с ним в понижении доминируют ольха черная и ива ломкая. Величественный старый древостой, видимо, со второй половины XVIII в. составляет особое достоинство парка. Он главенствует в усадьбе. Качество восприятия парковой среды снижается распаханностью полян.

Небольшая усадьба Скирмунтов принадлежит арендатору. Распашкой и освоением полян расстраивается прежняя планировка. Дом пустует.



Рясна. Хозяйственное здание. Фрагмент фасада. Фото 2002 г.

Рясна

В Метрике ВКЛ за 1440—1498 гг. указывается село Рясна, записанное в 1466 г. великим князем литовским «... Евлашку да Юшку Тречевичам ...», которое «... за Боярскимъ было ...» [414]. В 1507 г. «именейцо» принадлежало Игнатию Никитиничу, писарю господарскому [434]. В 1508 г. по листу короля Игнатий получил «... два человѣка и жеребий пустовскій на Рясной...» Затем имением владели Йодко, Хлевицкие, Войны. В 1567 г. Лаврин Война, писарь королевский, с имений своих «Расны и Борщово ставил коней 11» [428]. В имении Лаврина имелась церковь св. Пророка Ильи, возле которой в 1580 г. завещала себя похоронить Федора Петрашкович [500].

Лаврин (?—1580), сын Матвея, одна из наиболее известных личностей рода — подскарбий надворный ВКЛ (1569), посол сеймовый, подскарбий земский (1576). Кроме Рясны (Росное), имел многочисленные владения (Лососин, Свислочь, Путришки, Миратичи и др.) и «ставил в войско ВКЛ 35 конников» [270].

Рясна. Служебное здание. Фрагмент фасада. Фото 2002 г.

От Лаврина Рясна перешла его среднему сыну Андрею (?—1630), дворянину королевскому, крайчему ВКЛ, старосте, подчашему. В 1631 г. Рясной владел сын Петр Андреевич, староста волковысский [500]. У Лукаша, сына Андрея, Рясну вместе с Высоко-Литовском и другими имениями купил Павел Сапега, воевода витебский [741]. Затем Рясной по наследству владели средний сын Бенедикт, стольник, литовский подскарбий, с 1700 г. — внук Михаил Сапега. При Михаиле местечко славилось ярмарками, которые проводились, начиная с 1715 г. в день св. Ильи [430]. Купцы съезжались из Вроцлава и Гданьска, из Москвы — с мехами, из Хотима — с лошадьми. В 1722 г. Михаил Сапега продал Рясну Юзефу Матушевичу [762].

У истоков этого рода (XVII в.), который получил большое разветвление, начиная с третьего колена, стоял Андрей [172]. Матушевичи жили в сапеговском деревянном доме, построенном в 1722 г. В 1744 г. Юзеф пригласил в Рясну представителей монашеского ордена мариан из Италии, а в 1749 г. построил на берегу Пульвы костел св. Анны и монастырь мариан, перестроив для его целей скарбец Сапег с несколькими комнатами, подарил монастырю фольварк Топоры и хутор Заболотье (сооружения не сохранились). Затем имение перешло сыну Юзефа Мартину (1714—1773), впоследствии каштеляну брестскому, автору «Диариуша», изданного в 1876 г. В 1849 г. по раздельной записи, совершенной Грабовскими на имения Толкачевичи, Семеновичи Игуменского уезда и Рясну, имение отошло Грабовским [120]. Новое имение обошлось в сумму 10711 рублей серебром [729] В 1890 г. большим имением с фольварками Марцелин и Черново владел Карл Грабовский. Земельные угодья его составляли 1650 десятин [546]. В 1903 г.

Рясна. Фрагмент водной системы. Фото 2002 г.

Рясна. Хозяйственное здание. Фото 1999 г.

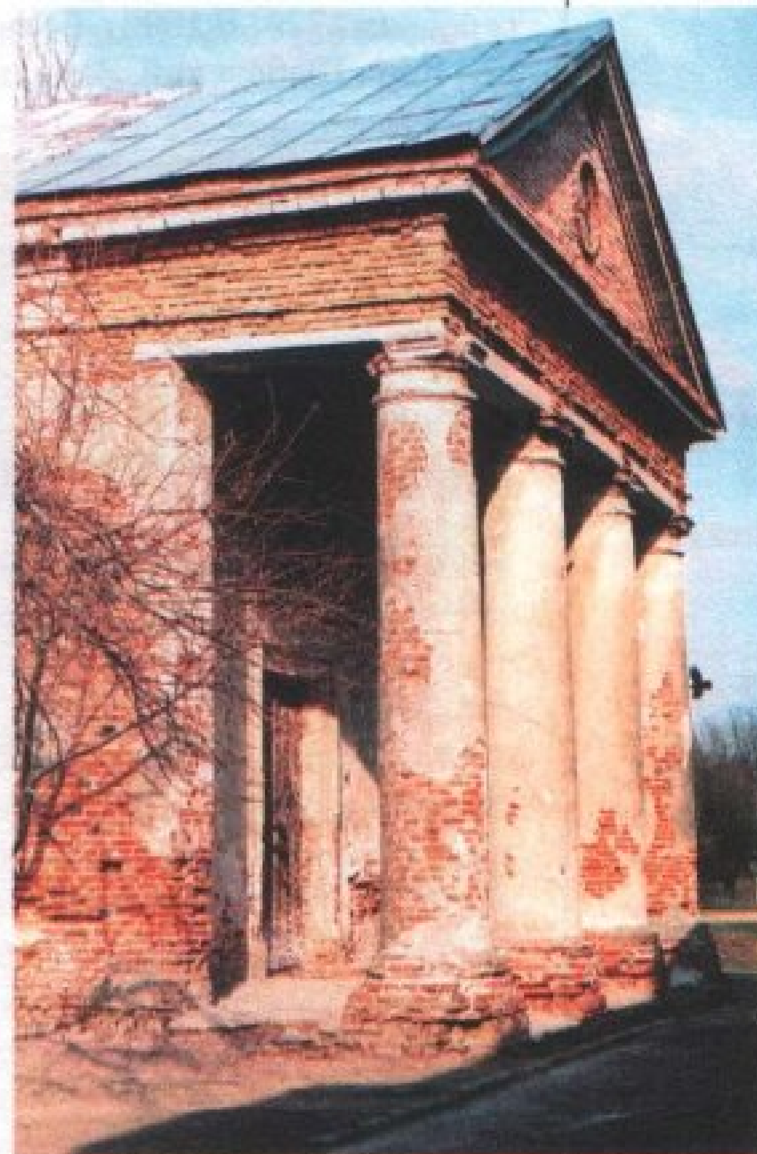
имение, владельцем которого был Сергей Заринь, было заложено в Виленском государственном дворянском земельном банке сроком на 66 лет и 6 месяцев. Сумма залога составляла 24600 рублей [6].

Ко времени владения имением Грабовскими двор Сапег обветшал, и они заложили новую резиденцию на месте старой, на живописной высокой террасе ручья Ковалихи-Млынец, притока Пульвы. Центром композиции стал новый одноэтажный каменный усадебный дом. Здание не сохранилось. В основу композиции парка положены два водоема, один из них с островом, на котором стояла «альтанка». Остров порос ивами, тростником. Служит местом уединения лебединой семьи. На берегу водоема работала мельница. Водоемы полноводны. Сформированы в пойме ручья, разделены дамбой. По ней проходит одна из въездных дорог в усадьбу. Аллею вдоль обвалованного берега водоема образуют старые очень больших размеров (диаметр стволов более метра) ивы белые. На водную гладь водоемов вдоль полого склона с партером (его заняли огороды) были ориентированы перспективы с парадного двора. С восточной стороны двора находилось каменное служебное здание, состоящее из двух двухэтажных объемов, соединенных одноэтажной вставкой. Декор зданий составляют фриз, проходящий по линии раздела этажей, карниз, пилястры. В треугольных фронтонах имеется по одному окну. Оригинальное здание, называемое «пральняй», пустует, разрушается.

От хозяйственного двора сохранились два крепких здания также середины XIX в. весьма качественного исполнения, свидетельствующие о добротности усадьбы Грабовских. Одно из них, видимо, амбар, прямоугольное в плане (40×13 м), стены сложены из больших натуральных камней с вставками кирпича, в связующей извести — вкрапления черного и красного щебеня. Углы выложены кирпичом, образующим вертикальные пояса руста. Прямоугольные щелевые окна находятся только на фасадной продольной стене, в ней же прорезаны три широких входных проема с лучковыми завершениями. Плоскости остальных стен глухие.

Второе двухэтажное здание (25×10 м) с пристройкой (5,5×5 м) построено в той же технике. Деление на этажи обозначено поясом из кирпича, поставленного на торец. Единственное окно в поперечной стене имеет оригинальную кованую решетку, изготовленную в виде древесного прута с короткими побегами. Здания без крыш, пустуют.

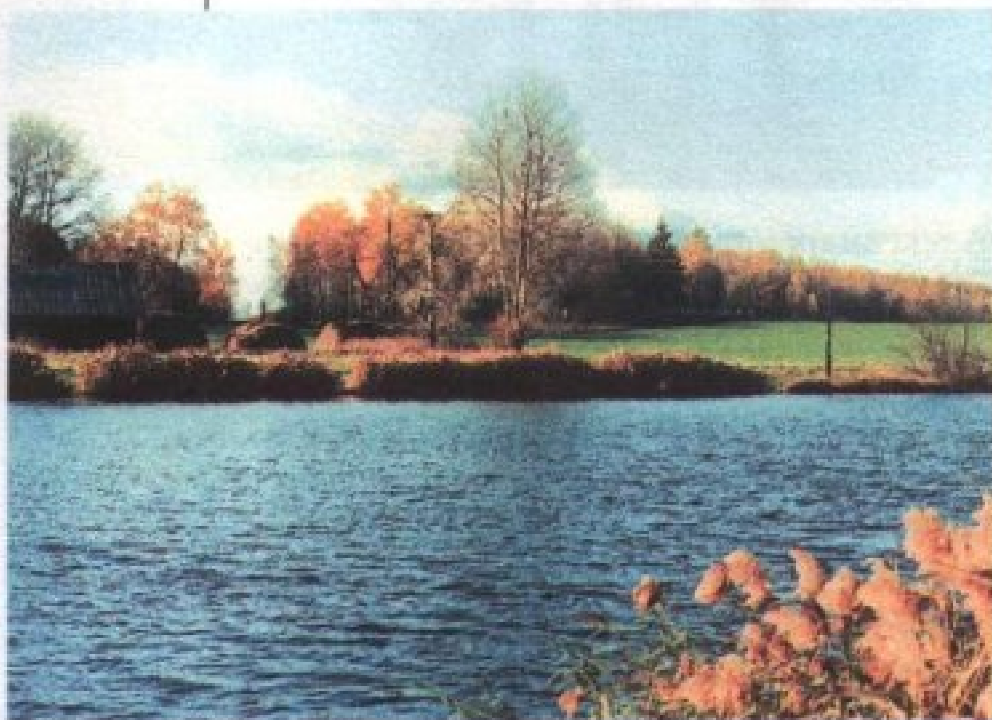
Сохранившийся протестантский храм, видимо, начали строить еще Матушевичи в первой четверти XIX в. в формах классицизма. Достраивали Грабовские, и он стал их фамильной усыпальницей. Представляет собой небольшой кирпичный оштукатуренный, однонефовый объем зального типа с полуциркульной апсидой и на парадном фасаде с мощным четырехколонным портиком дорического ордера. Дверной проем обрамлен скромным классицистическим порталом. В крипте храма покоились Грабовские. На цепях были



Рясна. Протестантский храм. Главный фасад. Фото 2003 г.

подвешены четыре саркофага, шесть захоронений имелось в печурах крипты (из них сохранились три). Первый владелец имения, фундатор костела граф Грабовский был захоронен возле храма. Могила и высокая стела на ней не сохранились. Отремонтированное в последнее время здание (выложен заново фронтон) приспособлено, к сожалению, под склад.

Разрозненные современной застройкой фрагменты бывшей усадьбы заслуживают большого внимания как памятники, связанные с жизнью Войнов, Сапег, Матушевичей, Грабовских.



Железница. Фрагмент водоема. Фото 1999 г.

Железница

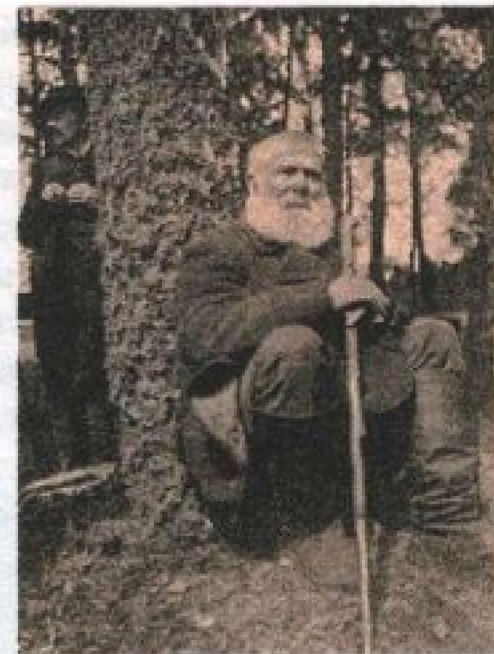
Всередине XV в. владение Сапег [414]. В первой половине XVI в. принадлежала роду Кезгайло, угасшему в 1556 г. [542]. Возможно, в это время перешло Ходкевичам. В 1567 г. «... пани Зофья Александровна Ходкевича, конюшая дворная з имъней своих Железницы, Торшичь и др. ставила коней 73 збройно» [428]. Затем имением владели Завиши, Кащицы [663]. Иосиф Кащиц, мстиславский крайчий, судья и писарь Главного литовского Трибунала, депутат на Гродненский сейм 1752 г., купил имение в 1763 г. В 1769 г. также по купчей крепости ему отошло имение Ятра. Предком рода герба Радван являлся Александр, земянин в Новогрудском воеводстве, владевший по купчей крепости частью земли имения Дворец [162, 163]. Владения Иосифа унаследовал сын Михаил, от него Железница досталась старшему сыну Иосифу, а второму сыну Ивану — Ятра.

Полковник Иосиф Кащиц являлся предводителем дворянства Новогрудского уезда, был женат на Софье Расико, имел сыновей Константина (1822 г.р.), Карла (1823 г.р.) и Юлиуша (1828 г.р.). За участие в восстании 1830—1831 гг. был внесен в первый разряд государственных преступников, в 1842 г. исключен из дворянства и родословной книги. Наказания избежал, эмигрируя за границу. Сыновья позже были признаны во дворянстве [162, 163].

Конфискованное имение стало собственностью рода Вольских герба Равич. По родословной у истоков рода стоял Ян Казимир, поручик войск польских (1711), владелец имения Новосяды в Ошмянском повете [159]. В исторических документах Вольские упоминаются с XVI в.: Матеуш Вольский — владелец имения Островецкое в Ошмянском повете и каменного дома в Вильно (1590); «Вельможный Миколай Вольский на Кремянице» и витебский каштелян, владевший в 1619 г. имением Головачи на р. Котра [56, 243].

Железница после конфискации стала собственностью Александра. В 1862 г. состоялась передача Александром права на владение имением его сыновьям [138]. В

Железница. Фрагмент водоема. Фото 1999 г.



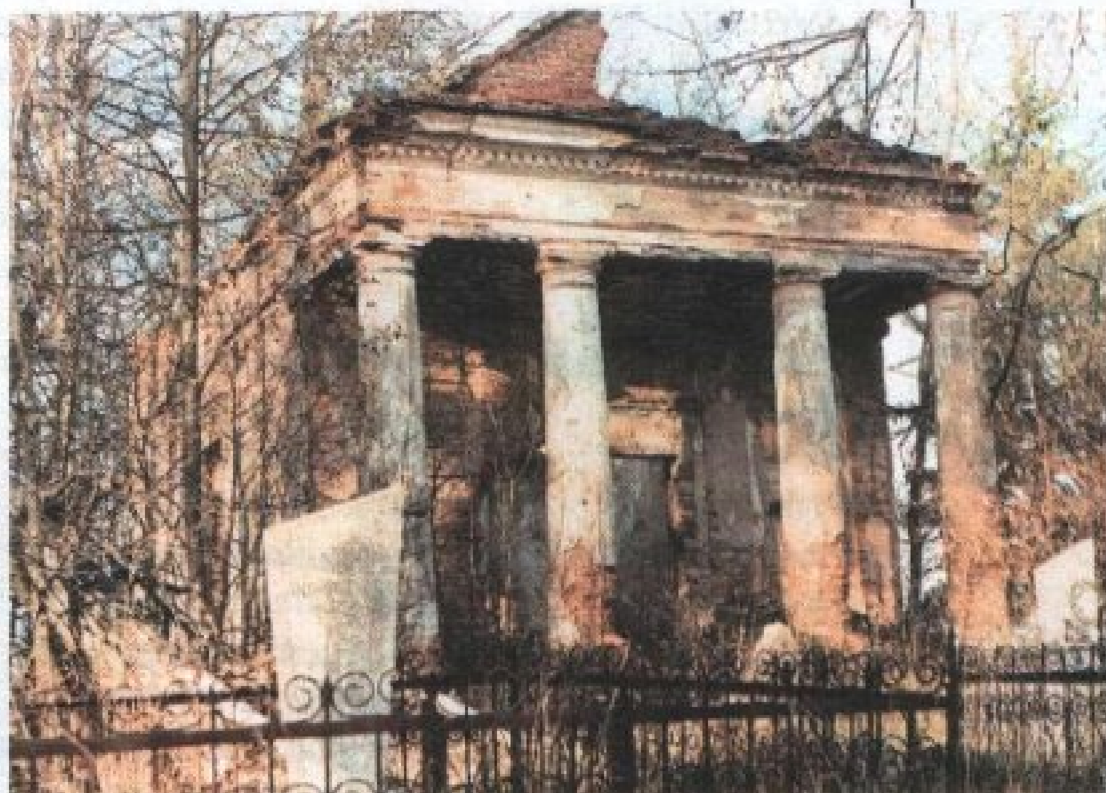
Железница (слева направо): большой алтарь каплицы; каплица; 100-летний старец Ян Добик. Фото 1907г.

1876 г. земельные угодья имения Николая Александровича составляли 540 десятин [547]. В 1888 г. имение принадлежало его сыну Александру [546]. В начале XX в. отошло Миллерам. В 1911 г. имением, земельные угодья которого составляли 1650 десятин, владел Александр Фон-Миллер [549].

Усадьба в Железнице заложена на слегка пересеченной местности около небольшого ручья, притока Мышанки. От нее сохранились отдельные фрагменты. Из сооружений осталась сыродельня, небольшое кирпичное сооружение с низкой двускатной крышей. На месте усадебного дома построено здание школы. Основу ландшафта образует полноводный, вытянутый вдоль русла ручья, водоем. Уровень воды держит хорошо устроенная дамба. Раньше здесь работала мельница. С восточной стороны к нему примыкает небольшой парк бывшей плебании со старыми экзотическими ивами ломкими, зарослями черемухи, тополями белыми, куртиной рудбекии. За ним стояла униатская церковь, а еще дальше расположено кладбище.

С западной стороны на возвышенной террасе ручья расположено католическое кладбище с каплицей владельцев, построенной Вольскими в середине XIX в. в формах классицизма. Вид святыни передает одна из фотографий 1907 г. [723]. Каплица — в плане прямоугольник (10×7 м), высота до карниза — 7 м. Фундамент сооружения из колотого камня, стены сложены из светло-красного кирпича, оштукатурены и расчленены пилястрами. Прямые окна обрамлены наличниками с «полотенцами», на алтарной стене сделана ниша в таком же обрамлении. Фасад украшен дорическим портиком на четырех колоннах, фронтон с полуциркульным окном. Была перекрыта крестовым сводом. Внутри сохранился пристенный алтарь в ионическом стиле с двумя пилястрами и фризом, расписанным «полотенцами» и «звездочками». На фронтоне — монограмма Христа и растительные побеги. В склепе-усыпальнице с полуциркульным сводом расположены камеры для захоронений.

Железница. Каплица. Фото 1999 г.



Каплица — хороший образец малых архитектурных форм. Стоит на возвышении, на окраине кладбища, к которому ведет аллея из тополя канадского. Она стала неотъемлемой частью простого сельского ландшафта. Нуждается в срочной консервации.

Альбрехтово. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

Альбрехтово

Первое упоминание Сельца, так первоначально именовалось поселение, относится к 1514 г. [638]. В первой половине XVII в. владение князя Альбрехта Станислава Радзивилла (1593—1656), женатого на Екатерине Любомирской, ордината алыкского, подканцлера литовского, канцлера великого литовского (с 1623), старосты виленского, пинского. Впоследствии Сельцо стало называться именем князя, который получил известность и как политический деятель, отстаивавший равенство привилеев ВКЛ и Польши, автор многих произведений, написанных на латинском языке, в которых обращался к темам политическим, религиозным, к культуре и жизни шляхетского сословия. Князь завещал Альбрехтово иезуитам, подарил им также села Дубой, Бродница, Беркозы, Яечковичи, Новоставцы и Бесхлебичи, фундовал строительство Пинского иезуитского коллегиума (фундуш утвердил сейм 1635) [634]. Коллегиум отличался высоким уровнем обучения. Из его стен вышли многие видные люди того времени. В коллегиуме учились Адам Нарушевич (1733—1796), поэт, историк, бискуп; Кароль Вырвич (1717—1793), педагог, географ, историк; Матеуш Бутримович (1745—1815), известный хозяйственный деятель на Полесье и др. Во второй половине XVIII в. в иезуитской школе обучалось около 600—700 учащихся [730]. В 1695 г. князь заложил угловой камень в фундамент лучшей святыни Пинска — костел иезуитов [608].

Видимо, от иезуитов имение перешло Огинским. В 1759 г. Альбрехтово стало собственностью Адама Бжостовского, каштеляна полоцкого, женатого на Геновефе из Огинских. В конце XVIII в. перешло князьям Понятовским герба Телок (другой, не королевской линии). Король Август Понятовский посетил усадьбу в 1784 г. во время своего визита в Кристиново к Бутримовичам [650]. В 1796 г. у Франтишка Понятовского имение купил Шимон Скирмунт, владелец Молодова и Поречья. Затем его унаследовал сын Александр. Статистические сведения об имении Александра Скирмунта, камер-юнкера двора его императорского величества, даны в Инвентаре за 1847 г. [112]. По возвращении из ссылки в Альбрехтово два года вместе с детьми жила Хелена Скирмунт, художник, скульптор, жена старшего сына Александра Казимира, также отбывавшего ссылку.

Альбрехтово. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото до 1939 г.

При Александре имение получило известность в связи с работой фабрики стеариновых свечей и мыла, которая стала одной из крупнейших в России. Для целей фабрики Александр выделил здания, в которых в 1850 г. варшавским купцом Робертом Ботте было основано производство. На фабрике, сдаваемой в аренду, работало от 60 до 70, а в 1877 г. — 213 рабочих. Работе предприятия благоприятствовало наличие говяжьего жира, который сотнями тысяч пудов транспортировался из Кременчуга, Крюкова, Екатеринослава через Пинскую пристань в

Альбрехтово. Усадебный дом. Фото 1999 г.

Кенигсберг, Данциг, Варшаву. Дешевым путем к фабрике по воде поступали также дрова. Она была снабжена лучшими машинами и снарядами, выписанными в основном из Варшавы (гидравлические теплые и холодные прессы, оборудование для наливания и полирования свечей, медные котлы, оловянные формы и др). В 1897 г. устанавливается паровой котел [146]. Сало покупалось в объеме до 35 тысяч пудов в год, стеарин выделывали на месте. Один пуд сала давал от 20 до 21 фунта стеарина. Сальных свечей выделывалось из пуда сала около 38 фунтов [460]. Продукция фабрики в 1860 г. составляла 2250 пудов свечей и обычного мыла [650]. Она успешно экспортировалась в Киев, Минск, Варшаву, Вильно. На Всероссийской промышленной выставке в 1861 г. фабрика была награждена Малой серебряной медалью. Серебряными медалями награждалась в 1865—1870 гг. [284].

В 1873 г. при разделе владений умершего в 1870 г. Александра Альбрехтово с доплатами отошло его малолетнему племяннику Зигмунту, что отмечено в книге Виленской соединенной палаты уголовного и гражданского суда [27]. Его отец Зигмунт Александрович, кому предназначалось имение, доктор философии Гейдельбергского университета, умер в 1863 г. в Женеве. Покоится в склепе на кладбище Пер-Лашез в Париже. Мать, Евгения Савицкая, после рождения сына стала женой Леона Сулистровского и вместе с ним оказалась в ссылке за участие в восстании 1863—1864 гг. Зигмунт Зигмунтович (1863—1926), родившийся в Женеве, рос в Пинске под опекой дяди Генриха из Молодова. В 1888 г. Зигмунт женился на Марии Жолтовской (1870—1939). Успешно занимался делами имения. В 1901—1902 гг. построил винокуренный завод [148]. Их дочь Ирена (1896—1981), проживающая в Лондоне, была матерью Софьи Дерналович, которая в 1978 г. составила родословную Скирмунтов.

Земельные угодья имения в 1911 г. составляли 1633 десятины [549]. В 1925 г. часть земли была продана и состоялось землеустройство имения [12]. После 1926 г. владельцем Альбрехтова стал самый младший сын Богдан (1898—1940), женатый на Леокадии Ковальч (умерла в 1987). В 1935—1936 гг. он строит кирпичный завод [9]. Богдан погиб в сибирской ссылке в 1940 г. [626].

Усадьба построена Александром Скирмунтом, маршалком Пинского уезда, примерно в середине XIX в. на месте старой усадьбы Понятовских (в связи с чем, видимо, был составлен Инвентарь 1847 г.). Она расположена недалеко от Пинска (теперь вошла в черту города) на ровной террасе р. Пина. Во время разлива река заливала пойму и вода доходила до самой усадьбы. Центром композиции стал новый усадебный дом, построенный среди парка. В плане прямоугольный (40 х 14 м), одноэтажный, с мансардой и четырехскатной крышей, углы скругленные, стены украшены рустом, прорезаны регулярными рядами прямоугольных окон (с сандриками разной формы):

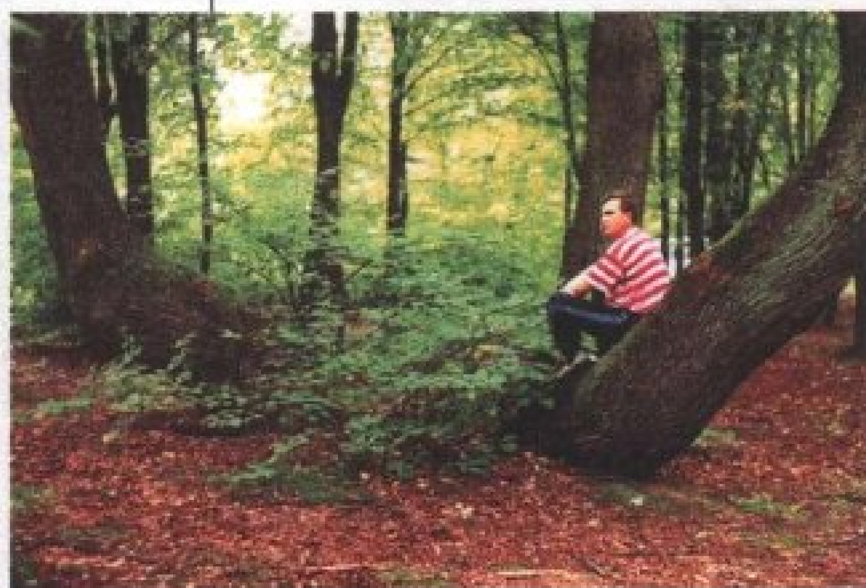
Альбрехтово. Конюшня. Фото 1999 г.

лучковыми на первом этаже и прямыми с выступом — в верхнем мансардном. Входы в дом имеются со всех четырех сторон. Парадный фасад был выделен аркадным портиком из трех арок и мансардой. Просветы боковых арок были шире просвета арки фронтальной, чем обеспечивался заезд для экипажей. Фасад мансарды украшали пилястры, профилированный карниз, выгнутый по оси аналогично полукруглому щиту. Парковый фасад здания имел своеобразный шестиколонный портик с двумя боковыми добавочными пилонами, лишен фронтона, завершен сплющенной трехскатной крышей. Интерьеры здания не отличались особым богатством [596]. Стены комнат были выкрашены, полы паркетные. В доме имелось много старинной мебели, разных семейных реликвий. Во время первой мировой войны дом лишился всех собраний и не ремонтировался. Владельцы перешли жить в рядом стоящую официну. Она не сохранилась.

В послевоенные годы здание было надстроено на один этаж. Портики не сохранились. Оно приняло упрощенный, несколько аскетический вид. Поднявшиеся березы, неудачно высаженные вдоль здания, закрывают фасад. На противоположной стороне двора (за бывшим партером) расположено одноэтажное здание, часть которого относится к временам Скирмунтов. С другой стороны партера стоит амбар, прямоугольный в плане (17×9 м), двухэтажный, фронтоны деревянные, крыша двухскатная, стены кирпичные с маленькими окошками и входными дверьми в торцах. В нижнем этаже имеется небольшая камера со сводом.

Представляет интерес бывшая конюшня, построенная примерно в начале XX в. Своеобразно ее расположение на ровной значительно заниженной по отношению к рельефу местности, площадке с подпорной стенкой. Таким «углубленным» расположением обеспечивалась возможность по специальному настилу подниматься транспорту на второй (чердачный) этаж, где складировались корма для лошадей. Здание прямоугольное (30×10 м), с высокой крышей, стены из красного кирпича, углы укреплены столбами и эскарпами. Рядом сохранилась полоса булыжной дороги и ряд ясеня.

На территории бывшей усадьбы располагается Республиканский реабилитационный центр. Здания пустуют. От пейзажного парка, спускающегося к Пине, остались два водоема.



Молочевщина. Фрагмент парка. Фото 2001 г.

Молочевщина

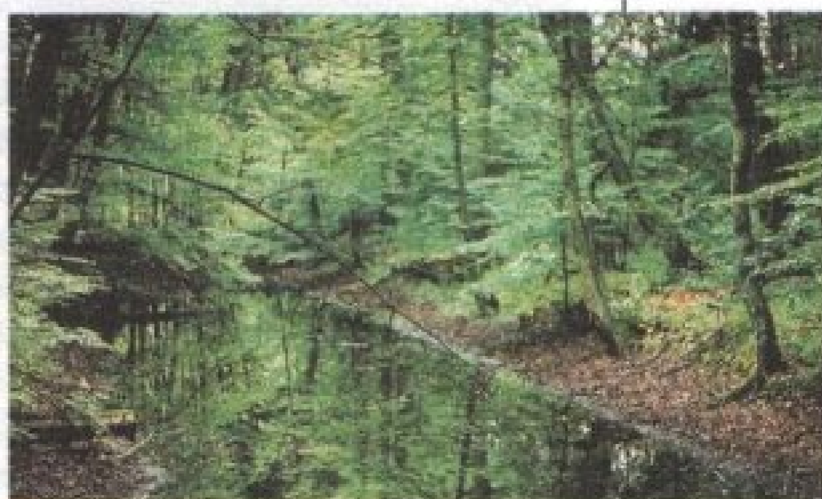
Владение Молочевских. Малоизвестная усадьба расположена между деревнями Пески и Перки. Планировочно расстроена, но общие элементы композиции еще прослеживаются. В усадьбу ведет длинная въездная аллея, обсаженная ивами ломкими. Усадебный дом, деревянный одноэтажный с мансардной крышей, располагался в глубине парка. Сгорел в годы последней войны. Его месторасположение показывает крупное дерево лиственницы в возрасте более 150 лет с диаметром ствола более метра, посаженное в центре круга парадного партера. Рядом расположен большой памятный валун (2×0,9 м).

Перед партером располагается парк в форме прямоугольника необычной планировки. В основу его композиции положена водная система регулярного типа, состоящая из главного канала, хорошо выраженного (ширина 6 м), который проходит по южному краю усадьбы и отводит избыток воды в Мухавец. Он заполняет два попереч-

ных более узких канала протяженностью по 150 м, охватывая вместе с ними парадную часть усадьбы с трех сторон. В этом прямоугольнике доминирующее положение занимает водоем прямоугольной формы длиной до 60 м, в который поступает вода по одному из каналов. Водоем окружает живописный разреженный древесный массив в основном из липы и граба. Экзотичны причудливо изогнутые липы, растущие кустом. Заросли образует спирея, растут одиночные деревья тополя канадского 'Serotina', конского каштана.

Молочевщина. Фрагмент парка. Фото 2001 г.

Также, только фрагментом пейзажного парка в 3 га, представлена усадьба Шеметов **Шеметовка**, заложенная на ровной приподнятой суховатой местности. На месте руин фундамента деревянного одноэтажного с мансардой дома поднялось молодое поколение деревьев, партер покрылся рябинником. В подъездной аллее пять лип и пять кустов порослевого происхождения, буйно разросшихся в послевоенное время. На месте костела построена школа. Деревья парка растут в виде небольших групп. Особой декоративностью выделяются клены с раскидистыми кронами. Один из кленов развивает крону до 18 м, имея на высоте четырех метров три мощные ветви. Одиночно в древостое есть липа, ель, сосна, граб. В парке много сирени, образующей округлые куртины, растут бузина черная, спиреи, белая акация, бересклет, рябина, лиственница Кемпфери и европейская, ива козья, конский каштан. Липа крупнолистная достигает 28 м высоты и диаметра ствола до 1 м. В парке росли черешни. Два дерева, перенесшие все суровые зимы, имеют высоту до 9 м, они обильно плодоносят. Парк окружал сад с защитной обсадкой по периметру. Вдоль него проходила главная аллея усадьбы, теперь улица деревни.



Молочевщина. Фрагмент водной системы. Фото 2001 г.

Запущенный фрагмент парка расположен между фермой и школой. Может иметь рекреационное значение, особенно для школы.

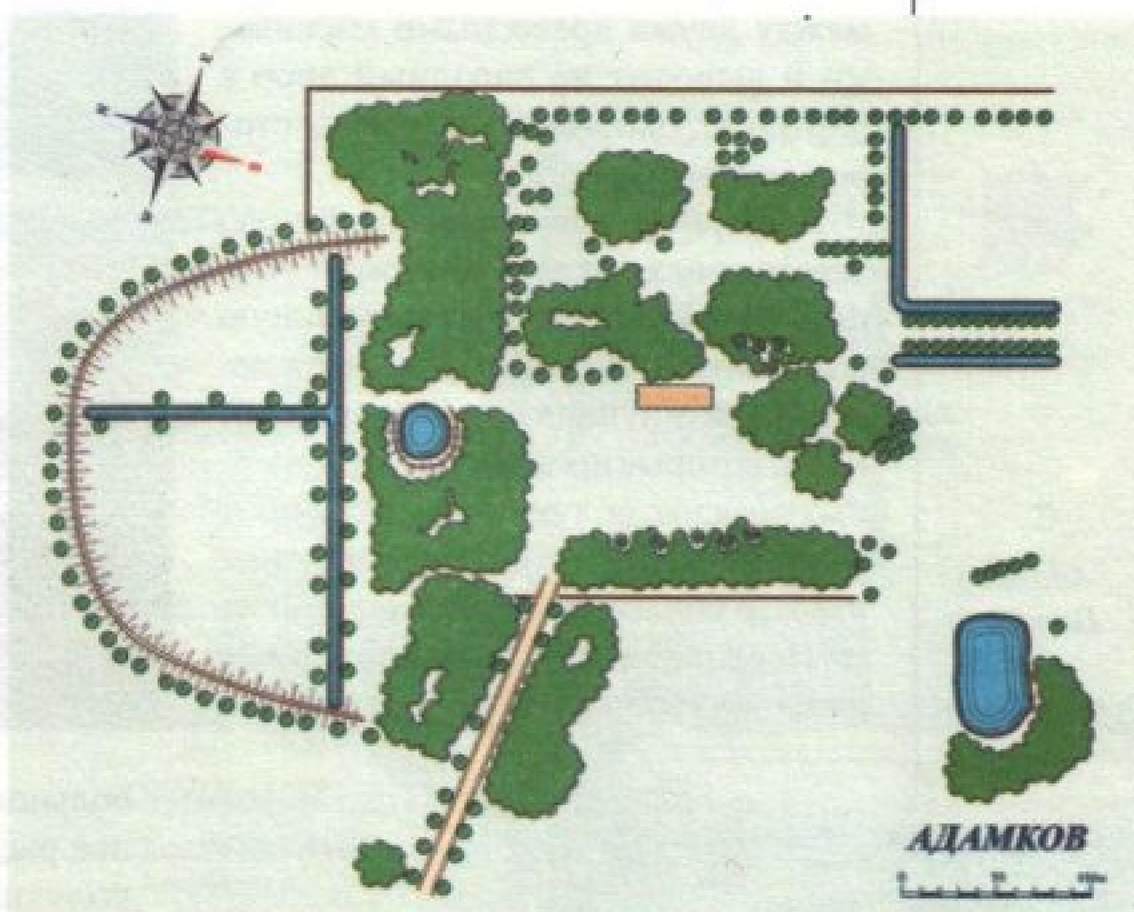
Адамков. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

Адамков
(д. Лысково)

Известен с XVIII в. как владение Быховцов герба Могила, родовым имением которых являлись соседние Могилевцы [595]. В 1751 г. имение принадлежало Яну Быховцу, волковысскому маршалку [397]; затем Адаму и его жене Изабелле. В 1890 г. имением с фольварками Чернолес, Жеремяны, Городиск владел Здислав. Земельные угодья имения составляли 1479 десятин [546]. Последними владельцами были Леон и Анна Быховцы [596].

Усадьба была сформирована примерно в середине XIX в. (схема) Центром композиции являлся усадебный дом, сравнительно большой оштукатуренный, с высокой гонтовой крышей. Парадный фасад имел портик из четырех широко расставленных

массивных колонн, на которые опиралась несколько подвинутая вперед мансарда. Заметную роль в декорировании фасада играли две симметрично расположенные пристенные колонны. Дом сгорел в годы последней войны. Сравнительно хорошо сохранился парк, который по усложненному планировочному решению ближе к пейзажным паркам времен эклектики. Его центральная часть представлена большим партером и пейзажной частью за домом, обсаженной по периметру линейными посадками в виде рядов из ясеня, липы. Широкой аллеей из лип она соединялась с хозяйственной частью усадьбы, где прослеживаются руины фундаментов зданий в окружении сирени, имеются одиночные деревья, небольшой водоем.



С противоположной стороны к центральной части парка примыкают липовый массив (липняк снытьевый) и разреженный древесный массив из разных пород со вторым небольшим водоемом в глубоких берегах. Составной частью парка являлся сад, окруженный валом, вдоль которого проходит однорядная защитная полоса. Вал имеет полусферическую форму, чем увеличивается привлекательность прогулочного маршрута по его гребню вокруг сада.

Въездная аллея сложена ивой ломкой. В начале нее (с северной стороны) располагалась капличка в окружении деревьев, подбитых рябинником. На месте их развилась березовая группа, окруженная сплошным кольцом рябинника. Аллея проходит

Адамков. Место расположения хозяйственного двора. Фото 1999 г.

между двумя древесными массивами и выводит на парадный двор с партером, окруженным со всех сторон деревьями.

Парк занимает ровную плоскую территорию, местами пониженную и переувлажненную. Дренирующую роль выполняли неглубокие, ныне частично затянувшиеся и заросшие каналы, которые проходят вдоль линейных посадок, полукольцом окружают сад, пересекают его в двух направлениях. В спелом древостое сочетаются местные и интродуцированные виды. Фон образует липа. В виде небольших групп растет тополь белый. Обильное распространение благодаря отпрыскам получила белая акация, которая заняла поляны. В парке много сирени, рябинника, снежноягодника, спиреи дубровколистной. По опушкам растут клены остролистные с живописными кронами. Одним старым крупным деревом представлен конский каштан. Много вяза, ясеня, ольхи. Выпали ели, растут примерно вековые лиственницы европейские.

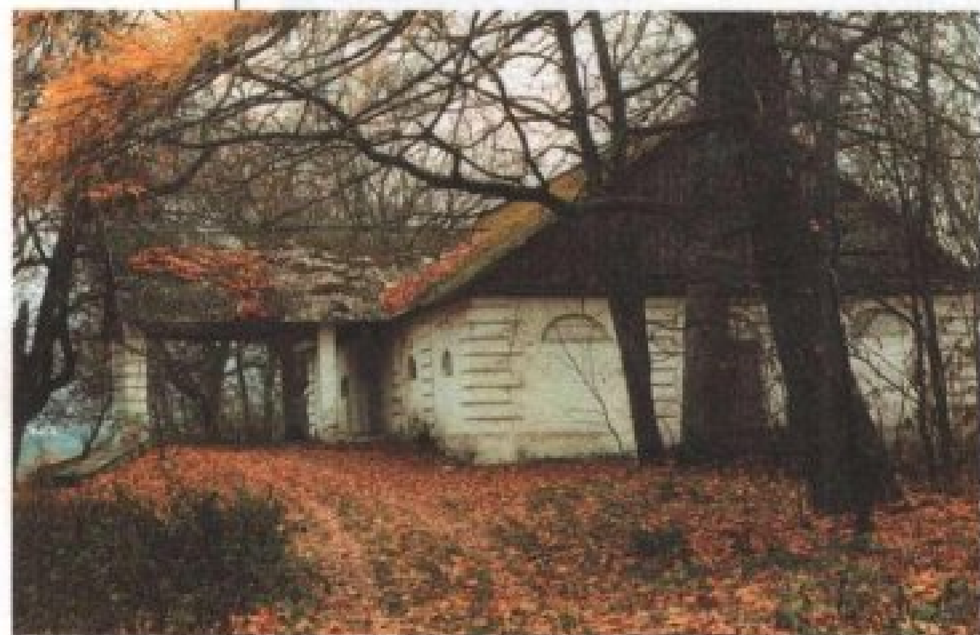
Адамков. Парковая поляна. Фото 1999 г.

Адамков. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

Находясь уединенно среди поля, парк привлекает простором, красочностью насаждений. В парке располагается пасека.

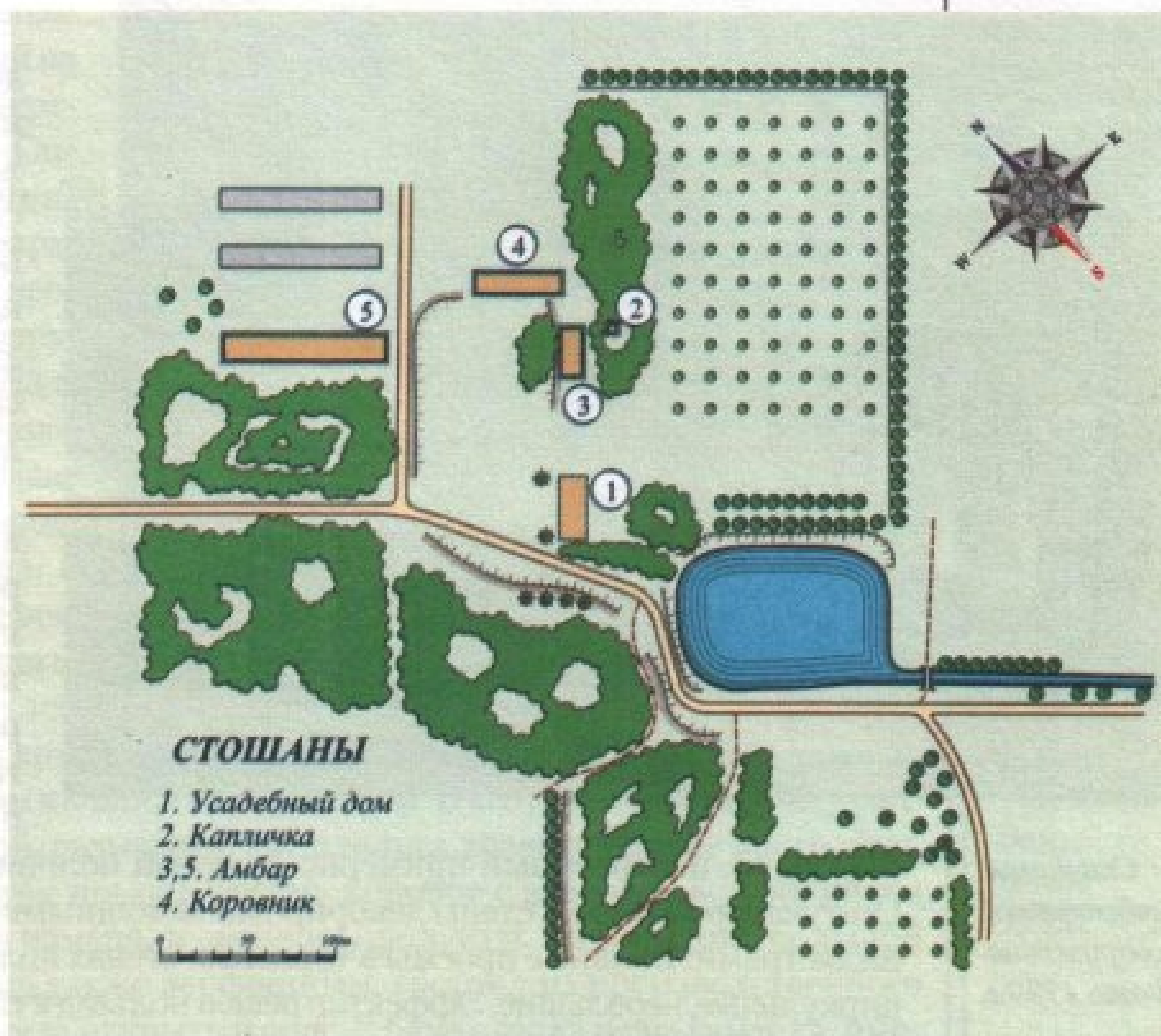
Стошаны

Известны от 1220 г. по битве между новогрудским князем Скирмунтом и владимиро-туровским князем Мстиславом, состоявшейся около селения в урочище, названном Побоище [637]. Это приподнятая местность, покрытая лесом, прилегающая к пониженному заболоченному массиву. В 1503 г. «Тошаничаны» принадлежали Завишам [750]. В 1557 г. именуются Стошаничами [637]. С 1688 г. являлись двором пинских иезуитов. Затем перешли Корсакам, старинному шляхетскому роду (XIV в.), происходившему от полоцкого боярства [50, 486, 682]. В 1876 г. имением владел Эдмунд Серафимович [547]. Он заложил его в Виленском земельном банке для получения ссуды [99]. В 1911 г. принадлежали Эдмунду Оттоновичу []549. После 1915 г. владельцем стал сын Сигизмунд [14]. Доля брата Ольгерда и сестры Марии была выплачена наличными по десять миллионов марок каждому [36].



Стошаны. Амбар. Главный фасад. Фото 1999 г.

Усадьба заложена в середине XIX в. Особенности планировочного решения определяются своеобразием геоморфологических условий (схема). Занимает небольшое долинообразное понижение, которое окружает слегка приподнятая с нивелированными склонами поверхность. Отмеченное понижение приходится на центральную часть усадьбы, чем достигается ее обособленность и хорошая обозреваемость приподнятых участков. Парадная часть имеет осевое построение. В усадьбу вдоль главной оси ведет длинная въездная аллея. На оси расположены газон с кругом, а за ним на возвышении стоял усадебный дом. Был разрушен в годы первой мировой войны и не восстанавливался. Владельцы приспособили под жилье здание конюшни. Ось за домом продолжается в виде аллеи, но дорога в центре усадьбы смещается с оси, огибая возвышение. С двух сторон аллеи (со стороны въезда) расположены большие древесные массивы. Левый массив сложен кленом, изредка растет граб, ближе к полю — ясень, одиночно — тополь белый. Вдоль массива, не по всей его длине, стоит хозяйственная постройка. Противоположный, симметрично расположенный массив в размерах больше. Он сложен очень старыми, возможно, почти двухсотлетними деревьями разных видов: липа, клен, граб, сосна, ель, одиночно лиственница.



Далее парк продолжается только по правой стороне. Древесные массивы занимают наиболее живописное приподнятое, слегка рассеченное местоположение. Они сменяются садом, вдоль которого проходят старые линейные посадки липы, ряд боярышника, видимо, фрагмент бывшего боскета. Восточную часть усадьбы занимает большой сад в форме боскета, окруженного однорядной посадкой разного состава. Со стороны хоздвора он отделен небольшим древесным массивом. В саду имелась капличка св. Девы Марии с кирпичным склепом-усыпальницей (3,5×3,5 м) под кроной старого клена. После событий 1914 г. небольшое восьмигранное сооружение было восстановлено и вновь разрушено в послевоенное время. Склеп покрылся ковром барвинка. Утрачена также оранжерея, стоявшая в парке.

Стошаны. Амбар. Боковой фасад. Фото 1999 г.

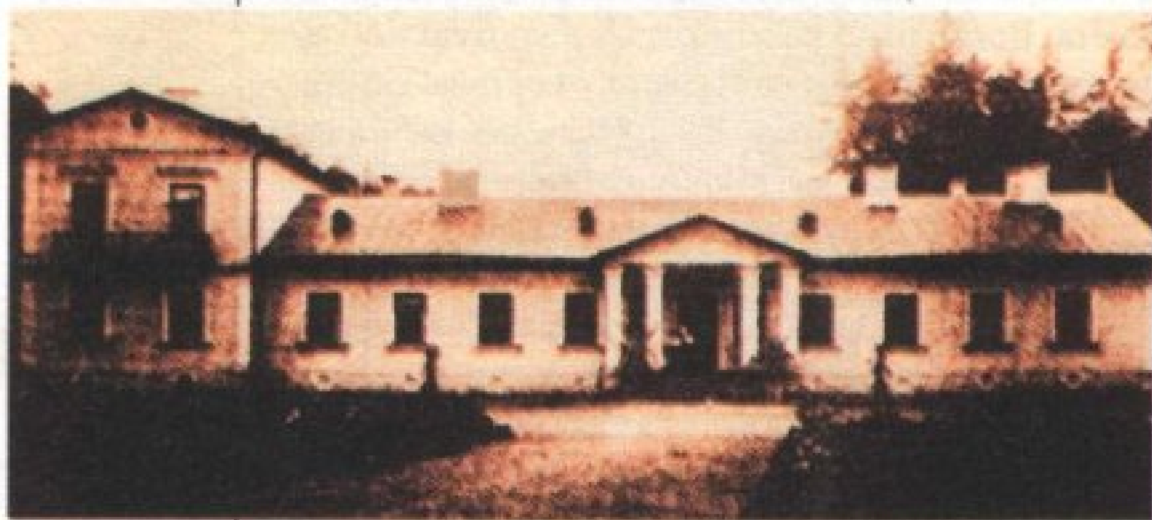
Выразительным объектом усадьбы является большой полноводный водоем в глубоких берегах. Однако центрального положения в композиции не занимает. Служит основным акцентом при въезде в усадьбу с другой, юго-восточной стороны.

Стошаны. Хозяйственное сооружение. Фото 1999 г.

Древостой парковых насаждений сложен местными, в основном лиственными видами. Имелось много крупных деревьев конского каштана. В последнее время почти выпала ель, не стало линейной посадки ели по краю среднего древесного массива. Утрачены сосна румелийская на газоне перед домом, орех грецкий в саду.

Важное место в усадьбе принадлежит хозяйственным постройкам. Большие добротные здания придают усадьбе завершенность и в какой-то мере служат выражением ее хозяйственного благополучия. Архитектурным своеобразием выделяется амбар (22×13 м), построенный примерно в первой половине XIX в. из крупного кирпича. Оштукатурен, углы и стены декорированы мощными вертикальными поясами руста и пилястрами. Входные проемы в торцевых стенах полуциркульные. Окна также полуциркульные, небольшие. Эффектно решен подъезд к главному входу в фасадной стене — в виде широкого полуциркульного пандуса, охватывающего ширину всей стены, над которым навес с двухскатной крышей на четырех столбах. Входной проем обрамлен рустом и арочным карнизом, в пандусе оформлен вход в подвал. Вторая хозяйственная постройка имеет большие размеры — 74×11 м. Построена позже из крупномерного темно-красного кирпича. Стены укреплены выступами-столбами через каждые 5 м, окна щелевые. Основные входы в торцевых стенах, двое дверей имеется в продольной стене. Главный торцевой вход оформлен скромной, но выразительной галереей из четырех круглых столбов, которая заметно облагораживает утилитарное здание.

Усадьба сохранила планировочное построение на живописном рельефе. Расположена обособленно за деревней. Служит хозяйственным двором колхоза.



Чахец. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

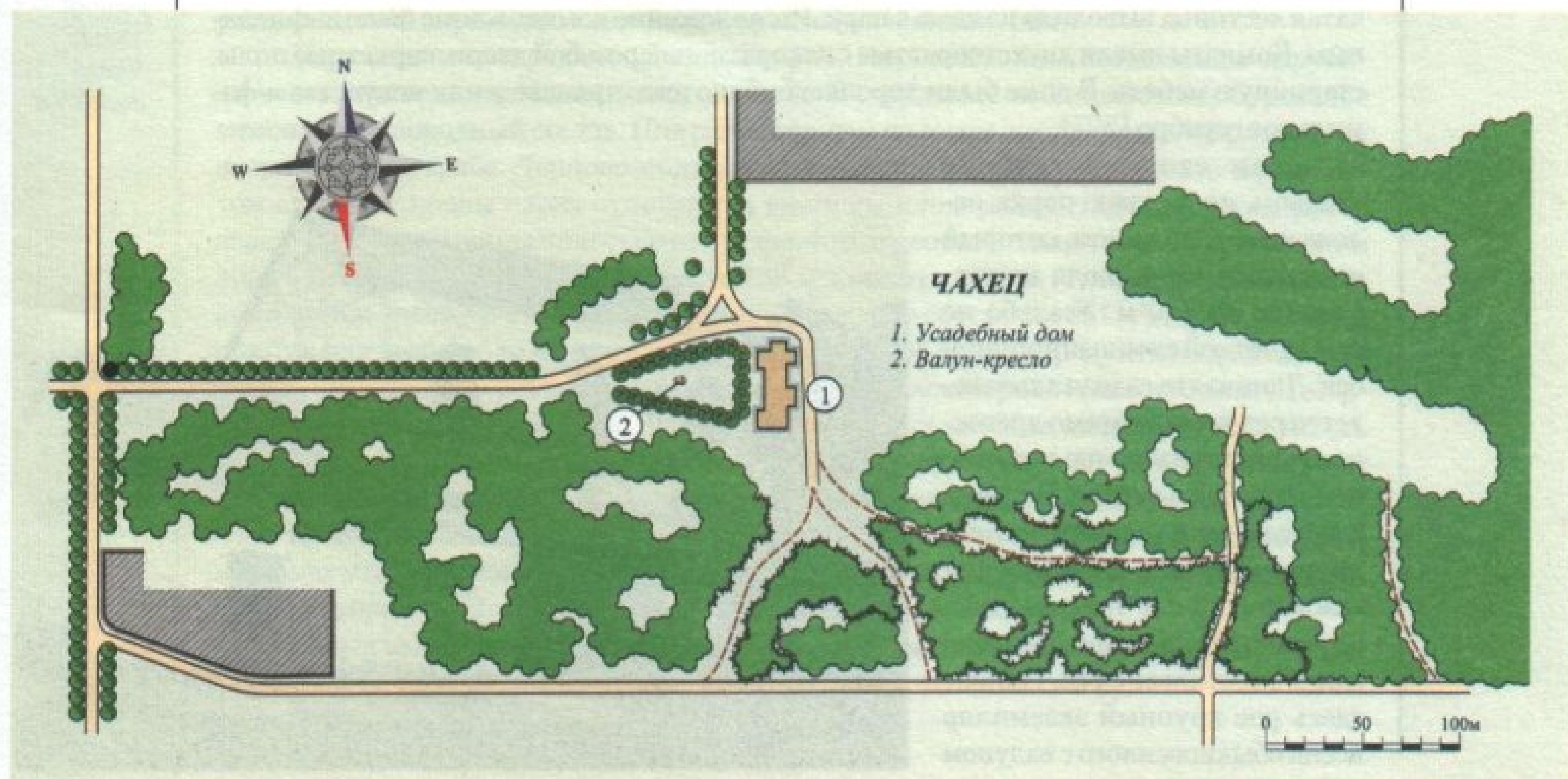
Чахец

В 1563 г. владение входило в состав Кобринской экономии [775]. Чахец являлся фольварком лесничества бывшего староства. В начале XIX в. принадлежал Межеевским. Согласно «запродажному документу», в 1816 г. от Каликста Межеевского перешел Ивану Крупинскому [72]. Согласно инвентарному описанию, составленному в 1845 г., его владельцами были малолетние Ефим и Екатерина Булгарины [213]. По сведениям Р. Афтанази [596],от Кернозицких в виде приданого Марии (1840—1887), ставшей женой Альбина Фабиановича, перешел роду Дзеконских. Кернозицкие малоизвестны в Беларуси. На католическом кладбище в Пружанах покоится Павлина (умерла в 1843). После Альбина имение перешло сыну Марьяну, женатому на Янине Корсак. В 1890 г. владелицей была Мария Дзеконская. Земельные угодья имения с фольварками Клетное, Трусовица, Казимирово составляли 5101 де-

сятину [546]. Последним владельцем был Януш, сын Марьяна, женатый на Марии (из Ордов) из имения Перекале. Погиб в 1939 г., видимо, в Сибири [649]. Мария с дочерью Яниной выехала в Варшаву. Фольварк, подобно другим усадьбам того времени, включал двор, гумно и обору. Большой двор, обнесенный в 1593 г. бревнами, имел браму, крытую драницами, конюшню с каретной, главный жилой дом, возле него огород, винокурню, кухню. Около сада, в южной половине двора, размещались флигель, четыре амбара, клеть, подклеть, челядный дом, баня, хлев с гусятником. Усадебный дом с крыльцом имел две светлицы с кафельными печами, столами и лавами. Челядный дом являлся курной избой. В его сенях имелась загородка для телят. Добротной работой, размерами выделялись хозяйственные постройки. Одноэтажный амбар имел внутри помост, восемь коробов с зерном и мукой, копец емкостью около 120 л, которым измеряли сыпучие продукты. Рядом стоял большой двухэтажный амбар. Бровар был также деревянным, состоял из производственного помещения и коморы. Кухня имела открытый очаг. В бане стояла печь-каменка, имелись полок и корыто из лип. К двору примыкало гумно, огражденное бревнами. Включало двухэтажный спихлер, крытый драницей, стодолу, сеновал и хлева с соломенными крышами [585].

Чахец. Усадебный дом. Фото 1999 г.

В 1845 г. имелся большой двор, известный по инвентарному описанию [213]. Оно, видимо, было составлено в связи со сдачей имения в аренду по причине малолетства его владельцев. Имение состояло из фольварков Чахец, Клетное, Трусовица; крестьянских душ числилось: мужского пола 821, женского 825. Двор фольварка Чахец включал господский жилой дом — деревянный на каменном фундаменте, крытый гон-



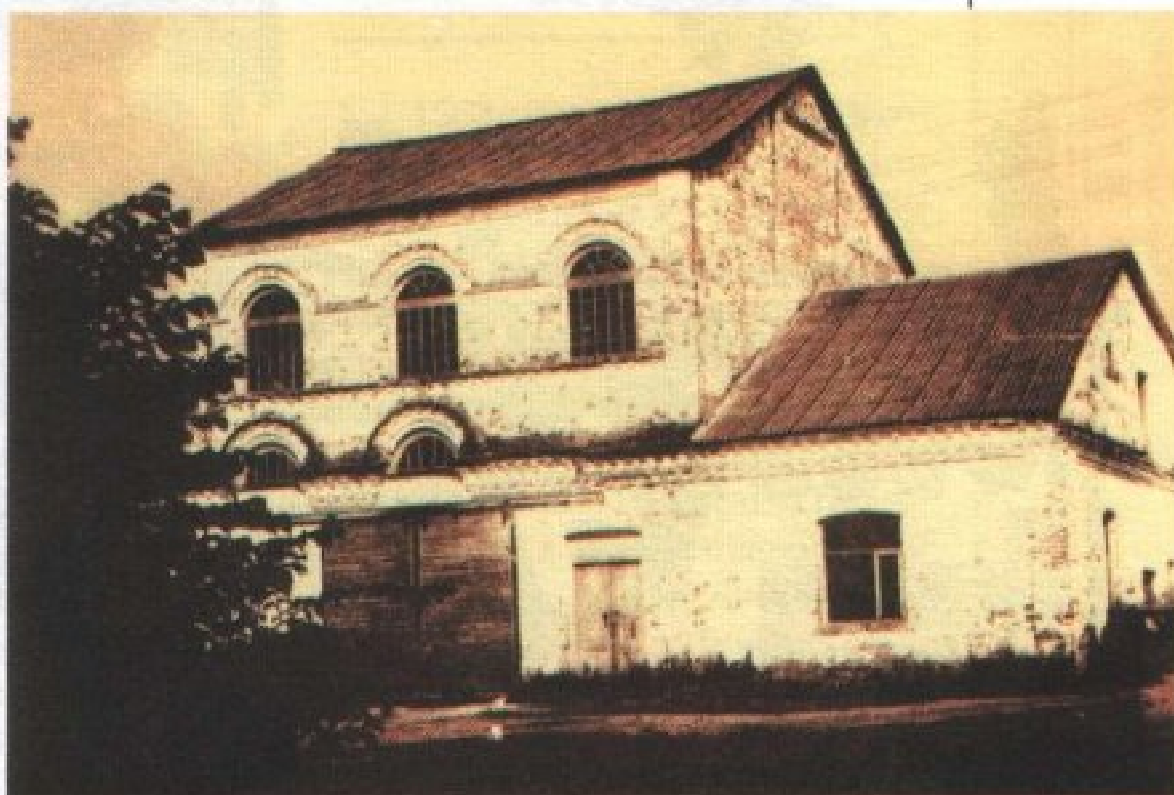
Чахец. Фрагмент парка. Камень-кресло. Фото 1999 г.

том, а рядом с ним — каменный домик для библиотеки; флигель, дом эконома. Разнообразием отличается перечень служебных и хозяйственных сооружений: прачечная, кухня, ледник, амбары для зерна и овощей, паровая винокурня, солодовня со столярной и домиком для столяра, сторожка (круглое каменное здание при въезде). Во дворе имелась оранжерея. Дворовый крестьянин Варфоломей Капарь работал садовником. О развитом хозяйстве имения свидетельствуют хозяйственные постройки: гумно с молотильней, скотный двор, овчарня, конюшня с каретной, воловник, свинарник, сараи и пр. Кроме того в деревне имелись мельницы ветряная и две конные, а также корчма с гостиницей.

Считается, что усадебный дом, остатки которого дошли до наших дней, был построен Альбином Дзеконским в середине XIX в. [596]. Видимо, правильнее считать, что это был дом Булгариных, к которому Альбином значительно позже было пристроено боковое крыло. Реконструкция усадьбы, им предпринятая, включала закладку нового парка, основой для которого послужил старый лес (схема).

Здание усадебного дома кирпичное, прямоугольное в плане, длиной 36 м, одноэтажное на высоком цоколе с боковым, расширенным на 3 м, двухэтажным объемом. Стены имеют регулярное членение оконными проемами в наличниках, которые завершены тонким многослойным карнизом. Углы украшены пилястрами с каннелюрами. По всему периметру стен под окнами прорезаны круглые окошки для вентиляции цоколя. Парадный фасад имел крыльцо на четырех столбах с треугольным фронтоном. Парковый фасад имел террасу на металлических стойках с полом, выложенным голубой плиткой с орнаментом и вензелями, обвитую виноградом. Широкая многоступенчатая лестница выводила из дома в парк. Расположение комнат в доме было анфиладным. Комнаты имели двухстворчатые с декоративной резьбой двери, паркетные полы, старинную мебель. В доме были хорошая библиотека, произведения искусства и фамильное серебро [597].

Дом стоял в глубине усадьбы, но на краю парка, заложенного Альбином, который вытянулся вдоль поля на расстояние до 700 м. Усадьба не имела четкой композиционной оси. Длинная въездная аллея ведет через усадьбу мимо древесного массива на партер с цветочной клумбой в центре. Видимо, в наше время на партере возникло своеобразное линейное насаждение в виде треугольника из ясеня, в связи с чем въездная аллея сместилась с оси. Раньше здесь рос крупный экземпляр ясеня обыкновенного с валуном



Чахец. Винокуренный завод. Фото до 1999 г.

у основания, оформленного в виде стулообразного сиденья. Со стороны парка парадная часть была окаймлена узкой прогулочной дорожкой, декорированной цветочными рабатками из роз и пионов, к которым примыкали насаждения с включением редких экзотов. Рабатки роз в сочетании с формованным буксусом вечнозеленым располагались вдоль усадебного дома, симметрично парадному фасаду. Парковый партер имел также богатое цветочное оформление: центральную клумбу и продольные рабатки.

В основе композиции пейзажной части парка лежит дальняя перспектива, раскрывающаяся с террасы дома. Ее передний план составляет парковый партер, средний — вытянутая вдоль оси большая, совершенно открытая поляна. Ось перспективы завершалась водной системой из двух прудов с островом, протоков с мостиками и высокого видового холма. С юго-западной стороны поляны — большой древесный массив. Его основу составляют насаждения лиственницы польской. Насаждение было заложено в 1835—1837 гг. саженцами из семян посева 1830, 1831 гг., которые были завезены, видимо, из Циравской лесной дачи (Латвия)[561]. Первый разреженный его ярус состоит из лиственниц и ясеней высотой далеко за 30 м. Во втором ярусе — граб. Его сомкнутость до 80 %. В подлеске спирея, бересклет, черемуха. В напочвенном покрове дубравное разнотравье. В качестве акцентирующих деревьев на опушках были высажены сосна веймутова, бук лесной 'Atropunicea' (погиб в 1962). Более узкий древесный массив с противоположной от поляны стороны почти не сохранился. За ним в глубине парка была еще одна поляна, окаймленная древесными группами. В северо-восточной части парк переходил в естественный лесной массив.

Прогулочный маршрут кольцевого типа начинался от паркового партера и вел через лиственничное насаждение к теннисной площадке. В обсадке использовался бук. В глубине насаждений маршрут раздваивался. Одна дорожка уходила к видовому холму за прудами, оформленному сиренью китайской и чубушником, вторая — к экзотической видовой точке — огромной осине в юго-восточной части парка, в кроне которой был устроен, как и на видовом холме, столик. Затем маршрут продолжался вдоль пруда, откуда хорошо просматривался усадебный дом, и вел ко второму древесному массиву с перспективами на поляны парка. Каналом водоемы соединялись с Мухой, притоком Мухавца. Изредка, фиксируя направление маршрута, вдоль дорожки лежали небольшие побеленные валуны. За древесным массивом в глубине усадьбы располагались парниковое хозяйство, оранжерея и винокурня.

Парк сильно пострадал еще в годы первой мировой войны, когда немцы вырубили часть лиственниц. Насаждения одичали. В результате неоднократных буревалов изменился и породный состав. Под разреженным пологом лиственницы формируется второй ярус из граба. Дерново-подзолистые, развивающиеся на пылевато-песчанистом суглинке почвы парка отличаются высоким плодородием, способствуют росту деревьев. Лиственницы польские в изреженном древостое, единственном насаждении вида в Беларуси, достигали в возрасте 136 лет высоты 37,1 м. Лучшие деревья имели высоту 38 м, диаметр ствола 76 см. Запас древесины составлял 851 $м^3$/га[561]. Сейчас высота деревьев около 40 м, диаметр ствола 80—106 см. По продуктивности листвы можно сравнить с деревьями знаменитой Линдуловской рощи (около Санкт-Петербурга) лиственницы Сукачева. Высота лучшего из ясеней 35 м, диаметр ствола 102 см. Ясеню почти не уступают по размерам буки (диаметр ствола 66—98 см). Наиболее старое дерево парка — дуб черешчатый, имеет ствол в диаметре 146 см.

Из хозяйственных сооружений сохранилась винокурня (50×10 $м^2$), построенная в формах утилитарной архитектуры начала XX в. Около въезда в усадьбу стоит заброшенная сторожка. На бывшем партере сохранился валун-кресло.

Большая в прошлом усадьба композиционно расстроена, загрязнена. Не используется. Парк принял вид лесопаркового массива. Дом оказался в руинах.

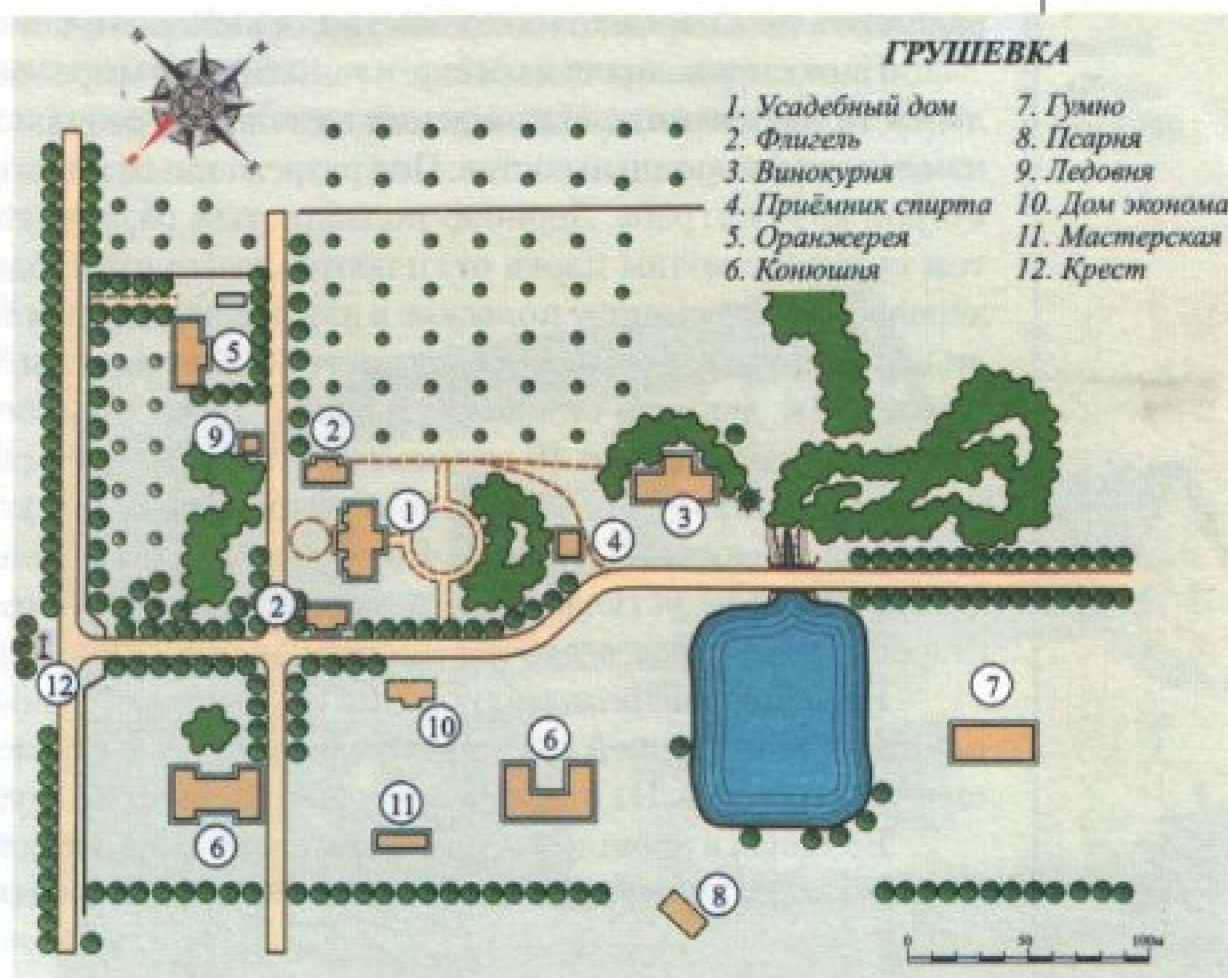
Грушевка

Грушевка. Усадебный дом. Фото 2001 г.

Имение известно с XVI в. как собственность Радзивиллов. В 1551 г. королева Барбара Радзивилл передала «Грушовку» Николаю Залесскому, который в 1567 г. выслал слугу Николая и «ставил коня» [428]. В конце XVII в. король Ян III Собеский подарил имение краковскому рыцарю Рейтану, который особо отличился в битве с турками и татарами под Веной [559] Рейтаны — род немецкого происхождения, известный в Речи Посполитой с 1600 г., одна из ветвей которого осела в Беларуси.

По генеалогическим материалам рода, хранящимся в НИАБ, первым владельцем Грушевки был Михаил Казимир Рейтан, сын Мартина, внук Ивана, который стоял у истоков белорусской ветви рода. Его малолетнему сыну Доминику, ставшему видным государственным и хозяйственным деятелем, Грушевка отошла в 1705 г. [186].

Одним из пяти сыновей Доминика был Тадеуш (Фадей; 1742—1780), участник Барской конфедерации, а в 1773 г. вместе с Самуэлем Корсаком, известным общественно-политическим и военным деятелем ВКЛ, избирается Новогрудским сеймиком на сейм в Варшаву. Став во главе общества патриотов-литвинов, Тадеуш смело заявил на сейме о своем несогласии с актом раздела Речи Посполитой и призывал послов остаться в зале для проведения сессии без конфедерации, союза подкупленных послов и сенаторов в количестве 69 человек. Однако многие начали оставлять зал. Стоя у дверей он просил: «... Не выходите, если не хотите в вечную попасть неволю, стыд и позор, если вам Отчизна милая ...». В сутолоке, упав на порог зала, Тадеуш продолжал: «Побойтесь Бога! Убейте меня, но не убивайте Родины». Предатели переступили через Рейтана, среди них первым был Ян Езерский [345]. Неравная борьба и шесть полученных ран подорвали его здоровье. Братья привезли Тадеуша в Грушевку. Взаперти в официне прошли последние годы сломленного героя. Его не стало в 1780 г. С 1778 г. владельцами имения были его братья Антон и Станислав [186]. Они не имели наследников, поэтому Грушевку в 1845 г. унаследовал Доминик (1783—1851), сын их брата Михаила, писаря земского суда, предводителя дворянства



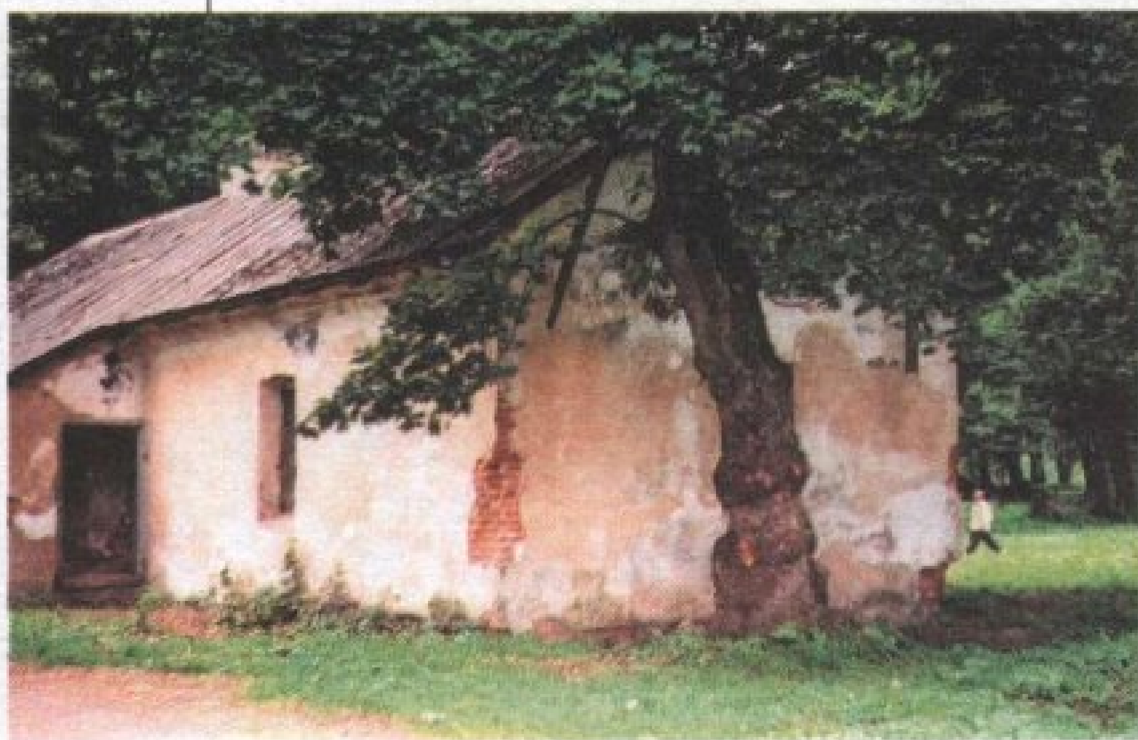
Несвижского уезда. Доминик в 1816 г. за воинские заслуги был возведен в чин подполковника, а в 1833 г. был награжден цесаревичем и великим князем Константином Паскевичем двумя крестами [186]. Согласно Инвентарю за 1845 г., имение состояло из фольварка Грушевка, трех деревень (Панковцы, Рачканы и Гославщина), двух хуторов. Числилось душ мужского пола 300, женского — 278. Земельные угодья составляли 2789 десятин [113]. Доминик имел единственного сына Степана Михаила Ивана (1824 г.р.), женатого на Марии из Неселовских, который стал после отца владельцем Грушевки.

Грушевка. Усадебный дом. Фрагмент росписи холла. Фото 2001 г.

Затем имение перешло сыну Степана Юзефу (1857—1910), филантропу, женившемуся на Алине Гартинг. По характеру ее сравнивали с Эмилией Плятер, известной героиней восстания 1830—1831 гг. Решившись на брак, она сказала Юзефу: «Кроме тебя есть еще Польша». Алина по линии отца происходила из голландских дворян, принявших русское подданство. Была дочерью Густава Николая (1819—1879), штабс-ротмистра, владельца Снова, и Людвиги Неселовской из Сервечи. Людвига Неселовская была дочерью Антона и Анны (урожденная Рейтан), вступивших в брак в 1841 г. [160]. Юзеф и Алина Густавовна не имели наследников. Жизнь Юзефа оборвалась внезапно в 1910 г. Грушевские владения в 2300 моргов земли отошли детям сестер Юзефа. Генрих Грабовской стал владеть Грушевкой, Начей Свенцицкой и Грицевичами; он был сыном Александра и Марии Магдалены Рейтан, женат на Марии из Вержбовских; Славковичи перешли Франтишку Чапскому, сыну Адама и Ядвиги Марии Рейтан [186]. Последним владельцем был Александр Генрихович [559]. Алина доживала век на хуторе Куль, от которого осталось три лиственницы. Умерла в 1940 г. по дороге в Казахстан. В костеле св. Станислава в Варшаве установлена памятная доска.

Грушевский двор в формах классицизма заложил Доминик Рейтан на месте фольварка (схема). Судя по акварели Н. Орды (1864—1876), он нес характерные черты стиля. Включал дом и две официны. Каменное здание дома с вальмовой крышей было восьмиосевым с четырехколонным деревянным портиком. Парковый фасад имел террасу. В доме висели портреты нескольких поколений Рейтанов, имелось собрание книг, некоторые редкости (икона из 5 частей, каждая из которых имела подписи, занимавшие треть композиции и др.) [596]. С двух сторон симметрично зданию располагались также каменные официны разной величины. Центр газона занимал круг, в центре которого росла липа.

Грушевка. Флигель («мурованка» Тадеуша Рейтана). Фото 2001 г.



При Алине и Юзефе Грушевка стала очень крупным и доходным имением. Кроме Грушевки они владели имениями Нач (сохранилась липовая аллея) и Славковичами (Бобруйщина). Имели винокуренный и кирпичный заводы, две ветряные и водяную мельницы, сукновальню [547]. В 1907 г. фундовали строительство костела Юзефа в Ляховичах [397]. По словам местных жителей, врачи не советовали

Грушевка. Въезд в усадьбу. Фото 2001 г.

Юзефу жить в каменном здании, и он решил на его месте построить деревянное, сохранив официны и общую планировку парадного двора. Красивое деревянное здание с мансардным этажом было построено на старом фундаменте в конце XIX в. Полное представление о нем дает одна из фотографий этого времени. Здание прямоугольное в плане на высоком кирпичном цоколе с мансардным этажом. Срублено из качественного опиленного бруса толщиной 18 см, добротно обшито досками. Нижняя и фризовая части здания выделены обшивкой разной формы. Покрыто оцинкованной, уже ржавеющей жестью. Парадный фасад имеет крыльцо, на резных деревянных столбах которого была устроена терраса с кованой оградой (не сохранилась). В дом ведет широкая двухмаршевая лестница. Каменными лестницами были выделены и боковые входы. Украшением интерьеров дома являлись печи с голландского кафеля, паркет, имитированная роспись панелей, потолков, резьба, люстры, красивая мебель, винтовая чугунная лестница. Дом имел картинную галерею, охотничий зал, зал увековечения памяти Тадеуша Рейтана [559].

В доме были канализация, водопровод и электрическое освещение. Ток мощностью 43,5 ампер напряжением 220 вольт давала динамо-машина фирмы «Унион». После остановки машины аккумуляторное приспособление обеспечивало энергией 4 дуговые и 60 лампочек накаливания на протяжении 10 часов. Усадьба была расширена строительством хозяйственных построек, конюшен в формах промышленной неоготики из красного кирпича.

Дом за последние годы оказался в аварийном состоянии. Пустуют также официны. Правая из них называлась «мурованкой» Тадеуша Рейтана. Это самое старое здание усадьбы (возможно, конца XVII в.) служило лямусом. Выделяется своеобразием архитектурных форм. Построено из кирпича размерами 27×13×5 см и 26×13×6 см. Стоит на подвалах с лучковыми сводами, крыша двухскатная с залобами. Длина 18 м, ширина 6 м, высота до карниза фронтона 4 м. Толщина торцевых стен — 1 м. Внутри разделены узким коридором на две части, одна из них перекрыта крестовым сводом, вторая — коробовым с люнетами. В этом здании провел последние 7 лет жизни больной Тадеуш Рейтан. В нем размещались библиотека, архив, хранились и личные вещи Рейтана. Только золотой бокал, подаренный Тадеушу друзьями в честь его заслуг на сейме, был передан в музей Чарторыйских в Кракове. В 1914 г. разорвавший-

Грушевка. Въездная аллея. Фото 2001 г.

ся рядом со зданием снаряд уничтожил архив, памятные вещи, частично библиотеку. В начале XX в. в память о Тадеуше Рейтане, человеке, который жертвенно отдал свою жизнь в борьбе с несправедливостью, были установлены барельеф в Ляховичском костеле, бюст в Грушевке (на этом месте теперь расположено здание магазина). Его имя носили лицей в Варшаве, гимназия в Ляховичах.

Грушевка. Фрагмент водоема. Фото 1999 г.

Вторая официна также кирпичная, больших размеров (18x11 м), отличается более простыми формами.

Парадный двор являлся композиционным центром большой усадьбы (площадь 14 га), сформированной на приподнятой местности и принявшей в начале XX в. вид крупного хозяйственного комплекса.

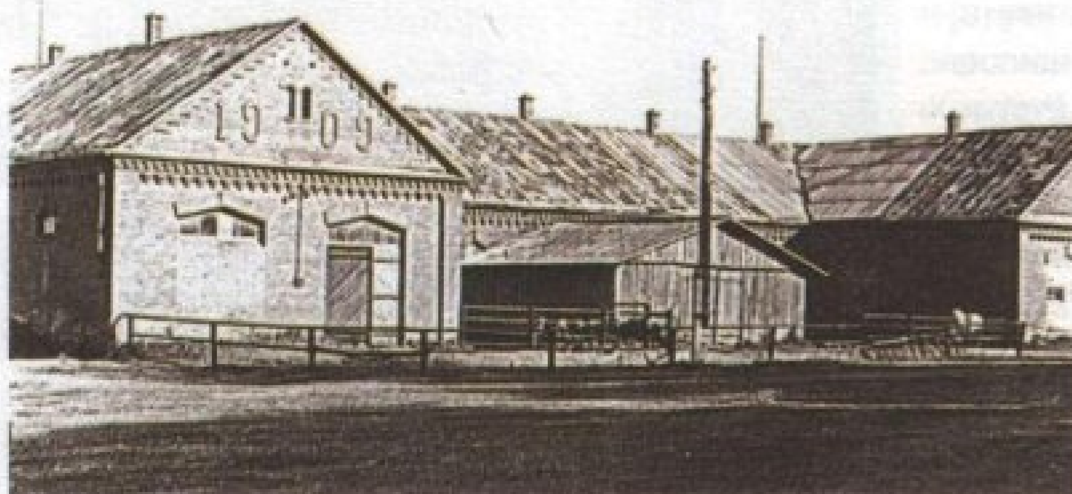
В усадьбу от ляховичского тракта через лесной массив ведет длинная подъездная аллея из клена и конского каштана. Она продолжается дальше за усадьбу, до д. Пашковцы, а затем до д. Рачканы. Въезд оформлен четырьмя высокими (2,6 м) кирпичными оштукатуренными пилонами с железными воротами и калиткой. Брама являлась частью ограды со стороны въезда. С другой стороны дороги напротив брамы стоял в окружении трех ив белых 'Chermesina' деревянный крест с деревянной фигуркой Иисуса Христа, который посылал всем молящимся возле него свое благословение. Пережив нелегкую историю, обновленная фигурка установлена на новом кресте у соседней деревни Пашковцы [506].

Въездная аллея (идет от брамы) липовая, с булыжным покрытием, широкая, но короткая, в прошлом была формованной (на высоте трех метров). Деревья отросли, образуя зеленый свод. Аллея освещалась чугунными фонарями, подвешенными на натянутой проволоке. Динамо-машина фирмы «Унион» стояла в пристройке около винокурни. Аллея, слегка изгибаясь, пересекала усадьбу и выводила на дорогу Ляховичи—Нача. На въезде в усадьбу с этой стороны размещалась дамба. С аллеи, хорошо сохранившейся, открывался вид на большой водоем.

Грушевка. Приемник спирта. Фото 2001 г.

Перед парадным двором, с двух сторон въездной аллеи, расположены два боскета, остатки прежней регулярной планировки. Часть северного боскета со строительством деревянного усадебного дома приняла пейзажное оформление с использованием местных древесных растений и интродуцентов. Здесь рос самый крупный в Беларуси кипарисовик горохоплодный, достигавший высоты 16 м, диа-

Грушевка. Конюшня. Фото 1987 г.



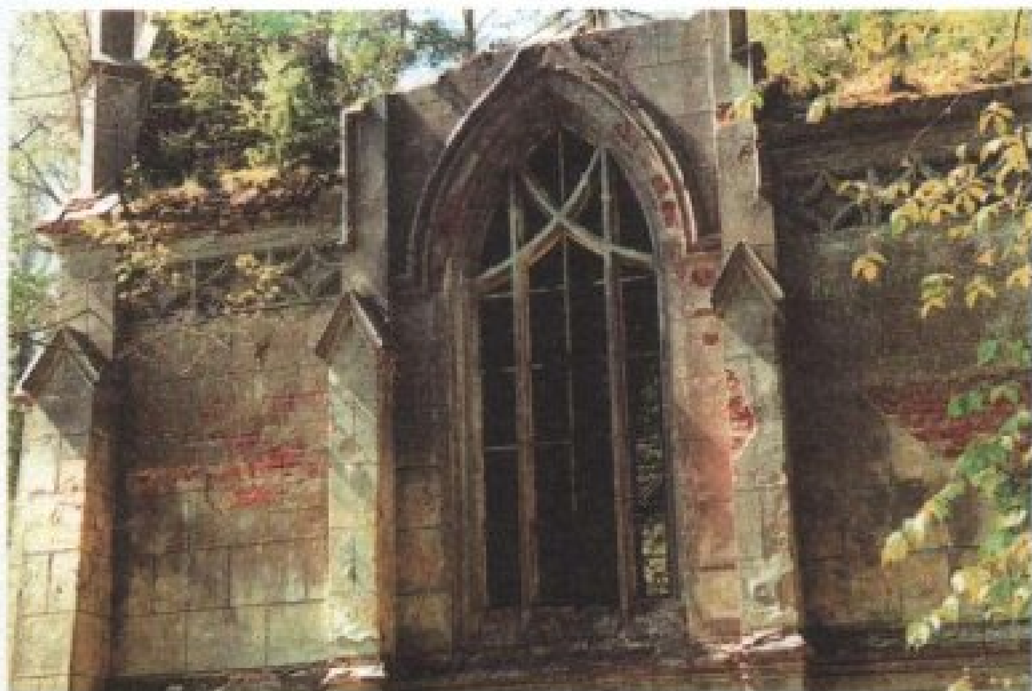
метра ствола 34,7 см. Растет хороший экземпляр бука, конский каштан восьмитычинковый. Фон образует клен, обильно заселился подрост ильма шершавого. В боскете стояло старое из крупных валунов здание ледника (сохранились стены), а в самом его углу размещались оранжерея для фиников (теперь руины), парниковое хозяйство, с кирпичной оградой, росли орехи грецкие. Сюда вела аллея со стороны главной каштаново-кленовой.

В центре участка за усадебным домом с каплицей располагалась древесная клумба из клена (частично выражена), от нее расходились дорожки, посыпанные песком, вдоль их были разбиты рабатки. Дорожки утрачены. Из-за большой густоты деревья тонкие малодекоративные. За клумбой — одичавший массив. За ним в окружении старых кленов стоит своеобразное здание — хранилище спирта (10×10 м). Высота стен над поверхностью земли 5 м. Стены сложены из больших камней на известковой связке со щебнем. На углах лопатки, выложенные, как и карниз, из светло-красного кирпича размером 26×13×6,5 см. Дверной проем и маленькие окна лучковые. Крыша четырехскатная из жести. Слева примыкает цокольный этаж, сложенный из камня. Далее расположено здание винокурни, построенное из бута и кирпича (теперь в руинах).

Грушевка. Конюшня. Фото 1987 г.

По южной окраине усадьбы размещается красивое здание конюшни, построенное в формах «промышленной» неоготики из красного кирпича размером 26×13×6 м. Состоит из двухэтажных поперечных корпусов (24×11 м), соединенных объемом длиной 28 м. Этажи разделены поясом поребрика, углы оформлены лопатками, карниз с гирьками. Форма небольших окон варьирует от прямоугольных и лучковых до клинчатых и стрельчатых. Фасады украшены декоративными башенками-пинаклями. Рейтаны занимались разведением английских лошадей, коров голландских и швейцарских. Сейчас здание пустует, крыша обвалилась.

В 1909 г. на одной оси с конюшней построено второе здание —

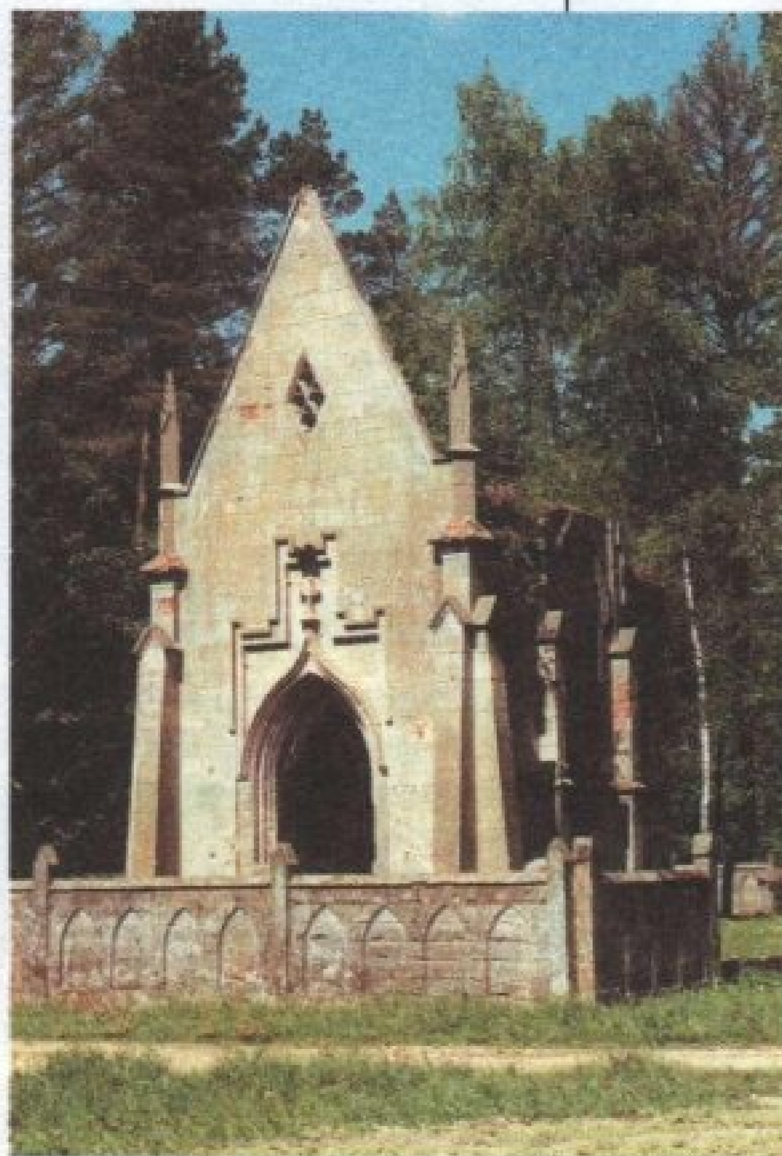


Грушевка. Каплица. Фрагмент бокового фасада. Фото 2000 г.

в плане П-образное в такой же технике исполнения (50×16 м). Ширина боковых корпусов 12, длина 28 м. На фронтоне дата постройки и инициалы владельца Иосифа Рейтана — I.R. Большое хозяйственное здание (гумно) стоит на окраине усадьбы за водоемом с дамбой, которая держит в нем уровень воды. Водоем питается водой, которая поступает по проложенным в трех направлениях каналам (урочище Гай, д. Перекрестье и болотный массив), которые одновременно дренируют территорию. Водоем служит аккумулятором влаги, избыток воды отводится маленьким водотоком в р. Ведьма около д. Ковали.

Отдаленно от усадьбы на опушке лесного массива (урочище Дубы) расположена каплица Рейтанов, один из лучших образцов неоготики в Беларуси. Она построена Генрихом Грабовским в виде миниатюрного готического храма в том месте, где в 1910 г. внезапно под большим старым дубом оборвалась жизнь Юзефа Рейтана. На нем угас исторический род. По традиции над гробом покойного был разломан родовой герб и атрибуты рыцарского звания. Сюда в 1930 г. в крипту справа от входа перенесен и прах Тадеуша, который покоился в кирпичном склепе («хованка под грабам») на одной из полян грушевского парка [727]. В каплице была установлена памятная доска, в 1932 г. перед ней — памятник (утрачены в 1945). В каплице покоились также Неселовские из Ляховичей.

При сооружении каплицы использован богатейший декор. Главный вход оформлен стрельчатым порталом в ступенчатой прямоугольной нише. Фасад завершает высокий остроугольный щипец, увенчанный крестом. Боковые фасады завершены лепным ромбовидным фризом, окна большие стрельчатые с готическими переплетами. Апсида декорирована утонченной накладной стрельчатой аркатурой. Интерьер свода украшен сплетениями нервюр [399].



Грушевка. Каплица. Главный фасад. Фото 2000 г.

По оси сооружения вдоль поля заложена лиственничная аллея длиной 110 м, шириной 5 м. В ней растет 24 дерева. По периметру каплицу (за оградой) окружают десять лип (схема). В 1993 г. к 255-летию со дня рождения национального героя Польши и Беларуси Тадеуша Рейтана, установлен памятный валун. В 1991 г. в восстановленном ляховичском костеле подвешен колокол с грушевской каплицы, единственная уцелевшая реликвия из собраний Рейтанов. Она была спасена в годы последней войны местным жителем, грушевским конюхом [535].

Хорошо спланированная усадьба Рейтанов, являющаяся в прошлом образцом устройства и ведения хозяйства, катастрофически разрушается. В 1939 г. на ее базе была организована госконюшня. Сейчас более половины зданий находится в руинах. Принадлежит усадьба колхозу «Ляховичский».

Кустынь. Въезд на хозяйственный двор. Фото 2002 г.

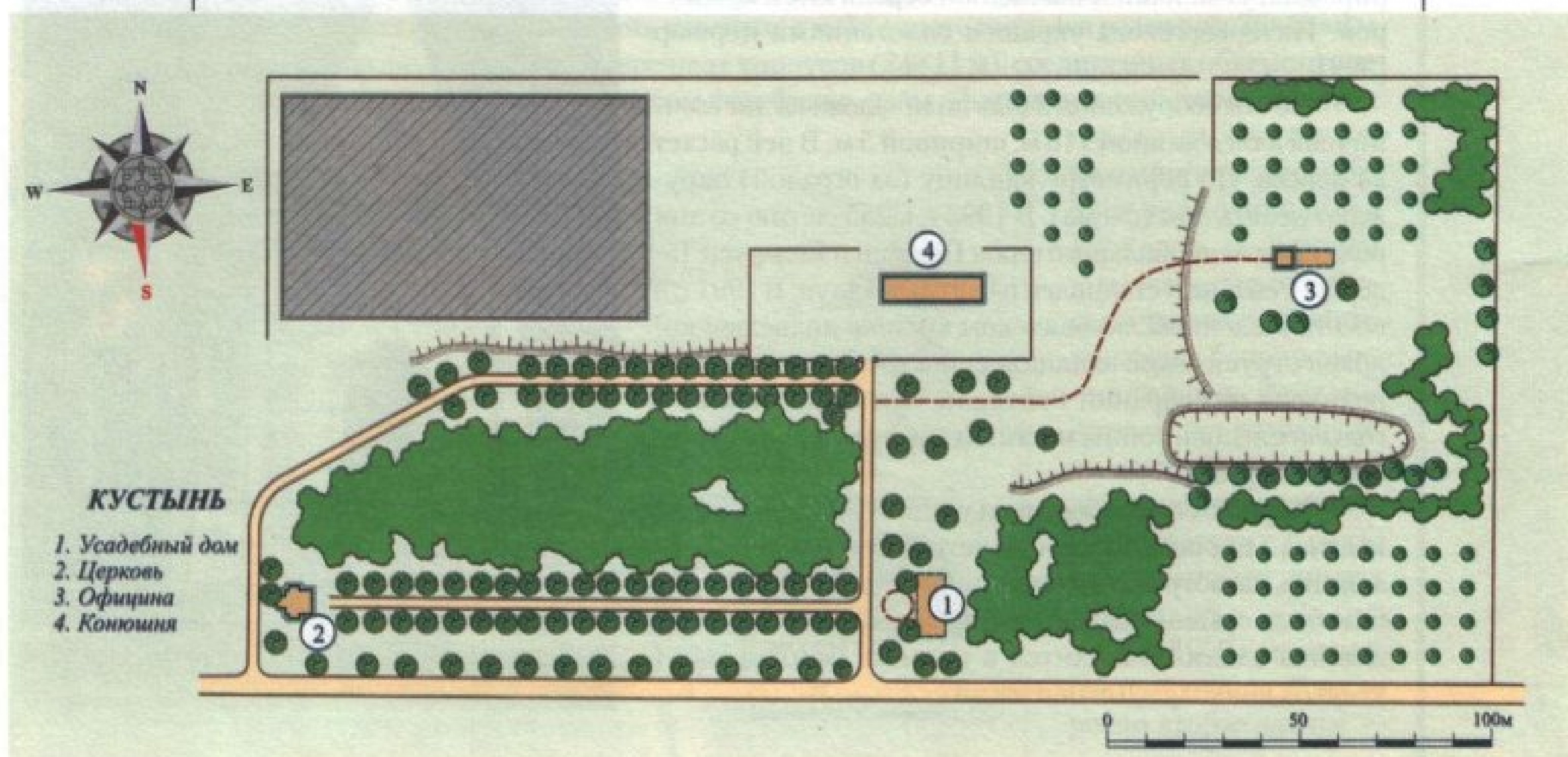
Кустынь

В 1528 г. принадлежала Михно Лыщинскому. От него вместе с Лыщицами перешла Ходкевичам. В 1538 г. имение «Кустинь» упоминается в Метрике ВКЛ как одно из владений князя Андрея [432]. Видимо, от него перешло Крупицким. В 1528 г. Скирвин Крупицкий построил в недалеком Веленово Брестского повета костел. Имение наследовал сын. В 1565 г. Станислав Крупицкий «ставил со своих имений 6 коней». В 1567 г. его сын Ян «давал 7 коней» с имений Кустынь, Крупица, Заечники, Токари и Веленово [760].

В 1652 г. Криштоф Крупицкий из-за долгов продает имение «пану Иерониму Казимиру Лыщинскому, подстолию мельницкому, судье городскому брестскому... за деньги 700 злотых...», отцу Казимира Лыщинского, известного просветителя, философа-атеиста [169]. От Лыщинских в начале XVIII в. Кустынь переходит Хржановским. В 1739 г. Сигизмунд Хржановский фундовал строительство в имении православной церкви. Известен фундуш 1763 г. Хржановских (Екатерины, Людвига, Станислава, Эмануэля) кустынскому плебану на проведение имши за души фундаторов Сигизмунда Хржановского, подкомория берестейского, и Екатерины Хржановской за души их родителей, всех умерших предков плебании и всех подданных, принадлежащих к местному приходу, за души живых прихожан и за общее спасение [196].

В 1890 г. разделенным имением владели Зенон Избицкий (326 десятин) и Михаил Игнатьевич (243 десятины) [546]. Последним владельцем был генерал Бабинский.

Небольшая усадьба заложена Хржановскими на приподнятой, слегка пересеченной местности примерно в середине XIX в. В плане имеет форму прямоугольника,



КУСТЫНЬ

1. Усадебный дом
2. Церковь
3. Официна
4. Конюшня

вытянутого на 340 м в направлении восток—запад (схема). Основу планировочного решения ее парадной части определяли церковь, построенная еще Сигизмундом Хржановским на западной окраине, и усадебный дом с противоположной стороны. На оси между названными сооружениями проходит липовая аллея протяженностью около 150 м, шириной 5 м. Аллея сравнительно хорошо выражена. Липы в ряду посажены через 5 м и достигли больших размеров (сохранилось 14 деревьев). Вдоль аллеи расположен парк, представленный разреженным спелым древостоем в основном из липы (единично растут ясень и клен) с разнотравным напочвенным покровом и небольшими полянами. Под почти сомкнутым пологом нет подлеска и подроста.

Кустынь. Парк. Фрагмент липовой аллеи. Фото 2002 г.

Место усадебного небольшого одноэтажного деревянного здания с мансардой, парадного партера покрылось разросшимися кустами снежноягодника белого, бузины черной. Симметрично по отношению к бывшему зданию растут липа и клен. Крупные с живописными кронами деревья (липа, клен) хорошо сохранились на бывшем газоне вокруг усадебного дома. Выпали сосны веймутовы. За домом деревья образуют почти сомкнутый массив в основном из липы, к которому в углу усадьбы примыкает небольшой сад. С северной стороны сада расположена узкая, но глубокая оврагоподобная котловина с крутыми гладкими склонами, дно которой занимает водоем родникового питания. Необычный по форме рельеф с водоемом является наиболее привлекательной частью усадьбы. Растущие вдоль гребня величественные липы подчеркивают экзотичность места, к которому с парка проходила прогулочная тропинка.

Северо-восточную часть усадьбы занимали сад, огород с защитной обсадкой по периметру. Они окружали жилой флигель на возвышении, длинное одноэтажное деревянное здание, часть которого сохранилась и используется под жилье. Из хозяйственных сооружений сохранилась небольшая (27×9 м) конюшня, сложенная из бута и валунов. Ее архаичность усиливается наличием восьми мощных контрфорсов шириной в один метр. Четыре из них укрепляют боковой фасад (по два симметрично входу) и по два имеют боковые фасады. К конюшне ведет дорога, рассекающая парк в поперечнике примерно на две равные части. Въезд во двор обозначен оригинально оформленной брамой.

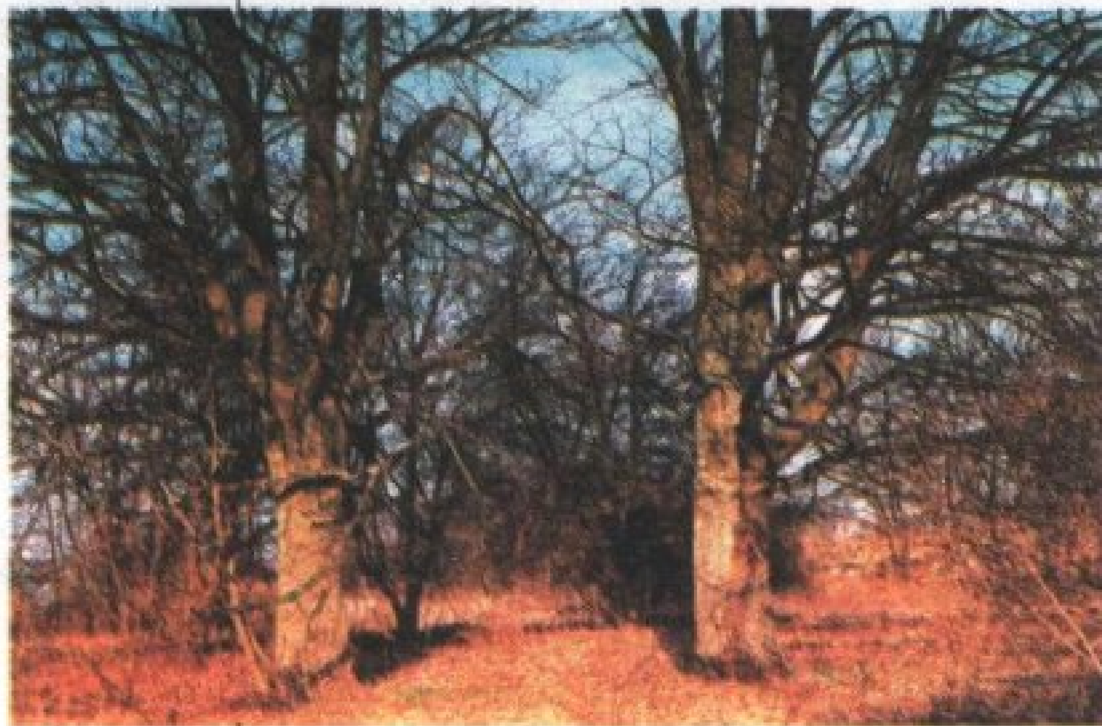
Кустынь. Конюшня. Главный фасад. Фото 2002 г.

Кустынь. Конюшня. Боковой фасад. Фото 2002 г.

Усадьбу со стороны поля (теперь здесь животноводческая ферма), а также церковь окружала каменная

ограда. Вход к ней в стене ограды был через браму. Около храма хоронили владельцев усадьбы. Здесь покоилась жена последнего владельца генерала Бабинского. Захоронения заброшены.

Усадьба содержится в довольно хорошем состоянии. Регулярно подкашивается травостой, обрезается поросль вокруг лип. Около конюшни аккуратно спланирован хозяйственный двор с навесом для сельхозинвентаря.

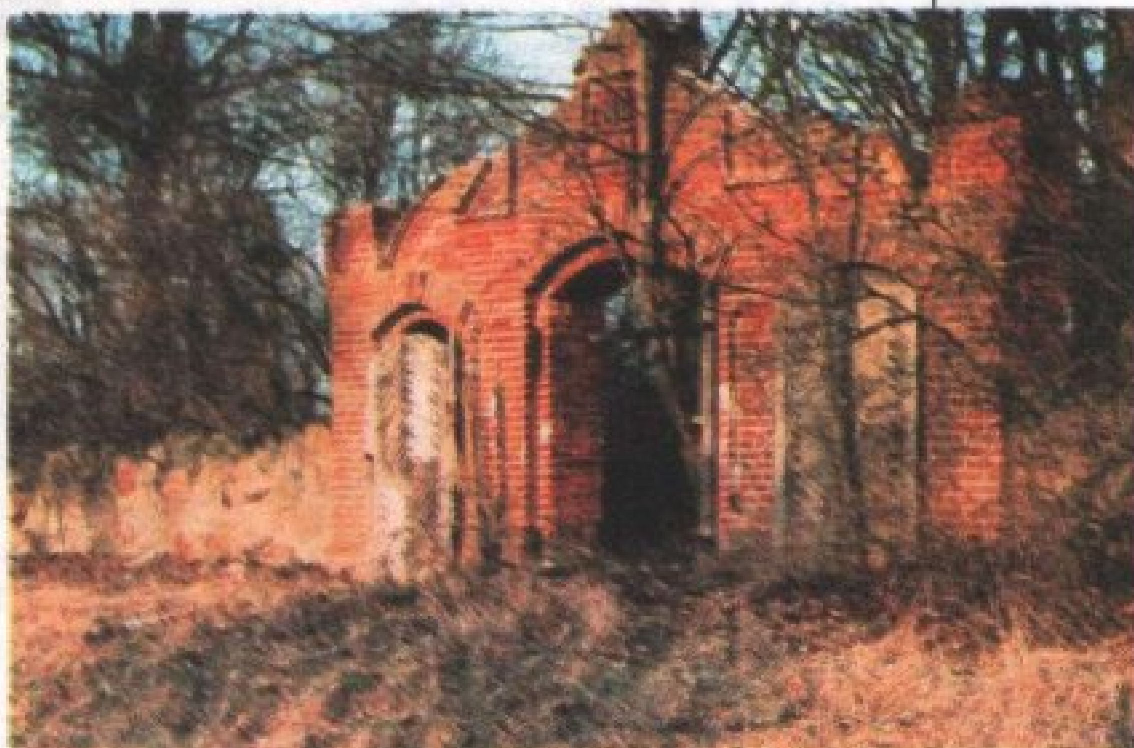


Сюлки. Фрагмент паркового древостоя. Фото 2003 г.

Сюлки

Владение Пашкевичей. Усадьба заложена примерно в середине XIX в. на приподнятой живописной террасе небольшого водотока. Одноэтажный деревянный усадебный дом располагался в глубине парка (разобран после войны). С паркового партера, наиболее высокой части усадьбы, открывалась живописная северная перспектива на большой водоем с дамбой в пойме водотока. С противоположной, южной стороны, за домом располагался небольшой пейзажный парк. Он сохранился в прежних границах. Выделяется разреженным древостоем, качественным разнотравно-злаковым травостоем. Клены, дубы, конские каштаны, грабы растут в основном в виде солитеров. Деревья достигли возраста спелости и высокой декоративности. Размах кроны одного из кленов — 21×19 м. Старый усыхающий конский каштан образовал пять порослевых стволов, приняв кустообразную форму. Около водоема хорошо выражен небольшой древесный массив, фон в котором образуют более чем вековые ясени. Красочность насаждениям, особенно в период цветения, придают группы сирени на парковых полянах.

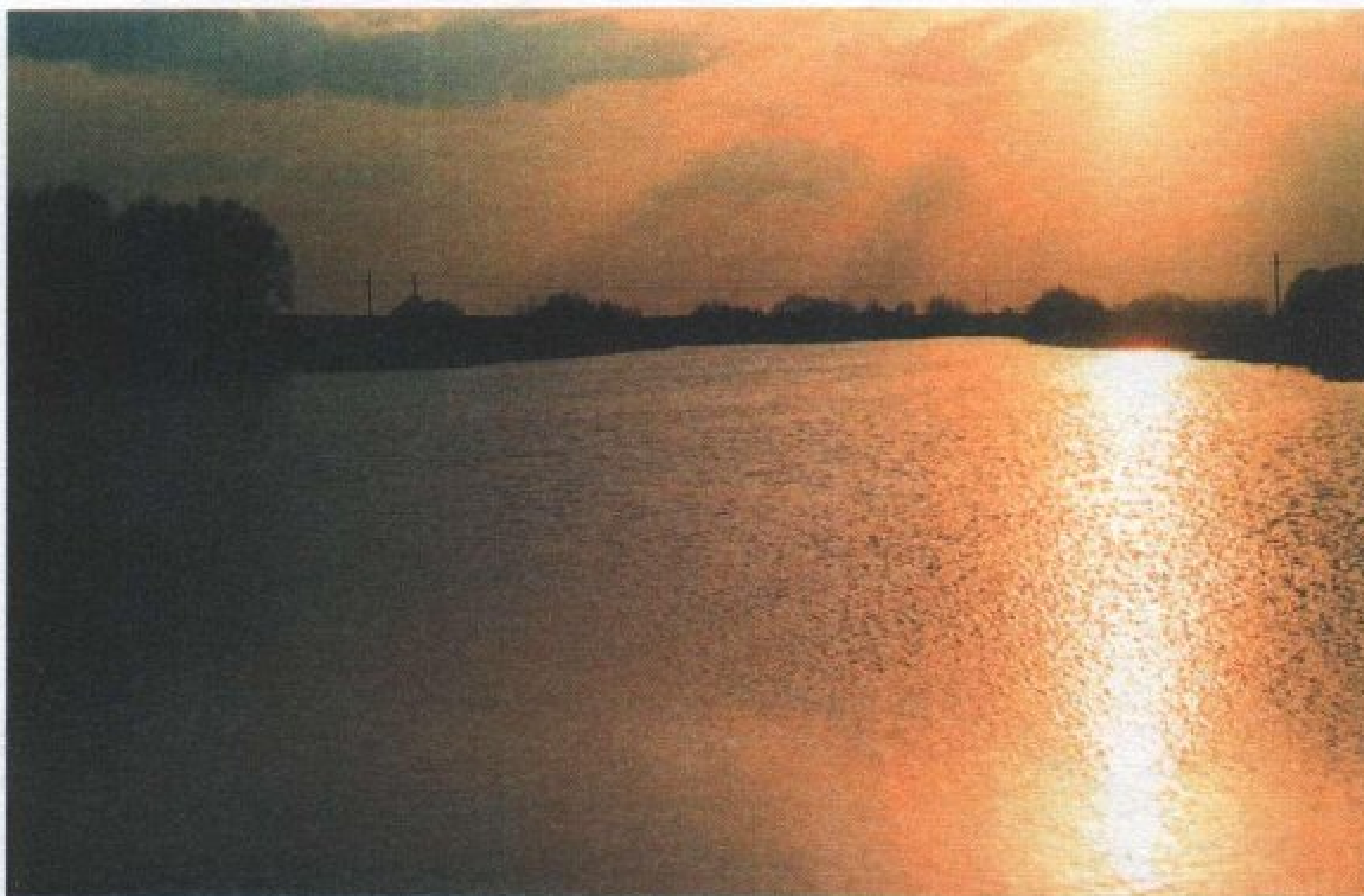
К парку примыкал сад и небольшой хозяйственный двор (после войны здесь ферма), от которого сохранились руины (стены) конюшни. Оказались заброшенными и новые здания бывшей фермы. Вдоль въездной аллеи с восточной стороны расположен церковный погост с руинами церкви, захоронениями, окруженный старой невысокой оградой из бута и валунов.



Сюлки. Церковный погост. Брама. Фото 2003 г.

Несмотря на потери и разрушения, фрагменты бывшей усадьбы вместе с церковным погостом наделены сельским уютом и продолжают привлекать внимание.

От некоторых усадеб этой эпохи до нашего времени дошли только фрагменты. На площади около 6 га сохранился древостой пейзажного парка усадьбы Рудинских начала XIX в. в Торчицах, где еще после войны имелись дом, каплица. Он принял вид сплошно-



Сюлки. Фрагмент водоема. Фото 2003 г.

го древесного массива, в первом ярусе которого величественные, примерно, двухсотлетние, липы и клены, представители в прошлом разреженного паркового древостоя, а в нижнем ярусе — второе поколение местных видов. В подлеске и на бывших полянах разрослись рябинник, снежноягодник, бузина черная, спиреи. О парке уже скорее говорит только фрагмент широкой 12-метровой въездной аллеи.

Небольшой фрагмент спелого древостоя остался от усадьбы имения Любачин, выделившегося после 1785 г. из имения Лахва. Только руины фундамента дома и каплицы, амбар, пруд, одиночные деревья сохранились от усадьбы Юзефин, заложенной в 1828 г. Станиславом Скирмунтом. В небольшом пейзажном парке усадьбы Видное внимание привлекает символический памятник: искусственный холм с вековым дубом, насыпанный хозяйкой имения в память о повстанцах, погибших за свободу [494].

Простором, обильным разнотравьем летом выделяется усадьба Черницких Богуславцы (д. Россохи Пружанского района). В древостое на берегу дренирующего канала растет четырехствольная груша с размахом кроны до 14 м, видимо, наиболее уникальное дерево вида в Беларуси. Среди поля хорошо выражен детинец двора Черск (Брестский район), принадлежащего Волошиным, Радзивиллам, а с 1794 г.— князю Петру Витгенштейну. Двор окружают 200-летние липы, посаженные в ряды по 3—5 экземпляров, одиночные дубы, осунувшиеся дренирующие каналы. Место усадебного дома сплошь покрылось подростом вяза.

Усадьбы

времен эклектики

Пружаны
Белоусовщина
Бучемль
Огаревичи
Раковица
Крошин
Репихово
Бердуны
Яновщина
Подлесейки
Верхнее Черныхово
Грищицы
Мокраны
Чернеевичи
Массальщина
Горловичи
Лыщицы
Литвиново
Литвинки
Вошковцы
Флорианово
Киватичи
Пелище
Детковичи
Зеленевичи
Лумно
Теребунь
Зеновил
Поречье
Полятичи
Туличи
Ясенец
Именин
Стригово
Малые Зводы
Новосады
Бережное
Долгое
Великорита
Глубокое
Ястрембель
Стайки
Серковщина
Гославщина
Коженевщина
Заполье
Сеньковичи
Разводово
Александрия
Каролин
Верховичи
Бижеревичи
Теребежов
Нижний
Павлиново
Маньковичи

УСАДЬБЫ ЭКЛЕКТИКИ

Эклектическое диалектически закономерное творческое направление в усадебном зодчестве получило развитие после распада классицистической системы, примерно с середины XIX в. Это было время напряженного поиска нового художественного образа путем критического пересмотра стилей прошлого в условиях сложной социальной и духовной жизни общества. Возврат к прошлому, по выражению У.Э. Грабаря, никогда не бывает полным, всецело повторяющим, а настолько видоизменяет старое, что оно становится новым. Множество новых архитектурных типов в культовом, усадебном и гражданском строительстве возникло за этот непродолжительный, примерно, полувековой период в Беларуси [397].

Среди усадеб этого периода имеются новые типичные эклектические объекты, некоторые с высокими художественными достоинствами (например, Маньковичи, Поречье, Павлиново, Репихово, Новое Бережное) и сравнительно просто устроенные дворы (Серковщина, Грищицы, Горловичи, Ясенец, Глубокое). Большинство рассматриваемых усадеб представляет собой напластования разных эпох с последней перепланировкой, выполненной в эклектическом духе. Одна из таких наиболее старых усадеб региона в Вошковцах испытала в своем развитии время ренессанса, барокко, классицизма и в формах эклектики дошла до наших дней.

Пружаны. Въездная брама. Фото 1999 г.

Пружаны

Во второй половине XV в. Добучин, который позже начал именоваться Пружанами, вотчинное владение князя Ивана Семеновича Кобринского. Его третью часть по дарственной записи он завещал жене Федоре. В 1507 г. король Александр грамотой, написанной на пергаменте большого формата и скрепленной меньшею великокняжеской литовской печатью, подтвердил пожалованное владение [409]. В XVI в. имение Пружанский ключ с фольварками и деревнями (Белоусовщина, Линово, Яковичи, Поросляны и др.) входило в состав Кобринской экономии, так называемого столового имения, которое подчинялось королю. Возникло в 1519 г. как староство, юридически оформилось в 1532 г. с получением на него права королевой Боной [358]. Во второй половине XVIII в. – главное имение Пружанской губернии [68] Пружаны в ее составе известны по Инвентарю за 1786 г. [44]. В 1794 г. после раздела Речи Посполитой бывшее королевское владение было подарено Екатериной II генерал-фельдмаршалу, графу П. Румянцеву-Задунайскому, который вскоре распродал владения местной шляхте [696]. В начале XIX в. Пружанское имение стало собственностью тайного советника П. Ягмина. Через десять лет его приобрели Швыковские герба Огоньчик, владевшие многими имениями в Беларуси и Литве. Согласно Инвентарю за 1846 г., владельцами были Михаил и Валентий, сыновья Петра, внуки Бернарда Швыковского. В 1847 г. состоялся раздел владений. Валентию отошли Пружаны, Михаилу – Белоусовщина [220].

Бернард и Петр Швыковские на месте фольварка создали большую усадьбу, построив новый большой деревянный усадебный дом с мансардным этажом, «английскую кухню», оранжерею. Усадьба этого времени включала также дом управляющего, кузницу, конюшню, овчарню, сарай, сеновал, ледник, амбар, «запасной» магазин для крестьян. Имение имело около четырех тысяч десятин земли [519].

Следующий этап в развитии имения связан с Валентием. Валентий Швыковский (1817—1900) закончил Дерптский университет, в 1841 г. женился на Герминии Важинской и обосновался на постоянное жительство в родительской усадьбе. Был известен как человек высокой культуры, эрудиции и благородных человеческих качеств. Активно занимался хозяйством, расширением усадьбы. С 1854 г. – предводитель дворянства Пружанского уезда. Вел активную общественную деятельность, заботился об организации в городе общественной библиотеки, почты, проведения через Пружаны почтового тракта, открытии в д. Добучин школы для обучения крестьянских детей, строительстве костела. В поисках средств на строительство костела по проекту видного польского архитектора Г. Маркони в городе устраивались театральные и музыкальные вечера, распространялись лотереи.

События 1863 г. прервали работы. Имение было конфисковано. Его владелец эмиг-

рировал в Бельгию, где работал садовником. Жена продолжала жить в Пружанах. В усадебном доме разместилась поветовая администрация. Находясь в изгнании в г. Монпелье, он писал Юзефу Крашевскому, с которым был в родственных и дружеских отношениях, о тяжелом времени на родине: «Вести из края всегда те же: беда, печаль, нужда и убогость всеобщие – преследованиям нет конца... Растет алчность царских палачей, чего нельзя украсть, то уничтожает чужой язык и чужая прививается вера... Сердце разрывается перед этой страшной картиной моральной и материальной муки народа... В общественной жизни распад и отрицание веры, семьи и наисвятейших вековых правд... Одним словом, хаос всеобщий, а что из этого следует – одному богу известно».

В 1867 г. Валентию удалось вернуться, стать полновластным хозяином своего имения и окунуться в новые заботы. Одной из них было строительство костела. Валентий стал доверенным лицом верующих города. В 1884 г. состоялось освещение храма, в котором теперь находится Дом культуры.

На склоне лет, в 1895 г., имение продается графине В. Клейнмихель. Валентий переезжает в Варшаву. В 1900 г., согласно завещанию, был похоронен на местном католическом кладбище рядом с женой, которой не стало в 1888 г. На могиле установлена плита из черного гранита. В 1935 г. имением площадью 983,06 га, включающим два фольварка (Пружаны и Шидловщизна) и хутор Поляново, владела Вера Дзамбакурьян-Ор-Бельян [38].

В середине XIX в. в старой отцовской усадьбе Валентий, маршалок шляхты, строит новый усадебный дом и проводит ее перепланировку. Усадьба занимает ровную территорию на северной окраине местечка (схема). К ней с города ведет длинная въездная кленовая аллея, расположенная на главной оси, ориентированной в направлении юг – север. Въезд на партер оформлен брамой, образованной пилонами, к которой примыкает новая ограда. Пилоны каменные с нишами и четырехскатным невысоким завершением из жести. Новое здание строится на манер итальянской виллы в формах неоренессанса по проекту варшавского архитектора Франтишка Марии Ланци (1799–1875), который со второй четверти XIX в. жил и работал в Польше, являлся ведущим архитектором Речи Посполитой [648]. Прямых доказательств на участие Ф.М.Ланци в создании Пружанского усадебного дома не имеется. Возможно, непосредственным исполнителем его проекта был виленский архитектор Бем [519].

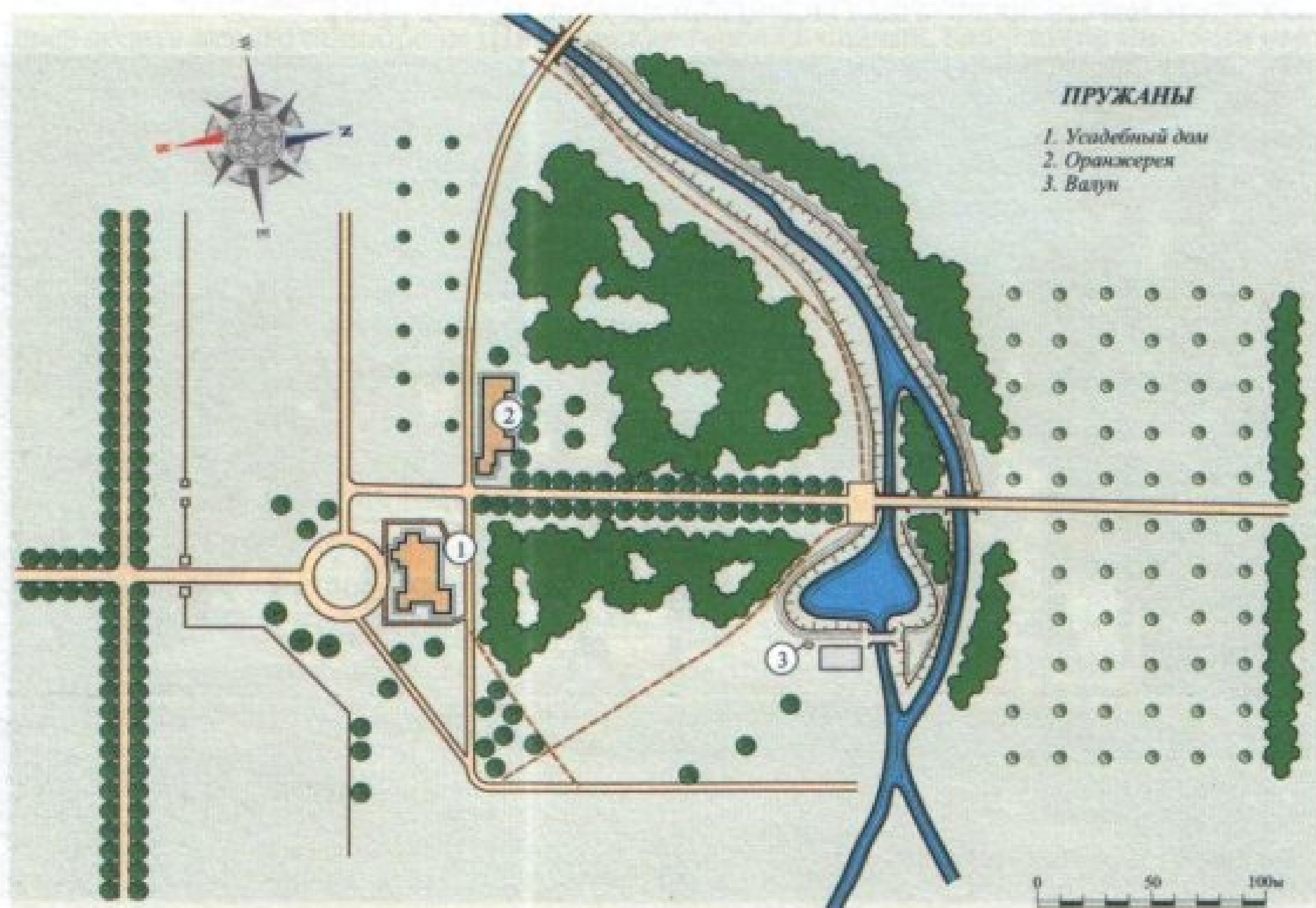
Пружаны. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

Усадебный дом имеет асимметричную усложненную композицию. Представлен объемами разной величины в 1—3 этажа, объединенных корпусом с квадратной в плане башней, доминирующей в композиции, с верандой, террасами и часами-курантами. Здание выделяется наличием окон разной формы, от небольших круглых, квадратных до венецианских — балконов, лестниц, разнообразных декоративных элементов. После реставрации, выполненной в 1999 г., имеет прежний вид.

Дом включал большой зал, или салон, цветочный зал, ряд служебных и жилых комнат, столовую, спальни, кабинет и др. Всех помещений, учитывая небольшие подсобные, было около 40 [519]. Самым большим и красивым являлся большой зал второго этажа, в котором собирались в дни больших праздников, принимали гостей. Зал прямоугольной формы с закругленными углами имел паркетный пол, на котором лежало несколько ковров разной формы. В центре него стоял большой стол и двенадцать стульев. Частью салонного гарнитура являлись два дивана, четыре кресла, два маленьких дивана и этажерка. Бархатная обивка мебели вишневого цвета гармонировала с расцветкой портьер. Украшением салона был рояль из черного палисандрового дерева, гипсовые фигуры, на стенах висели зеркала в палисандровых рамах.

Цветочный зал имел застекленный выступ. Оформление соответствовало его названию: цветочные обои, картины с изображением «живописи разных цветов и деревьев», обилие комнатных растений на подоконниках и на полу, светло-зеленого цвета портьеры. Особым его украшением была большая жирандоль. Кроме того, имелись настенные светильники. В зале стояло несколько мягких кресел, обитых зеленым бархатом, перед которыми лежала медвежья шкура. Располагаясь рядом с гостиной, он предназначался для отдыха, уединения во время бала среди растений. Подобные небольшие уютные помещения, подчеркивая своими интерьерами красоту природы, отношение владельцев к ней, являлись характерным мотивом ушедшей эпохи романтизма. Зал обогревался большим чугунным котлом, окруженным кованными черными решетками с декоративным рисунком. Теплый воздух попадал в комнату также через калорифер, устроенный в паркетном полу. В доме имелись белые кафельные печи с декоративными карнизами.

Рядом с передней главного входа на первом этаже размещалась столовая, которая имела индивидуальное оформление в соответствии с назначением: большой стол



со стульями в центре, вдоль стен стояли дополнительные столики, тумбочки, буфеты с фарфоровой и серебряной посудой. Зал освещался лампой, укрепленной на потолке, стены украшали картины, часы, в фон которым были обои темно-кирпичного цвета. Окна столовой выходили на террасу паркового фасада. К столовой примыкала небольшая подсобная комната с кирпичной печью и камином, которая служила кухней и называлась «буфетом». Отсюда приготовленная пища через окошко с вертушкой подавалась в столовую [519].

Пружаны. Оранжерея. Главный фасад. Фото 1999 г.

В доме имелась библиотека, включающая 1407 томов на польском, русском, немецком и французском языках в основном гуманитарного характера (произведения французских писателей Гюго, Дюма, де Кока), книги по истории и истории Речи Посполитой, географии. Собрания включали карты, географические атласы, картины, портреты, скульптуру. Са Швыковскими дружил Юзеф Крашевский с Долгого, которого привлекало гостеприимство дома и библиотека.

Согласно схемам 1843 и 1902 гг., приведенных В. Первышиным [519], парк имел регулярную планировку, включал шесть почти квадратных боскетов. Весьма сомнительно, что его заложили Бернард и Петр в 1-й половине XIX в. одновременно со строительством нового дома. Самые поздние барочные парки в Беларуси приходятся на вторую половину XVIII в. (70—80-е гг.). Барочный, следовательно более поздний, характер заложения подтверждается наличием въездной аллеи, расположенной на оси ансамбля, которая теперь является одной из городских улиц. По общему построению (сеть боскетов) планировка весьма близка к парку Кобринский ключ и, видимо, была спланирована в эти же годы. Пружанский ключ, как выше отмечалось, был частью Кобринской экономии.

Со строительством нового усадебного дома В. Швыковский перепланировал и расширил парк, придав кабинетам пейзажный вид. На канале формируется водоем и остров в духе пейзажных парков, которым замыкается одна из аллей. На остров через рукав канала был переброшен одноарочный мостик. Вдоль аллей устанавливаются скамьи. На парковом партере разбивается большая клумба, от которой начинается вышеуказанная аллея.

Парадный партер на одном из рисунков 1870 г. имеет нетрадиционный вид. Он представлен двумя фрагментами треугольной формы, но разной величины с плавно изогнутыми боковыми сторонами, между которыми живописно извиваются подъездные дороги: одна на парковую аллею, вторая к главному входу, третья к боковому входу в здание. В довоенный период он был перепланирован с использованием сирени и клена ясенелистного. При реставрации дома в 1999 г. партер выполнен в соответствии с рисунком Н. Орды в виде большого открытого

Захоронения Шыковских на кладбище в Пружанах. Фото 2004 г.

Захоронения Швыковских на кладбище в Пружанах. Фото 2004 г.

пространства с традиционным кругом в центре. От старых насаждений на партере сохранились одиночные деревья клена, липы, конского каштана, лиственницы, дуба. Потеряны основные солитеры: сосна веймутова и ясень обыкновенный 'Pendula'. С правой стороны партера располагались официна, но сведений о ней не имеется. Г. Ронковский [731] указывает на наличие двух официн.

От бывших аллей сохранилась только одна западная, которая стала в наше время главной осью партера. Вдоль нее расположен парк, который имеет черты смешения старого древостоя с современными посадками. Старые деревья (клен, липа, граб) высокой декоративности, растут небольшими группами и одиночно. В составе молодых посадок чужеродные парку клены ясенелистные, тополь 'Lettland', боярышник. Выпали березы, конские каштаны, ильмы, кизил, орех грецкий.

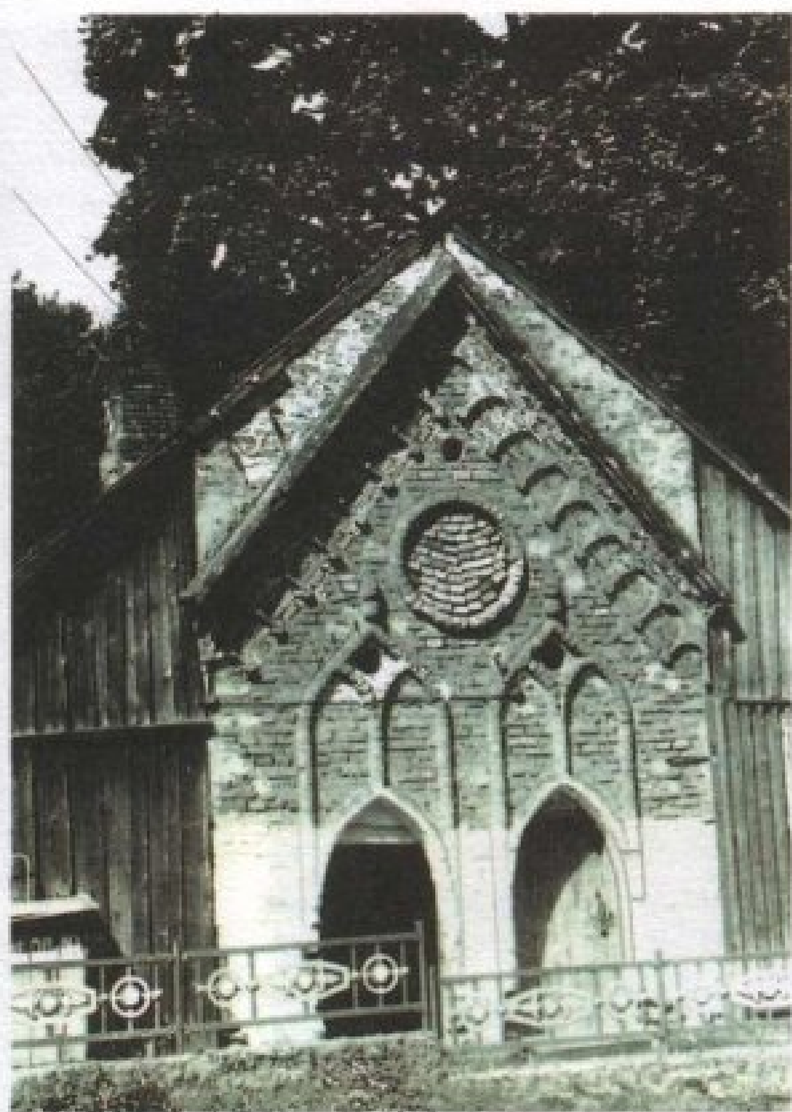
Вторая (западная) часть парка за аллеей представлена сомкнутым грабинником, который переходит ближе к каналу в естественный массив из ясеня, лещины, граба, а затем сменяется ольсом. Высокой декоративности достигли старые грабовые древостои за каналом. По северной окраине композиция замыкается водной системой, включающей канал и водоем в глубоких берегах с островом. Берега водоема в прошлом были выложены плиткой, летом в нем содержались лебеди, зимой водоем служил катком.

В 1908—1912 гг. за водной системой разбивается новый парк на площади 6 га. За дамбой была продлена центральная аллея. Парк формировался в виде небольших квадратов с использованием разнообразного ассортимента иноземных растений. Деревья были вырублены в 1939 г., теперь свободная территория используется под стадион.

Создатель усадьбы Валентий Швыковский любил и знал растения и все свободное время отдавал выращиванию и уходу за ними [596]. В парке имелась оранжерея. Разные экзотические виды (пальмы, цитрусы, мирты, агавы) выставлялись летом на партере и даже в парке. Вокруг росли иноземные виды, перед оранжереей симметрично фасаду – шелковицы белые. После конфискации имения экзотические растения были перевезены в царский дворец в Беловежу. Здание, частично перестроенное, служило разным другим целям. Оно кирпичное, оштукатуренное, длиной 36 м, шириной 7—10,5 м. Крыша двухскатная, низкая. Имелось два крыльца, десять дверей и столько же окон. Дверные проемы имели полуциркульные завершения. Здание обогревалось тремя печами. Система окон и дверей переделана. В четырех секциях оранжереи выращивалось в ящиках и кадках 60 наименований (около тысячи единиц) экзотических растений: камелии, азалии, волкамерии, левкои, пальмы, восковые и лимонные деревья, мирты. В отдельной комнатке хранились емкости с растворами и химикатами [519].

С домом Швыковских связана жизнь Михаила Федоровского (1853—1923), собирателя и исследователя духовной культуры белорусского народа. В 1877 г. он после службы в армии переехал в имение. В течение 27 лет собирал книги, произведения живописи и графики, исторические, фольклорно-этнографические материалы, вел археологические раскопки в Пружанском, Волковысском и других поветах Западной Беларуси. Записал около пяти тысяч белорусских народных песен, около десяти тысяч присказок, сотни сказок, загадок, народных поверий, вошедших в работу «Люд беларускі», изданную в 1897—1981 гг. в восьми томах [527].

В доме создается музей шляхетской усадьбы, что обязывает к восстановлению оранжереи, парка и возрождению усадебных ботанических традиций.

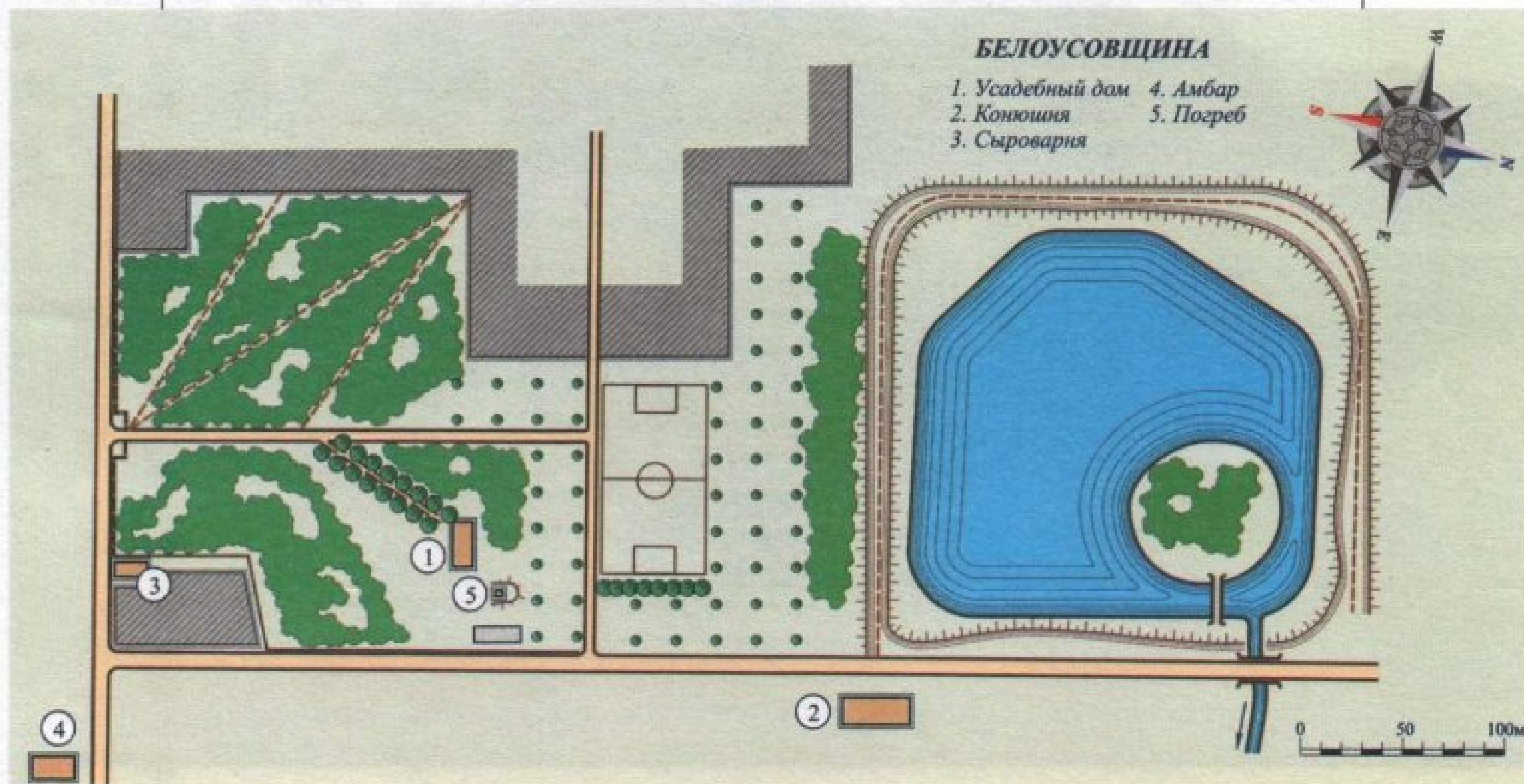


Белоусовщина. Сыроварня. Главный фасад. Фото 1999 г.

Белоусовщина

В 1563 г. белоусовский двор с фольварком входил в состав Кобринской экономии [529]. В 1631 г. имением владел Ян Кореневский [500]. С 1794 г. Белоусовщина, как и Пружаны, принадлежала генерал-фельдмаршалу, графу П. Румянцеву-Задунайскому, в начале XIX – П. Ягмину. У Ягминов имение выкупил Петр Швыковский, передав в 1847 г. фольварк одному из сыновей – Михаилу [103]. После него Белоусовщиной с фольварком Каролин владел сын Константин. Земельные угодья имения составляли 1625 десятин [546]. Последними владельцами были Чарнецкие [483].

Усадьба заложена во второй половине XIX в. Михаилом Швыковским. Занимает плоскую ровную территорию на окраине деревни. Площадь около 14 га. В плане имеет форму вытянутого прямоугольника, в пределах которого поочередно расположены парк с усадебным домом, сад, а затем водоем, четко выражена система продольных и поперечных дорог (схема). Парк не имеет выразительной композиции. Пересекается неширокой аллеей. К усадебному дому, смещенному с оси, под углом ведет вторая короткая аллея из белой акации, подбитая караганой. Дом небольшой (14 комнат), в плане прямоугольный (24 х 12 м). В 1920-е гг. удлинен на 6 м боковой пристройкой. Его центральная часть выделена поперечным мансардным этажом с выходом на террасу, боковые крылья одноэтажные. Крыша двухскатная с залобками, во фронтонах большие полуциркульные окна. Фасадные окна оформлены в виде эркеров. Здание имеет деревянную обшивку, углы обрамлены фи-



Белоусовщина. Амбар. Главный фасад. Фото 1999 г.

ленками с фигурным завершением внизу. Перед главным входом расположена полуциркульная веранда с фигурной балюстрадой.

С левой стороны к дому примыкает небольшой древесный массив высокой сомкнутости из клена, белой акации, сосны и граба (до 90 %), поэтому не имеет напочвенного покрова. Здесь прослеживается древесная клумба из клена. Старый клен (в возрасте 150 лет) украшает партер перед домом. Юго-восточную часть парка (напротив дома) занимает большой древесный массив из клена, липы, ясеня и ели также без подроста и напочвенного покрова. На его углу, около центральной аллеи усадьбы, расположено оригинальное здание сыроварни с ледником, построенное в первой половине XIX в. Сооружение кирпичное (14 x 10 м) с цокольным этажом и входным тамбуром (5 x 3 м). Отличается выразительным неоготическим декором. На фасаде два готических входа, обрамленных валиком, над ними фасонным кирпичом выложен арочный мотив, напоминающий готические слепые архивольты. Фасонным кирпичом обрисован также круглый оконный проем. Вдоль краев стройного фронтона проходит красивый широкий арочный пояс с гирьками.

Белоусовщина. Водоем. Фото 1999 г.

Белоусовщина. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

Западная часть парка представлена почти сплошным массивом, пересеченным тремя дорожками, разбивающими территорию на три сектора треугольной формы. Его древостой из клена, липы и граба ниже по качеству. Много сухих деревьев вяза гладкого, совсем не выражен газон. В подросте получил распространение вяз.

Парк переходит в сад (теперь частично застроен, на нем расположено футбольное поле), в котором выращивались орех грецкий, черешня. На опушке паркового массива сохранились крупные одиночные деревья этих видов. Черешни достигают высоты 9—10 м, диаметр толстого узловатого ствола 94 см; высота дерева ореха грецкого 9 м, диаметр кроны 10 м. По оси через сад к водоему вела формованная шпалера из граба (утрачена).

Композиция заканчивалась водоемом (площадь 1,83 га) за последней поперечной аллеей. Он расширен в последнее время по ширине парка, обвалован и является наиболее выразительным композиционным элементом усадьбы. Имеет большой (в диаметре 70 м), но плохо спланированный остров с почти сплошным молодым древостоем из дуба, ивы бредины, осины, белой акации, который нуждается в ландшафтных рубках. Питание водоема родниковое, вода отводится по выкопанной протоке в поле.

Небольшой хозяйственный двор включал два коровника, конюшню, два свинарника, в которых в 1939 г. содержалось 430 голов скота, лошадей и свиней английской породы, хлебный сарай. Имелись кирпичный и винокуренный заводы, молотилка с локомобилем, трактор марки Фордзон, сеялка для удобрений. Рабочие жили в пяти домах на 22 квартиры [83]. Сохранилось кирпичное здание амбара. Здание одноэтажное с двухэтажной пристройкой на входе в виде портала, с высокой открытой аркой и входом на чердачное помещение. Стены прорезаны прямыми оконными проемами, лишены декора. Внешне сооружение непривлекательное, но располагает редким по исполнению подвальным этажом на крестовых сводах с аркой, опирающейся на двенадцать мощных квадратных столбов.

Состояние усадьбы заметно улучшено в последнее время. Устроен водоем, сделаны причал, перекидной мостик на остров, ограда, оформлен вход, расставлены скамьи и деревянная скульптура на мотивы сказок. В уходе нуждается запущенный древостой парка, не имеющий газона.

Бучемль. Парк. Грабовая аллея. Фото 2002 г.

Бучемль

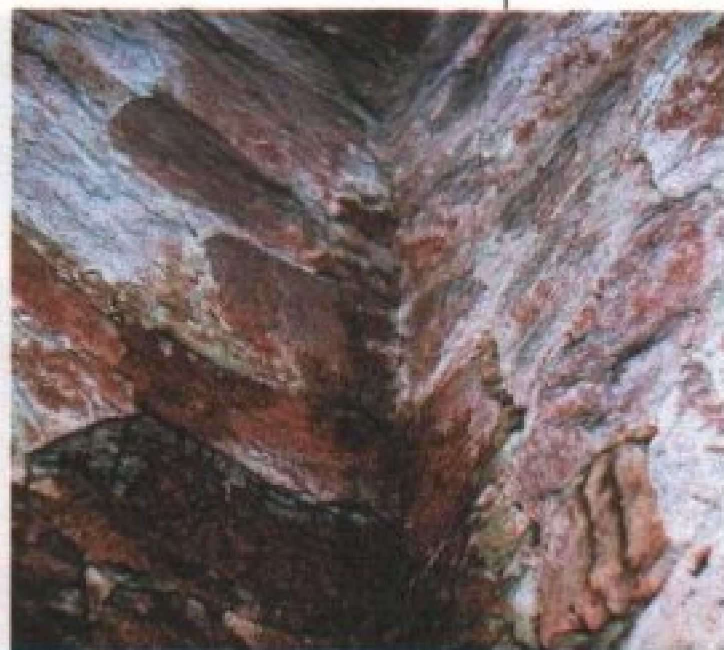
Двор Бучемль принадлежал дворянину Алексею Андреевичу Зузину, который в 1506 г. «бил челом» Александру о подтверждении владения. В привилее короля записано: «... зъ ласки нашое, и тежь зъ его къ намъ върную службу, тымъ его пожаловали и тые слуги Вакальну а Проца и ихъ товаришовъ ему дали и потвержаемъ то симъ нашимъ местомъ вѣчно ему, и его жонъ, ихъ дѣтемъ, и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ, и его ближнимъ. Нехай онъ тотъ дворъ Бучемль держитъ зъ слугами путными и людьми тяглыми, и со всими ихъ землями пашными и бортными, и зъ ловы, и боры, и дубровами и гаи, и съ сѣножатми, и озеры, и зъ рѣками, и рѣчками, и зъ бобровыми гоны, и ставы, и ставищи, и зъ млины, и ихъ вымелки, и изъ данью грашовою, и медовою и бобровою и куничною, и со вси иными платы и доходы ...» [409].

С 1598 г. владение Горновских. В 1660 г. от князя Алексея Шаховского перешло Матею Дембинскому [237]. В 1781 г. владельцами стали Выгоновские. В 1862 г. перешло Бельчинским герба Дуборог. Теофил Бельчинский (1896—1967) был известным садоводом, сыгравшим большую роль в разведении и селекции вишни. Один из сортов, привезенный из Франции, в результате длительного отбора стал перспективным в регионе, получил распространение под названием вишня бучемлянская. В конце XIX в. имениями Бучемль, Свищово с земельными угодьями в 541 десятину владели Иван Гриневицкий и Владимир Симонович [546].

Усадьба заложена Бельчинскими. Включала парадную часть с усадебным домом, парк, хозяйственный двор и большие сады с питомниками. Сады занимали южную часть усадьбы, через которую вела аллея из тополя канадского 'Serotina'. Крупные деревья придавали небольшой усадьбе черты величия. Сады были спланированы в виде квадратов, обсаженных в основном лещиной и боярышником. В западной части

Бучемль. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 2002 г.

сада выращивались плодовые деревья, в восточной – вишня. Въездная аллея непосредственно в парке оформлена шелковицей белой.



Бучемль. Колодец. Фрагмент стены. Фото 2002 г.

Центром композиции является небольшой одноэтажный дом из бруса, крытый черепицей, на высоком цоколе. Парадный фасад простого здания выделен крыльцом. Симметрично ему с двух сторон посажено по две ели. Около партера справа расположен амбар, построенный в формах народного деревянного зодчества. Вокруг растут одиночные деревья. Дом окружает парк, занимающий пониженную, слегка переувлажненную территорию. В основу его композиции положена водная система из двух небольших водоемов, дно которых укреплял «глиняный замок», расположенных вдоль оси местного водотока. К водоемам по восточной окраине парка ведет грабовая аллея, деревья которой давно сомкнулись, образуя темный сводчатый коридор. Грабовая беседка в ней была местом уединения. С дома на водоемы открывалась перспектива через слегка понижающуюся открытую большую поляну, которая по сторонам подчеркнута небольшими древесными массивами из граба и клена. За правым массивом располагается вторая поляна, окруженная древостоем из ясеня, ольхи, подбитым кустарниками. Вдоль нее проходит аллея, выводящая в поле. С противоположной стороны к партеру вдоль боскета ведет липовая аллея. В боскете на оси дома расположен колодец весьма оригинальной конструкции, единственной в усадьбах Беларуси. Его стены (1,3х1,3 м) сложены из колотого камня, а основание – из дубового бруса. В парке имелось много иноземных растений. Еще растут единичные экземпляры явора, шелковицы белой, бука, розы колючейшей, боярышника сглаженного, сирени, спирей и др.

Среди поля на землях имения Быльчинскими на рубеже веков была заложена небольшая усадьба П л я н т а в виде экономического сада. Ее владельцем был брат Теофила Витольд (1902–1972). Усадьба представляет в плане прямоугольник (190х140 м). Он окружен по периметру однорядной посадкой липы (деревья в ряду посажены через четыре метра) и разделен рядами липы на три боскета. В большом южном боскете с садом, черешнями, грецкими орехами стоял усадебный дом – деревянное одноэтажное здание с крыльцом. Небольшие два боскета имели хозяйственное назначение. Строения утеряны, на боскете разместилась пасека. Усадьба привлекает живописностью места с березовыми перелесками и кряжистыми одиночными дубами на полянах. Вместе с усадьбой в Бучемле принадлежит школе-интернату.

Огаревичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1987 г.

Огаревичи

«Данники Огаревичи» упоминаются при Ревизии пущ и переходов звериных 1867. Имение известно по Инвентарю за 1697 г. [42]. Им владели Свежинские герба Порай. Роду принадлежало имение Староселье на Пинщине, где на фамильном кладбище покоятся огаревичские владельцы. В 1876 г. наследственное владение Карла Матвеевича (с 1869) составляло 17957 десятин [546]. В начале XX в. перешло Опацким герба Прус. Последними владелицами были Мария Опацкая [731] и Ирена Свежинская [649].

Время создания усадьбы остается невыясненным. Р. Афтанази [596] считает этим

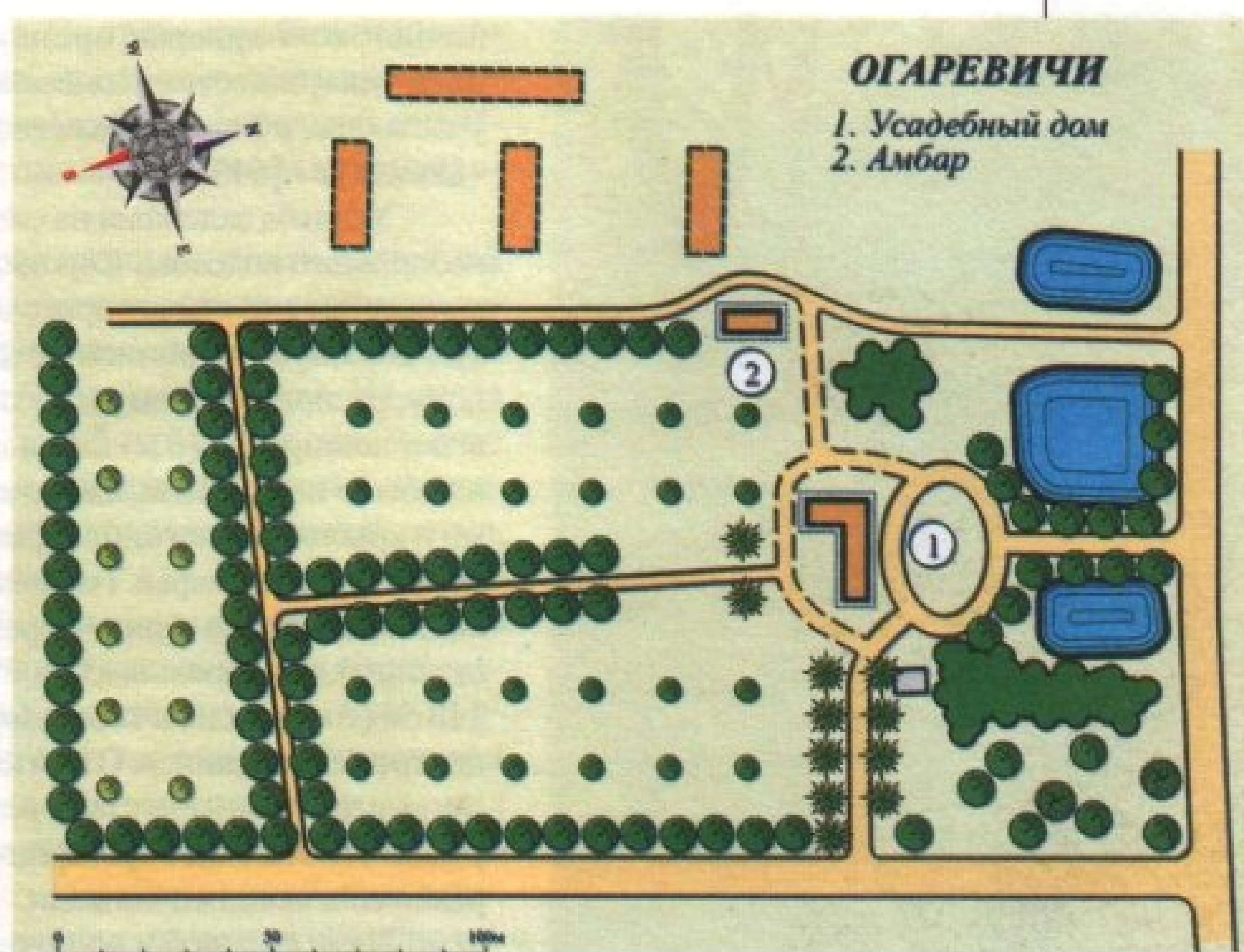
Огаревичи. Амбар. Фото 1999 г.

временем предположительно начало XIX в. Парк, на наш взгляд, значительно старше дома. Со строительством здания, видимо, во второй половине XIX в., усадьба приняла эклектические черты. Достраивалась Опацкими в 1911 г. Включала усадебный дом на 11 комнат, два флигеля, парк, водную систему, хозяйственные постройки. Заложена на ровной местности. Имеет симметрично-осевую композицию, регулярную планировку. На главной оси расположена короткая въездная аллея из тополя белого. Симметрично въезду расположено два одинаковых по размерам водоема прямоугольной формы. Въезд оформлен небольшой брамой из двух каменных пилонов, завершенных коническими крышами. За газоном на оси расположен усадебный дом. Здание небольшое, Г-образное в плане, одноэтажное с высокой крышей. К восточному фасаду пристроена полуротонда, служащая зимним садом. На парадном фасаде расположено крыльцо на четырех колоннах. Маленькое крыльцо короткого бокового объема имеет две колонны.

Парк за домом спланирован в виде двух вытянутых вдоль оси боскетов. Ось симметрии на парковом партере была подчеркнута двумя елями. Замыкается ось третьим, поперечным, боскетом. Центральная аллея – двухрядная, боковые – однорядные. Вдоль них тропиночный маршрут был оригинально подчеркнут линейной посадкой цветочных растений. Боскеты служили садом. К восточному водоему примыкала

Огаревичи. Водоем. Фото 1987 г.

небольшая пейзажная часть усадьбы. Она отделялась от боскета формованной еловой аллеей. По периметру усадьба была окружена простой деревянной оградой с брамой из двух каменных пилонов.



Западную часть усадьбы занимал большой хозяйственный двор. В 1939 г. он включал 12 зданий для содержания скота и складирования кормов. Имелись ледник, склеп-сыроварня [74]. Сохранилось (стоит ближе к усадебному дому) крепкое, на цоколе, с высокими фронтонами здание амбара. Выделяется контрастным сочетанием красных кирпичных стен с побеленными карнизами, наличниками, лопатками, квадратными нишами в рамах. Над окном фронтона, обрисованного зубчатым поясом, выложена дата постройки – 1911 г. В это время была построена конюшня, на главном фасаде которой, три дверных проема были выделены тамбурами на двух столбах, завершенными треугольными фронтонами.

Небольшая, четко спланированная, весьма уютная усадьба с парком в результате неудачной реконструкции, выполненной в последние годы, оказалась расстроенной и потеряла усадебные черты. Дом принял вид коттеджа. Не стало боскетов. На месте водоема появилась танцплощадка. На месте парка построено новое хозяйственное здание.

Раковица

Первое упоминание относится к 1524 г. Входила, видимо, в состав королевских владений. Затем владение Романовичей, Соколов. В 1565 г. Аникей Сокол «ставил 2 коней» [760]. От Соколов перешла князьям Шуйским. Во второй половине XVII в. принадлежала Яну Шуйскому, подстолию браславскому (1698). От него в 1704 г. вместе со Скоками перешла сыну Франтишку, который уступил владения брату Матею Станиславу, подстолию браславскому (умер в 1715), женатому на Терезе Немцевич. [764]. На местном православном кладбище имелась униатская церковь, в склепе которой покоились Шуйские. От Шуйских в виде приданого Раковица перешла Толлочко и принадлежала этому роду около двухсот лет. В 1740 г. имением владел Петр, стольник венденский [775]. В 1890 г. Раковица вместе с имением Челиево принадлежала Юлиану и Антону Толлочко [546]. Последним владельцем имения был Теодор (1876–1946), женатый на Ядвиге из Пониквицких, сын Яна, участника восстания 1863–1864 гг., и Каролины Толлочко из Ясқловских. Сельскохозяйственное образование получил в Бельгии. Являлся президентом Брестского отделения Погра-

ничного союза дворян, президентом сельскохозяйственного товарищества Полесского воеводства в Бресте, участвовал в Варшавском восстании под псевдонимом «Полешук» [649].

Усадьба заложена на слегка пересеченной террасе небольшого водотока Сорока бассейна Западного Буга, вытянутые склоны которого спускаются до русла, образуя большую живописную котловину. К усадебному дому, расположенному на возвышении, у края террасы, ведет неширокая (6 м) аллея из тополя канадского. Здание было небольшим, имело высокую крышу с залобками и крыльцо на парадном фасаде. Известно по фотографии из архива Софьи Толлочко (Варшава). Деревья аллеи, посаженные в ряду через 11 м, достигают величественных размеров: высота 27 м, диаметр ствола 125—140 см (сохранилось 14 экземпляров). Партер с кругом в центре не сохранился. О нем напоминают только разбросанные одиночные кусты дерезы берберов, сравнительно редкого невысокого кустарника с раскидистыми дугообразно свисающими ветвями.

Теодор Толлочко

Парк с южной и восточной сторон окружал котловину в виде излучины, на дне которой струился водоток, беря начало из родника около недалеких Яцковичей. С северной стороны ровную территорию занимает сад.

Судя по единичным старым липам, многочисленным, уже истлевшим пням, спящие почки которых дали новое порослевое поколение, парк был заложен во второй половине XVIII в. Представлял собой большой боскет, от насаждений которого сохранились отдельные липы. Деревья были посажены плотно. Стволы двух из них, перехлестнувшись, срослись в нижней части отдельными ветвями, вверху образовали мощный экзотический ствол в диаметре 137 см. Со стороны поля боскет имел обвалование (выражены фрагменты вала и кюветов), одновозрастную защитную обсадку из тополя и липы и, видимо, невысокую стену из валунов.

В XIX в. парк был перепланирован . Основным элементом композиции стал водоем на русле Сороки с включением в композицию нескольких сотен дубов-великанов. На него ориентированы виды с гребня террасы, скользящие по длинным ее склонам среди одиночных деревьев, разбросанных по луговому разнотравью. От водоема открывалась дальняя перспектива вдоль русла, на котором за пределами усадьбы была устроена водная система, теперь пруды служат местному рыбхозу. Усадебный водоем спущен. На его месте одиночные экзотические по форме кроны ивы ломкой, заросли трост-

Раковица. Усадебный дом. Фрагмент парадного фасада. Фото до 1939 г.

ника и влаголюбивых трав. От древостоя бывшего пейзажного парка сохранились одиночные липы, дубы, грабы. Судя по размаху кроны (до 20 м), деревья были немногочисленные, чем достигалась хорошая просматриваемость заложения.

Теперь на месте парка развился почти сплошной подрост из клена с вкраплениями вяза пробкового, лещины, бузины черной, бересклета европейского, жостера слабительного, нередко обвитых хмелем. Из числа иноземных видов сохранились боярышник, сирень, спирея, поросль белой акации. Дичающий массив пересекает извилистая тропа, одна из бывших дорожек парка, которая выводит в старый сад.

Раковица. Тополиная аллея. Фото А.Гладыщука. 2002 г.

Визуально с усадьбой было связано фамильное захоронение, расположенное отдаленно на возвышении с восточной стороны въездной аллеи. Оно примыкает к местному кладбищу, где имелась униатская церковь Шуйских. Имеет форму прямоугольника (50х15 м), огороженного глухой невысокой стеной из бута и валунов, частично оштукатуренной, с маленькими контрфорсами. Северная парадная сторона ограды оформлена железной решеткой на высоком фундаменте. В ней калитка, на оси которой расположена каплица, построенная в 1910 г. Теодором Толлочко из кирпича в формах неоготики. Боковые фасады небольшого сооружения расчленены полуциркульными окнами (по три с каждой стороны). Крыша двухскатная. Четверик над притвором был украшен по углам декоративными башенками и завершался крышей в форме пирамиды, увенчанной шаром с крестом. Каплица восстановлена в 1990-е гг. Башня и башенки утеряны.

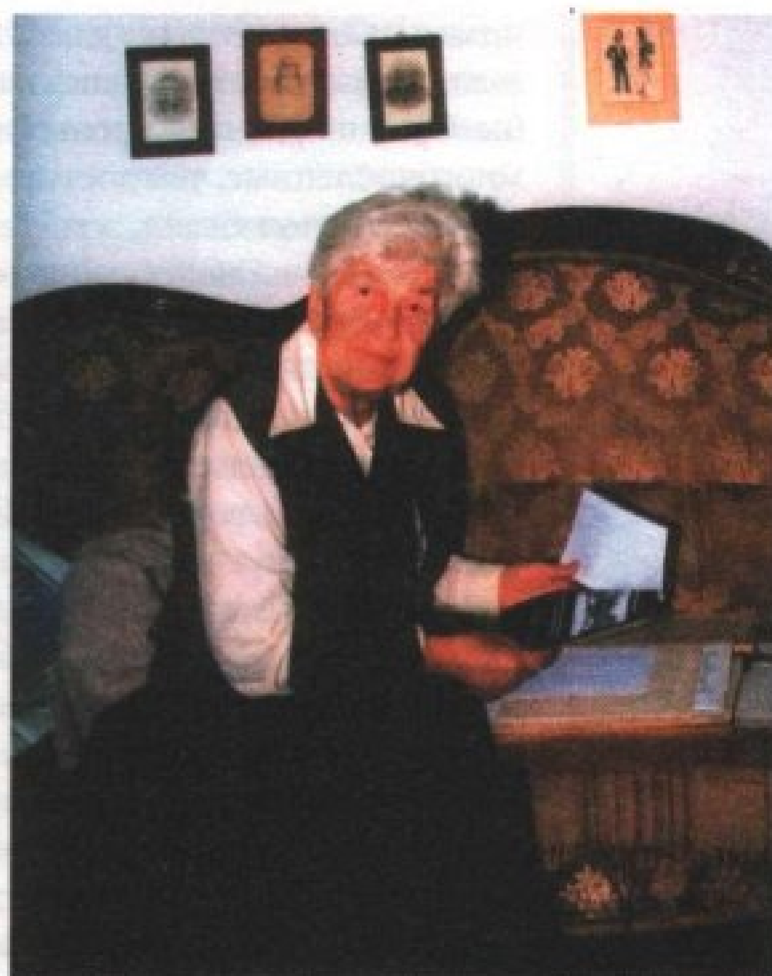
Раковица. Каплица. Главный фасад. Фото А.Гладыщука. 2002 г.

За каплицей, под кронами старых деревьев, покоятся Леокадия (из Якубовских) Пониквицкая (умерла в 1895), Роман Малаховский (умер в 1860), Людвиг Янукевич с женой Валерией Малаховской, Мария (из Малаховских) Толлочко (умерла в 1909), Казимир Толлочко (умер в 1862) и др. Гранитная плоская плита лежит на склепе Каролины (из Ясколовских) Толлочко (1840–1917), матери четырех сыновей: Людвига, Казимира, Станислава и Теодора. Станислав (1868–1935) – кавалер ордена Polonia Restituta, доктор философии, профессор химии, автор многочисленных работ и учебников по органической химии, по которым в Польше училось несколько поколений студентов. Он закончил физико-математический факультет Варшавского университета, стажировался в Геттингене, в лаборатории известного немецкого физика Вальтера Нернста, а затем у Ф. Хабера, которые стали впоследствии нобелевскими лауреатами. После защиты в 1905 г. докторской диссертации работал в Львовском университете, возглавлял при нем химический институт [313]. Занимался разработкой проблем физической химии (химическая кинетика, электрохимия, равновесие в двухфазных состояниях, фотохимия). Во время одного из визитов в 1928 г. зало-

Профессор Станислав Кароль Толлочко. 1930-е гг.

жил в Раковице въездную тополиную аллею, фрагмент которой сохранился. Умер во Львове в 1935 г. Покоился в каплице. После ее осквернения в 1960-е гг. был перезахоронен рядом с храмом.

Младший брат Станислава Людвиг, родившийся в Раковице в 1870 г., в 1910 г. был назначен на должность главного инженера строительства телефонной сети Санкт-Петербурга, являлся одним из основателей и проектировщиков трамвайных средств передвижения в Санкт-Петербурге. В 1918 г. новым правительством назначается вице-министром почт и телеграфов Польши. Пережил все тяготы Освенцима, в котором погибли жена (француженка Мария Магдалина Саукс) и дочь Казимира. Вторая дочь, Болеслава, умерла во Франции, завещав развеять свой прах над Атлантикой [312].



Софья Толлочко-Сверч. Фото 2003 г.

Во Франции живет сын Болеславы Людвиг. Из Варшавы в Раковицу приезжает дочь Теодора – Софья Толлочко-Сверч. «Пани Зулю» старожилы помнят подростком, уважают, помогают содержать родовые захоронения.

Крошин

В XV в. владение князей Крошинских, которые, видимо, являлись ответвлением князей смоленских или черниговских [487, 681]. В Метрике ВКЛ указывается князь Константин Крошинский, казначей смоленский, владелец двора Побоево в Волковысском повете, который в 1500 г. по королевской грамоте от князя А. Гольшанского получил двор Дубна в Городенском повете на «хлебокормление» [252]. В 1499 г. по привилею великого князя литовского Александра имение Крошин стало собственностью воеводы киевского, князя Дмитрия Путятича, в связи с чем в актах Метрики ВКЛ было записано: «Ино мы, вбачивши его к нам вѣрную службу, зъ ласки нашое, тотъ дворъ нашъ Крошин дали есмо ему со всимъ по тому, как есмо сами по себе дворъ держали, и дали само ему самому тое имѣніе Крошино». Далее в привилее указывается, что при наличии сына наследника «по его животъ, тотъ дворъ Крошино и сыну его дали есма» [409]. Местечко Крошин в Метрике ВКЛ упоминается позже, в 1522–1530 гг. [415].

В 1521 г. имением владел татарский князь Маликбаш, получивший письмо короля Сигизмунда I на строительство корчмы. Очередной привилей короля от 1523 г. подтвердил право на владение Крошином сыну князя Муртузу [250]. В 1567 г. сыновья Муртуза Акиш и Маско Муртузичи продали свою часть имения Астафию Волловичу, подканцлеру великому, маршалку дворному, старосте берестейскому и кобринскому, но в 1572 г. они отказались выдать проданную запись на имение поверенному Волловича [250].

В XVI в. имение известно также по Инвентарям за 1562, 1567, 1568 г. [542]. Его владельцами были Друцкие-Толочинские, Горские [292]. Судя по фундушу крошинской церкви за 1697 г., в XVII в. имением владели Радзивиллы [242]. Начиная от Доминика, имение наследовалось Михаилом, Леоном (владельцами Полонечки). Около 1822 г. Антонина, дочь Матея Радзивилла, известного поэта, драматурга и композитора, стала женой обедневшего шляхтича Станислава Гедройц-Юраги. Неравному браку в значительной степени посодействовал брат Антонины князь Константин, который подружился со Станиславом еще в 1819 г. в крепости Модлин над р. Висла. Антонина, как и Константин, относилась к числу прогрессивно настроенной шляхты, поддерживала связь с филоматами. С ней дружили Т. Зан, Я. Чечот. В 1843 г. Томаш Зан был одним из свидетелей на свадьбе Теофилии, дочери Антонины. Через три года во время своего свадебного путешествия он также посетил Юраг. Известна переписка Антонины с Марылей Верещако [570]. Имение этого периода характеризует Инвентарь 1845—1847 гг. [106]. Известно свидетельство от 1861 г. об отсутствии казенных и частных долгов, исков и запретов у имения Крошин Антонины Гедройц-Юраги [135]. Вскоре его унаследовала Теофилия, ставшая женой князя Евгения Роберта Святополк-Завадского [139].

Древний род Святополк-Завадских происходил от Рюриковичей и пользовался иногда княжеским титулом. Святополк-Завадские владели Крошином около столетия. В 1876 г. земельные угодья имения Петра, сына Роберта и Теофилии, составляли 1100 десятин [547]. Петр был художником, имел в доме мастерскую, мастерству и истории искусств учился в Дрездене. Написал много картин, несколько икон для Кро-

Крошин. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

шинского и соседнего Юшкевичского костелов. Увлекался геральдикой. Его усилиями были собраны образцовая библиотека книг в количестве 2 тысяч томов и рукописей, коллекции картин, старинного оружия, среди которого имелась сабля короля Яна Казимира, охотничьих трофеев, фарфора и разных художественных ценностей [596]. Библиотекой пользовался Ромуальд Зенькевич, известный собиратель белорусского фольклора. Среди собрания библиотеки он нашел портрет Василия Тяпинского, белорусского гуманиста-просветителя, писателя, книгоиздателя, который получил известность в наше время [336]. В доме имелись портреты предков, Кароля Пане Коханку, князя Константина, многих сенаторов, воевод и каштелянов [327]. Однако финансовое положение Петра было сложным. Затянувшиеся судебные тяжбы с крошинскими мещанами привели к публичным торгам, состоявшимся в имении в 1886 г. Продаже предшествовала опись движимого имущества, включающая мебель, рояль фабрики Карла Зейдлера, оцененная в 200 рублей, мраморные вазы и часы, люстра и другие предметы [265].

Последним владельцем имения был сын Петра Константин, который поправил материальное положение имения. Земельные владения увеличились до 1860 десятин [549].

Усадьба площадью 8,4 га в плане имеет форму почти правильного квадрата, окруженного со всех сторон подъездными дорогами. Ее северо-восточную часть занимает парк. К нему с юго-запада примыкает небольшой сад (схема). Расположена на ровной левой террасе Щары, в небольшой ее излучине. Сформирована на месте старого укрепленного двора или замка, остатки валов, рвов которого прослеживались еще в середине XIX в. [596]. Главный въезд проходит по дамбе, на оси которой среди парка стоял усадебный дом (на его месте построено административное здание). Два больших расположенных симметрично дамбе водоема наделяют усадьбу простором. На них были ориентированы парковые перспективы.

Деревянный двухэтажный усадебный дом с башенкой, построенный примерно в середине XIX в., внешне напоминал виллу, заметно отличаясь архитектурным обликом от типичных шляхетских дворов того времени. Он был довольно просторным, включал 24 помещения (зал, холлы, библиотеку, архив, художественную мастерскую). По краю большого газона стояла деревянная официна. В ней после пожара в 1915 г. (через Крошин проходила линия обороны) жили владельцы. Сгоревший усадебный дом не восстанавливался. За парадным двором располагался небольшой парк, перепланированный в 1905—1907 гг. в духе пейзажных эклектических заложений. Он не имеет четко выраженного планировочного решения, но привлекает качественным древостоем, живописными полянами. Его северную часть занимает примерно вековой древесный массив – ильмовник липово-кленово-разнотравный высокой сомкнутости (60—70 %). В напочвенном покрове развит сплошной покров из купы-

Крошин. Фамильная усыпальница. Фото 1999 г.

ря, сныти и крапивы, чем снижаются декоративные достоинства спелого древостоя. Вдоль него, по периметру парка, прослеживается рядовая защитная обсадка из клена, липы и дренирующий кювет, отводящий воду в ближайший водоем.

Центральную слегка пониженную часть парка занимает большая поляна в обрамлении древесного массива с северной стороны. Декоративность поляне придают одиночные растущие кустом или в виде маленьких групп деревья, преимущественно ясеня, а также злаково-разнотравный, ярко цветущий в летнее время травянистый покров. Примыкающий небольшой водоем, видимо, фрагмент старой планировки, охвачен полосой деревьев и особого композиционного значения не имеет.

Невдалеке от водоема расположена каплица, выполненная в форме склепа с высоким до 8 м холмом, в котором покоились Антонина Юрага и Святополк-Завадские. Внешне каплица воспринимается как видовой холм, поскольку вход засыпан землей. Ее окружают старые, примерно двухсотлетние липы, по откосу выложена цепочка замшелых валунов. К этой наиболее старой и живописной части усадьбы через парк ведет приподнятая ясеневая аллея (ширина 5 м), неудачно подсаженная в последнее время конским каштаном.

Часть парка к югу от аллеи слегка понижена. Доминирует поляна, на которой и по ее периметру разбросаны одиночно или в виде небольших групп старые ясени в сочетании с кленами. Основу травостоя составляют злаки. Самым экзотическим деревом парка была ива белая с золотистой листвой в весенне-летний период.

К усадьбе за водоемом примыкает костел, под сводами его зала висит ценнейшая реликвия крошинцев — жирандоль (люстра) работы Павлюка Багрима (1812—1891), поэта, человека, жизнь которого стала легендой, а сравнительно полные биографические сведения стали известны благодаря публикации Я. Янушкевича [589] совсем недавно. Павлюк, сын местного кузнеца Юзефа и Марии со Стаховских, учился в приходской школе при местном костеле. Ее вел ксендз Войтех Магнушевский, человек высокой культуры, воспитанный на идеях французского просветительства, который был домашним учителем Константина и Антонины [505]. Умер в 1828 г., находясь под надзором полиции [46]. Произведение народного самородка, умельца-кузнеца, человека большого таланта и трудной судьбы, кому предназначалось стать белорусским Тарасом Шевченко, изготовлено вручную из чугуна и листовой бронзы в виде легкого ажурного подвеса с двумя обручами на трех металлических жгутах. Ее короноподобное завершение украшено изображением цветов и жаворонков. Об авторстве работы свидетельствует выбитая на верхнем обруче надпись «Павел Багрим выковал в Крошине над Щарой в 1881 г.». Имеется здесь и имя заказчика – «Заказал по бостонскому образцу Петр Святополк-Завадский». Люстра висела в зале дома Петра, а затем его наследниками была передана костелу. На стене нынешнего костела висит текст единственного стихотворения Багрима в оригинале и в переводе на польский и английский языки. Оно было опубликовано в 1854 г. И. Яцковским, земляком Павлюка, бывшим адвокатом из Новогрудка, участником восстания 1830—1831 гг., жившим в изгнании в Лондоне. Игнатий стал юристом, писателем и в книге мемуаров «Повесть из моего времени, или Литовские приключения» по памяти записал слова стихотворения, передал события, свидетелями которых он был [450].

Крошин. Жирандоль П. Багрима. Фото 1999 г.

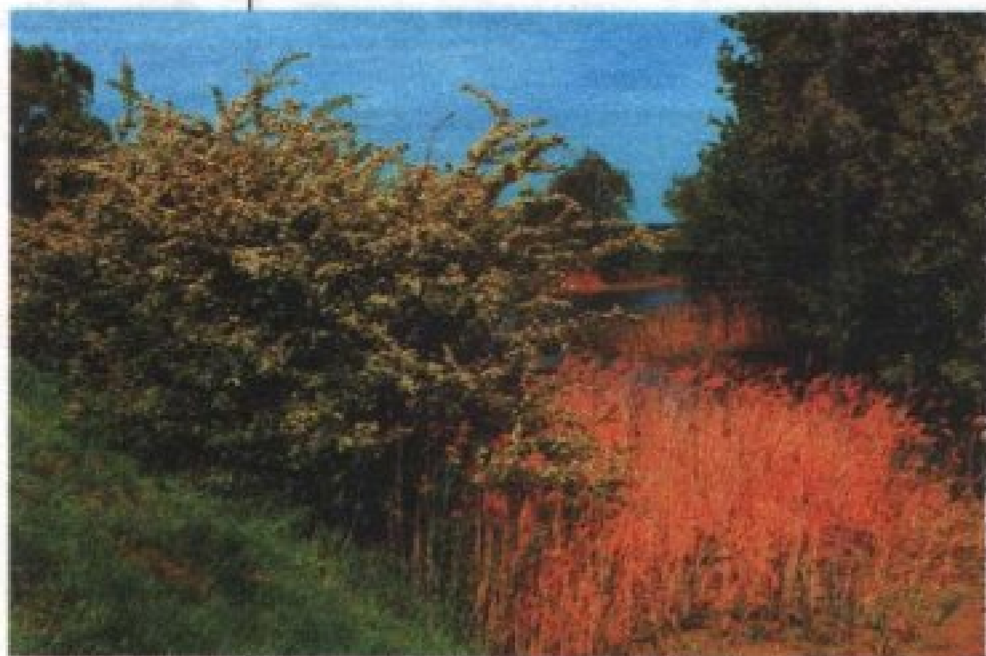
По заказу Святополк-Завадского П. Багрим сделал складной ножик с клеймом «Павел Багрим», который Петр не мог визуально отличить от оригинала, изготовленного зарубежной фирмой [589]. Багрим изготовлял бритвы,

ножи, серпы, лопаты и другие изделия, пользовавшиеся спросом у местных крестьян. Кузница его отца Юзефа Станислава (умер в 1855) стояла на берегу Шчары напротив двора Святополк-Завадских. В ней в детские годы Павел помогал отцу, учился мастерству, а затем работал сам. Около моста, невдалеке от кузницы, работала мельница.

П. Багрим высек и стихотворную надпись на валуне, установленном около дубов, посаженных в парке в 1884 г. поэтом, мемуаристом А. Одинцом и ректором университета в Сантьяго И. Домейко. Игнатий с Антонием приехал в Крошин из Сочивок, чтобы поклониться могиле своей сестры Антонины Езерской, похороненной около крошинского костела. По приглашению Петра Святополк-Завадского они посетили дом, постояли у фамильного склепа, в котором покоились бабушка Петра Антонина Юрага из Радзивиллов, мать и жена. Затем по его просьбе с радостью посадили в подготовленные ямы два саженца дуба. Ксендз крошинского костела освятил это место [327]. В этот день они, видимо, встречались с Павлюком Багримом. Последний затем старательно увековечил этот визит высеченными на валуне словами из стихотворения А. Одинца «На камне в Крошине».

Памятный валун в парке, а также кузница на берегу Щары, место работы Багрима, не сохранились. Среди двух кленов растет дуб черешчатый, по срокам развития – поздний, выделенный невысокой оградой. Скорее это просто символическое дерево, хотя на рядом установленной доске указывается, что оно посажено И. Домейко и А. Одинцом. По словам старожила Крошина М.И. Орловской, именные дубы были утрачены в 1927 г., а валун оказался в фундаменте костела, который строился в эти годы [448]. Костел хорошо отреставрирован. Возле его стен покоится Павлюк Багрим. Здесь похоронена также Серафима Скуратович из Стыпулковских, двоюродная сестра Адама Мицкевича.

В последнее время в парке проведены ландшафтные рубки, сделана ограда. Построено административное здание, перепланирован бывший партер. В 1993 г. освящен камень на месте будущей кузницы П. Багрима. Парк занял центральное положение в современной планировке деревни.



Репихово. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

Репихово

Одно из старейших поселений региона. Его наименование связывается с именем сына Миндовга – Репикасом. Двор «Репухов» упоминается в Метрике ВКЛ за 1481 г. как одно из владений Ивана Ильинича, записанных ему «на вѣчность» женой Анной Довгирдовной, получившей его от первого мужа Юрия Гойцевича [429]. Имение «Репухово» указывается в Метрике ВКЛ за 1528 г. в связи с письмом королю Сигизмунду I: «Била нам чолом пани Миколаевая Иллинича, пани Алжбета, о том, ижъ мужъ ее, пан Миколай Миколаевич Иллинича, человек збытный, и скарбы свои стратил, и именья свои вси попродавал и пропилъ, а ее, жону, и дети свои ни при чом зоставилъ» [415]. Последний представитель рода Ильиничей Юрий, граф на Мире, не имея наследников, завещал Репихово вместе с Миром, Белой, Зельвой и другими имениями двоюродному брату Радзивиллу Сиротке. В 1584 г. село Репихов М.К. Радзивилл подарил Несвижскому коллегиуму иезуитов [545]. При колонии в Кривошине они в 1670 г. построили костел, в 1740 г. заложили новый храм в формах барокко, в 1864—1866 гг. он инженером А. Нектарьев-

ским перестроен под Покровскую церковь [397]. Крупная трехнефовая двухбашенная базилика с массивной апсидой хорошо сохранилась.

В 1772 г. королем Станиславом Августом Понятовским имение было передано Антонию Тизенгаузу. В 1780 г. при жизни графа перешло в казну, затем стало собственностью Потоцких герба Шелига. В первом его поколении стоял Петр Михайлович, действительный дворянин, удостоверенный купчей крепостью 1669 г. [178]. Известно, что в 1849 г. Репиховом, а также имениями Остров, Баканов, Туховичи управляли опекуны в связи с малолетностью владельцев [121]. В 1859 г. — самое большое имение Ляховщины (20 деревень, 26139 десятин, две водяные мельницы, две винокурни, скипидарный завод, 12 корчем), которое унаследовал граф Константин Константинович Потоцкий. Примерно в эти годы была заложена новая усадьба. В 1911 г. имение принадлежало сыну графа Томашу [549]. В 1930-е гг. имением владели граф Ярослав и его жена Ирина Потоцкая. Имение было записано графу Яну Потоцкому [32].

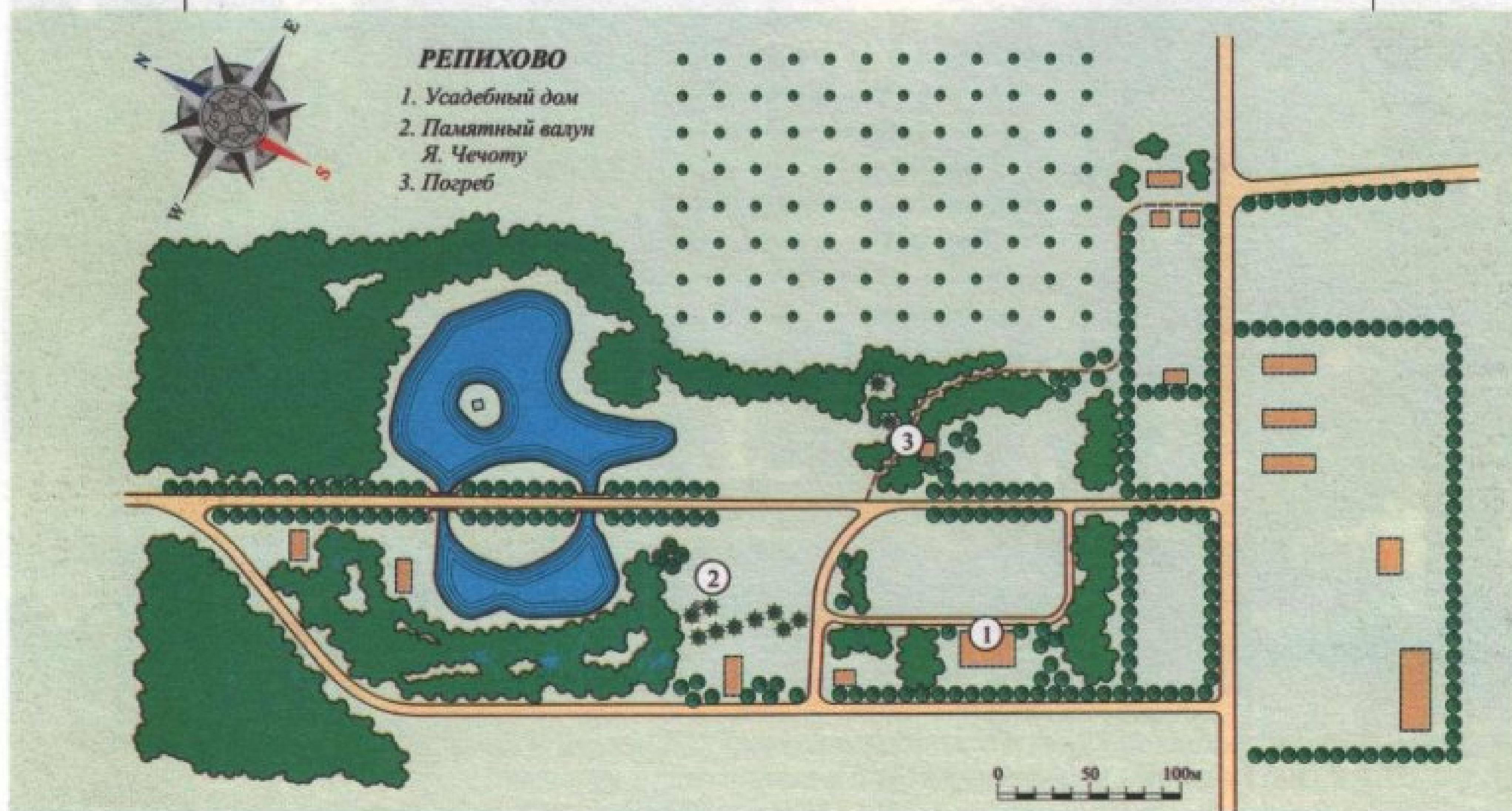
Усадьба занимает ровную территорию площадью более 6 га, имеет в плане форму вытянутого прямоугольника (схема). Включала усадебный дом с партером, флигель, конюшню выездных лошадей, дом кучера, ледник, погреб, теннисную площадку, площадку с кругом и барьером для обучения лошадей, псарню, пруды, огород, теплицы и сад.

В основу композиции положена липовая аллея. Сооружения хорошо вписывались в общий пейзаж, но были автономны. Они располагались асимметрично по отношению к аллее, которая связывала их и одновременно объединяла с большим хозяйственным двором, примыкавшим к парку с юго-восточной стороны. Аллея шириной 10 м пересекает парк с северо-запада на юго-восток по основной оси композиции и прерывается в его центральной части. Она была организующей в осмотре парковых пейзажей, имела декоративное и хозяйственное значение. Редкостойная посадка де-

Репихово. Парковая аллея. Фото 1987 г.

ревьев (через 8 м) обеспечивает хорошую видимость и, вследствие вытянутости парка вдоль оси, пейзажи хорошо просматриваются. Первым композиционным объектом по пути следования была замкнутая водная система из трех прудов разной величины и формы, соединенных протоками. Композиционным акцентом самого большого восточного пруда являлся остров, декорированный елями и березой. К нему вел перекидной мостик. Две протоки соединяли восточный пруд с двумя другими небольшими прудами, расположенными с западной стороны. Дорога проходила через два арочных мостика, которые одновременно были и малыми архитектурными формами парка, и видовыми площадками. Пруды имели и хозяйственное значение: в восточном выращивалась щука, в западных – карась и карп. Металлические решетки, установленные в протоках, надежно разделяли обитателей акваторий. В настоящее время пруды частично восстановлены. На острове построена беседка. Вместо мостов через дамбы переброшены бетонные плиты.

За прудами липовая аллея внезапно обрывалась и открывалась живописная открытая центральная часть парка в виде большой поляны. Акцентом перспективы являлся двухэтажный графский дом в глубине парка. Поляна слегка приподнята, декорирована по периметру древесными группами с участием экзотов. Слева находилась круглая площадка с цветником в центре и беговой дорожкой для обучения лошадей. С противоположной стороны размещалась конюшня выездных лошадей, обнесенная сеткой (как и весь парк) и декорированная елями. За центральной поляной липовая аллея шла дальше, между парадным партером и второй поляной с теннисной площадкой. Партер окаймляла подъездная дорога, ответвлявшаяся от центральной. Дом и служебный флигель стояли на окраине парка в окружении древесных групп, не довлея на основные парковые композиции. Здание фланкировали солитеры – клен и ясень. Дальние перспективы западного направления были ориентированы на поля с перелесками. С восточной стороны парк отделяла от сада грабовая аллея. В его глубине, на возвышении, размещалась беседка в плотном окружении деревьев. Живописностью была наделена часть парка вдоль прудов, куда от главной аллеи вела другая извилистая аллея.



Репихово. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

Здания усадьбы утрачены. Остался погреб, поросший рябинником, выложенный кирпичом, в трех отсеках которого хранились фрукты и овощи. Его окружает древесный массив в основном из деревьев второго поколения. Южную часть парка, оформленную в виде двух прямоугольных боскетов с грабовыми шпалерами, занимал огород. Он включал парники, оранжерею, дом садовника, хранилища овощей, питомник и небольшие участки полей. Судя по разросшимся куртинам кустарников, здесь выращивалось много парковых роз, спирей. Красиво цветущие кустарники использовались в подбивке древесных групп, опушек (спирея Бияра, дубровколистная, рябинник, снежноягодник). Экзотические деревья (сосна черная и веймутова, дуб красный, липа крымская и др.) служили акцентами в группах или росли одиночно на полянах. Самые уникальные из сохранившихся в парке деревьев – три ясеня обыкновенных 'Hessei', у которых листья простые, некоторые тройчатые, глубоко, крупно и неравномерно рассеченные по краю. Они растут на центральной поляне, достигают высоты 23—24 м, диаметра стволов 60—82 см. Посажены по кругу с липой в центре. На стволах видны следы подвоя. В напочвенном покрове заросли барвинка малого.

В Репиховской усадьбе прошли детские годы одного из основоположников новой белорусской литературы, поэта, фольклориста Яна Чечота (1796—1847). Старинный род Чечотов пользовался гербом Остоя, который, согласно преданию, еще в 1069 г. был подарен королем Болеславом за храбрость рыцарю Остою. Родовым владением Чечотов являлся фольварк Ярошово над р. Молчадь (усадьба не сохранилась). Его с семью пустошами и пятью службами двора Молчадского получил Василь Чечот за военные заслуги, согласно привилею 1545 г. Привилей на собственность дважды подтверждался королем Сигизмундом III (1631) и королем Владиславом (1645). Фольварк многократно делился между наследниками – род обеднел, приходилось арендовать чужие имения. Не имея владения, отец Яна Тадеуш приехал с семьей в Репихово работать экономом.

В имении на живописных берегах Мышанки прошло детство Яна. Адам Мицкевич называл его «Яном из Мыши». Мальчик воспитывался на народных традициях, засыпая под мелодии белорусских колыбельных, дружил с крестьянскими детьми. Он рос, по выражению Игнатия Домейко, друга по учебе, живым, веселым, компанейским и впечатлительным. В Репихове Ян получил начальное образование. В 13-летнем возрасте в 1809 г. (возможно, в 1808) уезжает в Новогрудок и поступает в поветовую

доминиканскую школу [592]. Впечатления детства воплощены в балладе «Мышанка». Особое место в его памяти и душе занимали народные песни. Об одной из них в «Piosnek wiesniaczych» Ян писал: «Эту песню я выучил от жней в 1806 или в 1807 г. в Барановичах, в Мышской парафии, в Новогрудском повете, будучи еще ребенком, и до теперешнего дня ее вместе с интонацией сохранил в памяти» (через 38 лет) [272].

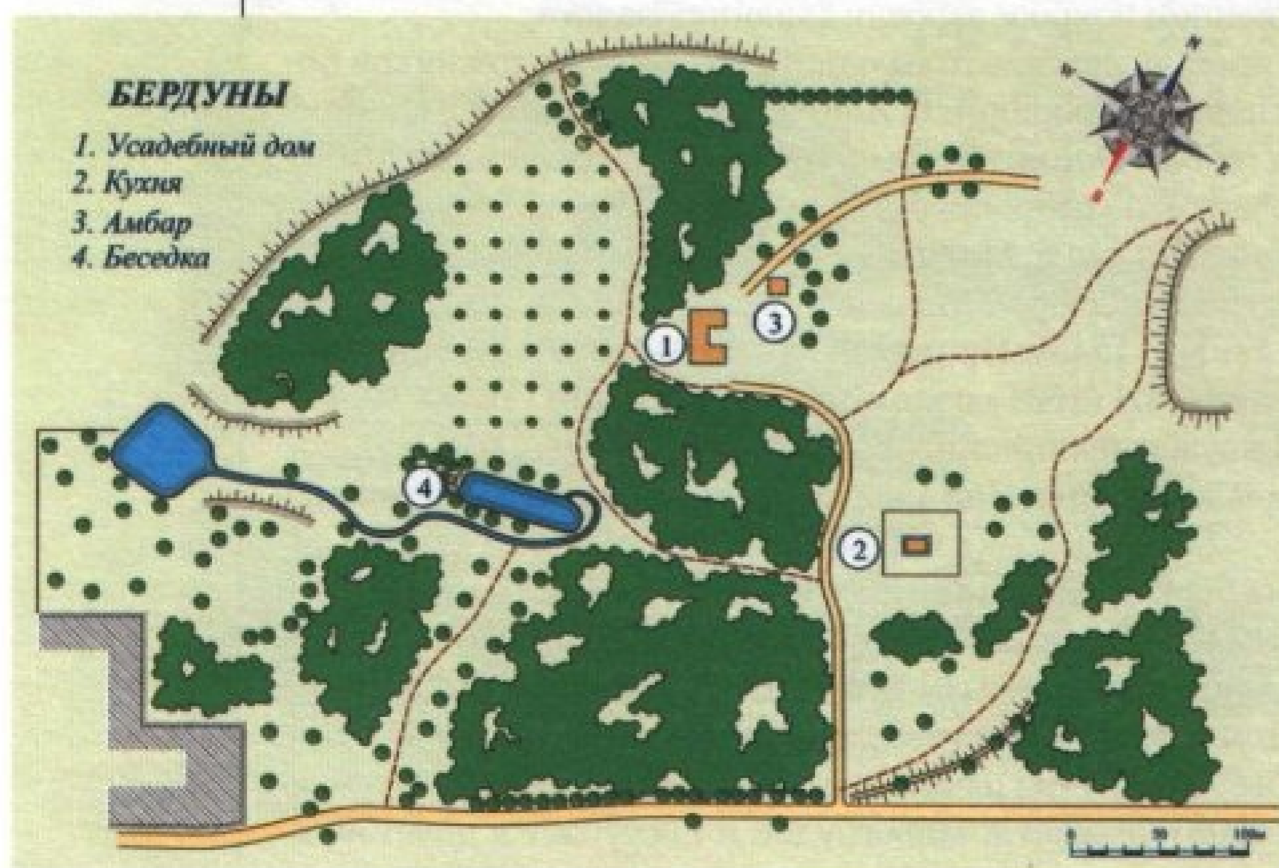
Парк сохранился в прежних границах. Ценится за качество и состав насаждения. В последние годы проведено его благоустройство: восстановлена водная система, подсыпана аллея, появились скамьи, беседки, ведется подкашивание. Парк нуждается в оформлении главного входа, который остается невыразительным, начинаясь от дороги через ольс. Память о Яне Чечоте увековечена памятным валуном под старой елью.

Потоцким принадлежало также имение Остров. Среди усадебных руин заслуживает внимания приемник спирта необычной конструкции. Расположен в земле, покрыт толстым слоем грунта, на фасаде, обращенном к винокурне, имеет три входных проема. Винокурня полуразрушена.

Бердуны

По купчей 1853 г. владельцем небольшого имения (176 десятин) стал Казимир Клиановский. В 1854 г. состоялось статистическое описание владения нового владельца [128]. В 1888 г. Бердунами владела вдова Казимира Мария Петровна [548]. От нее перешли дочери Брониславе, состоящей в браке с Петром Лейнвебером. В 1935 г. имение приобрели Саюры [33, 609].

Усадьба заложена во второй половине XIX в. Клиановскими. Расположена на слегка рассеченной с изрезанным краем надпойменной террасе р. Струга (схема). Одноэтажный усадебный дом с верандой, деревянный, П-образный в плане, располагался в глубине парка, в его наиболее возвышенной части. В 1920-е гг. был объявлен памятником искусства и культуры [350]. После войны в нем размещалась школа, потом был снесен. К зданию, как центру композиции, по легкому склону с трех сторон через парк вели извилистые дороги. Главный въезд с брамой располагался на восточной окраине парка. Он шел от центральной дороги имения со стороны Посиничей (ее начало утеряно). Место расположения брамы определяет старая ива ломкая. С другой стороны въезда по валу, плавно охватывающему парковый угол, растет пять берез с ниспадающими кронами и потемневшими от времени стволами. Дорога (она не была аллеей) проходит вдоль парковых массивов (в одном из них располагались погреба) и, плавно поворачивая, выводит на газон перед домом. Газон небольшой. Вокруг него большие группы сирени, за которыми вплотную стоят деревья. Возле дома не было офи-



цины. С правой стороны стоял амбар. За ним, по краю усадьбы, проходила кленовая аллея, следовавшая мимо кладбища в поле. Она прослеживается по одиночным старым кленам. Третья дорога от усадебного дома вела в пойму. Она повторяла форму изогнутого треугольновидного массива, а в конце (перед поймой) принимала вид липовой аллеи.

Особого внимания заслуживает центральная аллея усадьбы. Она не была, как обычно, строго прямолинейной. Шла вдоль парка, по его южному краю. В связи с переувлажненностью места сформирована ивами ломкими. Старые деревья с экзотическими кронами доживают свой век. Вдоль дороги шел почти затянувшийся кювет, а сама дорога была вымощена дубовыми платами, что чрезвычайно редко встречается в усадьбах Беларуси.

Парк усадьбы пейзажный. Его характерные черты хорошо отработаны, а геоморфологические особенности большой территории благоприятствовали их проявлению. Открыт в сторону поймы. В эту сторону ориентировались перспективы, в этом направлении он не знал границ. Визуально сливался с поймой и заречными далями. В основу планировки положено несколько крупных разной величины, видового состава и даже плотности древесных массивов. Между ними расположены поляны, поляны с одиночными деревьями. Их красочность определялась наличием многочисленных опушек по изрезанному абрису древесных массивов.

Парк формировался на основе естественного насаждения. Со стороны въезда самым большим массивом является ольс. Его заселяют береза, граб. Сомкнутость древостоя высокая – до 80 %. Живописны массивы с двух сторон парадного двора. Южный из них расположен на возвышении, спускающемся к пруду. Был сложен в основном кленом, в напочвенном покрове вился барвинок (сохранились пятна). Через разреженный древостой хорошо просматривался усадебный дом. Опушки подбиты рябинником, спиреями, сиренью. Под пологом первого яруса поднялось второе поколение деревьев, угнетающее подлесок из бузины черной, бересклета, рябинника. Лучше сохранил свои прежние черты массив с другой стороны усадебного дома — на живописном косогоре вдоль поймы. Сложен одиночными дубами, кленами и грабами. Выражена подбивка опушек сиренью и спиреями, цветущими видами в разное время года.

Западную и юго-западную части парка занимала естественная дубрава, чистая по составу. Лучше сохранился ее массив из 220 деревьев к северу от пруда. Это возвышенная и, пожалуй, самая живописная часть парка. Примерно 200-летние дубы образуют разреженный древостой на разнотравно-мелкозлаковом травостое. Они кряжистые, с хорошо развитыми кронами, невысокие (16—20 м), со стволами в диаметре около метра. Некоторые деревья утратили вершины. Дубрава продолжается и по другой стороне водоема. Она более разреженная, с круглой поляной в центре, четко очерченной дубами.

Бердуны. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

Вторая поляна, примыкающая к первому из рассмотренных массивов (ольсу), имеет вытянутую форму. Хотя место приподнято, но ее окружают больше ольхи черные, чем дубы. Они растут одиночно и на по-

ляне, среди зарослей ежевики. Поляна замкнутая, уютная, имеются скамьи, однако теряется. Наступает подрост граба, ежевики. На опушке с давних пор растет горец японский.

Часть парка (со стороны поймы) занимал сад. Его на некотором удалении окружали древесные массивы. В период цветения яблоневый массив становился ярким красочным пятном. На месте сада образовалась поляна с сорным разнотравьем, хотя парк с исчезновением сада стал более просторным.

Небольшая водная система не стала выраженным элементом общей композиции. Примерно в центре парка расположен небольшой (ширина 14 м) водоем прямоугольной формы с четко очерченными берегами. Рядом на продольной оси расположен насыпной холм в форме полумесяца с четырьмя грабами у основания. Холм завершала беседка. Вдоль берегов растут одиночные клены, грабы, две сосны веймутовы. Водоем имел родниковое питание, а также подпитывался водой, поступавшей по извилистой, огибавшей его протоке. Вода в нее поступала из верхнего, тоже небольшого, но почти квадратного (50х40 м) водоема, который заполнялся водой из Гривды. Связь с рекой утеряна, водоем спущен и порос травой.

Из построек в парке сохранилось очень старое здание бывшей кухни (приспособлено под жилье). Возможно, оно было старше усадебного дома и расположено от него на удалении. В годы последней войны для немцев служило пекарней. К зданию примыкают молодые березовые рощи. Вдоль них проходит дорога на кладбище, расположенное на восточной окраине усадьбы. Примыкавший большой сад заняла современная автостанция.

Парк сохранился в прежних границах. Имеет качественный древостой. Разрушается от частного сектора.

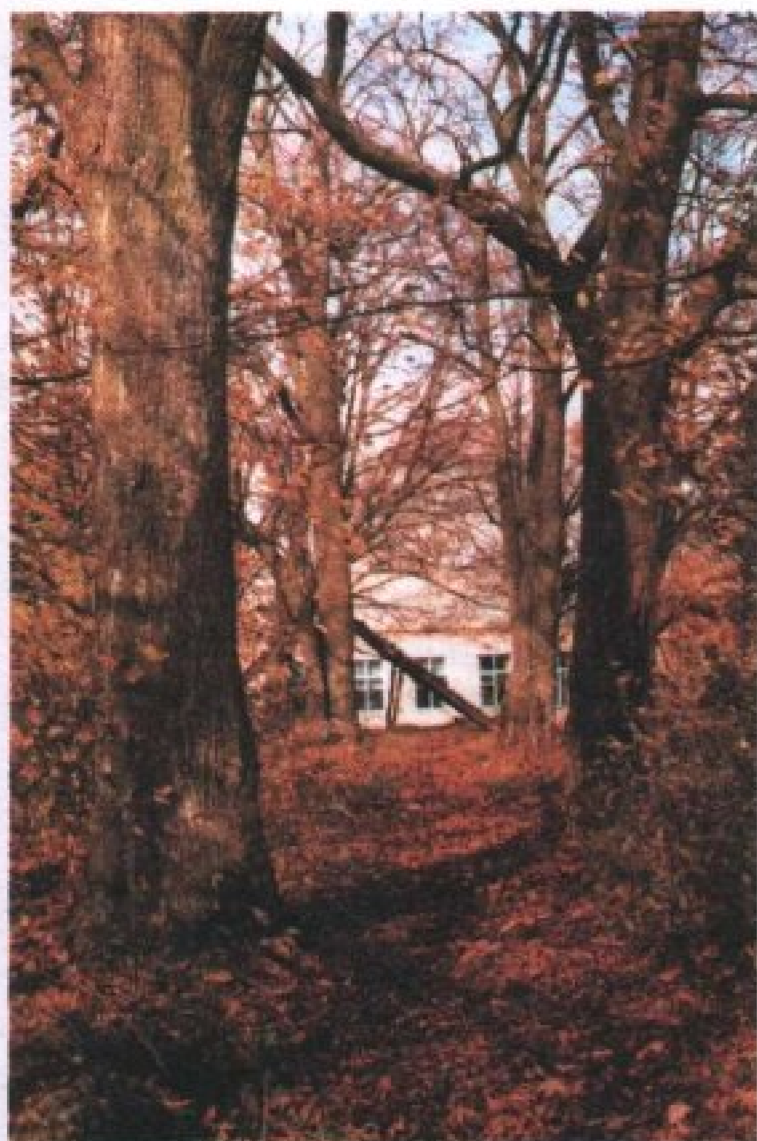
Яновщина. Фрагмент насаждений. Фото 2001 г.

Яновщина

Принадлежала Седлецким. В конце XVIII в. имением владел Григорий Кулаковский [351]. Небольшая усадьба была сформирована Кулаковскими во второй половине XIX в. Включала деревянный дом с невысокой крышей, крыльцом на главном фасаде, боковой флигель, амбар, склеп, колодец, которые окружали клены, липы, дубы, водоем и сад.

Усадьба изменена, застроена в связи с новым функциональным использованием (больница). Связана с именем просветителя и педагога Игнатия Григорьевича Кулаковского (1800—1870), выпускника Варшавского университета. Игнатий занимал разные должности в Гродненской губернской администрации. Изучал историю края, ратовал за просвещение крестьян, писал учебники, пособия, методические разработки. Собрал библиотеку. Предлагал изменить содержание преподавания истории, литературы и языка, обратив больше внимания на познание истории белорусов, преподавание белорусского языка, его историческую связь со славянскими языками. Являлся автором проекта по реорганизации женского образования.

В последние годы жизни часть земель имения роздал крестьянам. Его внучка Эмилия Садовская, дочь сына Людвига, в 1904 г. организовала в имении тайную школу для крестьянских детей. Правнучкой Игнатия была Людвига (Людвика) Антоновна Войтик, известная писательница под псевдонимом Зоська Верас.



Подлесейки. Фрагмент аллеи. Фото 1999 г.

Подлесейки

По купчей крепости 1862 г. имение стало собственностью Станислава Ивановича Соколовича [547]. В 1911 г. имением в 357 десятин владел его сын Август Мариан [549]. Усадьба заложена еще до Соколовичей на приподнятой территории с плавным уклоном в сторону болотного массива. Судя по небольшим фрагментам, имела простую планировку. Включала одноэтажный усадебный дом, официну, вокруг них небольшой пейзажный парк, по склону — сад, в понижении — два водоема и хозяйственный двор.

Усадебный дом сгорел в годы последней войны (на его месте построена школа). Выражена старая, примерно, 200-летняя аллея, которая расположена за домом вдоль композиционной оси. В нее подселились клен, вяз, граб, и она приняла вид живописной неширокой полосы с прогулочной тропой. В стороне стоит старое здание бывшей официны (предположительно второй половины XIX в.). Оно деревянное, с маленькими окнами, ошалевано, на высоком цоколе из бута и кирпича. Со стороны двора фасад официны имел крыльцо на двух колоннах. Симметрично дому растут два ясеня. От парка остались небольшие группы, в основном из ясеня. Одиночно растут липа, береза, тополь белый. Бывшая въездная аллея, также высаженная ясенями, стала улицей деревни. Водоемы пересохли; на месте хозяйственных построек частная застройка.

Является усадьбой школы. Заслуживает лучшего ухода и благоустройства.

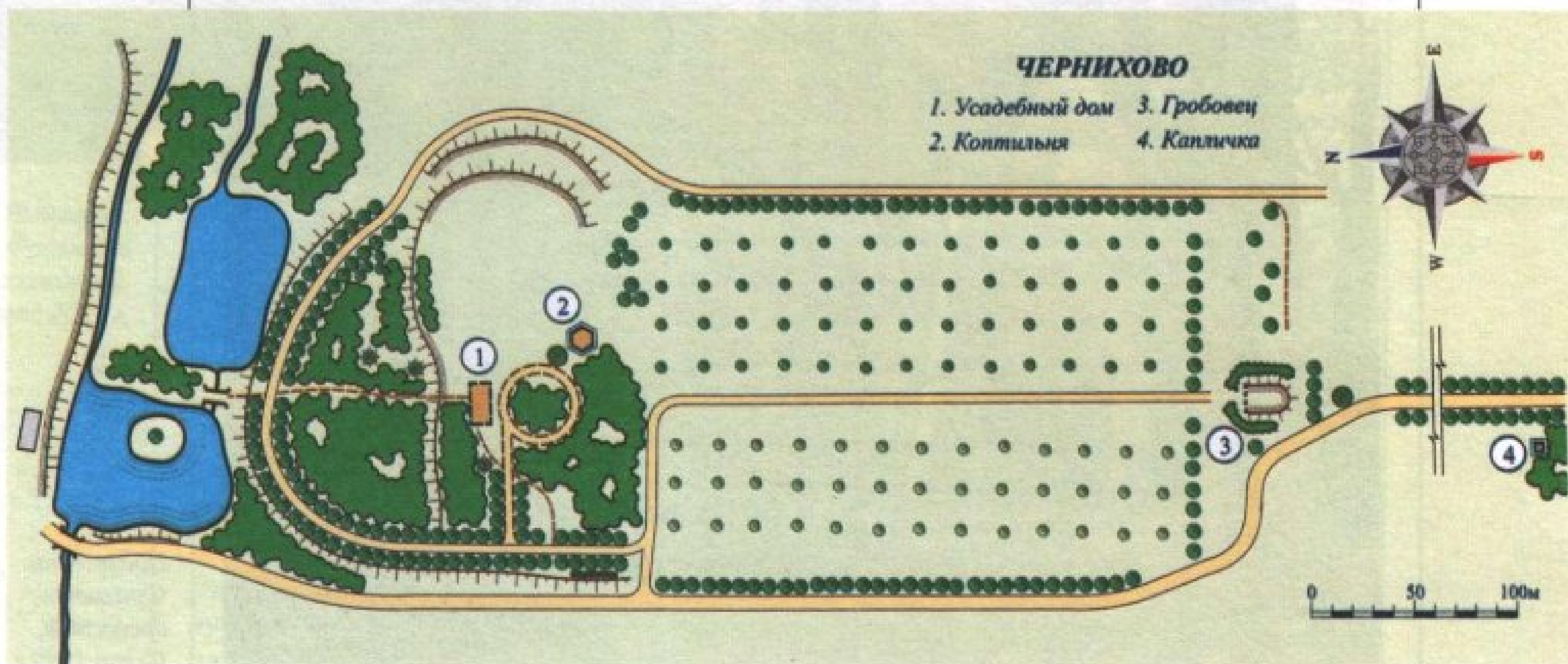
Подлесейки. Фрагмент древостоя. Фото 1999 г.

Верхнее Черниховo

Черниховo известно с 1522 г., когда Марина Немирович получила привилей на имение. Затем вместе со Вселюбом оно стало владением Андрея Немировича (?—1541), который с братом Юрием отличился в Клецкой битве 1506 г., несколько раз успешно отбивал нашествия татар на южные земли ВКЛ, дважды возглавлял войско в войне с Московией (1534—1537) и вернул в состав княжество Гомель [488]. От Немировичей отошло Острожским. Привилеем от 1529 г., написанном в Вильно, «воеводе троцкому князю Костентину Острозскому, позволене... в ыимению его Чернехове место садити, торги, ярмарокъ и корчмы мети, и на право мандеборское в том месте» [424]. Вскоре Черниховo вместе с Даревом и Ведьмой отошло Даровским. В 1560 г. Лукаш Доровский завещал имение дочери Барбаре, замужней за Андреем Костоменским [248]. В 1565 г. Черниховo принадлежало Бенедикту Юраге, новогрудскому судье, слуг которого избил татарин Усейн Маликбаш, владелец Стаек [250].

Верхнее Черниховo. Капличка. Фото 1987 г.

В 1567 г. «Чернехов» являлся владением Станислава Глебовича [426]. Имение известно также по делу за 1571—1617 гг. о разграничении его от имения Крошин. Одним из его владельцев того времени был Я. Гласковский. Во второй половине XVII в. Черниховом владели Рдултовские, влиятельный род герба Дрогослав, имевший вотчинное право на недвижимое имущество за заслуги в отечестве и приверженность польским королям. Поселившись в Беларуси (родовым имением являлось Малое Рдул-



тово в Гостицком уезде), потомки рода занимали почетные должности, участвовали в работе сеймов и пользовались королевскими привилеями. В 1699 г., согласно уступочному документу подчашего Ивана Михаила, имение перешло Ивану Богуславу Рдултовскому и его жене Гелене из Ваньковичей [183]. Иван Богуслав (один из шести сыновей Ивана Михаила и Элеоноры Копачевской) пользовался особым уважением у королей и местных помещиков. Согласно королевской грамоте 1699 г., он становится минским скарбником; в 1720 г. – новогрудским земским судьей. В 1739 г. грамотой Августа III назначается новогрудским каштеляном. Письмами короля (в 1744, 1746) приглашается в Государственный совет [182].

Затем имение наследовалось по мужской линии Антонием Юрием (1700–1764), новогрудским городским судьей (1729), новогрудским подвоеводой (1756), по приглашению Августа III участником сейма 1762 г., женатом на Юстине из Хлусевичей. По духовному завещанию Антония его многочисленные владения (Снов Великий, Ястрембель, Клюковичи, Андрюшовщизна, Своятичи, Панютичи, Мацковщизна, Путятовщина, Одаховщизна и др.) перешли сыновьям Иоахиму и Хризостому. Наследство было утверждено документом Литовского Трибунала за 1769 г. [183].

От Хризостома (1735–1791), женатого в третьем браке на Франтишке Ржевуской, вознагражденного за отличную службу отечеству разными чинами и отличиями, грамотами и привилеями короля Станислава Августа Понятовского, Чернихов Горный и Чернихов Дольный с другими имениями перешли его сыну Казимиру (1785–1855), правнуку князя Радзивилла Рыбоньки, новогрудскому маршалку, мальтанскому кавалеру креста св. Иоанна Иерусалимского (1804). Введение во владение имениями состоялось в 1803 г. [182]. В этом же году Казимир был принят в состав братьев-воинов Российского католического приорства. Был он женат на Терезе Рдултовской, дочери отца от второго брака с Констанцией Булгариной. Сенсационный брак был настолько счастливым, что не отразился на служебной карьере Казимира. Он оставался уважаемым в повете и в 1811 г. был избран маршалком поветовым новогрудской шляхты [738].

После Казимира владельцем имения стал его сын Константин Фадей (1804 г.р.), протоколист Министерства иностранных дел, женатый (1835) на Валерии из Незабытовских (имение Совейки) [184]. В 1840 г. он купил у генеральши Беннигсен Совейки

Верхнее Чернихово. Каплица Рдултовских. Фото 1987 г.

Верхнее Черниxово. Парковая аллея. Фото 1987 г.

и переехал жить в это имение [738]. Примерно с середины XIX в. Черниховом, имеющим 1618 десятин земли, владела Валерия Казимировна Рдултовская [137, 547]. В 1857—1860 гг. в Минском губернском правлении рассматривалась ее жалоба на арендатора А. Свежинского, разорившего имение [55]. Вскоре оно перешло Валерии Христофоровне Рдултовской [548]. В 1911 г. имением владел Евгений Константинович Рдултовский. Его земельные угодья составляли 1112 десятин [549]. Последним владельцем был Константин Петр (1880—1953), выпускник Варшавской политехники, поветовый комиссар (1919), поветовый староста в Барановичах, с 1923 г. живший в имении. В 1939 г. был арестован и сослан в Караганду. После освобождения жил в Иране, Англии, где умер в 1953 г. Жена Софья Христоффа (болгарка), после освобождения из Освенцима жила в Швеции.

Усадьба формировалась во второй половине XIX – начале XX вв. Расположена обособленно от деревни среди поля на живописном моренном рельефе. Наделена панорамой дальних перспектив. Подобно барочным усадьбам, имеет хорошо выраженную удлиненную композиционную ось, ориентированную примерно в направлении юг — север. На ней при въезде расположена придорожная капличка, затем следуют липовая аллея, каплица, сад, усадебный дом (схема). Заканчивается ось водоемом. Общая протяженность оси около километра.

Особенность планировочного решения составляет смещение въездной аллеи с оси и ее положение вдоль усадьбы, что является чисто эклектическим мотивом. При всей своей компактности и цельности усадьба выделяется четким пространственным зонированием функциональных участников. В ней разграничены сад и пейзажная часть, обособленное положение занимают хозяйственный двор и водная система.

Въездная липовая аллея протяженностью 240 м начинается у каплички, скрытой разросшимися кустарниками. Она широкая (до 10 м) и редкостойная (деревья в ряду через 8 м), в связи с чем липы невысокие, кряжистые, с низко посаженными касающимися земли кронами. Подходя к самой усадьбе, дорога поворачивает и, огибая сад, тянется по западному внешнему периметру усадьбы. Ее южную часть вдоль аллеи площадью около 6 га занимает сад, через который по оси проходит неширокая дорожка, обсаженная по всей длине кустами смородины. Сад окружен липовой однорядной обсадкой.

Дорожка сада соединяла усадебный дом и каплицу, расположенных на противоположных концах оси. Каплица Рдултовских, называемая гробовцом – редкий образец мемориальной архитектуры. Устроена по типу склепа, осыпанного толстым слоем земли. В плане прямоугольник (ширина 10 м, длина 8 м). Сложена из кирпича, оштукатурена, толщина стен – 70 см. Фасад выделен четырьмя дорическими колоннами, на

Верхнее Черниxово. Ильм голый 'Camperdown'. Фото 1987 г.

которые положен швеллер, несущий фронтон, декорированный сухариками. Широкий входной проем ведет в притвор, перекрытый полуциркульным сводом. Далее проходит спуск по ступеням вниз через арку в помещение (5х5 м), перекрытое крестовым сводом. По обе его стороны расположено по 6 камер для гробов в два яруса. Усыпальница осквернена. На камерах имелись таблицы. Сохранилась в поврежденном виде одна из них с надписью – «Эугениуш Рдултовский 1839–1911», свидетельствующая о захоронении известного владельца Евгения Константиновича.

Со стороны въезда вдоль каплицы расположен ряд липы из четырех деревьев и караганы; у главного фасада росли розы и сирень. Усадебный дом, одноэтажный, с мансардной крышей, деревянный, прямоугольный в плане (12х8 м), располагался среди небольшого пейзажного парка. За газоном стояла небольшая деревянная официна. Здания не сохранились. Частично прослеживаются руины фундаментов.

К парадному кругу на газоне, который сплошь покрылся подростом вяза шершавого высотой 4–6 м и снытью обыкновенной, от въездной дороги ведет короткая плотная аллея из конского каштана (сохранилось 5) и граба. К партеру с противоположной (восточной) стороны примыкает поляна округлой формы в диаметре до 60–70 м, выступающая в форме мыса. Ее опушка декорирована небольшим сооружением – коптильней, построенной в начале XX в. из красного кирпича в виде шестигранной двухъярусной башни (размер грани 2,3 м) высотой 6 м, завершенной невысоким шатром. В кладке чередуются ряды «ложка» и «тычка». Декор стен составляют валик, очерчивающий основание, и пояс поребрика, отделяющий нижний ярус высотой 4 м от верхнего в 2 м. Углы оформлены лопатками. Входной проем большой, с лучковым завершением; в гранях имеется по одному щелевому окну, в верхнем ярусе – небольшие круглые окна. С поляны открывается восточная перспектива на моренный рельеф, акцентом которой является церковь. Ось перспективы была подчеркнута парой кулис из клена и вяза. Принятый планировочный прием визуально увеличивает парковое пространство, связывает его с прилегающим простором.

Основная пейзажная часть парка расположена за усадебным домом на высоком холме. Его мощный склон у основания окружен неширокой аллеей. Древостой одичал, разрослось сорное крупнотравье. Судя по старым деревьям (липа, клен, граб, ель,

лиственница, конский каштан), в прошлом склон покрывал газон, на котором одиночно или в виде небольших групп росли деревья. По оси холм пересекался дорожкой, которая выводила на дамбу к прудам.

По содержанию парк был пейзажным натуралистическим. В его насаждениях наряду с местными видами выращивались многочисленные экзоты. Кроме выше отмеченных, в парке растут дуб красный, спирея дубровколистная, ясень пенсильванский, белая акация, бузина красная, роза белая, орех грецкий, карагана, боярышник. На бывшем партере сохранился крупный солитерный экземпляр липы американской (высота 17 м, диаметр ствола 94 см), ствол которой на высоте 2,5 м разветвляется на три ветви. Конский каштан и боярышник размножаются самосевом; вегетативным путем разросся на партере барвинок малый. В 1980 г. выпал поврежденный голландской болезнью экзотический экземпляр вяза голого 'Camperdown', редкого представителя в парковой культуре. Продолжает выпадать от этой же болезни вяз гладкий. Всего в парке растет около 30 видов древесных растений.

Украшением парка является аллея у хорошо обработанного основания холма. Она была сначала из конского каштана, потом – липовой, по периметру обвалованная и обсаженная караганой. Липы достигли тридцатиметровой высоты, сомкнулись вершинами, образуя местами сплошную стену колонн, сохраняя прохладу и сумерки. Через просветы между деревьями просматривается в понижении около холма водная система из двух водоемов, которые питаются водой водотока из местного родника, впадающего в западный водоем с островом. Из него вода поступает во второй водоем.

Заканчивается усадьба жилым старым флигелем на высоком цоколе за водоемом. С западной стороны уединенно стоят обветшалые брошенные хозяйственные постройки. Была в усадьбе сыроварня. Местные жители вспоминают добротное складское помещение, в котором хорошо хранились яблоки, а на втором уровне – зерно.

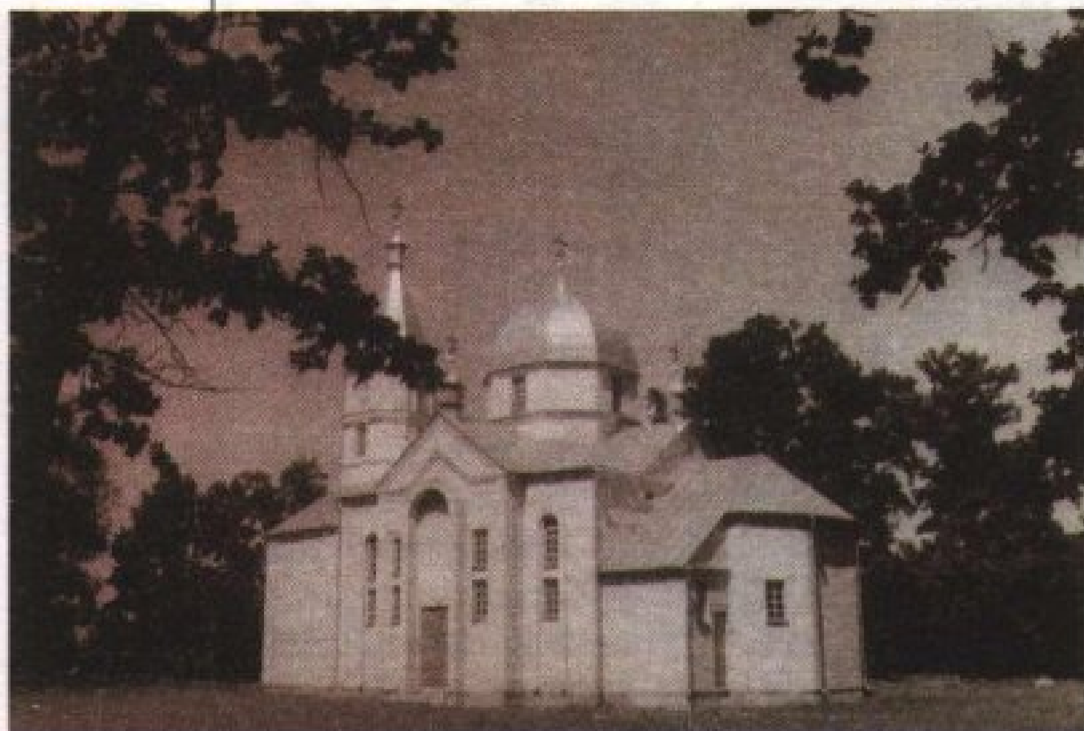
Парк оригинальной композиции практически не используется, насаждения дичают, сад распахивается. Принадлежит совхозу «Савичи». Усадьба Нижнее (Дольное) Черниховo принадлежит школе. От Рдултовских на последнем этапе вместе со Сновом перешла Гартингам. В 1888 г. владельцем был В. Павлов, действительный статский советник [548]. Заложена значительно раньше — в эпоху классицизма. От деревянного дома с четырехколонным портиком остались фрагмент террасы с балюстрадой и сводчатый подвал. Имеется двухэтажный кирпичный оштукатуренный дом батраков. Работает винокурня. От пейзажного парка, примыкавшего к дому, остались одиночные сосна веймутова, лиственница и деревья местных видов. Форму усадьбы передает защитная обсадка вокруг парка и сада.

Грищицы
(д. Велички)

Владение Александра, затем Войтеха Буховецких герба Слеповрон. В 1890 г. земельные угодья имения Витольда, кавалера ордена св. Станислава, составляли 1020 десятин [546]. После смерти Витольда в 1906 г. имение разделили между собой вдова Амелия из Скирмунтов и семеро детей. Часть имения с усадьбой перешла сыну Мечиславу, который после уступил ее брату Павлу Людгарду [20]. Павел Людгард, женатый на Хелене из Уласинских (умерла в 1974), инженер сельского хозяйства, в 1939 г. был арестован и сослан в Сибирь. Жена с дочерью Вандой и тремя сыновьями бежала из имения и жила в Польше. Сын Здислав, летчик, воевал в Англии, после войны жил в США [649].

Усадьба небольшая. Расположена среди поля, устроена по типу экономического сада. Включала дом, небольшой парк вокруг дома, хозяйственные здания, бровар, кузнечный завод, ветряк, сад и большой боскет, который также служил садом и был

окружен линейной посадкой из липы. На деревьях заметны следы бывшей формовки. Красочностью усадьбу наделяют конские каштаны (17 деревьев) и не только во время цветения, ибо представлены кряжистыми невысокими (10—14 м) более чем вековыми деревьями с раскидистыми кронами. Толщина стволов до 122 см. Среди них стоял усадебный деревянный дом с крыльцом, от которого остались только руины фундамента. После войны не стало других зданий. На окраине усадьбы построен частный дом.

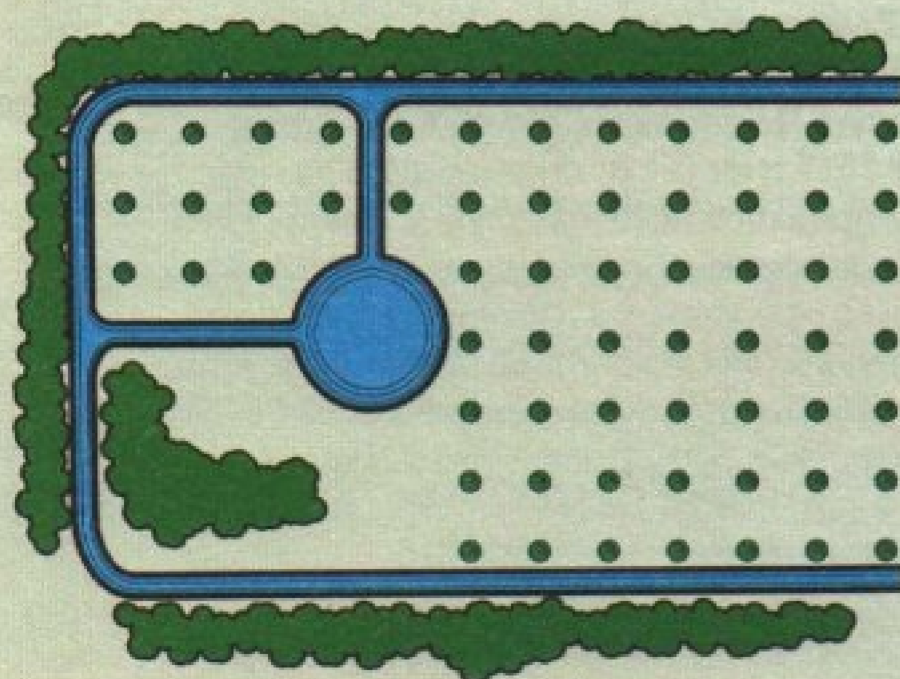


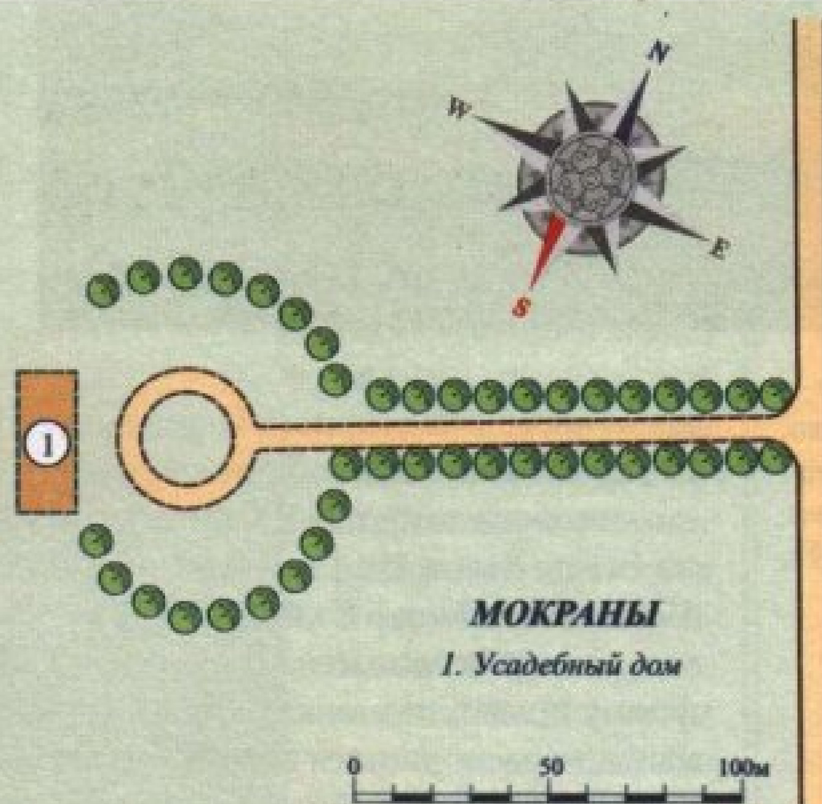
Мокраны. Церковь. Фото 1999 г.

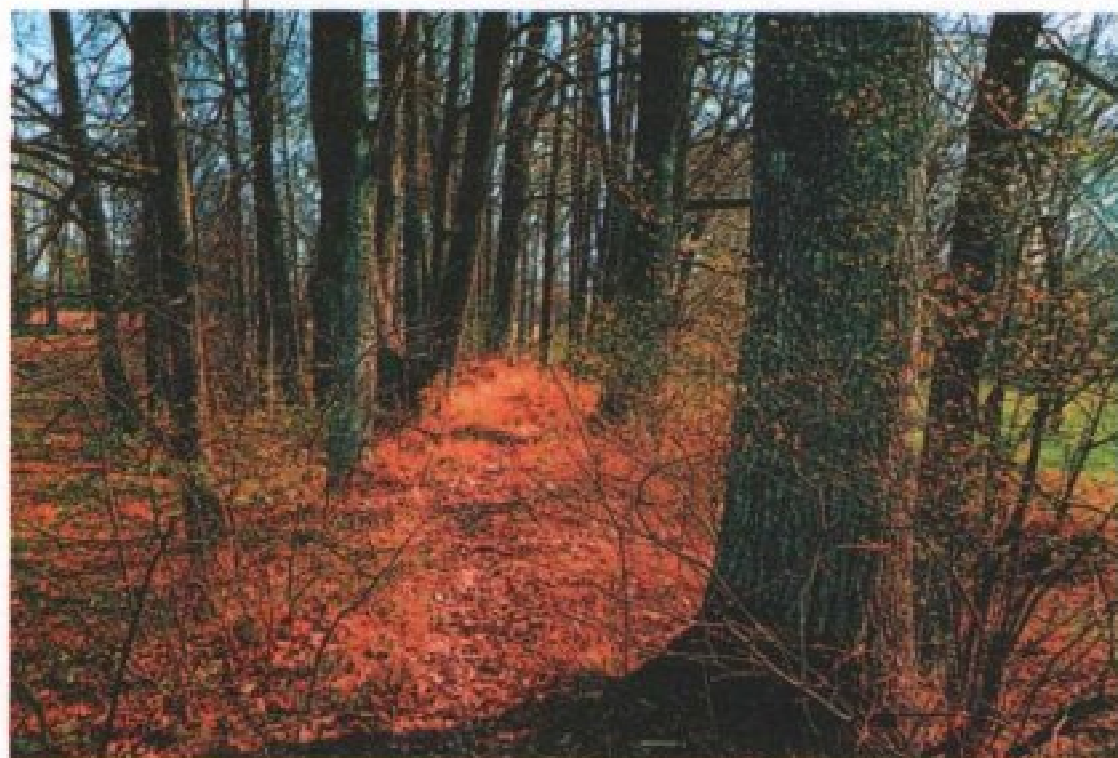
Мокраны

Известны с 1546 г. В 1564 г. состоялась замена двух фольварков Михаила Рощица-Збирожского, перешедших Берестейскому королевскому замку, на село Мокраны. Акт замены подписан в присутствии старосты берестейского А. Волловича, подстаросты М. Райского и писаря Д. Сапеги [239]. В начале XIX в. стало собственностью Райских. В 1832 г. принадлежало действительному статскому советнику Егору Райскому. В 1890 г. владение включало деревни Осово, Добрисово и Полики. Земельные угодья составляли 2627 десятин земли [546]. Совладельцами имения в начале XX в. были дети Евгения Райского (Евгений, Станислава, Валериана и Юрий) и жена Антонина [578]. В 1922 г. имение было заложено в земельном банке, а в 1924 г. перешло Вацлаву Хмелевскому; в 1936 г. состоялась его парцелляция между пятнадцатью владельцами [4].

От большой усадьбы (дом, 3 флигеля) сохранились фрагменты парка, которые позволяют проследить его планировочное решение (схема). Он заложен по типу экономического, но имел небольшую пейзажную часть. Построение парадного двора симметрично-осевое. На оси располагались липовая аллея и усадебный дом. Газон с двух





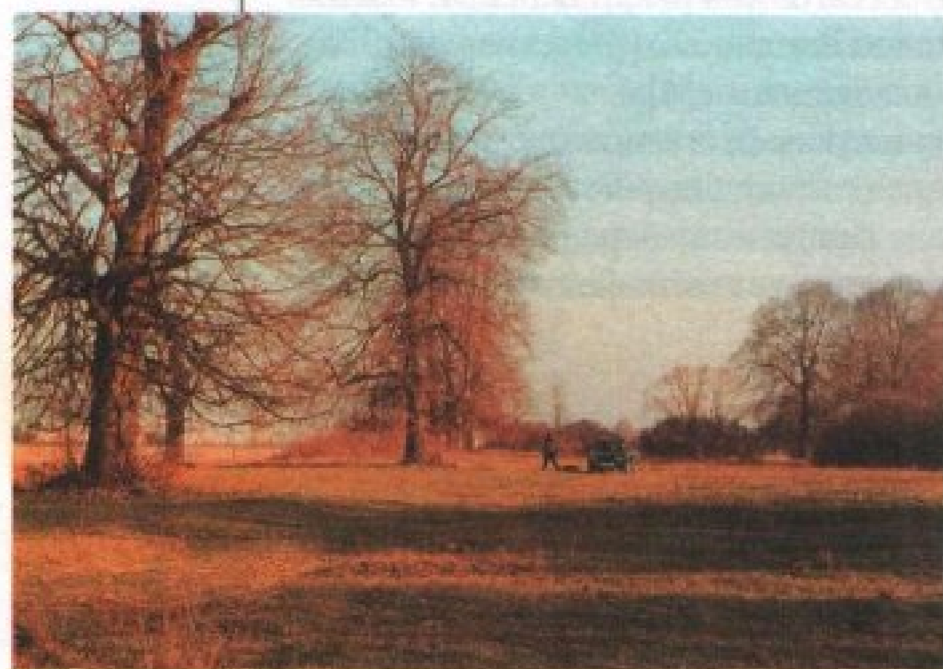


Мокраны. Фрагмент прогулочного маршрута в парке. Фото 1999 г.

сторон полукругом окружали липы (одиночные деревья сохранились). За одноэтажным деревянным домом с мансардой располагался парк. В плане прямоугольник (200х110 м) с небольшим круглым водоемом в центре, которым замыкалась ось. Двумя небольшими каналами он соединен с периферийным каналом, который с трех сторон окружает усадьбу. Вдоль него растут старые одиночные липы, ольхи, грабы бывшей линейной посадки, выполняющей защитную роль. По валу проходит тропинка, сохранившаяся с прежних времен.

Пейзажная часть с восточной стороны совсем расстроена, частично застроена. Стоят застывшие в росте одиночные дубы, старые липы. Из редких растений отмечено четыре дерева шелковицы белой. Вековые дубы окружают недавно восстановленную на прежнем месте церковь. В прошлом храм фундовали Райские. Возле него они были похоронены. В имении, в семье Павла Зеньковича, отбывавшего за свободомыслие службу в оренбургских степях, в 1843 г. родился Феликс, участник морской экспедиции повстанцев из Англии в Литву, а затем ближайший соратник К. Калиновского. Приговор 1863 г. к расстрелу был заменен 12-летней каторгой, которую отбыл в сибирских рудниках [326].

Усадьба заброшена. Вместе с церковным погостом имеет важное значение для современной планировки деревни.

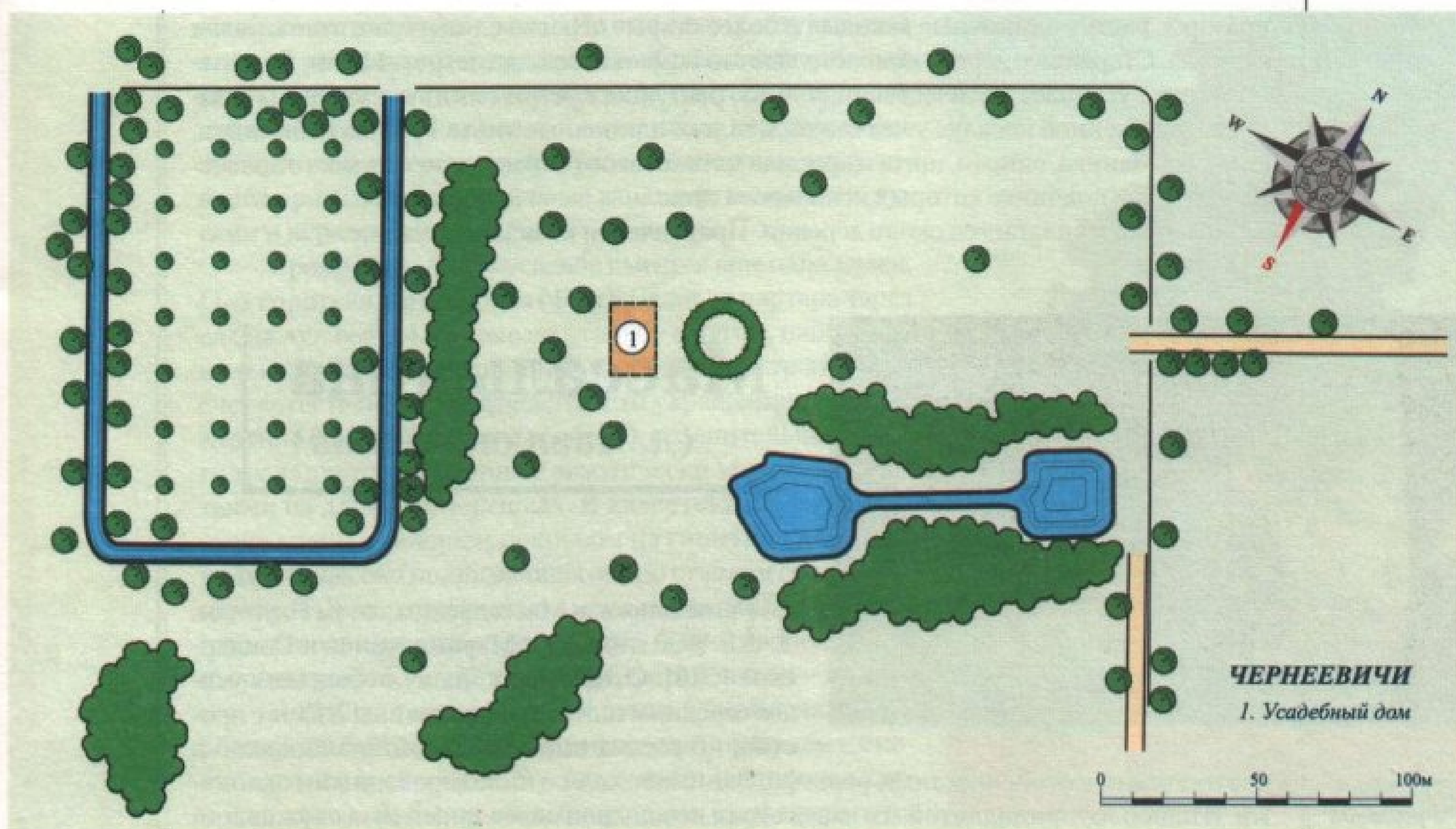


Чернеевичи. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

Чернеевичи

Известны по жалованной грамоте княгини Марии Семеновой и ее сына князя Василия от 1 июня 1495 г. их слуге Фурсу Ивановичу на имение Краснев и несколько дворищ в «Черніевичохъ», которые в 1515 г. перешли сыну Венедикту. В этом же году Венедикт, служебник князя Федора, получил еще четыре дворища в Чернеевичах, Посиничах, Кошевичах. В 1517 г. он увеличил владения, получив в виде приданого жены Агрены Калавуровны четыре дворища в Вороцевичах, Глинной, Кошевичах и пять дворищ в Паршевичах, Гончарах, Новощицах и Ляховичах [520]. Долгое время являлись собственностью Нелюбовичей [704]. В 1856 г. по купчей крепости стали собственностью В.Скирмунта [131]. В 1876 г. имение в 425 десятин принадлежало Викентию, в 1911 г. – Ярославу Агатоновичу [547, 549]. Последним владельцем с 1931 г. был Иосиф Скирмунт [17].

Усадьба заложена ориентировочно во второй половине XIX в. В плане имеет форму прямоугольника (схема). Сочетает пейзажный парк и большой боскет. Усадебный дом располагался в глубине парка. Здания не стало после последней войны. Хорошо выражен бывший газон с кругом, на котором разросшаяся сирень образует плотное



кольцо непроходимых зарослей. По оси здания расположена въездная аллея с одиночными липами. Она идет через луг, хорошо задернована, боковые кюветы почти затянулись. Завершается ось большим боскетом прямоугольной формы, который служил садом. Своеобразие его составляет окружение с трех сторон каналами, весьма широкими (4 м) и глубокими. Вдоль каналов растут деревья, образуя защитную полосу для плодовых деревьев. Каналы открыты со стороны поля, откуда поступала вода. Теперь они находятся в пересохшем состоянии.

Черневичи. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

Вторая водная система расположена по южной окраине парка. Она образована двумя небольшими водоемами, соединенными широким (6 м) каналом длиной 50 м. Водоемы спущены. Имели, видимо, родниковое питание. Вокруг них расселилась ольха. От старых парковых насаждений осталась только группа спиреи. Планировочное решение пейзажной части парка утрачено. По парковой территории

вразброс растут одиночные вековые и более старые деревья (липа, граб, ясень, белая акация). Старейшее дерево конского каштана имеет ствол диаметром 112 см. В возрасте ему не уступает величественная липа, растущая кустом (из двух стволов). В защитной линейной посадке уже остались только одиночные липы. Группы рябинника, снежноягодника, спиреи, ирги, жарновца метельчатого образовались на месте древесных групп, в подбивке которых использовались.

Парк располагается около деревни. Практически не используется.

Массальщина. Фрагмент усадебной аллеи. Фото 2001 г.

Массальщина
(д. Павлюковщина)

Принадлежала Массальским, затем Паулиам. В 1890 г. владели Марцинкевичи и Свидерские [546]. Относится к числу небольших усадеб середины или второй половины XIX в. с простой, но весьма выразительной планировкой в соответствии с особенностями рельефа. Занимает холм с нивелированными склонами. В наиболее приподнятой его части стоял небольшой деревянный дом, служивший центром композиции. На одной оси с ним расположена въездная аллея, сложенная тополем, кленом, конским каштаном. С аллеи открывается вид на расположенный с северной стороны большой водоем (100x90 м), образованный на ручье Свиридовка, берущем начало на землях имения. Водоем, примыкая к подножью холма, визуально расширяет небольшое парковое пространство, является основным акцентом видов парка.

Своеобразием маленького парка является также большой партер, к которому подходит въездная аллея. Он занимает пологий склон перед домом, поросший луго-

Массальщина. Лиственницы на бывшем партере. Фото 2001 г.

вым разнотравьем и злаками. По сторонам растут старые клены с распростертыми кронами, образуя живописный венок. Симметрично входу в дом на партере растут две лиственницы. Дом окружали одиночные деревья, образующие рамки перспектив круговой панорамы, включающей примыкающие моренные ландшафты с полями, лугами и перелесками.

Жарские. Клен остролистный. Фото 2001 г.

Кроме въездной, в усадьбе имеется еще одна аллея. Она короткая, но широкая (10 м). Ведет от партера через сад на луг, вернее, связывает усадьбу с лугом, наполненным ковром трав, увеличивая усадебное пространство за счет естественного ландшафта. Его украшением служит куртина белокопытника (подбела), сравнительно редкого травянистого растения с экзотически крупными листьями на длинных черешках. В аллее плотно, через 5 м, стоят клены с зеленым покровом из гипнума кипарисовидного, высоко поднимающегося по стволам отдельных деревьев. Декоративностью выделяются одиночные ясени со стволами в диаметре до метра. С противоположной стороны усадьба через сад имела третий выход – в поле.

Рядом на террасе того же ручья Свиридовка построена усадьба Жарские. Занимает моренный холм и имеет подобное построение. В усадьбу ведет неширокая кленовая аллея. Виды из усадебного дома открывались на водоем (80х60 м), расположенный на ручье с восточной стороны. Сохранилась старинная дамба с оригинальным устройством, через два отверстия которого избыток воды уходит в ручей. Древостой пейзажного парка, спускающегося по склону к водоему, пострадал в годы войны. Выражены его фрагменты в виде древесных групп, одиночных лип и кленов. Массово распространился рябинник рябинолистный. Вокруг фундамента дома образовала заросли сирень.

Усадьба утрачена, но сохранилась красочность места со старыми деревьями, зарослями цветущих кустарников, водоемом на ручье.

Жарские. Фрагмент водоема. Фото 2001 г.

Орловичи. Коровник. Фото 1999 г.

Горловичи
(д. Орловичи)

Первое упоминание в письменных источниках относится к 1628 г. Владели Русецкие, затем Вислоухи. В 1890 г. площадь земельных угодий имения Владимира Вислоуха составляла 338 десятин [546]. Последними владельцами были Краевские. Усадьба включала небольшой усадебный дом с мансардным этажом и крыльцом на главном фасаде, хозяйственный двор и парк. Пейзажный парк устроен по принципу чередования полян с древесными группами сложного состава, которые были подбиты кустарниками (спирея, пузыреплодник, рябинник, снежноягодник, жимолость лесная, чубушник). В одной из групп растут два дуба черешчатых 'Fastigiata', но со слабо выраженными признаками пирамидальности.

Орловичи. Водоем с островом и беседкой. Фото 1999 г.

Основным композиционным элементом парка является круглый водоем (ширина 8 м) с высоко приподнимающимся над водой островом, на котором в последние годы установлены беседка и перекидной мостик. К парку примыкал небольшой боскет с садом, в обсадке которого с двух сторон использован боярышник. Из хозяйственных построек сохранилось большое здание коровника, построенное из красного кирпича.

Усадьба является примером удачного приспособления сохранившихся фрагментов для современных нужд. Отремонтированное здание используется по прямому назначению, парк является зеленой зоной фермы и пасекой.

Грудковичи
(д. Суличево)

Известны с 1625 г. Являлись родовым имением Русецких. Четыре сына владельца имения Платона Русецкого имели университетское образование и принимали участие в восстании 1863—1864 гг. С ними поддерживала связь, бывала в имении Элиза Ожешко. В 1890 г. принадлежали Мечиславу Русецкому [546].

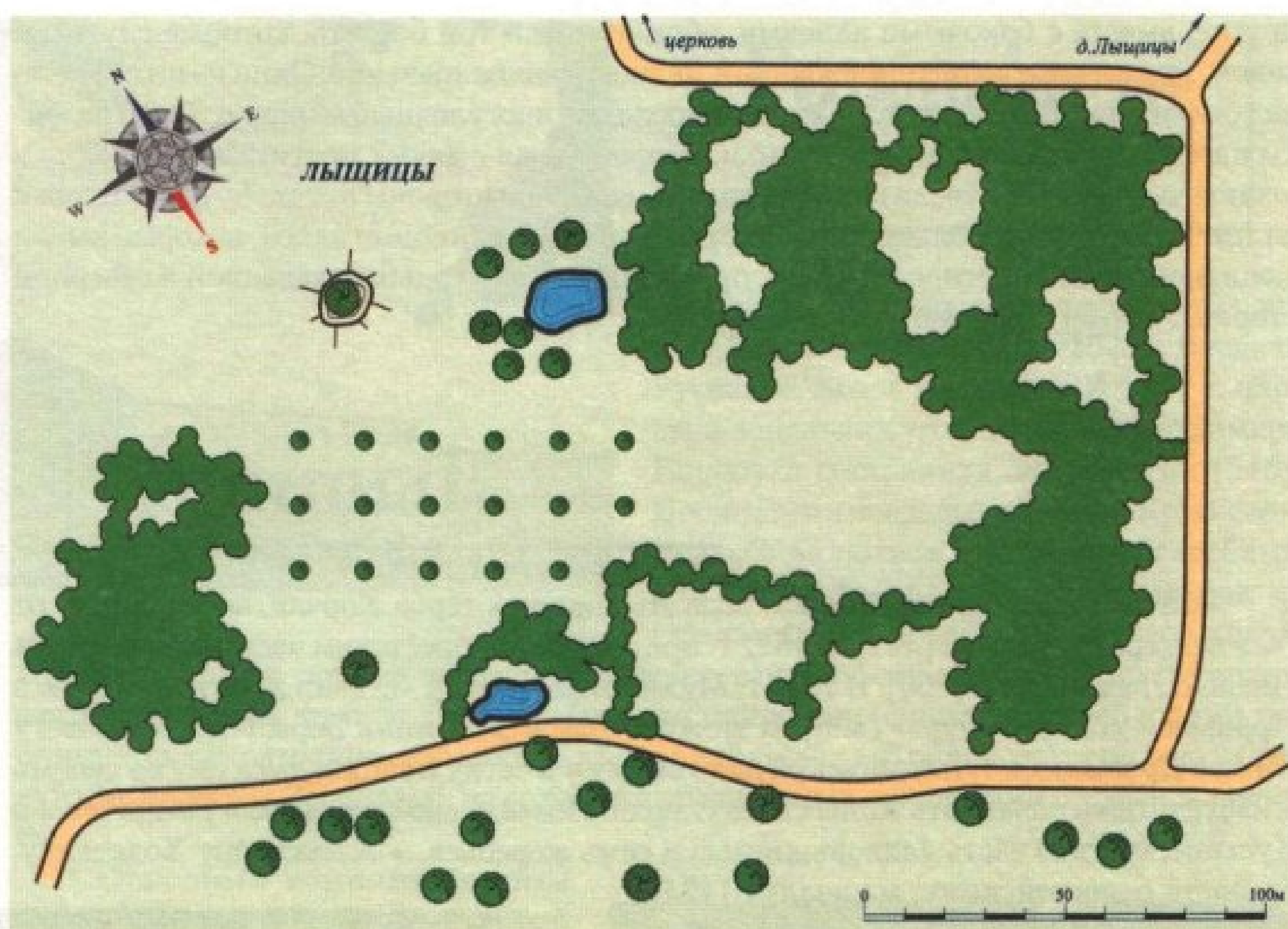
От усадьбы, спланированной весьма оригинально, сохранился небольшой древесный массив одичавшего регулярного прямоугольного в плане парка, в основу композиции которого были положены липовые аллеи и два канала. Четыре аллеи расходились от липовой беседки. Одна их них (южная) была коротенькой и глухой. Три

другие, вместе с боковыми аллеями, образовывали три боскета, которые служили садом. Каналы имели планировочное и мелиоративное значение. Один из них пересекал большой южный боскет, вдоль него проходил прогулочный маршрут, были разбиты цветочные рабатки, стояли скамьи. Второй канал с двумя мостиками проходил в южной части парка, отводя избыток воды. С северной стороны в усадьбу вела липовая аллея. Вдоль нее располагался хозяйственный двор. Липовые аллеи, которые имели защитное и транспортное значение, проходили вдоль усадьбы с западной и северной сторон. Усадьба утрачена.

Лыщицы

С конца XV в. были владением рода Лыщинских герба Корчак, восходящего от венгерских князей [411]. В 1522 г. принадлежало брестским «земянам» Васко и Ивашко Лыщинским [760]. В 1528 г. Михно Лыщинский «ставил двух конников», а Пронька – «одного вояра» [428]. В этом же году «...земенинъ Берестейского повету Михно Дробышевич Лыщинъский далъ ся ему у в опеку и записалъ ся ему по своемъ животе и тежъ по животе жоны своее Олюхны именье свое властное в Лыщичах и в Кустине, третюю часть дядковъщины..., и семъ жеребьев...» Александру Ходкевичу, старосте берестейскому, маршалку [424]. Затем имением владели Лев Лыщинский, его старший сын Константин, литовский ловчий, женатый на Анне Суходольской, отец Иеронима и Лукаша. В 1577 г. жаловался Ян Чижевский на Льва Лыщинского, подданные которого сделали грабеж в имении Чижевичи [500]. Сын Константина Иероним Казимир (1581–1670), женатый на Софье Бабинской, подстолий мельницкий, судья гродский и брестский приобретает Кустынь, Мотыкалы, а также Челив, Горнов, Хрущев, Марковщизну в Подляшье. По его духовному завещанию имения в 1666 г. были разделены между сыновьями Матвеем, Казимиром и Петром «для согласия и любви братьев». Четвертый сын Викентий рано умер. Иероним завещал «...имение наследственное мое Лыщице в Брестском воеводстве состоящее... трем сыновьям моим уступаю, и вотчиничество моего срекаюсь... Другой родной наш, пан Казимир Лыщинскинь, взял себе усадьбу за сажалкой на навозах возле Волковысских, выделенную при которой сеножать возле заросли олешника, где и его Селище... Казимиру весь амбар... Петру флигель с сеньми, который сам строил, а гумно с прочим строением поделенным, каждый свою часть получить имеет» [169]. В духовном завещании Иеронима имеются пожертвования монастырям, костелам, церквям Брестчины [516]. Примерно треть ро-

Лыщицы. Памятный конский каштан обыкновенный. Фото 2002 г.



дового имения перешла Казимиру (1634—1689), будущему мыслителю, философу, атеисту, педагогу. В 1676 г. был подписан акт присяги, данной Казимиром Лыщинским «в силу конституции коронационного Сейма» о числе душ, находящихся в его имении [500].

После смерти Казимира Лыщицы принадлежали Лыщинским до конца XVIII в. В 1794 г. владельцами были Марианна с сыном Винцентом. В 1836 г. имение было заложено в Виленском земельном банке сроком на 43,5 года в сумме 19 600 рублей. В 1975 г. его по купчей крепости, совершенной в Гродненской объединенной палате Уголовного и Гражданского суда, приобрела Александра Анзельмовна Лыщинская. В 1887 г. она продала часть земель со строениями 55 крестьянам [5]. В 1890 г. владение Александры Лыщинской составляло 656, Кароля Вислоцкого — 447 десятин [546]. В 1905 г. владельцем был Ф.А. Вислоцкий. До 1914 г. в доме хранился архив рода Костюшко, который вывезла из Сехновичей Мария Эстко, ставшая женой Кароля.

Казимир Лыщинский был одним из самых образованных людей своего времени. В детские годы воспитывался при дворе Льва Сапеги, с которым был дружен дед Константин. В 1648 г. окончил Берестейский иезуитский коллегиум, владел латинским языком. Затем поступил в Высшую четырехлетнюю иезуитскую школу (в Калише), в которой изучал риторику, логику, физику и метафизику. По ее окончании являлся ректором иезуитского коллегиума в Бресте.

В 1666 г., получив часть имения, осел в Лыщицах и женился на Ядвиге Желиховской. Его серьезным юношеским увлечением была Мария Анна Радзивилл, с которой познакомился у Сапег. Занимает должностное место отца, подстолия мельницкого. Оставив орден иезуитов, порывает с их идеологией. Активно занимается юридической практикой, несколько раз избирается шляхтой на сеймы в Варшаве, в 1682 г. стал подсудком брестского земского суда, участвует в работе трибунального суда, работает писарем королевского суда. Открывает в имении светскую по содержанию школу для детей шляхты и крестьян, стараясь больше давать ученикам сведений о природе. Успешно ведет хозяйство, оказывает помощь братьям и соседям. Своей деятельностью завоевал уважение не только шляхты, но и короля Яна III Собеского. В жизни проявляет принципиальность и смелость. Вопреки церковным правилам, выдает, например,

замуж дочь за Добронижского, близкого родственника, считая, что брак — союз гражданский, уговор светский. Дело о браке дочери закончилось отлучением его в 1686 г. от церкви [516].

Казимир изучал философию, историю и естествознание. Он первым использовал термин «атеист», определив новое направление в мировой истории философской мысли, показав, что «человек – творец бога». Его смелые атеистические взгляды составляли целую систему, направленную против религиозного миропонимания. Он обосновывал вечность природы, ее развитие по собственным законам без вмешательства Бога [516].

Лыщицы. Фрагмент парка. Фото 2002 г.

Рукописный трактат Казимира «О несуществовании Бога», написанный на латинском языке на 530 страницах, оказался роковым. Несколько фрагментов из трактата хранится в польском городе Курнек [577]. Часть рукописи была выкрадена соседом Яном Бжоско и представлена вместе с доносом виленскому епископу. Убежденный в своей правоте Казимир смело принял смерть 30 марта 1689 г. на площади Старого Мяста в Варшаве. Тело мыслителя было отдано огню, а золой выстрелили орудия [411].

К смертному приговору было присовокуплено: «Имущество его будет конфисковано, дом, в котором жил, разрушен, а место оставлено пустырем на вечные времена». [258] После исполнения приговора его дом в Лыщицах разрушили, срубили и сожгли деревья сада, усадьбу перепахали.

Новая усадьба с парком была заложена Вислоцкими. В 1841 г. Люциан, Николай и Александр жили в новом доме из 9 комнат. Дом сгорел в годы последней войны. От усадьбы, расположенной изолированно от деревни, среди луга, сохранился заметно видоизмененный небольшой пейзажный парк. Занимает плоскую территорию и в плане приближается к прямоугольнику. Прежнее планировочное решение прослеживается только в общих чертах. Его основу составляет древесный массив, который занимает юго-восточную треть парка. Сложен старыми с искривленными стволами деревьями граба высотой 15—17 м, одиночно возвышаются ясени, липы, старые крупные конские каштаны. Сомкнутость древостоя высокая — до 90 %. Под пологом крон заросли крапивы, в подлеске часто бузина черная. Центральную часть парка занимает округлая поляна до 50 м в поперечнике. Две поляны несколько меньших размеров расположены по западной окраине парка. На опушках полян заросли сирени, спиреи, боярышника. Куртиной на поляне представлен барвинок. К центральной поляне примыкают небольшие фрагменты старого сада. Парк за садом замыкается вторым небольшим древесным массивом (граб, ясень, липа), еще более одичавшим, с заброшенным хозяйственным зданием.

Хорошо выражена одна из усадебных дорог, которая проходит, слегка изгибаясь, по западному краю усадьбы и ведет к современной ферме. Вдоль нее растут старые клены, ясени, конские каштаны, образующие в прошлом главную аллею усадьбы. С этой стороны выражена защитная обсадка парка ивой белой и тополем канадским 'Serotina'.

В парке имелись два небольших, расположенных изолированно друг от друга, водоема. С потерей родникового питания они лишились воды, ложе зарастает, старая поваленная ива ломкая приняла экзотический вид.

С северо-западной открытой части парка открывалась живописная перспектива на церковь фундации владельцев имения в окружении деревьев и сирени, образовавшей теперь сплошную стену зелени высокой декоративности во время цветения. В

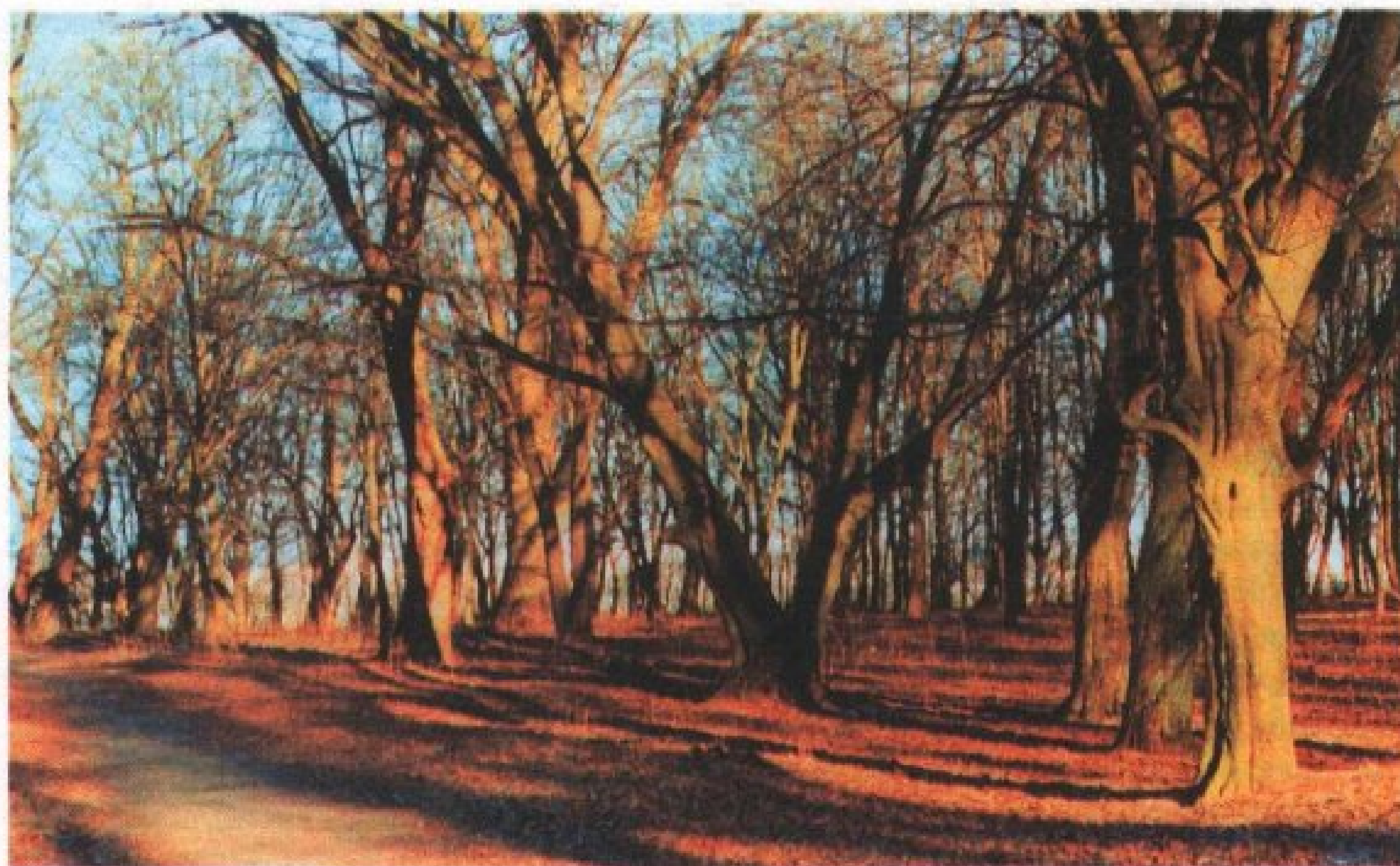
этой части парка на искусственном холме высотой более двух метров и в диаметре 16 м растет конский каштан обыкновенный. Согласно местному преданию, холм насыпан из земли и остатков фундамента усадебного дома Лыщинских, и на нем благодарными потомками, видимо, в одну из юбилейных дат посажено дерево в память о Лыщинском. Возраст кряжистого, с раскидистой кроной дерева не менее 150 лет. Высота около 15 м. Его короткий дуплистый у основания ствол на высоте 3,3 м ветвится, образуя шесть скелетных ветвей. Отдельные из них суховершинят. В местах размыва почвы обнажились мощные корни, распростертые по склону холма.

Старое обветренное дерево на рукотворном холме является выражением глубокого уважения к гордому правдолюбцу, символом его бессмертия. Потомок по линии брата Лев Лыщинский, автор монографии «Род дворян Лыщинских» (1907), посвятил славному Казимиру поэму «На плаху», изданную в Санкт-Петербурге в 1910 г. Эпиграфом к ней стали слова самого Казимира, которые он задолго до смерти завещал высечь на месте его захоронения: «Слушай, прохожий! Беги от этих камней, если ты боишься истины, так как от них ты научишься, что люди, зная даже правду, говорят ложь. Знание мудрецов есть остроумная выдумка». Эти слова высечены на памятном валуне, который установлен не в Лыщицах, а в Малых Щитниках возле Покровской церкви.

Литвиново

В 1740 г. фольварк Сапег [775]. В 1862 г. им владел Бронислав Гутовский. После событий 1863 г. имение было конфисковано и вскоре распарцеллировано. Часть его с усадьбой купил Юзеф Шадурский, владелец соседних Литвинок. Усадьба заложена, видимо, Гутовскими, расширялась и достраивалась Шадурскими. Включала усадебный дом, пейзажный парк с водной системой, сад и хозяйственные постройки.

Территория небольшой усадьбы, площадью около 5 га, зонировалась въездной аллеей на две части. Левая часть была парадной. В глубине стоял небольшой усадебный дом с мансардой, перед ним имелся газон с кругом. В 1990-е гг. дом снесен, территория застраивается частными домами.



Литвиново. Фрагмент парка. Фото 2000 г.

С восточной стороны главная ось замыкалась пейзажным парком. Сохранилась его небольшая часть (около 2 га) с водоемом. В плане квадрат со сплошным разреженным почти мертвопокровным спелым древостоем высокого качества (клен, липа, дуб, ясень, одиночно ель, белая акация) и густым подлеском из черемухи, лещины, бузины черной. Под сводами крон деревьев проходят пешеходные тропинки. Массив по краю окаймлен полосой березняка в возрасте 30 лет. На опушке растет бук лесной. В парке имелись и другие интродуценты, например, редкая в культуре липа каролинская из юго-восточной части США, ива белая 'Vitellina', боярышники, спиреи, сирени, сосна веймутова, туя западная. У старого клена лежит обработанный гранитный камень, деталь от оригинального каменного стола с креслом, установленного на партере.

Хозяйственный двор с многочисленными постройками занимал вторую часть усадьбы, имел отдельный въезд. На его месте расположена племстанция.

Фрагмент неоправданно расстроенной в последнее время усадьбы может иметь значение в качестве рекреационной зоны племхозяйства «Литвиново», которому принадлежит.

Литвинки

Входили в состав Кобринской экономии. По данным Ревизии экономии за 1563 г., двор в Литвинках имел 19 волок земли [775]. С 1757 г. находились в составе Литвинковского ключа Кобринской губернии, организованной Е. Флемингом [358]. В 1841 г. – вотчинное имение Иосифа Иосифовича Шадурского, включающее фольварки и деревни Литвинки, Пруск, Ластовки с 533 крестьянами [206]. Наследовалось по мужской линии. В 1890 г. принадлежало Петру, занимало 1421 десятину земли [546]. Последним владельцем имения был Станислав.

В 1841 г., согласно инвентарному описанию, усадьба включала простой деревянный усадебный дом (4 комнаты, кухня, сени), дом жилой (3 комнаты, кладовая, кухня, сени), дом фольварочный (2 комнаты, сени) и большой хозяйственный двор (два амбара, сарай для сена и соломы, коровник, конюшня и другие строения). Имелись мельница («топчаница») с двумя амбарами, молотилка со всеми снарядами, с хлебным сараем и резочной машиной, новая глинобитная винокурня, крытая гонтом, с приемником вина, сушильней для выделки солода и сельский запасной магазин. Двор имел баню, три колодца, один из них с ветряным насосом [206]. В годы эклектики сформировалась пара-

Литвинки. Фрагмент парка. Фото 2000 г.

Литвинки. Фрагмент древостоя парка. Фото 2000 г.

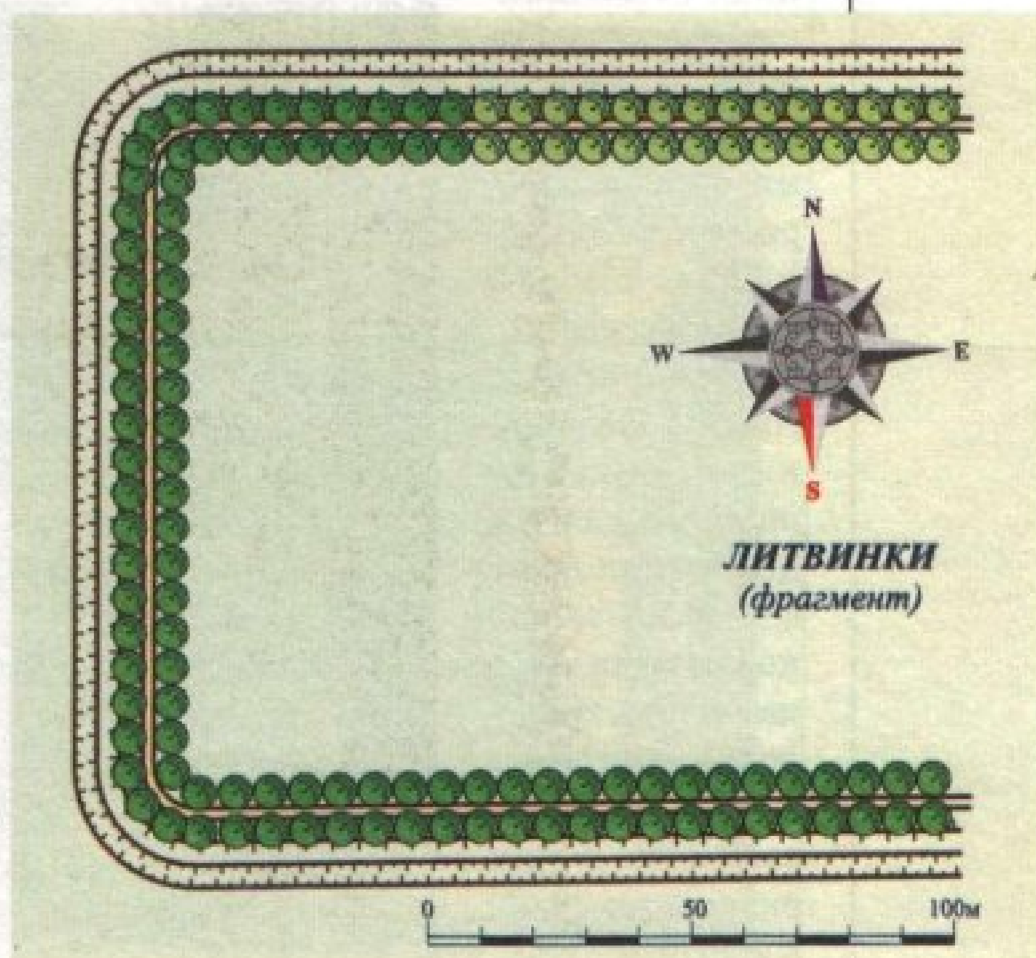
дная часть с новым усадебным домом, небольшим пейзажным парком, водоемом и большим боскетом с садом.

Усадебный дом одноэтажный, каменный, с крыльцом на двух столбах, стоял в окружении пейзажного парка, от которого остались одиночные деревья, хорошие куртины сирени. Наиболее выразительным деревом усадьбы была ива белая 'Vitellina', форма, полученная в результате народной селекции в XVII в. Декоративна широкой ниспадающей кроной с золотисто-желтыми побегами. Использовалась вокруг водоема, во въездной аллее [561]. Сохранились одиночные деревья в возрасте более 100 лет.

К пейзажной части примыкал боскет, устроенный по типу регулярного экономического парка, площадью около 2 га. Хорошо выражен его главный планировочный элемент – липовая аллея, охватывающая боскет с трех сторон. Аллея неширокая — 5 м, затем сужается до трех метров. Вдоль аллеи тянется вал, он сравнительно высокий, ширина 2 м, с деревьями по гребню, а вдоль него (с наружной стороны парка) проходит канал. Он выполнял защитную и водорегулирующую функцию, что имело значение для усадьбы, расположенной на ровной, слегка пониженной местности.

Сравнительно большая в прошлом усадьба планировочно расстроена в связи с застройкой. Боскет распахан, занят частными огородами.

Шадурским принадлежали также соседние имения Клещи (Клеще), земельные угодья которого в 1890 г. составляли 677 десятин, и Ластовки (Лястовки), известные с 1563 г. по материалам Ревизии Кобринской экономии [529]. Небольшие усадьбы с деревянными одноэтажными домами были спланированы по типу экономических парков в виде сада, охваченного с трех сторон узкими липовыми аллеями, по которым проходил прогулочный маршрут. Протяженность аллеи в Клещах 260 м, ширина 4 м. Дом окружали красиво цветущие кустарники (сирень, чубушник, спирея) и декоративные древесные виды (конский каштан обыкновенный, липа мелколистная). Бывший боскет застроен дачами. От усадьбы в Ластовках сохранились фрагменты древостоя парка, сложенного местными видами, небольшой зарастающий водоем и руины фамильных захоронений Шадурских.



Вошковцы. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 2001 г.

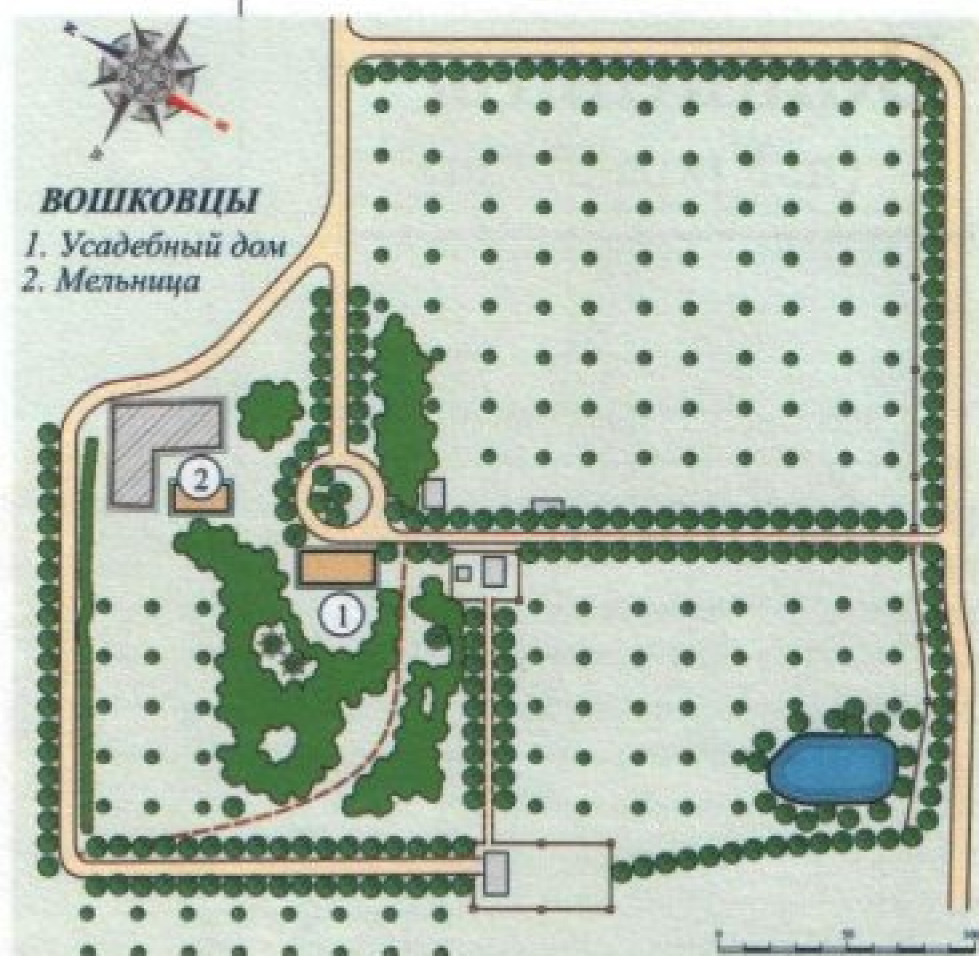
Вошковцы
(д. Урожайная)

Известно село Вошковичи от 1586 г. как шляхетская собственность [545]. Двор Вошковцы Старые, или Старый Двор, в 1838 г. приобрел философ, писатель Флориан Ромуальдович Бохвиц (1799—1856), женатый на Павлине Маевской, племяннице матери А. Мицкевича [701]. В 1864 г. основная часть имения перешла сыну Роману, женатому на Казимире Чечот, а второй раз — на ее сестре Эльжбете. Владения имения составляли 167 десятин земли [547]. Вторая часть владения вместе с Бельчицами отошла второму сыну Люциушу (Люцьюшу 1838—1864). Она затем была конфискована за его участие в восстании 1863—1864 гг. [95]. Долговая претензия Ксаверии, жены повстанца, на сумму 7500 рублей не принесла положительного решения [150]. Третий сын Ян Оттон (1835—1915) получил фольварк Новые Вошковцы, где построил усадьбу, назвав ее в память отца Флорианово [596]. Последними владельцами были Чеслав и Витольд, сын Романа, который умер в 1900 г. [549].

Бохвицы жили в старом усадебном доме из лиственницы с высокой четырехскатной гонтовой крышей, построенном в XVII в. с использованием деревянных гвоздей. В доме имелось 12 комнат. Наиболее репрезентативными считались столовая и зал с камином, обставленные мебелью в стиле ампир. Бережно хранились ценная, собранная в основном Флорианом, библиотека с богатым собранием польских журналов, семейный архив, несколько портретов, среди которых выделялись портреты Флориана и его сестер кисти Франтишка Фелинского [618]. В старом уютном доме собиралась местная интеллигенция. До последних дней в нем жил, вел хозяйство, писал книги Флориан, ратуя за воспитание людей наиболее полезных для общества путем слияния образования с трудовой деятельностью, гармоническое развитие умственных и физических способностей.

Здание дома постоянно ремонтировалось и обновлялось. В эпоху классицизма, например, его парадный фасад украсило крыльцо на четырех колоннах, парковый – крыльцо с двумя колоннами. С некоторыми изменениями здание дошло до наших дней. Дом деревянный, в плане прямоугольный (длина 28 м, ширина 16 м). Средняя часть фасадной стены оштукатурена, боковые крылья ошалеваны. Пристроена веранда из силикатного кирпича. Парковый фасад лучше сохранил первоначальный вид. В центре имеет три ризалита, оштукатурен по лучине, за исключением крайних ризалитов. Справа к дому сделана кирпичная пристройка длиной 8 м. Под центральной частью здания находятся подвалы. Форма крыши весьма соот-

Вошковцы. Парковая аллея. Фото 2001 г.



ветствует крыше дома на фотографии, приведенной Р. Афтанази [596], хотя не снимает полностью сомнения, что это дом именно XVII в.

В результате перепланировки двор принял характерный вид небольших усадеб второй половины XIX в., включающих небольшой пейзажный парк, сад и хозяйственные постройки. О времени барокко напоминает в ней длинная ильмово-кленовая въездная аллея, заложенная на оси композиции (она потерялась в связи с частной застройкой). Парк сформирован за усадебным домом в окружении сада. Парадная часть перед домом была оформлена в виде большого круга с крупным экземпляром ели в центре и по сторонам фланкирована древесными группами и кустами сирени. На партере росла также старая липа с развесистой кроной, ветви которой упирались в землю. По углам симметрично зданию посажены береза (справа), с левой стороны – клен. К нему с юго-восточной стороны ведет липовая аллея в виде неширокого плотного зеленого коридора. За домом по оси расположена подковообразная поляна, служившая розарием, опушки которой декорированы одиночными редкими экзотами: кленом остролистным 'Schwedleri', липой крымской, конским каштаном восьмитычинковым. Поляна охвачена почти сплошным древесным массивом с сомкнутостью крон 50—60 % (клен, ясень, липа, одиночно береза, тополь белый, ель, граб). Небольшие парковые поляны теряются. На одной из них растет ясень обыкновенный 'Pendula'. Заканчивается массив старинной липовой аллеей, явным элементом боскета времени барокко (сохранилось 18 экземпляров, высота 28—31 м).

Пейзажную часть парка окружают три боскета разной величины, занятых садом. В юго-западном боскете расположен небольшой искусственный водоем. Прогулочный маршрут проходил по аллеям боскетов и в пейзажной части, подчеркивая единство паркового ансамбля. Обсадку сада по периметру составляют ряд липы и ряд караганы. Карагана подстригалась и не мешала обозрению сада по пути следования. С другой стороны парка ряд караганы является внешним по отношению к липе. Этот прием предоставлял возможность лучше видеть прилегающую территорию. При создании парка много внимания уделялось разнообразию растений. Редкие деревья высаживались в группах или солитерами. Нами отмечалось 40 видов и садовых форм [564]. Кроме отмеченных сохранились бархат амурский, лиственница Сукачева, рябинник, сосна веймутова.

Из хозяйственных зданий имеется паровая мельница, построенная в начале XX в. Состоит из двух частей: одна часть (10x8 м) построена из красного кирпича разных оттенков, в кладке чередуются ряды «ложка» и «тычка»; другая (7x5 м) – из кирпича и крупных колотых камней. Большая современная пристройка в торце из силикатного кирпича ухудшила вид здания.

На территории сада появилась частная усадьба с высоким глухим забором. Наступает частная застройка со стороны парадного въезда. Утрачен подъездной круг; неуместно высажены на партере ели колючие. Принадлежит амбулатории. Имеет мемориальное значение.

Бохвицы покоятся на католическом кладбище около костела в Дареве. Надгробие Флориана со словами «Твой пример пусть показывает нам путь правды» утрачено. Частично сохранилась плита и памятник Павлины. Рядом похоронены сын Люциуш (умер в 1864) с женой Ксаверией из Шалевичей (умерла в 1886) и внук, сын Яна Оттона, Роман Бохвиц (1874—1888).

Флорианово. Центральная часть партера.

Флорианово

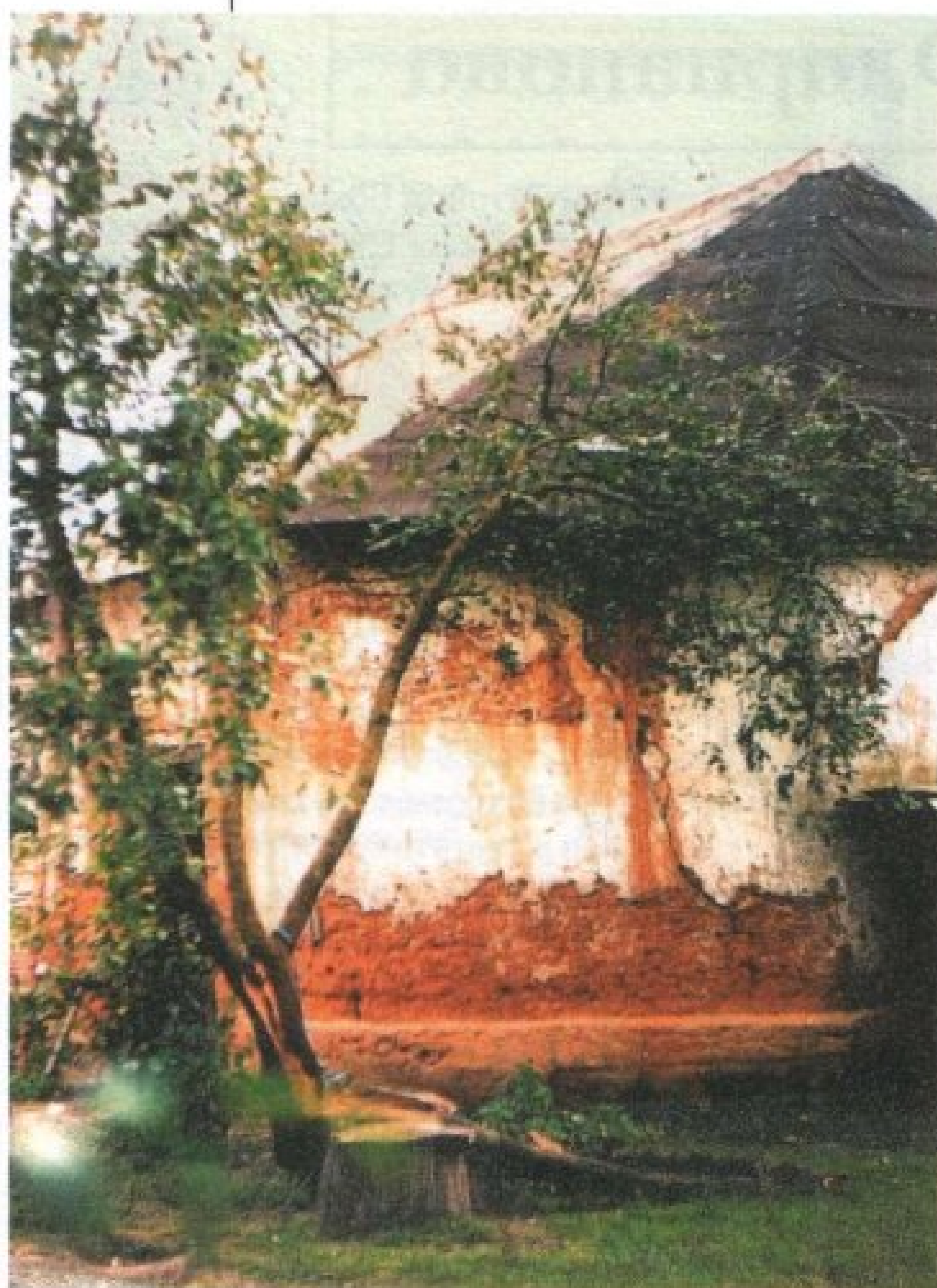
Усадьба построена Яном Оттоном Бохвицом (1835—1915), женатом на Стефании Булгак, участником Крымской войны, получившим по возвращении в 1856 г. в наследство от отца Флориана фольварк Новые Вошковцы. Новая усадьба была вскоре переименована и названа именем отца. Известный мыслитель умер в этом фольварке [734]. Затем имением владели сын Яна Тадеуш Оттон (1863—1930) и внук Ян Оттон (1894—1937), женатый на Марии Гольстен [549, 659]. Усадьба заложена на одной оси в двух километрах от Вошковцов на террасе Ведьмы, притоке Щары. Около 1870 г. Ян Оттон построил небольшой деревянный дом с поперечным вторым этажом, прямоугольный в плане, обшитый крупной горизонтальной доской, с рустованными углами. Затем к нему были пристроены два боковых каменных оштукатуренных объема. Левый двухэтажный корпус построен в неоготических формах. Торцевая его сторона сложенная из красного кирпича, завершенная широким аттиковым фронтоном, приняла вид парадного фасада. В нижнем этаже фасад имеет два входа, оформленных в форме готических проемов, и три больших прямоугольных окна. В верхнем этаже – три готических окна. Декор фасада составляют поребрик, лопатки, машикульный карниз, полуколонки. На фасонном кирпиче указан изготовитель «Б.Е. Лозински, Бобруйск». Завершение фронтона выполнено в виде зубчатой стенки с четырьмя большими и четырьмя малыми 6-гранными башенками, увенчанными чашечками вроде цветочных бутонов. Их форма аналогична декору усадебного дома Бохвицев в Павлинове, датируемого 1906 г. Видимо, пристройка корпуса состоялась примерно в это время.

Дом, увеличенный в размерах, имел 19 комнат. Из них особо выделялись библиотека, столовая и большой салон, оформленный в неоготическом духе. Дом, обставленный новой мебелью, не содержал особых старинных ценностей. Имелись картины кисти Александра Орловского, портреты Флориана и его сестер кисти художника Франтишка Фелинского.

В усадьбу по оси вышеуказанного бокового фасада, который придавал дому вид живописного неоготического замка, проходит липовая въездная аллея шириной 8 м с деревьями в ряду через 6 м. Въезд в усадьбу был оформлен въездной брамой, образуемой массивными каменными пилонами, завершенными декоративной чугунной решеткой. Она была вывезена немцами в войну 1914 г. Не сохранились пилоны, утрачен также подъездной круг на газоне между брамой и домом.

Парадный партер располагался перед главным фасадом, имел прямоугольную форму и фиксировался со сторон симметрично расположенными разной величины зданиями сыроварни и официны (обложена кирпичом и используется под жилье). За партером стояли здания хозяйственного двора

Флорианово. Усадебный дом. Фото 2001 г.



(конюшни, коровники, гумно и др.). Во двор с южной стороны вела въездная аллея. Отдельно за официной расположен ледник, небольшое граненое сооружение из самана.

Одна из фотографий начала XX в. передает планировку центральной части партера. По оси здания располагались клумба, широкая, хорошо отсыпанная инертным материалом дорожка и высокая шпалера. С двух сторон дорожка охвачена кустарниками и деревьями, растущими на газоне. Старые одиночные деревья клена, липы и дуба дошли до нашего времени. Особой красотой выделялся цветник около дома, из которого Э.Ожешко привезла в гродненский дом гербарий, а лепестками флориановских роз украшала письма. Здесь же располагалась площадка для крокета. Теперь перед домом проходит газопровод, примыкает машинный двор колхоза, что отрицательно сказывается на состоянии бывшего партера.

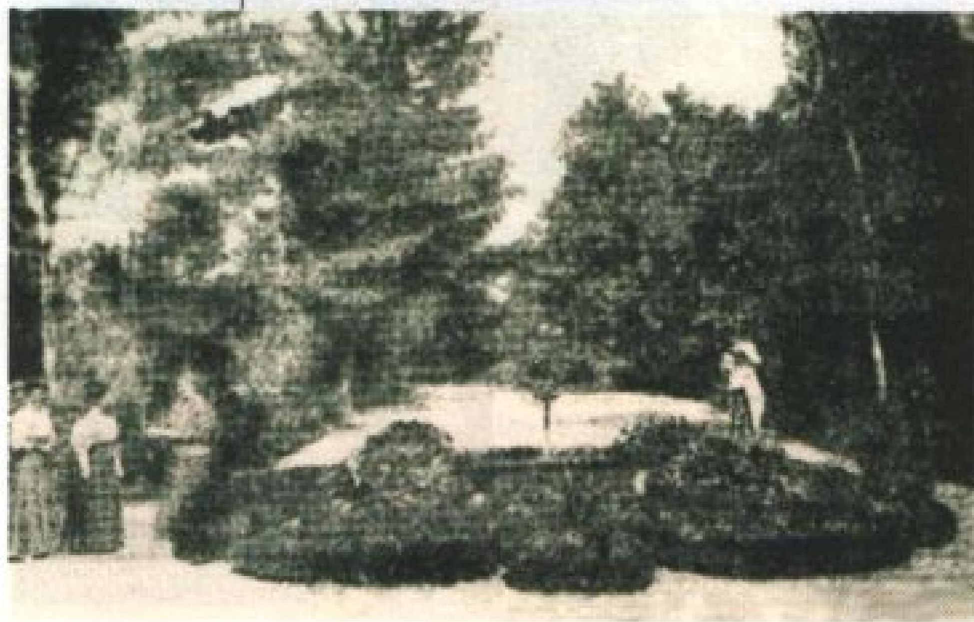
Хороший газон с одиночными деревьями, цветочными рабатками имелся за домом, со стороны парка. Около паркового фасада дома сохранилась величественная, более чем двухсотлетняя липа крупнолистная со сломанной вершиной (диаметр ствола 145 см). Рядом с ней растет кустом крупное дерево липы мелколистной.

Флорианово. Ледник из самана. Фото 2001 г.

Парк с садом имеет в плане вид полусферы (схема). Парк расположен с северной стороны дома, окружен аллеями. Был открыт в сторону поймы, а одной из видовых точек служило крыльцо, называемое «альтаной» (сохранился его фундамент), под мощной кроной вышеупомянутой липы крупнолистной. Здесь отдыхала семья, собирались гости. От «альтаны» начиналась аллея сирени обыкновенной, к которой обращалась Э. Ожешко в письме: «Скажыце фларыянаўскім бэзам, каб да майго прыезду не адквітнелі!» [717]. Аллея вела в пойму к небольшому водоему, питаемому родником. Отсюда открывалась живописная, слегка всхолмленная равнина. С превращением русла Ведьмы в канал, пейзаж нарушился, не стало родника, пруд зарастает.

Существенно изменился, почти утрачен и сам парк. Часть его распахана. Оставшийся древостой одичал. Под пологом деревьев первого яруса (вяз, липа, сосна, ель) обильное развитие получил подрост. Поляна разъезжена (на ней установлена газовая станция). Аллеи из липы, граба, ясеня покрылись подростом и принимают вид защитных полос.

Флорианово. Цветочный партер и крокетная площадка.



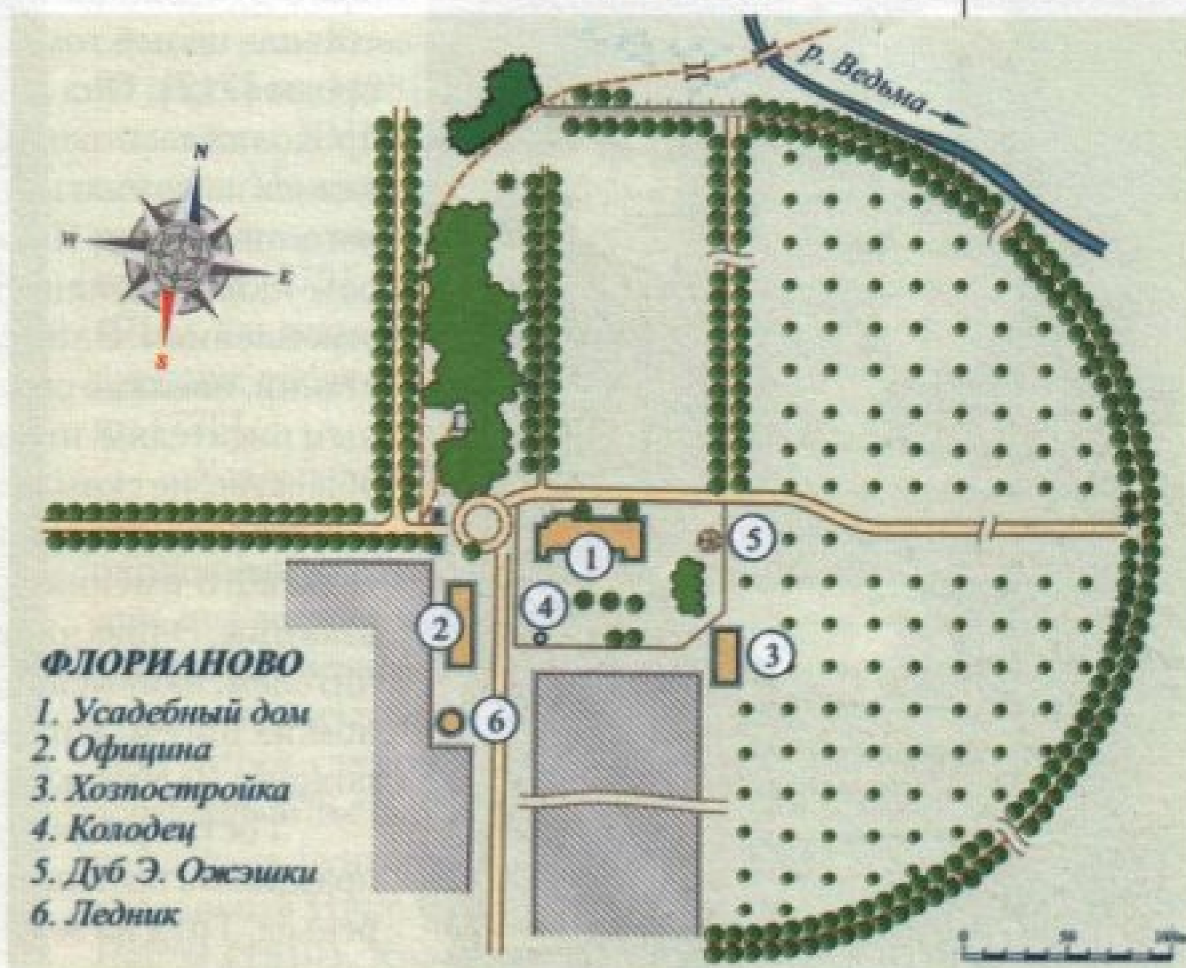
Яном Оттоном в парк привлекалось много редких видов деревьев и кустарников. Сохранились одиночные деревья конского каштана восьмитычинкового, сосны сибирской кедровой, лиственницы, белой акации. Крупным деревом представлена редкая в культуре липа Мольтке (высота 19 м, диаметр ствола 92 см, диаметр кроны 15 м). Гибрид был

получен в Берлине до 1880 г. Величественных размеров достигает тополь канадский 'Serotina'. Из кустарников растут боярышник, бузина черная, спиреи. Почти свелась сирень, в которой утопала усадьба. Выпали в последнее время старые конские каштаны, сосна веймутова.

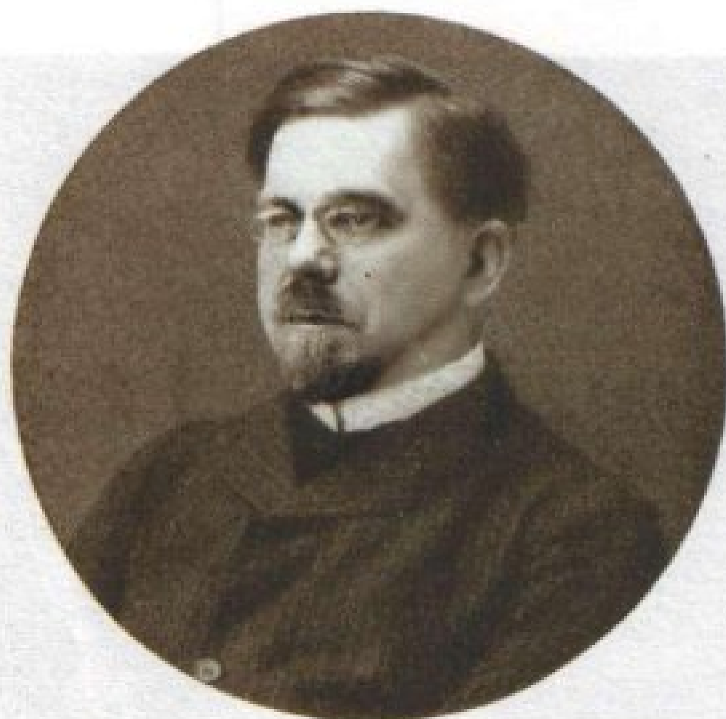
Флорианово. На веранде усадебного дома. Послеобеденные чтения. В центре – Элиза Ожешко и Тадеуш Бохвиц

С восточной стороны, по всей ширине усадьбы, Ян Оттон заложил тридцатиморговый сад, включающий производственное и экспериментальное (по испытанию новых сортов) отделения и сад вишневый – сортовой привитой вишни (на его месте теперь бензозаправка). Он считался одним из лучших среди садов Беларуси [717]. Сад, который частично дошел до наших дней, по периметру окружен липовой двухрядной аллеей, в составе которой в виде акцентов введена лиственница. Десять лиственниц выделяются по высоте и особенно золотистым осенним нарядом. Окружная аллея композиционно увязывала сад и парк, а прогулочный маршрут был бесконечно долгим. Один из современников того времени писал: «... кампанія збіралася пасля доўгіх шпацыраў, а сама прагулка па вялізным маляўнічым фларыянаўскім садзе настолькі стамляла, што не было ўжо вялікай ахвоты да жвавай мазуркі, альбо таксама стамляльнай полькі». Э. Ожешко казалось, что усадебные аллеи «вялі ў бесканечнасць» [303].

Сад с парком и небольшим, но хорошо устроенным усадебным домом с башенками на фасаде, по выражению Александра Ельского [659], являлся «украшением околицы». Его владелец писал стихи, был известным общественным деятелем, сторонником отмены крепостного права, специалистом в области сельского хозяйства, особенно садоводства. Он ратовал за повышение в местном крае культуры земледелия, любил растения, занимался помологией – изучением сортов плодовых растений и отбором наиболее перспективных для культуры. Его исследования опубликованы в работах «Некоторые огороднические наблюдения» (1901), «Как закладывать и ухаживать за садами» (1904) [701]. Современники называли Я.О. Бохвица «образованным хозяином» [659].



В начале XX в. хорошо сложившаяся к этому времени усадьба, во главе которой стоял уже немолодой Ян Оттон, в прошлом участник восстания 1863–1864 гг., приговоренный к смертной казни узник Динабурга, тянула к себе людей. В доме имелась немалая библиотека, которую собирал владелец, а за-



Владислав Реймонт

тем его сын Тадеуш, который хорошо владел французским языком и перечитал в оригинале лучшие произведения французских классиков XIX в. Серьезно увлекался Тадеуш историей журналистики. Им была собрана огромная коллекция периодических изданий, включающая по одному номеру все журналы, издаваемые в мире, и полностью польские периодические издания [618]. Имелась библиография по истории польской журналистики. Периодические издания завещались библиотеке в Несвиже, но значительная часть их была утрачена уже в годы первой мировой войны [717].

Флориановская усадьба выделялась высоким уровнем духовной культуры, крепкими традициями просвещения, патриотическим духом. Ее посещали Рейтаны из Грушевки, Радзивиллы из Несвижа, Казимир Здеховский из Ракова и др. Известность дому принес также летний пансионат, который вела жена Тадеуша Бронислава из Цивинских (1865—1938). «Пани Броня», по воспоминаниям участников пансионата, была олицетворением «доброты, мягкости и трудолюбия». В основном она вела флориановское имение. Интеллектуальный Тадеуш спешил уйти от хозяйственных забот к своим «паперам» [717].

В пансионате отдыхали лауреат Нобелевской премии, писатель Владислав Реймонт с женой Аурелей, Генрих Нусбаум, известный врач, профессор Варшавского университета, родственник Витольд Чечот, артист Януш Страхоцкий и др.

Участницей салона в доме Бохвицов на склоне лет стала Элиза Ожешко, которая в 1908 г. вместе со своей подругой Марыней (Марией Обремской из Семашко; около 1850 — около 1915) приехала во Флорианово. Собираясь в дорогу она писала: «Я прагну яшчэ раз у жыцці правесці лета, карыстаючыся гасціннасцю панства Бохвіцаў, якія тут уладкавалі выгодны і ладны пансіянат для людзей такіх, як я, у вясковым значэнні, бяздомных». Многое, что любила писательница, она нашла в усадьбе: настоящее литовское гостеприимство, большое количество цветов. Кроме того визит неожиданно одарил писательницу дружбой с духовно богатым Тадеушем. Их переписка составила целый том – триста страниц художественной прозы [717]. Она началась прямо здесь — на месте и продолжалась около двух лет. Первые письма передавались из комнаты в комнату дома, под крышей которого они жили. Письма были откровенным разговором людей, ставших близкими по духу, мыслям и стремлениям. Элиза делилась воспоминаниями о восстании, писала о своих отношениях к самым популярным писателям, пытаясь определить место писателя в обществе, не скрывала также своих хозяйственных забот, обеспокоенности состоянием, продажей родительского имения в Мильковщине. Симпатии были взаимны. Элиза являлась для Тадеуша «ангелом-хранителем, наивысшим даром неба». Так писал он в одном из писем, которое вспоминала Мария Домейко, подруга Валерии, дочери Тадеуша [717].

Флорианово. Элиза Ожешко (слева) с Марией Обремской.

Гости флориановского дома приглашались на праздники, посвященные посеву зерновых, посадке деревьев. Труд на земле особо почитался Элизой, а также известным писателем Владиславом Реймонтом, ав-

тором «Мужиков», «Земли обетованной», который также бывал во Флорианове. Писательница считала его тяжелым крестом и одновременно поэзией. Театральный деятель и литературный критик Юзеф Катарбинский так описывал флориановские обычаи: «... Мы выходзілі цэлай грамадой у поле, на краі якога стаіць запрэжаная парай коней сеялка, упрыгожаная для гэтай урачыстасці гірляндамі палявых кветак. Гаспадар падае Ажэшкавай аздоблены кветкамі кошык са збожжам. Яна благаслаўляе крыжам раллю і кідае дрыжачай рукой некалькі жменяў сыпнага зерня на ўзараныя загоны. Затым Рэймонт з фантазіяй перакідвае сабе праз плячо пас ад сяўні, бярэ поўную жменю жыта і робіць некалькі рухаў як артыст, а потым сяўбу распачынае сеялка, дасканала ашчаджаючы зерне...» [302]. Гости устраивали литературно-музыкальные вечера, на которых пели песни, читали стихи, заслушивались мелодиями Шопена, Бетховена, Грига.

Элиза Ожешко. Фото М.Рубинстейна

В 1909 г. проживание Элизы в имении затянулось до осени. Она вместе с В. Реймонтом заложила рощу в память о проживании здесь польских литераторов. Один из дубов, посаженных с восточной стороны дома, теперь именуется дубом Элизы Ожешко. Вскоре дерево отметит свое столетие.

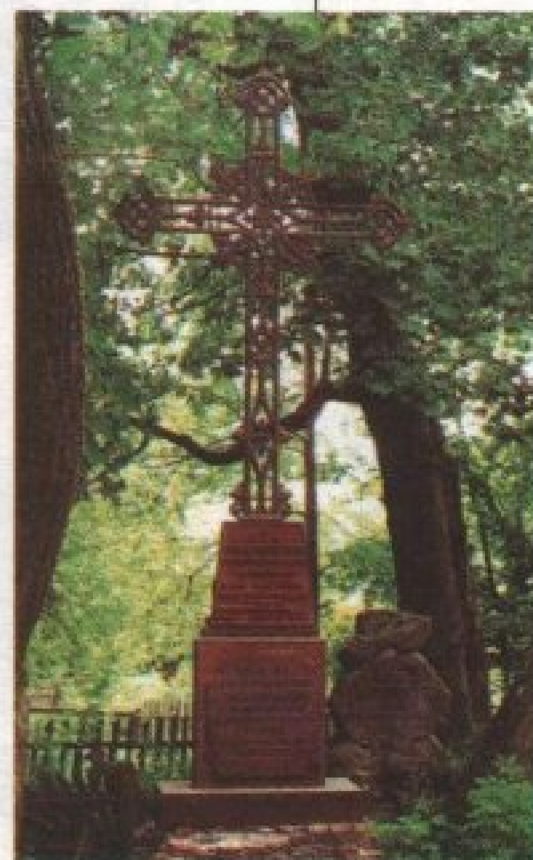
Усадьба Бохвицев имеет мемориальное значение. Разрушается. Принадлежит местному колхозу.

Киватичи. Церковный погост. Фото 2000 г.

Киватичи

В 1532 г. двор принадлежал Николаю Пацу, державцу каменецкому [775]. В 1567 г. владельцем был Доминик Пац, подкоморий берестейский, который «... ставилъ почту з имъней своихъ – съ Кивачичъ и других, ставил коней 24 збройно» [428]. Со второй половины XVIII в. имением владели Межеевские, от которых «по кудели» перешло Ласковским [672]. Перед войной 1914 г. владельцами были Шадурские; после них – Мультаны [775].

Усадьба не сохранилась. На месте бывшего двора растут одиночные клены, белая акация, ива ломкая, дереза берберов, бузина черная, рябина. Через дорогу расположен небольшой погост, где когда-то стоял деревянный костел святых Петра и Павла фундации местных владельцев Николая и Софьи Пацов (1610). Храм сгорел в



Киватичи. Церковный погост. Фото 2000 г.

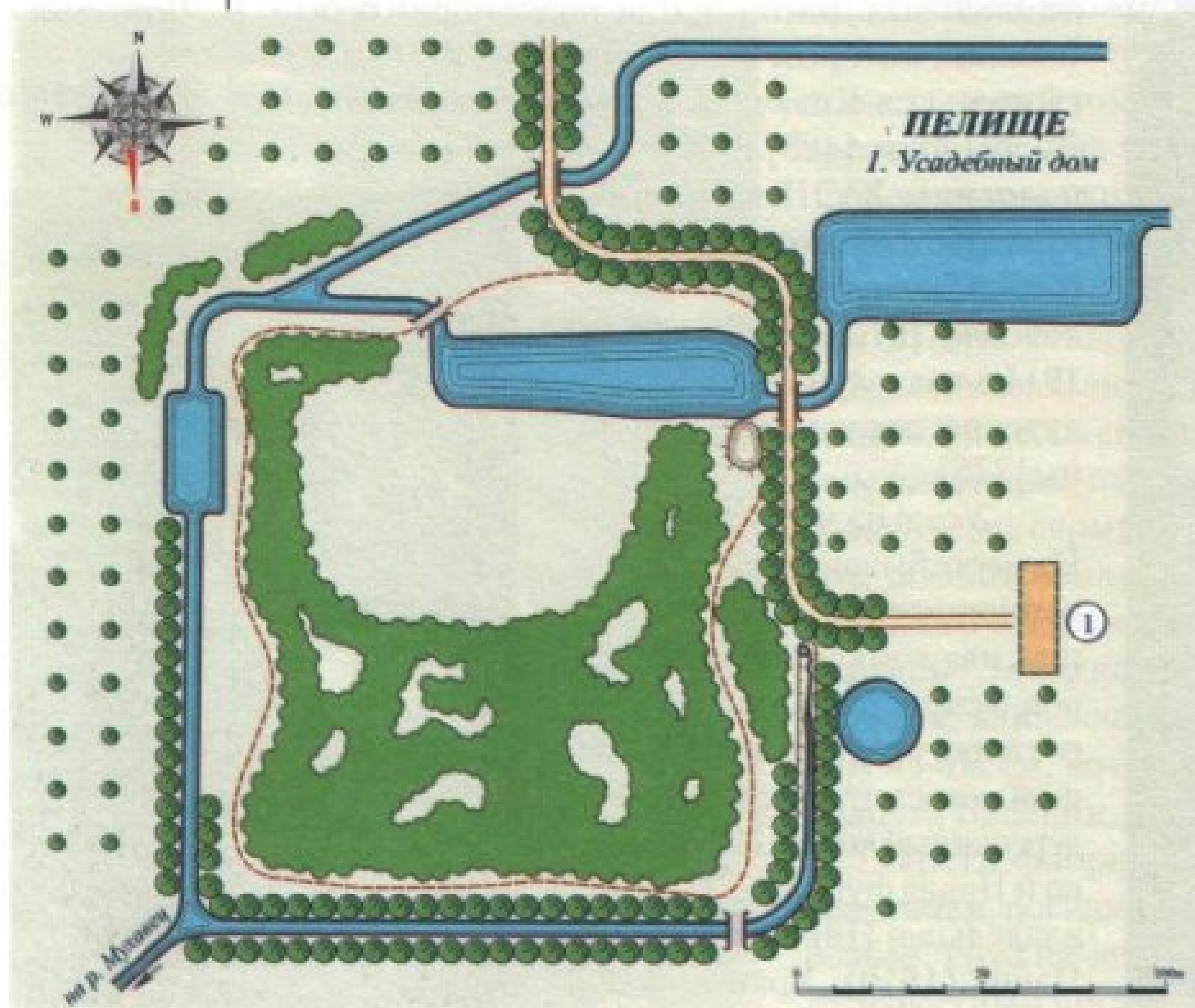
1798 г. от молнии [696]. Костел более позднего времени сгорел в годы последней войны, но около него сохранились территории захоронения владельцев киватичского и соседних имений, начиная с первой половины XIX в.: Шпаковских, Харховских, Белинских, Бабинских, Штшеминских и др. Здесь покоятся Антонина из Круковских, жена Владислава Бабинского (1831—1905), владельца соседней Юрковщины. Жена его сына Адама (1869—1940) – Мария Хелена из Россудовских; родители Марии Зигмунт и Мария Россудовские, владельцы Вежек, и др. На некоторых склепах стоят памятники, художественно исполненные из чугуна или камня. На полуразрушенном склепе Мультанов, последних владельцев киватичского имения, памятником стала береза с основанием ствола необычной формы.

Бывшая звонница, простое квадратное в плане трехъярусное сооружение с четырехскатной плоской крышей, восстановлена в 1995 г. и функционирует как храм. Киватичский погост с захоронениями – частица жизни и истории местного края. Заслуживает ухода и сбережения.

Пелище

Известно с XV в. как фольварк Чернавчицкого имения Ильиничей [760]. В 1612 г. упоминается в Беловежской пуще фольварк «Пъелищъ», бортники которого вели заготовку меда [239]. В первой половине XVIII в. владение Матушевичей. В 1754 г. от Вацлава Матушевича перешло Пшездецким [775]. В 1890 г. имением, включающим 656 десятин земли, владела Александра Лыщинская [546]. Последними владельцами были Гутовские.

Усадьба заложена обособленно от деревни на ровном слегка пониженном месте. Отличается оригинальной планировкой. Усадебный дом, двухэтажный каменный, располагался в саду, перед ним на оси спланирован парк в виде почти квадратного боскета площадью около 5 га. Въездная аллея шириной 8 м смещена с оси, она, делая два изгиба, проходит по дамбе через канал, затем – по второй дамбе между двумя вытянутыми большими прямоугольной формы водоемами, расположенными на разных осях. Форма боскета определяется весьма своеобразной усложненной тщательно отработанной водной системой (схема). Она кольцевого типа, имеет родниковое питание, дополняемое поверхностными водами, собираемыми за счет каналов за пределами усадьбы. Включает три водоема, три канала (кольцевой, собиратель и отводящий). Кольцевой канал начинается родником под конским каштаном, оборудованным бетонным кольцом. Канал широкий (до 8 м), в



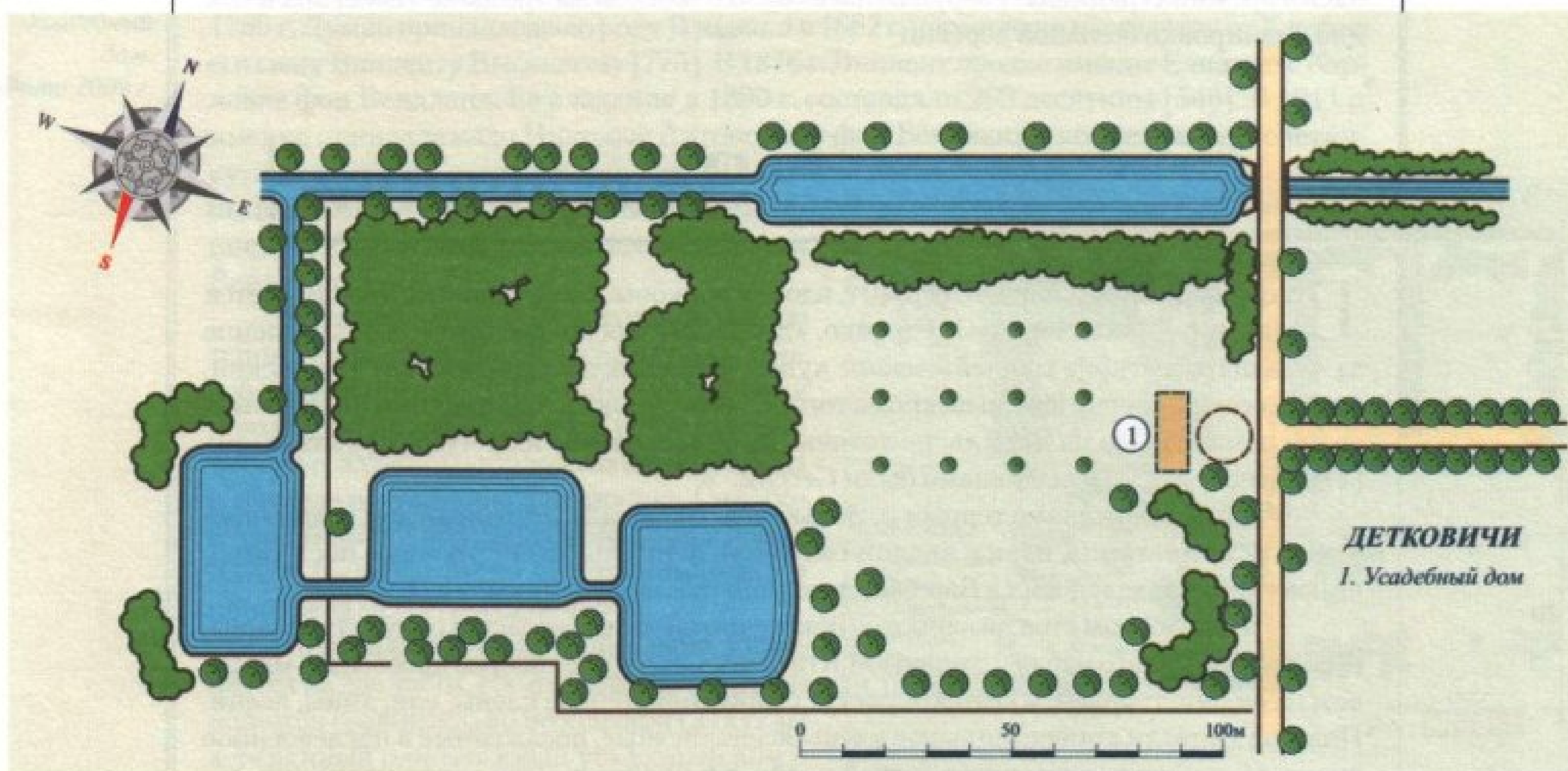
хороших берегах, по валу которых растут липы и ясени, образуя зеленый свод. Он, огибая парк с восточной и южной сторон, отдает воду в канал, начинающийся на углу парка и уходящий в сторону Мухавца.

Вторая часть канала охватывает парк полукольцом с противоположной стороны, принимает воду со стороны поля и отводит посредством рукава ее избыток из парковых водоемов. В русле канала сооружен небольшой прямоугольный водоем, имеющий в основном декоративное значение. Большие водоемы имеют самостоятельное питание, видимо, в значительной мере родниковое. Вдоль каналов под кронами деревьев проходил прогулочный маршрут также кольцевого типа с видами на каналы и боскеты. Планировочное решение его утрачено. Видимо, было пейзажным. Растут одиночные ясени, липы, клены, грабы. Обилен подрост и подлесок (бересклет, черемуха, крушина), сомкнутость 60 %. Вид на водоемы открывается с большой поляны. На берегу устроен небольшой видовой холм. Растут старые ивы ломкие. Водоемы полноводные, с утерей дамбы каналы почти пересохли.

Небольшой парк с оригинальной водной системой запущен, хотя принадлежит большой деревне.

Детковичи

В начале XVI в. принадлежали Ельцам [775]. Во второй половине XVII в. владели Каменские. В 1669 г. Самуил Каменский, нуждаясь в деньгах, занял у Бытенского монастыря 5 тысяч злотых под залог одной части своего имения Детковичи на условиях предоставления монастырю права владения землей и крестьянами с «зарукой» и обязательством, что в случае неустойки добровольно откажется от прав на имение [240]. В первой половине XVIII в. владение Буховецких. В 1740 г. брестский подчаший Павел Буховецкий с женой Розалией в своем имении «Дядковичи» построили церковь Покрова Пресвятой Богородицы и Воздвижения Креста, снабдив ее всеми



церковными принадлежностями. Они записали также фундуш, включающий дом для священника со всеми постройками и три волоки земли [237]. Деревянный храм, увенчанный восьмигранной башенкой с луковичной главкой, ставший памятником народного зодчества, дошел до наших дней [298].

В XVIII в. Детковичи – фольварк имения Бытень, которое по наследству от подскарбия Николая Тризны должно было перейти Юзефу Юдицкому и Стеткевичам, но всем имением завладели бытенские базилиане. Однако оказалось, что имение не подарено базилианам, а передано в «заставу» [346]. В 1779 г. фольварк выделился в имение и стал собственностью Станислава Пукшты, маршалка Слонимского уезда [246].

С 1808 г. владели Рущицы, от которых Детковичи перешли Радовицким. В середине XIX в. имением владел Густав Радовицкий, участник восстания 1863—1864 гг. Р. Траугутт определил Детковичи пунктом сбора отряда, а самого Густава, «польского Гарибальди», назначил своим адъютантом. Через Густава Элиза Ожешко передавала Траугутту собранную информацию, получала сведения о повстанцах, о Флориане, который исполнял в отряде обязанности лекаря, Ягмине, Русецком и др. [721].

Участниками восстания были также братья Густава, и все трое погибли. Конфискованное имение приобрел Григорий Шабловской. Имение, которым продолжали владеть его дети, в 1890 г. составляло 568 десятин [546]. Последний владелец Владимир Богушевский (1874 г.р.) был арестован в 1940 г. и сослан в Фергану [649].

Парадная часть небольшой усадьбы имела симметрично-осевое построение. На главной оси располагались длинная въездная аллея (частично прослеживается), партер с кругом и усадебный дом. Дом был деревянным одноэтажным с высокой гонтовой крышей и крыльцом. За домом располагался парк. В основу его планировки положена водная система из трех прямоугольных водоемов, примерно одинаковых размеров (по 0,20 га), которые соединены протоками и заполняются посредством большого канала (схема). Канал проходит по краю усадьбы, собирает воду и по протокам отдает ее в водоемы. Канал широкий (6 м) и теперь еще полноводный. Часть его расширена и стала вытянутым на 120 м прямоугольной формы водоемом. На полянах парка высажены плодовые деревья. Парадная часть с усадебным домом утрачены. На его месте построен жилой дом. Утрачены также хозяйственные постройки и каплица.

Усадьба имеет хорошо выраженную, но запущенную водную систему. Сохранилась в прежних границах. Разрушается в связи с частной застройкой. Имеет значение для планировки большой деревни.

Зеленевичи

Владение Войтешковичей. В 1540 г. вдовой волковысского боярина Яна продается Мартину Михайловичу Мудрейко, «дворанину господарскому». У него имение за «двадцать две копе грошей» вскоре купил намесник зельвянский Ян Тивинский, зять Войтешковичей, который, кроме того, «... пересудовъ и поклоновъ, и иншых выкладов немало на то паложылъ, не хотячы, жебо тое именье их у чужых руках было» [417]. Последними владельцами были Сегени.

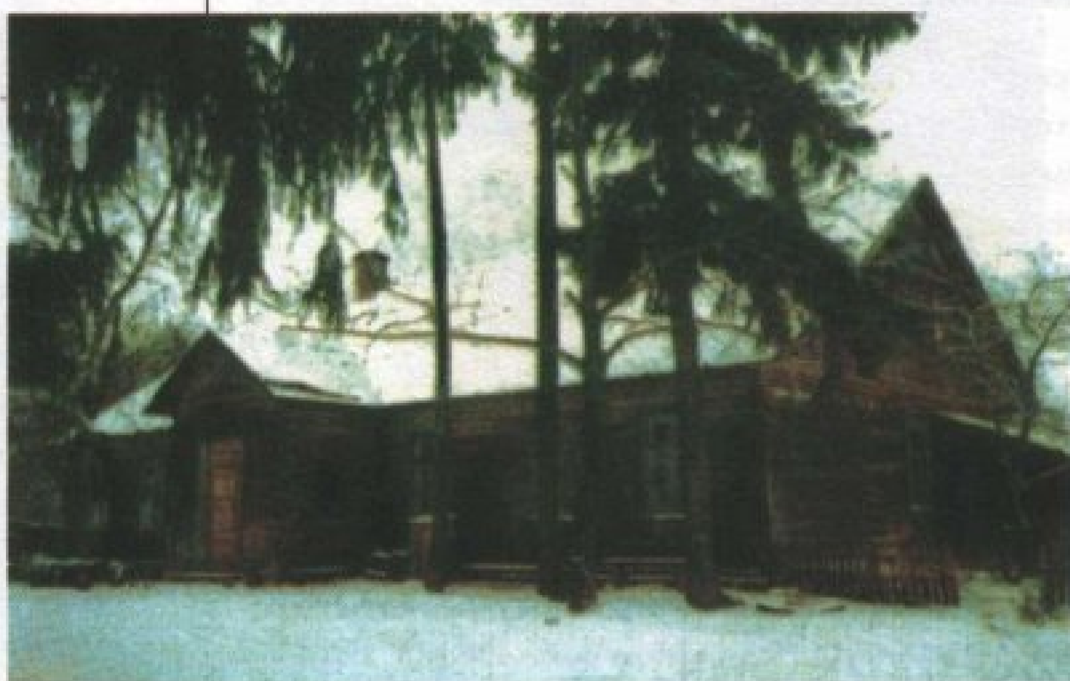
Усадьба заложена на террасе р. Зельвянка. Включала усадебный дом (одноэтажный с 12 комнатами), парк с водной системой, флигель, хозяйственные постройки, винокурня. Владелец жил в Варшаве, имением руководил управляющий.

Усадебный дом стоял в наиболее приподнятой части террасы в окружении парка. Фрагмент бывшего парка площадью 1,8 га представлен одичавшим древесным массивом на склоне террасы, в котором растут старые одиночные клены, ели, липы, ясени. Поляны закрыли кривоствольные клены ясенелистные, посаженные в послевоенное время. Под пологом древостоя густой подрост и подлесок (бересклет, рябинник, ле-

щина, снежноягодник). В напочвенном покрове преобладают недотрога, сныть, крапива. Насаждение захламлено, древостой низкого качества. Две бывшие пешеходные дорожки, пересекающие массив, заасфальтированы. К массиву примыкают четыре ряда тополя Петровского, также малой декоративности.

Часть парка с просто устроенной водной системой расположена за дорогой в пойме. Представлена двумя вытянутыми вдоль оси водоемами. Площадь каждого из них чуть более одного гектара. Вода в водоемы поступает из Зельвянки по каналу; избыток ее отводится другим каналом в реку выше по течению. Водоемы полноводны, окружены ольсом. Вдоль одного из них расположена группа редкой гибридной формы ивы ломкой (ива ломкая × ива белая). В прошлом здесь проходили приподнятые парковые дорожки, посыпанные песком, имелся газон. Водоемы были открыты и на фоне газона являлись акцентом живописной перспективы с парадной части усадьбы.

Фрагменты парка с водоемами имеют значение в современной планировке деревни.



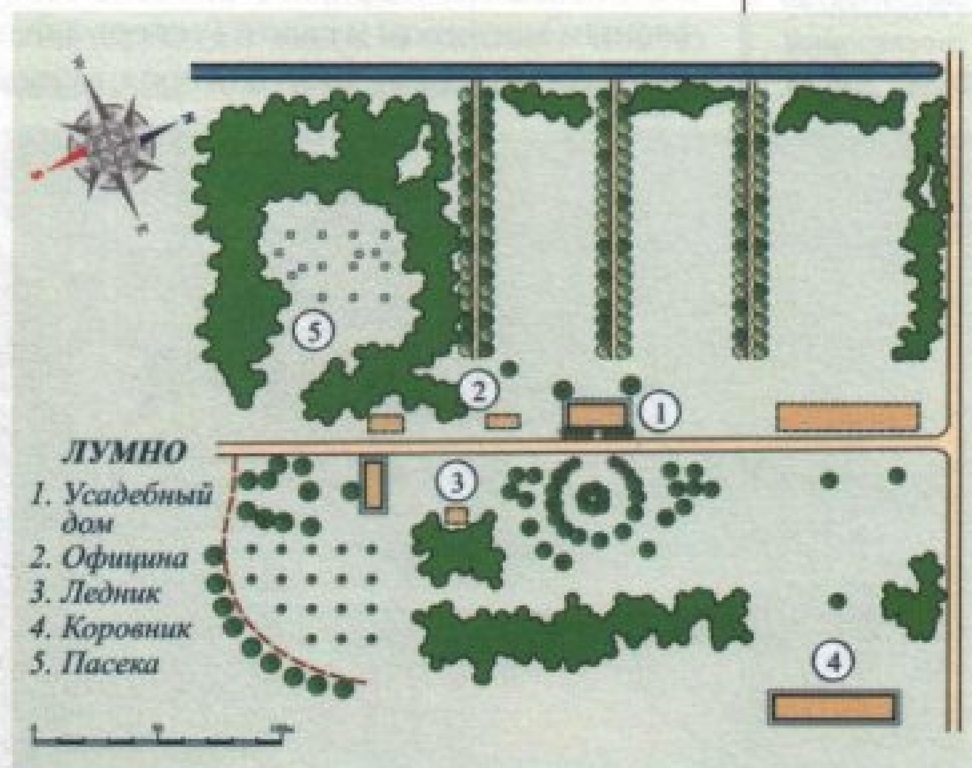
Лумно. Усадебный дом. Фото 2002 г.

Лумно

Первым известным владельцем являлся Андрей Война (?–1630), дворянин королевский, крайчий ВКЛ, староста гродненский, подчаший, которому принадлежало Высокое. У Лукаша, сына Андрея, в 1647 г. Лумно вместе с другими владениями купил Павел Ян Сапега, воевода витебский, гетман ВКЛ, владелец Ружан [742]. От Сапег имение перешло Умещиновым. Затем его купил Петр Витановский. В 1774 г. Антон Витановский продал имение Яну Тальшевскому. В 1789 г. Лумно принадлежало роду Влодко, а в 1862 г. перешло по наследству от Каетана его сыну Винценту Высоцкому [775]. В 1876 г. Винцент продал имение Елизавете Карловне фон Вендланд. Ее владения в 1890 г. составляли 293 десятины [546]. В 1911 г. имение принадлежало Николаю Антоновичу фон Вендланду, коллежскому советнику, живущему в Санкт-Петербурге. В 1930 г. было распарцеллировано [3]. В 1890 г. имением в 293 десятины владела Елизавета фон Вендланд [546].

Усадьба занимает ровную приподнятую территорию, располагаясь среди поля, обособленно от деревни. В плане имеет форму прямоугольника (30х24 м). Судя по возрасту старых аллей, была заложена к концу XVIII в. и имела регулярную планировку. Со строительством нового усадебного дома в конце XIX в. была частично перепланирована и приобрела эклектические черты.

Центральной усадебной аллеей разделяется на две части. На этой главной оси расположен сравнительно небольшой (21х12 м) деревянный одноэтажный усадебный дом с



Лумно. Фрагмент древесной клумбы. Фото 2002 г.

крыльцом. Перед домом хорошо выражен большой круг (в диаметре 32 м), обсаженный по периметру ясенем и кленом, а со стороны дома, симметрично зданию, росло по шесть деревьев ели (сохранилось 7 экземпляров). Симметрично крыльцу дома, непосредственно вдоль парадного фасада, имелось еще по три ели с каждой стороны (сохранились два дерева). Внешнюю обсадку круга (второй ряд его оформления) составляют конские каштаны, клены, белая акация, высаженные разреженно, через 12 м, чем обеспечивалось хорошее освещение деревьев первого круга и беседки. Она оформлена в центре круга в виде клумбы (диаметром 6 м) из клена и ясеня (сохранилось девять деревьев).

За домом сохранились элементы старой планировки в виде трех аллей, которые в прошлом образовывали два больших боскета (140х50 м). Боковые липовые аллеи узкие (по 3 м шириной) и очень плотные (деревья посажены через 1 м). Аллеи сохранились частично, деревья старые, многие суховершинят. В одной из аллей рос величественный клен, диаметр его ствола у основания около двух метров. Центральная аллея в прошлом располагалась по оси старого здания. По отношению к ней новый усадебный дом несколько смещен. Аллея сложена ивой ломкой, она узкая и мало декоративная. Этот вид ивы в подобных парковых композициях практически не использовался. В конце парка аллеи выводят к периферийному каналу, дренирующему территорию усадьбы.

С южной стороны парковый боскет фланкируется небольшим разреженным древесным массивом и садом (теперь здесь размещена пасека). С противоположной стороны располагались сад и огород, окруженные по северной окраине усадьбы сплошной защитной полосой из сирени (насаждение хорошо выражено).

Лумно. Хозяйственная постройка. Фото 2002 г.

Центральную часть (вокруг партера) другой половины усадьбы занимал разреженный древостой на газоне. Здесь же располагался ледник. Южную угловую часть занимает сад, окруженный по внешней стороне однорядной, плавно закругленной посадкой ивы белой. Разросшиеся деревья образуют плотную защитную стену.

Усадьба имела разные хозяйственные и служебные здания. Отдельные стояли вдоль главной усадебной аллеи. Со стороны главного въезда (справа) прослеживаются следы фундамента большого гумна

(75x12 м). Около усадебного дома располагалась официна (сохранились сводчатые подвалы). Имелись здания и дальше вдоль главной оси. От них остались только руины фундаментов. Хорошо сохранилось одно хозяйственное здание (20x8 м), добротно сложенное из бута и колотого камня. Красным кирпичом выложены углы здания, фигурное обрамление окон и двери, расположенной на боковом фасаде. Большие коровники примыкали к усадьбе со стороны главного въезда. Частично сохранились стены одного здания (62x10 м), сложенные из колотого камня, а в верхней части из кирпича.

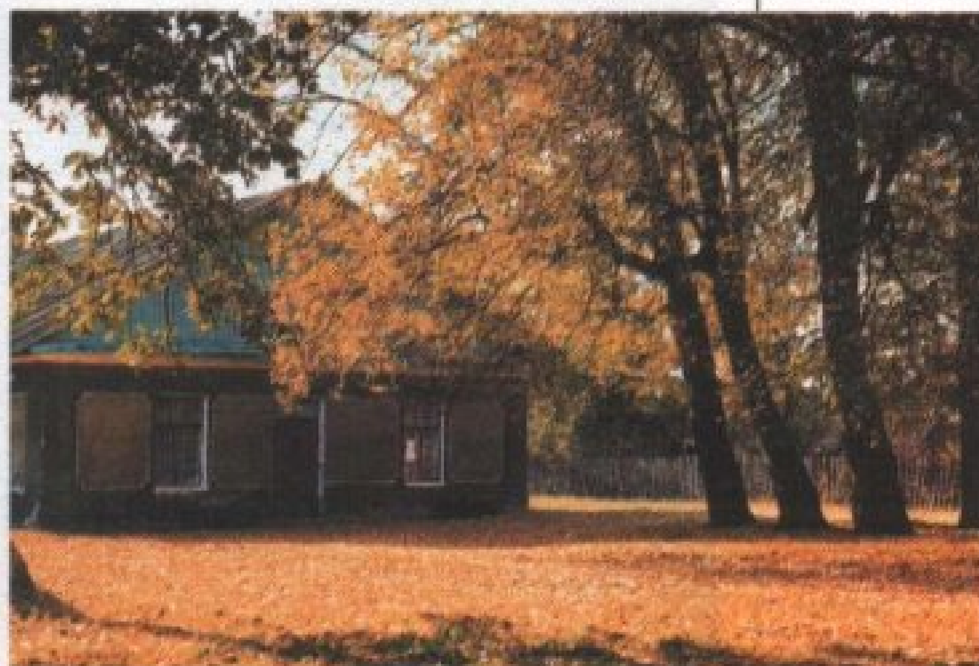
Усадьба сохранилась в прежних границах, но запущена. Выражены основные черты композиции, имеется качественный спелый древостой. Принадлежит частному сектору.

Теребунь

Теребунь. Памятные липы. Фото 2002 г.

Во времена Витовта принадлежала одному из виленских костелов. В 1430 г. стала собственностью Кучука, от которого перешла в состав королевских владений. В 1483 г. Казимир пожаловал Теребунь Солтану Александровичу до «осмотреньнья господарского» [433]. Вскоре владение вновь становится королевским [760]. В 1536 г. привилей на Теребунь получил Иван Губка (около 1515 – около 1560), женатый на Марине Боговитин, представитель княжеского рода Шуйских, идущего от князей Суздальских, ветви князей Московских [764]. В 1534 г. Иван Дмитриевич сбежал из Московии в ВКЛ и осел на землях Теребуни, которая стала родовым гнездом белорусской ветви Шуйских. Затем имением владели старший сын Ивана Мануил, с 1580 г.— его жена, а в 1609 г. – Ян Шуйский, подкоморий брестский [760].

Шуйские построили в Теребуни униатскую церковь, сводчатые подземелья которой стали родовой усыпальницей, и замок в месте впадения Лесной в реку Буг, ставший их резиденцией. Церковь и замок соединялись, по словам местных жителей, подземным полуторакилометровым переходом. В XVIII в. владельцами имения были князья Игнатий и его сын Адам [764]. От Шуйских имение перешло Грабовским. В 1862 г. граф Ксаверий Грабовской разобрал обветшавший замок и заложил новую усадьбу. При последних владельцах Урсын-Немцевичах Теребунь являлась фольварком. В 1890 г. принадлежала Ивану, владельцу имения в Скоках [546].



Теребунь. Усадебный дом. Фото 2002 г.

После войны усадьба оказалась в окружении сельской застройки, утратила сад и парк. Сравнительно большой усадебный дом (21x13 м) видоизменен, утрачен мезонин, теперь используется как сельский клуб. Видоизменен подъезд к зданию. Он проложен не к парадному, а к боковому фасаду. От парковых насаждений сохранилась группа белой акации около бывшей подъездной аллеи, ставшей теперь улицей деревни, и группа из семи лип. Деревья посажены графом в память о рождении семи дочерей.

Кряжистые толстоствольные липы (диаметр ствола отдельных до 86 см) образуют живописную группу около восточного фасада усадебного дома. Деревья имели свои имена и являются единственным такого рода символом в парках региона. Известно, что символами в парках являлись также цветы, кусты и даже населявшие сад птицы и домашние животные [436].

На левом берегу Лесной (д. Шумаки) в окружении старых лип и конских каштанов сохранилась Преображенская церковь фундации Яна Шуйского (1609), ценный памятник архитектуры, сочетающий элементы готики и ренессанса с резными царскими вратами в формах барокко.

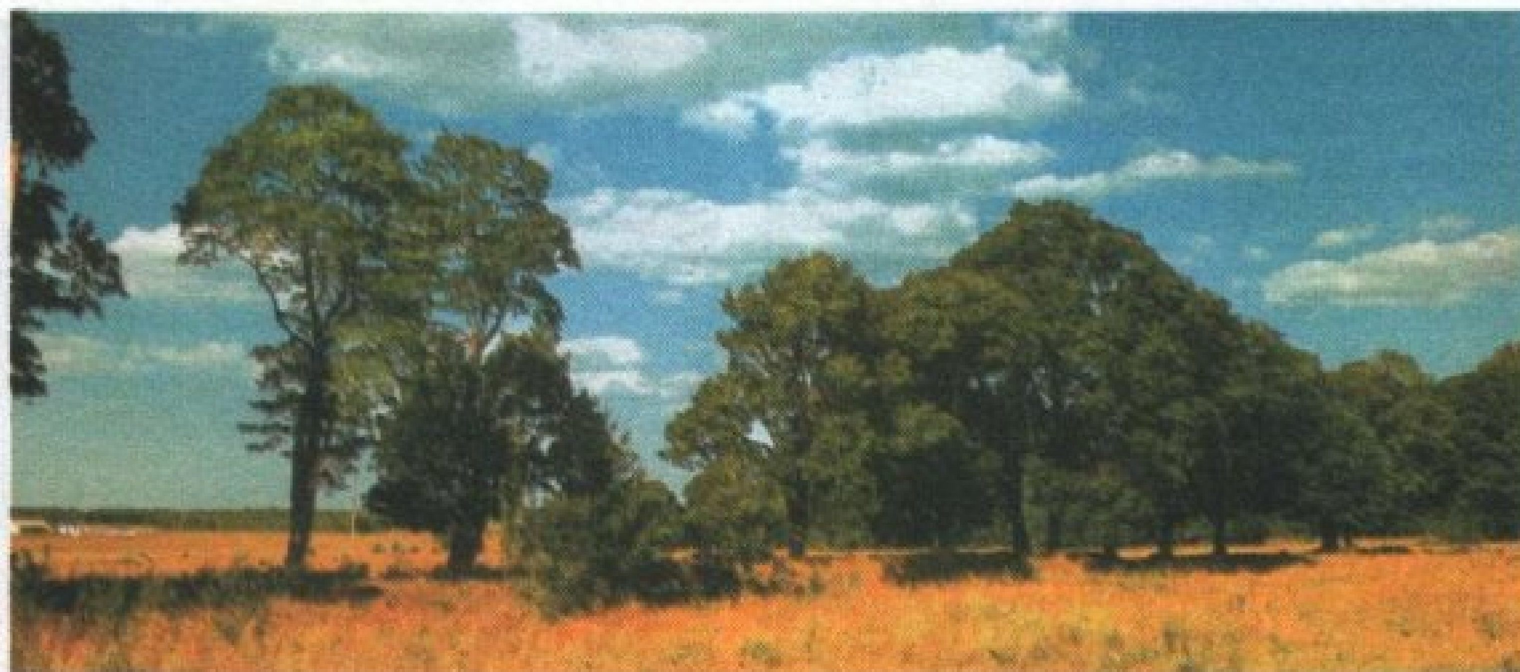
Теребунь. Преображенская церковь. Фото 2003 г.

Лежайка. Винокуренный завод. Фото 2000 г.

Зеновил
(Лежайка)

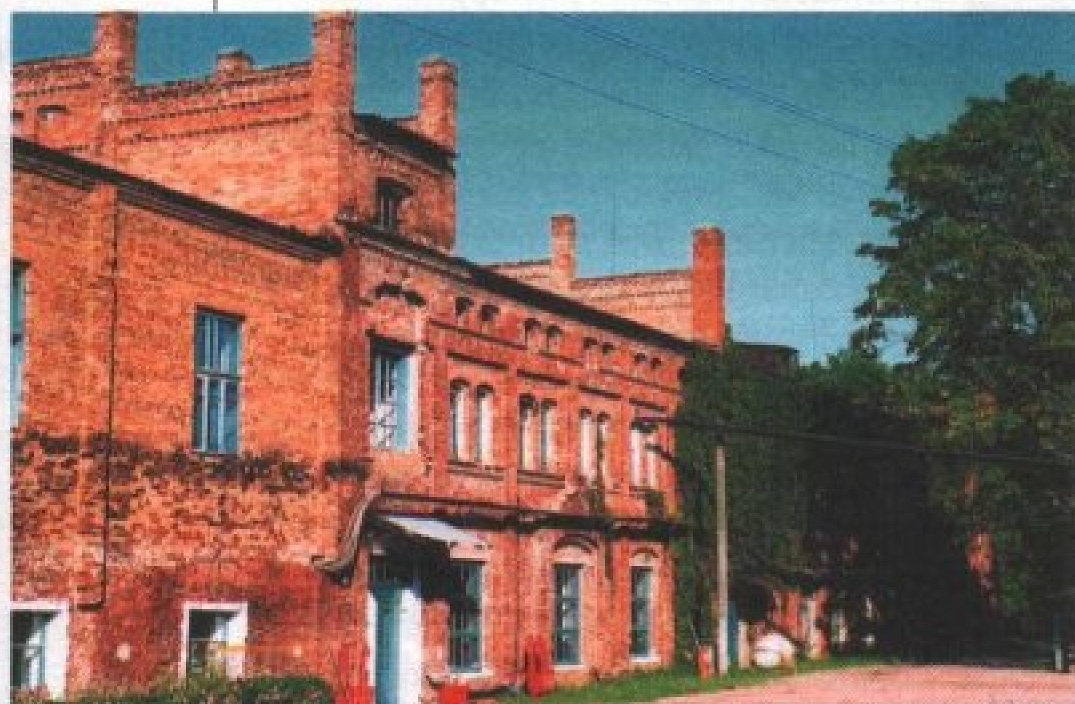
В 1528 г. Лежайка (Лежайско) принадлежала кобринским боярам Шумко и Яну Вислоухам [775]. Более четырех столетий имение являлось собственностью этого рода. На рубеже XVIII и XIX вв. владельцем был Зенон, подкоморий брестский, собственник Перковичей, и Лежайка стала именоваться его именем. В 1846 г. владельцами были Александр и Станислав, сыновья Казимира. В 1890 г. имение принадлежало Станиславу и Ивану [546]. Последним владельцем был также Зенон, сын Станислава из Перковичей. Погиб в лагере Gross-Rosen в 1945 г. [649].

Усадьба была заложена во второй половине XIX в. Виктором Вислоухом. Хорошо выделяется среди поля по длинной въездной аллее из клена. Ось замыкалась уса-



Лежайка. Фрагмент въездной аллеи. Фото 2002г.

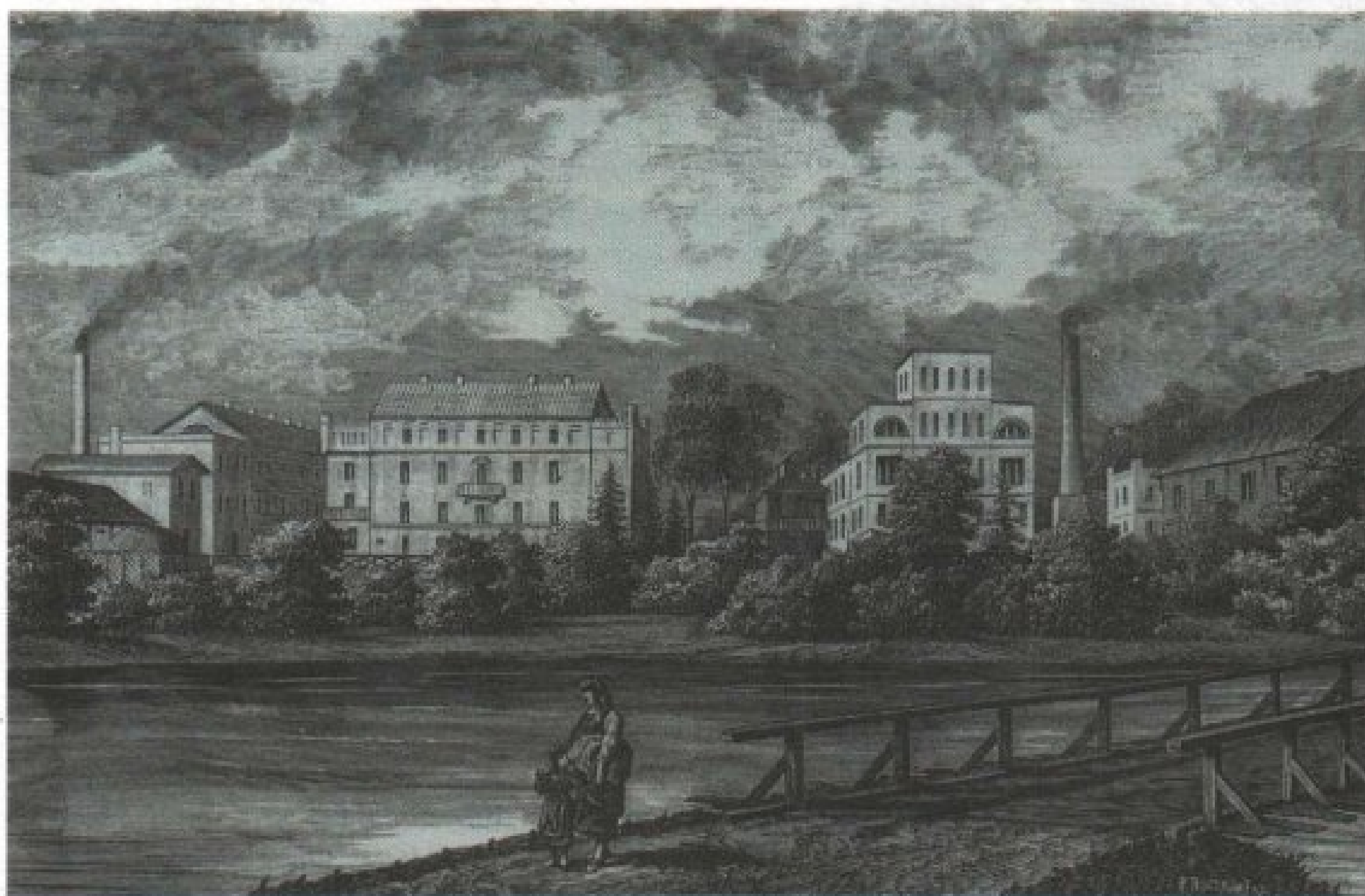
дебным домом в окружении небольшого парка, от которого остался одичавший древостой. К нему примыкали небольшие хозяйственные постройки. Сохранилось компактное здание винокурни в виде двух объемов разной высоты, построенных из красного кирпича на высоком цоколе, и амбар. Приспособлены под жилье. На месте хозяйственного двора расположена животноводческая ферма.



Поречье. Винокуренный завод. Главный фасад. Фото 1999 г.

Поречье

Первое упоминание относится к 1495 г., когда пинская княгиня Марья Семенова передала два дворища Матвею Гричину [637]. Два других дворища в 1499 г., согласно «вы-року» (судебному приговору), стали собственностью Корнилы и Ивашко Андреевичей [409]. После смерти Матвея вдова Марина записала сыну Войне Матвеевичу его долю [325]. Гричины продолжали владеть имением в XVI в. Пинский и кобринский староста Лаврин Война в 1561—1566 гг. отмечал «Порьцкий» двор Войны Гричина [507]. В 1567 г. пан Война Гричина из имений Поречье, Молодово, Любель «ставил 8 коней збройно» [432]. С 1692 г. стало собственностью Огинских. Князь Михаил Казимир Огинский (1730—1800), обремененный долгами, 12 декабря 1791 г. передал право владения Михаилу Клеофасу Огинскому (1755—1833), который в следующем году Поречье вместе с имением Молодово продал за 468 тысяч злотых Шимону Скирмунту, мостовничему пинскому, маршалку берестейскому, послу на сейм 1792 г. В 1870 г. его сын Александр Скирмунт (1798—1870), пинский предводитель дворянства, женатый на Констанции Сулистровской, разделил свои владения между шестью сыновья-



Поречье. С акварели Наполеона Орды. 1864 г.

Поречье. Усадебный дом. Фото 1927г.

ми. По раздельному акту от 7 декабря 1873 г., исполненному в Виленской соединенной палате Уголовного и гражданского суда, Поречье с хуторами Дуброво и Щининовка отошло Александру. Владения составляли 5169 десятин. Для уравновешивания ценностей, доставшихся каждому из наследников, пореченские сахарный завод, суконная фабрика с пляцем в 22 десятины поступили в общее пользование трех сыновей: Семену — 2/8, Константину и Александру — по 3/8 части [25].

Александр Александрович (1830—1909) был женат на Теофилии Любанской (1836—1928), подруге Элизы Ожешко, владевшей имением Теклинополь на Вилейщине. Он, как и отец, активно занимался хозяйственной и общественной деятельностью. Затем Поречье унаследовал сын Роман (1868—1939), известный политический, общественный и хозяйственный деятель. Его формулярный список о службе весьма скромный: «окончил курс наук в Рижской классической гимназии; на службу вступил в 1905 г. депутатом дворянства Пинского уезда; знаков отличия не имеет» [194]. Совладельцем имения был старший брат Романа Александр (1858—1940), владевший имением Коженево на Пинщине. В последние годы жил с Романом в Поречье. В 1911 г. земельные угодья поречского имения составляли 6030 десятин [549]. В 1927 г. часть земли Роман продал [13].

В первой половине XIX в. Полесье продолжало оставаться регионом, не имеющим заметных промышленных предприятий. На фабриках Минской губернии работало примерно 800 человек при численности ее населения в 1 миллион 65 тысяч человек, о чем в 1871 г. писал Наполеон Орда [714]. Благодаря энергичной деятельности Скирмунтов, развитие Пореченского имения пошло по новому промышленному пути. Первый завод по переработке сахарной свеклы на сахар-рафинад, построенный в Молодове в 1830 г., не принес положительных результатов. К его работе, как особому новшеству на Полесье, общественность относилась с недоверием и настороженностью. В 1835 г. завод сгорел. Неудачи с первым предприятием не остановили Александра, который получил профессиональную подготовку на предприятиях Германии, Франции, Бельгии. Больше всего он предпочитал химию, научные основы которой определяли промышленные технологии. Уже в 1835 г. имел патент на изобретенный аппарат для ускоренного испарения воды из сахарного сиропа с использованием пара [377]. В 1836 г. в Поречье заработала большая суконная фабрика. Он самостоятельно усовершенствовал известную технологию, закупил заграничное оборудование, пригласил из Германии пять опытных мастеров. На фабрике изготовлялись сукна тонкие и черные 7 сортов (сорта

обозначались заглавными буквами G, F, E, D, C, B, A) стоимостью в 2—4 руб. 50 коп., а также разного рода трико, сатин. На их производство закупалась мытая и перегонная шерсть в губерниях Беларуси, в Подольской, Киевской и Волынской губерниях, а также на ярмарках в Варшаве, Харькове и Полтаве. По ассортименту продукции, его качеству и техническому оборудованию фабрика считалась одной из лучших в России. Она включала 4 машины для очищения шерсти, 30 — для приготовления шерсти к прядению, 10 — для ее прядения, 60 механических станков для ткачества, приобретенных в Саксонии, 4 цилиндрические машины для валяния сукна, паровые снаряды для его декатировки, 13 машин для стрижки сукна и 10 машин ворсовальных. Были заложены специальные плантации по выращиванию ворсянки, шишки которой использовались в производстве сукна.

На фабрике ежегодно выделывалось от 60 до 90 тысяч аршин тканей на сумму 205—300 тысяч руб. Продукция реализовывалась на месте и экспортировалась в Вильно, Киев, Одессу, Варшаву, Москву и другие города. Ткани пользовались спросом, об их качестве свидетельствуют многочисленные награды на выставках: 1865 г., Москва, Мануфактурная выставка — большая серебряная медаль, где директор фабрики Александр Скупевский был удостоен похвального листа; 1867 г., Париж, Всемирная выставка — почетный отзыв; 1873 г., Вена, Всемирная выставка — «Медаль заслуги»; 1878 г., Париж, Всемирная выставка — большая серебряная медаль; 1882 г., Москва, Всероссийская художественно-промышленная выставка — золотая медаль; 1896 г., Нижний Новгород, Всероссийская промышленная и художественная выставка — серебряная медаль; 1901 г., Минск, Юбилейная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка — золотая медаль [377].

Фабричным трудом было занято от 200 до 444 человек (бывшие крепостные, казенные крестьяне, отставные солдаты, евреи). Семейные рабочие жили в четырех специально построенных домах. Имелись также четыре общежития для молодых рабочих (теперь на этом месте частная застройка). Рабочие были обеспечены бесплатным продовольствием и получали в год от 15 до 40 руб. Подмастерья зарабатывали от 100 до 200, мастера от 500 до 1000 руб. При фабрике имелась больница, действовало училище, где дети бесплатно учились грамоте и ткацкому ремеслу [377, 460].

Поречье. Аллея парка. Фото 2001г.

В 1860 г. в Поречье заработал сахарный завод. Он считался лучшим среди свеклосахарных заводов Минской губернии. Являлся паровым и был оборудован наиболее совершенным оборудованием того времени. Занимал кирпичное четырехэтажное здание, строительство которого обошлось до 30 тысяч серебром. Два локомобиля в 40 лошадиных сил, четыре паровых котла и машины стоили около 70 тысяч серебром. Свекловичный сок получали методом холодной выжимки на восьми центробежных машинах, барабаны которых вращались со скоростью 1000 оборотов в минуту. Использование центрифуг в отличие от обычного прессового метода заметно повышало выход сахарного песка — до 4,2—5,6 % (при прессовом методе выход составлял около 3 %). Суточная переработка составляла 1000 ц свеклы, суточный выход сахара — 66—68 пудов. На заводе вырабатывалось сахара в четыре раза больше, чем на пяти заводах губернии. В 1861 г. продукция завода составила 9 тысяч пудов [460].

Свеклу успешно выращивали живущие ближе к заводу крестьяне, доходами от которой заметно улучшали свое экономическое положение. В 1879 г. завод сгорел и больше не возобновлял своей деятельности. В 1889 г. здание было приспособлено под винокуренный завод с паровым двигателем и десятью рабочими. Завод являлся единственным в Минской губернии по производству очищенного спирта. Его большое трехэтажное здание дошло до наших дней. Оно кирпичное, глухие плоскости поперечных стен увенчаны аттиками с башенками, украшены регулярными группами декоративных элементов: горизонтальными и вертикальными поясами, рядами глухих ниш, полосами руста, прямоугольными окнами. Продольные стены расчленены многослойными лопатками, поясами поребрика и карнизами.

Долгое время в Поречье не было усадебного дома. Резиденцией Скирмунтов продолжало оставаться Молодово. Во второй половине XIX в. усадебным домом стало одно из бывших фабричных зданий, расположенное на окраине усадьбы, недалеко от Ясельды, на берегу ее старого русла Ясень. Каменное трехэтажное прямоугольное в плане здание с двухскатной крышей. Суровый вид дома несколько смягчался пристроенными более низкими боковыми крыльями с зубчатым завершением. Парадный фасад украшало крыльцо с лепным декором, изображающим гербовый щит и венок из колосьев, перевязанный лентой. На крыше были установлены вазы из песчаника. Фасад со стороны Ясельды имел балкон, обрамленный чугунной балюстрадой. Веранду с крышей, опирающуюся на изящные колонны, имело одно из крыльев. В отличие от дворца в Молодове, интерьеры дома выглядели более скромно. Паркетные полы имелись только в наиболее репрезентативных помещениях. Богатая библиотека была укомплектована книгами в основном исторического и политического содержания. Имелся архив. Коллекция икон включала очень старую икону Божьей Матери с младенцем в серебряном одеянии и в короне из костела в Любешове [618]. Имелись художественные картины, семейные портреты, фарфор из известных европейских мануфактур, миниатюры, медали, которыми награждалась продукция пореченских предприятий, и другие ценности.

От дома на пойму открывалась живописная перспектива, передний план ее составлял остров с садом. Пространство между домом и островом занимал партер с цветниками. Особой красотой наделялись виды весной, когда река разливалась до самого горизонта, а остров с цветущим садом становился ярким белым массивом. Рукав обмелел и зарастает, на месте дома, сгоревшего в 1943 г., — частная застройка, на острове — выгон.

Поречье. Опушка парка. Место погребения Романа и Болеслава Скирмунтов Фото 2001г.

К дому подходили широкие аллеи. Липовая аллея вела с севера. Вдоль нее стояли каменные здания, в которых жили рабочие. С противоположной стороны за аллеей располагался плодовый сад (сейчас территория застроена). Вторая аллея из конского каштана от усадебного дома шла в восточном направлении, перпендикулярно липовой, мимо суконной фабрики и выводила на дорогу в Молодово, к главной резиденции Скирмунтов (одиночные конские каштаны сохранились). Параллельно ей ближе к реке проходила третья (ясеневая) аллея, ведущая к дороге на завод. В усадьбе имелись также паровая мельница и сы-

роваренный завод. Поречье являлось весьма редким примером успешного развития промышленности на селе, довольно удаленном от города, чем и определялось планировочное своеобразие усадьбы.

Формирование пейзажной части парка начал в начале XX в. Роман Скирмунт за пределами производственно-хозяйственного комплекса, на месте естественного лесного массива «Корчей» и в пойме Ясельды (схема). Садовником работал Григорий Климович, окончивший сельскохозяйственную школу в Познани; его помощником был Федор Лукашик. Композиционным центром парка явилась небольшая поляна (диаметр около 15 м) с двумя валунами в окружении дубов (сохранилась часть деревьев). От поляны в разные стороны среди древесного массива расходилось пять приподнятых узких дорожек, посыпанных речным песком и фиксированных углублениями для стока воды. Местом уединения и видовой площадкой служила трехъярусная беседка с винтовой лестницей, расположенная в глубине паркового массива. К ней вела узкая тропинка, обсаженная нарциссами. По прогулочному маршруту и в разных местах парка стояли мраморные скамьи. Три дорожки выходили на окраину лесного массива, за которым неожиданно открывалась живописная пойма. Ось перспективы подчеркивалась дубами на опушке. Важное декоративное значение в пойме имели экзоты в виде одиночных деревьев и в составе больших групп (дуб болотный, дуб красный, ель обыкновенная 'Aurea', редчайшая садовая форма с желто-зеленой хвоей). Дорожки выходили к реке. В связи с возможным затоплением весной они до полуметра были приподняты над поверхностью пойменного луга. Центром композиции этой части парка являлся водоем с большим и маленьким островами, канал с двумя рукавами, водный режим которых обеспечивался особой системой регулирования [337]. В целом прежняя композиция, сочетающая черты пейзажной и регулярной планировки, хорошо прослеживается, хотя разросшиеся деревья закрыли перспективы, каналы заросли, дорожки сгладились. До 1979 г. на канале еще жила колония бобров.

Роман Скирмунт

Сейчас основу паркового древостоя составляет дуб в возрасте 100—160 лет. Высота отдельных экземпляров со стволами диаметром 60—120 см доходит до 25—32 м. Под их пологом выражен ярус граба разного возраста и обильно развивается дубравное разнотравье. На пониженных участках дубрава грабово-снытьевая сменяется ольсами ясеневыми в возрасте 60—80 лет высотой 30—32 м. Наиболее повышенная восточная часть занята сосново-лиственными насаждениями. В парк Роман Скирмунт привлек много экзотов, редких уникальных видов. Они высаживались по всей его территории в разных объемах и сочетаниях. Некоторые (лиственница европейская, дуб красный, лжетсуга) испытывались в виде лесокультур, другие имели декоративное назначение (аллеи, группы, солитеры, оформление опушек). Возле деревьев имелись таблички с ботаническими названиями. Вдоль дороги, ведущей к винокуренному заводу, посажено шесть тюльпанных деревьев, представителей реликтовой флоры доледникового периода из семейства магнолиевых. Вокруг поляны перед заводом растут орех серый и айлантолистный. Западную опушку занимает группа лапины ясенелистной, реликта тургайской флоры, естественно сохранившегося в лесах субтропического типа в Закавказье, Восточной Турции и Иране. Уникален экземпляр болотного кипариса двухрядного из семейства таксодиевых, которые считаются «живыми ископаемыми» Земли, достигающий высоты 10 м. Естественно вид растет в Америке на субтропических болотах Флориды. В разных местах парка высаживались пихта бальзамическая, белая, сибирская, сосна кедровая европейская и сибирская, ель колючая,

канадская, Энгельмана, сосна Банкса, жесткая, веймутова, дуб бархатистый, лиственница европейская. Одну из аллей образует лиственница Кемпфера. В качестве акцентирующих растений использованы клен остролистный 'Sehwedleri', бук лесной 'Atropunicea'. Р. Афтанази [596] указывает на аллею из кипарисов, за которые, скорее всего, могли быть ошибочно приняты кипарисовики или узкопирамидальные туи, хотя и их следов не отмечалось. Сейчас в парке около 30 наименований интродуцентов.

Усадьба сильно пострадала в годы первой мировой войны. Во время продолжительных боев были разрушены и разграблены все производственные здания. Оборудование суконной фабрики вывезено в Германию. Уцелевший усадебный дом разрушен в годы последней войны. Парк площадью около 60 га сохранился в прежних границах. Имеет природоохранное значение. Здесь много птиц, в насаждении лиственницы живут цапли. Постепенно парк принимает вид лесного массива. Из состава насаждений выпало большинство редких видов, садовых форм. В последние годы не стало пяти экземпляров тюльпанного дерева. Особенно изменился пойменный ландшафт. Парк испытывает потребность в квалифицированных рубках ухода, осветлении редких видов, в формировании подроста. Частично эти работы выполнены в 1996—1998 гг. при его реконструкции. На опушке парка благоустроено место захоронения Романа Скирмунта. Здесь покоится Болеслав Скирмунт из Велятичей, убитый вместе с Романом местными жителями в 1939 г. Усилиями Вячеслава Ильенкова из Пинска и Терезы Скирмунт из Варшавы в 1992 г. установлен памятный крест от польских друзей с надписью: «На вершинах мысли и чувств был их дом. Скирмунтам вечный покой дай, Боже. Убийцам окажи милосердие». Рядом на опушке парка расположен большой обработанный валун, установленный Романом в память о погибших в 1919 г. восьми польских солдатах.

Жизнь Романа становится легендой. Добрая память о нем передается из поколения в поколение. Его жизнь неразрывно была связана с Поречьем, всем Полесьем. Он понимал каждого. К нему обращались за помощью, зная его отзывчивость и безотказность. Даже в случае пожара, вспоминают старожилы, посылали за Скирмунтом, веря, что он сможет остановить огонь. О себе Роман писал: «Я сам с Полесья, потомок литовской семьи с наидревнейших времен, которая навеки осела на этой земле, и мои предки до XVII в. пользовались белорусским языком. Я всегда был и буду горячо предан своему народу — его местонахождению не за Неманом и Бугом и не на Волге, а здесь, в Беларуси».

Полятичи

В начале XVI в. принадлежали Василию Тимофеевичу Ворошило, владевшему имением без привилея [520]. После него владельцами были Авдотья Фурсовна Резанова, ее муж Константин Мизгир, продавший в 1580 г. имение Стефану Резану [500]. Затем вместе с Литвинками и другими соседними имениями входили в состав Кобринской экономии. Согласно Ревизии Кобринской экономии 1563 г., двор имел 17 волок земли [529]. С 1757 г. находились в составе Кобринского ключа Кобринской губернии [359]. В 1845 г. владельцем был Яцко Рынкевич. В 1890 г. имением, угодья которого составляли 542 десятины, владел Иосиф Рынкевич [546]; в 1934 г.—Иван Аполлинарий Рынкевич.

Усадьба заложена Рынкевичами в 1881—1889 гг. Эта дата была отмечена на памятном камне. Включала одноэтажный каменный дом, парк с небольшим водоемом, большой хозяйственный двор и сад. Усадьба пересекалась кленовой и дубовыми аллеями. Парк был пейзажным натуралистическим. В насаждениях имелось много иноземных видов. Даже въездная аллея была сформирована из редкого теплолюбивого

вида — шелковицы белой. В 1970 г. в парке отмечались липа каролинская (два порослевых куста), клен остролистный 'Schwedleri', ясень обыкновенный 'Pendula', ива белая 'Vitellina', сосна веймутова и др. Главным деревом парка являлся дуб черешчатый, старейшее дерево вида в Беларуси. В его раскидистой кроне диаметром до 30 м была сооружена беседка, куда поднимались по приставной лестнице. Высота дуба 20 м, диаметр ствола 190 см. Можно предполагать, что это дерево времен двора XVI в.

Усадьба в катастрофическом состоянии в связи с застройкой и расположением животноводческой фермы. Древостой парка одичал. Хозяйственные здания приспособлены для целей фермы.

Туличи

Входили в состав Кобринской экономии. По Акту королевской Ревизии экономии за 1563 г. имение имело 20 волок пашни и 18 леса [529]. В 1845 г. принадлежало Пусловским. Затем владели Дзеконские. Некоторые из них покоятся на кладбище в Кобрине. В 1890 г. владение Северина Дзеконского составляло 468 десятин [546]. После первой мировой войны имение «по кудели» перешло роду Черны. Последними совладельцами имений Туличи и Тевли были Мечислав, сын Николая и Сабины из Блажевичей, и Ядвига из Дзеконских, состоящая в браке с Вацлавом, братом Мечислава, художником (1879–1944)[649].

Довольно большая усадьба привольно размещалась среди поля, в отдалении от населенных пунктов, занимая приподнятую живописную территорию. Центром композиции являлся простой одноэтажный дом с мансардой и крыльцом на парадном фасаде. Перед ним имелся газон с традиционным подъездным кругом, декорированным сиренью. Здание сгорело в последнюю войну. Сирень разрослась, образуя густые заросли. В виде куртины на бывшем партере растет миндаль низкий, единственное местонахождение вида в парках Беларуси.

Дом окружал парк, спланированный по типу экономического сада. Он представлял собой сетку прямоугольников, образуемых аллеями и однорядными линейными насаждениями. Частично прослеживаются боскеты с защитными рядами деревьев по периметру и фрагменты аллей.

После войны постепенно исчезли строения хозяйственного двора. Был разобран на кирпич бровар. Усадьба оказалась утраченной, но место с остатками садов и насаждений продолжает привлекать живописностью круговых перспектив.

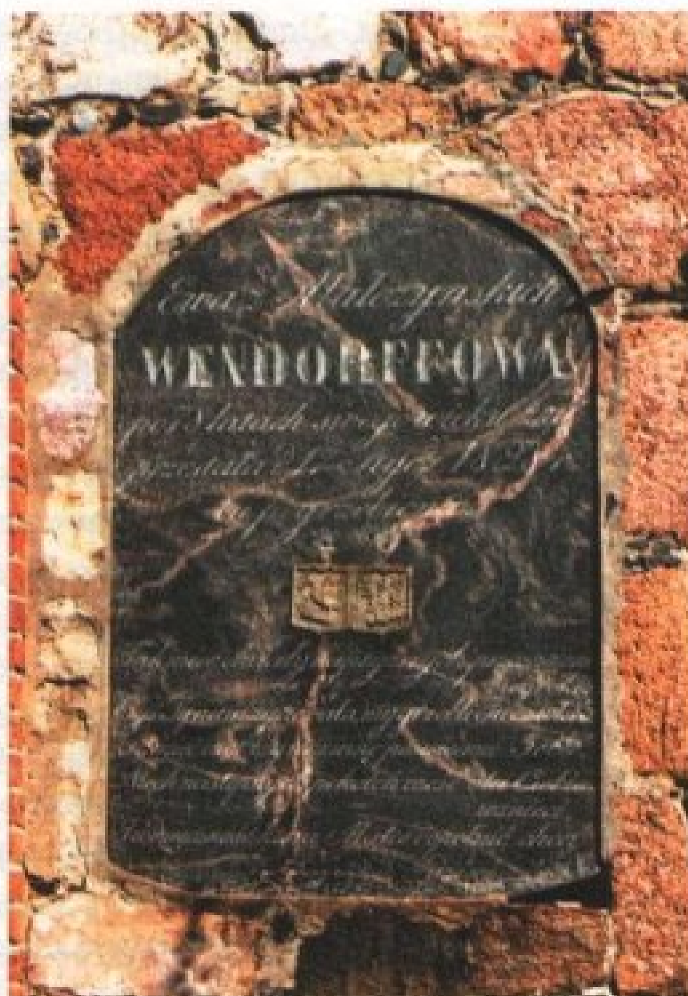
Ясенец

Малоизвестная усадьба Обуховичей, которым принадлежали соседние Большие Круговичи, заложена к концу XIX в. Сравнительно небольшая усадьба с одноэтажным деревянным домом имела широкую (до 12 м) трехрядную въездную аллею, от которой сохранились единичные липы. К дому примыкал пейзажный натуралистический парк. Выражен небольшой его фрагмент, сложенный местными видами, в котором растут одиночные лиственницы, конские каштаны, белые акации, клены ясенелистные. Образует заросли рябинник, растут сирень, барбарис, жимолость татарская, спиреи.

Усадебный дом разобран и перевезен после войны в д. Гута. Часть усадьбы застроена. Фрагмент насаждений парка одичал. При уходе может иметь рекреационное значение для деревни.

Ясенец. Каплица. Фото 2002 г.

В прошлом Ясенец, небольшое поселение, отрезанное от больших дорог, было известно по ясенецкому курганному могильнику — многочисленным захоронениям XI—XIII вв., которые тянутся вдоль дороги на протяжении 1,5—2,0 км. Песчаное возвышение, видимо, в XVIII в. стало местом захоронения шляхты из соседних имений. Сохранились отдельные родовые каплицы, надгробные плиты, памятники, имеющие архитектурно-художественную ценность. Здесь покоятся Обуховичи из Ясенца, Вендорффы из Голынки, Еленские и др. Скорбь о безвременной кончине двадцатилетнего Александра из ясенецкого двора выражена просто: «Полюбилась Богу душа его...».



Ясенец. Каплица Вендорффов. Фрагмент. Фото 1999 г.

Каплица Вендорффов — небольшое, в плане прямоугольное сооружение (6×4 м) с полуциркульной апсидой. Стены толщиной 0,7—0,8 м сложены из природных и колотых камней, образуя приятные цветовые сочетания. На фасаде с массивным полуциркульным фронтоном симметрично арочному дверному проему вмонтированы памятные гранитные таблицы. Двенадцать таблиц располагалось на боковых стенах. Перекрытие каплицы полуциркульное, в алтарной стене имеется ниша. Ниши глубокой крипты в последние годы оказались разбитыми.

Усадьба в Больших Круговичах, известных в XV в. как владение Пищина, которому великий князь Казимир дал девять человек, а затем собственность Кавечинских, Песецких, также разрушается от частной застройки. Сохранились три водоема вдоль въездной тополиной аллеи, фрагменты древостоя парка со старыми дубами и оскверненная каплица.

Именин

В начале XVI в. являлся собственностью Некраша Семеновича Кочановского, боярина кобринского, который «... выслужил у небожчика князя Ивана Семеновича Кобринского дво́рец в Кобринском повете, к тому же князь Иван дал ему две части села Байковичь и дво́рец Именин». Владения закрепляются жалованной грамотой короля Сигизмунда I от 10 февраля 1519 г. В 1563 г. — это владение Льва Некрашевича по привилею «славное памети его милости господаря короля и великого князя Жигимонта на имънье Байковичи а на двурец Именинъ» [520]. Владение продолжало развиваться и вскоре стало имением Ждановичей. Они «Пан Якуб, Войтех, Ярош, Матий Миколаевичи Ждановичи не покладали передо мною привилья на имение свое Именины и Байковичи, только оповедали давность держания». Учитывая давность владения, король Сигизмунд II подтвердил их право на владение [520]. В 1589 г. имение было собственностью Т.Л.Заранка [239]. В следующем году, согласно записи в акто-

Именин. Фрагмент усадьбы. Фото 1999 г.

вой книге за 1584—1595 гг., Именин принадлежал Кобринскому монастырю [236].

Видимо, в 1877 г. имение стало собственностью Северина Новомейского. Владение составляло 951 десятину [546]. После его смерти в 1908 г. было поделено между женой Марией (12/28 части), сыном Феликсом и дочерью Евой [30]. Последними владельцами являлись Пузыны, а затем по непонятным обстоятельствам в усадьбе расположилась военная часть. Военной части принадлежало до последнего времени.

Усадьба включает две конюшни, соединенные поперечным объемом (построены в 1914), три казармы, большие двухэтажные здания из красного кирпича (построены в 1901), водоем и небольшие фрагменты насаждений. Благоустроена и используется под детский оздоровительный центр. Является образцом возможного нового функционального использования и приспособления старинных усадеб.

Стригово

Известно по материалам королевской Ревизии Кобринской экономии за 1563 г. [775]. Видимо, с первой половины XIX в. принадлежало Пузынам. В 1890 г. владения имения составляли 841 десятину [546]. Усадьба располагалась обособленно от деревни, включала каменный дом, парк, водоем, хозяйственный двор. Имение выделялось высоким уровнем земледелия. Во время владения Иоанны Ивановны Пузыны оно было включено вместе с имениями Высокое, Белогурна и Молодово в число лучших российских имений за 1897 год. На землях имения практиковалось три севооборота, отличающихся по составу от других имений. Севооборот состоял из 7 полей: пар, удобренный навозом, частично занятый горчицею на зеленый корм; рожь, картофель и морковь, овес по навозу, клевер, клевер, озимая пшеница. На землях, на которые не вносилась органика, а применялись удобрения, использовался севооборот трехпольный (люпин на удобрение, пшеница, овес) и четырехпольный (люпин на семена, пар с люпином на зеленое удобрение, озимые и овес). В имении имелся питомник плодовых деревьев. Скот выращивался в основном породистый: коровы голландки,

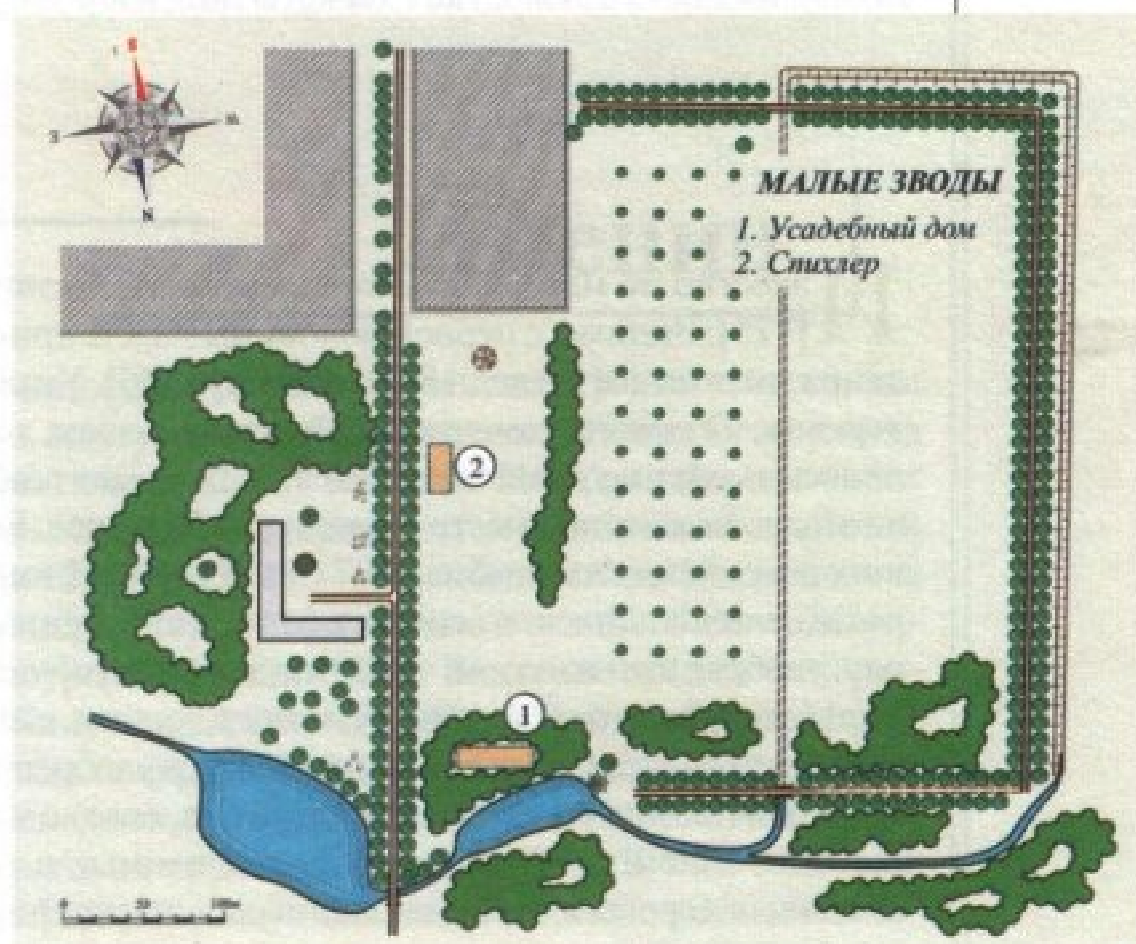
свиньи чистокровные йоркширы, овцы соусдоуны. Средний удой в год составлял 200—240 ведер молока от одной коровы. На местном заводе производился швейцарский сыр [389]. Усадьба утрачена. Сохранились единичные деревья и зарастающий водоем с островом.

Малые Зводы. Усадебный дом. Фото 1875 г.

Малые Зводы

В 1631 г. владение Теодора Букрябы, подсудка. Затем являлись одним из фольварков Госевских, владельцев Волчина, который именовался Люта. По тестаменту Терезы Госевской в 1708 г. становится собственностью ее мужа Казимира Сапеги [742]. Около 1740 г. принадлежал Сосновским. В 1862 г. перешел Брониславу Гутовскому [775]. Земельные владения имения (Большие и Малые Зводы) в 1890 г. составляли 709 десятин [546]. Гутовские владели имением до 1939 г. Последним владельцем был Владислав [19].

Усадьба площадью 7 га заложена в 1875 г. на ровной плоской местности. В 1890 г. парк был перепланирован по проекту известного архитектора Валериана Кроненберга [694]. Ее построение, подобно некоторым другим эклектическим усадьбам, своеобразно (схема). Усадьба пересекается аллеей. Вдоль нее с двух сторон располагается небольшой пейзажный парк. С восточной стороны к парку примыкает сад, окруженный прогулочным маршрутом. Усадебный дом не являлся центром композиции. Здание было смещено с главной оси и располагалось с восточной стороны аллеи, перед водоемом. Здание двухэтажное каменное, Т-образное в плане, имело асимметричную объемно-пространственную композицию [400]. Руины здания (стены) разобраны в 1995 г. Не сохранился также спихлер, еще недавно крепкое здание оригинальной конструкции: прямоугольное в плане, двухэтажное, массивное, с узкими арочными оконными проемами и фасадами, укрепленными угловыми контрфорсами. Из зданий осталась каретная. Кирпичное сооружение (24×12 м) с ритмичным рядом оконных проемов с дуговыми наличниками.



Парк заметно видоизменен. На партере перед бывшим домом сохранился круг (в диаметре 50 м) в виде клумбы, обсаженный липами. Внутри он оформлялся цветочными растениями. Небольшие парковые фрагменты вокруг нового школьного здания сложены в основном липой. В парке имелось много иноземных деревьев.

Одиночными особями представлены лиственницы, сосна черная, липа крымская, тополь канадский 'Serotina'. Разрослись рябинник, спирея Бияра, чубушник венечный. Особо ценным растением парка является бук лесной 'Atropunicea' (два дерева). Деревья выделяются хорошими таксационными показателями (высота 19—22 м, диаметр ствола 85—102 см) и высокой декоративностью — в весенне-летний период листва имеет темно-пурпурно-красную окраску.

Малые Зводы. Спихлер. Фото 1987 г.

По-своему уникален прогулочный маршрут парка, который начинается от партера в виде аллеи конского каштана шириной 4 м. Его протяженность более 600 м. Аллея окружает сад с трех сторон. Вдоль аллеи тянется вал, а за ним ров. По валу идет защитный ряд деревьев. Подобный прием отмечался в небольших регулярных парках в Литвинках, Серковщине и др.

По краю парка со стороны въезда спланирована небольшая водная система. Два живописных водоема разной формы и величины расположены с двух сторон аллеи, фиксируя въезд. Вода в них поступала с усадьбы по неглубоким дренирующим каналам. Система расстроена, древесный массив, по которому она проходит, одичал. В прошлом его украшали иноземные виды растений. Одиночно растут сосна веймутова, бук, чубушник, снежноягодник, ясень с причудливым ветвлением ствола в виде сиденья, старые однометровые в диаметре ивы ломкие.

Парк с качественным древостоем, набором редких иноземных видов является усадьбой школы-интерната.

Новосады. Место расположения каплицы. Фото 1999 г.

Новосады

Во второй половине XIX в. владение Глиндичей [547]. Затем перешло Бигнерам. В 1911 г. принадлежало Клементине Бигнер [549]. Последним владельцем был Глиндич, по воспоминаниям местных жителей, хороший врач. Земельные угодья имения составляли 109 десятин [546].

Усадьба заложена, видимо, в последней четверти XIX в. Бигнерами на ровной, слегка приподнятой территории в выраженных эклектических формах. Включала одноэтажный деревянный дом, конюшню, винокурню, хозяйственные и служебные постройки, каплицу-усыпальницу, костел, парк с водоемами, большой сад.

Основу композиции составляют две аллеи, пересекающиеся в центре усадьбы. Одна из них — ясенево-кленовая, расположена вдоль оси; замыкалась усадебным домом, от которого сохранились руины фундамента, поросшие березами и ивами. Слева стояло здание конюшни из красного кирпича. После войны использовалось под школу. Аллея прямолинейная, редкостойная, пересекала сад и выводила к парадному партеру, от которого остались клены с живописными кронами и разросшиеся кусты сирени.

Новосады. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

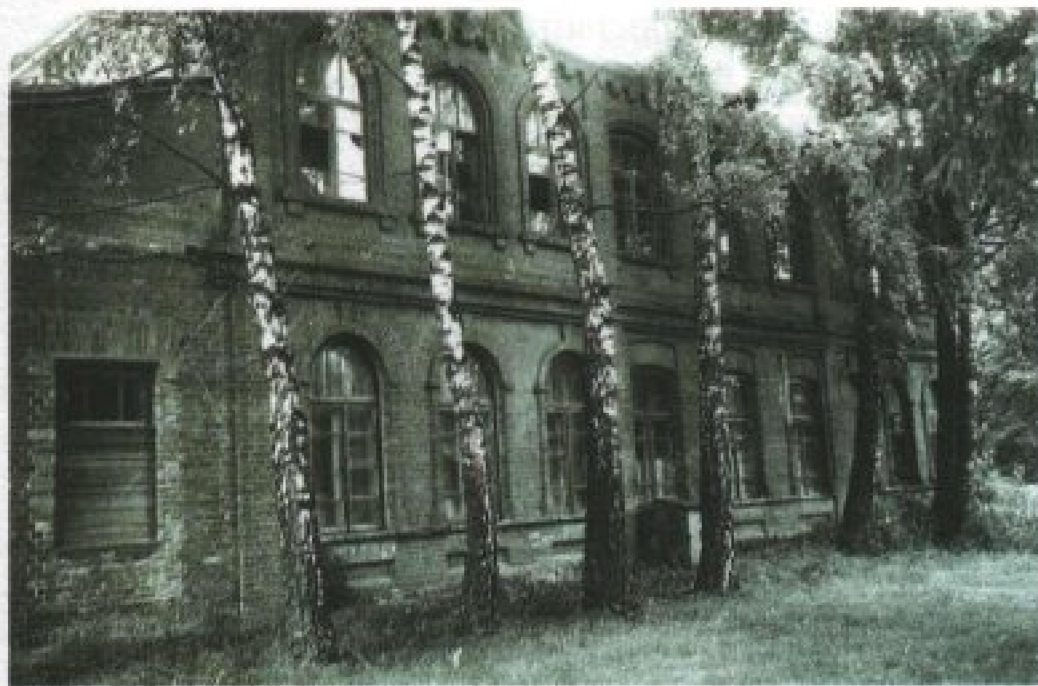
Вторая аллея идет с восточной стороны, сложена крупными деревьями тополя канадского 'Marilandica', а затем, изгибаясь на север, сменяется рядами сирени, которая образует сплошную полосу зелени, особенно красочную в период цветения. Аллея пересекает небольшие пейзажные композиции парка, ныне одичавшие, и также подводит к усадебному дому. За партером она имеет другой состав (липа крупнолистная, береза, конский каштан) и в наиболее приподнятой части замыкалась каплицей с четырнадцатью погребальными камерами, к которой в 1930-е гг. было пристроено здание костела Сердца Иисуса. Сохранились фундаменты сооружения (размеры соответственно 12×6,5 и 12×10,5).

Территория вокруг каплицы с костелом спланирована в виде капли (80×50 м) и с двух сторон охвачена дорогами. Перед главным фасадом костела посажены две лиственницы (сохранилось одно дерево). При входе на погост также симметрично росли две березы. Обсадка по периметру включает одиночные тополя канадские, а между ними сирень. С тыльной стороны фон образуют линейные посадки лещины, подбитые рябинником.

Сооружения усадьбы утрачены. Водоемы, расположенные по краю парка со стороны одного из въездов, перепланированы в последнее время. Сформирована новая водная система из четырех водоемов, соединенных каналами и протоками. От парка сохранились одиночные деревья, небольшие фрагменты одичавших древесных групп, массивов, с живописными опушками, подбитыми сиренью, боярышником, снежноягодником или караганой, к которым примыкает бывший сад.

Территория бывшей усадьбы располагается обособленно на окраине деревни, привлекает простором, четкостью планировки.

Новосады. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.



Новое Бережное. Фрагмент паркового фасада. Фото 1999 г.

Бережное

Двор Бережное (в последствии Старое Бережное) по привилею князя Федора Ивановича Ярославовича и его жены Елены в 1508 г. стал собственностью боярина Петра Петровича Олеши [176]. В 1523 г. Сигизмунд I подтвердил право на владение [637]. Олешам герба Брохвич, одному из наиболее знатных среди волынско-полесских родов, имение бессменно принадлежало до 1909 г. Среди владельцев XIX в. известность получил Цезарь Антоний Олеша (1820—1892), женатый на Александре, дочери Ивана Орды, ротмистр гвардии российской. Выйдя в отставку, он успешно занимался животноводством, сахароварением, рациональной эксплуатацией лесов. Приобрел ряд имений (соседнее в Теребежове), настроил домов в Вильно, Риге, Пинске. Цезарь не принимал участия в восстании 1863—1864 гг., но верил в него, опекал и помогал потерпевшим, старался защитить имения повстанцев от конфискации. Имел одиннадцать детей, которых в конце жизни обеспечил собственностью.

Старое Бережное — родовое имение, из которого вышло тринадцать поколений рода, досталось младшему сыну Владиславу, женатому на Терезе Межеевской. Здесь Олешами на рубеже XVIII и XIX вв. была заложена усадьба в формах классицизма [596]. Она не сохранилась. На месте усадебного дома построено здание конторы колхоза, а на месте хозяйственного двора разместился парк сельскохозяйственных машин.

Из старого имения выделилось Новое Бережное с земельными угодьями в 1382 десятины, которое унаследовал Константин (1865 г.р.), женатый на Камилле Орде [549]. Новый владелец, математик-астроном, получил образование в Германии, организовал обсерваторию и совмещал заботы по хозяйству с научной работой, являлся корреспондентом нескольких научных центров [596]. Последним владельцем имения

Новое Бережное. Усадебный дом. Фрагмент парадного фасада. Фото 1999 г.

был его сын, также Константин (1891–1950). В 1941 г. выехал в Польшу.

Усадьба в Новом Бережном заложена в конце XIX в. В плане имеет форму вытянутого прямоугольника, но без выраженной композиционной оси (схема). Усадебный дом построен в глубине парка. Здание прямоугольное в плане (30×13 м), двухэтажное. Крыша четырехскатная с люкарнами. С северного бокового фасада имеет тамбур с большой террасой (13×4 м). С противоположной тыльной стороны расположена невысокая граненая башня с шатровым завершением. Снаружи стены расчленены по горизонтали скромными поясами и завершены карнизом с сухариками. Окна паркового фасада большие, почти по всей высоте этажа, по форме они с полуциркульным и лучковым завершением. Здание профессионально сложено из качественного красного кирпича.

В усадьбу через сад ведет грабовая аллея с бордюром из боярышника. У въезда растут стареющие тополя канадские 'Marilandica'. Дорога проходит между двумя сравнительно плотными небольшими массивами сложного состава (клен, дуб, сосна, ель, снежноягодник, спирея, рябинник), за которыми открывается партерный газон. Он окружен разреженным древостоем с живописными опушками, включающими интродуценты в качестве акцентов. Газон является основным композиционным элементом парка. Он большой, асимметричной формы. При входе деревья посажены треугольниками, расположенными симметрично, но разного состава. В левом треугольнике лиственница Кемпфера с длинными экзотическими боковыми ветвями (до 12 м) сочеталась с липами и тисом ягодным; в правом — лиственница растет с двумя елями. Живописны асимметрично расположенные древесные кулисы около дома. Левая (на углу дома) состоит из четырех елей обыкновенных; правая — из елей колючих смещена к боковому фасаду. Подъезд к дому проходит под пологом дубов, одиночных кленов и лип, которые венком охватывают газон с левой стороны. В наше время вдоль здания усадебного дома высажен ряд берез, которые нарушают композицию и закрывают фасад.

Парк сформирован как пейзажный натуралистический. Его особенностью является разнообразный состав насаждений. Иноземные виды в количестве 26 распределены одиночно, в составе групп местных деревьев по всему парку, неожиданно появляясь даже в самых удаленных местах. С их участием основу древостоя парка за домом составляют три массива разной конфигурации и величины.

Юго-восточный древесный массив примыкает к партеру. Под пологом высоких старых одиночных дубов деревья высажены в виде небольших групп (липа, конский каштан, граб, ель), подбитых снежноягодником, групп из иноземных растений (лиственница Кемпфера, пихта одноцветная, спирея Бияра); в виде треугольников (сосна черная авст-

Новое Бережное. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

рийская). Группы почти сомкнулись, появился подрост, путем отпрысков обильно расселяются кустарники.

Новое Бережное. Грабовая аллея. Фото 1999 г.

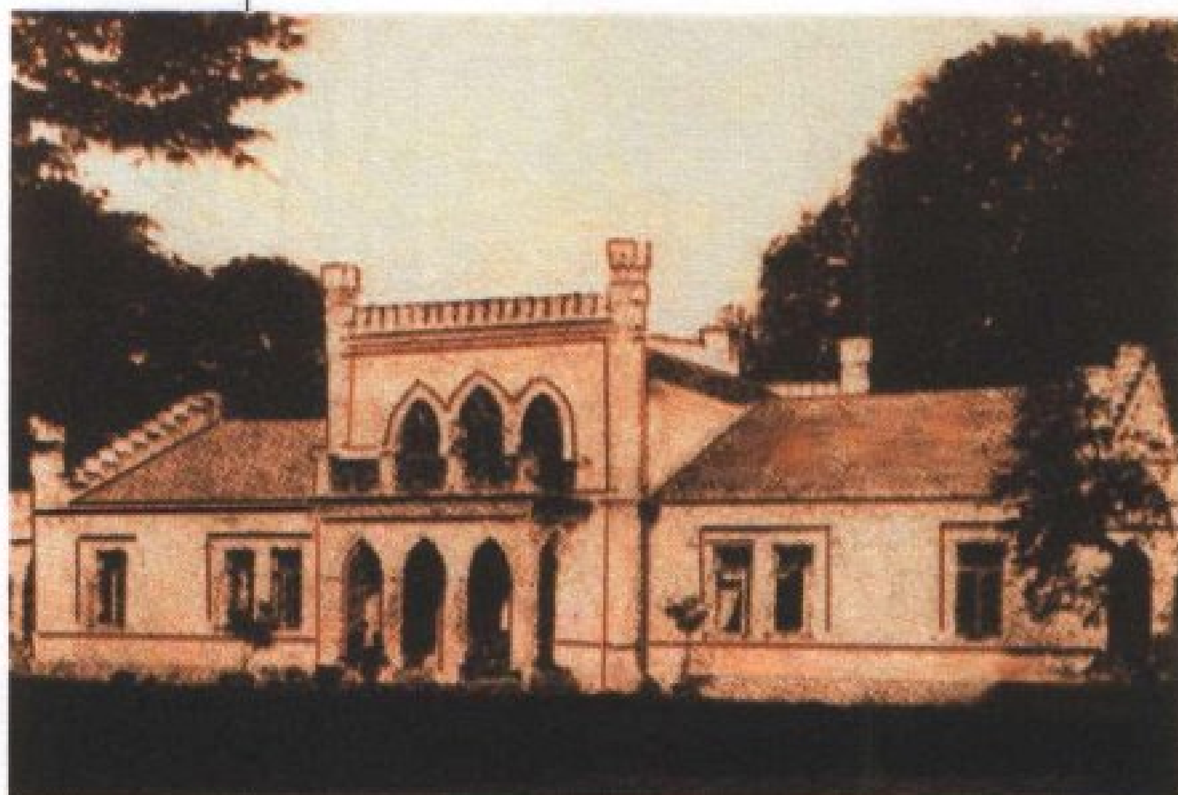
Второй массив (граб, липа, ель, осина, береза) вытянут с правой стороны газона. Он высокой сомкнутости (до 90 %), местами обилен подлесок из рябинника; много подроста. В травостое сорное крупнотравье. Большие пятна образует барвинок малый. Одиночно растут лиственница Кемпфера, конский каштан, псевдотсуга Мензиса. Опушки массива в прошлом украшали одиночные клены ложноплатановые 'Purpurascens', от них пошел самосев. Судя по степени окраски нижней стороны листовой пластинки, хорошо выражен процесс расщепления по этому признаку. Высота подроста до двух метров. Массив сменяется небольшой уютной поляной, на которой растут вразброс одиннадцать старых берез. Опушка оформлена тремя дубами. С березами хорошо сочетается сосна веймутова, величественный солитер высотой до 28 м, со стволом в диаметре более 1 м.

Заканчивается парк дубравой злаковой. Древостой разреженный, но почти сомкнутый, высоких декоративных качеств. Он в виде прямоугольника врезается в сад, от которого отделен однорядной посадкой березы и с двух сторон двухрядной грабовой шпалерой (ширина 6 м). Это наиболее тихая часть парка. В углу насыпной холм, место беседки. Установлены скамьи, высажены хосты. Здесь среди дубов, по краю массива также много редких видов: тсуга канадская, бук, липа войлочная, сосна жесткая, пихта одноцветная. Хорошим ростом, прямоствольностью отличается сосна черная, одно из лучших местонахождений в парках Беларуси (10 деревьев). Около усадьбы с давних пор работает винный завод.

Усадьба сохранилась в прежних границах, содержится в хорошем состоянии. Дом используется под жилье.

Олешам в XVIII в. от Немировичей-Щиттов «по кудели» отошло соседнее имение Дубенец. Владел Михаил Станиславович Олеша, женатый на Софье Дубенецкой. Примерно в середине XIX в. перешло Кеневичам. Последним владельцем был Цезарь Олеша. Двор имел небольшой одноэтажный дом с четырехскатной крышей и крыльцом с двумя парами колонн, завершенным треугольным щитом, и хозяйственные постройки. Усадьба утрачена. От дома, сгоревшего в 1943 г., остались руины фундамента, прослеживается фрагмент аллеи из конского каштана, растут величественный старый дуб, возраст которого более трех столетий, и единичные деревья.

Новое Бережное. Фрагмент парковой дубравы. Фото 1999 г.



Долгое. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1914 г.

Долгое

С 1563 г. входило в состав Кобринской экономии [775]. Во второй половине XVIII в. стало родовым имением белорусской линии рода Крашевских герба Ястребец. Имением владели Юзеф, сын Томаша, затем Ян Каниова (1789—1864), сын Каетана и Эльжбеты, хорунжий пружанский, президент суда земского пружанского (покоится у костела в Шерешеве), женатый на Софье Нальч-Мальской (умерла в 1859). Они имели двоих дочерей и троих сыновей. Долгое и соседнее имение Старый Куплин перешло Люциану (1820—1892), женатому на Стефании Сулковской. Владельцем отцовского имения Романово на Подляшье стал Каетан (1827—1896), известный литератор, астроном и музыкант, женатый на Марии Руликовской. Вскоре Люциан продал имения Каетану и все родовые владения оказались в одних руках. От него Долгое и Старый Куплин отошли сыну Богуславу (1857—1916), женатому на Софье Крашевской, другой ветви рода [596], затем владельцами были братья Януш и Мечислав [633], а в последнее время—Мария.

Усадьба Крашевских была заложена на водоразделе между бассейном рек Ясельда и Мухавец у истоков ручья Венец вдоль тракта Селец—Беловежа. Включала простой дом с четырехскатной крышей, такую же скромную официну по левой стороне, окруженных парком, и хозяйственные постройки. В 1890—1900 гг. Богуслав построил новый с другой стороны партера (теперь карьер) дом в неоготических формах. Центральную двухэтажную часть боковых фасадов одноэтажного здания украсили ризалиты, завершенные аттиками и декоративными башенками. Нижняя часть ризалита была оформлена аркадой, стрельчатые арки которой служили входом в здание. На нее на уровне второго этажа опирался балкон, вход на который из здания имел вид аркады из трех арок. Завершенность неоготической композиции достигалась башенками, венчающими углы здания.

Каетан Крашевский

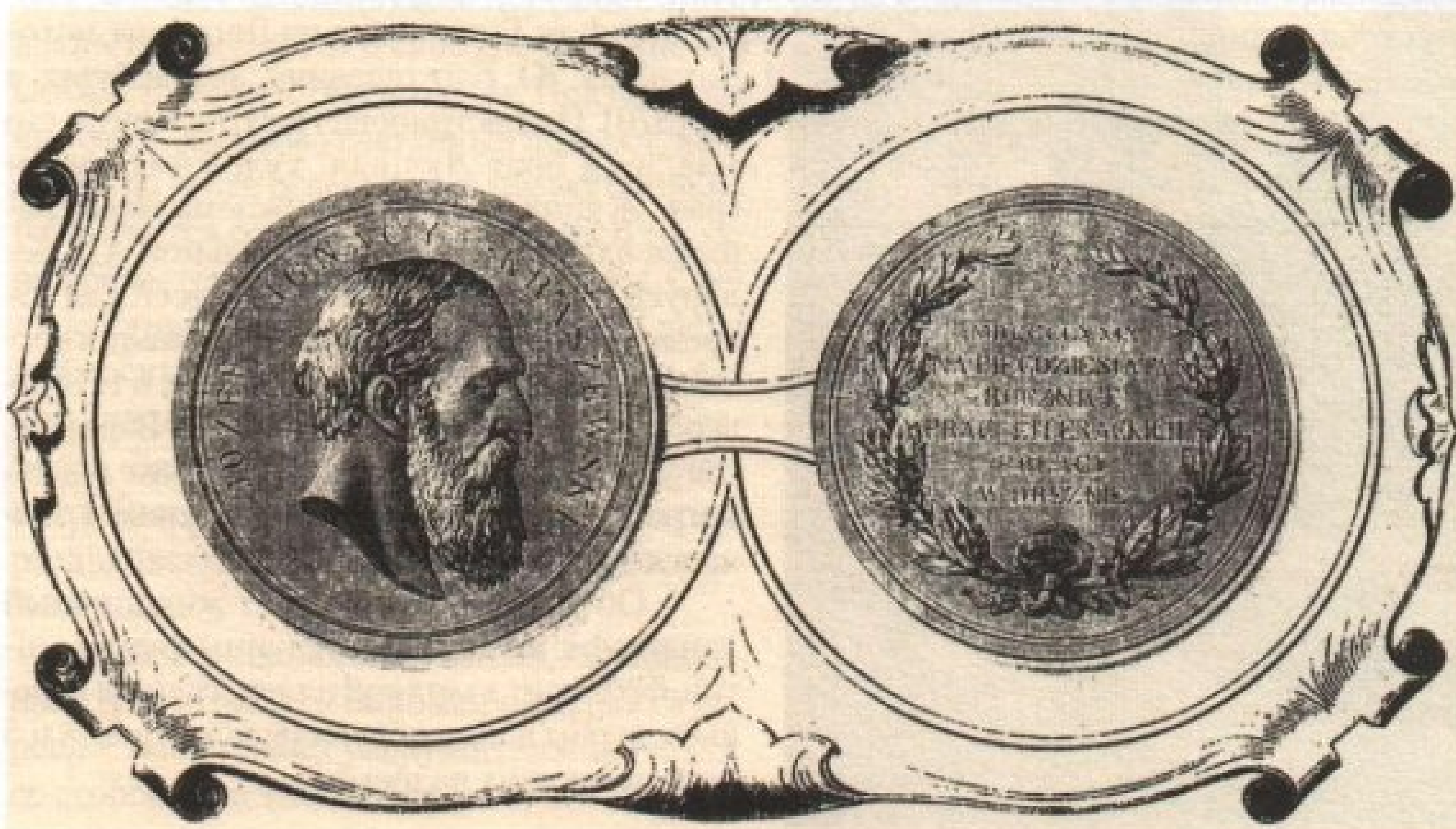
Небольшой дом Крашевских славился ценными научными, художественными и мемориальными собраниями, которые тщательно систематизировал Богуслав, включая и материалы отца из Романова. Около тысячи единиц хранения составляли письма Тадеуша Костюшко, князя Юзефа Понятовского, Юлиана Немцевича и многих других видных людей того времени, редкие рукописи (песня Юзефа Вибицкого «Еще Польска не згинела»), корреспонденция от Владислава Мицкевича, Зигмунта Глогера и др. [618]. Семейный архив включал документы, написанные на пергаменте в XIV и XV вв. В библиотеке хранились первые

издания произведений А. Мицкевича, произведения Юзефа Крашевского, редкие издания (например, «Календарик политический за 1809 г.»), скорбная карта о смерти Адама Мицкевича в Константинополе, картины Артура Гроттгера, Яна Матейко, Януара Суходольского и др. В собрании имелись слуцкие пояса, миниатюры на пергаменте XIV—XV вв., старинное оружие, кубки, фарфор и др. [596].

Дом сгорел в годы первой мировой войны. Все его ценности, видимо, также погибли. Владельцы перешли жить в старый усадебный дом, который пережил последнюю войну, но не сохранился. На месте усадьбы растут только одиночные деревья, а о строениях напоминают руины фундаментов. Здесь найдена редкая реликвия — маленький серебряный медальон, хранящийся в Брестском областном краеведческом музее [274]. На его лицевой стороне рельефный портрет и надпись «Юзеф Игнатий Крашевский». На обратной стороне значатся год 1879 и слова «Память в честь 50-летнего юбилея 3 октября в Кракове». Второй медальон был выбит в Дрездене в честь 50-летней деятельности Юзефа [700].

Юзеф Крашевский

Юзеф (1812—1887) — старший сын Софьи и Яна Крашевских, выпускник Свислочской гимназии и Виленского университета, участник восстания 1830—1831 гг., известный историк, писатель, краевед и фольклорист. После поражения восстания в 1834 г. был сослан в отцовское имение и проживал здесь до 1853 г. с Софьей Воронич, обладательницей большой библиотеки дяди Павла Воронича. Изучал историю Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, как краевед много путешествовал по Беларуси, занимался издательской деятельностью. Любовь к родному краю, стремление к познанию его истории привила мать, которая имела хорошее образование и, по выражению Каетана, была «прекрасной чи-



Медальон в память 50-летия литературной деятельности Юзефа Крашевского

Служба в костеле в день погребения Юзефа Крашевского. Рисунок Ч. Янковского. 1903 г.

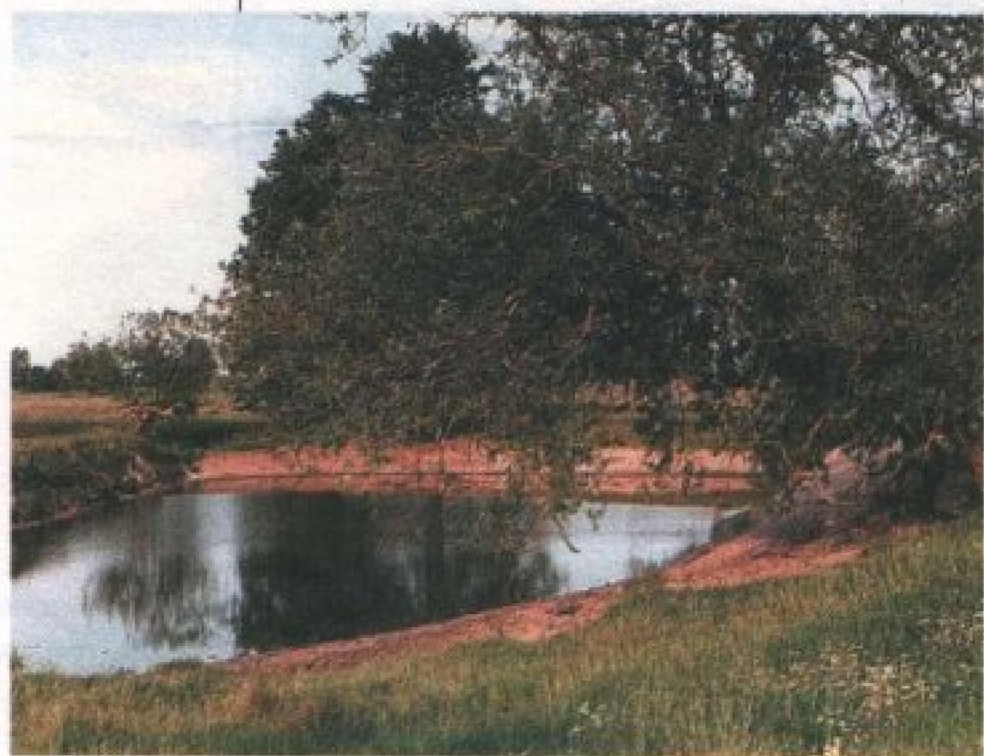
тательницей». Благодаря матери в доме глубоко почитались и соблюдались народные обычаи, традиции. Немалое влияние на сыновей имел отец, энергичный, жизнерадостный, влюбленный в музыку, наделенный юмором, хорошо владеющий пером, из-под которого нередко выходили стихотворения [666].

Творческое наследие Юзефа необычайно велико. Даже библиографы затруднялись в определении его объема. В 1852 г. насчитывалось 317 одних заглавий его сочинений (более двухсот томов) [346]. По определению современных авторов, его литературное наследие составляет 600 томов [444]. Он автор 223 повестей и романов [449]. С рукописями некоторых книг автора, аккуратно написанных черной тушью на шершавой сероватой бумаге, можно ознакомиться в отделе редкой книги Центральной библиотеки АН Литвы [228—230].

Юзеф писал постоянно, а когда очень уставал, брался за рисование или садился за фортепьяно. Занимался разработкой многочисленных тем в области истории, археологии, искусства, этнографии. Писал трезво и здраво, видя в Литве самостоятельную силу и мощное государство [346].

Юзеф — автор поэм (в стихах), драм, романов, повестей, комедий и крупных научных работ: «История Вильно», т.1—4, 1840—1842; «Древняя Литва. Ее история. Законы, язык, вера, обычаи, песни», 1847—1850; «Польша во время трех разделов. Исследования по истории духа и обычаев», т.1—3 1873—1875; и др. Изданные дневники и переписка Станислава Августа Понятовского составляли около 60 тысяч томов. Особую роль в культурной жизни Беларуси и Литвы сыграл журнал «Атенеум» (60 томов), редактором которого он был в течение десяти лет (1841—1851). Изданием журнала, посвященного истории, культуре и искусству, Крашевский объединял вокруг себя видных людей того времени: графа Евстафия Тышкевича из Логойска, историков И. Даниловича, И. Ярошевича, Э. Котлубая, Ю. Бартошевича, Т. Нарбутта и др. [370]. Иллюстрировал работы Юзефа его младший брат Люциан, художник, фотограф. Журнал (многие его экземпляры хранятся в библиотеке Национальной АН Беларуси) информативен и интересен для современного читателя. После поражения восстания 1863—1864 гг. был сослан в г. Кунгур. По окончании ссылки жил в Варшаве, где умер в 1887 г. Службу в костеле в день погребения Юзефа передает рисунок Ч. Янковского.

Об усадьбе напоминает живописный ландшафт, включающий руины фундаментов, фрагмент въездной аллеи, группы деревьев, вербы вдоль исторического тракта и 5 пересыхающих водоемов.



Долгое. Фрагмент усадьбы. Фото 2004 г.

Великорита. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото до 1939 г.

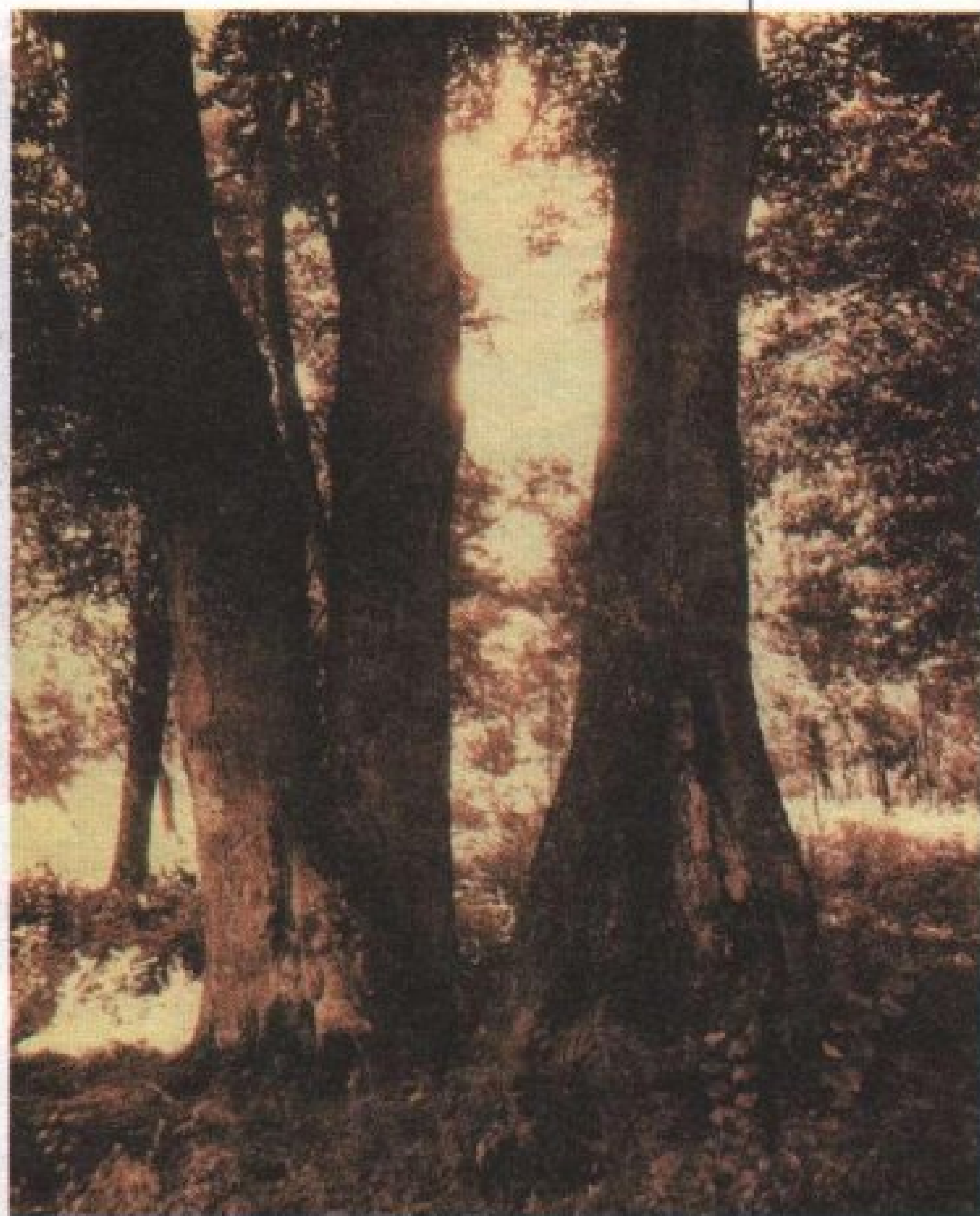
Великорита

Известна с 1668 г. [520]. В 1713 г. принадлежала Яну Блюмскому, в 1860-е г. отошла Ягминам, владевшим большим имением Рудка. Во второй половине XIX в. великоритский двор приобрели Кончины. В 1883 г. право на строительство водяной мельницы получил Юлиан Цукуфман, прусский подданный, один из владельцев [212]. В 1905 г. имение купил Владимир Лещинский. Он женился на княжне Троекуровой из старинного русского рода и после брака стал именоваться князем Троекуровым-Лещинским. Их сын Владимир и дочь Нелли учили детей в школе д. Дубична, затем вместе с отцом выехали в Польшу.

Сведений о времени строительства усадьбы не имеется. Она, видимо, создавалась еще Блюмскими в конце XVIII в. Во дворе имелся старый усадебный дом. Новый дом был построен Кончиными примерно к концу XIX в., сгорел в 1943 г. В этом же году погибла княгиня Троекурова. Вместе с отцом покоится на окраине парка, к которому с северо-западной стороны примыкал хозяйственный двор (утрачен).

От большой в прошлом усадьбы частично сохранился парк. Усадьба заложена в излучине р. Рита. Небольшой деревянный усадебный дом с мансардой и двумя парами колонн на парадном фасаде был ориентирован в сторону реки. Известен по фотографии до 1939 г. [578]. Перед ним раскрывалась ровная терраса, окруженная руслом реки. Парк на площади около 5 га располагался за усадебным домом. С юго-западной стороны к нему ведет очень широкая (до 16 м) редкостойная въездная аллея. В ней сохранились единичные клены, ясени. Парк представлен разреженным спелым древостоем в возрасте около двухсот лет (клен, липа, ясень, граб). Эстетическое впечатление его снижается отсутствием газона. Под пологом высоких деревьев угнетенный подрост, подлесок, на более освещенных местах обильно развивается сорное крупнотравье. В составе древостоя имелись интродуценты. Среди местных видов растут одиночные деревья сосны Банкса и конского каштана, белой акации, шиповник, сирень, дереза берберов. Величественны два дерева бука лесного. Высота более 25 м. Диаметр ствола, раздваивающегося на высоте 2,3 м, составляет 1,5 м.

Парк имеет качественный, но одичавший древостой. Расположен на окраине деревни, испытывает разрушительный пресс со стороны частного сектора.



Великорита. Бук лесной. Фото 1999 г.

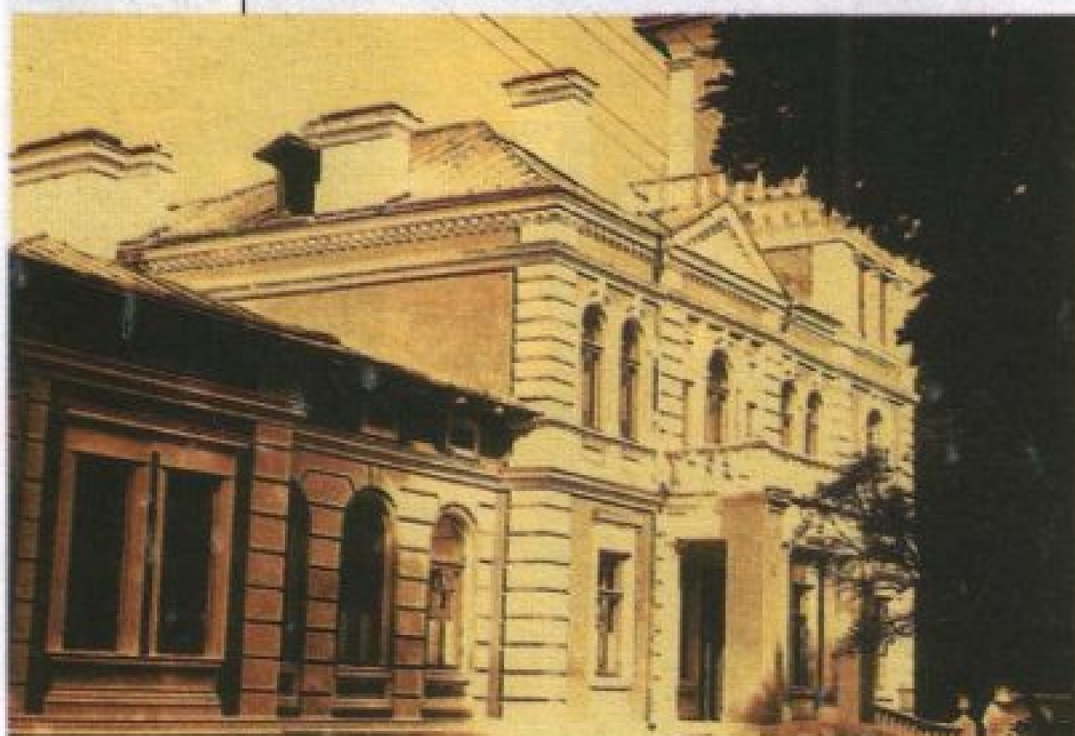
Глубокое. Усадебный дом. Фото 1999 г.

Глубокое

Известно с 1577 г. как урочище «Глубокая» волынского войского Ивана Чаплица. В XVII в. принадлежало Пацам, затем — Непокойчицким. В 1890 г. владельцем являлся Константин Рот [546]. Последними собственниками были Султаны.

Небольшая (около 4 га), малоизвестная усадьба заложена примерно в конце XIX в. Композиционным центром является простой одноэтажный деревянный усадебный дом с крыльцом, Т-образный в плане. Его окружает небольшой пейзажный парк, который пересекается двумя неширокими дорожками. Фон в древостое составляет клен, растут реже конский каштан, ель, береза. Деревья по разнотравно-злаковому газону распределены вразброс и производят впечатление естественного спелого древостоя, в котором после дифференциации и отбора остались только деревья первого яруса с высоко поднятыми пышными кронами. Кроны одиночных конских каштанов шатровидные, ниспадающие. Весной во время цветения они покрываются соцветиями почти до самой земли. В разное время в парке цветут сирень обыкновенная, белая акация, бузина черная. За усадебным домом расположены две небольшие поляны, окруженные подобным древостоем. Опушки полян украшены лиственницами европейскими (6 деревьев).

Усадьба принадлежит сельской больнице. Содержится в хорошем состоянии.



Ястрембель. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1980 г.

Ястрембель

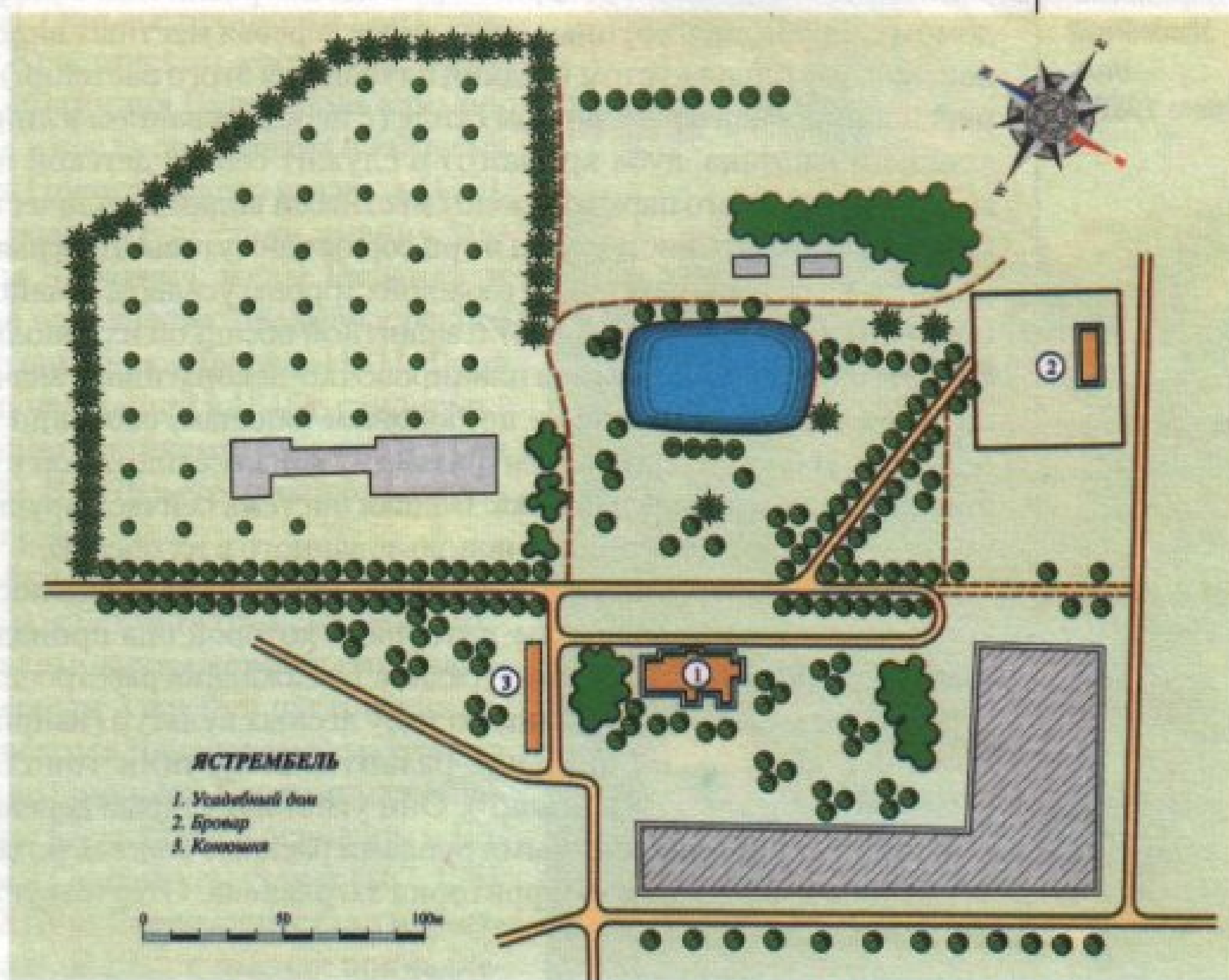
«Ястребль» известен по судным записям во владении Петра Дорогостайского за 1507 г. [441]. В 1567 г. имение «Ястребел» принадлежало Андрею Подаревскому, который с владений своих поставлял «коней 12 збройно» [428]. По дарственной записи 1663 г. дерптского подкомория Ивана Геронима Рдултовского и его жены Сусанны отошло их сыну Михаилу Ивану [183]. Наследовалось Рдултовскими по мужской линии как и принадлежащее им имение Чернихово. Согласно духовному завещанию 1768 г., от Антония, новогрудского судьи, имение перешло сыновьям Иоахиму и Хризостому, новогрудскому хорунжему [183]. Часть владения, согласно продажной сделке, 21 апреля 1768 г. перешла от сыновей Иосифа (монахов Тадеуша и Антона) Францу Яблоневскому [191]. В 1776 г. Хризостом с женой Констанцией записал фундуш местной церкви [242]. Имение унаследовал их сын Казимир, новогрудский маршалок, мальтанский кавалер креста св. Иоанна, владевший известными имениями Снов Горный и Дольный, Чернихов Горный и Дольный [185]. Имение Ястрембель включало фольварк с деревнями Ястрембель, Мала-

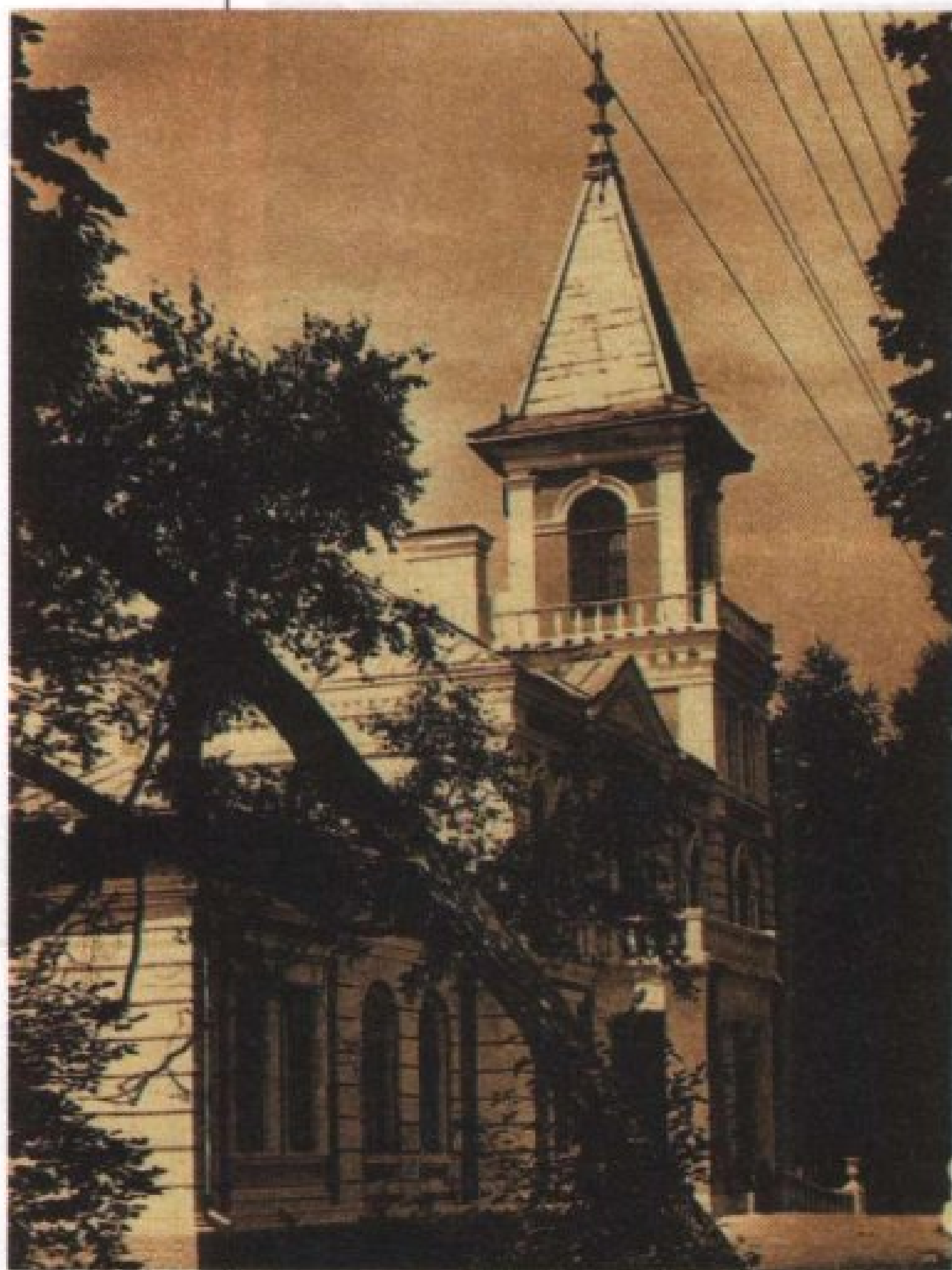
ховцы, Сиворчицы и фольварк Одаховщизна с тремя деревнями. В имении в 1846 г. имелось 226 душ мужского и 180 душ женского пола. Земельные владения составляли 9374 десятины, в т.ч. пахотной земли было 2388 десятин. Имелась винокурня [111].

По совершенной купчей крепости от 3 мая 1851 г. между Казимиром Рдултовским и Михаилом Котлубаем имение отошло роду последнего [123]. Архивные материалы позволяют проследить его родословную [164, 165, 166]. Предком рода Котлубаев герба Морской Кот являлся Элиаш Котлубай, владелец имения Дашков в Новогрудском уезде. В 1705 г. его сын Николай продал это имение, оставив себе только двух крестьян. Сын Николая Михаил был ротмистром войск польских, сын его внука Людвига Михаил — губернским секретарем, жил в Вильно и купил Ястрембель. В 1864 г. имение отошло Генриху Антону Виктору (1829 г.р.), отставному поручику, сыну Михаила, женатому на Изабелле Антоновне из Мацкевичей. Земельные угодья имения составляли 2673 десятины [547]. После его смерти владелицей стала жена Изабелла с детьми [548]. В 1911 г. равными частями имения (по 1184 десятины) владели сыновья Эдуард и Михаил [549]. Эдуард сотрудничал с Юзефом Крашевским в журнале «Атенеум». Последним владельцем был Зигмунт Котлубай (1885—1940), выпускник Ягеллонского университета, юрист. Умер в тюрьме в Барановичах в 1940 г. [649].

Из рода известность получил Эдвард (1822—1879), сын Михаила, первого владельца Ястрембеля, историк, военный инженер, владелец имения Курклишки в Трокском уезде, конфискованного в 1863 г. Проживая в Ястрембеле, часто работал в архиве Радзивиллов в Несвиже и в 1857 г. в Вильно издал книгу «Несвижская галерея Радзивилловских портретов». Написал биографию гетмана польного Януша Радзивилла, составил «Генеалогическо-исторический атлас», издал «Военную историю Польши», ряд исторических повестей. Был членом Итальянской геральдическо-генеалогической академии в Пизе и Археологического общества во Львове [502].

Усадьба формировалась в конце XIX в. Занимает ровную слегка пониженную территорию площадью около 6 га. В плане имеет форму прямоугольника (схема). Планировочное построение простое. Она включала усадебный дом, две официны (по 12 комнат), небольшой парк (4 га), который сливался с садом (5,5 га), пруд, хозяйственный двор, винокурню. Имелись также лесопильный и кирпичный заводы. Въездная аллея удлиненная, широкая (до 10 м), деревья в ряду посажены через 4 м. Она хорошо выражена. Аллея идет перпендикулярно основной оси композиции, пересекая сад, а затем всю усадьбу. Въезд был оформлен брамой, к которой с западной стороны примыкало длинное здание конюшни выездных лошадей и каретной. Центром композиции является кирпичный усадебный





Ястрембель. Усадебный дом. Фото 1987 г.

дом, асимметричное живописное многоплановое здание на 18 комнат, со сводчатым подвалом, видимо, старого дома. Расположен в глубине парка. Имеет черты, характерные для усадебной архитектуры второй половины XIX в. Вход смещен с центральной оси здания. К нему ведет пандус с балюстрадой. Вертикальной доминантой является четырехъярусная башня, завершенная высоким шатром, увенчанным флюгером, на котором имеется дата возведения дома — 1897 г. К основному двухэтажному корпусу примыкают боковые объемы разного размера. Правый объем с полукруглой апсидой занимала домашняя каплица. Дом обильно декорирован рустом, карнизами, колоннами, филенгами, пилястрами, розетками. После выполненной в 1981 г. реставрации здание приняло парадный вид и являлось одним из наиболее оригинальных домов в усадьбах Беларуси. Однако в последние годы оказалось опять без окон и дверей и восстанавливается вторично.

За восточной парадной частью на оси дома расположен искусственный водоем. Ось перспективы от усадебного дома была подчеркнута парой кулис из тополя белого. Вторая пара кулис также из тополя находится около берега. По периметру водоема росли ивы золотистопобеговые. Перед домом сохранились крупные одиночные деревья местных видов и лиственница европейская, растущая кустом (редкий случай для этого растения). Западная часть парка перепланирована в регулярном стиле (с использованием в линейных посадках липы, конского каштана, дуба красного) и служит сейчас детской площадкой. Древесные группы пейзажного парка сложены местными видами, количество экзотов небольшое. Сохранились пять лиственниц и три сосны веймутовы. Деревья в значительной степени закрывают расположенные с южной стороны усадьбы хозяйственные строения (винокурня). Они обнесены в 1937 г. защитной обсадкой из тополя канадского 'Robusta'. Водоем парка не только имел планировочно-декоративное значение, но и был аккумулятором влаги, принимая ее по боковым каналам, особенно в весенний и осенний периоды. Избыток воды по центральному каналу с плотиной в виде деревянных столбиков отводился в р. Мышанка. Водная система сейчас нарушена, каналы обмелели, что ведет к усыханию тополя, использованного в их обсадке.

Усадьба в значительной степени видоизменена. Здесь построены два здания Ястрембельской базовой школы-интерната, которой она принадлежит. Разрушена конюшня с каретной при въезде в усадьбу. Насаждения расстроены. Старые деревья единичны. Новые посадки сделаны по типу лесных культур (например, три ряда деревьев конского каштана). Обильное развитие получили тополя (тополь канадский 'Marilandica' и тополь 'Lettland'). Они угнетают старые деревья, закрывают виды на усадебный дом. Ландшафтными рубками раскрыт водоем, но вокруг него и возле прилегающих частных домов территория загрязнена. Отсутствует газон. Усадьба теряет прежний облик.

Стайки. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 2001 г.

Стайки

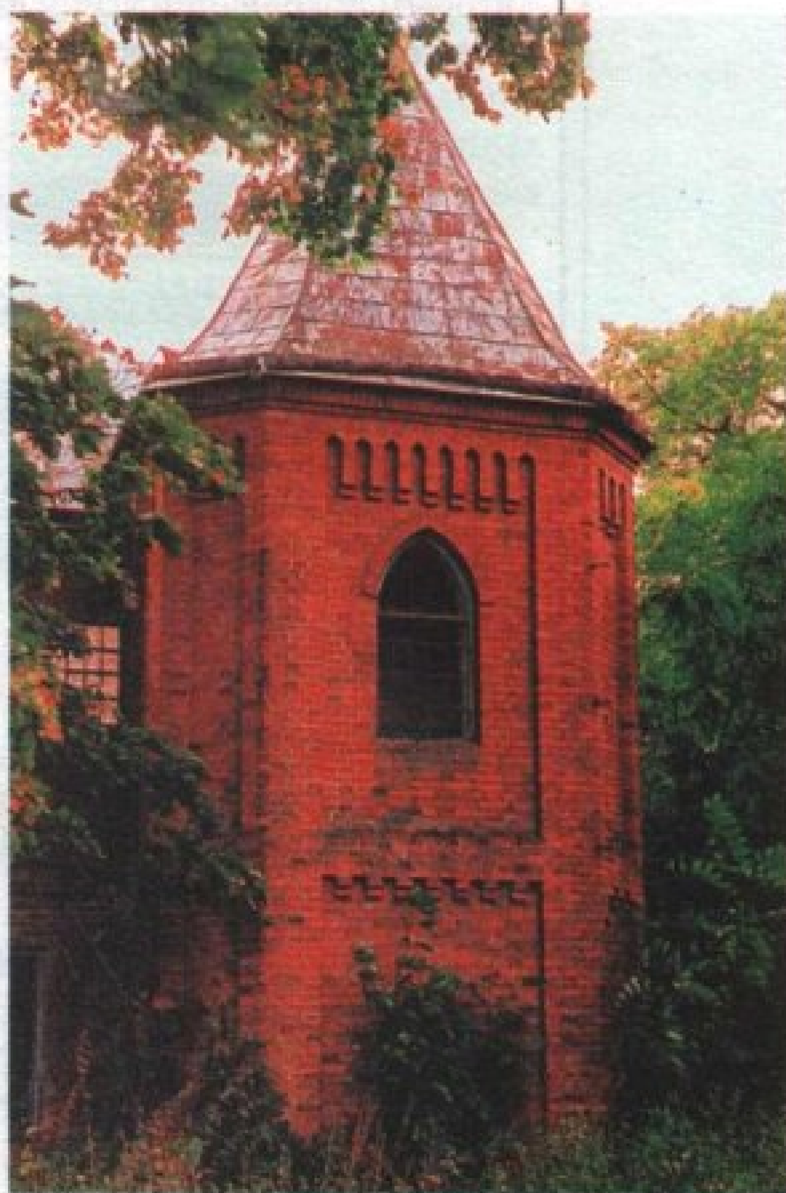
В 1563 г. Усейн Маликбаш, представитель татарского княжеского рода, «... в немалые и долги попал и не маючи чым тых долговъ платити, спустил и на вечность есми продал пану Богушу Олекъсеевичу Овъсянику двурец мой Стайский... з селидбою дворною, с огороды овощовыми, з навозы, полми, сеножатми, з болоты, з гаи, з лесы... и со... дворными, з бояры путными и усими людми тягълыми и з их детьми...». В 1571 г. двóрец стал собственностью Евстафия Волловича, подканцлера великого, старосты берестейского и кобринского [250]. В XVIII в. владение Лопотей. Согласно продажной сделке, в 1787 г. имение Зарос или Стайки перешло от Михаила Лопотя карпецкому старосте Фоме Зданю Пушкину [180]. Первое известное упоминание о Пушкиных на территории Беларуси датируется 1514 г.: «Пушкин Тимофей Михайлович. Москвичь вязень, въ Слонимъ въ князтствъ...» [433]. Пушкины в Беларуси составляли одну из ветвей рода, к которому принадлежал А.С. Пушкин [748].

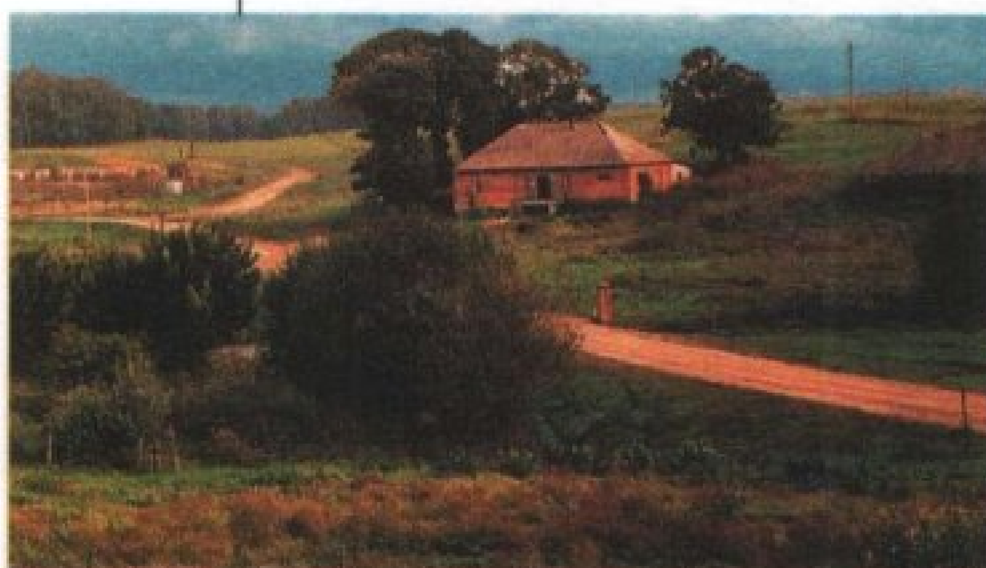
У истоков этой ветви рода герба Ястребец, согласно записи в книге канцелярии ВКЛ за 1641 г., стоял боярин Здань Пушкин, дворянин Мстиславского воеводства [181]. От Фомы Зданя, сына Павла, имение переходило «по природному праву наследства». Им владел сын Иосиф, внуки Рафаил (1786 г.р.) и Януарий (1789 г.р.), правнук Фома Каликст (1823 г.р.), сын Рафаила [179]. Они постоянно жили в Стайках, были крещены в Крошинском костеле. В родословной записано, что «Фамилия Пушкиновъ какъ передъ ревизею 1795 г. так и послъ оной всегда почитаема была въ числъ Дворянъ Новогрудского уезда ...» [179].

Собственностью рода в уезде стали имения Мерулин, приданое Анны Чолкевич, жены Рафаила, и Цыневичи, выделенное по решению эксдивизорского суда из имения Коросна помещика Данейко [181]. Фома Каликст Рафаилович, получивший в 1845 г. свидетельство о законном владении Стайками, был последним его собственником [118]. В 1876 г. его имение составляло 654 десятины земли [547].

После 1876 г. Стайки перешли роду Лашкевичей. У истоков старинного рода стоял Иван Ляшко, который вместе с Хилко Евхимовичем «приобрели благоволение и милость» и «оным 5 жребий пустовских земель ... в селе Мерколовском в Чечерском старостве на вечную землю, данную по привилею Сигизмунда Августа». Род разветвлялся и расселился в основном в Борисовском, Бобруйском и Оршанском уездах [167, 168]. В последней четверти XIX в. Лашкевичи стали известны в Новогрудском уезде. В 1911 г. имение принадле-

Стайки. Усадебный дом. Башня. Фото 2001 г.





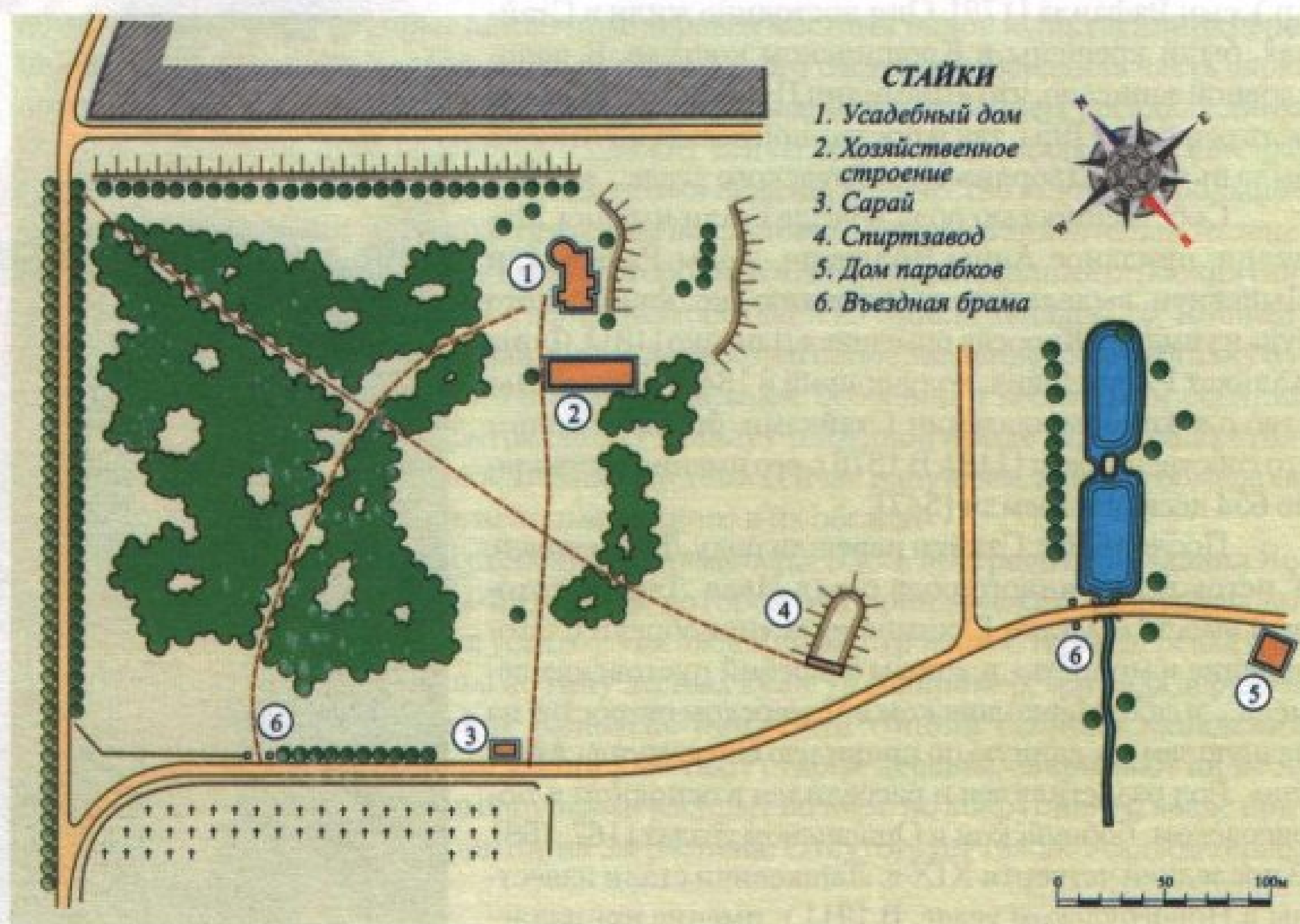
Стайки. Фрагмент усадьбы. Фото 2001 г.

жало Адольфу Иосифовичу, члену Минского общества сельского хозяйства [58]; в 1914 г.—Наталье Грациановне.

Лашкевичи примерно на рубеже столетий полностью перепланировали старую усадьбу Пушкиных, от строений которой сохранились подвалы со сводами, мастерски сложенные из кирпича и бута. Новая усадьба включала дом, называемый замком, старый парк, сад, сыроварню, ледник, жилые флигели и хозяйственные постройки, кирпичный завод. В 1900 г. И.Г. Лашкевич обращался в Минское губернское правление с просьбой о разрешении строительства винного завода [142].

Усадьба занимает слегка пересеченную живописную территорию над р. Мейка. В связи с перепланировкой, наслоениями, изменениями последнего времени она потеряла планировочную выразительность. К настоящему времени лучше всего сохранился парк — цельный массив в форме прямоугольника, окруженный с трех сторон дорогами, и заложенный еще Пушкиными. Особую выразительность парку придает лощинообразная вогнутость его центральной части, представленная в прошлом большой поляной. В разные стороны от нее по пологим склонам, покрытым газоном, поднимался разреженный древостой в основном из ясеня, клена и липы. Отмеченный мотив еще прослеживается. Деревья достигли возраста спелости, несут декоративные широко развесистые кроны. Газон утерян. В напочвенном покрове получило развитие сорное крупнотравье (сныть, купырь, щавель), снижающее восприятие паркового пейзажа. Дно котловины разбито дорогами.

Юго-западную часть парка занимает почти сплошной ясеневый массив с обильным подлеском из бузины черной и купырем лесным в травостое. Он представлен вторым поколением ясеня высотой 22—24 м, сомкнутостью 30—50 %. Деревья выделяются гонкостью, но кривоствольны, со слабо развитыми кронами, а, следовательно,



невысокой декоративности. Старые деревья в первом ярусе, образующие в прошлом разреженный древостой, одиночны. По краю массива проходит широкая липовая аллея — главная магистраль усадьбы (теперь улица деревни). Южная и юго-западная окраина парка, наиболее приподнятая по отношению к его центральной части, оказалась вырубленной в связи с прокладкой линии электропередач. По вырубке получил обильное развитие подрост разных видов. Здесь сохранились кирпичные пилоны бывшей въездной брамы (ограда утрачена). От них через парк, спускаясь по склону, под кронами деревьев проходила неширокая дорога. Акцентом в глубине являлся усадебный дом, построенный в восточном углу примерно в конце XIX в., а поэтому несколько не увязанный с парковой средой. Двухэтажное здание с ризалитами на боковых фасадах сложено из темно-красного высококачественного кирпича. Выделяется аккуратной кладкой стен, в ряду которых чередуются «ложок» и «тычок». В декорировании стен, углов использованы лопатки; этажи разделены поясом поребрика с гирьками; оконные проемы лучковые. Главный объем в плане прямоугольный (15×13 м) с двухскатной крышей. Завершается карнизом с поребриком и гирьками. Второй объем с трехскатной крышей и люкарнами несколько уже, его длина 12 м. К левому его углу примыкает живописная башня с ходом на второй этаж. Она квадратная в плане с усеченными углами, завершается остроконечным шатром со шпилем, имеет готические проемы, машикули, лопатки.

Добротное здание заброшено; полы сорваны, разрушаются балки потолков, крыша повреждена, шифер разбирается. Начали разбиваться стенки ризалитов.

Парадный партер перед домом изменен посадкой в наше время деревьев ореха маньчжурского и туи западной. Около здания разрослась спирея дубровколистная и рябинник. Со стороны южного фасада симметрично зданию растут два клена. За ними следуют одиночные деревья парка, уцелевшие от частной застройки. Она закрывает виды с дома на юго-восточную часть усадьбы по пологому склону с водоемами и прилегающий моренный ландшафт. Кроме отмеченных растений в парке встречаются одиночные экземпляры разного возраста явора 'Purpurascens', одиночные конские каштаны. Возле дома частично сохранилось старое здание, видимо, бывшей официны, достраиваемое позднее, отчего приняло вытянутую (до 40 м) форму. Из других сооружений хорошо сохранился бывший жилой флигель из красного кирпича, обособленно расположенный на южной окраине усадьбы. Вдоль него проходила одна из въездных аллей. За мостом через небольшой водоток имелась брама. В русле водотока — два небольших водоема.

Северо-восточную часть усадьбы в виде пологого склона занимал плодовый сад, охваченный по периметру защитной обсадкой из липы (теперь частная застройка).

Усадьба загрязнена, хотя расположена среди деревни. Усадебный дом, крепкое оригинальное здание, построенное в формах «кирпичной» архитектуры, нуждается в срочной консервации.

Серковщина. Фрагмент водоема. Фото 2001 г.

Серковщина

Известна с XVI в., принадлежала Ходкевичам. Усадьба заложена неизвестными владельцами на рубеже XIX и XX вв. Расположена изолированно среди поля, недалеко от д. Перекрестье. Спланирована по типу большого экономического сада с выраженными чертами утилитарности (большие боскеты с садом).

В усадьбу ведет, пересекая ее, тополиная

Серковщина. Въездная тополиная аллея. Фото 2001 г.

Серковщина. Алыча растопыренная. Фото 2001 г.

аллея протяженностью более 300 метров (шириной 7 м, тополя в ряду высажены через 7 м), ориентированная в направлении запад—восток. Северную половину площадью около четырех гектаров занимает плодовый сад, обвалованный и окруженный кюветом с внешней стороны. Хорошо выражена тщательно выполненная по его периметру защитная полоса. Она включает линейную посадку из тополя канадского 'Serotina', посаженного через 15 м, а между тополями высажен боярышник (через 30—50 см). Вдоль кювета тянется рядовая посадка из груши. Плотная непроходимая стена зелени защищала сад от непогоды, служила местом массовых гнездовий птиц и выполняла роль надежной ограды. Сохранилась фрагментарно. Тополя достигли больших размеров, диаметр ствола 100—120 см. Многие утратили вершины, продолжают выполнять роль стражей, высоко поднявшись над пологом плодовых деревьев.

Вторая несколько меньшая в размерах часть усадьбы спланирована тоже в виде прямоугольника, окруженного по периметру также тополем. В нем, ближе к въездной аллее, стоял усадебный деревянный дом. За ним располагались хозяйственные и служебные сооружения. Перед домом в парадной части расположен пруд сферической формы в диаметре 30 м, в глубоких берегах. Видимо, имеет родниковое питание. В последнее время обмелел и зарастает рогозом. Дом с прудом окружал парк, от которого сохранились одиночные дубы, тополя, ряд сирени, шиповники, фундамент беседки. По южной окраине располагался сад косточковых культур. Обильно разрослась алыча высотой 6—7 м, представленная разными фенотипами по окраске плодов.

Усадьба заброшена. Привлекает местных жителей осенью обилием яблок, груш и алычи раскидистой с плодами желтой, розовой и красноватой окраски.

Гославщина. Усадебный дом. Фото 2001 г.

Гославщина

Известна с XVI в. Служила королевским двором Сигизмунда Августа. Фольварк двора король пожаловал ляховичскому земянину С. Гославскому. В 1586 г. небольшое владение перешло Ф.М. Евлашевскому (1546—1616), состоящему на службе короля. Пинский мостовничий, подсудок в новогрудском суде был выходцем из старинного, но обедневшего рода. Имел хорошую подготовку в области делопроизводства и юриспруденции, пользовался уважением среди шляхты, расположением известных магнатов (М. Радзивилла, Я. Ходкевича, К. Острожского). Нередко вел их судебные дела. Вместе с новогрудским судьей А. Тризной работал над текстом «Трибунала Великого княжества Литовского». Известен как мемуарист, создавший галерею образов мелкой и средней шляхты, автор «Дневника», опубликованного в 1886 г. В. Антоновичем [482].

После Евлашевских Гославщиной владели Рейтаны, примерно с середины XIX в. — Чарноцкие, в 1888 г. фольварк принадлежал Адольфу Кобылинскому, владельцу име-

ния Тешевля [548]. Фрагменты фольварка времен Кобылинских сохранились. Усадебный дом небольшой (12×9 м), деревянный, построенный в формах народного зодчества. К нему примыкают амбар, погреб, сад, который по периметру окружен однорядной посадкой из липы.

Принадлежит частному лицу, принял вид уютного хутора среди поля и луга.

Коженевщина. Усадебный дом. Фото 2001 г.

Коженевщина

Владение рода Лопоть. В 1847 г. его унаследовал Ромуальд Лопоть, коллежский секретарь. Земельные угодья имения составляли 150 десятин [547]. В начале XX в. имение перешло сыну Витольду [549].

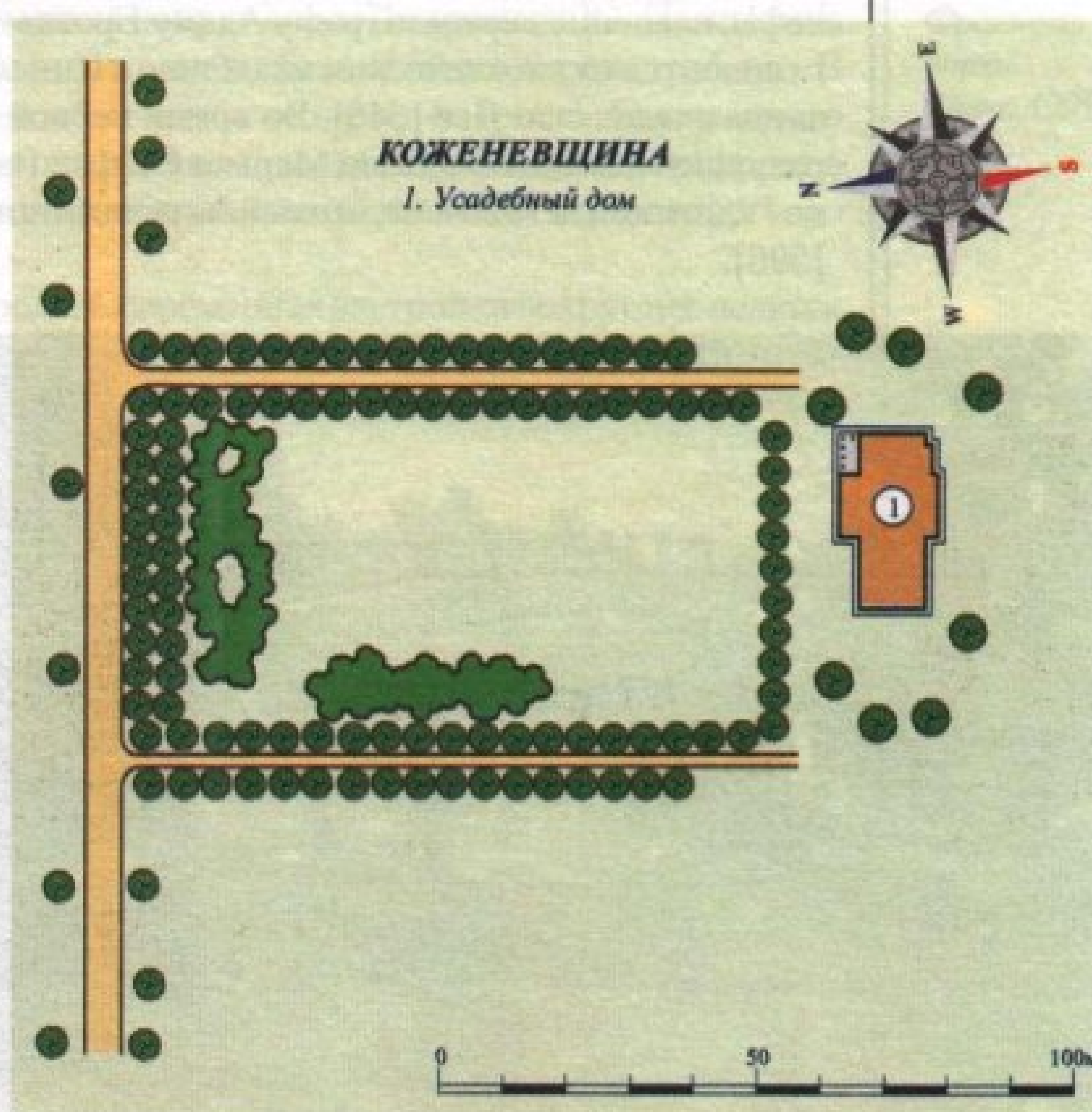
Усадьба заложена Ромуальдом Лопотем. Центром композиции является усадебный дом, двухэтажное кирпичное оштукатуренное здание (28×11 м), состоящее из нескольких объемов. Стены без членений и декора, углы имеют руст. Вход с парадной стороны выделен верандой на пяти массивных колоннах. Парковый фасад имеет ризалит с балконом, опирающийся на два граненых столба.

Построение парадной части усадьбы необычно. К дому по краю партера ведет неширокая липовая аллея (ширина 6 м, деревья в ряду через 3 м). Она являлась одновременно частью левого боскета с садом. В связи с угловым размещением главного входа перед ним на партере не было круга. Он размещался за домом, обеспечивая разворот и обратный выезд транспорта.

Параллельно главной въездной аллее с другой стороны партера проходила вторая аллея, ведущая к хозяйственному двору с разными строениями утилитарного назначения, включая мельницу. Дом окружали деревья, растущие на газоне. Сохранились единичные липы, клены и лиственница европейская.

Здание усадебного дома хорошо сохранилось. В нем располагаются сельхозхимия, сельский клуб и библиотека.

Ромуальду Лопотю с 1862 г. принадлежало также небольшое (150 десятин) имение Тафелин (Теофилин), известное по статистическому описанию за 1859 г. как владение И.Казимировой [134]. Затем его унаследовал сын Витольд [549]. По планировке усадьба была схожа с Вошковцами. Усадебный дом, небольшое деревянное здание, разрушен в 1990-е гг. В полуразрушенном состоянии оказались хозяйственные сооружения. О бывшем имении теперь еще на-



поминает въездная кленовая аллея, зарастающий пруд, старые деревья парка и сада с черешнями, сиренью и защитной линейной посадкой по периметру.

Владельцы имений покоятся на даревском кладбище недалеко от захоронений Бохвицов. Среди них создатель усадеб Ромуальд и его жена Александра, умершая в 1861 г. в возрасте 37 лет; их дети Анна, Витольд и Стефан, умерший в 1931 г.

Заполье. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

Заполье

Первое упоминание относится к 1488 г. [637]. В 1496 г. дворище в Заполье мещанин Розбаевич продал за десять копеек Ф. Тишковичу [325]. В 1567 г. принадлежало Каспару Ивановичу, старосте пинскому, который с имений своих (Заполье, Велесницы, Телеханы) «ставил коней 10 збройно» [428]. В XVII в. принадлежало Вишневецким, владельцам замка в Каролине, предместье Пинска.

В XVIII в. Заполье — один из фольварков родового имения Пясечно Друцких-Любецких, входящего в ключ Парохонский. В виде приданого Юзефы имение перешло Войтеху Пусловскому (1762—1833), владельцу Старых Песок. Пясечно с Запольем, а также Коссово и Свислочь унаследовал Вандалин Пусловский, один из пятерых сыновей Войтеха, женатый на Ядвиге Езерской. В 1872 г., как приданое дочери Геновефы, владение перешло графу Адаму Броель-Плятеру [774]. Графиня умерла в 1935 г., покоится на католическом кладбище в Пинске. Пясечном с угодьями в 9840 десятин затем владел сын Лев [548]. Во время первой мировой войны двор в Пясечном был разрушен и новый владелец Марьян Стефан Вандалин (1873—1951), женатый на Ирене Галинской, в 1920 г. перенес свою резиденцию ближе к Пинску в фольварк Заполье [596].

Заполье. Усадебный дом. Парковый фасад. Фото 1999 г.

Новый скромный дом в Заполье сочетает черты необарокко и неоклассицизма, являясь стереотипом усадебного дома конца XVIII в. Здание одноэтажное, П-образное в плане, покрыто ломаной четырехскатной крышей с люкарнами. Главный вход выделен четырехколонным портиком тосканского ордера. Портик имеется также на парковом фасаде между боковыми чуть заниженными объемами. В доме находились немалые ценности, уцелевшие от войны 1914 г. в Пясечно. Погибли они в 1939 г.

Новый дом был построен среди небольшого (около 4,5 га)

пейзажного парка старой усадьбы (схема). Здание разместили на прежней композиционной оси с беседкой из лип XVIII в. Между беседкой и домом спланирован газон с кругом. В беседке сохранились три липы, два дуба и два пня. Огромные стволы деревьев срослись у основания и под тяжестью крон наклонились от центра в стороны.

Заполье. Фрагмент парка. Фото 1999 г.

Липа является фоновым деревом парка. Крупные старые деревья растут одиночно в виде букетов по 2–5 деревьев, небольших групп, образуя единый парковый массив высокой декоративности. Величию лип в Заполье («нигде не видел таких огромных лип») удивлялся Ю. Немцевич при посещении усадьбы в 1819 г. [709]. Это, конечно, были не нынешние деревья, а липы времен Михаила Сервация Вишневецкого, который имел здесь укрепленный двор (замок). В северо-восточной части парка липа уступает место дубу. Он растет в виде небольшого сомкнутого массива, поэтому деревья имеют высоко поднятые узкие кроны. Более живописны одиночные дубы на открытых местах вокруг дома. Во времена Ю. Немцевича дубрава примыкала к парку. Единичны в парке ясень, белая акация, береза, граб, вяз. В подлеске часто — бузина черная. Древостой почти не имеет подроста. Он высокого качества, но восприятие его снижается отсутствием газона. В напочвенном покрове в виде пятен — купырь, чистотел. Имеется памятный камень с текстом нерасшифрованного содержания: «Przyiazni. XZL. BB.».

Усадьба расположена в черте города. Современная застройка вокруг нее ведется без соблюдения охранных зон. Дом используется под жилье. Парк недопустимо загрязнен, разрушается.

Сеньковичи

Фольварк Ивацевичского имения, которое в XIX в. принадлежало Юндзиллам. В 1890 г. его владельцами были Иван, Степан и Витольд Юндзиллы [546].

Маленькая усадьба расположена изолированно от деревни среди поля. Заложена в начале XX в. в эклектических формах. Центром композиции является небольшой одноэтажный дом с крыльцом, четырехскатной крышей, покрытой оцинкованной жестью и двумя люкарнами. Дом окружают одичавшие насаждения парка в форме квадрата (120×120 м), сложенные местными видами с включением плодовых деревьев, черешни, алычи и красивоцветущих кустарников.

Усадьба не используется. Насаждения дичают.

Разводово
(г. Барановичи)

Разводово. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

По предположению В. Абрамовича [594], название поселения Барановичи от имени рода, которому принадлежали эти земли и входили первоначально в состав владений Ходкевичей. Род Барановичей герба Боньча и Лелива имелся в Минском, герба Юноша — в Новогрудском, герба Сырокомля — в Гродненском воеводствах. Основным гнездом рода являлся гольшанский приход. На местном кладбище сохранились их захоронения [620]. Среди стражников Ходкевича известны Павел, Казимир, Лукаш. Скорее Лукаш Баранович получил здесь надел и от него пошло название имения.

До XIX в. сведений об имении не имеется. В 1800 г. имение с земельным наделом около 700 га купила графиня Янова Разводовская. Двор включал маленький деревянный дом и несколько хозяйственных зданий. По выражению В. Абрамовича [594], вокруг двора был пустырь.

Проследить дальнейшую историю имения весьма трудно. Видимо, Разводовские его утратили и оно (или только часть его) перешло Наркевичам, в 1863 г. было конфисковано. В 1867 г. имение купил Антоний Маркевич и вскоре продал Гуриновским (Гарновским). Они через несколько лет неудачного хозяйствования продали земли московскому купцу Егору Кузнецову [594]. В 1881 г. имение выкупила графиня Эльжбета (из Яшевских) Разводовская.

Со строительством железнодорожных дорог Москва—Брест (1871), Вильно—Львов (1884) местность стала важным дорожным узлом. Муж графини Ян Разводовский поделил часть земель имения на парцеллы и продавал их владельцам для застройки. Поселение быстро развивалось и в 1884 г. получило статус местечка и название Разводово.

По инициативе графини в этом же году минский губернатор Петров подписал план застройки и развития местечка, который в 1888 г. утверждается российскими властями. Владельцы выделили место под строительство церкви, кладбища, рынка. Российские власти не разрешили Разводовским строить костел. После смерти жены Ян построил на костельной площади деревянную капличку, в которой ксендзом из Новой Мыши проводились богослужения. На месте каплички позднее, в 1925 г., строится Крестовоздвиженский костел (ул. Куйбышева, 34), сочетающий формы готики, барокко и классицизма.

В 1887 г. имение графини включало 684 десятины земли [548]. Перед 1921 г. главная часть имения принадлежала Яну Разводовскому, владельцу имения Болотчицы в Слуцком уезде. Меньшей частью в 100 га усадьбой Разводово владела дочь Эльжбеты Мария (старожилы называют ее баронессой), состоявшая в браке с Левальт-Гурским, владельцем имений Коты, Листопадовичи и Ваньковщина в Слуцком уезде. В 1941 г. они с сыном Андреем были вывезены в Алтайский край. Жене удалось выехать в Иран (была

Разводово. Конский каштан обыкновенный. Фото 2002 г.

гувернанткой дочерей шаха), а затем переехать в США к дочери Кристине (жене вице-консула в Нью-Йорке). Андрей жил в США [649].

Барановичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1999 г.

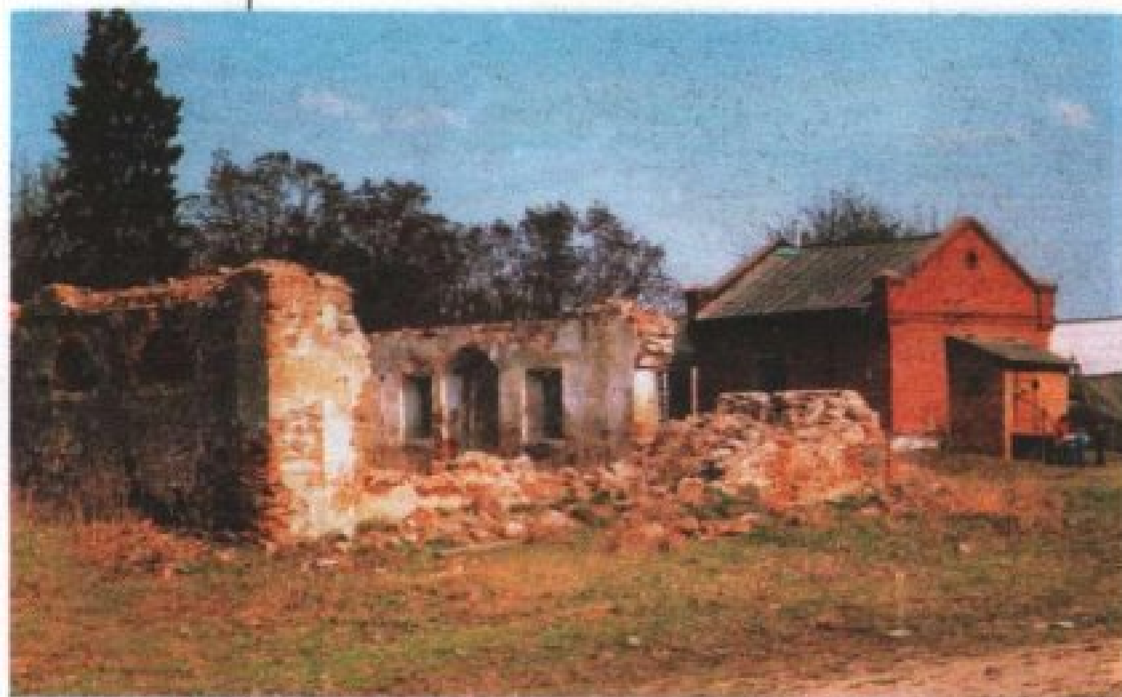
Небольшая усадьба давно стала частью города, подчинившись его современной планировке. Она вытянута вдоль улицы Комсомольская (д.42, 44). Небольшой одноэтажный усадебный дом, сложенный из блоков, расположен перпендикулярно улице. Параллельно ему стоит прямоугольное в плане здание конюшни. На месте парка в послевоенные годы построены здание детского сада, приспособленное в последнее время под сбербанк, и частные дома. От парка остались небольшие фрагменты древостоя, крупные одиночные деревья тополя белого, тополя канадского, дуба черешчатого, кусты боярышника, ирги, чубушника. Экзотичностью кроны выделяется столетний конский каштан с молодыми ветвями, восходящими от старой скелетной ветви. Группою из четырех экземпляров представлен редкий таксон дуб черешчатый 'Fastigiata' (высота деревьев 8—14 м). В послевоенное время насаждения по краю парка были дополнены линейной посадкой ореха маньчжурского.

Фрагмент бывшего парка служит городским сквером. В этой части города, в пределах улиц Советской, Калинина, Комсомольской и Брестской, хорошо выражена бывшая планировка местечка Разводово в виде сохранившихся очень широких улиц.

Сохранились фрагменты второй барановичской усадьбы, принадлежавшей начальнику железной дороги Королевскому, заложенной в 1871 г. в д. Барановичи (ныне ул. Вильчковского, 94). В этом году была сдана в эксплуатацию небольшая (3-го класса) станция Московско-Брестской железной дороги, ставшей градостроительной основой для формирования Барановичей. Усадебный двухэтажный кирпичный дом (17×10,5 м) стал первым каменным зданием быстро развивающегося поселения. Декор сооружения скромен. Стены на этажи разделены поясом поребрика, карниз с гирьками, фасадная стена расчленена лопатками. Окна лучковые. На главном фасаде имелась веранда на четырех колоннах. Теперь принадлежит детской турбазе. Рядом расположена официна, деревянное П-образное в плане здание (используется в качестве жилого шестиквартирного дома). В усадьбу с садом, хозяйственными зданиями и пивоварней вела липово-кленовая аллея (сохранились единичные деревья). Последней владелицей была Юлия Королевская. Сын Юлии погиб на войне в 1939 г., второй сын умер в тюрьме в Барановичах.

Александрия
(д. Огородники)

Имение Потоцких. Усадьба формировалась в конце XIX в. В 1890 г. принадлежала княгине Марии Потоцкой и Павлу Сапеге [546]. Расположена на невысокой террасе ручья, притоке Пульвы. Формы рельефа определили особенности ее планировочного построения. Она имеет форму вытянутого прямоугольника. Композиционной осью служит усадебная аллея, которая спланирована вдоль террасы, отделяя парадную



Александрия. Руины винокуренного завода и ледник. Фото 2003 г.

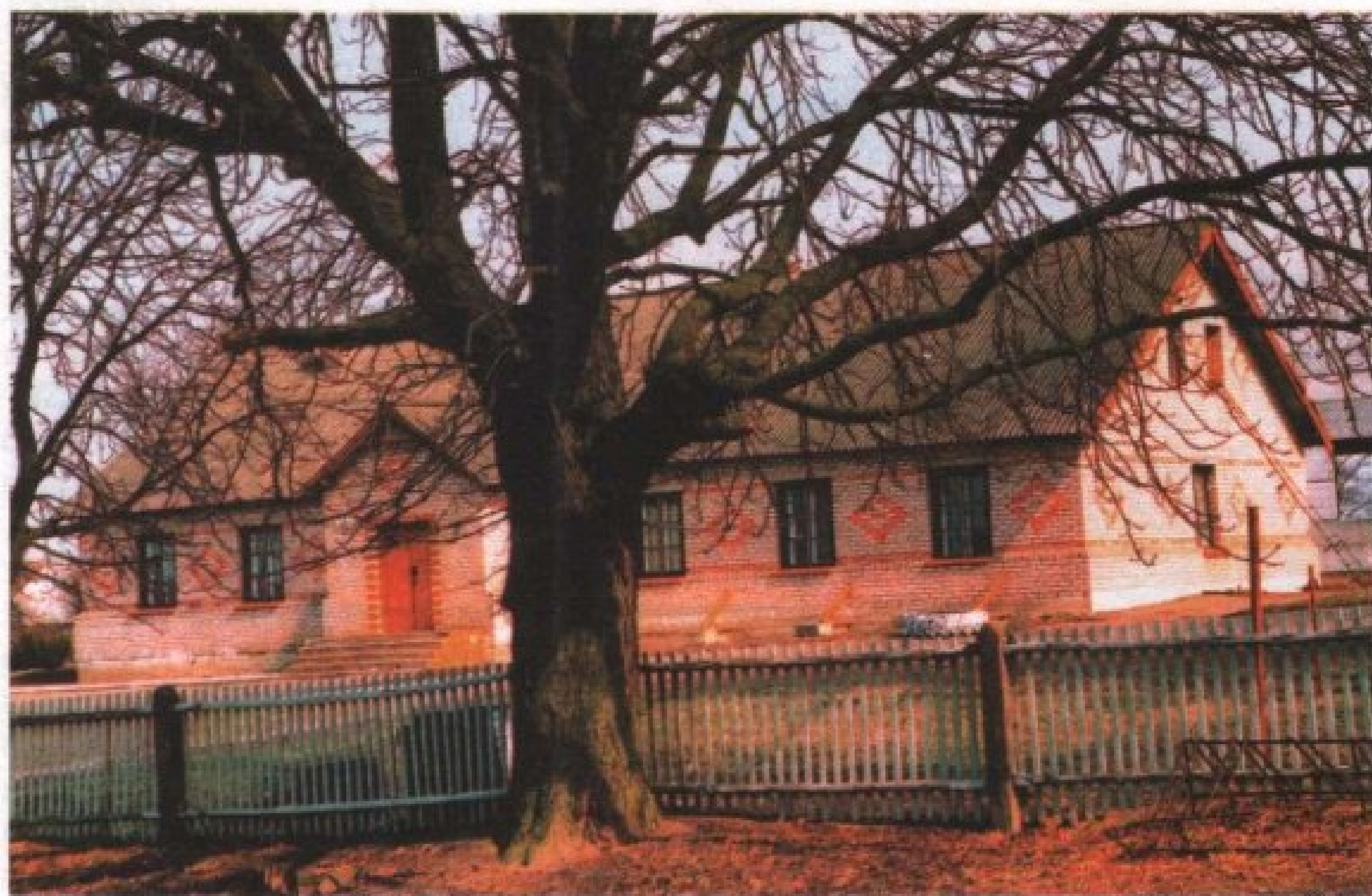
часть от хозяйственной и обеспечивая сквозной въезд и выезд с усадьбы. Вдоль нее располагаются усадебные здания.

Левую, южную, несколько приподнятую часть, занимает дом, небольшое одноэтажное деревянное здание с мезонином. Перед ним имелся газон с традиционным подъездным кругом. Планировка бывшего партера изменена. Здание приспособлено для целей школы, в последнее время обложено кирпичом и потеряло усадебный вид. Из деревьев сохранился только один старый конский каштан.

Во второй половине усадьбы, ближе к извилистому, местами слабо выраженному, гребню террасы, расположены без особой системы хозяйственные постройки. Все они больших размеров, сложены из колотого камня, бута и красного кирпича, выделяются качеством кладки, свидетельствуя о хорошем экономическом состоянии усадьбы.

Ряд зданий начинается с ледника, компактного квадратного в плане (7×7 м) кирпичного сооружения на высоком цоколе из валунов. Украшением сооружения являются кирпичные фронтоны, с угловыми четырехгранными башенками, завершающимися четырехскатными крышами. Здание с северной стороны имело, видимо, невысокую пристройку. Служило ледником, складским помещением, располагаясь напротив усадебного дома.

Почти рядом сохранились руины (стены) бывшего винокуренного завода с паровым двигателем, очень мощного сооружения со стенами из крупных валунов и вставок из красного кирпича. За ним на 70 м протянулось доминирующее в ансамбле здание из красного кирпича (ширина 11 м). По характеру боковых фронтонов перекликается с ледником. Только построено на низком фундаменте, от чего создается впечатление,



Александрия. Усадебный дом. Фото 2003 г.

что огромное сооружение врезается в землю. Фасад здания оживляет ряд небольших прямоугольных оконных проемов с белой окантовкой.

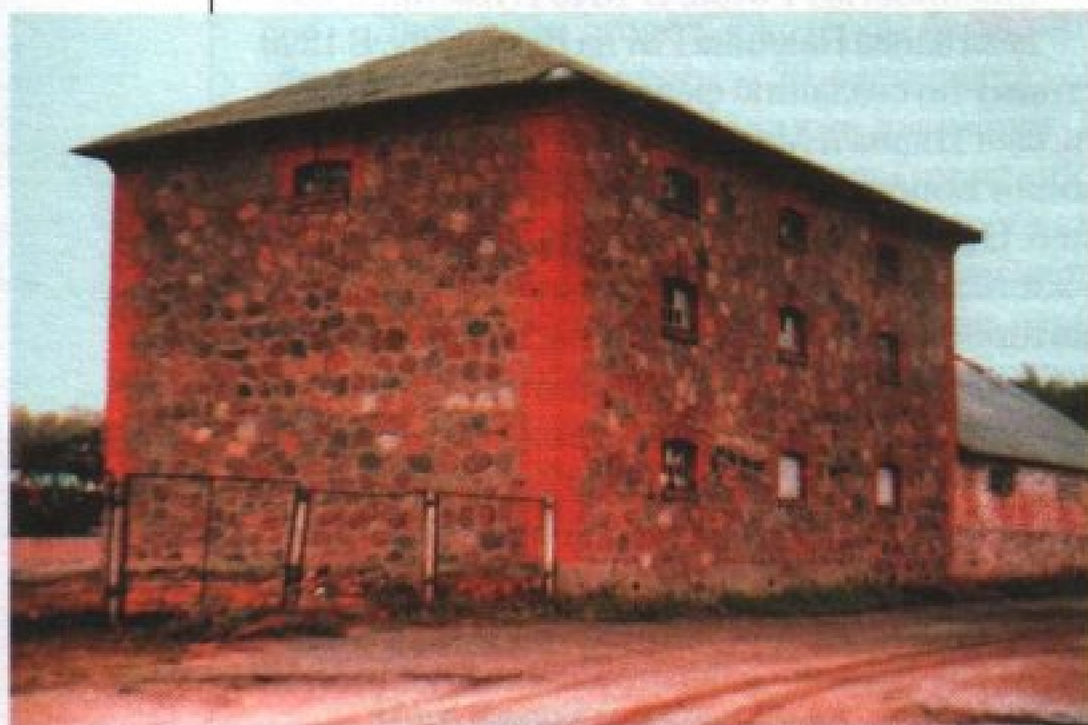
Завершается ряд также большим зданием (43×13 м), сложенным из колотого камня, с большими окнами и высокой крышей. В больших кирпичных фронтонах по одному круглому и по паре сдвоенных узких арочных окон. Здание пустует, половина его без крыши.

Александрия. Водоем. Фото 2003 г.

От бывшей усадебной аллеи, вымощенной частично кирпичом, сохранились единичные деревья (липа, конский каштан, клен, ясень). Усадьба открыта и визуально связана с поймой, где на ручье, вдоль всей усадьбы, расположен водоем. Виды на зеркало воды, в обрамлении единичных деревьев, зрительно увеличивают усадебное пространство, несколько сжатое хозяйственными сооружениями.

Усадьба имеет характерные черты эпохи, хозяйственные сооружения мало используются, разрушаются.

Каролин



Каролин. Амбар. Фото 2002 г.

В 1890 г. фольварк имения Копылы, принадлежавшего Феликсу Пусловскому [546]. От него перешел Ротам. Последним владельцем был Виктор (1899—1940), известный местный хозяйственный деятель, председатель и член нескольких кружков и товариществ (сельского хозяйства в Бресте, кружка сельского хозяйства в Верховичах, опеки над животными в Бресте, полесской сельскохозяйственной избы). После ареста в имении погиб вместе с братьями Евгением и Константином, владельцем Верховичей, в 1940 г. в Харькове [649].

Усадьба заложена на окраине деревни и подобно Александрии имеет эклектические черты. Парадная часть с усадебным одноэтажным домом была небольшой. На ее месте современная застройка. Главенствовал в усадьбе хозяйственный двор, в плане почти квадратный (120×100 м). Здания разного назначения располагались в основном по его периметру, образуя большое дворовое пространство со склепом. Некоторые из них сохранились, на месте утраченных возникли новые. Доминирует в комплексе амбар, угловое прямоугольное в плане (16×8 м) здание с низкой четырехскатной крышей. Построено из колотого камня, углы и окантовка окон сложены из красного кирпича. Амбар является частью одноэтажного здания на высоком фундаменте из валунов и бута, вытянутого по всей длине двора до въезда. С противоположной стороны двора расположено второе также длинное сооружение из красного кирпича. Дворовый фасад изменен в связи с новым назначением (приспособлено для гаража). Стена тыльного фасада имеет ряд декоративных сдвоенных узких арочных окон. Третьим

сооружением является кирпичное оштукатуренное здание небольшого размера. Двор, в котором теперь размещается сельскохозяйственная техника, окружают деревья бывшего небольшого парка, к которому примыкает сад. Двор получил новое функциональное назначение и заслуживает лучшего сбережения.

Верховичи. Винокуренный завод. Главный фасад. Фото 2003 г.

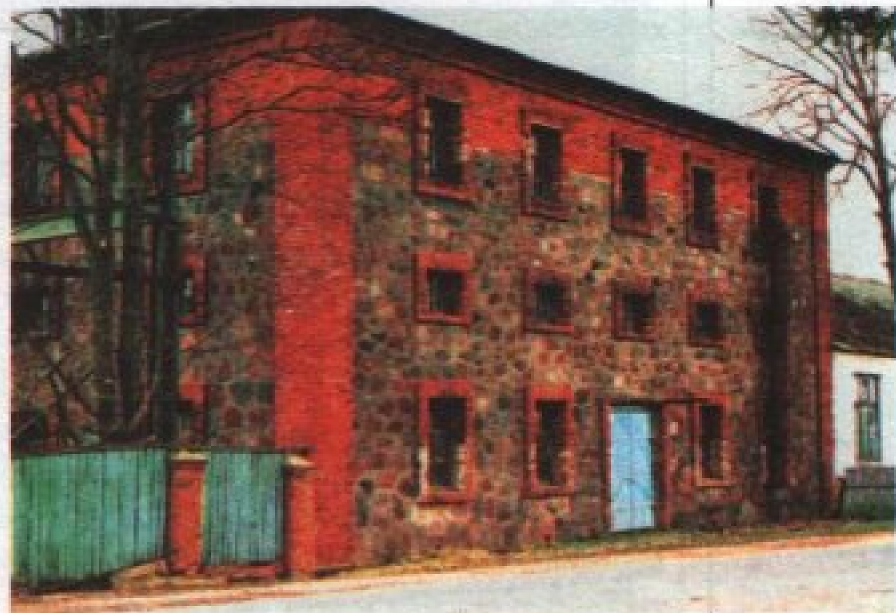
Верховичи

Известны с XVI в. как владение графов Ходкевичей, Ячиновских, затем Копотей [775]. В 1577 г. принадлежали Аполлонии [237]. В 1631 г. владельцем был Каспор Дембинский и Марина Копоть [500]. Копоти построили двор, фундовали строительство костела и записали фундуш на молебен за души рода. Около 1740 г. Верховичи перешли Сапегам. Славились ярмарками, где торговали скотом, сохами и боронами. В первой половине XIX в. стали собственностью Ротов. В 1845 г. имением владела вдова Павлина Рот из Высоцких. В 1890 г. оно принадлежало Ивану Роту, известному по созданию фермы племенного скота. Последним владельцем был Константин, сын Ивана и Марии из Спинков [649].

Верховичский двор имения Аполлонии Копоть известен по Инвентарю за 1577 г. [237]. Инвентарь необычен по содержанию. Он отражает материальное состояние владельца времен ренессанса. Двор, кроме жилых зданий, включал кухню, амбар, баню, конюшни, гумно, сеновалы, спихлер, в котором имелось 300 бочек овса, 50 пшеницы, 30 гороха; сарай для экипажей с возами, пятидесятью кибитками, изготовленными на войну, колесами, кованными железом; хлевы с вепрями голландскими; обору с коровами, волами, телицами, телятами, овцами, вепрями в количестве 292 голов. Во дворе имелись павы белые, гуси, куры, псы британские, меделянские и хорты (борзые). В кладовой, амбарах, пивницах, сыродельне хранилось (в основном в бочках) большое количество продуктов, напитков, зерна. В кладовой, например, имелись сало, солонина, две бочки мака, 20 бочек хлеба сухого (на случай войны наготовленного), 20 бочек хлеба сухого белого пшеничного, 45 бочек хлеба расходного сухого, ячмень (30 бочек), овес (100 бочек), гречиха (40 бочек). В одном из амбаров хранилось 106 бочек муки. В погребах: пиво оркишовое (101 бочка) и ячменное (61 бочка), горилка (2 бочки), вино, масло (30 дежек), сыры (45 коп), мед пресный (5 калдубов), мед сычоный (25 бочек), мед в кадях (по четыре ведра в каждой), крупа ячная и овсяная (22 бочки), на случай войны приготовленная — крупа гречишная (15 бочек), гречка (30 бочек), лук (150 вьюнков).

В амбаре скарбовом и в амбарах стояло шестнадцать липовых и дубовых скрынь, белым железом кованных, в которых хранились украшения, одежда, меха, оружие, сбруя, ткани, посуда, постель. В одной из них имелись, например, цепочки зо-

Верховичи. Склад. Фото 2003 г.



лотые, золотые с рубинами, крестики золотые с рубинами, с алмазами, манели (запястья, браслеты) золотые, перстни золотые с алмазами, рубинами, сапфиром, перстни золотые, золотые витые, камни туркусовые, пояса итальянские золотые, пояса серебряные и позолоченные, рубашки (кошульки) «зъ золотомъ», с черным шелком, «зъ золотомъ дротовым и зъ серебромъ, серебраные», каймы с золотом, с черным шелком, серебряные, головные уборы с рубинами, шкурки для завязывания волос с «дратаванага» золота и многое другое. Одежда шляхтичей включала шубы, подшитые соболями, бобрами, шубки китайские, подшитые сибирками и обложенные бобром, атласные одеяния, подшитые горностаями. Подушки были обшиты китайскими тканями разного цвета. Состав всех наименований, хранящихся в скрынях, занимает четырнадцать страниц убористого текста.

Верховичи. Фрагмент кладбища. Захоронения Ротов. Фото 2003 г.

Двор имел огород, в котором была высеяна бочка семян конопли и высажено лука 20 загонов, капусты — 20, пастернака — 15, моркови — 16, петрушки — 5. Посевы мака занимали два, репы также два морга. Расположенный в огороде бровар имел котел пивной и второй для водки (горилки).

На последнем этапе во второй половине XIX в. была заложена новая усадьба. Включала усадебный дом, официну, дом эконома, дома для рабочих, ледник, конюшню выездных лошадей с каретной, амбар, парк, хозяйственный двор, пивоварню, мельницу паровую и ветряк. Она утрачена. Сохранился бровар, длинное двухэтажное здание из двух объемов, несколько различающихся по высоте. Его украшает неглубокий ризалит, объединяющий объемы, увенчанный фронтоном, на котором указан год строительства (1908). На ризалите, фланкированном по сторонам пилястрами, расположены три ряда арочных окон разной высоты. Окна лучковые и прямоугольные. Бровар — одно из лучших производственных сооружений подобного назначения времен эклектики.

По другую сторону от въездной аллеи, которая стала улицей деревни, на приподнятой (теперь застроенной) территории располагался парадный двор с усадебным домом, длинным деревянным зданием с мезонином, ориентированным парадным фасадом на запад. Двор с южной стороны зонировался маленькой официной (здание сохранилось). Его окружал парк с липовыми аллеями. Деревья были вырезаны после войны на дрова для винокурни.

Далее вдоль центральной усадебной аллеи располагались мельница (не сохранилась), склад, а затем большой хозяйственный двор, называемый фольварком (на его месте теперь поле). Здание склада хорошо сохранилось. Это большое трехэтажное, примерно, квадратное в плане сооружение (22×20 м), сложенное из колотых валунов. Углы, верхняя часть третьего этажа и небольшие окна выложены красным кирпичом. На боковом фронтоне указана дата строительства — 1935 г. Здание выделяется монументальностью, качеством кладки с живописной расшивкой. Приспособлено для нужд деревообрабатывающего участка.

На местном кладбище, слева от каплицы, сохранился фамильный склеп Ротов с чугунной оградой (10×9 м). Вокруг склепа растут два старых памятных конских каштана, обвитых плющом, и несколько молодых деревьев.

Бижеревичи. Усадебный дом. Парадный фасад. Фото 1938 г.

Бижеревичи
(д. Лемешевичи)

«Безеревичи» упоминаются в актах, связанных с князем Федором Ярославовичем, который с 1498 г. именовался как «отчич Пинский». Первым владельцем дворища Лемешевичи, которое легло в основу имения, являлся Семен Юхнович, хорунжий пинский, заявивший о своих правах на землю королеве Боне в 1528 г. [325]. С этого времени и по 1939 г. имение принадлежало «черным» Ордам герба Остоя, наследуясь десятью поколениями по мужской линии. Владельцы известны с шестого поколения: Самуэль, сын Станислава Винцента; Доминик Самуилович, коморник пинский; Виктор Доминикович, маршалок шляхты Пинского повета; Витольд Викторович (1828—1895). От Витольда имение перешло сыну Станиславу (1867—1916), женатому на баронессе Катажине фон Шталь (1872—1953). Последним владельцем (1924—1939) был Януш Станиславович (1907 г.р.), женатый на Регине Марии Богданович (1909—1974) из Остюковичей [341]. По причине его малолетства некоторое время имение принадлежало Петру Станиславовичу (1836—1918), внуку Доминика, владельцу Перекале. Земельные владения имения Петра в 1911 г. составляли 494 десятины [549].

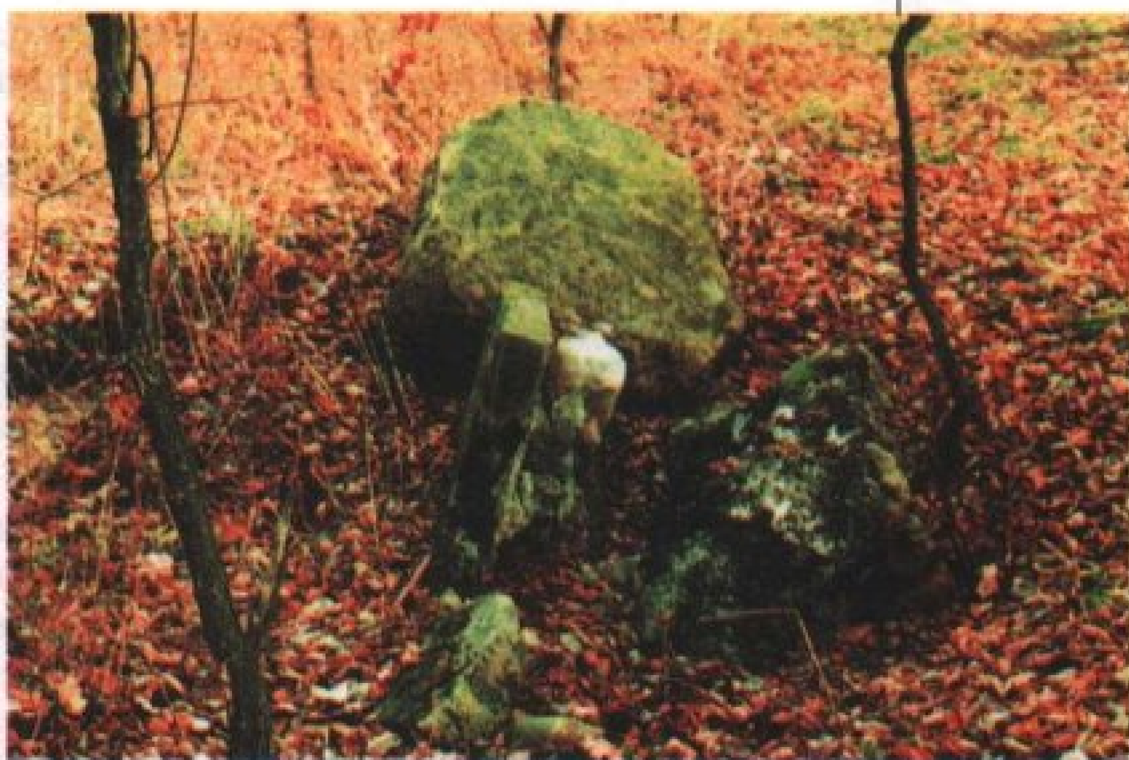
Усадьба заложена на ровной плоской местности около заболоченной поймы р. Пина, севернее Лемешевичей. Первые сведения о ней относятся к XIX в., когда Орды жили в сравнительно большом деревянном доме, построенном во времена барокко или, возможно, еще раньше. Место старого дома в 1904 г. заняло новое здание [596]. Его строительство начал Кароль, а закончил его брат Станислав. Здание строилось по образцу классицистического дворца первой половины XIX в. Кеневичей в Дорошевичах, расположенного на высоком берегу р. Припять (здание не сохранилось), с которого вышла Ванда Кеневич, во втором браке жена Витольда, мать Кароля и Станислава.

Дом в Бижеревичах известен по фотографиям 1938 г. [596]. Деревянное одноэтажное здание в центральной части имело второй этаж (мансарду) с двумя комнатами. Симметрично по его краям выступали ризалиты, завершенные двухскатными крышами. Особую нарядность и величие зданию придавали четырехколонные портики. Высокие каменные колонны портика парадного фасада располагались не на прямой линии, как это было на фасаде парковом, а в виде полукруга. Массивные тосканские колонны держали трехскатную крышу. Под ней на уровне второго (мансардного) этажа располагался балкон с ажурной балюстрадой. Портик паркового фасада, несколько выступающий вперед, завершался треугольным фронтоном, под ним размещался аналогичный балкон с балюстрадой. Боковые фасады украшали крылечки, имеющие по паре деревянных четырехгранных колонн. Белые колонны портиков, окна, двери, покрашенные в белый цвет, выделялись яркой белизной на фоне стен здания, ошалеванных и покрашенных в пепельный цвет.

Бижеревичи. Парадный въезд. Фото 1938 г.

Ансамбль включал въездную браму, построенную в изысканных архитектурных формах. Она располагалась строго на

оси усадебного дома, и через кованую ажурную решетку ее ворот с родовым гербом со стороны въезда просматривался его парадный фасад с величественным портиком. Перед портиком лежал подъездной круг овальной формы, обсаженный штамбовыми розами. Браму образовывали четыре кирпичных оштукатуренных и рустованных пилона разной высоты, расположенных на одной оси и увенчанных шарами. Боковые, более низкие, пилоны завершались ломаными четырехскатными крышами. Боковые проходы были оформлены в виде арок, опирающихся на дополнительные, более низкие, пилоны, прижатые к браме. С левой стороны брамы стоял флигель (для прислуги), с противоположной — вытянутое здание конюшни.



Бижеревичи. Руины захоронений Ордов. Фото 1999 г.

Полного завершения ансамбль не получил в связи с событиями 1914 г. По проекту архитектора Тадеуша Растворовского планировалось строительство боковых крыльев с застекленными галереями. Планировалось также возведение на фамильном кладбище каплицы с симметрично расположенными аркадами — входами к захоронениям [596].

Ко двору вела длинная въездная аллея на главной оси ансамбля со стороны Лемешевичей, пересекая дамбу между двумя небольшими водоемами. Она частично прослеживается среди кустов караганы, дерна, боярышника. Вторая, более старая аллея, оформленная тополями, вела в усадьбу со стороны фольварка. Он лежал на отдалении от парадного двора, за фамильным кладбищем. Оно сохранилось в своих границах. В плане прямоугольник (65х28 м), хорошо обвалованный по периметру и обсаженный рядами липы. Срезанные в годы войны деревья восстановились крепкими кустами. Здесь покоятся многие поколения Ордов. Памятники, установленные на склепах, не сохранились. Растут шиповник, бывшие подвои сортовых роз. По воспоминаниям Януша Орды (письменное сообщение), здесь были похоронены Витольд, сын Виктора, его первая жена Валерия Войшвилло. Сыновья Витольда от второго брака Витольд, Героним, Болеслав и др.

Небольшой парк располагался за домом. Он был старым (времени барокко), частично перепланирован одновременно со строительством нового усадебного дома. С двух сторон его окаймляли барочные грабовые шпалеры, которые не закрывали перспектив на окружающие полесские пейзажи. Центральное положение занимал удлиненный водоем, расположенный на главной усадебной оси, с мостиком, который украшала балюстрада с рисунком, аналогичным балюстраде балконов дома. Водоем питал канал, собирающий воду за пределами усадьбы. Перед домом и вдоль водоема тянулись цветочные рабатки. В кабинетах бывших боскетов росли деревья в виде небольших групп, солитеров.

Бижеревичи. Место бывшей усадьбы. Фото 1999 г.

В 1925 г., в честь 400-летнего владения Ордов Бижеревичами, в

парке насыпан холм, на нем установлен крест с датой владения (1525–1925) и закапывается бутылка, в которой имелось письмо с генеалогией рода, составленное Марией, женой Кароля [596].

Многочисленными поколениями рода в Бижеревичах были собраны архив, библиотека, мебель, художественные и фамильные ценности [596]. Они размещались в холле, бальном зале, кабинете хозяина, в комнате мансарды, служившей библиотекой, и других помещениях дома. Обстановку в холле определяли стол, вмещающий иллюстрированные альбомы и разные издания по истории искусства, комод с семейными фотографиями, стулья из Флоренции, украшенные инкрустацией из слоновой кости, изображающей голову Данте, подзеркальники и зеркала в оправе палисандрового дерева. Богатыми интерьерами выделялась столовая, расположенная по всей ширине портика с выходом в парк. Была обставлена новой мебелью, завезенной из Варшавы. Стены украшали английские гравюры, изображающие библейские сцены. В буфете хранилось множество фарфоровых изделий, посуды и старинного фамильного серебра.

Наиболее репрезентативным считался бальный зал цвета слоновой кости, во всю ширину здания, с красивым рисунком паркета. На стенах между окнами висели люстры, изготовленные по специальному заказу в Венеции, картины. Мебель зала была изготовлена в стиле Людовика XV на одной из фирм в Варшаве. В зале имелась печь из белого кафеля, в одном из углов стояло фортепьяно американского производства. Зал освещала люстра из бронзы, приобретенная у Огинских. Зал освещался также бра из итальянской майолики.

Кабинет хозяина, называемый зеленым салоном, имел индивидуальное оформление: мебель из палисандрового дерева, восточные ковры. На стене главенствовал портрет Витольда Орды кисти Станислава Богуш-Сестренцевича. Второй салон имел мебель из Флоренции, обитую кожей с изображением герба рода фон Шталь, которому принадлежала Катажина. В «ренессансовом» салоне высоко ценилась бронзовая копия статуи Микеланжело «Моисей» работы итальянского зодчего [596]. Перед войной Михаил Орда владел большой коллекцией польских монет [618].

Усадьба утрачена. Прослеживаются только следы бывших подъездных аллей, дренирующих каналов, имеются небольшие фрагменты древостоя и разрушенное фамильное кладбище.

Теребежов Нижний. Дворец. Фото 1937 г.

Теребежов Нижний

Упоминается в Ревизии пущ и переходов звериных в ВКЛ [520]. Принадлежал князьям Соломерецким. В 1558 г. владельцем являлся князь Богдан [638]. В 1856 г. у М.Солтана имение купили Олеши, родовым имением которых являлось Бережное [130, 657]. В 1892 г. при разделе больших владений Цезаря Олеши Теребежов перешел его сыну Цезарю, юристу. Его земельные владения составляли 4445 десятин [549]. После 1911 г. Мария Жук-Скаршевская продала имение, а также и родительскую Попину, и выехала в Варшаву. Владельцем Теребежова стал Ежи Узнанский [596]. В 1928 г. по акту от 7 марта имение перешло Юзефу Заворскому [37].

В Теребежове имелись старый усадебный дом, каплица, беседка, построенные в стиле классицизма. Новый владелец Цезарь Олеша, потомок в десятом колене Петровича Олеши, основателя рода, начал строительство дворца по проекту архитектора Юлиана Лисецкого и инженеров Казимира Сливинского и Владислава Капаона. В 1908 г. среди старого парка возвысилось красивое неоготическое сооружение усложненной композиции. Двухэтажное в плане, прямоугольное кирпичное здание было наделено башнями и башенками. Парадный фасад имел в центре ризалит с глубоким двухколонным портиком и балконом. Завершался фасад ступенчатым аттиком. Подобное оформление имел тыльный фасад. От основания портика отходила большая терраса, ведущая в парк. Боковые фасады заметно различались. Один имел террасу, второй — небольшое крыльцо. По словам местных жителей, дворец имел 75 помещений разных по форме и оформлению. Залы, салоны, кабинеты, жилые комнаты были обставлены дорогой мебелью, привезенной из Петербурга в пяти вагонах, стены украшали многочисленные картины, портреты. Центральную часть дворца занимал просторный высотой в два этажа холл, обрамленный стройными колоннами и освещаемый через витражи в четырехскатной крыше. Одну из стен холла украшал мраморный камин с великолепным скульптурным завершением [596].

Дворец окружал старый парк (схема). Цезарь несколько перепланировал и расширил его. Парадной частью стала его северо-западная окраина. Ее построение сим-

Теребежов Нижний. Фрагмент водоема. Фото 1937 г.

метрично-осевое. На въезде со старой центральной усадебной аллеи была построена также в неоготических формах брама с чугунными воротами и сторожкой. На оси проложена неширокая (6 м) формованная аллея (деревья в ряду через 6 м). С двух сторон располагался газон с цветочным оформлением (принял вид суходольного луга с ксерофитным разнотравьем). По газону в виде круга в диаметре 135 м были посажены тополя канадские 'Serotina'. Сохранилось 7 мощных деревьев (диаметр ствола 100—135 см), ставших основными доминантами парка. Газон окружали группы декоративных кустарников, от которых сохранились спирея Бияра, рябинник, боярышник, сирень и очень редкая в культуре птелея трехлистная. Недалеко от дворца, на опушке парка стояла восьмигранная каплица прежних владельцев. Ее фасад украшали две пары колонн, увенчанных треугольным фронтоном с небольшой башенкой-колокольней. Святыню окружали сирень и форзиция (остался одиночный куст).

Парк имеет вторую более вытянутую ось. На ней расположена аллея из сирени в виде разросшихся рядов. Замыкалась ось беседкой, квадратной в плане, четырехстолбовой, расположенной около ручья Сирень. К ней через пойму, пересекая каналы с мостиками, вела дорожка. С двух сторон террасированного спуска к реке располагались рабатки. Берег подмыл ручей и сооружение снесено водой. Видимо, на этой оси, ближе к главной усадебной аллее, стоял старый усадебный дом XVIII в.

Парк занимал слегка приподнятую террасу ручья, а также пониженную и переувлажненную пойму. Ее пересекают и дренируют два канала, которые одновременно наполняли большой водоем, по берегу которого проходила аллея. Теперь водная система изменена. Вода не поступает в широкие хорошо выраженные зарастающие каналы. Русло ручья стало водоемом, поглотившим старый водоем. Новый водоем принял экзотическую форму, окружив парк с восточной стороны.

Дворец взорвали немцы в 1943 г. На его месте теперь большой котлован, воспринимаемый как спущенный водоем. По земле стелется виноград девичий пятилисточковый, который когда-то украшал стены здания. Парковый древостой, разнообразный по составу, подобно парку в Новом Бережном, вырублен в годы войны. В наше время фоновым деревом парка стал клен ясенелистный, образовавший сплошные низкого качества заросли в пойме. Получил распространение подрост местных видов, который закрыл поляны.

Служит сельским парком. Восстанавливается ограда. Имеет значение в планировке деревни.

Павлиново. Усадебный дом. Фото до 1937 г.

Павлиново

Владение Новицких, которое в 1897 г. купил Ян Оттон Бохвиц, сын известного философа и писателя Флориана Бохвица и Павлины из Маевских. Ян Бохвиц, офицер гусарского полка, воевал в годы Крымской войны, являлся сторонником отмены крепостного права, был осужден за участие в восстании 1863—1864 гг. После освобождения из Динабургской крепости активно включился в хозяйственную жизнь имений, начал строительство двора в Новых Вошковцах, которые отошли ему по наследству. В новом имении, у истоков р. Кочеришки, среди леса Ян строит сначала хозяйственные здания, потом высаживает сад и планирует парк (схема). В 1906 г. закладывает усадебный дом, строительство которого ве-

лось, как отмечается в одном из писем, «американским» темпом за полгода вместе с винокурней и некоторыми хозяйственными зданиями [717]. Новую усадьбу называет в память о матери Павлиново. В 1911 г. земельные угодья имений Яна (Павлиново, Кочеришки и Флорианово) составляли 758 десятин [549]. После 1915 г. владения отошли сыну Тадеушу Оттону, а в 1930 г. — внуку Яну Оттону (умер в 1937). Последним владельцем был Флориан Бохвиц, женатый на Хелене из Керсновских (1875—1939) [649]. Бохвицы любили новую усадьбу, устроенную со вкусом, быстро выросшую среди леса, нередко собирались всем дружным семейством. Здесь часто жила с Вандой и Мариушем сестра Тадеуша Валерия (около 1871—1941), жена Антония Гринкевич-Мочульского, полковника российских войск. Летом 1909 г. в Павлиново совершила «путешествие» на автомашине Юзефа Рейтана из Грушевки Элиза Ожешко [717].

Павлиново. Усадебный дом. Фото 2001 г.

Усадьба расположена уединенно на ровной террасе небольшой реки Кочеришки, притоке Лахазвы. С двух сторон стеной ее охватывает лесной массив. Центром композиции стал живописный усадебный дом усложненной планировки, построенный с использованием форм неоготики. В плане прямоугольный (28х15 м), с ризалитами на парадном и парковом фасадах. Здание оштукатурено и окрашено в желтовато-розовый цвет, наличники и декоративные элементы белые. Углы декорированы восьмигранными столбами. Центральный объем и северное крыло двухэтажные. Ризалит парадного фасада широкий (12 м), решен с соблюдением симметрии (8 окон и входная дверь, в верхнем этаже 9 окон), увенчан ступенчатым щитом с башенками с одним стрельчатым и двумя круглыми окнами. К нему примыкает деревянная терраса. Парковый фасад решен подобным образом, но асимметрично за счет сужения ризалита на 2 м. В ризалите входная дверь и два окна, в верхнем этаже три окна. На ступенчатом щите с башенками, большим готическим окном имеется дата закладки дома — 1906 г.

Северный фасад расчленен гранеными и круглыми столбиками, также завершен щитом с башенками и тремя готическими окна-

Павлиново. Элиза Ожешко и Ян Оттон Бохвиц. Фото 1909 г.

ми. Одноэтажное южное крыло имеет мансарду под двухскатной крышей. Во фронтоне расположен блок из четырех узких готических окон. Граненые столбики завершены чашечками, напоминающими бутоны. По некоторым декоративным мотивам ризалиты перекликаются с торцовым аттиковым щитом усадебного дома во Флорианове. Строились они, видимо, одновременно. Левое крыло служило каплицей. На коньке крыши имелась башенка с шатровым завершением, увенчанным крестом. В 1990 г. здание было перекрыто оцинкованной жестью. Каплица утрачена.

К дому через сад ведет въездная липовая аллея, которая начинается парой мощных тополей канадских 'Serotina' (в диаметре 140 см). Ось ориентирована в направлении восток—запад. Въездная брама не сохранилась. Аллея неширокая (7 м), но редкостойная (в ряду деревья через 11 м). Она усложнена формованным бордюром из караганы древовидной. Сохранилась карагана частично, отросла, образуя заросли высотой 2—3,1 м. Боскет с садом низкого качества выражен только с северной стороны, примыкая к живописной кайме леса из сосен, берез и одиночных елей.

Аллея подводит к партеру, пересекает усадьбу и заканчивается в глубине парка у водоема. Перед партером в виде доминанты росли два тополя канадских 'Serotina', что и при въезде в усадьбу (сохранилось одно дерево). Партер имеет в центре круг, который был окружен низким бордюром из караганы. Посадками последнего времени перегружен (туя, спирея, граб).

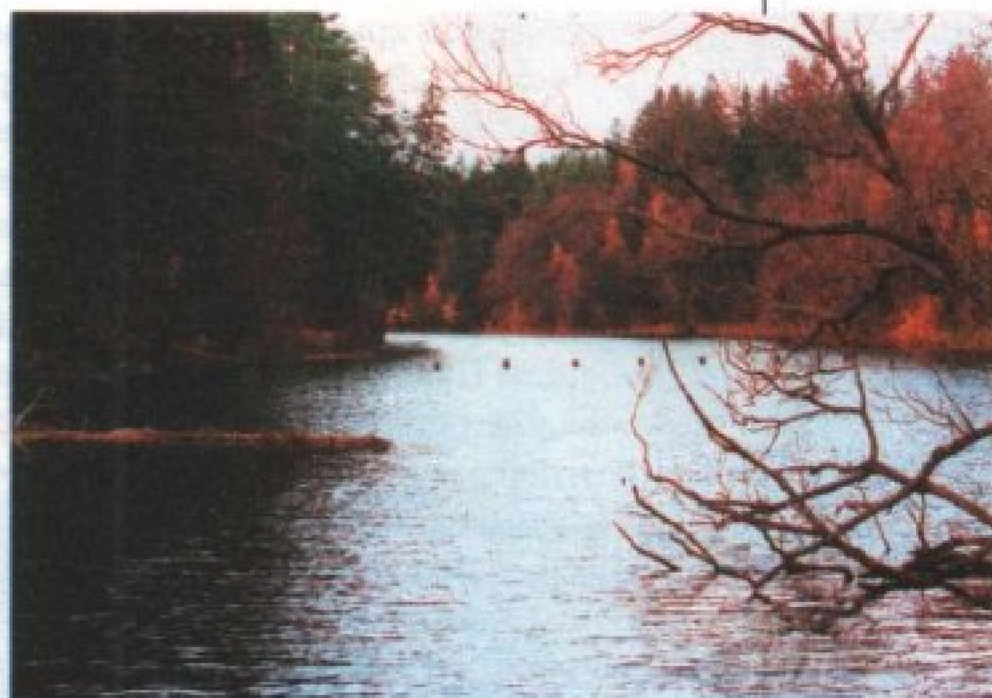
Оригинально решен партер с тыльной стороны дома. Он имеет форму овала, по периметру которого на газоне растут дубы (посадка через 4 м) с широкими раскидистыми кронами (13 деревьев). В центре овала по оси ризалита также высажен дуб, крона дерева самая широкая, до 20 м. Партер от сада (теперь военная часть) отделяется плотным рядом клена (деревья растут через 4 м).

В основу планировочного решения пейзажного парка положена водная система, не сложная, но оригинальная по форме. На оси усадебного дома расположен прямоугольный водоем с задернованными берегами, грабами, растущими у самой кромки воды. Его питает маленький водоток, вытекающий из лесного массива, затем под оградой попадает в парк по специально устроенному бетонному корыту и наполняет водоем. Уровень воды в водоеме держат дамбы, но часть ее переливается и по каналу поступает в реку. Она течет по западной окраине парка, постепенно расширяется и, приняв вид сравнительно широкого русла между лесным массивом, уходит в северо-западном направлении. Красочность ландшафту придает лесной массив из сосны и ели на высокой речной террасе.

Положением и своеобразием водной системы определяются особенности парковой композиции. В его основе большая открытая поляна. Виды со стороны усадебного дома ориентированы на водную систему.

Павлиново. Парковая аллея. Фото 2001 г.

Деревья по периметру поляны делали ее абрис изрезанным, живописным. Со стороны сада вдоль поляны протянулся постепенно расширяющийся ельник. У водоема он переходит в сосняк еловый, который с восточной стороны подходит вплотную к берегам. Это фрагмент бывшего лесного массива. Красивые стройные ели разных фенотипов имеют высоту около 28 м. Среди них одиночные клены, липы и две сосны веймутовы (третья сухая), не уступающие ели по высоте. На фоне ельника были высажены разные редкие виды. Сохранились одиночные растения: клен ложнозибольдов, не идентифицированный североамериканский вид березы, аморфа, белая акация, роза колючейшая, дуб красный. Под елями большое пятно барвинка малого. Имеется самосев сосны веймутовой. Редкие растения теряются в массе подроста, кустарников, сплошь заселяющих поляну. На краю массива расположена беседка. Ее образуют клены, высаженные по кругу в два ряда.



Павлиново. Фрагмент водной системы. Фото 1999 г.

Со стороны реки поляну сначала огибает узкая липовая аллея, а затем вдоль берега идут кусты сирени и среди них липа американская 'Macrophylla' (высота 9 м, диаметр ствола 42 см), привитая на липе крупнолистной. Ян Оттон Бохвиц любил и знал растения и насыщал ими парк, как и во Флорианове.

Более сложное оформление имеет поляна вдоль канала. Здесь прогулочный маршрут шел по грабовой аллее, затем по берегу вдоль деревьев ольхи, туи, дальше переходил в аллею липовую и заканчивался у водоема на мысе под могучими соснами, стволы которых словно колонны высотой до 26 м, в диаметре более 80 см. Здесь самое уединенное место с видами вдоль русла реки.

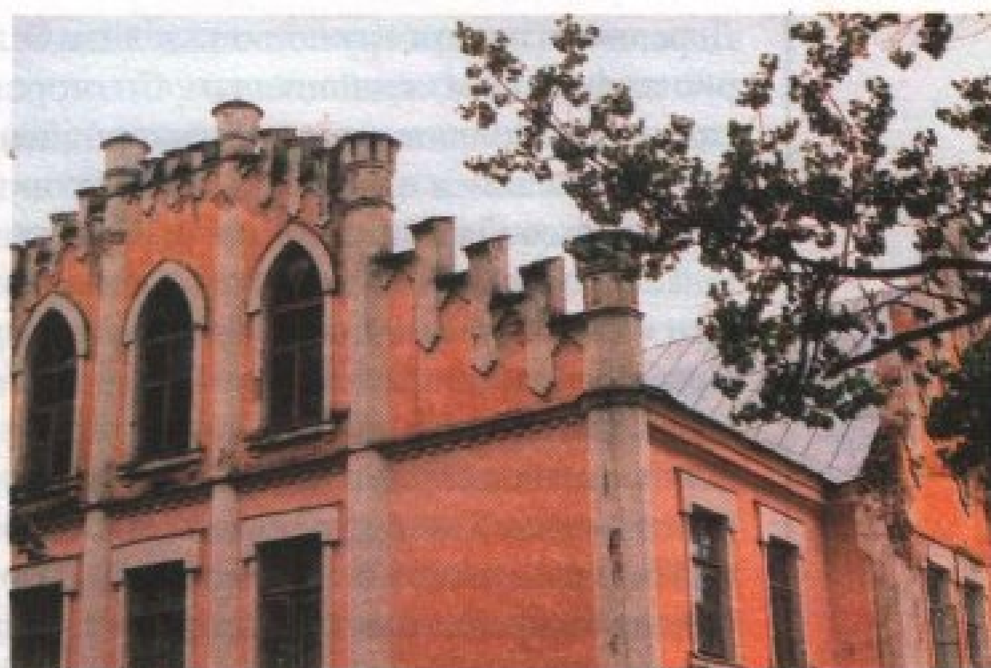
Принятая планировка парка нарушена послевоенными посадками, когда в усадьбе располагался военный госпиталь (до 1995). Вдоль тропы к водоему, расположенной по оси здания, высажена тополиная аллея, подбитая пузыреплодником. Кустарники разрослись, сомкнулись и закрыли дорожку. В прошлом ось перспективы подчеркивалась только деревьями перед водоемом. Вторая аллея (1 ряд тополя, 1 ряд липы) также неуместно заложена на поляне, перпендикулярно вышеуказанной. В результате поляна потеряла свою выразительность, а виды на водоем оказались перекрытыми.

Кроме дома в парке расположены конюшня и ледник. Большое, Г-образное в плане здание конюшни (длина корпусов 28 и 50 м, ширина 7 м) усиливает ансамблевость усадьбы. Оно, как и дом, построено из кирпича, оштукатурено, но не имеет декора и не конкурирует с домом. Его привлекательность усиливается двумя повышенными поперечными объемами с низкими двухскатными крышами. Объемы служили жильем конюха, складом сбруи.

Павлиново. Конюшня выездных лошадей. Фото 2001 г.

Конюшня образует уютный дворик южной экспозиции. Вход в здание декорирован двумя симметрично расположенными туями. Одиночно растут сосны, дубы и липы. Под их кронами расположен ледник. Небольшое (8×6 м), просто устроенное сооружение с низкой, почти до зем-

ли, двухскатной крышей на двух кирпичных фронтонах. В глубине усадьбы перестроенный бывший коровник. Остальные здания не сохранились, в том числе водяная мельница на Лахазве, в лесу — смолокурня. Утрачена также небольшая усадьба Бохвицев (последним владельцем был Флориан из Павлинова) Нерочь, расположенная по соседству среди леса. После войны в ней располагался детдом. На месте усадьбы, окруженной лесными культурами, разрослись роза колючейшая и морщинистая, рябинник, спиреи, снежноягодник, бирючина. Виды дичают и входят в состав местной флоры.



Павлиново. Усадебный дом. Фрагмент парадного фасада. Фото 2001 г.

Усадебно-парковый ансамбль в Павлинове по степени сохранности, красочности является одним из лучших в Беларуси. Не используется. Находится на балансе Барановичского райкомхоза.

Маньковичи. Дворец. Фрагмент фасада. Фото 1938 г.

Маньковичи

Входили в состав Давид-Городокских владений. Упоминаются в актах конца XIV в., связанных с именем князя Федора Ярославовича [325]. Федор, не имея наследников, записал свои владения королю Сигизмунду I, а от него они перешли сыну Сигизмунду Августу. Король Сигизмунд Август в 1551 г. подарил Давид-Городок несвижскому князю Николаю Радзивиллу Черному [602]. Согласно специальному разрешению короля Стефана Батория, Маньковичи вошли в состав Давид-Городокской ординации Радзивиллов, основанной в 1586 г., а в 1875 г. объединенной с Несвижской и Клецкой ординациями. Маньковичи являлись первоначально одним из многочисленных фольварков ординации, которая не имела своей резиденции. Основным родовым гнездом для Радзивиллов оставался Несвиж. В конце XIX в. по инициативе княгини Марии Дороты де Кастеллян (1848—1915), жены князя Антония Радзивилла (1833—1904), было решено построить новую усадьбу. Решение мотивировалось предстоящим разделением несвижско-клецко-городокских владений между сыновьями. Выбор пал на маньковичский фольварк. Маньковичами, вместе с Великими Орлами и Ольмянами владел Радзивилл [547]. Всех привлекало необычайно живописное место на высокой террасе [596].

Маньковичи. Дворец. Вид со стороны парадного въезда. Фото 1938 г.

Работы начались с закладки в 1885 г. парка, что отмечено на памятном камне. Основой послужил расположенный рядом с фольварком лес со старыми дубами площадью около 50 га. В 1905 г. в парке уже стоял большой необарочный дворец с башней, построенный по проекту берлинского архитектора Венцеля.

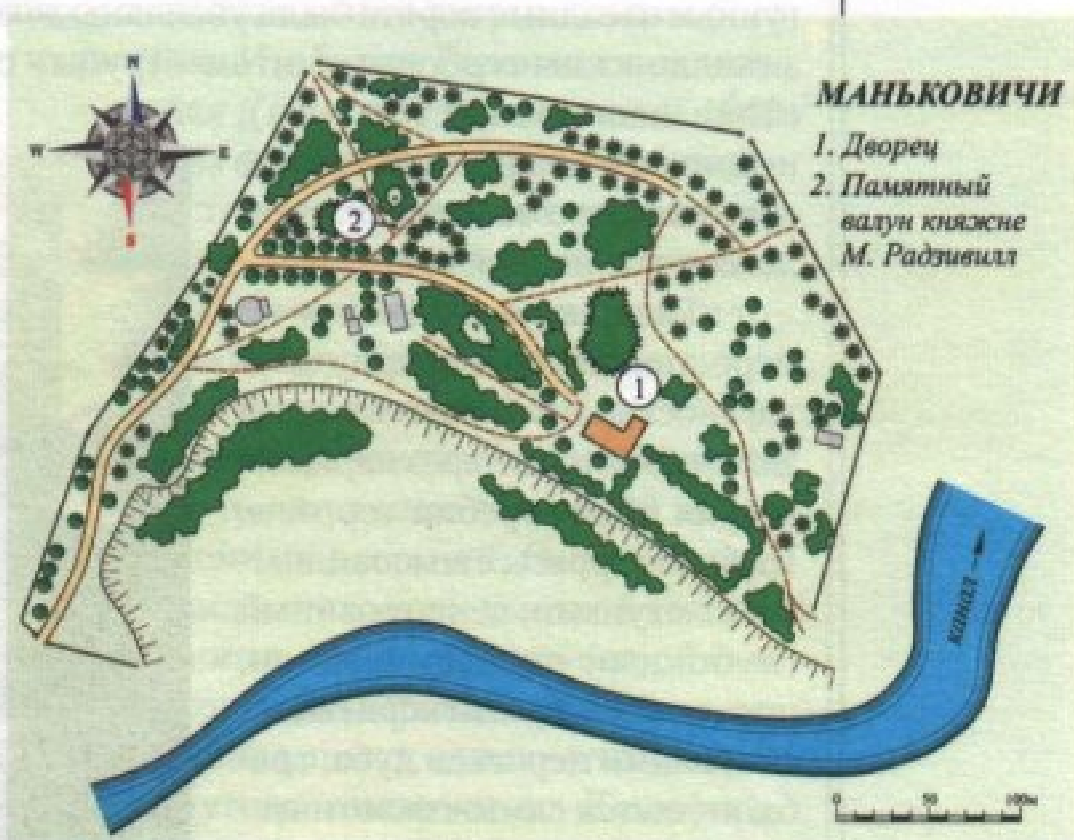
Маньковичи. Дворец. Фото до 1938 г.

Новая усадьба стала главной резиденцией Давид-Городокской ординации, которую после Антония Вильгельмовича возглавил его младший сын князь Станислав (1880—1920), адъютант Юзефа Пилсудского. Владения князя в 1911 г. составляли 19791 десятину [549]. Последним XIII ординатом Давид-Городокским был Кароль Радзивилл (1886—1968), XV ординат несвижский, женатый на Изабелле Радзивилл (1882—1968) [596]. Они были арестованы в 1939 г. и сосланы в глубь России.

Дворец, ставший главной доминантой усадьбы, был Г-образным в плане, с высокой мансардовой крышей. Состоял из нескольких корпусов усложненной композиции. Гладкие треугольные фронтоны ризалитов с балконами основного корпуса украшали барельефы радзивилловского орла с митрой. Перпендикулярно размещался боковой флигель с проездной аркой, служивший официной с двумя кухнями, службами, складами и жилыми комнатами. Над зданием возвышалась деревянная четырехэтажная восьмигранная часовая башня, увенчанная застекленным маяком и гербом Радзивиллов. Внешне она напоминала башню несвижского замка и, видимо, была выполнена по этому же проекту. Имела декоративное значение и одновременно являлась водонапорной. Трубы скважины навсегда остались в земле. Венцель обращается и к другим формам несвижского дворца, но не копирует их.

Внутреннюю планировку дворца передает рисунок Изабеллы Радзивилл. Центральную часть его занимал большой холл на всю высоту здания, а с противоположной стороны — большой квадратной формы салон.

В отличие от Несвижа во дворце не было большого количества исторических предметов, семейных реликвий. Только некоторые ценности завозятся Станиславом из Несвижа. Холлы, салоны, маленькие салоны, кабинеты получили декоративное оформление, выполненное специалистами из Италии на английский манер, по выражению А.Н.Кулагина, [397] в жестко-графическом «английском» стиле. Высокой декоративностью отличались паркетные полы из разноцветного дерева, панели орехового дерева разные по форме и величине камины из мрамора. Характерную черту интерьеров составляли многочисленные охотничьи трофеи. Дикими животными славилась Давид-Городокская пуща. Основным украшением вестибюля, кроме картин, портретов, рогов и клыков, был камин из белого мрамора, увенчан-



Маньковичи. Памятный валун. Фото 1999 г.

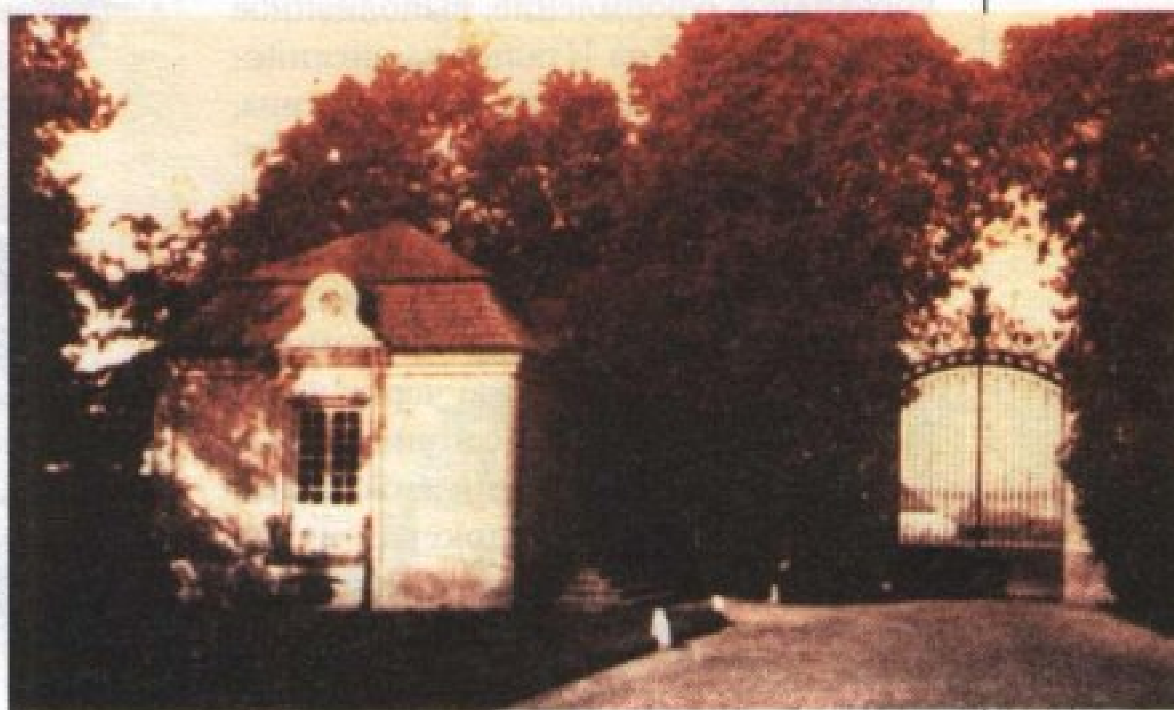
ный карнизом из кости, на котором между двумя подсвечниками с орлами стоял серебряный с позолотой петух, изготовленный в XVII в. Одной из ценностей дворца являлось собрание гравюр на военную тематику. Имелся альбом с портретами представителей Венского конгресса. Большая библиотека включала старые и новейшие издания, подаренные архивистом несвижским, сыном виленского книгоиздателя Юзефа Завадского, княгине Марии Дороте Радзивилл. В это собрание входили издания авторов первой половины XIX в. с дарственными надписями для Завадского. Среди них были книги А. Мицкевича, Ю. Словацкого, А. Снедецкого [618]. Крайний угол дворца занимала домашняя каплица.

Война 1914 г. принесла сильные разрушения и потери для величественной и совсем новой резиденции. В 1922 г. дворец восстанавливается Каролем Радзивиллом и постепенно наполняется новыми ценностями. Руководит восстановительными работами варшавский архитектор Юлиан Нагурский. Приобретаются мебельные гарнитуры в стиле Людовика XVI, завозятся семейные портреты, картины. Представление о дворце, его интерьерах этого времени дают фотографии 1938 г. [596].

Дворец стоял в глубине большого парка (схема). Его формирование происходило примерно в одно время с Несвижским парком и также под покровительством и при содействии княгини Марии де Кастеллян (Радзивилл), о чем гласит надпись на памятном камне. Он установлен «благодарным сыном Станиславом» на опушке центральной поляны. Маньковичский парк имеет некоторую стилевую общность с несвижским. В его ландшафте нашли воплощение мотивы романтизма, идеи натурализма, черты регулярности (аллеи, линейные формованные посадки ели, грабовые шпалеры, экзоты) и композиционная отточенность ряда элементов. Парк занял очень высокую живописную террасу, но не Горыни, как принято считать, а старого ее русла, по которому был проложен канал, называемый «копанец», который из-за полноводности и ширины принимается за реку. Горынь же только подходит к усадьбе, делая излучину. Геоморфологические особенности местности обеспечивали хорошее восприятие дальних перспектив. Дальние перспективы в виде панорамы открываются от въезда. Чугунные въездные ворота были увенчаны декоративным кружевным орнаментом и радзивилловским гербовым щитом «Трубы» с княжеской митрой. Перед брамой слева стоял павильон (сторожка), небольшое квадратное в плане сооружение с четырехскатной ломаной гонтовой крышей.

Раскрытие перспектив по мере движения к дворцу достигалось положением главной аллеи. Она идет через парк, повторяя абрис гребня террасы. Гребень террасы с мысовидными выступами, ее изрезанный глубокими оврагами склон, прочно схваченный корневыми системами деревьев дуба, граба, является самым экзотическим местом парка. Вторая ал-

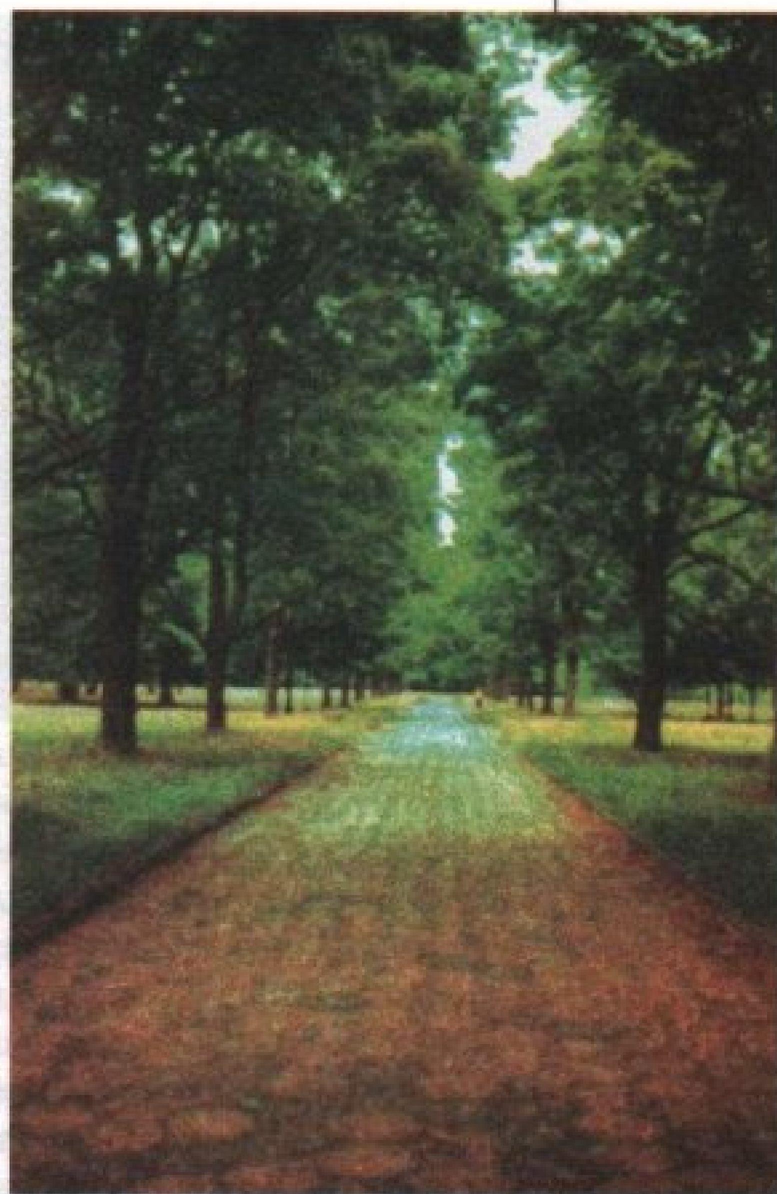
Маньковичи. Въездная брама. Фото 1938 г.



лея идет через парк по его северной окраине, она имеет более тихий, уединенный характер.

По отношению к этим аллеям формировались парковые пейзажи, определялось положение древесных массивов, групп, солитеров, акцентирующих видов. Основной принцип построения парка заключается в чередовании небольших полян, древесных массивов и групп. Учитывались красочность абриса полян, выразительность опушек, правила сочетания местных и иноземных видов, форма и размеры групп (овал, круг, треугольник). Много внимания уделялось подбору ассортимента растений, роли солитеров из числа старых деревьев бывшего лесного массива.

Основная парковая аллея широкая (10 м), вымощена плиткой и плавно извивается среди насаждений парка, чем достигается удлинение пути и улучшение обозрения. Ее продолжительность составляла около километра. Аллея редкостойная, клены в ряду растут через десять метров. Основным акцентом по пути следования являлся дворец с башней, просматриваемый через поляны между насаждениями. Абрис одной из первых полян живописно оформлен елью с белой акацией. Различаясь цветом листвы и габитусом кроны, деревья хорошо сочетаются, образуя компактное двухпологое насаждение. Наиболее живописной является поляна с памятным закладным камнем на опушке. Ее украшают очень редкие в культуре липа крупнолистная 'Vitelinâ' с развесистой до земли кроной и липа каролинская родом из смешанных и субтропических лесов Северной Америки. Оригинальна группа елей, посаженных в два ряда в виде овала. Рядом солитер лиственницы европейской.



Маньковичи. Главная аллея парка. Фото 1999 г.

Перед партером аллея проходит между двумя вытянутыми древесными массивами. Они сложные по составу. Доминирует граб. С ним сочетаются липа, клен, береза. Было много ели, но деревья суховершинят, выпадают. Наиболее живописна часть парка перед дворцом в виде большой слегка пересеченной поляны с солитерными деревьями. Одним из них является невысокий, с низко посаженной широкой кроной дуб. Теперь он служит ориентиром по определению местоположения дворца, от которого не осталось следов. Это дерево изображено на рисунке Изабеллы Радзивилл, оказавшейся в ссылке в России после 1940 г., и на фотографии 1938 г. Дуб с другой стороны здания около гребня не сохранился. Под ним на возвышении стояла беседка, одна из видовых точек на пойму. На краю поляны растет липа крупнолистная 'Obliqua' с опущенными до земли ветвями. Угловая часть поляны имеет большой набор иноземных растений. Они достигли возраста спелости и высокой декоративности. Фон образуют хвойные: ель колючая (деревья с разной окраской хвои), пихта одноцветная, сосна веймутова, лиственница Кемпфера, несколько на отдалении — сосна жес-

Маньковичи. Древесная клумба. Фото 1999 г.

Маньковичи. Общий вид дворца. Рисунок Изабеллы Радзивилл. До 1940 г.

ткая. Крупным деревом представлена липа войлочная, или венгерская, достигающая высоты 21 м, диаметра ствола 123 см. Поляна имела мелководный водоем с фонтаном. Его украшением были лебеди.

Партер перед домом имел форму прямоугольника, окруженного низким формованным бордюром. На газоне были разбиты клумбы, рабатки. Вдоль стен дворца росли туи западные с узкопирамидальными кронами. На высоких постаментах стояли вазы, скульптуры сфинксов. К полуоткрытому дворику, образованному двумя объемами дворца, примыкали теннисные корты, окруженные грабовыми шпалерами.

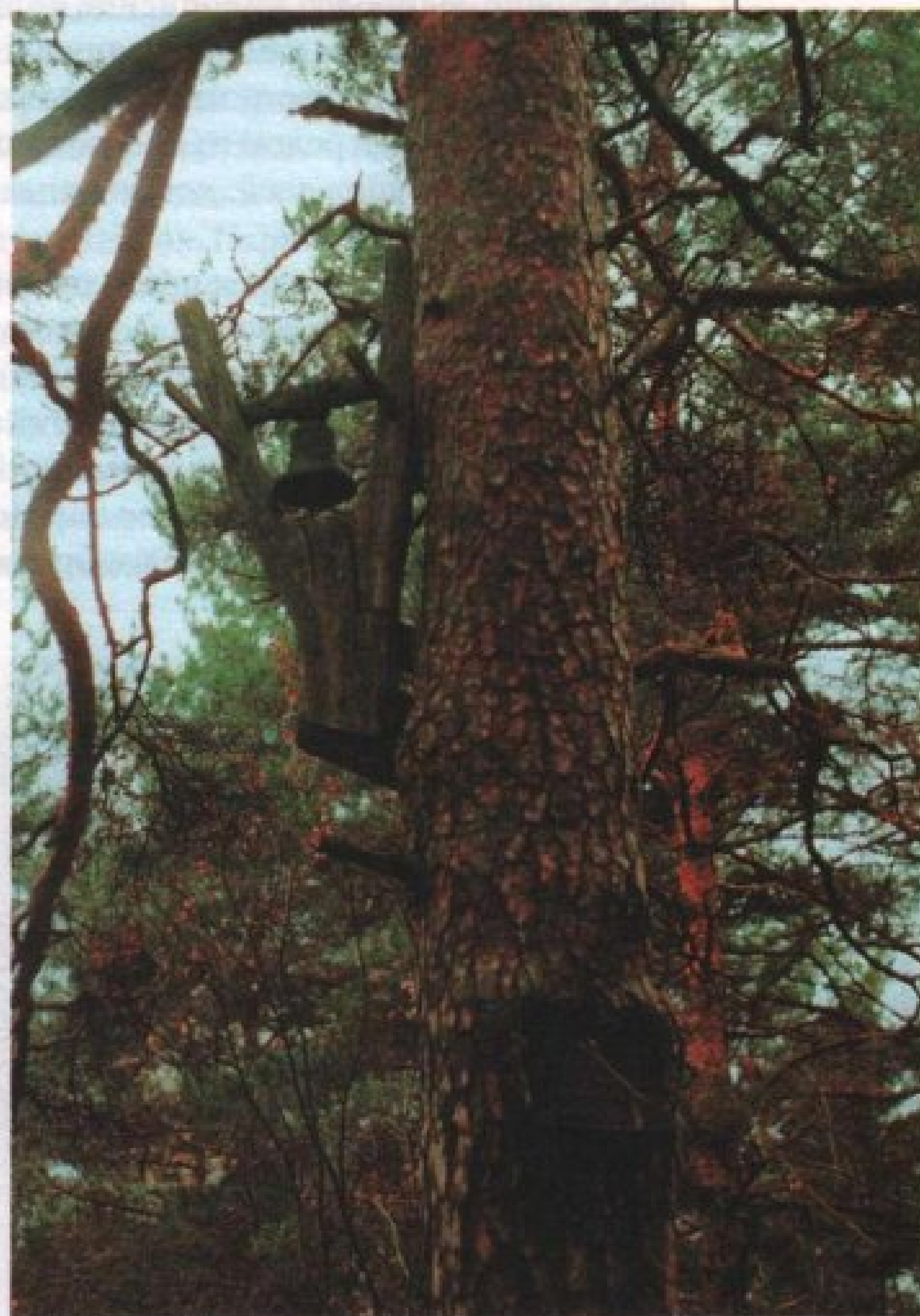
Вторая аллея была неширокой, начиналась на западной окраине парка от аллеи главной. Она проложена среди периферийных насаждений парка с учетом раскрытия нескольких перспектив на основную доминанту парка — дворец, а также на древесные группы, поляны и массивы. Основные древесные массивы сосредоточены в угловой части парка. Они сложного состава. В их составе береза, реже клен, граб, сосна, было много ели. В них почти нет подлеска, мало подроста. В местах повышенной сомкнутости древостои мертвопокровные; на разреженных участках развивается злаковый покров. В одном из массивов доминантой является плотная мертвопокровная группа ели (сохранилось 24 дерева). Ее окружает древостой из липы, березы, граба с одиночными елями.

Угловой вход в виде простой калитки оформлен разреженной посадкой сосны веймутовой (сохранилось 8 деревьев).

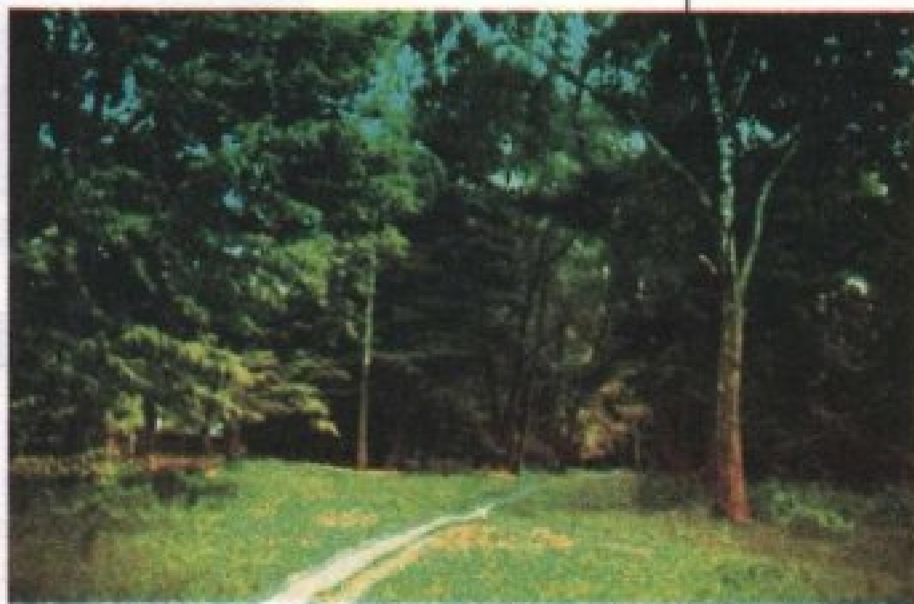
Далее вдоль дорожки растут тополя Симони, или китайские. Ветви крон деревьев с темно-зелеными блестящими листьями каскадно ниспадают, образуя экзотический туннель. Тополь образовывал большую группу, но он оказался недолговечным, и в вековом возрасте стоят деревья уже с сухими ветвями, выпадают. От 136 учтенных нами ранее деревьев осталось 10 [562].

Следующий этап прогулочного пути был оформлен с использованием сосны веймутовой. Деревья аллеи посажены здесь с междурядьем в 13 м, учитывая размеры спелых сосен. Ее насаждение также заметно поредело. Заканчивается путь, на котором происходило чередование открытых и закрытых пространств, обеспечивающих смену впечатлений, выходом на поляну перед дворцом.

Парк имел богатейший состав экзотических растений. Кроме отмеченных, в пар-



Плотница. Памятный колокол. Фото 1999 г.

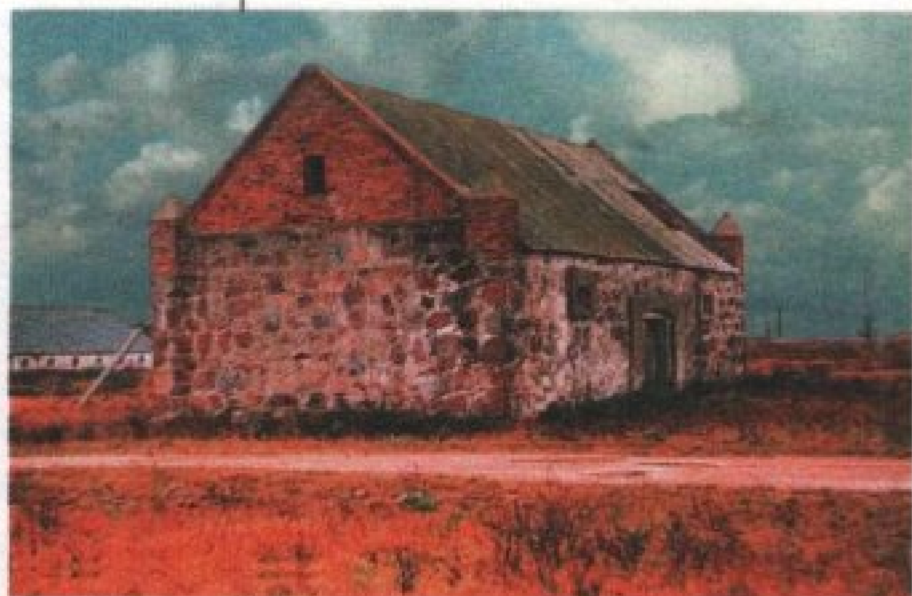


Маньковичи. Аллея парка. Фото 1999 г.

ке росли бук лесной, конский каштан восьмитычинковый 'Virginica', ель Энгельмана, клен полевой, псевдотсуга Мензиса, черемуха поздняя и др. Они использовались в группах, аллеях, но чаще всего одиночно или по нескольку экземпляров на полянах. За последние тридцать лет состав насаждений мало изменился, но уменьшилось число деревьев многих видов. Почти не стало сосны черной (было 21 дерево), пихты одноцветной (имелось 8 деревьев), наполовину уменьшилось количество сосны веймутовой (нами отмечалось 66 экземпляров). Сейчас в парке растет около 30 наименований иноземных растений. К нему примыкает линейная посадка шелковицы белой протяженностью 400 м. Сохранились одиночные деревья очень редких в культуре пихты белой, пихты кавказской, липы каролинской, кусты боярышника урновидного. Много внимания уделялось в парке искусственному формированию экзотических крон с помощью металлических панцирей, или лат. Следы формовки у некоторых деревьев выражены по настоящее время.

Парк сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. В 1943 г. сгорел дворец, утрачены библиотека и другие ценности, снарядами и осколками было повреждено около 20 % древостоя, погибла формованная изгородь из ели по периметру. Фашисты вывезли ворота въездной брамы, в поисках клада перевернули закладной камень. Из зданий остался только корпус винокурни, реконструированный и расши-

Рузалин. Въездная аллея. Фото 2001 г.



Сушки. Мельница. Фото 2002 г.

ренный в наше время. После войны были выполнены большие работы по спасению поврежденных деревьев, благоустройству территории, построена ограда, восстановлена брама. Здесь размещаются краеведческий музей, музыкальная школа, но здания нарушают планировочную целостность парка. Является лучшим объектом региона. Служит городским парком.

Многие усадьбы времени эклектики практически утрачены. Степень сохранности многих малоизвестных усадеб очень слабая и не позволяет получить представление об их планировочном решении. В Гатище, например, от большой усадьбы Гациских и Шпегальских, расположенной на террасе Мышанки, остались одиночные деревья сосны веймутовой, ореха черного, лиственницы европейской, фрагмент въездной аллеи с усыхающими лиственницами и липами. Три водоема имеются в видоизмененном пейзажном парке усадьбы Брашевичского имения, которым начиная с XVI в. владели Кезгайло, Нарушевичи, Альбрехт Радзивилл и др. В парке растет уникальное для Беларуси дерево карии белой (var. fraxinifolia), ценного ореxоплодного вида родом из Северной Америки.

Усадьба Хржановских конца XIX в. в Выжловичах имела регулярную планировку XVIII в. Оказалась расстроенной по причине размещения на ее территории теплично-парникового хозяйства. Внимание привлекает насыпной курган (18×15 м), покрытый спиреей, символическое значение которого остается неизвестным. Усложненной, но не выразительной водной системой выделялась усадьба Житновичи, также на Пинщине. Система дренировала пониженную усадебную территорию, отводя избыток воды по каналу в Пину. Она еще прослеживается, но уже не функционирует. Начинается от парадной части водоемом, П-образным в плане (100×40 м), с островом и старыми белыми акациями на берегу. Канал в парке имеет вид извилистого водотока с круглым водоемом и островом.

От сравнительно большого также пейзажного парка в Дружиловичах (усадьба Карпинских) сохранился фрагмент без выраженной планировки с усадебным домом, построенным в простых формах деревянного усадебного зодчества конца XIX в. Въезд в усадьбу по-прежнему фиксируют два кирпичных оштукатуренных пилона с карнизами и шатровидными завершениями, но без ворот. Более сложную планировку имеет теперь заброшенная усадьба Гривда (имение известно с 1522) Полубинских, заложенная на террасе одноименной реки с парком, садом, двумя прудами и каналом. Видоизмененный пейзажный парк усадьбы Мыслобож Коссаковских на живописной террасе р. Михайловка служит усадьбой лесничества. Почепово, в прошлом родовое гнездо Терлецких, с фрагментами древостоя старинного парка стало усадьбой санатория «Ясельда». Только одиночные деревья, группы деревьев и кустарников, фрагменты парковых аллей, или въездных аллей, иногда заброшенные сады сохранились на месте усадеб Мазурки, Колпаки, Зазерье (д. Мотоль), Плотница, Коженево, Красичин, Хмелево, Бульково, Франополь, Огородники, Антополь, Лясковичи, Хороща, Изабелин, Магдалин, Плянта, Рынки, Суховчицы, Рузалин и др.

На месте ряда усадеб [Корды, Вельямовичи, Баранки, Буяки, Мацы, Мирница, Хвалевичи (Писанков сад), Рудка] сохранились пруды и фрагменты одичавшего паркового древостоя. О многих усадьбах (Ляховичи, Ставы, Острово, Голдовичи, Сошно, Городечно и др.) напоминают сохранившиеся хозяйственные сооружения. В Сушках (имение Пусловских) одиноко среди выгона стоит мельница, оригинальное здание (12х6 м) из бута с угловыми кирпичными башенками, сохранены жернова и связанный с ним мукомольный механизм; в Попелеве с величественной аллеей из дуба—самый большой в регионе амбар (50х12м.).

EPILOGUE

Finishing the book, it would be desirable to emphasize that despite of all losses and destructions ancient manors will be the most valuable cultural and historical heritage created by reason and work of people during many historical epochs. Unique buildings of former palaces and manors, small architectural forms, economic constructions of different purpose, water systems and ripe park stands with rare plants were developed according to the spirit of great art styles and different architectural schools. They reflect a life-style, traditions, and spiritual world of many generations and on the whole culture of the past epochs. They are invaluable monuments of time. The importance of avenues, for example, is not only in the representation of baroque or classicism ensembles composite features. Their modern exciting greatness determines the respectable tree age estimated by centuries as well.

The pleasure of dialogue with the past will constantly be saddened with the modern condition of ancient monuments and their progressive destruction. The book is a reminder to users and our society about the preservation problem of the dying heritage. Less than half out of the 370 inventoried manors have been kept partly or as small fragments. But there are ruins of bases, tree groups and lilac bushes on grounds of the majority. The irreparable damage to manors was put by wars and especially the Second World War. Unfortunately even after becoming monuments of history, culture and nature, they have been decaying. It has been caused by time, mismanagement, carelessness and many other reasons. But the main reason must be absence of historical memory awe in our soul.

The objects have almost lost their protection. Any human creation perishes without elementary attention and care. The modern housing estate is the most pernicious for manors especially if concentrated on a front part of parks and glades. Most manors are situated on the territories of different establishments and enterprises. Catastrophic destruction of estate environments is made by their modern building within manor territories. Most new buildings are planned without any account of a warrantable capacity on a historical territory. Former glades of landscape parks quite often become a pasture or a place of cattle summer maintenance. Such facts can't be approved.

After dams destructing and canals bushing, water systems stopped functioning normally. This process has been affecting a hydrological mode of park territories. Moreover it has been influencing plantings growing negatively. To crown it all it has worsened aesthetic qualities and composite expressiveness of parks. The park stand of ancient manors has matured and it has a high decorative effect almost everywhere. But most plantings have run wild. Some of them have become forest arrays. Undergrowth of local kinds has developed greatly. Weeds have grown on ground covers. Even last rare kinds and cultural sorts have been coming out. There are few coniferous plants in the parks. Park plantings should be thinned out. By the way they require urgent sanitary and landscape felling.

Changes of the natural environment are rather adverse for manors too. They break visual communications with natural landscapes and cause perspective accents and prospects losses. Manors have no legalized security and buffer zones. Each of them requires certain optimum modes both ecological and operational.

As for some architectural constructions of manors they have been destroyed intensively because of their misuse. The buildings are usually used by residents up to their almost emergency condition and then people desert them. We have been observing estate houses ruining in Stajki, Grushevka, Chakhets and Labuzy. Empty estate houses recently used by people in Gremyache, Pavlinovo, Signevichi, Vysokoye and Polonechka have also been collapsing.

Many economic constructions are in their emergency condition due to delayed roof repairing. In most cases they have never been repaired. On decaying, modern owners will demolish them. There have been recently demolished, for example, a starch factory in Bolshiye (Big) Sekhnovichi, an ox-house in Kabaki and a ёow-house in Malye (Small) Sekhnovichi. Ruins of once majestic palace in Kossovo and even ruins of the Sapegis' ensemble in Ruzhany have not been preserved. You will not find pavilions and some other small architectural forms in the parks. Fencings and entrance gates have been collapsing. Chapels, the most valuable neogothic and neoclassicism products, have been deserted. There are such chapels in Grushevka, Zakozel, Molodovo and Chernikhovo. They are connected with names of famous gentry families of the Rejtanys, Ozheshkos, Skirmuntys and Rdultovskiyes. Such memorial objects as Malye (Small) Sekhnovichi, Skoki, Ludvinovo, Vorotsevichi and Volchin have not been paid due attention.

The problem of ancient manors is not nostalgia. What concerns the cultural and historical objects we have been losing our riches and pride. We profane memory. This causes time orientation loss and cutting of spiritual roots of our society. Antiquity has no alternative. This is its leading feature. Ancient manors, even locations of the lost manors and expressive cultural landscapes must be kept. Preservation work is the first immediate stage of their rescue. It should cover all possible kinds of activity directed on objects preservation, their protection against excessive capacity, damages and destructions. This cultural and historical heritage cannot be lost. It is one of the most valuable riches of the nation.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Заканчивая книгу, хочется еще раз подчеркнуть, что старинные усадьбы, несмотря на потери и разрушения, продолжают оставаться ценнейшим культурно-историческим наследием, созданным разумом и трудом людей в течение многих исторических эпох. Уникальные здания бывших дворцов и усадебных домов, малые архитектурные формы, хозяйственные сооружения разного назначения, водные системы, спелые древостои парков с редкими растениями были созданы в духе великих художественных стилей, архитектурных школ, отражая быт, традиции, духовный мир многих поколений и в целом культуру минувших эпох. Это бесценные памятники времени. Значимость аллей, например, не только в выражении композиционных особенностей барочных или классицистических ансамблей. Их современное волнующее величие определяет также почтенный возраст деревьев, исчисляемый столетиями.

Радость общения с прошлым постоянно омрачается современным состоянием памятников старины, их постепенным разрушением. Книга – это напоминание пользователям, обществу о проблеме сохранения умирающего наследия. Из числа 373 инвентаризированных усадеб сохранилось частично или в виде небольших фрагментов менее половины. На месте большинства – руины фундаментов, купы деревьев, заросли сирени. Непоправимый ущерб усадьбам нанесли войны, особенно вторая мировая. К сожалению, даже став памятниками истории, культуры и природы, они продолжают разрушаться. Разрушаются усадьбы от времени, бесхозяйственности, халатности и по многим другим причинам. Может быть, больше всего – из-за отсутствия в душе нашей благоговения перед исторической памятью. Объекты практически остались вне закона. Без элементарного внимания и ухода гибнет любое человеческое творение. Наиболее губительной для усадеб является жилая застройка, особенно на парадных партерах и полянах. Катастрофическое разрушение усадебной среде наносится застройкой бывших усадеб хозяйствующими там учреждениями и предприятиями безо всякого учета допустимых нагрузок на историческую территорию. Нередко бывшие боскеты, поляны пейзажных парков становятся местом выпаса и летнего содержания скота, что не находит оправдания. С разрушением дамб, зарастанием каналов перестали нормально функционировать водные системы, что сказывается на гидрологическом режиме парковых территорий, отрицательно влияет на рост насаждений, ухудшает эстетические качества и композиционную выразительность парков. Древостой парков в старинных усадьбах достиг возраста спелости и почти везде — высокой декоративности. Только насаждения одичали. Многие приняли вид лесопарковых массивов. Обильное развитие получил подрост местных видов, а в напочвенном покрове – сорное крупнотравье. Выпадают последние редкие виды и культивары. В парках осталось небольшое число хвойных. Насаждения нуждаются в срочных санитарных, осветлительных и ландшафтных рубках. Весьма неблагоприятны для усадеб также изменения окружающей природной среды, ведущие к нарушению визуальных связей с естественными ландшафтами, к утере видовых акцентов, перспектив. Усадьбы не располагают узаконенными охранными и буферными зонами. Каждая из них нуждается в определенном оптимальном режиме – экологическом и эксплуатационном.

В тяжелом состоянии находятся архитектурные сооружения усадеб. Интенсивное разрушение ряда объектов происходит из-за неправильной эксплуатации. Пользователями здания доводятся обычно до аварийного состояния, а затем их просто бросают. На наших глазах превратились в руины усадебные дома в Стайках, Грушевке, Чахце, Лабузах. Разрушаются пустующие дома в Гремячем, Павлинове, Сигневичах, Высоком, Полонечке, которые еще недавно служили людям. Особенно из-за несвоевременного ремонта крыш в аварийном состоянии оказались многие хозяйственные постройки. В большинстве случаев они вообще не знали ремонта, и, обветшав, продолжают сноситься владельцами. В последнее время не стало, например, спихлера в Малых Зводах, крахмального завода в Больших Сехновичах, воловни в Кабаках, коровника в Малых Сехновичах. Не проведена консервация руин величественного в прошлом Коссовского дворца и даже руин ансамбля Сапег в Ружанах. В парках исчезли беседки и другие малые архитектурные формы, разрушаются ограды, въездные брамы. Заброшены каплицы – ценнейшие произведения неоготики и неоклассицизма (Грушевка, Закозель, Молодово, Верхнее Чернихово), связанные с именами известнейших родов Рейтанов, Ожешко, Скирмунтов, Рдултовских. Не удостоены должного внимания даже такие мемориальные объекты, как Малые Сехновичи, Скоки, Людвиново, Вороцевичи, Волчин.

Проблема старинных усадеб – это не ностальгия. Мы не просто теряем старинные объекты, мы теряем свое богатство, гордость, оскверняем память, что ведет к потере ориентации во времени, подрезанию духовных корней общества. Альтернативы у старины нет. В этом ее особенность. Старинные усадьбы и даже места расположения утраченных усадеб, выразительные культурные ландшафты должны быть сохранены. Первым незамедлительным этапом работ по их спасению является консервация, охватывающая все виды деятельности, направленные на сохранение объектов, защиту их от чрезмерных нагрузок, повреждений и разрушений. Культурно-историческое наследие нельзя потерять. Это одно из самых ценных богатств нации.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Брестской области, ф. 79, оп. 2, № 390, л. 2.
2. Там же, ф. 79, оп. 3, № 289, л. 1—3.
3. Там же, ф. 79, оп. 3, № 2668, л. 1—5.
4. Там же, ф. 79, оп. 3, № 2676, л. 2.
5. Там же, ф. 79, оп. 3, № 2684, л. 2.
6. Там же, ф. 79, оп. 3, № 2686, л. 2.
7. Там же, ф. 79, оп. 3, № 2695, л. 1—3.
8. Там же, ф. 79, оп. 3, т. 1, № 2688, л. 1.
9. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 4120, л. 3.
10. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 5208, л. 3.
11. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 5732, л. 3.
12. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 5783, л. 3.
13. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 5874, л. 3.
14. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 5889, л. 2.
15. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 5904, л. 1.
16. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 5940, л. 1.
17. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 6098, л. 1.
18. Там же, ф. 2001, оп. 1, № 6100, л. 1.
19. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 13, л. 7.
20. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 18, л. 2.
21. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 19, л. 1.
22. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 46, л. 2.
23. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 173, л. 1—5.
24. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 261, л. 3—5.
25. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 262, л. 3—7.
26. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 316, л. 3.
27. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 334, л. 3—4.
28. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 415, л. 1—2.
29. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 438, л. 1—4.
30. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 561, л. 2.
31. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 565, л. 3.
32. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 917, л. 5.
33. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 1591, л. 5.
34. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 1603, л. 3.
35. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 1694, л. 5.
36. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 2129, л. 3.
37. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 2177, л. 1.
38. Там же, ф. 2177, оп. 2, № 2254, л. 2.
39. Государственный исторический архив Литвы, ф. 4, А—851, л. 2—3.
40. Там же, ф. 4, А-956, л. 4, 5.
41. Там же, ф. 4, А-1959, л. 3.
42. Там же, Древние акты, 46, л. 1577—1588.
43. Там же, Древние акты, 7369, л. 407—410.
44. Там же, Древние акты, 11453, л. 564—575.
45. Там же, ф. 21, оп. 21, № 70, л. 5.
46. Там же, ф. 567, оп. 2, № 2317, л. 44.
47. Там же, ф. 567, оп. 2, № 5551, л. 1—15.
48. Там же, ф. 598, оп. 1, № 5, 6, 7.
49. Там же, ф. 604, оп. 7, № 7987, л. 2.
50. Там же, ф. 1025, оп. 1, № 12.
51. Там же, ф. 1135, оп. 3, № 598, л. 1—5.
52. Там же, ф. 1135, оп. 3, № 615, л. 1—10.
53. Там же, ф. 1135, оп. 3, № 624, л. 1—4.
54. Там же, ф. 1135, оп. 3, № 659, л. 1—20.
55. Там же, ф. 1135, оп. 5, № 56, л. 7, 8.
56. Там же, ф. 1135, оп. 10, № 2, л. 32—35.
57. Там же, ф. 1135, оп. 12, № 40, л. 3—11.
58. Там же, ф. 1135, оп. 13, № 90, л. 4—7.
59. Там же, ф. 1135, оп. 13, № 90, л. 30.
60. Там же, ф. 1135, оп. 13, № 90, л. 43—45.
61. Там же, ф. 1135, оп. 13, № 90, л. 55—56.
62. Там же, ф. 1135, оп. 17, № 154, л. 1—3.
63. Там же, ф. 1135, оп. 21, № 578, л. 7—9.
64. Там же, ф. 1177, оп. 1, т. 1, № 2780, л. 1—3.
65. Там же, ф. 1177, оп. 1, т. 1, № 2805, л. 1—8.
66. Там же, ф. 1177, оп. 1, т. 2, № 4611, л. 1—38.
67. Там же, ф. 1219, оп. 1, № 942, л. 1.
68. Там же, ф. 1219, оп. 1, № 944, л. 1.
69. Научная библиотека Вильнюсского университета, отдел рукописей, ф. 4, А—257, л. 1—417.
70. Там же, ф. 4, А—1270, л. 1—3.
71. Там же, ф. 4, А—1743, л. 1—320.
72. Там же, ф. 4—30251 (А—813), л. 1—2.
73. Там же, ф. 4—34072 (А—1466), л. 1—36.
74. Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4, оп. 2, № 228, л. 2, 23.
75. Там же, ф. 4, оп. 2, № 228, л. 21, 30.
76. Там же, ф. 4, оп. 21, № 1880, л. 22.
77. Там же, ф. 4, оп. 28, № 224, л. 85.
78. Там же, ф. 4, оп. 28, № 227, л. 2, 16, 25, 26, 30, 51.
79. Там же, ф. 4, оп. 28, № 227, л. 2, 30.
80. Там же, ф. 4, оп. 28, № 227, л. 3, 61.
81. Там же, ф. 4, оп. 28, № 227, л. 21, 30.
82. Там же, ф. 4, оп. 28, № 227, л. 61—62.
83. Там же, ф. 4, оп. 28, № 228, л. 16, 26.
84. Там же, ф. 4, оп. 28, № 228, л. 61.
85. Там же, ф. 4, оп. 28, № 388, л. 2.
86. Там же, ф. 4, оп. 28, № 388, л. 39.
87. Национальный исторический архив Беларуси, КМФ 5, оп. 1, № 572.
88. Там же, КМФ 5, оп. 1, № 1380.
89. Там же, КМФ 5, оп. 1, № 1381.
90. Там же, КМФ 5, оп. 1, № 1382.
91. Там же, КМФ 5, оп. 1, № 1557, л. 3—4.
92. Там же, ф. 27, оп. 1, № 30.
93. Там же, ф. 27, оп. 1, № 276. л. 1—102.
94. Там же, ф. 27, оп. 1, № 503.
95. Там же, ф. 27, оп. 1, № 834, л. 26—29.
96. Там же, ф. 27, оп. 2, т. 1, № 131.
97. Там же, ф. 27, оп. 2, т. 1, № 213.
98. Там же, ф. 27, оп. 2, т. 1, № 21, л. 1—306.
99. Там же, ф. 27, оп. 2, т. 1, № 257, л. 1—166.
100. Там же, ф. 27, оп. 5, № 230, л. 1—14.
101. Там же, ф. 27, оп. 5, № 232, л. 1—31.
102. Там же, ф. 27, оп. 6, № 70, л. 1—36.
103. Там же, ф. 27, оп. 6, № 71, л. 1—30.
104. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1047,
105. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1050.
106. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1089.
107. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1100.
108. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1136.
109. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1140.
110. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1190.
111. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1231.
112. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1234.

113. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1541.
114. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1547.
115. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1548.
116. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1716.
117. Там же, ф. 142, оп. 1, № 1717.
118. Там же, ф. 146, оп. 2, № 540, л. 1—32.
119. Там же, ф. 146, оп. 2, № 634.
120. Там же, ф. 146, оп. 2, № 989.
121. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1000.
122. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1103.
123. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1206.
124. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1235.
125. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1328.
126. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1455.
127. Там же, ф. 146, оп. 1, № 1574.
128. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1578, л. 8—10.
129. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1741, л. 5—6.
130. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1765, л. 6.
131. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1791, л. 3.
132. Там же, ф. 146, оп. 2, № 1890, л. 5.
133. Там же, ф. 146, оп. 2, № 2047, л. 2—7.
134. Там же, ф. 146, оп. 2, № 2103, л. 2.
135. Там же, ф. 146, оп. 2, № 2272, л. 3.
136. Там же, ф. 146, оп. 2, № 2273, л. 3—7.
137. Там же, ф. 146, оп. 2, № 2322, л. 1—6.
138. Там же, ф. 146, оп. 2, № 2476, л. 1—4.
139. Там же, ф. 146, оп. 2, № 2668.
140. Там же, ф. 146, оп. 2, № 3488.
141. Там же, ф. 146, оп. 2, № 3848.
142. Там же, ф. 295, оп. 5, № 1413, л. 1—7.
143. Там же, ф. 299, оп. 2, № 4037, л. 1—17.
144. Там же, ф. 299, оп. 5, т. 1, № 182, л. 5—7.
145. Там же, ф. 299, оп. 5, т. 1, № 1072, л. 5—6.
146. Там же, ф. 299, оп. 5, т. 1, № 1265, л. 3.
147. Там же, ф. 299, оп. 5, т. 1, № 1527, л. 1—4.
148. Там же, ф. 299, оп. 5, т. 1, № 2048, л. 1—10.
149. Там же, ф. 319, оп. 2, № 173, л. 28, 60, 61.
150. Там же, ф. 319, оп. 2, № 173, л. 62—63.
151. Там же, ф. 319, оп. 2, № 173, л. 110—114.
152. Там же, ф. 319, оп. 2, № 173, л. 186.
153. Там же, ф. 319, оп. 2, № 293, л. 21, 23.
154. Там же, ф. 319, оп. 2, № 293, л. 22, 25.
155. Там же, ф. 319, оп. 2, № 368, л. 15—16.
156. Там же, ф. 319, оп. 2, № 469, л. 7, 76—77.
157. Там же, ф. 319, оп. 2, № 484, л. 414.
158. Там же, ф. 319, оп. 2, № 484, л. 436, 437.
159. Там же, ф. 319, оп. 2, № 578, л. 72—75.
160. Там же, ф. 319, оп. 2, № 636, л. 15, 38.
161. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1031, л. 597.
162. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1315, л. 36—38.
163. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1315, л. 93.
164. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1348, л. 23.
165. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1348, л. 71.
166. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1348, л. 78.
167. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1730, л. 13—19.
168. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1730, л. 123.
169. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1884, л. 53, 54.
170. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1890, л. 16—23.
171. Там же, ф. 319, оп. 2, № 1890, л. 35—54, 181.
172. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2021, л. 35.
173. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2120, л. 15.
174. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2245, л. 41, 46.
175. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2254, л. 9—10.
176. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2319, л. 18, 77, 87.
177. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2352, л. 3.
178. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2569, л. 38.
179. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2660, л. 19.
180. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2660, л. 36.
181. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2660, л. 37—39.
182. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2707, л. 76, 77.
183. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2707, л. 148, 148 об.
184. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2707, л. 149, 152.
185. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2707, л. 163, 164.
186. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2716, л. 1—4, 15—18, 20—25, 38.
187. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2727, л. 138—139, 203.
188. Там же, ф. 319, оп. 2, № 2869, л. 41—49, 76, 78, 145, 279.
189. Там же, ф. 319, оп. 2, № 3008, л. 94—96, 99.
190. Там же, ф. 319, оп. 2, № 3299, л. 9.
191. Там же, ф. 319, оп. 2, № 3300, л. 5—7, 8—10.
192. Там же, ф. 319, оп. 2, № 3673, л. 33, 60, 145.
193. Там же, ф. 319, оп. 3, № 82.
194. Там же, ф. 319, оп. 3, № 286.
195. Там же, ф. 319, оп. 3, № 297.
196. Там же, ф. 1705, оп. 1, № 60, л. 1837.
197. Там же, ф. 1730, оп. 1, № 41, л. 1899—1902.
198. Там же, ф. 1928, оп. 1, № 41, л. 1—5.
199. Там же, ф. 1928, оп. 1, № 207, л. 1—37.
200. Там же, ф. 1928, оп. 1, № 210, л. 1—17.
201. Там же, ф. 1928, оп. 1, № 210, л. 17—20.
202. Там же, ф. 1928, оп. 1, № 210, л. 21—38.
203. Там же, ф. 1928, оп. 1, № 210, л. 40, 41.
204. Там же, ф. 1928, оп. 1, № 210, л. 1—44.
205. Там же, ф. 2466, оп. 1, № 1762, л. 3.
206. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно, ф. 1, оп. 11, № 1352.
207. Там же, ф. 5, оп. 1, № 56.
208. Там же, ф. 5, оп. 1, № 63.
209. Там же, ф. 8, оп. 2, № 206, л. 3—7.
210. Там же, ф. 8, оп. 2, № 1757, л. 3—5.
211. Там же, ф. 8, оп. 2, № 1760, л. 7—8.
212. Там же, ф. 9, оп. 2, № 424, л. 3.
213. Там же, ф. 96, оп. 1, № 478, 735.
214. Там же, ф. 96, оп. 1, № 765.
215. Там же, ф. 96, оп. 1, № 775.
216. Там же, ф. 96, оп. 1, № 820.
217. Там же, ф. 96, оп. 1, № 1201.
218. Там же, ф. 96, оп. 1, № 1254, л. 36—38.
219. Там же, ф. 96, оп. 1, № 1331.
220. Там же, ф. 96, оп. 1, № 1393.
221. Там же, ф. 551, оп. 1, № 2614, л. 5.
222. Там же, ф. 1143, оп. 1, № 104.
223. Там же, ф. 1143, оп. 1, № 113.
224. Там же, ф. 1663, оп. 1, № 3443.
225. Там же, ф. 1663, оп. 1, № 3447.
226. Там же, ф. 1663, оп. 1, № 3448.
227. Центральная библиотека АН Литвы. Отдел редкой книги, ф. Fg, A—974, Fg—1—1998.

228. Там же, ф. 9—BF, № 365.
229. Там же, ф. 9—535, л. 1—181.
230. Там же, ф. 9—BF, № 1399.
231. Там же, ф. 148, № 312, л. 14.

ЛИТЕРАТУРА

232. Адамовіч С. Выратаваць капліцу ў Закозелі // Народная трыбуна. 1997. 19 крас.
233. Адамовіч С.П. Помнікі архітэктуры Драгічыншчыны // Памяць: Драгічынскі раён. Мн., 1997. С. 456—465.
234. Адрованж-Пяненжак Я. Год Міцкевіча ў Польшчы і свеце // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры. Мн., 1998. С. 45—53.
235. Акты, издаваемые Археографическою комиссиею, высочайше учрежденною в Вильне. Т. 1. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865.
236. Акты, издаваемые Археографическою комиссиею, высочайше учрежденною в Вильне. Т. 2. Акты Брестского земского суда. Вильна, 1867.
237. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 3. Акты Брестского гродского суда. Вильна, 1870.
238. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 4. Акты Брестского гродского суда. Вильна, 1870.
239. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 6. Акты Брестского гродского суда. Вильна, 1872.
240. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 11. Акты Главного Литовского Трибунала. Вильна, 1880.
241. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 12. Акты Главного Литовского Трибунала. Вильна, 1883.
242. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 13. Акты Главного Литовского Трибунала. Вильна, 1886.
243. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 7. Акты Гродненского гродского суда. Вильна, 1874.
244. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 14. Инвентари имений XVI ст. Вильна, 1887.
245. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 15. Декреты Главного Литовского Трибунала. Вильна, 1888.
246. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. 18. Акты о копных судах. Вильна, 1891.
247. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 21. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1894.
248. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 22. Акты Слонимского земского суда. Вильна, 1895.
249. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 24. Акты о боярах. Вильна, 1897.
250. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 31. Акты о литовских татарах. Вильна, 1906.
251. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 25. Инвентари и разграничительные акты. Вильна, 1898.
252. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. 1340—1506. СПб., 1846.
253. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. 1544—1587. СПб., 1848.
254. Алексеев В.А. Суворов в Кобрине // Исторический вестник. 1911. Т. 126. С. 1045—1075.
255. Аляксандровіч С. Пераклаў Н.Чарноцкі // Памяць: Ляхавіцкі раён. Мн., 1989. С. 116.
256. Антипов В.Г. Парки Белоруссии. Мн., 1975.
257. Арлоў У. Дзень, калі ўпала страла: Аповесці і апавяданні. Мн., 1988.
258. Арлоў У., Сагановіч Г. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі, 1862—1918: Падзеі. Даты. Ілюстрацыі. Вільня, 1999.
259. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 1. Вильна, 1867.
260. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 13. Вильна, 1902.
261. Архітэктура Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1993.
262. Асіноўскі С. Поле памяці: Постаці і падзеі беларускай мінуўшчыны. Мн., 1999.
263. Ахвердава А.І., Дробаў Л.Н., Якімовіч Ю.А. Орда Напалеон // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., 1987. Т. 4. С. 119—120.
264. Ахвердова Е. Друг Мицкевича и Шопена // Нёман. 1983. № 6. С. 172—173.
265. Бабкова В. Паўлюк Багрым: Фрагменты да біяграфіі // Культура. 1993. 25 студз.
266. Багадзяж М. Закінутая прыгажосць // Цэнтральная газета. 1997. 16—22 мая.
267. Багадзяж М. Прыгавор парку // Звязда. 1989. 7 чэрв.
268. Банасевіч М.В., Мароз В.І., Мароз У.В. З гісторыі населеных пунктаў раёна // Памяць: Івацэвіцкі раён. Мн., 1997. С. 466—493.
269. Бандарэнка М. Змагар з Белавежы // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 5. С. 47—49.
270. Баравы Р.Б., Насевіч В.Л., Чарняўская Л.Л. Войны-Грычынавічы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 348.
271. Баранава А., Ярмоліч С. Асветніцкія погляды Ігната Дамейкі // Ян Чачот, Ігнат Дамейка, сябры і паплечнікі Адама Міцкевіча. Мн., 1998. С. 80—85.
272. Баршчэўскі А. Ян Чачот як чалавек і даследчык // Ян Чачот, Ігнат Дамейка, сябры і паплечнікі Адама Міцкевіча. Мн., 1998. С. 27—33.
273. Баршчэўскі Л. Леў Сапега – шылераўскі герой // Спадчына. 1995. № 3. С. 57—71.
274. Барысавец А.С. Каштоўная знаходка // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1982. № 1. С. 46.
275. Барышаў Г. Гарадскі і маёнткавы прыгонны тэатр на тэрыторыі Беларусі // Гісторыя беларускага тэатра. Мн., 1983. Т. 1. С. 177—258.
276. Без-Корнилович М.. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1855.
277. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов. Т. 1—4. Мн., 1959—1979.
278. Бензярук А. Жалязоўскі Ігнацій // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1996. Т. 3. С. 364.
279. Бензярук А. Наш край – Жабінкаўшчына. Брэст, 1996.

280. Бережков Н. Литовская Метрика как исторический источник. Ч. 1. М., Л., 1946.
281. Бернат М.І. Дамейка І.І. // Памяць: Баранавічы. Баранавіцкі раён. Мн., 2000. С. 142—145.
282. Бернат М.І. Кампазітар Мацей Радзівіл // Памяць: Баранавічы. Баранавіцкі раён. Мн., 2000. С. 86—91.
283. Блок А. Собр. соч. М.;Л., 1963. Т. 7. С. 308—309.
284. Болбас М. Удастоены вышэйшых узнагарод // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 3. С. 28—29.
285. Броневский В. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г. М., 1828.
286. ...в окрестностях Москвы: Из истории усадебной культуры XVII—XIX вв. М., 1979.
287. Вергунов А.П., Горохов В.А. Вертроград: Садово-парковое искусство России. М., 1996.
288. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
289. Вецер Э.І., Хадыка Ю.В. Звон у Моладаве // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1971. № 1. С. 31—33.
290. Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского, 1506—1933. М., 1933. С. 22—37.
291. Высоцкая Н.Ф. Своеасаблівасць Рэнесансу ў Беларусі // Помнікі мастацкай культуры эпохі Адраджэння. Мн., 1994. С. 10—15.
292. Вяроўкін-Шэлюта У. Крошын // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 261—262.
293. Вяроўкін-Шэлюта У. Плятэры // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1999. Т. 5. С. 515—516.
294. Вяроўкін-Шэлюта У. Прозары // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1999. Т. 5. С. 574.
295. Вярэніч В. Францішак Выслаух і яго ўспаміны пра Палессе // Драгічынскі веснік. 1999. 7 крас.
296. Габрусь Т.В. Абрысы станаўлення стылю барока ў манументальным дойлідстве Беларусі // Барока ў беларускай культуры і мастацтве. 2 выд. Мн., 2001. С. 65—80.
297. Габрусь Т.В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока. Мн., 2001.
298. Габрусь Т.В. Покровская церковь // Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990. С. 166—167.
299. Габрусь Т.В. Ружаны: Дворцовый комплекс // Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990. С. 367—368.
300. Галенчанка Г.Я. Архівы Радзівілаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1993. Т. 1. С. 170—172.
301. Галенчанка Г.Я. Брэсцкія друкарні // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 110.
302. Гапава В. Флер'яноўскія зарніцы // Памяць: Ляхавіцкі раён. Мн., 1989. С. 108—115.
303. Гапава В.І. Эліза Ажэшка: Жыццё і творчасць. Мн., 1969.
304. Гапоненка В. Напалеон Орда (1807—1883) // Славутыя імёны Бацькаўшчыны. Мн., 2000. Вып. 1. С. 220—232.
305. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 1. / Т.Капіца, А.Лявўчык, С.Рыбчонак і інш. Мн., 2002.
306. Гісторыя беларускага мастацтва. Т. 1. Мн., 1987.
307. Гісторыя беларускага мастацтва. Т. 2. Мн., 1988.
308. Гісторыя беларускага мастацтва. Т. 3. Мн., 1989.
309. Гісторыя беларускага мастацтва. Т. 4. Мн., 1990.
310. Гладкий В.Д. Славянский мир, I—XVI в. М., 2001.
311. Гладышчук А. Рахвал – збавіцель // Вечерний Брест. 2002. 11 окт.
312. Гладыщук А. Инженер Людвик Толлочко в призме машины времени // Вечерний Брест. 2003. 15 авг.
313. Гладыщук А. Профессор Станислав Толлочко – выдающийся химик и педагог // Вестн. Брест. Гос. техн. ун-та. 2002. № 5. С. 93—95.
314. Гласко Б. Ольденбургский, принц Петр Георгиевич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 251—257.
315. Глябовіч А. Касцюшка, сын Беларусі // Спадчына. 1994. № 1. С. 15—23.
316. Горелов М.И. С. Ю. Жуковский: Жизнь и творчество. М., 1982.
317. Госцеў А.П. Быхаўцы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 150—151.
318. Грицкевич В.П. Путешествия наших земляков. Мн., 1968.
319. Грыцкевіч А. Казімір Леў Сапега (1609—1656) // Славутыя імёны Бацькаўшчыны. Мн., 2000. Вып. 1. С. 136—146.
320. Грыцкевіч А. Леў Сапега (1557—1633) // Славутыя імёны Бацькаўшчыны. Мн., 2000. Вып. 1. С. 100—114.
321. Грыцкевіч А. Магнаты // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. Мн., 1999. С. 32.
322. Грыцкевіч А. Панятоўскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 5. Мн., 1999. С. 403—404.
323. Грыцкевіч А.П. Валовічы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 209—210.
324. Грыцкевіч А.П. Сапегі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 2001. Т. 6, кн. 1. С. 223—228.
325. Грушевский А. Пинское Полесье: Ист. очерки. [Ч. 2. XIV—XVI вв.]. Киев, 1903.
326. Грыгор'еў В.Р. Паплечнік Кастуся Каліноўскага // Памяць: Маларыцкі раён. Мн., 1998. С. 96—97.
327. Дамейка І. Мае падарожжы: Пер. з пол. Мн., 2002.
328. Дзярновіч А., Калнін В. Гісторыка-археалагічныя даследаванні Бярозаўскага кляштара картузаў // З глыбі вякоў: Наш край. Мн., 1992. С. 120—149.
329. Довгялло Д.И. Пинский Лещинский монастырь в 1588 г. Мн., 1909.
330. Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901.
331. Доклад А.А. Скирмунта по вопросу об облегчении способа обмена земельных участков для устранения чрезполосицы // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 21. Минская губерния. СПб., 1903. С. 322—327.
332. Доуэр М. В поддержку политики в области ландшафтов // Naturopa. 1998. № 86. С. 6—7.
333. Дробаў Л.Н. Напалеон Орда – мастак і збіральнік // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1971. № 3. С. 45—47.
334. Дубейка В.М. З Баранавіцкім краем лёсам знітаваныя // Памяць: Баранавічы. Баранавіцкі раён. Мн., 2000. С. 63—75.
335. Дубейка В.М. Развіццё феадальных адносін у Баранавіцкім краі // Памяць: Баранавічы. Баранавіцкі раён. Мн., 2000. С. 48—53.
336. Дубейка В.М. Як нашы продкі адукаванымі людзьмі станавіліся // Памяць: Баранавічы. Баранавіцкі раён. Мн., 2000. С. 128—134.

337. Дубровский А. Жаль терять такое ... // Живая вода. 1996. 3 февр.
338. Дубровский А. Здесь жили Достоевские // Народная газета. 1997. 24 июня.
339. Дубровский А. Король на Пинщине // Пінскі веснік. 1994. 14 вер.
340. Дубровский А. Пинский «Мур» // Пинск. 1997. С. 37.
341. Дубровский А. Полесские корни Олешей // Народная газета. 1997. 17 июня.
342. Дубровский А., Ильенков В. Полесские дороги Р. Траугутта и Э. Ожешко // Пінскі веснік. 1995. 16 жніўня.
343. Емяльянчык У. Касцюшка А.Т. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 144—146.
344. Емяльянчык У. Касцюшкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 146.
345. Емяльянчык У. Пан Тадэвуш з Грушаўкі // Культура. 1993. 14 вер.
346. Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. восроизведение изд. 1882 г. 2-е изд. Мн., 1994.
347. Жиркевич А.В. Минская старина. Вып. 3, ч. 1. Вильна, 1911.
348. Жогаль А. Калоднае // Народная трыбуна. 1999. 5 чэрв.
349. За нашу и вашу свободу: Герои 1863 г. М., 1964.
350. Злобин Э. Поселения Пинщины // Пінскі веснік. 1999. 5 лют.
351. Зялевіч Ю. Асветнік свайго народа // Раённыя будні. 2001. 13 студз.
352. Ильенков В. Случилось воистину чудо... // Пінскі веснік. 1999. 30 ліст.
353. Ільянкоў В. Нашчадак рыцара Бутрыма // Памяць: Пінскі раён. Мн., 1998. С. 95—99.
354. Ільянкоў В. Палескія карані Юрыя Алешы // Культура. 2001. 31 сак.— 6 крас.
355. Ільянкоў В. Партрэты з палацаў // Культура. 2001. 13—23 лют.
356. Ільянкоў В. Трагедыя роду Скірмунтаў // Культура. 1993. 2 ліст.
357. Итье П. Проект Европейской конвенции о ландшафтах... // Naturopa. 1998. № 86. С. 20—21.
358. Казлоў Л. Кобрынская эканомія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 219.
359. Казлоў Л.Р. Аўгустоўскі канал // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1993. Т. 1. С. 230.
360. Казлоў Л.Р., Нарбут А.М. Бельскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 10—11.
361. Калатухін У. А.П. Гафмейстар // Памяць: Камянецкі раён. Мн., 1997. С. 144.
362. Календік У. Зорны спеў. Мн., 1975.
363. Калінковіч М. Палескія дні Аляксандра Блока. Мн., 1985.
364. Калнін В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера // Спадчына. 1998. № 3. С. 65—85.
365. Калнін В. Архітэктура Яна Самуэля Бэкера: Палацавы комплекс у Ружанах // Спадчына. 1998. № 4. С. 74—88.
366. Калнин В. Путь лежит через Ружаны // Нёман. 1984. № 8. С. 136—140.
367. Калнін В.В. Ружанскі Троіцкі касцёл // Архітэктура Беларусі: Энцыкл. давед. Мн., 1993. С. 419—420.
368. Калюта А. Сувораў: Міт і праўда // Спадчына. 1998. № 5. С. 31—49.
369. Каратынскі В.А. Творы. Мн., 1981.
370. Карев Д.В. Белорусская историография конца XVIII—нач. XX в. // Наш радавод. Гродна, 1993. Кн. 5, ч. 2. С. 269—393.
371. Карев Д.В., Гришко Р.И. Последний канцлер Великого княжества Литовского // Наш радавод. Гродна, 1993. Кн. 5, ч. 1. С. 127—142.
372. Карсека М.М. Калоднае. Пінск, 1998.
373. Квітніцкая А.Д. Кляштар у Картузскай Бярозе // Помнікі гісторыі і культуры. 1973. № 4. С. 19—23.
374. Квитницкая Е.Д. Архитектура XVII в. // Всеобщая история архитектуры: Архитектура Беларуси. М., 1968. Т. 5. С. 469—502.
375. Кіштымаў А. Ад адмены прыгонага права – да польскай акупацыі (1861—1918) // Памяць: Камянецкі раён. Мн., 1997. С. 121—134.
376. Киштымов А. Высоколитовское имение графини Марии Ксаверьевны Потоцкой: (по материалам российских и международных выставок) // Садова-паркавае мастацтва Гродзеншчыны: Гісторыя і сучаснасць. Гродна, 2001. С. 44—53.
377. Киштымов А. Скирмунты: Династия предпринимателей // Деловой вестник. 1994. № 9—10. С. 31—33.
378. Клейн Б.С. Найдено в архиве. Мн., 1968.
379. Клейн Е.С. Мемориальный комплекс А. Мицкевича: Современное состояние и перспективы // Наваградскія чытанні. Навагрудак, 1993. С. 56—60.
380. Клімчук В.А. Напалеон Орда // Памяць: Іванаўскі раён. Мн., 2000. С. 91—96.
381. Клок Л.Д. Тайна хойніцкага пергаменту // Памяць: Хойніцкі раён. Мн., 1998. С. 34—35.
382. Козловский П.Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVII—первой половине XIX в. Мн., 1982.
383. Козловский П.Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Мн., 1969.
384. Козловский П.Г. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в.: Центральные и западные зоны. Мн., 1974.
385. Конан У.М. Боская і людская мудрасць. Францішак Скарына: Жыццё, творчасць, светапогляд. Мн., 1990.
386. Корнилова И.П. Князь Адам Чарторыйский. М., 1896.
387. Косман М. Праўда і легенда пра саперніка паэта. Ваўжынец Путкамер і Адам Міцкевіч // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры. Мн., 1998. С. 146—154.
388. Краіна Беларусь: Ілюстраваная гісторыя. Лондан, 2003.
389. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. СПб., 1897.
390. Кулагін А.М. Адраджэнне готыкі. Мн., 1993.
391. Кулагін А.М. Воўчынскі Троіцкі касцёл // Архітэктура Беларусі: Энцыкл. давед. Мн., 1993. С. 135—136.
392. Кулагін А.М. Каталіцкія храмы на Беларусі: Энцыкл. давед. 2 выд. Мн., 2001.
393. Кулагін А.М. Па колішніх маёнтках // Страчаная спадчына. Мн., 1998. С. 158—230.
394. Кулагін А.М. Паланэчкаўскі палацава-паркавы ансамбль // Архітэктура Беларусі: Энцыкл. давед. Мн., 1993. С. 379.
395. Кулагін А.М. Палітыка царскага ўрада ў галіне аховы помнікаў архітэктуры (XIX—пач. XX ст.) // Культурная спадчына ў фарміраванні нацыянальнай свядомасці народа. Мн., 1994. С. 102—113.
396. Кулагін А.М. Старапескаўская сядзіба // Архітэктура Беларусі: Энцыкл. давед. Мн., 1993. С. 459.

397. Кулагін А.М. Эклектыка: Архітэктура Беларусі другой паловы XIX—пачатку XX ст. Мн., 2000.
398. Кулагин А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии. Мн., 1981.
399. Кулагин А.Н. Грушевка: Усадьба // Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990. С. 282—283.
400. Кулагин А.Н. Малые Зводы: Усадьба // Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990. С. 138.
401. Кулагин А.Н. Своятичи. Парк // Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990. С. 290.
402. Кулагин А.Н. Совейки: Парк «Совейки» // Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990. С. 291.
403. Куневич Р. Заосье, место рождения Адама Мицкевича // Народная воля. 2002. 22 сак.
404. Кэмпфі А. «І ксёндз прыехаў з Цырына ...» // Спадчына. 1994. № 2. С. 73—77.
405. Лабынцев Ю.А. В глубинном Полесье. Мн, 1989.
406. Лавровская У.Б. «Белые пятна» культуры нашей // Архитектура и строительство Белоруссии. 1991. № 4. С. 41—44.
407. Лазука Б.А. Беларускае барока: Гіст.-тэарэт.прабл.стылю. Мн., 2001.
408. Лакотка А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры. Мн., 1999.
409. Леонтович Ф.Н. Акты Литовской Метрики. Т. 1, вып. 2. Варшава, 1897.
410. Лиокумович Т.Б. Потомки А.С. Пушкина в Беларуси. Мн., 1999.
411. Ліпскі У.Я. Праўдзівы аповед пра твой і мой радавод. Мн., 1998.
412. Литовская Метрика: Исслед. 1988 г. Вильнюс, 1992.
413. Литовская Метрика. Кн. 1. Книга записей 1 (1380—1584). Вильнюс, 1998.
414. Литовская Метрика. Кн. 3. Книга записей 3 (1440—1498). Вильнюс, 1998.
415. Литовская Метрика. Кн. 4. Книга записей 4 (1522—1530). Вильнюс, 1997.
416. Литовская Метрика. Кн. 5. Книга записей 5 (1427—1506). Вильнюс, 1993.
417. Литовская Метрика. Кн. 6. Книга записей 6. (1528—1547). Вильнюс, 1995.
418. Литовская Метрика. Кн. 8. Книга записей 8. (1566—1572). Вильнюс, 1995.
419. Литовская Метрика. Кн. 8. Книга записей 8 (1499—1514). Вильнюс, 1998.
420. Литовская Метрика. Кн. 8. 8-я книга судных дел (1533—1535). Вильнюс, 1999.
421. Литовская Метрика. Кн. 10. Книга записей 10 (1440—1523). Вильнюс, 1997.
422. Литовская Метрика. Кн. 11. Книга записей 11 (1518—1523). Вильнюс, 1997.
423. Литовская Метрика. Кн. 11. 11-я книга судных дел (1542). Вильнюс, 2001.
424. Литовская Метрика. Кн. 12. Книга записей 12 (1522—1529). Вильнюс, 2001.
425. Литовская Метрика. Кн. 25. Книга записей 25 (1387—1546). Вильнюс, 1998.
426. Литовская Метрика. Кн. 51. Книга записей 51 (1566—1574). Вильнюс, 2000.
427. Литовская Метрика. Книга публичных дел 7 (1553—1567). Вильнюс, 1996.
428. Литовская Метрика. Книга публичных дел. Переписи войска Литовского. Т. 33. Отд. 1, ч. 3. СПб., 1915.
429. Литовская Метрика. Рус. ист. б-ка. Т. 27. СПб., 1910.
430. Литовская Метрика. Книга сигиллат (1709—1719). Вильнюс, 1987.
431. Литовская Метрика / Составил Л.М. Зельверович. Т. 1. СПб., 1883.
432. Литовская Метрика. Т. 1. СПб., 1903.
433. Литовская Метрика. Т. 1, кн.1. СПб., 1910.
434. Литовская Метрика. Т. 1, кн. 2. СПб., 1910.
435. Литовская Метрика. Т. 1, кн. 3. СПб., 1910.
436. Лихачев Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.
437. Лозицкий А.И. Пинск XVI столетия. Мн., 1994.
438. Лорентц С., Роттермунд А. Классицизм в Польше: Пер. с пол. Варшава, 1984.
439. Лысенко П. Туровская земля IX—XIII вв. 2 изд. Мн., 2001.
440. Любавский М.К. Лекции по древнерусской истории. М., 1911.
441. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892.
442. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. 2 изд. М., 1915.
443. Любанский Ф. Высоколитовское имение графини Потоцкой // Земледельческая газета. 1897. № 17. С. 360—363.
444. Ляшук В. Літаратурнае краязнаўства ў школе. Мн., 1991.
445. Ляшук В. Марыя Радзевіч і Палессе // Народная Трыбуна. 1995. 15 крас.
446. Ляшук В.Я., Снітко Г.М. Літаратура Берасцейшчыны. Брэст, 1999.
447. Малаш-Аксамітава Л. Пачынальнік беларускай фалькларыстыкі // Ян Чачот, Ігнат Дамейка, сябры і паплечнікі Адама Міцкевіча. Мн., 1998. С. 40—48.
448. Маліноўскі М. Ігнат Дамейка і баранавіцкая зямля // Ян Чачот, Ігнат Дамейка, сябры і паплечнікі Адама Міцкевіча. Мн., 1998. С. 104—108.
449. Мальдзіс А. Крашэўскі Юзаф // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 256—257.
450. Мальдзіс А. Падарожжа ў XIX ст. З гісторыі бел. літаратуры, мастацтва і культуры. Мн., 1969.
451. Мальдзіс А.І. На скрыжаванні славянскіх традыцый. Мн., 1980.
452. Мальдзіс А.І. Несялоўскі Казімір // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., Т. 4. 1987. С. 67.
453. Мальдзіс А.І., Нямцэвіч Ю.У. // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., 1987. Т. 4. С. 97.
454. Малы гербоўнік Навагрудскай шляхты / Склад. С.А. Рыбчонак. Мн., 1997.
455. Марголіна Р. Служэнне культуры і гісторыі // Памяць: Пінскі раён. Мн., 1998.
456. Мартынаў А.М. З гісторыі парку імя Суворава // Праца (Кобрынскі р-н). 1958. 18—20 чэрв.
457. Мартынаў А.М. Пра Кобрынскі замак // Помнікі гісторыі і культуры. 1974. № 1. С. 21—22.

458. Масленицына И., Богодзяж Н. Радзивиллы — несвижские короли. Мн., 1997.
459. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Гродненская губерния / Сост. П. Бобровский. Ч. 2. СПб., 1863.
460. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Минская губерния / Сост. И. Зеленский. Ч. 2. СПб., 1864.
461. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44. Кніга запісаў 44 (1559—1566). Мн., 2001.
462. Мікалаевіч А. Касьцюшка: Сяхновічы-Бярвіль // Спадчына. 1994. № 3. С. 9—17.
463. Мікалаеў М.В. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X—XVIII стст. Мн., 1993.
464. Миллер И.С. Ромуальд Траугутт // За нашу и вашу свободу: Герои 1863 года. М., 1964. С. 341—392.
465. Мірачыцкі Л. Адам Міцкевіч у свядомасці беларусаў // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры. Мн., 1998.
466. Мицкевич А. Константину Рдултовскому // Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 393—394.
467. Міцкевіч А. Пан Тадэвуш. Мн., 1985.
468. Мицкевич А. Франтишку Мицкевичу // Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 524—526.
469. Мицкевич А. Франтишку Мицкевичу // Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 586.
470. Мицкевич А. Юлиану Урсыну-Немцевичу // Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 391—392.
471. Мицкевич А. Юлиану Урсыну-Немцевичу // Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 470—471.
472. Мицкевич А. Ю. Немцевич — А. Мицкевичу // Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 654—655.
473. Морозов В.Ф. Гомель классический: Эпоха. Меценаты. Архитектура. Мн., 1997.
474. Морозов В.Ф. Работы зодчих виленской и варшавской архитектурных школ в Белоруссии в конце XVIII—первой половине XIX в. // Архитектурное наследство. 1985. № 33. С. 182—190.
475. Мохнач Н.Н. От Просвещения к революционному демократизму. Мн., 1976.
476. Мусевіч Г. Жыццё і смерць апошняга польскага караля. Заняпад Воўчына // Навіны Камянеччыны. 1998. 13 мая.
477. Мусевіч Г. Жыццё і смерць апошняга польскага караля. Кароль: Pro i Kontra // Навіны Камянеччыны. 1998. 20 мая.
478. Мусевіч Г. Жыццё і смерць апошняга польскага караля. Лёс метрыкі і воўчынская школа // Навіны Камянеччыны. 1998. 8 крас.
479. Мусевіч Г. Жыццё і смерць апошняга польскага караля. Панятоўскі — бацька і нараджэнне малодшага сына // Навіны Камянеччыны. 1998. 1 крас.
480. Мусевіч Г. Жыццё і смерць апошняга польскага караля. Росквіт Воўчына // Навіны Камянеччыны. 1998. 15 крас.
481. Мусевіч Г. Жыццё і смерць апошняга польскага караля. Суквецце выдатных людзей у Воўчыне // Навіны Камянеччыны. 1998. 22 крас.
482. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік. Мн., 1995.
483. Мытнік Ю. Белавусаўшчына // Народная Трыбуна. 2000. 24 чэрв.
484. Нарбут А.Н. Юндзиллы — древний род из Гродно // Наш радавод. Гродна, 1993. Кн. 5, ч. 1. С. 117—122.
485. Насевіч В. Друцкія-Любецкія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1996. Т. 3. С. 296—297.
486. Насевіч В. Корсакі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 239—240.
487. Насевіч В. Крошынскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 262.
488. Насевіч В. Неміровічы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1999. Т. 5. С. 320.
489. Насевіч В. У складзе Вялікага княства Літоўскага // Памяць: Лунінецкі раён. Мн., 1995. С. 29—45.
490. Насевіч В.Л. Войны-Ясянецкія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1991. Т. 2. С. 348.
491. Насевіч В.Л. Гасеўскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1994. Т. 2. С. 496.
492. Насевіч В.Л. Друцкае княства і князі Друцкія // Друцк старажытны. Мн., 2000. С. 49—76.
493. Насевіч В.Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мн., 1993.
494. Несцярчук Л.М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X—XX ст. (гісторыя, стан, перспектывы). Мн., 2002.
495. Несялоўскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1999. Т. 5. С. 321—322.
496. Нікалаеў М.В. Аблічча сярэдневяковай бібліятэкі: Кнігазборы Сапегаў // Мастацтва Беларусі. 1985. № 7. С. 64—67.
497. Новодворский В.В. Друцкий-Любецкий // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 695—707.
498. Нямцэвічы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1999. Т. 5. С. 341.
499. Описание дел, хранящихся в Варшавском Главном Архиве древних актов. Т. 1. Варшава, 1912.
500. Опись документов Виленского центрального архива древних актовых книг. Вып. 10. Акты Брестского гродского суда за 1575—1715 гг. Вильна, 1913.
501. Пазднякоў В. Дольскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1996. Т. 3. С. 268.
502. Пазднякоў В. Катлубай // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 149.
503. Пазднякоў В. Кобрынскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 222.
504. Патоцкі Л. Успаміны пра Тышкевічаву Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Пер. с пол. І.У.Саламевіча. Мн., 1997.
505. Паўлюк Багрым. Мн., 1994.
506. Пашкавец П. Балада з раздарожжа // Дыялог. 1998. № 2 (46). С. 19.
507. Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561—1566 гг. пинским и кобринским старостою Лаврином Войною. Ч. 1. Вильна, 1874.
508. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг. Вильна, 1884.
509. Пичета В.И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1927.
510. Плиско Н.М., Козлов Л.Р. Кобрин: Ист.-экон. очерк. Мн., 1987.
511. Поболь Л.Д. Коссово: Городище // Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990. С. 209.
512. Погодин А. Виленский учебный округ (1803—1831). СПб., 1901.

513. Полховская С.П. Род Урсын-Немцевичей на Гродненщине // Наш радавод. Гродно, 1993. Кн. 5, ч. 1. С. 123—126.
514. Похилевич Д.Л. Крестьяне – слуги в Литве и Западной Белоруссии в XVI—XVII вв. // Ученые записки Львовск. гос. ун-та им И. Франко. Сер.ист. 1955. Т. 36, вып. 6. С. 144—172.
515. Праневіч Г. Палессе ў палітычнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага // Рэгіянальныя асаблівасці Берасцейска-Пінскага Палесся ў мове, фальклоры і літаратуры: Матэр. навук. канф. Брэст, 1994. С. 33—34.
516. Прокошина Е.С., Шалькевич В.Ф. Казимир Лыщинский. Мн., 1986.
517. Пузыны // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 2001. Т. 6. С. 5.
518. Пуслоўскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 2001. Т. 6. С. 7.
519. Пярвышын У.М. Пружанскі палацык: Гісторыка-архітэктурны нарыс. Мн., 1992.
520. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильна, 1867.
521. Ресслер М. Конвенция о всемирном наследии // Naturopa. 1998. № 86. С. 19.
522. Риско В. Княжий двор в Киеве // Zamek i dwór w średniowieczu od XI do XV wieku. Poznań, 2001. S. 83—97.
523. Рудзкі Э.Бона Сфорца д·Арагона – другая жонка Жыгімонта Старога // Спадчына. 1994. № 2. С. 35—49.
524. Рыбчонак С. Радавод Стыпулкоўскіх герба Дзях // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры. Мн., 1998. С. 102—107.
525. Рыбчонак С., Святынскі У. Радавод Верашчакаў герба Касьцеша // Спадчына. 1998. № 4. С. 59—73.
526. Саверчанка І.В. Канцлер Вялікага Княства: Леў Сапега. Мн., 1992.
527. Саламевіч Я. Міхал Федароўскі. Мн., 1972.
528. Самусик А. Музы Полонечки // Обозреватель. 2002. 17 мая.
529. Сапега Д. Ревизия Кобринской экономии. Вильна, 1876.
530. Сапега Леў: Лісты // Спадчына. 1998. № 2. С. 3—9.
531. Сачак М.М. Герой 1863 года // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1978. № 1. С. 21—24.
532. Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II. Вильна, 1903.
533. Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн., 1990.
534. Семянчук Г. «Беларусіка» ў фондах Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве // Спадчына. 1996. № 2. С. 155—165.
535. Сіцька З. Грушаўка // Дыялог. 1998. № 2 (46). С. 16—18.
536. Скалабан В.У. Чарноцкі Н.К. // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва. Мн., 1987. Т. 5. С. 513.
537. Скобла М. Дзярэчынскі дыярыюш. Мн., 1999.
538. Словік С. З гісторыі сядзіб сям'і Дамейкаў па матэрыялах Гродзенскага нацыянальнага гістарычнага архіва // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры. Мн., 1998. С. 412—417.
539. Слюнькова И.Н. Монастыри восточной и западной традиций. Наследие архитектуры Беларуси. М., 2002.
540. Смалянчук А. Парэчча Скірмунтаў: Лёс сядзібы і ўладальнікаў // Садова-паркавае мастацтва Гродзеншчыны: Гісторыя і сучаснасць. Гродна, 2001. С. 15—20.
541. Сокол С.Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI в. Мн., 1974.
542. Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV—XVI вв.). Мн., 1993.
543. Спірыдонаў М. Апошні канцлер Вялікага княства Літоўскага // Спадчына. 2001. № 1—2. С. 25—34.
544. Спірыдонаў М. Беларусь на карце Вялікага княства Літоўскага 1613 г. // З глыбі вякоў: Наш край. Мн., 1997. Вып.2. С. 133—195.
545. Спірыдонаў М. Вытокі // Памяць: Ляхавіцкі раён. Мн., 1989. С. 71—76.
546. Список землевладений в Гродненской губернии / Сост. П. Диков. Гродно, 1890.
547. Список землевладельцев Минской губернии за 1876 г. Мн., 1877.
548. Список землевладельцев Минской губернии за 1888 г. Мн., 1889.
549. Список землевладельцев Минской губернии за 1911 г. Мн., 1911.
550. Сташкевіч А.Б. Рэнесансавае шкло ў замках Беларусі // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. Мн., 1994. С. 137—142.
551. Супрун В.Р. Палац у Ружанах // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1972. № 3. С. 23—24.
552. Супрун С. Рамёствы нашых продкаў // Народная Трыбуна. 1997. 14 сак.
553. Сущук А. Память и беспамятство // Збудінне. 1992. 2 студз.
554. Татаринов Ю. От Гродно и Каменца до Мстиславля. Мн., 1997.
555. Ткачоў М. Кобрынскія замкі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 222.
556. Ткачоў М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. Мн., 1978.
557. Ткачоў М.А. Замкі і людзі. Мн., 1991.
558. Турыянскі М. Гісторыя маёнтка Грушаўка // Мастацтва. 1993. № 12. С. 47—51.
559. Турыянскі М. Грушаўка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1996. Т. 3. С. 159—160.
560. Ульяновський В. Архівна Сапєгіана XIX ст.: Конфіскати, відкриття, використання // Беларусіка=Albaruthenica; Кн. 21. Мн., 2001. С. 93—124.
561. Федорук А.Т. Древесные растения садов и парков Белоруссии. Мн., 1980.
562. Федорук А.Т. Маньковичский парк // Интродукция растений и охрана природы. Мн., 1969. С. 215—219.
563. Федорук А.Т. Опыт интродукции древесных лиственных растений в Белоруссии. Мн., 1985.
564. Федорук А.Т. Садово-парковое искусство Белоруссии. Мн., 1989.
565. Федорук А.Т. Старинные усадьбы Минского края. Мн., 2000.
566. Філаматы і філарэты: Зборнік. Мн., 1998.
567. Філатава А. Добра дома і ... у Парыжы // Культура. 1992. 28 снеж.
568. Хадыка А.Ю., Хадыка Ю.В. Рэнесанс у беларускім новым іканапісе // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. Мн., 1994. С. 62—70.
569. Хорошкевич А.Л. Сословное землевладение украинских и белорусских земель XIV—начала XVI в. // Исследования по историографии феодализма. М., 1982. С. 208—215.

570. Цвірка К. Лісце забытых алеяў: Эсэ. Мн., 1993.
571. Цвірка К. След на цаліну: Творчы шлях Яна Чачота // Ян Чачот, Ігнат Дамейка, сябры і паплечнікі Адама Міцкевіча. Мн., 1998. С. 17—27.
572. Цвірка К. Той курган векавечны. Мн., 1985.
573. Церахава В. Хроніка Быхаўца: Берасцейскія карані. Брэст, 1998.
574. Цеханавецкі А. Міхал Казімір Агінскі і яго «сядзіба муЗаў» у Слоніме. Мн., 1993.
575. Чантурия В.А. Памятники архитектуры и градостроительства Белоруссии. Мн., 1986.
576. Шаблюк В. Двор у Туганавічах. Мн., 1995.
577. Шалькевіч В. Лышчынскі Казімір // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т. 4. С. 408.
578. Швед В.В. У складзе Расійскай імперыі // Памяць: Маларыцкі раён. Мн., 1998. С. 72—82.
579. Ширяев Е. Взаимодействие изобразительного искусства Беларуси с искусством России (конец XVIII—начало XX в.) // Гісторыя. Культуралогія. Мастацтвазнаўства. Мн., 2001. С. 293—299.
580. Шкялёнак М. Леў Сапега // Спадчына. 1991. № 1. С. 58—78.
581. Шпилевский П.М. Путешествия по Полесью и белорусскому краю. СПб., 1858.
582. Юхо Я., Емяльянчык У. «Нарадзіўся я ліцьвінам...»: Тадэвуш Касцюшка. Мн., 1994.
583. Якимович Ю. Усадьба в Достоево // Нёман. 1981. № 12. С. 186—189.
584. Якімовіч Ю.А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся XII—XIX стст. Мн., 1978.
585. Якимович Ю.А. Зодчество Белоруссии XVI—середины XVII в.: Справочное пособие. Мн., 1991.
586. Якімовіч Ю.А. Сваротвенская сядзіба // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., 1987. Т. 4. С. 672—673.
587. Яніцкая М. Што напаткала «Сапяжанскі збор» // Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: Праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання. Мн., 1997. С. 303—307.
588. Яніцкая М.М. Рэнесансавая мэбля ў Беларусі // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. Мн., 1994. С. 125—136.
589. Янушкевіч Я. «Ледзьве здымкі ўратаваў ...»: Новае пра сям'ю Паўлюка Багрыма // Літаратура і мастацтва. 1988. 4 ліст.
590. Яструн М. Мицкевич / Пер. с пол. А. Голембы. Мн., 1963. С. 608.
591. Яцкевіч З. Радавод Яна Чачота. Мн., 1996.
592. Яцкевіч З. Радавод Яна Чачота // Ян Чачот, Ігнат Дамейка, сябры і паплечнікі Адама Міцкевіча. Мн., 1998. С. 6—11.
593. Яцкевіч З. Цырынскі грэкакаталіцкі дэканат // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры. Мн., 1998. С. 428—436.
594. Abramowicz W. Strony Nowogródzki: Szkice krajoznawcze. Lida, 1938.
595. Adamków // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1900. T. 5. S. 8.
596. Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie. T. 2. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992.
597. Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Województwo kijowskie oraz uzupełnienia do tomów 1—10. T. 11. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997.
598. Album biograficzne zasłużonych Polaków i Polek w wieku XIX. T. 1. Warszawa, 1901.
599. Album J. Matejki. Warszawa, б/г.
600. Album pamiatkowe: Widoki stron rodzinnych Adama Mickiewicza / Zebrał T.E. Boretti. Warszawa, 1900.
601. Altana w Tuhanowiczach // Ziemia. 1930. T. 15, № 10. S. 1.
602. Archiw Głowny Aktów Dawnych w Warszawe: Zbiór dok. perg., 7676.
603. Arciszewski W. Wołczyn dawniej i dziś // Rocznik ziem wschodnich na rok 1938. Warszawa, 1939. S. 181—187.
604. Askenazy Sz. Tadeusz Korzon // Tygodnik illustrowany. 1912. № 17. S. 342—343.
605. Autobiografia Joachima Chreptowicza // Dawna Akademia Wileńska. Petersburg, 1862. S. 515—518.
606. Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym. T. 2. Warszawa, 1846.
607. Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska pod wzgledem historycznym, geograficznym i statystycznym. T. 4. Warszawa, 1886.
608. Bądzkiewicz A. Pińsk i Pińszczyzna // Tygodnik illustrowany. 1863. T. 1, № 197. S. 260—263.
609. Berduny // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880. T. 1. S. 134.
610. Bernatowicz T. «Entre éventail et étoile»: Zwierzyńce w osiemnastowiecznej Polsce i ich europejskie związki // Barok: Historia-Literatura-Sztuka. Warszawa. 1997. S. 105—110.
611. Bernatowicz T. Miles Christianus et peregrinus: Fundacje Mikołaja Radziwiłła «Sierotki» w ordynacji Nieświeskiej. Warszawa, 1998.
612. Bieńkiewicz W. Niektóre wiadomości o województwie Poleskiem // Rocznik Poleski. 1927. S. 29—51.
613. Bochwic F. Obraz myśli mojej o celach istnienia człowieka. Wilno, 1841.
614. Bochwic F. Pomysły o wychowaniu człowieka. Wilno, 1847.
615. Boniecki A. Herbarz polski. T. 11. Warszawa, 1907.
616. Bułhak J. O krajobrazie Nowogródzkim // Ziemia. 1925. № 10—12. S. 195—202.
617. Bułhak J. Wędrówki. Foto grafa. Z. 6. Wilno, 1936.
618. Chwalewik E. Zbióry polskie. Archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne zbióry pamiątek przeszłości. T. 1. Warszawa; Kraków. 1926.
619. Chwalewik E. Zbióry polskie. Archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne zbióry pamiątek przeszłości. T. 2. Warszawa; Kraków. 1927.
620. Ciehanowicz J. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. 2. Rzeszów, 2001.
621. Ciechanowicz J. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa 622. Ciechanowicz J. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego. T. 5. Rzeszów, 2001.
623. Ciołek G. Ogrody Polskie. Warszawa, 1954.
624. Czartoryski A. Żywot J.U. Niemcewicza. Berlin; Poznań, 1860.
625. Dernałowicz M. Portret Familii. Warszawa, 1990.
626. Dernałowicz S. Ród Skirmunttów herba «Dąb»; Rękopis. 1978.
627. Dołżański L. Dawny klasztor kartuzów w Berezie // Tygodnik illustrowany. 1861. T. 4, № 99. S. 65.

628. Dom Sapieżyński / Opracował Eustachy Sapieha. Warszawa, 1995.
629. Dostojewo // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1881. T. 2. S. 132.
630. Frankowski E. Poleszucy między Horyniem i Słuczą a Uborcią i Horyniem // Ziemia. 1925. № 5. S. 114—120.
631. German F. Orda Napoleon // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1979. T. 24. S. 161—163.
632. Gloger Z. Budownictwo drzewne. T. 1. Warszawa, 1907.
633. Grzegorczuk D. Dworki i pałace polskiej szlachty w byłym województwie Brzeskim. Siedlce, 1997.
634. Historia szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem (najdawniejszych czasów aż do roku 1794). T. 4. Poznań, 1849.
635. Holubek W. Dwory hospodarskie Wielkiego Księstwa Litewskiego przed i po pomiarze włocznej (konec XIV—XVI w.) // Zamek i dwór w średniowieczu od XI do XV wieku. Poznań, 2001. S. 78—79.
636. Horoszkiewicz R. Mateusz Butrymowicz // Ziemia. 1927. № 7. S. 107—109.
637. Horoszkiewicz R. Notatki historyczne o niektórych miejscowościach powiatu Pińskiego. Pińsk, 1928.
638. Horoszkiewicz R. Powiat Stolinski: (Notatki historyczne). Brześć nad Bugiem, 1930.
639. Horoszkiewicz R. Spis rodów szlachty zaściankowej ziemi Pińskiej. Warszawa, 1937.
640. Horoszkiewicz R. Szlachta zaściankowa na ziemiach wschodnich. Pińsk, 1937.
641. Horoszkiewicz R. W poleskich zaściankach szlacheckich // Ziemia. 1935. № 6—7. S. 126—129.
642. Horoszkiewicz R. Wieś Osowa w powiecie Stolinskim // Ziemia. 1930. R. 15, № 9. S. 171—173.
643. Hryniewiecki B. Anna z Sapiehów Jabłonowska // Ziemia. 1934. № 1—2. S. 30—32.
644. Jagmin P. // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1962—1964. T. 10. S. 319.
645. Jan Karol Chodkiewicz // Tygodnik illustrowany. 1861. T. 4, № 105.
646. Janowski A. Wykaz służby wojskowej Romualda Traugutta // Ziemia. 1933. № 1. S. 2—3.
647. Janusz B. U grobu matki królewskiej // Ziemia. 1927. № 18. S. 384—388.
648. Jaroszewski T.S. O siedzibach neogotyckich w Polsce. Warszawa, 1981.
649. Jasiewicz K. Lista strat ziemiaństwa polskiego (1939—1956). Warszawa, 1995.
650. Jelski A. Albrechtów // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880. T. 1. S. 26.
651. Jelski A. Domaszewicze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1881. T. 2. S. 115.
652. Jelski A. Mysz (Stara) // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1885. T. 6. S. 838.
653. Jelski A. Nacza // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1885. T. 6. S. 853.
654. Jelski A. Połoneczka // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1887. T. 8. S. 725.
655. Jelski A. Soczewki // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1890. T. 11. S. 7.
656. Jelski A. Swojatycze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1890. T. 11. S. 724.
657. Jelski A. Terebezów // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1892. T. 12. S. 302.
658. Jelski A. Tuhanowicze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1892. T. 12. S. 608.
659. Jelski A. Waszkowce // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1893. T. 13. S. 144—145.
660. Jelski A. Wiadomości o niektórych pamiątkach po Adamie Mickiewiczu // Księga Pamiątkowa na uczczenie selnej rocznicy urodzin A. Mickiewicza. Warszawa, 1898. S. 59—65.
661. Jelski A. Wolna // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1893. T. 13. S. 856.
662. Jelski A. Zaosie // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1895. T. 14. S. 395.
663. Jelski A. Żeleźnica // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1895. T. 14. S. 768.
664. Jelski A., Lopaciński A. Sawejki // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1889. T. 10. S. 343.
665. Jelski A., Ślizień R. // Księga Pamiątkowa na uczcznie sełnej rocznicy urodzin A. Mickiewicza. Warszawa, 1898. S. 85—88.
666. Kajetan Kraszewski // Tygodnik illustrowany. 1896. T. 2, № 28. S. 544.
667. Kałnin W. Nurt barokowy w twórczości J.S. Beckera architekta domu Sapiehów // Kultura artystyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego w epoce baroku. Warszawa, 1995. S. 213—228.
668. Karpiński F. Historia mego wieku i ludzi z którymi żyłem. Warszawa, 1987.
669. Katalog rysunków architektonicznych Henryka i Leandra Marconich w Archiwym Głownym Aktów Dawnych w Warszawie. Warszawa, 1977.
670. Katalog rysunków architektonicznych ze zbiorów Muzeum Narodowego w Krakowie: Rysunki Napoleona Ordy. Warszawa, 1975.
671. Katalog rysunków gabinetu rycin Biblioteki uniwersyteckiej w Warszawie. Warszawa, 1969.
672. Kiwatycze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1883. T. 4. S. 117.
673. Kołodziejczyk J. Tuhanowicze // Ziemia. 1931. T. 16, № 6. S. 102—105.
674. Komorowski J. Kresowym szlakiem: kapliczki, pomniki, groby. Cz. 1. Polesie. Świdnica, 1997.
675. Komorowski J. Kresowym szlakiem: kapliczki, pomniki, groby. Cz. 2. Nowogródczyzna. Świdnica, 2000.
676. Korzon T. Kościuszko: Biografia z dokumentów. Kraków; Warszawa, 1894.
677. Kossakowski St. Monografije historyczne-genealogiczne niektórych rodzin polskich. Warszawa, 1859—60.
678. Kościuszki // Tygodnik illustrowany. 1880. T. 10, № 247. S. 121.

679. Kraszewski J. Szachy Heleny Skirmunttowej // Tygodnik illustrowany. 1875. T. 15, № 366. S. 11—13.
680. Kraszewski J.I. Wspomnienia Wolynia, Polesia i Litwy. T. 1. Warszawa, 1840.
681. Kroszyn // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1883. T. 4, S. 710—711.
682. Krótki Poleski informator turystyczno-krajoznawiczy. Brzeŝćin nad Bugiem. 1935.
683. Krzywicki T. Szlakiem Mickiewicza. Wilno, 1994.
684. Kseniak M. Rezydencja ksiażat Chartoryskich w Puławach. Lublin, 1998.
685. Kutowszczyzna // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1884. T. 5. S. 5.
686. La Pologne: historique, littéraire, monumentale et pittoresque / Leonard Chodzko. Paris, 1835—1836.
687. Leszyc Z. Herby szlachty polskiej. T. 1. Poznań, 1908.
688. Letnie wczasy autorki «Nad Niemnem» // Tygodnik illustrowany. 1909. № 34. S. 699.
689. Lewkowska A., Lewkowski J., Walczak W. Zabytkowe cmentarze na kresach wschodnich drugiej Rzeczypospolitej: Województwo poleskie. Warszawa, 2000.
690. Linowa // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1884. T. 9. S. 110.
691. Lorentz S. Album wileńskie. Warszawa, 1986.
692. Lorentz S. Wycieczki słonimskie. Słonim, 1933.
693. Łopalewski T. Między Niemanem i Dźwiną. Warszawa; Kraków, 1990.
694. Łoza S. Architekci i budowniczowie w Polsce. Warszawa, 1954.
695. Malinowska I. Pałac Sapiehów. Warszawa, 1972.
696. Maliszewski E. Przewodnik po gubernji Grodzeńskiej. Warszawa, 1919.
697. Marczak M. Przewodnik po Polesiu. Brześć nad Bugiem, 1935.
698. Marszałkowie sejmów i Rzeczypospolitej. Warszawa, 1993.
699. Materyały do dziejów akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. Kraków, 1905.
700. Medal wybitnycześć Kraszewskiego w Dreznie // Tygodnik illustrowany. 1879. T. 7, № 160. S. 208.
701. Meisser J. Bochwic Jan Otton // Polski słownik biograficzny. 1936. T. 2. S. 176.
702. Mereczowszczyzna // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1885. T. 6. S. 259.
703. Minkowice // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1885. T. 6. S. 450.
704. Moniuszko A., Sopodźko T. Czerniewicze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880. T. 1. S. 825—826.
705. Monografie historyczno-genealogiczne niektórych rodzin polskich. T. 1. Warszawa, 1876.
706. Moszyński A. Duboja // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1881. S. 197.
707. Napoleon Orda // Tygodnik illustrowany. 1883. T. 1, № 18. S. 273.
708. Naruszewicz A. Historya J.K. Chodkiewicza. T. 1. Lipsk, 1837.
709. Niemcewicz J.U. Pamiętniki czasów moich. Warszawa, 1957.
710. Niemcewicz J.U. Podróże historyczne po ziemiach Polskich. Paryż; Petersburg, 1858.
711. Nowak-Kiełbikowa M. Konstantin Skirmuntt: polityk i dyplomata. Warszawa, 1998.
712. Odzyskane zbióry graficzne // Tygodnik illustrowany. 1925. № 32. S. 630—631.
713. Opol // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1886. T. 7. S. 560.
714. Orda N. Aleksander Skirmunt // Tygodnik illustrowany. 1871. T. 7, № 175. S. 213—214.
715. Orzeszkowa E. Gloria Victis. Rok 1863. 3-e wyd. Warszawa, 1937.
716. Orzeszkowa E. Listy dwugłosy. Warszawa; Grodno, 1937.
717. Orzeszkowa E. Listy zebrane. T. 5. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961.
718. Orzeszkowa E. Listy zebrane. T. 9. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981.
719. Ossendowski F.A. Polesie. Poznań, 1938.
720. Pałac w Swojatyczach // Ziemia. 1911. № 10. S. 153.
721. Pauszer-Klonowska G. Pani Eliza. Warszawa, 1981.
722. Piwkowski W. Arkadia: Ogród romantyczny Heleny Radziwiłłowej. Warszawa, 1995.
723. Po 44 latach // Tygodnik illustrowany. 1907. № 37. S. 755.
724. Poklewska D. Orda Jerzy // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1979. T. 24. S. 160—161.
725. Polska w krajobrazie i zabytkach. T. 2, z. 5. Warszawa, 1930.
726. Próchnik A. W celi Traugutta // Tygodnik illustrowany. 1934. № 4. S. 67—68.
727. Przewodnik po okolicach mickieczowskich, rejtanowskich ziemi Nowogródzkiej z ilustracjami. Baranowicze, 1938.
728. Rachuba A. Orda Stanisław // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1979. T. 24. S. 163—165.
729. Raśna // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1888. T. 9. S. 529.
730. Rąkowski G. Czar Polesia. Pruszków, 2001.
731. Rąkowski G. Ilustrowany przewodnik po zabytkach kultury na Białorusi. Warszawa, 1997.
732. Rocznik Poleski. Brześć nad Bugiem, 1926.
733. Rolle K. Kopiec Kościuszki // Ziemia. 1939. № 4. S. 118—121.
734. Roubę N. Przewodnik po Litwie i Białej rusi. Wilno, 1919.
735. Roubę N. Śladami wieszcza // Tygodnik illustrowany. 1898. № 8. S. 153—154.
736. Roubę N. Śladami wieszcza // Tygodnik illustrowany. 1898. № 9. S. 174—175.
737. Rozanów M. Powiat Pružanski. Rużana, 1855.
738. Rymkiewicz J.M. Do Snowia i dalej... Kraków, 1996.
739. Ryn Z. Ignacy Domeyko: Szkic osobowości i duchowości // Rota. 2002. № 3. S. 22—27.
740. Sapiehowie: Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe. T. 1. Petersburg, 1890.
741. Sapiehowie: Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe. T. 2. Petersburg, 1891.
742. Sapiehowie: Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe. T. 3. Petersburg, 1894.
743. Senatorowie i poslowie Sejmu Wielkiego. Warszawa, 1991.
744. Siechnowice // Tygodnik illustrowany. 1880. T. 10, № 247. S. 167.
745. Siehniewicze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1889. T. 10. S. 518.
746. Skirmuntt K. Dzieje Litwy: Opowiedziane w zarysie. Kraków. 1886.

747. Skirmuntt K. // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1998. T. 2. S. 187—190.
748. Stajki // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1890. T. 11. S. 176.
749. Stary Kuplin // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1883. T. 4. S. 888.
750. Stoszany // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1890. T. 11. S. 378.
751. Sulimierski F. Kossów // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1883. T. 4. S. 473.
752. Szpilewski G. Wołczyn // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1893. T. 13. S. 865—867.
753. Twardowska Maria // Słownik biologów polskich. Warszawa, 1987. S. 548--549.
754. Uregulowanie wód Polesia // Tygodnik illustrowany. 1878. T. 6, № 144. S. 201—208.
755. Uruski S. Rodzina: Herbarz szlachty polskiej. T. 2. Warszawa, 1905.
756. Ussas B. Z dziejów grobowca króla Stanisława Augusta w Petersburgu // Tygodnik illustrowany. 1938. № 10. S. 219—225.
757. Waga A. Xawery Pusłowski // Tygodnik illustrowany. 1874. T. 13, № 231. S. 113—114.
758. Wawrzykowska-Wierciochowa D. Kościuszkowska prawnuka. Warszawa, 1974.
759. Wawrzykowska-Wierciochowa D. Adam i Maryla. Warszawa, 1990.
760. Wawrzyńczyk A. Rozwój wielkiej własnościna Podlasiu w XV—XVI wieku. Wrocław, 1951.
761. Wątroba P. Nieznany plan założenia pałacowo-parkowego księżnej Eleonory Michałowej Czartoryskiej w Wołczynie // Ikonotheka: Prace Instytutu Historii Sztuki uniwersytetu Warszawskiego. 2000. № 14. S. 35—48.
762. Witanowski M.R. Wysokie Litewskie // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1895. T. 14. S. 134—137.
763. Wojakowski J. Księgozbiory Eustachego Kajetana Sapiehy (1797—1860) i W. Seweryna Rzewuskiego (1785—1831). Warszawa. 1996.
764. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.
765. Wołczyn Stanisława Augusta. Warszawa, 1993.
766. Worocewicze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1880. T. 13. S. 946.
767. Wybór pism Józefa Ignacego Kraszewskiego // Tygodnik illustrowany. 1877. T. 3, № 105.
768. Wysłouch S. Dobra Szereszewskie z studjów nad podzialem teritorjalnym Wielkiego Księstwa Litewskiego przed reforma 1565—1566 rr. Wilno, 1930.
769. Wysłouch S. Rozwój granic i terytorjum powiatu Kobryńskiego do połowy XVI wieku. Wilno, 1930.
770. Zakoziel // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1895. T. 14. S. 312.
771. Zaleski B. Z życia Litwinki (1827—1874). Poznań, 1876.
772. Zaleski B. Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego. Poznań, 1881.
773. Zamosze // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1895. T. 14. S. 388.
774. Zapole // Słownik geograficzny Królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1895. T. 14. S. 401.
775. Zdański K. Przyczynki do dziejów powiatu Brzesko-Litewskiego i ziem nim objetych. Warszawa, 1936.
776. Zgorzelska A. Dzieje królewskiego Wołczyna. Warszawa, 1995.
777. Zielińska T. Początek polskich rodów arystokratycznych. Warszawa, 1997.
778. Ziemba T. Mickiewicz w okresie Nowogródzkim // Tygodnik illustrowany. 1882. T. 14, № 359. S. 317—319.
779. Ziemianie: Pomiędzy rzeczywistością a wspomnieniem. Kraków, 1998.
780. Żmigrodzka M. Orzeszkowa: Młodość pozytywizmu. Warszawa, 1965.
781. Żmigrodzki I.J. Nowogródek i okolice. Wilno, 1931.
782. Życia sławnych polaków. Wydanie nowe Jana Bobrowicza. T. 1. Lipsk, 1837.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ИМЕНИЙ, ФОЛЬВАРКОВ, УСАДЕБ

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Акант – скульптурное украшение в виде листьев одноименного растения, применяемое для декорирования фасадов и интерьеров зданий. Используется во фризах, карнизах, розетках, медальонах, капителях и др.

Акцент – прием, основанный на противопоставлении и подчеркивании какой-либо детали в общей пейзажной картине по величине, положению в пространстве, освещенности или цвету.

Алькеж – угловая, реже торцовая обособленная часть здания, выступающая за плоскость стен, обычно завершенная фигурной башенкой или шатровой крышей. Появилась под влиянием замкового зодчества. Служила кабинетом, спальней или коморой.

Альков – выделенная часть комнаты или углубление, ниша в стене для кровати.

Альтанка (бел.) – то же, что *беседка*.

Алтарь – в православных храмах престол для «исполнения таинств», в католических – декоративные стенки, оформленные скульптурой, живописью, произведениями декоративно-прикладного искусства.

Ампир – архитектурный стиль, завершивший развитие классицизма (первая треть XIX в.). Отличается массивными геометрическими объемами сооружений, стремлением к парадности, монументальной выразительности.

Антаблемент – верхняя часть сооружения, лежащая на колоннах; составной элемент античного архитектурного ордера; состоит из связывающего колонны архитрава (балки), фриза над ним и карниза.

Анфилада – ряд комнат (залов), в парках ряд отдельных замкнутых пространств, соединенных проходами, расположенными по одной оси, что создает сквозную перспективу интерьеров.

Апсида – полукруглый, прямоугольный или многогранный в плане выступ в восточной части храма, замыкающий пространство нефа или трансепта. Служит местом расположения алтаря, культовых реликвий, нахождения духовных лиц.

Арка – криволинейное перекрытие проема в стене или пространства между двумя опорами (столбами, колоннами и т.д.).

Аркада – ряд одинаковых по величине и очертанию арок, которые перекрывают одинаковые пролеты и образуют ритмическую архитектурную композицию.

Аршин – мера длины с XVI в., равная 71,12 см.

Аттик – архитектурно-декоративный элемент прямоугольной формы; стенка в виде балюстрады, расположена над карнизом, венчающим здание, часто украшалась рельефами, надписями.

Бабинец, то же, что *притвор*.

База – основание, опорная часть (фундамент) колонны, столба, пилястры.

Базилика – прямоугольное в плане здание, разделенное на 3 или 5 продольных нефов рядами колонн или столбов.

Балюстрада – невысокое сквозное ограждение балконов, террас, лестниц, галерей, состоящее из фигурных столбиков (балясин), соединенных сверху горизонтальной балкой, плитой или перилами.

Балясина – фигурная стойка, поддерживающая поручень балкона, галереи, лестницы.

Барокко – художественный стиль, господствовавший в европейском искусстве с конца XVI до середины XVIII в. Характеризовался контрастностью, подвижностью форм, эмоциональностью, парадностью.

Барон – общий дворянский титул, в России введен Петром I для высшего слоя прибалтийского дворянства немецкого происхождения.

Бастион – пятиугольное укрепление на углах фортификационной системы, приспособленное для ведения орудийного боя.

Бельведер – площадка или надстройка над зданием, беседка на возвышении, служащая для обозрения окружающей местности, изредка так же называется дворец в живописном окружении.

Бенедиктинцы – члены католического монашеского ордена, основанного около 530 г. Бенедиктом Нурсийским в Италии.

Бернардинцы – члены католического монашеского ордена, основанного в 1089 г. во Франции, который ответвился от францисканцев.

Беседка – деревянное или каменное декоративное сооружение каркасной конструкции, предназначенное для отдыха; сооружение легкой ажурной конструкции, обсаженное по периметру растениями; плотная посадка деревьев (обычно лип) по кругу, образующая зеленый свод.

Бордюр – низкая узкая полоса декоративных растений, обрамляющая отдельные участки в садах и парках.

Боскет – компактная объемно-пространственная композиция из деревьев и кустарников, в которую могут включаться павильоны, фонтаны, скульптура, партеры и пр. Замкнутые пространства внутри боскетов назывались зелеными «кабинетами» или «залами».

Брама (бел.) – парадные ворота (въезд в усадьбу).

Бровар (бел.) – винокурня, винокуренный или пивоваренный завод.

Бруствер – земляная насыпь наверху окопа, траншеи для защиты и удобного обстрела.

Вальма – торцовая плоскость четырехскатной крыши.

Вальмовая крыша – четырехскатная крыша с треугольными скатами (вальмами) от конька до карниза по торцевым фасадам.

Варивня (бел.), истопка – отапливаемая зимой кладовая для хранения съестных припасов (овощей, фруктов, молока).

Венец – бревна или брусья, составляющие один горизонтальный ряд сруба.

Верста – мера длины, равная 1,07 км (500 саженей).

Видовая точка – место на парковой территории, с которого лучше всего воспринимаются виды, пейзажи, сооружения; обычно закрепляется устройством видовых площадок.

Воевода – в ВКЛ руководитель администрации воеводства. Осуществлял административную власть, контроль над источниками государственных и великокняжеских доходов, организовывал вооруженные силы, исполнял судебные функции в замковом суде.

Воеводство – административно- территориальная единица в ВКЛ. С 1566 г. на территории Беларуси имелись Брестское, Виленское, Витебское, Минское, Мстиславское, Новогрудское, Полоцкое и Трокское воеводства.

Возовня – хозяйственная постройка для хранения транспортных средств.

Возрождение (Ренессанс) – эпоха в развитии культуры и искусства Европы (14 – 16 вв.), переходная от средневековья к новому времени, основанная на философской концепции гуманизма и обращение к эстетическим идеалам античности.

Войский – в ВКЛ шляхетская должность для обеспечения порядка в повете в военное время, когда шляхта уходила на войну.

Волока (бел.) – единица измерения площади в ВКЛ, равная 21,36 га.

Волюта – архитектурно-декоративная деталь в форме спиралевидного завитка с кружком («глазком») в центре.

Вырок – судебный приговор.

Габитус – внешний вид растения (животного).

Галерея – протяженное полуоткрытое помещение, ограниченное с одной или двух длинных сторон колоннами; длинный балкон.

Геоморфологические условия – условия рельефа местности.

Гетман – командующий всеми вооруженными силами (гетман великий), его заместитель – гетман польный.

Гонт (бел.) – кровельный материал в виде клиновых дощечек, остро заостренных с одного конца и с продольным пазом с другого (деревянная черепица).

Готика – художественный стиль (XII – XVI вв.), завершивший развитие средневекового искусства в Европе. Характеризуется расширением интереса к реальному миру, природе. Сооружения отличались общим стремлением архитектурных форм ввысь, просторными и высокими интерьерами под крестовыми сводами, наличием шпилей, башен, стрельчатых арок, порталов.

Грабарь (бел.) – землекоп.

Гравюра – печатный оттиск на бумаге (или сходном материале) с пластины («доски»), на которую нанесен рисунок.

Гридня – в древности большое помещение при княжеском дворце, где проживала гридь (младшая княжеская дружина), принимали гостей, устраивали торжественные приемы; жилая комната для челяди в усадебном доме или флигеле.

Гумнище – хозяйственный двор при усадьбе, фольварке, в котором размещались гумна, стодолы, клуни, токи, евни, осети, амбары, спихлеры, озероды и другие сооружения, предназначенные для сушки и обмолота снопов, хранения зерна, соломы, сена.

Гумно, к л у н я, т о к – хозяйственная постройка для обмолота снопов и хранения соломы, сена.

Декор – система украшения сооружения (фасада, интерьера) или изделия.

Дендрарий – коллекция древесных и кустарниковых растений. Обычно служит для проведения научных работ по их акклиматизации и интродукции.

Дентикулы (зубчики, сухарики) – ряд небольших декоративных прямоугольных выступов на карнизе в ионическом, коринфском и других ордерах.

Державца – временный владелец королевских имений из земян, плативших в королевскую казну «кварту» (четвертую часть) дохода от имений.

Десятина – мера земельной площади, равная 1,09 га; первоначально – квадрат со сторонами в 1/10 версты.

Детинец, д е д и н е ц – центральная часть усадьбы; укрепленный феодальный двор; укрепленная центральная часть древнего города.

Доминанта – главный по художественной выразительности, положению или семантической значимости элемент архитектурного и паркового ансамбля.

Доминиканцы – члены т.н. нищенствующего монашеского ордена (осн. в 1215 г.), организованного во Франции для борьбы с народным еретическим движением. С 1232 г. проводники инквизиции. В Беларуси наиболее активно действовали в период контрреформации. Основатели многочисленных монастырей и монастырских школ.

Дорический ордер – античный архитектурный ордер, отличающийся лаконичностью, строгостью и наиболее тяжелыми пропорциями.

Евня (бел.) – о в и н, с у ш и л к а, сооружение с курной печью для сушки снопов перед обмолотом (обычно в виде сруба внутри гумна).

Залобок – невысокий скос верхней части фронтона или щита двускатной крыши.

Засек – камера в клети для хранения муки, зерна, крупы.

Зверинец – большой огражденный участок около усадьбы, предназначенный для содержания зверей. Устраивался обычно в больших резиденциях; огороженная часть лесной пущи, в которой содержались звери, являющиеся предметом «господарских львов» (охоты).

Земянин – владелец небольшого надела земли, обязанный отбывать воинскую повинность.

Инвентари – описи владений феодалов, содержащие сведения о границах, составе, состоянии и доходах имений.

Интерьер – внутреннее пространство здания.

Интродуцент – новый в культуре региона вид растения, животного.

Ионический ордер – античный архитектурный ордер, более легкий по сравнению с дорическим, имеющий капитель с волютами.

Камер-юнкер – низшее придворное звание в царской России и в некоторых западноевропейских монархических государствах.

Каннелюры – вертикальные желобки на стволе колонны, пилястры.

Канцлер – руководитель Государственной канцелярии, хранитель большой государственной печати.

Капитель – верхняя, завершающая часть колонны, пилона или пилястры.

Каплица – небольшая христианская культовая постройка без помещения для алтаря.

Карниз – горизонтальный выступ на стене, поддерживающий крышу, защищающий стену от стекающей воды и имеющий также декоративное значение.

Каскад – система водопадов, архитектурно оформленная в виде уступов. Образуется обычно водоемами, расположенными на разных уровнях. Один из элементов террасных парков эпохи Возрождения.

Кессоны – небольшие симметрично расположенные углубления на поверхности потолка, свода, арки, имеющие конструктивное и декоративное значение.

Классицизм – художественный стиль и направление в европейском искусстве XVII – первой половины XIX в., обратившиеся к античности и античному искусству как к идеальному образцу. Отличается рационалистической четкостью форм, ясностью планировки, строгой уравновешенностью и пластической завершенностью композиции.

Клумба – группа деревьев на открытой поляне, сформированная в виде круга или овала. Введена в пейзажные парки в XVII в. известным английским паркостроителем Л. Броуном. С середины XIX в. клумбой стал называться цветник.

Клуня (литовское hluonas) – деревянная постройка для обмолота и хранения снопов, тип небольшого гумна.

Комора (бел.) – обычно неотапливаемое помещение возле жилой избы, светлицы, служившее кладовой, спальней, кабинетом.

Коморник – помощник *подкомория*. Измерял спорные земли, рассматривал мелкие дела.

Консоль – выступ в стене или укрепленная одним концом в стену балка, поддерживающая карниз, балкон, фигуру, вазу и др.

Контрфорс – поперечная стенка, вертикальный выступ, укрепляющий конструкцию.

Конюший – княжеский урядник, отвечавший за княжеские табуны и конюшни. В ВКЛ должность существовала до 1548 г. Позднее титул конюшего сохранялся как почетный (титулярный).

Коринфский ордер – третий наряду с *дорическим ордером* и *ионическим ордером* ордер античной архитектуры, самый изысканный по своим пропорциям с пышной капителью, украшенной стилизованными листьями аканта и завитками.

Кравчий (крайчий) – придворный чин, боярин, ведавший княжеским столом. Позднее – почетный титул.

Крипта – подземное или полуподземное помещение в храме для захоронений почетных.

Кулиса – группа деревьев или кустарников, ограничивающая вид на открытое пространство парка или окружающий ландшафт.

Курдонер – парадный полураскрытый двор перед зданием, который создается корпусом и боковыми крыльями (флигелями), реже колоннадой. Со стороны въезда отделяется сквозной оградой.

Ландшафтная архитектура – область архитектуры и градостроительства, предназначенная для рациональной организации открытых природных пространств с использованием малых архитектурных форм, средств благоустройства, озеленения в целях создания благоприятной среды для жизнедеятельности и отдыха людей.

Лесопарк – благоустроенный лесной массив, предназначенный для отдыха людей.

Лепнина – рельефные украшения на фасадах и интерьерах зданий.

Ловчий – княжеский урядник, ведавший княжескими лесами и охотой. С XVII в. сохранялся как почетный титул.

Локоть – мера длины, равная 46 см.

Люкарна – небольшой, декоративно оформленный оконный проем в системе перекрытия (крыша, купол).

Люстратор – составитель инвентаря.

Лямус – старинный тип хозяйственного сооружения, предназначенный для хранения пищевых продуктов, зерна, одежды, орудий труда, а также для жилья летом.

Мансарда – жилье или хозяйственное помещение на чердаке под крутой с изломом крышей, обогащающее силуэт здания. Конструкция разработана французским архитектором Ф. Мансаром в XVII в.

Маршалок – в ВКЛ должностной чин. Маршалок поветовый – предводитель шляхты в повете; маршалок дворный – распорядитель при великокняжеском или королевском дворе; маршалок земский – председатель на заседаниях сейма, совета.

Машикули – навесные бойницы, расположенные в верхних частях стен и башен крепостных сооружений. Позже элемент архитектурного декора.

Маштарня – сооружение (нередко блокированное с конюшней) для проживания конюхов, устройства небольших мастерских по ремонту экипажей.

Меандр – тип геометрического орнамента в виде узкой ломаной под прямым углом линии.

Мезонин – надстройка над центральной частью жилого дома.

Метопы – прямоугольные или квадратные каменные плиты между двумя триглифами во фризе дорического ордера.

Монументальное искусство – искусство, отличающееся значительным идейно-художественным содержанием, воплощенным в крупных, подчас грандиозных формах.

Морг – мера площади на Беларуси и Литве, равная примерно 0,71 га.

Нервюра – стрельчатая арка из тесаных камней или кирпича, укрепляющая ребро свода. Система нервюр образует каркас, облегчающий кладку свода.

Неф – продолговатая часть здания в виде галереи, ограниченная рядом колонн.

Обора (бел.), х л е в – хозяйственная постройка для содержания коров или комплекс построек, образующих замкнутую композицию с двором-денником в центре.

Одрина, п у н я, с е н н и ц а – хозяйственное сооружение для хранения необмолоченных снопов сена, соломы, сельскохозяйственного инвентаря.

Озерод – каркасная конструкция из вкопанных в землю столбов и горизонтально укрепленных на них жердей, на которых сушат сено, картофельную ботву.

Орден Белого Орла. Представляет собой изображение Белого орла на мальтийском кресте с бриллиантами. Учрежден в Речи Посполитой в разгар Северной войны (1705 г.).

Орден Почетного Легиона – звездообразный крест с медальоном, окружённым дубовым и лавровым венками. Учреждён Наполеоном в 1802 г.

Орден святого Станислава. Имеет форму восьмиугольной звезды. Учрежден в 1765 г. королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским за гражданские заслуги. Для получения ордена требовалось иметь как минимум четыре герба по линии отца и матери.

Орден Virtuti military (Военный крест) – крест черной эмали, на оборотной стороне герб ВКЛ – Погоня. Учрежден королем Станиславом Августом Понятовским в 1792 г. за военные заслуги.

Ордер – вид архитектурной композиции, состоящей из вертикальных (колонн, пилястр) и горизонтальных (антаблемент) частей в соответствующей архитектурно-стилевой обработке. Классическими являются дорический, ионический и коринфский ордеры.

Осеть – старинное хозяйственное сооружение с редким жердяным перекрытием для огневой сушки необмолоченных снопов.

Официна – флигель, жилое помещение для слуг.

Палладианское направление классицизма – характеризуется центрическим типом дворца. Его положения разработаны итальянским архитектором и теоретиком архитектуры А. Палладио.

Пандус – слегка наклоненная площадка, прямоугольная или криволинейная в плане, для подъезда к парадному входу в здание; переход из одной парковой террасы на другую.

Парапет – невысокая стенка, ограждающая террасы, набережные, лестницы, балконы.

Парафия – приход в католической церкви.

Партер – декоративная композиция на плоскости, решенная как открытое пространство с использованием газона, инертного материала, цветочных, формованных и кадочных растений, включающая водоемы, фонтаны, скульптуру. Неотъемлемый элемент наиболее парадных территорий (перед дворцом, домом) в усадебных ансамблях. Постепенно трансформировалась и приняла более простые формы.

Пергола – парковая беседка или коридор из трельяжей (легких решеток) на арках или столбах, увитых лианами.

Персиария (бел.) – мастерская или мануфактура по производству слуцких поясов, образцом для изготовления которых служили изделия с Востока.

Пилоны – массивные столбы, служащие опорой перекрытий, стоящие по сторонам входов, въездов.

Пилястра – плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения на поверхности стены, столба в виде колонны с капителью и базой.

Пинакль – декоративная башенка, столбик на контрфорсах, реже на волютах или фронтонах.

Повет (бел.) – административно-территориальная единица в ВКЛ. Статус повета официально очерчен в результате административно-территориальной реформы 1565—1566 гг.

Поветь, н а в е с – помещение на крестьянском дворе.

Погост – сельское кладбище.

Подкоморий – служебная должность в ВКЛ. Подкоморий придворный отвечал за состояние помещений великого князя, был его советником; подкоморий поветовый рассматривал земельные и другие споры между шляхтой в суде.

Подскарбий – высшее судебное лицо в ВКЛ, которое ведало казной («скарбом»).

Подсудок – заместитель земского судьи. Избирался шляхтой на поветовых сеймиках и утверждался королевским привилеем.

Поребрик – вид орнаментальной кирпичной кладки. Кирпичи ставятся на ребро или под углом к плоскости фасада, образуя фриз или пояс.

Портал – архитектурно оформленный вход в здание.

Порте-фенетр – большое (по высоте этажа) полуциркульное или стрельчатое окно, выводящее обычно на балкон или террасу.

Портик – колоннада, завершенная антаблементом с фронтоном или аттиком перед входом в здание.

Привилей – законодательный акт, которым в ВКЛ великие князья давали или подтверждали особые права сословию, классу, определенной социальной группе или личности.

Притвор – помещение перед входом в культовое сооружение.

«Прусский мур» (фахверк) – тип конструкции, основу которой составляет деревянный каркас, а пространство между его элементами заполняется кирпичом, глиной; обычно штукатурится и белится.

Псевдоготика – стилевое направление в европейской архитектуре XVIII – XIX вв., возрождавшее декоративные формы и мотивы средневековой готики.

Пуд – древняя мера веса, обычно равная 16,38 кг.

Пуня (бел.) – хозяйственное сооружение для сена и соломы.

Рабатка – цветник в виде узкой полосы вдоль аллеи, дорожки. Устраивается многорядной посадкой одного или нескольких видов растений.

Рекреация – зона в парке или в саду, предназначенная для различных видов отдыха.

Реликт – растение, сохранившееся до наших дней с прошлых геологических эпох.

Ризалит – выступающая из плоскости фасада часть здания по всей его высоте. Служит для выделения основных композиционных осей, например, главного входа, обогащая общую объмно-пространственную композицию.

Розетка – орнаментальный мотив в виде стилизованного распустившегося цветка.

Рокайль – мотив орнамента в виде стилизованной раковины.

Рококо – стилевое направление в искусстве первой половины XVIII в.; поздняя стадия барокко. Отличается мелкомасштабностью форм, изысканным декором, тяготением к иллюзорности.

Романтизм – идейно-художественное направление в европейской культуре конца XVIII – первой половины XIX в., выступающее против рационалистических догм классицизма, за творческую свободу зодчего. Отличалось поиском новых форм через освоение исторических стилей, рациональный материал, символику и декоративность. В садово-парковом искусстве выражалось в формировании идиллических сельских пейзажей, руин, готических парковых построек.

Ротонда – круглая в плане постройка (храм, павильон, каплица), обычно с колоннами по периметру.

Руст, р у с т о в к а – способ обработки камня или имитированного под камень облицовочного материала, при котором каждый блок выделяется периметральным кантом; имитация кладки с помощью глубоких борозд в штукатурке.

Сажень – мера длины, равная 2,13 м.

Сакристия – боковое помещение в католическом храме, около алтаря, где хранятся предметы культа.

Сандрик – карниз над дверным или оконным проемом.

Сейм – представительный, законодательный и контролирующий орган власти в ВКЛ и Речи Посполитой. Сейм вальный (общегосударственный) состоял из Сената и Посольской избы (палаты). В последнюю выбирались депутаты от поветов. Сейм заседал попеременно в Варшаве или Гродно. Его компетенцию составляли: избрание великого князя, дела войны и мира, взаимоотношения с другими странами, определение налогов, регулирование законодательства.

Секвестрование – наложение секвестра (запрещения или ограничения) государственной властью на пользование каким-либо имуществом (в случаях с участниками восстаний против царизма – на их усадьбы и имения).

Сигнатурка – небольшая башенка; башенка с малым колоколом.

Солитер – отдельно растущее дерево (кустарник), привлекающее внимание своим размером, формой кроны, окраской листвы, цветков.

Спижарня – комора в усадебном доме, кухонном флигеле, в которой хранили продовольственные припасы (обычно муку, крупу).

Спихлер – большой длинный амбар, обычно разделенный на несколько помещений, предназначенных для хранения зерна и сельскохозяйственных продуктов.

Староста – исполнитель предписаний действий власти. В своей административной деятельности (ввод во владения, учет доходов, их расходование, определение норм повинностей, контроль за правильным исполнением обязанностей населением и др.) руководствовался стариною, нарушение которой определялось как «кривда».

Староство – государственное имение, которое великий князь или король давал на временное пользование феодалам за службу. Четверть общего дохода («кварта») отдавалась содержателем имения в государственную казну.

Стодола – производственная постройка для обмолота и хранения снопов, родственная гумну.

Стольник – придворный урядник при великокняжеском дворе, смотревший за столом. Со временем название перешло в почетный чин.

Сырница – постройка решетчатой или плетневой конструкции для сушки и хранения сыров.

Терраса – горизонтальная или слегка наклоненная площадка, образующая уступ на склоне естественного или искусственного происхождения.

Тимпан – поле фронтона; ниша полуциркульного, треугольного или стрельчатого очертания над окном или дверью, обычно для размещения скульптуры, живописного изображения герба.

Топиарное искусство – искусство фигурной стрижки деревьев и кустарников.

Тосканский ордер – разновидность дорического ордера, отличающаяся отсутствием каннелюр на колонне и триглифов на фризе.

Трансепт – один или несколько поперечных нефов, придающих храму крестовую композицию и увеличивающих пространство интерьера перед алтарем и апсидой.

Трельяж – деревянная или металлическая решетка, играющая роль каркаса или опоры для вьющихся растений.

Трибунал Литовский – высший апелляционный суд в ВКЛ. Создан в 1581 г. Состоял из 46 депутатов, которые избирались на один год на поветовых сеймиках по два депутата от повета. Сессии Трибунала проходили дважды в год в Вильно, Новогрудке и Минске.

Триглиф – элемент дорического фриза в виде слабо выступающих прямоугольных каменных плит с несколькими желобками, чередующихся с метопами.

Тургайская флора – флора третичного периода, богатая по составу, включающая теплолюбивые, в основном листопадные древесные растения.

Тяга – горизонтальный профилированный выступ на стене.

Фиал – чаша, фигурный шпиль; венчание пинаклей, щипцов, контрфорсов в виде остроконечной каменной пирамидки.

Фигарня – тип оранжереи для субтропических растений.

Филенка – квадратное или прямоугольное поле стены, пилястры, двери, обведенное гладкой или декорированной рамкой.

Фитоценоз (растительное сообщество) – совокупность видов растений на однородном участке с определенным видовым составом, строением и сложением, находящихся в сложных отношениях между собой и со средой.

Фриз – средняя часть антаблемента в архитектурных ордерах; декоративная композиция в виде горизонтальной полосы, каймы в верхней части здания (на паркете или ковре).

Фронтон – верхняя часть фасада здания, ограниченная двумя скатами крыши и карнизом.

Хоругва – боевая основная единица, насчитывающая от 100 до 300 человек.

Хоругвь – знамя; каждый владелец имения выставлял в войско определенное число коней (воинов), которые шли под его собственной хоругвью с родовым гербом. Позже такую хоругвь в торжественных случаях поднимали над домом владельца усадьбы.

Хорунжий – почетный титул в ВКЛ с XVI в.; знаменосец полкового знамени (хорунжий поветовый), общевойскового знамени (хорунжий дворный); офицер, командующий *хоругвой*.

Шпалера – ряд густо посаженных деревьев или кустарников, сформированных в виде зеленой стены. Опорой служит сетка или натянутая проволока.

Штамб – часть ствола или кустарника от корневой шейки до первого разветвления.

Шула (бел.) – опорный с пазами столб в строении или ограде.

Экзот – растение, выращиваемое в районах, где оно в естественных условиях не встречается.

Эклектика – сочетание в архитектуре и искусстве разнородных художественных элементов.

Экседра – полукруглая ниша большого размера или полукруглый павильон.

Эркер – часть внутреннего объема здания, вынесенная за пределы его наружных стен и выступающая на фасаде в виде застекленного выступа.

Содержание

Научно-популярное издание

ФЕДОРУК Анатолий Тарасович

СТАРИННЫЕ УСАДЬБЫ БЕРЕСТЕЙЩИНЫ

Ответственный за выпуск *А.Н.Малей*

Литературные редакторы: *Т.В.Люкович, Е.П.Фещенко*

Художественный редактор *В.М.Жук*

Технические редакторы: *М.И.Гриневич, Н.М.Шевель*

Компьютерная верстка: *В.М.Жук, А.Л.Шелкановцева*

Корректор *В.Н.Чудакова*

В книге использованы фотографии *А.Т.Федорука*

Подписано в печать 18.10.2006. Формат 70×90 $^1/_8$. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 82,24. Усл. кр.-отт. 338,17. Уч.-изд. л. 60,59.
Тираж 1500 экз. Заказ 3040.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларуская Энцыклапедыя»
имени Петруся Бровки» Министерства информации Республики Беларусь.
ЛИ № 02330/0056830 ад 02.03.2004 г. Республика Беларусь.
220072, Минск, ул. Академическая, 15а.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика в Открытом акционерном обществе
«Полиграфкомбинат имени Я.Коласа». Республика Беларусь. 220600, Минск, Красная, 23.

Федорук, А.Т.

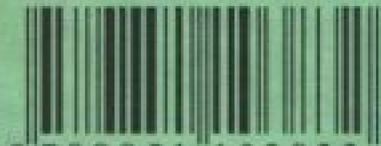
Ф 33 Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т.Федорук; ред. Т.Г.Мартыненко. — 2-е изд. — Минск : БелЭн, 2006. — 576 с.: ил.

ISBN 985-11-0383-7.

Книга посвящена усадебному зодчеству Берестейщины. В ней анализируются история формирования и особенности планировочного решения усадеб, приводится характеристика архитектурных сооружений, усадебных парков, водных систем, их ценность и современное состояние. Развитие усадеб показано во взаимодействии с жизнью и деятельностью исторических родов Сапег, Пусловских, Потоцких, Ордов, Друцких-Любецких и др. Наряду с крупнейшими дворцово-парковыми ансамблями (в Ружанах и Коссове, Полонечке и Своятичах) показаны малоизвестные или совсем забытые. Книга содержит богатый иллюстративный материал.

Рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся культурно-историческим наследием Беларуси.

УДК [72 8.83 + 712] (476.7) (091)
ББК 85.11. (4 Беи)


ISBN 985-11-0383-7
9789851 103832